

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М.Б. Свердлов

М.В. ЛОМОНОСОВ
и становление
исторической науки
в РОССИИ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011

УДК 001(091)
ББК 72.3+63.3(2)
С24

*Монография утверждена к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского Института истории РАН*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского Научного центра РАН*

Рецензенты:
к.и.н. *В.Г. Вовина-Лебедева*;
к.и.н. *Т.Г. Фруменкова*

Свердлов М.Б.
С24 М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. — СПб. :
Нестор-История», 2011. — 916 с.

ISBN 9-785-98187-866-4

Монография посвящена одной из сложнейших историографических проблем — изучению основных тенденций в накоплении и изложении знаний об истории России в русских позднесредневековых произведениях и западной «Россики» XV–XVII вв. Анализируются становление исторической науки в России первой половины — середины XVIII в., новое и традиционное в истории ее идей, труды западной «Россики» этого периода. В таком контексте исследованы труды М.В. Ломоносова, посвященные истории России. История исторических идей изучена с учетом воздействия на них общественно-политической жизни России, философских и политических теорий. Системно-структурный анализ позволил во многом по-новому установить, что, как и почему написали о российской истории М. В. Ломоносов, а также другие авторы того времени.

УДК 001(091)
ББК 72.3+63.3(2)

*В оформлении обложки использован фрагмент
гравюры М.И. Махаева (1753 г.)*

ISBN 9-785-98187-866-4

© М.Б. Свердлов, 2011
© Издательство «Нестор-История», 2011

Оглавление

Введение	5
1. Наука история.....	5
2. Изучение творчества Ломоносова-историка	10
Глава I. Исторические знания в России XVI–XVII вв.	33
1. Историческое развитие средневековой России и его европейский контекст.....	33
2. Россия середины — второй половины XVII в.: средневековая традиция и необходимость новаций.....	42
3. Средневековые русские историко-литературные произведения XVI–XVII вв.	59
4. Польская и австро-немецкая «Россика» XV–XVII вв. о начале Руси.....	65
5. Российские исторические сочинения второй половины XVII в.: от Средних веков к Новому времени.....	85
6. Начало формирования новой общественной среды в 1689–1699 гг.	117
7. Исторические сочинения начала Петровского царствования.....	128
Глава II. Формирование новой интеллектуальной среды и становление русской исторической науки	146
1. Преобразования Петра Великого и формирование новой интеллектуальной среды.....	146
2. Петр Великий и формирование россиянина Нового времени	189
3. Петр Великий и становление русской исторической науки	200
4. Российская историография в Петровскую эпоху.....	216
5. «Россика» Петровского времени.....	245
Глава III. Российская действительность 1725–1742 гг. и М. В. Ломоносов	280
1. Российская действительность и Петербургская Академия наук.....	280
2. Юность М.В. Ломоносова и историческое наследие	301
3. Страсть к учению. Москва: 1731–1735 гг.	321
4. Подготовка к научной деятельности. Петербург — Марбург — Фрейберг: 1736–1741 гг.	333
5. Политическое положение в России 1740–1742 гг. и М.В. Ломоносов.....	357
Глава IV. Российская историческая наука во второй четверти XVIII в.	381
1. М.В. Ломоносов и новые организационные начала Академии; политический контекст и историческая наука.....	381
2. Российская историография второй четверти XVIII в.	392
3. Контекст «Россики»	436

Глава V. Василий Никитич Татищев — историк	439
1. Жизнь и творчество	439
2. Первая редакция «Истории Российской»	476
3. Редактирование «Истории Российской» в 1748 — первой половине 1750 г.	498
Глава VI. Начало исторических исследований М.В. Ломоносова	521
1. Дискуссии 1747–1748 гг.	521
2. Обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера в 1749–1750 гг.	548
3. Новые методы Ф.М. Вольтера в «Росси́ке» конца 1740-х гг.	589
4. Начало работы М.В. Ломоносова над «Российской историей»	595
Глава VII. Творческая лаборатория М.В. Ломоносова	604
1. Пометы М.В. Ломоносова в русских источниках и «Истории Российской» В.Н. Татищева	604
2. Пометы М.В. Ломоносова в публикациях иностранных источников и исторической литературе	656
Глава VIII. Авторская работа М.В. Ломоносова над «Российской историей»	670
1. Концепция русской истории в «Слове похвальном» Петру Великому	671
2. Обстоятельства политические и авторские в 1755–1757 гг.	676
3. М.В. Ломоносов и подготовка материалов для «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера	680
4. М.В. Ломоносов и обсуждение «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера	697
5. Концепция Ф.М. Вольтера в «Истории Российской империи при Петре Великом»	701
6. «Краткий Российский летописец» М.В. Ломоносова	707
7. Общественно-политические и академические обстоятельства редактирования М.В. Ломоносовым первого тома «Российской истории»	714
Глава IX. Идеи и исторические факты в «Древней Российской истории» и «Кратком Российском летописце»	740
1. Периодизация и древнейшее прошлое	740
2. Русско-византийские договоры первой половины X в.	760
3. От Игоря Рюриковича до Ярослава Мудрого: Русь периода единства	776
4. Краткий обзор политической истории: от «многих смятений» до Петра Великого	803
5. Издание Радзивилловской летописи: М.В. Ломоносов, И.С. Барков или И.И. Тауберт	812
Заключение	822
Литература	834
Список сокращений	868
Именной указатель	870

Введение

1. Наука история

История — такая же сложная наука, как и все прочие. Ее сущность, как и других наук, — познание действительности, в данном случае исторической. У истории есть свой объект изучения — человеческое общество в прошлом, а также свои многочисленные методы исследования. Впрочем, есть и существенные отличия истории, в частности, от естественных наук. В физике, химии и других естественных науках процесс познания совершается, преимущественно, в изучении от известного, определенных данных, к неизвестному посредством опыта. Критерием истинного является в них эксперимент. Историк, напротив, знает из информации исторических источников, чаще всего, следствия, сведения о произошедших событиях, а их причины и процессы, которые приводят к таким следствиям, ему предстоит изучить. К тому же в истории невозможен эксперимент. Нельзя повторить в виде эксперимента и одновременно анализировать современными методами, например, Великую французскую революцию, Первую или Вторую мировую войну, учитывая к тому же бесчисленные объективные и субъективные факторы, начиная от состояния экономики и кончая талантом или бездарностью политических и военных деятелей.

Вследствие таких особенностей познания исторической действительности историки все более вводят в научный оборот все виды источников исторических сведений. Все более усложняются и совершенствуются методы источниковедческого анализа, позволяющего установить степень достоверности исторических источников, раскрыть содержащуюся в них явную и скрытую информацию. Историки анализируют все большее число исторических фактов, все более глубоко раскрывают их содержание, их диалектическое взаимодействие с другими фактами. Их изучение позволяет раскрыть сущность процессов, которые являются причинами произошедших событий.

Истории, как и естественным наукам, свойственны доказательства на основании комплексного использования всех исторических источников,

их источниковедческого анализа, а также исторических фактов. Эти доказательства обосновывают выводы. Если такого исследовательского процесса нет, то в истории, как и в других науках, мнения об исторических фактах являются субъективными суждениями, а сочинения на такие темы — литературой исторического содержания.

В отличие от естественных наук, на историю, изучающую человеческое общество в прошлом, постоянно воздействует само это общество, разделенное различающимися интересами социальных групп и индивидуумов. На историков воздействуют конкретные социально-экономические и политические обстоятельства, общественно-политические идеи, философские концепции, анализирующие наиболее общие законы природы и общества, а также обыденное сознание социальной среды, которая стремится опустить науку историю до своего уровня восприятия и выражения вследствие мнимой легкости ее понимания.

Разрозненности исторических сведений и субъективности в их интерпретации историки противопоставляют системно-структурный метод, который позволяет установить во взаимосвязи не только факты, но также факторы экономической, социальной, политической действительности и духовной деятельности. Дополнительным критерием объективности является изучение таким образом изученной общественной системы в развитии, т. е. совмещение синхронного анализа с диахронным.

На данном уровне синхронного и диахронного изучения исторических процессов дополнительное значение приобрели в XX в. такие методы, как генетический, сравнительно-исторический, моделирование и типология, психологический, анализирующий разные формы коллективной и индивидуальной психологии, методы количественные и качественные, статистический, демографический, географический, контент-анализ. Развились также культурологический и цивилизационный методы исторического анализа. В них наряду с теориями органического развития приобрели значение идеи культурного взаимодействия народов и государств.

Все эти методы позволяют ответить на вопрос, что есть истина в исторической науке. Ответ на него уже давно дал гениальный философ Г.В.Ф. Гегель: это — приближение к познанию сущности изучаемых явлений. Средство определения степени приближения к познанию исторической действительности, в частности, — научные дискуссии и коллективный исследовательский опыт.

Особое значение в современном исследовании приобрела историография. Историческая наука Нового времени существует более трехсот лет. В ней накоплен огромный аналитический опыт в изучении общих проблем и частных вопросов исторических явлений. Изучение историографии как исследовательского процесса позволяет существенно расширить возможности анализа исторических фактов.

Значительный вклад в становление и развитие исторической науки в XVIII–XX вв. внесли все концепции философии. Но во второй половине XX в. особое значение в общественных науках и культуре приобрел постмодернизм. Он отрицает временную и пространственную определенность, абсолютизирует относительность характеристик. Приближение к познанию сущности факта заменено в постмодернизме свободой мнения о факте без необходимых доказательств.

В общественных науках также распространилось постмодернистское направление, а с ним — отрицание объективных характеристик явлений и процессов.

В постмодернистской историографии особое значение приобрели работы Хейдена Уайта. Исходя из того, что у истории и литературы один объект изучения — человеческое общество, он перенес методы литературы на историю исторических идей. Уайт не учел качественных отличий методов научного познания в истории от литературы, которая познает действительность в художественных образах. Он подменил свойственное историческому изучению приближение к познанию объективной исторической действительности абсолютизацией релятивизма исторического знания. Впрочем, особое внимание Уайта к литературной составляющей в историческом исследовании содержит конструктивные начала для изучения истории исторических идей не только в XVIII в., когда происходил процесс становления исторической науки Нового времени, но также новейшего периода, когда в эпоху постмодерна происходят процессы размывания в исторической науке исследовательских принципов. Вместе с тем, работы самого Уайта и его последователей обратили внимание на возможность в исторических разысканиях литературного начала [White H. 1974; см. также: Уайт Х. 2002].

Авторский подход Х. Уайта был подвергнут критике. В частности, Г.Г. Иггерс противопоставил ему изучение истории в XVIII в. как времени создания новых методов объяснения истории и новых способов ее написания. В то же время Иггерс отметил присутствие в исторических трудах того времени литературной составляющей [Iggers G. 1994; Иггерс Г.Г. 2001]. Под влиянием этой критики Уайт откорректировал свою позицию. По его словам, «характеризовать исторический нарратив как “вымысел” было ошибочным или скорее поспешным, поскольку в практике историописания после XIX в., свойственной западной культуре, воплощалось убеждение, что ее дискурс доступен, по меньшей мере, негативному определению, а именно отличается от “художественного вымысла”, и что этот последний следует понимать как дискурс, обращенный к “воображаемым” (возможным), а не “реальным” (существующим или воссоздаваемым) предметам». Но и в этой последней редакции своей теории Уайт, уже не подменяя исторический нарратив литературным, оставил значительное место литературной составляющей в историческом повествовании. По его мнению, «вне подобного подхода, без понятийного

осмысления литературных элементов, вторгающихся во всякий письменный текст, который предполагает реальные события в нарративной форме, кажется невозможным оценить тот факт, что историческое сочинение в своем существе (а не случайных обстоятельствах) выглядит “образным”, даже если имеет в виду говорить “буквально”» [*Uyit* X. 2001. С. 159].

Впрочем, вне поля критики Х. Уайт остался верен принципам постмодернизма. Он продолжает исходить из ошибочной посылки, в соответствии с которой «имела место неудавшаяся попытка профессиональных историков нашего времени сделать из исторических исследований науку». Поэтому Уайт пришел к выводу, по-прежнему подменяющему историческое исследование литературным нарративом: «Имеющее сегодня место “возвращение к повествованию” свидетельствует о признании историками того, что для достижения собственно историологического (historiological) понимания исторического феномена требуется писать скорее “литературно”, чем “научно”. Это означает возвращение к метафоре, фигурации и построению сюжета, отказ от буквальности, концептуализации и доказательства как компонентов собственно историографического дискурса» [*Uyit* X. 2002. С. 10].

Отсюда — размывание Х. Уайтом и его последователями качественных различий между историческим фактом и вымыслом, между научным исследованием и литературным повествованием на историческую тему. Отсюда же априорное признание равенства множественных объяснений, поскольку в них якобы отсутствуют критерии объективности. Наука история характеризуется ими как мифология. По их мнению, «прошлое, кроме всего прочего, есть территория фантазии», «каждый, кто пишет нарративы, фантазирует», а «события истории невоспроизводимы в дефинициях», «все истории сконструированы», «истина перестала быть отношением и превратилась в суждение», «истина — это то, что правдоподобно и убедительно для универсальной аудитории», «исторический нарратив лучше всего может быть понят в перспективе литературной теории, и это, конечно, предполагает восстановление дружеских отношений между историописанием и романом», «только история остается единственной дисциплиной, стоически сопротивляющейся всем попыткам оснастить ее теорией», «она — единственная дисциплина, являющаяся больше “ремеслом”, чем научной дисциплиной», «исторический роман может снабжать нас точно такой же информацией о прошлом, как и история» [см.: *Доманска* Э. 2010. С. 29, 32, 41, 62, 126, 129; мнения Х. Уайта, Х. Кёллнера, Ф. Анкерсмита, Э. Доманской].

Между тем, существует параллельная бесчисленная литература исторического содержания, в которой, действительно, определяющее значение приобрели те литературные принципы, которые отметил Х. Уайт, но ошибочно отнес их к исторической науке: метафора — «изменение значения слова на основании сходства» (В.М. Жирмунский), метонимия — замена смежных понятий, синекдоха — название частного вместо общего, а также эмоциональное выраже-

ние осуждения, иронии и восторга. В таких работах отсутствуют сложнейший в своем содержании анализ исторических источников, их информации, выявление и изучение максимально возможного количества исторических фактов в их структуре и взаимных связях, концептуализация исторических обобщений и доказательства как обязательного свойства научного исследования.

Для постмодернистских разысканий все виды обращения к исторической действительности — равнозначные «версии», а конкретные в своих материалах, идеях и методах научные исследования, как написал Х. Уайт, лишь некие тексты, «языковые узусы», «вербальные структуры нарративного прозаического дискурса». Такие критерии лишают исторические разыскания объективного научного знания.

Эти суждения не имеют отношения к научным историческим исследованиям. Они в полной мере относятся к бесчисленным сочинениям на исторические сюжеты, которые не следуют принципам научного исторического изучения. Такие работы без источниковедческого и историографического анализа, применения множественных методов исторического исследования и доказательств являются, по нашему мнению, литературой исторического содержания.

Под влиянием постмодернизма в новейших исторических разысканиях широко распространилось использование слова «реконструкция». В научном содержании «реконструкция» — «восстановление по сохранившимся остаткам или описаниям». Между тем, многие авторы сейчас не исследуют, а «реконструируют» многочисленные исторические факты и процессы, «впечатления», «образ ученого» и т. д. Такие «реконструкции» — не только следствие некорректного использования научного термина. Они избавляют авторов от необходимости профессионального использования всех составляющих научного анализа как исследовательского процесса.

Трансформированным следствием влияния постмодернизма стали распространяющиеся в новейшей историографии уничижительные характеристики неугодных теорий или конкретных наблюдений в предшествующей и современной исторической литературе как «мифа» вместо анализа их происхождения, конкретного содержания, определения их места и значения в истории исторической науки. Такие характеристики предшествующих научных направлений и идей мифологизируют историографию как историческую дисциплину, изучающую исследовательские процессы.

Для историков-профессионалов таких вопросов не существует. Они знают, что у истории как науки есть свой объект и свои методы исследования.

Таким образом, в новейшей литературе отмечаются три направления в понимании истории. Одно из них, основное, свойственно историкам-профессионалам. Они относятся к истории как науке, которой свойственны разные исследовательские направления, на идеи которой воздействуют общественная среда, политические факторы и философские концепции.

Другое направление свойственно историографам, которые, отмечая существенные различия в интерпретации основного содержания исторического процесса, отказывают истории в объективном знании, свойственном науке, и характеризуют ее как искусство или литературу. Данное направление объективно продолжило агностицизм, абсолютизацию релятивизма в философии, отрицающие возможности познания объективно существующего мира, признающие лишь отдельные факты и субъективные впечатления о них.

Третье направление сохранило понимание истории как науки, но пытается «модернизировать» историографический анализ, допуская литературные составляющие исторического изложения. Между тем, такой компромисс не учитывает постоянное воздействие на историческое знание внеучных факторов, а признание литературных составляющих в научном исследовании предполагает их ненаучное происхождение, разрушающее научное содержание исторического исследования.

Таким образом, история как наука о человеческом обществе в прошлом постоянно развивается. Совершенствуются ее традиционные исследовательские методы, усложняются новые методики, расширяется поле исследований. Все эти изменения способствуют прогрессу исторической науки, углублению возможностей изучения исторических фактов, процессов, познания скрытых закономерностей развития человеческого общества.

2. Изучение творчества Ломоносова-историка

Историческая эпоха создает выдающиеся личности, тогда как эти личности придают своей эпохе присущее ей своеобразие. К таким личностям относится М.В. Ломоносов. Видимо, А.С. Пушкин наиболее точно выразил его особое значение в эпоху распространения Просвещения в России XVIII в., что не отрицало деятельности других сторонников российского Просвещения: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» [Пушкин А.С. 1964а. С. 277].

Люди талантливые и, тем более, гениальные не только осознанно и неосознанно усваивают накопленный исторический опыт своей страны. Они намечают для нее новые цели и пути к ним. И вновь А.С. Пушкин, вероятно, наиболее точно обозначил новаторское содержание творчества М.В. Ломоносова, называя его «великим сподвижником великого Петра», раскрывая тем самым направленность его преобразующей созидательной деятельности. Показательно, что, перечисляя разные виды проявления гения Ломоносова, на первом месте Пушкин назвал его творчество как историка: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов об-

нял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает машины, дарит художества мозаическими произведениями и, наконец, открывает нам истинные источники нашего поэтического языка» [Пушкин А.С. 1964б. С. 28–29].

Биографии М.В. Ломоносова, его трудам, в частности, как историка посвящено бесчисленное множество работ, изданных в России и в других странах. Здесь и далее рассмотрены те из них, которые характеризуют определенные направления в научном изучении разысканий Ломоносова-историка.

Уже почитатель Ф.М. Вольтера и энциклопедистов А.П. Шувалов, сын П.И. Шувалова, одного из главных деятелей елизаветинского царствования, и племянник И.И. Шувалова, фаворита императрицы Елизаветы Петровны, в прозаическом предисловии к «Оде на смерть господина Ломоносова, члена Академии наук в С.-Петербурге», написанной вскоре после смерти великого ученого, отметил его труды как историка. В надписи, составленной академиком Я.Я. Штелиным для надгробного памятника М.В. Ломоносову, воздвигнутого другим выдающимся политическим деятелем елизаветинского царствования М.И. Воронцовым, указано, в частности, его посвящение «знатным упражнением отечеству служившему красноречия, стихотворства и истории российской учителю». В статье о Ломоносове, помещенной в изданном в 1772 г. выдающимся просветителем Н.И. Новиковым «Опыте исторического словаря о российских писателях», наряду с многочисленными, в том числе литературными достижениями названы его основные исторические произведения — «Краткий Российский летописец» и первая книга «Древней Российской истории» [Бабкин Д.С. 1946. С. 49, 52, 54; Павлова Г.Е. 1962. С. 23, 30, 32].

Для историков второй половины XVIII — первой четверти XIX в. труды М.В. Ломоносова, посвященные российской истории, являлись фактами современной им исторической науки. Под их влиянием современник и оппонент Ломоносова Г.Ф. Миллер изменил некоторые из своих суждений [см.: Гофман П. 1961. С. 207–211]. Создатель выдающегося труда «История государства Российского» Н.М. Карамзин считал Ломоносова «великим Историком». С некоторыми его наблюдениями он соглашался, против других возражал. Особое внимание Карамзина привлекла дискуссия о происхождении этнонимов *русы* — *росы*. Проанализировав аргументы обеих сторон этого обсуждения, он поддержал мнение Миллера, а не Ломоносова, не придавая значения национальной принадлежности его участников и рассматривая эту дискуссию как составную часть исследовательского процесса. Карамзин, видимо, первым отметил влияние Степенной книги и польских историков

XVI в. Я. Длугоша, М. Кромера и М. Стрыйковского на формирование мнения Ломоносова о дискутируемой проблеме.

Работая над первыми томами своего труда в 1803–1811 гг. во время либеральных реформ Александра I, Н.М. Карамзин выразил недоумение по поводу «гонения», которое Г.Ф. Миллер «претерпел» за высказанное им в 1749 г. мнение о скандинавском происхождении варягов-руси. Являясь страстным патриотом России, осознанно занимая консервативную общественно-политическую позицию, противоположную проектам либеральных реформ разночинца М.М. Сперанского и тем более декабристов, он, столбовой дворянин, писал: «Но если мы захотим соображать Историю с пользою народного тщеславия, то она утратит главное свое достоинство, истину, и будет скучным романом» [*Карамзин Н.М.* 1989. Т. 1. С. 254, примеч. 303, С. 213–214, примеч. 105, 106, С. 216–218, примеч. 111, 113]. Таким образом, Карамзин, замечательный историк и литератор, не только показал особую значимость М.В. Ломоносова как историка, обоснованность и дискуссионность его наблюдений над российской историей, но также наметил сложнейшие для изучения проблемы связи исторического исследования с общественно-политическими идеями своего времени и возможность превращения исторического исследования в литературное произведение.

Такой подход к изучению творческого наследия Ломоносова-историка создавал условия для его аналитической характеристики, в которой определяющим становилось не только то, *что* написано, но и *почему* так написано.

М.В. Ломоносов всегда являлся символом неограниченных творческих возможностей русского народа, его гения. Поэтому в борьбе общественно-политических идей, все более обострявшейся в XIX в., каждая из противоборствующих сторон стремилась привлечь имя Ломоносова, его поэтическое и научное наследие, в частности как историка, в свой стан. Для консервативного режима императора Николая I Ломоносов являлся символом преданного служения царской власти. При этом вместо реального человека и ученого создавался некий абстрактный идеальный образ. С другой стороны, отношение к нему стало снисходительным, как к «профессору химии», человеку, который «имел гениальное призвание собственно к обработке естественных наук», но занялся российской историей. Отсюда обобщающая характеристика А.В. Старчевского: «Взяв в рассмотрение все эти обстоятельства, не удивимся незначительности заслуг Ломоносова на поприще русской науки» [*Зиновьев А.* 1827. С. 36; *Старчевский А.* 1845. С. 142–143].

Большое значение для изучения жизни и творчества М.В. Ломоносова имела столетняя годовщина безвременной кончины гениального ученого. Юбилейные торжества происходили в 1860-е гг. — в период либеральных реформ, столь необходимых для экономического, социального и политического развития России. Хотя николаевский цензурный устав 1828 г. с определенными ограничениями продолжал действовать, авторы могли публиковать те

материалы, которые ранее издавать было невозможно. Такая относительная свобода печати и научного творчества благотворно сказалась на изучении биографии и научного наследия Ломоносова.

В 60-е гг. А.А. Куником и П.С. Билярским были подготовлены и изданы многочисленные архивные материалы, необходимые для исследования биографии, научного и поэтического творчества М.В. Ломоносова [*Куник А.* 1865. Ч. 1, 2; *Билярский П.С.* 1865]. П.П. Пекарский написал и опубликовал основанные на многочисленных исторических источниках исследования, посвященные изучению образования, научных знаний и литературы в России XVII в. и в Петровский период, а также истории Санкт-Петербургской императорской Академии наук до 1767 г. [*Пекарский П.П.* 1862а; 1870; 1873]. Пекарский — автор первой научной биографии Ломоносова [*Пекарский П.П.* 1873. С. 259–963]. Эти публикации сохранили научное значение до нашего времени, поскольку они ввели в научный оборот многочисленные источники материалы. Впрочем, Пекарский, либерально настроенный ученый, который публиковал свои статьи в «Современнике» и «Отечественных записках», обратил особое внимание лишь на внешнюю канву событий — на дискуссии Ломоносова с административным руководством Академии, с историками-немцами и русскими литераторами.

Такой подход к изучению творчества М.В. Ломоносова не удовлетворял в 60-е гг. XIX в. ученых и общественных деятелей, стремившихся раскрыть идейное содержание его работ в условиях еще сохранявшихся в стране либеральных порядков. В этих условиях значительных изменений в обществе и государстве народ, земство, самоуправление приобретали для историков и общественных деятелей значение особых начал российской истории, полностью подавленных государственным строем унитарной Российской империи. Так что столетняя годовщина Ломоносова, олицетворения народного гения, стала поводом для нового осмысления в контексте либеральных реформ его биографии и творчества. Активное отношение к общественной жизни осуществилось, в частности, в ревизии исторических идеалов прошлого в соответствии с нормами новейшей действительности. Либеральной формой оппозиции старым порядкам являлось тогда славянофильство.

Еще в 30–40-е гг. XIX в. славянофилы разработали концепцию, в соответствии с которой Земля, основанная на системе самоуправляющихся общин во главе с православным царем, была противоположна Государству. Народной свободе противостояло государственное насилие. В соответствии со славянофильской теорией «народный дух» православной России и славян был противоположен в своем содержании католическому и протестантскому Западу, а историческое развитие России осуществлялось принципиально отлично от западного. Поэтому славянофилы решительно осуждали Петра I и его преобразования, которые, по их мнению, лишили Россию ее истинного содержания. В контексте таких идей уже традиционная для русской

исторической литературы тема «Петр Великий и Ломоносов» в условиях либеральных реформ Александра II стала осмысляться по-новому.

По мнению выдающегося филолога и славянофила О.Ф. Миллера, петровские преобразования нанесли М.В. Ломоносову значительный ущерб. Он считал, что у Ломоносова, прошедшего курс обучения на Западе, профессора Петербургской Академии наук, ученого корреспондента великого Л. Эйлера, «прежние связи» с народом «неминуемо прервались». Рожденный в среде свободного крестьянства, он не «перенес» «ко двору императрицы Елизаветы некоторые предания этой свободы». Восхваляя Петра Великого, Ломоносов принял и те его законы, которые завершили закрепощение крестьян, да и сам он на своей фабрике использовал труд крепостных.

Для критики М.В. Ломоносова О.Ф. Миллер использовал также исторические материалы. В соответствии со своими общественно-политическими взглядами он являлся приверженцем общинно-вечевой и земско-вечевой теорий общественного строя Древней Руси, сформулированных В.И. Сергеевичем и Н.И. Костомаровым в контексте либеральных реформ 60-х гг. Эти теории должны были показать российской общественности, что в Древней Руси существовал строй вечевых городов с правами всеобщего общинного или земского самоуправления. Эти города находились в договорных отношениях с князьями и их дружинами, оплачивая исполнение ими военных и административных функций. Такие теории становились историко-идеологическим обоснованием требований в России для либералов — конституционной монархии, для социалистов народников — программы утверждения общества социального равенства, справедливости и общинного самоуправления [Свердлов М.Б. 1996а. С. 91, 99–133]. С этих позиций Миллер критиковал Ломоносова, его оды и их стилистику за то, что он «оторвался» «от своего мужицкого круга»: «Ломоносов был принужден совершенно свободную речь, свободное обращение с князем наших старых богатырей променять, не задумавшись, на раблепные формы придворного одописания с его надутой обстановкой из классической мифологии». Миллер осуждал Петра за то, что он «поторопился» с реформами, начиная с создания флота, а Ломоносова — за то, что он «спешил» ввести в России литературные жанры, свойственные классицизму — художественному стилю того времени, не придавая значения народным песням. В этом О.Ф. Миллер противопоставил Ломоносова-немца Ломоносову-славянину.

В отличие от многих других славянофилов и консерваторов О.Ф. Миллер понял обоснованность мысли великого русского историка С.М. Соловьева, который писал о том, что Петр осуществил те реформы, которые объективно созрели в предшествующий период, что они выражали объективную потребность народа, а не одного Петра. Но М.В. Ломоносова Миллер осудил за то, что он «готов был благословлять государственную руку преобразователя, как бы она ни оказывалась тяжелою для подталкиваемого ею народа».

С таких позиций О.Ф. Миллер характеризовал труды М.В. Ломоносова, посвященные русской истории. С неодобрением формулировал он изложение Ломоносовым начальной русской истории с особым вниманием к «развитию государственного начала», характеристики князей Владимира и Ярослава как «великих самодержцев», а также «необузданной вольности» новгородцев. Миллера не удовлетворяли стремление Ломоносова оправдать мщение Ольги древлянам «в государственных целях», его невнимание к «замечательным особенностям» «древнего славянского быта» и отсутствие «сочувствия» к «самоуправлению народному».

С особым чувством человека — современника освобождения миллионов крестьян от гнета крепостного права, появляющихся государственных и социальных институтов современного общества, О.Ф. Миллер отказывался разделять «патриотическое увлечение» императрицей Елизаветой Петровной, которая раздала лейб-компанцам за помощь в ее восшествии на престол 14 000 «душ крестьян», и тем более соглашаться со словами посвященной ей ломоносовской оды: «Пусть мнимая других свобода угнетает, / Нас рабство под твоей державой возвышает». В условиях подцензурной печати Миллер характеризовал эти слова как проявление «государственного идеализма», напоминая о продолжении в ее царствование действий «застенки», сбора высоких пошлин и податей, жестоких приговоров.

Как государственную службу О.Ф. Миллер характеризовал деятельность Ломоносова-ученого и «академического цензора», оберегавшего «государственную честь России», в частности, в его отношениях с Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлёцером. В последней связи он напомнил, что Петр не велел «выкидывать из переводных книг неблагоприятные отзывы о России».

О.Ф. Миллер выражал в своей статье не только критические замечания по отношению к деятельности Петра Великого и М.В. Ломоносова. В соответствии с идеалами славянофильства и практикой либеральных реформ в России новейшего времени он написал о близости Петра к народу. Правда, в этой близости он увидел «домашнюю обаятельную простоту древнеславянского земского князя», принадлежность к «народной стихии», которой восхищался поэт и ученый Ломоносов, также составлявший часть этой «стихии». Принадлежностью к ней Миллер объяснял пожелания Ломоносова в одах, посвященных власти предрежащим, справедливости и соблюдения законов, исправления пороков «подданных» «ученьем, милостью, трудом», соединение «правды» со «щедростью», соблюдение «народной льготы», т. е. облегчения народной жизни. В этих пожеланиях Миллер видел преодоление Ломоносовым «исключительно государственной точки зрения» и его приближение «к точке зрения народной».

Стремясь установить близость М.В. Ломоносова к идеям славянофилов, но без их «морализующего направления», О.Ф. Миллер отметил в ломоносовском проекте устава Академии наук статьи о необходимости изучения

России и ее истории, воспитания российского юношества в России. Такая Академия, сформулировал Миллер «ломоносовский идеал Академии», «должна оказаться и лучшим вкладом от нас в науку *общую европейскую*».

В конце статьи О.Ф. Миллер так обозначил ее цель: «<...> предостеречь от неисторического идеализирования этой великой личности, идеализирования, заключающегося, главным образом, в поставлении его под то широкое знамя *народности*, о полном и настоящем значении которого не всегда имеют ясное понятие много и часто трактующие о нем». Вся деятельность М.В. Ломоносова, по словам Миллера, пролагала к этому знамени дальний, но верный путь — «первый великий пример возможности и будущих Ломоносовых», использование «чистого» русского языка, положенного в основу языка научного, привлечение в Академию «российских сынов». «К народному самосознанию, в конце концов, привела нас та же наука, наука общая европейская, путь к которой проложен для нас Ломоносовым» [Миллер О. 1866. С. 373–392; курсив О.Ф. Миллера].

Эта статья, кажется, не привлекла внимания историографов творчества М.В. Ломоносова. Она содержит дискуссионные идеи, прежде всего, научно некорректное соотношение О.Ф. Миллером времени Ломоносова и России 60-х гг. XIX в. Но в ней поставлены или подразумеваются важнейшие проблемы (здесь названы только те, которые относятся к истории исторической науки): 1) конкретное воздействие Петровских реформ на биографию и творчество Ломоносова, в частности как историка; 2) процесс его обучения и последующее творчество; 3) Ломоносов и российская государственная система; 4) Ломоносов и Петербургская Академия наук; 5) Ломоносов, философские и эстетические концепции его времени; 7) Ломоносов и историческая наука, современная ему и предшествующая; 8) значение вклада Ломоносова в развитие исторической науки. На эти вопросы последующие исследователи стремились дать свой ответ, и эти ответы в значительной мере зависели от того времени, когда они были даны.

С.М. Соловьев, в 1864–1870 гг. декан историко-филологического факультета Московского университета, а в 1871–1877 гг. его ректор, сторонник восходившей к философской концепции Г.В.Ф. Гегеля теории органического, т. е. закономерно обусловленного развития, писал в 1875–1876 гг., что М.В. Ломоносов и его современники в России не сознавали «полную зависимость исторического изложения» от «научного, философского и политического понимания описываемого» как историком, так и обществом в соответствии с «политическим строем этого народа и уровнем развития науки, от всего строя его жизни». Свою концепцию исторического процесса Соловьев соотносил с методом Ломоносова: «Не имея возможности изучить вполне русскую историю, Ломоносов, разумеется, не мог уяснить себе ее хода, характера главных явлений, определяющих эпохи; поэтому он не мог представить никакой системы и удовольствовался, как выражается сам, “некоторым

общим подобием в порядке деяний российских с римскими <...>». Осудил Соловьев дополнения Ломоносова, включенные в изложение летописного текста. Но он поддержал, в соответствии со взглядами своего времени, этногенетическую теорию Ломоносова о «единородстве» славян с сарматами и чуди со скифами [Соловьев С.М. 1994. С. 510–512].

Сторонник аналитического изучения истории, С.М. Соловьев считал, что от М.В. Ломоносова требовали красноречивого повествования о древней русской истории, а потому Ломоносов стал «отцом» «литературного», т. е. повествовательного направления, которое еще долго господствовало в русской историографии. Обобщая свои наблюдения, Соловьев писал: «Могучий талант Ломоносова оказался недостаточным при занятиях русской историей, не помог ему возвыситься над современными понятиями, и потому исторический труд его разделяется по достоинству на две половины». Его основные достижения — в первой, этногенетической, половине, где отмечено, что славяне, известные в исторических источниках под этим «именем», имели долгую предысторию. Вторая часть — изложение исторических событий — «не иное что, как сухой, безжизненный риторический перифразис летописи, подвергающейся иногда сильным искажениям, и легко понять, почему вторая часть так ниже первой» [Соловьев С.М. [Б. г.] Стб. 1350–1356].

Таким образом, историк-профессионал С.М. Соловьев конкретизировал проблему внешнего воздействия властей на форму трудов М.В. Ломоносова, посвященных истории. Его критика их содержания ставила другие проблемы — определение меры их научной обоснованности. В его замечаниях прослеживаются проблемы, которые начнут исследоваться лишь во второй половине XX в.: существование в XVIII в. стилистического единства эпохи, его воздействие на труды историков, а также возможность трансформации исторических произведений в литературные, в чем Соловьев поддержал наблюдения Н.М. Карамзина.

Ученик С.М. Соловьева и столь же значимый в истории русской исторической науки В.О. Ключевский поддержал наблюдения учителя о различиях между аналитическим изложением М.В. Ломоносовым начальной истории славян и его последующим повествованием о русской истории. Согласился он и с соловьевской характеристикой этих работ как литературных. Но Ключевский раскрыл содержание стилистики и научного изложения в этих трудах Ломоносова. По его мнению, на них воздействовали «патриотическое настроение елизаветинского общества», а также «господствующая идея царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками», т. е. концепция самодостаточности и относительной самоизоляции по отношению к другим европейским странам. Поддерживая в конце XIX — начале XX в. ломоносовские идеи о смешанном составе славянских племен, об их древней предыстории, Ключевский отметил «в труде Ломоносова исторические догадки, внушенные автору веянием времени, так сказать,

патриотическим упрямством, и поэтому не имеющие научного значения». К ним он отнес идеи Ломоносова о происхождении варягов и Рюрика: «Ему никак не хотелось вывести Рюрика из Скандинавии, поэтому он, отбирая всюду догадки, скомбинировал новую теорию: Рюрик был вызван из Пруссии, пруссы были славяне, Рюрик был варягорус, значит, варягорусы — славяне» [*Ключевский В.О.* 1959. С. 407–411].

Если мысль о влиянии на М.В. Ломоносова патриотических идей многократно повторялась, то проницательное наблюдение В.О. Ключевского над воздействием концепции елизаветинского царствования на исторические труды Ломоносова оказалось невостребованным.

Ученик В.О. Ключевского П.Н. Милюков, историк и политик либерального направления, вообще не отметил научного содержания трудов М.В. Ломоносова, посвященных отечественной истории. Он особо подчеркнул в них связь с интересами императорского двора, со свойственными елизаветинскому царствованию эстетическими и литературными предпочтениями [*Милюков П.* 1913. С. 29–32, 87–88, 108, 113]. В отличие от Милюкова другой ученик В.О. Ключевского, профессор, а с 1911 г. ректор Московского университета М.К. Любавский соотнес творчество Ломоносова с эпохой петровских преобразований. Он не только назвал Ломоносова «в известном смысле духовным сыном» Петра Великого, но и определил основу этого родства — «культурную атмосферу, созданную великим преобразователем России», идеи пользы отечеству и «высокий душевный подъем» [*Любавский М.* 1912. С. 11–15]. Такое определение происхождения и содержания творчества Ломоносова намечало пути конкретного анализа его трудов, посвященных истории России, и являлось ответом тем, кто идеализировал старину и стремился увидеть ее черты в деятельности Ломоносова. Наблюдения Любавского обращали внимание на необходимость системного изучения той новой духовной среды, которая появилась в России в правление Петра Великого, а также судеб ее традиции в последующее время в связи с изучением творчества Ломоносова.

Впрочем, и замечания П.Н. Милюкова сохранили свое значение, поскольку они обращали внимание на необходимость научного анализа воздействия императорского двора, литературных и эстетических приоритетов того времени на труды великого ученого.

Между тем, поздние славянофилы продолжали рассматривать М.В. Ломоносова преимущественно как борца с немецким засилием в русской науке. Показательны в данной связи характеристики профессора петербургской Духовной академии М.О. Кояловича. По его словам, «у всех этих гг. Байеров, Миллеров, Шлёцеров под внешнею оболочкой научности, объективности скрывается самый узкий, немецкий субъективизм». А потому он задается вопросом: «больше ли пользы или вреда от вмешательства иноземцев в разработку русской истории?». Коялович поддержал идеи Ломоносова о единстве славянских племен в древнейшем историческом прошлом, о происхождении

Рюрика из Пруссии, лишь уточняя: «из поморской страны не прусской, а славянской». Но в соответствии со славянофильской идеологемой о противоположности славянского мира западному он осудил Ломоносова за его поиски исторической закономерности развития древней России в «сходстве с историческим развитием Рима». Поэтому его вывод о Ломоносове-историке был скептический: «Не подлежит действительно сомнению, что занятие историей было слишком далеко от специальных знаний Ломоносова, было начато им слишком поздно и не могло дать удовлетворительного результата». Коялович увидел у Ломоносова «сознание немоги в этом деле» [*Коялович М.О.* 1884. С. VI, 115–117].

Таким образом, в XIX — начале XX в. творчество М.В. Ломоносова как историка активно обсуждалось. Определяющим было признание его величия как ученого, его особого значения в российской науке. В конкретном анализе его исторических исследований были поставлены важнейшие вопросы определяющего воздействия Петровской эпохи, времени правления Елизаветы Петровны, и, шире, российской государственной системы на Ломоносова и его творчество как историка, влияния биографических обстоятельств и деятельности в Петербургской Академии наук. Было отмечено в его трудах, посвященных российской истории, литературное начало, определялись их место и значение по отношению к предшествующей и современной ему исторической науке, их вклад в ее дальнейшее развитие. При этом факты биографии Ломоносова, конкретное содержание его работ обсуждались как в поддержку, так и критически, хотя теории особого пути исторического развития России, особой русской науки, присущие с различающимся идеологическим содержанием николаевскому режиму, славянофилам и народникам, создавали условия для критики идеологизированной.

В советский период российской истории особое внимание обращалось на происхождение М.В. Ломоносова, которое свидетельствовало о безграничных творческих возможностях народа. До Великой Отечественной войны, в соответствии с провозглашенным партийным и государственным принципом интернационализма, в работах, посвященных российской исторической науке в XVIII в., отмечался вклад как русских ученых, так и «приглашенных ученых-иностранцев». В изданном вузовском учебнике по истории СССР под общей редакцией академика Б.Д. Грекова в разделе, написанном академиком Ю.В. Готье, сообщалось, что «крупный историк-лингвист Байер», который использовал лингвистические материалы, византийские и скандинавские источники, — автор «ряда серьезных для своего времени исследований по истории древней Руси». «Действительный основатель русской исторической науки в XVIII в.» — В.Н. Татищев, а «продолжателем дела Татищева» являлся прибывший из Германии Г.Ф. Миллер, автор первого тома «Истории Сибири», «ряда ценных статей и по другим вопросам русской истории», который издавал сам и помогал Н.И. Новикову публиковать ценные материалы по

русской истории. Готье писал, что М.М. Щербатов подготовил обобщающий труд по русской истории «на рационалистических принципах французских просветителей», тогда как И.Н. Болтин — «первый русский историк критического направления». «Последним крупным историком XVIII в.» назван А.Л. Шлёцер, который «принес» в Россию «последние достижения исторической критики, выработанные западноевропейской наукой» и «положил начало критическому изучению русских летописей».

Ю.В. Готье характеризовал М.В. Ломоносова как «гениального естествоиспытателя», которому вследствие «недостатка русских ученых кадров» «пришлось работать также в области гуманитарных наук, где он, особенно в области русского языка и литературы, создал эпоху». Написал он и о «помехах» Ломоносову «немцев, служивших в Академии» «как в его ученой деятельности, так и в борьбе за то, чтобы отвоевать место в Академии для русских» [История СССР. 1939. С. 743–745].

Б.Д. Греков использовал в изучении творчества Ломоносова-историка новый подход. Анализируя наблюдения Ломоносова над древнейшей историей славян, он обратил внимание на особое значение для великого ученого истории народа, а не князей, на значительные соответствия этих наблюдений новейшим этногенетическим теориям, изучению истории восточных славян до формирования Древнерусского государства и их последующей этнической истории. Отметил Греков и установление Ломоносовым той периодизации политической истории Руси, которая была разработана позднее Н.М. Карамзиным. Так, описательно, Греков назвал и этот вклад Ломоносова в историческую науку, хотя ему самому следовало указывать ее периодизацию в соответствии с догматическими установками И.В. Сталина [Греков Б. 1940. С. 27–32].

Проблема «М.В. Ломоносов и историческая наука его времени» активно изучалась в 1939–1941 гг. Комиссией по истории Академии наук (КИАН). Она должна была подготовить исследование «Очерк истории Академии наук (1724–1917)» [об истории написания этого труда см.: Князев Г.А. 2009. С. 52, примеч. 52, С. 270, примеч. 183]. Председателем КИАН являлся президент АН СССР С.И. Вавилов, который принимал реальное участие в руководстве ее работой. Активно участвовали в ее заседаниях выдающийся востоковед И.Ю. Крачковский, историк, источниковед и археограф А.И. Андреев, историк И.И. Любименко, директор Архива АН СССР Г.А. Князев. Первые две главы — об основании Петербургской Академии наук и о ее деятельности до 1741 г. — подготовила И.И. Любименко, третью главу, предварительно названную «Ломоносов и его время в Академии (1742–1965)» — С.Н. Чернов.

В докладе, сделанном 13 июня 1939 г. по теме своей главы, основное внимание С.Н. Чернов уделил не изучению творчества Ломоносова-историка, а условиям научного творчества историков. В соответствии с лексикой 30-х гг. он писал, что «руководящие правительственные круги» и «руководя-

щие общественные круги» были заинтересованы в развитии науки в России. Но вследствие их «двойственного» отношения «научная мысль упирается в препятствие к свободе научного исследования». Развивая эту мысль, Чернов продолжил, имея в виду творческую биографию Ломоносова: «Составление истории страны считалось задачей политически гораздо более важной, чем физические или химические исследования <...>». Далее он обобщил: «Вот такое подчинение научной работы задаче данного момента политического чрезвычайно тяжело сказалось на развитии научной мысли». В этих наблюдениях Чернов пришел к выводам, близким к В.О. Ключевскому и П.Н. Милюкову.

Следуя давней традиции, С.Н. Чернов написал в своем очерке о теме «Ломоносов и немцы», но, в отличие от предшественников, он объединил всех этих ученых в едином исследовательском процессе. Впрочем, по его мнению, обобщающий труд М.В. Ломоносова — «общий обзор», «попытка неудачная», тогда как «обзор частной истории, изучение отдельных фактов и сторон русской жизни» в работах Г.Ф. Миллера, П.И. Рычкова «и ряда других лиц» — «большое достижение». Поэтому он пришел к выводу, в соответствии с которым в первые 40 лет существования Петербургской Академии наук «в области востоковедения и в области *даже истории* достижения ученых <...> были чрезвычайно значительны» [СПФ АРАН, ф. 934, оп. 1, ед. хр. 73. Л. 17–21; курсив наш].

Из состава КИАН С.Н. Чернова исключили, но подготовленные им очерки истории Академии наук были учтены К.В. Базилевичем в позднее написанных им главах по истории Петербургской Академии наук во второй четверти — середине XVIII в. 1 февраля 1941 г. работа над этим трудом была признана завершенной, нуждающейся только в редактировании. Но работа КИАН продолжалась и в осажденном Ленинграде [СПФ АРАН, ф. 934, оп. 1, ед. хр. 270. Л. 97, 103–105 об.; *Князев Г.А.* 2009. С. 245, 270, 292, 389].

В тексте главы С.Н. Чернова, переработанной К.В. Базилевичем, показан вклад русских и иностранных ученых, находившихся на российской службе, в изучение самых различных проблем истории. В частности, были отмечены разыскания И.П. Коля в славянской истории и филологии, высоко оценены Т.З. Байер и Г.Ф. Миллер как исследователи [СПФ АРАН, ф. 702, оп. 1а, ед. хр. 2а. Л. 157об.–165]. В подготовленном в 1945 г. под руководством С.И. Вавилова окончательном варианте коллективного труда, который назывался теперь «История Академии наук СССР», были сохранены наблюдения, которые устанавливали воздействие официозных идей правления Елизаветы Петровны на обсуждение в Академии работ Г.Ф. Миллера. В нем отмечено, что М.В. Ломоносов еще в молодые годы начал собирать материалы по русской истории. Исторические события являлись темами его од. Но изучением русской истории он начал «заниматься лишь с начала 50-х годов по настойчивому желанию императрицы и И.И. Шувалова». Впрочем, содержание разысканий

Ломоносова было изложено ограниченно и не раскрыто содержательно [СПФ АРАН, ф. 702, оп. 1а, ед. хр. 76. Л. 218 об.–219 об.].

Такому подходу к изучению истории российской исторической науки в XVIII в. как к единому процессу исследований русских и иностранных ученых следовал и Н.Л. Рубинштейн, который отделял исследователей от бюрократов-карьеристов вне их национальной принадлежности. Рубинштейн принадлежал к тому направлению историографии (О.Ф. Миллер, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и другие), которое связывало исторические исследования Ломоносова с его «научно-общественной деятельностью», отмечало в них «официальное задание» и литературную составляющую. Впрочем, Рубинштейн, как и многие предшественники, не изучил содержание конкретно-исторических идей его трудов, а потому вынужден был указать лишь традиционный для историографии ограниченный круг тем трудов Ломоносова — вопросы этногенеза, варяжской проблемы, истории русской культуры [Рубинштейн Н.Л. 1941. С. 86–92].

После победы, достигнутой в результате небывалого подъема патриотизма и бесчисленных народных жертв в Великой Отечественной войне, сталинский режим в условиях начавшейся «холодной войны» предпринял псевдопатриотические кампании «борьбы с космополитизмом», понимаемой как «борьба с иностранным влиянием», утверждение национальных «приоритетов» и «народности». Они лишали исторические разыскания объективного содержания. В условиях идеологического, административного и судебного террора, совмещенного с патологической шпиономанией, был сформирован определенный стереотип характеристик М.В. Ломоносова как историка. Воспитывая чувство гордости за великого ученого, за его труды и его Отечество, такой стереотип идеализировал Ломоносова, что было свойственно послевоенной сталинской идеологической политике, идеализировавшей национальных героев и вождей. Такие правительственные установки ограничивали возможности научного анализа исследований Ломоносова-историка. Они деформировали изучение истории исторической науки в целом.

Выдающийся отечественный историк М.Н. Тихомиров был вынужден в таких условиях писать о засилии «немцев-академиков», которые выполняли «дело, заказанное им вельможными немцами-сановниками». Академик Байер, по его словам, «был бездарным и малоразвитым воинствующим немцем, с отсутствием настоящего интереса к науке и ее задачам». Впрочем, в завершении той же статьи Тихомиров обоснованно назвал Байера историком, который изучал преимущественно конкретный материал, не подменяя его рассуждениями. Он признавал большое значение археографической деятельности Г.Ф. Миллера и написал, что «в конце концов “немцы”-академики XVIII в. были неплохими техниками науки, они и оставили свой след в русской исторической науке». Но поставленная перед Тихомировым задача заключалась в том, чтобы противопоставить русских историков «академикам-немцам». Поэтому он

не раскрывал содержание исследовательского процесса, а утверждал приоритеты. Тихомиров противопоставил «немцам-академикам» не научное содержание трудов М.В. Ломоносова, а его отношение к истории как к «предмету, который должен поддерживать патриотизм русских людей».

Такая вынужденно односторонняя характеристика научного наследия Ломоносова-историка ограничивала исследовательские возможности его комплексного анализа. Как написал М.Н. Тихомиров, «можно критиковать “Историю” Ломоносова, но нельзя забывать того, что она долгое время была единственным учебником русской истории, заменившим устарелый “Синописис”» [Тихомиров М. 1948. С. 94–99]. Отметим, что «критиковать» исторические исследования, написанные в XVIII–XIX вв., некорректно, учитывая современный уровень развития исторической науки. Напротив, следует изучать исторические идеи того периода, устанавливать их происхождение и определять их вклад в совершенствование исторических знаний.

В таких обстоятельствах большое научное значение имело подготовленное на академическом уровне издание «Полного собрания сочинений» М.В. Ломоносова. В нем содержались выполненные на высоком профессиональном уровне комментарии А.И. Андреева и В.Р. Свирской к трудам ученого, посвященным отечественной истории [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 541–595]. Они способствовали научному изучению творчества великого ученого, его общественно-политических взглядов.

Подготовка к десталинизации партийно-правительственного аппарата, его внутренней и внешней политики способствовала появлению новых характеристик творчества Ломоносова-историка.

В сданном в набор 21 декабря 1954 г. и подписанном к печати 5 мая 1955 г. первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», подготовленном Институтом истории АН СССР, авторы очерка о М.В. Ломоносове М.А. Алпатов и М.Н. Тихомиров написали, что Ломоносов не являлся историком-профессионалом. В очерке нет разоблачительных характеристик «немцев-академиков», но была сохранена традиционная лексика послевоенного сталинского периода по отношению к работам Миллера и Байера как к «фальсификации исторической действительности», как к «лингвистическим извращениям».

М.А. Алпатов и М.Н. Тихомиров отметили обширные познания М.В. Ломоносова в исторических источниках, его понимание истории как сохранения исторического опыта, утверждение истории русского народа как великого, имевшего самостоятельную и древнюю культуру. В новых общественно-политических обстоятельствах они написали о том, что Ломоносов считал население древней России многоэтничным, в котором преобладали славяне, характеризовал появление государства как результат длительного догосударственного развития, рассматривал историю России не в ее зависимости от Запада, но «на фоне всеобщей истории», указывая международное значение Руси.

В качестве критических замечаний М.А. Алпатов и М.Н. Тихомиров написали, что «Ломоносов не раз отдавал дань времени, некритически относясь к отдельным показаниям источников», что его «теория о варягах из Балтийского Поморья» была «неудачной». Они отметили, что вклад Ломоносова в борьбу с «варяжской теорией» заключается не в этом мнении, а в доказательстве древнейших начал истории русского народа и России [Алпатов М.А., Тихомиров М.Н. 1955. С. 193–204].

В период так называемой «оттепели» второй половины 50-х — первой половины 60-х гг. первым, кто заменил величальные, но лишённые научного содержания сочинения конкретным исследованием творчества Ломоносова-историка, был Л.В. Черепнин. В отличие от О.Ф. Миллера, который критически анализировал работы Ломоносова с позиций славянофильства, Черепнин предпринял такой анализ как историк-профессионал с позиций понимания истории как истории классов и классовой борьбы.

Определяющим в понимании мировоззрения и значения М.В. Ломоносова в развитии исторической науки Л.В. Черепнин считал изучение его деятельности в условиях крепостнической действительности XVIII в. Отсюда его определения противоречий в общественной и научной позиции Ломоносова: идеи об особом значении народа и об определяющей роли абсолютной монархии в жизни страны. По мнению Черепнина, противоречивыми во взглядах Ломоносова были также идеи просвещённого абсолютизма, метафизического материализма в понимании явлений природы и идеализма в объяснении общественного развития. Поэтому, считал Черепнин, Ломоносов не смог преодолеть традиции дворянской историографии, но некоторые его идеи объективно выражали возможности буржуазного развития России, демократические тенденции в изучении роли народа в русской истории, в частности, в характеристике образа жизни Петра I.

В отличие от литературы периода послевоенного сталинского режима Л.В. Черепнин отметил «большой патриотизм» М.В. Ломоносова не в борьбе с «немцами», с их «вредительством» России, с «лженаучной норманской теорией», а в утверждении, согласно которому российский народ, несмотря на тяжёлые времена в его истории, нападения врагов и внутренние усобицы, не пришел в упадок («не расточился»), но достиг величества, могущества и славы. Черепнин впервые указал на прогрессивные идеи Ломоносова о сложном содержании исторического процесса вследствие внутренних и внешних конфликтов, о поступательном, прогрессивном процессе исторического развития народов и государств, о понимании истории как науки, изучающей преемственность и непрерывность поколений людей в едином процессе, общего и особенного в развитии народов, о задачах изучения истории не только государства, но также народа, его происхождения и развития, о защите достоинства России, русского народа и русской науки.

Вместе с тем, Л.В. Черепнин отметил в трудах М.В. Ломоносова, посвященных российской истории, рационалистические характеристики, лишённые объективных оснований, — «разум», «польза», «твёрдость» и т. д., «неверные» этнические характеристики древних финских и балтийских народов, определение варягов как славян, тогда как ломоносовскую теорию общественного развития славян задолго до их появления в Восточной Европе он считал «правильной». Такой же верной он считал идею Ломоносова о славянском происхождении «имен» *рос, рус*. Черепнин возражал против идеализации Ломоносова и преувеличения его заслуг. Как он писал, не все «в утверждениях Ломоносова было в одинаковой мере удачно и верно», когда он «отступал от той “правдивости”, которая им самим выдвигалась как девиз исторического исследования». «Слабость его некоторых аргументов», по Черепнину, была отмечена его противниками. Черепнин написал о неубедительности таких доводов Ломоносова, как высмеивание аргументации оппонентов, апелляция «к силе русской церкви» в обоснование достоверности легенды об Андрее Первозванном в славянских землях. Написал Черепнин и о подчинении Ломоносовым задач исторического исследования «потребностям текущей политики царизма». В качестве критики таких методов в дискуссии он привел замечания Г.Ф. Миллера. Методы народной этимологии, далекие от научной лингвистики, в работах Ломоносова, по Черепнину, не более убедительны, чем у Байера и Миллера.

Л.В. Черепнин считал М.В. Ломоносова великим человеком и ученым своего времени, но он решительно возражал против распространенного метода «изображать всех немецких ученых, работавших вместе с ним, бездарными, тупыми и невежественными людьми», «чтобы оттенить это величие».

В полной мере был обоснован вывод Л.В. Черепнина, в соответствии с которым «научная деятельность Ломоносова явилась важным этапом в развитии русской историографии XVIII в.» [Черепнин Л.В. 1957. С. 191–211].

Общественно-политическая ситуация «оттепели» позволила подготовить и публиковать труды, посвященные изучению жизни и творчества М.В. Ломоносова, без целенаправленных «купюр» и «редактирования» [Рысс Е.Б., Коровин Г.М. 1958. С. 282–302; Коровин Г.М. 1961; Летопись. 1961]. Они создали условия для изучения биографических и научных обстоятельств написания его трудов, посвященных отечественной истории. Углублению анализа творческой лаборатории Ломоносова способствовали источниковедческие наблюдения Г.Н. Моисеевой, в частности, над его пометами на средневековых русских рукописях [Моисеева Г.Н. 1962а. С. 181–194; 1963а. С. 79–101; 1971]. Исследование литературных произведений Ломоносова дополнило сведения о его взглядах на историю [Белявский М.Т. 1961. С. 19–33; Моисеева Г.Н. 1962б. С. 253–257], о сложных отношениях Ломоносова с А.Л. Шлёцером и Г.Ф. Миллером, имевших также конструктивное содержание [Винтер Э. 1961. С. 265–271].

Эти новые наблюдения использовал С.Л. Пештич, который соединил при изучении творчества Ломоносова-историка анализ истории исторических идей и основные факты его биографии ученого. При этом он исходил из повторявшейся в предшествующей отечественной литературе мысли, в соответствии с которой Ломоносов не являлся историком-профессионалом. В соответствии с наблюдениями Пештича, на его обращение к российской истории воздействовали патриотическая инициатива и правительственное поручение. При этом сложилась двойственная ситуация. Ломоносов стремился направить деятельность правительства для общего блага, в частности, для изучения истории, тогда как правительство желало использовать Ломоносова в собственных целях. Правительство предназначало его «Историю» для восхваления самодержавия, а Ломоносов стремился повествовать о достойных славы делах государей и народа.

С.Л. Пештич поддержал мысль Л.В. Черепнина об определенных противоречиях в общественно-политических взглядах Ломоносова. Но основное для Пештича — его вклад в развитие российской исторической науки. Он выделил основные принципы исторических исследований Ломоносова: 1) изложение существенного и характерного, «отбрасывая второстепенные подробности, тем более такие, которые задевают авторитет государственной власти, национальное самолюбие и патриотические чувства русских людей»; 2) обращение к внутренним факторам, а не внешним при изучении отечественной истории. Ломоносов признавал существование в летописях достоверной информации наряду с баснословием, и эти достоверные сведения должны изучаться.

С.Л. Пештич предположил конструктивное влияние Ф.М. Вольтера на М.В. Ломоносова в том, что труды французского мыслителя, стремившегося к самому широкому описанию экономической и культурной жизни Российской империи при Петре I, побудили Ломоносова подумать о доработке своей «Древней Российской истории». Но Пештич отметил также недоверие Ломоносова к сочинениям по русской истории иностранных ученых, включая Вольтера, «не только из национальной тенденциозности», но порой из-за их откровенной враждебности к России. Пештич объяснил такое недоверие подчиненным положением истории по отношению к политике в период становления национальной историографии во всех европейских странах, а также превращением истории в практическое руководство по воспитанию морали в определенных политических целях. В отличие от предшественников и современников, которые рассматривали суждения Ломоносова об истории вне конкретных обстоятельств их появления во времени, Пештич отметил определенное изменение его суждения о славянском происхождении варягов-русов из Пруссии под влиянием успехов России в Семилетней войне. Придавая особое историографическое значение «Древней Российской истории», он был против преувеличения роли «Краткого Российского летописца».

С.Л. Пештич сохранил традиционное для послевоенного сталинского режима определение норманизма как «лженаучной и реакционной» теории, но противопоставил такой ее характеристике необходимость изучения «конкретной роли норманнов в создании древнерусской государственности». Противниками Ломоносова он назвал не «немцев» вообще, а административное руководство Академии, Шумахера, Тауберта и Теплова, тогда как с коллегами-историками Миллером и Шлёцером Ломоносов дискутировал.

С.Л. Пештич отметил использование М.В. Ломоносовым методов не только исторического, но также филологического и этнографического анализа многообразных видов исторических источников. Вместе с тем, он призывал не «преувеличивать зрелости критического подхода Ломоносова к источникам отечественной истории», учитывать воздействие на него догм официальной историографии.

Как основную историографическую заслугу М.В. Ломоносова С.Л. Пештич назвал, приводя его слова, научное обоснование «глубокой древности русского народа», признание внутренних закономерностей самостоятельного исторического развития славянства, сравнительно высокого уровня хозяйственного и культурного развития славян Восточной Европы до появления там варяжских князей, в отличие от того, что писали норманисты о воздействии внешних факторов [Пештич С.Л. 1965. С. 164–209; конкретный анализ взглядов Ломоносова на отечественную историю см. также: Фруменков Г.Г. 1970].

Обстоятельный очерк С.Л. Пештича, посвященный творчеству Ломоносова-историка, свидетельствовал о необходимости продолжения его аналитического изучения, т. е. сохранения той традиции, которая существовала в предшествующей историографии разных идейных направлений. Между тем, усилившееся в СССР со второй половины 60-х гг. административно-государственное давление крайне сузило возможности изучения этой сложной научной проблемы, поскольку государственной идеологии вновь понадобились не конкретные исследования, а идеализированные образы.

В обобщающем лекционном курсе А.М. Сахарова, профессора и заведующего кафедрой истории СССР периода феодализма Московского университета, отмечался патриотизм М.В. Ломоносова, его борьба с засильем иностранцев в Академии. При этом «норманская теория» характеризовалась как оправдание такого засилья. В полной мере обоснованно отметив веру Ломоносова во всемогущую преобразовательную силу знания и просвещения, Сахаров ограничил эту веру надеждой на «просвещенного» монарха, который освободит народ от «ужасов крепостнической действительности». Сахаров характеризовал Ломоносова как ученого-естествоиспытателя, но который занимался историей, филологией и изобразительным искусством для «укрепления национального самосознания».

По мнению А.М. Сахарова, М.В. Ломоносову свойственен прагматический подход к истории в «поучительных примерах для практической деятельности

и поведения» людям и обществу. Его рационализм заключался в том, что «движущую силу истории» он видел в деяниях правителей, «особенно самодержавных». Сахаров отметил требования Ломоносова к «тщательному подбору источников и их критике».

«Древнюю Российскую историю» М.В. Ломоносова А.М. Сахаров характеризовал как труд, который «намного опередил науку своего времени». Но его научный вклад определен Сахаровым в виде общих указаний на «гипотезы относительно древних славян», их истории, предшествующей появлению в Восточной Европе варягов-руси, возражений «против представлений о невежестве славян до прихода варягов» и опровержения «построений “норманистов”». Отметил Сахаров и «отдельные ошибки», в частности, отождествление варягов с пруссами, а пруссов со славянами.

«Краткий Российский летописец» М.В. Ломоносова А.М. Сахаров назвал написанной совместно с А.И. Богдановым «краткой справкой о правителях России, последовательно сменявших друг друга с древнейших времен до Петра Великого включительно».

А.М. Сахаров критически изложил взгляды М.В. Ломоносова на содержание русской истории как совпадение с существующей тогда «схемой» «самодержавие — распадение Руси — восстановление самодержавия». Основное значение в этой схеме придавалось личным качествам деятелей и правителей. Он объяснил взгляды Ломоносова на самодержавие с начала Руси и на благотворное значение «самодержавства», противопоставленного «разномысленной вольности», борьбой с норманизмом [Сахаров А.М. 1978. С. 68–70].

Такие принципы историографического анализа не позволяли изучить конкретное содержание научного вклада М.В. Ломоносова в российскую историческую науку, раскрыть содержание его идей в контексте эпохи. Они приносили в историографический анализ целенаправленность партийных характеристик.

В обстоятельствах политики «перестройки», объявленной М.С. Горбачевым, и тем более после крушения партийно-государственной системы СССР и его распада, т. е. во второй половине 1980-х — 2000-е гг., появились новые условия для изучения творчества Ломоносова-историка. Впрочем, исследовательские возможности в его анализе использовались преимущественно традиционные, в которые вносились определенные коррективы.

Профессор Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета А.Л. Шапиро определил патриотизм М.В. Ломоносова в стремлении «поставить научный прогресс на службу стране и народу». Это намерение находилось в противоречии с существующим строем, но великий ученый был не в состоянии критиковать его основы. В анализе исторических трудов Ломоносова Шапиро вернулся к историографическим принципам отечественной литературы 1930-х гг., прежде всего Б.Д. Грекова.

В отличие от исследователей, которые писали, что М.В. Ломоносов — не историк-профессионал, А.Л. Шапиро указывал, что его занятия историей не являлись любительством. В дискуссиях Ломоносова с оппонентами он отмечал не национальные, а идейные различия, те наблюдения, которые имели конструктивное содержание, были поддержаны и развиты в последующей научной литературе. Это — темы борьбы с норманской теорией и ее следствиями, утверждения древности славян и единства их судеб с другими древними европейскими народами, лингвистического взаимодействия славян с другими народами Восточной Европы и освоения ими этих обширных пространств. В характеристике Ломоносовым деятельности Петра Велико-го Шапиро отметил как ее идеализацию, так и глубину авторского анализа, в частности, податной политики, определяемой не только обстоятельствами Северной войны, но и всей реформаторской деятельностью Петра.

Сравнивая исторические разыскания М.В. Ломоносова и его выдающегося предшественника В.Н. Татищева, А.Л. Шапиро пришел к выводу, что в «критике исторического баснословия» Ломоносов «безусловно уступал» Татищеву, но превосходил его «в литературности, доступности и красоте изложения». В обобщающей характеристике ломоносовских работ по истории Шапиро привел слова С.М. Соловьева, о «самом почетном месте» Татищева и Ломоносова «в истории русской исторической науки в эпоху ее начальных трудов» [Шапиро А.Л. 1993. С. 189–202].

Впрочем, 1980-е — 2000-е гг. стали временем распространения постмодернистских методов в разысканиях о творчестве Ломоносова-историка. Для этих методов определяющим стало мнение, а не доказательство, абсолютизация относительности знания и частного как целого.

Видимо, под влиянием таких тенденций С. Синьорини, обоснованно подчеркнув в «Древней Российской истории» воздействие политического фактора (впрочем, не отметив в таком наблюдении предшественников в научной литературе), абсолютизировала данную мысль и вследствие этого не раскрыла конкретное научное содержание труда Ломоносова [Signorini S. 1986. Р. 437–457]. В.И. Турнаев сосредоточил свое внимание на конфликтных отношениях русских и немцев в Академии. Эти отношения он характеризовал как борьбу русской интеллигенции за национальную Академию, а М.В. Ломоносова — как «нового лидера борьбы за национальную науку с конца 1740-х гг.» [Турнаев В.И. 2007]. Но при этом Турнаев системно не исследовал содержание русско-немецких связей в Петербургской Академии наук 20–40-х гг. XVIII в., их значение для развития российской исторической науки, не изучил статус ученых всех национальностей в Академии, политику императорской власти по отношению к Академии во всех ее структурных подразделениях в разные периоды, к ее материальному обеспечению в контексте императорской внутренней политики в целом. В своих утверждениях Турнаев не опроверг ту исследовательскую реальность, в соответствии с которой

наука представляет собой единое пространство. Великий русский гуманист, который внес столь значительный вклад в российскую и мировую культуру, А.П. Чехов, окончивший Московский университет, врач по образованию, отметил в данной связи в записной книжке 1891–1904 гг.: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука» [Чехов А.П. 1949. С. 225].

Сторонник мнения о происхождении варягов из западных славян варгров, которые жили в раннее средневековье на южном Балтийском Поморье, В.В. Фомин абсолютизировал в своей книге «Ломоносов: Гений русской истории» эту мысль М.В. Ломоносова. Для этого ему пришлось в историографическом и историческом анализе ограничиться преимущественно так называемой «варяжской проблемой», а сам этот вопрос рассмотреть без учета эволюции во взглядах на него Ломоносова. Он исключил из историографического анализа уже накопленный опыт изучения творчества Ломоносова-историка в целом, соотношение его идей с историческими суждениями прошлого, изучение трудов великого ученого в неразрывной связи с его эпохой во всей сложности ее общественно-политического содержания. Как следствие такого подхода Фомин заменил анализ становления исторической науки в России, сложнейшего исследовательского процесса, значения в них трудов Ломоносова назывным противопоставлением «норманисты» — «антинорманисты», их эмоциональными характеристиками [Фомин В.В. 2006].

Такой, предопределенный авторской позицией, подход к работам Ломоносова-историка, видимо, не учел свойственное отечественной историографии, начиная с органической теории С.М. Соловьева, изучение истории России как следствия имманентных объективных закономерностей в процессе возникновения и развития многоэтничного Русского государства. Не учтена в таком подходе и постоянная тенденция в отечественной историографии, начиная с трудов В.Н. Татищева, Т.З. Байера, Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, к постоянному расширению круга использованных исторических источников, значительно увеличившегося с развитием лингвистики, археологии и других сопредельных с историей гуманитарных наук.

В отличие от многочисленных односторонних характеристик творчества Ломоносова-историка в новейшей отечественной литературе сохранилась традиция его аналитического изучения. Она позволила не только продолжить сравнительное изучение исследовательских концепций М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера, но также, по наблюдениям А.Б. Каменского, определить истоки разных идейных позиций Ломоносова и Миллера. По его мнению, подход Ломоносова к историческому исследованию определялся государственными задачами, Миллера — стремлением к изложению событий вне зависимости от государственных интересов [Мыльников А.С. 1991. С. 28–38; Каменский А.Б. 1991. С. 39–48]. Такое аналитическое изуче-

ние способствовало появлению призыва писать при изучении творчества Ломоносова биографию, а не агиографию [Карпеев Э.П. 2005. С. 131–138].

Таким образом, двухвековой опыт научного анализа творчества Ломоносова-историка позволяет определить сложнейшие для его изучения проблемы. Следует конкретно исследовать труды М.В. Ломоносова как историка, установить содержание его наблюдений, обоснованных и дискуссионных. В историографии творчества Ломоносова-историка намечены особые вопросы, подлежащие дальнейшему исследованию, — его связи с историческими, общественно-политическими, философскими и эстетическими концепциями, с отечественной историографией предшествующих эпох, допетровской и Петровской, а также для него новейшей, включая обстоятельства его биографии как фактора, воздействовавшего на содержание его исследований. Как особые темы, необходимые для анализа содержания исторических трудов Ломоносова, сформулированы проблемы его отношений с российской государственной системой и, конкретно, с императорским двором, с Петербургской Академией наук.

В отечественных трудах обозначены такие сложнейшие проблемы исследования данной темы, как воздействие стилистического единства эпохи на содержание исторических разысканий М.В. Ломоносова, а также возможности влияния на них литературной составляющей.

Особой темой стало конкретное изучение вклада М.В. Ломоносова в изучение отечественной истории, его значения в развитии исторической науки в целом, определение в нем патриотического содержания. При этом исследовательский опыт показал научную некорректность в таком историографическом анализе целенаправленных или идеализирующих характеристик, а также критики его трудов с позиций более поздних общественно-политических и философских концепций.

Вместе с тем, следует отметить, что в исследованиях, посвященных Ломоносову-историку, преобладает одномерное изложение патриотического содержания его творчества. В них не поставлена и, соответственно, не решена проблема эволюции в конкретном содержании его трудов. Не изучена поставленная в научной литературе проблема анализа его помет на рукописях и книгах как историографического источника. В отличие от темы борьбы Ломоносова с «норманизмом» и историками-немцами не исследованы в конкретном содержании трудов Ломоносова, посвященных отечественной истории, прямые и обратные, непосредственные и опосредованные связи его идей со своей эпохой, с работами предшественников и современников отечественных и зарубежных.

Из рассмотренных ранее основных работ, посвященных творчеству Ломоносова-историка, их выводов и намеченных в них исследовательских тенденций следует, что дальнейшее изучение данной сложнейшей научной проблемы возможно лишь на основе последовательного применения

системно-структурного метода. При этом изучаемые структуры исторического знания должны исследоваться в их генетическом развитии.

Накопленный исследовательский опыт позволяет установить, что определяющей темой в изучении проблемы «Ломоносов и формирование российской исторической науки» должна стать история России в ее конкретном содержании как фактор, который воздействовал на идейное содержание трудов по русской истории, а также взглядов Ломоносова-историка. Столь же важно исследование российской исторической науки в процессе ее становления и развития, определивших основное содержание его трудов. Нуждается в дальнейшем изучении творчество Ломоносова-историка в конкретных обстоятельствах его биографии. Необходимы привлечение новых историографических источников, а также конкретный историографический анализ работ Ломоносова в контексте исторических, общественно-политических и философских идей его времени.

Все эти темы чрезвычайно сложны для изучения. Единство данных определяющих научных методов и анализа сложнейших научных проблем позволяет исследовать творчество Ломоносова в его эволюции, установить и проанализировать его конкретный вклад в становление и развитие российской исторической науки. Здесь и далее рассмотрены те исторические и историографические факты, которые позволяют изучить его творчество в контексте этого процесса.

Определяющими исследовательскими началами являются не только установление того, *что* свершалось в деятельности Ломоносова-историка, но также, что наиболее сложно, *по каким причинам* эти события происходили¹.

Мы благодарны за содействие в работе над монографией сотрудникам Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Отделов рукописей, редкой книги, сектора «Центр изучения эпохи Просвещения: Библиотека Вольтера» Российской национальной библиотеки, Отделов рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Российского государственного архива древних актов, заведующей Отделом редкой книги Библиотеки Академии наук Е.А. Савельевой и заведующему сектором «Центр изучения эпохи Просвещения: Библиотека Вольтера» Н.А. Копаневу.

¹ В качестве предварительных публикаций изданы ранее: *Свердлов М.Б.* 1) Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009; 2) Петр Великий и формирование человека Нового времени // Петровское время в лицах — 2007. СПб., 2007. С. 210–222 (Труды гос. Эрмитажа. Т. XXXVIII); 3) Петр Великий и историческая наука // Петровское время в лицах — 2008. СПб., 2008. С. 213–226 (Труды гос. Эрмитажа. Т. XLIII); 4) Болезнь императрицы и казнь А.П. Волынского // Герценовские чтения 2008: Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2009. С. 21–27.

Глава I

Исторические знания в России XVI–XVII вв.

Россия хранит в своей исторической памяти основное содержание минувших времен. Это, прежде всего, — этнокультурная, экономическая, социальная и политическая традиция. Объективная эволюция этих основ имеет следствием изменение их во времени. Под воздействием внутренних и внешних причин темпы такого имманентно обусловленного саморазвития могут быть замедленными и ускоренными. Может иметь место и стагнация.

М.В. Ломоносов являлся органичной составной частью своей эпохи — России Нового времени, созданной преобразованиями Петра Великого. Каковы были причины этих преобразований и их направленность, как они воздействовали на формирование российской исторической науки и деятельности Ломоносова-историка — на эти вопросы даны самые многообразные ответы. Смысл петровских преобразований и как их следствия — появление российской исторической науки и деятельность М.В. Ломоносова как историка раскрывается, если учесть весь путь предшествующего исторического развития России. Его содержание приходится раскрыть по необходимости кратко [обобщающие историографическое и историческое исследования автора см.: *Свердлов М.Б.* 1996а; 2003а; см. там же литературу научных проблем]. Данный экскурс необходим в связи с обилием самых разных мнений о содержании исторического развития России и происходивших в ней изменений.

1. Историческое развитие средневековой России и его европейский контекст

Славяне как этнокультурная общность являлись органической составной частью индоевропейского мира. Но индоевропейские народы в Европе I тысячелетия н. э. развивались в соответствии с разными темпами исторической эволюции.

Многочисленные германские племена в III–V вв., преодолев сопротивление Римской империи, расселились на ее территории. Они разрушили империю, нанесли значительный ущерб свойственной ей материальной и духовной культуре. Но они усвоили технические достижения античной цивилизации, ее письменность, что способствовало ускоренным темпам исторического развития этих германских племен, формированию романо-германского этнокультурного синтеза, дальнейшему распространению достижений римской культуры среди народов Центральной и Северной Европы.

В отличие от германцев эволюция этнокультурной и общественно-политической жизни славян интенсифицировалась в VI–VII вв., когда они расселились на обширных пространствах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, от верхней Эльбы и Савы до Северского Донца, от Дуная до озер Ильмень и Псковское. Преодолев сопротивление Византийской империи, поселились они и на ее территории, прежде всего на Балканском полуострове [Седов В.В. 1982; 1994]. В процессе этногенеза и дальнейшего расселения в Восточной Европе восточные славяне постоянно взаимодействовали в этнокультурных связях с финно-угорскими и балтскими народами. Русское государство появилось в результате имманентного развития восточнославянских племен, их развития в племенные княжения и межплеменные союзы, которые устанавливали с финно-угорскими и балтскими племенами Восточной Европы союзные отношения или ассимилировали их. В процессе формирования и развития Русского государства в IX–X вв. участвовали и скандинавы. Так что Русское государство изначально являлось многоэтническим, но его этнокультурную основу составляли восточные славяне [Свердлов М.Б. 2003а. С. 83–181; см. там же литературу вопроса].

В середине X в. завершился процесс формирования политически единого Русского государства с присущими государству институтами — публичной властью в виде княжеской династии и княжеской служилой феодальной организацией — «дружиной», территориальным делением, системой княжеских податей и повинностей, княжеского суда и закона — Правды Русской, использованной в качестве источника права уже в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., а также войском-ополчением на основе воинской повинности. Это политически единое государство называлось на Руси «Русская земля» в широком значении этого понятия, в Византийской империи уже в середине X в. — Ῥωσία, в латиноязычной письменности католических стран с начала XI в. — Ruscía, Ruscía и другие близкие по форме обобщающие названия.

В X в. русские купцы вели торговлю не только традиционно с Византийской империей и странами мусульманского Востока, но также со странами Центральной Европы и Скандинавии. Начиная с этого столетия, Русь развивалась в пределах европейского пространства. О ее политической значимости в середине X в. свидетельствуют переговоры княгини Ольги в Констан-

тинополе с императором Константином Багрянородным в 957 г., в частности, вероятно, и о создании в Киеве епископии. Когда же ей было в этом отказано, она отправила в 959 г. с той же просьбой послов к германскому королю Оттону, который в 962 г. стал императором Священной Римской империи. Добиваясь своей цели, Ольга, как опытный политик, использовала противоречия и соперничество двух империй, Византийской и Священной Римской.

Сын Ольги Святослав Игоревич разгромил в 964–966 гг. Хазарский каганат, освободив от хазарского контроля торговые пути на Восток и Кавказ. Но во время войны с Византийской империей в 968–971 гг. после многочисленных успехов Святослав потерпел поражение. После заключения почетного для Руси мира с Византией он погиб. Десятое столетие, которое началось для Руси победой князя Олега в 907 г. над мощной Византийской империей и заключением в 911 г. исключительно благоприятного для Руси как государства и для русских купцов договора с ней, кончалось блестящими успехами князя Владимира Святославича. Завершая религиозно-идеологическое строительство политически единого Русского государства, он ввел в 988–989 гг. христианство в его ортодоксальном виде в качестве государственной религии (раскол христианства на православие и католичество произойдет в 1054 г.). Владимир заставил «багрянородных», т. е. легитимных, императоров-соправителей Василия II и Константина VIII выдать за себя замуж их сестру принцессу Анну и стал свояком правящего императора Василия II — главы восточнохристианского мира.

Во внешней и внутренней политике Владимир Святославич являлся самостоятельным правителем своей страны. Он расширил пределы своего государства, подчинив своей власти стратегически и экономически важные Галицию и Волынь. В борьбе-соперничестве с мощным в то время Польским княжеством Владимир вступил в объективно обусловленный союз против него с императором Священной Римской империи Генрихом II. Вел он независимую политику по отношению к Византийской империи. В такой европейской внешней политике Владимир продолжил методы своей «бабки», княгини Ольги.

Владимир следовал канонам восточнохристианского исповедания, но при строительстве Русской Церкви он учел и западнохристианский опыт, введя в качестве государственного средства обеспечения ее клира десятину от доходов и пошлин. Судя по достоверной информации исторических источников, погребен он был, как и ранее его супруга Анна, по западнохристианскому обычаю в центре киевской кафедральной церкви Богородицы (в Византии правителей в храме не хоронили) [здесь и далее см.: *Свердлов М.Б.* 2003а. С. 254–582; см. там же литературу вопроса].

Продолжая деятельность своих предшественников, Владимир Святославич следовал принципам развития Русского государства как страны европейской, проводя открытую политику во взаимодействии с правителями

Византийской империи, стран Центральной Европы и Скандинавии, поддерживая также постоянные торговые связи со странами Востока.

После смерти Владимира Святославича в 1015 г. его преемники до первой трети XII в. продолжали такую же направленность внутренней и внешней политики Руси как государства европейского, начиная со Святополка Ярополковича и Ярослава Владимировича Мудрого до Владимира Всеволодовича Мономаха и его сына Мстислава Владимировича (ум. в 1132 г.). Несмотря на жестокие социальные, династические и военно-политические кризисы, этот вектор эволюции Русского государства оставался постоянным. При Ярославе Мудром устойчивыми оставались союзные отношения с королевскими домами Швеции и Норвегии. Сам он был женат на Ингигерд, дочери шведского конунга Олава Шётконунга, а потому являлся свояком норвежского конунга Олава Святого.

В Центральной Европе Ярослав постоянно поддерживал военно-политические союзы с германскими правителями, в частности, против Польского княжества. Но и с Польшей он стремился поддерживать дружественные отношения, которые скреплялись в соответствии со средневековой традицией династическими союзами. Так что его сын Изяслав Ярославич был женат на Гертруде, сестре польского князя Казимира I и дочери короля Мешко II, а сам Казимир — на дочери Ярослава Марии-Добронеге.

Будущий венгерский король Андрей I должен был бежать с братом Левенте от преследований своего дяди Шаламона (Соломона) I в Киев. Там они находились в 1034–1046 гг. и там же Андрей женился на дочери Ярослава Анастасии, которая приняла в Венгрии католическое имя Агмунда. В 1048 г. французский король Генрих I отправил посольство к Ярославу Мудрому с просьбой выдать за него замуж его дочь Анну. Киевский князь согласился, 19 мая 1049 г. в реймском соборе было совершено их бракосочетание, а в 1052 г. Анна Ярославна стала матерью будущего короля Филиппа I.

Все эти военно-политические союзы и династические браки до 1054 г. заключались в пределах единого церковного христианского пространства. Но и после раскола православной и католической Церквей в 1054 г. православные русские князья продолжали осмыслять себя в едином христианском мире. В интересах Русского государства и своих собственных они продолжали осуществлять ту же политику военно-политических и династических союзов с правителями католических стран, что и ранее их предшественники. Владимир Всеволодович Мономах, внук Ярослава Мудрого и византийского императора Константина IX Мономаха, был женат на Гите, дочери англо-саксонского короля Харальда. Его сестра Евпраксия была замужем за германским маркграфом Генрихом Длинным, а после его смерти — за императором Священной Римской империи Генрихом IV. Сын Владимира Мономаха Мстислав имел также западноевропейское имя Харальд, а женат он был на Христине, дочери шведского короля Инге Стейнкельсона. Столь же тра-

диционными оставались военно-политические и династические союзы русских князей с польскими и венгерскими правящими домами.

Активная системная внутренняя и внешняя политика Владимира Святославича и Ярослава Мудрого способствовала первой модернизации политически единого Русского государства. Она определила вектор социально-экономического и политического развития страны, ее культуры до второй трети XIII в. в едином контексте европейского политического пространства [Свердлов М.Б. 2003б. С. 33–40]. Это единство не было разрушено ожесточенной дискуссией о церковных догматах, последовавшей за расколом православной и католической Церквей [см.: Поньрко Н.В. 1992. С. 6–8, 22].

Русские православные князья продолжили эту политику модернизации. В свойственной православной Церкви «симфонии властей» светская власть была выше церковной, защищая ее и материально поддерживая. Интересы государственные были для князей выше диспутов о различиях православной и католической ветвей христианства. Поэтому они продолжали осмысливать положение Руси в едином европейском пространстве. Материальными основаниями такого осмысления продолжали оставаться постоянные торговые связи с другими европейскими странами и Византией, военно-политические и династические союзы с их правителями.

Во второй половине XI — первой трети XII в. на Руси происходили процессы, которые привели к распаду политически единого Русского государства — становление местных княжеских династий, рост экономического и военно-политического значения городов, укрепление местной землевладельческой знати — боярства. Вследствие этих процессов во второй трети XII — первой трети XIII в. сформировались и существовали три политические системы: 1) монархическая княжеская власть во Владимиро-Суздальском княжестве; 2) средневековая республиканская структура в Новгороде, определяемая выборами высших магистратов, посадника, тысяцкого, архиепископа и регламентированными договорными отношениями с князьями; 3) южнорусские и юго-западные княжества, в которых княжеская власть, боярство и города обладали приблизительным равенством общественно-политических сил, что в обстоятельствах борьбы за первенство приводило к постоянным кровопролитным столкновениям. В конкретных обстоятельствах в разных княжествах соотношение этих общественно-политических сил могло быть различным.

Объединяющее понятие «Русская земля» и в период политической раздробленности до первой трети XIII в. сохраняло свое реальное содержание. Оно заключалось в единстве материальной культуры с региональными отличиями, в единстве литературного языка, в единой организации Русской митрополии, в традициях единства политического пространства, которые выражались в особых правах членов династии Рюриковичей на всем пространстве «Русской земли», от Прикарпатья и Черной Руси до Поволжья и от Ладоги

до Среднего Поднепровья, поскольку князем на Руси нельзя было стать, им можно было только родиться.

Политическая раздробленность Русского государства имела следствием сужение традиционных международных связей прагматическими задачами отдельных княжеств и Новгородской республики, уменьшение их военно-политического потенциала. Однако все они продолжали оставаться в едином европейском пространстве, разумеется, с этнокультурными и конфессиональными отличиями от других европейских стран. Этот общеевропейский уровень позволил русским землям сдержать в 30-е — начале 40-х гг. XIII в. и позднее крестоносный и шведский натиск, когда русские воины под руководством Александра Невского и позднее на равных сражались со шведским войском, а также крестоносцами и побеждали их.

Трагические для русских земель события конца 30-х гг. XIII в. — XIV столетия имели негативные следствия для темпов их социально-экономического и культурного развития. Батыево нашествие 1237–1240 гг. и последующее установление Ордынского ига принесло значительные демографические, экономические и культурные утраты. Более двух третей городов, которые оказались на пути монголо-татарских войск, были разрушены. Около трети из них не смогли восстановиться после разгрома. Было уничтожено большинство крепостей и сельских поселений. Так что только на трети из них продолжалась жизнь в XIV в. [Древняя Русь: Город, замок, село. 1985. С. 104].

В результате военно-политической экспансии князей Витеня, Гедимины и Ольгерда в XIV в. в состав великого княжества Литовского вошли западно-русские земли, Волынь, Среднее Поднепровье и Киев, чернигово-северские земли. В 1404 г. великий князь литовский Витовт завоевал Смоленск. В середине — второй половине XIV в. Галиция и Западная Волынь вошли в состав королевства Польского. Ливонский орден оккупировал территории прибалтийских народов. Шведское королевство подчинило финские племена. Так что демографически и экономически ослабленные русские земли оказались в 40-е гг. XIII–XIV в. в окружении мощных враждебных государств. Их экономический потенциал постоянно истощался системой Ордынского ига, прежде всего «ордынским выходом». К тому же политическая раздробленность русских земель имела следствием взаимные распри и разорения. Вследствие всех произошедших в этот период событий темпы социально-экономического, общественно-политического развития русских земель, эволюции их культуры оказались замедленными в сравнении с западноевропейскими. В соответствии с законами этнокультурного развития на территориях, находившихся под властью великого княжества Литовского и королевства Польского, древнерусский этнос эволюционировал в XIV–XV вв. в украинский и белорусский. Традиционные связи русских земель с государствами Западной Европы сократились до ограниченных торговых связей преимущественно через Новгород [см.: Рыбина Е. А. 2001. С. 107–165].

Русские земли сохранили свою европейскую идентичность. Но вследствие постоянной военно-политической экспансии в XIV–XV вв. Золотой Орды, а после ее распада — новых татарских государственных образований, Великого княжества Литовского, королевства Польского, Ливонского ордена и королевства Шведского, направленность и содержание их эволюции в эти столетия стали существенно отличаться от западноевропейских государств.

В странах Западной Европы в XIV–XV вв. продолжали развиваться ремесла и появились мануфактуры. Они стали основой экономического процветания городов. Мощные цеховые организации, отстаивая свои социальные и экономические интересы, последовательно противостояли традиционным средневековым государственным и социально-экономическим структурам, социальному неравенству. Средневековой сословности и сословным привилегиям новая буржуазная система отношений противопоставила личность человека, его достоинство. Гуманизм противопоставил средневековому Божественному идеалу самодостаточного творческого Человека, Вере — Знание, средневековому быту — светскую культуру Возрождения.

Формирование в Западной Европе XIV–XV вв. национальных государств происходило одновременно с продолжением ее интеграции как единого интеллектуального пространства. В средние века такое единство поддерживалось феодальными структурами, основу которых составляло не этническое происхождение, а служба сюзерену. Белое и особенно черное духовенство в пределах единой латиноязычной культуры способствовало интеграции интеллектуальных достижений. В позднее средневековье и в эпоху Возрождения единую интеллектуальную среду создали университеты. Постоянные тесные торговые и культурные связи разных западноевропейских регионов и городов способствовали не только увеличению объемов производства и росту производительности труда, но также распространению передовых технологий и других видов интеллектуального прогресса. Достижения инженерной мысли, архитекторов, художников, скульпторов Италии, Нидерландов, Брабанта быстро усваивались и переосмысливались в других странах Западной Европы, способствуя ускоренным темпам развития новейшей материальной и духовной культуры, основными центрами которой становились крупные экономически развитые города.

Новые обстоятельства экономической, социальной и интеллектуальной жизни имели следствием пересмотр в XVI в. основ средневековой религиозности в различающихся по содержанию реформационных учениях и в качестве ответной реакции — католическую контрреформацию.

Россия в XIV–XV вв. проходила общеевропейский, но во многом отличающийся от западноевропейских стран путь исторического развития. Вследствие особых экономических и общественно-политических обстоятельств этого периода русские земли оставались еще на средневековой стадии исторической эволюции. Города являлись слабыми экономическими центрами. В военно-

политическом соперничестве за первенство в русских землях победила московская княжеская династия, которая стала последовательно интегрировать в составе княжества Московского другие северо-восточные земли или подчинять их своему влиянию. Лишь к концу XIV в. русское войско смогло выдерживать сильнейшие удары многочисленной ордынской конницы и побеждать ее, о чем свидетельствовали победы Дмитрия Донского на реке Воже в 1378 г. и в Куликовской битве в 1380 г. Впрочем, уже в 1382 г. в результате нашествия хана Тохтамыша Ордынское господство было восстановлено.

Княжество Московское вышло окрепшим из политических распрей первой половины XV в., и в 1456 г. московский князь Василий Васильевич установил контроль над Новгородом. В великое княжение его сына, Ивана III Васильевича (1462–1505), процесс объединения русских земель вокруг Великого княжества Московского был, в основном, завершен, а после так называемого «стояния» на Угре в 1480 г. было свергнуто Ордынское иго.

В XIV–XV вв. в русских землях развилась и победила московская система сильной княжеской власти. Она объединила и интегрировала многочисленные княжества, в которых продолжался процесс средневекового династического дробления, а также Новгородскую и Псковскую республики. В княжестве Московском князья объединили военно-политические усилия всего народа в борьбе за освобождение от Ордынского ига, за политическое первенство в русских землях. Ей не могли противостоять ни города вследствие слабости своего экономического и социального развития, ни боярство, определяющее значение для которого имела служба князю. Постоянно поддерживали усилия московских князей в объединении русских земель и митрополиты, начиная с митрополита Петра. Их титул, «митрополит Киевский и всея Руси», сохранил историческую традицию, осознание церковного и этнокультурного единства русских земель. Поэтому союз московской княжеской, позднее великокняжеской власти с властью церковной, кроме отдельных эпизодов, вызванных конкретными политическими причинами, был постоянным.

В XIV–XV вв. особое значение приобрело осознание всеми слоями русского населения себя как людей православных. Оно стало особой формой самоидентификации как по отношению к завоевателям-ордынцам, язычникам, с XIV в. — мусульманам, так и по отношению к крестоносцам и католическим государствам. Это чувство поддерживалось в тот период и жестким идейным противостоянием православной и католической Церквей.

В новых условиях общественно-политического развития русских земель великий князь Иван III проводил целенаправленную политику формирования единого государства. Идеологическое и свойственное средневековому сознанию символическое значение приобрели его женитьба на племяннице последнего византийского императора Зое (Софье) Палеолог. Великокняжеским гербом стал двуглавый орел, подобный гербу византийских императоров. Начал формироваться приказной административный аппарат

централизованного управления страной. Был издан новый судебник. Это политическое обновление сопровождалось модернизацией прежде всего строительных технологий и огнестрельного оружия, что было крайне важно для молодого и сильного государства в эпоху колониальной экспансии западноевропейских держав. В главных храмах страны, Успенском и Архангельском, возведенных в Кремле, интерьер древней крестовокупольной церкви был изменен в соответствии с концепцией торжественности залов итальянских палаццо, тогда как новый московский Кремль построен по принципам итальянских оборонительных сооружений. Для торжественных светских приемов там была возведена Грановитая палата, фасад которой продолжил итальянские традиции.

Итальянские мастера не только создавали в Москве шедевры церковной, гражданской и военной архитектуры, соединявшей русские традиции и новейшие западноевропейские достижения эпохи Возрождения. Они способствовали также развитию в России огнестрельного оружия, которое позволило реализовать военный потенциал государства в борьбе с противниками.

Это была вторая модернизация России. Она была поддержана во время реформ второй половины 30-х — первой половины 50-х гг. XVI в. Вторая модернизация создала условия для военно-политического превосходства России над ее восточными соседями. После присоединения к России Казанского ханства в 1552 г. и Астраханского ханства в 1556 г. началась активная русская колонизация Урала и Сибири.

Западное направление военно-политической активности России оказалось в других обстоятельствах. В 1492 г. был построен Ивангород, который защитил выход России к Балтийскому морю. Но России противостояли на Балтике государства, владевшие современными вооружениями. Попытка Ивана IV пробиться к Балтийскому морю после долгой и кровопролитной Ливонской войны (1558–1583) оказалась безуспешной. Напротив, она имела следствием объединение его противников — унию в 1561 г. Ливонского ордена с Литвой и Люблинскую унию великого княжества Литовского и королевства Польского в 1569 г. Воспользовавшись крайне ослабленным состоянием России после Ливонской войны, опричнины Ивана Грозного, вызванного ими экономического кризиса, гражданской войны — так называемой Смуты 1605–1612 гг., шведский король Густав II Адольф захватил по Столбовскому миру 1617 г. северо-западные русские территории с крепостями Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, отрезав Россию от выхода к Балтийскому морю. Для шведского контроля над важнейшим речным путем по Неве в ее устье была построена крепость Ниеншанц. В 1620-е гг. Густав II завоевал также Прибалтику, превратив Швецию после успешных военных реформ в мощную морскую державу с прекрасно организованной и вооруженной армией.

Таким образом, все попытки России выйти к Балтийскому морю, установить прямые торговые и культурные связи с экономически и технически

развитыми западноевропейскими странами к началу XVII в. оказались безуспешными. Огромное государство зависело от ввоза необходимых для нее товаров дальним окружным и опасным путем вокруг Скандинавского полуострова, а также по Белому морю в Архангельск. Осуществлялась также торговля западноевропейских купцов с Россией через ливонские, эстляндские и ингерманландские земли, принадлежавшие Швеции [Андреева Е.А. 2008. С. 16–17].

Это неблагоприятное для России геополитическое положение было очевидно современникам. Хорват Юрий Крижанич, который в 1659–1677 гг. находился в России, писал со знанием дела, отождествляя себя с россиянами: «Русь заперта отовсюду. 2. Хоть это славное государство столь широко и безмерно велико, однако оно со всех сторон закрыто для торговли. С севера нас опоясывает Студеное море и пустынные земли. С востока и с юга окружают отсталые народы, с коими никакой торговли быть не может. На западе — в Литве и в Белой Руси — не водится того, что нам нужно (разве что лишь медь есть у шведов). Азовскую и черноморскую торговлю, которая была бы для этой страны самой полезной, захватили и держат крымцы. Торговле в Астрахани препятствуют ногайцы. Торговле с бухарцами в Сибири мешают калмыки. Так что остается у нас только три безопасных торжища: для торговли посуху — Новгород и Псков, а для морской торговли — Архангельская пристань, но и к ней путь неимоверно далек и труден» [Крижанич Ю. 1965. С. 382–383; см. также далее, с. 92–95 настоящего издания].

В обстоятельствах продолжающейся экономической изоляции темпы социально-экономического и политического развития России продолжали оставаться средневековыми в своем содержании и замедленными в сравнении с западноевропейскими странами. В процессе социально-экономической стабилизации после разрухи «смутного времени» долгий предшествующий процесс прикрепления крестьян к господскому хозяйству был завершен установлением системы крепостного права в соответствии с Уложением 1649 г. в правление царя Алексея Михайловича (1645–1676).

2. Россия середины — второй половины XVII в.: средневековая традиция и необходимость новаций

В середине — второй половине XVII в. в России происходил процесс районирования сельскохозяйственного и ремесленного производства. Впрочем, в условиях средневекового крепостного права он создавал рыночные, но не новые капиталистические отношения, характеризующиеся всеобщностью товарно-денежных отношений и превращением рабочей силы в товар. Поэтому экономическое отставание России от стран Западной Европы все

более увеличивалось. В XVII в. оттуда ввозились в Россию изделия высококвалифицированного производства: дорогие сукна и ткани (атлас, бархат, полубархат и т. д.), бумага, черные и цветные металлы, включая высокосортное железо из Швеции, продукция химического производства (от красок до пороха), изделия из стекла, пряденое золото и серебро и т. д.

Из России вывозились в значительных количествах продукты, а также изделия, которые требовали затраты малоквалифицированного труда: хлеб, рыба, сало, пушнина, холсты, кожи, пенька, смола, поташ. При неразвитой собственной торговле страна несла значительный экономический ущерб. Поэтому патриотично настроенный Ю. Крижанич с большим огорчением писал, перечисляя недостатки российской экономики: «В-восьмых, нашего народа умы не развиты и медлительны и люди неискусны в ремесле и мало сведущи в торговле, в земледелии и в домашнем хозяйстве. Русские, поляки и весь народ славянский совершенно не умеют вести дальней торговли ни на море, ни посуху. Арифметике и счетной науке торговцы наши не учатся. Поэтому чужеземным торговцам всегда легко бывает нас перехитрить и нещадно обмануть, тем паче, что они живут по всей Руси и скупают наши товары по самой дешевой цене» [*Крижанич Ю.* 1965. С. 382–383 и след.].

Средневековое состояние экономики России становилось причиной того, что она начала превращаться в аграрно-сырьевой придаток стран Западной Европы, которые уверенно стали на путь современных мануфактурных и промышленных производств. Пользуясь низким уровнем российского предпринимательства, иностранцы активно эксплуатировали возможности откупов, смоляного, поташного, икорного, а также заготовки мачтовых деревьев.

Российские власти понимали, что в новых условиях, во второй половине XVII в., стране необходимо самостоятельное современное производство, прежде всего железоделательное и оружейное. Оно было начато в России голландскими предпринимателями — Андреем и Авраамом Виниусами, Юлиусом Виллекемом. Царской жалованной грамотой им было предоставлено монопольное право в течение десяти лет строить предприятия, заниматься выплавкой железа, изготавливать оружие и изделия из железа между Серпуховым и Тулой, что стало началом формирования там промышленного района. Это производство было продолжено при участии гамбургца П. Марселиса и голландца Т. Акемы, которые предприняли строительство новых заводов в Каширском, Малоярославском и Александровском уездах. А. Бутенант создал в 70-е гг. XVII в. центр крупного железоделательного производства в Карелии. Английская Московская кампания уже традиционно к середине этого столетия владела крупными канатными предприятиями. В 60-е гг. нидерландец Йохан ван Сведен создал бумажное, стеклодувное и суконное предприятие. В его поддержку ван Сведену была дана на оброк дворцовая волость, что было свойственно средневековым принципам организации производства. Поэтому не удивительно, что оно просуществовало

лишь до 80-х гг. Недолгим было производство иностранными предпринимателями в 50-е — 80-е гг. шелка, пороха, сукна, кирпичей. Вкладывали они капиталы и в северный промысел и переработку морского зверя и рыбы. Все виды предпринимательской деятельности иностранцев в России в правовом отношении квалифицировались как царская служба [История предпринимательства в России. 2000. Кн. 1. С. 178–185; *Велувенкамп Я.В.* 2006. С. 79–182; см. там же литературу проблемы].

Необходимость модернизации военного дела для ведения успешных войн имела следствием создание в России в начале 30-х гг. XVII в. полков нового строя, а в середине этого столетия — регулярных полков по иноземному образцу: конных рейтарских, конных и пеших драгунских полков, а также выборных полков солдатского строя. Но эти опыты модернизации русского войска развития не имели [*Малов А.В.* 2006; *Меньшиков Д.Н.* 2009. С. 7–17; см. там же литературу проблемы].

Значительная часть войска состояла из стрельцов, которые жили в городских слободах, где занимались торговлей, или сидели на пашне, что позволяло пополнить их скудное денежное и хлебное жалование. Такое содержание стрелецкого войска отрицательно сказывалось на его боевой подготовке. Вооружение армии в целом, особенно ее артиллерии, боевая подготовка всех ее полков, несмотря на участие в ней наемников — иностранных офицеров, существенно отставала от современных требований. Поэтому в русско-шведской войне 1656 г. в Прибалтике военные усилия России оказались безрезультатны, тогда как долгая изнурительная русско-польская война 1654–1667 гг. завершилась по Андрусовскому перемирию лишь признанием Польшей уже произошедших политических изменений — включение Смоленска, Левобережной Украины и Киева (только на два года) в состав Российского государства. Столь же тяжелыми для России и безрезультатными оказывались военные действия против Крымского ханства, которое поддерживала также средневековая в своих экономических и социально-политических основах Османская империя. Недостатки российских вооруженных сил того времени были очевидны и гражданскому человеку, Юрию Крижаничу, который обращал внимание на необходимость их модернизации, на их оснащенность современным огнестрельным оружием [*Крижанич Ю.* 1965. С. 430–431].

Происходившие в российском обществе и государстве эволюционные изменения в середине XVII в. имели следствием модернизацию Русской Церкви — так называемую реформу патриарха Никона в 1652–1658 гг. Впрочем, в отличие от стран Западной, Центральной и Северной Европы, где реформация приблизила человека к богослужению, реформа Никона способствовала возрастанию значения государства в «симфонии» властей, светской и церковной. В то же время появилось старообрядчество как особая форма протеста против медленно происходивших социальных, культурных и рели-

гиозных изменений. Оно стало выражением демократизации богослужения в России.

Если реформация являлась следствием воздействия на Церковь общественных отношений, интеллектуальной и религиозной жизни Нового времени, то реформа Никона осталась в пределах религиозных течений средних веков.

Постоянные необходимые для России экономические, военные и культурные связи со странами Западной Европы способствовали появлению в 1570-е гг. рядом с Москвой так называемой Иноземной, или Немецкой, слободы. После того как она сгорела во время «Смуты», иноземцы жили в Москве. Но по указу царя Алексея Михайловича в 1652 г. иностранцы были выселены из Москвы на территорию прежней Иноземной слободы. Дома и церкви (две лютеранские и одна реформатская) иностранцев были в Москве разобраны и перевезены во вновь созданную слободу за казенный счет. Там же им были нарезаны земельные участки в соответствии с их социальным статусом. Для создания иностранцам, столь нужным в России и ее столице, благоприятных условий для проживания слобода была объявлена «белой», т. е. неподатной. Постепенно слобода, первоначально сохранившая традиции русского домового строительства, изменила свой облик и к 70–80-м гг. стала похожа на западноевропейский город, но с элементами традиционной русской дворовой структуры (с банями, садами, огородами).

В середине XVII в. в Немецкой слободе жили иностранцы из разных земель: наемники-офицеры — пехотинцы, артиллеристы, кавалеристы; люди торговые и промышленники-предприниматели, живописцы, врачи, аптекари, переводчики Посольского приказа, мастера монетного, литейного и стекольного дела, мастера-ремесленники, оружейники, ювелиры и т. д. Все иноземные специалисты должны были передавать свои знания русским ученикам.

Немецкая слобода являла собой пример веротерпимости и открытости во взаимодействии с русской культурой. Застройка в слободе осуществлялась в соответствии с западноевропейскими принципами, преимущественно на немецкий и голландский манер. Во второй половине XVII в., как писали современники, она приобрела вид «немецкого города, большого и людного». Западноевропейские традиции сохранились и в ежедневном быту. Жители слободы носили платье, чаще по практичной немецкой моде, в отличие от французской, которой следовали самые богатые жители слободы, а также имели западноевропейские прически [*Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р.* 2005. С. 17–20].

Таким образом, Немецкая слобода рядом с Москвой, в центре России представляла собой модель западноевропейского образа жизни второй половины XVII в.

В Немецкой слободе функционировала школа под руководством И.-Г. Грегори, пасынка доктора Лаврентия Блюментроста, царского медика. Эта школа стала бесплатной. В ней учили Закону Божию, немецкому и латинскому

языкам, счету, письму и музыке детей, принадлежавших ко всем сословиям и состояниям — богатым и бедным, юношей и служанок, даже крепостных, плененных или купленных турок, татар, поляков [Цветаев Д. 1889. С. 1–9]. Эта школа стала одним из источников кадров для придворного театра царя Алексея Михайловича, а также местом подготовки его актеров [Ковригина В.А. 1998. С. 25–42; Орленко С.П. 2004. С. 44–140; Герман А.А., Илларионова Т.С., Плевава И.Р. 2005. С. 17–20; см. там же литературу проблемы].

Все эти виды торговли, деятельности западноевропейских специалистов в России, а также образованных в славянской, греческой и латинской письменности украинцев и белорусов, которые продолжали оставаться под властью Речи Посполитой — польско-литовского государства, имели следствием распространение в царском и боярском обиходе уже в правление Алексея Михайловича многообразных предметов западноевропейской вещной среды — карет, мебели, посуды, часов и т. д. В России начали писать «парсуны» — портреты, стилистические особенности которых сохраняли, впрочем, воздействие иконописной традиции. В западноевропейских странах покупалось значительное количество бумаги, необходимой для всех видов письменности и книгопечатания.

Искренне желая добра России, Ю. Крижанич уже в третьей четверти XVII в. советовал не покупать бесчисленные предметы современного быта, платя за них втридорога и экономически истощая страну, а производить их в России и продавать их в других странах, обогащая россиян и государство. Поэтому он мудро советовал: «Не одну сотню, если не тысячу, рублей ежегодно выручают на Руси немцы за писчую бумагу, хотя Русь скорее могла бы [сама] продавать бумагу шведам, литовцам, полякам, туркам и персам. <...> Более всего прочего надо позаботиться о том, чтобы добыть всяких ремесленников, умеющих плавить и лить железо, медь, олово, серебро и золото и обрабатывать для всяких нужд и делать из руд всякую посуду, оружие и орудия, какие только придуманы на свете. <...> Надо также делать дома, а не покупать на стороне и все те орудия, что нужны самим этим рудным мастерам, серебряникам, чеканщикам и всяким кузнецам» [Крижанич Ю. 1965. С. 401, 404–405]. Впрочем, его предложения по совершенствованию в России жизни экономической, политической и культурной не были ни поняты, ни приняты [Пушкарев Л.Н. 1982. С. 232–236; 1984].

Это направление промышленного развития Россия осуществить не могла. Ее производство находилось на средневековом уровне, на начальном этапе становления мануфактур и заводов преимущественно под руководством западных предпринимателей. Отсутствовали в России того времени научные и технологические знания, которые могли бы реализовать указанные Ю. Крижаничем виды промышленного производства на современном уровне. Осуществление его идей было возможно только при новой модернизации России.

Ю. Крижанич, человек прекрасно образованный и много повидавший в странах Западной и Центральной Европы, понимал, что без научных знаний Россия не сможет достигнуть уровня развития западноевропейских стран.

В конце правления императора Александра III, всячески поощрявшего распространение славянофильских настроений, профессор императорского Санкт-Петербургского университета А.И. Соболевский, пораженный фактами широкого распространения грамотности в русских землях XV–XVII вв., написал в речи, прочитанной им в 1892 г. на университетском годичном собрании, в духе правительственной идеологии единения всех сословий: «Данные, приведенные нами, позволяют признать, что в московской Руси XV–XVII веков образованность для всех сословий во всех отношениях была одна и та же. И княжеский сын, и поповский, и крестьянский учились в одни и те же годы одному и тому же по одним и тем же книгам, часто у одних и тех же учителей, и достигали в школьном образовании приблизительно одного и того же — умения читать и писать. Точно так же и княжеский сын, и попович, и крестьянский сын могли сами, каждый отдельно, набираться учености, изучая книги». Такое обучение грамоте он смог отметить лишь в школах-«училищах» при церквях и монастырях по часослову и псалтыри у дьяконов и дьячков [*Соболевский А.И.* 1892].

У княжича, поповича и крестьянского сына были разные возможности в образовании, однако обучение грамоте в России XVI–XVII вв. было действительно широко распространено. В этот период в среде свободного крестьянства Русского Севера, где так и не установилась система крепостного права, были широко распространены все виды письменных частноправовых актов, тогда как правовое сознание этих крестьян было в полной мере подготовлено к активному усвоению юридического содержания государственных документов [*Копанев А.И.* 1978; 1984]. Проблема заключалась в освоении в России XVI–XVII вв. современных для этого периода научных знаний, которые были неразрывно связаны с общественной практикой.

В XVI–XVII вв. в странах Западной Европы происходит активный процесс развития технологий, становления наук — астрономии (И. Кеплер, Н. Коперник, Р. Рикорд), географии (Г. Меркатор, Р. Хаклюйт Младший), физики (У. Гилберт, И. Ньютон), химии (Б. Палисси), минералогии (Г. Агрикола), математики (Ф. Виет, И. Ньютон, Д. Нэпир), медицины (У. Гарвей, Т. Парацельс, А. Паре), ботаники (К. Геснер, Ф. Фукс). Эти и многие другие ученые (в этой республике ученых они названы в данном случае не по национальной принадлежности, значимости или последовательности во времени, а по алфавиту) заложили основы современной науки, которая будет развиваться в последующие столетия. Ее успехам способствовало в XVI–XVII вв. единое пространство ученого сообщества, основу которого составляли университеты и латынь как международный язык общения, преподавания и научных публикаций.

В России XVI–XVII вв. такой научной практики не было. Основной причиной этого стала длительная изоляция русских земель от общеевропейских экономических и политических процессов вследствие особенностей исторического развития России со второй трети XIII в., эволюции ее культуры. Постоянным в этот период было военно-политическое противостояние с западными соседями католического, а позднее и протестантского вероисповедания, что в средневековом сознании осмыслялось как противостояние конфессиональное.

В отличие от такой религиозно-идеологической интерпретации политика московских великих князей в конце XIV–XVI в. преследовала реальные цели. Поэтому сын Дмитрия Донского Василий женился на Софии, дочери великого князя литовского Витовта. Заклячая мир с Литвой в 1494 г., Иван III выдал замуж свою дочь Елену за литовского великого князя Александра. Во время Ливонской войны Иван Грозный заключил союз с датским королем Фредериком II, выдал замуж свою племянницу Марию Владимировну за его младшего брата Магнуса, которому передал в управление земли, завоеванные в Ливонии, причем Иван Грозный не требовал перехода зятя в православие, а в церемонии бракосочетания одновременно участвовали лютеранский пастор и православный священник [Флоря Б. 1999. С. 338].

Эти дипломатические и династические союзы свидетельствовали о том, что в реальной политике московские великие князья, а позднее и царь Иван Грозный руководствовались решением государственных светских проблем, как их предки в XI — первой трети XIII в., но не религиозными началами противостояния Церкви, хотя русские правители постоянно следовали свойственным православной Церкви принципам «симфонии властей».

«Смута» и польская интервенция в России начала XVII в., оккупация шведами части северо-западных русских земель обострили в русском обществе чувство конфессионального противостояния западной Церкви. Впрочем, это чувство было различным к разным западным конфессиям. Прекрасно образованный и информированный секретарь посольства шлезвиг-голштейн-готторпского герцога Фридриха III Адам Олеарий, находившийся в Москве во время посольств 1633–1635 гг. и 1635–1639 гг., в данной связи писал: «Московиты относятся терпимо и ведут сношения с представителями всех наций и религий, как-то: с лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персиянами и турками. <...> Лютеране и кальвинисты до сих пор встречали хороший прием не только в разных местах в стране, но и в самой Москве при дворе, ради торговли и сношений, которые с ними усердно ведутся, а также и ради тех должностей, на которых они служат его царскому величеству дома и в поле. Тех из них, что живут в Москве, имеется до 1000. Каждому разрешается совершать богослужение в публичных церквях». Отметил Олеарий резко отрицательное отношение в России к католической Церкви, что он объяснял древней традицией раскола Церквей, а также новейшими событиями

войн с католической Польшей и польской интервенцией в недавнее Смутное время [Олеарий А. 1986. С. 410–413].

В связи с государственными потребностями в людях, знающих латинский язык, из Украины и Белоруссии, начиная с 1649 г., начали вызываться светские и духовные лица. В их числе находился знаменитый церковный деятель и писатель Симеон Полоцкий, который закончил Киево-Могилянскую академию. В 1664 г. он приехал в Москву, где стал преподавать в школе Заиконоспасского монастыря. Симеон являлся также наставником царских детей — Алексея, Федора и Софьи, участвовал в проекте создания Славяно-греко-латинской академии. В 1668 г. глава Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащекин, который владел иностранными языками, отправился с учениками школы Заиконоспасского монастыря в Курляндию с дипломатической миссией. В 1669 г. Симеона Полоцкого в этой школе сменил его ученик и последователь Сильвестр Медведев.

Впрочем, в московской традиционной среде к ним относились недоброжелательно. Как написал об этом В.Н. Сторожев, «их считали не за православных, а за чужеземцев, а порою и прямо за еретиков, ибо обрядовая сторона их жизни во многом отличалась от московской: и молились-то они не так, и пели иначе, и постились не как следует, не по-московски, и философию почитывали, да и еретической “латынской грамоты” не были чужды». Обобщая свои наблюдения над изменениями в состоянии образования в России XVII в., Сторожев отметил следующие направления: «1) Потребности церкви: а) в ученых справщиках для исправления церковно-богослужебных книг и переводов с греческого, б) в просвещенных духовных для борьбы с протестантизмом и расколом. 2) Потребности государства: а) в образованной бюрократии, способной понимать задачи и цели государства, б) в людях для дипломатических сношений и переводчиках с иностранных языков для посольской канцелярии» [Сторожев В.Н. 1890. С. 17, 22; см. также: Рогов А.И. 1979. С. 142–151; Седов П.В. 1994. С. 1–3].

Отдельные элементы западноевропейской культуры постоянно проникали в практику повседневной и государственной жизни России и ее царя Алексея Михайловича. Особенно полюбил он театр, первые постановки которого осуществлялись молодежью из Немецкой слободы — учениками пастора лютеранской кирхи и главы лютеранской школы Иоганна Готфрида Грегори. В 1673 г. в лютеранскую школу в Немецкой слободе было отдано 26 мещанских и подъяческих мальчиков из Московской Новомещанской слободы «для обучения комединым наукам». В следующем году число мещанских детей и иноземцев, занятых в спектаклях в качестве «комедиантов», было значительно увеличено. Но исполняли они не пьесы У. Шекспира, трагедии П. Корнеля, Ж. Расина, комедии Ж.Б. Мольера и других гениальных драматургов XVII столетия, а написанные Грегори по приказу царя «Артаксерсово действо» и «Иудифь» на ветхозаветные сюжеты. Другие авторы готовили

пьесы на библейские и светские сюжеты — «Малая прохладная комедия об Иосифе», «Жалобная комедия об Адаме и Еве», «Темир-Аксаково действо» о Тамерлане, балет «Орфей», пьесы о Давиде и Голиафе, о Бахусе и Венусе. Для придворного театра написал две пьесы и Симеон Полоцкий — «Комидия притчи о блудном сыне», «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроках, в печи не сожженных». Эти спектакли пользовались неизменным успехом у царя и многократно для него повторялись [*Цветаев Д.* 1889. С. 10–24; *Державина О.А.* 1979. С. 130–134].

Таким образом, все относившиеся к западноевропейской материальной и духовной культуре новации в правление Алексея Михайловича системно трансформировались в явления средневекового русского быта. Сам царь как ревнитель благочестия указывал своим подданным, чтобы они «иноземных немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили и людем своим потому же не велели» [ПСЗ. Т. 1, № 607].

Царские запреты и предосторожности помогали весьма ограниченно. Адам Олеарий написал о родственнике царя Никите Ивановиче Романове (ум. в 1654 г.): «Это веселый господин и любитель немецкой музыки. Он не только любит очень иностранцев, особенно немцев, но и чувствует большую склонность к их костюмам. Поэтому он велит не раз шить для них польское и немецкое платье, а иногда и сам, ради удовольствия, надевал его и в нем выезжал на охоту, несмотря на то, что патриарх возражал против такого одевания. Боярин этот, впрочем, иногда и в религиозных вопросах, как кажется, сердил патриарха тем, что отвечал ему коротко, но упрямо». Можно предположить такое осознанное стремление к модернизации верхней мужской одежды и у московских служилых людей [*Орленко С.П.* 2004. С. 173–174]. Вообще же, наблюдательный Олеарий, который учился в Лейпцигском университете, математик и библиотекарь, доброжелательно характеризовал русских людей, отмечая в них значительные возможности будущих изменений: «У них нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью» [*Олеарий А.* 1986. С. 339, 404].

Царские библиотеки Романовых, видимо, выражают основные тенденции в распространении иностранных книг в России после Смутного времени [здесь и далее о библиотеках в России середины — второй половины XVII в. см.: *Луттов С.П.* 1970. С. 102–117; см. там же литературу вопроса]. В библиотеке царя Михаила Федоровича содержались в соответствии с описью 1634 г. всего 11 книг, по описи 1642 г. — 29. Почти все они были религиозного содержания. У Алексея Михайловича в бытность его царевичем было 15 книг, некоторые из них — светского содержания: Космография, грамматика литовской печати, азбука печатная, «Тестамент Василия, царя греческого» и другие. Впрочем, для царевича были куплены только две книги. Остальные яв-

лялись «подношениями» патриархов, дьяков и протопопа Благовещенского собора, домового царского храма. Эти книги были религиозного содержания. Но боярин А.М. Львов поднес царевичу четыре книги литовской печати.

Библиотека царевича Алексея Алексеевича (1654–1670) значительно отличалась от книжного собрания его отца. По одной описи она содержала 192 книги (64 русские и 128 иностранных), по другой описи — 215 книг (78 русских и 137 иностранных). Поскольку составители описей, вероятно, иностранных языков не знали, невозможно установить, какие книги входили в состав библиотеки царевича. Впрочем, известно, что его воспитатель Ф.М. Ртищев был великолепно образованным человеком и поощрял распространение в России греческой и «латинской» грамотности. Царь Федор Алексеевич был младше своего безвременно умершего брата на семь лет. Так что состав его библиотеки может дать некоторое представление и о книжном собрании Алексея Алексеевича. По первой описи, кроме русских книг в числе 137 экземпляров, содержались 24 латинских и 4 польских книги, по второй описи, составленной для второй части царской библиотеки в 1683 г., в нее входили, кроме русских, 19 книг на латинском языке. После смерти царя Федора в 1682 г. его младшему брату Петру были переданы 12 книг, в том числе книга «О луне», перевод польской Хроники Матвея Стрыйковского и «Персонник на латинском языке в пергамене белом» [Лебедева И.Н. 1989. С. 84–92].

В книжных собраниях знатных людей также распространялись книги на иностранных языках. Среди небольшого числа сохранившихся книг из библиотеки Б.И. Морозова, реального правителя России в первые годы царствования Алексея Михайловича, — книги по истории (произведения Цицерона, Тацита и комментарии к ним Липсия), сочинения Галена по медицине, в том числе на латинском. В библиотеке боярина А.С. Матвеева, который одно время возглавлял Посольский приказ, значительное их число. По их описи 1677 г. из общего количества 77 экземпляров 42 книги были на латинском языке, 12 — на немецком, 5 — на греческом и латинском, 4 — на польском. Сам Матвеев являлся сторонником западноевропейской культуры. Он учился латинскому и греческому, хотя иностранные языки знал недостаточно, но его сын говорил на латыни и владел другими языками. Князь В.В. Голицын, который сделал быструю карьеру в царствование Федора Алексеевича и стал руководителем внешней и внутренней политики России в регентство царевны Софьи, хорошо знал немецкий и греческий языки, свободно говорил на латинском. В его библиотеке хранились книги по истории, грамматике, военному делу, юридические и по другим областям знаний, как переводные, так и на иностранных языках. В быту у таких просвещенных знатных людей использовались, вероятно, многочисленные изделия западноевропейского производства. Как писал И.Г. Корб, секретарь посольства И.Х. Гвариента, отправленного в Москву по указанию императора Леопольда I и находившегося в России в 1698–1699 гг., князь Б.А. Голицын, которому доверялись

переговоры с послами западноевропейских государств, воспитатель и приближенный Петра I, «знает латинский язык и любит его употреблять». Позднее, вернувшись в своем «Дневнике» к этой теме, он написал более обстоятельно, что Голицын хорошо владеет латинским языком и поручил учителям полякам обучать латыни своих детей. О широте мышления свидетельствует и его, как написал Корб, «обычная поговорка»: «Я уважаю русскую веру, немецкое благоразумие и турецкую верность» [Корб И. 1997. С. 67, 241]. О том, что такая широта мышления не вредила религиозности Голицына, свидетельствует его пострижение в монахи в конце жизни.

Из западных книг царь Алексей Михайлович и его дети, московская знать могли почерпнуть в том или ином объеме современные сведения в разных областях знаний. Голландские послы привезли в подарок Алексею Михайловичу значительный по размерам глобус. Позднее 16-летний Петр затребовал этот глобус себе. Так что царь и его дети могли иметь достаточно ясное представление как о географии Земли на уровне знаний того времени, так и о ее шарообразной форме [Богословский М. М. 1940. С. 27, 61].

Ю. Крижанич, не одобряя слепого копирования всего иноземного, обращал внимание на необходимость придания внешности русских людей современного вида [Крижанич Ю. 1965. С. 442]. По наблюдениям П.В. Седова, со второй трети XVII в. в царском дворце отмечается интерес к «немецкому платью», которое одевали для развлечения даже царевичи Алексей и Иван Михайловичи. С середины этого столетия Алексей Михайлович и его сын Федор, московская знать, служилые люди одевали верхнюю одежду разных видов по польской и венгерской моде или пошитую под их влиянием, что было следствием польского культурного воздействия. Впрочем, эта мода сформировалась под влиянием дорогого турецкого платья. Иноземная одежда стала распространяться и в других слоях общества, так что в 1663 г. во Псков был направлен царский указ, чтобы «русских людей никаков человек в полс[ком] и в немецком платье не ходил для того, что из литовские стороны лазутчики и всякие воровские посыльные люди знатны были». Впрочем, Алексей Михайлович продолжал проявлять интерес к одежде иноземной моды и побуждал людей приближенных появляться в ней при дворе. С 1673 г. по польской моде были одеты его многочисленные сокольники и конюхи.

Такое отношение к одежде по польской и «турской» моде сохранилось и в царствование Федора Алексеевича. 22 октября 1680 г. царь издал указ, регламентирующий придворное платье и верхнюю одежду для дворян. В отличие от широко распространенного мнения о введении Федором короткого польского платья (по колено и выше), П.В. Седов отметил, что московская знать должна была носить долгополые фerezеи и кафтаны, тогда как иноземные короткие кафтаны и чекмени носить запрещалось, равно как и традиционные долгополые охабни и однорядки. Этот указ относился к царедворцам и приказным, которые ходили в Кремль. Он должен был в определенной

мере унифицировать одежду служилых людей, которые являлись на службу. Новый русский придворный костюм стал существенно отличаться от традиционной одежды городских дворян, а служилое платье — от «городового». Но это не была одежда по французской или «немецкой» моде.

С 1680 г. отмечается появление в женском дворцовом обиходе «польских» шапочек, которые позволяли замужним женщинам не закрывать волосы полностью в отличие от их традиционного убранства. Эти изменения объясняются женитьбой царя Федора Алексеевича на польке Агафье Симеоновне Грушецкой. Молодая царица, а вслед за ней и царевны, стали одевать польские платья, хотя женский придворный туалет в отличие от мужского остался традиционным, тем более в других слоях русского общества [*Седов П.В.* 2006. С. 504–519; см. там же литературу вопроса].

Вероятно, под влиянием польской моды менялось отношение и к традиционной окладистой бороде. В 70–80-е гг. XVII в. в России среди небольшой части знатных мужчин распространилась мода на польский манер брить лицо, оставляя усы. Такой их внешний вид вызывал недоумение и решительное осуждение ревнителей традиций и благочиния. Когда боярин В.П. Шереметев, плывя по Волге в Казань на воеводство, попросил протопопа Аввакума благословить своего по моде выбритого сына, тот не только отказался, но, по словам его, «порицал, видя блудолюбивый образ». Боярин приказал за это выбросить высокого по сану священника в Волгу [*Аввакум*]. 1959. С. 62].

Впрочем, царь Алексей Михайлович, неоднократно изображенный на парсунах с бородой, вероятно, в 1670 г. оставил на своем лице только усы и небольшую тщательно подстриженную бородку, судя по его портрету неизвестного западноевропейского художника второй половины XVII в. Это преобразование можно объяснить не только новой модой, но также его намерением жениться после кончины первой жены Марии Ильиничны Милославской. Алексей женился 22 января 1671 г. на юной Наталье Кирилловне Нарышкиной, родственником которой являлся А.С. Матвеев. По мнению С.В. Моисеевой и С.В. Римской-Корсаковой, этот портрет был написан после смерти царя в правление Федора Алексеевича (1676–1682) или в регентство царевны Софьи (1682–1689). Впрочем, их основной аргумент в пользу более поздней датировки портрета основывается на недоразумении. Исследовательницы поняли слова надписи на портрете «*regit atque tuetur*» как «Царствовал и Управлял», т. е. в прошедшем времени. Отсюда их вывод о посмертном изображении царя. Доводы этих авторов о композиции и размере портрета доказательными не являются [*Моисеева С.В., Римская-Корсакова С.В.* 2004. С. 162–163]. Между тем, глаголы текста на портрете — настоящего времени: «царствует и оберегает». Таким образом, портрет Алексея Михайловича прижизненный, и 42-летний царь изображен на нем в соответствии с новой модой усов и бородки, которые придавали ему моложавый вид перед вторым браком. С усами и бородкой изобразил А. Тарасевич фаворита царевны

Софьи В.В. Голицына в 1689 г. [Иткина Е.И. 2004. С. 215]. Эти портреты могут свидетельствовать об эволюции польской моды в России — усы были дополнены небольшой бородкой. Русская знать была готова лишь на компромисс, но не на решительное обновление внешнего вида.

Впрочем, консерватизм брал верх над царскими попытками отразить в верхнем мужском платье, во внешнем виде мужчин и женщин ускоряющийся темп жизни. К тому же, новой моде, как и всему неправославному, нетрадиционному в России, противостоял патриарх Иоаким (1674–1690). Перед своей кончиной он завещал, обращаясь прежде всего к юным царям-соправителям Ивану и Петру: «Еретики бо, яко лютеры, калвины, латины, не советуют и не глаголют яже человеческая, но новообретная и чуждая истинного благочестия; татарове же проклятые злобожники суть, в них же никоего же добра обретается, живут в державе царской и между многих христиан, в великих градах, их же во благочестивую веру всячески приводит великий долг <...>». Утверждая собственную исключительность, патриарх не жалел по отношению к людям других конфессий и более крепких выражений. В заключении духовной грамоты он обобщил: «Но паки воспоминаю, еже бы иноверцом еретиком костелов римских, кирок немецких, татаром мечетов в своем государстве и обладании всеконечно не давати строити нигде, новых латинских иностранных обычаев и в платья премен по иноземски не вводитьи <...>» [Устрялов Н. 18586. С. 472, 477].

Впрочем, могло быть и другое отношение к немцам. Ю. Крижанич жестко их критиковал за несправедливое отношение к славянам, и к русским в частности, а также за негативные отзывы о славянах и русских в сочинениях немцев. Он решительно осуждал «чужебесие», как он разъяснял, «бешеную любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам» [Крижанич Ю. 1965. С. 497]. Но Крижанич последовательно призывал перенимать западноевропейский, в частности немецкий, культурный опыт.

В 30–60-е гг. XVII в. в Москве осуществлялись попытки организации греко-славянских школ. Учитывая особое значение латинского языка в научной и культурной жизни Европы того времени, их образовательные программы включали обучение латыни — греко-латинская школа Арсения Грека и с одобрения царя Алексея Михайловича славяно-греко-латинское училище в Бронной слободе. Впрочем, второй проект так и не осуществился [Фонкич Б.Л. 2009. С. 111–187].

О борьбе идей в 70-е — первой половине 80-х гг. XVII в. вокруг организации в Москве необходимого для современного общества и государства высшего образования свидетельствуют судьбы «Привилегии на Академию» Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева. Долгое время в научной литературе было распространено мнение о предназначении этой «Привилегии» для Славяно-греко-латинской академии, созданной братьями Лихудами, которые начали преподавать в Москве с 1 июля 1685 г. [Фонкич Б.Л. 1988.

С. 64–65], а также их учениками из Типографской школы. Дискутировался также вопрос об авторе этого произведения — Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев как редактор в 1682 г. уже составленного текста или только Медведев [здесь и далее см.: *Фонкич Б.Л.* 2000. С. 237–297; 2009. С. 189–231; см. там же литературу вопроса].

По нашему мнению, Б.Л. Фонкич доказал, что первоначальный текст «Привилегии» был написан Симеоном Полоцким в правление Федора Алексеевича, но не был утвержден царем, хотя он и покровительствовал прекрасно образованному белорусу [см.: *Панченко А.М., библиография: Д.М. Буланин, А.А. Романова.* 1998а. С. 362–379]. После смерти Симеона в 1680 г. его рукописи стали принадлежать его ученику и последователю Сильвестру Медведеву, который продолжил работу над проектом и подготовил его для утверждения Федором Алексеевичем. Царь доброжелательно относился к Сильвестру, но и на этот раз он «Привилегию» не утвердил. Поэтому проект оставался у Медведева до того времени, когда он мог быть представлен царевне Софье 21 января 1685 г., в период юности царей Ивана и Петра Алексеевичей и ее регентства. Но и царевна, которая подобно брату Федору доброжелательно относилась к постепенному усвоению в России элементов западной культуры, проект Академии не утвердила.

Анализ текстов «Привилегии» позволил Б.Л. Фонкичу сделать вывод, согласно которому ее содержание отражает взгляды ее создателей. Поэтому он решительно возразил против распространенного в исследовательской литературе мнения о вмешательстве в ее текст на последнем этапе его создания патриарха Иоакима и возглавлявшей им так называемой «греческой партии», якобы его отредактировавшей в соответствии со своими воззрениями.

Как предположил Б.Л. Фонкич, проект основания Академии являлся продолжением и развитием давнего намерения Симеона Полоцкого открыть в конце 1667 — начале 1668 г. славяно-греко-латинское училище при церкви Иоанна Богослова в Бронной слободе. Там ученики должны были обучаться грамматике и «радоваться о свободе взыскания и свободных учений мудрости». Но, несмотря на поддержку царя Алексея Михайловича, патриарха Московского Иоасафа, а также находившихся тогда в Москве патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, этот план осуществлен не был [*Фонкич Б.Л.* 2000. С. 257–258; 2009. С. 65–93].

Наблюдения над историей текста «Привилегии» позволили Б.Л. Фонкичу существенно углубить анализ его нормативного содержания.

Утверждался жесткий принцип русской православной конфессиональной принадлежности «блюстителя» и учителей Академии. Если они окажутся греками, то они должны иметь гарантию от православных патриархов в их «в восточной христианской вере крепком утверждении». Впрочем, во избежание проникновения в Россию с греками униатства такая гарантия должна была быть подтверждена и в самой России. В Академии запрещался допуск

к преподаванию католикам, лютеранам, кальвинистам и людям «иных ересей», «ради веры нашае лучшего хранения». Такие же меры «хранения» названы и по отношению к учителям, прибывшим из «Малыя России», а также из «Литовские страны», прежде всего из Белоруссии (ст. 3). Какие-либо «толкования или подлоги ко усумнению нашае восточныя веры», а тем более ее «хулительство» в Академии не допускались. За такое «хуление» виновный «без всякого милосердия да сожжется» (ст. 4).

Преподавать разрешались «всякия от церкви благословенныя науки». В предисловии к «Привилегии» такие науки «гражданския и духовныя» перечислены, начиная с «грамматики, пиитики, реторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословия учащей божественных и совести очищения». Это — традиционные дисциплины средневековых европейских университетов, освоенные и в Киево-Могилянской академии. Но, поскольку в западноевропейских университетах того времени все более распространялось преподавание начал современной астрономии, математики, физики, химии и других естественнонаучных дисциплин, в «Привилегии» были указаны самые жесткие меры «хранения» от них: «А от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учить, и учителей таковых не имети. Аще же таковыя учителя где обрящутся, и оны и со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся» (ст. 5).

Преподавание иностранных языков должно было осуществляться только в Академии, тогда как домашнее обучение греческому, польскому, латинскому «и прочим странным языком» категорически запрещалось без контроля академических «блюстителя и учителей». Его причина также указывалась в интересах Церкви — «во еже бы от разных домовых учителей, паче же от иностранных и иноверных, противности каковой-либо вере нашей православной не ввестися и не бытии разногласию» (ст. 6). На том же основании «в вере нашей развращения» под контролем академических «блюстителя» и учителей должны были прибывшие «из разных стран в наше царствие разных вер и ересей ученыя свободных наук люди». Их не следовало допускать до «царския милости и жалования», ни содержать в своих домах и «никаковым образом не защищати» (ст. 11).

«Блюститель» и учителя должны были «крепче наблюдати», чтобы «от противно святыя православныя веры мудрствующих всякаго чина людей» не возникали «в вере противности и распри и раздоры», чтобы они не устраивали в данной связи диспуты с академическими «блюстителем» и учителями. Гарантами их такого монопольного положения в вопросах веры являются царь и патриарх (ст. 12). «Блюститель» и учителя должны были наблюдать за теми «из разных вер и ересей», кто принял православие. Их должны были записывать в особые книги. В случае недостаточного следования догмам таких людей надо было ссылать в дальние города на Терек и в Сибирь, а в случае их следования прежней вере или «ереси», а также «нашея веры в хулении» —

сжечь «без всякаго милосердия» (ст. 13). Последнему наказанию подлежали также «от чуждоземцов и русских людей», на пиру или каком ином месте при свидетелях «хулящих» «православную нашу христианскую веру или церковная предания», к тому же если таковые будут обличены в суде и не будут призывать в помощь святых, поклоняться святым иконам и почитать мощи святых (ст. 15).

«Богохульные и богоненавистные книги и писания», запрещенные Церковью, нельзя «держати» дома никому. Польских, латинских, немецких, «люторских, и калвинистских, и протчих еретических книг» можно «держати» только «ученым людям свободных учений», т. е. только тем, кто прошел курс обучения в университетах или в Киево-Могилянской академии. «Кто свободных учений неискусный» такие книги в доме хранил, читал, к тому же сомневался «нашея восточныя веры и церковных преданий», то таких «предати казни, смотря по их вине, нещадно» (ст. 14).

Среди исследователей распространено мнение, в соответствии с которым в статьях «Привилегии» прослеживается воздействие грекофилов на ее текст. По мнению Б.Л. Фонкича, поскольку этот проект в процессе подготовки к представлению на подпись царю Федору Алексеевичу, а потом Софье Алексеевне не покидал дома его соавтора и редактора Сильвестра Медведева, то именно Медведеву принадлежат нормы об ужесточенном отношении к иноземцам, и даже православным, об иноземных книгах, о контроле над всем русским просвещением, над определенными вопросами жизни русской Церкви с жестокими расправами над учителями, их учениками и книгами. Сильвестр в новых обстоятельствах писал уже не то, что его учитель [Фонкич Б.Л. 2000. С. 288–297; 2009. С. 189–231; Седов П.В. 2006. С. 521–524].

Греки братья Лихуды осуществили компромиссный проект греческого и латинского образования. Они учились в Венеции и в Падуанском университете, преподавали в греческих городах, которые находились под властью Османской империи. В 1683 г. по рекомендации восточных патриархов они отправились в Россию. Прибыв в марте 1685 г. в Москву, они приняли активное участие при поддержке патриарха Иоакима в открытии в 1687 г. Славяно-греко-латинской академии в Заиконоспасском монастыре, где система обучения была организована в соответствии с разработанной ими программой [см.: Белоброва О.А. 1993. С. 301–305; см. там же литературу вопроса; Фонкич Б.Л. 2001. С. 28–30; ср. противоположное мнение: Сазонова Л.И. 1995. С. 46–61].

В начальном классе Академии изучалось «славянское книжное писание», а затем «греческое книжное писание». В среднем классе преподавались грамматика и латинский язык, в высшем классе — риторика, диалектика, логика, физика, впрочем, курс физики был прочитан в незначительной части. Обучение грамматике и пиитике осуществлялось Лихудами на греческом, а риторике, логике и физике — на греческом и латинском языках. Так что ученики

осваивали эти языки блестяще. Принадлежавшие к их числу Федор Поликарпов и Николай Головин смогли продолжить преподавание, когда Лихуды вынуждены были оставить Академию.

Впрочем, это обучение осуществлялось под контролем властей. Католикам и протестантам запрещалось становиться учителями и ректором этой Академии.

Учениками Академии становились молодые люди, принадлежавшие ко всем сословиям, от аристократов до монахов и челяди. По наблюдениям А.И. Рогова, дети священников учились там неохотно, а монахов было крайне мало. Несмотря на преимущественно светский состав учеников, преподавание в Академии следовало принципам не современного научного, а религиозно-духовного воспитания. Латинский язык был оставлен в числе иностранных языков, подлежащих изучению. Но сторонники последовательного обучения основам «латинской» письменности были отстранены от руководства Академией [*Смирнов С.* 1855. С. 12–13, 25, 66–67; *Сменцовский М.* 1899. С. 26–29, 69–73; *Рогов А.И.* 1979. С. 150–154].

Таким образом, школьное образование в России последней четверти XVII в. остановилось на средневековых основах освоения грамотности, а среднее и высшее образование — на принципах средневековой схоластики и религиозно-духовного воспитания, начал светской культуры, но не современной светской науки.

Анализируя отношение русских людей к начавшимся в середине — второй половине XVII столетия изменениям, А.М. Панченко писал: «Те люди “бунташного века”, которые очевидный для всех закат Древней Руси переживали как мучительную утрату, как национальную и личную катастрофу, не могли понять, чем плох освященный временем старинный уклад. Им было невдомек, какая надобность в коренной ломке жизни огромной страны, с честью вышедшей из испытаний Смуты и крепнувшей год от году. Их поистине апокалипсическому отчаянию всегда сопутствовало недоумение: “Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!”». Они осуждали даже ограниченные изменения, произошедшие в правление Алексея Михайловича. А потому А.М. Панченко отметил: «Традиционалисты воспринимали царя Алексея и его сподвижников как “прелагаев”, которые, “отеческое откиня <...> странное (иностранное, — А. П.) богоборство возлюбивша, извратилася»» [*Панченко А.М.* 2005а. С. 119–133].

Протопоп Аввакум обвинял во всех бедах России иноземцев, предрекая от них гибель России. Поэтому в челобитной царю Федору Алексеевичу, уже находясь в заключении в качестве идеолога старообрядчества, он писал не только о том, что почивший Алексей Михайлович «в муках сидит», т. е. находится в аду, но также предостерегал царя против каких-либо связей с иноземцами из Западной Европы: «Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творили. Своего царя Константина, потеряв безверием, предали турку (намек на падение

Константинополя в 1453 г. — *М. С.*), да и моего Алексея в безумии поддерживали, костельники (католики. — *М. С.*) и шиши антихристовы, прелатаи (лазутчики, согладатаи. — *М. С.*), богоборцы» [*Аввакум*]. 1959. С. 206]. Впрочем, так же относился к неправославным христианам и в малой мере распространявшимся тогда в России элементам западноевропейской культуры патриарх Иоаким, который отказывался обедать с иностранцами за одним столом, запрещал обращаться к немецким врачам, осуждал тех, кто брил бороду, что представляло для него «еллинский, блуднический, гнусный обычай».

На последнем церковном соборе, который состоялся в 1690 г. и который Иоаким возглавлял, патриарх добился осуждения деятелей культуры и Православной Церкви — киевского митрополита Петра Могилы, черниговского архиепископа Лазаря Барановича, Симеона Полоцкого и других — как «латинствующих» [*Зиборов В.К.* 1993а. С. 53].

Между тем семнадцатое столетие требовало от России не медленных и частичных, но быстрых и решительных преобразований. Исторический выбор был невелик — или оставаться в Средневековье, или совершить прорыв в Новое время. Отсутствие решительных преобразований могло иметь следствием стагнацию средневековой системы общественной и интеллектуальной жизни страны, превращение ее в зону военной, колониальной и экономической экспансии современных промышленно развитых стран.

Изменения в государственном управлении, в придворной жизни, в культуре и быте, активное участие иностранцев в российском предпринимательстве, в военном деле, в разных отраслях культуры и техники, попытки модернизировать армию свидетельствуют об объективной потребности России в новой эпохе системной модернизации, а также о возможности ее осуществления. Но эта возможность до преобразований Петра Великого не стала действительностью.

3. Средневековые русские историко-литературные произведения XVI–XVII вв.

Исторические сочинения этого периода о России соответствовали состоянию страны в целом. Летописи продолжали составляться в соответствии со свойственными им принципами погодных записей, причинно-следственных связей и провиденциализма — Божественного Предопределения в содержании и последовательности событий. На содержание их текстов воздействовало также общественное положение их авторов, общерусские и региональные события. Как установил А.А. Шахматов, «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы» [*Шахматов А.А.* 1916. С. XVI].

Летопись являлась сложным в своем содержании историко-литературным произведением. Поэтому на летописные своды в XVI–XVII вв. воздействовали

общие явления в эволюции русской литературы этого периода. Как отметил А.С. Лаппо-Данилевский, «прежние летописные своды стали постепенно перерождаться в компилятивные исторические сочинения, явно окрашенные политическими тенденциями» [*Лаппо-Данилевский А.С.* 1920. С. 14].

Исследовав литературные и исторические произведения XVII в. о Смутном времени, С.Ф. Платонов обобщил: «Итак, в большинстве сказаний о смуте исследователь имеет пред собою не бесхитростные записи о фактах, не простые впечатления очевидцев, а рассказы, отразившие на себе или условные литературные вкусы века, или агиографическую точку зрения, или поэтическое творчество, личное и народное. Понятно, как эта чуждая истории сторона сказаний действовала на общий характер повествования о смуте в ущерб его простоте и достоверности». Поэтому он предупреждал последующих исследователей: «В сознании каждого писателя слагалась под разнообразными влияниями известная точка зрения на события, определить которую исследователю безусловно необходимо раньше, чем он воспользуется тем или другим историческим показанием автора» [*Платонов С.Ф.* 1913. С. 440].

Д.С. Лихачев конкретизировал и расширил эти наблюдения. По его мнению, в XVII в. прослеживается развитие публицистики и вымышленных сюжетов, движение литературы к документу и документа к литературе. Политическая легенда стала одним из проявлений усиления в литературе художественного вымысла. Притчи в их русских переделках получали историческое осмысление. В данной связи Лихачев писал: «Художественная правда постепенно отделяется от правды бытовой. Литературное воображение легализуется, становится официально допустимым. Но, вступая в свои права, фантастика долго маскируется изображением бывшего, действительно существовавшего или существующего. Вот почему в XVI в. жанр “документа” как формы литературного произведения вступает в литературу одновременно с вымыслом». В то же время в исторической литературе XVII в. отмечают «эмансипация сюжетного построения» как литературное повествование преимущественно по законам жизни и сюжетного построения, а также расширение социальной тематики [*Лихачев Д.С.* 1973. С. 129–133, 140–141].

Рассматривая летописание XVI в. в контексте политической истории России этого периода, Я.С. Лурье пришел к выводу о его полном подчинении государственной политике, а после опричнины и дальнейших событий времени правления Ивана Грозного — к прекращению официального летописания [*Лурье Я.С.* 1976. С. 260]. В последующей дискуссии, вопреки мнению о сохранении особого значения летописания в конце XVI–XVII в. [см.: *Корецкий В.И.* 1986], было показано, что в этот период происходило постепенное вырождение этого историко-литературного жанра [*Вовина В.Г.* 1992. С. 117–130].

В русской литературе начала XVII в. отмечают мистификации, гиперболизации, авторские симпатии и антипатии. Они отразили активное воз-

действие беллетристики, художественного вымысла в это столетие на историческое повествование. Отметив появление в XVII в. права искусства на художественный вымысел, А.М. Панченко продолжил свои наблюдения: «В связи с этим пришлось отказаться от нормативных предписаний средневекового историзма, который не признавал вымышленных героев и ограничивал круг литературных персонажей историческими лицами. Разумеется, эти персонажи могли быть и псевдоисторическими, никогда не существовавшими, но средневековый автор и читатель не сомневались в том, что они действительно жили на земле. В утверждении права искусства на вымысел большую роль сыграло “историческое баснословие” XVII в. — беллетристика на исторические темы. В исторической беллетристике XVII в. остались лишь внешние приемы, лишь оболочка средневекового историзма. Авторы искали своих персонажей на страницах летописей и хронографов, но уже не заботились о том, чтобы их поступки хотя бы приблизительно соответствовали тому, что в этих летописях и хронографах сказано. Источник уже не сковывал фантазию писателя. Историческим оставалось только имя, носитель этого имени становился, по существу, вымышленным героем. Его действия уже не зависели ни от фактов, сообщаемых источником, ни от средневекового “этикета поведения”» [История русской литературы X–XVII веков. 1980. С. 408].

В таких обстоятельствах летописи и другие виды историко-литературных произведений в полной мере трансформировались в своем изложении событий, в хронологической последовательности и причинно-следственных связях. Они изменялись также как произведения политического и идеологического содержания. Поэтому их авторы домысливали события, сообщая о них среди исторически достоверных летописных текстов [Пештич С.Л. 1961. С. 39–44; характеристики летописных сводов XVII в. см.: Насонов А.Н. 1969. С. 478–499; Клосс Б.М. 1980. С. 266–295; Дворецкая Н.А. 1984; СККДР. 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 234–296; Солодкин Я.Г. 1997]. Вместе с тем, в меняющихся общественно-политических обстоятельствах конца средневекового периода и начала Петровской эпохи происходило перерождение прежних жанров компиляций историко-литературного содержания. Примером такого перерождения является Латухинская Степенная книга, в Хронографическую редакцию которой включались выписки из петровской газеты «Ведомости» [Сиренов А.В. 2007. С. 348–349, 356].

Изменялось и само понятие «летописец», которое вместо обозначения летописного свода как историко-литературного произведения стало названием компиляции текстов исторического и литературного содержания, не являющейся, как в случае «Нового летописца», летописным сводом [см.: Вовина В. Г. 2004].

Та же трансформация происходила с летописанием и как с литературным жанром. Не учтя этой его особенности в контексте истории жанров исторических и литературных, Е.В. Чистякова и А.П. Богданов написали о продолжении

летописания в последней четверти XVII и в XVIII в., возразив, таким образом, против мнения об «угасании» летописания к концу XVI в. Перечислив как хорошо известные, так и мало известные произведения, преимущественно летописные, авторы охарактеризовали их как «свидетельства высокого развития историографии в России второй половины XVII в.» [*Чистякова Е.В., Богданов А.П.* 1988. С. 7–8; о субъективности характеристик А.П. Богдановым историографического и исследовательского процессов см.: *Вовина В.Г.* 1996. С. 168–174]. Между тем, такая интерпретация летописной традиции, по нашему мнению, не учитывает ее средневековой жанровой природы. Поэтому обоснованы возражения В.Г. Вовиной характеристикам А.П. Богданова составителю Летописца 1686 г.: «Заметим, что литературные достоинства памятников позднего русского летописания вообще довольно сомнительны, и интересна в них как раз не эта сторона. Не выразительность, а именно заурядность и отсутствие индивидуального начала, сходство с известиями разрядов, воеводских отписок, челобитных, посольских списков — вот что отличает стиль летописных компиляций второй половины XVII в. и в том числе Летописца 1686 г.» [*Вовина-Лебедева В.Г.* 2004. С. 169, примеч. 242].

Приведенные А.П. Богдановым факты могут свидетельствовать лишь о том, что в XVII в. летописная традиция продолжалась в значительно трансформированном виде, тогда как в XVIII в. она существовала уже в условиях формирования литературы и исторической науки Нового времени как анахронизм. Ошибочной представляется характеристика позднего летописания как свидетельства «высокого развития историографии» и потому, что она деформирует сложный процесс становления исторической науки.

Появление, в результате предшествовавшего развития, единого Русского государства второй половины XV — первой половины XVI в. в правление великих князей Ивана III Васильевича, Василия III Ивановича, царя Ивана IV Васильевича нуждалось в его идейном объяснении, в идеологическом обосновании высокого положения правителей России среди других правящих европейских домов. Эти задачи были выполнены методами, свойственными средневековому обществу, — посредством вымышленных исторических событий и генеалогических связей.

Не позднее 1527 г. было создано литературно-публицистическое произведение «Сказание о князьях Владимирских», в которое были включены после предшествовавшей литературной и идеологической обработки легенды о происхождении русских великих князей от римского императора Августа, а также о наследственном владении московскими великими князьями регалий византийского императора Константина IX Мономаха, которые были получены его внуком князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом [*Дмитриева Р.П.* 1989. С. 370–371]. Такие исторические предания позволяли продолжить раннесредневековую традицию возведения русской истории к всемирной, включив ее в библейскую историю с разделения Ноем Земли

между Симом, Хамом и Иафетом после Всемирного потопа. Соединение русской истории со светской всемирной историей осуществлялось посредством ее изложения как продолжения древней истории Египта, Греции и Рима. Это включение было осуществлено автором «Сказания» в два приема.

В соответствии с планом автора первый исторический период соединил римского императора Августа и правителя пруссов Пруса, подразумевая истоки созвучий *пруссов* и *руссов* (написание этнонима и политонима *русы* – *руссы*, *росы* – *россы* значительно варьировалось в исторической литературе XVII–XVIII вв.; здесь и далее эта вариационность соблюдается). Поэтому автор предложил такой в значительной мере вымышленный исторический и генеалогический ряд: «В лето 5457 Августу, кесарю римскому, грядущу в Египет с своими ипаты, яже бе власть египетская рода суща Птолommeева. И срете его Ирод, Антипатров, творя ему велие послужение вои, и пищею, а дарми. Предаде же Бог Египет и Клеопатру в руке Августу. Август же начать дань подкладати на вселенней. Постиви брата своего Патрикия царя Египту; Августалиа, другаго брата своего, постави Александрии властодержца; Ирода же Антипатрова аскалонитянина за многия ради его почести постави царя над иудеи в Иерусалиме; Асию же поручи Евлагерду, сроднику своему; Алирика же, брата своего, постави в поверъшии Истра; и Пиона постави во Отоцех Златых, иже ныне нариются Угрове, а Пруса, сродника своего, в брезе Вислы реце во граде Марборок, и Турн, и Хвоини, и пресловый Гданеск, и ины многи грады по реку, глаголемую Немон, впадшую в море. И жит Прус многа времена лет и до четвертаго роду; и оттоле до сего времени зоветься Прусская земля».

Установив таким вымышленным образом исторические и генеалогические связи между императором Августом и Прусом, автор «Сказания» мог их распространить и на Русь. Для этого он соединил распространившиеся в русском летописании XV–XVI вв. легендарные известия о новгородском «старейшине» Гостомысле [см.: НПЛ. С. 164, 471; *Свердлов М.Б.* 2003а. С. 121–122, 125] и относившееся к событиям середины IX в. предание об избрании восточнославянским князем конунга Рюрика, за которым послы, как написано в летописях, следовавших за «Повестью временных лет» (далее – ПВЛ), «идоша за море къ варягомъ, к Руси» [см.: ПВЛ. 1996. С. 13, 398–405, 595–598]. Впрочем, в соответствии с новейшими исследованиями, в Новгороде археологические слои отмечаются лишь с конца IX в., что свидетельствует о возникновении города в первой половине X в. [*Янин В.Л., Колчин Б.А.* 1978. С. 43; *Носов Е.Н.* 1990. С. 170–171; 2005. С. 28–29].

Интерпретируя имевшиеся в своем распоряжении материалы в контексте политических и идеологических задач первой четверти XVI в., автор «Сказания» продолжил свое повествование, устанавливая таким вымышленным образом генеалогические связи родоначальника русской династии Рюрика с императором Августом: «И в то время некий воевода новгородский именем Гостомысл скочевает свое житъе и созва вся владелца Новагорода

и рече им: “О мужие новгородстии, совет даю вам аз, яко пошлете в Пруську землю мужа мудры и призовити от тамо сущих родов к себе владелца”. Они же шедше в Пруську землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суца от рода римьскаго Августа царя. И молиша князя Рюрика посланьницы от всех новгородцов, дабы шел к ним княжити. Князь же Рюрик прииде в Новъгород, имея с собою два брата: единому имя Трувор, а второму Синеус, а третий племенник его именем Олег. И оттоле наречен бысть Великий Новград; и начя княз великий Рюрик первый княжити в нем» [БЛДР. 2000. Т. 9. С. 280, 282, 535–538].

«Сказание о князьях Владимирских» как идеологически и политически насыщенное литературно-публицистическое произведение стало активно использоваться в русской средневековой письменности, хотя оно не имело реального исторического содержания. Его идеи были привлечены при написании Воскресенской летописи, Государева родословца 1555 г., Степенной книги. В связи с подготовкой венчания на царство Ивана IV была подготовлена вторая редакция «Сказания» [Дмитриева Р.П. 1989. С. 370–371]. То есть, идеи «Сказания» в средневековой практике приобрели государственное, идеологическое значение. Отдельные составляющие этой идеологизированной концепции были усвоены и массовым сознанием, так что в родословных легендах XVI в. сложилось традиционное клише, которое использовалось и в родословных росписях конца XVII в.: «выехал из Немец из Пруские земли муж честен в Велики Новгород» [Бычкова М.Е. 1981. С. 101].

Таким образом, уже в первой четверти XVI в. в русской письменности существовал жанр идеологизированных литературно-публицистических произведений о древней истории Руси, но с вымышленным содержанием. Этот жанр сосуществовал с традиционным летописанием и новыми видами исторических произведений. Его идеи проникали в эти произведения, наполняя их идеологизированным литературным вымыслом.

Завершение длительного периода политической раздробленности русских земель в правление Ивана III и Василия III, превращение России в сильное в военно-политическом отношении государство, в единственную православную страну, свободную от иноземной зависимости, имело следствием особое значение ее правителей по отношению к православным людям в других странах, которые обращались в Россию за политической, финансовой и духовной поддержкой. Идеологическим выражением произошедших изменений стало в первой четверти XVI в. появление концепции «Москва — третий Рим».

Она была сформулирована монахом Псковского Елеазарова монастыря Филофеем в послании великому князю Василию III: «Иже от вышняа и от всемоущная вся содръжаша десница Божия, имже царие царствуют и имже велиции величаются и силнии пишут правду тебе, пресветлейшему и высокостолнейшему государю великому князю, православному христианскому царю и всех владыце, брододержателю святых Божиих престол,

святыя вселенския соборныя апостольския церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения иже вместо римския и константинопольския просиавшу, стараго убо Рима церкви падеся неверием аполлинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордъми разсекоша двери, сиа же ныне третиаго, новаго Рима, дръжавнаго твоего царствия святая соборная апостольская церкви, иже в концых вселенныя в православной христианстей вере по всей поднебесней паче солнца светится, — и да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианския веры снисдошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь» [БЛДР. 2000. Т. 9. С. 300, 302].

Василий III не имел официального титула *царь*, которым был титулован в 1547 г. его сын Иван. Так что в послании старца Филофея соединились не только распространенные в европейской христианской политической и исторической мысли идеи «перенесения империи» (*translatio imperii*), программа трансформации великого княжества в царство, но также концепция особого значения России в православном мире. Поэтому теория «Москва — третий Рим» активно использовалась в русской письменности первой половины XVI в., а после учреждения в 1589 г. в Москве патриаршества — в официальных документах и в идеологизированных литературно-публицистических произведениях [Гольдберг А.Л., Дмитриева Р.П. 1989. С. 471–473].

Идейные комплексы генеалогических связей русских великих князей и царей с Пруссом и римским императором Августом, происхождения великокняжеских и царских регалий, теории «Москвы — третьего Рима» были свойственны средневековым общественно-политическим представлениям. Все они в равной мере не имели научного содержания. В идеологии великого княжества Московского и Российского царства в XVI–XVII вв. они приобрели большое функциональное значение. Поэтому их наличие и отсутствие в русских исторических произведениях второй половины XVII в. может свидетельствовать о мереследования идеологическим мифам средневековья, освобождения от них, а также о содержании процесса эволюции исторических знаний в тот период.

4. Польская и австро-немецкая «Россика» XV–XVII вв. о начале Руси

Кроме средневековых русских идеологизированных мифов был еще один фактор, который воздействовал на содержание исторических произведений в России середины — второй половины XVII в. и позднее: польская и австро-немецкая «Россика» XV–XVII вв.

«Россика» — библиографический термин, обозначающий иностранную литературу, посвященную истории и культуре России. Эта литература

отражала значительный интерес на Западе к огромному государству, расположенному на безграничных пространствах Восточной Европы и северной части Азии. Для Польши, Австрии и Германии это была эпоха перехода от позднего средневековья к Возрождению. Хроники и анналы уже не соответствовали новым запросам в изложении исторических событий. Вместо свойственного им последовательного изложения произошедшего в причинно-следственных связях теперь требовалось его осмысление. В этих странах началось углубленное изучение отечественной истории. В Польше оно стимулировалось ростом ее военно-политической активности, территориальным расширением, формированием нового государственного образования — Речи Посполитой — вследствие династической и политической унии королевства Польского и великого княжества Литовского. Австрия начала играть активную роль в Священной Римской империи, а ее правители Габсбурги с 1438 г. постоянно избирались императорами. В борьбе с натиском Османской империи Австрия стала многонациональным государством, включившим в свой состав и славянские народы.

Те, кто изучал древнейшее прошлое Польши и Австрии, обращались в соответствии с идеями эпохи Возрождения к античному наследию. В известиях античных и раннесредневековых авторов они обнаруживали на землях своих государств в древности германцев, сарматов и скифов. Если для немцев и австрийцев в XV–XVII вв. их этногенетическая преемственность по отношению к древним германцам была очевидной, то для поляков возникла сложная проблема определить этногенетические связи славян, к которым они себя обоснованно относили, с сарматами и скифами.

Во второй половине XV в. в Польше и Австрии стало проявляться внимание к образовавшемуся политически единому Русскому государству и к его истории. Не учитывая их, уже нельзя было вести активную политику в Центральной и Восточной Европе.

Постоянные научные и культурные связи Польши, Австрии и других стран Центральной и Западной Европы, основу которых составляли университеты, новые традиции культуры Возрождения и книгопечатание, позволяли активно обмениваться новыми идеями и знаниями. Так что сведения одних авторов о России достаточно быстро становились известны их коллегам в других городах и странах. Источником такой информации являлись, кроме античной традиции, те, кто побывал в России, русские летописи, а также жители и письменность украинских и белорусских земель, которые входили в состав королевства Польского и Великого княжества Литовского.

Первым таким историком стал Ян Длугош (1415–1480). Его отец шляхетского сословия добился среднего уровня достатка и знатности. В 1431 г. Длугош начал служить в канцелярии краковского епископа, выдающегося политического деятеля и канцлера Краковского университета Збигнева Олешницкого (ум. 1455) и в 1436 г. был назначен каноником. Длугош стал

секретарем и близким доверенным лицом Олешницкого. После смерти епископа король Казимир IV Ягеллончик (великий князь литовский (1440–1492), король польский (1447–1492)) привлек его к дипломатической деятельности. В 1467 г. он поручил Длугошу воспитание своих детей.

В числе многих литературных трудов Я. Длугоша находится его монументальное произведение в пяти томах — «История Польши» (сейчас ее по старшему списку называют «Анналами»). Он начал работать над этим сочинением в 1455 г. и завершил его в первой редакции в 1465–1466 гг. Позднее он неоднократно возвращался к своему труду, дополняя и редактируя написанное. Изложение событий доведено в нем до 1480 г. При написании своего труда Длугош использовал многочисленные польские хроники и анналы, агиографические источники, актовые материалы [Щавелева Н.И. 2004. С. 11–23].

По наблюдениям исследователей, в распоряжении Я. Длугоша находились также русские летописные памятники: летопись типа Лаврентьевской; произведение, относившееся к группе Софийской I — Новгородской IV летописей; южнорусский источник, сходный с Ипатьевской летописью; западнорусская летопись. Конкретизируя эти наблюдения, Б.М. Клосс предположил, что Длугош имел в своем распоряжении Южнорусский летописный свод первой трети XIII в., отредактированный в соответствии с интересами смоленского княжеского дома, и Смоленский летописный свод, основу которого составили Радзивилловская (в раннем списке) и Софийская I летописи. Последняя была дополнена по Новгородской IV и Новгородской I летописям [[Клосс Б.М.] 2004. С. 34, 40–52; см. там же литературу вопроса].

Как историк, Я. Длугош, утверждая равную значимость Польши с другими европейскими странами, возвел поляков вслед за средневековыми летописцами к сыну библейского Ноя Иафету. Он писал о поляках как об известных с античной древности сарматах или их преемниках. Карпаты, по Длугошу, — Сарматские горы. Возможно, на такое изложение древнейшей истории воздействовала не только ученая традиция, но также теория, отождествлявшая предков поляков с сарматами, развившаяся в Польше в политизированное идейное направление «сарматизм». Здесь и далее приведены те сюжеты в трудах Длугоша, последующих польских и австро-немецких авторов, которые станут темами острых дискуссий в российской историографии XVIII в. Дальнейшее повествование о русской истории в сочинении Длугоша также следует за летописными сводами, но с особенностями авторского изложения.

Исходя из сходства названий славян *венедов*, о которых писали ранне-средневековые авторы VI–VII вв., и германцев *вандалов*, которые обитали на территории современной Длугошу Польши ок. 400 г. н. э., историк назвал и вандалов предками поляков, которые лишь изменили ныне свое название. Такому отождествлению способствовало также сходство этнонима *вандалы* с немецким названием славян *Wenden*. Не называя хорошо известную ему

Великую, или Великопольскую, хронику (XIV в.), Длугош возразил против отождествления в ней славян и германцев, утверждая, что предками русских и поляков являлись *скифы*, поскольку античные авторы называли *Скифией* земли между Танаисом (Доном), Эльбой и Вислой. Если в Великой, или Великопольской, хронике утверждалось величие славян вследствие их происхождения от могущественного прародителя Пана, у которого было три сына — Лех, Рус и Чех, правители трех королевств — лехитов, русских и чехов, то Длугош, утверждая особое значение Польши, настаивал на том, что Рус — не брат Леха, а его потомок (*nepos* — внук, потомок, племянник). Если автор Великой хроники в продолжение своей концепции равного значения лехитов, русских и чехов возводил их языки к одному отцу Славу, к которому он возводил и название славян, то Длугош в утверждение первенства лехитов уже не касался этой темы, которая русских ставила в такое же равное положение к Славу и славе [«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. 1987. С. 52–53].

В продолжение таких этногенетических размышлений Я. Длугош отождествил по созвучию германское племя ругов с руссами, которые в средневековой латиноязычной литературе с XII в. стали называться *Rutheni*, а Русь — *Ruthenia*. Поэтому он написал об Одоакре, который во второй половине V в. победил ругов, как о русском. По Длугошу, во главе русского войска он совершил поход в Италию и занял Рим. Лишь после победы Теодориха и готов над Одоакром у русских было отнято королевство Италии. В изложении этих событий Длугош допустил значительные несоответствия историческим фактам.

Кроме приведенных ранее этногенетических идей и экскурса о походе русского войска в Италию, Я. Длугош написал о древнейшем прошлом Руси в соответствии с летописными текстами, восходившими к ПВЛ, о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди, а также о появлении у «некоторых племен руссов» («nonnulli Ruthenorum naciones», Н.И. Щавелева перевела эти слова как «некоторые русские народы») трех князей от варягов. В изложении Длугоша летописное повествование приобрело ряд особенностей, свойственных восприятию польского историка в XV в. По его словам, Кий с братьями и сестрой выделялись умом и силой. Поэтому они добились главенства в своем роде и подчинили прочих своей власти. От них произошли прочие племена. Они возвели в России (in Russia) три главнейших крепости, названных по их именам. Кроме эти князей Длугош назвал и «других князей поляков» («alii Polonorum duces») — Радима и Вятко, которые названы в летописях, восходивших к ПВЛ, «от рода Ляхов». От них произошли радимичи и вятичи. «Оскальд» и Дир, по Длугошу, — потомки Кия, Щека и «Корева». Но во время их княжения в Киеве «некоторые племена руссов», «тяготаясь их княжением, приняли трех князей от варягов, поскольку из своих они не пожелали выбрать никого из-за [их] равенства [с собой]». «Рурек», «Шиниев» и

«Трубор» сели в Киеве, Белоозере и в «Сборске» (т. е. Изборске) [*Щавелева Н.И.* 2004. С. 67–69, 71–73, 78–79, 213–215, 219, 220, 225–226, 369–370, примеч. 32; С. 371, примеч. 36, 37, 39; С. 371–372, примеч. 42].

Другой краковский каноник, младший современник Я. Длугоша Мацей Меховский (1457–1523) происходил из бедной городской среды. Обучение в Краковском университете и последующая работа в 1480–1485 гг. в Пражском, немецких и итальянских университетах сформировали из него великолепно подготовленного ученого в звании доктора медицины. После возвращения в Краков он стал профессором университета. В 1501–1519 гг. он девять раз избирался его ректором и два года становился его вице-канцлером. Канцлером университета был краковский епископ.

В традициях эпохи Возрождения интересы М. Меховского многообразны. Поэтому, кроме трудов по медицине и астрологии, он — автор двух исторических произведений: «Польской хроники» и «Трактата о двух Сарматиях». Меховский активно использовал при их создании рукописи еще не опубликованных «Анналов» Я. Длугоша. В первой части «Хроники» он повторил труд Длугоша, но в его продолжении до 1506 г. Меховский самостоятелен. Иначе, чем Длугош, он композиционно расположил материал и более точен в хронологии. Если труд Длугоша впервые и неполностью был опубликован только в 1615 г., то «Хроника» Меховского, впервые изданная в 1519 г., стала не только первой напечатанной историей Польши, но сделала доступными для читателей материалы и идеи Длугоша. «Трактат о двух Сарматиях» был впервые опубликован в 1517 г. и в том же столетии неоднократно переиздавался, в том числе в немецком, польском и итальянском переводах.

При написании «Трактата» М. Меховский использовал, кроме сочинений Длугоша и других писателей раннего Возрождения, многочисленные произведения античных и средневековых авторов. Знал он и о «славянских хрониках», следы которых, впрочем, в «Трактате» не прослеживаются. Но он располагал сведениями о Руси и Московии по рассказам иностранцев, в том числе и поляков, от людей, бежавших в Литву и Польшу, а также от русских пленных в Польше.

Тему «Трактата» М. Меховский избрал для своего времени актуальную — написать о народах, которые живут к востоку от Польши, а также о землях, которые они занимают. В соответствии с античной традицией, прежде всего географическим трудом Клавдия Птолемея (II в. н. э.), он писал о Сарматии Европейской и Сарматии Азиатской. Европейская Сарматия — земли Восточной Европы до Дона, Азиатская Сарматия — к востоку от Дона. Азиатскую Сарматию он называл еще Скифией.

«Трактат о двух Сарматиях» М. Меховский начал с повествования о Батыевом нашествии. Ему было важно напомнить эту тему в условиях постоянных столкновений Польши с Османской империей и крымскими татарами. Меховского привлекало изложение событий нового для него времени.

Вопросы этногенетические и древней истории он излагал более по Длугошу, внося в его текст определенные коррективы. Он охотно писал о германских племенах и о славянских народах. В подтверждение своих слов о значительном расселении славян и распространенности славянского языка он добавил: «Теперь, впрочем, уже и литовцы говорят по-славянски». В числе славян он назвал рутенов, население Юго-Западной Руси, и московитов — население Московского государства [Меховский М. 1936. С. 2–20, 72–73, 78–79, 152–153, 158; С. 201, примеч. 2; С. 242, примеч. 143].

Такое деление ранее обобщающих в средневековой латиноязычной литературе названий: *Россия* — *Russia*, *русские* — *rhutheni* и *Московия*, *московиты*, *моски* — *Moscovia*, *Moscovia*, *moscoviti*, *mosci* — рассматривается в научных исследованиях как следствие польской традиции, которая с начала XVI в. стремилась сохранить названия *Русь*, *рутенy* только за теми русскими землями, которые находились под властью Великого княжества Литовского и королевства Польского [Хорошкевич А.Л. 1980. С. 83–84; Kämpfer F. 1996. S. 12–13; Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 207–208, примеч. 10; см. в этих работах историографию проблемы].

Такое стремление к политическому и церковному противопоставлению русских земель, без сомнения, тогда имело место. Но, видимо, надо учитывать, что для появления последовательного разделения древнего хоронима и политонима *Russia* и нового *Moscovia* в общественном сознании и политическом мышлении народов других стран Европы существовал объективный фактор — появление в великое княжение Ивана III могущественного государства со столицей в Москве. Поэтому для многих общественных слоев, от правителей до купцов, в странах к западу от России к началу XVI в. сформировались новые этнополитические и лингвистические реалии — *Московия* и *московиты*. Этот исторический факт был очевиден для венецианского посла Марка Фоскарино, который находился в Москве в 1557 г. Он писал в своем «Историческом сказании о Московском государстве»: «Названия Московия и москвитяне — недавнего происхождения». О Московии он писал как об огромной стране. По его словам, она «тянется в восточном и северном направлении к Скифскому морю; расположена между Польшей и Таврией и простирается до жертвенника Александра Великого, что у истоков Танаиса у самого края земли» [Иностранцы о древней Москве. 1991. С. 50].

Для указания древности России (*Russia*) М. Меховский в отличие от Я. Длугоша не написал о князе-эпониме Русе, хотя ранее, сообщая о древних поляках и чехах, он указал их предков, Леха и Чеха. В поисках соответствия современным этногеографическим реалиям античных истоков он отождествил Россию с хорошо известной по трудам древнегреческих и римских авторов землей сарматского племени роксоланов, которые кочевали между Днепром и Доном: «После сказанного о Сарматии Скифской, называемой Скифией, нам остается сказать о Сарматии Европейской. Первой тут перед нами лежит Рус-

сия, некогда называвшаяся Роксоланией». Московия для Меховского — часть Европейской Сарматии. Но подчиненные великим князем Московским Иваном Васильевичем северные и восточные неславянские земли — Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела (в порядке перечисления Меховским) — это Скифия [Меховский М. 1936. С. 94, 112, 117, 172, 189, 193]. Других обоснований древности этих стран и народов, кроме соотнесения современных и античных этногеографических реалий, Меховскому было не нужно.

В установлении исторической преемственности античных роксоланов и современных рутенов М. Меховский следовал за формирующейся традицией. Книжники эпохи Возрождения соотносили современную этнополитическую действительность с античной картиной мира. По территориальному совпадению и созвучию, впрочем, со значительной относительностью, они отождествили Россию и Роксоланию. Поэтому итальянский современник Меховского Рафаэль Маффеи (1455–1522), прозванный Волатеран, уверенно писал: «Роксоланы у Плиния и у Птолемея, роксаны у Страбона, ныне же рутены» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 208–209, примеч. 15].

Шваб Иоганн Фабри (1478–1541), который первоначальное образование получил в Констанце и Ульме, учился в университетах Фрейбурга и Тюбингена, служил при дворе эрцгерцога Фердинанда, совершил успешную церковную карьеру, завершennую в 1530–1540 гг. в качестве епископа Вены, в 1525 г. издал трактат «Религия московитов». Хотя он был посвящен церковным вопросам, Фабри кратко написал и об их истории, ссылаясь на знаменитых античных авторов: «Итак, я нахожу, что народы, теперь называемые нами общим именем московиты (*Moscovitas*), некогда, по свидетельству Плиния, именовались роксоланами (*Roxolanos*), коих, однако, Птолемей, изменив немного букву, на восьмой карте Европы называет росоланами (*Rosolanos*), а равно и Страбон. Они же давно уже зовутся рутенами (*Rutheni*). И они суть те самые народы, которые некогда, по сообщению Страбона, стойко сражались с полководцами Митридата Антипатора. Нынче же из того, что я упоминал прежде, ничто так сильно не изменилось со временем, как названия стран и областей. Из-за того, что царский град всей области их назван Москвой, они и сами приняли имя московитов; некоторым же, подобно Волатерану, угодно производить оное от реки Москвы; как бы это имя ни производить, не столь важно, лишь бы смысл имени был ясен» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 135–217; текст и перевод см. там же, с. 146–147, 175]. В тексте Фабри особый интерес представляет стремление автора выявить сведения о подвигах роксоланов, античных предков современных рутенов, указать на их географическую преемственность.

Таким образом, западная традиция Ренессанса в соответствии с историческою и художественною концепцией своего времени, возрождавшей, в частности, античное наследие, стала проследивать в роксоланах античные

начала не только *России* и *русских* по созвучию, но также *Московии* и *московитов* по территориальной преемственности. Эти суждения формировали систему исторических знаний той эпохи. Впрочем, этимология этих названий страны и народа пока не рассматривалась.

К данной теме обратились другие современники М. Меховского, И. Фабри и итальянского филолога и путешественника Волатерана. Нидерландец Альберт Кампенский (1490?–1542), который учился в университетах Лувена и Кельна, некоторое время преподавал в Париже, а с 1522 г. находился на службе у римских пап, написал в 1523 или 1524 г. трактат о Московии. Вслед за М. Меховским он сообщал о землях Восточной Европы как о двух Сарматиях. В соответствии с книжными познаниями он писал о ее географических названиях, используя античную номенклатуру. Новым в труде Альберта Кампенского стало отождествление по созвучию современных ему московитов с восходившими к сыну Иафета Мешеху мосхами (москами), так что Московию он назвал в соответствии с античными ассоциациями «страной мосхов» (*Moscorum regio*) [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 63–134].

К такому же мнению пришел итальянец Павел Йовий (1483–1552). Он учился в университетах Падуи и Павии. С 1512 г. Йовий находился в Риме и служил при дворе четырех пап. С 1551 г. он переехал во Флоренцию к своему покровителю герцогу Козимо I. В 1525 г. Йовий издал «Книгу о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII». В ней он использовал многие сведения о России великокняжеского посла Дмитрия Герасимова. Этот труд имел значительный успех у читателей и многократно переиздавался в XVI в. на латинском и в переводах на национальные языки [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 217–306].

В соответствии с системой взглядов своего времени П. Йовий, собираясь написать о современной ему Московии, обратился к античным авторитетам, но предупредил, что «прежде всего сжато и кратко описано будет положение страны, очевидно, мало известное Плинию, Страбону и Птолемею». Впрочем, Йовий продолжал следовать античным образцам. Географическое расположение Московии он изложил в соответствии с античной номенклатурой, конкретизируя местопребывание и древних предков московитов мосхов: «Имя московитов (*Moscovitarum*) стало известным недавно, хотя Лукан упоминает о мосхах (*Moschis*), смежных с сарматами, а Плиний помещает мосхов (*Moschos*) при истоках Фасиса выше Евксина к востоку. Страна их весьма обширна, простирается от жертвенников Александра Великого, что находятся у истоков Танаиса, до самого края земель у Полунощного океана почти на самом севере». На восток от московитов, относившихся к сарматскому миру, он поместил скифов-татар, образ жизни которых он характеризовал в соответствии с античными реалиями: «С востока соседями Московии (*Moschovia*) являются скифы, ныне именуемые татарами (*Tartari*), народ

кочевой и во все века славный своей воинственностью. В качестве домов татарам служат повозки, крытые волоками и кожами; за этот образ жизни древний мир назвал их амаксовиями». Скифскими народами называл знаменитый географ Себастиан Мюнстер (1489–1552) в своем труде «Всеобщая космография» (первое издание в 1544 г.) население северных и восточных земель, подчиненных «государю московитов» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 317–318, 329, 340].

В отличие от И. Фабри П. Йовий согласен с тем, что нынешнее название московитов происходит, как и название их главного города, от реки Москвы. Но в соответствии с трудом Птолемея, добавил Йовий, они именовались модоками. Сообщая о беседах с Дмитрием Герасимовым, он написал о своем вопросе послу, не сохраняется ли устная память в его народе о готах, которые разрушили и Римскую империю, и город Рим тысячу лет назад, т. е. в VI в. По словам Йовия, Дмитрий ему ответил, что «имя готского народа и царя Тотилы славно у них и знаменито, и что для этого похода собралось вместе множество народов и преимущественно перед другими московиты». В комментарии к этому заявлению московского посла О.Ф. Кудрявцев привел мнение Е.Е. Замысловского, в соответствии с которым в словах Герасимова прослеживается желание подчеркнуть «всемирное значение русской народности» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 230, 234–235, 258, 264–265, 271, 299, примеч. 69; Тотила (541–552) — король остготов, который в 546 и 549 гг. смог захватить Рим и подчинить своей власти почти всю Италию].

По мнению О.Ф. Кудрявцева, П. Йовию был неизвестен труд Альберта Кампенского «О Московии», написанный незадолго до того при папской курии, вследствие его секретности [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 219–220]. Если это мнение верно, то обращает на себя внимание совпадение в их сочинениях указаний античных мосхов в качестве исторических предшественников современных московитов. Можно предположить, что в среде книжников папской курии к середине 20-х гг. XVI в. существовала мысль о такой исторической преемственности. Это была попытка в представлениях эпохи Возрождения дополнить по созвучиям прежние постоянные сопоставления руссов, рутенов с античными роксоланами объяснением аналогичным образом новой европейской политической реальности — появление Русского государства со столицей в Москве. Это государство, получившее на Западе название *Московия*, институировалось в ряду других европейских стран, уже имеющих реальные или вымышленные античные истоки, посредством указания своих столь же значимых корней в упоминаемых античными авторами мосхах. В таком объяснении соединились политика, идеология и попытка объяснить исторические явления посредством недоказанных сопоставлений и народной этимологии, основанной на созвучиях.

Во второй четверти XVI в. идеи об исторических связях московитов с мосхами начали распространяться в среде европейских книжников и развиваться.

Светская ренессансная идея об античных корнях московитов в историческое время была дополнена в католической среде представлениями о появлении предка москво в библейское время. Так что гданьский сенатор Антон Вид в карте Московии, составленной им между 1537 и 1544 гг., и пояснениях к ней учитывал опыт предшествующих авторов, как ныне устанавливаемых, так и неизвестных. Московия, по его словам, занимает часть Европейской Сарматии, большую часть Сарматии Азиатской и «вступает в пределы Скифии по направлению к Геллеспонту». В кратком экскурсе, посвященном происхождению московитов, он написал: «Родоначальником народа был (как и само имя обнаруживает) Моск (Moscus), Ноев внук от [его] сына Иафета. Ведь Бероз свидетельствует, что колонии москво (Moscus) были выведены одновременно в Азию и в Европу. Того, что москво обитали в Азии, в восточной части Евксинского моря, свидетелями являются Иосиф, Страбон, Мела и многие другие, отчего — ведь весьма близко к этим местам расположена наша Московия (Moscovia) — правдоподобным выглядит предположение о том, что москво действительно оттуда перенесли свое местопребывание в Европу, или часть [их] осталась там [на прежнем месте], а другие отбыли в эту нашу [сторону]. Если некоторые станут утверждать, будто москвиты — это те, кого Пто[лемей] именует модоками, я не буду возражать, но пусть эти люди поразмыслят, не было ли случайно по ошибке написано вместо москохов модоки. Евреи ведь Моска называют Москох» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 307–316; текст и перевод, С. 309, 311, 313–314].

Таким образом, идея установления предков москвитов в античной древности как москох (москво) не только сохранилась, но и развивалась, удвояясь в охвате времён и привлекая в поле своей интерпретации все более обширные территории. В условиях формирования единого Русского государства со столицей в Москве она дополнила ранее существовавшую теорию исторической преемственности России и рутенов от роксоланов. Эти идеи выражали стремление осмыслить в эпоху Возрождения начала Русского государства в едином историческом контексте европейских стран, возводя эти начала к одному истоку античного периода на уровне подразумеваемых исторических традиций и созвучий этнонимов. Но такие наблюдения подвергались воздействию клерикальных идей, сохранявших традицию возведения народов или эпонимов к библейскому времени, вследствие чего князь Рос усматривался в библейской книге пророка Иезекииля, а родоначальник москох — в сыне Иафета Москохе.

Впрочем, в Италии третьей четверти XVI в. уже было известно, что «герцогству» Московия «и его городу Моска дала имя река, проходящая посередине города». Так написал в «Рассуждении о делах Московии» венецианский посол Франческо Тьеполо (1509–1580), который в Московии не был, но собрал о ней и ее истории обстоятельные сведения [Иностранцы о древней Москве. 1991. С. 57].

В таком сложном состоянии идей о началах Русского государства дипломату Сигизмунду Герберштейну следовало определить свое отношение к изучению этой темы. Австриец барон Герберштейн (1486–1566) родился в Крайне, вырос в Крайне и Истрии, где находились владения его отца. Это была многоэтничная среда. Его матерью была словенка. Поэтому, кроме немецкого, он владел славянским языком. Вероятно, знал он также итальянский. Учился Герберштейн в Венском университете, но в 1506 г. должен был его оставить в связи с материальным положением семьи. Так что продолжил он свою деятельность на военной и дипломатической службе четырьмя императорам — Максимилиану I, Карлу V, Фердинанду I и Максимилиану II. В 1515 г. Герберштейн стал членом Придворного императорского совета. По долгу службы он исполнял дипломатические поручения в разных странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в 1517 и 1526 гг. в России, которая стала союзницей Священной Римской империи, а также в Турции.

С. Герберштейн собирал материалы для своего труда «Записки о Московии», изучая труды предшественников, картографические материалы, используя собственный опыт и получая сведения в беседах, в том числе с русскими людьми, литовскими и польскими информаторами. Перед путешествием в Россию в 1517 г. он прочел «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского. Ему были известны польские анналы, «Польская хроника» Меховского. Перед вторым посольством в Россию эрцгерцог Фердинанд дал Герберштейну в 1526 г. недавно изданный труд И. Фабри «Религия московитов».

Когда С. Герберштейн находился в русских землях, он проверял и уточнял сведения своих предшественников. Труд Меховского оказал влияние на деление его сочинения на историю страны и ее описание, а также на его различие «Руссии» и «Московии». С Фабри Герберштейн полемизировал. Находясь в России, он ознакомился с содержанием русских летописей, жалованных грамот, судебника 1497 г. и других произведений русской письменности, которые были ему прочитаны. Первое издание «Записок» было осуществлено в 1549 г., но в последующие их издания и переводы вносились определенные исправления и дополнения [450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999. 2002; *Герберштейн С.* 2008. Т. 2. С. 49–258; см. там же литературу].

С. Герберштейн начал свои «Записки» с объяснения названия «Россия». Одно мнение о его происхождении он привел в соответствии с преданием о трех братьях — Русе, Лехе и Чехе. Чеха, впрочем, он не назвал. Привел он также мнения о происхождении этого названия от города Русы и от того, что жители страны русые. Последнее мнение он, видимо, понял как *темноволосые* в сравнении с блондинами («a fusco eius gentis colore»). В последнем по времени переводе Малеина–Назаренко эта фраза переведена как «смуглость жителей», хотя в комментарии цвет — *fuscus* — *темный, чернобурий, смуглый* — обоснованно соотнесен не с цветом кожи, а с цветом волос

[Герберштейн С. 2008. Т. 1. С. 34, 35; Т. 2. С. 289, примеч. 35]. Но, добавил Герберштейн, «большинство считает, что “Руссия” — это измененное имя “Роксолания”». В комментарии к этим словам отмечено, что в данном случае Герберштейн косвенно указывал на трактаты Иоанна Фабри, Павла Йовия и Мацея Меховского [Герберштейн С. 2008. Т. 2. С. 289, примеч. 35]. Впрочем, возможно, в среде эрудитов XVI в. это мнение было распространено не только по созвучию, но также вследствие территориальной преемственности обитания античных роксоланов и современных русских в широко понимаемом пространстве Восточной Европы. Продолжая этимологические разыскания, С. Герберштейн к самим русским отнес мнение, в соответствии с которым «Россея» происходит от слов *разбросанность*, *рассеяние* русских среди других народов. Это мнение он подтвердил, указав слова, к тому же созвучные: «рассеянные» в Священном Писании и греч. *ῥοις* — *течение*.

Древнейшее историческое прошлое *Руссии* (Russia) С. Герберштейн изложил в соответствии с летописями, начальная часть которых была близка к ПВЛ. Он написал, что не смог узнать что-либо определенное ни о хазарах, «кто они и откуда», кроме их имени из летописей, ни о варягах. Тогда Герберштейн предпринял собственные разыскания о варягах.

Он знал из летописей, что на Руси Балтийское море называлось Варяжским. Оно отделяло Пруссию, Ливонию и часть русских владений от Швеции. На основании этих сведений, написал Герберштейн в третьем латиноязычном издании 1556 г., он «думал, что вследствие близости (расстояний по морю? — М. С.) князьями их (*principes illorum*) были шведы, датчане или пруссы». В немецком авторизованном переводе по венскому изданию 1557 г. вместо выделенных курсивом слов написано иначе: «Я долгое время думал (*Hab ich lang gedacht*), что *варягами* были шведы, пруссы или датчане».

Далее С. Герберштейн продолжил изложение своих размышлений. Он отметил пограничное положение с Любеком и герцогством Голштейн некогда знаменитейшего города и области вандалов «Вагрии». В немецкоязычном издании 1557 г. он написал уже в соответствии с более поздними реалиями, что они населены славянами («*durch die Wenden bewont*»). Племенное название этих славян — вагров — он соотнес с русским названием Балтики «Варяжское море». Отсюда, по Герберштейну, следовал вывод, что варягами являлись славяне-вагры. Чтобы объяснить особое значение вагров для древнейшей истории *русских* (лат. *Rhuteni*, нем. *Reissen*), он написал, что вандалы/венеды были тогда могущественными, с теми же языком, нравами и религией, что и *русские*. Отсюда он рационалистически заключил: «<...> мне представляется, что рутенам предпочтительнее призвать своих князей из вагров, или, лучше сказать (*potius*), варягов, чем передать власть чужим, другим по своей религии, обычаям и языку».

В дальнейшем повествовании С. Герберштейн использовал при изложении событий русской истории поздний по времени написания летописный

свод. В нем указан Гостомысл, который посоветовал новгородцам отправить послов к варягам и убедить трех братьев, которые занимали там высокое положение, принять власть. В соответствии с этим поздним контаминированным текстом Рюрик получил новгородское княжество и сел в Ладоге, Синеус — на Белом озере, Трувор — в княжестве Псковском в городе Изборске. Привел Герберштейн и легендарную версию русских государей, в соответствии с которой эти братья и, соответственно, нынешний великий князь вели свой род от римлян. Но он проявил самостоятельность в определении происхождения названия города *Москва*, столицы *Руссии*. Не упоминая легендарного Мосоха, он предположил, что она названа так по реке, которая там протекает [Герберштейн С. 2008. Т. 1. С. 40–45, 286–287; перевод Малеина–Назаренко приведен с коррективами; курсив наш]. Последующее изложение событий истории Руси также является пересказом летописных сводов.

Повествование С. Герберштейна о начальной истории России имеет большое значение для истории исторических идей. Герберштейн не придавал значения распространенным в его время идеям об античных и библейских истоках руссов, рутенов и московитов, что свидетельствует о его критическом отношении к подобным сочинениям. Впрочем, он не стал критиковать их в своем труде. Видимо, как деятель эпохи Возрождения, он не намерен был публично выражать сомнение в установлении античных начал русской истории и тем самым — в политических и научных следствиях этой теории. С другой стороны, как политик, находившийся на службе католического императора, Герберштейн не мог возражать против их церковного расширения до установления ее теоретических библейских начал. Поэтому он в полной мере обоснованно использовал те сведения, которые содержались по данной теме в русских летописях, сохранивших традиции ПВЛ. Вместе с тем он должен был привести в своих «Записках о Московии» и не подвергать сомнению официальную версию московского великокняжеского дома о его римском происхождении.

Но как человек эпохи Возрождения, которому было свойственно активное творческое начало, С. Герберштейн не мог не использовать возможность самостоятельно исследовать один из сложнейших вопросов древнерусской истории — проблему определения этнической принадлежности варягов. Показательно содержание изложенных им размышлений в данной связи — замена шведов, пруссов или датчан славянами-ваграми. Раскрыл Герберштейн и основания таких изменений в своем мнении о варягах — не известия исторических источников, а логические доводы: созвучия племенного названия вагров и Варяжского моря, те же славянский язык, нравы и языческая религия. Так что, отличаясь от сторонников античных и библейских начал русской истории, он использовал такие же рационалистические методы в обосновании своей идеи о происхождении варягов из славян вагров. Это были методы, свойственные начальному этапу становления исторической науки.

Если интерес к России М. Меховского определялся изучением географии и истории Восточной Европы, описанием ее народов, С. Герберштейна — задачами политика и исследователя окружающего мира в эпоху Возрождения, то епископ Вармии и историк Мартин Кромер (1512? – 1589) писал о русской истории в связи с историей Польши. Кромер являлся епископом земли, в древности населенной поляками, в XIII в. завоеванной крестоносцами и онемеченной, а после заключения Торуньского мира с Тевтонским орденом в 1466 г. включенной в состав Польши. Епископ Вармии обладал значительными светскими правами управления и суда. Он участвовал в польском сенате, подчиняясь в церковной иерархии только римскому папе. Поэтому он писал об истории Польши как крупный церковный и светский деятель, имея в виду обширное историческое пространство Центральной и Восточной Европы.

Для М. Кромера особый интерес представляла история Польши, ее этногеографическое описание, изложение ее административно-политического устройства. Поэтому наряду с многочисленными богословскими произведениями он — автор сочинения «Польша, или две книги о расположении, народах, обычаях, государственных учреждениях и государственном устройстве Польского королевства» («Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica Regni poloniae libri duo.». Coloniae, 1577), а также значительного по объему и содержанию труда «О происхождении и истории поляков тридцать книг» («De origine et rebus gestis polonorum libri XXX.». Базель, 1555). Этот второй труд вызвал значительный интерес в европейских странах. Он был неоднократно переиздан на латинском, немецком и польском языках.

М. Кромеру было очевидно единство славянских народов в древнейший период их истории. В соответствии с трудами византийского историка Прокопия Кесарийского (ум. после 562 г.) и готского историка Иордана (VI в.) он написал об их значительном расселении в Европе, а некоторых славян — даже в Азии. Отметил он значительную близость славянских «наречий». В этих и последующих наблюдениях он учитывал также труды Я. Длугоша и М. Меховского.

Обращаясь к вопросу о происхождении этнического имени славян, М. Кромер не без иронии отметил, что некоторые народы, начала которых неизвестны или незначительны, приписывают себе древнее происхождение и возводят свое прошлое к вымышленным богам или к кораблю Ноя. Конкретизируя историю и географию расселения древних славян, он написал об отличиях славян от вандалов, германцев и далматинского населения Иллирии. Рассматривая этимологию названия славян от *слово* или *слава*, Кромер отметил также их итальянское название *склавы*, сходное со словом *рабы*. Впрочем, определяющим для него являлось в этнониме славян слово *слава*.

Под влиянием сочинения М. Меховского М. Кромер рассматривал древнейшую историю Восточной Европы и славян как историю Азиатской и Европейской Сарматии, придавая особое значение расселению сарматов

в Северном Причерноморье. В этой связи он вернулся к известиям античных авторов о сарматском народе роксоланов, имя которых, по его словам, «не очень отличается от имени Руссов или Руссиян» («*Tametsi Roxanorum sive Rovolanorum nomen, quod Russorum vel Russianorum nomini non valde dissimile est*»). Привел он и слова Страбона о том, что роксоланы обитают на равнинах между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром) и занимаются скотоводством, но кто находится за ними (к северу) — неизвестно [*Kromer M.* 1555. Р. 1–16].

Двенадцатую главу своего труда М. Кромер посвятил наименованию и происхождению руссов. Состояние научных знаний на эту тему в западной исторической литературе XVI в. он характеризовал откровенно: «Если же кто впредь спросит, с какого времени руссы начали обитать в Сарматии, откуда они прибыли и откуда они приняли [свое] имя, откровенно признаюсь, что я не знаю, сколь усердно я не исследовал бы [этот вопрос]». Он упомянул распространенное в западнохристианской литературе мнение об указании в главах 38 и 39 книги пророка Иезекииля князей Роса, Мосоха и Тубала народа Гог. Перечень последующих авторитетных писателей, согласных с этим мнением, он начал со знаменитого церковного деятеля, первого историка церкви кесарийского епископа Евсевия Памфила (263–340). Но тут же заметил, что один из отцов церкви Иероним (330–419), который перевел Священное Писание на латинский язык (Вульгата), в таком мнении сомневался. Вместо слова *Рос* (правильно *Рош*, — *М. С.*) Иероним писал в своем переводе — *голова*. Поэтому Кромер вернулся к уже ранее приведенному им мнению о существовании «руссов или роксоланов» в Сарматии. Ссылаясь на труд С. Герберштейна, он допустил, что название руссов могло произойти от древнего города Руссии Русы. Он указал, что происхождение таких названий народов от незначительных городов известно. Но потом эти народы доблестью и оружием распространяли свое имя.

М. Кромер привел распространенное мнение, в соответствии с которым в «русских анналах» сообщается о начале «господства руссов» в Великом Новгороде, Белоозере и Изборске с «братьев варягов» Рюрика, Синеуса и Трувора. Но историка эпохи Возрождения не удовлетворяло такое летописное сообщение о названии и происхождении русского народа и государства. Поэтому он продолжил: «Если кто этим не удовлетворен или будет подыскивать более высокое происхождение [этого] народа, я считаю, ничто не может запретить полагать (*nihil opinor prohibet credere*), что поляки и все прочие славяне являются сарматами, в особенности, как уже установлено, болгары, сербы и роксаны есть сарматские народы» [*Kromer M.* 1555. Р. 18–19].

Таким образом, труд М. Кромера, посвященный изучению происхождения и истории поляков, в изложении древнерусской истории существенно отличался от сочинений своих предшественников. Обращение к важнейшим известиям Прокопия Кесарийского и Иордана позволило Кромеру научно

обоснованно отметить обширнейшую территорию расселения славян в VI в. Он конкретно начал изучать отличия славян от других этносов Центральной и Восточной Европы. Его ироничное и критическое отношение к мнимым генеалогиям, возводившим народы и их правителей-эпонимов к библейским предкам, объективная характеристика степени изученности проблемы происхождения и имени руссов создавали условия для начала научного их изучения. Но система исторических взглядов эпохи Возрождения оказала на Кромера определяющее воздействие, так что он продолжил в своем сочинении уже традиционные этногенетические связи славян с европейскими народами античного периода: славян — с сарматами, а русских — с сарматским племенем роксоланов.

В определенной мере обобщением написанного о средневековой Руси в польской историографии конца XV–XVI в., а также в «Записках о Московии» С. Герберштейна, стал труд Мацея Стрыйковского «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси», написанная на польском языке и изданная в 1582 г.

М. Стрыйковский родился в 1547 г. в Мазовии, в обедневшей дворянской семье. По мнению исследователей, в середине — второй половине 60-х гг. он учился в Краковском университете. Однако З. Войтковяк считает, что он закончил лишь приходскую школу, достигнув значительных познаний в истории и географии самообразованием, хорошо выучив латинский, русский, немецкий и литовский языки [Wojtkowiak Z. 1990. S. 22–51].

В 1563–1573 гг. М. Стрыйковский находился на военной службе в Литве. Это были годы Ливонской войны. Несколько лет он служил в Витебске и много ездил по землям Великого княжества Литовского (З. Войтковяк предположил участие Стрыйковского в разведке на границе с Россией), где имел возможность собирать материалы о его прошлом, в частности, изучать летописи. В 1574 г. он приехал в Краков, столицу Польши того времени, где был включен в состав польского посольства, отправленного в Турцию в сентябре того же года и вернувшегося в апреле 1575 г.

Но в Кракове М. Стрыйковский не остался. В 1575 г. он выехал в земли Великого княжества Литовского, с 1569 г. пребывающего в составе объединенного польско-литовского государства. В 1575–1576 гг. он находился в Подляшье, территория которого в Дрогичинской земле была населена потомками древнерусского населения, в 1576–1578 гг. — во владениях князей Олельковичей, в городах Копыле и Слуцке.

В научной литературе существует мнение, что в 1579 г. М. Стрыйковский стал жмудским каноником. Но, по наблюдениям З. Войтковяка, он первоначально обладал низшим церковным саном (acolitus) и был членом капитула в городе Медники, в древности — месте резиденции великих князей литовских. В 1582 г. Стрыйковский стал приходским священником в Лукниках, а в 1586 г. — жмудским каноником и пресвитером в Юрборке, городе

на р. Неман, который имел большое стратегическое значение для Великого княжества Литовского в его отношениях с Пруссией. Эти земли хранили в легендах память о древнейшей истории литовских племен.

Умер М. Стрыйковский, вероятно, между 1587 и 1590 гг. [*Wojtkowiak Z.* 1990. S. 52–98, 121–140; см. там же литературу].

М. Стрыйковский — автор нескольких литературных и общественно-политических произведений, обязательной составляющей которых являлись исторические экскурсии, но какие из сочинений конкретно принадлежат его перу — этот вопрос обсуждается. Вероятно, в 1570–1573 гг. он написал свое первое сочинение, посвященное истории — «Описание Европейской Сарматии». Впрочем, оно было присвоено начальником витебского гарнизона веронцем Александром Гваньини и издано под его именем. Обвинил его в плагиате сам Стрыйковский, так что дискуссия об авторстве этого сочинения и о степени участия в нем Гваньини ведется постоянно [*Biernacki A.* 1979. S. 657–660; *Wojtkowiak Z.* 1990. S. 179–180].

Основным трудом М. Стрыйковского, который сделал его знаменитым, стала его «Хроника», изданная в Кенигсберге в 1582 г. Значительную роль на начальном этапе работы над ней в 70-е гг. и в обеспечении его историческими материалами сыграли Ян Иеронимович Ходкевич и его двоюродный брат Александр. Но в конце этого десятилетия Стрыйковский переехал ко двору князя Юрия Юрьевича Олельковича Слуцкого, где он редактировал свой труд. После смерти князя в 1578 г. Стрыйковский продолжил работу над «Хроникой» при значительном содействии своего нового покровителя жмудского епископа Мельхиора Гедройца [*Wojtkowiak Z.* 1990. S. 129–140].

М. Стрыйковский использовал в «Хронике» труды своих предшественников — Я. Длугоша, М. Меховского, М. Кромера, С. Герберштейна, русские летописи и польские хроники. Сопоставляя их сведения, в том числе и о Руси, он критически к ним относился. Античную топонимику он соединил в своем произведении с современной. Общую историческую концепцию предшественников Стрыйковский сохранил, хотя и дополнил собственным повествованием и заимствованиями. А.И. Рогов обоснованно отметил, что «труд Стрыйковского явился в известной мере итогом развития польской историографии XVI в.» [*Рогов А.И.* 1966. С. 6–46].

Идеи о восхождении предков к библейским временам, о переселении сарматов из Азии и происхождении московитов от Мосоха М. Стрыйковский распространил на предков литовцев, происхождение которых объяснил как потомков сыновей Иафета. Как он написал, предки литовцев пришли из Восточной Азии. Первоначально они поселились севернее Азовского моря, а потом переселились в северные страны. Но они являлись частью общего движения переселений многих народов, для которых Меотида (Приазовье) являлась временной зоной расселения, — немцев, гетов, бастарнов (вастарнов),

даков, аланов и других. Как следствие этого он отметил близость границ немцев, готов, сарматов, вастарнов в последующем расселении. Но сарматы для Стрыйковского вслед за историографической традицией — также обобщающее название древних народов, в частности славян. Восточных сарматов и хенетов (?) в качестве славянских народов он возвел к Рифату, второму сыну Гомера, внуку Иафета.

Разумеется, сложнейшую этнокультурную историю Центральной и Восточной Европы эпохи Великого переселения народов исследовать в XVI в. было невозможно. Проблемы ее изучения дискутируются до сих пор. Но достоинством работы Стрыйковского является то, что он постоянно стремился учитывать расселение и взаимодействие германских, славянских и других народов, включая литовцев и жмудь. В данной связи он привел и существовавшее тогда в Литве мнение, в соответствии с которым жмудские и литовские дворяне считают свое происхождение от итальянцев, подобно тому как итальянские дворяне — от троянцев [Kulicka E. 1980. S. 12–19], а простые люди — потомки епидов (гепидов?), судовитов или толянов, или аланов, подобно тому как в Италии считалось, что они происходили от местного населения.

В продолжение такого этнокультурного определения социальных различий М. Стрыйковский включил в свою «Хронику» вымышленное литературно-историческое сказание о римском патриции Полемоне из древнего римского рода Порциусов — предке князей литовских, жмудских и «некоторых русских». Это сказание имело политическое и идеологическое значение. Оно должно было значительно повысить статус князей Великого княжества Литовского по отношению к правителям Польши после Люблинской унии 1569 г.

Обратившись в четвертой книге своей «Хроники» к русской истории, М. Стрыйковский использовал, как он сам написал, древнегреческие и византийские исторические произведения, а также труды латинских, польских, русских и немецких историков. Стрыйковский хорошо знал те русские летописные своды, которые излагали начальную историю Руси. Но ее истоки он изложил в соответствии с современными ему историческими сочинениями как историю сарматского народа от колена библейского Ноя, от Мосоха, сына Иафета, и от потомков его Роса, Леха и Чеха, объединив разные по происхождению, но в равной мере легендарные представления. Начиная повествование о Москве, он указал мнение С. Герберштейна о происхождении ее названия от реки, но оно Стрыйковского не удовлетворило. Он вернулся к мнению Кромера о связи ее названия с мосхами, указывая на их изначальное существование по соседству или под названием руссов, или роксолан.

М. Стрыйковский не сомневался в происхождении этнонима *славяне* от слова *слава*, указав, кроме славы славянских народов, славянские имена, составной частью которых это слово является. Ссылаясь на античных авторов Птолемея, Юлия Салина и Плиния, но не на предшественников-историков, он написал, что греческие и латинские авторы называли северные народы

скифами и сарматами. В отличие от них Стрыйковский, явно следуя за Меховским и Кромером, указал на совпадение античных названий роксаланов и роксанов с русскими и Русью, на существование их поселений и государства недалеко от моря Меотис, куда впадает Танаис, или Дон, а сами они живут на равнинах между Доном и Днепром, а кто «над ними», т. е. к северу от них живет, неизвестно. Впрочем, он дополнил уже введенные ими в литературу сведения сообщениями Страбона о том, что роксаны воевали с понтийским царем Митридатом Евпатором (132–63 гг. до н. э.), и Тацита о нападении сарматского племени роксаланов в правление императора Отона Сальвия (69 г. н. э.) на римскую провинцию Мисию, которую он отождествил с землей современных ему болгар.

Вслед за М. Кромером М. Стрыйковский написал: «Почему роксоланы назвались русскими, узнать невозможно». Учитывая опыт предшественников и мобилизовав все известные тогда материалы, он привел ошибочное прочтение имени *Рос* в книге пророка Иезекииля и написал об отрицании его святым Иеронимом. Отметил Стрыйковский также различия между названиями руссов и россов. Но своего ответа на эти вопросы он не дал, оставляя его «умному размышлению разумных людей», ссылаясь на Длугоша и Меховского.

М. Стрыйковский отметил также мнение польских хронистов о названии Русской земли по имени Руса, внука или брата Леха и Чеха. Перечислил он объяснения названия Руси и русских от роксалан, от русого (красного) цвета тела или волос, от городка Русы, находящегося, по его сведениям, в 60 верстах от расположенного к северу Великого Новгорода. Но против последнего мнения он решительно возразил, поскольку, по словам, «не господин назван по имени созданного его руками дома, но дом назван по имени господина». Поэтому не городок Руса дал название русскому народу, а наоборот, народ так назвал созданный его руками городок. Развивая эту мысль, он написал, что Московия названа не по реке и не по городу, а, наоборот, они названы по народу московскому, как Краков — от Крока, Рим — от Ромула, Антиохия — от Антиоха, Ниневия — от Нинуса и т. д. Но, продолжил М. Стрыйковский, «московиты и все белорусы» не согласны с таким объяснением своего названия и происхождения. Они утверждают, что Россия и русские народы и в древности назывались Россией, т. е. людьми, рассеянными и умноженными на обширных частях света. В подтверждение этой мысли он написал, что в этом мнении московиты совпадают с древними греческими авторами, которые писали о сарматах как о переселяющихся с места на место, как о спорах, т. е. рассеянных и умноженных.

Для М. Стрыйковского вопрос о происхождении Руси и «прочих русских народов», т. е. славянских племен, которые вошли в состав Руси, не был главным. Основное для него — использование ими славянского языка и принадлежность к христианской вере. При этом Стрыйковский лишь указал, что одни славянские народы, включая Московию, принадлежат к Греческому

церковному уставу, а другие — к учению Римской церкви. Как человек ренессансной культуры, он не придавал особого значения различиям этих конфессий.

Конкретное изложение истории Руси М. Стрыйковский начал с сообщения по Длугошу о взятии Рима русским князем Одоакром. Впрочем, стремясь к объективности, он привел возражение этому мнению Волатерана, в соответствии с которым Одоакр — итальянец и овладел Римом с помощью готов. Но Стрыйковский от данной проблемы отстранился. Более важным для него стало повествование в соответствии с русским летописанием, продолжавшим в начальной историко-географической части традиции ПВЛ, о расселении славянских народов и племен, которые вошли в состав Руси. Впрочем, это были поздние летописные своды, в которых уже шла речь о Гостомысле, избранном князем в Великом Новгороде.

В такой текст М. Стрыйковский включил заимствования из «Записок о Московии» С. Герберштейна, которого он не назвал, но идеи и стилистику его размышлений о происхождении варягов сохранил. По словам Стрыйковского, город Вагрия чрезвычайно знаменит с давних пор. Он основан вандалами недалеко от Любека, и некоторые думают, что от этого города Балтийское море называется Варяжским. По мнению некоторых историков, продолжил Стрыйковский, вандалы использовали тот же славянский язык. Они были богаты в своих странах и отличались воинской храбростью. Так что Стрыйковский завершил этот экскурс: «Представляется, дело было таким образом, что в то время из тех же вагров или варягов и вандалитов в своем славянском народе Русь выбрала себе князей и вручила им управление над русским государством».

В изложении последующих событий М. Стрыйковский соединил разновременные материалы и собственные суждения. В «Руси, находящейся на юге» он установил в отличие от ПВЛ преемственность княжеской власти от Кия до Аскольда и Дира, которых назвал потомками Кия. В северных и восточных землях княжеская династия произошла иначе. Вследствие внутренней розни и борьбы за первенство славный, рассудительный и достойный великой похвалы муж Гостомysl посоветовал: поскольку нет согласия в избрании князя, послать к варягам за тремя братьями, князьями варяжскими, славными тогда мужеством воинским. Как написал Стрыйковский, Русь похвалила мудрый совет Гостомысла и отправила послов к варягам и их князьям. Возвращаясь к летописному тексту, он продолжил повествование, но в собственном изложении: «Земля и государство наше велико и изобильно, но нет в нем правды. Идите, властвуйте и владейте нами».

М. Стрыйковский указал княжения в Новгороде, Белоозере и Пскове, которые получили Рюрик, Синеус и Трувор. Вероятно, используя данные разведки, он привел также расстояние между Новгородом и Псковом в 180 верст. Стрыйковский сообщил своим читателям со ссылкой на «рус-

ские хроники», что эти князья вели свое происхождение от «римских панов» императорского происхождения. А далее продолжил, что и великие князья московские и князь Иван Васильевич (Грозный) считают свой род от римлян. Такое происхождение московских князей он здесь же на поле страницы подтвердил ссылкой на Герберштейна.

Последующее изложение русской истории М. Стрыйковский продолжил в своей «Хронике», привлекая, как и в ранее изложенных текстах, многочисленные материалы источников и литературы самого разного происхождения, но внося коррективы в соответствии со своими представлениями.

Таким образом, в польской и австро-немецкой литературе эпохи Возрождения и в трудах эрудитов XVII в. на основании сопоставления этнополитической современной истории и античной в их преемственности сложились устойчивые представления о том, что славяне, прежде всего поляки и русские, восходят к сарматам, тогда как другие народы — к скифам. Само название *славян* разъяснялось посредством слова *слава*. Объяснение происхождения современных названий западных и восточных славян, кроме народной этимологии, возводившей их к Леху, Чеху и Русу, имело тенденцию к вариационности. Но определяющее значение в нем имели созвучия. Возведение названия *России*, *русских* к сарматскому племени *роксоланов* и близких к ним по названиям племен основывалось на сообщениях античных авторов, что имело для литературы XVI–XVII вв. научное содержание в отличие от этимологий от *рассеянные*, города Руса или реки Рось. В продолжение этой традиции новая политическая реальность — Русское государство со столицей в Москве, названное на Западе Московия, — исторически объяснялась как продолжение античных и библейских мосхов (москов), потомков Мешеа (Моска, Мосха), шестого сына Иафета. Впрочем, и объяснения названий *России*, *русских* были дополнены поисками по созвучиям в библейских *Рош* → *Рос* пророка Иезекииля. В этой литературе эпохи Возрождения и трудах эрудитов XVII в. (С. Герберштейн, М. Стрыйковский) известные по русским летописям и византийским хроникам варяги были отождествлены с прибалтийским славянским племенем вагров на основании созвучий и логических доводов — единство с древними русскими (восточными славянами) религии, обычаев, языка.

5. Российские исторические сочинения второй половины XVII в.: от Средних веков к Новому времени

В России второй половины XVII в. были предприняты многочисленные опыты свойственного средним векам сочинительства на исторические темы. В «Сказании о начале русских князей» было написано, что «Русь» и «славяне» — один «род», как в польской и австро-немецкой исторической литературе.

Происхождение имени *Русь* объясняется «от цвету лица и власов, ниже бо презличну белость имеют, якоже фряги и италияне». Этноним *славяне* объясняется его происхождением не от *славь*, а от *слово*: «от многих слов писменаго разума, понеже егда Кирилл Философ нача творити буквы, но не вмещаешя слово малыми писмены, якоже в прочих языцех, и сего ради нарекошася славяны, рекше, великословы».

В хронографах сопоставлялись разные по происхождению объяснения, но уже с учетом польской и австро-немецкой исторической литературы, возводившей руссов к сарматам и роксоланам: «Всяко писали старые философы, которые всегда прозывали Москву Серматы (сарматы. — М. С.), и так Москву не от роду ее проывают Москвою, разве от реки Москвы и от места, которое проывают Москвою, а суть они прямая Русь, и никаторые чаяли, что они вышли от Руса, брата Лехово, некоторое есть место Руса недалеко от Новаграда, и потому чают, что от того места Рус прозвася, а иные говорят, что лицом русы, и потому так зовут, а иные чают, что росколяне, а московские люди тому не верят».

Такие этногенетические и топонимические разыскания находились на уровне народной этимологии древних этнонимов от эпонимов. Они по-новому продолжили русскую средневековую традицию, уже соединенную с польской и австро-немецкой исторической литературой XVI–XVII вв. Впрочем, в конце средневекового периода такие этимологии лишь свидетельствовали о формализме традиционного мышления и о вырождении познавательных возможностей народной этимологии в условиях развитой письменной культуры: «В лето по Рождестве Христове 570 пришелцы и обитатели суть седоша по Днепру; старейшина же у них в то время бе именем Полемон, и во имя того старейшины прозвашася вси полемоняне и оттуду паки начаша зватися поляне, потом поляци», «от Дулебы дулебяне, от Кадома кадомляне, от Вятки вятчане, от Осколда осколдяне, от Дыра дыряне или древляне, от Синева синевляне, от Трувора труворяне или тморокане» и так далее.

В контексте таких этногенетических сочинений было написано произведение «История о начале Руския земли и создании Новаграда и откуда влечася род словенских князей» (с вариантами названий в зависимости от редакции этой легендарной повести). В литературе его называют также «Повестью о Словене и Русе». По мнению А.Л. Гольдберга, создано оно было в процессе составления свода 1650 г. или «Летописца вкратце о русской земли <...>» [см.: Гольдберг А.Л. 1982]. В «Истории о начале Руския земли» были объединены разновременные слои исторической литературы, отечественной и переводной, а также авторских разысканий, основной задачей которых стало изложение древнейшей русской истории, а объединяющим началом — генеалогическая история князей Словена и Руса. Утверждая их древность, автор сохранил их происхождение от праотца Ноя и его сына Иафета. Скифский период древнейшей истории России был соотнесен с правнуками

Иафета Скифом и Зарданом (*вар.* Азарданом). От сыновей и внуков Скифа произошли скифы, обитавшие «во Евксинопonte», т. е. в Причерноморье, а по династической преемственности — «начальницы» братья Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер. В этих братьях-эпонимах автор постарался указать основные славянские и неславянские народы Восточной Европы как некоего единого пространства, включавшего тюркские народы болгар и куманов-половцев. Из этого перечня выпадал Истер, поскольку его имя происходило от античного названия Нижнего Дуная. Видимо, поэтому в списках данного сочинения появилось разночтение как следствие «критического» отношения переписчиков к тексту: вместо Истер — Ильмер, т. е. Ильмень, что придавало перечню эпонимов единство исторического пространства — Восточной Европы [Гиляров Ф. 1878. С. 15].

Далее автор повествования сузил тему до изложения конкретной русской истории. В соответствии с установившимся стереотипом он возвел ее начала к эпонимам — «скифским князьям» Словену и Русу. В таком подходе, как и в ранее названных русских сочинениях второй половины XVII в., прослеживается прямое или опосредованное воздействие польской и австро-немецкой историографии в установлении автохтонной преемственности народов Восточной Европы. Но в нем же отмечается разрыв с древней летописной традицией, восходившей к ПВЛ. Если ее вероятный автор Нестор в начале XII в. излагал начальную историю в соответствии с Библией, что естественно для средневекового мышления, то далее он творчески использовал доступные ему фольклорные и письменные материалы для того, чтобы конкретно описать расселение славянских племен в Центральной, Юго-Восточной, а позднее и Восточной Европе, относительно точно для своего времени описать географию Восточной Европы [см.: ПВЛ. 1996. С. 7–11, 379–395, 585–589]. Такое изложение начального периода истории славян и Руси сохранило научное значение до нашего времени.

Историческое повествование о Словене и Русе стало литературным произведением на исторические сюжеты. Его основу составил вымысел в соответствии с представлениями русских людей XVII в. Здесь и монархическое начало, в соответствии с которым «род» Словена и Руса последовал за своими князьями, «отлучишася от Евксинопонта», и мнимые реалии вымышленных точных дат, и топонимические легенды, производные от реальных топонимов.

В соответствии с этим сочинением, когда Словен после 14-летнего хождения по «пустым странам» (библейская литературная аллюзия) пришел к «езеру некоему великому» Мойску (*вар.* Монска, Моикса, Моска), оно стало называться по имени сестры князя Словена Илмер. Река Мутная стала называться по имени Волхва, старшего сына Словена, Волховом, а новый «град» — по имени Словена — Словенск Великий, прозванный позднее «Новъград Великий». Этот текст должен был объяснить также появление этнонима «словене»

в Приильменье, указанного еще в ПВЛ. Но в конце XVII в. это объяснение стало незамысловатым указанием князя-эпонима Словена — «и от того времени новопришельцы скифстии начаху именоватися словяне». В продолжение такой народной этимологии к его сыну Волхову были возведены всякие «волхования» — «обычай поганым», т. е. язычникам. При этом автор проявил знакомство с белорусским языком, объясняя происхождение имени Перуна, бога грома: «белорусским бо языком гром Перун именуется».

Мнимые генеалогии должны были объяснить происхождение гидронимов и топонимов северо-запада России — Волховец, Жилотуг, Старой Русы, где жил Рус, Порусия — по имени жены Руса и Полиста — по имени его дочери.

Историческую достоверность преданию о происхождении славян и Руси от Словена и Руса должна была сообщить и вымышленная хронология, авторитет которой придавала ее включенность в библейскую историю: «И от создания мира и до потопа 2242 лета, а от потопа до разделения язык 530 лет, а от разделения язык до начала Великаго Словенска, иже ныне Великий Новъград, 327 лет, и от сотворения света до начала Словенска Великаго 3099 лет».

Видимо, имитация подобных хронологических подсчетов была очевидна их образованным современникам в XVII в., поскольку было хорошо известно, что в соответствии с традиционной системой летосчисления Рождество Христово имело место в 5508 г. от Сотворения Мира. Но автору этого сочинения важно было максимально удревнить потомков Словена и Руса. Поэтому он соединил достоверные новейшие сведения (присоединение Сибири) с вымышленными, относимыми к древности (походы на «Египетския страны», наведение этими потомками великого страха «в Иерусалимских и варварских странах»), создавая тем самым правдоподобие всех этих записей.

Такое утверждение древности словен и русов, их новых князей — Великосана, Асана и Авенхасана — было необходимо автору и для того, чтобы соединить их с существующей в исторической литературе легендарной версией о грамоте Александра Македонского к русским князьям. Подтверждением истинности такой грамоты должно было стать указание античных богов, которые являлись органической составной частью западноевропейской культуры эпохи классицизма — «изволением великих богов Марша, Юпитера и богини Менервы и Венусы месяца примоса началнейшаго дня».

Последующий период славянских нападений на Византийскую империю конкретизирован автором правлением вымышленных русских князей Халюха и Лахерна, в именах которых узнаются греческие лингвистические истоки. В связи с их княжением назван и апостол Андрей Первозванный, но не как провозвестник крещения Руси, а как свидетель языческого бытия славян того времени.

В соответствии с авторским повествованием, между Великим Словенском и Великим Новгородом не было преемственной связи. Поначалу гнев Божий опустошил «землю Словенскую». Причину этого гнева автор не указал. После-

дующий текст стал контаминацией сведенных воедино литературных клише и этнонимов. Оставшиеся в живых «людь» переселились на Белоозеро. Одни из них стали называться *весь* (финно-угорский народ, издревле обитавший на этой территории), другие вернулись на Дунай «на старожитные страны» (так переосмыслено древнее предание о так называемой «дунайской прародине» славян). Но после нашествия «белых угров» эти «пробеглецы словенския» и с ними «скифы и болгары, и иностранцы» вернулись «на землю Словенскую и Рускую», осели около озера «Илмера», т. е. Ильменя. В этот процесс восстановления и обновления «земли Словенской и Руской», строительства Новгорода Великого включено появление Гостомысла — «и поставиша старейшину князя от роду же своего именем Гостомысла».

Продолжая соединять элементы исторических повествований и литературный вымысел, автор вернулся к древнему летописному сюжету расселения славян и неславянских народов, тогда как мифического князя Гостомысла он наделил сыновьями с именами, производными от топонимов, Словеном, основателем Словенска в Чюди, и Изборском, который «змием уяден умре» (реминисценции летописного предания о смерти князя Олега).

Автор насытил последующее повествование многочисленными литературными подробностями. «Земля Русская» при Гостомысле процветала, «облечеса в порфиру и виссон». Сам он не вдовствовал «и дети расплоди». В глубокой старости, когда Гостомysl уже не мог управлять многочисленными народами, то собрал подчиненных ему «вся властители руския» и «рече к ним ослабленным лицом». Эта речь содержала как литературные клише, так и летописные цитаты из восходившего к ПВЛ предания о призвании Рюрика с братьями. В соответствии с традицией, восходившей к «Сказанию о князьях Владимирских», Гостомysl посоветовал отправить послов после его смерти в Прусскую землю и «молить» «тамо живущих самодержцев, иже от рода кесаря Августа, кровнице сущее, да идут к вам княжити и владети вами». Если автор ПВЛ не придавал значения этнической принадлежности иноземного по происхождению правителя, то в конце XVII в. этот сюжет уже затрагивал национальное чувство, а потому автор повествования разъяснил: «несть срама таковым покоритися и в поддании у них быти». Монархическая традиция возведения русского княжеского рода от кесаря Августа и генеалогическая легенда были для него более существенны, чем древние предания, продолжавшие традиции ПВЛ.

После смерти Гостомысла и погребения его в Волотово, что наряду с прочей топонимикой Северо-Запада России выдает в авторе сочинения новгородца, послы отправились в Прусскую землю и «обретоша тамо курфирста или князя великаго, именем Рюрика, рода суща Августова». Продолжая свободно интерпретировать древнерусские тексты, автор данного сочинения завершил повествование, возвращаясь к историческому осмыслению произошедшего вслед за «Сказанием о князьях Владимирских»: «И умолен бысть

князь Рюрик и поиде на Русь с двема братама, с Тривуром и с Синеусом, а третий с ними Олег, и от того времени начаше в нем княжити первый великий князь Рюрик» [Гильяров Ф. 1878. С. 16–22].

Предание о призвании первых русских князей оказывалось столь идеологически значимым, что стало позднее редактироваться. Как отметил А.Л. Гольдберг, в отличие от первой редакции, во второй редакции Гостомыслу был приписан совет отправить послов не в «прусскую землю», а в «варяжскую». То есть была попытка заменить более новую генеалогическую легенду известиями древних летописей. По Гольдбергу, «тем самым разрушался сюжет легенды о родстве русских правителей с императором Августом, согласно которой Рюрик был потомком его родича Пруса, правителя “Прусской земли”». Он объяснил такое содержание редактирования проявлением начавшегося с середины XVII в. угасания идеи связи русской государственности с мировыми державами прошлого [Гольдберг А.Л. 1975. С. 73; 1982. С. 58].

Это и другие подобные сочинения свидетельствовали о свободном обращении их авторов с историческими материалами, об их редактировании и домысливании событий [см. также: Гильяров Ф. 1878. С. 25–39], что имело следствием их превращение в литературные, идеологически насыщенные произведения на исторические темы.

Но в условиях России второй половины XVII в. пытались создать исторические исследования, свойственные Новому времени.

Во второй половине XVII столетия была предпринята попытка написать новейшую историю России. Царским указом 3 ноября 1657 г. был создан Записной приказ, в котором должно было быть написано продолжение Степенной книги, от правления царя Федора Ивановича до времен Алексея Михайловича [здесь и далее о деятельности Записного приказа см.: Белокуров С.А. 1902. С. 55–84]. С.А. Белокуров, который открыл существование Записного приказа в Москве в 1657–1659 гг. и изучил его деятельность, оценил ее невысоко как неудачную попытку написать продолжение Степенной книги. Осуществление этого плана имело место, по его мнению, в труде дьяка Ф.А. Грибоедова, написанном десять лет спустя (см. далее). Л.В. Черепнин отметил в качестве достоинства деятельности этого приказа намерение написать продолжение Степенной книги на обширной источниковой основе. В качестве положительного следствия его деятельности Л.В. Черепнин указал на независимое от этого продолжения появление особого вида произведения — Степенной книги, дополненной текстом «Нового летописца», который представляет собой изложение событий с конца правления Ивана Грозного до 1630 г. как историю царского самодержавия [Черепнин Л.В. 1957. С. 128–129]. С.Л. Пештич особое внимание обратил на попытку создания исторического труда в государственном учреждении с обычной для московской приказной системы бюрократической волокитой, вследствие чего этот

план не был осуществлен. Негативным фактором являлась, по его мнению, и неопределенность содержания задуманного исторического произведения [Пештич С.Л. 1961. С. 53–56; об организации Записного приказа см. также: Чистякова Е.В., Богданов А.П. 1988. С. 34–36; Лукичев М.П., Морозов Б.Н. 1994. С. 134–144.].

Эти наблюдения в полной мере обоснованы. Но историографическая значимость деятельности Записного приказа представляется более существенной. Продолжение жанра Степенной книги — последовательного изложения «царского родословия» по «степеням и граням царственным» после смерти царя Федора Ивановича в 1598 г., избрания на царство Земским собором Бориса Годунова, а позднее, в 1606 г., — Василия Шуйского, трагических событий Смутного времени, польской интервенции, избрания на царство Михаила Романова — было уже неосуществимо. Оно требовало или погодного, или исторически последовательного повествования. Так что в неудаче написания продолжения Степенной книги в обстоятельствах середины XVII в. — свидетельство исчерпанных возможностей этого жанра столетней давности, хотя сама Степенная книга, в соответствии с наблюдениями А.В. Сиренова, была востребована «с ее “морально устаревшей” концепцией зависимости исторического развития России от чередования поколений “сакральной” династии потомков равноапостольного Владимира» [Сиренов А.В. 2007. С. 442]. Это было продолжение средневекового подхода к изложению исторических событий.

Дьяк Записного приказа Тимофей Кудрявцев сообщал государю в докладе, который подавался царю через Приказ тайных дел, об иных темах исторического сочинения: «воинские походы на их государских окрестных неприятелей, и бояр, и воевод посылки с ратными людьми на окрестныя ж неприятели их государския», «о милосердом примирении великих государей царей Российских к окрестным их неприятелем государским», «поставления патриархов на пресловущий град Москву и митрополитов, и архиепископов, и епископов во грады», «о поставлении вновь градов и иных достохвальных государственных дел и всякого строения при державе великих государей царей Российских».

Сообщал Т. Кудрявцев и о новых возможностях изложения древней российской истории, исходя из существования перевода на русский язык «Хроники» польского историка М. Стрыйковского. Такой подход позволял начинать древнейший период русской истории не с правителей — Гостомысла и Рюрика с братьями, а с ранней истории славян, к предкам которых относили тогда сарматов. Но для такого нового научного по тому времени подхода Кудрявцев испрашивал разрешения царя: «<...> не укажет ли он, великий государь, поискати о начале великославного Сарматского, Славенского, Русского народов, и Московского старовечностию славнее цветуща имянования и пред кончиною Гостомысловую мудрого его совета новгородцом о взятии в началство себе в Россию и по их прошению при... в великий Новъград князь

Рюрик з братиею его с Синеусом и с Трувором в лето 6370? А в кронике полской Матвея Стрийковского чаят написано о Сарматском, Славенском и Русском народех и о Московском старовечном имяновании к славе» [*Белокуров С.А.* 1902. С. 72].

Как следует из такого изложения начальной русской истории, дьяк Т. Кудрявцев смог освободиться от сохранившейся в Степенной книге мифологизированной традиции возведения великокняжеского рода к прусам. Но, следуя за трудом Стрийковского, он сохранил легендарное повествование о Гостомысле, по совету которого были призваны «в началство» Рюрик с братьями.

Таким образом, конструктивное значение деятельности Записного приказа прослеживается в том, что уже в середине XVII в. она создавала условия для написания многопланового исторического произведения о новейшем периоде истории России, а также для формирования нового, нелетописного метода изучения ее древней истории. Выявилась также исчерпанность к этому времени методов составления Степенной книги, ее содержания в начальной части при изложении древнейшей русской истории. Можно предположить, что дьяк Т. Кудрявцев стремился в таком изложении следовать новейшему западному, в данном случае польскому образцу. Но это был еще средневековый путь исторической компиляции, а не начал самостоятельного научно-го разыскания. Впрочем, и такой труд историка — дьяка Записного приказа и его подчиненных трансформировался в исполнение воли государевой — «не укажет ли он, великий государь».

Нелетописное направление исторических разысканий было свойственно и такому просвещенному человеку, как Юрий Крижанич, который освоил значительное число материалов по истории России западноевропейского и средневекового русского происхождения. Он являлся сторонником объединения славян во главе с Россией. Приехав в Москву в 1659 г., Крижанич уже в 1661–1662 гг. основательно изучил новейший для того времени летописный свод 1652 г. [*Гольдберг А.Л.* 1958].

Ю. Крижанич решительно критиковал необоснованные сведения о России западноевропейских путешественников. Вместе с тем, он негативно отнесся к опытам сочинительства на исторические сюжеты в позднем летописании XVI–XVII вв., как он писал, к «тем басням, что были выдуманы и вписаны в народную историю льстецами и придворными баятелями царя Ивана и иных русских государей». Он настаивал на том, что «русы» в Восточной Европе являются местным населением — «афтохтоны, домородники», славяне не происходят от скифов, и Александр Македонский не мог быть их правителем.

Ю. Крижанич подверг критике и другую «басню» — предание о призвании по завещанию Гостомысла трех братьев варягов из «Прусской земли» «от рода кесаря Августа». Однако основой этой критики являлись не конкретные исто-

рические материалы, а рационалистическое суждение, в соответствии с которым призвание трех братьев могло не усилить, а лишь ослабить Новгород, поскольку его земли надо было разделить на три части. Так что, по Крижаничу, вся история с Гостомыслом вымышлена. По его мнению, «глупа и груба ложь» о происхождении русских правителей «от Августова поколения».

Ю. Крижанич свободно ориентировался в истории России второй половины XVI — первой половины XVII в. Поэтому, когда ему надо было с осуждением написать о чужеземных «искателях русской короны», он составил обстоятельную справку о династических и политических отношениях российских и иноземных правителей. В разделе «О жестоком правлении и людоедстве» (Крижанич без обиняков назвал жестокие несправедливые правления — *lyudodêrstwo*, т. е. *людоедство*) он вопреки официальной историографии второй половины XVII в., стремившейся установить прямую родственную преемственность между царями Рюриковичами и Романовыми, написал об Иване Грозном откровенно: «Царь этот был не только жадным и беспощадным людоедом, но и лютым, жестоким, безбожным мясником, кровопийцей и мучителем». Более мягко и конкретно осуждена Крижаничем внутренняя экономическая и социальная политика Бориса Годунова. Но авантюрист Лжедмитрий действовал, по его мнению, «не своею силой, а по соизволению Божиему». Впрочем, и он «погиб ужасной смертью» «из-за того, что изменил Богу, нарушив свой иноческий обет» [Крижанич Ю. 1965. С. 622–624, 502–504, 576–579; в цитируемом издании слово *lyudodêrstwo* оставлено без перевода]. Такие исторические характеристики создавали яркие образы недавних правителей России.

До своей ссылки в Сибирь в 1661 г. Ю. Крижанич встречался с Б.И. Морозовым и Ф.М. Ртищевым, которые поддерживали преобразования в русском обществе. Стремясь не только к объединению славян во главе с Россией, но также к объединению католической и православной церквей, что позволило бы преодолеть конфессиональное разъединение славян, он стал активным сторонником Российской государственности.

Ссылка в Тобольск не охладила отношения Ю. Крижанича к России и ее истории, хотя намерения его и не осуществились. Тем больший интерес представляют его имеющие отношение к русской истории замечания в написанном в 1674 г. в тобольской ссылке «Толковании исторических пророчеств», которые, кажется, еще не привлекли внимания исследователей. В этом «Толковании», открытом и опубликованном М.И. Соколовым, содержится, казалось бы, неожиданный экскурс, посвященный древней русской истории. Поводом для его появления стал перевод на русский язык пророчества Иезекииля в главах 38 и 39. Процитировав: «Вот я — на тебя, Гог, князь Роска (вместо правильного *Роша*. — М. С.), Мосоха (вместо *Мешеха*. — М. С.) и Фовела (вместо *Фувала*. — М. С.)! И возведу тебя от края Северного на горы Израилевы» (данный текст приведен Крижаничем в сокращенном виде по:

Иез. 39. 1, 2), Крижанич обратил внимание на ошибочный русский перевод в Библии — «князь Росска» [здесь и далее см.: *Крижанич Ю.* 1891. С. 15–19]. В таком переводе он увидел «хулу, ненависть и вражду» к русскому народу, поскольку этот народ «к антихристову войству не относится». Крижанич со свойственной ему подготовкой и эрудицией в средневековой и современной ему письменности стал анализировать это место в Библии на греческом, латинском, древнееврейском и «халдейском» (парафрастические переводы Ветхого Завета — Таргум).

В отличие от подобных отождествлений по созвучию Ю. Крижанич убедительно показал, что «Росска» «не может обозначать русского народа». В подтверждение своих наблюдений он написал, что Лютер, «хотя и враг», не упомянул в данной связи ни «Роса, ни Роского князя». Но в связи интерпретацией данного текста пророка Иезекииля для Крижанича появилась и другая проблема — сближение библейского «Месеха» или «Мосоха» с Москвой.

Поскольку в XVI–XVII вв. «Мосох и Фовел, или Тубал» относились к мифическим народам «Гогу и Магогу», к которым возводили татар, то в соответствии с логикой того времени, как написал Крижанич, оказывалось, что от татар произошли москвичи, т. е. «русяни», а Москва — от «Мезеха, или Мосоха». Крижанич таким «этимологиям» возражал решительно. «Мезех, или же Мосох (по-еврейски Межех или Можох) есть имя древнее и искони вечное». А потому, как он утверждал, название русского народа московским «недавнее», от Москвы-реки и от «Царского града», т. е. Москвы, «а не от Можоха — Можесковским», иронизировал он над своими противниками-невеждами. В данной связи он подверг критике и писателя-лютеранина Петра Петрея, который в своем описании «Русского великого Княжества» также производил имя Москвы от «Мезеха».

Критика таких идей, свойственных русской исторической литературе XVI–XVII вв., была рационалистической. Но она была подготовлена обширными познаниями Ю. Крижанича как в западноевропейской исторической и философской литературе (Гомер, Полибий, Платон, Аристотель, Тит Ливий, Макиавелли и другие), так и хорошим знанием поздних русских летописцев, один из которых он полностью переписал в 1662 г. во время тобольской ссылки 1661–1676 гг. [*Белокуров С.А.* 1902. С. 235; *Пичета В.И.* 1914. С. 13].

Конструктивные тенденции в эволюции разысканий в древней и новой истории России, наметившиеся в Записном приказе, а также в работах Ю. Крижанича, выразили возможности их развития, свойственные середине XVII столетия. Эти тенденции содержали стремление к анализу исторической действительности. Их секуляризация противостояла не только средневековому провиденциализму, но также традиционным при изложении российской истории ссылкам на Священное Писание, к тому же ошибочно или целенаправленно интерпретированное. В подготовительных работах Записного приказа и в сочинениях Крижанича по истории России, которые оста-

лись неизвестны современным ему русским читателям, прослеживается разделение государственного значения труда историка и государевых интересов в интерпретации истории.

Вероятно, царь Алексей Михайлович понял, что Записной приказ не может исполнить его поручение, тогда как предложенные дьяком Т. Кудрявцевым разыскания, равно как и независимые суждения Ю. Крижанича не соответствовали его намерениям. Поэтому деятельность приказа была прекращена в 1659 г., Крижанич отправлен в 1661 г. в тобольскую ссылку, а после возвращения в Москву в 1676 г. выслан из России в следующем году.

Между тем, потребность в написании обобщающего исторического произведения о России оставалась. Десять лет спустя царскую волю исполнил дьяк чрезвычайно важных институтов государственного управления — Казанского дворца, а позднее Разрядного приказа Федор Акимович Грибоедов (ум. 1673), прапрадед автора гениальной комедии «Горе от ума».

Ф.А. Грибоедов не только участвовал в составлении Уложения 1649 г. и являлся крупным чиновником аппарата государственного управления. Ему поручались сложные военно-политические и дипломатические задания. Вероятно, ему было доверено написать обобщающее произведение по русской истории. Это поручение он исполнил, подготовив к началу 1669 г. «Историю о царях и великих князьях земли Русской».

В определении содержания и значения этого сочинения в отечественной историографии имели место существенные разногласия. С.Ф. Платонов, который исследовал «Историю» Ф.А. Грибоедова как памятник письменности XVII в., не согласился с характеристиками, данными ей его предшественниками — «для истории бесполезный сборник» (П.М. Строев), «очень неудачный опыт» систематического изложения русской истории (архиепископ Филарет). Напротив, он поддержал мысль С.М. Соловьева о цели «Истории» — «вывести род московских государей и примкнуть к ним новую династию», т. е. династию Романовых.

С.Ф. Платонов предположил, что труд Ф.А. Грибоедова была предназначен для обучения детей царя Алексея Михайловича. Он установил основные материалы, которыми пользовался автор при написании своего труда, — Степенная книга, Хронограф второй редакции, «Сказание» Авраамия Палицына, «Соборное изложение» патриарха Феофана, приказные документы. Поэтому, обобщая свои наблюдения над «Историей» Грибоедова, Платонов пришел к негативным для нее выводам: «Живя во второй половине XVII века, автор смотрит на действительность с высоты тех фикций, которые еще в XVII веке образовали теорию о “третьем Риме” и ко времени Ф. Грибоедова уже успели значительно обветшать после векового употребления. И, однако, за ними еще остается официальная позиция: накануне своего падения эти фикции об Августе и Прусе, о царских утварях и царском венчании Мономаха ложатся в основу книжки Грибоедова, составленной для

государя и взятой во дворец, думаем, для назидания государевых детей» [Грибоедов Ф. 1896. С. XI–XV].

Эти наблюдения С.Ф. Платонова оказались достаточными для последующих исследователей [Лаппо-Данилевский А.С. 1920. С. 14; Черепнин Л.В. 1957. С. 129–130; Пештич С.Л. 1961. С. 58, 60; Ромодановская Е.К. 1992. С. 230–233; Шапиро А.Л. 1993. С. 135–136]. Е.В. Чистякова и А.П. Богданов расширили круг читателей сочинения Ф.А. Грибоедова «придворной средой», которая, по их словам, «уже чувствовала потребность в образовании и получении элементарных сведений по истории, хотя бы и в таком ограниченном варианте» [Чистякова Е.В., Богданов А.П. 1988. С. 39–40].

Между тем, анализ написанной в 1668 — самом начале 1669 г. «Истории» Ф.А. Грибоедова как произведения, посвященного русской истории, можно продолжить.

Ф.А. Грибоедов начал свое повествование по Степенной книге с утверждения о том, что Владимир Святославич — «сродник Августу, кесарю Римскому» [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 41: «Владимир, иже бысть сродник Августа кесаря»]. Начало изложения русской истории Грибоедовым с правления Владимира Святославича показательно, поскольку при этом князе христианство стало государственной религией на Руси. Но смысл указания родства Владимира с императором Августом раскрыт автором не сразу. Указав все степени родства Владимира до Рюрика, Грибоедов должен был обозначить происхождение родоначальника княжеской династии. Назвать его хорошо известное по летописям начало от «рода варяжска» он, видимо, не мог в соответствии с жанром своего произведения. К тому же еще недавно, в 1656–1658 гг., Россия вела войну в Прибалтике со Швецией, а Кардисский мир с ней был заключен летом 1661 г. В соответствии с этим миром Россия должна была вернуть Швеции ранее завоеванные земли в Ливонии, так что огромная страна продолжала оставаться отрезанной от выхода к Балтийскому морю, столь необходимого для ее дальнейшего экономического развития. Горечь поражения еще была свежа в высших слоях общества и в царском дворце, когда Грибоедов писал свое произведение, посвященное истории российской правящей династии.

Поэтому, написав, что Владимир Святославич — «правнук Рюриков», Ф.А. Грибоедов обозначил высокое положение Рюрика как «первовладычествующего в Великом Новеграде и по всей Руской земле, не мала же рода и не незнаема бяху, но паче преименита и славна сродника Римского кесаря Августа, обладающего всею вселенною, единоначалствующаго на земли во время первого пришествия на землю Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа <...>» [Грибоедов Ф. 1896. С. 6]. Такое утверждение особого значения Рюрика через принадлежность к древнему правящему роду была близка средневековым традициям царского двора и царской службы, которые определялись для русской знати отношениями местничества. С другой сто-

роны, такое утверждение родства идеологически продолжало не только давние связи русской истории со всемирной, но и новейшие претензии российских государей на особое положение среди правителей других европейских государств. Утверждение родства и преемственности власти, восходящих к «Августу Кесарю», видимо, нравилось Алексею Михайловичу и его двору. Поэтому, когда царю было в 1673 г. поднесено написанное герольдмейстером императора Леопольда I Лаврентием Хуреличем «Родословие <...> великих московских князей и прочая и всяя России непобедимейших монархов <...>» и подготовлен Николаем Спафарием его перевод с латинского, Алексей Михайлович мог там прочесть, что его династия продолжает царствовавший род Владимира Святославича, родственного императору Августу. В «Родословии» о Владимире было написано: «Князь Москвы и России, Святослава сын, Игоря внук, от тояж крови, что и Август Кесарь <...>. Сего ради во толикой силе первый великий царь наречен <...>» [РГАДА, ф. 135, V отд., руб. 2, ед. хр. 26. Л. 2, 4; Эскин Ю.М. 2004. С. 98–99].

Тем же путем шел и Ф.А. Грибоедов. Указав таким образом родство Рюрика и императора Августа, он должен был конкретизировать их генеалогические связи. Поэтому он повторил и другую составляющую этой вымышленной теории, восходившей к «Сказанию о князьях Владимирских»: «У сего же кесаря Римского бысть присный брат, именем Прус, и егда же сий кесарь Август раздели вселенную братии своей и сродником, и тогда он Август кесарь поручи в державство сему присному брату своему Прусу в брезах Вислы реки град Мадброк <...>» [Грибоедов Ф. 1896. С. 6–7; см. ранее с. 63]. При этом показательно, что Грибоедов осознанно не последовал в этом изложении начальной истории царской династии за хорошо знакомой ему Степенной книгой, поскольку в ней сохранились следы предания о варяжском происхождении Рюрика: «<...> иже начася от Рюрика, его же выше рекохом, иже прииде из Варяг в Великий Новъград со двема братома своими и с роды своими, иже бе от племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется» [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 7].

Последующее повествование Ф.А. Грибоедова представляет собой краткое изложение вслед за Степенной книгой династической истории Рюриковичей, включая обретение Владимиром Мономахом царских регалий от его деда «греческого царя» Константина Мономаха. При этом все князья Рюриковичи названы «великими», а их правление — «царствованием». Данный перечень князей дополнен краткими указаниями местных княжеских династий, которые в XVI–XVII вв. являлись уже служилыми князьями. Из повествования устранены события военно-политической истории Руси. Александр Ярославич назван «Невским», но о его победе на Неве над шведами не сообщается. Написано, что он поехал в Орду к «царю» Берке «по многих преславных победах на татар и на немец», хотя побед у Александра над монголо-татарским войском не было. Московский князь Дмитрий Иванович

назван «Донским», но о победе в Куликовской битве также не повествуется [Грибоедов Ф. 1896. С. 18, 20].

Такое краткое изложение династической истории Рюриковичей Ф.А. Грибоедов продолжил до правления Ивана Васильевича Грозного. Автор создал его условный идеализированный портрет. Но объясняется такое повествование женитьбой царя на Анастасии Романовне Романовой. Этот брак соединил династию Рюриковичей на престоле Московском с боярским родом Романовых. К тому же один из трех сыновей от этого брака, Федор Иванович, был царем в 1584–1598 гг. после смерти отца.

На особое значение в сочинении Ф.А. Грибоедова преемственности династий Рюриковичей и Романовых вследствие брачного союза Ивана Грозного и Анастасии Романовой, как отмечено ранее, в предшествующей литературе было обращено внимание. Но, продолжая эти наблюдения, можно отметить, что автор в традициях позднесредневековой придворной историографии всячески повысил статус рода Романовых, так же возведя его к «прусским государям» и римскому императору Августу, как и династию Рюриковичей: «В древних летах в Российское царствие выехал ис Прусской земли государя прусково сын Ондрей Иванович Романов; а прусские государи сродни Августу жь кесарю Римскому, обладающему всею вселенною» [Грибоедов Ф. 1896. С. 26]. Такая вымышленная генеалогия должна была уравнивать прусское происхождение династии Рюриковичей и рода Романовых, которые реально восходили к московскому боярскому роду Андрея Ивановича Кобылы. Эта генеалогия доказывала также, что царствовавшая с 1613 г. династия Романовых столь же знатна, что и прервавшаяся в 1598 г. московская великокняжеская и царская с 1547 г. династия Рюриковичей.

Последующее более подробное изложение событий после воцарения в 1598 г. Бориса Годунова, а также в «Смутное время» для Ф.А. Грибоедова — не следствие его особого внимания к столь памятной для русских людей XVII в. трагической эпохе, но авторский прием, который позволял изложить драматизм положения рода Романовых в 1598–1612 гг.

Ф.А. Грибоедов написал о гонениях Бориса Годунова на Романовых не как о следствии подавления новым царем боярской оппозиции, а как о результате предсказания «волхвами и звездочетцами» будущего царствования рода Романовых. В этом повествовании прослеживается уподобление судьбы Романовых, а также еще юного Михаила Федоровича Романова, будущего царя, с евангельскими гонениями царя Ирода на Иисуса Христа и его мать, что завершилось избиением всех младенцев в Вифлееме (Матф. 2). Грибоедов не назвал царя Бориса Годунова Иудой, но в подтверждение этой прозрачной аналогии он написал об убийстве юного царевича Дмитрия, младшего сына Ивана Грозного, в правление царя Федора Ивановича, «умышлением властолюбца царя Бориса, как он Борис еще во правительстве был». Этот сюжет вошел в композиционное начало уже в погодном изложении и с указанием

точных дат рассказа о самозванце Гришке Отрепьеве, о Смутном времени и бедах, которые претерпела тогда Россия и которые завершились с избранием в 1613 г. на царский престол Михаила Федоровича Романова [*Грибоедов Ф.* 1896. С. 28–31 и след.].

Далее следует в «Истории» краткое и величальное, но лишенное конкретного исторического содержания, повествование о времени правления Михаила Федоровича и его отца, патриарха Филарета, а также Алексея Михайловича Романовых с указанием их матримониальных связей.

Как следует из приписки к этой написанной «розрядным диаком» Ф.А. Грибоедовым «Истории», «книга взята к великому государю в Верх», т. е. во дворец. Судя по щедрому вознаграждению, она понравилась царю Алексею Михайловичу. Автору было дано «жалование»: 40 соболей, в приказ 50 рублей, атлас, камку, придачу к поместному окладу 50 четей, да еще отдельно 10 рублей (в порядке перечисления в приписке) [*Грибоедов Ф.* 1896. С. 69].

Содержание книги и щедрое вознаграждение позволяют установить, почему «История» Ф.А. Грибоедова была столь одобрена в царском дворце — на «Верху». В ней сохранялись давние идеологемы утверждения первенства российских государей среди правителей других европейских стран посредством родства с римским императором Августом. В родстве с «присным братом» Августа Прусом оказались не только Рюрик и его потомки, но также Романовы. В ней содержалось предание о происхождении царских регалий от византийского императора Константина Мономаха, а сама династия российских правителей оказывалась непрерывной от Рюриковичей к Романовым. Поэтому Романовы, бояре по происхождению, оказывались в России в равном положении среди сохранившихся многочисленных княжеских родов Рюриковичей.

Обращает внимание последовательное именование «восходной лестницы» правящих князей после «первовладычествующего» Рюрика «великими князьями», «самодержавными» и «самодержцами» в отличие от боковых ветвей местных княжеских династий. Таким образом, история Российская соответствовала истории великокняжеской и царской династии. Прочие русские княжеские ветви не оказывались ей равней.

Это средневековое содержание «Истории» Ф.А. Грибоедова было изложено в соответствии с новейшей эстетикой западноевропейского классицизма XVII в., когда герои древности в живописи и в столь любимом царем Алексеем Михайловичем театре одевались в стилизованные костюмы с элементами нарядов новейшего времени. Учебником по русской истории для царских детей сочинение Грибоедова быть не могло, поскольку оно содержало минимальный исторический материал, необходимый для целенаправленного разъяснения начальной истории династии Романовых. Вместе с тем, его насыщенное идеологическое и целенаправленно интерпретированное содержание позволяет считать «Историю» Грибоедова первым в русской исторической литературе

XVII в. произведением, которое выполнило «заказ» «Верха», царского дворца. Оно служило преходящим интересам царской династии Романовых. Именно поэтому автор, который искусно соединил давние средневековые идеи с новейшей эстетикой второй половины этого столетия, был столь щедро вознагражден. «Историю» Грибоедова можно считать очередным в России произведением придворной историографии, которая должна была угождать вкусам самодержца, удовлетворяя династические интересы государя, подчиняя им интерпретацию истории государства.

Если разыскания Ю. Крижанича о русской истории, соединившие западноевропейскую образованность и сведения русской письменности, не получили в России распространения, то первый напечатанный типографским способом труд по российской истории «Синописис» Иннокентия Гизеля, им написанный или составленный при его участии, был хорошо известен в России последней четверти XVII — начале XIX в. [мнения об авторстве или редакторском участии И. Гизеля см.: *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* 1988. С. 52–53; *Зиборов В.К.* 1993б. С. 43–46]. В XVII в. «Синописис» был издан пять раз, переведен на греческий язык, а позднее по распоряжению Петра Великого и на латинский [*Еремин И.П.* 1954. С. 212].

«Синописис» стал фактом не только историографии, но также истории политических идей и идеологии. Он выразил общественный интерес в России и на Украине к общему для них периоду исторического единства. Этот общественный интерес выразился не только в издании в Киеве «Синописиса». В российских новгородских землях по той же причине была отредактирована «История о начале Руския земли и создании Новаграда и откуду влечашеся род словенских князей», или «Повесть о Словене и Русе», где в одной из ее более поздних редакций появился новый для нее сюжет о единстве рода Рюрика–Владимира и о постоянстве его правления «доныне» [*Гольдберг А.Л.* 1982. С. 59].

И. Гизель происходил из прусской протестантской семьи, в молодости принял православие, закончил Киево-Могилянскую коллегию, продолжил обучение за границей, вернулся в Киев, в 1648–1650 гг. являлся ректором коллегии, а с 1656 г. — архимандритом Киево-Печерской лавры [*Зиборов В.К.* 1993б. С. 43–46]. Он — активный сторонник воссоединения Украины с Россией. Гизель находился в переписке с царем Алексеем Михайловичем и выполнял его политические поручения. Поэтому «Синописис», изданный в 1674 г. (возможно, были также публикации 1670 и 1672 гг.), насыщен патриотическими идеями единства и славного прошлого «Славяно-Российского» или «Российского» народа, преемственности его истории и власти от «самодержавия» князей Киевских до Алексея Михайловича [*Еремин И.П.* 1954. С. 212–222]. С.Л. Пештич исследовал «Синописис» также как произведение, «сближавшее» традиции украинской, русской и польской историографии. Он установил, какими историческими источниками пользовался Гизель.

В то же время, по мнению Пештича, он отстаивал идею украинской государственности, поскольку родиной самодержавной власти в России являлся Киев, куда начало возвращаться «царственное бытие» [Пештич С.Л. 1958. С. 284–298].

В связи с этими наблюдениями над «Синописом» как историческим произведением можно отметить, что идея исторического единства и преемственности была декларирована уже в названии книги, которое с соответствующими коррективами повторяло первые строки ПВЛ, включенной в более поздние летописные своды.

ПВЛ	«Синопис» (издание 1674 г.)
Се повести временных лет,	Синопис или краткое собрание от разных летописцев,
Откуда есть пошла Русская земля,	о начале Славяно-Российского народа и
кто в Киеве нача первее княжити,	первоначальных князей богоспасаемого града Киева,
И откуда Руская земля стала есть.	о житии святого <...> великого князя Киевского и всея России первейшаго самодержца Владимира и о наследниках <...> державы его Российския <...>.

На это содержательное единство заглавия «Синописиса» и ПВЛ исследователи, кажется, внимания не обратили. Между тем оно может свидетельствовать о том, что для И. Гизеля, как и для автора ПВЛ, основной темой повествования является «Русская земля» в ее широком значении — Россия, тогда как Киев и его князья — ее историческое начало. Таким образом заявленное в заглавии содержание «Синописиса» позволяет рассматривать труд Гизеля как последовательное изложение истории России или российской истории, начиная с ее древнейшего периода. Особое внимание в «Синописисе» к южнорусской истории до начала XII в. объясняется не предпочтением автора к истории Украины, но тем обстоятельством, что он широко использовал для повествования об этом времени, как показал С.Л. Пештич, Густынскую летопись. В ее основе для изложения древнерусского периода находится летописный свод, включавший Киевский свод 1200 г., сохранившийся в составе Ипатьевской летописи, основу которого составляла одна из редакций ПВЛ [Пештич С.Л. 1958. С. 284–298].

И. Гизель добросовестно указывал исторические источники, которые он использовал при написании своего труда. Из материалов «Синописиса» и этих ссылок следует, что основное содержание своего повествования он почерпнул из «Хроники» М. Стрыйковского. В этом следовании за историческим сочинением, написанном в Польше, отмечается стремление использовать обобщенный Стрыйковским опыт польской историографии. В то же время

Гизель продолжил в «Синописе» уже сложившуюся традицию опосредующего значения Киева в распространении польской культуры в России. Но, создавая исторический труд уже в качестве подданного русского царя и для Российского государства, он сохранил древнерусскую летописную традицию, освоенную, начиная с Я. Длугоша, польскими историками, и выверил создаваемую концепцию русской истории в соответствии с русскими историческими произведениями. Впрочем, Гизель использовал привлекаемые им материалы в значительной мере компилятивно. Да и следование за польской исторической литературой XVII в., которая уже миновала интеллектуальный подъем эпохи Возрождения, имела для русской историографии отрицательные следствия. Как писал в данной связи А.С. Лаппо-Данилевский, «компиляторы того времени почерпали свою ученость большей частью из польской литературы, снова подпавшей под гнет схоластики; направление подобного рода, тесно связанное с риторикой, вносило ложные приемы исторического повествования, скорее мешавшие, чем способствовавшие развитию научных методов исторического построения» [Лаппо-Данилевский А.С. 1920. С. 17].

Патриотично утверждая первенство славян среди других народов, И. Гизель возводил их вслед за М. Стрыйковским к сыну праотца Ноя Иафету. Имя славян он объяснял происхождением, вновь за Стрыйковским, от слова *слава*, а их древность и свойственную славянам свободу возводил ко временам Александра Македонского и его отца Филиппа. Гизель считал достоверным повествование о том, что в благодарность за помощь славян в создании державы Александр Македонский дал им «привилии или грамоту на пергамене златом написанную во Александрии, вольности и землю им утверждающе». Эти идеи отражали не только сохранявшуюся в славянских странах память о единстве происхождения славянских народов, но также реалии XVII в. — отражение натиска Османской империи и ее союзников крымских ханов Польшей и Россией в союзе с Австрией, что имело следствием создание в 1684 г. «Священной лиги».

Утверждая славянскую принадлежность «русских и паче Российских народов», И. Гизель указал разные мнения, восходившие к «Запискам о Московии» С. Герберштейна, о происхождении их этнического названия — от городка Русы (Старой Русы), от русых волос. К таким объяснениям он добавил возможное происхождение этнонима *россов* от реки Рось. Но он следует за Герберштейном, который по созвучию производил имя *россов* от того, что они «розсеяны» на обширных пространствах. Утверждая наряду со славянами древность россов, Гизель сообщал вслед за Стрыйковским, что они названы, как и «князь Росска, Мосох и прочая», в библейском пророчестве Иезекииля. Поэтому Гизель, в соответствии с целями своего произведения, написал о существовании народа «Славяноросского или Славноросского».

В польской литературе по отношению к Восточной Европе было распространено название Скифия или Сарматия, что И. Гизель повторил вслед за

польскими историками. Но из античной литературы было известно, что там обитали также роксоланы. Поэтому, следуя созвучиям и народным этимологиям, Гизель объяснил происхождение этого этнонима как соединение *россов* и *алянов* в народ «роксоляны, аки бы росси и аляны». Здесь же нашлось место и для утверждения о древнейшем происхождении названия Москвы «от имене праотца Мосоха». Для утверждения особой древности Киева и его значения в древнерусской династической истории он отнес основание Киева к 431 г., тогда как Аскольда и Дира назвал потомками Кия, изменив древнерусскую историческую концепцию в угоду новейшим общественно-политическим идеям местного значения.

Таким образом, Иннокентий Гизель, излагая за польскими историками в патриотических целях древнейшую историю славян и россов, повторил все то, против чего в те же годы в тобольской ссылке страстно протестовал Юрий Крижанич. Уже в 70-е гг. XVII в. отмечаются два возможных пути изложения этих сюжетов — осознанный ненаучный, но патриотический, в значительной мере вслед за сочинениями австро-немецких и польских авторов XVI–XVII вв., и критический, рационалистический. Гизель пошел первым путем, тогда как Крижанич — вторым.

Повествуя о древнерусской истории по М. Стрыйковскому, И. Гизель писал преимущественно о Южной Руси. Но он не забывал о необходимости сообщить читателям также о Руси Северной. Эту часть своего повествования он также изложил по Стрыйковскому. И поскольку Стрыйковский не повторил официальную в то время версию «Сказания о князьях Владимирских», а отнесся к ней критически, в «Синописе» сюжет о Гостомысле и братьях-варягах приобрел особое содержание. Россы «создаша Новгород Великий и Гостомысла некоего мужа нарочита от самих себе в князя избраша». В последовавших распрях Гостомysl посоветовал обратиться к варягам и призвать «на княжение Росское» трех братьев, «иже бяху князи изящнейшии и в храбрости воинской изряднии», т. е. соответствовали идеалам польского и украинского «рыцарства» и шляхетства. Эти сведения Стрыйковского восходили к «Запискам о Московии» С. Герберштейна [Рогов А.И. 1966. С. 48].

Излагая эти размышления С. Герберштейна вслед за польской историографией в уже упрощенной и категоричной форме, И. Гизель написал о варягах, откуда прибыли «на княжение Росское» Рюрик с братьями: «Понеже варяги над морем Балтийским, еже от многих нарицается Варяжское, селения своя имуще, языка славенска бяху, и зело мужественны и храбры». Правда, когда Гизель отвлекся от польской литературы и обратился к русским летописным текстам, то продолжил повествование о прибытии Рюрика с братьями: «Приидоша по прошению россов князие варяжстии от немец три родни братия <...>». Это начало династии имело для Гизеля особое значение, поскольку он продолжил ее не только до великих князей Московских, но и, в соответствии с концепцией династии Романовых, до Алексея Михайловича.

В такой династической преемственности особое значение сохранил дар царских регалий Владимиру Всеволодовичу Мономаху как знак самодержавной власти русских князей и царей, ее преемственности от византийских императоров. Символическое значение этого дара во время написания «Синописа» стало настолько формализовано, что его автор уже не стремился к исторической достоверности и не возводил происхождение дара к деду Владимира императору Константину Мономаху, относя его к Алексею Комнину. Но зато в подтверждение истинности этого дара упоминание о нем сопровождалось вымышленным текстом императорской грамоты.

Определяющее значение в истории «Российской державы» имели для И. Гизеля события политические и военные. Особый смысл для него приобрело пребывание «Киевского княжения и всея России самодержавия под татарским игом». Завоевание южнорусских земель Польшей имело следствием превращение «великаго княжения Киевскаго в воеводство». Поэтому, по его мнению, столь положительным для Киева и украинского народа становилось воссоединение с Россией, особенно в условиях продолжающихся войн с Турцией и крымскими татарами. О них обстоятельно сообщалось во втором издании Синописа (1678 г.), в частности «о первом бесурманском приходе под Чигирин» в 1677 г., и в третьем издании (1680 г.) — в рассказе «о втором бесурманском приходе под Чигирин» в 1678 г. В том же издании содержалась хвала и благодарность уже царю Федору Алексеевичу за его «промышление и попечение» о «Малой России».

С.Л. Пештич отметил в «Синописе» элементы научности, которые заключаются в критическом отношении к отечественным и иностранным историческим источникам, в сопоставлении их информации, но с умолчаниями и тенденциозностью. По его мнению, «Синопис» — «промежуточный, переходный тип между летописью и историей в прямом смысле этого слова» [Пештич С.Л. 1958. С. 297–298]. Продолжая эти наблюдения, можно сделать вывод, что «Синопис» — уже не летопись, но еще не историческое исследование. Это — светская по содержанию компиляция, идейно определенная общественно-политическими реалиями 70-х гг. XVII в. Написанное в Киеве, это сочинение поддержало в литературе исторического содержания восходившие к ПВЛ идеи единства исторического процесса на всем пространстве широко понимаемой «Русской земли», от древнейшей истории славян до царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича.

В общероссийском контексте развития исторической мысли «Синопис» также соответствовал историографии 70-х гг. XVII в. Он не только объединил австро-немецкую, польскую и русскую традиции исторических сочинений, но и способствовал распространению в России традиций польского исторического повествования. Такое содержание «Синописа» соответствовало культурным тенденциям того времени в высших слоях русского общества, его постепенной, очень замедленной секуляризации и распространению

польской «моды». Но проблема заключалась в том, что в этот период польское историческое повествование уже не соответствовало западноевропейскому уровню.

«Синописис» содержал комплексы исторической информации, обобщенные польскими историками, излагал российскую историю как обоснование необходимости объединения Украины и России. Он осмыслял идею самодержавной власти в ее тождестве с отечественной историей. Поэтому в отсутствие других популярных исторических произведений «Синописис», к тому же печатно тиражируемый, находился в кругу чтения на темы отечественной истории не только в последней четверти XVII в., но в XVIII столетии.

Исторические повествования о местном происхождении славян и русских, об их предках — древних сарматах и скифах, подтвержденные к тому же авторитетом древних авторов и сочинениями польских историков, оказались продуктивной основой для создания во второй половине XVII в. множества их вариантов в отличие от изжившей себя к этому времени монархической легенды о происхождении русских великих князей и царей от Августа и Пруса, а также о призвании родоначальников этой династии по совету Гостомысла.

Анализ экономического и общественного состояния Российского государства середины — второй половины XVII в. свидетельствует о его средневековом уровне развития. Его постоянные связи с другими европейскими странами, объективные потребности в более совершенных технологиях, вооружениях и предметах гражданского назначения, в модернизации войска имели следствием их внедрение в России, хотя в ограниченной мере и на более низком уровне, чем в развитых западноевропейских странах. Их частичное освоение, ограниченное средой средневекового быта, — проявление объективной в них потребности, которая без напряженнейших усилий всего государства осуществиться не могла.

Такому состоянию страны в материальной жизни в полной мере соответствовало состояние российской культуры и исторических знаний. В стране не было университета и других видов светских учебных учреждений, в которых были бы сосредоточены научные знания. Традиционная массовая культура оставалась средневековой в своем содержании, тогда как церковные иерархи решительно противились культурным новациям.

Между тем, накопленный опыт в подготовке и написании исторических произведений в правление Алексея Михайловича, новации в русской культуре, особенно в краткое царствование Федора Алексеевича в 1676–1682 гг., создали новые возможности для изучения истории России. О них свидетельствует открытое и условно названное Е.Е. Замысловским «Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Феодора Алексеевича» [здесь и далее см.: *Замысловский Е.* 1871. С. XXXV–XLII]. Не исследуя это произведение и не атрибутируя его, Замысловский лишь отметил, что оно содержится в книге, принадлежавшей Алексею Тимофеевичу Лихачеву.

Само историческое произведение, которое это «Предисловие» начинало, неизвестно. Да и самому ему даны лишь предварительные историографические характеристики. А.С. Лаппо-Данилевский отметил в нем свидетельство приближения Нового времени, когда «исключительное господство религиозной догмы над наукой, приводившее к схоластике, стало постепенно падать» [Лаппо-Данилевский А.С. 1920. С. 16–17]. В основе этого произведения он предположил «какой-нибудь западный образец», но в содержании — противопоставление историографии летописанию, которое не соответствует «обычаю историческому», как написано в «Предисловии». С.Л. Пештич отметил «смелость автора, умело разбиравшегося в историографическом наследстве и делавшего из него вполне современные, соответствующие новой обстановке выводы». Начала научности, по наблюдениям Пештича, соединялись в «Предисловии» с теологическим представлением об истории. По его мнению, автор «Предисловия» был русским и собирался написать обширное произведение, посвященное русской истории, не ограничиваясь описанием жизни царя Федора [Пештич С.Л. 1961. С. 45–52].

Эти наблюдения поддержал А.М. Сахаров, который отметил, что в русских библиотеках того времени существовали переводы и сами тексты древнегреческих классиков, цитированных в «Предисловии» [Сахаров А.М. 1979. С. 76]. Поэтому, конкретизировал он это наблюдение, его автор мог быть русским, и русский читатель был подготовлен к восприятию того, что там написано. Впрочем, вследствие привлечения в «Предисловии» обширного круга идей, свойственных зарубежной письменности, был предпринят опыт отнесения его авторства переводчику Посольского приказа и книжнику Николаю Милеску-Спафарию [Урсул Д.Т. 1980; см. там же литературу вопроса]. Идеи, содержащиеся в этом произведении, стали основанием для установления его связей с контекстом общественно-политических и культурных новаций в конце правления Федора Алексеевича [Пушкарев Л.Н. 1982. С. 228–232].

А.Л. Шапиро выделил в «Предисловии» стремление к новым формам исторического повествования, по сравнению с летописанием, к устранению «несогласия» исторических произведений, а, следовательно, к критическому изучению источников. Отметил он также одобрение автором издания исторических книг в типографиях — нового вида распространения исторических идей, поскольку, как писали древние авторы, история должна быть «учительницей жизни» [Шапиро А.Л. 1993. С. 132].

Е.В. Чистякова и А.П. Богданов предположили, что автором «Предисловия» являлся царский окольничий А.Т. Лихачев. В отличие от предшественников и современников они подчеркнули в «Предисловии» его особое историографическое значение, но не как свидетельство новаций в исторических знаниях в сравнении с другими историческими произведениями того времени, а как указание «высокого развития историографии в России второй половины XVII в.». Чистякова и Богданов возвели анонимное «Предисловие»

к абстрагированным общеевропейским истокам, придавая особое значение его национальным основам: «Автор Предисловия справедливо заметил, что место русской историографии во “всемирной” исторической мысли определялось не заимствованием сочинений и сочинителей, а способностью создания на обогащенной лучшими общечеловеческими идеями национальной основе собственных оригинальных произведений» [*Чистякова Е.В., Богданов А.П.* 1988. С. 7–9, 14].

В соответствии с более поздней характеристикой А.П. Богданова, в «Предисловии» изложены «соображения царя Федора Алексеевича о необходимости иметь, наконец, официальный курс русской истории», тогда как сам «царь-реформатор объяснил значение этого труда для россиян и “всемирной пользы” человечества, а также основные принципы ученой историографии» [*Богданов А.П.* 1994. С. 14].

Идеи, содержащиеся в «Предисловии», представляются столь значимыми для истории исторических знаний в канун эпохи Петра Великого, что их следует рассмотреть особо.

Видимо, впервые в русской письменности в «Предисловии» был поставлен вопрос — что такое «история» как особая отрасль знаний, о существовании которой в среде русских просвещенных людей второй половины XVII в. было известно вполне определенно. Ответить на этот вопрос автор смог, обобщив опыт античных философов и историков, а также западноевропейских гуманистов, стремившихся *знанием* исправить порожденные средневековыми отношениями недостатки современного им общества. Автор еще следовал началам телеологии человеческого бытия, Божественного присутствия в происходивших событиях, что было свойственно средневековым историческим сочинениям. Но он в равной мере осознавал, что знание, «ведомость и познание разных вещей», «очищает», «украшает» и «исправляет» человека «и душевно, и телесно». В этом знании для него в равной мере значимы и Божественное присутствие, и «гражданских деяние», т. е. общественная практика.

Такой позднесредневековый дуализм имел следствием для автора «Предисловия» равенство в процессе познания двух противоположных философских систем, материалистической Аристотеля и идеалистической Платона. В философии Аристотеля для автора главным являлся процесс познания, который ведет человека к совершенству и раскрывает для него единство сущего мира: «<...> все человецы естественно желают ведати, се есть от природы свое любить ведати и познати всех вещей, потому что тем ко искусству и к совершенству придуть, и душа веданием и учением совершаетца, а совершенство всякому свойственное благое есть, а во благом и состоянии, и спасение всякого содержитца, и сиевым образом человек совершенен бывает <...>». Такой материалистический процесс познания автор пантеистически интерпретировал «вся и божественная, и земная» как единство созерцания и «ведения».

Сублимация познания от материального к идеальному и пантеистическому взгляду на природу «вещей» позволила автору «Предисловия» соединить аристотелевский подход с противоположным по содержанию платоновским движением от идеального к материальному через «зрение», созерцание: «И для того дивный Платон философ пишет, яко чрез зрении чувств и философскую доброту получили, смотря бо на небо, и видя предивный чин и неизреченную красоту, придем к познанию Создателя и прочее, так же чрез то чувство и учение сами принимаем и иным воздаем, и единым словом рещи, всякая ведомость и познание всех вещей в житии человеческом наипаче чрез зрение совершаетца» [*Замысловский Е.* 1871. С. XXXVI].

Для автора «Предисловия» определяющим являлось уже не стремление к познанию Божественного, а западноевропейский гуманистический жизнеутверждающий принцип познания — «чрез многих вещей, искусств и учений к совершенству познаний и ведомость придет человек». Но для автора главной в науках является история. К «славному Кикерону», т. е. Цицерону, он отнес расхожую в средневековых университетах мысль «*Philosophia est magistra vitae*» («Философия — учительница жизни»), в соответствии с которой, в авторской интерпретации, «история учительница житии и свет истинный».

Цель истории для автора — не только обращение в прошлое, но также настоящее и будущее для создания более совершенного человека и общества: «ничего так не украшает человека и душевно и телесно, и всякое человеческое житие, и гражданское пребывание исправляет, и приведет его к ведомости всяких искусных дел и вещей и к совершенного человека, что история». В подтверждение этих идей он привел близкие по содержанию мысли древнегреческих историков Фукидида и Полибия, византийского императора Василия I (867–886), родоначальника Македонской династии. Поэтому, по мнению автора, история имеет дидактическое значение, тогда как историк может одобрить или осудить излагаемые события, деяния исторических персонажей.

Имея в виду цели будущей книги, посвященной царствованию Федора Алексеевича, автор «Предисловия» поставил русского царя в один ряд с великими правителями древности, царями и императорами — Александром Македонским, Юлием Цезарем, Августом, Константином Великим, Феодосием, Юстинианом I, которые не только сами прочли историю своих предков, но и повелевали написать историю своих правлений. Этот пассаж не только включил русского царя в единый ряд великих правителей европейской цивилизации, Древней Греции, Рима и Византии, но и позволил обозначить темы будущей книги: «слава великая» в воинских и гражданских делах, обобщение исторического опыта в современном общественном устройстве, в современной практике, а также в «искусствах и учениях свободных». В условиях противостояния Церквей история «и богословию великую помочь подает против противников веры».

Обозначив столь большое значение истории, автор «Предисловия», ссылаясь на Платона и других «мудрых», раскрыл ее содержание как сохранение сведений о событиях и делах «мира сего», их «смотрение» «яко в зеркале» или повествующее «живописание». Обобщил автор опыт также митрополита Евстафия Солунского (ум. ок. 1193 г.), по его словам, «толкователя славнаго и перваго поэта или творца Омира», т. е. Гомера. В отличие от «древних мудрецов» Евстафий «премудро» разделил «гражданскую», т. е. светскую, историю на четыре части, тогда как «церковная история инообразно разделяется», на «вместное, деетельное, летнее и родословное». Автор так разъяснил эти отрасли исторического знания. «Вместное» — «изъясняет и определяет» «место, и землю ту и страну». «Деетельное» — описывает разные произошедшие «дела и обычаи народов, что учинилось». «Летнее» — указывает время, «в которое лето что учинилось, и при которых начальствах, и при каких и когда». «Родословное» — «яко произведет род и народа от корени», т. е. происхождение не генеалогическое, а происхождение от древних этносов.

Автор «Предисловия» написал и о том, как следует писать историку. Здесь он использовал опыт Дионисия Галикарнасского (I в. до н. э.), который в свою очередь сравнивал труды «первых и славных греческих историков Иродота (Геродота. — М. С.) и Фукидида». Первое его требование — «чтобы историк выбрал бы повесть красную и сладкую, чтобы сердце чтущих веселил». Второе требование — хронологическая и сюжетная определенность, «чтобы знал, откуда начинати историю и до которых мест писати». Третье условие историку — «чтобы знал, что подобает во историю молчанию предати и что пристойно объявити». В отличие от этого условия, которое воздействовало на историка во все времена вследствие общественно-политических обстоятельств, собственных пристрастий или самоцензуры, четвертое требование относилось к ремеслу историка — «чтобы всякое дело на своем месте написано было, где доведется и пристойно расположено». Последнее, пятое, требование автора «Предисловия» к историку — его духовное и нравственное состояние: «чтобы душа и охота историкова была бы тихая и ничем смущенная, также и слово бы было чистое, свойственное и разумичное, и ясное, тихий бы был историк, и не суров, и правдою б все писал, а не ласкательством или иным каким страstem повинен, и чтоб к добрым делам слогом и словом своим бутто совеселится, а противным сопечалуется». На это последнее требование автор обращал особое внимание своих читателей — «и та статья, хотя последняя, однакож наипаче всех надобно историку остерегать» [*Замысловский Е.* 1871. С. XXXVI–XXXIX].

Стремление к истине, объективности, провозглашенное автором вслед за Дионисием Галикарнасским, в определенной мере абстрактно, поскольку, видимо, каждое мнение считает себя истинным. Значительно более существенно его намерение выявлять причины событий посредством доказательств, т. е. приближаться к познанию их сущности: «Ясность же истории

есть не токмо разумичными словами дела всякия правдиво и верно описати, но и при том, чтобы расположены были всякия дела на своем месте пристойны, изъяснены прилично, також писати как для чего и каким образом учинился, чтобы не токмо случаи и конец делам, но при том и доводы и причины их познавались <...>».

После такого повествования о целях и средствах истории и историков автор «Предисловия» приблизился к указанию темы самого сочинения — истории царствования царя Федора Алексеевича. Но здесь он следует западноевропейскому дворцовому этикету, насыщая эти подступы утонченной лестью. По его словам, «премудро и истинно дивный Платон философ написал, что тогда подданные благоденствуют, когда или философ царствует, или царь философствует, потому что философия несть иное кроме того, что уподобится человек Богу, елико возможно человеческому естеству, как философи определяют». Такое сопоставление «царя» и «философа» являлось для русской литературы новым. Оно стало для автора средством воспитания на рационалистических началах самого монарха, а через него и его народа: «по истине, ничего так не сравняется и не уподобляется иному, как подданные своему начальству, которого, яко пример себе, к делам своим народ изобразует».

Содержащаяся в «Предисловии» хвала самодержцу, царю Федору Алексеевичу, указывает не только традиционные его дела «к славе Божии», но и не свойственные ранее для российского средневекового мышления «дела <...> *гражданская к всенародной пользе*». В числе царских добродетелей указано не обычное для XVII в. «благочестие», а стремление царя «московского народа и российского преукрасити всякими *добродетelmi и учениями, и искусствами*», «прославити не токмо нынешние *российские народы*», но, что традиционно для литературно-летописной и фольклорной традиции, «прежде бывших славных предков своих». Впрочем, и здесь содержалась новая идея, поскольку прославлению подлежал не один народ, русский или российский, а составлявшие Россию «народы».

Образ государя в «Предисловии» стал новым. Он свойственен западноевропейской культуре второй половины XVII в., эпохе классицизма и барокко — монарх как покровитель наук и искусств. Однако названные «Предисловием» задачи истории и образ царя-философа являлись лишь благопожеланиями.

Автор «Предисловия» указал, какими средствами будет осуществляться задача создания книги о правлении Федора Алексеевича, и содержание этих средств в соответствии с придворным этикетом приписал царю. Но, судя по научному содержанию, они принадлежали самому автору. Он переосмыслил как недостаток распространенное в западной литературе мнение об исконной склонности славян, в данном случае «народа российского», «к воинским делам и оружием», поскольку такая склонность препятствовала «свободным учениям», а потому «народ российский» «лишен был учения исторического».

Автор предложил свой путь преодоления сложившейся ситуации. Его не удовлетворили прежние русские исторические сочинения: «хотя и розные повести и летописцы словенским языком написали, однакожь несовершенным описанием и не по обычаю историческому, притом и не согласуются меж собою вовсе те летописцы».

План предстоящего исследования автор «Предисловия» изложил как решение царя: «<...> повеле изо всех историков древних и новых, не токмо словенских и русских летописцов, но и еллинских, и латынских, и польских собрати во единой исторической книге и делу, по обычаю историографов, наипаче из тех, что достовернее, откуда произведется народ московской, и русской, и славенской, и какия их начала, и протчая, и потом по чину и по веком до сих времен что учинилось в российских государствах, и, по обычаю историков, всякия дела припоминати елико божественное, и елика гражданския, посольския и воинския, потому что во всех народах, что есть на свете, книги и истории своего государства, и начала, и предки их, и произведение есть, от розных историков писаны, и в типографии преданы, только московской народ и российской историю общую от начала своего не сложили и не издано...».

Это была грандиозная программа современного для второй половины XVII в. исследования, основанного на сборе и критическом анализе исторических источников. К тому же его собирались опубликовать типографским способом. В издании такого обобщающего исторического труда по отечественной истории автор видел патриотическую задачу и в целях образования своего народа, и для утверждения реального, а не мифологизированного места России среди других государств. При этом он особое значение придавал тому, что о российской истории для ее лучшего понимания следует писать в самой стране, а не в чужой, «потому что всякий народ про себя, и про дела свои, и про страну свою лучше умеют списати, нежели чужой». Содержательно такое повествование должно было охватывать всю отечественную историю, включая, разумеется, династическую, а структурно — по главам, «как пристойно для лучшей ясности», преодолев погодное летописное изложение событий [Замысловский Е. 1871. С. XXXIX–XLII; курсив наш].

Такой грандиозный план изучения истории России в 1676–1682 гг. не был выполнен. Однако показательно возникновение рассмотренного «Предисловия» к нему как свидетельство того, что объективные процессы, происходившие в это время, способствовали появлению тенденций к превращению исторического повествования в соответствии с Божественным Предопределением и причинно-следственными связями в историческую науку. Это проявление возникающей возможности формирования в России исторической науки также не стало действительностью.

В тексте «Предисловия» прослеживается хорошее знакомство с европейской университетской ученостью, широта взглядов на историческую науку

и ее содержание, умение по-царедворному польстить государю, улавливая определяющие «на Верху» настроения, но в то же время не вступая в конфликт с другими тенденциями. В исторических источниках автор в равной мере придавал значение русским и иностранным материалам, греческим, латинским, польским. Он знал проблемы исторического знания в России и пути их разрешения. «Предисловие» написано прекрасным литературным языком, хотя оно посвящено серьезным научным проблемам.

Представляется, что в России 1676–1682 гг. всеми этими свойствами обладал прежде всего Симеон Полоцкий, который умер 25 мая 1680 г. Если предположить, что он являлся автором «Предисловия», станет ясно, почему не было написано само историческое произведение — этому воспрепятствовала преждевременная смерть пятидесятилетнего Симеона, который лучше других в России того времени был подготовлен в античной и современной философии, мог сформулировать задачи этого грандиозного труда.

В период еще медленно происходивших перемен и бурных общественно-политических событий, последовавших после смерти Федора Алексеевича, во время регентства царевны Софьи в 1682–1689 гг. и совместного правления Петра и Ивана Алексеевичей в 1689–1696 гг., были созданы произведения, которые выразили как общественные потребности в исторических знаниях, так и их содержание.

Ученик и последователь Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев (1641–1691) наряду с поэтическими и богословскими сочинениями создал исторический труд «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» — обозрение общественно-политических событий, основные из которых, в соответствии с авторским повествованием, произошли в 1682–1684 гг. [о Сильвестре Медведеве и его произведениях см.: *Прозоровский А.* 1896; *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* 1988. С. 103–119; *Богданов А.П.* 1994; *Панченко А. М., библиография: Буланин А.М., Романова А.А.* 1998б. С. 354–361; см. там же литературу]. Это — труд о новейшей для современников Медведева истории России.

В традициях своего времени С. Медведев начал повествование с изложения библейской истории, но по хронике И. Кариона (1499–1537) [см.: *Медведев С.* 1894. С. XXVII–XXIX], которая в обработке гуманиста Ф. Меланхтона, друга М. Лютера, распространилась в переводах в европейских странах. Однако это введение, смысл которого заключался в обычном для средневекового сознания особом значении Божественного Промысла, может свидетельствовать лишь о продолжении учеником общеевропейских традиций своего времени. В отличие от введения, историческое повествование Медведева выражало взгляды самого автора и свойственный ему стиль. Содержание книги определялось общественным положением лица, которому доверял царь Федор Алексеевич, активного сторонника царевны Софьи, которую он называл по чину «великой государыней».

Излагаемые С. Медведевым исторические события также предопределены Божественным Промыслом, тогда как смысл истории — дидактический, в своем воспитательном содержании обращающий к Богу.

В отличие от автора ранее рассмотренного «Предисловия» С. Медведев стремился прославить не российские народы, а их правителей. Поэтому для него царь Федор Алексеевич не «философствующий», а «зело в благочестии ревнитель и всякого добра и благочинства в государстве своем истинный желатель». Впрочем, в конце XVII в. такой похвалы было уже недостаточно. Поэтому Медведев написал, что царь покровительствовал образованию, «дабы лучший свет в познание божественного писания отворялся», собирал «в полаты свои государевы» мастеров и покровительствовал их занятиям. Особое одобрение автора вызвало строительство церквей, в связи с чем он сравнил царя с библейским царем Соломоном, строителем иерусалимского храма, что было свойственно средневековому мышлению, воспитанному на Священном Писании.

Не написал С. Медведев и «повесть кроткую и сладкую», как предлагал автор «Предисловия». Он повествовал об основных событиях последних двух лет правления царя Федора Алексеевича: мир с Османской империей в 1681 г., распространение христианства среди нехристианских народов России, попытка создания в стране 12 митрополий и 70 епископий, указ о замене охабней и однорядок кафтанами для придворных чинов, отмена местничества и продолжение составления родословных книг. Но основное содержание «Созерцания краткого» составило повествование о кровавых событиях стрельцких восстаний в 1681–1682 гг., об аресте князей Хованских, о возведении на Красной площади столба с текстом об особых правах стрельцов, а также об уничтожении этого столба и так далее. Для большей убедительности повествования Медведев активно включал в свое сочинение тексты грамот, в том числе подложных, которыми его снабжал другой активный сторонник царевны Софьи Ф.Л. Шакловитый.

«Созерцание краткое» являлось изложением новейших политических событий в Москве и в правящем доме Романовых. В тонах придворного восхваления в нем сообщалось о времени правления Федора Алексеевича и царевны Софьи, которая воспользовалась стрельцкими мятежами в Москве и узурпировала права государственного управления. Повествование об этих событиях, преимущественно относившееся к стрельцким бунтам в Москве, предварялось панегириком Софье. Его содержание определялось обращением к древности для указания в Священном Писании, а также в истории православных царств идеалов настоящего. Поэтому он называл предшественниц царевны Софьи на поприще премудрости и справедливости: «<...> яко и в древния роды, чудодетелствуя, премудро воздвиже во Израили пророчицу Девору в судиях и во спасение людем Израилевым от иноплеменик праведную Иудифь, от мидян мудрую Есфирь; и в царствующем

Константинополи во дни царя Феодосия юнаго во управление сестру его единокровную, философствующую царевну деу Пулхерию <...>. Но особое восхваление Медведев посвятил царевне, которую «всехитрый Господь и Владыка <...> воздвиже <...> благородную и премудрую, милосердную, великую государыню царевну и великую княжну Софью Алексеевну, ейже даде чюдный смысл и суждение, яже тщание в девственной чистоте ко вселюбезному Творцу своему и Богу неусыпным сердца своего оком непрестанно творящи, желающее вечнаго с ним в прекрасном горнем всевеселом Иерусалиме пребывания, к сродному господства своего российскому народу человеколюбием склонившихся <...>».

В изложении событий стрелецкого восстания и активных действий в этой связи князя Ивана Хованского для С. Медведева определяющее значение имела царевна Софья. В «укрошении возсвирепевшего народа» именно она, по его словам, играла особую роль, «имеюще от Вышняго Промысла дар премудрости и добропохвального мужества»: «Яко же бо прежде Вышняго благодать на свою божественную славу, и на общую православных ползу, и церкви своя на защищение благоволи благоверную великую государыню царевну Софию Алексеевну избрати, тако благоволи оною, яко своею избранною, и действовати» [*Медведев С. 1894. С. 58–59, 82–83*].

В соответствии с верой в особое значение царской власти Сильвестр считал, что, если бы не болезнь Федора Алексеевича, то царь «народное бедство всячески бы мог успокоити». Однако близость к народной жизни позволила автору назвать и некоторые реальные причины начинающегося стрелецкого восстания: «в царствующем граде (Москве. — *М. С.*) гнев Божий от налогов начальных и неправедных судов возгаратися нача, и мысли у людей такожде начаша развращатися». К тревожным размышлениям приводили его наблюдения над современным ему состоянием правящей элиты: «Аще начальники болши печалуются о корысти своей и о достоинстве над иных честию, нежеди о добром деле всего государства, и из того дела корысти не бывают, но еще болши вина бывает к разорению государствам». Неприглядно, по Медведеву, состояние царского «синклита» — царского ближнего окружения или думы, — что также может привести к бедам всего государства: «Егда убо царский синклит между собою о селах и о достоинствах каких или о корыстях бранятся, тогда за таковою их не любовью и междособием государство от смуты невольно есть, а за смуту погибель государству последует; из малыя бо искры огня великий пламень происходит» [*Медведев С. 1894. С. 40*].

Большой политический смысл имело уподобление царевны Софьи «философствующей царевне деу Пулхерии». Пульхерия — внучка императора Феодосия I Великого — участвовала в управлении государством во время царствования болезненного брата Феодосия II, а после его смерти в 450 г. была провозглашена императрицей. Аналогия царевны Софьи и Пульхерии

была явной и значимой для современников С. Медведева, хотя Пульхерия, истая христианка, в отличие от царевны Софьи дала обет целомудрия.

Действия главных участников изложенных в «Созерцании кратком» событий по-средневековому предопределены Божественным Промыслом. Но об их конкретном содержании сообщалось в соответствии с современными принципами конкретного повествования в многообразии фактов, впрочем, целенаправленно отобранных и интерпретированных. Такое изложение исторических событий свидетельствует о его соответствии своему времени, постепенному, но замедленному включению в интеллектуальную и ежедневную российскую жизнь элементов западноевропейской культуры.

В таком состоянии между старым и новым С. Медведеву ближе было старое. Поэтому, рассуждая о причинах бед, которые в 1682 г. постигли Россию, он указал не только традиционные для средневекового человека мзду, неправые дела, отстранение от управления старых мудрых людей, знатных и заслуженных, но также «всякия новые дела в государстве и чины в даянии чести и суды иночиновны во гражданстве». Такие новации были плохи для Сильвестра еще тем, что были они «иноземным обычаем подражающе». Те немногие изменения в культуре и быте, которые происходили в российской элите второй половины XVII в. вследствие ее открытости к освоению современного общеевропейского опыта, были для Сильвестра плохи, поскольку угрожали фундаментальным основам традиционного средневекового быта. Как человек умный, он увидел в этом немногом возможность будущих преобразований, а потому предсказал, хотя бы на поверхности явлений, некоторые из них в быте и государственном управлении, которые вскоре осуществит Петр Великий. Поэтому Медведев писал: «<...> иностранных обычаев, чинов председательства и чести званием, не слыханным в своем государстве, именовати, такожде в одеждах и обувах, и в пици и в питии отнюд вновь и внезапно вводити не подобает. И в совет государственных дел иноземцев не пущати бы, яко ради премен и необычных дел смущения веля и злобедственная в государствах бывають. Во утвержение же сему некоторый философ сицевая словеса изрече: не приносит добраго конца в государстве, егда обычаи иноземския в государстве бывають и права изменяют» [Медведев С. 1894. С. 38–39].

Таким образом, возможным изменениям в регентство царевны Софьи и планам князя В.В. Голицына, предстоящим петровским преобразованиям С. Медведев противопоставил изоляционизм и консерватизм в сохранении традиций средневекового быта. Но поскольку утверждать такие идеи в правление Софьи Алексеевны было уже неприлично, он подтверждал их ссылками и на вымышленного «некоторого философа», а далее, и на «лакедемонского законодавца» Ликурга, легендарного политического деятеля IX–VIII вв. до н. э., реформы которого создали традиционный социально-политический строй Спарты. Впрочем, Медведев приписывал Ликургу

свои мысли и слова: «чтобы из обычаев иноземских проторей или избытков в житии человеческом, сиречь в ествах и в платье, не зделалось». Таким же образом он доказывал свою правоту, сообщая, что сказал «цесарь римский Тиверий думному своему болярину Атилле», т. е. римский император Тиберий, который правил в 14–37 гг. н. э., вождю тюркского народа гуннов в 434–453 гг.

С. Медведев знал работы наиболее популярных в среде образованных русских людей античных философов, в частности древнегреческого философа Платона, которого он назвал в латинской форме «Плято», широко распространенной в западноевропейской литературе, и Аристотеля [*Медведев С.* 1885. С. 1], некоторые имена деятелей античного периода, но о реальной античной истории и философии он имел смутное представление. В соответствии с принципами литературных произведений периода классицизма они являлись только символами и/или выразителями современных автору идей. Впрочем, повествование об отечественной истории также становилось для него средством изложения своих взглядов на новейшие политические события и на судьбы русского общества.

«Созерцание краткое» является одним из источников информации о событиях в Москве 1682–1684 гг., памятником русской общественно-политической мысли консервативного направления, но расположенного между крайним консерватизмом и признанием ограниченного освоения элементов западноевропейской культуры, необходимых для существования в современном мире последней трети XVII в. Такая промежуточная общественная позиция, участие в церковных догматических спорах привели С. Медведева к столкновению с высшими церковными властями во главе с патриархом Иоакимом. Казнен он был 11 февраля 1691 г. на знаковом для отечественной истории месте — голову ему отрубили на Красной площади напротив Спасских ворот и вблизи от Покровского собора, который традиционно называют в народе собором Василия Блаженного.

Период регентства царевны Софии в 1682–1689 гг. должен был как-то завершиться — или установлением ее реальной власти, или отстранением от управления Российским государством. Летом 1689 г. Ивану V исполнилось 23 года, а его младшему единокровному брату Петру I — 17 лет. В такой напряженной династической ситуации София предприняла попытку переворота. В ночь на 8 августа этого года в Кремле и на Лубянке были подготовлены отряды стрельцов, готовых выступить на Преображенское, где находился Петр. Предупрежденный своими сторонниками, Петр с денщиком Меншиковым поскакали в Троице-Сергиев монастырь под защиту его стен. Туда же пришли верные царю Преображенский и Семеновский полки, а также стрелецкий Сухарев полк. В результате дальнейших решительных действий Петра София была арестована и заключена в Новодевичий монастырь.

6. Начало формирования новой общественной среды в 1689–1699 гг.

Самостоятельное правление Петра I и Ивана V в 1689–1696 гг. стало с небольшими изменениями лишь продолжением основного содержания внутренней и внешней политики в царствование Федора Алексеевича и в регентство царевны Софии. До этого времени Петр осваивал начала научных знаний, корабельного дела и артиллерийской стрельбы, отрабатывал на своих «потешных» полках, Преображенском и Семеновском, подготовку современных пехотных войсковых соединений. Азовские походы 1695 и 1696 гг. стратегически продолжили Крымские походы В.В. Голицына как составная часть военных действий созданной в 1684 г. Священной лиги — союза Австрии, Польши, Венеции и России — против Османской империи.

Подготовка к Азовским походам способствовала началу строительства значительного числа кораблей разных типов. Были реорганизованы старые тульские и липецкие заводы, в этом же регионе построены новые заводы, которые, впрочем, не создавали качественных изменений в российском промышленном производстве. Армия оставалась плохо подготовленной к современным военным действиям. Неудача Первого Азовского похода в 1695 г. была предопределена отсутствием флота, необходимого для блокады Азова. Да и во время Второго Азовского похода в 1696 г. действия артиллеристов были налажены не без значительных трудностей. Это были тревожные сигналы, которые свидетельствовали о реальном состоянии военного дела в России 1690-х гг.

Взятие Азова в 1696 г. показало стратегическую бесперспективность южного направления в данный период. Оно ограничивало набеги конницы крымского хана, вассально зависимого от Османской империи, на украинские земли и южнорусские регионы. Но экономически и политически оно вывело пределы России лишь в экономически и политически отсталый регион Причерноморских земель, подвластных Турции, для которой Черное море реально являлось внутренним, тогда как плавание российских судов по Азовскому и Черному морям контролировалось турками на Керченском проливе и тем более на Босфоре. При этом оказывалось, что союзники России по Священной лиге, Австрия, Венеция и Польша использовали российский военный и людской потенциал в своих целях в борьбе с Османской империей, но не могли содействовать ускоренным темпам развития Российского государства.

Вероятно, все это стало очевидно Петру I, который после смерти в 1696 г. своего брата и соправителя Ивана V стал в полной мере свободен в выборе политического курса страны. Обитатели Немецкой слободы лишь в небольшой мере могли наглядно показать юному царю новые возможности современных технологий и научных знаний, ранее неизвестных в России, огромный

потенциал которой был ограничен еще средневековыми возможностями всех видов производства и средневековыми представлениями книжников. Поэтому понятно стремление Петра познакомиться с образом жизни в тех странах, откуда прибыли жители Немецкой слободы, с научными знаниями и, насколько возможно, всеми видами промышленной и хозяйственной деятельности. Существенно было для Петра нанять новых специалистов, приобрести новые приборы, инструменты, заключить сделки торговые и издательские и т. д., определить свои отношения с союзниками по Священной лиге, а также наметить новые направления во внешней политике, учитывая объективную необходимость выхода России на побережье Балтийского моря.

Для решения всех этих задач уже на следующий год после взятия Азова Петр предпринял длительное путешествие по европейским странам в составе Великого посольства (март 1697 — июль 1698 г.) под именем Петра Михайлова. Он реально осуществлял руководство посольством и в необходимых случаях сам вел переговоры с главами тех государств, где оно находилось — в Курляндии, Бранденбурге, Голландии, Англии, Австрии, Польше. Он совершенствовался в артиллерийском деле и в строительстве кораблей, работал на верфях и посещал парламент в Англии, заводы и мануфактуры, кунсткамеры, школы и т. д. Освоив начала немецкого и голландского языков еще в молодости в Немецкой слободе, он научился говорить на голландском, работая плотником на верфях Саардама [Богословский М.М. 1941.; историографию и новейшее исследование о Великом посольстве и деятельности Петра в это время см.: *Гузевич Д., Гузевич И.* 2008а, б; см. там же дискуссию о времени начала и содержании Великого посольства].

На завершающем этапе Великого посольства его программа была сокращена в связи со стрелецким восстанием (июнь–август 1698 г.). Восставшие желали возобновления власти царевны Софьи. Их гнев, обусловленный социальными причинами, тяжелой воинской службой в Азове и голодом, был направлен против царя Петра и бояр, против своих начальников и иностранцев. Восстание было подавлено и осуществлен суд над стрельцами еще до возвращения Петра в Москву. Но, вернувшись в Москву 25 августа 1698 г., царь продолжил «розыск», и начались массовые казни [Богословский М.М. 1946. С. 26–126].

Долгое, в полтора года, путешествие по странам Западной Европы, активное участие в Великом посольстве показали Петру, что контраст между техническими и научными возможностями, развитием государственных и правовых институтов в этих странах и в России — разителен. Петр убедился в том, что для союзников и противников Россия — огромная страна, но слабая экономически и в военном отношении. Между тем, заключенный после переговоров в 1697–1699 гг. Северный союз, объединивший против Швеции Россию, Данию, Саксонию и Польшу, поставил Россию в равное положение как реальную военно-политическую силу не только со своими союзниками,

но и с другими западноевропейскими странами. Все эти обстоятельства указывали на то, что России необходимы срочные преобразования не только вследствие объективных причин ее экономического и технического отставания, отсутствия в ней современных научных знаний. Активная европейская политика побуждала к значительно более быстрым темпам совершенствования государственно-правовых институтов, интеграции западноевропейской и русской культуры, хотя бы в высшем светском сословии знати и дворян.

Поэтому в свое единовластное правление Петр срочно стал проводить реформы, которые поначалу имели реальный и символический характер разрыва с давними традициями. Осуществляя их, он не останавливался перед самыми жестокими мерами. Эти нововведения предназначены были создать новую культурную среду, которая должна была охватить, прежде всего, государственное управление, вооруженные силы, высшее светское сословие дворянства и знати, торгово-ремесленное население, способствовать активному предпринимательству и образованию. Этой культурной среде следовало быстро усвоить все виды современного знания, а также системы поведения, свойственные Новому времени. Такая культурная среда должна была создать условия для появления в России наук о природе и обществе. Только в такой среде мог появиться гений М.В. Ломоносова.

У некоторых исследователей, которые изучали реформы Петра Великого и следовали в своем анализе за порядком издания соответствующих указов, сложилось мнение о «хаотичном» характере его преобразований, их «противоречивости», особенно в начальный период, об отсутствии у Петра «продуманного плана» [анализ новейшей историографии петровских реформ см.: *Каменский А.Б.* 2001. С. 59–79]. Между тем, направленность этих реформ была системной — создание России, соответствующей широко понимаемой культуре Нового времени. Единственное, что Петр должен был сохранить, оставаясь реальным политиком страны, находившейся в огромном субконтиненте Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, где господствовало крепостное право, — сохранить его как основу экономического благосостояния привилегированных сословий, дворянства и духовенства.

Вернувшись в Россию в 1698 г., Петр расформировал часть стрелецких полков. Постепенно все они были преобразованы в регулярную армию. Но этот процесс был долгим. В 1699–1700 гг. регулярными полками являлись только созданные Петром Преображенский и Семеновский полки, а также солдатские полки Лефортов и Бутырский, обученные и подготовленные к военным действиям Ф. Лефортом и П. Гордоном. Остальные солдатские, а также рейтарские и другие полки иноземного строя не являлись постоянными. Между походами они распускались по домам, где солдаты занимались земледельческими работами на предоставленных им земельных участках. На низком уровне профессиональной подготовки оказался офицерский корпус, состоявший преимущественно из иностранцев.

Отсталое от современного уровня состояние русской армии было иностранцам очевидно. Секретарь императорского посольства австриец И. Корб, который занимался не только дипломатической, но, видимо, и шпионской деятельностью, писал в 1698–1699 гг., что «войска московских царей страшны только для одних татар». Накануне поражения русского войска от шведского корпуса под Нарвой в 1700 г. он предложил необходимую реформу русской армии, как и следовало культуре эпохи классицизма, на примере античной истории: «Москвитяне нуждаются и теперь в том, чего желал Харидем войскам Дария, т. е. в регулярном войске, составленном из старых, выученных солдат. Войско это должно состоять из однородных людей, одинаково вооруженных и с одинаковыми знаменами. Солдаты его должны находиться в строгой подчиненности у своих начальников, знать свое место в строю, понимать приказания и уметь не хуже офицеров двигаться вперед, делать обходы, бросаться на неприятеля, построившись в угол, и переменять построения». Столь же неудовлетворительной, по Корбу, была подготовка и русских артиллеристов: «Но так как москвитяне не имеют удовлетворительных сведений в артиллерийской науке, то за большие деньги вынуждены содержать иностранцев, присылаемых им по дружбе из разных земель» [Корб И. 1997. С. 195, 199]. Такие необходимые преобразования армии Петр осуществил уже после урока Нарвского сражения.

Тогда же Петр приступил к реформам государственной системы. Он начал с опыта усовершенствования взимания податей и институтов городского самоуправления. В 1699 г. была создана в качестве центрального финансового учреждения и выборного органа самоуправления городского населения Бурмистерская палата. Бурмистры и члены Бурмистерской палаты избирались московскими слободами и купеческими объединениями. Ей были подчинены в других городах выборные земские избы во главе с бурмистрами. Они осуществляли сбор городских налогов и суд над посадским населением, что ранее составляло ведение назначенных царем воевод. Президентом Бурмистерской палаты царь назначил А.А. Курбатова, бывшего «холопа» боярина Б.П. Шереметева.

После создания в 1709–1710 гг. губерний Бурмистерская палата и земские избы были сохранены в качестве выборных институтов городского торгово-ремесленного населения — ратуш, но сбор податей стал функцией губернских институтов.

Такие первые усилия Петра по реформированию российской финансовой системы в новых условиях реорганизации общественно-политической жизни в стране, требовавшей все большие денежные затраты, способствовали инициативам в пополнении казны не только «сверху», но и «снизу». Показательно в данном случае предложение А.А. Курбатова о введении гербовой бумаги для письменных актов, требовавших государственного удостоверения. Его предложение не только способствовало появлению нового существенного источника государственных доходов, что обычно отмечается исследователями, но также

расширению присутствия государства в юридическом удостоверении сделок. В своей государственно-правовой и финансовой функции гербовая бумага становилась также одним из путей сближения государственности России и западных стран. Во всех этих следствиях предложение Курбатова совпало с намерениями Петра. Царь принял и в 1699 г. осуществил этот проект. Курбатов был отпущен на свободу и был пожалован Петром в дьяки Оружейной палаты.

Для активизации торговли и участия в ней крестьян, включая крепостных, в ноябре 1699 г. был издан указ об их записи в посад. Добровольной записи крестьян и холопов в армию должны были содействовать статьи 1700 г. «О наборе в солдаты вольноопределяющихся».

Уже в начале своей преобразовательной деятельности Петр попытался модернизировать законодательство, поскольку Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. быстро устаревало в новых условиях второй половины столетия, тогда как Новоуказные статьи рассеивались по многочисленным приказам и в юридической практике по большей части не учитывались. 18 февраля 1700 г. была учреждена Палата об Уложении, задачей которой стало составление нового Уложения. Но ее деятельность ограничилась лишь поновлением текста Уложения 1649 г.

Впрочем, государственная система еще оставалась традиционной. Были сохранены основные институты административного управления — Боярская дума и реорганизованные Петром приказы. Их число было уменьшено, функции конкретизированы, а во главе основных из них поставлены ближайшие сподвижники царя. Созданный Петром флот требовал материального и кадрового обеспечения. Поэтому царь учредил в виде традиционных приказов новые для России ведомства — Адмиралтейское и Военно-Морское. Рудопромышленный приказ должен был организовать поиски залежей драгоценных металлов. По-прежнему сложной и малоэффективной оставалась система местного управления с воеводскими отпусками из областных приказов и с чересполосицей ведомств [Богословский М.М. 1948. С. 174–175, 183, 192–335; Каменский А.Б. 2001. С. 99–105].

Уже в самом начале преобразований Петру постоянно не хватало профессионально подготовленных специалистов в самых разных областях научных знаний и техники. Не было возможностей их подготовки в российских учебных заведениях. Поэтому Петр вынужден был нанимать иностранных специалистов, среди которых многие оказывались недостаточно профессиональны. После длительного заграничного путешествия, во время которого Петр посещал храмы разных конфессий, беседовал с учеными и духовными лицами, в том числе и с епископом англиканской церкви Бёрнетом, ему стал особенно очевиден крайне низкий уровень образования в России.

Стремясь изменить сложившуюся ситуацию, Петр в 1699 г. еще по традиции обратился к патриарху. Он посетил больного патриарха Адриана, с которым беседовал о состоянии образования в России. Царь выразил недовольство

в связи с необразованностью духовенства. Священники служили в церквях малограмотные. До поставления их следовало хорошо обучить. Но Славяно-греко-латинская (Законоспасская) академия пришла в упадок. Поэтому Петр предложил послать человек десять для обучения в киевские школы.

Петр говорил патриарху, что школа должна обучать не только церковным, но также светским знаниям, воинским, инженерным, врачебным. Последнее пожелание было связано, вероятно, с тем, что Петр желал иметь в Москве университет, каким по уставу должна была стать Славяно-греко-латинская академия при ее учреждении, но она превратилась в словесно-богословское училище. Беседа царя с патриархом положительных результатов для развития системы образования в России не имела [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 33–34; *Богословский М.М.* 1948. С. 282–286].

Острая необходимость в специалистах, обладающих современными знаниями в математике и естественных дисциплинах, имела следствием открытие по царскому указу от 14 января 1701 г. Школы математических и навигацких наук, так называемой Навигацкой школы, которая находилась в Москве в Сухаревой башне. Ее организаторами и преподавателями стали англичане, воспитанники колледжа Церкви Христовой в Оксфорде Генри Фаркхарсон (А.Д. Фарварсон) и его коллеги Стефен Гвин и Ричард Грис (Гриз) [*Гузев Д., Гузевич И.* 2008б. С. 213, 495–496].

Те же цели распространения научных знаний в России преследовала созданная голландцем Яном Тессингом в Амстердаме и активно поддержанная Петром типография, которая начала печатать книги церковного и переведенные труды светского содержания по истории, арифметике, астрономии, навигации, языкознанию и литературе.

Еще в 1692 г. Петр начал посылать за границу служилых людей, знатных и простого происхождения, прежде всего в западноевропейские университеты, на верфи и на флоты разных стран для освоения научных и технических знаний, для обучения латинскому и современным иностранным языкам, без чего было невозможно поднять подготовку молодых специалистов до современного уровня, и все более увеличивал их количество [*Богословский М.М.* 1948. С. 288–310].

В 1698–1699 гг. Петр издал указы о брандштрите и ношении западноевропейского платья. Этим постановлениям должны были следовать знать и дворяне. Купцы и раскольники подлежали налогу на бороду, крестьяне платили такой налог только при въезде в город. Непривилегированным сословиям можно было носить традиционную одежду. На духовенство эти указы не распространялись. По мнению М.М. Богословского, эти указы не вносили в русский быт что-то принципиально новое, поскольку с правления Федора Алексеевича в высших кругах московского общества все более распространялось бритье и небольшие усы, а в качестве моды — польские и венгерские

кафтаны. А потому Богословский осуждал жесткость осуществления этих указов [Богословский М.М. 1948. С. 282–316; см. также ранее, с. 52–54].

Между тем, представляется, замечательный ученый недооценил значение, которое Петр придавал этим мерам. Можно предположить, что после полутора лет пребывания за границей в самых разных странах, когда царь общался на равных с людьми самых разных сословий, от плотников до королей, он начал отождествлять уровень технического и научного прогресса с образом жизни жителей этих стран. Оставаясь человеком православным, Петр избрал новейшую модель западноевропейского социального поведения хотя бы для правящего сословия, переступая через ее провинциальные варианты в странах Центральной Европы, для создания по мере возможности целостной системы общества, для которого определяющей становилась теория и практика не древней традиции, а прогресса.

В этой системе не было места средневековому быту. Отсюда, можно предположить, происходил радикализм Петра в ликвидации средневековых традиций, для начала, в ближнем окружении правящего сословия, армейской и флотской среды. Показательно, что данные изменения в одежде заключались не только в принятии западных образцов, на что исследователи обычно обращают внимание, но и в ее большем демократизме, в чем прослеживается голландское влияние. Поэтому И. Корб писал о своих наблюдениях в Москве 1698–1699 гг.: «Нынешний царь, далекий от всякой пышности и величавости касательно своей особы, не любит также отличаться блеском своего двора и редко окружает себя этой излишней толпой прислужников. Бояре и царедворцы также не щеголяют теперь прежней пышностью в одежде; они научены примером великого князя, что роскошь в одежде есть дело пустое и что ум не пребывает в богато украшенном жилище» [Корб И. 1997. С. 203].

Существенный символический смысл приобрело введение с 1 января 1700 г. летосчисления «от Рождества Христова», в отличие от прежнего древнего — «от Сотворения Мира». По указу Петра, в этот день россияне должны были поздравлять друг друга с «Новым годом и столетним веком». Таким образом, Россия знаково была включена в единое европейское хронологическое пространство.

По наблюдениям А.М. Панченко, Петр ввел «в русский обиход» «цивилизационное, гуманитарное понятие времени, автономного от провиденциальных и конфессиональных трактовок». Он ввел также «понятие столетия как историософского отрезка, Западом давно используемое». Соотнося это понятие с латинским словом *saeculum* — *век*, Панченко обоснованно писал: «Слово ориентирует на секуляризацию, на неповторимый “дух времени”, на динамическую мирскую культуру, на будущее. “Птенцы гнезда Петрова” ощущали себя людьми нового века, который впоследствии назовут веком Разума и веком Просвещения» [Панченко А.М. 2005а. С. 46–48].

Тот же знаковый смысл имело учреждение Петром 10 марта 1699 г. ордена Св. апостола Андрея Первозванного [Богословский М.М. 1948. С. 10–12]. Он имел не столько практическое, сколько идеологическое значение, так как относился к уже традиционной в Западной Европе наградной системе. В этом качестве он утверждал, как и другие петровские нововведения этого времени, принадлежность России к Европе как единому пространству. Ту же семантику имело и посвящение ордена. При избрании символического значения ордена определяющим стало идеологическое содержание древнерусской легенды о крещении Руси апостолом Андреем. Эта легенда, как и при своем появлении в начале XII в., продолжала символически утверждать равенство Руси в семье европейских народов, среди которых христианство было распространено учениками Христа.

В контексте преобразований начала самостоятельного правления Петра необходимо определить содержание и значение такого явления этого, да и последующего времени его царствования, как Всешутейший собор. В литературе его характеризовали самым разным образом. Л.А. Трахтенберг выделил в этих оценках два основных подхода. Согласно одному из них, Собор являлся средством проводимой Петром культурной политики. С его помощью он стремился подорвать влияние церкви, чтобы утвердить свою власть, дискредитировать прежнюю, допетровскую культуру, сделав ее предметом насмешки (работы Л.Н. Семеновой, В.М. Живова). В соответствии с другим мнением, Собор должен был развлекать Петра и, возможно, его приближенных (работы С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.И. Семевского, Н.И. Павленко, Л. Хьюз) [Трахтенберг Л.А. 2005; см. там же библиографию проблемы].

При анализе функционирования Всешутейшего собора Л.Н. Семенова установила, что он фактически заменил старые дворцовые пиры. Во время этих «собраний» при активном участии шутов пародировалась русская старина (свадьбы и пиры, порядки прежнего дворца с его церемониалом и боярского терема) в продолжение святочных мистерий, а в Новое время — устанавливая традиции маскарардов. На Соборе «шуты» публично обличали высших сановников в злоупотреблениях, знатных людей — в чванстве происхождением. В функционировании Собора была установлена его определенная институциональность [Семенова Л.Н. 1982. С. 174–199].

В продолжение этого исследовательского направления В.М. Живов отметил также принудительный характер для участников Собора игровых действий, совмещение пьяных оргий, кощунства с исполнением важнейших функций управления страной. Все эти наблюдения позволили ему сделать вывод, в соответствии с которым Собор — «не веселые развлечения отдыхающего властелина, а сосредоточенная работа преобразователя общественного сознания».

В числе кощунственных ритуалов В.М. Живов отметил также пародирование православного и католического «клерикализма», в частности в титуле главы Всешутейшего собора «князь-папы», которого называли также «свя-

тейший» и «патриарх», в шутовских ритуалах, объединявших мотивы православного и католического происхождения [Живов В.М. 1996. С. 551–574].

Л.А. Трахтенберг добавил существенные подробности к наблюдениям Л.Н. Семеновой и В.М. Живова. Новым стало его указание на аналогичные «комические» «социальные институты» в других европейских странах в Средние века и Новое время. Особо были разработаны им темы царского принуждения, насилия по отношению к участникам Собора.

В отличие от ранее указанных двух альтернативных точек зрения на Всешутейший собор как на средство культурной политики или как развлечения Л.А. Трахтенберг отметил в Соборе оба эти свойства. Но в празднике он отметил соединение карнавала и насилия, в связи с чем привел важную мысль М.М. Бахтина — «время» «развенчивает, делает смешным и умерщвляет весь старый мир (старую власть, старую правду) и одновременно рождает новое». Продолжая наблюдения Бахтина, Трахтенберг пишет, что внешне Собор кажется продолжением и принадлежностью культуры народной. Однако он относится к официальной культуре. Он не просто подчиняется царю, но выражает те начала, которые Бахтин приписал официальной культуре — начала страха, утрашения, принуждения и повиновения.

Л.А. Трахтенберг не дал определенного ответа на вопрос — к какой культуре относится Всешутейший собор, к средневековой или современной. Решение проблемы он поставил в зависимость от двух ранее им названных альтернативных гипотез [Трахтенберг Л.А. 2005].

В этих и многочисленных других работах много сделано для установления состава Всешутейшего собора и его функций. При его изучении использованы разные методы — исторический, семантический, семиотический. Менее определенным оказалось его назначение, что произошло, видимо, вследствие методического вычленения исследователями Собора из общественно-политического и культурного контекста развития России в эпоху Петровского царствования.

Можно предположить, что ясно выраженная в Соборе пародийность в равной мере православной и католической церковью была предназначена для новой системы религиозных ценностей в личном общении христианина с Богом без веками сложившихся многочисленных опосредующих церковных институтов с их иерархичностью и обрядностью как «вере без дела». Петр был глубоко верующим православным человеком. Но он, видимо, считал, что истинность и искренность религиозного чувства важнее церковной обрядности и иерархического чинопочитания членов Церкви. Внешне такой подход во многом совпадал с принципами лютеранской Церкви, с которыми он познакомился в юности в Немецкой слободе и у своих служилых людей — специалистов-лютеран. О самостоятельном внимательном анализе этих принципов может свидетельствовать посещение Петром дома Лютера

в Виттенберге, где основатель лютеранства в свое время жил, преподавал в университете и где он прибил к дверям храма свои знаменитые Тезисы.

Но содержательно такой подход к далекой от реальной жизни церковной обрядности и иерархическому почитанию, вероятно, сформировался еще в его юношеские годы вынужденного удаления из Кремля в село Преображенское, когда вместо ритуализированного быта дворца — «Верха» — Петр оказался близок к народной среде, к реальному делу, приносящему новые результаты, а не повторение жития по старине. Видимо, уже тогда у юноши образовалась система идей, сформировавших его собственную философию реализма, прагматизма и, как отметила Л.Н. Семенова, стремления к правде. Так что следы критики Всешутейшим собором и одновременно конструктивная программа прослеживаются в словах Петра, сказанных при посещении им патриарха Адриана: «Что священники ставятся, грамоте мало умеют, еже бы их таинств научати и ставити в той чин». «Но яко вера без дела, а дело без правая веры мертво есть обоя, тако слово без промысла, а труд без чина и без потреб не успеет ползовати», — сказал Петр в завершение своей беседы с патриархом [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 33–34].

После кончины Адриана в 1700 г. царь приостановил поставление нового патриарха, назначив местоблюстителем патриаршьяго престола Стефана Яворского. В 1721 г. он ликвидировал патриаршество и учредил коллективный орган церковного управления Святейший Синод.

Критическое отношение к обрядности и иерархичности, нашедшее отражение в издевательских скоморошеско-карнавальных действиях Собора, содержательно и типологически совпало во взглядах Петра уже в юные годы с его резко негативным отношением к традиционному средневековому по происхождению мужскому костюму, включая царское одеяние, длинные полы которого мешали следовать быстрым темпам Нового времени. Поэтому он всегда предпочитал западный демократический костюм или военный мундир, знаково отрицавшие средневековую церемониальность кремлевского «Верха».

То же разрушение прошлого для создания нового прослеживается во Всешутейшем соборе в высучивании им высших светских и церковных должностных лиц, которые чванились знатностью, древностью своего рода, что сохраняло традиции средневекового местничества, службы царю вместо утверждения личных заслуг перед Отечеством.

Кошунственными представляются циничные действия Всешутейшего собора, пародировавшие отношения брака и семьи. Но и в данном случае исследователи, как представляется, не заметили их амбивалентности. Циничные по внешней форме, они стремились разрушить традиционный средневековый брак с его многочисленными условностями. Петру самому приходилось жить с нелюбимой женой Евдокией Лопухиной из боярского рода. Смолоду он, православный царь, находился во внебрачной связи по любви с немкой

и лютеранкой Анной Монс. В 1703 г. его постоянной любовницей стала взятая в плен во время военных действий дочь литовского крестьянина Марта Скавронская, на которой Петр женился церковным браком только в 1712 г., имея к тому времени несколько детей, в том числе оставшихся в живых ко времени свадьбы Анну и Елизавету, будущую российскую императрицу. Таким образом, разрушая традиционный брак с его сословными, национальными и конфессиональными ограничениями, петровский Всешутейший собор создавал условия для появления в России Нового времени брака, основанного на любви без средневековых условностей.

Притчей во языцех являлось для современников и последующих поколений критиков Петра и его Всешутейшего собора «пьянство» как самого царя, так и участников соборных собраний. Но и в данном случае это «пьянство» в своем значении было гораздо более сложным явлением, чем его подчас обобщенное, но иногда и ханжеское осуждение.

Традиции коллективных возлияний хмельных напитков восходили к архетипическим пирам дружин, городских и сельских братчин, которые дали название большому ковшу для хмельных напитков — братина. Такие пиры, подчас неумеренные, создавали дополнительные доверительные отношения между их участниками, отношения побратимства. В культурах индоевропейских народов хмельные напитки имели особое значение при скреплении договоров, сделок или побратимских отношений, для установления относительного равенства участников пира. Не случайно постоянными участниками Всешутейшего собора являлись люди, которым Петр мог доверить и государственные дела, и проводить с ними свободное время — Ф.Ю. Ромодановский, Ф.А. Головин, М.Ф. Нарышкин, Н.М. Зотов, князь-папа П.И. Бутурлин, А.Д. Меншиков и другие.

Неумеренное питье вина, наряду со скоморошеством и карнавальностью обрядов стало для Петра и некоторых других участников Собора средством развлечения, отдыха от напряженного ритма всех видов государственных дел. Вместе с тем, на Всешутейших соборах, равно как и на более поздних Петровских ассамблеях принудительное питье вина в огромных количествах становилось средством уничтожения спеси и чванства невоспитанных или неумных знатных их участников, т. е. становилось средством воспитания и наказания, превращения всех присутствующих на Соборе в равных его сотрапезников, от реального царя и символически обозначенного «патриарха» до людей незнатных.

В распоряжении участников Всешутейшего собора был еще один грозный вид оружия, посредством которого они стремились уничтожить те древние категории культуры, которым уже не было места в формирующейся Новой России, — вышучивание, высмеивание. Кажется, исследователи называли все возможные функции Собора, включая «пародическую» (Л.А. Трахтенберг), но вышучивание, высмеивание как средство воздействия Собора на современную российскую действительность они, как представляется, не учли.

Между тем оно достаточно ясно указано в самом названии — Всешутейший, т. е. «самый шутовской». Слово «шут» издревле имело значение «осмеянный» [Срезневский И.И. 1903. Стб. 1601]. Отсюда его семантическая связь с глаголом «вышутить». Вышучивание, т. е. представление кого-то или чего-то в осмеянном виде, всегда имело большое значение в уничтожении в общественной жизни объекта осмеяния. Такими объектами во время самостоятельного царствования Петра становились пережиточные средневековые или нежелательные явления современной российской действительности.

Но в основных видах деятельности Собора вышучивание того, что Петр считал негативным в русской жизни, прежде всего в правящем классе, совмещалось с конструктивным реформаторским созиданием нового. Такое вышучивание Собором старого для его разрушения и созидания нового одновременно совпадало с приданием Петром хотя бы правящему светскому сословию знати и дворян современного вида, с его стремлением начинать каждый год Нового времени вместе с другими христианскими народами Европы от Рождества Христова, а не от Сотворения Мира.

Таким образом, Петр и его Всешутейший собор разрушали средневековые по происхождению традиции, способствуя формированию человека Нового времени, созидая уже в начальный период Петровского самодержавного правления новые возможности духовной, семейной и государственной жизни.

7. Исторические сочинения начала Петровского царствования

Происходившие в стране общественно-политические преобразования начали постепенно воздействовать на труды исторического содержания. Андрей Иванович Лызлов (род. в 1650-е гг. — ум. не ранее 1697 г.) написал «Историю Скифийскую», основным содержанием которой стало изложение истории тюркских народов. Это было первое в русской литературе сочинение на такую тему.

Происхождение тюркских народов А.И. Лызлов возводил, вслед за польскими историками, к скифам, Скифии, что и дало название его сочинению. Актуальность этого произведения заключалась в том, что война с Османской империей и Крымским ханством за контроль над Правобережной Украиной в 1676–1681 гг., которая завершилась Бахчисарайским перемирием на 20 лет, присоединение России к антиосманской Священной лиге, последовавшие в 1687 и 1689 гг. Крымские походы во главе с князем В.В. Голицыным вызывали в России постоянный напряженный интерес к агрессивным южным соседям. Труд Лызлова должен был удовлетворить этот интерес, сообщив русским читателям об их происхождении, истории, современном военном и политическом строе.

Характеристики А.И. Лызлова и его «Истории Скифийской» (так называется этот труд в рукописях) весьма различаются в новейшей историо-

графии. Обобщая свои многолетние исследования, посвященные этому историческому труду и ее автору, Е.В. Чистякова отметила в «Истории» проявление борьбы старых и новых тенденций — торжество прагматизма и отступление провиденциализма, который проявлялся иногда как неминуемая дань традиции. Рассмотрев основное содержание этого труда, она указала в нем «все атрибуты научной монографии»: деление на части и главы, ссылки на исторические источники, первые опыты их сравнения, своеобразная интерпретация исторических событий. По ее мнению, ранее в русской историографии не было подобного труда по своим хронологическим рамкам и тематическому профилю. Чистякова охарактеризовала жанр книги Лызлова как специальную работу по международным отношениям в средние века. Вместе с тем, она отметила в этом труде свойства, характерные и для других русских произведений конца XVII в. — понимание роли истории и использование ее в назидательных целях (как в «Предисловии» или «Историческом учении»), привлечение разнообразных источников (как в «Сибирских летописях» С.У. Ремезова), публицистическая заостренность (как в «Созерцании кратком» С. Медведева), широта освещения исторических проблем (как в «Синописе» И. Гизеля) [Чистякова Е.В. 1990. С. 362–365, 386–390].

В историографии отмечалось стремление автора «Истории Скифийской» к светскому, политическому объяснению причин падения Византийской империи и турецких завоеваний в Европе XVI–XVII вв. [Алпатов М.А. 1976. С. 305–312; Шануро А.Л. 1993. С. 134–135]. Обстоятельно изучен вопрос о значительной литературе, которая была использована Лызловым при написании его труда. По мнению А.П. Богданова, с именем Лызлова «связано утверждение новой формы исторических сочинений». По его словам, «опираясь на достижения рационалистической мысли, Лызлов приступил к исследованию крупного социально-исторического явления: векового противостояния оседлых народов Европы натиску “скифов” — кочевых племен и народов с экстенсивным скотоводческим хозяйством». По Богданову, «автор должен был подняться над национальными и религиозными рамками». Этому труду свойственна «глубина осмысления исторических фактов», «содержательная глубина и блестящая литературная форма», близость «взглядов общим и коренным интересам российского дворянства, торгово-промышленного населения», указание исторических источников и стремление к унификации ссылок на них. «Вразрез с обычаем западноевропейской историографии» Лызлов избегал «ложных» ссылок на источники, которые сам не видел. Поэтому, обобщил Богданов, Лызлов «создал поистине фундаментальное произведение, знаменовавшее собой переход от исторического повествования к историческому исследованию в России, сделал важный шаг в становлении отечественного источниковедения» [Чистякова Е.В., Богданов А.П. 1988. С. 120, 124, 129, 130, 132; курсив А.П. Богданова].

В отличие от таких характеристик А.П. Богданов и А.И. Гладкий в совместной статье более реалистично определили содержание и значение «Истории Скифийской» А.И. Лызлова. На примере его перевода польской книги Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого» они отметили, что Лызлов субъективно трактовал «некоторые места» переводимого произведения, опускал и вставлял значительные отрывки, «давая собственные комментарии, меняя заголовки и толкуя термины». Наряду с русскими и украинскими историческими произведениями Лызлов проявил интерес к польским и античным авторам, прежде всего к «Хронике» М. Стрыйковского, откуда заимствованы материалы других польских исторических произведений. По мнению исследователей, он «не просто переписывал источники, но пытался их сопоставлять», «отступает от провиденциализма и пытается реалистически мотивировать события» [Богданов А.П., Гладкий А.И. 1993. С. 306–308].

Эти исследования и существенные различия в их характеристиках «Истории Скифийской» свидетельствуют, что при анализе этого произведения следует определить его жанр, соотнести его содержание со временем написания и конкретизировать место и значение в русской историографии конца XVII в.

Появление этого труда стало возможно благодаря распространению в России, прежде всего в Москве второй половины XVII в., элементов западноевропейской культуры, в частности, знания иностранных языков и книжности. Отец историка, дворянин И.Ф. Лызлов, находившийся на государственной службе, дал своему сыну хорошее образование, включая знание латинского и польского языков. А.И. Лызлов находился на государственной службе поначалу в качестве стряпчего, а в 1676 г. стал государевым стольником. В качестве приближенного к В.В. Голицыну человека он сопровождал князя во время Первого крымского похода в 1687 г. В период подготовки и проведения Петром I Первого азовского похода в 1695 г. Лызлов был занят в его интендантском обеспечении. Так что Лызлову были очевидны существование общественного интереса к истории южных тюркских соседей России и возможности написания такого труда.

Прекрасно знакомый с исторической литературой XVI–XVII в. на латинском и польском языках, А.И. Лызлов указал в заголовке своей книги основное ее содержание: «История Скифийская, содержащая в себе: о названии Скифии, и границах ея, и народах скифийских монгаллах и прочих, и о амазонах мужественных женах их, и коих времен и яковаго ради случая татаре прозвашася и от отеческих своих мест в наши страны приидоша, и яковыя народы во оных странах быша, и идеже ныне татарове обитают. И о начале и умножении Золотоя орды и о царех бывших тамо. О Казанской орде и царех их. О Перекопской или Крымской орде и царех их. О Махомете прелестнике агарянском и о прелести вымышленной от него. О начале турков и о салтанах их». Такое название, равно как и содержание книги свидетельствует

о том, что это — труд о Скифии и ее народах, начиная со скифов. Ее название, «История Скифийская», вмещает, как представляется, более обширную информацию, чем традиционный для отечественной литературы заголовок-перевод «Скифская история». В такой исторической преемственности тюркских народов от Скифии и скифов Лызлов продолжил польскую, но не русскую историко-литературную традицию.

В том же заголовке книги автор далее указал: «От разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета от Сотворения Света 7200-го, а от Рождества Христова 1692-го». Такая дата завершения Лызловым своего труда свидетельствует о многом. Он писал уже в то время, когда двадцатилетний Петр I со своим ближним окружением все более способствовал внедрению элементов западноевропейской культуры в традиционный русский быт. Поэтому новая для России система летосчисления от Рождества Христова указана как альтернативная средневековой русской — от Сотворения Мира, что в России 1692 г. стало знаком приверженности к новациям.

В соответствии с западными, прежде всего польскими образцами А.И. Лызлов указывал иностранных историков и русские исторические источники, сведениями которых он пользовался при «сложении» своего труда, или называл в качестве известных по сочинениям других писателей. В конце оглавления книги он их перечислил: «Степенная книга»; «Хронограф Русский», видимо в одной из поздних редакций; «Летописец», видимо, ныне не сохранившийся «Засекин летописец», принадлежавший князьям Засекиным; «История», видимо, «Казанская история»; жития святых; «Бороний» — Цезарь Бароний (1538–1607), автор обширного труда «Церковные хроники», однотомная выборка из которого, выполненная иезуитом Петром Скаргой для польских читателей, была использована Лызловым (здесь и далее названы те произведения, которые были известны Лызлову); римские историки Плиний Старший (23 или 24–79), автор «Естественной истории», и Квинт Курций Руф (I в. н. э.), автор «Истории Александра Великого», хорошо известные книжникам периода средних веков и Возрождения; популярные среди книжников Центральной и Восточной Европы польские историки Я. Длугош, М. Меховский, М. Кромер, автор «Польской хроники», М. Стрыйковский, М. Бельский (1495–1575), автор «Хроники всего света»; а также итальянские писатели А. Гваньини и гуманист Джованни Ботеро, автор «Универсальных реляций» (1591–1592), изданные позднее и в польском переводе. Четвертую, завершающую, часть книги Лызлова составил его перевод сочинения Симона Старовольского (1588–1656) «Двор цесаря турецкаго и жительство его в Константинограде», изданного впервые в 1646 г. Лызлову были известны также другие произведения, которые он использовал в своем труде [Богданов А.П. 1990. С. 391–447; Богданов А.П., Гладкий А.И. 1993. С. 306–308].

Знакомство с такой значительной литературой преимущественно на польском и латинском языках свидетельствует о несомненной увлеченности А.И. Лызлова изучаемой им темой, а также о большом трудолюбии, учитывая его обязанности на государевой службе.

Впрочем, его труд представлял собой не исследование, а сводку мнений других авторов. Первая глава начинается с вопроса о происхождении скифов. Разъясняя его, Лызлов сопоставил два мнения. В соответствии с одним он писал вслед за А. Гваньини: «Диодор Сикулюс (Сицилийский. — М. С.), историк вельми старовечный, иже писал книги о деяниях разных народов во время кесаря Августа, поведает скифом начало имети от Скифа, первого князя их, рожденного от Еови и девицы. Иже бяше до пупа человек, останок же его наподобие змии обретається, такожде и мать Скифову, самородно из земли своя произведшуся. О сем иныя летописцы сумневаются и глаголют, что бы то за дивы были? <...>. И мнят повесть то бытии лживую или басни в себе содержащую».

Таким суждениям А.И. Лызлов противопоставил другое мнение, в котором переосмыслены польские сочинения: «Иные историки глаголют, яко Скифия названа есть от Скифа, сына Геркулесова, и есть двояка: едина европейская, в ней же мы жителствуем, то есть Москва, россияне, Литва, волюхи и татарове европейская. Вторая ассиийская, в ней же вси скифския народы обитают, от полунощи на восток седящая. Сии ассиийския скифы премного расплодишася и различными именовании прозвашася. Едини тауросы, иже у горы Таурус жителствуют, инии агатырси, еже эсседони [иже родителем своим вместо земли в себе чинили погребение, ибо мертвых их ядыху] и массагети, арисмани, сакеви или саги». Судя по тому, что далее Лызлов назвал Таурус гору, на которой «первое стал ковчег Ноев по потопе», так назван Арарат [Лызлов А.И. 1990. С. 8–9, 448; см. там же комментарии А.П. Богданова и Ю.А. Мыцыка].

Основной интерес для А.И. Лызлова представляла история «скифийских» народов — татар и турок, так что история Руси и России стала для него дополнительной. Данным обстоятельством объясняется появление Руси на страницах его труда лишь в связи с битвой на Калке 16 июня 1223 г. объединенного русско-половецкого войска, в котором участвовали многочисленные русские князья во главе с Мстиславом Романовичем, великим князем Киевским, и монгольского войска. Внезапным нападением на реке Калке монголы разбили союзников. Спасти удалось немногим. На телах русских князей победители уложили настил и устроили пир.

Это трагическое событие потрясло современников на Руси. В южнорусском, северо-восточном и новгородском летописании тогда же были записаны повествования о нем. На их основе была создана компилятивная «Повесть о битве на Калке», включенная в более поздние летописные своды, а потому хорошо известная средневековым русским читателям.

Но А.И. Лызлов руководствовался в изложении этого первого в его труде события русской истории вторичными материалами, ссылаясь не на русские летописи, а на труды М. Кромера и М. Стрыйковского. Он сообщал сведения о битве на Калке в топонимике XVII в., добавляя вымышленные подробности. Поэтому повествование об этом сражении иное, чем в древнерусских летописных рассказах: «<...> не попустивше («татарове». — М. С.) пришедшим опочинути, но вскоре свежая на ослабелых и путем утружденных удариша, и побиша и разгнаша половцев первое, потом российскийя воинства дерзновеннее поразиша и двоих князей — Мстислава киевского и князя черниговского поймаша, яко Меховский пишет — а Бельской глаголет убили».

Зависимость от использованной литературы и особое внимание к истории «скифийских» народов, татар и турок, имела следствием деформированное изложение тех эпизодов русской истории, которые попадали в его поле зрения. В частности, вслед за Степенной книгой А.И. Лызлов назвал великого князя Александра Ярославича Невским. Но в повествовании о его военно-политической деятельности он написал лишь о его отношениях с ордынским ханом Берке, не сообщив ни о его победе в Невской битве над шведами в 1240 г., ни о победе над Тевтонским орденом в 1242 г., хотя о его войне «с нечестивыми немцы» ему было известно.

Кратко изложено А.И. Лызловым содержание хорошо известных по летописным сводам XV — первой половины XVI в. военных действий Дмитрия Донского против войск Мамаю. Ему была очевидной опасность для русских земель нашествия Мамаю после отказа Дмитрия Ивановича признать его власть, а также после победы московской рати над ордынцами на реке Вожа. Но конкретное изложение событий он заменил литературно-публицистическим пассажем: «От сего (поражения на Воже. — М. С.) наипаче наполнился проклятый (Мамай) срама и ярости, собрався со безчисленными воинствы, их же до седмисот тысящей поведают бытии, на другое лето по том, т. е. 6888-е, поиде с великою гордостью, яряся на православие, хотя до конца опустошити Российское государство; ему же помощник бысть князь Олег Рязанский». Лызлов лишь назвал победу объединенного русского войска на Куликовом поле, сообщив о бегстве Мамаю «с величайшим срамом», ссылаясь при этом не на русские летописи, а на «Синописис», сочинения С. Герберштейна и М. Стрыйковского. Но и в данном случае Лызлову было ясно особое значение победы Дмитрия Донского.

Излагая далее вслед за «Казанской историей» обстоятельства взятия Казани войском царя Ивана IV, он написал в самых возвышенных выражениях: «Вторые есте македоняне, показавшия с царем своим преславныя победы (аллюзия с Александром Македонским и его войском. — М. С.). И наследовали есте храбрости и мужества прародителей ваших, показавших пресветлую победу с прародителем нашим великим князем Димитрием Ивановичем за

Доном над нечестивым Мамаем и воинством его» [*Лызлов А.И.* 1990. С. 16, 30, 33–34, 93, 104].

Число подобных примеров крайне ограниченного отбора и интерпретации событий русской истории в связи с «историей скифийской» можно увеличить. Но уже из приведенных материалов следует, что труд А.И. Лызлова «История Скифийская» — историко-литературная компиляция. Ее основной задачей являлось изложение истории татар и турок. События русской истории излагались в ней лишь в связи с основной темой произведения и подчинены они главной для времени Лызлова теме — борьбе России с Османской империей и ее союзником — Крымским ханством. Данная компиляция удовлетворяла интерес в высших слоях русского общества к таким темам и являлась историко-идеологическим обоснованием этой борьбы.

Произведение А.И. Лызлова находилось на уровне польских историко-литературных компиляций XVI — начала XVII в., которые он использовал в своем труде. Информация таких исторических произведений сопоставлялась рационалистически. Новым в сочинении Лызлова стало монографическое повествование об истории тюркских народов и государств. Такой особый интерес к истории не своих, а «чужих» народов, правителей и государств — свидетельство идей Нового времени, которые в странах Западной Европы, начиная с эпохи Великих географических открытий, распространили интересы ученого сообщества на изучение истории «чужих» стран. В Польше такой устойчивый интерес проявился, в частности, к истории соседней России, которую называли также Скифией и Сарматией.

Знаком Нового времени стало широкое использование А.И. Лызловым иностранной литературы, преимущественно польской, последовательное указание иностранных авторов в виде ссылок на их труды, что также было свойственно западным публикациям, в частности, польским. Вместе с тем, «История Скифийская» в своем содержании в виде компиляции предшествующих исторических трудов и рационалистического сопоставления мнений их авторов, некритического использования поздних по времени исторических источников свидетельствует о ее принадлежности к переходному периоду от Средних веков к Новому времени.

Произошедшие в России изменения в последние двадцать лет XVII столетия имели следствием значительное расширение познаний просвещенной знати в истории, способствуя использованию их в генеалогии, имевшей для нее практическое значение. Показательна в данном случае «Генеалогия» Римских-Корсаковых. Это сочинение было изучено Н.П. Лихачевым. Он установил, что ее оригинал был написан разными почерками начала XVIII в. Поскольку в этой генеалогии не учтена ветвь Корсаковых, к которой принадлежал видный деятель русской православной Церкви второй половины XVII в. Игнатий Корсаков (он стал в 1692 г. главой сибирской митрополии),

Лихачев пришел к выводу, что не этот человек, писатель и книгочей, являлся автором данного сочинения [*Лихачев Н.П.* 1913].

С этими наблюдениями не согласился А.П. Богданов. По его мнению, «Генеалогия» Корсаковых является «вершиной “родословной” дворянской историографии в России XVII в.». Он характеризовал этот труд «как органическое проявление развития русской исторической мысли» последней четверти этого столетия. Богданов считает, что автором «Генеалогии» является сибирский митрополит Игнатий (Римский-Корсаков), который, по словам Богданова, являлся «ярким представителем мыслящей, образованной, социально активной русской интеллигенции, игравшей важную роль в подготовке и проведении преобразований». По мнению Богданова, он идентифицировал в рукописи почерк Игнатия: на беловом экземпляре генеалогии им написаны в начале и конце книги заглавие, список использованных исторических и литературных источников, текст о начальной истории Корсаковых и стихи на их гербы [*Чистякова Е.В., Богданов А.П.* 1988. С. 86, 93].

Из такой атрибуции следует, что ее автор, митрополит Игнатий (в миру Иван Степанович Римский-Корсаков, ок. 1639–1701), происходивший из знатного дворянского рода, прежде чем стать в 1692 г. митрополитом Тобольским являлся царским стольником, принял постриг в Соловецком монастыре, где как человек, хорошо образованный, к 1677 г. был уставщиком. После управления с 1680 г. монастырской Моргуловской пустыней, а затем и Соловецким подворьем в Москве, он стал в 1683–1684 гг. архимандритом Спасского монастыря в Ярославле, а с 1685 г. — московского Новоспасского монастыря. В церковных вопросах он был близок к «грекофильской» и «анти-латинской» позиции патриарха Иоакима. В светских проблемах он активно поддерживал царевну Софью и В.В. Голицына, их политику, направленную против Османской империи и Крымского ханства. 23 мая 1700 г. митрополит Игнатий был арестован в Москве и через год в заключении умер [здесь и далее см.: *Белоброва О.А., Богданов А.П.* 1993. С. 26–31].

В «Возобличении на лютеранский (Несвижский) катехизис» (1684 г.) Игнатий жестко отстаивал «православные догматы, предания и учения святых соборных и апостольских восточных церквей, греческого и Российского православия»: «А сего ради, по святей церкви ревнуя, с помощью всеильного Бога избрах от божественного писания, на злыя его лютеранских уст гнилыя плоды сбение, яко да всяк православный, краткия сия возответования изъустно паметуя, заграждати имать лютеранов и кальвинистов бездверная богохульная уста». Между тем, по необходимости начатые при Алексее Михайловиче и активизировавшиеся в правление царевны Софьи постоянные торговые связи со странами Западной Европы, приглашения иностранных специалистов имели следствием увеличение числа западных профессионалов в России. Они обращались к властям с просьбами о строительстве церквей, католических и лютеранских. Так

что «заграждати» «бездверная богохульная уста» было уже недостаточно. Были необходимы более радикальные меры.

«В слове на латин и лютеров» (между 22 мая 1684 и 28 января 1686 г.) Игнатий решительно выступил против присутствия западных купцов и специалистов в России. Первых он заподозрил в коварстве — «иже благочестие российское подкрати хотят изветом купечества своего и гостинства (т. е. торговли. — *М. С.*)». Иностранных специалистов он обвинил в том, что они плохие профессионалы, царское жалование получают не по их службе, и все они — бежавшие в Россию уголовники. Поэтому он разъяснял власть предержажим, прежде всего царевне Софье и князю В.В. Голицыну: «<...> аще убо от тех лютеранов и латинников и прочих еретиков не точию купцы, но и воины, и полководцы и прочии чиновники таковое себе костела или керки здание просят, и службы свои того ради глаголющее служат и полководство держат, никакоже в том подобает их попускати, и не токмо потешати, но и гневья отсылать, яко невежеством просящих, и глаголати им: яко труды и службы их малы и худы суть противу царского им жалования и денежных кормов; а прежнее житие их, егда бяху в своих еретических землях, зело бяше нище и убого и укорительно, от них же неции и смертныя казни за своя злая дела во своих землях по суду достойна быша терпети, и того ради в Россию избегоша, сим укrywшеся от смертныя казни».

По Игнатию, каковы иноземцы, такова и вера их. Поэтому криком души является его обращение к правителю, в землях которого под Москвой стоит Немецкая слобода, а иноземцы просят разрешения построить церкви своих конфессий: «Отвержи убо из России злое их прошение о таковом еретическом здании, и не даждь никоея же ересем их чести, аще и христианское знамение показывают, Россия бо лютеров и латинов и прочих еретиков зловерия их гнушается и ненавидит и ниже слышати хочет; а не токмо еже в России, паче же рещи близ самого сердца российского, глаголю же царствующаго града Москвы, латинские костелы и керки лютерския созидати».

Игнатий понимал убеждающее воздействие исторических примеров как историко-идеологического обоснования современных политических и идеологических программ. Поэтому он в подтверждение своей правоты написал далее о женитьбе в 1473 г. Ивана III на Софии Палеолог, повторяя версию официального великокняжеского летописания о пресечении Иваном III попытки несения перед папским легатом Антонием «крыжа», католического креста. Сложность ситуации 1473 г. заключалась в том, что в политических и идеологических целях великий князь женился на Зое Палеолог, принадлежавшей к последней династии византийских императоров. Однако она находилась в изгнании в Риме. Поэтому для прекращения разговоров о мнимых или реальных попытках утверждения папского влияния в русских землях в летописных сводах повествовалось о великокняжеском запрещении несения «крыжа». При этом приводились слова митрополита Филиппа, которые ци-

тировал Игнатий: «иже кто возлюбив и похвалив чужую веру, той всей своей вере поругался есть».

Другой пример Игнатия также относится к отечественной истории. Он вымышлен, но по законам «средневекового реализма» наполнен для достоверности конкретными именами и названиями. При поддержке посадника Добрыни за «посул велик» (широко распространенное в XVII в. название взятки) и новгородских купцов «немцы» выбрали место для строительства своей церкви в Новгороде, где уже находилась деревянная церковь Иоанна Предтечи. Мздоимца Добрыню погубило чудо. В присутствии многих новгородцев его ладья вместе с людьми была поднята на высоту, «яко боле двух саженей, и брошена на воду». Утонул один Добрыня.

Кроме примеров из отечественной истории Игнатий указал для доказательства недопустимости строительства в России иноверческих церквей даже на современную ему католическую Испанию. Он не написал об изгнанных из Испании в XVII в. сотнях тысяч даже крещенного арабо-берберского населения — морисков, о тысячах сожженных по суду инквизиции иноверцев, еретиков, колдунов, ведьм и т. д. В качестве образца Игнатий указывал: «Повествуется же и в нынешнем времени о Ишпанском государстве, яко они, ишпанцы, в вере своей римской крепкостоятельны суть», а потому церквей «иных вер» в Испании нет.

Все это написано для призыва к власти предрежающим не поддерживать иностранцев в России: «сего ради дабы нас гнев Божий не постиг, подобает нам в православной вере крепко стоятельным быти, и никако же еретиков помощи давати и мести скверным верам их чинити <...>. Отринем убо прощения их, и созданныя их керки из основания разместим (т. е. разметим до основания. — М. С.), да от Господа Бога за сие примем милость в настоящее житие, чисто от ересей поживше <...>» [*Лебедев А. С.* 1884. С. 1, 19, 20–21, 25, 29–30, 32].

Такие идеи не приветствовались в правление царевны Софьи, но за них не преследовали, поскольку их поддерживал патриарх Иоаким. Возможно, о них стало известно властям в единодержавное царствование Петра Великого, что разъясняет причины ареста и, возможно, смерти митрополита Игнатия.

Идеи митрополита Игнатия, изложенные в его полемических произведениях 80-х гг., не позволяют согласиться с ранее приведенным мнением А. П. Богданова, в соответствии с которым Игнатий (Римский-Корсаков) являлся «ярким представителем мыслящей, образованной, социально активной русской интеллигенции, игравшей важную роль в подготовке и проведении преобразований».

Не убедительным в данной связи представляется также определение А. П. Богдановым митрополита Игнатия как «интеллигента». В светской жизни он являлся членом привилегированного дворянского сословия и находился на царской службе, после пострижения стал членом привилегированного

церковно-монастырского сословия, находясь в нем на высоких и высших должностях в соответствии со своим происхождением, пропагандируя самые консервативные идеи. Поэтому обоснована характеристика митрополита Игнатия Н.П. Лихачевым: «Монах по убеждению, ненавистник иностранцев, полемист против старообрядцев — он проявлял везде кипучую деятельность с резким оттенком фанатизма» [Лихачев Н.П. 1913. С. 25–26].

Разительное противоречие рассмотренным ранее взглядам митрополита Игнатия представляет относимая к его творчеству «Генеалогия» Римских-Корсаковых. Ее появление объясняется отменой местничества в 1682 г. и в данной связи увеличением интереса в дворянских родах к написанию своих генеалогий для утверждения своей древности и знатности [Бычкова М.Е. 1981. С. 90–109].

В отличие от идей Игнатия о полном неприятии связей русской культуры с западной «Генеалогия» последовательно проводила мысль о библейских и античных истоках, а также о западноевропейских корнях и генеалогических связях Римских-Корсаковых. При этом генеалогия дворянского рода стала средством утверждения сословного неравенства людей в современном автору обществе. Возводя род Корсаков к Адаму, автор «Генеалогии» продолжил его от Неврода — «славный мучитель и исполин ассирийский и первой царь вселенныя по потопе». Этот Неврод был от «воинского и государского» колена сына Ноя Иафета. Его потомки имели для автора «Генеалогии» высшее значение, поскольку колено «Симово священническое», тогда как «Хам не царь и не воин был, но простой поселянин и все колено его земледельцы», к тому же проклятое за прегрешение Хама.

Определив истоки рода Корсаковых в ветхозаветном периоде, автор «Генеалогии» перечислил 65 античных и средневековых авторов или их сочинений, на основании которых он проследил дальнейшую историю Корсаковых, от «Анналес еклизиастических», так кириллицей написано латинское название «Церковных анналов» кардинала и директора ватиканской библиотеки Цезаря Барония, до «Цыцерона». В этом перечне названы как античные авторы — Аристотель, Вергилий, Диодор, Плутарх, Страбон, Тацит и другие, так и популярные в России конца XVII в. польские историки М. Бельский и М. Стрыйковский. Но ссылки на этих авторов или исторические произведения являлись не следствием научного исследования, а доказательством эрудиции тех лиц, кто составлял «Генеалогии». Поэтому в данном алфавитном перечне названы в разных его местах «Гомерус» и «Омир», хотя это одно лицо — Гомер.

Автор «Генеалогии» определил по созвучию прародителя Корсаковых — некоего Корса. Античное направление генеалогических разысканий утверждалось традицией устанавливать происхождение русских великих князей и царей от римского императора Августа. Поэтому «Генеалогия» назвала дедом Корса «Иовиша» — Юпитера, отцом — Геркулеса, а родственной рим-

ской фамилией «Фабиуши» — хорошо известный по сочинениям римских авторов род Фабиев. После фантастических, но наукообразных исторических и этимологических превращений со ссылками на использованную литературу автор «Генеалогии» довел потомков Корса до Литвы, откуда якобы Венцеслав Жигмунтович Корсак отъехал к великому князю Московскому Василию Дмитриевичу вслед за супругой последнего Софьей Витовтовной в 1390 г. Далее автор сослался на авторитет великой княгини и ее «великих и ближних людей», которые повели великому князю «о славе рода Корсаков». «И от того Венцеслава Корсака в Московском государстве Корсаковы Римские начало прияли родословия своего» — завершил генеалог свои разыскания дороссийского периода этих потомков Адама, Иафета, Юпитера и Геракла.

Начиная свой труд, автор «Генеалогии» уверил читателей, что род Корсаковых существует во многих государствах, а сам он написал «правду истинную»: «Той род славный в разных странах восточных и западных, во многих царствах французском, итальянском, в прусском, в венгерском, в полском и зде в великом государстве Московском, узрех распложенный удивихся, како в толико много сот лет слава неизменна рода того пребывает и немалое время жития моего изнузив над книгами, умыслив по силе мой род описать, не яко басни некия сладкословесныя и украшены ложью, но правду истинную, ей же подтверждения ради ни единыя вещи от разума моего умысла не хочу полагати, но ежели что реку и напишу, то в которой книге обретох, расположу явственно, <...> и аз не был во лжи зазренный и едина правда яснее бы показалася, егда толико много историков о едином деле повествовали согласно <...>» [*Лихачев Н.П.* 1913. С. 7].

Такое настойчивое уверение автором своих читателей в истинности им написанного, а также его содержание ясно указывают на его вымышленность. Это — все тот же средневековый «реализм» повествования, создающий иллюзию действительности посредством указания современных узнаваемых предметов. Столь же типологически устойчивым является незамысловатое возведение Римских-Корсаковых к римской истории, а также указание их начала в истории библейской. Читателей конца XVII — начала XVIII в. должно было убедить также то, что «толико много историков о едином деле повествовали согласно», при этом присутствовали и многочисленные ссылки на этих авторов, в чем «Генеалогия» следовала за западной традицией, в частности польской.

Таким образом, содержательно «Генеалогия» Римских-Корсаковых являлась средневековым сочинением. Но ей свойственны также черты Нового времени. Это, прежде всего, широкое использование античных и современных западных авторов. Новыми стали и постоянные ссылки на использованные в тексте исторические произведения предшественников и рационалистическое сопоставление их сведений.

Средневековому русскому человеку, вероятно, было бы непонятно значение многих персонажей, а также их генеалогий, названных в античный период предков Корсаковых: сын Корса Баттус, сестра которого была женой Енея Троянского, а его братом — Корсакус Гиркус, т. е., как одни говорили, «козловатый, обросл бо бе по телу власами яко Исав», а другие — «яко имел зрение подобно тому животну». Не понял бы средневековый русский читатель, хотя бы приблизительно, смысла событий из истории рода Римских-Корсаковых, отнесенных в «Генеалогии» к Деоклесу, сыну Баттуса: «Сей Деоклес, уведав, яко Стесихорус славный пиитик лиричный у римлян написал хулу Елене Прекрасней, бабе Диоклесе, и за то разгневався, повеле обезочити славнаго творца <...>». И так далее [Лихачев Н.П. 1913. С. 10]. Между тем, эта смесь вымысла и обрывочных материалов из западной исторической и художественной литературы понятна в контексте культуры Петровского правления в начальный период его царствования после поражения в 1689 г. царевны Софьи в борьбе за власть.

Уже в 1693 г. Петр I устроил фейерверк в честь генералиссимуса князя Ф.Ю. Ромодановского. Огненным изображением в нем явился Геркулес, раздирающий пасть льва. В 1696 г. так же широко использовались античные персонажи в символических изображениях триумфальных ворот, сооруженных в Москве в связи со взятием Азова. На них статуи Геркулеса и Марса возвышались над изображениями побежденных турок. Нептун свидетельствовал о покорении русскими морских просторов. В древнерусском переводе была приведена и знаменитая фраза Юлия Цезаря: «Приидох. Видех. Победих» [Богословский М.М. 1940. С. 150, 344, 346].

Как следует из дневника И.Г. Корба, к этому времени были построены корабли не только с русскими названиями — «Непобедимый», «Победа», «Отчаянный», «Надежда», «Вера», «Любовь», «Азов», «Астрахань», «Сокол», «Лев», «Медведь», «Волк» и т. д., но также с названиями, восходившими к античной традиции, трансформированной в культуре эпохи классицизма и барокко — «Нептун», «Язон», «Александр Великий», «Юлий Цезарь» [Корб И.Г. 1997. С. 255, 257]. О том, что эти названия восходят к античной культуре не непосредственно, а через культуру классицизма и барокко, свидетельствует название корабля «Тамерлан Великий». Название корабля «Юлий Цезарь» совпадало с названием знаменитой трагедии В. Шекспира, «Александр Великий» — с названием известной трагедии Жана Расина, завершенной в 1665 г. и одобренной королем Людовиком XIV. Поэтому названия петровских кораблей могли иметь античные ассоциации (В.М. Живов видит в культуре петровского времени соединение России с императорским Римом [Живов В.М. 1996. С. 543–544]). Но они опосредованы западноевропейской культурой Нового времени. Названия кораблей «Язон», «Александр Великий», «Юлий Цезарь» и «Тамерлан Великий» объединяла не античная традиция, а их принадлежность к популярным героям культуры классициз-

ма и барокко. Каждый из них — человек действия. Но в российских обстоятельствах конца XVII в. Александр Македонский, Юлий Цезарь и Тамерлан приобретали также особое значение основателей новых великих государств, империй. Можно предположить, что Петр в своей деятельности 90-х гг. вдохновлялся примерами героев древности, но в их интерпретации системными культурами классицизма и барокко.

Показательно, что для фейерверка, устроенного 19 августа 1697 г. городом Амстердамом в честь Великого посольства, но главное — царя Петра, была возведена триумфальная арка, также украшенная посеребренными статуями Марса и Геркулеса. Особое значение имели изображения в этом комплексе герба его царского величества, его короны, имени в вензеле, украшенном короной. Над серединой арки возвышался земной глобус [Богословский М.М. 1941. С. 150–152]. Эта система символов, совпадающая в статуях Марса и Геркулеса с московским фейерверком 1696 г., позволяет предположить, что власти Амстердама не только устроили фейерверк в соответствии с западно-европейской традицией, но учли также пожелания своих почетных гостей. А это может свидетельствовать о том, что свойственные культуре классицизма и барокко античные образы, наряду с героями древности, символами царской власти и нового научного знания, стали наиболее близки своим знаковым содержанием царю Петру уже в 90-е гг.

О знании Петром и русскими образованными людьми рубежа XVII–XVIII столетий античных сюжетов, трансформированных в систему символов в культурах классицизма и барокко, свидетельствует письмо царя к Федору Юрьевичу Ромодановскому о замечательной победе в Полтавской битве 27 июня 1709 г. Сообщив о конкретных военных действиях, Петр обобщил: «И единым словом сказать: вся неприятельская армия Фаетонов конец восприяла <...>» [ПБПВ. 1950. Т. 9, вып. 1. С. 227–228]. В таком обобщении можно отметить не только хорошее знание античного мифа, но также его символическую трансформацию гордым замечательной победой Петром, который осознал ее как перелом в Северной войне со значительными положительными для России следствиями. Был в этом упоминании мифа о Фаетоне и подтекст, унижительный для Карла XII, который, подобно Фаетону, дерзнул взлететь к Солнцу — победить Россию и Петра, но потерпел крах, как и мифический герой. Показательно, что И.А. Желябужский, который переписал это опубликованное письмо как обращение царя к своему сыну Алексею в своем дневнике, был в 1709 г. уже 70-летним человеком. Он принадлежал к дворянскому роду средней руки и находился на царской службе в значительных чинах воеводы, стольника, думного дворянина и окольничего [Шокарев С. 1997. С. 419–420]. Но он, как и многие другие, адекватно понял сравнение Петром шведской армии с Фаетоном, что может свидетельствовать об уже широком распространении в среде русских просвещенных людей, в том числе и людей старшего поколения,

знаний об античной мифологии, органично включенных в новую для них европейскую культуру классицизма и барокко.

Отсюда следует, что в конце XVII столетия москвичам стали хорошо известны традиционные символы классицизма и барокко, восходившие к античной истории и культуре. В таком контексте не удивительно, что античные боги, герои и исторические персонажи, в том числе и домысленные в России, появились на страницах «Генеалогии» Римских-Корсаковых как следствие стилистического единства российской высших слоев общества и городской культуры времени петровского царствования.

«Генеалогия» Римских-Корсаковых подобно другим ранее рассмотренным произведениям на исторические темы, написанным в России второй половины XVII в., является памятником книжности переходного периода от средневековья к Новому времени. Доступные ее автору античные и современные западные исторические материалы адаптировались в этом сочинении к средневековым принципам создания генеалогических мифов, утверждаемых как «правда истинная». В «Генеалогии», как и в «Истории Скифийской» А.И. Лызлова, прослеживаются также новейшие изменения в российской культуре начала правления Петра I с 1689 г., первоначально в соцарствовании с братом Иваном.

Таким образом, исторические знания в России второй половины XVII в. в полной мере соответствовали экономической и общественно-политической жизни страны. Анализ экономического и общественного состояния Российского государства середины — второй половины XVII в. свидетельствует о его средневековом уровне развития. Его постоянные связи с другими европейскими странами, объективные потребности в более совершенных технологиях, вооружениях и предметах гражданского назначения, в модернизации войска имели следствием их появление в России, хотя в ограниченной мере и на более низком уровне, чем в развитых западноевропейских странах. Их частичное освоение, ограниченное средой средневекового быта, — следствие объективной в них потребности, которая без напряженнейших усилий всего государства осуществиться не могла.

В промышленном производстве постепенно и крайне медленно усваивались передовые западные технологии. Для их внедрения было достаточно небольшого числа западных специалистов. Поэтому традиционная экономическая система, средневековая в своих основах, с укрепляющимся крепостным строем, не создавала в отличие от стран Западной Европы возможности развития мануфактурного и заводского производства и, соответственно, появления отечественных специалистов на современном уровне научных и технических знаний.

Столь же медленно происходили изменения в общественно-политическом строе России. Аристократия и дворянство предпочли средневековое в основах традиционное бытие в своих вотчинах и поместьях при начальной гра-

мотности и в особых случаях — при усвоении элементов западноевропейского быта, знании иностранных языков и собирании книг. В традиционной экономической системе русскому купечеству было достаточно начального образования, тогда как слой современных отечественных предпринимателей, нуждающихся в новейших научных и технических знаниях, в ней отсутствовал. Грамотность была распространена во всех слоях русского населения, но на начальном уровне чтения, письма и арифметики.

Такому состоянию страны в материальной и общественной жизни в полной мере соответствовало состояние российской культуры и исторических знаний. В стране не было университета и других видов светских учебных учреждений, в которых могли быть сосредоточены научные знания. Традиционная массовая культура оставалась средневековой в своем содержании, тогда как церковные иерархи того времени решительно противились культурным новациям и способствовали существованию в культурной среде консервативных идей.

В данных обстоятельствах образование в России второй половины XVII в. являлось по преимуществу начальным. Среднее и высшее образование оказалось моноцентричным, ограниченным Москвой, к которой после воссоединения России и Украины в образовательном процессе присоединился Киев. Однако это образование было сосредоточено на средневековой схоластике и религиозно-духовном воспитании, на обучении греческому и латинскому языкам, но не на современной светской науке. На образовательный процесс в России постоянно воздействовали жесткий церковный и государственный контроль, а также догматические споры церковных иерархов и людей образованных, их поддерживающих, с другими направлениями в православной и неправославных христианских Церквях.

Такое состояние экономики и общественно-политического строя, образования и культуры в России второй половины XVII в. имело следствием ее отставание от западноевропейских держав в военно-технических отраслях. Поэтому Российское царство оказалось отрезанным от Балтийского моря и не могло преодолеть шведский контроль над выходом к нему. Технические и культурные связи со странами Западной Европы являлись ограниченными и нерегулярными, а в России этого периода как выражение объективной потребности в модернизации стали распространяться элементы польской и украинской культуры, которая к этому времени уже являлась периферийным вариантом культур западноевропейских стран. Но потребность в модернизации в России второй половины XVII в. существовала. Видимо, наиболее объективно ее выразило недоуменное восклицание: «Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!» (см. ранее, с. 58).

В таком же состоянии находились в России второй половины XVII в. исторические знания. Летописание — традиционный средневековый жанр исторических произведений — вырождалось, превратившись в компиляции

сочинений исторического и литературного содержания или в погодные записи. Там, где оно сохранилось, лишь подчеркивался его пережиточный средневековый характер. Мифологизированные легенды продолжали включать Россию в мировой процесс посредством указания родства русских правящих династий с кесарем Августом и его «родичем» Прусом. Объективная потребность в осмыслении отечественной истории существовала, но отсутствовала возможность ее осуществить. Поэтому в литературных произведениях на исторические темы широко распространились народные этимологии, возведение топонимов, хоронимов, этнонимов к вымышленным по созвучию князьям-эпонимам, легенды, придуманные по подобию ранее существовавших, домысливание событий, которые могли бы иметь место, произвольное обращение с историческими материалами, включая их необоснованное и целенаправленное редактирование.

Неудача деятельности Записного приказа свидетельствовала о невозможности в царствование Алексея Михайловича создания произведения, посвященного событиям древней и новой истории России, на прежних основаниях исторических компиляций. Дьяк Ф.А. Грибоедов смог написать лишь первое в России произведение придворной историографии, в которой история России трансформирована в историю царствующей династии. Но и в ней сохранены средневековые мифологизированные генеалогические связи царской династии с кесарем Августом и «прусскими государями». Впрочем, прекрасно образованному хорвату Юрию Крижаничу тогда же была очевидна вымышленность легенд о Гостомысле и родство российского правящего дома с римским императором Августом.

Исчерпанность средневековых жанров летописания и Степенной книги, но вместе с тем объективная необходимость в изучении исторического прошлого России имели следствием создание идеологизированных литературно-публицистических произведений на исторические сюжеты. Были намечены новые темы в новейшей истории России, новые подходы к изучению начал русской истории не от Гостомысла и Рюрика, но вслед за польской историографией — от скифов и сарматов.

Эволюция русской культуры, интегрировавшей в правление Федора Алексеевича и особенно в регентство царевны Софьи элементы западной, преимущественно польской культуры, способствовала формированию новых подходов к изложению российской истории. Уже на новом уровне русской культуры ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев смог противопоставить домыслам на исторические темы обстоятельное повествование о недавних московских событиях 1682–1684 гг.

Эти конструктивные тенденции в эволюции исторической мысли нашли высшее для своего времени теоретическое осмысление в созданном в правление царя Федора Алексеевича условно названном «Предисловии к исторической книге, составленной по повелению царя Феодора Алексеевича».

На передовом для второй половины XVII в. европейском уровне в нем определялся предмет исторической науки и ее задачи, сформулирована программа светского исследования, основанного на сборе и критическом анализе исторических источников. Но в условиях переходного периода от Средних веков к Новому времени такие задачи еще не могли быть выполнены. «Предисловие» свидетельствовало лишь о возможности появления в России исторических исследований на самом высоком европейском уровне.

Уже первые решительные меры Петра I в начальный период своего единовластного правления после 1689 г. по модернизации Российского государства и его культуры имели следствием широкое и последовательное использование в русских исторических сочинениях иностранной литературы, преимущественно на латинском и польском языках, что стало продолжением и развитием существовавших ранее тенденций в царствование Федора Алексеевича и, особенно, в регентство царевны Софьи. Впрочем, результаты этих изменений оказались различными. В 1692 г. А.И. Лызлов создал историко-литературную компиляцию «История Скифийская» на уровне уже устаревших к тому времени польских исторических сочинений XVI — первой половины XVII в. Новым в ней стало монографическое повествование об истории тюркских народов и государств. «Генеалогия» Римских-Корсаковых, напротив, может стать примером произвольных генеалогических построений, смесью вымысла и обрывочных материалов из западной исторической и художественной литературы. Однако знаком приближающегося Нового времени стало то, что такого рода сочинение, насыщенное античным ассоциативным рядом, свойственным культурам классицизма и барокко, появилось в России конца XVII в.

Направленность развития исторических знаний в России зависела от того, по какому пути пойдет страна в XVIII столетии.

Средневековое традиционное состояние материальных, социальных, политических, культурных и духовных основ Московского царства середины — второй половины XVII в. не создавало условий для проявления безграничных возможностей русского народа. Так что М.К. Любавский, профессор Московского университета, прекрасно знавший исторические источники того времени, писал о возможной судьбе М.В. Ломоносова: «Родись Ломоносов не при Петре Великом, а, напр[имер], при его деде или даже отце, из него вышел бы, конечно, не гениальный русский ученый, а в лучшем случае либо соборный протопоп, либо земский староста, в худшем — какой-нибудь земский площадной или церковный дьячок-грамотей, который стал бы писать не научные трактаты на латинском языке, а разные купчие, дарственные, рядные и челобитные, справедливые и кляузные. В этом смысле справедливо, что Ломоносова создало время, когда он жил, что он есть плод своего века» [Любавский М. 1912. С. 6].

Глава II

Формирование новой интеллектуальной среды и становление российской исторической науки

1. Преобразования Петра Великого и формирование новой интеллектуальной среды

Осознание Петром объективной необходимости выхода России на побережье Балтийского моря имело следствием заключение им союза с датским королем Фредериком IV и саксонским курфюрстом Августом II Сильным, избранным также королем польским. Этот союз должен был ослабить или положить конец господству Швеции на Балтике.

Военные действия России были объявлены в августе 1700 г. Петр направил 35-тысячную армию при 173 орудиях [Овчинников Р.В. 1966. С. 906–907] на осаду Нарвы и Ивангорода, который в составе Ижорской земли вместе с городами-крепостями Ямом, Копорьем, Орешком, а также с городом Корела с уездом тогда был оккупирован Швецией по Столбовскому миру 1617 г. В соответствии с другими сведениями, во время осады русское войско на левом берегу реки Наровы насчитывало 34 тысячи человек [История Северной войны. 1987. С. 46, 49].

Шведский король Карл XII быстрыми и решительными действиями нанес поражение Дании, заставив ее заключить мир. Август Сильный после неудачной осады Риги с ее шведским гарнизоном должен был отойти в Курляндию, тогда как Карл, высадившись в Пернове, совершил с отборным корпусом марш-бросок к Нарве и 19 ноября напал на русское войско. Численность шведского корпуса варьируется в исторической литературе. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона она указана в 8 тысяч при 37 орудиях [Нарва. 1897. С. 652], по архивным данным шведского генерального штаба численность шведского войска перед сражением составляла 10537 человек при 37 пушках [Палли Х. 1966. С. 114], в новейшем труде по истории Северной войны вновь указаны цифры, ранее приведенные в энциклопедии Брок-

гауза и Ефрона — 21 батальон пехоты (5000 человек), 43 эскадрона кавалерии (3000 человек), и 37 орудий [История Северной войны. 1987. С. 47].

Сражение показало, что боеспособными на современном уровне оказались только подготовленные Петром Преображенский и Семеновский полки, а также дивизия А.А. Вейде. Командующий войском фельдмаршал герцог де Кроа и часть иностранных офицеров сдались шведам. Победа шведского корпуса была полной. Русское командование капитулировало на условии сохранения оружия и знамен. Но артиллерия (145 орудий) была отдана шведам, которые к тому же в нарушение условий капитуляции разоружили дивизии А.А. Вейде и И.Ю. Трубецкого.

Обстоятельства поражения под Нарвой показали, что Россия в 1700 г. значительно отставала в организации военного дела и его основ, прежде всего экономических, от уровня развития передовых держав. Для достижения современного состояния России были необходимы самые быстрые преобразования во всех областях военной, экономической, общественной, политической жизни и культуры.

В исследовательской литературе были поставлены основные вопросы, ответы на которые должны были определить — являлись ли петровские преобразования систематичными и следовали они определенной программе (С.М. Соловьев), являлись ли спонтанными и зависели от военных действий (В.О. Ключевский, П.М. Милюков) или они эволюционировали от импровизации к планомерности и продуманности (Н.И. Павленко, Н.В. Рязановский, Г. Штёкль, Р. Виттрам, Е.В. Анисимов и др. с различиями в интерпретации) [историографические исследования см.: *Баггер Х.* 1985; *Каменский А.Б.* 2001. С. 59–80; *Соловьев Е.А.* 2006]. Эти характеристики соотносились в научном содержании с общими тенденциями в российской общественной мысли и социальной практике. Поэтому в преобразованиях Петра отмечались положительное содержание как следствие модернизации или, напротив, их негативный смысл, поскольку разрушался традиционный образ жизни.

А.Б. Каменский назвал такие различия во мнениях «славянофильской/западнической парадигмой». В качестве альтернативы ей он отметил оценку Е.В. Анисимовым петровских реформ в их «цене» и нравственном содержании, поскольку идеи прогресса осуществлялись через насилие. К тому же петровские реформы не способствовали быстрейшему развитию капитализма в России, а укрепляли основы «старого режима» и производства, основанного на крепостном праве. Указал Каменский на определенные совпадения таких характеристик с мнением Я.Е. Водарского, который считает, что эти реформы «в максимально возможной степени затормозили прогрессивное развитие России и создали условия для его торможения еще в течение полутора столетий» [*Анисимов Е.В.* 1989. С. 11, 13, 295, 298, 363; 1993. С. 47; 1995. С. 133–150; *Водарский Я.Е.* 1993. С. 77; *Каменский А.Б.* 2001. С. 75–78].

А.Б. Каменский ближе к характеристикам Е.В. Анисимова. По его мнению, петровские преобразования были противоречивы в своем содержании и следствиях для России. С одной стороны, был преодолен кризис традиционализма второй половины XVII в., который имел место в стране. Россия стала одной из ведущих мировых держав. Ей не угрожали потеря национальной независимости и территориальные утраты. Были европеизированы (модернизированы) основные политические институты страны, «системы управления и жизни общества в целом», хотя европеизация быта и мышления имела «поверхностный характер, а элементы новой культуры сосуществовали с традиционными представлениями и понятиями». В результате податной, городской и областной реформ были ликвидированы предпосылки развития экономики по капиталистическому пути, которые существовали во второй половине XVII в., вследствие чего установились «сугубо крепостнические формы и крайне низкие темпы развития». Социальная структура «приобрела более европеизированный вид, создались правовые условия для формирования полноценных сословий», но «преобразователь сделал будущие сословия еще более зависимыми от государства, еще менее свободными, чем прежде». Модернизационные реформы привели к значительному усилению крепостного права. Зависимость от него деформировала «сословное становление» дворянства, тогда как крепостничество «сделало невозможным нормальный процесс складывания третьего сословия». Петровская индустриализация в условиях крепостного права была обречена в будущем на новое техническое отставание, тогда как сельское хозяйство не развивалось. Вследствие реформ «произошел культурный раскол русского народа». Было создано «принципиально новое Российское государство — самодержавная империя с сильным центром, разветвленным и единообразно организованным бюрократическим аппаратом и фискальной системой, опирающимися на мощь армии и полиции». Статус мировой державы способствовал формированию российского патриотизма, но содержание многочисленных и боеспособных армии и флота в условиях крепостнической экономики, неблагоприятного климата и низкой плотности населения означало напряжение всех ресурсов общества, что привело к снижению жизненного уровня народа. Петровская идея государя — слуги отечества, работника на троне, реформатора, который постоянно заботится о благе подданных, «привела к трансформации самой идеи царской власти, ее своеобразной секуляризации».

По мнению А.Б. Каменского, «институт крепостничества возник задолго до Петра и ко времени его преобразований был уже вполне оформившимся и зрелым». Но в первое десятилетие XVIII в. была возможность альтернативного пути развития России — отмена крепостного права и «направление реформы в другое русло» [Каменский А.Б. 2001. С. 154–164].

Эти и многие другие характеристики петровских реформ, их значения для последующего социально-экономического и политического развития

России, ее культуры, начиная со времени их проведения до наших дней, определялись общественно-политическими и философскими концепциями, которыми их авторы руководствовались осознанно или интуитивно. Продолжение дискуссии в данной связи не представляется конструктивным. Целесообразным в контексте данной монографии представляется определение в Петровской эпохе тех факторов, которые оказали прямое и опосредованное воздействие на формирование гения М.В. Ломоносова и его творчество.

Следует отметить, что множественные формы прикрепления зависимого человека к господину посредством утраты свободы (холопство) или разного вида долговых обязательств, ограничения прав переселения лично свободных крестьян существовали весь средневековый период российской истории. Но система закрепощения как законодательного прикрепления к земле (к тяглу) сформировалась лишь в конце XVI–XVII в. [*Панеях В.М.* 1994. С. 146–154; см. там же литературу проблемы]. Поэтому система крепостного права являлась инвариантом социально-экономического, политического, идеологического состояния России и ее культуры в XVIII в. Она определяла все виды межсословных и межличностных связей в России. Альтернативой ей стала лишь произошедшая в странах Западной Европы и в США промышленная революция XVIII–XIX вв., предопределившая принципы свободного предпринимательства, гражданских свобод и юридического равенства. Значительно ускорили темпы их осуществления американская (1775–1783) и Великая французская революции.

Реформы Петра Великого создали то технически современное для первой четверти XVIII в. фабрично-заводское и мануфактурное производство, которое способствовало развитию технических и научных знаний, а также предпринимательской деятельности.

В условиях военных действий Петр организовал систему государственного строительства и обеспечения доменных и передельных заводов, оказывал правовую и финансовую поддержку частному предпринимательству. Если в конце XVII в. в России действовал 21 доменный, передельный и оружейный частный завод, то уже в 1701–1707 гг. они были дополнены двумя частными и 13 государственными. Был создан Уральский промышленный район с беспредельными возможностями последующего развития. За первую четверть столетия, т. е. до кончины Петра, было построено 30 таких вододействующих заводов, 16 из них были казенными. Выплавка чугуна увеличилась в пять раз. Страна, ранее импортировавшая металл, превратилась в экспортирующую [*Павленко Н.И.* 1959. С. 191–192; 1962. С. 535].

Были построены судостроительные верфи. Только на петербургских верфях с 1706 по 1725 г. были построены около 60 крупных и 200 мелких кораблей. Текстильные фабрики по производству парусины, шерстяных и полотняных тканей, кожевенные, селитряные, пороховые заводы, суконные и чулочные фабрики, не только в старых, но и в новых промышленных

центрах, таких как Петербург и Казань, изготавливали все необходимое для армии и гражданского населения. Появились предприятия, которые обеспечивали отечественное производство ранее импортируемых товаров, — суконные, полотняные, шелковые, трикотажные, шляпные, игольные, бумажные, пищевые, белильно-красочные и т. д., главным образом, в столичных городах. Мастера, нанятые в Голландии для работы на московском Полотняном и Скатертном заводе, привезли с собой современные ткацкие станы для производства таких изделий. В случае необходимости промышленные изделия и высококачественное сырье докупались за границей [*Воскресенский Н.А.* 1939. С. 7 об. и след.; *История предпринимательства в России.* 2000. С. 258].

Для организационного и технического обеспечения всех этих многообразных видов производства Петр в 1702 г. издал указ, подтверждавший право иностранцев свободно приезжать в Россию, обеспечивая им защиту и покровительство властей. В этом указе были названы военные, инженеры, мастера разных специальностей, а также торговые люди [*История предпринимательства в России.* 2000. С. 298].

В новых условиях изменился смысл слова «иностранец». Если до конца XVII в. определяющими в нем являлись нероссийское происхождение и неправославная вера, то в соответствии с Адмиралтейским регламентом, введенным Петром, «иностранцами» считались только те, кто приехал из других стран и поступил на царскую службу. Но те, кто родился в России и поступил на службу, «яко россияне почтены имеют быть» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 575]. Такое содержание интегрирующего понятия «россияне» стало следствием его нового смысла в Петровскую эпоху. Определяющей в нем стала служба не государю, а Государству, которому служил и сам Петр.

Такая политика Петра по отношению к иностранцам позволила значительно укрепить кадровый состав в основных составляющих военного и гражданского аппарата управления, для которых царь стремился воспитать также собственные кадры.

Создание новой армии и флота, промышленного производства, которые обеспечили победу России в Северной войне, стало сложным процессом успехов и неудач. Петр сравнил его со школой, с ее главным содержанием — внутренне обусловленной последовательностью роста от начального уровня к высшему. В письме к В.Л. Долгорукому от 8 сентября 1721 г. после заключения Ништадтского мирного договора он так охарактеризовал результаты этого обучения: «Все ученики науки в семь лет окончывают обыкновенно, но наша школа втрое больше была. Однакожь, слава Богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно <...>» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 98. Л. 163; здесь и далее использованы находящиеся в этом фонде копии документов, подготовленные на высоком профессиональном уровне для издания «Писем и бумаг императора Петра Великого» и используемые до нашего времени в этой академической публикации].

Петр проводил политику, направленную на создание экономической мощи государства как основы последующего промышленного и культурного развития России к «государственной и общенародной пользе». Ее содержание было сформулировано самим Петром — западноевропейские страны ограничены в природных ископаемых, но есть развитое промышленное производство, в России — есть сырье, но слабо производство. Отсюда закономерен вывод: для экономического процветания России необходимо создать развитое промышленное производство, для существования которого есть безграничные природные ресурсы, а также современные заводы, мануфактуры и фабрики, которым следует создать благоприятные условия для предпринимательства.

Эта мысль Петра, раскрывающая суть его экономической политики, как представляется, не привлекала внимания исследователей, видимо, прежде всего, потому, что она была сформулирована во введении к первой редакции «Регламента Мануфактур-коллегии». В его окончательном тексте содержание введения изменено, но исследователи не интересовались источниковедческим контекстом «Регламента».

Между тем, данное определение вектора долговременного развития экономики России крайне важно, поскольку оно позволяет установить содержание экономической политики правительства. Эта политика создала ту материальную среду, которая становилась одним из условий формирования гения М.В. Ломоносова. Поэтому представляется существенным привести данное определение петровской экономической политики полностью: «Понеже окрестные государства, хотя и не суще довольны натуральными материалами, но паче снабждаются из других земель, однакоже от утвержденных манифактур и фабрик немалую славу и государственному сбору приращение, безремесленные ж люди обучение, а неимущие пропитание получают.

Наше же Российское имперіум пред многими иными землями сим преизобилует и потребными материалами благословенно есть, которая до сего времени не так употребляемы были, как принадлежит, но паче пренебрежению преданы, а другія государства ис того обогатилися. Из чего признавается, что сему пренебрежению главнейшая притчина была та, что наши подданные к манифактурным делам, каким образом оные в государственную и всенародную ползу произвести искусства и прилежания не имели, иные же иждивения и трудов ко оному приложить отважиться не хотели, разсуждая, якобы те их заведенные манифактуры и фабрики, егда от оных плод усмотрится, отняты б от них не были» [*Воскресенский Н.А.* 1938. С. 538].

Последним обстоятельством объясняется тот факт, что во втором десятилетии XVIII в. появилась тенденция к передаче казенных мануфактур и заводов в частное владение. Она развилась в массовое частное строительство заводов и мануфактур при государственной поддержке и без нее.

Уже в 1702 г. было начато и в 1709 г. закончено строительство Вышневолоцкой системы с водохранилищами, шлюзами и т. д., длиной 1324 версты, которая

создала современную единую систему речных путей. Несмотря на несовершенство гидротехнических сооружений, она выполняла главную функцию — соединила для наиболее дешевых и наименее трудоемких речных перевозок внутренние районы страны с северо-западом России. С теми же целями в 1718 г. было принято решение о строительстве обводного Ладожского канала [Марасинова Л.М. 1985. С. 260–261]. Образцы таких систем рек и каналов, снабженных гидротехническими сооружениями, Петр видел в Голландии. Была создана такая система и во Франции. Петр использовал этот опыт, и максимально быстро в условиях военного времени Вышневолоцкая, Мариинская и Тихвинская системы соединили Балтийский и Волжско-Каспийский регионы.

Такие экономические достижения стали материальной основой модернизации армии, побед России в Северной войне, восстановления в составе России северо-западных земель, присоединения к ней Эстляндии и Лифляндии. Уже 16 мая 1703 г. был заложен город Санкт-Петербург, который вскоре станет столицей России, а для его защиты с моря — крепость Кроншлот. Поддерживая своего союзника курфюрста саксонского и короля польского Августа II Сильного, Петр со своей армией прошел в 1705 г. Полоцк, Вильно, Гродно, занял столицу Курляндии Митаву. Новый современный опыт оборонительных и наступательных действий имел следствием блестящие победы войск под руководством Петра 28 сентября 1708 г. в битве при Лесной над корпусом генерала А.Л. Левенгаупта и 27 июня 1709 г. над армией Карла XII в сражении при Полтаве, хотя на Дону произошло Булавинское восстание 1707–1708 гг., а во время военных действий против шведов на Украине — клятвопреступление гетмана Мазепы.

Полтавская победа и бегство Карла XII под защиту султана обозначили перелом в Северной войне. В следующем 1710 г. от власти шведов были освобождены и подчинены Российскому государству Лифляндия с Ригой и Эстляндия с Ревелем, Выборг и Кексгольм (Корела), которые позволяли контролировать Карельский перешеек, а Выборг — также значительную часть северного побережья Финского залива. Таким образом, Петербург был защищен с севера от шведских нападений.

Вследствие всех этих событий Россия вышла на Балтийское море. Значительно ограничив военное и торговое влияние Швеции в Балтийском регионе, Петр создал условия для нового направления внешней торговли России и расширения активного культурного взаимодействия со странами Балтики и Северного моря. Россия надолго приобрела возможность активно воздействовать на политическую жизнь в странах Центральной, Северной и Западной Европы. В политических отношениях с европейскими державами она могла основываться на реальных военно-политических и экономических преимуществах [Возгрин В.Е. 1986. С. 234–285].

Таким образом, петровские преобразования первой четверти XVIII столетия осуществили основные задачи, для которых они были предприняты.

Они создали в России основы современной экономики, армии и флота, образа жизни и мышления в среде правящего сословия и предпринимателей. Их следствием стал качественный перелом в Северной войне. Успехи в военных действиях и дипломатических предприятиях приобрели необратимый характер. Все это произошло вследствие целенаправленности петровских преобразований, наличия в них внутренней логики, хотя их намеченного плана не существовало, а их последовательность может производить впечатление «хаотичности».

Уже в первое десятилетие XVIII в. Россия была органично включена в единое европейское политическое пространство и начала активно усваивать европейский военный и экономический опыт на передовом уровне его развития.

После перелома в Северной войне в 1709–1710 гг. петровские реформы сохранили системный характер. Их основу продолжали составлять преобразования в промышленности и военном деле, но они были дополнены последовательными изменениями в социально-политическом строе России. Не снижая темпов, они активно продолжались до кончины Петра 28 января 1725 г. [историографические обзоры см.: *Баггер Х.* 1985; Реформы Петра I и судьбы России. 1994; см. там же литературу вопроса].

В экономике происходили значительные изменения. На Урале и в Сибири были открыты и стали эксплуатироваться железорудные и серебряные рудники, что привело к качественным изменениям в обеспечении страны железом и серебром, которые были ей столь необходимы в торговле и всех областях мирной и военной жизни. Развивались черная металлургия, полотняное, суконное, стекольное производство, бумажное и монетное дело. Появилось собственное производство шелка и более дешевых видов материи и изделий. В 1725 г. в России существовало около 130–140 мануфактур, большинство которых находилось в частном владении.

Широко используя иностранный опыт, Петр не только создал русский военный флот, но также способствовал распространению этого опыта в строительстве речных судов. В 1715 г. он издал указ о запрещении их строить по-старому. Между тем для строительства речных судов новых типов не было подготовленных кадров, материалов и технической базы. Так что лишь немногие из новых типов судов были освоены в петровское время, и строились они под существенным влиянием отечественных традиций. Была реорганизована система внутренних переездов и почтовой связи [*Кошман Л.В.* 1985. С. 177–197; *Марасинова Л.М.* 1985. С. 264–265, 274–275; История предпринимательства в России. 2000. С. 256–280].

Для обеспечения постоянных торговых связей России с зарубежными странами в 1707–1723 гг. была создана в западноевропейских странах сеть консульств и торговых представительств — в Амстердаме, Венеции, Гамбурге, Париже, Бреславле, Антверпене, Вене, Нюрнберге, Бордо, Кадиксе

(в хронологическом порядке их учреждения). Петр не только поощрял торговое предпринимательство российских купцов, но также наказывал своим резидентам в западных странах, чтобы они следили за ценами на предметы российского экспорта, дабы пока не налажена собственная экспортная торговля, недобросовестные западные купцы не наживались на посреднической торговле к убытку российских производителей и купцов.

Впрочем, российские торговые компании с учрежденным статусом, капиталом и привилегиями были немногочисленны до второй половины XVIII в. Торговля с Китаем находилась в государственной монополии, так что она отдавалась на откуп.

Внешняя торговля России по-прежнему обеспечивалась преимущественно иностранными купцами. Когда Петр стал указами запрещать иностранную торговлю в Архангельске для оживления балтийской торговли, прежде всего для установления связей с Петербургом, это новое направление быстро освоили англичане и купцы из других стран.

Начиная с 1713 г., после снятия шведской блокады и петровского указа о переносе иноземной торговли из Архангельска в Петербург, в новый российский столичный город все более стали приходить иноземные торговые суда. После заключения мира со Швецией в 1721 г. уже на следующий год в Петербурге побывало 104 иностранных корабля, в том числе 35 английских, 22 голландских, 27 северогерманских. Для выполнения многообразных поручений в окружении Петра находились иноземные купцы, которые осуществляли доставку из-за рубежа определенных материалов и сбыт российских товаров, финансовые операции казны, приобретение книг, приборов, инструментов, различных механизмов [История предпринимательства в России. 2000. С. 242, 244, 253, 297–298, 307–308; *Андреева Е.А.* 2008. С. 18–19].

Таким образом, новый уровень экономического развития, достигнутый благодаря максимальному напряжению сил как самого Петра, так и российского общества, позволил армии и флоту, подготовленным на высшем европейском уровне, выполнить те военно-политические и геополитические задачи, которые Русское государство не могло решить в предшествующие два столетия. После перелома в Северной войне в 1709–1710 гг. Петр мог сосредоточиться на реорганизации общественно-политического строя государства.

Во время заграничного путешествия 1697–1698 гг. и в последующей деятельности Петр познакомился с политическим устройством других стран — абсолютистских монархий во Франции, в Пруссии и мелких немецких государствах, ограниченной парламентом монархии в Англии, а также республик в Нидерландах и Венеции. Он быстро и творчески усваивал все, что могло способствовать созданию Новой России. Петр ознакомился с философскими и общественно-политическими теориями, которые обосновывали необходимость реорганизации российских средневековых начал в условиях новейшего времени. Ему были известны теории естественного права и обще-

ственного договора, сформулированные голландским юристом Гуго Гроцием (1583–1645) и английским философом Томасом Гоббсом (1588–1679), позднее переосмысленные С. Пуфендорфом (1632–1694) [см.: *Шапиро А.Л.* 1993. С. 141–153; *Анисимов Е.В.* 1997. С. 274–275; *Панченко А.М.* 2005а. С. 231; и др.]. К их восприятию Петр был подготовлен уже в Москве, посещая Немецкую слободу, жители которой на рубеже столетий были знакомы с идеями Рене Декарта и Джона Локка [*Лаппо-Данилевский А.С.* 1914. С. 5–6]. В частности, Декарт видел конечную задачу знания в господстве человека над силами природы, в открытии и изобретении технических средств, в познании причин и действий, в усовершенствовании природы человека [*Асмус В.* 1960. С. 448]. Этика Локка определяла добро как добровольное подчинение людьми своих поступков божественным и гражданским законам, общественному мнению своей страны [*Нарский И.* 1964. С. 250].

Основное содержание этих теорий сформировалось в странах, где уже сложились буржуазные отношения. Они утверждали равенство прав граждан перед законом, договорные отношения между обладателями гражданских прав, а также между парламентом, их представляющим, и главой государства — королем в Англии или штатгальтером в Нидерландах. Эти теории утверждали естественные права граждан, которые делегировали управление верховной власти. В данной связи Гоббс писал: «<...> монархия происходит от власти народа, переносящего свое право, т. е. верховную власть, на одного человека. Под этим нужно понимать, что народу предлагается один известный человек, выделяющийся из среды всех остальных своим происхождением или иными отличительными признаками, и что на него переносится по большинству голосов все право народа таким образом, что все то, что мог делать до его избрания народ, после его избрания по полному праву может делать избранный» [*Гоббс Т.* 2001. С. 115].

В Нидерландах и Англии подразумевалось, что граждане сохраняли право воздействия на верховную власть, которая должна была содействовать благу своих граждан. Но в Германии, раздробленной на многочисленные государства, в которых существовали абсолютные монархии, С. Пуфендорф переосмыслил происхождение верховной власти как богоданной. Его теория восстанавливала средневековое отношение к монархической власти как освященной. Пуфендорф считал необходимыми подчинение церкви светской власти, религиозную терпимость церкви и признание ею научных знаний, что соответствовало современным принципам экономически и социально-политически развитых западноевропейских держав. Отражением новой системы общественных отношений и политического строя в этих странах стали утверждения Пуфендорфа, согласно которым правители должны заботиться о благосостоянии народа, об издании законов в соответствии с «естественным правом».

Эти свойства концепции С. Пуфендорфа привлекли особое внимание Петра, так что он решил ознакомить с ней широкий круг образованных россиян

и направил для перевода в Синод трактат немецкого философа «о должности человека и гражданина», как Петр сформулировал его основное содержание. При этом царь потребовал, чтобы текст был переведен «внятна и хорошим штилем» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 148].

Впрочем, в условиях абсолютистских режимов в Германии идеи «естественного права» были трансформированы в теорию полицейского государства. В соответствии с ней государство во главе с просвещенным абсолютным монархом для общего блага регулирует посредством указов и полицейских властей все формы деятельности подданных и общественной жизни.

Все эти идеи были широко распространены в западноевропейских странах того времени. Вероятно, Петр и самостоятельно приходил к ним. Во всяком случае, они в значительной мере совпадали с его пониманием содержания реорганизации России. Петр не нуждался в обосновании богоданности царской власти, поскольку богоданность присутствовала в российской церковной и исторической традиции. Но он использовал этот средневековый принцип, чтобы он служил задачам Нового времени в петровских преобразованиях.

Вероятно, идеи общественного блага еще более утвердились в системе общественно-политических и философских взглядов Петра после писем к нему Г.В. Лейбница и их встреч. В одном из писем философ писал царю в январе 1712 г.: «<...> я не из тех, кто пристрастен к своему отечеству или, напротив, к какой другой нации, но я исхожу из блага всего человеческого рода, так как я считаю Небо отечеством и всех благомыслящих людей — согражданами, так что мне дороже свершить много добра (viel Guthes) у русских, чем малое — у немцев или других европейцев, хотя я и нахожусь у них в столь великой чести, богатстве и покое <...>, так как мои устремления заключаются в общем блага (Beste)» [Сборник. 1873. С. 208].

Воспринимая человечество и необходимые для него науки как единое пространство, Г.В. Лейбниц в 1712 г. обращал внимание Петра на возможность России участвовать в общем прогрессе. В качестве ближайших научных задач он отмечал: 1) сбор лингвистических материалов по древней истории и этнографии, 2) распространение христианства миссионерами, 3) содействие улучшению мореплавания посредством наблюдений над склонениями магнитной стрелки, 4) развитие астрономии с помощью астрономических наблюдений, 5) развитие естественных наук собраниями всех растений, животных и ископаемых, которые встречаются не только в России, но и в соседних с нею странах, особенно на Востоке, 6) перевод на русский язык краткого изложения всех наук и обстоятельные описания ремесел и промыслов, что будет способствовать развитию наук и искусств [Герье В. 1871. С. 189; в порядке перечисления В.И. Герье]. Особое значение придавал Лейбниц изучению Китая и тем реальным возможностям, которые для этого предоставляла Россия [Копанев Н.А. 1998].

Г.В. Лейбниц обратил внимание Петра на существенную, тогда неизученную проблему соединения Азии и Америки. В 1716 г. моряки Петр Абышков, Кондратий Мошков и другие предприняли плавание по Охотскому морю, следствием чего стала составленная ими «Карта Якутская и Камчатского Носу». В 1717 г. она была представлена Петру. Несмотря на продолжавшиеся военные действия, в 1719 г. царь направил Ивана Евреинова и Федора Лужина, чтобы те через Тобольск доехали до Камчатки «описать тамошние места». В указе им Петр подчеркнул слова «сошлася ль Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать не толко сюд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить <...>» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270, оп. 1, ед. хр. 90. Л. 7; выделенные курсивом слова подчеркнуты Петром].

И. Евреинов и Ф. Лужин не смогли установить, соединена Азия и Америка или нет. Для ответа на этот вопрос была организована в 1725 г. другая экспедиция — В. Беринга. Но они выполнили другую задачу, поставленную Петром, подготовив первую карту Сибири на основе инструментальных определений [о состоянии географических знаний, геодезии, картографии в петровское время см.: *Лебедев Д.М.* 1950; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 25–27; см. там же литературу вопроса].

Петр в полной мере оценил пользу, которую мог принести России великий ученый Г.В. Лейбниц. Он был зачислен на государственную службу в должности тайного советника юстиции, на которой он находился до своей кончины в 1716 г. В патенте о его приеме на службу было написано, что «он ко умножению математических и иных искусств и произыскиванью гисторей и к приращению наук много вспомоги может, его ко имеющему нашему намерению, чтоб науки и искусства в нашем государстве в вящей цвет произошли, употребить» [ПБПВ. 1977. Т. 12, вып. 2. С. 203].

Идеями благосостояния всего Государства, общей пользы, службы Государству всех, от царя и его детей до низших чинов должностных лиц, пронизано все петровское законодательство. Этот постоянный мотив свидетельствует о том, что Петр не только глубоко усвоил современные новейшие философские и общественно-политические идеи, но и стремился их осуществить. Поэтому, обобщая результаты титанических усилий по реорганизации страны, благодаря которой была побеждена Швеция, Петр мог сказать, обращаясь к современникам и потомкам после прочтения договора о заключении мира с грозным противником 22 октября 1721 г.: «Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, которой Бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вьне, от чего облехчен будет народ» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 156; курсив наш. — М. С.]. При этом «общее благо» распространялось не только на военные реформы, социальное и политическое переустройство, но также на экономические предприятия. Даже частный вопрос об условиях продажи тканей Петр рассматривал в контексте экономической политики в целом: «<...> понеже мы прилежное имеем о распространении в государствах наших

к *ползе общаго блага* и пожитку подданных наших, купечества, всяких художеств и рукоделий, которыми все протчие благоустроенные государства процветают и богатыся <...>» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 272; курсив наш. — М. С.; указ без точной даты, март 1718 г.].

Петр страстно желал, чтобы Россия находилась в числе «благоустроенных государств», которые процветают и «богатыся» промышленностью и торговлей. Поэтому в указе Сенату от 2 сентября 1718 г. отсутствие обводного Ладожского канала, необходимого для развития инфраструктуры внутренней системы сообщений, он охарактеризовал как «убыток общенародной» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 88. Л. 157]. «Для ползы государственной» Петр лишил своего сына права на престол, «хотя б ни единой персоны нашей фамилии по нас не осталось», уточнял он [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 168].

В соответствии с последовательно проводимой петровской концепцией государство защищало интересы народные. Но и народ должен был соблюдать интересы государственные. Без этого государство не могло осуществить свои функции. Оно стало бы бесполезно и беззащитно. Поэтому Петр был последователен в указе от 24 апреля 1713 г.: «Сказат во въсем государстве <...>, что все преступни и повъредители *интересов государственных* с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякия пошшады казнит смертью, деревъни и животы брат. <...> И для того надобно изяснит именно *интересы государственныйя* для вразумления людем» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 38; курсив наш. — М. С.].

В датированном 16 апреля 1702 г. манифесте о вызове иностранцев в Россию Петр объяснял цели своего правления как улучшение благосостояния каждого: «<...> таким образом правительствовати, дабы всяк и каждый из наших верных подданных чюствовать мог, како наше единое намерение есть о их благосостоянии и приращении усердно пещися, и потому всякия способы и пути употреблять, еже бы ко одержанию такового славного намерения каким ни есть образом служить могло». Средствами для такого общественного блага он указал не только увеличение и расширение торговых связей, но также «внутреннее безопасение нашего государства утверждати, и оное от всяких опасных случаев, чем благосостояние общия пользы разрушено быти может, упредить». Но, по убеждению царя, необходимое для этого «правительства состояние» и «вящее обучение народа» возможны в России лишь в постоянном взаимодействии «со всеми иными христианскими и во нравех обученными народы», т. е. с народами на современном уровне общественно-политического развития и культуры. Поэтому, разъяснял он своим подданным, «чего ради мы все к такому благополезному делу потребные и служащие учреждения и предуготовления, како время и случай подавал, досюду в наше государство ввели и то впредь, милостью и вспоможением Вышшаго, продолжати намеряли есмы».

В отличие от прежнего конфессионального и культурного противопоставления России другим европейским странам Петр сформулировал концепцию ее принадлежности к европейскому культурному пространству в целом. Он без обиняков указывал, что усвоение иноземного опыта, прежде всего в военном деле, необходимо для территориальной целостности России, для ее защиты от нападений врагов. Только так можно вернуть те земли, которые были отторгнуты враждебными ей государствами. Все это должно было разъяснить подданным решительный отказ Петра от политики своих предшественников по отношению к иностранцам: «Не безвестно есть, коим образом мы давно старую обыкность, по которому выезд сюда иноземцам не вовсе свободен был, отставили и оное при нашем государствовании отложили». Разумеется, такая свобода въезда предоставлялась профессионалам — офицерам, купцам, «художникам», т. е. мастерам своего дела.

Для поощрения столь необходимых для ускоренного развития России поездок иностранных специалистов Петр не только последовательно осуществлял свободу вероисповедания — «свободное отправление веры всех», но и формулировал ее в категориях свободы совести: «<...> како мы при данной нам силе от Всевышшаго принуждения над совестью человеческими себе не восприемлем и охотно соизволяем, да каждый христианин на собственный свой ответ о попечении спасения своего трудится, тако мы будем накрепко то повелевати, дабы по прежнему обыкновению никто в вышепомянутом своем как явственном, так и приватном отправлении веры препятія не имел, но при том отправлении от всякого обезпокоивания оборонен и притом содержан был». Поэтому он разрешил находиться пасторам в тех воинских частях, где служит много иностранцев, а также строить «кирхи» [ПБПВ. 1889. Т. 2. С. 45–48].

Темы свободы католического исповедания и строительства католических церквей вскоре нашли продолжение и развитие в годы Северной войны в связи с органичным включением России в европейскую систему политических отношений, в частности вследствие союза Петра с курфюрстом саксонским и королем польским Августом Сильным. Так что Петр в 1705 г. подтвердил свое отношение к этим вопросам, разрешив контролируемый проезд католических миссионеров по российским землям: «<...> именем его царского величества есть объявлено, что управления и употребления веры католической на столице и повсюду в государствах своих не запрещает и запрещати не будет; также и свободное костелов каменное строение охотно его царское величество позволяет для лучшей к себе Речи Посполитой склонности, и миссионаром, от монархов христианских посланным, волной чрез государства свои дает проезд, которые должны будут пашпорты брать ис канцелярии Посолской его царского величества <...>» [ПБПВ. 1912. Т. 6. С. 261–262].

Проблема свободы вероисповедания была решена Петром в соответствии с принципами Нового времени и при установлении династических союзов. В договоре о бракосочетании в 1711 г. царевича Алексея Петровича

и принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской Петр соглашался со свободой исповедания в лютеранской «евангелической вере» невестки и сопровождавших ее лиц [ПБПВ. 1962. Т. 11, вып. 1. С. 205]. Но выдавая в 1710 г. замуж свою племянницу Анну Ивановну за герцога Фридриха Вильгельма Курляндского, он настаивал, чтобы царевна «с своими домовыми служителями» сохранила православие [ПБПВ. 1956. Т. 10. С. 314]. На свободе вероисповедания настаивал Петр и во время обсуждения вторичного брака овдовевшей Анны Ивановны с герцогом саксен-мейнингским Эрнстом-Людвигом в мае 1713 г. При этом данное требование было указано в проекте брачного договора первым: «Его царское величество требует, чтоб: 1. Ее высочеству со всем ея российским двором свободное и без препятствия отправление веры, хотя и не в публичных церквах, однакож в ея полатах весьма позволено было» [ПБПВ. 1992. Т. 13, вып. 1. С. 167].

В отличие от французского короля Людовика XIV, который отождествил себя и государство, Петр служил Государству, объединяющему всех россиян, для их блага. Поэтому, как написал Феофан Прокопович, он обращался к российскому войску перед решающим Полтавским сражением, от которого зависело многое — «или пропасть весма, или в лучший вид отродиться России». Российские воины должны были сражаться «не за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский». И в этом обращении он вернулся к идее общего блага, говоря о себе в третьем лице: «А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние» [ПБПВ. 1950. Т. 9, вып. 1. С. 226]. Вне зависимости от степени аутентичности этого текста Прокопович выразил основное в отношении Петра к Государству — служба Государству для общего блага.

О том, что это был жизненный принцип Петра, свидетельствует его запись о Полтавском сражении в коллективно подготовленной, но не изданной при его жизни «Гистории Свейской войны»: «<...> ибо государь в том нужном случае за людей и отечество, не щадя своей особы, поступал как доброму приводцу надлежит, где на нем шляпа пулею прострелена» [Сборник документов по истории СССР. 1973. Ч. 5. С. 112].

Того же Петр требовал от своих подданных, приносивших государственную присягу (утверждена 2 марта 1711 г.) — исполнять «во-первых, верность моему государю и всему государству; второе, правду, правый суд как между народом, так и в деле государственном; третье, в збиании казны и людей, и протчего всего, чего государя моего и государства сего интересы требуют <...>» [ПБПВ. 1962. Т. 11, вып. 1. С. 98].

В соответствии с философскими и общественно-политическими теориями Нового времени для Петра главным субъектом в России являлся не государь, а Государство. В своем разъяснении Сенату от 24 апреля 1713 г. он требовал жесточайших наказаний за преступления против «интересов го-

сударственных» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 38]. В соответствии с этими принципами он стремился создать в стране основы новой государственности, в которой определяющее значение имеет не воля власть имущего, не судейский произвол, а закон. Поэтому Петр издал 17 апреля 1722 г. указ Сенату, в котором обращал особое внимание на исполнение законов и на недопустимость обращения с ними как картежники с картами: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писат, когда их не хранить, или ими играт, как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть, и зело тшцатся всякие мины чинить под фортецию (т. е. крепость. — М. С.) правды <...>» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 107].

Интересы Государства настолько превосходили для Петра все прочие обстоятельства, что он издал 17 мая 1722 г. указ, в соответствии с которым духовным лицам следовало сообщать светским властям о злоумышленниках, которые открывались на исповеди в своем намерении в настоящем или будущем совершить политические преступления, измену Родине, бунт против государя и государства.

Осуществлением принципа «надлежит трудиться о ползе и прибытке общем» стал второй период реформ Петра. После Полтавской победы и перелома в Северной войне он мог сосредоточиться на преобразовании общественно-политических институтов Российского государства, что в значительной мере активизировало в нем формирование новой интеллектуальной среды.

Реформирование царской власти Петром выразилось в двух, казалось бы, противоположных векторах. С одной стороны, создание абсолютной власти монарха, которому иерархически подчинены все государственные институты. С другой стороны — постоянное нахождение царя среди всех слоев российского общества, кроме крепостных. Он находился в среде мастеровых и солдат, офицерского корпуса и высших должностных лиц. Такое постоянное место государя в среде своих подданных позволяет предположить, что, выстраивая новую общественно-политическую структуру Российского государства по модели современного абсолютистского государства, Петр максимально приближал прямое верховное управление для его максимальной эффективности к государственным и общественным институтам на всех уровнях, тогда как эти институты должны были такому правлению способствовать. При этом Петр всячески побуждал и чиновников, и всех своих подданных к творческой активности, но также требовал исполнения правительственных решений. При таком единстве индивидуального начала и государственного большое значение приобретал нравственный принцип. Он был сформулирован Петром в указе от 16 июля 1721 г. лаконично и выразительно: «Должность всякого есть свое звание прилежно исполнять» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 98. Л. 23].

Сам Петр являлся примером особого поведения главы государства в эпоху преобразований — в достижении поставленных целей он разделял с народом все его трудности. Отсюда — его образ жизни, одежда, быт, система поведения.

Такие философские и общественно-политические идеи, новейшие принципы основ регулярного государства должны были быть соотнесены с новыми органами управления и с новым образом жизни. Они определили содержание дальнейших государственных и общественных преобразований. В 1711 г. Петр заменил реально прекратившую существование в его царствование боярскую Думу Правительствующим Сенатом, коллективным институтом, первоначальной обязанностью которого являлось исполнение функций управления во время отсутствия царя — участия в военных действиях и пребывания за границей. Сенат стал высшим после царя учреждением в делах государственных, гражданских и судебных, в контроле над доходами и расходами казны и т. д. [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 197–200; *Анисимов Е.В.* 1997. С. 240–270].

Небольшой по численности Сенат, состоявший из девяти членов и одного обер-секретаря, был назначен Петром не по принципу знатности и родovitости, как в XVI–XVII вв. составлялась Дума, а в соответствии с определяющим петровским началом службы Государству.

По шведскому образцу, но в приспособленном к российским условиям виде, при Сенате был создан фискалитет для юридического, административного и судебного надзора в гражданских, военных и церковных учреждениях. Обер-фискал назначался царем и ему подчинялся. С 1722 г. фискалитет был подчинен обер-прокурору.

В 1721 г. патриаршество было заменено высшим коллективным органом управления — Синодом. Эта реформа отменяла средневековую «симфонию» светской и духовной власти и превращала Русскую Православную Церковь в государственный институт.

В соответствии с принципами государственного устройства современных европейских государств Петр учредил в 1720 г. вместо средневековых по происхождению приказов девять коллегий — «Иностранных дел, Камор (финансов), Юстиц, Ревизион, Воинская, Адмиральтейская, Комерц, Штатс-Кантор, Берг- и Мануфактур-Коллегии». Их функции и структура были конкретно обозначены в «Генеральном регламенте». Число коллегий увеличилось со временем до двенадцати. В течение десяти лет, в 1719–1728 гг., была введена современная единая подушная подать, взимавшаяся со всех лиц мужского пола податных сословий, что значительно увеличило податную часть государственного бюджета, содействовало прикреплению налогоплательщиков к тяглу, государственному контролю над ними и введению системы паспортов. Коллегии функционировали в качестве основы центрального государственного аппарата все XVIII столетие, тогда как подушная подать в качестве основного прямого налога была отменена только в конце XIX в.

В 1722 г. Петр создал систему прокурорского надзора над работой государственных учреждений во главе с генерал-прокурором П.И. Ягужинским.

Новой структуре государственных институтов соответствовала реорганизация в 1708–1710 гг. территориального деления страны по губерниям, во главе которых находились губернаторы, обладавшие высшей местной административной, финансовой, судебной и военной властью. Они подчинялись только царю и имели свой штат для исполнения властных функций. В 1712–1715 гг. огромные по территории губернии начали подразделяться на провинции и входившие в их состав уезды, что создавало жесткую иерархическую систему прямого государственного управления. Вследствие еще не разработанной финансовой системы губернии стали также основой прямого губернского финансового и материального обеспечения расквартированных в них полков.

Большое значение имело массовое подключение Петром дворянства к процессу преобразований. В средние века дворяне служили князю, исполняя военные, административные и судебные обязанности, получая за службу отчисления от податей, штрафов, пошлин, условные земельные владения на время службы. Приобретали дворяне и собственные земельные владения — вотчины, которых лишить князю с прекращением ему службы было нельзя. В XVII в. дворяне все более оседали в своих вотчинах и поместьях, избегая службы государю и обучения. Так что основанием для поместных земельных владений становились лишь военные и государственные заслуги предков, их служба великому князю или царю.

Для того чтобы выйти из средневекового состояния, Россия нуждалась в многочисленных образованных специалистах и офицерах. Поэтому Петр стал подчас принудительно отправлять для обучения и профессиональной подготовки значительное число юношей из знатных и дворянских фамилий преимущественно в передовые в военно-техническом отношении страны, в Голландию, Англию, Францию. В списках этих юношей все перечислялись как равные, без указания княжеского титула, если такой юноша происходил из княжеского рода. Этот принцип должен был подчеркивать новое начало в Российском государстве — равенство перед законом и волей государя всех, от разночинцев до древней по происхождению титулованной знати.

Что касается прочих дворянских отпрысков, то Петр принуждал их учиться под угрозой запрещения жениться, как следует из указов 1714 г.: «Послать во все губернии по нескольку человек из школ математических, чтоб учить дворянских детей, кроме однодворцов приказного чина, цыфири и гиометрии и положить штраф такой, что не вольно будет женитца, пока сего выучитца. И для того о том к архиреям о сем, дабы памятей венчалных не давали без соизволения тех, которым школы приказаны» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 75. Л. 38, 104].

Указом о единонаследии 1714 г. Петр уравнивал вотчины и поместья, принося дворян, не обладавших правом наследования, к государственной

службе или предпринимательской деятельности. Для контроля над всеми дворянами Петр поручил в 1722 г. герольдмейстеру С.А. Колычову «всего государства всех дворян списки иметь». Прекрасно зная состояние российского дворянства, Петр указывал Колычову, чтобы он для пользы государства принуждал дворян к образованию и к службе: «И понеже здесь еще учении не гораздо вкоренились, паче же в гражданских делах, а особливо во экономических делах почитай ничего нет, того ради пока академии исправятся, учинит ему краткую школу». Третью часть «от всякой знатных и средних дворянских фамилии» следовало обучать «экономии и гражданству». Петр знал, что дворяне стремятся избежать этих государственных обязанностей, а потому наказывал, чтобы они «под именем малых дел по городам не укрывалис <...> под штрафом натуральной или политической смерти».

Исходя из определяющих принципов служения Государству, а также учитывая особенности состояния дворянского сословия, Петр предпринял решительные меры по его реформированию. В соответствии с изданным в 1722 г. законом «Табель о рангах» основой высокого социального статуса становился не средневековый принцип происхождения, а служба. Поэтому аристократия формально становилась такой же составной частью дворянства, как и его низшие слои. С другой стороны, дворянство становилось открытым сословием, а государственная служба — средством вертикальной мобильности, поскольку, по петровскому закону, личное дворянство жаловалось с 14 класса, наследственное — на военной службе с 12 класса, а на гражданской — с восьмого. Дворянство стало пополняться талантливыми и трудолюбивыми разночинцами, для которых при Петре были доступны высокие государственные должности. Таким образом, в «Табели о рангах» в полной мере выразились петровские идеи общественной пользы и государственного блага [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 197–204, 353–355, 482; *Софроненко К.А.* 1961; *Федосов И.А.* 1987. С. 9–14; *Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г.* 1987. С. 51–76; *Шульгин В.С.* 1987. С. 357–365; *Анисимов Е.В.* 1982; 1997; *Власть и реформы.* 1996. С. 113–152].

Вероятно, эти идеи уравнивания людей всех сословий перед Государством и законом, приоритет службы Государству перед знатностью и богатством выразились также в петровском указе от 11 декабря 1717 г., в котором «объявлено, дабы никакого золота и серебра не носить, дабы напрасного убытку люди не имели, а особливо в нынешнее время войны» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 43]. Сохранение экономической стабильности хозяйств знати и дворянства, которые не должны были истощаться денежными тратами на дорогостоящие туалеты, видимо, лишь внешний повод для выражения основ идеологии петровского правления. Если допетровский боярский костюм, сохранявший русские средневековые традиции, был символом богатства, современный дворянский костюм петровского времени — символом принадлежности к высшему светскому сословию, то цитированный указ от 11 декабря от 1717 г., как представляется, должен был в символической

значимости костюма сблизить людей разных сословий в службе Государству. Таким идеальным выражением их уравнивания являлся армейский мундир. В гражданской одежде Петр постоянно показывал пример скромности, одевая украшенные дорогим шитьем камзол и кафтан лишь во время государственных приемов.

Петр указывал в изданных им указах, законах, уставах, в переписке в связи с их подготовкой, что он и лица, которые были заняты в написании проектов, учитывали в них опыт соответствующих материалов, преимущественно английских, французских, шведских, голландских, немецких, датских. В частности, при подготовке в 1718 г. морского устава Петр написал сам о конкретном сопоставлении соответствующих норм в разных странах: «Сие выписать из аглинских, французских, датских, шведских и галанских уставов и привести по пунктно о каждой материи, зачав английским, а ко оному ис протчих приводить в обеих книгах <...>» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 292; *Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 57].

Исследователи постоянно обращали внимание на эти факты, как в равной мере и на то, что такое использование западного опыта могло повторяться и быть творчески переработанным. Эти переработки осуществлялись самим царем, который в случае необходимости учитывал результаты коллективного обсуждения. Показателен в последней связи указ Петра от 9 мая 1718 г. о сопоставлении ведения дел юстиц-коллегии по русскому Уложению и шведским законам: «Из уложения и уставов шведских, что касаетца до юстиц-коллегии, те дела исправлять в коллегии, а которые государственныя разпорятки <...>, то выписывать и приносить в Сенат, где надлежит спускать с рускими обычаями, что может быть по старому и что переменить, то все ставить на мере в Сенате и изготовить к будущей осени в доклад» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 390; курсив наш. — М. С.; см.: *Маньков А.Г.* 1970. С. 112–126].

В исследовательской литературе было отмечено, что при реорганизации государственных учреждений Петр учитывал преимущественно шведский опыт. Ему были близки их определяющие принципы специализации центральных учреждений, распространение функций на всю страну, коллегиальность управления, регламентация обязанностей чиновников, устойчивые штаты служащих, получавших фиксированное денежное жалование [*Троицкий С.М.* 1977. С. 67–75; *Власть и реформы.* 1996. С. 129–130; *Анисимов Е.В.* 1997. С. 116–142].

Петровские реформы создавали в России два, казалось бы, противоположных процесса. С одной стороны, сверху вниз выстраивалась новая вертикаль правительственных учреждений, которая обеспечивала систему прямого государственного управления страной самодержавным монархом. На эту сторону деятельности Петра исследователи постоянно обращали внимание, указывая как на ее негативный результат на бюрократизацию

государственного аппарата и всемогущие бюрократии со всеми отрицательными следствиями этого явления. Но с другой стороны, последовательно проводимые Петром принципы естественного права, общественного договора и государственной пользы создавали условия для формирования в разных слоях социально активного населения новой идеологии — не службы государю, а служения Государству. В этих обстоятельствах государь и Государство в общественном сознании отождествлялись. Происходил двуединый процесс создания основ аппарата государственного управления, свойственного Новому времени, появления начал служения обществу и Государству, осознания особого значения социально активного поведения.

Видимо, эти процессы наиболее полно выразились в принятии Петром титула «Отца отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого». Присвоение Петру титула «император» и тем самым превращение Российского царства в империю завершало на высшем уровне создание новой системы государственного управления. Но, с другой стороны, этот титул предлагался царю Сенатом, высшим органом гражданского управления, что символизировало представление им интересов всех россиян. Поэтому для историко-идеологического обоснования «Представления» Сената о новом титуле царя в системном продолжении культуры классицизма авторы прошения обратились к античной традиции «с прикладу древних, особливо ж римского и греческого народов». Вместо средневековых генеалогических легенд о родстве русских царей с Августом-кесарем авторы «Представления» обратились к античному историческому опыту наделения героя императорским титулом как признания побед (в данном случае — в Северной войне) и признания высшего статуса самодержца (конкретная ситуация в России начала XVIII в.). Поэтому сенатское «Представление» начиналось традиционно для российской действительности, обозначая верховное положение царя и самодержца — «Понеже труды Вашего Величества в произведении нашего отечества и подданного Вашего всероссийского народа всему свету известны, того ради, хотя мы ведаем, что В. В. яко самодежду вся принадлежит». Но завершалось оно не по древнеримской модели, а по ее подобию, трансформированному в соответствии с эстетикой классицизма эпохи абсолютистских режимов в Европе конца XVII — первой половины XVIII в. — «по нашем всеподданнейшем благодарении за исходатайствование оного мира [в Северной войне], принесть свое прошение к Вам публично, дабы изволили принять от нас, яко от верных своих подданных, во благодарение титул <...> как обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены и на статуях для памяти в вечные роды подписываны» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 155].

Все эти и многочисленные другие преобразования создали в России новую государственную систему, соответствующую требованиям XVIII столетия, но сохранившую основы средневекового общественно-политического

стройка — самодержавие монархической власти, сословный строй и крепостное право. Эта новая система позволила России решить те необходимые для нее геополитические задачи, которые она не могла выполнить при ее прежнем устройстве — укрепить военную безопасность и обеспечить территориальную целостность, обеспечить выход страны к Черному и Балтийскому морям, что определило основные направления ее последующей внешней политики, обеспечить активную балтийскую торговлю. Петровские преобразования с их последующими коррективами и дополнениями, особенно их продолжение в правление Екатерины II, создали условия для существования и развития российской государственности в XVIII в., воссоединения территорий, составлявших до XII в. «Русскую землю» и завоеванных в XIV в. ее западными соседями.

Венчало эту систему реформ создание Петром основ современного светского школьного и специального образования, а также основание Академии наук.

По мнению Петра, образование должно было не только делать людей грамотными. Оно должно было подготовить их к осознанному бытию в системе Государства и нравственных отношений между людьми, к «познанию Бога и своей должности в гражданском житии» [здесь и далее текст «Регламента Главного магистрата» по шестой редакции Е, отредактированной Петром, см.: *Воскресенский Н.А.* 1942. С. 65–66]. Ранее исследователи анализировали результаты этой политики Петра в создании школ разных уровней подготовки, центров профессионального образования, в создании Академии наук и в ее структуре. Но при этом не уделялось внимания анализу петровских идей об особом значении образования. Между тем, они последовательно выражены в подготовленном под руководством Петра «Регламенте Главного магистрата», подписанном царем 16 января 1721 г. Петр не только контролировал содержание его текста, но также активно участвовал в редактировании всех его шести редакций.

Очень важен характер редактирования царем текста «Регламента», которому он придавал недвусмысленную определенность. В нем выражено крайне отрицательное отношение к людям необразованным, которые несут угрозу обществу и Государству. Для их характеристики Петр не жалел бранных слов (в скобках приведены зачеркнутые царем слова, курсивом выделено написанное им): «(Покамест) школы в (каком) *котором* государстве не (определены) *учреждены* и во употребление *не* приведены (не будут), и малолетные дети, (аки) *яко* скот, возрастают, *тогда мало возможно* от жителей (той страны) *той земли* или города (вelmi мало о добре есть надежды) *доброго уповат*, понеже без учения никакой человек не может знать, како ему *надлежит пред* Богом *пред* (своему) началств(у)ом *своими* родител(ем)и и учите(ем)ли своим(ъ)и, со христианоми (и себе самому служить) *поступат*. Колико (же) в (сих таких) обучениях (есть недостаток) *он таковой науки не имеет, толико* такой человек (безсловесным) *несмысленному* скот(ом)у есть еще (у)подобен».

Образование людей несет благо стране, отношениям между людьми и государственным отношениям в целом. Обобщая эти положительные следствия, «Регламент», отредактированный Петром, утверждал: «(Вкратце объявит) *Единым словом* академии и школы *сочиняют* новой народ и новой свет, как мы во многих иных европейских нациях видим <...>». Эта фраза по внешнему выражению соотносится с изречением митрополита Илариона «В слове о Законе и Благодати» по поводу крещения людей русских за, приблизительно, 670 лет до написания «Регламента Главного магистрата»: «Лепо бе благодати и истине на новы люди всьяти» [*Иларион митрополит*. 1997. С. 38]. Но определяющая причина преобразования стала иной. Впервые в начале XVIII в. благодатью и истиной стали считать просвещение, которое создает «новый народ».

Для доказательства этой мысли Петр и его сподвижники указывали на западноевропейские «народы», «которой прежде 500 (лет еще едва не все) *годами болия часть*, а прежде 1000 (лет) *годами* еще все между варвар(ы)ами (из) числялися», т. е. тысячу лет назад все они считались «варварами», а пятьсот лет назад — бо́льшая их часть. Авторы «Регламента Главного магистрата» достаточно точно указали, что «варварство», под которым подразумевалось в это время средневековье, лишь в немногих странах, прежде всего в Италии, Франции, Англии, начало преодолеваться в XIII в. с развитием ремесла и торговли, городов и городской культуры, с появлением в этих странах первых университетов.

Но данное историческое обоснование авторы сочли недостаточным. Истинность того, что «академии и школы сочиняют новой народ и новой свет», в чем Петр к 1721 г. уже многократно убедился, авторы «Регламента» подтвердили и современным опытом. Петр отредактировал данный текст следующим образом: «(И сие) *Сей* есть славнейших пункт (от всея) всей поли(тики) *цей* и (главнейшая) *единая из главных* должност(ь)ей высоких правителей».

Такое понимание особого значения для России образования и, шире, просвещения было свойственно Петру все время его правления. Со временем оно развивалось и углублялось, обогащенное его личным и международным опытом.

Уже в 1698 г. создана первая школа «цифири и земледелия». В 1701 г. в Москве были открыты всесословные «Школа математических и навигацких, т. е. мореходных хитростно наук учению» («Навигацкая школа») и Артиллерийская школа, а при Московском военном госпитале — Медицинская школа. Учащимися последней становились по указу Петра ученики Славяно-греко-латинской академии, которые знали необходимый для врачебной профессии латинский язык. В «Навигацкой школе» в 1710 г. было около 500 учащихся. Они становились моряками, артиллеристами, геодезистами, инженерами, учителями «цифирных» школ.

В 1715 г. создана Морская академия в Петербурге. В нее были переведены из Москвы старшие классы «Навигацкой школы» и ее преподаватели

А.Д. Фарварсон (Г. Фархварсон) и С. Гвин. Но сама школа была оставлена в Москве и стала подготовительной [Гузевич Д., Гузевич И. 2008а. С. 101]. Первоначально все сословная московская Инженерная школа стала базой созданной в 1723 г. в Петербурге Инженерной школы. В Морской академии, а также в старших классах Инженерной и Артиллерийской школ обучали только дворянских детей.

При заводах в Олонце и на Урале было основано в 1716 и 1721 гг. несколько Горных школ.

Для технических и военных учебных заведений преподаватель «Навигацкой школы» Л.Ф. Магницкий издал уже в 1703 г. «Арифметику» — замечательное для своего времени учебное пособие по математике, геодезии, навигации и практической астрономии.

С 1703 г. в Москве юноши обучались в Академической гимназии пастора Э. Глюка для подготовки переводчиков и чиновников в Посольском приказе и позднее — в Иностранной коллегии. Гимназистов учили в ней преимущественно древним и современным иностранным языкам. После смерти Глюка программа обучения философии, географии, математике, физике, риторике продолжения не нашла, но в качестве особых предметов были добавлены танцы, фехтование, верховая езда и выездка лошадей. В 1710 г. гимназия была разделена на четыре школы — немецкую, французскую, латинскую, шведскую. Но в 1715 г. они были закрыты, а учителей и часть учеников перевели в петербургскую Морскую академию. С 1721 г. учеников начала воспитывать созданная Феофаном Прокоповичем школа, многозначительно названная «Питергартен» — «Петровский сад».

Грамотное белое и черное духовенство подготавливали «школы латинские и греческие», в которых предпочтительное право обучения имели дети священников и дьяконов. С 1714 г. при крупных монастырях и архиерейских домах создавались и содержались все сословные «цифирные школы», где обучали арифметике и началам геометрии. После смерти Петра Великого их ученики из духовного сословия были переведены в епархиальные духовные школы, тогда как солдатские дети — в школы гарнизонные и солдатские [Фруменкова Т.Г. 2003. С. 136–143].

В результате целенаправленной политики Петра по созданию в России системы начального образования и профессиональной подготовки по приближенным подсчетам в 1727 г. существовало около 80 учреждений, в которых обучалось до 5000 человек. Несмотря на недолговечность некоторых из учебных заведений и недостаточный уровень образования в них, были заложены основы той системы, которая имела возможности дальнейшего развития и обеспечивала потребности страны в образованных людях на начальном этапе России Нового времени. Значительным был процент грамотности среди приказных людей, офицеров и сержантов [Луппов С.П. 1973. С. 11–43, 53; Белявский М.Т. 1987. С. 259–264; Уткина Н.Ф. 1988. С. 8].

Но России, быстро развивавшейся в правление Петра, профессионально подготовленных людей постоянно не хватало. В продолжение всего его царствования из разных стран приглашались специалисты, которые по условиям контракта должны были подготовить также определенное количество российских учеников. Поэтому в 1717 г., через 20 лет после начала преобразований, Петр должен был предоставить особые полномочия барону Людвигу фон Люберасу для привлечения западных специалистов: «Понеже мы всемилостивейшее намерены некоторых искусных и способных людей, дабы оных в наших гражданских делах употребить, также некоторых фабрикеров, художников и ремесленных людей в нашу службу принять, того ради мы нашему тайному советнику барону фон Люберасу комиссию и полную мочь дали таковых способных людей и особ в нашу службу принимать и кондиции с оными учреждать и заключать, еже все от нас апробовано и за благо принято будет» [Бычков А.Ф. 1872. С. 43]. Проблема подготовки специалистов высшего уровня оставалась для России по-прежнему актуальной.

Петр осознал, что подготовка профессионалов в стране, скорейшее распространение новейших научных и практических знаний невозможны без распространения научной и технической литературы. Невозможно формирование слоя образованных людей и без распространения современной художественной литературы.

В конце XVII в. существовавший в Москве Печатный двор издавал книги преимущественно богослужебные и религиозного содержания шрифтами, близкими к средневековому полууставу. Поэтому он не мог выполнить стоявшие перед страной задачи распространения научных и технических знаний. Прекрасно зная возможности отечественного издательского дела, в 1700 г. Петр предоставил монопольное право на 15 лет амстердамскому типографу Яну Тессингу издавать и продавать в России «земные и морския картины и чертежи, и листы, и персоны, и математическия, и архитектурныя, и городостроительныя и всякия ратныя и художественныя книги на Славянском и на Латинском языке вместе, тако и Славянским и Голанским языком по особну, от чего б нашего царского величества подданные много службы и прибытка могли получитьи и обучатися во всяких художествах и ведениях <...>». В последующем тексте конкретизировалось, что «земныя и морския картины и чертежи» — «Европейския, Азиатския и Америцкия». Право печатать «книги церковныя Славянския Греческия» царь сохранял за московскими типографиями [ПБПВ. 1887. Т. 1. С. 328–329]. Уже в начале своей преобразовательной деятельности Петру были очевидны самые необходимые потребности страны в современных книгах и картах. При этом русская книжность должна была стать органической составной частью книжности общеевропейской, включавшей латинский язык как язык международного научного сообщества и общения.

Петр не придавал значения тому, на каком европейском языке книги написаны. Он считал, что современным русским грамотным людям эти книги должны быть доступны. Главное их достоинство, по его мнению, — высокое качество. Поэтому он указывал князю Б.И. Куракину в 1707 г.: «По получении сего письма купить новых и лучших архитектурских книг [хорошо б на Латинском языке, а буде не сыщешь, то на каком ни будь], також и фортификации разных авторов; и, купя, выслать <...>» [ПБПВ. 1907. Т. 5. С. 283]. Но для того, чтобы содержание этих книг быстро осваивалось широким кругом российских читателей, Петр всячески способствовал переводу иностранных книг на русский язык, настаивая, как отмечено ранее, на качестве перевода, который должен был быть ясным и точным.

Необходимой составляющей новой грамотности и книги в России должен был стать новый алфавит, освобожденный от средневековых традиций. В издательской практике 1707–1709 гг. Петр обращал внимание на существенное упрощение графики букв, уменьшение их размера, что увеличивало количество текста на странице и облегчало его прочтение. В специально для Петра напечатанном «Изображении древних и новых писмен славенских, печатных и рукописных» он выбрал наиболее простые из них и изящные в своей графике, указав при этом: «Сими литеры печатать исторические и мануфактурныя книги. А которыя подчернены (т. е. вычеркнуты. — М. С.), тех [в] вышеписанных книгах не употреблять» [ПБПВ. 1956. Т. 10. С. 27]. Датировано было это указание 29 января 1710 г.

Гражданская азбука являлась таким же знаковым событием в создании российской новой культуры и государственности, что и другие петровские преобразования. Она сделала возможной массовую публикацию книг светского содержания.

Значительно активизировалась издательская деятельность в самой России. Уже в 1705 г. в Москве была учреждена для издания светских книг типография В.О. Киприанова. Ее деятельность находилась под контролем сподвижника Петра Я.В. Брюса. Московский Печатный двор продолжал свою деятельность. По петровскому указу от 29 октября 1710 г. была создана Петербургская типография, в которой в 1721 г. работало пять станов только гражданской печати. Типографии были организованы также при Сенате для публикации правительственных документов, при Александро-Невской лавре и Морской академии. Продолжали издательскую деятельность типографии в Киеве и Чернигове. Существовали типографии также в Риге и Ревеле. В 1721 г. контроль над деятельностью российских типографий был передан Синоду, но типографии Сената, Морской академии и прибалтийские реально находились вне его ведения.

Если в 1701 г. было издано 8 издательских единиц, то в 1724 г. — 149. Особо активизировалась издательская деятельность после введения в 1708 г. гражданского шрифта и с 1714 г. — с началом книгопечатания в Петербургской типографии.

Хотя книгопечатание в России испытывало определенные трудности с финансированием, цензурным контролем, распродажей тиражей и т. д., оно создало в первой четверти XVIII в. обширную и многообразную в своем составе библиотеку оригинальных и переведенных книг по военному делу, навигации, кораблестроению, по естественным наукам, математике, механике, технике, астрономии, географии, по гуманитарным дисциплинам, истории, филологии, политике, юриспруденции. Издавались не только книги, но также карты и гравюры [Луннов С.П. 1973. С. 55–107]. В значительных количествах в Россию ввозились книги на иностранных языках [Копанев Н.А. 1988. С. 24–28].

В петровское время работали 69 переводчиков, происходивших из разных сословий. Одни являлись профессионалами, другие занимались переводами «по случаю». Показательно значительное число тем в изданных переведенных книгах с 1708 по 1724 г.: математика и механика — 11, география, астрономия, геодезия — 12, календари — 38, навигация, кораблестроение, техника организации тылов — 35, гидротехника, технология, медицина — 7, фортификация — 14, артиллерия — 5, организация войск — 15, архитектура, садоводство — 5, педагогика, словари — 15, история, философия, литература — 34, геральдика, воспитание, церемониалы, пиротехника, которая имела в XVIII в. церемониальное и воспитательное значение, — 48, дипломатия, международные отношения — 19, правоведение — 62 [Gouzevitch I. 2006. P. 841–862].

Такие качественные изменения в создании в России современной книжной среды были возможны лишь вследствие целенаправленной политики Петра, который знал и любил книгу. Насколько хорошо Петр овладел книжным делом, свидетельствует его письмо от 4 января 1709 г. И.А. Мусину-Пушкину, тогда руководителю Монастырского приказа, в ведении которого находились московский Печатный двор и его продукция. В связи с присланными Мусиным-Пушкиным книгами он писал: «Но печать во оных книгах зело перед прежнею худа, не чиста и толста, в чем вам надлежит посмотреть гораздо, чтоб так хорошо печатали, как прежние <...>. Також и переплет против оных же, ибо нынешней присылки переплет очень дурен, а паче всего дурен оттого, что в кореню гораздо уско вяжет, отчего книги таращатца, и надлежит гораздо слабко и просторно в кореню делать. Також и в купорштихерсе (т. е. в гравюрах. — М. С.) — знать, что спешено (т. е. поспешно. — М. С.), — не гораздо чисто. В Римплеровой (имеется в виду книга Г. Римплера «Римплерова манира о строении крепостей». — М. С.) чертежи вели впредь переплетать к задней доске все <...>; также несколько книг <...> вели напечатать и переплесть столь велики, каковы велики фигуры, чтоб не згибая оныя были в книге». Эти и последующие полиграфические пожелания Петра свидетельствуют о том, что он являлся не только знатоком книжного дела. Он любил книги и хотел, чтобы они были максимально удобны в постоянном обращении.

Петр желал, чтобы новая для России печатная продукция входила в ежедневную жизнь грамотных россиян всех сословий. Поэтому в том же письме И.А. Мусину-Пушкину он указал, чтобы тот прислал в действующую армию, где тогда находился царь, полторы–две тысячи календарей, «дабы возможно афицером на каждой день приписывать свои дела, и человека, кому продавать (зело охотно купят); а на Москве, також и по городам вели продавать» [ПБПВ. 1950. Т. 9, вып. 1. С. 12–13].

Показателем нового культурного уровня и образования россиян стали частные библиотеки.

Библиотека Петра, к которой была присоединена библиотека его любимой сестры Натальи Алексеевны после ее кончины в 1716 г., состояла, по подсчетам С.П. Луппова, из 1621 книги, 1351 карты, чертежей и иллюстраций. Их преобладающее большинство было посвящено естественнонаучным дисциплинам, технике и военному делу: морское дело и кораблестроение (202), военное дело (166), техника (38), математика, физика, химия (48), география, космография, атласы (143), архитектура, садово-парковое дело (109). В меньшей мере, но значительным, был интерес Петра к гуманитарным дисциплинам и литературе: история, геральдика (149), лексиконы, грамматики и пр. (19), политика (19), нравоучительная литература и образцы писем (26), юридические дисциплины, экономика, финансы (24), научная периодика (10), художественная литература (65), прочая светская литература, календари, азбуки, верховая езда, охота, фехтование, музыка и т. д. (36). В библиотеке Петра находилось также значительное число книг религиозного содержания — 303.

Немногим более половины книг составляла русская литература (847). На французском языке книг было 151, на немецком — 144, на голландском — 104, на латинском — 69, на польском — 45, на итальянском — 26, на английском — 15, на греческом — 12, на шведском — 4. В числе книг на иностранных языках находились также книги многоязычные, двуязычные. Впрочем, поскольку в реестрах петровских книг 201 экземпляр назван без указания языка, а само число книг приближалось, вероятно, к двум тысячам, то приведенные ранее подсчеты относительны, хотя в полной мере репрезентативны.

В состав библиотеки Петра входили также рукописные книги духовного и светского содержания. Некоторые из них принадлежали ранее царевичу Алексею Петровичу [Луппов С.П. 1973. С. 166–177; Библиотека Петра I. 1978; Библиотека Петра I. 2003].

Структура петровской библиотеки по своему содержанию характерна для библиотек государственных деятелей и просвещенных людей того времени. Их состав отражал особенности интересов и образованности их владельцев. В библиотеке шотландца по происхождению Я.В. Брюса находилось около 1600 книг 1410 названий преимущественно на немецком, английском и латинском языках. В ней преобладали книги по физико-математическим,

геолого-географическим и военным наукам, особенно по артиллерии и фортификации, а также по медицине. Брюса интересовали также история, философия, архитектура, искусство и филология. Кроме русского, он читал на немецком, английском, голландском и латинском. Французского языка он не знал, хотя в его библиотеке находились 25 французских книг [Луппов С.П. 1973. С. 184–203; Библиотека Я.В. Брюса. 1989]. Видимо, он мог пользоваться ими, как и книгами на других языках, которыми не владел, — итальянском, шведском, польском и других, — с помощью своих секретарей.

Князь Д.М. Голицын, который в правление Петра занимал высшие государственные должности киевского губернатора, президента Камер-коллегии и сенатора, был чрезвычайным послом в Турции, собрал значительную библиотеку, по подсчетам С.П. Луппова — около 3000 книг. 994 из них — на французском, 682 — на русском и славянском, 447 — на латинском, 348 — на немецком, 131 — на итальянском, 68 — на английском, 44 — на голландском, 23 — на испанском, 14 — на польском, 5 — на шведском, 4 — на греческом. Значительное место занимали иностранные книги, посвященные политическому строю государств, соотношению властей монарха и парламента, в частности, произведения Макиавелли и Бокалини, что ему инкриминировалось во время ареста и суда в 1737 г. как преступление. Часть книг была посвящена аристократии, ее происхождению и значению в обществе. Содержание этих книг соотносилось с политической позицией Д.М. Голицына, после смерти Петра — одного из руководителей аристократической оппозиции монархической власти.

Много иностранных книг в библиотеке Д.М. Голицына было по истории дипломатии и дипломатическому искусству, праву, истории, в частности, истории Польши, были также произведения античных авторов.

Русские книги — преимущественно исторического и в меньшей степени географического содержания. В их числе находились также книги по филологии, астрономии, математике, медицине и биологии, военным наукам, архитектуре, кораблестроению, навигации, экономике и другим дисциплинам.

Показательно, что выдающиеся книжные собрания Петра, Я.В. Брюса и Д.М. Голицына являлись не коллекциями, а библиотеками, которыми их владельцы постоянно пользовались [Луппов С.П. 1973. С. 184–223].

Во время петровского правления образованность, знание иностранных языков, обширные сведения в разных областях знаний стали не только условием успешной государственной деятельности, но также образом жизни людей, стремившихся, как писал Петр Великий, к «свету разума». Поэтому в этот период у людей самого разного происхождения и социального положения существовали библиотеки, состоявшие из русских и иностранных книг, включая их переводы. Такими библиотеками, большими или меньшими по количеству, владели А.А. Матвеев, П.П. Шафиров, А.Д. Меншиков, Б.П. Шереметев, князя Долгорукие, справщик, позднее руководитель Московской типографии Ф.П. Поликарпов, переводчик и государственный дея-

тель А.А. Виниус, лейб-медик Петра Р.К. Арескин, лекарь Д.Е. Тверитинов, преподаватель Навигацкой школы в Москве, а позднее Морской академии в Петербурге А.Д. Фарварсон (Г. Фархварсон), А.П. Ганнибал, а также многие другие светские и духовные лица [*Луннов С.П.* 1973. С. 223–264; *Лебедева И.Н.* 1983. С. 98–105; *Саверкина И.В., Сомов В.А.* 1988. С. 145–160; *Трофимова Н.С., Хотеев П.И.* 1988. С. 161–168].

Наряду с традицией монастырских, церковных и архиерейских библиотек, которые хранили еще недоступные для людей светских ценнейшие материалы для изучения отечественной истории, в России петровского времени существовали библиотеки типографские, а также учебных заведений, старейшими из которых являлись библиотеки в Москве Типографская и Славяно-греко-латинской академии. Продолжалась восходящая к приказам XVII в. традиция библиотек при крупных государственных учреждениях [*Луннов С.П.* 1973. С. 277–319].

Таким образом, в Петровский период были созданы объективные условия для научных исследований в России. В разных видах промышленности распространялись современные для начала XVIII в. технологии. Армия и флот постоянно нуждались в современном вооружении и образованном офицерском корпусе. В российском обществе распространялась грамотность, в Москве и Петербурге появились учебные центры высшей профессиональной подготовки. Так что страна все более удовлетворяла потребности в кадрах офицеров, чиновников, специалистов гражданских профессий, подготавливая их в России.

Были созданы современная полиграфия и необходимый для нее гражданский шрифт. Возникли библиотеки, частные и при государственных учреждениях, где находились труды научного содержания на русском и многих иностранных языках. Начали быстро распространяться научные знания. Православие продолжало оставаться государственной религией, и церковь не была отделена от государства, но появилась свобода вероисповедания. Россия превратилась из средневекового царства в современную империю, органично включенную в систему политических отношений лидирующих тогда мировых держав.

В контексте такого нового состояния России все более становилось очевидной необходимость создания в стране университета и Академии. Г.В. Лейбниц, который уже с конца XVII столетия проявлял самый пристальный интерес к России, к вопросам распространения в ней образования и наук, подготовил еще в 1708 г. явно по заданию Петра записку о распространении научных знаний в России. Как написал в данной связи философ, «по требованию его превосходительства царского уполномоченного я набросал здесь на бумаге несколько мыслей о введении истинной науки в обширном государстве его царского величества <...>».

По мнению Г.В. Лейбница, «науки и художества» следовало «перенести» в Россию, чтобы их в дальнейшем «возделывать». Указал он и конкретные

методы такого «перенесения»: «Перенести науки и художества можно посредством сведущих людей и посредством приобретения необходимых пособий, состоящих преимущественно в книгах и в произведениях природы и искусства. Для этого нужны библиотека, музеи по естественной истории и по искусствам, зоологический и ботанический сады, обсерватория и лаборатория».

Особое значение в плане Г.В. Лейбница приобрела библиотека. В данной связи он отмечал: «Библиотека должна быть сколько возможно обширна и хорошо снабжена <...>. По моему мнению, <...> следовало бы приобрести по всем предметам что-нибудь отличное, но в особенно большом количестве книги по реальным предметам, под которыми я разумею: 1) математику с механикою; сюда относятся астрономия и ее применения к географии, мореплавание, военное искусство и архитектура; естественные науки (phisica) по трем царствам природы; сюда же принадлежат земледелие, горное дело, химия, ботаника, анатомия, медицина со всеми художествами, основанными на знании природы; 3) историю, которая включает в себе описание времен и мест, следовательно, объяснение отдельных случаев <...>; сюда входят описания и истории государств и областей, сочинения по государственному праву и особенно путешествия. Латинские книги должны составить главный отдел библиотеки; но не следует забывать хорошие сочинения на немецком, английском, голландском, французском и итальянском языках, так как в них находятся важные сведения особенно для практики, которых напрасно станешь искать в латинских книгах. Греческие печатные сочинения я причисляю к латинским, так как они большей частью снабжены латинским переводом. Но не следует также упускать из внимания, кроме славянских, арабские, персидские, турецкие и китайские книги, и при этом должно стараться приобретать разные древние и новые рукописи. Особенно нужно заботиться о собирании гравюр и рисунков, в которых представлены произведения природы и искусства и изобретения людей, чтоб идеи становились, таким образом, доступными для глаза и, так сказать, воплощались».

Из этого плана Г.В. Лейбница следовало, что библиотека имела для утверждения научных знаний в России определяющее значение. Она не только аккумулировала уже существующий научный опыт и способствовала его распространению. Она создавала условия для определения основных направлений предстоящих исследований, содействовала собиранию и тем самым спасению рукописей как памятников культуры и источников исторической информации.

Г.В. Лейбниц обращал внимание царя на большое значение в утверждении и развитии научных знаний музея и относящихся к нему «кабинетов и кунсткамер, арсеналов, галерей древностей, скульптуры и живописи, зоологических и ботанических садов, помещений для моделей и орудий, цейхгауза и проч.».

На новом уровне развития естественных наук и техники конца XVII — начала XVIII в. Г.В. Лейбниц отметил большие возможности химии в значитель-

ном комплексе дисциплин и в познании сущности материи: «Нужна также лаборатория с хорошими химиками <...>, сведущими во всем, что может быть достигнуто посредством огня. Эта лаборатория должна была бы находиться в связи с аптеками, медицинской частью и горным делом, с монетным и пробирным дворами, с металлическими и стеклянными заводами и артиллерийским управлением <...>, можно было бы там производить множество прекрасных опытов и посредством их исследовать свойства тел, разлагать их, увеличивать их силу и совершенствовать их, ибо огонь представляет самый главный ключ к объяснению сил природы». Как особую отрасль знаний, необходимых в становлении российской науки Лейбниц выделил астрономию в ее связи с практическими областями применения в географии и мореплавании.

При организации науки в такой обширной стране, как Россия, Г.В. Лейбниц признавал, что «необходимо было бы ближе знать обстоятельства страны и людей». Но, учитывая особенности страны, он видел необходимыми для главного научного коллегиального учреждения властные, организующие и контрольные функции: «<...> необходимо учреждение особенной влиятельной коллегии, с обширным кругом власти, от которой бы зависели до известной степени высшие и низшие учебные заведения, назначение ученых, книжное дело, типографии, переводы, цензура книг, а также художники и ремесленники с их произведениями».

Г.В. Лейбниц в полной мере осознавал, что продолжительная и дорогостоящая Северная война задерживает осуществление предложенных им мер по утверждению и развитию научных знаний в России [*Герье В.* 1871. С. 13–17, 49–50, 65–66, 71–77].

Позднее, в 1712, 1715 и 1716 гг., Г.В. Лейбниц вновь обращался к царю с предложениями о создании в России школ, университетов и академий. Университеты он предложил основать в Москве, Петербурге, Киеве, Астрахани. Для содействия развития наукам он советовал подготавливать словари алфавитные, но лучше энциклопедические систематические, гуманитарные и технические, в которых содержание предметов было бы изложено в реалиях, история — хронологически, география — по государствам. Особым видом изданий должно было стать полное изложение содержания каждой науки. Наконец, распространению практических и научных знаний должны были способствовать полные, средние и сокращенные руководства по их самым разным отраслям. Полного такого руководства с необходимыми рисунками, чертежами и т. д. еще не создано, так что оно могло бы стать результатом трудов Академии.

Обратился Г.В. Лейбниц с предложением и о создании коллегий, в том числе ученой коллегии, которая должна была представлять собой своего рода Академию с административной властью и главным надзором над народным просвещением. Отметил он необходимость создания университета, состоявшего из большого здания, хорошей библиотеки и типографии. Эти

предложения Лейбница не были осуществлены, но они положительно сказались на решении Петра учредить Академию наук в Петербурге [Герье В. 1871. С. 142–143, 190–200; об авторстве Лейбница записки о коллегиях см.: Лаппо-Данилевский А.С. 1914. С. 22–24]. Особое значение в записке было уделено отправлению молодых людей для обучения за границу, чтобы они после возвращения стали отечественными специалистами.

Записки Г.В. Лейбница свидетельствуют о том, что и до ознакомления с ними Петр осуществлял в своей деятельности по собиранию книг, произведений искусства, естественнонаучных коллекций одно из названных философией направлений научных знаний. Столь же самостоятельной являлась деятельность Петра по приглашению иностранных специалистов в самых разных областях знаний на российскую службу, включая самого Г.В. Лейбница, а также в обучении в западных странах отечественной молодежи. Впрочем, записки философа указывали приоритеты в организации науки в России, которые Петр учитывал, осуществляя их или, что было ему свойственно, творчески их переосмысливая. По словам А.С. Лаппо-Данилевского, «в сущности, Петр Великий придерживался программы, почти во всем соответствовавшей пожеланиям Лейбница, и, значит, ставил себе задачи, которые самые просвещенные люди того времени считали очередными» [Лаппо-Данилевский А.С. 1914. С. 18–19]. Определенное преувеличение здесь советов Лейбница присутствует, но вывод Лаппо-Данилевского в полной мере обоснован — Петр ставил перед страной и собой те задачи, которые являлись необходимыми, «очередными», по мнению самых просвещенных людей того времени.

В соответствии с предположением С.П. Луппова, книги Аптекарской канцелярии и царской библиотеки по медицине и истории составили начальный фонд будущей публичной библиотеки, которой предстояло стать Библиотекой Академии наук. Туда же стали поступать книги, которые покупались по указанию Петра или конфисковались. Вскоре число книг приблизилось к двум тысячам.

В 1713 г. в Париже был принят на российскую службу магистр философии Иоганн Даниил Шумахер, который окончил университет в Страсбурге. Когда в 1714 г. он прибыл в Россию, то получил должность библиотекаря. Ему был поручен разбор книг, находившихся в служебном корпусе Летнего дворца, их систематизация и составление каталогов и выдача книг пока единственным читателям. Поэтому 1714 г. считается датой основания Библиотеки Академии наук (далее — БАН). Если в 1714 г. она насчитывала 2000 книг, то к концу 1725 г., когда императорская библиотека стала выдавать книги академикам — 11803 [Луппов С.П. 1973. С. 319–358; см. там же анализ предшествующих работ Г.Ф. Миллера, И.Г. Бакмейстера, П.П. Пекарского, Н.К. Никольского, Н.Ю. Бубнова о комплектовании и составе библиотеки; см. также: Летопись библиотеки Российской Академии наук. 2004. Т. 1. С. 17–45; Леонов В.П., Савельева Е.А. 2006. С. 3–14].

Библиотека и Кунсткамера, открытая для публичного посещения, стали первыми составляющими петровского плана создания Академии как организации, занимающейся научными исследованиями. Библиотека приобретала в ней особое значение как центр научной информации и просвещения. Единственным библиотекарем, который должен был выполнять многочисленные обязанности по ее организации и функционированию, являлся И.Д. Шумахер.

Показательно особое отношение, которое сложилось в это время в России к библиотекам. Его раскрывает афористичное выражение в окончательном беловом тексте «Духовного регламента», подготовленном в 1720 г., в обсуждении и подготовке которого участвовал Петр: «без библиотеки, как без души, академия» [*Воскресенский Н.А.* 1942. С. 337]. Понятие «академия» отнесено в данном тексте «Духовного регламента» к учебным заведениям. Но эта мысль в полной мере относится и к Академии как объединению ученых, центру научных исследований.

Венчало преобразовательную деятельность Петра создание Петербургской Академии наук. Учитывая опыт организации академий в западноевропейских странах, Петр учредил ее для «всенародной пользы», исходя из реального состояния образования и научных знаний в России того времени. Ее созданию способствовало осознание Петром возможностей и необходимости в современной России начала собственных научных исследований.

В связи со спуском на воду нового военного корабля в 1714 г. Петр произнес речь, в которой обратился, в частности, к теме наук в России: «Историки доказывают, что первый и начальный наук престол был в Греции, откуда, по несчастию, принуждены были они убежать и скрыться в Италии, а по малом времени рассеялись уже по всей Европе; но нерадение наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти их не допустило. Я не хочу изобразить другим каким-либо лучшим образом сего наук прехождения, как токмо циркуляциею или обращением крови по человеческом теле; да и кажется, я чувствую некоторое во сердце моем предуведение, что оные науки убегут когда-нибудь из Англии, Франции и Германии и перейдут для обитания между нами на многие веки, а потом уже возвратятся в Грецию на прежнее свое жилище» [цит. по: *Николаев С.И.* 1996. С. 11; см. там же литературу, относящуюся к интерпретации данной речи Петра].

В этих словах Петра исследователи видели прежде всего характерные черты Петровской эпохи, выражение идей средневековой теории культуры, идею переноса знания, культурных ценностей. Но столь же важно в речи Петра выражение мысли о равном теперь положении России в сравнении с другими западноевропейскими странами и о возможности процветания наук в России. Поэтому можно предположить, что уже в 1714 г., в условиях Северной войны, экономических, общественно-политических и культурных преобразований, Петр думал и об организации научных исследований в России.

Об объективности и широте исторического мышления Петра можно судить, если сравнить его ранее приведенное высказывание об объективных основах распространения наук в России с близким по содержанию высказыванием Г. Гюйссена в 1706 г.: «Московиты скоро станут просвещенными и Музы откроют себе путь в Татарию. Вы знаете, что они пришли в Грецию с Востока, из Греции в Италию, из Италии в Испанию, Францию, Германию, Англию и Швецию, где науки достигли своего наивысшего расцвета. Они продвигаются к северу, где царь Петр Алексеевич, правящий ныне, утвердился в намерении просветить свое государство» [цит. по: *Копанев Н.А.* 1988. С. 13]. В отличие от Гюйссена, который отметил лишь распространение Муз из стран Запада в Россию, Петр указал основную причину того, что это не произошло ранее — «нерадение наших предков им воспрепятствовало», как описательно назвал Петр состояние страны в предшествующий период. Он проявил оптимизм, обращая внимание на возможность превращения России в ведущую научную державу. Но Петр обратил внимание и на возможность ухода наук из страны. Такая мысль подразумевала значительные усилия для поддержания ее статуса как научной державы. Понимание особенностей появления и судеб науки в России гениальным политиком существенно отличалось от их характеристик Гюйссеном.

Во время пребывания во Франции в 1717 г. Петр не только беседовал с ведущими французскими учеными того времени, с математиком П. Вариньоном, географом Г. Делилем, профессором анатомии Ж.Г. Дювернеем, но также посетил коллеж Мазарини (коллеж четырех наций) и университет Сорбонну, присутствовал на чрезвычайном заседании Академии наук под председательством ее президента ученого аббата Ж.П. Биньона. Там же находился секретарь Академии талантливый писатель и популяризатор науки Бернар ле Бовье Фонтенель, племянник великого драматурга Корнеля. Познания Петра, его заинтересованность в научных проблемах произвели большое впечатление на французских академиков, так что они с согласия Петра единогласно избрали его 22 декабря 1717 г. членом Академии, о чем сообщили царю аббат Биньон и Фонтенель [*Андреев А.И.* 1947б. С. 289–292].

Вероятно, уже в 1717 г. у Петра появилась мысль о возможности создания в России Академии наук. Несмотря на сложнейшие обстоятельства реорганизации государственных и правовых институтов в стране, на условия Северной войны, по указанию Петра в 1718–1720 гг. были отправлены дальние исследовательские экспедиции в Сибирь, а также в мало изученные тогда регионы Поволжья и Каспийского моря. В Петербурге были открыты Сухопутный и Морской госпитали, оборудованы опытная и учебная лаборатории при Берг-коллегии. Все они создавали условия для накопления не только практических, но и научных знаний.

Механик Петра А.К. Нартов совершенствовался в математике, механике, токарном, медальерном и других ремеслах в Париже. Когда в последние

месяцы 1720 г. Нартов возвращался в Петербург, президент королевской Академии наук аббат Биньон попросил его передать царю письмо. Ясно выраженное намерение основать Академию наук и художеств в России Петр выразил в письме от 18 февраля 1721 г. королевской Академии наук: «Мы ничего больше не желаем, как чтоб чрез прилежность, которую Мы прилагать будем, науки в лутчий цвет привести, себя яко достойнаго вашей компании члена показать» [Материалы. 1885. Т. 1. С. 5]. О серьезности этого намерения может свидетельствовать тот факт, что в редакции Е «Регламента Главного магистрата», подписанного Петром 16 января 1721 г., царь отредактировал следующий текст: «Что же к академиям и (к приготовлению) *изысканью* и содержанию ученых професоров или учителей впред потребно будет, о том Е. Ц. В. сам со временем (иным образом) будет *всемиловитое* иметь (старание) *попечение*» [Воскресенский Н.А. 1942. С. 66].

В исследовательской литературе обсуждается вопрос, о намерении какого правителя, царя Петра I или императора Карла VI Габсбурга, основать академию с университетом сообщил в письме от 11 января 1721 г. Христиан Вольф царскому лейб-медику и руководителю первыми научными собраниями в России, Библиотекой и Кунсткамерой, Лаврентию Блюментросту [см.: *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 46]. Приведенные ранее тексты «Регламента Главного магистрата» и письма королевской Академии наук во Франции свидетельствуют о том, что у Петра уже в конце 1720 г. существовало вполне определившееся намерение основать в России Академию и университет. Поэтому можно предположить, что сообщение Вольфа относится к намерению Петра.

В его осуществление И.Д. Шумахер был направлен в феврале 1721 г. во Францию, Германию, Голландию и Англию для продолжения творческих связей с французской Академией наук, для переговоров с учеными, которые могли бы поступить на российскую службу и стать членами Петербургской Академии. Он должен был ознакомиться с лучшими библиотеками и кунсткамерами, чтобы обустроить царскую библиотеку и кунсткамеру, тем более что к этому времени Петр решил построить для них на Васильевском острове специальное здание. Из этого путешествия Шумахер вернулся только в сентябре 1722 г.

Петр находился тогда в персидском походе. Но, вернувшись в начале 1723 г., он выслушал доклад И.Д. Шумахера о его путешествии и обсудил со своим лейб-медиком и доверенным лицом по организации Академии Л.Л. Блюментростом вопрос о числе академиков, необходимом для ее деятельности. Блюментросту Петр поручил подготовить проект устава Академии. Этот проект был подготовлен Блюментростом при участии, как обоснованно предполагают, Шумахера, а также лиц из петровского окружения, включая П.А. Курбатова, сына известного «прибыльщика» А.А. Курбатова. Одновременно в 1723 и особенно в январе 1724 г. над организацией Академии напряженно работал Петр. Подготовленные им материалы были переданы

в Сенат. Петровские идеи о будущей Академии известны и Блюментросту [Пекарский П. 1870. С. 5; Лаппо-Данилевский А.С. 1914. С. 33; Андреев А.И. 19476. С. 295–320; Копелевич Ю.Х. 1977. С. 39–56]. Так что основное содержание проекта Петербургской Академии наук определялось планами Петра, тогда как Блюментрост и Шумахер являлись исполнителями его воли. Это поручение они выполнили добросовестно.

А.С. Лаппо-Данилевский и А.И. Андреев установили, что широко используемые в исследованиях публикации проекта Устава Петербургской академии наук в «Полном собрании законов Российской империи» (Т. VII, № 4443) и в «Материалах для истории императорской Академии наук» (1885. Т. 1. С. 14–22) археографически неудовлетворительны. В отличие от сохранившегося в Сенатском архиве рукописного подлинника (Сенатский архив, книга высочайших повелений, № 26. Л. 113–124; ныне: РГИА, ф. 1329, 1724 г., оп. 1, д. 26, лл. 89–100) в них не сохранена точность в делении на параграфы. В некоторых словах не учтена правка Петра Великого. Не сохранены особенности правописания царских резолюций. К этим обоснованным замечаниям можно добавить также неточности в воспроизведении некоторых слов, при этом эти неточности могут иметь смысловое значение. Ср.: «К расположению художеств и наук» (ПСЗ. Т. 7. № 4443); «К распложению художеств и наук» («Материалы». С. 14); «К розпложению художеств и наук» (текст оригинала). Поэтому в полной мере обоснован метод А.И. Андреева, в соответствии с которым в исследовании надлежит пользоваться текстом правленного Петром оригинала, с которого были сняты современные копии и тогда же сделан немецкий перевод. К числу тщательно выполненных копий следует также отнести не учтенную А.И. Андреевым копию, снятую для издания «Писем и бумаг Петра Великого» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 270, оп. 1, ед. хр. 106. Л. 197–207; Лаппо-Данилевский А.С. 1914; Андреев А.И. 19476. С. 311–313]. Лишь позднее проект был опубликован археографически корректно, впрочем, с редкими поновлениями в тексте [История Академии наук СССР. 1958. Т. 1. С. 429–435; Уставы Академии наук СССР: 1724–1974. 1974. 31–39; Уставы Российской Академии наук: 1724–1999. 1999. С. 39–48].

Этот проект с исправлениями, дополнениями и резолюциями Петра был утвержден императором 22 января 1724 г. Его идеи и конкретные указания во многом предопределили судьбы науки в России, жизнь и деятельность многих россиян, в том числе и М.В. Ломоносова, поэтому их следует рассмотреть обстоятельно.

В тексте указано, что для «розпложения», т. е. для количественного увеличения и возрастания художеств и наук обычно используют Университет и Академию. Здесь же разъясняется, что Университет — учреждение учебное: «собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феология и юрис пруденция (прав искусству), медицины, филозофии, сиречь до какого состояния оныне ныне дошли, младых людей обучают» (здесь и далее особен-

ности графики и синтаксиса оригинала сохранены). Академия — учреждение исследовательское: «собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (изобретения. — М. С.) оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют».

В проекте учтено реальное положение образования в России, где нет «гимназиев и семинариев», выпускники которых могли бы обучаться наукам в университете, по окончании которого они могли бы трудиться в Академии наук. Только учреждение Академии бессмысленно, поскольку, «хотя чрез оную художества и науки в своем состоянии производятся и разпространяются», при таком состоянии образования «оные не скоро в народе розплодятся». Поэтому в конкретных российских условиях в продолжение традиций петровских преобразований авторы проекта предложили необычную структуру Академии и процесс обучения в ней.

Академия должна была состоять «из самолутчих ученых людей». Они должны не только «науки производить и совершить», но также «публично», т. е. на лекциях, обучать «младых людей», которые также должны обучать молодежь первым основаниям «всех наук». Таким образом, в России, где были люди грамотные, обученные, но где еще не было собственных ученых, занимающихся научными исследованиями на современном уровне знаний, предполагалось создание таких научных кадров в соответствии с петровским принципом преобразований — формирование новых экономических, социальных, политических, правовых институтов и институтов культуры «сверху», от просвещенного центра к той среде, где оно должно распространяться. При осуществлении такого принципа повторялся метод обучения мастером учеников, где Мастером в подготовке научных кадров становилась Академия.

Поэтому в проекте было написано следующее. Первое. «Совершенная Академия» должна была иметь достаточное число членов, которые «о совершенстве художеств и наук трудились». Второе. Когда («егда») эти члены Академии «те художества и науки публично учить будут, то подобна оная будет Университету и такую ж прибыль произведет». Третье. «Данные академикам молодые люди» должны были получить «от его императорского величества довольное жалование на пропитание». «От них науку принявши и пробу искусства своего учинивши», т. е. после экзамена, «младых людей в первых фундаментах обучать будут». Это учреждение «таково ж полезно будет, яко особенное к тому сочиненное собрание, или Гимназиум».

Структурная организация Академии должна была принести такую же «великую пользу», как «в других государствах три разные собрания» — Академия, Университет и Гимназия, а также, можно добавить, экономить весьма ограниченные государственные средства.

В Академии предполагалось учредить три «класса». В первом «классе» наряду с науками математическими академики должны были изучать

астрономию, географию, навигацию, механику. Во втором «классе» наряду с физикой теоретической и экспериментальной следовало заниматься анатомией, химией, ботаникой. Третий «класс», гуманитарных наук, был предназначен для разысканий и обучения в красноречии, античности, древней и современной истории, в юридических дисциплинах, политике, этике и экономике.

Поскольку в российских условиях Академия создавалась как государственное учреждение и возможности ее финансирования были весьма ограниченными, то в первых двух «классах» указывалось по четыре академика, в третьем — три. Такое небольшое число академиков предполагало их универсальную подготовку, что в свою очередь продолжало научные традиции XVII–XVIII вв., когда специализация в естественнонаучных и гуманитарных дисциплинах только начиналась, а широта научных и инженерных познаний продолжала традиции гениев эпохи Возрождения и эрудитов XVII в.

В Академии следовало иметь штатного секретаря, который должен был вести делопроизводство и протоколы заседаний, публиковать их каждые два года, а также совместно со штатным академическим библиотекарем вести переписку с «учеными людьми».

Академики должны были не только заниматься исследованиями и сообщать о результатах исследований секретарю Академии, но также составлять рефераты зарубежных публикаций известных ученых, которые следовало публиковать, как и их собственные труды.

Академия характеризовалась как «социетет (собрание) персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют». Этот принцип коллегиальности, столь соответствующий петровским началам организации государственных институтов, приобретал в Академии особое значение, поскольку он подразумевал коллективное обсуждение результатов исследований. Поэтому академики несколько часов каждую неделю должны были уделять заседаниям, на которых следовало делать доклады и демонстрировать опыты. Такому обсуждению подлежали изобретения и зарубежных ученых на предмет их обоснованности, практической значимости и новизны. Академики должны были также выполнять дополнительные задания в виде поручений императора, которые, несмотря на кажущуюся малозначимость, требуют высокой квалификации исполнителей.

Академикам надлежало читать лекции для «учащихся молодых людей», а их лекционные курсы следовало публиковать на латинском языке и переводить на русский. В соответствии с петровской идеей научные исследования, опубликованные на русском языке, будут приносить «российскому народу» «великую пользу» и составлять его славу. Назначались также ежегодные три публичные ассамблеи, на которых академики должны были выступать с докладами по проблемам тех наук, которые они исследовали.

Успешным исследованиям академиков должны были способствовать академическая Библиотека и необходимые инструменты. Обеспечение книгами и инструментами было возложено на библиотекаря, который наделялся единовластным управлением в этих важных отраслях организации научных исследований. Ему следовало также выписывать инструменты за границей. Впрочем, Петр, который берег казну для основных государственных надобностей, приписал — «или здесь делать», что стоило значительно дешевле. Для организационных вопросов в деятельности академиков и публикации их трудов в штат Академии были включены переводчики, живописец и гравировальный мастер.

В академическом Университете должны были быть созданы три факультета — юридический, медицинский и философский. Они учреждались в соответствии с западноевропейской традицией, восходившей к средним векам. Но в отличие от западных университетов теология передавалась в введение Синода, что соответствовало современным принципам светского государства. На юридическом факультете, кроме права, преподавались также политика и этика. На медицинском факультете, кроме медицинских дисциплин, — химия и ботаника. Наиболее значительное количество дисциплин указано на философском факультете, где должны были преподаваться наряду с философией «генеральная математика», физика генеральная и экспериментальная, математические дисциплины, астрономия и механика, а также красноречие, античность и история. Академики должны были читать лекции по своим отраслям научных знаний один час ежедневно.

Академикам дозволялось работать за плату в частных «коллегиях», но запрещалось «ради корысти вельми много коллегиев держать», что может «протчим своим наукам и размышлениям вред чинить». Им разрешалось иметь в качестве помощников одного — двух студентов, которые могли бы одновременно усваивать основы наук, изучаемых академиком. Предполагалось, что Академия сама сможет присваивать выдающимся ученым звание академика. В связи с таким проектом Петр написал — «Позволяетца».

Академия учреждалась под верховным покровительством императора, но должна была быть самоуправляющейся под руководством постоянного или каждый год или полгода избираемого президента.

В проекте было сделано замечание: «Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычайно мало думают на собственное свое содержание». Поскольку ученые плохо приспособлены к жизненным трудностям, проект предполагал, чтобы назначались постоянные кураторы, которые заботились бы об Академии, о ее благосостоянии и «надобном приготовлении», сообщали бы императору о нуждах академиков и «доходы в своем ведении имели».

Обоснованно предполагая в данном параграфе проекта возможности злоупотреблений как академической администрации, так и кураторов, которыми могли стать императорские фавориты, Петр написал в данной связи

резолуцию: «Надлежит учинить директора и двух таварыщей и одного камисара над денгами». То есть он предложил установить объективный административный и финансовый контроль.

Далее в проекте отмечалось, что содержание членов Академии должно быть достаточным и постоянным, «дабы оные люди не принуждены больше о своем и фамилии своей содержании старатися, нежели о возвращении наук». Петр с пониманием отнесся к этому предложению и увеличил бюджет Академии вместо предлагавшихся 20 000 рублей до 24 912 рублей. Это денежное содержание Академии наук представляло собой более 10 % бюджетного расхода на всю российскую администрацию — 203,4 тыс. руб. в 1724 г. Об особом значении этой новой суммы, предназначенной для финансового обеспечения, будущей Академии, свидетельствует то, что она указана в условиях сокращения Петром расходов на центральное государственное управление. По утвержденному им постановлению Сената от 14 декабря 1724 г. в 1725 г. финансирование Сенатской канцелярии по сравнению с 1715 г. сокращалось с 35,1 тыс. до 25,8 тыс. руб., Камер-коллегии — с 25,6 до 9,4 тыс. руб., Иностранной коллегии — с 22,4 до 13,4 тыс. руб. Расходы на содержание других коллегий были существенно меньшими. Даже выросшее ассигнование судебной системы составляло 17,3 тыс. руб. в сравнении с прежними 11,3 тыс. руб. [Писарькова Л.Ф. 2007. С. 233].

Таким образом, в первой четверти XVIII в. Россия усвоила европейский военный и экономический опыт на его передовом уровне. Она была включена в единое политическое пространство. Создание Санкт-Петербургской Академии наук (в научной литературе распространено ее сокращенное название — Петербургская Академия наук) завершило процесс включения России в европейское интеллектуальное пространство и придало петровским реформам завершенный целостный характер. Труды, изданные Петербургской Академией наук уже в начальный период ее существования, широко распространялись в странах Западной Европы и пользовались заслуженным авторитетом [Копанев Н.А. 1988. С. 83–87, 96–109].

Утверждение Петром на заседании Сената 22 января 1724 г. представленного Л. Блюментростом проекта Академии художеств и наук стало правовым основанием для составления ее штата, финансовой сметы и условий найма иностранных ученых в качестве академиков. Руководство осуществлением этого проекта Петр поручил Блюментросту, а техническое исполнение — Д.И. Шумахеру, назначенному на должности библиотекаря и секретаря будущей Академии с установленным жалованием [Материалы. 1885. Т. 1. С. 22–34 и след.; Андреев А.И. 19476. С. 320–331].

В 1724 г. начались активные переговоры с учеными об их поступлении на службу в качестве академиков Петербургской Академии наук.

Знаменитый философ, физик и математик Христиан Вольф содействовал заключению договоров Академии с талантливыми учеными, которые согла-

сились приехать в Петербург и стать академиками уже в начальный период ее создания или по прошествии определенного времени. В их числе математики Яков Герман, математики и физики Леонард Эйлер, Николай и Даниил Бернулли, физик Христиан Мартини, астрономы Жозеф Николя Делиль и его брат Людовик Делиль де ля Кройер, правовед Иоганн Симон Бекенштейн, филолог и ориенталист Теофил Зигфрид Байер, историк Иоганн Петер Коль и другие ученые. Лейпцигский ученый И. Менке, выполняя российское поручение, уговорил приехать в Петербург профессора элоквенции и церковной истории И. Коля, при котором в качестве студента находился Г.Ф. Миллер.

К переговорам были подключены российские представители граф А.Г. Головкин в Пруссии и князь Б.И. Куракин во Франции.

Несмотря на то, что финансы государства были перенапряжены, при заключении договоров будущим академикам и профессорам предоставлялось значительное обеспечение: в зависимости от их значимости как ученых — от одной до двух тысяч рублей с квартирой, дровами и свечами. Особая сумма выделялась на дорожные расходы во время переезда. Впрочем, и после кончины Петра в продолжение его традиций, как писал историк Г.Ф. Миллер, власти стремились «сделать жизнь в Петербурге приятной для новоприезжих» [*Лаппо-Данилевский А.С.* 1914. С. 28–39, 48–50; *Материалы.* 1885. Т. 1. С. 44–62; *Андреев А.И.* 19476. С. 321–326; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 65–79].

Современникам было очевидно, что в результате петровских преобразований Россия стала иной в сравнении с ее состоянием в предшествующие царствования. Был и объективный критерий положительного значения этих преобразований — победа Новой России над мощным современным государством, Швецией, война с которой началась с позорного поражения. Петр сам обобщил результаты своей деятельности в 1718 г., еще до завершения Северной войны. «Мы получили, — писал он, — славу народа нашего и ползу государственную», «не токмо отторгнутыя от государства нашего от неприятелей провинции паки присовокупили, но и вновь многие знатные города и земли по оному получили; також и народ свой во многих воинских и гражданских науках к ползе государственной обучили» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 162].

Канцлер граф Г.И. Головкин во время торжеств 22 октября 1721 г. по случаю поднесения царю титула «Отец Отечества Петр Великий император Всероссийский» назвал результаты преобразований Петра в более обобщенных, но потому — в еще более выразительных категориях: «Вашего Царского Величества славныя и мужественныя воинские и политические дела, чрез которыя токмо единыя Вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако реши, из небытия в бытие произведены и во общество политичных народов присовокуплены, яко то не токмо нам, но всему свету известно» [*Головкин И.И.* 1838. С. 6.]

8 марта 1725 г. в присутствии императрицы Екатерины I, всех политических и военных руководителей России Феофан Прокопович вновь подводил итоги деятельности Петра, но уже в «Слове» на его погребение. В соответствии с жанром торжественной риторики того времени он сопоставлял Петра с хорошо известными библейскими персонажами и императором Константином Великим, хотя результаты петровской деятельности в полной мере соответствовали современной действительности первой четверти XVIII в. Обобщая результаты военной реформы, Феофан писал: «Застал он в тебе (в России. — *М. С.*) силу слабую и зделал по имени своему каменную, адамантову (т. е. как алмаз. — *М. С.*), застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил».

Столь же большое значение, по Ф. Прокоповичу, имело создание флота: «<...> неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плаванье карабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий <...> и отверзе тебе путь во вся концы земли, <...> власть же твоя державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил».

Отметил Ф. Прокопович государственные преобразования и законотворчество: «Не суть ли законы его, яко крепкая забрала и яко нерешимыя злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий сигклит (сенат. — *М. С.*) и под ним главныя и частныя правительства, от него учрежденныя!».

Особой темой стали новые для россиян и усвоенные ими науки, искусства, образ жизни: «И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влиянная и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейскаго обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отвнуть и отвне, несравненно от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся».

Сравнив Петра с библейским царем Давидом и императором Константином Великим, который провел церковную реформу, Ф. Прокопович поддерживал синодальную реформу (во время ее проведения он являлся епископом Псковским и Нарвским). Он в полной мере осознавал, что все эти достижения требовали великого напряжения, прежде всего самого Петра. Но без них не могла бы появиться Новая Россия, поскольку для Петра общественная и государственная польза выше личного благополучия: «Оставил нас, но не нищих и убогих: чрезмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою зделал, такова и будет: зделал добрым любимою, любима и будет; зделал вра-

гом страшную, страшная и будет, сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Ибо, оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам» [*Проконвич Ф.* 1961. С. 126–128].

Таким образом, современникам Петра Великого, которые стремились к тому, чтобы Россия стала современной державой, равной в своем положении другим передовым странам мира — в XVIII столетии это были западноевропейские государства, — было очевидно, что все его преобразования были необходимы. Они понимали, что только в таком состоянии гарантированы ее территориальная целостность и последующее бытие как великой страны, которая сформировалась такой исторически. Они в полной мере осознавали, что альтернативой этому прогрессивному пути развития является лишь «небытие», как выразился канцлер Головкин, — т. е. или все нарастающее отставание в темпах развития и превращение страны в провинциальное захолустье Европы, или превращение России в объект завоеваний и разделов промышленно развитыми державами.

Значительная часть крестьянства, торгово-ремесленного населения, духовенства, определенная часть знати, которую петровская табель о рангах уравнивала в службе Государству с дворянством, стремились к сохранению старины. Тяготы войны, реформ и постоянного строительства имели следствием не только Булавинское и Астраханское восстания, но также социальные протесты в виде бунтов и других, менее значимых видов борьбы. В этой части общества, особенно ревнители старины, царя называли антихристом [*Шмурло Е.* 1912. С. 3–7].

Создание современной России в правление Петра Великого являлось процессом сложным. Преобразования затронули многие стороны экономической, общественно-политической и духовной жизни россиян, оставив в неприкосновенности средневековые по происхождению крепостничество и сословный строй, которые оказывали значительное воздействие на все стороны этой жизни. Однако превращение России в мировую державу, ее включение в общеевропейский контекст экономики, политики и культуры в полной мере подтвердили обоснованность выбора Петра Великого. Все петровские преобразования создали в России новую интеллектуальную среду, в которой гений русского человека мог себя выразить на современном уровне развития европейской культуры и науки.

2. Петр Великий и формирование россиянина Нового времени

В значительной историографии, посвященной деятельности Петра Великого, Н.И. Павленко на научном уровне сформулировал проблему психологической характеристики первого российского императора, отметив

многочисленные свойства, положительные и отрицательные, его характера [Павленко Н.И. 1973. С. 40–102]. Л.А. Черная системно исследовала основное содержание русской культуры в переходный период от средневековья к Новому времени и предприняла опыт анализа эволюции личности человека в это время [Черная Л.А. 1999; 2008]. Но, как представляется, еще нет исследований, в которых изучен конкретный вклад Петра Великого в процесс формирования основных черт русского человека Нового времени со свойственным ему мышлением, сознанием и самосознанием.

Такая тема — сюжет предстоящих исследований по исторической психологии. В данной работе можно рассмотреть этот сюжет лишь в основном его содержании на основе анализа личности Петра Великого — идеолога и творца Новой России — для определения образа мыслей и деятельности героев той эпохи, включая М.В. Ломоносова.

Разумеется, субъективные характеристики восхвалений и осуждений к аналитическим работам не относятся. Основным историческим источником для изучения личности Петра как деятеля Нового времени являются его суждения о жизненных принципах.

Вероятно, определяющим фактором в формировании Петра как человека Нового времени стали обстоятельства его детства, отрочества и юности. После кровавого переворота, совершенного Милославскими с помощью восставших стрельцов в 1682 г., десятилетний Петр и его мать, Наталья Кирилловна, должны были в регентство царевны Софьи для безопасности уехать из кремлевского дворца и жить в селе Преображенском. При Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче царская жизнь в Кремле подчинялась законам благочиния в соответствии с идеалами старины. Цари проживали календарный год по церковным праздникам в ограниченном мире «Верха», замкнутого кремлевскими стенами, лишь изредка нарушаемого богомольями в подмосковных монастырях. В этот постоянно повторяющийся мир средневекового образа жизни лишь просачивались элементы западного комфорта и роскоши. Формальный соправитель Петра его единокровный брат Иван остался со своей сестрой Софьей в душевных комнатах кремлевского дворца, продолжал хиреть и умер от болезней в 29 лет.

Петр находился в других условиях. Он жил в «хоромах» в селе, близко к народной жизни. Уже в 12 лет Петр заинтересовался работой каменщиков и плотников, в 14 лет — столяров и кузнецов, так что ему были доставлены соответствующие инструменты. Чтение книг пробудило у него интерес и к печатному делу. В 13 лет он приказал доставить из оружейной Большой казны иконы, часы и разные виды оружия, а в 14 лет — и голландский большой глобус, который там находился, видимо, без употребления [Богословский М.М. 1940. С. 60–61].

Как следует из воспоминаний Петра, включенных в виде предисловия в изданный в 1720 г. Морской устав, он узнал от князя Я.Ф. Долгорукого о су-

ществовании такого инструмента, «которым мочно брать дистанции или разстояния, не доходя до того места», но сам инструмент у князя не сохранился, так как его украли [речь идет об астробии; здесь и далее текст цитируется по копии авторского чернового варианта, сохранившего особенности стиля Петра Великого, который писал, следуя фонетической форме слов: Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 94. Л. 444–444 об.; см. также комментарии к тексту: *Богословский М.М.* 1940. С. 62–63]. Петр так заинтересовался этим инструментом, что «наказал» купить его во Франции, куда князь был отправлен с посольством весной 1687 г. Петру тогда еще не исполнилось 15 лет. Долгоруков привез астробию, «готовальню с циркулями и протчим», но признался, что не «умел» астробию «употреблять». После поисков такого знатока нашли голландца Франца Тиммермана, который взялся Петра обучить ею пользоваться. Как написал далее Петр, «к чему я гораздо пристал с охотою учитьца геометрии и фортификации, и тако сей Франц чрез сей случай стал при дворе быть безпрестанно и в компаниях с нами».

В последующем повествовании Петр сообщил, что он обнаружил в амбаре своего двоюродного деда Никиты Ивановича Романова (ум. в 1654 г.) «судно иностранное». Тиммерман объяснил ему, что «то бот аглинской». Петр спросил, «какое преимущество имеет перед нашими судами», «понеже видел его образом и крепостью лутче наших», разъяснил здесь же царь. Ответ Тиммермана его поразил: «он ходит на парасах не толко что по ветру, но и протиф ветру, которое слово меня в великое удивление привело и якобы н[е] имоверно». По приказу Петра нашли голландца Карштена Бранта, который начинал строительство современных российских судов еще при царе Алексее Михайловиче. Тот починил ботик и показал, как лавировать под парусом, «что мне паче удивительно и зело любо стало», — продолжил Петр. Но Яуза была узка для английского бота, о чем царь не без юмора вспоминал: «Потом, когда я часто то употреблял с ним, а бот не всегда хорошо варочался, но более упирался в берега». «Тогда я перевез его на Прасяной пруд, но и там немного авантажу сыскал, а охота стала от час[у] быть более». С позволения матери он стал жить на Переславском озере, где Брант построил «2 малые фрегаты и 3 яхты» «и там несколько лет охоту свою исполнил, но потом и то показалась мала», — вспоминал Петр. Далее он рассказал, как отправился в Архангельск и как ходил по морю на яхте «Св. Петр».

Таким образом, близость к народной жизни и интерес к ней с детства воспитали в юном царе восприятие мира реального, современного, и отторжение быта средневекового. Но в этом реальном мире также был выбор — плавать по Яузе на традиционных лодочках или выходить в моря и океаны на современных судах. Петр выбрал второе. Но тут оказалось, что по объективным историческим причинам отечественные мастера, в отличие от иностранных, голландских, не могут их строить. Таким образом, в сознании юного царя устанавливалась устойчивая связь нового, прогрессивного, с западноевропейским. Эта связь укреплялась

в процессе подготовки своих «потешных» полков, вооруженных иностранным оружием и обученных преимущественно иностранными офицерами. Такое соединение отечественных основ и новейшего западноевропейского опыта создавали условия для появления российского флота, современной армии, а петровские «потешные» стали началом российской гвардии и образцовой моделью подготовки пехотных полков.

Намечая новые пути развития России, Петр с юности начинал с себя. Он не только учился ремеслам, участвовал в строительстве кораблей, но также осваивал новые знания, занимался математикой, астрономией, мог пользоваться астрологией. С этими знаниями в его языке появились и западноевропейские научные категории, соответствия которым еще не было в русском языке. Как следует из учебной тетради, 16-летний Петр был в полной мере подготовлен для занятий по артиллерийской стрельбе: «Потом, когда хочешь на уреченное место сътрелять, тогда възьмь дистанцию, потом възьмь циркалем на таблице те гърадусы, которыя при опыте на кьвадрате были, и тою мерою искать на таблице [с правой стороны] твою числа съколко [на опыте] далече бомба легла, и когда найдешь, тогда по той линии искать той далины, куды брасать хочешь, и възьмь ту меру поставить на градусы, и колко укажет, сътолк и на кьвадранте сътаф» [ПБПВ. 1887. Т. 1. С. 8–10]. Все эти и другие знания позволят позднее Петру создать новую российскую артиллерию, быть артиллеристом, проектировать корабли, свободно ориентироваться в тех вопросах, которые требовали технических сведений.

Значительный опыт в военном деле, включая фортификацию, имел для Петра как теоретическое, так и практическое значение. Он участвовал в многочисленных походах, в проектировании и строительстве крепостей, в сражениях на суше и на море. Так что исполнено большого значения его образное выражение: «Бояться пушек — не иттить в солдаты» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 455].

Всю жизнь Петр занимался ремеслами, научившись работать на станках. Он осваивал самые разные специальности, прекрасно разбираясь в особенностях производства. Петр участвовал в обсуждении строительства крепостей, городов и отдельных зданий на равных со специалистами в этих вопросах. Он стремился пригласить в Россию лучших специалистов, прекрасно понимая их значение в тех отраслях, которыми они занимались. В частности, Петр был очень доволен, когда удалось заключить договор о работе в России Ж.-Б. Леблона, творчество которого он высоко ценил, а также мастеров разных специальностей, которые его сопровождали. Но в необходимых случаях он критически относился и к проектам Леблона, соотнося их с российской действительностью. В частности, в связи с леблоновым планом застройки Петербурга он написал 17 апреля 1717 г.: «Понеже по леблоновым чертежам во вьсех полатных строениях, а особливо в питербургских домах окьны зело велики, а шпации (расстояния. — *М. С.*) зело межь ими малы, чего для ему

объявить, чтоб в жилых полатах конечно окъны менши делал, а в салах как захочет, понеже у нас не фъранцузский климат» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 84/2. Л. 374–374 об.].

Почти ежедневно Петр давал многочисленные конкретные указания самым разным лицам, от генералов, адмиралов и сенаторов до рядовых исполнителей, требуя их осуществления. В памяти он хранил все. Его поручение от 5 апреля 1717 г. поручику Александру Апраксину, который находился тогда в Англии, — одно из очень многих подобного содержания: «Мастер, которой пилы делает, умеет ли протчия снасти делать, а особливо буравы. О том отпиши. Шлюпочной мастер ежели гараздо доброй и на воинския карабли делает, то тщись склонять за сто фунтов на год. Буде же не можешь за ту цену сыскать, то уже и на том, что 130 фунтов. Прймай к тому ж, чтоб он выучил наших [и] в капитуляции (т. е. в разделах договора. — М. С.) написано было двух человек. Кузнеца, ежели нельзя дешевле, прймай и за ту цену, но чтоб не стар был, дабы хотя мало мог навывкнуть языку нашего. Пумповых кож и веселной мастер дороги и понеже сих мастеров много, того ради поищи дешевле, а имянно, чтоб поменши ста фунтов на год.

Купи столов ореховых по сему.

2, чтоб мочно было 24-м персонам сесть.

4, чтоб 12 персон.

6, по 6 или 8 персон.

4, четвероугольные, что между окон ставят. Буде же очень дороги, ореховыя, то половину ореховых, а другую дубовых. Также ежели какия новой моды поставцы и ш[к]афы в кабинетах есть, пришли рисунки и с ценою. Также сыщи роспись, а лутче б кто из нанятых мастеровых выучился свечи делать такия, какия у них ставятца на караблях назади и на Марсе в фонарях и горят гараздо ясно, понеже иная композиция в них, нежели в обыкновенных свечах, о чем я сам во флоте их слышал» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 84/2. Л. 329–330].

Как следует из таких распоряжений, для Петра мелочей не существовало. Все было важно. Все должно было служить пользе общественной и государственной, должно было находиться на новейшем уровне и осваиваться в России. Но при этом деньги государственные следовало беречь.

Все дни Петра Великого за редчайшими исключениями были насыщены множеством дел государственного значения. Перечень выполненных дел и решений, намеченных на 10 апреля 1717 г., — пример лишь одного дня, подобного очень многим другим во время его правления: «Приказано: 1) О разделении войск по крестьянам сухопутных и рекрутов морских [кроме гвардии] и провиант. 2. Чтоб ныне ведать, что сходитца с мужиков и что с протчева. 3. О кожевных заводах. *В Адмиралтействе* (подчеркнуто Петром Великим): 4. О судах без скобок. 5. О мундире из своих сукон и пример брандербургских. 6. О Астрахани и Бековичеве деле. 7. О насильном крещении

шведов. 8. О заказе вывозу матерей всяких и золотых, чтоб сибирскими довольствовались до конца войны, также и о игре в денги. 9. О езде дворян к Москве двойников и о выборе и суде ландратов и перемене их. 10. О росписи, что им следованно по указам и чего нет и надсматривано ль по указам и чрез кого и сколько раз, а на непослушных что чинено и протоколы были ль. 11. О подряде в работах. 12. О щетном деле Зотова. Зделано. 13. К гаванному делу определить кого-нибудь из сенаторей. 14. О пошлине с возов во всех городех. 15. О беспошлинной торговле здесь хлеба и мяса, а вместо того разложить по иным городам» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 84/2. Л. 350–350 об.; в тексте все эти пункты написаны с новой строки]. Каждое из этих дел могло бы стать темой обстоятельного исследования.

В соответствии с принципами Нового времени Петр противопоставил средневековому мышлению научное знание. Такой подход постоянно проявлялся у него не только в неизменном интересе к открытиям в науке и технике, к научным коллекциям, что нашло последовательное завершение в создании Кунсткамеры, но также к научному объяснению явлений природы. Показателен в последней связи эпизод с солнечным затмением, которое должно было произойти 1 мая 1707 г. В письме в Москву от 7 апреля 1706 года графу Ф.А. Головину Петр его предупредил о предстоящем затмении и велел прислать в Петербург астрономические инструменты для соответствующих наблюдений. Он приказал также, чтобы Головин распространил сведения о предстоящем затмении «в наших людех, что оно будет, дабы в чудо не ставили, понеже, *когда люди про то ведают, то не есть чудо*». Соратники Петра постарались распространить сведения о будущем затмении. В Москве было издано печатное «Изъявление о затмениях». Так что после затмения К.А. Нарышкин писал из Пскова не о «великом удивлении и страхе», а по минутам конкретно изложил основные наблюдения над этим явлением природы [ПБПВ. 1900. Т. 4. С. 209, 802–804; курсив наш. — М. С.]. Но афоризм Петра Великого, в соответствии с которым «когда люди про то ведают, то не есть чудо», раскрыл содержание последующей интеллектуальной жизни просвещенных россиян Нового времени. Такая мысль продолжала идеи Р. Декарта о господстве человека над силами природы и об усовершенствовании самого человека.

В петровское царствование появились и новые средства ежедневного распространения научных знаний, воспитания у россиян светского историзма мышления — «Русский печатный календарь», типографски напечатанный современным гражданским шрифтом, подготовленным и отредактированным под руководством Петра Великого. В таком календаре или «месяцеслове», предназначенном для необходимых ежедневных записей, указывались наряду с днями празднования православных святых (в порядке перечисления в календаре) знаки зодиака и названия планет, число лет от начала четырех монархий — Вавилонской, Персидской, Греческой (Александра Македон-

ского), Римской. Учитывалось и время библейское в указании «исхождения израильского» (из египетского плена). Далее следует количество лет от избрания «книг печатных», т. е. важнейшего для мировой цивилизации распространения знания. Только после этих указаний в календаре, например, на 1717 г. приведено число лет «от коронования его царского величества, все-российского, Петра Первого», от рождения его сыновей царевича Алексея и царевича Петра, а также его внука Петра (будущего Петра II). Следующими наиболее значимыми указаны число лет от начала «флота российского» и «виктории» под Полтавой. Завершают эти сведения на каждый год практические и научные данные — о затмениях, «о четырех временах года», «о войне и мирских делах», «о плодородии и недородии», «о здравии и болезнях», а также указания медицинские, когда пускать кровь (распространенное в то время средство лечения) и принимать лекарство. Так что Петр ввел в практику ежедневной жизни образованных россиян преобразующее изречение-призыв эпохи Возрождения «знание — сила».

Петр готовил проекты многочисленных законов, разрабатывая, если необходимо, разные их редакции, участвовал в их обсуждениях, а также в самых разных заседаниях, которые имели государственное значение. Государственная служба определялась для него категориями бескорыстности и службы. Отсюда его афористичное выражение: «кому деньги дороже чести — оставь службу» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 455]. На нарушителей этого принципа часто обрушивался царский гнев. Но искоренить принцип, в соответствии с которым «деньги дороже чести», Петр, разумеется, не мог, поскольку новые начала жизни знати и дворянства требовали значительно больше денег, чем раньше. К тому же новые принципы предприимчивости, жажды обогащения совмещались в России того времени со средневековой традицией «кормиться» от своей должности

Активная, насыщенная самыми различными событиями жизнь Петра Великого с юности до последних дней, творческое отношение к действительности были свойственны Новому времени. Она являлась разительным контрастом к прежнему средневековому быту России и ее правителей. Конфликт Петра с сыном Алексеем лишь символично продолжил эти две противоположные системы поведения.

Знаковым в данном отношении является письмо Петра сыну, отправленное из Копенгагена 26 августа 1716 г. Оно было написано в сложной военно-политической ситуации. После Полтавской победы Петр восстановил союзные отношения с датским королем Фредериком IV и Августом Сильным, которых ранее Карл XII заставил заключить с ним мир. Успешные военные действия в 1714 г. позволяли перенести военные действия на скандинавские территории Швеции. Петр находился в Копенгагене с целью убедить короля объединить датский и российские флоты, организовать десант в Швецию и завершить изнурительную для всех Северную войну.

Петру очень нужен был рядом помощник, близкий человек, который мог бы разделить с ним многочисленные заботы, связанные с обеспечением вдали от России армии, флота, с ведением дипломатических переговоров. Он хотел подготовить преемника себе на престоле. Поэтому царь просил прибыть к нему Алексея, который всячески от этого уклонялся. В письме к сыну Петр напомнил его слова: «<...> ты всегда одно говорил, что к наследству быть не можешь за слабостию своею и что в монастырь удобнее желаешь». Петр ждал решения сына семь месяцев, но теперь он потребовал, чтобы Алексей принял определенное решение: или отправился бы к нему в Данию, или в монастырь. Он требовал определенности в этой ситуации, «ибо, — закончил Петр в свойственном ему афористичном стиле, — я вижу, что только время проводишь *в обыкновенном своем неплодии*» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 82. Л. 141; курсив наш. — М. С.]. Алексей ответил на требование отца бегством в Австрию к императору Карлу VI.

Слова Петра раскрыли основное содержание его жизни — активная творческая деятельность. Все остальное — «неплодие». Жизнь показала следствия такого «неплодия» — преступление Алексея перед собой как личностью, преступление перед отцом, которому должен оказывать помощь, преступление перед своей страной.

Использованное Петром Великим слово «неплодие» объясняет также отношение к тому, от чего он отказался в юности — от средневекового образа жизни. Уже в юные годы он убедился, что альтернативой «неплодию» являются только творческая активность, новые научные знания и техника. Стремлению сына Алексея уйти в монастырь Петр противопоставил требование Нового времени — создавать «плоды», конкретные результаты созидательной деятельности, что было свойственно передовым державам Европы того времени. Всеми своими трудами Петр показал, что он осознанно выбрал для себя и своей страны движение вперед, прогресс как систему ценностных ориентаций. Поэтому представляются ошибочными постоянно повторяющиеся суждения о том, что Петр насаждал в России западную культуру или являлся «западником». Он хотел, чтобы его страна находилась на уровне развития передовых европейских держав.

Личный опыт юного Петра убедительно показал ему, что сохранение традиций российской жизни XVII в. ведет страну к «неплодию», в «небытие». Единственной альтернативой этому пути стала системная модернизация основных составляющих российской действительности конца XVII — первой четверти XVIII в. — армии, государственного строя, экономики, культуры, образования. В процессе этих системных преобразований были созданы современная армия, флот и Академия наук. В обстоятельствах того времени единственным средством провести самые необходимые реформы при отсутствии подготовленных национальных кадров стало творческое освоение во всех этих отраслях опыта экономически развитых западноевропейских держав, приглашение западноевропейских специалистов.

В соответствии с принципами Нового времени для Петра Великого всю его жизнь главным являлось *дело*. Поэтому он писал своей супруге «Катери-нушке» в 1712 г.: «Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безкушно ж. Аднако можешь разсудить, что дела на нескуку менять не надобно» [ПБПВ. 1977. Т. 12, вып. 2. С. 49]. К *делу* он побуждал не только своего сына Алексея, но и людей на государственной службе. Поэтому в указе от 2 июня 1718 г. он указывал президентам коллегий, чтобы они «калегии свои с ревностию в дело производили». Генералу П.И. Ягужинскому он приказал «в коллегиях часто сей наш указ напоминать, побуждать и смотреть также по всея месяцы репортовать себе, сколько которая коллегия в которой месяц аванжировала, дабы видеть ревностного и презорцу» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 87. Л. 451].

Для того чтобы приучить сенаторов к ответственности, к максимальной продуманности принимаемых решений, Петр принудил их подписывать дела, разъясняя им в явном гневе в указе от 7 октября 1707 г.: «<...> и без того отнюд никакого дела не опьределяли, ибо сим всякого дурость явьлена будет» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 196].

Не о «западничестве», а о патриотизме Петра Великого свидетельствует его стремление воспитать у россиян новое мышление — служения не государю, а Государству, на что указывают все его ранее названные практические предприятия и законодательство, его собственный пример бескорыстного служения России. Патриотизм его формировался постепенно уже в юношеские годы, когда он видел, насколько традиционное, жизнь по старине уступают в своих возможностях современному, а в конкретных случаях — западноевропейскому. Этот патриотизм соединился у него с пониманием особого значения не царя, но Отечества, не государя, но Государства, как отмечено ранее, в соответствии с новейшими тогда теориями естественного права, общественного договора, «регулярного» государства как утверждения государственной и народной пользы.

Отсюда стремление Петра к установлению новых для России отношений между людьми. Уже в начальный период своей реформаторской деятельности он указал людям всех слоев общества, «царевичем, и бояром, и окольными, и думным, и ближним, и всяких чинов служилым и купецкого и всяких чинов людям и людям боярским, и крестьяном к великому государю в челобитных и отписках, и в приказных, и в домовных во всяких письмах генваря с 1 числа нынешнего 1702 году писаться целыми именами с прозваниями своими. А полуименами никому не писаться» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 162]. Но, отстаивая хотя бы в такой форме человеческое достоинство подданных, Петр не мог прекратить обращение к себе людей всех сословий как «рабов» в период высшего подъема абсолютной власти монарха.

Разгром под Нарвой в 1700 г. убедил Петра в том, что патриотизм должен быть соединен не со стариной, а с новым, с прогрессом, что стало идеологией всей его преобразовательной деятельности. Он принадлежал не к тем, кто

после поражения уходит в жизнь по-старому, «по старине» как утверждению истинности в соответствии со средневековым принципом. Петр относился к тем, кто принимает вызов времени. Петр идентифицировал себя с новым, что соответствовало тогда западноевропейским стандартам в технологиях, в научных знаниях. Поэтому, как он писал в 1716 г. в Объявлении к Уставу Воинскому, Россия одержала победы не только над сильным противником, но и над собственным прежним «варварством»: «<...> какие великие прогрессы с помощью Вышнего учинили над каким славным и регулярным народом, тако всяк может разсудит, что ни от чего инаго то последовало, токмо от доброго порядку, ибо все беспорядочной варварской обычай смеху есть достойной, и никакова добра из оного ожидат невозможно» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 52]. Петр убедился в том, что преобразования становятся основаниями «прогрессов», побед, тогда как старина, «варварство» — поражений. Поэтому в Северной войне победили Россия и он как ее политический и военный руководитель, император.

Такое отношение к преобразованиям означало не отвержение родного народа и его традиций, а его развитие в широких связях с культурами других стран. В этом Петра активно поддержал Феофан Прокопович и другие петровские сподвижники. Как написал Прокопович в своей широко распространенной книге «Правда воли монаршей», «разумный есть и человек и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худаго отстати, чуждаго принять не хочет» [[*Прокопович Феофан*]. 1722. Л. 44]. Но осваивать «чужое» следовало, сохраняя лучшее «свое». Поэтому в полной мере искренними были слова Петра об особом отношении к русскому народу, обращенные к некой девушке (возможно, своей племяннице Анне Ивановне), выходявшей за иноземного жениха: «Народ свой не забуди, но в любви и почтении имей паче протчих» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 162].

В отличие от многочисленных дворян и дворянских юношей, которые старались избежать государственной службы, Петр заставлял сына Алексея исполнять государственные обязанности. Когда же родился от брака с Екатериной сын Петр, он мыслил его только на военной службе, причем, начиная с солдата. Поэтому он сообщал в 1715 г. разным лицам: «Бог дал мне рекрута отцовым именем; дай Бог, чтоб видеть под мушкетом». В обращениях к флотским офицерам он вносил соответствующее изменение: «Бог дал мне маленькова матроза». То же писал Петр в 1717 г. и своей жене после рождения у них сына Павла [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 79. Л. 270, 271 и след.; ед. хр. 84/1. Л. 15; *Бычков А.Ф.* 1872. С. 40]. При этом Петр считал необходимым, как следует из его указа Воинской коллегии от 1 января 1719 г., «чтоб через чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить», начиная с солдат (для дворян и офицерских детей — начиная с солдат в гвардии) [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 90. Л. 1].

Для Петра эти идеи являлись лишь обобщением личного опыта. Он сам исполнял прохождение службы в разных родах войск, начиная с низших чинов, и в случае необходимости принимал личное участие в сражениях.

Последовательным было для Петра, человека православного, глубоко и искренне верующего, утвердить в России свободу протестантского и католического исповедания, что стало разрывом с предшествующей многовековой средневековой традицией. Его очень беспокоило в новой России состояние веротерпимости. Для ее утверждения он стремился к тому, чтобы христиане разных исповеданий лучше знали их особенности. В указе Синоду от 16 января 1723 г. им было предписано «собрать римской (католический. — М. С.), лютерской и калвинской катехизмы и прочие церковных действий книги и, переведши на славенский диалект, для знания и ведения напечатать» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 122]. Но такой подход к разным христианским Церквям не означал для Петра разрушение веры православной, а потому он наказывал девушке, вышедшей замуж за иноземного жениха: «Веру и закон, в ней же радилася, сохрани до конца неотменно» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 162].

В то же время он стремился не только к реорганизации управления Русской Православной Церкви, но и к превращению ее в современную духовную организацию. Поэтому в одной из записных книжек он отметил: «Чтоб написать книгу о ханжах и изъяснит блаженствы, <...> что не так, как оне думают; и приплесть к Требникам <...>». А когда книга «О блаженствах» была издана, он ее одобрил, но написал в указе Сенату от 13 июля 1722 г.: «<...> надлежит предисловие зделать, в котором розные наши толкования несправые, хонжевские все выяснит, дабы читающие перво свой порок узнал и потом ползу и прямую истинную». На подготовку грамотных священников в современных семинариях Петр выделял особые деньги [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 78, 110]. Но распространение ханжества как наследия прошлого в церковной и светской среде Петра беспокоило чрезвычайно. Ему принадлежит афористичное предупреждение: «И тако не всякий грех может ханжество употреблять при своем [свершении], а ханжество — все». В Новое время, которое создавало условия для юридических договорных отношений, ханжество создавало условия для обширного поля неправовых межличностных связей. Поэтому для его обличения Петр ссылался на авторитет Священного Писания: «Наконец, Христос спаситель ничего апостолом своим бояться не велел, а сего весьма велел: “Блюдитесь”, — рече, — “от кваса фарисейска, еже есть лицемерие”». В данной связи прекрасный знаток рукописей Петра Н.А. Воскресенский отметил свойства характера царя, противоположные таким качествам: «Простота, грубоватая прямота, правдивость, искренность и честность, а также великодушие — вот основное настроение в его собственноручных писаниях и весьма заметные мотивы правительственных его действий. А эти черты и мотивы исключают ханжество и лицемерие в характере человека и правителя» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 436, 464].

Петр много сделал для создания новой системы поведения, прежде всего дворян. Но его усилия распространялись и на представителей других сословий, которые оказались в сфере воздействия преобразовательной деятельности. Как отмечено ранее, Всешутейший собор вышучивал чванливость знатностью, спесивость, средневековую обрядность, утверждал брак по любви и так далее. Обостренное чувство служения Государству и Отечеству вызывало у Петра решительное осуждение отсутствия «склонности» «к воинским и гражданским делам», что ему пришлось увидеть в собственном сыне Алексее. В данном конкретном случае он видел, что такой наследник «растерял» бы то, «что чрез помощ Божию отец получил, и испроверг бы славу и честь народа российского, для которого я, — писал Петр далее о себе в полной мере обоснованно, — здоровье свое истратил, не жалея в некоторых случаях и живота своего» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 164–165].

Такую ответственность за славу и честь народа российского должны были испытывать и другие россияне, прежде всего дворяне, которым следовало, как считал Петр, быть грамотными, заниматься прежде всего воинскими и гражданскими «делами» к «славе и чести народа российского». Петр в своей всесторонней деятельности, в ее талантливом исполнении стал образцом не только для своих сподвижников, но также для тех современников и потомков, которые понимали требования своего времени, а потому стремились к прогрессу, к продолжению преобразований в России, к соответствию собственной личности Новому времени.

3. Петр Великий и становление российской исторической науки

В результате преобразований Петра Великого в России были созданы условия для новаторства во всех отраслях экономической и общественной жизни, для начала научного творчества. В создании основ исторической науки Петр принял самое активное участие.

Тема «Петр как историк» привлекала внимание исследователей. Она была поставлена в историографии Н.Г. Устряловым. Получив доступ в Государственном архиве к рукописям Петра Великого, он обратил внимание на принадлежащий Петру текст, который был включен в историческое произведение П.П. Шафирова «Разсуждение о причинах Свейской войны», на работу Петра как редактора и соавтора «Гистории Свейской войны». Устрялов отметил объективность Петра в изложении политических и военных событий, в редактировании подготовленных секретарем А.В. Макаровым материалов, устраняя, в частности, его восхваления [*Устрялов Н.* 1845. С. 257–273].

П.П. Пекарский развил намеченное Н.Г. Устряловым направление в изучении деятельности Петра как историка, а также исторической науки в петровское царствование. Он отметил указания царя о необходимости написания

трудов о российской истории, преимущественно новой и новейшей, о собирании и копировании древних рукописных и печатных книг, летописей, хронографов, грамот. Пекарский кратко рассмотрел некоторые из опубликованных при Петре исторических произведений, его участие в их инициировании и редактировании. Проанализировал он и опубликованные тогда переводные исторические сочинения [Пекарский П. 1862а. С. 315–332].

Анализируя содержание работы Петра над «Гисторией Свейской войны», Д.Ф. Масловский пришел к выводу, согласно которому научное изучение русской военной истории было начато самим Петром [Масловский Д.Ф. 1891. С. 3, 12].

Эти исследовательские направления или воспроизводились в произведениях о Петре Великом, или продолжали разрабатываться преимущественно в расширение круга исторических произведений, опубликованных в петровский период, в углубление анализа их идей [их обобщение см.: Черепнин Л.В. 1957. С. 140–161]. Поэтому актуальным стало системное изучение историографии петровского периода, источниковедческий анализ этих исторических произведений, а также исследование творчества самого Петра как историка. В значительной мере эти проблемы были решены С.Л. Пештичем и Т.С. Майковой. Они поддержали наблюдения предшественников. В их работах отмечено постоянное внимание Петра, с его ранней юности и в течение всей жизни, к истории России и других стран, его стремление сохранить памятники древности, письменные и вещественные, его организационное значение в написании трудов по истории России и в их редактировании. Пештич и Майкова установили, что Петр руководил сбором многообразных по происхождению исторических источников, необходимых для написания «Гистории Свейской войны», постоянно лично участвовал в работе над ней как автор и редактор, стремился к точному и полному изложению фактов, излагая основное содержание происходивших событий, оценивая их значение. Поэтому, поддерживая мнение Д.Ф. Масловского, Майкова написала, что Петр является основателем русской военно-исторической науки.

С.Л. Пештич и Т.С. Майкова поддержали ранее сделанные наблюдения Н.Г. Устрялова и Е. Шмурло, в соответствии с которыми история Северной войны перерастала в соответствии с намерениями Петра в историю России. В ней предполагалось изложить также обстоятельства ее экономического состояния, политических преобразований, Астраханского и Булавинского восстаний, дела царевича Алексея, распространения современных знаний. Поддержали они также мнение о начале русской археографии с петровского времени [Пештич С.Л. 1961. С. 68–192; Майкова Т.С. 1973. С. 103–132].

Н.А. Копанев отметил появление в начале XVIII в. особого фактора, который воздействовал на содержание общественно-политической и исторической мысли в России этого столетия, — идейное и политическое противостояние в странах Западной Европы мощному в военном и влиятельному

в политическом отношении государству — Новой России. На Западе стали появляться субъективные негативные характеристики народа России, Петра и его сподвижников. Этой тенденции Петр должен был противостоять как политическими методами, так и организацией контрпропаганды [Конаев Н.А. 1988. С. 11–12 и след.]. Объективное изложение исторических событий также должно было противопоставить создаваемому на Западе негативному образу России и Петра конкретные исторические факты.

Все эти наблюдения, как уже традиционные для отечественной историографии, так и новые, сделанные на основе введенных в научный оборот архивных материалов, в существенной мере раскрыли значение трудов Петра Великого в становлении российской исторической науки Нового времени. Между тем, есть возможность расширить проблематику поставленных в предшествующей литературе тем изучения трудов Петра-историка, вернуться к определению их значения для российской исторической науки. При этом особую роль приобретает изучение его идей о русской истории и его методы исторического анализа.

Петр в полной мере осознавал необходимость глубоких познаний в истории для современного просвещенного человека, тем более правителя такой державы, как Россия. В данной связи показательны то большое практическое значение, которое придавал Петр такому содержанию обучения, совмещенного с воспитанием в данном случае преемника: «<...> но для лутчаго знания воинских и политических или гражданских дел и иностранных государств состояния и обхождения обучен был и иных языков, чтоб чтением на оных гисторий и всяких наук воинских и гражданских, достойному правителю государства принадлежащих, мог быть достойной наследник нашего всероссийского престола» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 52].

Петр придавал большое значение историко-идеологическому обоснованию основных направлений своей деятельности. Поэтому его интерес к истории определялся преимущественно теми ее сюжетами, которые в своем содержании совмещались с проблемами новейшей российской действительности. В написанном Петром Объявлении к «Уставу Воинскому», изданному в 1716 г., он обосновывал необходимость его публикации событиями новейшей российской истории. Он указал, что «регулярное войско» было создано еще его отцом в 1650 г. Создание такого войска, по словам Петра, способствовало российским победам в войне с Польшей (имелась в виду война России с Польшей в 1654–1667 гг., которая велась после присоединения Украины к России по решению Переяславской рады). Но вместо дальнейшего совершенствования в военном деле «при растущем в науках свете» войско российское пришло в упадок «не точию с регулярными народами, но и с варварами» (имелись в виду крымские походы В.В. Голицына и, возможно, собственный поход на Азов в 1695 г.). Правильность выводов Петра из этих исторических уроков подтвердила уже новейшая история — победы новой

русской армии над шведским войском, над «славным и регулярным народом» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 52].

Показательна глубина анализа Петром истории русской армии. Реформированная еще Алексеем Михайловичем, она не совершенствовалась, тогда как «при растущем в науках свете», т. е. в условиях прогрессивного развития западноевропейских стран, их армии модернизировались организационно и технически. Войско российское, напротив, пришло в упадок. Таким образом, Петр показал сложное содержание истории русской армии и ввел в исторический анализ понятие прогресса, определяемого в данном случае уровнем развития науки и техники, их освоения в военном деле. Такое понимание прогресса существенно дополнило значение использованного Петром слова «прогрессы» в значении «успехи, достижения».

Написанный Петром позднее, в 1720 г., первоначальный текст введения к «Регламенту Морскому» позволяет определить не только его взгляды на отечественную историю, но также объяснить его отношение к приоритетам в ее изучении. Н.А. Воскресенский обратил особое внимание на принадлежавший Петру первоначальный текст введения к «Регламенту Морскому», хотя он был опубликован еще Г.Н. Устряловым, впрочем, археографически небезупречно [Устрялов Н. 1858б. С. 398–401]. Вознесенский отметил в нем двойственность Петра в определении основного субъекта российской истории, когда он первоначальное «о народе российском» исправил на «о монархии Российской». Отметил Воскресенский также историзм Петра в характеристике деятельности отца по укреплению государства, а также точность изложения Петром событий своей юности, которые имели отношение к определению истоков современного флота российского. Но его наблюдения, кажется, не были введены в научный оборот, поскольку рукопись Воскресенского не опубликована [Воскресенский Н.А. 1945б. С. 315–326].

Как следует из первоначального текста введения, Петр рассматривал Россию в ее историческом прошлом как «монархию» — политически единое государство, в котором единовластно правил князь. Поэтому ее состояние он характеризовал в связи с единством или «разделением» власти и территории. Петра не интересовали подробности древней истории России. Он начал исторический экскурс к «Регламенту Морскому» по-своему замечательно: «Хотя всем есть известно о монархии российской и ее початие и что далее деда князя Владимира (т. е. до князя Игоря. — М. С.) правдивой истории не имеем, но, оставя сие историком, возвратимся к состоянию оной». Таким образом, он оставил историкам научное изучение древней истории Руси, которую он в современном ему состоянии «правдивой» не считал, и предупредил, что будет приводить факты бесспорные.

Этим первым фактом для Петра стало княжение князя Владимира, который «владычеством и храбростию своею зело славен был, но паче прославился приведением своего отечества от тмы идолопоклонства к свету Христовой

веры». Но Петр осудил Владимира за то, что он «вместо надзидания и укрепления яму к падению учинил», разделив «монархию» на 12 частей между своими сыновьями. Ближайшее отрицательное следствие этого он указал в убийстве Святополком двух своих братьев и в последующих нападениях «варваров», которые, «видя сию махину разсыпанную, тако начали обезпековать, что едва не всю под свою область привели», объединив здесь нападения кочевых народов, печенегов, половцев и монголо-татар.

Политическую раздробленность Русского государства Петр рассматривал как долговременное следствие «вредного дела» Владимира Святославича. Его «исправил» Иван III Васильевич. Он «расточенную махину паки в гору собрал и яко новым крещением силою воинскою христианство от вышереченных варваров свободил и утвердил и оных от ближнего соседства отогнал». В последующем изложении военно-политической истории России у Петра правление Василия III и Ивана IV, вероятно, совместились. По его словам, сын Ивана III Россию «короною утвердил», что относится, видимо, к царскому титулу и венчанию на царство Ивана IV, а также, «храбро владычествовав, от оных варваров весьма безопасна сочинил», что в равной мере относится к восточной политике и Василия III, и Ивана IV.

Петр обоснованно написал, что «сия линия (т. е. Рюриковичей. — М. С.) пресеклась злодейством Годунова», имея в виду гибель царевича Дмитрия Ивановича (1591 г.). Тем самым он ответил на распространенное в русских историко-литературных сочинениях второй половины XVII в. суждение о прямой династической преемственности Рюриковичей и Романовых. В 1746 г. это идеологизированное суждение повторил П.Н. Крекшин, так что в 1747 г. Г.Ф. Миллеру и М.В. Ломоносову пришлось доказывать, что это не так, в чем они присоединялись, видимо, не подозревая того, к тому, что ранее написал Петр I (см. далее, с. 532–536).

Опуская имена и события, Петр отметил в истории России начала XVII в. основное — «тогда чрез смятение едва паки (вновь. — М. С.) к падению не пришла». В царствовании деда, Михаила Федоровича, для него основным стало то, что он для безопасности страну «первых дел трудами очистил и успокоил». По мнению Петра, «отмщение» внешним противникам и «разпространение» владений, «тщание» «особливо в воинских делах» было свойственно правлению Алексея Михайловича. Он упомянул выписанных из Голландии в царствование Алексея Михайловича Давида Бутлера с мастерами, которые построили корабль «Орел» и яхту. Такое указание начала строительства современных кораблей было важно для Петра, поскольку, по его словам, «от вышепомянутого начинания, яко от семени, нынешние морское дело произошло». Далее он подробно, с указанием имен и фактов в их обстоятельном изложении сообщил о своем освоении астролэбии, хождении под парусом на английском боте и своем увлечении морским делом, что стало началом в России современного кораблестроения и флота (см. ранее, с. 191)

[цит. по: Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 84. Л. 443–445; изд. см.: Устрялов Н. 18586. С. 398–401].

В этом первоначальном тексте введения к «Уставу Морскому» проявились особые требования Петра к историческому изложению. Судя по указанию им двенадцати сыновей Владимира, он был знаком с древнерусской историей не по Степенной книге, где Владимировичи перечислены, но не указано их число, а с летописной традицией, где их число названо. В библиотеке Петра находилась копия Радзивилловской летописи. В ее тексте было написано о Владимире Святославиче: «Бе у него сыновъ 12 <...>». Эта копия была выполнена по указанию Петра еще в 1713 г. Вероятно, он читал этот текст Радзивилловской летописи, в составе которой были использованы Владимирские своды конца XII – начала XIII в. [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 7–8; Библиотека Петра I. 2003. С. 193–195]. Так что Петр руководствовался сведениями о древнерусской истории из древнерусского летописного памятника, а не из позднесредневековых историко-литературных произведений. Его внимание не привлекли ни содержащиеся в более поздних летописях и исторических произведениях XVI–XVII вв. этногенетические предания, ни сообщения о родстве российских правителей с Августом или Прусом. Все эти спорные вопросы он оставил профессионалам — историкам.

Исторические события Петр изложил не только в причинно-следственных связях, что свойственно также обыденному сознанию. В указании казалось бы незаметных истоков современного российского флота 1720 года в началах кораблестроения времен Алексея Михайловича, в своем юношеском увлечении хождением под парусом Петр проявил тонкость научного мышления, следующего принципам генетического анализа, устанавливающего объективные начала и детерминированность последующего их развития. В частности, для него не существовало поставленной позднее историками проблемы преобразований Петра в армии и на флоте по отношению к предшествующему периоду — с «нуля» или в преемственности. Такая их связь в середине XVII и XVIII столетий была для него очевидна [см.: *Пештич С.Л.* 1961. С. 80–81].

Вместе с тем, в этом кратком историческом очерке проявились задатки Петра как талантливого историка: изложение предыстории российского флота с точным указанием фактов и имен, объективность. Данный текст петровского введения является также образцом научной прозы, в которой специальные понятия, выраженные иностранными терминами, которым нет или еще не было соответствия в русском языке, соединены с прекрасным русским литературным языком, основой которого стала разговорная речь.

Впрочем, это петровское введение к «Уставу Морскому» в 1720 г. не удовлетворило ни сподвижников Петра, мнение которых он постоянно учитывал, ни, возможно, его самого. Поэтому оно было переписано Феофаном Прокоповичем в соответствии со стилистическими особенностями классицизма и барокко — многословно, с пространными оборотами речи, с восхвалениями

монарху и России. Дополнена была и его историческая составляющая. Этот текст был отредактирован царем, который несколько умерил восхваления и дополнил его собственными идеями. Так что переработанный текст также имеет историографическое значение [РГАДА, ф. 9, отд. 1, кн. 38. Л. 891–901 об.; копия: Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 94. Л. 446–454; курсивом выделено написанное Петром Великим].

Феофан Прокопович, перерабатывая петровский текст, превратил его начало в разыскание о предыстории российского мореплавания — «как долго Россия, толь пространное, сильное и во всем изобильное государство, не имела кораблей *и искусного* морского плавания не умела и что не допускало оной к получению дела сего толь полезного и славного и каковыми судьбами Премилостивый Бог в наша времена чрез Петра Первого, благополучно нами царствующаго как многие иные, так и сей недостаток прещедро исполнил (т. е. восполнил. — М. С.)».

Для автора русская история начиналась с Рюрика, но ему было неясно, «в древнейшия времена *назад*, в лета великаго князя Российскаго Рурика» имела ли Россия «воинския» или купеческие «болшие и ветрилами ходящие на некоем море водныя суды». Он объяснил, почему таких сведений нет — «у нас тогда не толко историков, но и писмени не было, а каковая есть история Российская от славенских летописцев нам оставленная, начинается она от лет Рюриковых». Автор указал год смерти Рюрика в соответствии с Радзивилловской летописью (ее Петровской копией), но не от Сотворения мира, как в летописях, а в соответствии с Новым временем, от Рождества Христова — 879 г.

Впрочем, определяя содержание начальной истории русского флота, автор обратился не к летописям, в которых содержатся сведения о походах князей Олега и Игоря на Византию в 907, 941 и 944 гг. на кораблях или в ладьях, не к византийским источникам («Житие Василия Нового»), а к историческому произведению Иоанна Клуверия, который писал, ссылаясь на «историков греческих», что, как написано в новом введении, «Игорь, великий князь Российский, ходил под Константинополь Чорным морем с флотом пятнадесят тысяч судов».

В связи с этим указанием огромного множества судов находилась следующая фраза: «Но то не корабли, — и Петр далее продолжил, — *или иные какие воинские великие суды были, но струги, чаю, казанские, каковы и ныне оные на море употребляют, из одного дерева выдолбленные, что поттврждает и греческая история, где называет оные суды манакилы по гречески, то есть единодеревья*».

В этом экскурсе Петр соединил собственные наблюдения над современным опытом судостроения и исторические сведения. К тому же, как создатель современного российского флота он должен был объяснить такое множество судов у князя Игоря Рюриковича. Видимо, для Петра к тексту о моносилах

рядом на поле было сделано примечание: «Тут имела быть краткая повесть царя Константина Порфирогенита о воинских монокиллях, как оныя под Киев собирано и оттуду на море послано, да понеже не нашлась книга и подлинных Константина слов не имеем, может то объявиться».

Соавтор Петра Феофан Прокопович имел в виду произведение византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (*De administrando imperio*), где в главе «О росах, отправляющихся с монокилами из России в Константинополь» обстоятельно сообщается об этом сюжете [новейшее научное издание и перевод см.: *Константин Багрянородный*. 1989. С. 44–51]. Показательно, что Прокопович записывал эти сведения по памяти, поскольку самого издания труда Константина Багрянородного под рукой не оказалось. Такая начитанность может свидетельствовать о его эрудированности и хорошей профессиональной подготовке в истории. Он исполнил пожелание Петра изучить то, что оставлено историкам в начальной петровской редакции «Устава Морского».

Видимо, выполняя пожелание Петра, Ф. Прокопович особо остановился на недостатках состоявшего из «малых лодок» «древнего оного флота российского». Его вывод — «была убо Россия в древния оныя времена довольно мужественна и храбра, да не довольно вооружена» — должен был показать состояние Руси в историческом прошлом. Но Петр, редактируя текст, решительно соединил историю и современность, подчеркивая иное положение России древней и современной. Поэтому он продолжил мысль соавтора: «*Ниже правильно разпоряжена*». Если соавтор собирался отнести к прошлому «политическую пословицу» «о государех, морского флота не имущих», то Петр распространил ее на Россию, имея в виду также ее современное состояние: «*что те токмо одну руку имеют, а имеющим флот обе, что и наша Расия одну токмо руку имела тогда*».

Далее Ф. Прокопович следовал в историческом введении к «Уставу Морскому», в основном, за текстом Петра, но многословно и с дополнениями. Впрочем, Петр, редактируя новый вариант, последовательно возвращал его к своей концепции. Когда соавтор написал о разделении Руси Владимиром между сыновьями — «немалый вред народу русскому принес», Петр зачеркнул «немалый» и написал «*превеликий*». Во фразе о Батыевом нашествии он вычеркнул «и в многия окрестныя нам страны» и написал конкретно: «в наше отечество». Когда Прокопович по-ученому написал об «уврачевании» великим князем Иваном Васильевичем «вреда, Владимиром содеянного», «смертоносной болезни твоей, России, рассечение состава твоего на многия немощныя и взаимно себе вредящие части», Петр вычеркнул слово «состава» и написал «*тело*», что эмоционально, но более точно выражало идею определяющего единства страны. Лишенную конкретного содержания фразу о событиях, произошедших после «злодейства Бориса Годунова» — «которых кратко воспомянуть не возможно, а пространно сказать не время» —

Петр заменил конкретным указанием: *«о которых изволяй да чтеть в истории российской»*.

Придавая особое значение точному изложению фактов, Петр включал в текст факты и имена, которые его соавтор по введению к «Уставу Морскому» считал малозначительными. Поэтому он добавил в текст о Франце Тиммермане — *«который тогда при Ево В. для учения геометрии и фортификации жил»*, а также Карштена Бранта вместо названного без имени «корабелника». Неопределенную и вычурную фразу «но всю мысль свою наполнил флотом» он вычеркнул, и заменил ее конкретным изложением событий: *«Того ради всю мысль свою уклонил для строения флота, и когда за обиды татарские учинилась осада Азова и потом оной счастливо взят, тогда»*... далее он оставил текст соавтора: «не стерпел долго думать о том, скоро к делу принялся».

Требования Петра к полноте объективного изложения выразились в дополнении к ранее подготовленному тексту о его «научении корабельной архитектуры» в Голландии на амстердамской верфи Ост-Индской компании: *«<...> что подобало доброму плотнику знать, потом просил той верфи баса (мастера. — М. С.), Яна Пола, дабы он учил препорции корабельной, которой ему чрез четыре дни показал, но понеже в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципы, прочее же з долговременной практьтики, о чем и вышепереченной бас сказал и что всего на чертеже показать не умеет, тогда зело ему стало, что такой далной путь для сего възприсял, а желаемого конца не достиг и по нескольких днях прилучилось быть Е.В. на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел горазда не весел ради вышеписанной причины, но когда междо разговоρφ опрошан был, для чего так печален, тогда оную причину объявил. В той компании был один агличанин, которой, слыша сие, сказал, что у них в Англии сия архитектура так в совершенстве, как и другие, и что кратким временем научитися мочно. Сие слово Е. В. зело обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал и там чрез 4 месяца оную науку окончил и при возвращении своем вывез с собою двух корабельных мастеровф, Яна Деня да Осипа Ная»*.

В стремлении к точности и указанию определяющих составляющих событий новейшей истории российского флота Петр вычеркнул обобщающую малосодержательную фразу Ф. Прокоповича — «не одну уже над неприятelmi получил викторию как то и мимошедшаго» 1719 года — и вписал конкретное изложение событий успешных военных действий в Финляндии, которые сделали возможными нападения на шведское побережье в этом году, о чем уже было написано в тексте введения: *«великое княжество Финланское завоевал, без которого б сухим путем для неудобности пути оное все конечно достать было не возможно. Також в прошлом 1719 году <...> (последующий текст о событиях этого года Петр оставил без изменений)»*. Данное дополнение объясняло содержание происходивших военных действий и свидетельствовало о таланте Петра как стратега.

Таким образом, анализ авторской и редакторской работы Петра над введением к «Уставу Морскому» свидетельствует о том, что он постоянно стремился к точности и полноте изложения событий, к тому, чтобы они были наполнены указанием всех фактов и имен, знание которых необходимо для понимания содержания этих событий.

Петр в полной мере осознавал историческую значимость произошедшего в его правление. Древняя российская история привлекала его в меньшей степени. Поэтому он обращался к ней и интерпретировал ее в соответствии с задачами Российского государства новейшего времени. В таких исторических экскурсах Петр проявлял широкие познания в истории.

Сообщая о женитьбе своего сына Алексея на немецкой принцессе, Петр здесь же заметил, что это была обычная для отечественной истории ситуация: «<...> как инде обыкновенно, також и у предков наших росийских государей чинилось, что з другими государями своилис» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 165]. Впрочем, такие браки относились не к Романовым, а к уже давним союзам Рюриковичей. Наиболее политически значимыми и близкими по времени являлись женитьба московского князя Василия I Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, на Софье, дочери литовского князя Витовта, в 1390 г. и женитьба Ивана III Васильевича на Зое Палеолог в 1472 г.

При изменении порядка наследования императорского престола Петр вновь сослался на исторический прецедент в отечественной истории. Он назвал венчание на великое княжение Иваном III своего внука Дмитрия Ивановича в 1498 г., а также опалу на Дмитрия 11 апреля 1502 г. и венчание на княжение Василия III, сына Ивана III, уже 14 апреля того же года [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 175].

Так же Петр поступил в 1723 г. при подготовке Манифеста о короновании своей супруги Екатерины. В черновом тексте он написал: «Понеже всем ведомо есть, что во вьсех христианских государствах непременно обычай есть потентатом супьруг своих короноват, и не точию ныне, но и древље у православньных императороф греческих сие многократно бывало, как тому следуют именно ниже сего». Эту фразу он написал по памяти, что свидетельствует о познаниях в византийской истории как у самого царя, так и у людей из его ближнего окружения. После нее Петр указал: «вписат». Так что в беловом тексте Манифеста уже были перечислены византийские императоры Василий, Юстиниан, Ираклий, Лев Мудрый и коронованные ими супруги [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 179].

Античная история также была объектом внимания Петра. Этот интерес не был традиционной данью культуре эпохи классицизма. Он выражал стремление Петра соотнести исторический опыт античности и современности.

Как следует из сообщения А.Д. Татищева, изложенного вице-президентом Синода архиепископом Феодосием в записке от 2 декабря 1723 г., Петр приказал ему перевести «на славянский диалект» две книги, на латинском

и голландском языках, о деяниях Юлия Цезаря [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 104. Л. 365]. Интерес к этому деятелю античной истории в полной мере объясняется также его блестящими военными операциями, которые стали классикой военной истории, и тем, что он начал преобразование Римского государства в империю.

В записной книжке № 1, не имеющей даты, но, судя по упоминанию волновавшего его вопроса о религиозных «ханжах», относящейся к самому началу 20-х гг., Петр записал мысль о фактах античной истории: «О греческом падении от презрения войны, римское — от разорения Картагена». Можно предположить, что в этих событиях античной истории его внимание привлекло их определяющее значение: падение Греции от того, что в ней, по его мнению, военное дело пришло в упадок, и она не смогла противостоять натиску Рима, а также римское могущество, которое последовало за уничтожением Карфагена — соперника Рима на Средиземном море.

Мысль о поучительной судьбе Древней Греции Петр повторил уже публично в Троицком соборе в Петербурге во время торжеств 22 октября 1721 г. в связи с заключением Ништадского мира, но для того, чтобы не расслабляться после победы в войне с грозным противником и поддерживать вооруженные силы России в должном состоянии: «Надлежит Бога всею крепостию благодарить, однакож, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами так не случилось, как с монархией Греческой» [*Воскресенский Н.А.* 1945б. С. 24]. В последних словах прослеживаются также размышления Петра над судьбой империи Александра Македонского.

В условиях активного вторжения в быт просвещенной части русского общества культуры барокко и классицизма в живописи, скульптуре, архитектуре в ее домах постоянно появлялись изображения античных богов. Поэтому не удивителен интерес к книге древнегреческого автора Аполлодора Афинского второй половины II в. до н. э. «Библиотека», в которой излагалось содержание античных мифов. Ознакомившись с ее переводом, Петр указал, чтобы она была дополнена выдержками из сочинений христианских авторов, чтобы русскому читателю было ясно, «како язычницы, прежде познания христианского благочестия в неверствии своем заблуждали и каковых богов имели». На необходимость этого дополнения он указал члену Святейшего Синода Ф. Прокоповичу [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 78, 126]. Таким образом, Петр стремился тактично разъяснить своим современникам необходимость усвоения основ западноевропейской культуры, способствуя также распространению знаний об истории античной. Эта книга была издана с предисловием Прокоповича в 1725 г.

Петр постоянно находился в курсе событий современных стран Западной Европы, но их средневековая история его интересовала мало. Видимо, лишь в ранее приведенном историческом экскурсе шестой редакции «Регламента Главного магистрата» видно его отношение к этому периоду европей-

ской истории как ко времени «варварства» (см. ранее, с. 168). То есть, это был обычный взгляд на эпоху средних веков интеллектуалов эпохи Возрождения, поддержанный уже в эпоху Нового времени теми, кто стремился преодолеть наследие средневековья в экономической, общественно-политической и духовной жизни.

Все эти конкретные примеры — лишь частные случаи постоянного внимания Петра к самым разнообразным историческим знаниям. Показательно, что в соответствии с его указом в Синоде был подготовлен перевод «Лексикона универсального исторического». Но когда Петр увидел у купцов новейшее его издание на немецком языке, он приказал его купить и учесть при завершении работы над ранее сделанным переводом. Петр поступил в данном случае в соответствии с требованиями новейшего времени, чему он следовал и во всех других видах своей деятельности [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 128–129].

Петр придавал большое значение написанию истории его царствования. Но основными событиями его правления для Петра являлись не факты военной истории, победы его войска и политической жизни страны, а преобразование России в соответствии с современными достижениями передовых европейских держав. В данной связи показателен перечень событий, которые он записал как произошедшие в 1699 г., иногда сопровождая их комментариями. 1) Реорганизация типографии и начало переводов и издания книг по инженерному делу, артиллерии, «механические и протчих художеств», по истории и календари. Поскольку Петр стремился к точности, то он по памяти написал о публикации книг по воинскому делу и фортификации, но эти записи зачеркнул. 2) Создание Навигацкой школы, «такж и протчих наук школы начало свое восприимат помалу стали; також и разные художества». Здесь же он отметил «приумножение» школ с латинским языком и открытие школ с немецким и другими языками. 3) Позволение всем ездить для обучения в европейские страны, что ранее было запрещено под угрозой наказания, про этом, разъяснил Петр, «не точию позволил на сие, но еще к тому их принуждал». 4) Учредил орден апостола Андрея Первозванного. 5) Начал подписывать грамоты, относившиеся к международным отношениям, а не только удостоверять их печатью. 6) Празднование Нового года с 1 января. 7) Повелел носить верхнее платье «по обычаю европских христианских государств». 8) Повелел бороды брить.

Особо Петр указывал на необходимость внесения в историю его царствования нового законодательства гражданского и военного, уставов, строительства крепостей, гаваней, Петербурга и Кронштадта, создания флотов и «мануфактур всяких». Он не только отметил время подготовки «Устава Воинского» и «Регламента Морского и Адмиралтейского», но также и свое активное участие в их написании, «не повелением токмо, но самым трудом его учинен, где не токмо утрами, но вечерами по дважды на ден оное делано

в разные времена». При этом Петр требовал, чтобы излагавшиеся в его время новшества имели место, но также «и по какой причине или принуждению зачаты», т. е. большое значение придавал он аналитическому изложению исторических событий. По мнению Петра, историческое повествование должно было следовать не прежним летописным образцам, а новейшим принципам исторического анализа [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 115–116, 150].

Таким образом, Петр создавал условия для появления в России исторической науки. Аналитический подход к российской истории позволил ему обобщить основное военно-политическое содержание своего царствования. Оно было раскрыто Петром по поводу, в его время значительному — литературно-художественному оформлению праздника. Данный текст, датированный 16 августа 1724 г., кажется, не привлекал внимания историков:

«Надлежит в первом стихе помянуть о победах и потом силу писать во всем празднике следующую.

1. Неискуство наше во всех делах.

2. А наипаче в начатии войны, которую, не ведая противных сил и своего состояния, начали как слепые.

3. Бывшие неприятели всегда не толко в словах, но и в историях писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тем нас.

4. Какие имели внутренния замешения, также и дея сына моего, такожь и турков подвигли на нас.

5. Все протчие народы политику имеют, дабы баланс в силах держать меж соседов, а особливо, чтоб нас не допустить до света разума.

6. Во всех делах, а наипаче в воинских, но то в дело не произвели, но якобы закрыто было сие пред их очесами».

В примечании к этой копии указано, что она сделана с чернового текста, тогда как белой текст отсутствовал [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 107. Л. 254–255].

Данный текст позволяет не только установить, что Петр думал о перечисленных им событиях, но также соотнести его суждения с мнениями его современников, которые писали на те же темы.

Придавая особое значение написанию истории Северной войны после ее завершения и подписания 30 августа 1721 г. Ништадского мира, уже 31 октября того же года Петр сообщил Сенату, что его каждое субботнее утро будет посвящено работе над историей «о войне» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 98. Л. 274].

В подробностях написанная история Северной войны должна была сообщить современникам и потомкам не только о победах, но также о великих трудах, посредством которых эти победы были достигнуты, о всех обстоятельствах военных действий. Петр по памяти вписывал в подготовленный текст «Гистории Свейской войны» не только конкретные подробности военных событий. По его указанию были изложены обстоятельства поражения

под Нарвой в 1700 г. Но оценка этого события была дана диалектическая — поражение стало началом будущих побед. Эта концепция была свойственна Петру, для которого разгром под Нарвой являлся свидетельством состояния старой России. Как написано в тексте, подготовленном сотрудниками Петра, эту победу «давно во всем обученных и славных в Европе» шведов, «зело печально чувствительную», следует рассматривать как «милость Божию», «ибо, ежелибы нам тогда над шведами виктория досталась, будучи в таком неискустве во всех делах, как воинских, так и политических», то не было бы грядущих побед, в том числе и под Полтавой. Анализ этих событий Петром и его сотрудниками позволял раскрыть суть последовавших петровских преобразований: «но когда сие нещастие (или лучше сказать великое щастие) получили, тогда неволя леньность отогнала, и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила» [Сборник документов по истории СССР. 1973. С. 90].

Характеристика исторических событий как состояние России до 1700 г. («неискуство во всех делах, как воинских, так и политических») — разгром под Нарвой («нещастие», «зело печально чувствительная» победа шведов) — новое состояние России после 1700 г. («великое щастие», «ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила») содержит в себе начала диалектического анализа: тезис — антитезис — синтез как появление нового качества. Такой анализ впервые появился в русской исторической литературе. Он позволял значительно более обстоятельно и обоснованно исследовать содержание исторического процесса в сравнении с традиционным прагматическим изложением событий в причинно-следственных связях.

В тексте, содержащемся в заключении книги П.П. Шафирова «Рассуждение о причинах Свейской войны», Петр ссылаясь на историческое прошлое России, для того чтобы указать как одну из основных причин отставания России от других европейских стран шведское завоевание прибалтийских территорий. Он без обиняков писал, что «шведы тогда иначе о нас рассуждали и за слепых имели». Он призывал читателей сопоставить это историческое прошлое с новейшим временем преобразований в России: «Того ради разсуди, какая была всегдашняя злоба сих соседей еще при начатии рождения Российской славы и введения добрых порядков; каково же ныне, когда Господь Бог так прославил, что те, которых вся Европа опасалась, ныне от нас побеждены».

Так Петр привлекал исторический опыт для обоснования продолжения длительной и изнурительной Северной войны, которая должна была завершиться необходимыми для российского будущего условиями. Поэтому он предупреждал о намерениях противников: «<...> но будут всегда искать так нас разорить, чтобы в век впредь не в состоянии были какие знатные дела чинить, и не только чтоб им нас бояться, но всегда б над нами быть, дабы никогда не смели ничего против их сделать; и тако бы мы сами себе и разорители были» [Устрялов Н. 1845. С. 261–262; 1858а. С. 326–328].

Значительны были усилия Петра по созданию источниковых основ для изучения отечественной истории, на что уже неоднократно обращалось внимание. Но к ним следует вернуться в связи с данным исследованием историографического процесса в России XVIII в.

Как отмечено ранее, во время путешествий в зарубежные страны Петр видел кунсткамеры и собрания древностей. Г.В. Лейбниц обосновывал необходимость создания таких коллекций в России. Петр и сам со свойственной ему проницательностью осознавал необходимость спасения памятников отечественной старины, необходимых, в частности, для ее изучения, поскольку было хорошо известно отрицательное отношение к ним церковных властей. Они следовали сменяющим друг друга художественным стилям, подчас уничтожая памятники архитектуры, которые воспринимались как «устаревшие», и приказывали переделывать произведения прикладного искусства в соответствии с новыми стилями, используя драгоценные металлы и камни древних украшений и предметов церковного обихода, не осознавая их научное и художественное значение. В небрежении оказались и многие памятники письменности. Поэтому столь был важен первый в отечественной истории петровский указ Синоду от 20 апреля 1722 г. об охране памятников старины. В нем указывалось, что в церквах есть предметы, необходимые для богослужебного обихода, но «есть много вещей старых изрядных, может быть, на бесценак отдадут, а именно, старые манеты, камня хорошие, которые по старому обычаю не огранивали и сим подобное». Такие предметы, согласно указу, следовало доставить в Синод. «Что не куриозное», т. е. не редкое, надо было вернуть владельцам, «что куриозное, денги дат достойной цены». Показательно, что и в этом указе проявилось хорошее знание Петром отечественной истории. Он отметил, что особо много «таких вещей» сохранилось в Сергиево-Троицком и других монастырях, «которые не были в Московское разорене за поляки» [Воскресенский Н.А. 1945а. С. 108], имея в виду польскую интервенцию 1609–1612 гг. Показательно использование Петром понятия «Московское разорение». Возможно, он читал русские произведения XVII в. о Смутном времени. О стремлении Петра сохранить свидетельства российской военной славы прежних веков свидетельствует его указание князю Б.И. Куракину покупать русские старинные пушки, которым сто лет и более, «не допусая до переливки» [Пештич С.Л. 1961. С. 77].

Петр пытался спасти от гибели и древнерусские рукописи. В указе от 20 декабря 1720 г. губернаторам и вице-губернаторам предписывалось «во всех монастырях, и епархиях, и соборах прежния жалованныя грамоты и другия куриозныя письма оригинальныя, такожде и историческия рукописныя и печатныя книги пересмотреть и переписать <...> и те переписныя книги прислать в Сенат». 16 февраля 1722 г. был издан еще один указ: «из всех епархий и монастырей, где о чем по описям куриозные, т. е. древних лет рукописанные на хартиях и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографы и

прочие им подобные, что где таковых обретается, — взять в Москву в Синод, и для известия оные списать и те списки оставить в библиотеке». Для исполнения этого указа Синодом были разосланы нарочные. Но рукописи прислали лишь немногие епархии. По преимуществу они отвечали, что в их церквях и монастырях таких рукописей нет, хотя это не соответствовало действительности. В 1730 г. оказалось, что в числе присланных рукописей большинство духовного содержания, несколько житий святых, четыре хронографа и четыре летописца [*Пекарский П.* 1862а. С. 318–319].

В отличие от лиц духовных Петр понимал особое значение собирания и издания исторических источников. Поэтому в написанном по его указу «Рассуждении о причинах Свейской войны» П.П. Шафиров публиковал содержащиеся в государственных архивах дипломатические документы о русско-шведских отношениях середины XVI–XVII вв. Его стремление передать тексты документов «слово в слово», а также издание «Грамоты императора Максимилиана» для обоснования правомерности императорского титула русских царей позволяют отнести начало русской археографии к петровскому времени [*Пештич С.Л.* 1961. С. 77–78].

Таким образом, Петр Великий исходил из необходимости основательных знаний истории для человека просвещенного. Сам он хорошо знал отечественную и античную историю, но изучение древней истории он оставлял специалистам. Особое значение для него имела новая и новейшая история, которую он совмещал с проблемами современной политики, внутренней и внешней.

Петр стремился к точному и подробному изложению событий в историческом прошлом, что становилось для него началом объективного анализа исторических процессов. При этом он проявил свойства диалектического анализа, устанавливая взаимодействие разных по происхождению и содержанию факторов исторического развития, устанавливая взаимосвязь количественных и качественных характеристик, определяя военное поражение под Нарвой в 1700 г. как начало побед России, ее экономического и социально-политического преобразования.

При написании текстов исторического содержания Петр проявил значительные познания в отечественной истории, критический подход к анализу исторических событий, источников и исторической литературы. Он и под его руководством его соавторы комплексно привлекали разные по происхождению исторические источники.

Петр создавал условия для исторической науки будущего. Сам он дал образцы объективного изложения событий с основными именами и фактами, совмещавшие их хронологическую последовательность и анализ. Он стремился собрать и сохранить отечественные исторические древности, памятники древнерусской письменности, что могло создать источниковую основу дальнейших исторических разысканий. При Петре началась публикация исторических источников, а сам он дал образцы прозы исторического содержания. Во всех этих

отраслях исторической науки, находившейся в России в процессе становления, он наметил основные направления ее будущего развития.

Как и во всей своей деятельности, при анализе исторической действительности и изложении исторических событий Петр Великий исходил из идеологии прогресса — смены старых или устаревших видов бытия новыми, существующими в более совершенных условиях материального производства, науки и ежедневной жизни. В условиях сохранения в России самодержавия, сословного строя и развивающегося крепостного права определяющим фактором исторического прогресса для Петра становилось Государство. Но в соответствии с философскими и политическими концепциями XVII — первой четверти XVIII в. деятельность этого Государства должна была осуществляться для общественного блага.

4. Российская историография в Петровскую эпоху

Петр стремился, чтобы исторические события, произошедшие в его царствование, остались в вечной памяти печатной продукции. Поэтому историческую направленность имели «Ведомости», которые сообщали о «делах, достойных знания и памяти». Постоянные записи о военных походах Петра велись в «Юналах» (1695–1724 гг.) [*Пештич С.Л.* 1961. С. 78–93]. Особое внимание Петр уделял, как отмечено ранее, распространению в России энциклопедических словарей. Но он руководил также подготовкой трудов по российской истории. В 1708 г. Петр указал И.А. Мусину-Пушкину, чтобы известный книжник, справщик московской типографии Федор Поликарпов написал сочинение на эту тему от начала царствования Василия Ивановича, т. е. с 1505 г., до настоящего времени. Для образца он должен был описать пять лет в двух редакциях, краткой и пространной. В 1712 г. Мусин-Пушкин напомнил о повелении царя, при этом он передал, как этот труд должен быть написан: «Понеже его царское величество желает ведать российского государства историю, и о сем первее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано. И того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно».

Вероятно, в 1715 г. сочинение Ф. Поликарпова было передано Петру. Но 2 января 1716 г. Мусин-Пушкин сообщил автору: «История твоя российская <...> не очень благоугодна была» [*Пекарский П.* 1862а. С. 317]. К тому же, как отметил С.Л. Пештич, о событиях Северной войны Поликарпов писал кратко, без достаточного источниковедческого обоснования. Автор попытался дополнить работу новейшими сведениями. Но ему были доступны лишь опубликованные материалы, так что переработка рукописи была прекращена [*Пештич С.Л.* 1961. С. 111–112].

Из указаний Петра Ф. Поликарпову в 1712 г. следует, что он требовал преимущественного внимания к конкретному изучению отечественной истории. Его не интересовали традиционные для средневековых русских летописей и хронографов введения, начинавшие мировую историю в соответствии со Священным Писанием от Сотворения мира. В равной мере Петра не удовлетворяли содержащиеся в них повествования, включавшие Россию в мировой процесс посредством формальных указаний других народов и государств.

Вероятно, в 1712 г. Петр ознакомился с «предварительным сообщением» (*vorläufiger Bericht*) Г.В. Лейбница, который, стремясь быть полезным на русской службе (см. ранее, с. 157), подготовил обзор древнейших исторических сведений о народах Восточной Европы как предыстории и начальной истории славян и Руси. В данной связи Лейбниц упомянул сообщения Гомера о киммерийцах, Геродота — о скифах, сарматах и других народах, которых можно было бы считать предшественниками славян. Привел он также известия Тацита, Птолемея и других авторов, которые свидетельствовали о переселении германских племен и их соседстве со славянами во время этих переселений. Впрочем, в соответствии с научными знаниями XVII — начала XVIII в. проживание народов на территории, позднее занятой славянами, и этнокультурные взаимные влияния народов он воспринимал как указания их славянской принадлежности. Поэтому, как писал Лейбниц, «гунны были сарматским или, как теперь говорят, славянским народом, тому есть много доказательств». Но далее, не называя учтенные им латино- и грекоязычные источники, он писал, используя современные хоронимы, о расселении славян из Польши и России «во времена Юстиниана и позднее» на обширных пространствах от Эльбы до Адриатического моря. Завершил Лейбниц свое предварительное сообщение о научных разысканиях на эту тему указанием на осаду русами Константинополя в IX в., отождествляя их с роксоланами [Герье В. 1871. С. 138–139].

Как следует из содержания этого исторического экскурса, Г.В. Лейбниц продолжил традицию австро-немецкой и польской историографии XVI–XVII вв. рассматривать историю Восточной Европы как Скифии или Сарматии, отождествлять роксоланов и росов. Но поддержал он и наблюдения над расселением славян в VI в., над первым походом росов на Константинополь. Так что авторитетнейший Лейбниц, видимо, стал первым, кто перенес в историческую науку XVIII в. те проблемы изучения начальной истории славян и Руси, которые интересовали историков эпохи Возрождения и эрудитов XVII в., способствуя дальнейшему научному изучению древней этнической истории Восточной Европы.

Возможно, знакомство Петра в 1712 г. с этим «предварительным сообщением» Г.В. Лейбница способствовало появлению в его первоначальном проекте «Устава Морского» уважительного «оставя сие историком» при

изучении древней истории. Но, можно предположить, что именно эти новые исследовательские возможности еще более укрепили Петра в необходимости научных требований к историческим разысканиям.

По поручению Петра в январе 1719 г. президент Коллегии иностранных дел Г.И. Головкин послал кабинет-секретарю А.В. Макарову «Краткий летописец, или выписку о житии великих князей Российских до государственования царя Ивана Васильевича». Его основу составляло сокращение «Степенной книги». Вероятно, на современном уровне исторических знаний такое повествование Петра удовлетворить не могло. Значительно успешнее велась работа по подготовке новейшей истории России. Походные журналы, в подготовке которых активное участие принимал Петр, стали самостоятельными по жанру произведениями. Они были использованы при создании исторических произведений о Северной войне — «Книги Марсовой» и «Гистории Свейской войны» [Пештич С.Л. 1961. С. 92, 112, 122–126].

«Книга Марсова» представляла собой первый опыт исторического повествования о событиях Северной войны. Ее полное название: «Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества Российских во взятии преславных фортификаций и на разных местах храбрых баталий, учиненных над войски его королевского величества Свейскаго» («Санкт-Питербурх, лета Господня 1713, генваря в день»; число не указано). Был подготовлен корректурный экземпляр, включавший 25 гравированных планов сражений, крепостей, рисунки фигур фейерверков. 24 из них содержали тексты официальных сообщений. На листах книги содержится много помет, в том числе Петра I. Но книга опубликована не была [Мурзанова М.Н. 1948. С. 156–168; Быкова Т.А., Гуревич М.М. 1958. С. 515–523; Библиотека Петра I. 1978. С. 31, № 107; Библиотека Петра I. 2003. С. 129–130].

Вероятно, материалы, использованные в «Книге Марсовой», были учтены при подготовке текстов и изображений в серии памятных золотых и серебряных медалей, заказанных в конце 1712 г. аугсбургскому мастеру Ф.Г. Мюллеру на события, происходившие в годы Северной войны. В 1713–1714 гг. он изготовил штемпели, так что в 1715 г. золотые и серебряные медали стали чеканить и подносить в качестве дипломатических подарков иноземным правителям и послам. Изображения и прозаические тексты на латинском языке этих медалей были информативны и давали ясное представление об их исторической значимости. Их тексты содержали также соответствующие цитаты на латинском языке из великих римских поэтов — Овидия, Лукреция, Вергилия [здесь и далее см.: Щукина Е.С. 2006], что включало события Северной войны в контекст всемирной истории.

На медали в память взятия Нотебурга (1702 г.) не только сообщалось на латинском языке о его переименовании в Шлиссельбург, но также о его исконно российской принадлежности: «После 90 лет возвращен от неприятеля 12 октября 1702 г.» (перевод). Изображен по гравюре А. Шхонебека об-

стрел крепости из пушек и ее штурм. На медали в память взятия Ниеншанца (1703 г.) — план этой крепости, тогда как стих Овидия разъяснял: «*Sic magnis cedit*» («Так он уступает сильным»). Прозаический текст сообщал о произошедшем: «Ниеншанц, новая крепость, взят и разрушен 14 мая старого стиля» (перевод).

Показательно, что медаль в память основания Петербурга обращала внимание на его преимущественно мирное, а не военное назначение. На ее реверсе изображены на берегу Невы сидящие Меркурий — бог торговли и Минерва — покровительница наук, искусств, ремесел, но также и войны. Богиня держит в руке модель Кроншлота, защищавшего Петербург с моря, но текст повествовал «*Petriburgi portus et navale*» («Порт и гавань Петербурга»). Особые медали чеканились в утверждение безопасного плавания в Петербург по Балтийскому морю.

На аверсе медали в память о битве при Лесной — скачущий на коне Петр в лавровом венке и доспехе, что свидетельствовало в соответствии с символикой классицизма о его участии в сражении. Конь его попирает шведские знамя, пушки и львиную голову (геральдический лев — символ Швеции). На реверсе сообщались дата этого события, а также конкретные сведения: «Левенгаупт побежден. 16 тысяч шведов пленены или убиты» (перевод). На аверсе медали в память Полтавской битвы конь скачущего на нем Петра попирает шведского воина. На реверсе Геракл в львиной шкуре с палицей как символ мощи и непобедимости попирает шведские трофеи, тогда как прозаический текст сообщал: «Все шведское войско уничтожено 27 июня старого стиля» (перевод). Пленение остатков шведского войска во главе с Левенгауптом под Переволочной 3 июля 1709 г. также изображено на особой медали.

Походные журналы, особенно «Книга Марсова», подносные и наградные медали свидетельствовали об исторической роли событий Северной войны, о том, что их значение для России и европейских стран было в полной мере осознано Петром и его сотрудниками. Все более актуальным становилось написание истории Северной войны.

Эту задачу Петр поручил решить воспитателю своего сына Алексея доктору права барону Генриху Гюйсену (Huysen), которого называли на русский манер Гизен. В 1715 г. Гюйссен завершил работу над «Журналом государя Петра I с 1695 по 1710 год» (была опубликована лишь часть труда Гюйсена, посвященная Северной войне).

Долгое время труд Г. Гюйсена оставался неоцененным. Н.Г. Устрялов крайне критически относился к его «Журналу», усматривая в нем лишь выписки без всякой связи из подлинных журналов до 1715 г., включение в изложение исторических событий многих мелочей и посторонних сюжетов [Устрялов Н.Г. 1858а. С. XXXI]. Суровым был и приговор П.П. Пекарского, в соответствии с которым «вся историческая начитанность его ограничивалась вырванными наудачу и без всякой проверки известиями из иностранных

писателей о России; наконец, нигде Гюйссен не обнаружил знакомства с русскими источниками, да и не имел о них понятия». Пекарский собрал также предшествующие как положительные, так и негативные отзывы о трудах Гюйсена [Пекарский П. 1862а. С. 319–321]. Вероятно, такое негативное отношение к ним воздействовало на Л.В. Черепнина, который при изложении историографии первой четверти XVIII в. не упомянул их как факт российской исторической мысли [Черепнин Л.В. 1957. С. 138–161]. Между тем, в результате источниковедческого анализа исторических трудов первой четверти XVIII в. был установлен значительный вклад Гюйсена в становление российской историографии этого периода [Шмуло Е.Ф. 1912. С. 9–11, примеч. с. 5–8, 10–13, 15, 16; Андреев А.И. 1947б. С. 64–66]. Такой подход к изучению трудов Гюйсена был продолжен и развит С.Л. Пештичем [Пештич С.Л. 1961. С. 127–138; см. там же историографию изучения работ Гюйсена].

Г. Гюйссен изучал право в Страсбургском университете и ко времени поступления на российскую службу в 1702 г. был уже опытным автором. В соответствии с договором, подписанным Петром, он должен был, в частности, приглашать в Россию иностранных специалистов, переводить и распространять в странах Западной Европы царские постановления, относившиеся к успехам России в военном деле, содействовать формированию на Западе позитивного образа России (следовало посвящать царю, членам его семьи и его министрам свои труды по истории, политике и механике, писать статьи, прославляющие Россию). Эти поручения Гюйссен исполнял добросовестно [Пекарский П. 1862а. С. 91–107; Копанев Н.А. 1988. С. 13–14].

В соответствии с наблюдениями С.Л. Пештича, Г. Гюйсену помогал или участвовал в его трудах Борис Иванович Волков, который получил образование за границей, с 1704 г. служил переводчиком в учреждениях ведомства иностранных дел, а также переводил книги по географии, античной истории и по другим темам. Поэтому Пештич предположил, что «Журнал государя Петра I» являлся совместным произведением Гюйсена и Волкова.

Собирая и анализируя материалы по истории царствования Петра и Северной войны, Г. Гюйссен использовал официальные документы, «Юрнaлы», сообщения «Ведомостей», а также иностранную литературу. Обобщая наблюдения над главным трудом Г. Гюйсена, С.Л. Пештич высоко оценил его как факт историографии: «Хотя автор и сохранил форму хроникального изложения событий, но известные попытки обобщений, удачные опыты анализа ряда важных событий, широта в привлечении документации, интерес автора к различным сторонам жизни России, начиная от военных событий и дипломатии до археологии и поэзии, — все это делает “Журнал государя Петра I” видным произведением исторической мысли первой четверти XVIII в.». Пештич отметил в «Журнале» и значительный по объему исторический экскурс о причинах войны, написанный на основании подготовленной для этого исторической справки о русско-шведских отношениях с конца

XVI до конца XVII в., умелый отбор материалов, а также их разные по происхождению виды.

По мнению С.Л. Пештича, недостатками работы Г. Гюйссена являлись воспроизведение документов и регистрация фактов без их анализа или комментариев. Основное ее достоинство — в переходе от летописно-хроникальных произведений к историческому исследованию. Ее материалы были учтены позднее П.П. Шафировым, а сама она стала первым вариантом «Истории Свейской войны» [*Пештич С.Л.* 1961. С. 133, 137–138].

Между тем, исследователи, видимо, недооценили тот факт, что труд Г. Гюйссена, в котором излагались события до 1710 г., заверченный в 1715 г. [об этой дате см.: *Шмурло Е.Ф.* 1912. Примеч. С. 7–8; *Пештич С.Л.* 1961. С. 127], имел самостоятельное значение как первый опыт систематического изложения событий Северной войны. Его автор обладал не только официальной информацией, которая ему передавалась по распоряжению Петра. Судя по письму к Гюйссену на немецком языке от 22 июня 1707 г. А.Д. Меншикова из Люблина о военных действиях [РНБ, ф. 480, ед. хр. 4], он самостоятельно собирал дополнительные сведения от официальных лиц. В его архивных материалах много зашифрованной корреспонденции, что свидетельствует о его хорошей осведомленности в тайнах современной политики. Как следует из письма Г.В. Лейбница к Гюйссену, он хорошо разбирался также в матримониальных делах европейских правителей, что имело в то время большое значение для понимания сути многих их решений. Когда достаточными достоверными сведениями Гюйссен не располагал, он не предавался сочинительству и догадкам, но сообщал откровенно, например, при изложении событий 1700 г.: «Понеже обстоятельные журналы о марше войск к Нарве к сей осаде затерялись, то ничего подлинного в том внести здесь невозможно; но какое несчастливое окончание та осада восприяла и какая неправдоты от шведов при оной показалась, и то явственно изображено в следующей реляции от 19 ноября 1700 году». Далее он включил в текст грамоту Карла XII, изданную им в Ругодиве (так он по-древнерусски назвал Нарву) в декабре без указания дня 1700 г. [*Гизен.* 1788. Ч. 3. С. 231]. Эту грамоту позднее опубликовал также П.П. Шафиров в приложении к изданному им в 1716 г. «Рассуждению о Свейской войне» (см. далее, с. 224). Из содержания этой грамоты становились очевидными отрицательные следствия военных действий устаревшего в организации русского войска против современной шведской армии. Отсюда — особое внимание Гюйссена к петровским преобразованиям, которые создавали Новую Россию, современную армию, способную побеждать грозного противника.

В своем труде Г. Гюйссен приводил официальные сведения преимущественно о военных действиях с указанием точных данных о потерях шведских и русских войск, о трофеях, о международных отношениях и посольствах. Это был первый опыт прагматического изложения событий Северной

войны, справедливость причин которой со стороны России для автора не представляла сомнений. Психологические характеристики соединялись в этом труде с обобщающими суждениями об определенных периодах Северной войны, когда, напомним, еще велись активные военные действия на фоне интенсивной международной дипломатической деятельности.

Таким образом, труд Г. Гюйсена стал первой написанной в России историей Северной войны. «История» понималась в нем в древнем, греческом и латинском смысле этого слова как «повествование», «историческое сочинение». Это был первый опыт светского прагматического изложения событий Северной войны во всех известных автору подробностях. Критические замечания историков нового и новейшего времени в адрес Гюйсена и его труда не учитывали данных свойств «Журнала государя Петра I с 1695 по 1710 год». В отличие от такого рода критики неопубликованный труд Гюйсена был востребован современниками. Он активно использовался при написании «Рассуждения о Свейской войне» П.П. Шафирова и «Гистории Свейской войны».

Впрочем, труд Г. Гюйсена, видимо, не удовлетворил Петра. Вероятно, причинами этого стали свойственные книге прагматизм повествования в причинно-следственных связях, растворение основного содержания событий во множестве фактов, а вследствие этого явно недостаточный их анализ. К тому же, хронологически труд Гюйсена охватывал лишь первый период военных действий.

Перу Гюйсена-историка принадлежит также сочинение «De Varagis» («О варягах»), написанное после смерти Петра Великого в 1726 г. Но автор оказался слишком политизированным. Сведения о древних событиях он использовал для того, чтобы обосновать немецкое влияние при российском дворе после брака в 1725 г. Анны Петровны и герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Такое содержание работы оказалось для Прусской Академии наук сомнительным, так что она отклонила предложение сочинение Гюйсена опубликовать [Шольц Б. 2000. С. 109–110].

Время требовало краткого и ясного ответа на многочисленные вопросы, относившиеся к причинам и ходу Северной войны, которая длилась 21 год и принесла россиянам значительные тяготы и людские потери.

Накопленный в общественной и авторской практике опыт сбора материала и его осмысления в труде Г. Гюйсена наряду с многочисленными опубликованными материалами по истории Северной войны, указами, уставами и законами Петра, содержащими исторические экскурсы, создавал условия для их обобщения в качестве исторического произведения, имеющего государственное значение. Такую объективно существовавшую задачу выполнил вице-канцлер П.П. Шафиров.

По поручению Петра П.П. Шафиров написал книгу, которая традиционно называется сокращенно — «Рассуждение о причинах Свейской войны».

В историографической литературе обстоятельно рассмотрены ее структура и основное содержание как трактата по международным отношениям и международному праву с историческим обоснованием и документацией обсуждаемых вопросов [Черепнин Л.В. 1957. С. 147–150] или как историко-публицистического и исторического произведения [Пешич С.Л. 1961. С. 138–141; [Павленко Н.И.] 1987. С. 463–465], изданного во время подготовки Аландского конгресса 1718–1719 гг., который должен был завершить Северную войну. Второе мнение, как представляется, более раскрывает содержание этого труда. Отметим его основные особенности, отразившие новые явления в российской историографии.

Книга П.П. Шафирова была издана три раза — в 1716, 1719 и 1722 гг. Годы этих изданий не случайны. Если первое из них было подготовлено к открытию Аландского конгресса, то второе — вероятно, предопределено его неудачей, третье появилось в связи с успешным завершением Северной войны. Первое издание вскоре после его появления было опубликовано на немецком языке, второе и третье стали перепечаткой первого. Новым в третьем издании стало указание императорского титула Петра. Тем самым эти публикации свидетельствовали о постоянстве целей, общественно-политических и научных, которые преследовались при подготовке книги.

Исследователи, анализируя труд П.П. Шафирова, обоснованно исходили из его содержания, раскрытого в соответствии с книжной традицией XVIII в. уже в пространном заголовке: «Разсуждение, какие законные причины его величество Петр Великий <...> к начатию войны против короля Карола XII шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентатов во время сей пребывающей войны более умеренности и склонности к примирению показывал, и кто в продолжении оной столь великим разлитием крови христианской и разорением многих земель виновен, и с которой воюющей страны та война по правилам христианских и политичных народов более ведена».

Кроме восходивших к древности и новых причин Северной войны, указания шведских жестокостей во время ее ведения, а также нежелания шведской стороны ее прекращать, в историографии обращалось внимание на петровскую мысль в заключении книги Шафирова об основной причине этой долгой и изнуряющей народы войны: «И что не токмо одни шведы, но и другие и отдаленные народы всегда имели ревность и ненависть на народ российской и тщились оной содержать в прежнем неистукве, особливо же в воинских и морских делах». Так были обобщены не только объективные задачи Российского государства выхода к Балтийскому и Черному морям, необходимость создания современных производств, что было очевидно еще проницательному Юрию Крижаничу (см. ранее, с. 42), но также давняя и современная политика ближних к России государств, стремившихся предотвратить технологическое и военное развитие России.

Исторический труд П.П. Шафирова решал еще одну задачу, ранее в литературе, кажется, не отмеченную. Он стал ответом на вызов Карла XII, сформулированный им в начале Северной войны после поражения русского войска под Нарвой 19 ноября 1700 г.

В приложении к своему труду П.П. Шафиров опубликовал грамоты, относящиеся к истории русско-шведских отношений, в том числе перевод «универсала», изданного Карлом XII в Нарве 3 декабря 1700 г., т. е. вскоре после его победы. Он начинался с обвинения в агрессии «царя Московского»: «Объявляю: как превышейший и правдивый Бог, неправдивых и лукавых и крестопреступников ненавидит, и ныне не в давних днех Господь Бог всему свету явил, яко Всемогущи Господь Бог нашего правдивого оружия благословением над нашим неприятелем Царем Московским, которой не против своей Святой поставленной, и недавно вновь подтвержденной вековечной мир, занапрасно, и безовсякой данной винности в нашу землю, в котором не по человечески выжег и разорил, и подданных мучил, такожде и города наши Ругодев и Иван город своим войском осадил, однакож де ныне можем Бога хвалить, и впредь надежду имеем, что превышеишии Бог наше оружие своею милостию благословит над нашим неправдивым неприятелем» [*Шафиров П. 1722. С. 375*].

Книга П.П. Шафирова стала не только средством контрпропаганды по отношению к утверждениям шведской стороны. Она явилась примером анализа русско-шведских отношений и причин Северной войны по существу, а потому была противопоставлена формальным формулировкам шведов. Для раскрытия основного содержания данных вопросов были привлечены исторический метод, многочисленные и разные по происхождению исторические источники.

Повествование о «древних причинах» Свейской войны П.П. Шафиров начал с неотразимого довода, в соответствии с которым «провинции Карелия и Ингрия, или Карелская и Ижерская земли, со всеми принадлежащими ко оным уездам и местам издревле ко Всероссийскому империи принадлежали, то не могут и сами шведы отрещи». В этом доводе последовательно проведена Петровская концепция объективной причины начала Северной войны.

Далее следует краткий очерк истории русско-шведских и русско-прибалтийских отношений. Указания в нем русско-шведских договоров с XVI в. (некоторые из них приведены в приложении под литерами А, В и С) соединены с другими историческими фактами, подчас в их расширительном, а иногда в целенаправленном толковании, для обоснования исконности российских владений в Прибалтике. В частности, со ссылкой на летописи, обоснованно указано строительство Ярославом Мудрым города Юрьева, позднее названного Дерптом немцами Ливонского ордена. Но название города Ревель, по-русски Колывань, «яко бы Яганесбург», целенаправленно возводилось к имени «древняго великого князя Иоанна». Обоснованно указана победа Александра

Невского над шведским войском, но ошибочно утверждение о восстановлении русским князем после Невской битвы ежегодной дани в «Лифляндии».

Эта часть исторического экскурса свидетельствует об активном воздействии современных политических задач на интерпретацию исторических фактов древнерусского периода. Уверенно чувствовали себя П.П. Шафиров и его помощники при изложении исторических событий XVI–XVII вв.: Ливонская война, русско-шведские отношения в царствования Ивана Грозного и Федора Ивановича, «злые происки» в правление Бориса Годунова, убийство царевича Дмитрия, гонения на знать, включая «высокую фамилию Романовых», названных кровными родственниками («ближняго родства кровию сообязанная») Рюриковичей, Смута, польское нашествие, избрание на царство Михаила Романова, разорение шведами Псковской и Новгородской земель, заключение 27 февраля 1617 г. несправедливого Столбовского договора. Шафиров указал и следствия этого договора: «И оному тако те провинции против всякой истинны и христианской любви за толь многими мирными договорами и союзом оборонительным похищенные, короне Шведской достались, и тем Российскому государству и народу невозвратной убыток не токмо в купечестве, но наипаче в пресечении коммуникации со всеми европейскими государствами учинился». Излагая идеи Петра, Шафиров обвинил Швецию не только в территориальных захватах и пресечении постоянных традиционных связей «со всеми европейскими государствами», имея в виду экономически развитые западноевропейские страны. Вслед за Петром или по его указанию он обвинил Швецию в стремлении изолировать Россию, чтобы она стала страной отсталой: «Чего она корона, всегда Российскому государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оной в неведении в воинских и политических делах содержать и ни до какого искусства чрез обхождение с европейскими народами не допустить».

Наряду с этими «древними» причинами, имевшими для России определяющее значение, П.П. Шафиров привел и «новые причины начатия войны». Их содержание, подробно изложенное в книге, свидетельствует в понятиях первой четверти XVIII в. о том, что причинами стали унижение достоинства России и ее царя, но их сущность — последовательная антироссийская политика Швеции как продолжение ранее указанных «древних причин» войны.

Выражая идеи Петра, П.П. Шафиров формулировал основное содержание Северной войны в категориях еще более значительных, чем ее «древние» и новые причины. Это — судьбы России и петровских преобразований. Такой подход предопределил изложение событий Шафировым новейшей российской истории, факты которой интерпретированы в соответствии с насущными проблемами внутренней и внешней политики. Отсюда конкретно обозначенное будущее России как следствие победы — ее превращение в современную европейскую державу, но в случае поражения — насильственное разрушение ее территориальной целостности и возвращение к «старым

обыкностям». Поэтому в историческое повествование Шафиров включил размышления Петра и его ближнего окружения как изложение планов шведского короля: «<...> к Москве пришед, его царское величество с престола низвергнет и его государство Всероссийское разделит на малые княжения и воеводства. И обяжет трактатом все регулярные войска, по европейскому обычаю учрежденные, перевести (дабы чрез то Российское государство обнажить сил) и экзерции, одежды и прочее от его царского величества вновь по обычаю европскому для прославления своего народа введенные, отставить, и в старья их обыкности купно со одеждою, бородами паки приведет».

Таким образом, связи исторического повествования П.П. Шафирова с новейшими политическими проблемами постоянно воздействовали на изложение им исторических фактов древней и новейшей истории России, а также на их интерпретацию. При этом определяющей для автора являлась концепция истории России как великой державы, которая оказывалась в разных враждебных ей исторических обстоятельствах. Они должны были быть преодолены в результате победы в Северной войне и выхода России на берега Балтийского моря после возвращения принадлежавших ей ранее земель, т. е. после восстановления исторической справедливости. Содержание книги Шафирова свидетельствует не о том, что она являлась «историко-публицистической». В ней ясно прослеживается воздействие политики на историю в том ее состоянии, которое было ей свойственно в первой четверти XVIII в. Вместе с тем, это был исторический очерк, который раскрыл содержание причин и основных событий Северной войны.

К числу активных сторонников петровских преобразований относился и Феофан Прокопович. Ученик Киево-Могилянской академии, обучавшийся также в Польше и Риме, он уже в 1704 г. стал преподавателем, а в 1711 г. ректором этой академии. По повелению Петра он приехал в 1716 г. в Петербург. В 1718 г. он был возведен в сан епископа Псковского, в 1724 г. — архиепископа Новгородского. Прокопович был одним из тех, кто идейно подготовил и практически осуществил создание Синода, вице-президентом которого он стал.

Основной исторический труд Ф. Прокоповича «История Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии» был написан, как доказал С.Л. Пештич, в 1720-е гг., хотя задуман он был к десятилетнему юбилею Петербурга, к 1713 г. Работа над ним продолжалась и после смерти Петра [Пештич С.Л. 1961. С. 142–144; историографию см. также: Шмурло Е. 1912. Примеч. С. 16–17]. Поэтому исторические взгляды Прокоповича целесообразно рассматривать не с этого завершающего труда, как это обычно делается [Черепнин Л.В. 1957. С. 152–156; Пештич С.Л. 1961. С. 143–150], а с его предшествующих произведений.

Замечательная образованность и широта взглядов позволили Ф. Прокоповичу постоянно рассматривать основные темы российской истории, о которых он писал, в контексте истории всемирной. Активный сторонник

просвещенной монархической власти в России, он указывал в «Слове похвальном в день рождения благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1717) ее благотворные следствия в тех древних государствах, которые достигли военно-политического могущества и культурного процветания — в Ассирии, Персии, Израиле, в Египте Птолемеев и у других народов традиционной исторической эйкумены Средиземного и Черного морей. Следуя историографической традиции XVI–XVII вв., он включил в их число и «наших предков — скифские и сарматские народы».

Наряду с таким перечнем, соединившим традиционную библейскую и ученую историческую традицию, Ф. Прокопович указал также современные государства, в которых монархическое правление являлось благодатным — от Испании, «Галлии», Англии, Германии, Дании, Швеции и других на западе к африканским странам на юге до восточных государств: «Поиди во Асию, — таковая Турция, Персида, Индия, Хина с Китаем и Яппония, все подобное слышим и в Америке, новом имянуемом свете».

Отсутствие монархии для Ф. Прокоповича в странах древних и современных — причина губительных следствий «демократии и аристократии». Примеры — «речь посполитая Польская», республики Венецианская и Генуэзская, конфедерации бельгийская и швейцарская. В этом же ряду находится экскурс, посвященный истории Древнего Рима, в котором после «изгнания королей» наступили жесточайшие республиканские времена, «мятежи лютыя от Граххов, от Мариа, от Силли (Суллы. — *М. С.*), от Катилины, от Антония». Особое значение имела для Прокоповича гражданская («домашняя») война Юлия Цезаря и Помпея, которая привела страну «до крайней пагубы», но «паки в вид монарший претворися».

Такое повествование о России, находящейся во всемирном историческом и современном измерении, воспитывало у российских слушателей и читателей Ф. Прокоповича восприятие родной страны как органической составной части мирового процесса. То есть, другими средствами, на исторических материалах он подтверждал петровскую теорию и практику создания Новой России. Многочисленными примерами Прокопович обосновывал реальность осуществления идей Петра Великого, что было, по его словам, для всех очевидно, как «свидетельство памяти всенародная, память же не престарелых людей, но не далече за двадцать лет вспять заходящая». Это — и новая архитектура зданий, и «дивныя вертограды (сады. — *М. С.*)», и городские укрепления, и новые государственные институты, начала «свободных учений», «идеже и надежды не имеяху», «уже арифметическия, геометрические и протчия философския искусства, уже книги политическия, уже обоей архитектуры хитрости умножаются». В этом же ряду — создание флота и «града Петрова». Возражая неназванным скептикам и противникам, он указывал на морские победы, тогда как Петербургу предсказывал замечательное будущее, приводя «древнюю пословицу сарматскую “не разом Краков будовано” («не сразу

Краков строился)», уже традиционно относя предков поляков к сарматам. В данной связи Прокопович привел также изречение римского императора Августа: «Кирпичный (рече) Рим обретох, а мраморный оставляю».

Реальным доказательством истинности избранного Петром пути для Ф. Прокоповича стали его победоносные войны с Турцией и Швецией, военные действия «в Ингрии, в Ливонии, в Померании, в Карелии», «в Митаве Курляндской и в Елбинге Пруском», победы «под Калишем, на Черной Напе, под Пропойском, под Полтавою» [Прокопович Ф. 1961. С. 39–40, 43–45].

Вслед за Петром и П.П. Шафировым Ф. Прокопович писал о том, что с XVI в. соседи боялись России, а потому стремились ограничить ее знакомство с современными вооружениями, военным искусством и корабельным делом. «Слово похвальное о баталии Полтавской», произнесенное в 1717 г. в день очередной годовщины этого события, давало повод для исторического экскурса, в котором приводились конкретные примеры в данной связи. В соответствии с законами красноречия Прокопович использовал лексику высокого стиля, повествуя об этих событиях. Но вслед за Петром он не скрывал трудности начального периода Северной войны: «На первом под Нарву походе неблагополучием нашим много подросли роги неприятелю и подтвердилось древнее их о роде российском презорство (презрение. — М. С.)». Изложив основные события Северной войны, указав российские победы над шведами в Прибалтике и Польше, Прокопович привел намерения шведов в категориях древней истории: сначала в известном изречении Юлия Цезаря — «приидох, видех, победих», а после поражений от русского оружия также с древним историческим подтекстом: «Швеция, оружием славная, се Швеция, всей Европе страшная, гофский (готский, т. е. шведский. — М. С.) народ, имя ужасное, народ гофский с Россиею девять лет борется, а еще бедно!».

Ф. Прокопович перечислил последующие события Северной войны, существенно осложнявшие военные действия России, — коронование в Польше С. Лещинского, шведское разорение Саксонии, «бунты донские и астраханские», измена Мазепы. Но далее он назвал контрмеры российского войска, которые привели к победе при Лесной и разорению Батурина, где находилась резиденция украинских гетманов и были собраны для шведов запасы продовольствия и оружия. Перефразировав изречение Петра, Прокопович написал, что «Полтавская победа многих инных побед мати есть». После этого он перечислил многочисленные победы российского оружия, от Риги до Штральзунда [Прокопович Ф. 1961. С. 51–58].

Такое соединение древности и современности Ф. Прокопович продолжил позднее. В «Слове святого благоверного князя Александра Невского» (1718) он проявил замечательное понимание сущности происходивших в его княжение событий. Прокопович образно сравнил Русь с кораблем, а Александра Невского с кормчим, но положение Руси того времени было конкретным и исторически точным: «Внутрьуду немощна, от внеуду бедна бяше Россия, весьма отча-

явному кораблю подобна: от единых страны нашествие татарское, от другой нападение свейское, яко ветры жестоки, а внутрь отечества от мимошедших междоусобий и несогласий повреждение силы, аки великая скважня».

Указание Ф. Прокоповичем равного для русских земель второй трети XIII в. негативного значения ордынского и крестоносного факторов, политической раздробленности Русского государства свидетельствует о его принципиальном анализе отечественной истории времени Александра Невского [Прокопович Ф. 1961. С. 100]. Вместе с тем для автора и его современников очевидны были аналогии внешнеполитического противоборства на западе и востоке России современной и Руси древней, такое историческое обоснование возвращения России ее северо-западных земель.

Постоянные и плодотворные размышления Ф. Прокоповича над отечественной и всемирной историей способствовали не только их включению в широко распространенный для трудов западноевропейских эрудитов XVII в. контекст — «история — учительница жизни». Они свидетельствовали о формировании в Новой России идей, в соответствии с которыми история является прагматической дисциплиной и должна излагать факты прошедшего. История должна быть достоверной, излагать события кратко и ясно. Историк должен быть беспристрастным. В таком подходе к изучению истории и изложению исторических событий С.Л. Пештич проследил много общего с написанным в конце 70-х — начале 80-х гг. XVII в. «Историческим учением». Истоки этих идей он предположил в неоантичной традиции, попавшей в Россию не без влияния польской историографии, но критически переработанной в соответствии с требованиями Нового времени, новых политических взглядов и интересов [Пештич С.Л. 1961. С. 95–96]. Впрочем, такие идеи могли появиться и вследствие знакомства отечественных авторов с трудами западноевропейских эрудитов с их особым вниманием к историческим фактам, к научной хронологии и информации исторических источников. Формировались они также под воздействием идей и опубликованных трудов Петра Великого.

Следствием такого отношения к истории как науке прагматической стало написание Ф. Прокоповичем «Истории императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии», изданной М.М. Щербатовым только в 1773 г. Этому труду, как и написанному ранее сочинению Г. Гюйсена, свойственно повествовательное погодное изложение событий, разумеется, при неизменно благоприятной для Петра их интерпретации. Кроме фактов биографии Петра, в ней сообщалась краткая история русско-шведских отношений, рассказы о сражениях Северной войны с точным указанием потерь с обеих сторон, трофеев и пленных шведов. Эти рассказы сопровождались обширным цитированием использованных исторических источников, а также планами некоторых сражений — под Калишем, Добрым и Полтавой. Особые экскурсы содержат дополнительную информацию в сравнении с другими произведениями о Северной войне. Они посвящены тем сюжетам, в отношении

которых Прокопович располагал собственными материалами, в частности, повествованием об основании Санкт-Петербурга, об астраханском восстании, о событиях на Украине и, в частности, о пребывании Петра в Киеве [*Пештич С.Л.* 1961. С. 144–147]. Прокопович как историк стремился расширить круг сведений о новейшем периоде отечественной истории, особое значение которого для России было ему очевидно.

Таким образом, в произведениях на исторические темы Ф. Прокоповича, одного из идеологов и практиков петровских преобразований, соединились две основные тенденции в историографии того времени. В соответствии с одной из них новейшая история России излагалась в идеологизированных обобщениях на фоне событий всемирной и отечественной истории. В таком подходе Прокопович был един с П.П. Шафировым. Но в «Истории императора Петра Великого» Прокопович последовал примеру Г. Гюйсена в прагматическом повествовании о событиях Северной войны. В своих произведениях на исторические темы он был последователен. В них Прокопович проявил себя как идеолог и как практик.

По пути прагматической истории пошли также авторы «Гистории Свейской войны». Она представляла собой официальную версию происходивших событий. «Гистория» подготавливалась под наблюдением кабинет-секретаря А.В. Макарова. В ней был обобщен весь опыт исторических разысканий по истории России в годы Северной войны, включая труды Г. Гюйсена, П.П. Шафирова, Ф. Прокоповича и других авторов, материалы изданные и специально для нее выявленные и изученные при самом активном участии и под руководством Петра.

Процесс написания «Гистории» исследован С.Л. Пештичем [*Пештич С.Л.* 1961. С. 154–176]. По его уточненным сведениям, ее текст, включая черновые и беловые экземпляры, существует в девяти, а не восьми рукописях, как считалось ранее. Он выделил в каждом из «чернений», т. е. редакций, конкретное авторское и редакторское участие Петра (см. также ранее, с. 212–213). Пештич установил рукописи, по которым М.М. Щербатов осуществил ее издание. Отметил он и тот факт, что первоначальное название труда «Гистория Свейской войны» было заменено при подготовке его к печати в правление Екатерины I новым заглавием — «Журнал или поденная записка императора Петра Великого», которое уже его содержания.

Содержание «Гистории» определялось не только конкретными указаниями Петра, но также работой над текстом вице-канцлера П.П. Шафирова. О процессе написания «Гистории», ее редактировании в качестве сочинения, имевшего государственное значение, свидетельствует «доношение» секретаря «экспедиции на российском языке Коллегии Иностранных дел» Ивана Юрьева А.В. Макарову, который находился на Волге вместе с Петром во время подготовки к Персидскому походу: «Вашего благородия почтеннейшее писание из Нижняго (Новгорода. — М. С.) от 29 мая и при том часть Гистории с 1711

по 1716 год я исправно получил, и те тетради, по приказу вашего благородия, вручил к пересмотрению его превосходительству барону Петру Павловичу. И когда высмотрить, то я, оная перебеля, к вашему благородию пришло.

В прочем я о собирании к той Гистории приложения буду по всякой возможности трудиться и, что учиню, о том вашему благородию донести не пренебрегу» [*Воскресенский Н.А.* 1945а. С. 108].

В результате такой коллективной деятельности было подготовлено значительное по объему повествование о Северной войне, которое имело то же прагматическое содержание, что и труд Г. Гюйсена. В нем так же обстоятельно излагались ее более и менее значительные события с указанием военных действий, побед, потерь обеих воюющих сторон и т. д. [*Журнал <...>. 1770. Ч. 1; 1772. Ч. 2, отд. I.*]

Таким образом, в официальной российской историографии Северной войны прослеживается определенная эволюция — от прагматической истории Г. Гюйсена к идеологизированной истории П.П. Шафирова и возвращение к прагматическому ее изложению Ф. Прокоповичем и «Гисторией Свейской войны».

Время петровских преобразований способствовало формированию нового мышления, подготовленного к научному изучению древней и новой отечественной истории. Петр явился инициатором создания такого труда, в котором исследовались ее основные научные проблемы, разумеется, в формулировках первой четверти XVIII в., что было принципиально отлично от еще преобладавшего исторического повествования в причинно-следственных связях. После возвращения из Персидского похода в 1723 г. Петр неоднократно повторял приказание Г. Гюйсену написать такую работу по истории России. Ему был дан план исследования. При этом Петр хотел, чтобы такой труд был завершен как можно скорее. План, подготовленный в данной связи, опубликован и проанализирован, хотя при изучении русской историографии XVIII в. ему уделено внимание явно недостаточное [здесь и далее см.: 200-летие кабинета Его Императорского Величества. 1911. С. 165–167; *Пештич С.Л.* 1961. С. 98–100].

Данный проект названия не имеет. Поэтому его указывают по первым словам рукописи — «Генеральная история и описание российского государства». Не указанные в публикации издатели плана считали, что он подготовлен Г. Гюйсенем. С.Л. Пештич воздержался от конкретного определения его автора. Впрочем, он отметил в этом плане указание двух книг, к изданию которых был причастен Гюйсен и которые автор плана собирался учитывать в своем труде. В рукописи содержалась также приписка — «Требование Гюйсена». Все это может свидетельствовать об авторстве Гюйсена или его активном участии.

План предполагавшегося труда, посвященного «генеральной истории и описанию Российского государства», свидетельствует о том, что в России

к концу первой четверти XVIII в. появились историки, которые в полной мере осознавали научное значение перечисленных в нем тем на свойственном тому времени уровне.

К древней истории России автор проекта отнес «1) доброе известие о начале, преселении и вселении, о войнах, о вере и службе Божией древних людей. 2) История о правительстве древних владетелей, как они правительствовали наследственне и избранием и как они пришли в христианскую [веру]. 3) Житие, дела, портреты, посольства, союзы, браки и надписи на гробах древних царей блаженной памяти донныне; когда и как и сколь долго они государствовали, где они погребены, что можно в том описать о татарской войне от лета 1120-го до 1300 около того <...>».

Для того чтобы эти проблемы были изучены, автор проекта предлагал широкий поиск исторических источников в соответствии с изданным указом Петра (см. ранее, с. 214–215), но расширяя его содержание: «<...> чтоб все сие вкупе собрать сколько возможно подлинно и то б изрядно было, и велеть искать в библиотеках, монастырях, архивах и в канцеляриях в Москве, Киеве, Володимирове и Чернигове (т. е., прежде всего, в древних исторических и культурных центрах. — *М. С.*), также в домах знатнейших господ, которые губернаторами в провинциях или где посланниками были, дабы тем возможно было найти древние хроники или летописания об известиях письменных или печатных».

Розыск исторических источников и написание трудов по древней российской истории были важны, по мнению автора, не только сами по себе, но и в целях патриотических. Главным в его намерениях являлось стремление достоверно изложить состояние Российской империи, отличающееся от того, что писали о стране иностранные авторы: «чтоб тем мочно было дать народу что подлиннейшее, нежели иностранные аукторы, как польские и шведские, о русских вещах писали, также подлиннее недавно напечатанных книг по-немецки и италиански о настоящем российском состоянии».

В «Генеральной истории и описании Российского государства» большое значение должно было быть уделено новейшей истории. В ней следовало представить не только «житие и преславные дела государствующаго ныне Его Царского Величества», но также сообщить о всех событиях российской новейшей военной и гражданской истории, о самых разных сторонах ее культуры — «о путешествиях, союзах, договорах, сколько приобщить мочно, о походах, баталиях, осадах, завоеванных областях, их городах; також Царского Величества новые указы, эдикты и мудрые премены, учреждение на сухом и водяном пути, в гражданстве, торговле, казне и судебных делах, в церковных и школьных делах; установление Сената, новых губернаторов и начальников, дела и имена их и власть, медали, триумфальные врата, кумиры (статуи. — *М. С.*), столпы, фейерверки, иллюминации, надписи, речи, учиненные в честь того несравненного Монарха».

Большое внимание уделялось новому облику России — картам, которые должны были уточняться в случае разногласий, «геометрическому и историческому описанию о знатнейших городах, крепостях и пристанищах и приметные их приключения с строениями их, как церкви, гимназии, ратуши, пушечные дворы, цейхгаузы, богадельни, мельницы и водяные хитрости, прядильные дворы». Церковная история должна была излагаться во всей ее сложности, и здесь же следовало указать «академии и библиотеки».

Предполагалось, что будущая история должна была быть не только историей правителей и героев, но также народа: «8. Родословие всех царей, такжеже знатных князей, министров, генералов и иных людей, которые хорошо Государю и народу служили. 9. История народу о начале и происхождении всякого народа, о розном их языке, о буквах и писании их, о природе, нравах, обычаях или обыкновении и одеянии их стародавнем». Такая история должна была учитывать географический и экономический факторы: «История натуральная о климате и каковстве земли, о зелиях, рудах или металлах, о овощех, звериях, птицах, рыбах, горах, реках, езерах, железных и медных и соляных заводах и товарах».

Данный проект «Генеральной истории и описания российского государства», как представляется, не привлек внимания специалистов по русской историографии XVIII в., кроме С.Л. Пештича. Поэтому особое значение имеет характеристика этого произведения. Пештич отметил в нем меньшую склонность к теоретическим, обобщающим рассуждениям и бóльшую конкретность, отсутствие общих положений о пользе истории и указание вопросов, подлежащих освещению, необходимость называть исторические источники и т. д. В качестве недостатков этого плана Пештич указал неосуществимость написания намеченного труда по истории и географии России во всей его необъятной совокупности вопросов. Альтернативой такому исследовательскому пути он назвал разделение трудов исторических и географических, дифференциацию различных отраслей знаний, их отделения от страноведческого описания [Пештич С.Л. 1961. С. 100].

Эти наблюдения в полной мере обоснованы. Но в них можно ввести определенные коррективы. Как отмечено ранее, в научном изучении истории России в первой четверти XVIII в. формировалось прагматическое направление, но также появились идеи обобщающего концепционного анализа отечественной истории, разумеется, на уровне исторической мысли того времени. Данное второе направление объективно сблизилось с аналитическими работами в западноевропейской историографии, которые стремились установить объективные материальные факторы в истории, в изучении истории народов, а не государей. Данное направление восходило, в частности, к трудам Жана Бодена (1530–1596), который придавал особое значение воздействию на общество географической среды, климата и почв. В первой четверти XVIII в. оно развилось до поисков общих закономерностей развития народов.

В 1725 г. был опубликован насыщенный этими идеями труд Джамбаттисты Вико «Основания новой науки об общей природе наций». В нем уделялось большое внимание общественному и политическому строю, праву, литературе, языку, в которых, по мнению Вико, проявлялся единый исторический закон развития.

В разработанном проекте «Генеральной истории и описания российского государства» можно проследить содержательные связи с этими передовыми для XVI — первой четверти XVIII в. направлениями в исторической науке. Вероятно, к ним восходит особое внимание автора проекта к истории народа, к конкретной среде его обитания, к развитию его экономики, общественного и политического строя в новейший исторический период, к преобразованиям в Новой России, которая стремилась, по словам Петра Великого, к «свету разума» и оказалась благодаря петровским преобразованиям в числе великих мировых держав вопреки традициям старины, «старым обыкностям». Проект «Генеральной истории и описания российского государства» обращал особое внимание на максимальное привлечение в исследовании исторических источников, на аналитический подход к ним.

Данный проект, насыщенный идеями петровских преобразований, действительно, значительно опережал возможности его реализации в России. Но он в определенной мере обобщил применительно к конкретным российским обстоятельствам накопленный в западноевропейской историографии опыт и являлся программой предстоящих разысканий. Данный проект свидетельствовал о положительном воздействии теории и практики петровских преобразований на процесс становления российской исторической науки в ее официальном направлении не только в изучении и изложении основных событий Северной войны, но также в осмыслении истории России в соответствии с новейшими возможностями многомерных исследований.

Все это способствовало убеждению образованных слоев общества в необходимости научного анализа древних и новейших исторических событий. Их следствием стали инициативы по созданию новых исторических произведений. Официальное направление в историографии Петровской эпохи проявило свои свойства саморазвития, существенно усложняясь в изложении истории Северной войны и в планах изучения российской истории в контексте истории всемирной.

Одновременно с официальным направлением в историографии конца XVII — первой четверти XVIII в. существовало также неофициальное направление. Принадлежавшие к нему авторы писали исторические произведения по собственному почину, выражая свои взгляды на российскую историю или в полной мере откровенно, или руководствуясь самоцензурой. Поэтому данные произведения важны для определения тематических и содержательных возможностей эволюции исторических идей вне воздействия правительственной идеологии.

Во время пребывания в Англии и Голландии Федор Степанович Салтыков, принадлежавший к боярскому роду, в 1714 г. отправил Петру проект «Изъявления прибыточныя государству», в котором предлагал усовершенствовать разные виды деятельности в Российском государстве. Эти предложения содержали особую главу «О правилах сочинения гистории властной вашего царского величества». По мнению Салтыкова, такой труд должен был содержать историко-генеалогическое повествование о предках царя и об основных событиях его царствования в хронологической последовательности, с указанием точных дат и имен всех событий и деятелей, военных, гражданских и политических, внутренних и международных, времени правления Петра. Такая история должна была быть политически актуальна. Ее следовало перевести на иностранные языки и разослать «во все государства в известие потому ж и о храбрости, и о мудрости, и о великих премудрых отправлениях, и о ваших трудностях, потому же и о храбрости российской народа». Этот труд должен был быть актуален и в дискуссии с зарубежными авторами, которые субъективно излагали российскую историю: «<...> какие неприятельские соседственные гисторики писали к своему оправданию какия выправки, а вашему государству какия неправости».

Ф.С. Салтыков здесь же продемонстрировал, как история может служить новейшим задачам Российского государства. Проявляя хорошее знание исторической литературы, он написал, что издревле местное население в прибалтийских землях являлось язычниками. Далее Салтыков написал о немецкой колонизации и о распространении там христианства под руководством архиепископов бременских. Кратко перечислив последующих правителей этих земель, немецких, польских, шведских, обстоятельства их смены, он указал, что часть этих территорий в древности принадлежала России. Поэтому вывод из его исторических наблюдений следовал практический и современный: «понеже те провинции короне шведской ненаследственны, но похищенные без всякой претензии и причин», то при благоприятном стечении обстоятельств «мочно их удержать короне российской» [*Павлов-Сильванский Н.* 1897. С. 1–6, 14–16; вторая пагинация].

В своих предложениях по написанию такого исторического труда Ф.С. Салтыков учитывал западноевропейский и отечественный опыт, но он повторил то, что в России Петр уже осуществлял.

Особое внимание к новейшей истории России было свойственно и князю Борису Ивановичу Куракину. Он являлся свояком Петра (они были женаты на сестрах Лопухиных). В 1697 г. Куракин был отправлен в Италию для изучения морского дела. Позднее царь назначал его послом в Англии, Ганновере, Нидерландах, Франции, а также представителем России на конгрессах. Куракин был великолепно образован.

В исторических произведениях Б.И. Куракина отмечено движение исторической мысли от провиденциализма к прагматизму, к объяснению исторических

событий человеческими деяниями, интригами, случайными факторами, «фавором» [Черепнин Л.В. 1957. С. 157–158]. При комплексном анализе исторических произведений Куракина установлено его особое внимание к событиям новейшей истории, к петровским преобразованиям. Были отмечены намерение Куракина написать «Историю Российской империи», основную часть которой составляла условно названная М.И. Семевским «Гистория о царе Петре Алексеевиче», его симпатии в будущем произведении к царевне Софье и острые характеристики своих современников [Пештич С.Л. 1961. С. 113–119]. Н.И. Павленко отнес «Гисторию», скорее, к мемуарным, а не историческим произведениям, тогда как «нелестные» отзывы о современниках — к желчному характеру ее автора, «то ли под влиянием болезни, то ли от природы» [[Павленко Н.И.] 1987. С. 353–356].

При анализе историографического значения трудов Б.И. Куракина представляется конструктивным исследование написанной им «Гистории о царе Петре Алексеевиче» как составной части его же обобщающего труда «История Российской империи».

Б.И. Куракину был свойственен целостный подход к изложению российской истории. Согласно традициям того времени ее основные периоды охарактеризованы им в соответствии с определяющими династическими и военно-политическими событиями. В датированном 7/18 мая 1727 г., написанном незадолго до смерти (Куракин умер 17 октября 1727 г.) предисловии к «Гистории о царе Петре Алексеевиче» он выделил четыре части будущего сочинения. Первая часть — «Гистория славянороссийской империи, древняя от начала» до первого из Романовых, царя Михаила Федоровича. Вторая — Россия при Романовых «по се число». Третья — «особливо о войне со Швецией». Четвертая должна быть основана на личных воспоминаниях — «о всех придворных интригах, происходящих во время царствования Петра Великого, понеже я тому сам свидетелем был». В ней изначально предполагалось преобладание субъективного начала: «Четвертая часть о всех негоциациях, происходящих чрез меня при всех дворах моей комиссии» [Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. С. 41–42].

В архиве Б.И. Куракина находится также отдельно хранящееся датированное 27 февраля / 10 марта 1723 г. оглавление «начатой» «Гистории» с указанием места написания в Гааге — «Ведение о главах в Гистории». Из него следует, что первой части, до правления Романовых, должно было быть посвящено менее одной десятой части сюжетов книги — 29 из перечисленных 344. То есть у Куракина преобладал интерес к новой и новейшей истории. Перечень тем предшествующей истории России позволяет установить, что она должна была содержать не погодный перечень событий, а изложение ее основных проблем.

Первая тема, которую обозначил Б.И. Куракин — «начать надобно гисторию, откуль Славяноросейской народ вышел, вкратце». Такая ее формулировка свидетельствует о том, что он освоил ту летописную традицию, сохраненную

в «Синописе», в соответствии с которой начальным сюжетом повествования должен был быть ответ на вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля». Формулировка темы указывает на то, что она относится к предстоящей работе над текстом, а не к обобщению уже написанного исследования.

Последующие сюжеты должны были изложить традиционную схему позднего русского летописания о «начале» киевских князей с последующей историей династии Рюриковичей в XI–XII вв. Дополнение Куракина — «также фамилей выезжих» — может свидетельствовать о том, что он собирался рассмотреть генеалогии той знати, которая возводила себя к древним чужеземным родам. Традиционными являлись и последующие темы, указанные Куракиным: перенесение столицы из Киева во Владимир, а оттуда — в Москву.

На аналитический характер предстоящей «Истории» указывают следующие темы: «О республике Новгородской» и «О республике Псковской». Использование научного определения «республика» характерно для исторической науки Нового времени, выделяющей исследовательские проблемы в отличие от погодного изложения событий. О том же свидетельствует и следующая тема: «О крещении народу и протчаго к тому», т. е., вероятно, о распространении христианства на Руси, об истории Русской митрополии и ее епископий, о первых русских святых.

Очередные названные Куракиным сюжеты — «О обычаях народу», «О старом правлении», «О правлении, когда в суверанство почало приходить» — позволяют предположить, что князь был знаком с новейшей научной литературой, в том числе и философской, в которой наряду с историей изучались народные обычаи, учения о государстве и праве. При этом он разделил «старое правление» и правление эпохи становления суверенитета России, от домонгольской Руси к периоду Ордынского ига и к становлению ее политической независимости, т. е. со второй половины XV в. Такое понимание этих разделов подтверждает название следующей главы — «О великом князе Иване Васильевиче», т. е. об Иване III, великое княжение которого началось в 1462 г. и при котором Ордынское иго было свергнуто.

Судя по оглавлению, Б.И. Куракин опускал, по его мнению, второстепенные сюжеты русской истории, выделяя для него наиболее значимые. Поэтому, не назвав правления Василия III, он сразу обратился ко времени «царя Ивана Васильевича, и кто стал царем писаться». В его царствование он выделил в качестве особых тем достижения Ивана IV — присоединение Казани, Астрахани и Сибири, «строение в Москве соборной церкви и других знатных мест». Не называя Ливонской войны и опричнины, Куракин указал далее в качестве особых тем «Об отъезде Курбского», «О Годунове и Щелкалове, и о смерти Ивана Васильевича». То есть его особое внимание привлекло основное событие в княжеской оппозиции Ивану Грозному — бегство в 1564 г. во время военных действий князя А.М. Курбского к противнику, а также интриги при царском дворе Б.Ф. Годунова и дьяка В.Я. Щелкалова.

В качестве последующих тем Б.И. Куракин перечислил историю царевича Дмитрия, повествование о смерти царя Федора Ивановича, т. е. о пресечении династии Рюриковичей, о царствовании Годунова и «царя сына его», Федора Борисовича. Не называя Смуты, Куракин указал ее основные события в названиях последующих глав — «О разстриге», «О других революциях», «О царс[твовании] князя Шуйского», «О избраниях, каким образом бывали», «О междоусобии и правлении сенату». Начиная с темы «О избрании царем Михаила Федоровича», в качестве сюжетов последующих глав следуют основные события в царствование Романовых — войны, реформы, дворцовые интриги и т. д. [Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. Кн. 1. С. 41–42].

Как следует из «Ведения о главах в Гистории», Б.И. Куракин собирался изложить содержание основных фактов не только нового и новейшего времени, но также предшествующей истории. Она должна была состоять из повествования о событиях и людях, преимущественно правителях, а также из наиболее значимых исторических проблем.

Изучение российской истории до правления Романовых было возможно после долгого предварительного собирания исторических источников, их анализа. К этому Б.И. Куракин еще не был подготовлен в отличие от изложения событий второй половины XVII — первой четверти XVIII в., о которых еще были свежи общественные и семейные предания. Во многих из них он и сам принимал участие. Поэтому Куракин начал работу над своим трудом со второй половины XVII в. В датированном 1723 г. «Ведении о нужных именах Гистории» абсолютное большинство указанных в нем имен относится к современникам и деятелям XVII — начала XVIII в. и единицы — к предшествующему столетию [Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. Кн. 1. С. 95–100]. Уже тот факт, что Куракин в соответствии с историческими знаниями своего времени в полной мере представлял себе не только ее событийное содержание, но называл также аналитические проблемы ее изучения, позволяет утверждать, что русские просвещенные люди осознавали их важность для понимания отечественной истории.

Если для повествования о древней российской истории время еще не пришло, то новейшая история была Б.И. Куракину в полной мере доступна. Он последовательно изложил те ее события, о которых имел достаточные сведения, свидетелем и участником которых являлся. Он предупреждал читателя, что его работа не завершена, и при лучшем состоянии здоровья сможет ее привести «благополучно ко окончанию». Такими подготовительными материалами к написанию «Истории Северной войны» могли стать его краткие записки, относившиеся к 1700–1720 гг. [Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. Кн. 1. С. 291–348].

Повествование о российской истории в этой завершенной части своего труда Б.И. Куракин начал с кончины царя Федора Алексеевича в 1682 г. Ее последующее содержание для него заключалось в борьбе дворцовых партий,

в сведениях о людях, близких к государственному управлению, в решениях, принимаемых государями. Впрочем, особое внимание к придворным интригам заслонило для него основное содержание событий Российской истории. Куракин не сомневался, что стрелецкое восстание произошло «с воли и по наущению» царевны Софьи. После «замирения» восстания, казни отца и сына Хованских Куракин характеризовал ее правление как некую идиллию: «Правление царевны Софьи Алексеевны началось со всякою прилежностью и правосудием всем и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ея правления, чрез семь лет, в цвет великаго богатства. Также умножились коммерция и всякия ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку; также и политес возставлена была в великом шляхетстве и других придворных с маниру польскаго — и в экипажах, и в домовном строении, и в уборах, и в столах.

И торжествовала тогда довольность народная, так что всякой легко мог видеть, когда праздничной день в лете, то все места кругом Москвы за городом, сходные к забавам <...> наполнены были народом, которые в великих забавах и играх бывали, из чего можно было видеть довольность жития их». После указания мирных отношений со Швецией и Польшей и другими европейскими дворами в продолжение политики Алексея Михайловича, установления «альянса» с поляками против крымского хана Куракин обобщил: «А правление внутреннее государства продолжалось во всяком порядке и правосудии, и умножалось народное богатство» [Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. Кн. 1. С. 50–51].

Поскольку Б.И. Куракин с детства оказался в числе приближенных Петра, он нейтрально перечислил события, которые привели к столкновению Петра с Софьей и к ее поражению, тем более что русская знать ее не поддерживала; по словам Куракина, «а из больших родов никто не мешался». Но для изображения деятелей периода до начала самостоятельного правления Петра Куракин негативных характеристик не жалел. Сама царица Наталия Кирилловна, по его словам, — «добраго темпераменту, добродетельнаго, токмо не была ни прилежна и не искусна в делах, и ума легкаго». Ее брат, реальный правитель боярин Л.К. Нарышкин — «человек гораздо посредняго ума и невоздержной к питью, также человек гордой, и хотя не злодей, токмо не склончивой и добро многим делал без резону». Боярин Т.Н. Стрешнев — «человек лукавой и злого нраву, а ума гораздо средняго». Князь Б.А. Голицын — «человек ума великаго, а особливо остроты, но к дела непрележной, понеже любил забавы, а особливо склонен был к питию». Он первым начал «обходиться» с иноземными офицерами и купцами и «царское величество склонил к ним в милость».

Причина таких характеристик Б.И. Куракина, распространенных также на деятелей петровского правления, раскрывалась им здесь же — решительное

осуждение отстранения знати от реальной власти: «И в том правлении наибольшее начало падения первых фамилий, а особливо имя князей было смертельно возненавидено и уничтожено, как от его царского величества, так и от персон тех правительствующих, которыхы его были для того, что все оные господа, как Нарышкины, Стрешневы, Головкин были домов самага низкаго и убогаго шляхетства и всегда ему внушали с молодых лет противу великих фамилий. К тому ж и сам его величество склонным явился, дабы уничтожением оных отнять у них повоир (фр. *le pouvoire* *власть*. — М.С.) весь и учинить бы себя наибольшим сувереном». Такое отстранение было, по Куракину, тем более несправедливо, что «великие фамилии», как он написал ранее, царевну Софью не поддерживали.

Страшась критиковать Петра, он давал характеристики деятелям его ближнего окружения не по их заслугам в государственной деятельности, а по личным свойствам. Князь Ф.Ю. Ромодановский — «собою видом как монстра, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни, но его величеству верной был, что никто другой». Боярин Иван Бутурлин — «злорадной и пьяной, и мздоимливой, которой обиды многим делал». Франц Лефорт — «человек забавной и роскошной или назвать дебошан французской», «человек слабого ума и не капабель (фр. *sarable* *способный*. — М.С.) всех тех дел править по своим чинам, то все управляли другие вместо его». А.Д. Меншиков — «такой сильной фаворит, что разве в римских гисториях находят», «человек не ученой, ниже писать что мог, кроме свое имя токмо выучил подписывать, понеже был из породы самой низкой, ниже шляхетства». Особо обличались Всешутейший собор и его участники [Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. С. 57, 62–66, 71–76].

Такое значительное субъективное начало в отборе и интерпретации фактов, в характеристиках исторических персонажей, в противопоставлении правления царевны Софьи преобразованиям Петра может свидетельствовать о том, что Б.И. Куракин работал не над «Гисторией Российской империи», предназначенной для издания, а над так называемой «тайной историей». Такие «тайные истории», исполненные критики власти, могли быть написаны авторами, которые публично те же власти восхваляли. В византийской историографической традиции ярким примером такого рода жанра являются сочинения Прокопия Кесарийского, автора первой половины — середины VI в. В труде «Войны» он прославлял императора Юстиниана I, а в тогда же написанной «Тайной истории» изобличал его деяния, выражая суждения старой сенаторской знати.

В таком же положении находился Б.И. Куракин. Внешне он выражал покорность Петру, исполнял его поручения, но в душе он умилялся временем правления царевны Софьи с ее традиционной политикой, умеренными изменениями в культуре и общественной жизни. Втайне он жестоко осуждал Петра за его преобразования, за его культурную и религиозную политику,

что выразилось в сатирических характеристиках его сподвижников, в утрированных описаниях их попоек и выходок Всешутейшего собора. Такое описание петровского правления было противоположно характеристике событий Петром Великим, который писал 13 февраля 1715 г. князю Я.Ф. Долгорукому в связи с выходом его племянницы замуж за иностранца: «Понеже нам есть великая нужда с протчими Европскими народы взякими образы сообщатца не точию в великих, но и в малых делех, дабы тем грубость старых обычаев помалу исчезала <...>» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 78. Л. 82].

Сообщая о Всешутейшем соборе, Б.И. Куракин не писал, что этот собор вышучивал. Главное, он не мог согласиться с тем, что Петр лишил власти «первые фамилии», для которых стольники и бояре «Нарышкины, Стрешневы, Головкин были домов самага низкаго и убогаго шляхетства». Таким образом, история стала для Куракина средством выражения его взглядов, оппозиционной политике Петра, что отражало отношение к ней части высшей российской знати. Возможно, что такой идеологизированный подход предполагался и при написании «Истории Российской империи» до правления Романовых. Об этом косвенно могут свидетельствовать особые разделы в «Ведении о главах в Гистории» с указанием в древней истории «всех фамилий той линии разделенных, также фамилий выезжих», к числу которых могли быть отнесены и Куракины, возводившие себя к потомкам полоцкого князя Изяслава, сына Владимира Святого и брата Ярослава Мудрого.

В разделах «О республике Новогороцкой», «О республике Псковской» не только впервые в отечественной исторической литературе средневековый политический строй этих городов назван республиканским. Использование этого западноевропейского политического и научного термина могло внести в изучение истории средневековой Руси начала научного анализа и использования нового понятийного аппарата. Оно прерывало традицию изложения российской истории как истории правления князей, монархов и самодержавия. К тому же темы Новгородской и Псковской республик могли обратить внимание на особое значение в их истории знати. Выделение Куракиным темы «Об отъезде Курбского» могло стать началом размышлений о княжеской оппозиции тирании Ивана Грозного. Показательно, что царствование Шуйского названо царствованием князя Шуйского. То есть венчанный на царство Шуйский для князя Куракина оставался князем на царствовании.

Поэтому С.Л. Пештич обоснованно характеризовал политические взгляды Б.И. Куракина как в какой-то мере предшествующие представлениям верховников 1730 г. и князя М.М. Щербатова. Последнее сравнение можно развить: в написанном в царствование Екатерины II, но неизданном и тайно хранившемся сочинении «О повреждении нравов в России» Щербатов, подобно Куракину, использовал исторические наблюдения для критики России современной и идеализации допетровской Руси, в чем он продолжил традиции тайной княжеской оппозиции.

Б.И. Куракину принадлежит также автобиография, в которой сведения о его жизни крайне ограничены. Для него как человека публичного перечень годов его жизни на государственной службе стал поводом записать о тех событиях, которые в эти годы происходили [Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. С. 243–287]. С.Л. Пештич видел в этой особенности автобиографии «определенную аристократическую претенциозность» [Пештич С.Л. 1961. С. 114]. Но в данном свойстве автобиографии Куракина можно видеть также неосознанное воздействие петровской идеологии, в которой личное должно было находиться в единстве с государственным.

Вероятно, Петру стали известны оппозиционные настроения Б.И. Куракина по отношению к нему и его окружению. Хотя Куракин командовал лейб-гвардии Семеновским полком во время Полтавского сражения, он единственный из офицеров остался без награды. Но и это обстоятельство Куракин объяснил в 1709–1710 гг. интригами, своим благородным происхождением и низостью товарищей по службе: «Глупые, худые, без показания всякого добра и заслуги, и незнаемые не токмо в других, но и в том деле, в которое и призван, и до ныне обретаются, токмо наполнен злости ко всем, пьянства и зависти, и губления как ближних, так и дальних!» [Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. С. 286]. Впрочем, Петр не преследовал свойственника. Царь видел, что Б.И. Куракин усвоил основную идею его царствования — служить не государю, а Государству. Поэтому он отправлял его с престижными и ответственными дипломатическими поручениями в страны Западной Европы.

Таким образом, Б.И. Куракин продолжил в отечественной историографии особый жанр, в котором причастность к историческим событиям имела следствием стремление написать о них и их осмыслить. Но впервые в Петровскую эпоху в его историческом повествовании изложение этих событий превратилось в средство идейной борьбы, в политический памфлет. В то же время подготовительные исторические материалы Куракина свидетельствуют о том, что просвещенные люди в период петровских преобразований использовали в изложении отечественной истории новый понятийный аппарат, могли изучать российскую историю по конкретным проблемам, а не в погодном повествовании.

Причастность к историческим событиям новейшего времени иным образом выразилась в сочинении А.И. Манкиева «Ядро Российской истории». Он являлся секретарем российского посольства во главе с князем А.Я. Хилковым, задержанного в 1700 г. в Швеции в связи с началом Северной войны. Вынужденное бездействие и вместе с тем подъем патриотических чувств имели следствием обращение Манкиева к написанию труда по истории отечества. После возвращения в Россию в 1718 г. он служил переводчиком в Коллегии иностранных дел. Но его историческое сочинение, завершенное в 1715 г., было издано Г.Ф. Миллером только в 1770 г. Впрочем, издатель ошибочно отнес авторство этого произведения Хилкову, а само оно позднее

воспринималось как написанное по указанию Петра Великого. В данной связи С.М. Соловьев установил его подлинное авторство, а С.Л. Пештич доказал, что оно написано Манкиевым по собственной инициативе, поскольку царь такого указания ему сделать не мог [Пештич С.Л. 1961. С. 103–106].

А.И. Манкиев находился в Вестеросе, когда он работал над «Ядром». В этом городе находились основные произведения по истории России. Написанные в XVI–XVII вв., они были приобретены шведским ученым И.Г. Спарвенфельдом во время его пребывания в Москве в 1682–1684 гг. — «Хроника» Сафоновича, «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства», «Книга степенная царского родословия», «Новый летописец», «Летописец вкратце», «Родословец великих князей великия России», «Казанский летописец», чин венчания на царство русских царей, родословия великих князей и другие. В своем труде Манкиев ссылался на летописи. Для изложения русской истории после смерти Ивана Грозного он привлек также «Иное сказание», «Сказание о Гришке Отрепьеве» и другие исторические повести XVII в. При написании «Ядра» Манкиев использовал сочинения Стрыйковского и Сафоновича, шведа Петра Петрея и многих других писателей, из трудов которых он заимствовал известия об истории античной, российской и всеобщей [Пештич С.Л. 1961. С. 106–107]. Впрочем, Петрея он жестко критиковал с патриотических позиций за его антирусское повествование.

Время работы над «Ядром» — Северная война и обстоятельства пребывания А.И. Манкиева в Швеции — не могли не воздействовать на содержание его труда. Утверждая положение России как равной среди других народов и стран, он продолжил средневековое в своем содержании мнение о происхождении славян от Мосоха. Название славян он производил от слова «слава», а «россиян» — от князя Руса, потомка Мосоха. Если в этом этнологическом экскурсе он следовал за средневековой традицией, то в опровержение новейших суждений о связи имени «славяне» и средневекового латинского *slavus* — «невольник» он доказывал ошибочность такого мнения.

В соответствии с новейшими аналитическими методами изложения истории А.И. Манкиев указал в начальной истории Руси разные формы правления — княжеского в Киеве от Кия, Щека и Хорива и «демократического» в Новгороде. Впрочем, следуя монархической концепции, он написал об отсутствии единства среди новгородцев как причине их обращения к варяжским князьям Рюрику, Синеусу и Трувору «в Руси владеть» и установления самодержавной власти в России. Для утверждения высокого статуса российских правителей Манкиев повторил средневековую теорию о происхождении Рюрика от Пруса, двоюродного брата кесаря Августа.

Излагая последующую историю самодержавной власти в России, А.И. Манкиев повторил схему ее перенесения из Киева во Владимир, а затем в Москву. При этом в восстановлении «монархии» особое значение он

придавал «сшибению ига татарского». Данный период российской истории Манкиев завершил пресечением династии Рюриковичей.

Повествование о российской истории как истории российской монархической власти, тревога за судьбы России в перипетиях Северной войны, за которыми А.И. Манкиев наблюдал из Швеции, утверждение им особого значения самодержавной власти Петра оказали большое воздействие на композицию его книги. Четверть ее содержания составляет изложение событий, относившихся к правлению Бориса Годунова и последующему Смутному времени. В связи со сменой «царствований» и «междоцарствий» особое значение имело для Манкиева избрание на царство Михаила Романова как родственника Рюриковичей, племянника царя Федора Ивановича. Впрочем, материалов о правлении Романовых в его распоряжении во время нахождения в Швеции было явно недостаточно. Поэтому Манкиев лишь вкратце сообщил о царствовании Романовых, в том числе и Петра. В повествовании об этом периоде он с осуждением написал о восстаниях в Москве в 1648, 1662 и 1682 гг., о движении Степана Разина. Такие характеристики свидетельствуют не только о его отношении к противодействию системе монархической власти, но также о тревоге в связи с поступающими в Швецию сведениями об Астраханском и Булавинском восстаниях в России. К тому же стрелецкий бунт 1682 г. давал Манкиеву повод осудить и правление царевны Софьи.

Работа А.И. Манкиева над «Ядром» в эпоху активной внешней политики Петра, во время вынужденного длительного пребывания в Швеции способствовала расширению его взглядов на место России в мировой истории. В изложение отечественной истории он включил экскурсы, посвященные другим народам и государствам — происхождению египтян, греков, римлян, англичан, французов и др., открытию Америки, «четвертой части мира», т. е. четвертого континента, изобретению пороха, огнестрельного оружия, книгопечатания, английской революции, Кромвелю и т. д.

Таким образом, «Ядро российской истории» А.И. Манкиева можно рассматривать как новое явление в русской историографии, определяемой воздействием петровской эпохи. Манкиеву свойственно современное мышление первой четверти XVIII в., но на него воздействовали и старые методы исторической компиляции. Он использовал приемы рационалистической критики источников и анализа исторических фактов, но в то же время его текст в значительной мере зависел от использованной литературы, вследствие чего его сочинение становилось вторичным. Как следствие особых обстоятельств длительного пребывания в Швеции в труде Манкиева отмечается недостаток сведений о новейшей истории России.

Труды по истории России, подготовленные в первой четверти XVIII в., были написаны в другой интеллектуальной среде, чем сочинения на данную тему допетровского периода. Одни авторы, Ф.С. Салтыков, Б.И. Куракин, А.И. Манкиев, долгое время находились за границей. Их мышление раскре-

попало, появлялись новые идеи о российской истории, хотя оторванность от ежедневной практики российской жизни в определенной мере способствовало их умозрительности. Другие авторы, Г. Гюйссен, П.П. Шафиров, Ф. Прокопович, коллектив авторов «Гистории Свейской войны» под идейным и практическим руководством Петра, постоянно находились в России и были органично включены в те обстоятельства преобразований, которыми была столь насыщена первая четверть столетия. Поэтому на идеи их трудов постоянно воздействовали не только насущные задачи Российского государства, которое под руководством Петра становилось современной державой, но также новые обстоятельства российской материальной и духовной жизни. Петровская концепция исторического процесса стала той парадигмой, в соответствии с которой были написаны исторические труды его сподвижников, тогда как князь Куракин выразил тайную оппозицию деятельности Петра. В исторических сочинениях Петровской эпохи преобладали прагматические сочинения с их тенденцией к точности излагаемых фактов, хотя в интерпретации событий отмечается также ее идеологизация. Но прослеживается также тенденция к их анализу. В частности, средневековый новгородский строй характеризовался как республиканский (Б.И. Куракин) или демократический (А.И. Манкиев).

Историографии Петровской эпохи была свойственна идеология побед, достижений, «прогрессов», хотя постоянное напряжение, которое испытывали народ и государство, создавало условия для критического повествования о них.

5. «Россия» Петровского времени

Петр начал реальное управление страной после попытки царевны Софьи узурпировать власть в августе 1689 г. Вскоре после этих событий в иностранной литературе о России появилась характеристика Петра и краткий исторический очерк, повествующий о событиях, предшествовавших началу его правления. В 1689 г., но до попытки Софьи совершить переворот, в Россию приехал в качестве посла польского короля Яна III Собеского иезуит Фуа де ля Невилль, который являлся агентом французского короля Людовика XIV и руководителей своего ордена. Он находился в Москве несколько месяцев и в соответствии с одной из задач своего путешествия собирал сведения, прежде всего, о событиях новейшего времени. В связи со своей официальной деятельностью Невилль встречался с реальным правителем России и фаворитом царевны Софьи В.В. Голицыным, с политическим деятелем А.А. Матвеевым, с опытным дипломатом Е.И. Украинцевым и переводчиком Посольского приказа Н. Спафарием. Особенное впечатление на него как на католика-иезуита произвел Голицын своими проектами реорганизовать Россию, установить постоянные связи с западными государствами, отправлять

детей в польские латинские школы, нанимать польских воспитателей. Как написал Невилль, Голицын разрешил свободный въезд и выезд из страны, поощрял путешествия дворян в иностранные государства для изучения военного дела, собирався обложить население умеренной подушной податью, создать посольства при наиболее значительных дворах европейских стран и разрешить свободу вероисповедания. Позволил он въезд в Россию иезуитов. К тому же Голицын говорил на латинском языке.

У своих собеседников, в частности, А.А. Матвеева и Е.И. Украинцева, а также у иностранцев на русской службе Невилль узнал обстоятельства восстания стрельцов 1682 г., установления соцарствования Ивана и Петра Алексеевичей, начала реального правления их сестры Софьи, расправы с князьями Хованскими, крымских походов под командованием В.В. Голицына, заговора Ф.Л. Шакловитого. Невилль еще находился в Москве, когда Петр установил единовластие, Софья была заключена в Новодевичий монастырь, а Голицын отправлен в северную ссылку.

Пристрастия Невилля были определенными. Если В.В. Голицына он называл «великим», то, описывая не без презрения и недоумения быт и нравы русских людей, он в том же стиле написал о развлечениях Петра, который издевается над своими приближенными и самыми важными господами (*les plus grands Seigneurs*), любит звонить в большой колокол и любит жары Москвы. Таким образом, Фуа да ля Невилля, который следовал своим политическим, конфессиональным и идеологическим пристрастиям, можно считать родоначальником антипетровской тенденции в западноевропейской «Россике». История России его не интересовала. Для его целей ему было достаточно сведений о новейших политических и династических событиях [*Foy de la Neuville*. 1699].

Значительные новые материалы для западного читателя содержались в изданной в Лондоне в 1716 г. книге капитана Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе» («*The State of Russia under the Present Czar <...>*»). В последующем обстоятельном заголовке, как было принято в XVIII в., сообщалось, что эта тема излагалась в книге в связи с «некоторыми великими и замечательными деяниями (Things), которые он совершил». Эти деяния далее разъяснялись: создание флота, реорганизация (*Regulating*) армии, «реформирование своего народа» (*Reforming his People*), «совершенствование своей страны» (*Improvement of his Country*). Перри был принят на русскую службу в 1698 г. в качестве специалиста по строительству кораблей, каналов и шлюзов. В частности, он должен был участвовать в проектировании и создании Волго-Донского канала. Но строительство не состоялось, а вследствие служебных причин он должен был уехать из страны в 1715 г.

За эти годы Д. Перри хорошо узнал Россию, ее географию, климат, и, имея значительный практический опыт, обстоятельно изложил собранные сведения. Сообщил он своим читателям также о многих восточных и север-

ных народах страны, их религии и «образе жизни» (*Manner of Life*). Большое значение для западных читателей имела достаточно точная для того времени карта России с указанием расселения загадочных для них остяков, тунгузов, калмыков и находившейся за Иртышом «Великой Тартарией». Берингово море на этой карте названо «Московское море». Для Перри было очевидно особое преобразующее значение для России деятельности Петра. Поэтому для него как для человека-практика особое значение приобрели лишь события новейшей российской истории, которые этой деятельности способствовали (Великое посольство) или препятствовали (активность царевны Софьи и восстание стрельцов) [*Perry John, captain. 1716*].

Труды Фуа де ля Невилля и Джона Перри сообщали западным читателям многочисленные сведения о далекой и почти неизвестной им России, а Перри — также о преобразованиях Петра Великого. Первым обобщением его деятельности на Западе стало «Похвальное слово (*éloge*) Петру Первому» Бернара ле Бовье де Фонтенеля. Фонтенель являлся постоянным секретарем Академии наук в Париже. Он вел переговоры в связи с принятием царя в члены Академии. Он же в соответствии с должностью произнес в академическом публичном собрании в Париже «Похвальное слово» Петру в связи с его кончиной 14 ноября 1725 г. Фонтенель был интеллектуалом, литератором и популяризатором науки. Он участвовал в формировании просветительской идеологии, поддерживая идеи гуманизма и распространения образования, светского направления в изучении природы, солнечной системы и истории, требуя доказательств, а не суждений.

В «Похвальном слове» Фонтенель следовал за уже сложившимся в западной литературе приемом противопоставления России преобразованной и допетровской. Но он проявил обстоятельные знания о реалиях этих двух состояний России в ее недавнем прошлом и настоящем.

В характеристике России допетровской Фонтенель отметил отсутствие современных знаний, «грубость» нравов и подавление людей. Для него, сторонника Просвещения, эти «невежество» и «грубость» являлись не свойством России, а следствием исторической закономерности, поскольку они «всегда сопровождают первые века народов». Для европейских интеллектуалов XVIII в. это было состояние Средних веков: «вся промышленность подавлена, крестьяне рождены рабами и угнетены безжалостными господами» («*toute industrie étoit étouffée; les Paysans nés esclaves, et opprimés par des Seigneurs impitoyables*»). Крестьяне думали лишь о возможности поесть, находясь все время в бедности. Но и господа не были богатыми, а вследствие этого не могли развиваться искусства, поскольку, считал Фонтенель — мыслитель эпохи классицизма и племянник великого драматурга Пьера Корнеля, по происхождению столь близкого к народу и сторонника сильной и мудрой монархической власти — богатство и «доброта правления» («*la douceur du Gouvernement*») создают условия для развития искусств.

Как особую черту исторического развития России Фонтенель отметил ее территориальный рост на север и восток, где находятся «варварские народы», а не в западном и южном направлении. Вследствие этого, по его мнению, в русском дворянстве «недостойная праздность» («indigne oisiveté») стала восприниматься как проявление «свободы». Когда же они служили, то основанием для их высокого положения являлась не профессиональная подготовка, а происхождение. Как следствие этого, должно было принимать на службу иностранных офицеров. Но они оказывались также плохими профессионалами, достойными быть лишь солдатами у себя на родине. Поэтому российское войско было плохо обученным и находилось под плохим командованием. Фонтенель написал, что силу государства составляли стрельцы, которых он сопоставил с турецкими янычарами: они были опасны своим правителям, тогда как надо было быть грозными другим народам.

Российская торговля, по Фонтенелю, была слабо развитой, поэтому она зависела от иностранных купцов, от чего несла убытки вследствие их обманов. Да и флота российского не было, ни военного, ни гражданского. Иностранная торговля велась только через Архангельск. Сторонник широких познаний, свойственных Новому времени, Фонтенель написал не только о ненависти в допетровской России к католикам, но и о презрении ко всему, что россияне не знали, а этот «верх незнания» становился причиной для того, чтобы быть гордыми по отношению к другим.

Кратко, но обстоятельно, Фонтенель написал о родителях Петра, о его старшем брате Федоре, о восстании стрельцов в 1682 г., о начале совместного царствования Петра и Ивана, но реального правления царевны Софьи. Он сообщил о появлении у Петра небольшого хорошо обученного иностранными офицерами войска, о строительстве с голландской помощью первых кораблей. Столь же кратко, но подробно, изложены последующие события — установление петровского единовластия после смерти брата, Азовские походы, Великое посольство во главе с Ф. Лефортом и «великим канцлером» Ф.А. Головиным, работа царя плотником на верфи под именем Петра Михайлова и отправление Петром своих знатных людей в страны Европы для обучения разным специальностям, поездка Петра в Англию и возвращение через Голландию и Вену, где он узнал о восстании, как написал Фонтенель, сорока тысяч стрельцов (в действительности, ок. четырех тысяч), в Москву, куда он прибыл в конце 1699 г. (в действительности, 25 августа 1698 г.).

Сообщив о всех этих событиях, Фонтенель написал, что теперь Петру следовало создать «новый народ» («il s'agit soit de créer une Nation nouvelle»). Такое подробное изложение состояния допетровской России, юности Петра и начала его самостоятельного правления совпадает с петровской концепцией, изложенной как самим Петром, так и его сподвижниками, а слова о создании Петром «нового народа» в полной мере соответствуют шестой редакции «Регламента Главного магистрата», отредактированной Петром: «Единым

словом академии и школы *сочиняют* новой народ и новой свет, как мы во многих иных европейских нациях видим <...>» (см. ранее, с. 168). К той же концепции восходит и противопоставление Нового времени прежнему «варварству» в России [*Fontenelle de. 1727. Р. 4–14*].

Эти наблюдения позволяют предположить, что после смерти Петра его сподвижники, оставшиеся во власти, обратились к постоянному секретарю королевской Академии наук с тем, чтобы она почтила особым заседанием память российского монарха, члена этой Академии. О предварительном обсуждении текста «Похвального слова» с многоопытным политиком, который много занимался российской историей, князем Б.И. Куракиным писал сам Фонтенель [*Мезин С.А. 1999. С. 60*]. Таким обращением российских властей можно объяснить начало «Похвального слова» Фонтенеля. Ему пришлось особо подчеркнуть для присутствующих на заседании и для читателей его произведения, что данное заседание и «Похвальное слово» — исключительный случай по отношению к иностранному государю, но он объясняется тем, что Петр — такой член Академии, который учредил науки в обширных владениях своей империи.

Вероятно, вместе с российским предложением Фонтенелю написать «Похвальное слово» поступили и значительные материалы, в которых содержались сведения о России времени правления Петра Великого, о его преобразованиях. Так что в основе приведенных Фонтенелем многих фактов и их изложения находились, вероятно, российские исторические источники и их интерпретация. Разумеется, и сам Фонтенель как человек самостоятельного мышления привлек доступные ему материалы, прежде всего Фуа де ля Невилля, Джона Перри и, возможно, Ф.Х. Вебера (см. далее, с. 251).

Фонтенель обстоятельно изложил преобразования Петра, которые позволили создать в России «новый народ». Он сделал свободным въезд в страну и привлек специалистов, военных и гражданских, многих специальностей и «звания». Он вступил в союз с польским королем Августом и начал войну со шведским королем Карлом XII. Петр присоединил к России после побед над шведами Ингерманландию, что позволило ему построить порт для торговли, крепость и создать на Балтийском море флот. Многие последующие успехи позволили Петру одержать полную победу над шведами под Полтавой, в которой он проявил себя как «великий полководец» и «храбрый солдат», захватил большое число пленных, а шведский король бежал в турецкие владения.

Перечислил Фонтенель также последующие военные и дипломатические успехи Петра, не скрывая трагические обстоятельства Прутского похода, во время которого спасти российское войско смогла «царица Екатерина». Привел Фонтенель географическое описание российских владений, рек и водных путей, особенно по Волге и Каспийскому морю, о котором в Парижской Академии имели хорошее для того времени представление, благодаря карте,

которую туда передал Петр. С одобрением сообщил Фонтенель и о других географических разысканиях Петра.

Фонтенель перечислил достижения Петра в создании современной армии, мощного военного флота, в строительстве крепостей по всем правилам новейшей фортификации, в учреждении полиции, которая сделал безопасными улицы в ночное время. В создании «нового народа» столь же важным для Фонтенеля было распространение образования академического и школьного, существование разнообразных специальностей, требующих научных знаний, а также «переводчиков со всех языков европейских государств», библиотеки как «великого книгохранилища», новой архитектуры. Особо отметил он встречу в 1716 г. Петра с «преславным господином Лейбницем», пожалование ему «достойного звания» (он был назначен тайным советником) и «большого обеспечения». Постоянный секретарь Академии наук с одобрением сообщил и о церковной реформе Петра, о борьбе с суевериями.

В ученом собрании Фонтенель подробно описал причину мучительной смерти императора 28 января 1725 г. «от задержания урины».

В завершении «Похвального слова» Фонтенель в соответствии с жанром произведения написал о достоинствах правящей императрицы Екатерины, ее фаворите А.Д. Меншикове, который, возможно, был одним из инициаторов появления этого труда Фонтенеля. Видимо, излагая концепцию российских заказчиков «Похвального слова», автор придал особое значение этой преемственности власти, поскольку без императрицы Екатерины все петровские преобразования погибли бы. Вероятно, в этих словах выразились опасения самого Фонтенеля и других французских интеллектуалов, сторонников просвещения в России.

В рассмотренных ранее произведениях Фуа де ля Невилля, Джона Перри и Фонтенеля, посвященных России петровского времени, анализировалось ее современное общественное и политическое состояние, приводились сведения о ее природе, климате и народах. Традиционным оставался интерес к быту и нравам этой далекой страны. События новейшей российской истории привлекали их в той мере, насколько они относились к деятельности Петра Великого и его биографии.

Между тем, появление в первой четверти XVIII в. могущественного Российского государства, которое стало оказывать значительное воздействие на европейскую политическую действительность того времени, обострило у его противников негативное отношение к России, к ее прошлому и к ее правителям, прежде всего к царю Петру. В данных обстоятельствах уже Петру, его верховным сановникам и дипломатам пришлось противопоставить подобным стереотипам, формировавшим общественное мнение о России на Западе, сведения о реальном содержании деятельности Петра, в частности в связи с делом царевича Алексея, а также о российской истории. Изучая издательскую деятельность Петра Великого и его доверенных лиц в западноевропейских стра-

нах, Н.А. Копанев отметил публикацию в них трудов, содержащих исторические сведения о России древней и современной [Копанев Н.А. 1997. С. 25–29; 2001. С. 39–41; 2004. С. 48–58; 2008. С. 12–20]. Эти наблюдения следует продолжить, поскольку они позволяют установить состояние российской исторической науки в конце первой четверти XVIII в. и стоящие перед ней задачи.

Уже издание в 1721 г. ганноверским резидентом при царском дворе Фридрихом Христианом Вебером, который в 1714–1719 гг. жил в России, труда «Преображенная Россия» («Das Veränderte Russland») знакомило западноевропейских читателей с преобразованиями Петра. Эта книга вызвала значительный интерес на Западе, тем более что она была дополнена позднее вторым и третьим томами. В 1722–1723 гг. она была издана на английском, а в 1725 г. и на французском языке [Мицлов Р. 1872. С. 136–140]. По наблюдениям Н.А. Копанева, П.П. Шафиров, а также русские дипломаты в Лондоне и Гааге Б.И. Куракин, И.П. и Ф.П. Веселовские содействовали появлению английского издания труда Вебера в 1722–1723 гг. Оно было дополнено описаниями Петербурга и Кроншлота, дневником путешествия Лорана Ланга из Петербурга в Пекин, диссертацией Й.Б. Мюллера «Описание нравов и обычаев (Usage) остяков» (это был первый печатный труд по этнографии народов Западной Сибири), следственными материалами по делу царевича Алексея, а также работой Шафирова о причинах Северной войны.

В те же годы над написанием истории царствования Петра I работал голландский ученый, журналист, доктор права и член Болонской академии Анри Филипп де Лимьер, который получал материалы для своего труда из России. Но издал это сочинение в четырех томах под названием «Записки о царствовании Петра Великого <...>» («Memoires du regne de Pierre le Grand <...>») в 1725–1726 гг. другой голландский ученый и журналист Жан Руссе де Мисси под псевдонимом барон Иван Иванович Нестесюрапой (Iwan Nestesura poi) [Копанев Н.А. 1997. С. 27; 2004. С. 29–50].

«Записки» должны были ознакомить хорошо образованную часть западноевропейцев с Россией и происходившими в ней преобразованиями, так что этому сочинению придавалось большое научное и политическое значение. По мнению Н.А. Копанева, в коллективной подготовке плана «Записок» и подборе материалов участвовали Ф.П. Поликарпов, барон Г. Гюйссен, П.П. Шафиров, Ф. Прокопович, Б.И. Куракин. О значимости этого труда свидетельствуют заявления, сделанные в «Предисловии» к нему: «Россия была в прошлом веке страной неизвестной, если можно так сказать, для всей остальной Европы. Действительно, если о ней что-либо и знали, то только из баснословных реляций, составлявшихся людьми одержимыми, а, следовательно, несправедливыми и подозрительными, от путешественников, которые едва видели эту обширную страну; и, наконец, от неразумных иностранцев, которые распускали ложь с бесстыдством, вдохновленным безнаказанностью». Поэтому целью данных записок являлось стремление «вывести

публику из заблуждения и опровергнуть те неверные представления о нас, которые ей внушили, и это важно прежде всего для нее нас лучше знать, из-за того влияния, которое Россия оказывает сейчас на другие государства». Здесь же излагалось основное содержание «Записок»: «В этой книге пойдет речь о народе, связанном с другими общими интересами, о народе, чья торговля, оружие и слава начинают распространяться столь же широко, как и его имя, одним словом, о народе, могущественном и знаменитом как в Азии, так и в Европе» [Копанев Н.А. 1997. С. 27; 2008. С. 16].

Назначением этого четырехтомного труда являлось также ознакомление иностранных читателей с историей России, изложенной, как и следовало в соответствии с основами классицизма, в правлении ее князей и царей. В предисловии ко второму изданию «Записок» было написано, что «нельзя как следует судить о больших преимуществах, которые Россия извлекла из правления императора Петра Великого, если не знать того, что совершили его предшественники» и «каково было состояние дел, когда он наконец-то начал править самостоятельно (*букв.* достиг трона)» («On ne peut bien juger de grands avantages, que la Russie a tirez du Règne de l'Empereur Pierre le Grand si l'on ignore ce qu'ont fait se Prédecesseures», «quel étoit l'état des choses lorsqu'il parvint au trône»). Автор предисловия адекватно сформулировал основное следствие петровских преобразований — включение России в единое европейское пространство: «<...> эта Империя не является ныне тем, чем она была, я хочу сказать, государством почти изолированным и ненужным (*inutile*) в той же мере, как и неизвестным народам в других частях Европы».

Как следует из материалов, использованных в «Записках», они присылались из России, тогда как идеи «Записок» формулировались де Лимьером и Руссе де Мисси под значительным воздействием российских общественно-политических и исторических идей, вероятно, специально для них изложенных. Учитывая особое значение тех людей в России, которые отбирали материалы и формулировали идеи для «Записок», их можно считать российскими соавторами этого исторического труда.

Для того чтобы читателям стало ясно значение деятельности Петра, российские соавторы «Записок» предварили повествование «точным кратким изложением (*Abrégé exact*) истории всех царей». Как написано в предисловии, другая существенная причина, по которой важна предлагаемая читателям история России — полнота ее краткого изложения в отличие от других сочинений о России, поскольку в них речь идет только о ее «естественной истории и географии», об истории «каких-нибудь царей» или об «описании ее церковного и гражданского управления» [*Nestesuranoi I. 1728. Т. 1. F. 3–4, 8, 9; первая пагинация*]. То есть, российские соавторы «Записок», те, кто готовил для них материалы, сформулировали в данном случае петровскую концепцию — для понимания современной России необходимо иметь обстоятельные и достоверные сведения об истории России в целом.

Эти идеи свидетельствуют о понимании в конце первой четверти XVIII в. особой значимости истории России для анализа современной действительности. Впрочем, российская историческая наука находилась тогда на начальной стадии своего развития, о чем можно судить по изложению основных событий истории России. К тому же следует учитывать, что материалы, подготовленные для написания «Записок», излагались иностранными авторами, для которых исторические события, русские имена и географические названия являлись чужими, что, вероятно, являлось одной из причин их значительной деформации в тексте.

Исторические идеи «Записок» не привлекали внимание историографов. Видимо, только С.А. Мезин специально рассмотрел труд Руссе де Мисси как историческое произведение. В отличие от Н.А. Копанева он характеризовал «Записки» как самостоятельную работу автора. Мезин отметил, что вопреки утверждениям де Мисси о недопустимости использования газет, он активно учитывал именно эти материалы. Де Мисси не указывал в своей книге использованные источники, в частности сочинение Д. Перри. Характеризуя содержание первого тома «Записок», посвященного допетровской истории России, Мезин написал о том, что де Мисси сообщал читателям о происхождении русских от скифов и сарматов, привлекая материалы Геродота, о недостаточно критическом изложении сведений русской летописи, о мелких фактических ошибках. Но его оценка первого тома «Записок» высокая: «в целом материал изложен на редкость четко и ясно», «события XVI–XVII вв. описывались особенно подробно и при этом удивительно достоверно для исторического сочинения начала XVIII в.». По мнению Мезина, «в России первой четверти XVIII в. отсутствовало столь ясное и достоверное прагматическое (без попыток обобщения) изложение русской средневековой истории», поэтому не только «Синописис», но и «Краткий Российский летописец» М.В. Ломоносова «кажутся архаичными» [Мезин С.А. 1999. С. 170–173].

Характеризуя так достоинства первого тома «Записок», С.А. Мезин оставил определение использованных в нем исторических источников для «дальнейшего изучения». Между тем, уже постановка вопроса, откуда француз-гугенот, живший в Голландии, мог знать материалы древнерусских летописей при изложении истории средневековой России, равно как и многочисленные сведения, относящиеся к ее новейшей истории, свидетельствует о том, что, как отметил Н.А. Копанев, все эти сведения сообщались ему в первой половине 20-х гг. россиянами, хорошо знавшими историю своей страны. Поэтому материалы первого тома «Записок» следует рассматривать как выражение состояния российской исторической науки времени завершения Петровской эпохи.

Содержащаяся в нем «Хронологическая таблица великих князей (ducs, букв. «герцогов»), царей и императоров России» начинается указанным

под 861 г. «новгородским князем» Рюриком. О княжении его преемника Олега не сообщается, а под 880 г. написано, что Игорь Рюрикович совершил «великие завоевания» Днепра, названного на античный манер Борисфеном. Под 943 г. повествуется о том, что сын Игоря Святослав вырос, воспитанный своей матерью Ольгой (Olga) или Еленой (обращает внимание южнорусская или украинская форма имени Ольга как выражение внутреннего диктата российского автора первоначального текста). Она «ввела христианство» в своем государстве, тогда как Святослав воевал с «Империей Востока». Под 980 г. сообщается о Владимире Святославиче, что он — апостол России, «под своею властью объединяет всю Россию и строит [город] Владимир, где помещает престол империи». Он разделил свои владения между десятью сыновьями на разные области (Provinces).

Под 1020 г. в «Таблице» написано, что Ярослав остался один после «жесточкой войны» между братьями. Он «принимает название Монарха», от него происходит «ветвь» Изяслава, который долгое время правил Киевом. Ошибочно под 1043 г. написано, что Владимир II, под которым понимался, видимо, Владимир Всеволодович Мономах (киевское княжение в 1113–1125 гг.), «как и его отец, объединяет под своею властью всю Россию, управляя в ней областями, назначенными его братьям, и принимает также титул Монарха». Далее почему-то под 1116 г. сообщается, что Всеволод, т. е. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1176–1212), наследует своему отцу. К его многочисленным сыновьям восходили княжеские «ветви», при этом князе и при его потомках татары были «абсолютно» повелителями в России, так что они превратили княжеских преемников в данников (tributaires).

Далее следует перечень восьми княжеских имен, указанных как «неопределенные» («Incertains»), к которым относился обобщающий текст, также неточный: «(они) правили в разных городах и в разное время до тех пор, когда Александр, сын Ярослава, установил трон своего владычества (Domination) в Москве, это тот Александр, который известен под именем св. Александра Невского» [*Nestesuranoi I. 1728. T. 1. F. 3–4; вторая пагинация*].

«Хронологическая таблица» начинала историю России с Рюрика, что соответствовало взглядам Ф. Прокоповича. Своей неполнотой, приблизительностью, многочисленными ошибками она словно подтверждала мнение Петра Великого, в соответствии с которым «о монархии российской и ее початие и что далее деда князя Владимира правдивой истории не имеем» (см. ранее, с. 203). Из этой таблицы следовало, что и последующая история оставалась не изученной, и это, как писал Петр, предстояло сделать историкам.

Столь же обобщенным, приблизительным и содержательно ограниченным является изложение в «Хронологической таблице» событий русской истории XIV в., борьбы Василия Темного за московское княжение со своими двоюродными братьями, галицкими князьями в 1432–1450 гг., запись о чем помещена ошибочно под 1406 г.

Особое значение в перечне московских правителей придается Ивану III Васильевичу (1462–1505). В кратком повествовании о нем сообщается, что у него было прозвище «Победоносный вследствие его завоеваний». Рост военного могущества и освобождение от Ордынского ига трансформированы в тексте как стремление Ивана III к созданию Российской империи, тогда как сам он принял «название» («le nom») «царь», «что означает император», разъяснил автор западным читателям. Написал он и о династических событиях в правление Ивана III, но помещено все это повествование почему-то под 1413 г. Изложение правления его сына Василия III содержало значительные неточности: он принял имя Гавриил, приказал убить своего племянника Дмитрия Ивановича, отправил в тюрьму своих братьев, а император Максимилиан «дал ему титул императора». Впрочем, две его жены, Соломония Сабурова и Елена Глинская, названы верно, да и сообщение о Василии III помещено наконец-то под конкретным годом его вокняжения в 1505 г.

Царствования последующих московских правителей датированы точно. Прозвище Ивана Васильевича «Грозный» переведено как «le Cruel» — «Жестокий» и объяснено: «вследствие суровости, с которой он творил суд». Указаны его «завоевания» — «царства» Казанское, Астраханское, Булгарское, Ливония, а также названы войны с Польшей и Швецией. Отмечено, что у Ивана Грозного остались два сына, Федор и Дмитрий. Впрочем, в рассказе о правлении Федора Ивановича сообщается только, что он «оставил» правление Борису Годунову, который приказал убить «юного князя» Дмитрия, «объявленного святым и мучеником», а затем «отравил» Федора. При указании правления Бориса Годунова сообщается лишь о том, что он «узурпатор», т. е. о Годунове повествуется в соответствии с официальной концепцией Романовых, которых преследовал царь Борис [*Nestesuranoi I. 1728. T. 1. F. 5–6 V^o; вторая пагинация*].

В последовавших событиях Смутного времени «Хронологическая таблица» перечисляет под определенными годами правление Федора Борисовича Годунова в течение трех месяцев, Василия Шуйского в качестве «узурпатора» власти, четырех Дмитриев-самозванцев и под 1610 г. даже «Владислава из Польши, избранного царем, но лишеного короны три года спустя».

Особое значение в «Хронологической таблице» придавалось воцарению Михаила Федоровича Романова. Под 1613 г. о нем сообщалось, что сестра его деда Никиты Романова была замужем за царем Иваном Васильевичем. Такое утверждение права на престол было «подтверждено» генеалогической фикцией, в соответствии с которой отец царя Михаила Федор Никитич был женат, как написано, вероятно, не без иронии для западного читателя, на «Икономании» («avoit épousé Iconomanie»), дочери Ивана Васильевича. Главным был целенаправленный для династии Романовых, но исторически неверный вывод: «Так древняя фамилия царей в нем (Михаиле Романове. — *М. С.*) вновь возшла на престол». К достижениям его царствования отнесены установление мира

и «хорошего порядка» («le bon ordre») в России. Как написал автор, «он начал дело просвещения русских» («il commença l'entreprise de civilizer les Russiens»), т. е. изложена идея Петра Великого об истоках его преобразований в царствование отца и деда. В правлении Алексея Михайловича особо отмечено лишь его начало, «замутненное» амбициями фаворитов, и «славное» остальное его царствование. О Федоре Алексеевиче написано, что он «благороден, но слабого телосложения». Время совместного правления Ивана и Петра Алексеевичей охарактеризовано как «последовательная цепь заговоров и мятежей».

О единоличном правлении Петра Великого написано, что он расширил пределы своей империи, торжествует победы над Карлом XII, королем Швеции, «Александром [Македонским] Севера» (здесь выражена и значимость противника Петра, и ирония над ним, поскольку Карл позволил себе иронизировать над Петром после победы над российским войском под Нарвой в 1700 г.). В кратком тексте «Хронологической таблицы» отмечалось особое значение преобразований Петра и признание его заслуг: «Он <...> просветил (civilisa) свои народы и за все это получил титул императора и прозвание Отца Отечества». Об императрице Екатерине лишь сообщалось, что она царствовала по «выбору» Петра Великого. Эта запись соответствовала официальной версии такого престолонаследия. О Петре II написано, что он является внуком Петра I, сыном «царевича» (латинскими буквами написано русское слово «Czarewicz») Алексея Петровича и принцессы Вольфенбюттельской. В общем порядке Петр II указан как «28-й царь и император России» [*Nestesuranoi I. 1728. T. 1. F. 7–8 V^o*; вторая пагинация]. Отсюда следует, что данный текст был подготовлен в России после 7 мая 1727 г., когда Петр II взошел на престол. Позднее он был отправлен в Голландию для подготовки второго издания «Записок».

Данная «Хронологическая таблица», по которой многочисленные западные читатели в разных странах могли вкратце ознакомиться с русской историей, содержательно и текстуально соотносится с последующим обстоятельным повествованием о ней в первом томе «Записок». Но это повествование имеет самостоятельное историографическое значение.

Если «Хронологическая таблица» в соответствии с представлениями, свойственными историкам в XVII–XVIII вв., начиналась с указания правления Рюрика, «основателя» государства, то в последовательном изложении российской истории в первом томе «Записок» в соответствии с основами классицизма обстоятельное изложение российской истории начинается с античного периода, с упоминаний о древних греках и о Риме. Авторы данного повествования, вероятно, де Лимьер и Руссе де Мисси, указывают на известных в античности сарматов и скифов, первых — как предков поляков и части русских, которые вошли в состав великого княжества Литовского и королевства Польского, вторых — как восточных русских и татар. Это — идеи исторических сочинений XVII в., прежде всего польских. Следуя принципам

классицизма, но более имея в виду современное состояние России, далее написано и о «мужестве» («la valeur») «этих древних народов, с которыми Кир и Дарий вели войну с таким для себя ущербом».

Авторы и вероятные российские соавторы данного сочинения исходили из обычной для того времени мысли, в соответствии с которой все народы всегда имели «королей». Русские люди, по их мнению, происходили от разных древних правителей, которые разделили территорию их обширной империи и правили в своих «областях». На их основе формировались отдельные малые государства. Традиционно для исторических произведений того времени признавалось определение названия русских от Руса, брата Леха, короля Польши, от измененного названия Роксолании, от слова «рассеянные», обозначавшее бродячий образ жизни «как у татар». Последняя «этимология», сообщается в «Записках», — «наиболее естественная».

В исследовании признается особая трудность изучения древнейшей истории народов, в том числе русских, вследствие легенд, свойственных такой истории. Поэтому авторы данного исторического сочинения ссылаются на летописи, в которых сообщается о «вагериях или вагриях» («Wageriens ou Wagriens»), «которые дали русским их первых правителей (Souverains)». Судя по тому, что они далее соотносили «вагерию или вагрия» с древнерусским названием Балтийского моря Варяжским, основой этого их повествования стали сочинения С. Герберштейна или М. Стрыйковского. Но в отличие от них, видимо, в российской основе труда Ж. Руссе де Мисси было написано о «вагериях или вагриях» расширительно и осторожно: «Кажется, что этот народ обитал по берегам Балтийского моря, которое русские еще называют Варяжским» («Il y a apparence que cette Nation habitoit les cotes de la Mer Baltique, que les Russiens appellent encore Waretzkoie Morie»). Впрочем, голландские авторы или их российские соавторы продолжили свои размышления под влиянием немецкой и польской литературы о древнем населении этой части Европы и предположили: «Может быть, это были вандалы» [*Nes-tesuranoi* I. 1728. Т. 1. Р. 2–7; здесь и далее третья пагинация].

В сочинении Ж. Руссе де Мисси сохранена традиция позднего русского летописания, утверждавшая местную инициативу в выборе князя. Как написано в нем, «некто Гостомысл, проживающий в Новгороде Великом», убедил своих «сограждан» («concitoiens»), разделенных и вооруженных одних против других, в необходимости «выбора повелителя» («pour le choix d'un maître»). Он «указал им трех братьев среди вагрии, чрезвычайно способных для управления ими». Завершало этот эпизод размышление, которое утверждало необходимость в стране сильной центральной власти, когда существует стремящаяся к управлению знать. Эта мысль была сформулирована, вероятно, по ассоциации с событиями во Франции времени Фронды, в современной Польше и теми, которые могут произойти в России: «Кажется, что он склонил их (сограждан. — М. С.) выбрать (правителями) этих иностранцев, потому что

они не желали подчиниться кому-либо из своих соотечественников (*compatriots*), считая себя всех в равной мере великими господами (*Grands Seigneurs*)».

Последующий текст компилятивен. Он объединил разные по времени исторические источники и исторические идеи. В отличие от предшествующего текста, свидетельствующего о длительной предыстории Руси, правление Рюрика указано как «первого князя» с 6370 г. от Сотворения мира. Такое указание даты подтверждает наблюдения о русском происхождении материалов, которыми пользовался Ж. Руссе де Мисси. «Областями» управления его братьев названы Псков, что являлось переосмыслением позднего летописного предания, а также Белоозеро. Но «областью» управления Рюрика указан не Новгород, о чем написано уже в древних летописных сводах, а Ладога, что соответствует древнейшему пласту исторической информации, записанной в летописных сводах, известной в России 20-х гг. XVIII в. по Петровской копии Радзивиловской летописи. Как показали исторические и археологические исследования в XX — начале XXI в., эти сведения соответствуют также историческим реалиям [см. новейшие исследования и материалы дискуссий: Ладога и истоки Российской государственности и культуры. 2003; Ладога и ладожская земля в эпоху средневековья. 2006. Вып. 1; 2008. Вып. 2].

О вдумчивом прочтении летописного текста теми, кто готовил материалы для авторов «Записок», свидетельствует выделенное ими летописное сообщение — «раздая волости мужем своим» (цит. по Радзивиловской летописи). Оно свидетельствовало о начальных процессах формирования государственного управления, включения в них служилых князю людей. По-французски это летописное сообщение было изложено в определенных началами классицизма понятиях XVIII в.: Рюрик «разделил земли между знатными людьми своей свиты». Впрочем, за таким конструктивным наблюдением над социально-политической историей Руси следует возвращение к еще основанной на созвучиях этнической истории Северо-Запада Восточной Европы.

Российский автор или авторы, которые готовили материалы для «Записок», предположили, что «вагрии» — «это те, кого мы сегодня называем ингриями, а их страну — Ингрией; русские их называют вотяки (*Wotschoi*)», а их название сближается с обозначениями «Варяжское море» и «Вагерией». То есть, те, кто собирали и готовили материал для «Записок», предложили гипотезу, отличную и от скандинавской идентификации варягов, и от вагрославянской. По их мнению, вотяки дали свое название пяти народам, которые живут на северо-западе и севере Восточной Европы. При этом авторы проявили хорошее знание географии и истории этого огромного региона, указав как географические маркеры Онегу, Ладогу, Пейпус (немецкое название Чудского озера), Белоозеро, истоки Волги и (Западной) Двины, а также русские исторические названия новгородских пятин — Обонежской, Вотской, Шелонской, Деревской и Бежецкой. Далее они высказали мысль, в соответ-

ствии с которой «именно их население считает себя теми пятью племенами (peuplades), которые образовали первое государство, правителем которого оставался Рюрик», т. е. они вернулись к местным основам образующегося Русского государства [*Nestesuranoi I. 1728. Т. 1. Р. 7–9*].

Последующий исторический текст содержательно соотносен с «Хронологической таблицей», но в нем изложены многочисленные дополнительные материалы.

Как и в «Хронологической таблице», Игорь указан в качестве второго после Рюрика князя Руси. Сведения о князе Олеге отсутствуют. Сообщается, что Игорь после смерти отца, Рюрика, был воспитан матерью. Он женился на «госпоже» («une Dame») из Пскова (название этого города приведено в его древнерусской форме — Pleskow). Имя «госпожи» приведено в украинизированном или южнорусском произнесении — Olha. Российские соавторы, которые готовили материалы для «Записок», написали, что Игорь «был обязан» («fut obligé») вести военные действия против своих соседей. Такая формулировка ставила важнейшую проблему определения объективно обусловленных причин таких военных действий. В ней прослеживается воздействие Петровских принципов их объяснения. Но, разумеется, ответить на вопрос о причинах военных действий князя Игоря в конце первой четверти XVIII в. было невозможно.

В повествовании указывается, что в результате войн Игоря погибли не названные по именам киевские князья (в летописных рассказах — Аскольд и Дир), завоеваны земли по восточному берегу Днепра (Борисфена), совершен поход во Фракию (так назван поход на Византию). Но далее следует рассказ, соединявший вызывающие недоумение сведения и точные указания современных для первой четверти XVIII в. реалий. Во время возвращения Игоря из Фракии «вождь» («le chef») древлян (видимо, голландским авторам принадлежит ошибочное разъяснение в примечании к древлянам — «это донские татары») устроил на него засаду у Искоростеня или Коростеня («Coresch»), который, как написали, видимо, российские соавторы этого текста, находится в 360 верстах от Киева по направлению к истокам Сема («Sem» — Сейм?). Вероятно, стремление точно определить на местности положение города, известного по историческому источнику, увело их в противоположном от исторических реалий направлении. Но закончили они повествование в соответствии с летописным рассказом: Игорь погиб там с частью своих воинов.

Далее сообщается в том же стиле, соединившем сведения исторических источников с вымышленными подробностями, о мести княгини Ольги древлянам, о том, что она «ввела» христианство на Руси, о походе Святослава, третьего русского князя, на Византию. При этом утверждалось, что он сделал столицей своей империи Переславль (название города приведено в его русской форме, современной для первой четверти XVIII в.). Как следует из примечания к его названию, российские соавторы этого текста стремились

и в данном случае определить его местоположение по созвучию. Поэтому положение Переяславца на Дунае, о котором шла речь в летописи, определялось в примечании к названию этого города по современной карте в противоположном направлении: город к югу от Оки в Рязанской «провинции», в 150 верстах от него другой город с таким же названием у истоков Нерли в Ростовской «провинции». Характеристика Переяславца как места пересечения торговых путей из разных стран приведена в «Записках» в соответствии с ПВЛ, вошедшей в состав более поздних летописных сводов. Впрочем, ошибочное определение Переяславца воздействовало на того, кто данный текст подготавливал. Поэтому вместо Византии, Чехии, Венгрии и Руси, откуда в Переяславль, согласно летописному повествованию, отправлялись товары по торговым путям, он указал только две последних страны [*Nestesuranoi I. 1728. Т. 1. Р. 9–12*].

С дополнениями, с определенными неточностями, но, в основном, в соответствии с летописным повествованием по Радзивилловской летописи изложена история Руси конца X — первой половины XIII в., преимущественно в ее династическом содержании, что соответствовало цели этого исторического произведения. Особое внимание в нем, как и в «Хронологической таблице», уделялось состоянию княжеской власти. Отметив распри между сыновьями Владимира Святославича «от разных жен», повествование обобщило: «Таким образом, происходили только убийства, предательства и сражения до тех пор, пока Ярослав не остался один повелителем». Поэтому «он принял титул монарха России». Со скрытым одобрением сообщалось о Владимире Всеволодовиче, что он «еще раз привел все государство под свою власть» и подобно своему деду Ярославу принял «титул» Мономаха (последнее слово написано во французском тексте по-гречески).

Не раскрывая, что естественно для первой четверти XVIII в., причин политической раздробленности Руси, повествование дало близкую к Ф. Прокоповичу меткую характеристику ее состояния в XIII в.: «При этих князьях Россия была чрезвычайно ослаблена, как вследствие разделов, которые они совершали между собой, так и вследствие войны, которую они должны были постоянно вести против татар, с одной стороны, и против рыцарей-меченосцев, с другой» [*Nestesuranoi I. 1728. Т. 1. Р. 9–12*].

Как следствие установления Ордынского господства сообщалось, что русские князья стали «рабами татар». Но в последующей российской истории, кратко изложенной как история московской княжеской династической ветви, показан рост ее значения. Начиная с событий XVI в., российская история изложена в значительной мере обстоятельно. Подробно сообщается о путешествии Ричарда Ченслора в Россию в соответствии с его изданными воспоминаниями. В историческое повествование включен французский перевод договорной грамоты 1514 г., заключенной между императором Священной Римской империи Максимилианом I и Василием III.

Русский великий князь назван в ней императором («Kaiser»). Эта грамота была опубликована в Москве на немецком языке и в русском переводе в 1718 г. в связи со стремлением Петра I исторически обосновать свое право на императорский титул [Каптанов С.М. 1988. С. 46]. В «Записках» она включена в контекст сложных международных отношений вокруг Тевтонского ордена, которому покровительство оказывал император Священной Римской империи Максимилиан I. Как разъясняется в «Записках», в этом покровительстве политические интересы Максимилиана противоречили планам польского короля Сигизмунда I, в связи с чем император решил установить союз с царем России. Поэтому Максимилиан отправил к нему торжественное посольство и послал с ним письмо, как далее разъяснялось, «оригинал которого, написанный на старонемецком, хранится в архивах Москвы» [Nestesuranoi I. 1728. Т. 1. Р. 12–61].

Последующие события в России излагались в первом томе «Записок» обстоятельно в единстве ее династической и политической истории до правления царя Бориса Годунова. Содержались в нем также приложения в виде публикации документов, которые имели отношение не только к повествованию об этих событиях в XVI — первой половине XVII в., но и к современной действительности первой четверти XVIII в., такие как договор 1561 г. о подчинении Тевтонского ордена в Ливонии власти польского короля, а также установленный в 1631 г. «Статус управления Курляндией» [Nestesuranoi I. 1728. Т. 1. Р. 72–550].

В прочих томах «Записок» содержалось изложение современной российской истории, прежде всего повествование о преобразованиях Петра Великого, а также ранее опубликованный Ф.Х. Вебером труд Й.Б. Мюллера «Описание обычаев и привычек остяков». Его включение в четырехтомные «Записки» оправдано не только необычностью таких сведений. Он должен был свидетельствовать о необъятности просторов Российской империи и о многообразии его населения. Как было написано в предисловии к «Запискам» о простирающейся на Восток России, «неизмеримые земли по направлению к Великой Татарии еще обозначены на картах только как обширные пустыни, потому что пока невозможно проникнуть в эти страны» [Nestesuranoi I. 1728. Т. 1. Ф. 8; первая пагинация]. Труд об остяках указывал на начало изучения таких стран. Но он свидетельствовал также об успехах и трудностях деятельности Петра Великого, преобразования которого должны были привести «его народы» в состояние, свойственное современным развитым державам, т. е. «просветить» их.

Анализ четырехтомных «Записок о царствовании Петра Великого <...>», в отборе и интерпретации материалов которых определяющее значение имели российские участники — реальные соавторы де Лимьера и Руссе де Мисси, свидетельствует о том, что к концу первой четверти XVIII в. в российской исторической науке существовала объективная потребность в последовательном

изложении основного содержания российской истории от ее начал до новейшего времени. Это содержание воспринималось и излагалось в соответствии с принципами классицизма как история правителей и государственной власти. На его интерпретацию определяющее воздействие оказывала идеология Петровского царствования, основное содержание которого составляла концепция прогресса, и как ее следствие — достижение равенства России с передовыми европейскими державами.

Такие идейные основания создавали условия для появления в историческом исследовании аналитических наблюдений о местных этнических основах формирования государства. Этот подход оставлял вопросы происхождения этнических названий «Русь» и «варяги», но устранял тенденции к их политизации и целенаправленной интерпретации, что соответствовало идеологии Петровского царствования, согласно которой все россияне и лучшие представители других стран и народов, находящиеся на службе Российскому государству, должны способствовать его процветанию.

Появление в историческом исследовании аналитических наблюдений способствовало определению в древнерусской истории начальных процессов формирования государственного управления, включения в них служилых князю людей. Вероятно, петровские принципы исторического и аналитического объяснения современного состояния России, осуществлявшиеся также государственными деятелями Петровской эпохи, способствовали возникновению в историческом повествовании аналитических характеристик определенных периодов и отдельных событий прошлого.

В «Записках» эти начала только намечены. Им предстоял еще долгий путь развития в постоянные составляющие исторического исследования. Но это были знаковые явления в становлении российской исторической науки.

Содержание «Записок» свидетельствовало о том, что в Петровский период знатокам была значительно лучше известна отечественная история XVI и особенно XVII вв., т. е. того времени, последствия событий которого приходилось преодолевать Петру и его сподвижникам. Содержание «Записок» подтверждало правоту Петра в том, что еще нет научно исследованной древней истории России. Оно позволяло распространить это наблюдение на всю ее средневековую историю, особенно по XV в. включительно. Это наблюдение относилось не только к военно-политической, но также к династической истории средневековой России. Изложение в «Записках» российской истории до XVI в. свидетельствовало о том, что еще предстояло установить многочисленные факты «правдивые», как определил их Петр, т. е. исследованные, обоснованные. События Петровского периода изложены в «Записках» подобно исторической литературе того времени, кроме незначительного числа произведений оппозиционных, как свидетельство состоявшейся концепции прогресса.

В рассмотренных ранее книгах, изданных или подготовленных к публикации, содержались самые разные характеристики российской истории

и деятельности Петра. Сочинения Фуа де ля Невилля, Д. Перри и Ф.Х. Вебера, Фонтенеля ограничивались новейшим для конца XVII — первой четверти XVIII в. временем. Если в первом из них был создан негативный образ Петра, а самому царю в качестве положительного примера было противопоставлено правление царевны Софьи и В.В. Голицына, то в трех других была показана особая значимость для России петровских преобразований. Это второе направление было активно поддержано де Лимьером и Руссе де Мисси, которых, вероятно, снабжали материалами видные российские политические деятели и дипломаты. В их значительном по объему и содержанию труде впервые была изложена история России от ее древнейшего периода до первой четверти XVIII в. с использованием древнерусских летописей и других нарративных источников и актовых материалов. Но при этом оказалось, что и сами авторы первого тома «Записок», де Лимьер и Руссе де Мисси, и их российские соавторы еще не могли обоснованно в соответствии с информацией исторических источников изложить основные сведения о средневековой русской истории до XVI в..

В отличие от работ ранее рассмотренных иностранных авторов, шведский офицер Филипп Иоганн Табберт, который после возведения в дворянское достоинство стал именоваться Страленберг (1676–1747), написал обстоятельный труд, посвященный истории России. Он попал в плен в 1709 г. после поражения шведской армии под Полтавой, и вместе с многими другими пленными был отправлен на поселение в Сибирь. Находился он преимущественно в Тобольске, но ему было разрешено совершать поездки по Сибири, во время которых он изучал ее историю и народы. В частности, в 1721–1722 гг. он участвовал в научной экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Страленберг познакомился с выдающимся знатоком сибирской истории С.У. Ремезовым и его сыновьями, а также с приехавшим по служебным делам В.Н. Татищевым. Он собрал значительные материалы для изучения российской истории, составил три варианта карты Сибири и России. Страленбергу была предложена значительная государственная должность. Но он предпочел вернуться в 1723 г. в Швецию, где продолжил свои разыскания по российской истории и в 1730 г. издал в Стокгольме на немецком языке обширный труд под названием: «Северная и восточная часть Европы и Азии, поскольку таковая охватывает все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию, представленная в историко-географическом описании древнего и нового времени и со многими другими неизвестными сведениями и с никогда еще не издававшейся многоязычной таблицей 32-х различных языков татарских народов, с калмыцким словарем, и особенно, с большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и разными другими гравюрами на меди, касающимися азиатско-скифских древностей. Собрано и составлено Филиппом Иоганном фон Страленбергом во время пребывания в России в качестве шведского военнопленного на основании личных

тщательных расспросов и дозволенных ему далеких путешествий. Стокгольм. В издании автора. 1730» [Новлянская М.Г. 1966. С. 25–72; Валк С.Н. 1968б. С. 45–46; Савельева Е.А. 1985. С. 222–229].

Ф.И. Страленберг назвал произведения XVI–XVII вв., в которых он черпал исторические сведения о России. Это — сочинения С. Герберштейна, книга о путешествии в Московию австрийского дипломата А. Мейерберга, труды историка П. Одерборна, немецкого дипломата и путешественника А. Олеария, летописи, уже изданные немецкие хроники, произведения о царствовании Петра Великого. Написал Страленберг и о доброжелательном отношении к нему Я.В. Брюса, так что, возможно, в его труде отразились сведения и характеристики этого выдающегося знатока истории и участника многих событий [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 196–197].

Ф.И. Страленберг отказался от мифологизированных представлений о библейских истоках Руси. Подобно многочисленным предшественникам он писал, что Россия ранее называлась Скифией и Сарматией. Но эта преемственность, по Страленбергу, не этническая, а территориальная. Первоначально славяне не назывались *россияне* и стали так именоваться после переселения на эту территорию. Имя Русь — сарматского происхождения, хотя названия Русь и Рось различны. Указывал он также другие ее названия, известные ему из средневековых латиноязычных источников: Роксолания, Рутения, Руссия и другие. Достоверными ее названиями он считал древние скандинавские топонимы и названия современных прибалтийских народов: Острогард, Холмгард, Хунигард, Венема, Улима, Креве [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 159–171, 190–191]. Впрочем, история народа и его названий у Страленберга продолжала ту же традицию созвучий и внешних сопоставлений, что и у его предшественников.

Изложение древнерусской истории Ф.И. Страленберг начал по «Синописису». Поэтому в его изложении начало России происходило от Кия, его братьев и сестры. Утверждая единство исторического пространства Руси, Страленберг возвел Аскольда (Оскольда) и Дира к их потомкам, но которые были воспитаны в Новгороде при дворе Рюрика. Когда они вернулись в Киев, их народ был угнетен *корсарями* (Corsaren, Страленберг привел также другие формы этого слова — Cosaren, Chorsaren, Chazaren) (в последующем тексте Страленберг раскрыл свое понимание этого слова как *морской разбойник* или *налетчик* (Streiffer), производя его от названия острова Корсика [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 195–196, Anm. e], хотя в данном случае, вероятно, переосмыслен этноним *хазары*). Последующие события изложены кратко: нападение Аскольда и Дира на Константинополь, их убийство Рюриком (а не по приказу Олега, как в летописной традиции) и возведение княгиней Ольгой церкви св. Николая над могилой Аскольда.

Такое начало русской истории не исключило для Ф.И. Страленберга сохранение поздней летописной традиции призвания Рюрика и его братьев по

совету Гостомысла, впрочем, не вследствие собственных распрей, а в результате угнетения *корсарами* и *варягами*. В отличие от летописной традиции, Рюрик пришел, по Страленбергу, не только с варягами, но и со славянами, т. е. Страленберг объединил варягов-вагров С. Герберштейна с *варягами* — широким по смыслу названием морских разбойников Балтийского моря. Но это второе значение слова *варяги* у Страленберга преобладало. Название *варяги* он объяснил как слово назывное («Appellativum») — определенные народы, которые живут у Балтийского моря и на его островах. В старину они совершали великие морские разбои. По этой причине, разъяснял Страленберг, они принимают также название «Warg» и «Waragli», что означает на готском языке *волки* [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 193–194, Anm. d]. В таком объяснении происхождения слова *варяги* созвучия сохранили свое определяющее значение.

Новым в книге Ф.И. Страленберга стало определение истории российского политического строя. По его мнению, России от времени Рюрика до царя Василия Шуйского (1606–1610) была свойственна абсолютная монархическая власть (absolute Souverainität), поскольку каждый князь правил «по своему благоусмотрению, в то время как у них не было ни [установленной] формы правления, ни писанных законов». «Род Рюрика» правил более шестисот лет. «Во все времена, — продолжил Страленберг, — старшие князья наследовали без какого-либо договора и противоречия (Contract und Contradiction) право первородства, тогда как младшие были наделены аpanажами (wurden appanagiret). Вследствие этого, однако, многие князья вступали в управление, и поскольку каждый в своей земле правил единовластно (absolute regierte), то вследствие этого государство чрезвычайно ослабело» [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 197].

Эти идеи и использование в немецком тексте англо-французской исторической и политической лексики свидетельствуют о том, что Ф.И. Страленберг постарался аналитически раскрыть причины политической раздробленности Русского государства, не сводя их к ошибке монарха, который разделил свое владение между сыновьями. Показательно употребление им французского термина *apanage* для обозначения владения младшего сына князя (короля), которое наследовалось его сыном, а в случае его отсутствия отходило князю (королю). Такой анализ включал древнюю Русь в единое европейское историческое пространство и позволял устанавливать объективные причины сложных в своем содержании исторических явлений. Представляется, что такое глубокое изучение древнерусской истории осуществлялось в «Россике» впервые.

Ф.И. Страленберг характеризовал ордынскую власть над русскими землями как «татарское иго» («Tartarisches Joch»). Его свержение он в полной мере обоснованно отнес ко времени правления Ивана III Васильевича. Но и в этом событии он постарался проследить объективные социально-политические причины — объединение всех малых княжеств и, как он думал,

отмену законом наделения апанажами («Appanagierung») [*Strahlenberg Ph.J.* 1730. S. 198].

Особое внимание Ф.И. Страленберг уделил событиям русской истории в последние 130 лет, причем, не указывая конкретные даты: прекращение правления династии Рюриковичей и воцарение Бориса Годунова, деяния которого он характеризовал в соответствии с официальной концепцией Романовых крайне негативно, в частности, за преследование рода будущей царской династии. Обстоятельно он изложил события Смутного времени, а также избрания на царство Михаила Романова и правления новой династии. Кроме событий политических, династических и военных, Страленберг обращал внимание на состояние государственных учреждений и культуры. Столь же подробно он написал о бурных событиях, которые последовали после смерти царя Федора Алексеевича, о восстании стрельцов, об установлении власти царевны Софьи и ее свержении [*Strahlenberg Ph.J.* 1730. S. 198–223].

Повествуя о правлении императора Петра, Ф.И. Страленберг написал не только о его преобразованиях и их положительном значении для России, но также об их отрицательных следствиях для страны. Страленберг находился в России в качестве офицера враждебной армии, а позднее военнопленного, он хорошо знал российскую действительность и был знаком с мнениями людей, которые деятельность Петра как одобряли, так и осуждали. Поэтому он называл Петра не в соответствии с его официальным титулом — *Великий*, а по указанию порядкового номера имени царя — *Первый*.

К положительным сторонам деятельности Петра Страленберг отнес (в его перечислении) предварительное обсуждение и осторожность в ведении дел, смелость во всех предприятиях и великодушное отношение к побежденным, создание современной армии в соответствии с ее лучшими образцами, строительство флота на четырех морях, так что если ранее Россию презирали, то сейчас ищут с ней союза и помощи. Положительное значение имели, по Страленбергу, строительство крепостей и защищенных артиллерией портов. В России появились науки и искусства, тогда как ранее ученым считали того, кто знал арифметику, а знание математики, физики и астрономии считалось колдовством. Для пользы государства Петр постоянно обучался сам и заставлял учиться других. Если ранее считали Россию страной варварской, то сейчас вследствие деяний Петра такие суждения в значительной мере исчезли. Религия была избавлена от многих суеверий. Петр сам много занимался законодательной деятельностью и поддерживал правосудие. Он привел в прекрасное состояние торговлю, для чего основывались новые города, рылись каналы, была построена прямая дорога от Москвы до Санкт-Петербурга. Если ранее о горном деле и мануфактурном производстве в России имели незначительное представление, за границу (Страленберг назвал Голландию и Англию) вывозили сырье, продавали его за низкую цену, а за изготовленные из него товары платили в десять раз больше, то Петр поста-

рался такое положение исправить, что способствовало увеличению доходов в пять–шесть раз и регулярной выплате жалования за службу придворным, гражданским и военным.

Ф.И. Страленберг отмечал такие положительные свойства Петра, как справедливость, вознаграждение за хорошую службу вне зависимости от происхождения и презрение к ленивым и неспособным, верность в международных союзах. Царь трудолюбив, милостив, доступен для людей разного происхождения. Одобрил Страленберг и указ о престолонаследии, чтобы старший среди его сыновей своим поведением не смог причинить государству ущерба [*Strahlenberg Ph.J.* 1730. S. 224–229].

Отрицательных свойств у Петра, по Ф.И. Страленбергу, значительно больше. Кратко он их перечислил в оглавлении шестой главы своей книги после указания достоинств: его развлечения в пору юности, худое отношение к старым «сенаторам» и высоким по положению служилым людям (*hohen Bedienten*), следование плохим советам нового окружения, в частности, введение откупов губерний, обязательная военная служба дворян, абсолютизация единовластия, насильное отправление молодых людей в чужие страны для учения, убытки в торговле, вред от введения новых законов, от учреждения новой столицы и длительной войны, разные причины, вследствие которых происходили многочисленные восстания, интриги сибирского губернатора князя М.П. Гагарина, дело царевича Алексея, указ о единонаследии.

В подробном изложении отрицательных свойств Петра названы в конкретном содержании его привычки молодости и плохие советники, князь Б.А. Голицын, Ф.Я. Лефорт, Н.М. Зотов, близкие отношения с худородными в ущерб высокородным. В вину ему ставились также Всещутейший собор, опасность обвинения в злоумышлении против государя, жестокие пытки и наказания, включая невиновных, в Преображенском приказе, в чем царь сам принимал участие, происки худородных и разгульных царских фаворитов, разорение государства взятками, поборами и податями царскими чиновниками, а также откупам, бегство в том числе и за рубеж разоренных крестьян и дворян от податей. В суде невиновный человек не имел возможности оправдаться, тогда как имущество осужденных конфисковывалось. Дворяне не получали и десятой части своих доходов и были довольны, когда их крестьяне могли себя прокормить. Власть монарха стала абсолютной, боярские приговоры были отменены, а Сенат недееспособен вследствие ссор и интриг сенаторов. Знатным и разумным веры не было, в отличие от людей простого происхождения. Вместо прежнего чинного представления знатных молодых людей государю, в Преображенском их ждали чай, кофе, вина, шахматы и карты. Затем следовали указы о приезде молодых дворян в Москву и их отправлении для обучения в иноземные страны, но не достойным их наукам, праву, математике и другим, но строительству кораблей и матросской службе, которые они в равной мере не усваивали. Молодые знатные люди должны

были служить солдатами и матросами вместе с крестьянами, а в Петербургской Академии наук дворянские дети должны были учиться с детьми мужицкими. Итак, обобщил Страленберг мнение русских дворян и людей знатных (Russischer Vassalen), «их юность посредством всего этого полностью была соvrащена от лукавого (ganz zum bösen verleitet worden)» [*Strahlenberg Ph.J.* 1730. S. 229–242]. В таких словах ясно видна позиция тех, кто отождествлял Петра Великого с дьяволом.

Существенные убытки в торговле произошли, как написал Ф.И. Страленберг, вследствие перевода торговых операций из Архангельска в Петербург, а также сокращения торговых связей России с восточными странами. Он решительно осудил гражданское и военное законодательство Петра. По словам Страленберга, деятельность петровских государственных учреждений была неэффективна, а перенос столицы из Москвы в Петербург ошибочен по политическим, военным и экономическим причинам, тогда как интенсивное строительство, в том числе Петербурга и каналов, сопровождалось значительными финансовыми и людскими потерями.

Такое критическое изложение деятельности Петра Ф.И. Страленберг дополнил рассказами, создававшими отрицательный образ царя: грубое поведение юного Петра по отношению к людям старым и знатым, интриги его матери стали причиной восстания стрельцов в 1682 г. и усиления сторонников царевны Софьи, тогда как после стрелецкого восстания 1696 г. были казнены многие тысячи, «среди которых большинство должно было расстаться с жизнью невиновными». В результате деятельности Петра произошли восстания в Поволжье и Приуралье, астраханское восстание, восстание донских казаков. Они были жестоко подавлены. Преобразования Петра стали также причиной измены гетмана Мазепы. Страленберг положительно изложил деятельность М.П. Гагарина, казненного в 1721 г. за злоупотребления властью. Петр и его фаворит А.Д. Меншиков оказались виновны в том, как царевич Алексей относился к отцу, и в вынесенном ему приговоре [*Strahlenberg Ph.J.* 1730. S. 242–258].

В труде Ф.И. Страленберга положительные сведения о преобразованиях Петра восходили к его сторонникам, тогда как негативное их изложение и критические сообщения о самом императоре — к его противникам. Во втором случае показательное тенденциозное повествование о князе Михаиле Владимировиче Долгоруком, который из-за «недостойного дела» (nichts würdiger Dinge) был лишен службы, чести и сослан в Сибирь. Между тем, он был арестован в связи с делом царевича Алексея, сослан в одну из своих деревень, через три года получил разрешение вернуться в Петербург, где был назначен сибирским губернатором. Столь же тенденциозны сведения о типографе Григории Талицком, который называл царя антихристом, и о его мучительной казни, тогда как этот активный в своей деятельности раскольник был книгописцем, его идеи находили влиятельных сторонников, но сам он

после раскаяния был сослан в Сибирь [*Strahlenberg Ph.J.* 1730. S. 244; *Страленберг Ф.И.* 1986. Ч. 2. С. 317, примеч. 40. С. 318–319, примеч. 48].

Как написал Ф.И. Страленберг, приведенных им суждений и умозаключений было бы достаточно для того, чтобы «наблюдательный историк» мог отделить во всем этом «хорошее от дурного и мог бы судить о деяниях этого великого монарха». Но, в отличие от крайних мнений, он решил также изложить в виде замечаний на свое сочинение суждения «некоего знатного русского господина» о Петре, его деятельности и о его окружении [*Strahlenberg Ph.J.* 1730. S. 258–259; далее в порядке перечисления Страленбергом].

В излишествах юного Петра этот «господин», в изложении Ф.И. Страленберга, осудил его воспитателя Бориса Алексеевича Голицына, тогда как Франц Лефорт, обвиняемый в том же, своей службой принес России значительную пользу. Вследствие ненависти царевны Софьи и неблагонадежности стрельцов Петр общался в Преображенском с простыми людьми и создал «свою малую гвардию». О продаже чинов и прочих злоупотреблениях в России, о претерпевшем ущерб проекте увеличения государственной казны Петр ничего не знал, в частности, вследствие длительного пребывания вне своей страны, но он создал губернское управление. Напрасно упрекали Петра в совращении нравов молодежи, поскольку она сейчас имеет возможность учиться, тогда как ранее была необразованной. Хотя перевод торговли из Архангельска в Петербург принес убыток некоторым губерниям, он оказался полезен всей стране.

Столица была перенесена в Петербург только вследствие большой любви Петра к мореплаванию. Но в огромных людских потерях и расходах на его строительство он не виновен. Его указы и учреждения были полезными, но они плохо исполнялись в его отсутствие. Ошибочно суждение, что война велась более для славы императора, а не для пользы государства, поскольку война со Швецией создавала важное для стратегической обороны пространство, к тому же завоеванные территории принадлежали ранее России. Стрелецкие бунты произошли не по вине десятилетнего государя, а вследствие столкновения сторонников его матери и царевны Софьи.

Указ о единонаследии должен был содействовать лучшей подготовке будущих правителей государства. При этом допускалось в России также женское правление. Его историческим обоснованием являлось правление великой княгини Ольги, которая не только положила основание христианству в России, но и принесла значительную пользу государственному управлению. Последнее замечание свидетельствует о хорошем знании и понимании неизвестным «знатным господином» древнерусских летописей. Но здесь, как отметил Ф.И. Страленберг, замечания его знакомого завершились [*Strahlenberg Ph.J.* 1730. S. 259–263].

Особую главу Ф.И. Страленберг посвятил истории титула русских правителей и российского герба. В этих сюжетах он проявил конкретные

познания, стремление проследить эти исторические явления в развитии. По его мнению, титул *царь*, равный императорскому, начал использоваться только с Ивана III Васильевича, тогда как ранее русские правители использовали титул *великий князь* [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 266–269].

Столь же существенным стало изложение Ф.И. Страленбергом истории распространения христианства на Руси и ее Православной Церкви. Эта история была мало известна на Западе и только начинала изучаться в России. Написал он также о деятельности русских митрополитов и епископов, включая попытку установления церковной унии. Другие значимые для Страленберга сюжеты — раскол в Русской Церкви, церковная политика Петра и установление им синодального правления. При этом для Страленберга существенно, что Россия — страна многоконфессиональная, включая почитание языческих верований. Современные языческие народы он описал кратко, используя собственные наблюдения, накопленные во время пребывания в Сибири [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 269–291].

На современном для 20-х гг. XVIII в. уровне Ф.И. Страленберг анализировал Россию своего времени и ее историю не только в событиях политических, династических, церковных, в ее природно-географических условиях, но также в состоянии доходов государства и его армии. Но, как он написал, если государственные доходы республики тяжело точно описать, то намного сложнее описать государственные доходы империи, где правит полновластный господин. В зависимости от обстоятельств подати то уменьшаются, то увеличиваются, но часто различны. В соответствии со сведениями, которые собрал Страленберг, государственные доходы при царе Алексее Михайловиче составляли 5 миллионов рублей, а в современной ему России — не более 10 миллионов. Впрочем, он сослался на «неких русских», которые с учетом подушной подати (она была введена в 1718 г.) насчитывали всех видов доходов до 20 миллионов. Кратко, но обстоятельно, как следует военному человеку, Страленберг написал о структуре российской армии и флота, об их размещении на обширных пространствах Российской империи [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 292–300].

В соответствии с традицией, свойственной монархическим государствам, Ф.И. Страленберг составил перечень знатных российских фамилий, подразделяя их, с учетом Петровской табели о рангах, введенных в России титулов графа и барона, а также жалованного царем княжеского достоинства, на потомков князя Владимира, иноземных княжеских родов, на титулованных и нетитулованных, по статусу государственных должностей и т. д. [Strahlenberg Ph.J. 1730. S. 300–307].

Завершающая глава посвящена достойным особого внимания сведениям о реках, горах, о российских городах и торговле, о сибирских народах, о горнозаводском деле и минералах, о мануфактурах и фабриках, а также о древностях, представляющих научный интерес.

Труд Ф.И. Страленберга, посвященный современной ему России и ее истории, был неравноценен в разных его составляющих. Его повествование о древнейшей истории, начальной истории славян и русских было компилятивным, объединившим самые разные суждения, в частности, о том, кто такие варяги. Для западного читателя такое повествование было, видимо, достаточно. Страленберг излагал историю России как составной части единого европейского пространства. Такой подход позволил ему рассмотреть причины распада политического единства Русского государства и его восстановления при Иване III. Он знал об истории средневековой России значительно больше, чем написал.

Существенно большее значение имела для него новейшая российская история, прежде всего время правления Петра I. Впрочем, самостоятельные разыскания в географии и этнографии современной России, древностей ее народов Страленберг соединил с изложением взглядов современников на преобразования Петра и его личность, на сторонников и противников Петра. Суждения первых совпадали с идеями Петра и его сподвижников, исходивших из идеологии преобразований, побед, создания Новой России, что невозможно без чрезвычайных усилий и жертв. Вторые сожалели о традиционной старине и тихой, относительно благополучной жизни. В этом они совпадали с суждениями княжеской оппозиции, изложенными в «тайной истории» Б.И. Куракина, а также с разными формами народного протеста. Но в отличие от сторонников Петра его противники не понимали, что Новое время уже поставило Россию перед выбором — или быть в числе передовых держав Европы, или стать объектом их экономической и военной экспансии. Эта альтернатива, кажется, не была ясна и самому Страленбергу, офицеру враждебной России армии и страны (следующая русско-шведская война начнется уже в 1741 г.).

Впрочем, Ф.И. Страленберг, излагая суждения «некоего знатного русского господина», наметил и третий путь в характеристиках преобразований Петра — признание их значения, но выявление причин их трудностей и неудач. Таким образом, Страленберг в 1730 г. обозначил основные направления в изучении новейшей истории России. Их определяющим содержанием стало отношение к петровским преобразованиям.

Все рассмотренные ранее произведения «Россики» представили большой интерес для западных читателей. Уже в 1717 г. книга Д. Перри была опубликована в переводе на французский язык. В 1725 г. был издан французский перевод сочинения Ф.Х. Вебера. В 1730 г. было повторено в Лейпциге издание труда Ф.И. Страленберга. Оно отличалось от стокгольмского издания лишь соответствующими изменениями на титульном листе. В 1736 и 1738 гг. книга Страленберга была издана в Лондоне в английском переводе, а в 1757 г. в Амстердаме — на французском языке [об изданиях книги Страленберга см.: *Новая М.Г.* 1966. С. 70, 72, 86–87]. Все они, во французских переводах или

на английском языке, а также труды Невилля, Фонтенеля и Руссе де Мисси находились в библиотеке Ф.М. Вольтера, который их внимательно изучил.

Ф.М. Вольтер — младший современник Петра Великого. Активный в политической и интеллектуальной жизни, он, разумеется, хорошо знал из книг и газет об основных общественных, политических и военных событиях в Европе и, в частности, в России. Особое внимание привлекал русский царь. Вольтер — автор трех исторических трудов, в которых исследовались история России и деятельность Петра: «История Карла XII, короля шведского» (т. 1, 2; 1730, 1731), «Анекдоты о царе Петре Великом» (1748) и «История Российской империи при Петре Великом» (т. 1, 2; 1759, 1763), хотя к истории России в разной связи он обращался многократно [Алексеев М.П. 1947. С. 20–56]. Традиционно и обоснованно эти три произведения рассматриваются последовательно при изучении вольтеровской «Россики», что позволяет проследить эволюцию его взглядов в данной проблематике [Шмурло Е. 1929; Алексеев М.П. 1947. С. 20–25; Мезин С.А. 1999. С. 64–105]. Но поскольку эти три выдающихся исторических произведения Вольтера включены в различающийся общественно-политический и научный контекст и являются значительными фактами историографии своего времени, их можно анализировать также в контексте тех периодов, когда они были написаны и опубликованы.

Ф.М. Вольтер собирал материалы и работал над «Историей Карла XII, короля шведского» во второй половине 20-х гг., когда он находился в Англии. Так что изложенная им концепция преобразовательной деятельности Петра Великого являлась выражением его взглядов, вероятно, вне воздействия внешних политических факторов. В 1730–1731 гг. было опубликовано первое двухтомное издание этого труда, а в 1739 г. — его переработанная редакция. На титульном листе ее обоих томов указано: «Новое издание, пересмотренное, исправленное, увеличенное многими интересными обстоятельствами», что в полной мере соответствует содержанию редактирования. А чтобы в эпоху множества контрафактных публикаций читатель не сомневался в аутентичности текста книги, там же было добавлено: «<...> и напечатано по рукописи автора» [Voltaire. 1739. Т. 1, 2].

Как показало сравнение изданий 1731 и 1739 гг., во втором из них, действительно, было почти вдвое увеличено число страниц, посвященных истории России, религиозным реформам, подавлению стрелецких восстаний, созданию современной армии и флота, образованию городов и научных учреждений, росту народонаселения, торговли и т. д. [Альбина Л.Л. 1980. С. 155].

Основной темой «Истории Карла XII» являлся, разумеется, анализ личности и деятельности шведского короля. Ф.М. Вольтер показал, что, несмотря на талант полководца, вызывающие удивление и восхищение личные достоинства, деятельность Карла нанесла значительный ущерб Швеции. Для Вольтера Петр стал антиподом Карла XII [Шмурло Е. 1929. С. 14–15; Мезин С.А. 1999. С. 73–75]. В соответствии с формирующейся просветительской

концепцией определяющим критерием в оценке монарха и, шире, политического деятеля, являлась для Вольтера его принадлежность к прогрессивному пути мирового развития. Прогресс определялся в первой трети XVIII в. достижениями в современном промышленном и мануфактурном производстве, в науке, литературе и искусстве, в распространении образования, в защите законом личности и собственности, в веротерпимости, в единстве человечества, несмотря на существующие различия культур и религий. Эти принципы считались основаниями цивилизации, Просвещения.

В книге, посвященной Карлу XII, Ф.М. Вольтер кратко изложил историю Швеции с конца XV — начала XVI в., чтобы показать процесс формирования этого могущественного государства [Voltaire. 1739. Т. 1. Р. 1–22]. Но чтобы объяснить особое значение для России деятельности Петра, Вольтер кратко описал ее состояние до начала его царствования. В его повествовании ясно прослеживается влияние «Похвального слова» Б. Фонтенеля. Вольтер еще более подчеркнул тяжесть положения простых людей в допетровской России. По его словам, все люди были рождены рабами (esclaves) своих господ, «тоже варваров». Искусства и промышленности (industrie) не было (имелось в виду их современное состояние). Выезд в другие страны запрещался, тогда как народ находился в невежестве и бедности. Летосчисление велось от Сотворения мира, год начинался в сентябре, современной цифровой системы не знали (в допетровской России использовались древние буквенные обозначения цифр), а недавно, по сведениям Вольтера, в Москве хотели сжечь секретаря персидского посольства, который предсказал солнечное затмение. Религия в России — «греческая», христианская, но почитаются суеверия. Особо отметил Вольтер «беспредельный» авторитет патриарха, который, по его словам, участвовал в судебных решениях и приговаривал к самым жестоким пыткам, тогда как его судебные решения никто оспорить не мог, а народ падал ниц перед патриархом во время его проездов по Москве дважды в год. Используя сведения Ф.И. Страленберга, написал Вольтер и о том, что в огромной империи царя есть и многие нехристианские народы, в том числе идолопоклонники и такие, кто не имел представление о Боге. Но в соответствии с просветительскими ценностями их достоинством являлись их «нравы» [Voltaire. 1739. Т. 1. Р. 28–33].

В дихотомии «варварство — цивилизация», сформулированной просветителями, боровшимися со средневековыми традициями в экономической и общественно-политической жизни, в культуре, то, что не относилось к Просвещению, являлось «варварством». Так что в своих характеристиках России и Петра Великого Вольтер стал жертвой таких статичных формулировок. По его словам, до Петра «москвиты были менее цивилизованы (civilizes), чем мексиканцы, когда они были открыты Кортесом», а самому Петру во время его реформ были свойственны «варварские» нравы. В таких формулировках эмоциональность заменила объективность, а литературные образы — научный анализ.

Впрочем, в характеристиках допетровской России Ф.М. Вольтер во многом совпадал с суждениями на эти темы самого Петра. Вольтер с энтузиазмом излагал западным читателям основное содержание преобразований русского царя. Он отметил значительную опасность для Петра традиций воспитания и среды. Тем большее значение Вольтер придал «могущественному гению» («puissant genie») Петра и его решимости «быть человеком, повелевать такими людьми и создать новый народ» («il resolute d'être homme, de commander à des hommes et de créer une Nation nouvelle»). В такой определяющей системной формулировке Вольтер присоединился к Б. Фонтенелю, а в конечном итоге — к Петровской концепции. Отметил Вольтер и особую роль Ф. Лефорта в начале петровских преобразований, но Петр, по Вольтеру, был преобразователем, а Лефорт — лишь его «первым орудием» («le premier instrument») [*Voltaire*. 1739. Т. 1. Р. 33–34].

Ф.М. Вольтер написал об особом значении для Петра Великого посольства, во время которого он осваивал современные ремесла и знания, принесенные им с собой в Россию. Так что вскоре появились результаты петровской деятельности — русские корабли на морях и в океане, здания современной архитектуры, учебные заведения, «академии», типографии, библиотеки. Города были приобщены к цивилизации («polisée»), одежда и нравы изменились. Впрочем, отметил Вольтер, представления о современном обществе усваивались с трудом и постепенно, но суеверия были уничтожены, власть патриарха устранена (в этом перечне петровских преобразований он также последовал за Б. Фонтенелем). По мнению Вольтера, главою церкви стал царь, а церковь была подчинена государству (так он интерпретировал введение синодального правления) [*Voltaire*. 1739. Т. 1. Р. 33–39].

Вслед за Б. Фонтенелем Ф.М. Вольтер с одобрением сообщил о ликвидации Петром устаревшего стрелецкого войска, которое, иронично написал он, «более опасно для своих начальников, чем для соседей» (стрельцов он также сопоставил с янычарами). Вольтер проницательно установил тождество плохо вооруженной и недисциплинированной старой русской дворянской конницы и кавалерии в Польше и Франции того времени, когда, по его словам, «французское королевство было только соединением фьефов», т. е. феодального периода. Вольтер с одобрением изложил содержание реформ Петра по преобразованию всех родов войск, а также по принуждению дворян к службе государству в отличие от их прежнего принципа служить ему «только по своей воле». Укором не только королю-воину Карлу XII, но, видимо, и современным правителям Франции служит в полной мере соответствующая действительности вольтеровская характеристика универсальной подготовленности Петра во множестве освоенных им специальностей. Как Вольтер, в частности, писал, «сам он был хорошим инженером, но особенно отличался во всех видах морского искусства: хороший капитан корабля, искусный штурман, хороший матрос, проворный плотник <...>». Возможно,

эта характеристика запомнилась А.С. Пушкину, который близко к ее содержанию написал о Петре: «То академик, то герой / То мореплаватель, то плотник, / Он всеобъемлющей душой / На троне вечный был работник» («Стансы», 1826 г.). Впрочем, совпадение того, что написали Вольтер и Пушкин, было закономерным, поскольку они писали об одном человеке.

Используя работы Д. Перри и Б. Фонтенеля, Ф.М. Вольтер развил тему Петра-труженика и Петра-преобразователя: «Царь Петр, изменяя нравы, законы, войско, весь облик (*la face*) своей страны, хотел также быть великим в торговле, которая одновременно создает богатство государства и выгоду всему свету. Он предпринял сделать Россию центром торговли между Азией и Европой. Он желал соединить каналами, проект которых начертал, Двину, Волгу, Танаис (Дон. — *М. С.*), и открыть новые пути от Балтийского к Понту Евксинскому (Черное море. — *М. С.*) и Каспийскому морю, а от этих двух морей — к Северному океану» [*Voltaire*. 1739. Т. 1. Р. 39–44].

Ф.М. Вольтер постоянно подчеркивал в Петре его преобразующую деятельность. По его словам, Петр «всегда путешествовал по своему государству, насколько ему могли позволить его войны, но он путешествовал как законодатель и естествоиспытатель, везде исследуя природу, стремясь ее исправить (для людей) или усовершенствовать, лично измеряя глубины рек и морей, устраивая шлюзы, посещая верфи, приказывая вырыть рудники, исследуя металлы, производя съемки точных карт и везде работая сам». Отметил Вольтер также строительство крепостей и фортов, новых портов, верфей, арсеналов, больниц. Особое значение Вольтер придавал, разумеется, строительству Петербурга. В то же время он подчеркнул личную скромность царя и постоянное преобладание в нем интересов государственных: «Свои собственные дома он построил маленькими и дурного вкуса, но зданиям общественным он придавал великолепие и величественность».

Ф.М. Вольтер привел сведения о населении России и его составе. Из них следовало, что огромную по территории страну населяют немногим более двух третей населения Франции. Эти сведения подразумевали значительные проблемы в освоении в России ее материальных богатств. Указал он и ограниченность финансовых поступлений (налогов) царю (в казну). Впрочем, афористично заметил Вольтер, «не малое число (*la rareté*) денег, а малое число людей и талантов делает Империю слабой».

Перечень достижений в царствование Петра Ф.М. Вольтер завершил успехами в России науки как одного из критериев прогресса современного государства. Он указал на создание Петром Академии. В качестве ее образцов он назвал академии Парижа и Лондона. Впрочем, для Петра образцом являлась преимущественно французская Академия наук, поскольку она являлась не добровольным объединением ученых, а находилась на государственном материальном обеспечении. Отметил Вольтер и возможности быстрого развития наук в России. Он указал, что ученые приглашались в Петербург, несмотря

на значительные государственные расходы. Он перечислил петербургских академиков в обобщающей форме множественного числа как европейских знаменитостей: Делили, Бильфингеры, Германы, Бернулли (*les Bernoullis*). С особым почтением он назвал иностранного почетного члена Петербургской Академии наук с 1725 г. Христиана Вольфа: «знаменитый Вольф, муж, превосходный (*excellent*) во всех видах философии». Подтверждая личным опытом успехи распространения современной культуры в России, Ф.М. Вольтер, который уже во второй половине 20-х гг. становился одним из активных сторонников формирующейся идеологии Просвещения, преобразовавшего общественно-политическую и культурную жизнь в Европе XVIII в., далее писал: «Я увидел молодых русских, исполненных ума и знаний» [*Voltaire*. 1739. Т. 1. Р. 42–46].

Ф.М. Вольтер исповедовал идеалы гуманности и терпимости, но им не соответствовала жестокая правда действительности, которую постоянно приходилось преодолевать царю-реформатору. Полностью поддерживая Петра в его преобразующей деятельности, он осудил правителя России за «грубость в его удовольствиях, жестокость его нравов, варварство в его мщении». В подтверждение этих слов он привел расхожие на Западе анекдоты о том, что царь сам казнил преступников, а во время попок показывал искусство рубить головы [*Voltaire*. 1739. Т. 1. Р. 46]. Так, видимо, трансформировалось стремление Петра жестокими наказаниями Всешутейшего собора уничтожить в быте русских людей наследие прошлого и человеческих пороков, без чего невозможно было создать «новый народ». Осуждал Вольтер Петра и за смерть его сына, которого, по его мнению, достаточно было «исправить или лишить престола». Впрочем, Вольтер считал, что это деяние искупается тем благом, которое царь совершил для своего народа.

Такой экскурс о происходивших в России изменениях и о Петре Великом был Ф.М. Вольтеру, видимо, необходим не только для того, чтобы противопоставить царя-реформатора королю-воину, принесшему столь значительные бедствия своей стране, что отмечено в литературе, но и для того, чтобы объяснить читателям, почему Россия в союзе с другими странами победила такую могущественную в то время державу, как Швеция.

Излагая причины войны России со Швецией, Ф.М. Вольтер привел их объективные основания. Архангельск вследствие своего географического положения и климатических условий не мог удовлетворить потребности России в торговле с западноевропейскими государствами, для чего ей был необходим порт на Балтийском море. В таком наблюдении, которое ранее уже разрабатывалось Ф.И. Страленбергом, Вольтер значительно развил и углубил написанное на эту тему Б. Фонтенелем, и, не зная того, совпал во мнении с другим проницательным предшественником — Ю. Крижаничем. Понял он и стратегические намерения Петра Великого. В обоснование исторических причин этой войны Вольтер указал на древнюю российскую при-

надлежность Ингерманландии, северо-западных земель, которые входили в состав еще новгородской Водской пятины, но были оккупированы Швецией по Столбовскому миру 1617 г. Впрочем, он понял эти исторические основания расширительно и как право России на Эстонию и Ливонию.

Военные действия Карла XII на территории России, а также деятельность Петра в Северной войне Ф.М. Вольтер изложил в своем труде в соответствии с основной целью — повествованием о биографии и деяниях шведского короля на всех доступных исторических материалах. Но Вольтер создавал также его романтизированный образ. Отсюда ошибочное появление при повествовании о сражении под Нарвой в 1700 г. численности сторон — 8000 шведов и 80 000 русских (см. ранее, с. 146–147). Но в изложении событий самого сражения Вольтер не поднялся до петровского понимания его смысла. По его мнению, победа шведского войска во главе с Карлом XII стала не следствием качественно более высокого уровня его боевой подготовки и вооружения, как считал Петр Великий, а результатом смятения в стане потерпевших поражение. Как Вольтер афористично написал в данной связи, «не число убитых, а страх тех, кто уцелел, проигрывает сражения».

Впрочем, Ф.М. Вольтер объяснил читателям, почему царь Петр был великим не по почетному названию, данному ему при наречении императором, а по сути его деяний. Рассказав о событиях, произошедшие к 1714 г. и завершившихся присоединением к России обширных территорий, в том числе и ранее ей принадлежавших, о строительстве Петербурга и о создании российского флота на Балтике, Вольтер обобщил результаты петровской деятельности на столь же высоком интеллектуальном уровне, что и сам Петр: «Его (Петра. — М. С.) прежние поражения, его победы, даже его ошибки, его постоянство в самообучении и в демонстрации своим подданным, чему он научился, его постоянные труды создали из него во всех отношениях великого человека» [*Voltaire*. 1739. Т. 2. Р. 112].

Блестяще написанные в литературном отношении, российские экскурсии «Истории Карла XII» не только обобщили в системе просветительских ценностей наблюдения предшественников о России. Вольтер поддержал наблюдения Б. Фонтенеля, изложенные в его «Похвальном слове», и тем самым — идеи и факты, сообщенные Фонтенелю россиянами.

«История Карла XII» после своего издания пользовалась большим успехом у читателей. Так что в европейской среде людей образованных распространялись объективные сведения о происходивших в Петровскую эпоху преобразованиях. Новые появляющиеся труды по российской истории должны были учитывать как нарративное, так и идейное содержание его экскурсов на эту тему.

Таким образом, петровские преобразования во всех областях материальной, общественно-политической и духовной жизни создали новые условия для развития России в целом и отдельных россиян — в частности. В первой

четверти XVIII в. Россия усвоила европейский военный и экономический опыт на его передовом уровне. Она была включена в единое политическое пространство. Эти изменения имели необратимый характер и сохранили определяющее воздействие на судьбы России и россиян в послепетровский период.

Современная историческая наука формировалась в Петровскую эпоху в новых условиях материальной и духовной жизни. Вещная среда Нового времени распространилась не только во дворцах, но также в домах богатых и зажиточных россиян. Храмы и гражданские здания, прежде всего в Петербурге, начали строиться по новейшим проектам западных архитекторов или по отечественным проектам, подготовленным под значительным западноевропейским влиянием. Под руководством Петра Санкт-Петербург был построен в качестве столицы Российского государства как новый город, в котором, как и во многих других петровских преобразованиях, творчески переосмысленный западноевропейский опыт системно соединялся с национальными традициями. В кратчайшие сроки произошли качественные изменения также в изобразительных искусствах, прежде всего в графике, живописи и скульптуре. Быстрота, с которой они совершались, позволяют их характеризовать как «революцию» [Cracraft J. 1988; 1997].

Преобразования Петра Великого создали новую среду распространения грамотности, современной профессиональной подготовки, утверждения в обиходе образованного человека изданной в современной типографии светской книги. Появился значительный слой читающих россиян, разных по профессиональной подготовке, нуждающихся в современной научной книге и художественной литературе. Эта новая интернациональная среда создавала потребность в массовом производстве таких книг. На русском и иностранных языках они в значительном количестве распространились в этом новом для России слое образованных людей.

Последовательным продолжением данных процессов стала задача создания в России Академии наук, в числе которых профессионально должна была изучаться история. Основание Петром Академии стало обобщением процесса интеграции России в европейском интеллектуальном пространстве.

Основу этой культурной среды составлял россиянин Нового времени. Ему было свойственно не обращение к старине как обоснованию истинного и незыблемого, а стремление к преобразованиям, к реформам. Россиянин Нового времени формировался под воздействием жизненных принципов Петра Великого — патриотизм и прогресс, служба Государству, просвещение, творческая активность и новые знания, общественное благо, право на свободу исповедания в новых условиях существования России в едином европейском пространстве, активная творческая деятельность вместо «неплодия».

Петр создал также основы исторического исследования Нового времени. Ему была очевидна необходимость знания и изучения истории. Он ввел в исторический анализ понятие прогресса, определяемого уровнем развития

науки и техники. Отсюда изложение им исторических событий не только в причинно-следственных связях, но также в развитии исторических явлений от начальных форм к сложным, современным. Историческое прошлое становилось для него средством познания истоков современной действительности.

Петру свойственно аналитическое изложение исторических событий, стремление к фактам «правдивым», т. е. исследованным, обоснованным. Российская история в целом и династическая история, в частности, представляла собой для него единый процесс. Поэтому Петр стремился к точности и полноте повествования, к указанию всех фактов и имен, знание которых необходимо для понимания содержания этих событий. Для него важно было постоянное совершенствование в историческом знании. В событиях новейшей истории он указывал не только достижения и победы, но также неудачи и поражения. Впрочем, в отличие от прагматического повествования в причинно-следственных связях, он излагал содержание событий в противостоянии старого вызовам Нового времени как причины появления нового качества, что соответствовало принципам в данном случае диалектического анализа, впрочем, философски еще не осмысленного.

Петр стремился собрать и сохранить отечественные исторические древности, памятники древнерусской письменности, что способствовало формированию источниковедческих основ дальнейших исторических разысканий. При нем началась публикация исторических источников, а сам он создал образцы прозы исторического содержания.

Во всех рассмотренных отраслях исторической науки, находившейся в России в процессе становления, Петр Великий наметил основные направления ее будущего развития, тогда как его принципы соответствовали вневременным определяющим началам исторического исследования.

В исторических разысканиях Петровской эпохи и в продолжавших их традиции работах второй половины 20-х гг. преимущественное внимание уделялось изучению истории времени Петра Великого и непосредственно ему предшествующего периода стрелецкого восстания 1682 г. и правления царевны Софьи. Отечественные и зарубежные опыты повествования о древнерусской истории были неудачными. Они содержали множество ошибок и были в значительной мере приблизительными в изложении событий, что подтверждало мнение Петра Великого о необходимости их специального изучения историками. Видимо, вследствие тех же причин Ф.М. Вольтер изложил основное содержание истории России и деятельности Петра в культурологических характеристиках: допетровский период — варварство, петровский — цивилизация. Но если конкретный анализ второго периода имел научное содержание, то первый период был обозначен обобщающим понятием без определенных исторических наблюдений и источниковых материалов.

Весь этот накопленный опыт свидетельствовал о необходимости специального научного изучения всей отечественной истории допетровского времени.

Глава III

Российская действительность 1725–1742 гг. и М.В. Ломоносов

1. Российская действительность и Петербургская Академия наук

Когда умер Петр Великий, было ясно, что его преобразования России будут продолжены. Работала промышленность, увеличивая количество продукции. Развивались Центральный и Северо-Западный промышленные районы. Особенно интенсивны были темпы роста производства в Уральском промышленном районе, где в 30-е — 50-е гг. осваивались территории к северу и к югу от петровских заводов. В середине столетия там выплавляли 2/3 всего российского чугуна, 9/10 меди и практически все добываемое в России золото. С этого времени Россия заняла первое место в мире по выплавке чугуна. Существенно увеличился ассортимент мануфактурных изделий преимущественно для российского городского населения с тенденцией распространения рассеянной мануфактуры и вовлечения крестьян в мануфактурное ткацкое производство. Быстро росло стекольное дело и число видов изделий из стекла. Впрочем, основную рабочую силу промышленных предприятий составляли посессионные крестьяне, которые в соответствии с указом 1736 г. были закрепощены окончательно.

Наряду с купеческим предпринимательством активизировалось дворянское участие в производственных предприятиях.

В 30-е гг. Урал и другие промышленные районы готовили профессиональные кадры в металлургии. При некоторых уральских казенных заводах были открыты латинские и немецкие школы для обучения детей из привилегированных сословий и подготовки административных кадров для заводов. В середине 30-х гг. много способствовал открытию на Урале школ для непривилегированных сословий В.Н. Татищев [Козлова Н.В., Кошман Л.В., Тарловская В.Р. 1985. С. 183–206].

Была сохранена структура армии, состоявшей из полевых регулярных подразделений, гвардии, Низового корпуса, созданного Петром для военных

действий в Закавказье и Персии, артиллерийских и инженерных частей, гарнизонных войск, ландмилиции и нерегулярных частей, прежде всего казаков. Полевые войска были оснащены современной полевой и осадной артиллерией (ок. 500 орудий). В 1727 г. создан Инженерный корпус. В 1730 г. были учреждены два новых гвардейских полка — Измайловский и Конногвардейский. Они должны были стать военной опорой Анны Ивановны во время ее правления. Но гвардия, кроме такой военно-политической функции, в царствование Анны приобрела и функцию социальную, сосредоточивая в своих рядах дворянство. Такое значение гвардии позволит ей играть особую роль в политической истории России середины XVIII в. В продолжение подготовки национальных военных кадров в 1731 г. основан Кадетский корпус.

Сохранил свое особое значение созданный значительными усилиями Петра и всей страны флот. Но в его структуру были внесены определенные изменения. Вместо крупных 100-пушечных и 80-пушечных кораблей, пригодных для военных действий в океане и способных противостоять флотам морских держав, включая Швецию периода ее морского могущества, основой российского флота стали 66-пушечные корабли, предназначенные для защиты новых владений на Балтике. Учитывая значительное снижение военного потенциала Швеции после поражения в Северной войне, они были достаточны для военных действий на Балтийском море, что не исключало возможности строительства и более крупных кораблей. Учитывая новую морскую стратегию необходимой обороны, снижение ранга основного состава кораблей облегчало решение проблем его ремонта и обновления [о состоянии вооруженных сил России в правление Анны Ивановны см.: *Петрухинцев Н.Н.* 2001. С. 103–342].

Все институты созданного Петром государственного аппарата Российской империи продолжали функционировать.

Заданная Петром инерция преобразований в Новой России была столь значительной, что она позволила продолжить стране развитие в намеченном им направлении. Сподвижники Петра во главе с А.Д. Меншиковым объединились вокруг овдовевшей императрицы Екатерины. Меншиков, любимец и доверенное лицо покойного императора, располагал наибольшими политическими и финансовыми возможностями не только сохранить, но и увеличить свое влияние на верховное государственное управление. Он первым оказался рядом с Екатериной, оказывая ей всяческую поддержку.

В свою очередь, императрица не хотела находиться в зависимости от «светлейшего князя». Но положение ее было непростым. Поддержку Екатерине оказывала ее дочь, умная и хорошо образованная Анна. Она была выдана в 1725 г. замуж за голштинского герцога Карла-Фридриха, который стремился играть заметную роль при дворе и в государственном управлении. Он и сподвижники Петра могли в какой-то мере уравновесить влияние могущественного А.Д. Меншикова. Поэтому 8 февраля 1726 г. указом Екатерины

был учрежден новый орган управления при императрице — Верховный тайный совет. В него вошли высшие должностные лица государства: канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер А.И. Остерман, президент Военной коллегии А.Д. Меншиков, президент Адмиралтейской коллегии Ф.М. Апраксин, президент Коммерц-коллегии П.А. Толстой, зять императрицы Карл-Фридрих, герцог Голштейн-Готторпский, и сенатор князь Д.М. Голицын. Голицын не только мог осуществлять неформальные связи Совета с Сенатом, статус которого после учреждения Совета понизился и он утратил официальное определение «Правительствующий». Голицын символизировал участие древней российской титулованной знати в новом органе реальной власти.

Верховный тайный совет продолжил, в основном, внутреннюю политику Петра Великого, внося в нее определенные коррективы. Они определялись как накопленным опытом в функционировании учрежденных институтов, изданных указов и законов, так и новыми явлениями общественной жизни. В этих коррективах члены Верховного тайного совета также следовали примеру Петра, который пересматривал ранее принятые решения в случае необходимости.

Было облегчено взимание податей и недоимков, учитывая разорение многих крестьянских хозяйств вследствие постоянных войн в течение тридцати лет, недостатка в государстве денег, но особенно голода 21–24 гг. Для насыщения внутреннего рынка товарами, для оживления внутренней и внешней торговли была смягчена протекционистская политика и пересмотрены таможенные тарифы, создававшие производителям искусственно благоприятную среду внутри страны за счет потребителей, что сдерживало темпы внутреннего экономического роста. Делались попытки преодолеть недостатки излишней централизации петровского государственного аппарата, чрезмерного увеличения числа чиновников, но, с другой стороны, осуществлялась частичная отмена коллегиальности. Вследствие нехватки денег в казне на обеспечение государственного аппарата пришлось вернуться к старому порядку оплаты чиновников от дел, которые они вели. По той же причине в марте 1727 г. были восстановлены воеводы во всех городах, где они находились до 1700 г., предприняты меры по поддержке промышленности и торговли. Так что в дискуссии о характере правительственной политики первого послепетровского пятилетия (время правления Екатерины I и Петра II) — контрреформы или стабилизация — наиболее обоснованным представляется мнение о продолжении и корректировке петровского курса реформ [см.: *Анисимов Е.* 1994. С. 81–103; *Каменский А.Б.* 2001. С. 184–213; *Курукин И.В.* 2003. С. 103–120; *Писарькова Л.Ф.* 2007. С. 255–257; см. там же историографию проблемы].

При Петре все его сподвижники были подчинены его воле. Их деятельность была направлена на выполнение целей, намеченных самодержцем, хотя оставалось место для интриг. При Екатерине появилась возможность воздействовать на направленность активности самодержавной власти, что

привело к открытой борьбе политических соперников, вплоть до уничтожения одного из них. В частности, многоопытный граф П.А. Толстой поддерживал Карла-Фридриха в его стремлении ограничить влияние могущественного А.Д. Меншикова. Но эта попытка закончилась для Толстого и его сына Ивана арестом в апреле 1727 г. и ссылкой в Соловецкий монастырь, где он умер в 1729 г. Многолетний сподвижник Петра генерал-полицмейстер Петербурга граф А.М. Девиер был сослан в Сибирь в 1727 г. за выступление против свояка Меншикова. Летом 1727 г., уже после кончины Екатерины 6 мая, герцог Карл-Фридрих и Анна Петровна были вынуждены отправиться в Голштинию.

Такое содержание внутренней политики в царствование Екатерины I в полной мере распространялось и на процесс становления Петербургской Академии наук. В 1725 г. были продолжены переговоры с западными учеными об их приезде в Петербург и поступлении на службу в качестве академиков и профессоров, сохранен утвержденный при Петре штат Академии, включая административные должности Л.Л. Блюментроста и И.Д. Шумахера. Особая просьба в Сенат была посвящена утверждению должности «комиссара» «над деньгами» Академии. Летом того же года велась переписка с Сенатом и другими государственными учреждениями о строительстве или ремонте зданий, необходимых для Библиотеки и Кунсткамеры Академии. Большое организационное значение для Академии имело введение *de facto* звания иностранного «почетного члена». Первым таким «почетным членом» Петербургской Академии наук стал выдающийся немецкий философ, математик и физик Х. Вольф, у которого будут позднее учиться российские студенты, в том числе и М.В. Ломоносов. Как написал 19 марта 1725 г. Л.Л. Блюментрост из Петербурга российскому послу в Берлине графу А.Г. Головкину, профессору Вольфу была предложена должность «*membrî honorarii* здешней Академии и пенсия 300 рублей ежегодно, с тем, чтобы он соблюдал интересы Академии в Германии». Реальное введение такой должности с материальным обеспечением позволяло расширить круг научных связей Петербургской Академии наук с ведущими европейскими учеными, использовать их исследовательские и организационные таланты во благо молодой российской науки.

Приехавшие иностранные ученые получали назначенное им денежное обеспечение. Обустраивался их быт. Некоторые из приехавших академиков, Я. Герман, Г.Б. Бильфингер, И.П. Коль, Х. Мартини, Х. Гольдбах, были представлены императрице в Зимнем дворце во время торжественного приема [Материалы. 1885. Т. 1. С. 93–111 и след.; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 80–83].

Одновременно велась работа над подготовкой Регламента Академии на основе петровского проекта. Как следует из журнала Академии, составление Регламента на немецком языке было завершено 20 сентября 1725 г. Под 27 сентября того же года сделана запись: «Регламент Академии был переведен на русский язык и передан в Высокий Сенат». Регламент не был утвержден

ни Сенатом, ни императрицей. Но поскольку в его основе находились нормы петровского проекта, он использовался в практической деятельности Академии до утверждения Регламента 1747 г. Судя по упоминанию в его тексте Верховного тайного совета, утвержденного 8 февраля 1726 г., первоначальный текст Регламента, вероятно, редактировался и позднее [здесь и далее см.: Материалы. 1885. Т. 1. С. 144, 146, 297–324 и след.; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 83–86]. Основные положения Регламента 1725 г., восходящие к петровскому проекту, рассмотрены ранее (см. с. 182–186). Отметим те из них, в которых сформулированы новые идеи, свойственные времени правления Екатерины I. Можно предположить, что эти идеи выражали также отношение к Регламенту уже приехавших в Россию иностранных ученых, мнение которых, вероятно, учитывалось Л.Л. Блюментростом и И.Д. Шумахером при доработке текста.

В преамбуле Регламента подчеркивалось особое значение деятельности Петра для России, в частности, в «обучении природная склонности народа своего, особливо ко всяким художествам и наукам рожденного и способного». Эта убежденность была крайне важна и для деятельности властей, и для иностранных ученых, и для молодых россиян, которым еще предстояло стать первыми отечественными учеными.

В соответствии с одним из основных направлений внутренней политики времени Екатерины I прежний выборный президент петровского проекта был заменен президентом назначенным, «который советами своими оной да присутствует, благостояние же и благополучие ея да оберегает, и годовые ея доходы с библиотекарем и комиссаром, которые к ней определены, да управляет». В этом изменении выразилось усиление в Академии государственного начала в отличие символизированного в выборах коллегиального академического самоуправления. Участие в контроле над финансами Академии не только президента и комиссара, но также библиотекаря, отражает возрастание особого значения уже на начальном этапе ее истории всего ее незначительного бюрократического аппарата.

Вместе с тем Академии как закрытому ученому сообществу предоставлялось юридическое право передавать своих членов для суда только с согласия Академии (§ 1, 2).

Для поощрения наиболее успешных «в сей академии учащихся», как иностранных, так и отечественных, объявлялось, что они будут «в публичные достоинства» «произведены», т. е. назначены на высокие должности и награждены. По отношению к россиянам оговаривалось, что государственные власти не будут отрывать ученых от их исследований («онные по их желанию имеют при науках остаться и никуда к другому делу, ни в службу, принуждены да не будут»). Эта привилегия ученым была крайне важна для развития наук в России в условиях полного контроля над подданными созданного Петром регулярного государства. Ее продолжением стало разрешение свободы переезда ученых («Дабы как наши россияне, так и чужестран-

ные, подданством государству не обязанные <...> без всякого задержания приезжати и отъезжати <...> могли»). Обоснованием такой необычной для российской действительности того времени льготы являлась мысль, которая продолжала как средневековые привилегии европейским университетам, представлявшим собой самоуправляющиеся общины, так и новейшие веяния в общественно-политической и научной жизни — «понеже науки никакого принуждения и насилия терпеть не могут, любяще свободу» (§ 3, 4).

В Регламенте сформулирована основная задача профессоров Академии — осваивать новейшие достижения науки и на их основе совершать новые открытия: «Профессорам между должностями сие первое есть, да яже в каждых науках поныне открыта, изобретена суть, в свое возьмут исследование и новыми оная украшениями и приложениями умножати да тщатся; а яже от иных еще не произведенная изобрещут и писанию предадут, секретарю да вручают». Для обеспечения таких научных достижений Академия предлагала покупать для них книги по составленным ими спискам (§ 16, 17).

Указывался регламент заседаний, языком общения которых был объявлен латинский, «ибо сей наипаче ученым свойственный и употребительный язык бывати обыче». «Собрания» академиков должны были происходить по вторникам и пятницам с четырех до шести. Доклады и эксперименты должны были обсуждаться. В необходимых случаях избиралась комиссия, которая должна была сообщить членам Академии, «каковыя важности и пользы оная изобретения будут» и является ли такое «изобретение» новым в науке. Решались такие дискуссионные вопросы рационалистически — большинством голосов, что не учитывало возможности при решении научных проблем правоты меньшинства (§ 19–23).

Лекции профессоров должны были представлять собой авторскую систему знаний или системное изложение чужих исследований в данной дисциплине. Их следовало издать в академической типографии. Тему исследования член Академии должен был сообщить, а потом отчитываться в проделанной работе или ее президенту «приватно» или «всему собранию» (§ 25–26).

Новым в организационных началах Академии стало ясно выраженное намерение создать «свою собственную типографию». Было указано также право Академии издавать и продавать научные труды, право вести бесплатную переписку с коллегами при соблюдении несложных условий (§ 5, 6). Ее штат в сопоставлении с петровским проектом был, в основном, сохранен (§ 8–12). Но в его определенных изменениях выразился, как обоснованно отметила Ю.Х. Копелевич, тот конкретный состав профессоров, которые в 1725 г. согласились поступить на службу в Петербургскую Академию наук, уже находились в России или собирались в дорогу.

Регламент определял основное содержание лекционных курсов профессоров и лекционную нагрузку — четыре часа в неделю (§ 29–32). Видимо, под влиянием приехавших западных профессоров не использовано понятие

«Университет», как ранее в петровском проекте, по отношению к профессорам, студентам и к процессу обучения. Это можно объяснить существенными отличиями демократических самоуправляющихся западноевропейских университетов с их корпоративностью и государственными привилегиями от той системы подготовки молодых научных кадров для Академии и страны в целом, которая была включена в систему государственных учреждений Российской империи.

Название «Гимназия» по отношению к школьному обучению при Академии наук сохранено. Курсы учебных дисциплин в Регламенте были обозначены, как и в петровском проекте. Но в отличие от него в Регламенте была недвусмысленно указана в составе Академии наук и «Академия художеств» с ее основными специальностями — архитектура, живопись и ваяние (§ 48, 50). Такое включение в структуру Академии наук несвойственных ей художественных дисциплин, когда уже существовал проект А.К. Нартова об организации самостоятельной Академии художеств, может свидетельствовать, вероятно, о попытке экономно распорядиться ограниченным финансированием проекта и передать обучение необходимых России архитекторов, живописцев и ваятелей под защиту Академии наук.

Как отмечено ранее, хотя данный Регламент не был официально утвержден, он стал реальной организационной основой деятельности Петербургской Академии наук. Профессорам и адъюнктам Академии было установлено достойное годовое жалование, бесплатные квартиры, дрова и свечи. Его реальное содержание по реестру от 27 августа 1727 г. разъясняется в сопоставлении с определенным штатами 1725 г. годовым жалованием чиновников центрального аппарата (в рублях).

Профессорам:

Ж.Н. Делиль — 1800, Я. Герман — 1500, секретарь и библиотекарь И.Д. Шумахер — 1200; жалование президента коллегии и генерал-майора — 1058 (русский), 1800 (иностранец), здесь и далее жалование генералов и обер-офицеров без рациона за денщиков;

И.Г. Лейтман — 900; И.С. Бекенштейн, Г.Б. Бильфингер, И.Г. Дювернуа, Д. Бернулли, Т.З. Байер, Х. Гольдбах — 800; жалование вице-президента, бригадира — 544 (русский), 840 (иностранец);

И.П. Коль, Х. Мартини — 600, И.Х. Буксбаум — 500; жалование члена коллегии, полковника — 381 (русский), 600 (иностранец);

Адъюнктам и экстраординарным профессорам:

Х.Ф. Гросс, Ф.Х. Майер, Л. Делиль де ла Кройер, Л. Эйлер — 300; жалование надворного советника, подполковника — 233 (русский), 360 (иностранец), жалование коллежского асессора, майора — 197 (русский), 300 (иностранец) [Материалы. 1885. Т. 1. С. 273, 275; Писарькова Л.Ф. 2007. С. 312].

Следует учитывать, что русские этих высших гражданских и военных чинов являлись дворянами и владели господскими хозяйствами с крепостными крестьянами.

Впрочем, это жалование в дальнейшем существенно варьировалось в зависимости от состояния государственных финансов.

2 ноября состоялось первое научное заседание академической Конференции, зафиксированное в опубликованных протоколах. Я. Герман сделал доклад об аналитическом выводе сферической формы Земли, сплюснутой у полюсов. Г.Б. Бильфингер высказал сомнения в связи с этой концепцией. Так что исследовательская деятельность Петербургской Академии наук началась. Приглашенный в качестве профессора красноречия и церковной истории И.П. Коль сделал доклад о византийской золотой монете с изображением императоров Василия и Константина. В соответствии с его интерпретацией, она была чеканена в память крещения Руси. Но против такой интерпретации возразили Л.Л. Блюментрост и Г.Б. Бильфингер.

20 ноября 1725 г. был издан именной императорский указ об официальном учреждении Академии наук и назначении Л.Л. Блюментроста ее президентом. В том же указе было объявлено об организации при Академии школьного образования: «дабы о той Академии всяк ведал и имел б тщание отдавать в разные науки детей своих и свойственников». 27 декабря в присутствии герцога Голштинского, мужа Анны Петровны, произошло торжественное заседание в честь создания Академии. 14 января 1726 г. было напечатано объявление о предстоящих публичных лекциях. В том же объявлении указывалось, что Академия была основана по «намерению» и при участии Петра Великого, а императрица Екатерина во исполнение этого «намерения» Академию «выше чаяния уставила и в совершенство привела».

В соответствии с петровским проектом и более поздним Регламентом там же были названы особенности Петербургской Академии наук, заключающиеся не только «в тщании и умножении новыми обретенными наук», как в парижской, лондонской и берлинской Академиях, но также «в учении российских унош», чем и объяснялось назначение этих публичных лекций. В перечне профессоров, которые будут читать лекции, обращает внимание то, что в их числе назван только один историк, Теофил Зигфрид Байер. Как «антиквитетов профессор» он должен был «древностей греческия, монеты и достопамятныя вещи ветхаго Рима изъяснить» [Материалы. 1885. Т. 1. С. 158–159, 169–172; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 92–93; *Летопись.* 2000. Т. 1. С. 38, 43]. Деятельность Петербургской Академии наук началась *de facto* и *de jure*.

Успешной работе Академии в этот организационный период способствовал ее первый президент Л.Л. Блюментрост. Он был сыном медика царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, родился в Москве в 1692 г., так что, как следует из указа Петра Великого, являлся россиянином. Отец научил его латинскому и греческому языкам, ознакомил с гуманитарными дисциплинами. Учился он в московской гимназии пастора Глюка. Уже в пятнадцать лет Блюментрост-младший посещал университетские лекционные курсы Фридриха Гофмана по медицине в Галле. Позднее он продолжил

обучение в Оксфорде и лейденском университете, где занимался под руководством знаменитого медика Г. Бургава. В 1712 г. он защитил диссертацию «О секречии у животных» и получил звание доктора медицины.

После возвращения в Россию в 1714 г. Л.Л. Блюментрост был назначен Петром лейб-медиком Наталии Алексеевны, сестры царя, а в следующем году направлен для консультации с ведущими западноевропейскими врачами относительно лечения самого Петра. Во время этой длительной командировки он усовершенствовался в анатомии в Париже у Г.Ж. Дювернея и в Амстердаме у Ф. Рюйша (Рейса), у которого приобрел по поручению Петра одну из его анатомических коллекций для Кунсткамеры в Петербурге. В 1717–1719 гг. Блюментрост исследовал химический состав и терапевтический эффект оло-нецких минеральных источников, водой которых позднее так охотно лечился Петр. Не удивительно, что после смерти в 1718 г. царского лейб-медика Р. Арескина на эту должность был назначен Блюментрост, который пользовался доверием Петра и исполнял его разные поручения, включая подготовку проекта Академии наук.

Л.Л. Блюментрост много сделал для создания хороших бытовых условий для приезжающих в Петербург академиков и профессоров. При этом особое значение приобретали его обширные познания и положительные свойства характера [Копелевич Ю.Х. 1977. С. 111].

Екатерина I поддерживала деятельность Академии наук и ее президента не только как необходимую составную часть наследия Петра Великого, но и осознавая значение Академии для России как центра научных исследований и высшего образования. Уже в конце своего короткого самостоятельного правления она согласилась на зачисление в штат Академии в качестве адъюнкта еще юного, 19-летнего, Леонарда Эйлера (указ от 17 декабря 1726 г.). Его гений проявится уже в Петербурге. Эйлер прибудет в российскую столицу вскоре после кончины императрицы. Столь же символичен один из последних указов Екатерины, подписанный 1 мая 1727 г., о назначении известного математика Христиана Гольдбаха, профессора Академии, «для обучения» наследника — великого князя Петра Алексеевича [Материалы. 1885. Т. 1. С. 209, 259; Копелевич Ю.Х. 1977. С. 110–112; Туркина И.В. 2002. С. 13–22]. Впрочем, последнее решение положительных следствий не имело. Внук Петра Великого в отличие от деда предпочитал учебе развлечения.

Петр II был провозглашен императором в одиннадцать лет, 2 мая 1727 г. Власть в стране осуществлял поначалу А.Д. Меншиков, а после его низвержения 8 сентября 1727 г. — Верховный тайный совет. В отличие от деда, который в юношеском возрасте стремился узнать реальную жизнь россиян и воспитать в себе свойства современного государственного деятеля, рано созревший отрок Петр II походил на отца и был склонен, как выразился Петр Великий по отношению к царевичу Алексею, к «неплодию», в данном случае — к разного рода увеселениям, охоте и муштре солдат. Поддержанные Верховным тайным

советом попытки Меншикова, а позднее Остермана обучить царственного отрока основам математики, истории, географии успеха не имели.

Поначалу под влиянием А.Д. Меншикова он был обручен с его дочерью Марией, а позднее под воздействием клана князей Долгоруких-Долгоруковых — с Екатериной Долгорукой (форма написания этого княжеского рода была неустойчивой и поэтому была вариационной). Юный император переселился в Москву, куда должны были вернуться двор и высшие учреждения государственного управления. Туда же переехал и президент Академии наук Л.Л. Блюментрост для отправления своей придворной должности императорского лейб-медика. Впрочем, во время подготовки к официальной коронации в кремлевском Успенском соборе Петр II заразился оспой и умер 18 февраля 1730 г. [Анисимов Е. 1994. С. 127–171; Павленко Н.И. 2006а].

Перенесение царской резиденции в Москву и тем самым превращение этого города вновь в единственную столицу России, образ жизни Петра II и его ближнего окружения, столь же приверженного к разгульной жизни, поставили вопрос о судьбах петровских преобразований. На это обстоятельство обратил внимание умный и наблюдательный британский посол Э. Финч, которому по роду деятельности полагалось собирать явную и тайную информацию о состоянии России. Он сообщил статс-секретарю лорду Гаррингтону в Лондон о настроениях, распространенных в придворной среде, в своем донесении от 2 июня 1741 г., т. е. всего через 12–13 лет после почти трехлетнего царствования Петра II: «Те из них (дворян. — М. С.), которые ездят ко Двору, почти все в сердце своем столь же прямые кочующие старые русаки (здесь: приверженцы старины. — М. С.), как и те, которые живут в отдалении от онаго в своих деревнях. То же или может быть еще хуже этого можно сказать о тех, которые путешествовали в чужих краях. Они, возвратившись в отечество, принимают опять свойство своей нации, ибо после трудов, принятых в течение сорока лет вывести из стариннаго ея состояния, одно только насилие и превосходная сила препятствуют погрузиться немедленно в оное, что случится когда-нибудь рано или поздно, ибо нет ни одного из них, который бы не желал, чтоб Петербург провалился и чтоб все завоеванные провинции черт побрал, лишь бы могли они переселиться в Москву, где находятся поблизости своих деревень, могут жить великолепно и с меньшим расходом. Сверх того они уверены, что гораздо лучше было бы для России вообще не заниматься по-прежнему никакими европейскими делами, а ограничиваться защитой своих прежних областей, точно так называемых». К этим настроениям Финч добавил и воздействие духовенства, которое, по его словам, «начинает показывать довольно, хотя и скрытно, свое расположение, которое при том причиняет действительно некоторое беспокойство и затруднение нынешнему правлению». Финч видел оживление таких традиций в 40–41 гг., так что тенденции к противодействию Петровской традиции в конце 20-х — 30-е гг. XVIII в., вероятно, и не исчезали.

С такими настроениями сторонников старины в среде придворной знати и дворянства Э. Финч соединил и появление негативного отношения в России к иностранцам, т. е. такого чувства, которое не могло появиться при Петре Великом, когда определяющим принципом россиян и иностранцев в России являлась служба Государству. В данной связи Финч написал лорду Гаррингтону: «Итак, все сии господа совершенные враги иностранцам, находящимся в здешней службе, <...> ибо, хотя могут пользоваться ими во время войны, но распустили бы их тотчас по заключении мира». Таким образом, осознанно или нет, Финч установил основные причины негативного отношения к иностранцам в России в настроениях, отрицавших петровские преобразования. В то же время Финч не мог не видеть, что реформы Петра еще только создавали новую государственную систему. А потому он полагал, впрочем, ошибочно, что ее существование определяется деятельностью одного человека: «После всех стараний, которыя прилагаемы были привести здешнее государство в нынешний его образ, от чего оно теперь тесно сопряжено с прочими державами Европы и имеет так великое уважение по делам оной, должен я признаться, что не могу почитать его иначе как за грубую модель чего-нибудь такого, что хотят привести в совершенство после; в чем разные части не приноровлены, несплочены и не хорошо склеены, а сбиты только сперва одним большим гвоздем, а потом другим, хотя вся машина, когда тот гвоздь будет вынут, немедленно распадется. Первым гвоздем был Петр Великий, а нынешним — граф Остерман» [Архив СПбИИ РАН. Ф. 36, оп. 1, ед. хр. 149. Л. 132–133, 134 об.; здесь и далее перевод донесений британских агентов лорду Гаррингтону выполнил коллежский ассессор Московского архива Коллегии иностранных дел Иван Татищев].

Почти трехлетнее правление Петра II стало временем серьезных испытаний для созданных Петром Великим институтов Российской империи. Напрасно И.Д. Шумахер в качестве реального административного руководителя оставшейся в Петербурге Академии выражал надежду, что юный император «соизволит протектором учиниться наукам, подражая деду вашему и государю, который себе принимал за честь бывши членом в академии французской». Руководителем и контролером деятельности Академии стал Верховный тайный совет [Материалы. 1885. Т. 1. С. 271–272].

В Верховном тайном совете из соратников Петра остались только канцлер Г.И. Головкин и вице-канцлер А.И. Остерман, которые продолжали мыслить общероссийскими категориями. Напротив, в его составе увеличилось число представителей древних московских княжеских родов. Кроме Д.М. Голицына, в Совет были введены В.Л. и А.Г. Долгорукие. Но «антинемецкие» настроения при московском дворе, видимо, не появились. Тем более они не могли возникнуть в Петербурге — зоне активного взаимодействия разных народов и культур — с его петровским предназначением не для сохранения средневековых традиций, а для прогресса в торговле, науке и технике. Смут-

ное время суматошного царского быта времени Петра II затронуло Петербург в меньшей степени, чем Москву, что было очень важно для деятельности молодой Академии наук, академики и профессора которой продолжали работать напряженно и творчески весь начальный период ее истории 1725–1730 гг. [здесь и далее см.: Материалы. 1885. Т. 1. С. 158–686; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 110–118; *Летопись.* 2000. Т. 1. С. 38–96].

Математик и физик Д. Бернулли делал доклады о сложении и разложении сил, о сложении движений и сил, об измерении сопротивления жидкостей, о новых теоремах движения тел в сопротивляющейся жидкости и колебательного движения, а также о движении жидкостей и действии жидкостей на твердые тела. Дискутировал Д. Бернулли со знаменитым физиком и философом Х. Вольфом относительно понимания им некоторых законов динамики. Его брат математик и философ Н. Бернулли, который умер в Петербурге в 1726 г., сделал доклады, посвященные доказательству теоремы Г.В. Лейбница об измерении сил, а также гидростатике.

Математик, физик и философ Г.Б. Бильфингер обобщил свои разыскания о количестве сил и передаче движения, о трении и сопротивлении твердых тел, о центробежной силе сферических тел в сферическом вихре, об усовершенствовании термометра; математик Я. Герман — о способах сечения полуокружности из любой точки диаметра, посредством которых решается задача И. Кеплера о нахождении в любое время истинного положения планет на их орбитах, о теориях интегрального исчисления, о новом способе нахождения общего правила для центра колебания любого сложного маятника.

Математик Х. Гольдбах выступил с докладами о делении кривых на любое число частей, подкасательные которых находятся в данном отношении, об алгебраических уравнениях и нахождении интеграла дифференциального уравнения, об общих членах рядов, тогда как математик и астроном Ф.Х. Майер читал статью о новых тригонометрических задачах.

Человек энциклопедических познаний и интересов, двадцатилетний Л. Эйлер работал в Петербурге чрезвычайно интенсивно. Уже вскоре после приезда, 25 июля, он прочел в Конференции доклад об истечении воды из отверстий, 15 сентября — о модели атмосферы Земли, 16 января 1728 г. — об обратных траекториях, а 10 сентября — о дифференциальных уравнениях второго порядка. В продолжение исследований скончавшегося Н. Бернулли Эйлер сообщил 13 февраля 1728 г. свое решение сформулированной им задачи о взаимных траекториях. Новое решение было поддержано всеми присутствовавшими на заседании. 24 и 29 января 1729 г. Эйлер читал свое исследование о кратчайшей линии на поверхности, 21 марта того же года — длившийся три заседания доклад о движении эластичных пластин, а 28 ноября — о трансцендентных рядах.

Физик и философ Х. Мартини сделал доклады о силлогизмах, категориях логики. Астроном, географ и востоковед Ж.Н. Делиль обобщил

свои наблюдения над методом составления точных географических карт Российской империи. Решение такой задачи, имеющей государственное значение, было поддержано участниками заседания. В развитие этого намерения Делиль разработал метод составления Генеральной карты России. 2 марта 1728 г. он же сделал первый в России доклад в поддержку гелиоцентрической концепции Н. Коперника. Содержание доклада было поддержано Д. Бернулли, который на современном уровне астрономии и физики показал, что в соответствии с законом И. Кеплера о движении планет и механикой И. Ньютона Земля является одной из планет солнечной системы, что подтверждает правоту Коперника. Впрочем, в малочисленной администрации Академии произошел переполох — возможно ли публиковать русский перевод выступлений Делиля и Бернулли на этом публичном заседании.

И.Д. Шумахер, видимо, почувствовал, что время петровской уверенности в силе знания проходит. Если академики могли повторить вслед за Петром, «когда люди про то ведают, то не есть чудо», то Шумахер обратился за разъяснением о возможности публикации перевода к Л.Л. Блюментросту, обращая его внимание на необходимость его апробации в Синоде. Блюментрост пообещал обратиться в данной связи «в надлежащие места», но осторожный А.И. Остерман посоветовал русский перевод не печатать.

Профессор анатомии и хирургии И.Г. Дювернуа делал многочисленные доклады по анатомии и физиологии.

Историк и филолог Т.З. Байер поначалу сосредоточился на близких ему сюжетах античной нумизматики, генеалогии и истории. Актуальная, уже поставленная в исторической литературе скифская проблема, столь существенная для конкретного анализа древнейшей истории Руси, начала исследоваться Байером на современном для того времени уровне ее изучения на основе анализа информации античных авторов. Как написано в отчете о деятельности Академии от 27 августа 1727 г., в представленной академическому собранию «диссертации» Байер «описует початки скифов аки основание истории российской» [Материалы. 1885. Т. 1. С. 282]. Одним из следствий изучения трудов античных авторов при анализе хронологии истории скифов стало междисциплинарное обсуждение в соответствии с математическими и астрономическими разысканиями даты солнечного затмения, которое древнегреческий ученый Фалес Милетский предсказал лидийцам.

Некоторые из адъюнктов и профессоров оказались менее активны в научном творчестве. Историк Г.Ф. Миллер, являясь с 1726 г. адъюнктом и помощником И.Д. Шумахера, поначалу более занимался административными делами Академии. В Конференции он выступил с обзором сочинений по истории. Философ Х.Ф. Гросс прочел доклады об этических категориях — о добродетели и пороке, о совести и свободе. Физиолог И. Вейтбрехт, адъюнкт Академии, а позднее ее профессор, докладывал о тепле и холоде.

17 февраля 1727 г. на академической Конференции обсуждался вопрос об организации астрономической экспедиции Л. Делиля де ла Кройера в Архангельск и на Кольский полуостров для определения широт и долгот основных городов северных регионов России, в связи с чем было принято решение направить экспедицию в Архангельскую губернию и на Кольский полуостров для исправления карт. Этой же экспедиции было дано поручение исследовать по заданию Т.З. Байера древности, а также по заданию ботаника И.Х. Буксбаума — местную флору. Сам Буксбаум отправился в ботаническую экспедицию в Лифляндию. Судя по тому, что 17 мая 1729 г. Ф.Х. Майеру, Л. Эйлеру и И.Г. Гмелину были выданы паспорта для поездки до Дудергофской мызы и обратно, теоретические познания этих ученых использовались властями и в практических целях, поскольку в Дудергофе начиналась система каналов, по которым вода перегонялась для фонтанов Петергофа. Практическое значение приобрел и доклад Д. Бернулли в связи с конкурсом Парижской Академии наук о наилучшем способе определения широт.

Появление в 1728 г. особого интереса в Петербурге к Китаю в связи с возвращением оттуда первого российского торгового каравана и проектом установления научных связей с находившимися в Пекине миссионерами имело следствием подготовку членами Петербургской Академии Ж.Н. Делилем, Г.В. Крафтом, Ф.Х. Майером, Г.Ф. Миллером очерков по востоковедению в европейских странах, о математике, астрономии, календарях и философии Китая. Т.З. Байер подготовил китайскую грамматику и словарь. Все эти материалы он объединил в изданном в Петербурге в 1730 г. двухтомнике «*Museum Sinicum*». Так что Петербургская Академия наук уже в начальный период своего существования доказала, что она может стать одним из центров молодой тогда дисциплины — китаеведения. Возможность ее превращения в один из центров европейского востоковедения проявилась и в намерении князя А.Д. Кантемира передать в Академию в 1729 г. книгу «История возвышения и упадка Оттоманской империи», написанную на латинском языке его отцом Д.К. Кантемиром, бывшим молдавским господарем, борцом против Османского ига и союзником Петра Великого. Позднее она была издана в Англии, Франции и в немецких переводах.

Впрочем, некоторые из иностранцев не смогли себя реализовать как ученых в послепетровской Российской империи. Профессор красноречия и истории церкви И.П. Коль более занимался проектами. Одним из них стало предложение о создании, видимо, журнала «Славянская библиотека». Правовед И.С. Бекенштейн занимался отдаленно относившейся к своей специальности дисциплиной «Геральдикой».

Следуя современным принципам организации научных разысканий, Академия приняла решение о создании своих исследовательских подразделений — Ботанического сада, Анатомического театра и Обсерватории. Особое, общегосударственное, значение приобрела академическая Типография.

В соответствии с указом Верховного тайного совета только она наряду с сенатской типографией имела право обслуживать полиграфические потребности Петербурга. При этом книги по истории должны были утверждаться к печати в Синоде, что существенно ограничивало существовавшую в петровское время свободу печати.

Обобщением организационных усилий в учреждении институтов Академии наук стало торжественное открытие 25 ноября ее здания, в котором находились Библиотека и Кунсткамера. Знатным гостям были показаны новое здание Академии, ее мастерские, Типография и Гимназия, которая, впрочем, почти опустела к этому времени после переезда императора и двора в Москву. Поэтому 9 января 1729 г. к Л.Л. Блюментросту в Москву был послан доклад о необходимости прислать в Академию молодых людей для обучения и назначить средства для их содержания. Впрочем, Академия являлась гордостью российских властей. Так что во время посещения Петербурга португальским принцем Эммануэлем в 1730 г. ему показали Академию, Кунсткамеру, Библиотеку и академическую Типографию. Перед ним выступили ученики академической Гимназии, один из которых прочел сочиненные в его честь латинские стихи.

В этот начальный период определились и принципы работы академической Конференции. Доклады могли продолжаться в течение двух и даже трех заседаний. Они становились началом творческих дискуссий, переходящих иногда в ожесточенные споры, которые могли стать причиной сложных личных отношений. Между Д. Бернулли и Г.Б. Бильфингером они стали ожесточенными. После вмешательства в них И.Д. Шумахера в качестве администратора Я. Герман и Бильфингер решили покинуть Академию по завершении срока контракта.

Петербургская Академия наук не только установила связи с другими европейскими Академиями. Ее почетным членом стал в 1728 г. неперенный секретарь Парижской Академии наук Б. Фонтенель. Труды ее сотрудников получили в этих Академиях признание, а некоторые из них и награды. В частности, Г.Б. Бильфингеру была присуждена премия Парижской Академии наук за работу о причине тяжести. Авторитет Петербургской Академии наук способствовал тому, что 1729 г. к ней обратился господин де ля Гриф с просьбой о помощи в составлении плана Парижа.

Доклады, посвященные теоретическим и прикладным проблемам естественных и гуманитарных наук, совмещались в заседаниях академической Конференции с выступлениями приглашенных специалистов в других отраслях знаний. Архитектор К.Ф. Шеслер сделал доклад о новом способе укрепления городов во время военных действий, И.Г. Лейтман представил членам Академии полученные от графа Б.Х. Миниха чертежи Ладожского канала и его сооружений, москвич П. Миллер сообщил о русских, татарских и других монетах.

Уже в 1726 г. Петербургская Академия наук, всесторонним составом которой был так озабочен при ее организации Петр Великий, утратила выдающихся исследователей. 26 июля этого года умер профессор химии М. Бюргер, а 29 июля — Н. Бернулли. Так что 14 февраля 1727 года философу и математику И.Х. Шталю в Берлин было отправлено письмо с просьбой рекомендовать химика, «так как кафедра химии больше не может пустовать без ущерба для Академии». Аналогичная просьба была направлена 26 октября того же года Х. Вольфу в Марбург. 24 ноября 1729 г. умер Ф.Х. Майер.

Поначалу возникали конфликты между академиками и академической администрацией в связи с тем, что некоторые ученые недостаточно уважительно относились в православной церкви «к святости места» и «вели себя там не так смиренно» (повествуя позднее об этом эпизоде, Г.Ф. Миллер называл провинившихся — И.П. Коля и Х. Мартини, которым было в 1725 г., соответственно, 27 и 26 лет). Некоторые из молодых профессоров участвовали в потасовках с людьми низкого звания в трактирах и тавернах. Л.Л. Блюментрост делал таким академикам строгие выговоры с предупреждением отчислить их из Академии.

Некоторые ученые не могли выдержать тяжелого климата Петербурга, другие — сложности общественно-политической ситуации в стране, финансовых трудностей вследствие нарушения регулярности денежных выплат. Состояние властей в конце краткого царствования Петра II оказывало все более отрицательное воздействие на состояние Академии наук. Пока юный император предавался развлечениям, а его княжеское окружение стремилось упрочить свое положение при дворе, Академия оказалась в бедственном финансовом положении. В 1729 г. ее долг составил более 1000 рублей. Стали сложными отношения ученых с администрацией Академии наук, а также ученых друг с другом в результате научных и личных разногласий.

Неуместные требования администрации оскорбляли членов Академии. Так, от выдающегося физика Д. Бернулли Л.Л. Блюментрост требовал, чтобы он написал исследование по физиологии, поскольку первоначально он был принят в Академию по этой специальности. Поэтому Бернулли просил уволить его с 1 июля 1730 г. по завершении своего пятилетнего контракта. Впрочем, от такого намерения он тогда отказался. Столь же неуместными являлись требования Блюментроста к академикам написать для плохо образованного императора учебники по математике и истории. Академики обоснованно указывали, что они выполняют условия контрактов, занимаясь научными исследованиями и читая лекции.

Значительный конфликт назревал в связи с тем, что академикам и профессорам, выдающимся исследователям своего времени, приходилось административно подчиняться решениям секретаря и библиотекаря И.Д. Шумахера, который реально являлся заместителем и помощником Л.Л. Блюментроста в организационный период Академии и в первое пятилетие ее существования.

Ситуация осложнялась еще тем, что академики и профессора выросли как ученые в самоуправляющихся западных университетах. Некоторые из них уже являлись там профессорами, а Я. Герман — и ректором университета. Ситуация становилась для академиков все более унижительной. Поэтому в январе 1729 г. они обратились с «челобитной», как названа эта петиция в современном русском переводе, к Петру II.

Ссылаясь на проект Петра Великого, «апробированный» им 22 января 1724 г., академики и профессора просили осуществить право выбирать президента или директора из своей среды ежегодно или через полгода для управления делами Академии и ее «департаментов», гимназии и типографии. При этом решения должны были приниматься всеми членами Академии. Избираемый директор, профессора и казначей должны сами решать финансовые дела Академии. Серьезной критике была подвергнута деятельность Шумахера, вследствие которой академики и другие сотрудники Академии оказались в 1728 г. в сложном финансовом положении. Поэтому для управления делами Академии они просили, чтобы по примеру немецких университетов и особенно королевской Парижской Академии наук был назначен «особливый старатель» для сообщения императору об академических нуждах и чтобы был утвержден академический Регламент.

В конкретных условиях Российской империи академики просили сохранить их жалование, уравненное с высшими чиновниками коллегий. Завершалось это обращение к императору с призывом следовать западноевропейским образцам и решениям Петра Великого в соответствии с российскими челобитными: «При сем всемогущего Творца просим, да подаст В. И. В. долгоденственное и достохвальнейшее государствование, под которым благополучие безчисленного народа безпрестанно да прирастает, и честныя художества и науки вяще и вяще да распространятся чрез Вашего И. В. всеподданнейших рабов» [Материалы. 1885. Т. 1. С. 444–448].

Решения Петра II в связи с данным обращением не последовало. Академия оставалась без попечения властей. Впрочем, и сам император через год скончался.

Судьбы Петербургской Академии наук как учреждения государственного продолжали оставаться тесно связанными с судьбами императорской власти в России.

В результате династического кризиса, последовавшего после смерти Петра II, 19 января 1730 г. Верховный тайный совет провозгласил императрицей вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну Ивановну, племянницу Петра Великого, в обход имевшей реальные права на престол отца Елизаветы Петровны, а также двухлетнего внука Петра — сына Анны Петровны, будущего Петра III.

В исследовательской литературе обоснованно отмечалось, что члены Верховного тайного совета, «верховники», надеялись осуществлять реаль-

ную власть в империи, пользуясь неопытностью Анны Ивановны, которая 19 лет провела в бедности в крохотном герцогстве Курляндском. Поэтому Совет, в котором теперь преобладали интересы двух князей Голицыных и четырех Долгоруковых (в состав Совета были введены также два фельдмаршала, М.М. Голицын и В.В. Долгоруков, что должно было существенно укрепить военной поддержкой принимаемые им решения), решил воспользоваться ситуацией. Были составлены «кондиции» — условия, на которых Анна Ивановна могла стать императрицей. В соответствии с ними самодержавная власть российских монархов становилась в значительной мере ограниченной. Новая императрица не должна была ни выходить замуж, ни назначать преемника, самостоятельно ни начинать войны, ни заключать мира, ни вводить новые подати, ни жаловать чины выше полковника, а также вотчины и поместья, ни отнимать у дворян без суда «имения и честь». Она не могла без участия Верховного тайного совета производить русских и иностранцев в придворные чины, самостоятельно расходовать государственную казну. В случае неисполнения этих условий Анна Ивановна должна была лишиться «короны российской».

Для обладания тронem Российской империи Анна «кондиции» подписала.

В бесчисленной литературе, посвященной этим «кондициям», содержатся самые разные определения их основного содержания — от стремления установить в России господство крупных земельных магнатов из древних родов, подчинивших своей власти среднее и мелкое шляхетство, на манер Речи Посполитой (этот строй имел следствием во второй половине XVIII в. падение польской государственности), до одного из первых в Новое время порывов к свободе и конституционной монархии.

Активный участник событий 1730 г. В.Н. Татищев написал историко-политический трактат «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном». Автор обвинил «верховников» в том, «что они дерзнули собою единовластительство отставить, а ввести аристократию», «что они над пристойность и закон самовольно власть себе похитили, выключая достоинство и преимущество всего шляхетства и других станов (т. е. сословий. — М. С.)». Для того чтобы показать пагубность правления «аристократии», князей и, шире, знати, Татищев написал краткий исторический очерк, в котором указывалась пагубность политической раздробленности Русского государства: «Как скоро великие князи детей своих равно стали делить и оные удельные, не повинуюсь великим князьям, ввели аристократию, а потом несогласиями друг друга разоряли, и зделались великие князи безсильны, тогда татары, нашед, всеми обладали, литовские бывшею под властью многую часть от государства отторгнули. И так пребывало государство в рабстве татарском более 200 лет» [Татищев В.Н. 1979. С. 146, 148; историографический обзор мнений о времени написания рукописи и о ее списках см. там же, с. 21–26].

Французский посол в России маркиз де ля Шетарди еще в 1741 г. отмечал в русской знати настроения вернуться к порядкам допетровской Руси. В этой связи он вспоминал намерения князей Долгоруких, к которым он ошибочно присоединил в качестве единомышленника А.П. Волынского, и допускал, что после воцарения Елизавета Петровна может пойти тем же путем: «Уступая склонности своей, а также и народа, она немедленно переедет в Москву; хозяйственные занятия, к которым склонны знатные, побудят последних тем более обратиться к ним, что они уже лишены того с давних времен; морские силы будут пренебрежены, и Россию увидят постепенно обращающуюся к старине, которую Долгорукие во времена Петра II и Волынский после желали восстановить, и которая существовала до Петра I» [*Пекарский П.* 1862б. С. 248; см. также ранее близкие по содержанию наблюдения англичанина Э. Финча].

Анализ всех исторических источников, исследовательских мнений, их доказательств в данной работе не представляется возможным. Известен результат событий, завершившихся 25 февраля 1730 г. в кремлевском дворце. После нескольких обращений, исходивших от разных военно-политических деятелей петровского времени, а также дворянства, преимущественно офицеров, которые уверили Анну в безопасности совершения переворота, находившиеся во дворце немногочисленные гвардейцы, кавалергарды и офицеры Преображенского полка (всего около 80 человек) потребовали сохранения самодержавной власти: «Государыня, мы верные рабы вашего величества, верно служили вашим предшественникам, готовы пожертвовать жизнью на службе вашему величеству, но мы не потерпим ваших злодеев! Повелите, и мы сложим к вашим ногам их головы!» Анне было подано прошение с просьбой «принять самодержавство таково, каково ваши славные и достойные предки имели» [*Курукин И.* 2003. С. 164–224; см. там же историографию проблемы; 2006. С. 66–74]. 4 марта был ликвидирован Верховный тайный совет и восстановлен Сенат в составе 21 человека. 28 апреля 1730 г. в Кремле произошла коронация Анны как самодержицы всероссийской. Во время коронации рядом с ней уже находился ее помощник по управлению герцогством Курляндским и фаворит обер-камергер Э.И. Бирон.

Анна и Бирон быстро сосредоточили власть в своих руках. Для исполнительских функций был создан «Кабинет ея величества», в который были включены Г.И. Головкин, А.И. Остерман и князь А.М. Черкасский, а после смерти Головкина в 1734 г. третьим членом Кабинета в должности кабинет-министра последовательно становились П.И. Ягужинский, А.П. Волынский и А.П. Бестужев-Рюмин.

Как отметила Ю.Х. Копелевич, с весны 1730 г. штатные дела Академии стали решаться при дворе. Но следует учесть, что такое управление Академией стало лишь одним из следствий концентрации императорской власти. В таких обстоятельствах к уехавшим в 1729 г. по разным причинам академикам Х. Мартини и И.Х. Буксбауму в 1730 г. присоединились по истечении срока

пятилетних контрактов Я. Герман и Г.Б. Бильфингер, что произошло, в частности, вследствие столкновений с академической администрацией, Л.Л. Блюментростом и И.Д. Шумахером. Вероятно, не желали они также быть «всепоподаннейшими рабами». Впрочем, Герман и Бильфингер были отпущены императрицей милостиво и с лестными для них характеристиками. Они стали иностранными почетными членами Петербургской Академии наук.

В Петербургской Академии наук имели место не только утраты и административные сложности. В соответствии с положительными аттестациями на академическом собрании 27 июля 1730 г. профессоров Академии адъюнкты И.Г. Гмелин, Л. Эйлер, И. Вейтбрехт, Г.В. Крафт, Г.Ф. Миллер были произведены в профессора со статусом экстраординарных профессоров в первые два года.

В связи с общей тенденцией правления Анны — сохранения петровских традиций, но внесения в них определенных коррективов, в штате Академии наук на 1731 г. была проведена реорганизация — финансово обеспечены структуры академических переводчиков, типографии, книжной палаты, художников, канцелярии и Кунсткамеры, но экономия осуществлена за счет ученых [Материалы. 1885. Т. 1. С. 273, 653–656, 685–686; *Конелевич Ю.Х.* 1977. С. 117].

Определенные изменения произошли и в академической Гимназии. Она задумывалась Петром Великим как внесословная. Из списка учеников, принятых в нее в 1726 г., следует, что там учились русские дети, родившиеся не только в Петербурге, но также в Москве, Новгороде, Пскове, Вологде, Нарве, Глухове и других русских и украинских городах. Много было детей иностранцев, включая родившихся в Петербурге и Москве, немцев, греков, французов, шведов, молдаван. В их числе был «Адемер, турок» и «Темир хан Ассамбеков, принц, родился между горскими черкасами, 12 лет», его отец назван: «Ассамбек, правительствующий князь над горскими черкасами, магометанского закона». Вместе с Николаем Голицыным, «князем российским», детьми из древних боярских и дворянских родов Бутурлиных, Самариных, Квашниных-Самариных, Стрешневых, в 1726 г. учились дети разночинцев самого разного происхождения. В этом году было принято в Гимназию 112 детей. Впрочем, у новоявленных гимназистов уже должно было быть начальное образование, поскольку обучение велось на латинском и немецком языках. Поэтому в академическом докладе от 2 августа 1727 г. императору Петру II указывалась необходимость перевода «для общей пользы народа» в академическую Гимназию «русских молодых людей, в латинском языке обученных, из московских школ или из иных мест, чтоб той науке могли приучиться, в которой он будет обращаться» [Материалы. 1885. Т. 1. С. 217–232, 266–267].

Анализ социального состава учеников, поступивших в 1727–1730 гг. в академическую Гимназию, свидетельствует об определенных тенденциях в его изменениях (поскольку социальный статус родителей детей, поступивших в 1726 г., по большей части не указан в списке учеников, данные подсчеты за этот год невозможны).

Ученики, зачисленные в академическую Гимназию

Социальный статус отцов	1727 г.	1728 г.	1729 г.	1730 г.
Иностранцы	6	1	5	3
Знать, дворяне, офицеры	15	11	9	2
Разночинцы, солдаты, низшие чины	20	10	57	10
«Церковники»	7	1	–	–
Сведений о происхождении нет	10	4	3	–
Итого	58	27	74	15

Таблица составлена по: Материалы. 1885. Т. 1. С. 325–343, 431–437, 605–622, 694–697.

Данные таблицы имеют не абсолютную, а относительную точность. Иностранцами здесь названы дети, родившиеся за границей. Те, кто родился в России, по петровскому указу считаются россиянами. В числе солдат гвардии могли быть дворяне. К числу дворян и офицеров отнесены отцы, чин которых перечислен в Табели о рангах. К разночинцам отнесен единственный крестьянин (набор 1729 г.), Тимофей Кудрявцев, принадлежавший ранее А.Д. Меншикову. Определенные изменения могло бы внести установление социального статуса тех отцов, которые в реестре не названы. При подсчете не учтен сын художника Филипп Матернови, который ходил в Гимназию только в танцевальный класс и, вероятно, обучался дома.

Несмотря на относительность, эти подсчеты раскрывают содержание основных тенденций в изменении состава учеников академической Гимназии. Постоянно небольшое число детей, родившихся за границей. Первоначальное приблизительное равенство в численности приема детей знати, дворян, офицеров, а также разночинцев, солдат, низших чинов сменилось в 1727, 1728 гг. существенным снижением поступления детей из первой группы и увеличением абсолютным и/или относительным — из второй. Данное обстоятельство можно объяснить не только тем, что в правление Петра II двор переехал в Москву, но также установившимися приоритетами в образовании детей из первой социальной группы. Знать, дворяне и обер-офицеры могли обеспечить домашнее образование своих чад, к тому же отделив их от «простолюдов». Для них предпочтительными являлись обучение в военных учебных заведениях, военная и статская служба, за которую следовали царские пожалования чинами, землями, крепостными и орденами, тогда как карьера ученого ничего не обещала, кроме напряженного интеллектуального труда. Уже в самом начале организации научных исследований и специального образования в России наука становилась сферой деятельности преимущественно разночинцев, что не исключало участие в ней в отдельных случаях и людей из привилегированных сосло-

вий. На это общеевропейское явление Юрий Крижанич обращал внимание еще в XVII в.

Показательно прекращение приема в Гимназию детей «церковников», как названы в документах того времени лица самых разных чинов, относившихся к осуществлению церковной службы. Они должны были получать образование в церковных школах и духовных училищах в соответствии со своим сословным статусом.

В новейшей литературе обоснованно пересмотрен давний стереотип, отождествлявший правление Анны Ивановны с «бироновщиной» — засилием иностранцев и преследованием недовольных. Ему был противопоставлен конкретный анализ внутренней и внешней правительственной политики при участии Бирона и без него. Указано значительное участие русской знати и дворянства во всех институтах государственной власти и армии. Лишь в высшем командовании флотом традиционно преобладающее значение имели в это время иностранцы, которые в политической жизни страны существенной роли не играли [здесь и далее см.: *Анисимов Е.* 1994. С. 201–479; *Каменский А.Б.* 2001. С. 219–252; *Петрухинцев Н.Н.* 2001; *Курукин И.* 2003. С. 225–275; 2006; см. там же литературу проблемы]. В многочисленных исследованиях показаны как сохранение основ петровской политики в правление Анны Ивановны, так и введение определенных коррективов в промышленной, торговой и финансовой системах, в центральных и местных учреждениях. Было прослежено сохранение и развитие тенденций в деятельности высших государственных институтов по реформированию финансовой и податной политики, структуры бюджета для сокращения финансовых, в частности военных расходов, для облегчения крестьянских податей.

Все приведенные ранее материалы раскрывают экономическое, общественно-политическое и культурное содержание той эпохи, той истории исторических идей, которые существовали в России в период, предшествовавший рождению М.В. Ломоносова, во время его детства и отрочества. Они объясняют процесс формирования российской исторической науки и тех начальных условий, в которых происходило становление гения Ломоносова и которые определяли его взгляды на историю России.

2. Юность М.В. Ломоносова и историческое наследие

Несмотря на широкий научный и общественный интерес к биографии М.В. Ломоносова, обстоятельства начала его жизненного пути во многом установлены в недавнее время и продолжают исследоваться до сих пор. Многие факты биографии Ломоносова, его научных интересов, творчества разъясняются, если учитывать контекст событий, которые произошли не только при его жизни, но и значительно ранее. Поэтому столь большое значение

приобретает изучение начального этапа биографии Ломоносова и среды, в которой формировались его характер и круг интересов.

Хорошо известно, что М.В. Ломоносов родился в Куростровской волости Архангельской губернии. Но только недавно доказано, что он появился на свет не в деревне Денисовка, как писали в конце XVIII–XX в., а в Мишанинской. Это уточнение места рождения позволило разъяснить многие факты его биографии.

День рождения М.В. Ломоносова — 8 ноября — считается принятым условно, отнесенным к празднованию Михаила Архангела, а год рождения долгое время определялся датами от 1709 до 1715 г. Имя, данное новорожденному, обычно соотносилось с празднованием его небесного покровителя в день рождения или вскоре после него [Морозов А.А. 1962. С. 51–52]. Впрочем, имя Михаил для отца, Василия Дорофеевича Ломоносова (1681–1741), вероятно, было более значимым, чем следование мнемоническому правилу для запоминания дня рождения ребенка, как думал А.А. Морозов.

По переписи 1722 г. В.Д. Ломоносов был «написан в Куростровскую волость в крестьянство» [Лепехин И. 1805. С. 298]. Но в действительности он являлся промысловиком. Василий Дорофеевич возил также «казенные» товары, исполнял поручения архиепископа, приобретал продукты в «обиход» главы епархии, в связи с чем ему доверялись значительные денежные суммы.

Когда В.Д. Ломоносов шел на своем промысловом судне вниз по Двине, то в начале ее дельты перед выходом в Северное море он молился за успех будущего предприятия на монастырь Архангела Михаила, который дал название городу Архангельскому (его называли первоначально Ново-Холмогоры, позднее также Архангел и, наконец — Архангельск). Возможно, Василий Дорофеевич делал вклады в этот монастырь и отправлялся туда на богомолье. Так что имя Михаил имело для него, вероятно, не столько мнемоническое значение, сколько духовное содержание.

С конца XVI в. Михайло-Архангельский монастырь являлся центром строительства нового города с деревянными укреплениями. Сам город как социально-экономический, общественно-политический и духовно-религиозный центр стал развиваться от монастыря вдоль берега вниз по течению Двины, где строились новые церкви, Русский и Немецкий гостиные дворы, а еще далее — лавки архангельских жильцов и холмогорцев. Это был Архангельский город. Но сам Михайло-Архангельский монастырь вследствие «утеснения» и «по челобитью двинских земских старост» по указу царя Михаила Федоровича был выведен за город на новое место вверх по течению Двины. Там он находился на Московской дороге [Овсянников О.В. 1992. С. 159–166; Попова Л.Д. 1994. С. 11–27]. Так что Михайло-Архангельский монастырь и город Архангельский, основательно перестроенный после пожаров 1667 и 1670 гг., являл собой для В.Д. Ломоносова и его сына Михаила символизированное единство исторического прошлого и настоящего.

Куростровская волость — одна из двух волосток на Курострове, значительном по размерам острове вблизи от расположенного на берегу реки Двины города Холмогоры. Другая волость Курострова — Ровдогорская. Даже для образованных петербуржцев и москвичей во второй половине XVIII–XIX в., максимально благоприятно относившихся к памяти о М.В. Ломоносове, тем более для обыденного сознания того времени было свойственно представление об этих местах как о некой глуши. Такое представление являлось составной частью повторявшейся в разные времена романтизированной схемы, в соответствии с которой Ломоносов явился из народных недр как символ гениальности самого народа. Между тем, он формировался как личность в конкретной экономической, социально-политической и культурной среде, насыщенной историческими преданиями и действительностью, создающей условия для формирования таких талантов.

Подвинье являлось зоной древнего восточнославянского расселения. Туда переселялось предприимчивое свободное новгородское население, сельское и городское, в поисках пригодных для земледелия земель, пожен с сочными травами для скота, богатых рыбой ловель, благоприятных условий для торговли с финно-угорскими народами, а при возможности и для взимания с них дани. Одним из стимулов таких переселений становилось стремление уйти от государственной системы с ее податями и повинностями. Но вслед за земледельцами, охотниками, рыболовами, торговцами туда распространялась и власть Новгородской боярской республики.

Административным, экономическим и культурным центром этого населения на Нижней Двине стал город Холмогоры. Укрытый в нижнем течении Северной Двины в глубине материка от набегов скандинавов, этот город стал одним из центров не только организации русского населения на континенте, но также его промысловой и торговой активности на Белом и Баренцевом морях, его последующего распространения на восток на северный Урал и в низовья Оби, в Мангазею.

В XI–XIV вв. Подвинье входило в состав земель Новгородской боярской республики. Его военным и административным центром стал во второй половине XIV в. Орлец, укрепленный город с детинцем и посадом на Двине в 33 км к югу от Холмогор [Овсянников О.В. 1992. С. 31–42]. В конце XIV столетия оно привлекло внимание великого князя московского Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. В 1397 г. он направил туда московское войско и дал двинянам Уставную грамоту, определявшую государственно-правовые начала управления Двинской землей под руководством московского наместника. Ее административным центром оставался Орлец. Отсюда княжеские дворяне должны были отправляться в разные двинские территории для осуществления великокняжеской властью прямого административного и судебного управления. В их перечне названы также Холмогоры и Куростров, за проезд к которым из Орлеца княжеские дворяне должны были

получить «две белки ездѹ». Самим двинянам предоставлялось право беспошлинной торговли в московских землях. Завершалась Уставная грамота грозно: «А через сю мою грамоту кто им чем изобидит, или кто не имет ходити по сеи грамоте, бытии ту от мене от великого князя в казни» [ГВНП. 1949. С. 144–146].

В том же 1397 г. Новгороду удалось отбить у московского князя свои владения на Двине. Но после поражения в Шелонской битве 14 июля 1471 г. и последовавших в 1476–1478 гг. событий все новгородские территории были включены в состав Великого княжества Московского, в том числе в 1478 г. и Двинская земля.

В последующей истории Двинская земля разделила судьбы России, являясь ее органической составной частью, как в ее мирной жизни, так и в военных испытаниях. Особенно тяжелым для двинян стало так называемое Смутное время, 1604–1619 гг. Экономический и общественно-политический кризис сопровождался тогда гражданской войной, польской и шведской интервенцией. Двиняне, как все северяне, поставляли даточных людей в правительственные войска, несли тяжелые повинности, поддерживали деньгами и людьми ополчения, которые сражались с интервентами, отбивались от нападений польских отрядов, проникших в стремлении к легкой и богатой добыче далеко на север. В частности, от польского нападения отбились Холмогоры, а на Курострове сохранился вал, напоминавший о защите его жителей от интервентов [История северного крестьянства. 1984. С. 138–142; *Овсянников О.В.* 1992. С. 75–76].

Особенностью развития Севера России в XVII в. стало то, что там не было крепостного права. Административно-судебное управление осуществлялось как властью царских наместников, а позднее воевод, так и местным самоуправлением волостей. Крестьяне являлись юридически полноправными владельцами своих пашенных и непашенных земель. Но государственно-правовая действительность России XVI–XVII вв. формировала у северных крестьян развитое понимание отношений земельной собственности, в которых великий князь, а с 1547 г. царь являлся верховным (титulyным) собственником земли. Поэтому в северных крестьянских актах этого времени можно встретить определение отношений земельной собственности «земля великого князя, а мое владение» [Акты Соловецкого монастыря. 1988. С. 25; отступная грамота, 1511 г.]. Такое осознание реальных отношений земельной собственности и владения наряду с великокняжескими (царскими) административным управлением, податями и повинностями воспитывало у северных русских крестьян понимание их принадлежности к единой российской государственности, их подданства по отношению к государю. Но их личная свобода сохранялась, а права защищались законом.

Двинские крестьяне платили государственные подати по дворам, имея право при желании переселяться. В таких случаях писцы и переписчики

в северных уездах, объясняя переезды людей из деревень, использовали слова «сшел», «съехал», «сбрел», «покинул», а не «бежал», «в бегах» и т. д., что отражало их право на относительно свободное переселение. Когда Петр I провел в 1724 г. подушную реформу, налоги стали взиматься с мужского населения податных сословий. Так что территориальная община, сельская и городская, должна была выплачивать за убывших людей взимаемую с них подать [История северного крестьянства. 1984. Т. 1. С. 131].

Административно-правовое сознание и общественная практика жителей русского Севера органично соединяли в средневековый период общероссийское законодательство и местное выборное самоуправление. Они осуществлялись даже в тяжелейший период экономического кризиса, последовавшего в России за разорительными опричниной Ивана Грозного и Ливонской войной 1558–1583 гг. Поэтому показательно, что на Двине, и в частности на Курострове, определяющими являлись нормы уставной грамоты царя Федора Ивановича (1584–1598) о праве избранного волостного судьи судить волостных крестьян. В данной связи в сохранившемся выборном списке Куростровской волости было записано: «Лета 7097 (1589 г. — М. С.) по государеве царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси по уставной грамоте сотник Куростровской волости <...> пятидесяцкой <...>, десятички <...> да волостные люди <...> и все крестьяне Куростровской волости выбрали есмя и излюбили в Куростровской волости судью Мокея Нечаева сына Пикишева. И ему Мокею нас крестьян судити во всяких делах по государеве по уставной грамоте. Выборную писал куростровской церковной диячек Безсонко Марков лета 7097 февраля 11 дня». Эта грамота свидетельствует о развитом северном крестьянском правовом сознании и самосознании, которые соединили общерусские государственные, а также местные начала.

Подвинье, в частности Нижнее Подвинье, как и другие земли Русского Севера, являлись регионами активных социальных процессов. Средняя дворность деревни на Двине — 3,9 двора. В Двинском уезде в 20-е гг. XVII в. на двор приходилось в среднем 2,3 четверти в одном поле при трехпольной системе хозяйства, 0,5 четверти перелога в одном поле, 4 копны сена. Но доли в многодворной деревне были в подавляющем большинстве неравными и некратными. В состав крестьянских владений входили также выгоны для скота, сенокосные угодья.

Одни из селян богатели, другие — беднели. В Куростровской волости в это время 50 домохозяев имели от одной до двух веревок (единица измерения земли), тогда как четверо — от 10 до 12 веревок, двое — 15–16 и один — 21–22. Неравными были и промысловые угодья, что вело в совокупности к значительному имущественному неравенству у двинян, и куростровцев в частности. Приращивали земельные владения церкви и монастыри.

Об активных формах движения земельных владений в Куростровской волости может свидетельствовать сохранившийся комплекс крестьянских

данных («положенных») грамот конца 10-х — начала 20-х гг. XVII в. Когда после окончания Смутного времени в Куростровской волости было принято решение в начале 1619 г. о возведении нового храма Успения Пресвятой Богородицы «на Лукине берегу в заливе», волошчане активно поддерживали церковь не только денежными пожертвованиями, но также земельными вкладами. «На поставление храма», «на поминание по своей души по смерти», «на родителем своим воспоминания», «на всякое церковное устройство» были совершены земельные вклады в разных частях острова, в том числе и по соседству, «на Лукине берегу в заливе», «орамой (пахотной. — М. С.) земли», «поле земли орамой», «польцо земли орамой» (девять вкладов), «сенные покосы» (два вклада), «на двор и дворище с хоротами» (один вклад) и даже кабалы, всего на 8 рублей, на «поминание по своих родителей и по смерти по своей душе» (один вклад). Эти данные грамоты датированы от 12 февраля 1619 г. до 16 августа 1623 г. Земельные владения, «данные» церкви Успения Пресвятой Богородицы, как следует из содержания грамот, являлись как наследованными, так и купленными [Архив СПбИИ РАН, кол. 47, оп. 2, ед. хр. 36–44, 47, 48, 58, 67–69, 76].

Такие сделки по продаже и вкладам имели, вероятно, значительное распространение. Они существенно сокращали количество земли, облагаемой податями — тяглом. Поэтому царь Алексей Михайлович послал грамоту от 31 июля 1651 г. двинскому воеводе Федору Васильевичу Бутурлину и дьяку Ивану Селевцыну о запрещении монастырям, церквям и беломестцам, т. е. людям, не платившим государственные подати, покупать, принимать в виде постоянного вклада или временно закладывать тяглые земли и торговые промыслы [Архив СПбИИ РАН, кол. 47, оп. 2, ед. хр. 182].

Рыболовство осуществлялось, практически, каждым крестьянским двором. Но владение тонями оказывалось неравным. В таких условиях некоторые из крестьян должны были сосредоточить свое хозяйствование на рыболовстве и морском промысле. Примером этого является долевое владение холмогорца Андрея Зыкова и Юдки Ломоносова, одного из предков М.В. Ломоносова. В 1689 г. Зыков продал Архиерейскому дому свою долю «на Мурманском берегу, в Оленьем становище, в Виселкине губе, в стану, и в скеи, и в бани, и в амбаре, и в сенех, и во всем том четвертую долю, что была с куростровцем Юдкою Ломоносовым» [Морозов А. 1975. С. 212]. Впрочем, В.Д. Ломоносов по-прежнему «промысел имел на море по мурманскому берегу и в других приморских местах для лову рыбы, трески и палтосины на своих судах» [Лепехин И. 1805. Ч. 4. С. 298].

Некоторые из двинских крестьян занимались также солеварением с использованием наемных работников. Солеварный промысел был чрезвычайно доходным и способствовал значительному обогащению владельцев соляных варниц. Двинские промысловики и особенно богатеи постоянно вовлекались в торговлю местную и дальнюю, включая внешнюю торговлю. Казна получа-

ла значительные доходы от торговых и таможенных пошлин, взимая также церковную десятину. Поэтому особой формой поддержки царями двинских монастырей стало освобождение их от торговых пошлин до определенных размеров. Как следует из грамоты от 2 октября 1650 г. царя Алексея Михайловича двинскому воеводе Федору Васильевичу Бутурлину, он повелел освободить от взимания пошлин лодьи находившейся в Холмогорском уезде «пустыни всемилостиваго Спаса, что на Козьем ручье», при ее покупках до 30 рублей. Но при покупках более этой суммы таможенные пошлины и церковная десятина должны были взиматься с лодей этой пұстыни, как и с холмогорских торговых людей [Архив СПбИИ РАН, кол. 47, оп. 2, ед. хр. 180].

Среди двинян были не только земледельцы, торговые люди, рыбаки и промысловики. На Двине существовало также развитое ремесленное производство, прежде всего кузнечное и ювелирное, которое позволяло обеспечить как ежедневные потребности местного населения, так и значительные проекты по строительству зданий, укреплений, судов и т. д. [Овсянников О.В. 1992. С. 85–124]. В частности, среди куростровцев, по обыскному списку от 18 марта 1600 г., трудились ремесленники, каменщики, кирпичники, гончары, печники, горшечники, точильщики и люди других специальностей (в порядке перечисления в обыскном списке) [Архив СПбИИ РАН, ф. 77; опись: Куростровская волостная земская изба, 1539–1704 гг.; краткий очерк общественного и экономического быта Куростровской волости в XVI–XVII вв. см.: Морозов А. 1975. С. 198–204].

Когда по указу 1584 г. Ивана Грозного был основан город Ново-Холмогоры в качестве центра торговли с английскими и голландскими купцами, туда были «переведены» в 1587 г. 6 купеческих посадских товариществ и 20 из черных волостей. Тогда же «переводились» двиняне и в Москву. Такие люди назывались «двинской переведенец, а московский жилец». Но эти «переведенцы» стремились сохранить свои прежние владения, предпринимательскую деятельность и хозяйственные связи с двинской волостью [Копанев А.И. 1978. С. 26, 37–157, 170–182, 203–209]. Некоторые из них возвращались в родные места, например, торговый человек Иван Мельцов. Как следует из «Сказки гостиной сотни», датированной 1646–1647 гг., он жил ранее «на Колмогорах на Куцовском посаде в тягле своем», подати платил «с тово двора и животов» наряду с другими посадскими тяглыми людьми. Но по указу царя Михаила Федоровича Мельцов был «взят» в 1629/30 г. в Москву, в «гостиную сотню». Жил там на своем «дворе» и платил подати. Но в отличие от многих других «переведенцев» Мельцов вернулся в Холмогоры, где занял значительную должность — стал выборным таможенным и кабацким головой [Архив СПбИИ РАН, кол. 47, оп. 2, ед. хр. 167].

Северные русские крестьяне и горожане, хотя и жили далеко от Москвы, постоянно ощущали себя составной частью единого политического, правового, идеологического и церковного пространства. Как писал М.К. Любавский,

«крепостная неволя не коснулась этого края, не истощила ни физически, ни экономически, ни духовно здешнего мужика, не убила его ум и волю, не порвала его прямой связи с государством и не заглушила в нем здорового чувства государственности» [*Любавский М.* 1912. С. 5]. Во время изнурительной войны 1654–1667 гг. с Речью Посполитой, последовавшей за воссоединением Украины и России, митрополит Новгородский и Великолуцкий Макарий послал на Двину грамоту от 18 января 1662 г. об установлении по всей холмогорской митрополии поста и о совершении молитв о победе в войне. Когда же война закончилась, двинскому воеводе думному дворянину Ивану Ивановичу Чаадаеву была направлена грамота царя Алексея Михайловича о сборе с двинских монастырей, церквей, с крестьянских и посадских дворов денег на выкуп полоняников, а также по рублю с двора, что являлось очень значительной суммой, за даточных конных людей. Эти деньги надо было прислать в Москву. В грамоте от 29 июля 1695 г. архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий указал священникам своей епархии, чтобы они молились о победе российского войска под Азовом «на безбожных агарян», в чем он следовал повелению патриарха о молитвах во всех соборах, монастырях и приходских церквях. Когда в 1689 г. Петр I женился на Евдокии Лопухиной, то и в Холмогорской епархии по указанию ее архиепископа молебствовали, чтобы Господь «умножил лет живота их и даровал бы им благородныя чада». По указу царя Петра в 1701 г. архиерейские, монастырские и церковные господские хозяйства должны были поставить хлеб и ржаную муку для обеспечения «ратных людей», а в 1708 г. — в связи со значительным увеличением российской армии и активными боевыми действиями прислать также рекрутов от двадцати до тридцати лет, женатых и холостых [Архив СПбИИ РАН, кол. 47, оп. 2, ед. хр. 207, 222, 350, 328, 384, 389].

Обобщая наблюдения над участием северного русского крестьянства в основных событиях и деятельности Российского государства XVII — первой четверти XVIII в., М.К. Любавский отметил: «Много жертв приносило оно для государства и в течение XVII века, платя в казну свои стрелецкие деньги, многочисленные пятые, десятые деньги с животов и промыслов, неся различные казенные службы в верных головах и целовальниках. Поддерживало оно и Петра Великого в его стремлениях к развитию мореплавания, торговли и промышленности, ставя ему матросов, строя суда, работая в учреждаемых им промышленных предприятиях, и поддерживало не только по неволе, по обязанности, но подчас и с заметным сочувствием» [*Любавский М.* 1912. С. 5].

Переезды по ямам являлись государственной монополией, распространявшейся и на северные русские земли. Так что архиепископу Холмогорскому и Важскому Афанасию была выписана 29 июня 1693 г. подорожная от Москвы до Переяславля Залесского и далее до Ярославля и Вологды «по ямщиком» именем «великих государей царей и великих князей Иоанна

Алексеевича и Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев» с указанием помогать архиепископу «всем людем» там, где ямов нет. И в низовье Северной Двины переезды в Архангельск торговых людей с товаром не только из далеких Загорского стана, Новгородского уезда, Заостровской волости, но даже из близких Холмогор был разрешен только при наличии «выписи» из холмогорских таможенных книг и печати на «выписях» Холмогорской таможенной избы [Архив СПбИИ РАН, кол. 47, оп. 2, ед. хр. 343, 230–233; местности перечислены в порядке их указания в «выписях»].

Заявления о преступлениях — «явки» — следовало подавать на имя царя или правящих государей, Ивана и Петра Алексеевичей, а в их малолетство — и царевны Софии Алексеевны. Таких «явок» множество в северных епархиях и воеводских избах. Разумеется «великие государи цари и великие князи, всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы», от Михаила Федоровича до Петра Алексеевича, не ведали, что происходит с их конкретными многочисленными подданными на обширных пространствах России. Но обращение к ним являлось обязательным условием для дальнейшего рассмотрения в воеводском или волостном суде, что наряду с великокняжескими и царскими судебниками, уставными грамотами и другими изданными источниками права обеспечивали единство правового пространства Российского царства и тем более империи.

Практика юридического регулирования поземельных отношений также определялась единством правового пространства. В частности, для защиты земель черносошных крестьян, обязанных платить государственные подати и исполнять повинности, от их захвата беломестцами был издан указ (ранее 1623 г.) о запрете продавать земли монастырям, церквам, отдавать им земли «по душе». Для предотвращения обезземеливания крестьян тот же указ запрещал крестьянам покупать и продавать земли в своей среде. Впрочем, этот запрет противоречил практике свободного обращения земли в среде северных крестьян и по челобитью устюжан был отменен в мае 1624 г. Царь Михаил Федорович и его отец патриарх Филарет, реальный правитель России, разрешили им «меж себя деревни свои продавати и покупати и в заклад давати тутошним тяглым людем». В ответ на запрос устюжских и сольвычегодских писцов об уравнивании крестьянами своей наследственной, вотчинной, земли с землей, взятой ими на льготу или на оброк, в 1625 г. был издан указ, в соответствии с которым 40-летнее владение оброчной землей превращало ее в собственность владельца, что распространяло статус черных земель на оброчные [История северного крестьянства. 1984. Т. 1. С. 130–131].

Таким образом, во всех сферах юридического быта, от верховной титульной собственности государства на землю и крестьянских поземельных отношений до верховного титульного и конкретного воеводского и волостного урегулирования правовых отношений в бытовых преступлениях, северные

крестьяне и горожане, в том числе холмогорцы и куростровцы, постоянно находились в едином правовом пространстве Российского государства.

Единство российского церковного пространства утверждалось централизованной структурой Московской патриархии. Указы патриарха были обязательны к исполнению духовными лицами на всем пространстве России. Вследствие отдаленности двинских территорий благочиние духовных лиц нуждалось в постоянном укреплении и поддержании. Поэтому архимандриты и игумены должны были братию благочинию поучать «по вся дни».

Общероссийское значение в материальных основах жизни имела борьба с бесконтрольным винокурением и продажей «вина» [Архив СПбИИ РАН, кол. 47, оп. 2, ед. хр. 201, 202].

Издатели грамот Холмогорской и Устюжской епархий обоснованно отметили, что эти епархии были открыты по предложению царя Федора Алексеевича приговором московского церковного собора 1681 г. «в видах искоренения раскола и беспорядков в приходах и монастырях на севере России» [РИБ. 1890. Т. 12. С. I]. Но создание этих епархий содействовало также укреплению церковных структур на Русском Севере, позднее — распространению православия среди финно-угорских народов, росту грамотности русского населения, в частности, населения Холмогорской епархии. Письменность вошла в его ежедневный быт, что выражалось в текстах самого разного назначения, в том числе записей о многообразных видах имущественных сделок и правонарушений. Значительно была распространена грамотность среди старообрядцев. Все это способствовало распространению книжности на Русском Севере.

В этом многообразном экономическом, социальном, политическом и духовном мире двинян со второй половины XVI в. постоянно присутствовали иностранцы, прежде всего англичане и голландцы. В поисках новых путей в Ост-Индию английская экспедиция под руководством Ричарда Ченслора, потеряв два судна во время плаванья вокруг Кольского полуострова, приплыла к устью Северной Двины. Ченслор отправился оттуда в Москву и был принят Иваном IV, который сразу понял особое значение новой возможности торговать с западноевропейскими странами без посредничества ганзейских городов, без ливонского и шведского контроля. В этом же были заинтересованы англичане. Поэтому, когда Ченслор вернулся в 1554 г. в Лондон, королева Мария I (1553–1558), а позднее Елизавета I (1558–1603) поддержали это новое направление в британской торговле. Общество, организовавшее экспедицию в 1553 г., было преобразовано королевским указом в 1555 г. в торговую компанию, обладавшую монопольным правом торговли с Россией. Она стала называться Российской компанией или Московской компанией.

Когда в 1555 г. Ченслор вернулся в Москву с двумя торговыми агентами, Иван IV пожаловал Компании право беспошлинной торговли по всей России, освобожденный от податей дом недалеко от Красной площади и

позволил приобретать дома в Вологде и в Холмогорах. Впрочем, Холмогоры не стали международным портом, поскольку дельта Двины была мелкой и морские суда не могли туда заходить. Товары должны были перегружать на местные суда с малой осадкой.

Иван Грозный предоставил Компании в 1569 г. право беспошлинной торговли в Нарве и Дерпте, завоеванных Россией во время Ливонской войны. Торговые корабли направились в Нарву, поскольку путь вокруг Скандинавии и Кольского полуострова был долгим и опасным, с более коротким сроком навигации. Но после завершения Ливонской войны и утраты завоеванных территорий беломорское направление торговли вновь вернуло себе особое значение, тем более существенное, что в нем теперь приняли активное участие и голландцы, а центром торговли стал город Архангельский. Сухопутный путь вел от него на Холмогоры, а затем далее через Вологду на Москву.

Для поддержки торговли российских купцов царь Алексей Михайлович издал в 1667 г. Новоторговый устав, в соответствии с которым торговля иностранцев была разрешена преимущественно в приграничных городах и Архангельске. Для проезда в Москву требовалась проезжая грамота. Там иностранные купцы имели право продавать товары русским лишь оптом и по оптовым ценам. Иностранцы имели право вести торговлю друг с другом только в Архангельске и только российскими товарами. Вследствие этих мер Архангельск приобрел особое значение как торговый порт. Поскольку после казни в 1649 г. английского короля Карла I британским купцам была запрещена торговля на территории России с 1 июня 1649 г., среди судов, прибывавших в Архангельск, преобладали голландские. Во второй половине XVII в. их было ежегодно от 13 до 62 из общего количества от 20 до 80.

Иностранцы покупали в Архангельске дома и строили их сами. Их дворы располагались вдоль речного берега вблизи от Немецкого гостиного двора. Иностранцы жили в просторных домах с большими огороженными дворами, где находились многочисленные хозяйственные постройки — кухни, бани, пивоварни, склады, погреба. Такие дома и дворы существенно отличались от домов русских людей с расположенными под одной крышей жилыми, рабочими и складскими помещениями, с небольшими дворами. Эту часть Архангельска стали называть, как в Москве и Вологде, Немецкой слободой. Там образовался местный приход голландской реформатской церкви. Была построена своя церковь. Во второй половине 1650-х гг. «объединенные общины» Архангельска, Холмогор, Вологды и Ярославля получили постоянного пастора. Летом он вел службу в Архангельске, где проходили в это время ярмарки, зимой — в Холмогорах, Вологде и Ярославле. Но с 1689 г. пастор находился постоянно в Архангельске.

После завершения Северной войны Петр I предпринял меры по перенесению центра зарубежной торговли и мореплавания из Архангельска в Петербург. Архангельская зарубежная торговля продолжалась, хотя и в меньшей

мере. Если англичане перевели большую часть торговых операций в новую российскую столицу, то голландцы продолжали использовать возможности Архангельска. Туда приплывали около 20 судов ежегодно. Меньше стало иностранных торговых фирм. В 1725 г. их количество снизилось до 36. 17 из них принадлежали голландцам [Овсяников О.В., Ясински М.Э. 1997; Велувен-камп Я.В. 2006. С. 15–38, 127–140, 217–220]. Но присутствие иностранцев в Архангельске и Холмогорах было постоянным.

Эпоха правления Петра Великого в полной мере выразилась в изменениях, произошедших в Подвинье, в частности, на Курострове, в Холмогорах и Архангельске. В 1693 и 1694 гг. Петр по Северной Двине плыл на корабле впереди сопровождавших его стругов в Архангельск. В Холмогорах его встречали бояре и «чиновные люди». На Севере хранилась память о том, как Петр общался с народом, как гостил в Вавчуге у зажиточного крестьянина Баженина, как плавал по Белому морю и т. д. Эти предания М.В. Ломоносов мог слышать с раннего детства. Они имели воспитующее значение, создавая чувство причастности и преемственности по отношению к Петровской эпохе [Любавский М. 1912. С. 7–8].

М.В. Ломоносова с раннего детства окружали реалии деятельности Петра. Под руководством Петра на Среднем Соломбальском острове была построена верфь, на которой Петр заложил современный корабль, спущенный на воду в 1694 г. Соломбальская верфь продолжала строить корабли и в последующее время — суда большого водоизмещения: флейты, а позднее фрегаты и линейные корабли, предназначенные для военных действий на Балтийском море [Кротов П.А. 1997. С. 63–98]. На Мосеевом острове для царя был поставлен деревянный дом, в котором он жил во время пребывания в Архангельске. В третью поездку в Архангельск в 1702 г. Петр останавливался в Холмогорах, где беседовал с архиепископом Холмогорским и Важским Афанасием [Беспярых Ю.Н. 1997. С. 31–33].

Во время Северной войны были существенно укреплены города на случай вражеского нападения, на острове Линский Прилук в 1701 г. основана крепость, недалеко от которой в том же году была одержана победа над шведской экспедицией, которая попыталась напасть на Архангельск [Беспярых Ю.Н. 1990].

Петровские офицеры и солдаты гарнизонов были выбраны и носили современную армейскую форму. Царские чиновники также были без бород, одеты в сюртуки и камзолы, как и западные купцы. Архангельск стал центром Архангельской губернии. На острове Бревенник, находившемся по течению Двины ниже Соломбальской верфи, в 1704 г. был размещен холмогорский гарнизон, названный позднее Архангельским. Стрелецкая слобода Архангельска стала называться Солдатской. Была построена и вторая Солдатская слобода. Застройка велась там для прибывавших полков по образцовым проектам [Попова Л.Д. 1994. С. 48–49, 55–56], что было свойственно «регулярному» государству Петра Великого.

На жителей Нижнего Подвинья распространялись нормы всех петровских законов и указов. Но существовали петровские указы, которые относились преимущественно к ним в конкретном своем содержании. Тридцатым сентября 1715 г. датирован указ Петра: «Описать, которые живут от пятнадцати верст и ближе 1. Около Белого или Мурманского моря по берегам. 2. Которые кругом озер Ладоского и Анежского. 3. Которые по Двине до Колмагор» [Архив СПбИИ РАН, ф. 270, ед. хр. 79. Л. 180]. Таким образом, описанию подлежали родные места М.В. Ломоносова.

Другой указ Петра того же года, от 28 декабря, относился к жизни и трудам В.Д. Ломоносова, а позднее и его сына, непосредственно. Царь запретил «всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов» на лодьях и на кочах, пользоваться этими видами старинных судов и приказал вместо них строить «морские суды галиоты, гукары, каты, флейты, кто из них какие хочет». На строительство новых судов царь давал два-три года. По окончании этого срока следовало все старые суда уничтожить. Если кто этого указа не исполнит, то само судно конфисковывалось и взимался двойной от стоимости судна денежный штраф [ПСЗ. Т. 5. № 3323; список указа Петра I архангелогородскому вице-губернатору Лодыженскому: Архив СПбИИ РАН, ф. 270, ед. хр. 79. Л. 465]. Так что В.Д. Ломоносов и его сын ходили в море на современном гукоре, как вспоминал Василий Варфоломеев, «немалой величены гукор с корабельною оснасткою» [Лепехин И. 1805. Ч. 4. С. 298; об авторе воспоминаний В. Варфоломееве см.: Андреев А.И. 1951б. С. 364–365]. Как разъяснял слово *гукор* В.Н. Татищев, «судно морское <...> с одною маштою и с двумя бывает» [Татищев В.Н. 1979. С. 250]. Так что петровская модернизация распространилась на хозяйство Ломоносовых в полной мере.

Вероятно, юный М.В. Ломоносов мог увидеть ученого из Петербургской Академии наук Л. Делиля де ля Кройера или слышать о его экспедиции. Делиль был направлен в экспедицию в Архангельскую губернию для подготовки ее карты. В частности, он установил координаты Архангельска и Холмогор. Был Делиль де ля Кройер и на Мурманском побережье, где определил координаты Колы. Находился он также в Кандалакше, Устюге, Новатотье, Вологде, Каргополе и других городах Архангельской губернии [Материалы. 1885. Т. 1. С. 667–690].

Эпоха преобразований Петра Великого, победоносная Северная война, практика ежедневного земледельческого и рыболовецкого труда, отношений в соседской земледельческой общине и в промысловом артельном труде, традиции отечественной истории и культуры, а также культуры западноевропейской с иными деловыми отношениями, возможностями интеллектуального труда и вещной средой на Курострове, в Холмогорах и Архангельске создали контекст раннего этапа жизненного пути М.В. Ломоносова. Этот сложный в своем содержании контекст постоянно предлагал отроку и юноше

Ломоносову выбор. С другой стороны, его характер формировался в семье, особенностями биографии.

Вероятно, характером М.В. Ломоносов во многом походил на отца и других своих близких родственников. Василий Дорофеевич Ломоносов владел пахотной землей и рыбными промыслами. Дед, Дорофей Леонтьевич Ломоносов, являлся крестьянином деревни Мишанинской. Два его сына, Фома и Афанасий, остались крестьянствовать в деревне, тогда как Иван стал таможенным подьячим богатого Антониево-Сийского монастыря, обладавшего значительными владениями, а позднее — работником монастырского подворья села Сийского. Старший брат деда, Лука Леонтьевич Ломоносов, также был человеком активным в хозяйствовании и общественной жизни. Он являлся мореходом и промышленником. С 1705 г. стал двинским земским старостой. В его доме в Мишанинской жил Василий Дорофеевич, когда родился сын Михаил. Внуки Луки Леонтьевича пошли в деда. Никита Федорович Ломоносов Большой состоял подьячим архангельской таможни. У него в доме останавливались в Архангельске В.Д. Ломоносов с сыном. Другой Никита Федорович Ломоносов Меньшой в 1722 г. стал подьячим в Петербурге, тогда как другие дети Федора Лукича продолжали жить в Мишанинской.

То, что В.Д. Ломоносов предпочел опасное мореходство и морские промыслы (в 1741 г. он погиб на море) спокойному крестьянскому труду, свидетельствует о его активности и решительности. На то же указывают и многочисленные подрядные морские перевозки В.Д. Ломоносовым — «из найму возил разные запасы, казенные и частных людей, от города Архангельского в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу, Кильдин, по берегам Лапландии, семьяди и на реку Мезень». Эта склонность к новой жизни выразилась также в том, что В.Д. Ломоносов в соответствии с указом Петра Великого построил и по-европейски оснастил собственный галиот или гукур (в «Академической биографии» написано, что В.Д. Ломоносов сделал это «первой из жителей сего края», но, видимо, это — преувеличение, поскольку строительство галиота датируется от ок. 1720 г. до 1727 г. [Белов М.И. 1951. С. 236–237; Летопись. 1961. С. 18; Шумилов Н.А. 2001. С. 138]). Данное им название «Чайка» может свидетельствовать о том, что его владелец в полной мере оценил скорость и легкость хода нового судна в сравнении с прежними лодьями и кочами. Отец неоднократно брал юного Михаила с десятилетнего возраста в плавания по Белому и Северному (Баренцеву) морям. Во время этих плаваний отрок хорошо ознакомился не только с многообразными явлениями природы, но также с жизнью народов Севера и разными видами промышленной деятельности, включая солеварение у поморов.

Читать и писать М.В. Ломоносов обучился у деревенского соседа крестьянина Ивана Афанасьевича Шубного, отца замечательного скульптора Федота Шубина, и у куростровского дьячка Семена Никитича Сабельникова. Выдающиеся способности Михаила проявились сразу. Как написа-

но в «Академической биографии», «чрез два года учинился, ко удивлению всех, лутчим чтецом в приходской своей церкви». Он с «охотой» читал богослужебные книги на клиросе и за амвоном, произносил «читаемое к месту расстановочно, внятно, а при том и с особою приятностию и ломкостию голоса». За все это «не редко биван был <...> от сверстников по учению» [Веревкин М.И. 1946. С. 56, примеч. Б]. Как следует из этих сведений, собранных М.И. Веревкиным по воспоминаниям современников, «ревность» к его таланту, а вследствие этого и недоброжелательство стали сопровождать Ломоносова с отрочества.

Поначалу М.В. Ломоносов читал книги лишь духовного содержания. Но у одного из богатых людей Курострова Х.П. Дудина, сына холмогорского священника, он увидел изданные в Москве «Арифметику» Леонтия Магницкого (1703 г.) и «Грамматику» Мелетия Смотрицкого (1721 г.). Это были книги, содержащие основы научных знаний.

«Грамматика» М. Смотрицкого в издании 1721 г. была существенно отредактирована Федором Поликарповым с учетом состояния современного русского языка. Она содержала, кроме этимологии и синтаксиса, сведения о риторике и пиитике. Изложение правил, примеров и упражнений в «Арифметике» Л.Ф. Магницкого предварено заставкой, на которой изображен условный античный храм наук. На каждой из его колонн с капителями коринфского ордера начертано — Геометрия, Стереометрия, Астрономия, Оптика, Меркатория (картография), География, Фортификация, Архитектура. В центре этого храма восседает царица с ключом. Над ней надпись — Арифметика. Ключ, который держит царица — символ начала, открывающего вход в эти науки. На самом этом храме начертано — «Тщанием», «Учением». Такая заставка должна была вдохновить читателей книги на усердный труд, который позволял им войти в храм наук.

Книга Л.Ф. Магницкого имела не только образовательное, но также просветительское назначение. Обращаясь к читателям в стихотворном предисловии, автор вдохновлял их на самостоятельное обучение кратко и ясно изложенному содержанию его книги. Он знал о явно недостаточном количестве школ в России, а потому писал: «И мню яз, яко то имать быть / Что сам себе всяк может учить», «И желаем, да будет сей труд / Добре пользоваться русский весь люд». Видимо, вдохновляющее значение для русских людей имело, по мнению Магницкого, и его указание на русское происхождение автора: «Зане разум весь собрал и чин / Природно русский, а не немчин» [Магницкий Л. 1703. Л. 6 об., 7; листы в книге обозначены в соответствии с древнерусской буквенной системой; указание листов во введении и последующей книге раздельное].

Сообщая читателям о летосчислении, Л.Ф. Магницкий указывал на его особое значение для истории, тогда как история становилась для него поводом для утверждения идей Петра I об особой необходимости для России

наук: «Без познания бо чина времен и разности языков, и мест обитания их ни ка[ка]я бы история и прешедших времен описание ясность имело. Что убо быхом были; воистину едва не сравнившееся безсловесными пребывали быхом, погубившее царственное человеческого естества удобрение, еже есть науки» [*Магницкий Л.* 1703. Л. 15 об.; введение].

В стихотворном предисловии Л.Ф. Магницкий обращал внимание не только на заслуги Архимеда и Пифагора в математике, но также на то, что это наследие необходимо и в древности, и в новейшее время: «Сия же польза ко гражданству / Требна каждому государству / В древних бо летах цари грецки / И нынешнии вси немецки. / Единако се принимают / И царство свое управляют. / Такжеде и людей учат выну, / В жителстве иметь все почину». В оглавлении книги юный Ломоносов увидел и сюжеты, хорошо ему знакомые, но не в теории, а на практике: «О именовании климат северных», «О изобретении времени наводнения морского неких поморских мест», «О описании ветров и разделении их во оризонте, и именах, и в различных ромбах <...>» и т. д. [*Магницкий Л.* 1703. Л. 2 об. – 3; 10 об.; введение]. При этом Магницкий не только сообщал и объяснял основы математики, но и советовал учить наизусть, как таблицу умножения [*Магницкий Л.* 1703. Л. 11].

Книги Л.Ф. Магницкого и М. Смотрицкого поразили юного Ломоносова. Последующие события изложены в «Академической биографии»: «Неотступные и усиленные просьбы, чтоб старик Дудин ссудил его ими на несколько дней, оставались всегда тщетными. Отрок, пылающий ревностию к учению, долгое время, умышленно угождая трем стариковым сыновьям (Х.П. Дудин умер 12 июня 1724 г. — *М. С.*), довел их до того, что они выдали ему сии книги. От сего самого времени не расставался он с ними никогда, носил везде с собою и, непрестанно читая, вытвердил наизусть. Сам он потом называл их вратами своей учености» [*Веревкин М.И.* 1946. С. 56, примеч. В; у Дудина был один сын и две дочери, см.: *Белов М.И.* 1951. С. 240, примеч. 5]. Ломоносову содействовали в освоении новых знаний не только «ревность к учению», но также блестящая память. Как вспоминал много позднее о своем знаменитом земляке Василий Варфоломеев, «при том имел у себя природную глубокую память» [*Лепехин И.* 1805. Ч. 4. С. 299]. Постоянным чтением «Арифметики» и «Грамматики», их выучиванием наизусть Ломоносов свою «природную глубокую память», без сомнения, значительно развил. Но он с юности усвоил идеи Петровской эпохи о знаниях, необходимых не только в обыденной жизни, но также для общества и государства в целом, о месте России в царстве знаний как в истории от «царей греческих», так и в современном мире, «и нынешнии вси немецки».

Жизнь М.В. Ломоносова в юности сложилась так, что она максимально способствовала развитию его памяти. В 1721 г. Федор Поликарпов перевел написанный первым протектором Славяно-греко-латинской академии Стефаном Яворским труд «Рука риторическая <...>», в котором содержатся сле-

дующее определение памяти и указания по ее развитию: «Память есть двояка: естественная и художественная. Естественная бывает от Бога и от доброго состояния главы. Художественная бывает наипаче сими образы: частым обучением, отвержением всех иных помыслов и препятий, по части что-либо учить, купно, а не все, на поле листов признаки некия, или число, или алфавит писати, умеренный сон, немногое пищи и пития употребление, хранить от стужи и от жара главу, тишина в чтении» [*Воскресенский Г.* 1891. С. 88].

«Доброе состояние главы» и от Бога данный талант М.В. Ломоносова с годами становились все более очевидными. Постоянное чтение книг Л.Ф. Магницкого и М. Смотрицкого все более отвлекало его от иных, прежде всего рутинных хозяйственных занятий, что вызывало гнев и происки мачехи, но способствовало уединению юноши, «тишине в чтении» и лучшему запоминанию прочитанного. Блестящая, развитая постоянным заинтересованным чтением и запоминанием память позволит ему в дальнейшем добиться многого во всех видах интеллектуального творчества, которыми он занимался.

То, что М.В. Ломоносов выучил содержание книг Л.Ф. Магницкого и М. Смирницкого, очень помогло ему в учебе в Москве. Но идеи Магницкого сопровождали его, видимо, и тогда, когда он стал ученым. В стихах Ломоносова «Держайте ныне ободрены / Раченьем вашим показать, / Что может собственных Платонов / И быстрых разумов Невтонов / Российская земля раждать» [Ода на день восшествия на всероссийский престол <...> Елизаветы Петровны, 1747] прослеживаются реминисценции слов Магницкого: «Зане разум весь собрал и чин / Природно русский, а не немчин». На эти идейные связи исследователи, кажется, внимания не обратили.

Как написал Н.И. Новиков, М.В. Ломоносову уже в юности была известна «Псалтирь рифмованная» Симеона Полоцкого. Так что, думал Новиков, чтение ее стало причиной увлечения Ломоносова стихотворством, для овладения которым он отправился в Москву [Летопись. 1961. С. 18; ср.: *Морозов А.А.* 1962. С. 86–87]. Г.Н. Моисеева обоснованно отметила хорошее знание Ломоносовым богослужебных книг и книг духовного и светского содержания, что соответствовало известиям о его участии в богослужении в качестве чтеца, а также о книжности крестьян Русского Севера. Но ее мысль о том, что юный Ломоносов «просматривал» книги библиотеки Соловецкого монастыря и учился в холмогорской «Словесной школе», которая готовила церковнослужителей на средства монастырей и церквей, остается недоказанной [*Моисеева Г.Н.* 1971. С. 54–68].

Это накопление знаний и жизненного опыта, которые так пригодятся М.В. Ломоносову в будущем, сопровождалось тяжелыми жизненными испытаниями. Около 1720 г. умерла его мать. В 1720 г. отец выделился из семьи Луки Леонтьевича Ломоносова и поселился неподалеку в собственном доме, получив 34 сажени пашни, земельный надел состоятельного или среднего достатка крестьянина [*Белов М.И.* 1951. С. 241]. Вероятно, этот выдел был

связан с намерением В.Д. Ломоносова жениться вторично, что и произошло в 1721 г. Но мачеха Михаила Ломоносова, Федора Михайловна, умерла 14 июня 1724 г., и отец женился в третий раз 11 октября того же года на «крестьянской вдове» Ирине Семеновне.

Хорошие отношения между новой мачехой и пасынком явно не сложились. «Крестьянская вдова» считала, что юноша должен был постоянно заниматься делами по хозяйству, как искони повелось, тогда как тот стремился к познаниям в математике, грамматике и стихотворстве. Это неразрешимое противоречие интересов совместилось с тяжелым характером «крестьянской вдовы» и стойкостью юноши, готового к лишениям ради знаний. О такой коллизии написал М.В. Ломоносов почти 30 лет спустя в письме от 31 мая 1753 г. графу И.И. Шувалову: «<...> имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 481–482]. Когда Ломоносов писал вельможе и своему покровителю о «крайнем невежестве» отца, он следовал эстетике классицизма, которая соответствовала взглядам его мецената. Впрочем, как вспоминал о В.Д. Ломоносове Василий Варфоломеев, тот был «грамоте не учен» [*Лепехин И.* 1805. Ч. 4. С. 299].

Рано интеллектуально и духовно развившийся М.В. Ломоносов попытался в религии найти разрешение противоречия между постигшими его жизненными бедами и стремлением к знаниям. Протестное содержание этого обращения к вере выразилось в том, что он стал искать религиозное утешение не в официальной Церкви, а у гонимых государством старообрядцев. В «Академической биографии» в данной связи было написано: «На тринадцатом году младый его разум уловлен был раскольниками так называемого толка беспоповщины; держался он его два года, но скоро познал, что заблуждает» [*Веревкин М.И.* 1946. С. 56, примеч. Г]. С этими сведениями был согласен митрополит Евгений, который дополнил их данными о том, что это были местные старообрядцы. Обращение к ним Ломоносова митрополит объяснил стремлением к знаниям, к книжности: «Охота к книгам, и наипаче оказывавшаяся в нем тогда еще охота толковать написанное, познакомила его со многими в своем уезде книжниками, и к несчастью, прежде всего с раскольниками беспоповщинской секты. Не понимая еще лжеучения их, но обольстясь только задорливостью их в спорах, он пристал к их мнениям и держался толка их целые два года. Однакож, в пятнадцать лет возраста, ум его уже имел столько рассудливости, чтобы заметить вздорные основания сей секты; и он, с презрением оставя ее, обратился опять к православию» [*Евгений митрополит* (Болховитинов). 1845. С. 13; мнение о связях юного

Ломоносова со старообрядцами поддержано в научных исследованиях: *Бабкин Д.С.* 1946. С. 27–30; *Морозов А.А.* 1962. С. 77–79].

Видимо, митрополит Евгений обоснованно объяснил временное сближение М.В. Ломоносова со старообрядцами увлечением книгами и истолкованием прочитанного. У старообрядцев была распространена грамотность. Они берегли древние книги, в которых хранилась традиция единой православной культуры, существовавшей до раскола. У старообрядцев Ломоносов мог прочитать написанные прекрасным русским языком сочинения мученика за «старую веру» протопопа Аввакума, в том числе и так называемую Похвалу «русскому природному языку»: «<...> аще что речено просто, и вы, Господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет. <...> Вот, что много разсуждать: не латиньским языком, ни греческим, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры Господь, но любви с прочими добродетельми хошет, того ради я и не бегу о красноречии и не унижаю своего языка рускаго» [Пустозерский сборник. 1975. С. 112].

А.М. Панченко отметил в «просторечии» Аввакума важнейший стилистический принцип, симбиоз церковнославянизмов и русизмов, «очевидное для него и для всех, бросающееся в глаза нарушение традиции», «сознательную творческую установку». В Похвале «русскому природному языку» он обратил внимание не только на ее патриотизм и следование апостольской традиции хвалы Господу на любом языке (глоссолалия), но также на свойственные ей ценности ренессансные, гуманистические, в соответствии с которыми «природный язык» становится достоинством демократической литературы в разных странах Европы XVI–XVII вв., а национальные языки могут использоваться как языки культуры и науки [Панченко А.М. 2005б. С. 127–129].

Чтение произведений протопопа Аввакума воспитывало новое отношение к русскому литературному языку. Оно создавало условия для его развития, сближения с языком народным в его лучших выражениях. В числе замечательных образцов русской книжности, хранившихся в старообрядческой среде, находились также общерусские и местные летописи. Так что временное сближение М.В. Ломоносова со старообрядцами могло способствовать и формированию у него нового отношения к родному языку. Стремление к отмеченному митрополитом Евгением толкованию написанного, вероятно, содействовало критическому отношению к текстам, воспитывало в нем творческое отношение к языку, что позднее выразилось в деятельности Ломоносова как одного из реформаторов русского литературного языка, прозаика, поэта и историка.

Как отметил митрополит Евгений, М.В. Ломоносов «обратился опять к православию». Всю жизнь он оставался православным человеком. Но временное сближение со староверами, вероятно, заронило в нем зерно критического отношения к официальной Церкви. Исследователи нашли в сохранившихся

исповедальных книгах Куростровского прихода за 1728 г., т. е. уже после возвращения М.В. Ломоносова в ее лоно, запись, в соответствии с которой В.Д. Ломоносов и его жена Ирина пришли к исповеди и причастию, но «сын их Михайло» этого не сделал «по нерадению» [Морозов А.А. 1962. С. 77–78]. Г.Н. Моисеева характеризовала отсутствие 16-летнего Михаила на исповеди как «проявление своеобразного религиозного бунта» [Моисеева Г.Н. 1971. С. 58]. Видимо, такое определение не следует из нарушения совершения христианских таинств. Можно предположить, что для Ломоносова в это время «нерадение» стало свойственно не только по отношению к рутинному домашнему и крестьянскому труду, что вызывало гнев и козни мачехи, но также к обязанностям христианина Православной Церкви.

Главным для М.В. Ломоносова стало стремление к знаниям. Оно, вероятно, укрепилось еще более, когда в 1730 г. в Холмогоры прибыл новый учитель — Иван Каргопольский. Судя по фамилии, он был северянином, но ранее он учился в Москве в Славяно-греко-латинской академии, а в 1717 г. был отправлен «для лучшего обучения» в Париж. В Холмогорах жили и другие воспитанники академии — иеромонах Порфирий Кульчицкий и иеродиакон Хронкевич. Так что от них Ломоносов мог узнать не только о Славяно-греко-латинской академии в Москве, но также о дальних странах, где может быть «лучшее обучение». К тому же он еще от своего учителя грамоте, сельского дьячка, узнал, как написано в «Академической биографии», что «для приобретения большого знания и учености требуется знать язык латинской, а сему не инде можно научиться, как в Москве, Киеве или Петербурге» [Веревкин М.И. 1946. С. 56; Морозов А.А. 1962. С. 95–96].

В.Д. Ломоносов, вероятно, знал о настроениях сына. Он захотел «остепенить» Михаила — «сговорил было» «у неподлаго человека взять за него дочерь» в далеком поморском городе Коле. Но сын решительно воспротивился намерению отца [Лепехин И. 1805. Ч. 4. С. 299]. В отличие от дворянских недорослей, которых Петр I заставлял учиться, запрещая жениться, М.В. Ломоносов в девятнадцать лет страстно желал учиться.

Завершался 1730 г. Но идеология петровских преобразований сохранила свою привлекательность для людей талантливых и активных. В России был создан новый мир знаний, противостоящих старине и традиционному образу жизни. М.В. Ломоносов постоянно видел преимущества этого мира в гукоре своего отца, в содержащих новые знания светских книгах, в русских образованных людях в Холмогорах и Архангельске, в новых российских кораблях и в многочисленных иноземных судах, которые привозили многообразные высококачественные товары, в возможностях изменений, противостоящих рутинному быту. Ломоносов смолodu стал одним из следствий петровских преобразований. Поэтому он поступил в соответствии с системой поведения петровской эпохи — в стремлении к новой жизни, к знаниям он решительно порвал с семейной традицией и со своей средой.

7 декабря 1730 г. М.В. Ломоносов получил паспорт для проезда в Москву. Сделать это было, видимо, непросто: по словам В. Варфоломеева, «не явным образом, посредством управляющего тогда в Холмогорах земские дела Ивана Васильевича Милюкова». Поручился за него «в платеже подушных денег Иван Банев». Вернуться Ломоносов должен был в сентябре 1731 г.

Юный Михаил выпросил у Фомы Шубного одежду понаряднее, «китайское полукафтанье», и занял у него три рубля. По дороге в Москву он задержался у своего дяди И.Д. Ломоносова, работника подворья Антониево-Сийского монастыря. Но затем заложил полукафтанье мужику из села Емца, чтобы денег было побольше, и отправился после 9 декабря с рыбным обозом в Москву [Летопись. 1961. С. 22]. Как особо было отмечено в «Академической биографии», «не позабыл взять с собою любезных своих книг, составлявших тогда всю его библиотеку, грамматику и арифметику» [Веревкин М.И. 1946. С. 57, примеч. Д].

Михаил Ломоносов уехал в Москву, где его ждала новая жизнь. Но его отъезд создал новую проблему. Поскольку Ломоносов принадлежал к крестьянскому сословию, он должен был платить подушную подать. С окончанием срока паспорта в сентябре 1731 г. он считался «беглым», а подушную подать за него должны были платить в Куростровской волости. Земляки долго помнили об этих событиях, так что, по словам некоего Гурьева, «человека разумного и престарелого», «приказом тогдашнего ревизора Лермантова показан он в бегах» [Лепехин И. 1805. Ч. 4. С. 302].

Податная машина Российской империи работала по мере возможности действительно. Поэтому в ревизской сказке 1744 г. было записано, что Михаил Ломоносов «бежал в 732 г.», т. е. он считался беглым с этого года (Н.А. Шумилов подумал, что эта запись ревизской сказки ошибочна, поскольку Ломоносов «ушел с паспортом, а не бежал» [Лепехин И. 1805. Ч. 4. С. 301; Шумилов Н.А. 2001. С. 7]). Подушную подать за сына платил В.Д. Ломоносов, но после его гибели в 1741 г. — община, что она и делала до 1747 г., по словам Гурьева, «до второй же 747 года половины из мирской общей той Куростровской волости от крестьян суммы» [Лепехин И. 1805. Ч. 4. С. 302].

Таким образом, М.В. Ломоносов являлся не только сыном своего народа, который питал его своими духовными и интеллектуальными силами. Отец и народ платили за него государственную подушную подать, чтобы он смог стать ученым.

3. Страсть к учению. Москва: 1731–1735 гг.

Москва для холмогорцев являлась традиционным завершением торгового пути, где они всегда могли продать свои товары в этом самом большом городе России. Когда М.В. Ломоносов направился в Москву в конце 1730 г. и прибыл туда после 1 января 1731 г., там еще находился царский двор и были

расквартированы гвардейские полки. К этому времени разрешилась сложная династическая ситуация начала 1730 г. При активной поддержке дворянства, опасавшегося олигархического правления княжеских родов Голицыных и Долгоруких-Долгоруковых, установления порядков, подобных тем, которые существовали в современной им Польше, Анна Ивановна восстановила в России самодержавную власть. Она ликвидировала Верховный тайный совет и возобновила деятельность Сената. 28 апреля 1730 г. она венчалась на царство в кремлевском Успенском соборе.

С помощью Бирона Анна отдалила от двора верховников, отправила в ссылку князей Долгоруких, ближайшее окружение Петра II, распространила опалу на тех немногих, кто пытался проявить самостоятельность мышления или недовольство устанавливающимися новыми порядками, в том числе и на фельдмаршала В.В. Долгорукова. Давний соратник Петра Великого П.И. Ягужинский был отправлен послом в Берлин в 1731 г. Для усиления позиций императрицы в том же году граф Миних был возведен в фельдмаршала, для подавления возможного сопротивления воссоздана Тайная розыскных дел канцелярия во главе с А.И. Ушаковым, преданным императрице и без больших амбиций.

В свое правление Российской империей Анне Ивановне был необходим особый контроль над обществом, поскольку она не являлась дочерью Петра Великого, который отождествлялся для россиян с победами и славой России. 20 апреля 1730 г. английский резидент в Петербурге Рондо сообщал: «Дворянство выказывает недовольство, что ее величество окружает себя множеством иностранцев. Г. Бирон, курляндец, приехавший с нею, сделан обер-камергером, и множество других лиц из этой страны в большой милости. Старые русские, ожидавшие себе предпочтения от царицы, тем очень рассержены» [*Пекарский П.* 1862а. С. 49–50].

Когда М.В. Ломоносов приехал в Москву, происходило становление аппарата управления императрицы Анны Ивановны. В соответствии с исторической и общественно-политической традицией его обычно характеризовали так, как еще недавно написал Н.И. Павленко — «засилие немцев», «немецкая камарилья» [*Павленко Н.И.* 2002. С. 94–127]. Это время правления приобрело особое название — «бионовщина».

В новейшей научной литературе показана ошибочность таких характеристик. В них отразились давние традиции пропаганды начала правления Елизаветы Петровны, конкуренции знати и дворянства на императорской службе, противостояния «западничества» и «славянофильства» в отечественной общественно-политической и исторической мысли XIX в., особенности создания Анной Ивановной аппарата управления и, наконец, логическая ошибка, в соответствии с которой «немцами» в равной мере считались разные по происхождению иностранцы на службе российских императоров, а также титулованное и нетитулованное дворянство Эстляндии и Лифляндии.

дии — подданные Российской империи. Подобно русским и представителям других народов многонациональной страны, являясь россиянами, они находились на императорской гражданской и военной службе, способствовали росту могущества и славы России, погибали на полях сражений. Как показал конкретный анализ состава административного и военного управления, его большинство составляли русские люди и иностранцы петровского набора, находившиеся на высшем уровне государственного аппарата, выслужившие за многие годы эти должности и звания [см.: *Анисимов Е.* 2002. С. 288–315; *Курукин И.* 2006. С. 5–22, 181–283].

Впрочем, на формирование Анной Ивановной состава высшего управления двора, государственного аппарата и армии опосредованно воздействовала также попытка верховников ограничить ее самодержавную власть. Анна настоятельно стала относиться к старой русской аристократии. Видимо, она опасалась, чтобы ее решения как императрицы не тонули в трясине традиционных связей аристократии и столичного дворянства, объединенных клановым родством и клиентельной зависимостью, что угрожало ее власти и ей самой.

Поэтому на некоторые высшие должности Анна назначила лично преданных ей курляндцев. На такую особенность этих назначений обратил внимание А.Б. Каменский [*Каменский А.Б.* 2001. С. 218–219]. Фаворит Э.И. Бирон имел только придворный чин обер-камергера, но он осуществлял в России реальную власть. К.Г. Левенвольде являлся обер-шталмейстером и командовал новым гвардейским Измайловским полком. К.Г. Кейзерлинг и И.А. Корф были последовательно, в 1733 и 1734–1740 гг., назначены президентами Петербургской Академии наук. «Немцы» петровского «набора» фельдмаршалы Б.Х. Миних и П.П. Ласси осуществляли верховное командование армией. Коллегию иностранных дел по традиции возглавлял граф А.И. Остерман. Впрочем, брат фельдмаршала Миниха Х.В. Миних дослужился до первого члена этой Коллегии. «Немцы» российского и иностранного происхождения были назначены на разные должности в гвардию и в административное управление, но основной корпус управления в имперской администрации и армии состоял преимущественно из членов русских аристократических и дворянских фамилий [см.: *Курукин И.* 2006. С. 181–193].

Главным средством для расширения круга преданных Анне Ивановне и Бирону людей являлась не национальная принадлежность высших должностных лиц, а их перемещения по службе, милости императрицы и поддержка ее фаворита.

Впрочем, в общественном мнении высших слоев российского общества эти «немцы», не входившие в кланы старинных русских родов, становились «чужими», продолжавшими архетипическое противопоставление «свой–чужой». Это противопоставление, в основе которого находились национальные, религиозные и культурные различия, для обыденного сознания оказывалось более существенным, чем хорошо или плохо исполняемая служба.

Таким образом, политические претензии верховников имели к концу правления Анны Ивановны неожиданное следствие — появление в высших сословиях и образованном российском обществе новой проблемы, которая не могла возникнуть в петровское царствование и во второй половине 20-х гг. — противопоставление русских и «немцев», находившихся на императорской службе.

В начале правления созданное Анной ближнее «немецкое» окружение, занимавшее высшие государственные и придворные должности, помогло ей накинуть на российскую династическую традицию «иоаннову вуаль». Петр Великий называл свою племянницу Анной Ивановной, поскольку ее отцом был его единокровный брат Иван. Но теперь ее отчество стало официально именоваться Иоанновна. Этот церковнославянизм должен был идеологически утвердить первенство небесного покровителя Иоанна Предтечи по отношению к небесному покровителю апостолу Петру. Такое их соотношение ежедневно подтверждалось порядком следования в иконостасе икон деисусного чина. В династической коллизии этот церковнославянизм обращал внимание на первенство старшей царской ветви «Иоанновичей» по отношению к младшей ветви «Петровичей».

Анна не могла вытеснить память о Петре Великом как преобразователе, с именем которого связаны многочисленные победы и слава России. Но она могла попытаться приглушить эту память обновленным составом высшего звена государственного и дворцового управления, новыми реформами и победами, перевести династическое наследование от «Петровичей» к «Иоанновичам» и тем самым исключить опасную для их власти Елизавету Петровну из числа претендентов на императорский трон. То же символическое содержание имело имя, данное новорожденному сыну Анны Леопольдовны, племянницы Анны Ивановны — Иоанн (Иван) Антонович.

Стремление Анны Ивановны и «иоанновской» династической ветви принизить значение для России Петра Великого было очевидно современникам, а потому маркиз де ля Шетарди написал 12 декабря 1741 г., уже после воцарения Елизаветы: «Живейшая нежность, выказываемая царицею к памяти Петра I, побуждает ее заботливо и с удовольствием собирать все портреты этого государя, которые *по предрассудкам или прежней ненависти были как бы погребены в прахе и забвении*» [Пекарский П. 1862б. С. 464; курсив наш].

На общественно-политическое и экономическое состояние России данные обстоятельства отрицательно не воздействовали. Страна развивалась в соответствии с объективными определяющими экономическими, социальными и политическими факторами. Впрочем, в правление Анны Ивановны сложился тот институт, который постепенно формировался в предшествовавшие пять лет правлений Екатерины I и Петра II — фаворитизм.

«Табель о рангах» Петра Великого создала объективные критерии повышения в должностях, что определялось службой государю и Государству.

Петр Великий своим волевым решением мог ускорить продвижение по службе к высшим званиям, чтобы талантливый человек мог скорее применить свои способности к благу России. Но это были исключения из общего правила следования чинов от младших к старшим. Петр мог позволить себе особое покровительство талантливым и отважным людям, несмотря на их явные недостатки, как в случае с А.Д. Меншиковым. Но это также были исключения, несвойственные петровской идеологии общественного блага, неразрывно соединенного со служением Государству.

В пятилетие после кончины Петра институт фаворитизма не образовался. В царствование Екатерины I А.Д. Меншиков фактически узурпировал власть. Князь Иван Долгорукий являлся наперстником Петра II, его собутыльником. Но он не участвовал в государственном управлении и не пытался этого делать. Его родственники Долгоруковы являлись членами Верховного тайного совета, не обладая возможностями внеправового властного начала.

Иная ситуация сложилась в царствование Анны Ивановны. Курляндец Эрнст Иоганн Бирон не занимал государственных и военных должностей. Но он являлся обер-камергером, главой придворного штата, а его покои во дворце, где он жил с женой и детьми, примыкали к покоям вдовствующей герцогини, а ныне императрицы, которая венчалась на царство в 37 лет. С Бироном Анна обсуждала дела государственные, прежде чем принять решение. Братья Бирона, Карл и Густав, стали служить в российской армии, быстро достигнув генеральских чинов. А младший сын Бирона Карл Эрнст — и, вероятно, сын Анны Ивановны — в четыре года являлся капитан-бомбардиром Преображенского полка, в девять — камергером, в двенадцать — кавалером ордена Андрея Первозванного [Курукин И. 2006. С. 59], высшей награды Российской империи, что было немыслимо при Петре Великом, который не только проходил все воинские должности от низших чинов, но в своих новорожденных сыновьях видел прежде всего солдата и матроса (см. ранее, с. 198).

Сложившаяся при Анне система фаворитизма подменяла в значительном числе случаев службу Государству системой прислуживания и покровительства сверху донизу. Хорошо, если фаворит оказывался человеком талантливым. Хуже, если он являлся человеком средних интеллектуальных достоинств, как Бирон. И совсем плохо, если он был человеком ограниченным. Во всех случаях фаворита защищала, временно или постоянно, абсолютная власть монарха, так что фаворит мог принести как пользу стране, так и значительный вред. В истории самодержавной России существовали фавориты во всем этом ценностном спектре. Но фаворитизм приносил вред всегда, поскольку он подменял возможности конструктивной конкуренции талантов на государственной службе отношениями покровительства–угодливости, умения осуществлять явные и тайные намерения покровителя.

Эта система фаворитизма, сложившаяся в 1730–1731 гг., имела значительные следствия в формировании определенных комплексов идей

в общественном сознании. Хотя русских людей из аристократических и дворянских фамилий во всех звеньях гражданского и военного аппарата было несопоставимо больше, чем иностранцев, включая прибалтийских «немцев», которые являлись россиянами, именно фаворит Бирон и «немцы» из ближнего окружения Анны Ивановны раздражающим образом воздействовали на патриотическое чувство русских людей.

Петровское время активных преобразований во всех областях общественной жизни и военных побед создавало условия для подавления архетипического деления на «своих» и «чужих», поскольку определяющей тогда являлась служба всех людей Государству для его преуспеяния. В пятилетие, последовавшее после смерти Петра, эта традиция сохранилась. В общественном сознании ее «подпитывала», вероятно, прямая преемственность власти супруги и внука Петра Великого. Воцарение Анны Ивановны нарушило эту преемственность.

Эти же события сыграли и противоположную роль. Они способствовали перерождению патриотического чувства петровского времени, в соответствии с которым русские люди могут всего добиться не хуже иностранцев, в комплекс «униженного». Он постоянно поддерживался в среде русской знати и дворянства ближним «немецким» окружением императрицы, тогда как Елизавета Петровна все более рассматривалась в этой среде как несправедливо обойденная в престолонаследии.

Все эти идейные комплексы в полной мере проявят себя десять лет спустя, в 1740–1741 гг. Но пока Анна Ивановна, ее ближнее и дальней окружение стали использовать петровские традиции для роста своей популярности. Для начала было принято решение о возвращении двора в Петербург. Как следует из «Реестра кабинетным делам», Кабинет постановил это указом императрицы от 9 ноября 1731 г., вскоре после своего учреждения как органа государственного управления [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1. Л. 1].

19-летний М.В. Ломоносов стал очевидцем важнейших событий, которые происходили в Москве и определили основное содержание исторического развития России в ближайшие десять лет. Тогда же решилась и его собственная судьба. Ему пришлось проявить значительную настойчивость и даже пойти на обман руководства Славяно-греко-латинской академии, находившейся в Заиконоспасском монастыре, чтобы стать ее учеником. У «караванного прикащика», с которым Ломоносов приехал в Москву, был знакомый монах этого монастыря. Через два дня «прикащик» представил ему Ломоносова, «рассказал об его обстоятельствах, о чрезмерной охоте к учению и просил усиленно постараться, чтоб приняли его в Заиконоспасское училище (одно из распространенных обыденных названий Славяно-греко-латинской академии. — М. С.). Монах взял то на себя и исполнил самым делом» [Веревкин М.И. 1946. С. 57].

Вероятно, эта запись в полной мере соответствует действительности. Подавая прошение о зачислении учеником в Академию, М.В. Ломоносов назвал себя сыном холмогорского дворянина. Поэтому ректор Академии и архимандрит монастыря Герман, который в 1731 г. станет архиепископом Архангелогородским и Холмогорским, «определил его в школы» [Показание М.В. Ломоносова о своем происхождении, данное при допросе в Московской синодальной правлении канцелярии; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 323]. Обман этот выяснится позднее, в 1734 г., но Ломоносов пошел на него вынужденно.

Дело в том, что указом Синода от 7 июня 1728 г., незадолго до приезда в Москву М.В. Ломоносова, Академии было предписано «помещиков людей и крестьянских детей, также непонятных и злонравных от помянутой школы отрешить и впредь таковых не принимать». Этот указ был издан прежде всего в соответствии с сословной правительственной политикой, направленной на сохранение числа крепостных и государственных податных крестьян, а потому руководством Академии соблюдался неуклонно, хотя вследствие него отмечался крайний недостаток учеников и «учение распространением пресекалось» [*Смирнов С.* 1855. С. 179–180; *Знаменский П.* 1881. С. 291–292]. Но для новых знаний волевой юноша был готов на обман академического руководства.

О страстном желании учиться свидетельствует то, что М.В. Ломоносов за один, 1731-й, год усвоил материалы и сдал экзамены за три нижних класса Академии, «фару», «инфиму», «грамматику», и был переведен в четвертый нижний класс — «синтаксиму». Это значит, что он выучил основы грамматики латинского языка и говорил на латыни. Во время школьных занятий он должен был говорить на этом языке, а желательно и в бытовом общении. Одновременно Ломоносов в соответствии с программой начал учить и древнегреческий язык. Было закончено обучение по «Грамматике» М. Смотрицкого. Велись занятия по географии, истории, арифметике и основам христианского вероучения по катехизису. В «синтаксисе» основательно учили синтаксису латинского языка и завершали преподавание истории, географии, арифметики и краткого катехизиса.

В средних классах, «пиитики» и «риторики», обучали «искусству сочинять стихи», латинские и «славянские» в соответствии с правилами количества слогов, метрики, цезуры и т. д., а также теории и практике красноречия. Поэтику Ломоносов учил под руководством Федора Кветницкого, автора учебника, в котором обстоятельно излагались проблемы стихосложения, риторику — у Порфирия Крайского, автора лекционного курса. Элоквиенции Крайский учил в соответствии со значительным опытом, накопленным еще в средневековых университетах. А потому образцами для учеников являлись античные авторы, труды которых изучались и в значительной мере зубрились наизусть. Из ораторов это были, преимущественно, Демосфен, Цицерон

и др., из историков — Геродот, Фукидид, Ливий, Саллюстий, Тацит, Юлий Цезарь, Светоний, Корнелий Непот, из поэтов — Гомер, Вергилий, Овидий, Гораций, из отцов Церкви и богословов — Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий, Климент Александрийский, Августин, Амвросий Медиоланский и др. К тому же, следовало «отмечать все украшения, фигуры, распространения, аффекты, подобию, примеры, сентенции, периоды, колоны, коммы и их сочетание».

В соответствии с принципами эпохи классицизма из этих и многих других античных авторов подбирались в виде цитат на латинском языке примеры для «эрудиций», «сентенций», «апофегмат», «символов» и «образцов». Современный мир осмыслялся в идеальных образах античного мира и Священного Писания, в равной мере Ветхого и Нового Завета. Поэтому рекомендовались сравнения современников с Тезеем, Язоном, Самсоном, Девкалионом, Геркулесом, Гиппоменом, Моисеем. Определенные идеализированные персонажи становились символами человеческих добродетелей или высших достижений героев: Тимофей — счастья, Александр Македонский — подчинения своей власти всего мира, Сципион, Геркулес, Гектор, Аякс и др. — храбрости, Веспасиан — милосердия, император Константин Великий — величия, Соломон, Диоген, Солон и др. — мудрости, Цицерон, Демосфен, Перикл и др. — красноречия, и т. д.

Все эти премудрости «пиитики» Ф. Кветницкого М.В. Ломоносов изучал в 1732–1733 гг., а «риторики» П. Крайского — в 1733–1734 гг. (занятия велись круглогодично с краткими перерывами летом). Они вытверживались посредством практических упражнений, «экзерциций» и «оккупаций». Учитель предлагал ученику прозаический отрывок из книги, а тот должен был изложить его содержание в стихах. При этом упражнения писались на латинском, польском и «славянском», т. е. русском с широким применением церковнославянизмов, языках. Велись также диспуты, риторические и пиитические, на темы природы, науки или искусства. Публично читались стихотворения и произносились речи.

Высшими классами в Академии являлись «философия» и «богословие». М.В. Ломоносов прошел курс обучения в Академии до «философии». Ее курс представлял собой обычное для средневековых университетов схоластическое изложение философской системы Аристотеля, так называемый «тривиум» — логика, физика и метафизика. Их мог дополнять курс «практической философии» — этика и политика. Основное содержание логики заключалось в изложении учения о понятиях, предложениях и умозаключениях. Смысл физики выражался в учении о природе вообще, о материи как начале вещей и ее видоизменениях в различных формах, главные из которых — пространство и время. В курсе метафизики излагалось учение о существе вообще, о существе возможном и действительном, об отношении конечного к бесконечному. Изложение системы Аристотеля было последовательно схоластическим.

В сложных вопросах, на которые теория Аристотеля не давала определенного ответа, преподаватели обращались к Священному Писанию и трудам отцов Церкви. Философия Нового времени, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г.В. Лейбница и Х. Вольфа начала постепенно влиять на преподавателей-схоластиков лишь в середине XVIII в. и «мало-помалу вытеснять пустые школьные утонченности» [Смирнов С. 1855. С. 158–170; Воскресенский Г. 1891. С. 14–63].

Славяно-греко-латинская академия дала М.В. Ломоносову прекрасное знание латинского языка, навыки в традиционном для первой трети XVIII в. стихосложении, дисциплину мышления в соответствии с правилами логики, начальные сведения о географии, истории и математике. Но она не могла дать современных научных знаний, лишь возбуждая интерес к ним у людей талантливых, стремящихся к новому, а не к повторению старого. Эпоха Петра Великого свидетельствовала о том, что победы, будущее страны и каждого человека в отдельности — в Новом времени, а не в прошлом.

В поисках новых знаний М.В. Ломоносов обратился в библиотеку Заиконоспасского монастыря, которой пользовались и ученики Академии. Как написал о нем по собранным материалам М.И. Веревкин, «а в свободные часы, вместо того, что другие семинаристы проводили их в резвости, рылся в монастырской библиотеке». Ее состав был традиционен для такого рода книжных собраний: «Там же, сверх летописей, сочинений церковных отцов и других богословских книг, попало в руки его малое число философских, физических и математических книг» [Веревкин М.И. 1946. С. 58].

Как установила Г.Н. Моисеева, М.В. Ломоносов изучил находившиеся в библиотеке Академии средневековые сборники исторического и дидактического содержания. В дидактических сборниках содержались также отрывки летописных статей. Прочел он, вероятно, хранившиеся в библиотеке Московский академический список Суздальской летописи, близкой по истории текста к Радзивилловской летописи, которую будет обстоятельно изучать в 50-е гг., а также «Хронику Польскую» Мацея Стрыйковского [Моисеева Г.Н. 1971. С. 72–73].

Чтение этих произведений начало воспитывать в М.В. Ломоносове мышление историка. К тому же в 1731 г. после смерти Гавриила Бужинского все его книги поступили в академическую библиотеку «для всеконечной ея скудости» [Смирнов С. 1855. С. 101]. Бужинский являлся сторонником петровских преобразований. По указанию Петра он перевел книги С. Пуфендорфа «Введение в историю европейскую <...>» (СПб., 1718), «О должностях человека и гражданина по закону естественному» (СПб., 1726), а также обобщающий труд В. Стратеммана по всеобщей истории «Феатрон, или позор (вид. — М. С.) исторический <...>» (СПб., 1724). С 1718 г. Бужинский служил обер-иеромонахом флота. В 1724 г. он стал членом Синода и протектором всех школ и типографий, в 1726 г. — епископом Рязанским и Муромским. Бужинский являлся автором многочисленных панегирических произведений о Петре

Великом. Поэтому можно предположить, что Ломоносов, обладая замечательной памятью и уже значительной подготовкой в гуманитарных дисциплинах, в полной мере освоил содержание произведений исторических, общественно-политических и философских, которые прочел еще в Академии. Там же он в полной мере осознал особое значение для России петровских преобразований, следствия которых сопровождали его всю жизнь.

Видимо, 23-летнего М.В. Ломоносова уже не удовлетворяло обучение в Славяно-греко-латинской академии. Чтобы отправиться в Оренбургскую экспедицию, которую собирались предпринять географ и обер-секретарь Сената И.К. Кирилов и переводчик Коллегии иностранных дел полковник А.И. Тевкелев, он принял решение стать священником этой экспедиции. Она имела научное и военно-политическое значение. В частности, экспедиция должна была изучить территории, где кочевали «Киргиз-Кайсацкая и Каракалпакская орды», построить на реке Ори город (Оренбург), пристань на Аральском море и т. д. [*Новлянская М.Г.* 1964. С. 96–127].

В составе этой экспедиции, кроме 3000 офицеров, артиллерийских, инженерных и морских чинов, «немалого числа купечества» должен был находиться «ученый священник из Спасской школы (Славяно-греко-латинская академия) или кто достойной сыщется» для проповеди христианства среди мусульманских и языческих народов. Проект экспедиции был утвержден 1 мая 1734 г. императрицей Анной Ивановной, и стал подбираться ее штат. Но среди отобранных 29 августа 1734 г. хорошо подготовленных священников московских церквей никто не пожелал добровольно отправиться в эту тяжелую и опасную поездку. Тогда Московская Синодального правления канцелярия 30 августа отправила «Московской Славено-греко-латинской академии ректору Спасского училищного монастыря архимандриту Стефану» указ найти ученика, добровольно желающего принять священство и ехать «в известную экспедицию», как она была иносказательно названа.

Уже 2 сентября «архимандрит и ректор» Стефан мог ответить, что «по тому Ея Императорскаго Величества указу из оной Академии школы риторики ученик Михайло Ломоносов <...> при сем доношении и представляется».

После встречи с М.В. Ломоносовым И.К. Кирилов остался доволен этим прекрасно подготовленным, физически крепким студентом «риторики» и согласился включить его в качестве священника в ее состав. Но далее для Ломоносова начались значительные неприятности. Для скорейшего поставления в священники он назвался в Ставленническом столе Академии сыном священника холмогорской церкви Введения пресвятыя Богородицы Василия Дорофеева. Но когда в Московскую Синодального правления канцелярию был написан запрос о верности этих сведений, Ломоносов повинился в том, что «де он не попович, но дворцовой крестьянской сын». При этом раскрылся и его обман при поступлении в Академию, когда он назвался «города Холмогор» дворянским сыном. Ломоносов в экспедицию не поехал.

Московская Синодального правления канцелярия долго не могла найти достойного или согласного ученика Академии или священника отправиться в Оренбургскую экспедицию. И.К. Кирилов был уже готов взять «на первый случай» священником того, кого ему даст «казанский архиерей». Лишь в октябре или ноябре 1734 г. из Москвы вдогонку за экспедицией отправился священник Антипа Мартемьянов [Белокуров С.А. 1911а. С. 67–75; Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 321–323; Летопись. 1961. С. 27–28].

Этот документально зафиксированный эпизод в биографии М.В. Ломоносова свидетельствует о том, что в 1734 г. он значительно выделялся из состава учеников Академии. Он одним из первых был представлен ректором И.К. Кирилову. Судя по его положительному отзыву, Ломоносов действительно был прекрасно подготовлен по научным знаниям к предстоящей опасной экспедиции, к обязанностям священника и проповедника в таких сложных обстоятельствах. Этот эпизод свидетельствует также о мужестве и решительности Ломоносова, если учесть отказ многих образованных священников отправиться далеко от Москвы «проповедь слова Божия иметь и, ежели кто пожелает принять святую православную кафоликороссийскую веру, наставление чинить», как сформулировал Кирилов основные задачи причисленного к экспедиции священника [Белокуров С.А. 1911а. С. 74].

Вероятно, стремление к новым знаниям способствовало намерению М.В. Ломоносова учиться в Киево-Могилянской академии. Она была хорошо известна в московской Славяно-греко-латинской академии, где работали ее многочисленные выпускники. Лекционные курсы в Москве повторяли или были отредактированы в соответствии с курсами киевскими [Смирнов С. 1855. С. 78–86 и след.; Воскресенский Г. 1891. С. 13–24 и след.]. Поэтому представляется достоверным следующее сообщение М.И. Веревкина: «Законоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам, прибегнул к архимандриту с усиленною просьбою, чтоб послал его на один год в Киев учиться философии, физике и математике; но и в Киеве против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии: не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь больше в чтении древних летописцев и других книг, писанных на словенском, греческом и латинском языках». Кроме этого сообщения и в Киеве сохранялись сведения о пребывании Ломоносова в Киево-Могилянской академии [Веревкин М.И. 1946. С. 58, 64, примеч. 4].

Обучение в разных университетах являлось еще средневековой по происхождению традицией. Она поддерживалась и киевскими студентами. Так что в путешествии М.В. Ломоносова в Киев осенью 1734 г. не было для того времени ничего необычного. Для накопления знаний по истории оно оказалось плодотворным, хотя и недолгим. Как установила Г.Н. Моисеева, Ломоносов прочел там Киево-Печерский патерик, сборник начала XVIII в., включавший «Летописец келейный» Дмитрия Ростовского и «Каталог митрополитов

киевских с летописанием вкратце», а также другие рукописи [Моисеева Г.Н. 1963а. С. 79–101; 1971. С. 74–77]. Возможно, он изучил там «Синописис» Иннокентия Гизеля.

Руководство Славяно-греко-латинской академии оставило без последствий скандал с обманами М.В. Ломоносова. Вероятно, уже был очевиден его талант, который не следовало подавлять репрессиями. К тому же, в обход запрета само академическое руководство предложило поставить Ломоносова в священники. Об этом рассказал земляк Ломоносова В. Варфоломеев со слов куростровца Федора Пятухина, соседа Ломоносовых. Пятухин «каждый год» приезжал в Москву «для торговых надобностей», посещал земляка «и временно по недостатку его снабждал деньгами, коих и задавал ему до семи рублей», а Ломоносов «о состоянии своем и где как находился, самолично рассказывал». Как следовало из этого рассказа, «требовались из ученых несколько человек в Карелу в священную чин, в том числе и он, Ломоносов, был назначен, однако он в духовной чин не похотел и отозвался» [Лепехин И. 1805. Ч. 4. С. 300].

Решение руководства Академии нарушить закон о запрете поставления крестьянских детей в священники можно понять, поскольку ему приходилось выполнять царские указы об отправлении своих лучших учеников для высшей профессиональной подготовки не только на Запад, но и на Восток, где при посланнике А.П. Волынском в Иране в 1716 г. они учили турецкий, арабский и иранский языки [Смирнов С. 1855. С. 234–237]. Как сообщал ректор Академии Стефан в Московскую Синодальную канцелярию в ноябре 1735 г., вышших школ (классов), «философии» и «богословия», достигает малое число «школьников», поскольку многие уже были отправлены не только в Санкт-Петербург «для обучения ориентальных диалектов», «и для Камчадальской экспедиции, инии в Астрахань для наставления калмыков и их языка познания, инии в Сибирскую губернию и с действительным статским советником Василием Татищевым, инии в Оренбургскую экспедицию и с статским же советником Иваном Кириловым, инии же берутся и в Московскую типографию, и в Монетную контору» [Белокуров С.А. 1911а. С. 81]. Так что возможности для выполнения императорских и синодальных указов о предоставлении хорошо подготовленных учеников для дальнейшего светского образования и поставления в священники были весьма ограниченными.

Обучение в Академии являлось тяжелым испытанием не только сил духовных, которые требовались в процессе обучения, но и материальных. В последней связи М.В. Ломоносов писал: «Жалованья в шести нижних школах по 3 копейки на день. А в седьмой 4 копейки на день» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 348]. Поэтому, когда в 1735 г. по ходатайству Петербургской Академии наук Сенат «приказал» ректору «Московских Славено-греко-латинских школ» «выбрать в науках достойных 20 человек и о свидетельстве их наук подписатца ректору и учителям», чтобы отправить их в столицу для дальнейшего обучения для учреждаемой по императорскому указу при

Академии наук семинарии, ректор оказался в сложном положении. Он откровенно сообщил в Московскую Синодального правления канцелярию, что ученики «богословия» «инии уже женились и в священники произведены, инии своевольно отстали, а за неисправное их житие и ни к чему неспособность и не исканы, несколько же и ныне обретаются, пристойного уже себе места ища», «многие же и бегают, которых и сыскать невозможно; еще же и суть, что и по разным приказам принимаются, а искомии укрываются». Столь же откровенно ректор сообщал в Сенат ответы беглецов, «для чего бегают»: «Искать де хлеба и места за времени, понеже де мало видим тех, которые по совершении течения наук своих угодное какое пристанище получают». То есть, получив образование, они остаются без работы: мест в школах нет, а «места священнического и самого убогого никаким образом добыться не могут, хотя и не станет у многих церквей или приходов священников, для того, что за то место столько требуют денег, сколько они не имеют». Этот отчет в Московскую Синодального правления канцелярию подписали кроме ректора и архимандрита Стефана учителя старших школ (классов), «философии», «реторики» и «пиитики».

В данных обстоятельствах руководство Славяно-греко-латинской академии не смогло набрать необходимых по указу Сената 20 «школьников». Лучших нашлось только 12 человек: трое из «богословия», четверо из «философии», Александр Чадов, Дмитрий Виноградов, Иван Голубцов и Михайло Ломоносов, два человека из «риторики» и три из «пиитики» [Белокуров С.А. 1911б].

23 декабря 1735 г. эти ученики отправились в сопровождении отставного прапорщика Василия Попова в Петербург с «прогонными деньгами» на ямские подводы и с пятью рублями, которые были даны каждому. В столицу они прибыли 1 января 1736 г., были зачислены при Академии наук без жалования, но с обеспечением жилья и пропитания [Материалы. 1886. Т. 2. С. 841].

4. Подготовка к научной деятельности.

Петербург — Марбург — Фрейберг: 1736–1741 гг.

Уже 5 января новые ученики в качестве студентов приступили к занятиям. М.В. Ломоносов слушал лекции ученика Г.Б. Бильфингера математика и физика академика Г.В. Крафта, который с 1733 г. стал профессором физики. В 1735 г. в его распоряжение поступили приборы из коллекции графа Я. Брюса, так что он использовал эти приборы при чтении лекционных курсов по экспериментальной физике в академической Гимназии и Университете. Бывшие московские ученики занимались основами современной математики с адъюнктом высшей математики В.Е. Адодуровым, к которому они были прикреплены [Елисеев А.А. 1940. С. 181–182]. Профессором этой

кафедры являлся тогда Л. Эйлер. Адодуров занимался со своими подопечными также преимущественно немецким и латинским языками, риторикой, географией, историей и танцами.

Эти занятия приобрели для М.В. Ломоносова особое значение, поскольку В.Е. Адодуров не только хорошо знал латинский, немецкий и французский языки, но также изучал основы грамматики русского языка [Успенский Б.А. 1975]. Он являлся членом Российского собрания, учрежденного при Академии наук по инициативе ее президента барона Корфа в начале 1735 г. Как писал Корф о целях его создания, «полезные оные плоды, которые я от учрежденного Российскаго собрания в исправлении и приведении в совершенство природнаго здешняго языка себе представляю, произведут первый свой корень в обучающемся при здешней гимназии юношестве, а от онаго потом и во всем народе распространится» (перевод с немецкого Адодурова) [Пекарский П. 1870. С. 524]. Российское собрание можно рассматривать как предшественника Российской академии для изучения русского языка, открытой лишь в 1783 г. под руководством Е.Р. Дашковой. Оно внесло определенные исправления в русскую орфографию. Но в речи, произнесенной на первом заседании Российского собрания, В.К. Тредиаковский мечтал о том, что поставленные перед ним задачи — лишь начало достижения более важных целей — написания современной грамматики и составления полного словаря русского языка, что уподобляло деятельность Российского собрания королевской Академии наук во Франции [Куник А. 1865. Ч. 1. С. 10; Успенский Б.А. 2008. С. 80–169; см. там же о лингвистических трудах Адодурова].

В.Е. Адодуров являлся ровесником М.В. Ломоносова. Он родился в 1709 г. Учился в новгородском духовном училище и был взят в 1727 г. в Академию для дальнейшего обучения [Пекарский П. 1870. С. 503–506]. Прекрасно образованный Адодуров стал руководителем своего талантливого студента не только в обязательных дисциплинах. Это руководство, кроме академических занятий, прослеживается в том, что уже 29 января 1736 г. Ломоносов купил в академической книжной лавке недавно изданную книгу В.К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (СПб., 1735), напечатанную в академической Типографии. В соответствии с деятельностью Российского собрания Тредиаковский впервые на русском языке изложил теорию стихосложения и возможности тонического принципа в русских стихах. Ломоносов тотчас стал изучать эту книгу, дискутируя с автором на полях страницы. Судя по маргиналиям на немецком языке, он изучал эту книгу и в Германии. Именно к Российскому собранию Ломоносов обратился с письмом о правилах русского стихотворства в поддержку тонического стихосложения [Ломоносов М.В. ПСС. 19526. Т. 7. С. 781–782; Летопись. С. 31].

Из книги В.К. Тредиаковского и занятий с В.Е. Адодуровым М.В. Ломоносов узнал не только о свойствах русского языка, который обладал особыми

пластическими возможностями в передаче всего многообразия стихотворных стоп и жанров в сравнении с латинским и французским, основными языками европейского классицизма. В этой книге Ломоносов увидел пример того, как бедный разночинец, сын астраханского священника, пробужденный к творчеству эпохой петровских преобразований, отважно борется за включение в русскую общенародную культуру всего богатства европейской цивилизации вопреки ревнителям старины [*Куник* А. 1865. Ч. 1. С. 43]. Возможно, Адодуров заронил в душе Ломоносова интерес и к научному изучению русского языка.

В книге В.К. Тредиаковского М.В. Ломоносов увидел и образец нового придворного поэтического творчества, соединившего по мере возможности создание образа идеального монарха, тонкую лесть и благопожелания к исправлению недостатков.

В.К. Тредиаковский опубликовал в книге «Способ к изложению российских стихов» свое стихотворение в виде песни, «петой пред ея императорским величеством Анною Иоанновною, самодержицею Всероссийскою». В первой строфе воспевается Анна как богоданная и источник благодати (так поэтически обыграно восходившее к Священному Писанию происхождение ее имени «Благодать» (др.-евр. *hannah*): «НОВЫЙ ГОД начинаем, / Радость все ощущаем: / Благодать изобильна, / От БОГА нам всеильна. / Щастьем БОГОМ ДАННЫ / Самодержицы Анны». После пожеланий здоровья и долголетия поэт написал о другом мире, который должен существовать в правление основательницы Тайной канцелярии: «Всяка злость истребится, / Злый нрав искоренится; / Добро само всем любо, / Худо явится грубо. / Щастием БОГОМ ДАННЫ / САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ».

Царствующие в мире ненависть и ложь в правление Анны должна заменить «Правда святая». Благие пожелания были высказаны В.К. Тредиаковским и в отношении ближнего окружения императрицы: «И Министры советны / Поживут безнаветны, / Зло усмотрят проклято, / Научат всех жить свято. / Щастием БОГОМ ДАННЫ / САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ». В этом идеальном мире должны были процветать науки, ремесла и торговля: «Процветут здесь Науки / И ремеслены руки; / Мудрость больша, неж в Афинах, / Дело чище, неж в Хинах (Китае. — М. С.) / Щастием БОГОМ ДАННЫ / САМОДЕРЖИЦЫ АННЫ» [*Куник* А. 1865. Ч. 1. С. 66–68].

Поэзия такого жанра, создававшего идеальный мир для исправления недостатков мира реального, преподавала урок этикета таким людям, как М.В. Ломоносов, который до того провел жизнь в среде тружеников поморов и учеников Славяно-греко-латинской академии. Книга В.К. Тредиаковского оказалась полезна Ломоносову в самой разной связи. Она раскрывала перед ним новые возможности поэзии, создавала условия ее развития в собственную систему стихосложения, воспитывала в нем новую систему поведения в особом мире придворной жизни, свойственной культуре классицизма первой половины XVIII в.

Таким образом, М.В. Ломоносов сразу после переезда в столицу начал постигать на новом научном уровне основы математики и физики, а также теорию стихосложения, что выявило универсальность его таланта, в равной мере способного к освоению точных наук и гуманитарных знаний.

К этому времени вследствие сложных организационных и финансовых проблем Академии наук, но, главное, неожиданной смерти герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны, сестры императрицы, был отставлен 6 июля 1733 г. от должности лейб-медика и от Академии Л.Л. Блюментрост, которому велено было жить в Москве [*Пекарский П.* 1870. С.12–13; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 121–124; *Тункина И.В.* 2002. С. 25–26].

18 июля того же года президентом Петербургской Академии наук был назначен курляндец, вице-президент Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел барон Герман Карл фон Кейзерлинг, доверенное лицо императрицы. Он обсуждал с членами Академии возможности улучшения ее работы. В его краткое президентство 8 августа 1733 г. была отправлена в Сибирь и на Камчатку ранее подготовленная выдающаяся по поставленным научным задачам изучения геологии, растительного мира, живой природы и истории экспедиция под руководством профессоров Г.Ф. Миллера, Л. Делиля де ла Кройера и И.Г. Гмелина. К этим научным руководителям экспедиции в 1737 г. присоединился в качестве адъюнкта натуральной истории Г.В. Штеллер [*Андреев А.И.* 1965; *Элерт А.Х.* 1990; *Штеллер Г.В.* 1998]. Впрочем, вскоре после назначения Анна Ивановна поручила Кейзерлингу важнейшие задания в Польше в качестве ее посланника. Не ясно, что в этом назначении преобладало — цели российской дипломатии или намерение Бирона удалить из России возможного соперника.

Перед отъездом барон Кейзерлинг оставил «Инструкцию», в соответствии с которой руководство Конференцией поручалось поочередно профессорам Х. Гольдбаху, И.С. Бекенштейну, Ж.Н. Делилю, И.Г. Дювернуа и Т.З. Байеру [Материалы. 1886. Т. 2. С. 410], в чем прослеживается влияние Петровского проекта организации Академии наук, предполагавшего такое самоуправление. Впрочем, этот эксперимент продолжения и развития не имел. 7 октября 1734 г. императрица назначила нового президента — барона Иоганна Альбрехта Корфа, которого документы того времени называли «в Академии наук обретающий главный командир».

И.А. Корф также был курляндцем и доверенным лицом Анны Ивановны. В молодости он закончил Иенский университет и, вернувшись на родину, стал ее камер-юнкером во время вдовствующего пребывания Анны в Курляндии. Корф исполнял ответственные поручения герцогини, так что должность «главного командира» Академии продолжила назначения императрицей на ответственные посты лично преданных ей «немцев». В такой должности он проявил себя человеком широко образованным и библиофилом (его библиотека, составлявшая около 35 000 томов, была куплена Екатериной II и находится ныне в университете столицы Финляндии Хельсинки).

По инициативе И.А. Корфа при Академии наук было создано не только Российское собрание, но также Математическое собрание, деятельность которого оказалась очень недолгой. По настоянию Корфа ценная библиотека и собрания редкостей Я.В. Брюса после его смерти были привезены в 1735 г. из Москвы в Петербург и помещены в Академии наук. В 1739 г. при Академии был учрежден важнейший по задачам Географический департамент под руководством астронома Ж.Н. Делиля. В его деятельности принимали позднее участие Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов и Л. Эйлер.

При И.А. Корфе происходила также реорганизация управления Академией наук. В условиях борьбы Конференции и Канцелярии за первенство в руководстве Академией он реально уравнивал их в правах. Академические бумаги стали подписывать не только руководитель Академии Корф, но также представлявший Конференцию академик Х. Гольдбах и представлявший Канцелярию И.Д. Шумахер. Как отметила Ю.Х. Копелевич, в руководстве Корфа проявилась общая тенденция укрепления чиновного режима в правление Анны Ивановны. Но академики, видимо, сознавали, что такое руководство лучше, чем прямая зависимость от капризов двора или самоуправство Канцелярии. Корф придал Шумахеру и Канцелярии почетное положение, но полностью подчинил их своей власти [*Пекарский П.* 1870. С. 524–528; *Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 121–159; *Мишенкова М.В., Щедрова И.В.* 2002. С. 36–51].

В таком контексте конструктивной деятельности И.А. Корфа произошли события, которые предопределили дальнейшую судьбу М.В. Ломоносова и Д.И. Виноградова. Научное изучение Сибири, в частности организованной в 1733 г. Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга, показало, что для достижения поставленных целей в ее состав необходимо включить еще двух профессоров: одного — специалиста по астрономии и географии, другого — по натуральной истории, химии и «рудокопному делу». Поскольку в Академии наук таких специалистов не было, Корф обратился с письмами к немецким ученым, в частности, к профессору Горной академии в саксонском городе Фрейберге химику и металлургу И.Ф. Генкелю, с просьбой о рекомендации таких ученых. Генкель предложил прислать к нему на полтора года для обучения студентов из России, чтобы подготовить из них специалистов, как написал Корф в докладе Кабинету министров от 23 февраля 1736 г., «ежели они острого и свежего разума, науки знают и к такому делу охоту показывают, также несколько латинского и немецкого языков разумеют».

Надобность России в отечественных специалистах в этих научных отраслях была столь велика, что было принято решение направить в Германию трех студентов, хотя возможности бюджета страны были весьма ограничены вследствие значительных недоимок, голода 1732–1734 гг. в центральных районах, а также начавшейся в 1735 г. войны с Турцией.

Вероятно, после обсуждения возможных кандидатур с профессорами и адъюнктами Академии уже 5 марта 1736 г. барон Корф докладывал Кабинету

министров, что к «берг-физику» Генкелю могут быть отправлены Густав Ульрих Райзер, сын советника Берг-коллегии, рожденный в Москве, семнадцати лет, Дмитрий Виноградов, «попович из Суздаля», шестнадцати лет, и Михайло Ломоносов, «крестьянский сын из Архангелогородской губернии, Двиницкого уезда, Куростровской волости, двадцати двух лет» (возраст Ломоносова указан ошибочно или занижен намеренно). Впрочем, после обсуждения плана обучения и его финансирования было решено, что будет целесообразно отправить троих студентов сначала к профессору Христиану Вольфу в Марбург и лишь затем — к Генкелю во Фрейберг [Куник А. 1865. Ч. 2. С. 225–244]. В том, что Ломоносов должен был учиться у Вольфа, советника и агента Петра Великого при учреждении Академии наук, М.К. Любавский отметил особую символичность — Петр и после смерти являлся «как бы опекуном Ломоносова, который направлял его жизненную карьеру». Отсюда, в частности, по мнению Любавского, особое чувство Ломоносова к Петру, которого он боготворил и позднее восхвалял в стихах и прозе [Любавский М. 1912. С. 9–10].

Когда барон Корф и члены Академии отбирали кандидатов для обучения в Марбурге и Фрейберге, они исходили не только из собственных наблюдений, но также из накопленного опыта подобного рода университетского обучения и стажировки. Петр I отправлял учиться в западные страны россиян всех сословий, кроме крепостных. Но практика свидетельствовала, что наиболее старательными являлись разночинцы. У дворян и тем более знати были свои владения с крепостными. Люди талантливые из этой среды учились, но прочие могли предаваться развлечениям, поскольку их последующая жизнь была экономически обеспечена. Для разночинцев такое обучение на Западе являлось средством изменить свое общественное положение, повысить социальный статус, поэтому они по преимуществу старательно осваивали специальности на высоком профессиональном уровне, что становилось началом их последующей карьеры в России. Знать и дворянство привлекала военная и придворная служба, где их ждали всякого рода награды и быстрый карьерный рост, тогда как отрасли материального производства и интеллектуального труда, без внешнего блеска, но требующие значительного физического и интеллектуального напряжения, все более становились сферой деятельности разночинцев (см. ранее, с. 299–301).

Такая действительность в практике зарубежного обучения разъяснилась уже в петровское время, к середине 10-х гг. Так что за двадцать лет до направления в Германию Ломоносова, Виноградова и Райзера один из петровских эмиссаров на Западе К.Н. Зотов, который позднее дослужился до высоких чинов контр-адмирала и генерал-экипажмейстера, откровенно писал царю из Парижа 2 марта 1716 г. в связи с необходимостью прислать для обучения учеников из Рязанской епархии: «<...> два или три человека лутчих латинистов из средней статьи людей, т. е. ни из породных, ниже из подлых, для того, что породные везде презирают труды (хотя по пропорции отменны пред другими), а подлой не думает болше, как бы чрево свое наполнить».

И тех латинистов прислать сюда, дабы прошли они оную науку и знали б, как суды и всякия судейския дела обходятся в Адмиралтействе. Я чаю, что сие впред нужно будет. Прошу милосердия в вине моей — дерзости. Истинно, государь, сия дерзость не от иного чего, токмо от чистаго усердия» [*Воскресенский Н.А.* 1938. С. 180].

Выбор И.А. Корфом и членами Петербургской Академии М.В. Ломоносова, Д.И. Виноградова и Г.У. Райзера определялся большим опытом, накопленным в обучении молодых россиян за рубежом. Итоги последующих обсуждений, в которых был намечен широкий план их профессиональной подготовки, мудро обобщил в письме к И.Д. Шумахеру от 19 июня 1736 г. советник, а позднее президент Берг-коллегии В.С. Райзер, отец студента, отправленного в Германию: «Я весьма одобряю предложение отправить молодых людей предварительно в Марбург. Ведь так как они должны сделаться не простыми лишь пробирерами и рудокопами, а учеными химиками и металлургами, то почти необходимо, чтобы они сначала несколько освоились с философскими, математическими и словесными науками. Тогда, пожалуй, и можно будет, как это предложил г. Генкель, в 1½ года выучить таких студентов горному делу. Но вряд ли это удастся сделать, если они примутся за изучение горного искусства без предварительной подготовки, и, так сказать, с немытыми руками, да еще отчасти под руководством неученых наставников, занимающихся своим делом как ремеслом. Не говорю уже о том, что (для молодых людей) теперь именно самое удобное время более и более практиковаться и совершенствоваться в начатых ими языках и упражнениях, и что в Фрейберге они вовсе не будут иметь случая, в университете же имеют полнейшую возможность заняться всем этим. <...> Притом же Марбург — место, которое прославлено Вольфом <...>» [*Куник А.* 1865. Ч. 2. С. 244].

Перед отъездом, 18 августа 1736 г., каждый из студентов получил «инструкцию» за подписью «Императорского Величества действительного камергера и Академии наук Главного Командира барона фон Корфа». Там было написано: «Должны они во всех местах во время своего пребывания показывать пристойные нравы и поступки, так же и о продолжении своих наук наилучше стараться». Кроме «химической науки и горных дел», они должны были «учиться и естественной истории, физике, геометрии и тригонометрии, механике, гидравлике и гидротехнике».

Их научным руководителем указан Христиан Вольф, который с 1725 г. являлся иностранным почетным членом Петербургской Академии наук и получал за это денежное обеспечение. Ему было указано не только читать российским студентам теоретические курсы, но также проводить с ними практические занятия по горному делу, анализу руд, машин и строений, металлургии. Отдельный пункт инструкции предписывал студентам необходимость занятий русским, немецким, латинским и французским языками, чтоб они «ими свободно говорить и писать могли, а при том учиться прилежно рисованию».

Через полгода они должны были присылать отчеты о занятиях науками и языками, «нечто из своих трудов в свидетельство прилежания», а также «счет с расписками о своих расходах» [Куник А. 1865. Ч. 2. С. 246–247].

Таким образом, М.В. Ломоносов, Д.И. Виноградов и Г.У. Райзер должны были стать, как и предполагалось изначально, прекрасно подготовленными химиками, специалистами по горному делу и металлургии. Петровская программа подготовки российских специалистов в основных научных и профессиональных центрах Западной, Центральной и Южной Европы предопределила и их жизненный путь. Впрочем, первоначальное финансирование обучения Ломоносова, Виноградова и Райзера в 1200 рублей предполагало для них в будущем значительные финансовые испытания, поскольку в 1736 г., когда они отправлялись в Марбург, у Академии наук было долгов на 29 118 руб. 35 коп. [Копелевич Ю.Х. 1977. С. 131].

Отъезжающие получили на путевые расходы до Марбурга по 300 рублей, так что Ломоносов смог вернуть курортowцу Ф. Пятухину деньги, ранее у него занятые еще в Москве. 8 сентября они отплыли в Германию, но из-за штормов только 16 октября корабль пришел в Травемюнде, а 3 ноября студенты прибыли в Марбург [Летопись. 1961. С. 33–34; о пребывании Ломоносова в Марбурге см. обстоятельное научное исследование: Сухомлинов М. 1861. С. 127–165].

Марбургский университет, открытый в 1527 г., являлся первым протестантским университетом в Германии. Его положение в Гессене, удаленное от основных немецких центров политической власти, а также отсутствие предшествующих традиций католической догматики создавали условия для воспитания у студентов независимости мышления и поведения. Именно сюда направился в 1723 г. последователь Г.В. Лейбница Х. Вольф, спасаясь от преследований прусского короля Фридриха Вильгельма I и своих противников, сторонников догматического мышления. Здесь он преподавал до 1740 г.

Х. Вольфу было свойственно убеждение, в соответствии с которым философия является основой познания. Всякая наука должна подобно математике создавать систему. Математический метод должен соблюдаться во всех науках, поскольку вносит ясность во все исследования, как сформулировал М.И. Сухомлинов, «дает опору колеблющемуся мышлению, рассеивает призраки фантазии и хитросплетения диалектики» [Сухомлинов М. 1861. С. 133]. То есть Вольф соединил в познании рационализм и метафизику с поисками критериев объективности.

Х. Вольф, последователь Г.В. Лейбница, придавал большое значение теории познания (здесь и далее отмечаются только те из идей, которые относятся к теории познания в соотнесении с историческим исследованием).

Г.В. Лейбниц обстоятельно характеризовал свойства процесса познания: «Познание бывает или темным, или *ясным*, ясное в свою очередь бывает смутным или *отчетливым*, отчетливое — неадекватным или *адекватным*,

а адекватное бывает символическим или *интуитивным*. Самое совершенное знание то, которое в одно и то же время адекватно и интуитивно». Особое значение он придавал интуитивному познанию. По его словам, «мы не имеем идей даже тех предметов, которые мы познаем отчетливо, если мы не пользуемся интуитивным познанием». Критерии истинности идей, по Лейбницу, — их возможность и непротиворечивость. Но столь высоко их оценивая, он оставлял место практике для определения их достоверности — априорного и апостериорного анализа. «Априори, — разъяснял Лейбниц, — когда мы разлагаем понятие на его реквизиты, т. е. на другие понятия, возможность которых известна, и когда мы знаем, что в них нет ничего несовместимого», «апостериори возможность предмета узнается, когда путем опыта найдено, что предмет действительно существует <...>» [Лейбниц Г.В. 1984. С. 101–105; курсив Лейбница].

Х. Вольф предложил свое понимание категории возможного: «Силу нельзя смешивать со способностью, поскольку *способность* (*Vermögen*) есть лишь возможность нечто делать, тогда как сила является источником изменений <...>. Благодаря способности изменение остается всего лишь возможным; благодаря же силе оно становится действительным. Поэтому посредством вещи, существующей самой по себе, может быть приведено к действительности нечто, бывшее только возможным» [Вольф Х. 2001. С. 254; курсив Вольфа].

Раскрывая содержание возможного в философской системе Х. Вольфа, В. Шнайдерс писал: «С одной стороны, он хотел бы (несмотря на свидетельства результатов опыта) освободить философию от оков действительности: мышление должно находиться в кругу логически возможного, когда мыслимое непротиворечиво может в данном случае возвышаться до пренебрежения действительностью. С другой стороны, философия должна объяснять, как действительно возможно (делается возможным), т. е. спрашивать о своих основаниях или условиях. При этом Вольф делает едва уловимое различие между физическими и метафизическими причинами. Однако обе интенции — о возможности как мыслимости и о возможности как основании — склоняются к одному связующему их метафизическому понятию возможности» [Шнайдерс В. 1998. С. 38].

Такие характеристики возможного и действительного в теории познания были важны для воспитания научного мышления не только в естественных науках, но и гуманитарных, в частности, в исторических исследованиях.

Эти свойства философской системы Вольфа были характерны для начального этапа становления науки Нового времени, которая уже начала совершать великие открытия, противостоя прежним средневековым представлениям о природе и обществе. Эти свойства вызывали восторженное отношение к ним сторонников нового и ожесточенные преследования адептов прошлого. Новым в творчестве Вольфа стало использование немецкого языка

при написании научных трудов, что способствовало началу становления в XVIII в. современного немецкого литературного языка, завершившегося литературными произведениями И.В. Гёте и Ф. Шиллера.

«Петербургские руссы», Г.У. Райзер, М.В. Ломоносов и Д.И. Виноградов, записаны в такой последовательности в университетской книге как «принятые» 17 ноября 1736 г. (здесь и далее даты, относящиеся к пребыванию Ломоносова в западноевропейских странах, приведены по «новому стилю»). Они были направлены Академией наук в Марбургский университет для обучения под практическим и научным руководством Х. Вольфа. Впрочем, им пришлось решительно отстаивать право на лекции и практические занятия на высоком научном уровне. Когда доктор медицины Конради стал неудовлетворительно вести занятия по начальным основаниям химии, то они от таких занятий отказались уже через три недели и начали слушать лекции по теоретической химии профессора Юстина Герарда Дуйзинга, что свидетельствует о самых серьезных намерениях российских студентов получить высшее образование.

Как следует из письма Х. Вольфа «начальнику» Петербургской Академии наук барону Корфу от 15 сентября 1737 г., российские студенты к этому времени уже прошли у него курсы арифметики, геометрии, тригонометрии и слушают механику. Последующий план занятий включал гидростатику, аэрометрию, гидравлику, маркшейдерское искусство, механику, естественную историю (преимущественно самостоятельно) и экспериментальную физику.

Если с занятиями на латинском языке у студентов проблем не было, то, отметил Х. Вольф, по-немецки Д.И. Виноградов и М.В. Ломоносов начинают говорить и «довольно хорошо понимают то, о чем говорится». Как следует из тогда же составленного Ломоносовым финансового отчета, выделенные ему деньги он потратил на новую одежду и обувь, дрова, на оплату учителям фехтования (позднее он купил и собственную шпагу с перевязью), рисования, необходимого для изучения естественной истории, французского языка, танцев, но особенно много на книги — 60 талеров, что было почти равно всем прочим тратам, кроме верхнего платья.

В соответствии с отчетом М.В. Ломоносова Академии наук от 15 октября 1738 г., к этому времени он уже прослушал у Х. Вольфа курсы практической физики и логики, посещал его лекции по экспериментальной физике и метафизике, повторял химию по опубликованным трудам крупных немецких специалистов.

Профессора были чрезвычайно довольны целеустремленными занятиями М.В. Ломоносова. Декан медицинского факультета профессор Дуйзинг написал в официальном отзыве, подписанном 18 июля 1739 г.: «Что весьма достойный и даровитый юноша Михаил Ломоносов, студент философии, отличный воспитанник Ея Императорского Величества государыни императрицы Всероссийской, с неутомимым прилежанием слушал лекции химии, читанные мною в течение 1737 года, и что, по моему убеждению, он извлек из

них немалую пользу, в том я <...> сим свидетельствую». Столь же высокого мнения о Ломоносове был и Х. Вольф в официальном отзыве, подписанным им 20 июля 1739 г. в качестве проректора Марбургского университета: «Молодой человек с прекрасными способностями Михаил Ломоносов со времени своего прибытия в Марбург прилежно посещал мои лекции математики и философии, а преимущественно физики и с особенною любовью старался приобретать основательные познания. Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, то он со временем, по возвращении в отечество, может принести пользу государству, чего от души и желаю». Как следует из этого отзыва, Вольф был мудр не только в познании природы, но и в понимании людей. Показательно, что, следуя теориям общественного договора и естественного права не только в своих трудах, но и в латинском тексте данного отзыва, он использовал высокие категории «*patria*» — «отечество» и «*respublica*» — «государство» для обозначения России, которой Ломоносов должен был вернуть свой долг за полученное образование и затраченные для этого деньги.

Таким образом, М.В. Ломоносов осваивал идеи естественного права и общественного договора не только в традициях деятельности Петра Великого, но и своего научного руководителя в Марбурге — Христиана Вольфа. Близи к нему были также идеи не абстрактного или казенного, а реального патриотизма — человек, который получил образование при финансовой поддержке государства, должен принести своей стране пользу.

Сравнивая в письме от 17 августа 1738 г. к барону Корфу способности трех российских студентов, Х. Вольф особо выделил М.В. Ломоносова: «У г. Ломоносова, по-видимому, самая светлая голова между ними; при хорошем прилежании он мог бы и научиться многому, высказывая большую охоту и желание учиться». Вольф не обманулся в своих ожиданиях. Так что перед расставанием с российскими студентами он мог написать президенту Академии Корфу в письме от 1 августа 1739 г.: «<...> я не могу не сказать, что в особенности Ломоносов сделал успехи и в науках; с ним я чаще имел случай говорить, нежели с Райзером, и его манера рассуждать мне более известна» [Куник А. 1865. Ч. 1. С. 153; Ч. 2. С. 255, 258–259, 261, 271–272, 278, 301–302, 305].

Обучение М.В. Ломоносова в Марбурге было всесторонним. Он блестяще освоил немецкий язык и хорошо выучил французский, язык просвещенного общества в XVIII в., достаточно, чтобы понимать научные и литературные тексты, а также, чтобы переводить поэтические произведения. Он научился танцевать и фехтовать, что было свойственно дворянскому воспитанию.

Не менее важным было для Ломоносова и обучение в среде марбургских студентов, которые, впрочем, не отличались от студентов других европейских университетов того времени.

Марбургский университет представлял собой закрытую самоуправляющуюся корпорацию профессоров и студентов с правами автономии по отношению

к городу, где он находился, а также по отношению прочим светским и церковным властям. Такой особый статус университета имел следствием особую систему поведения студентов, противостоящих как этим властям, так и городским обывателям. Обязательной была в то время и коллективная «разгульная жизнь» студентов, что требовало значительных денежных затрат. Следовали этому правилу также российские студенты, о чем сообщал профессор Вольф академическому начальству в Петербург [Куник А. 1865. Ч. 2. С. 305]. Но поступать так они были должны. Иначе они были бы изгнаны из студенческого сообщества. Кстати, такой быт западноевропейского университета являлся также прекрасной школой воспитания независимого поведения и мышления, что особенно было полезно для россиян после долгой традиции средневекового начетничества или новейшей системы бюрократической дисциплины. Так что поведение Райзера, Ломоносова и Виноградова в Марбурге, о чем стеснялись писать или писали с сокрушением многочисленные авторы трудов о Ломоносове, являлось не исключением из правила, а его следствием [о быте русских студентов в Марбурге см.: Андреев А.Ю. 2005. С.140–152].

Петр Великий, не обремененный ханжеством, с пониманием относился к молодым людям, которые обучались за границей. Главным для него являлась их хорошая профессиональная подготовка и последующая добросовестная служба в Отечестве. Поэтому он объявлял российской молодежи, обучавшейся в Англии, в указе от 10 июня 1723 г.: «Понеже мы, о вас милосердствуя и хотя вас научить потребным и лутчим художествам, послали вас для науки оным художествам в Англию на нашем иждивении, на которое уже истрачено немалое число денег, и надеемся от вас за то службы в нашем государстве.

Но ныне, как пришло время возвращать вас во отечество, то ведомо нам учинилось, что некоторые из вас будто бояся наказания за (непотребное) *непотребное жите, некоторые продерзости* в Англии, (не хотят) *опасающца* ехать по нашему указу во отечество.

Того для сим всемилостивейшее повелеваем вам, чтоб по нашему указу, когда станет господин Голден, купец аглинской, вас отправлять в Росию, чтоб без всякого прекословия ехали во отечество безо всякой боязни, понеже мы всех, хотя кто что и непотребно зделал, <...> во всем прощаем и милостиво обнадеживаем, что никакого истязания не понесут, но паче милостиво будут приняты, как уже некоторые из вас, приехав сюда, дела свои, чему училис, отправляют, (иные) *и* награждены нашим жалованием и домами <...> и удостоены в первые мастера тех дел, чему обучились» [Воскресенский Н.А. 1938. С. 520; в скобках слова, Петром зачеркнутые; курсивом — им написанные при редактировании текста].

Таким традициям петровского отношения к российским студентам и стажерам за границей следовало и руководство Петербургской Академии наук. Несмотря на постоянные напоминания И.А. Корфа, И.Д. Шумахера и Х. Вольфа о необходимости бережно относиться к присылаемым «марбург-

ским студентам» деньгам, их не наказывали за перерасход, на покрытие которого присылались дополнительные суммы. Впрочем, надо иметь в виду, что присылаемые 300 руб. в год на человека являлись деньгами незначительными, а во время пребывания во Фрейберге эта сумма стала еще меньшей — 200 руб., хотя молодые люди при их обязательных тратах на обучение покупали также необходимые им книги.

Напряженный учебный план, освоение множества математических и естественнонаучных дисциплин, написание диссертаций в качестве отчета об учебных и научных занятиях «Работа по физике о превращении твердого тела в жидкое в зависимости от движения предсуществующей жидкости» (1738 г.) и «Физическая диссертация о различии смешанных тел, состоящем в сцеплении корпускул» (1739 г.), занятия математической химией, нашедшие обобщение в написанной в 1741 г. работе «Элементы математической химии», свидетельствуют о том, что для М.В. Ломоносова в Марбурге определяющим являлось освоение новейших научных знаний. Они воспитывали самостоятельность мышления. Поэтому в «Предисловии» к подготовленному в 1745 г. переводу труда своего научного руководителя Х. Вольфа «Вольфианская экспериментальная физика» Ломоносов написал о том, с чем он распрощался еще в Марбурге, — о схоластической средневековой интерпретации учения Аристотеля, освоенного в Славяно-греко-латинской академии: «Я не презираю сего славного и в свое время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые про смертного человека думали, будто бы он в своих мнениях не имел никакого погрешения, что было главным препятствием к приращению философии и прочих наук, которые от ней много зависят». Ломоносов присоединился к новейшим философским направлениям, в частности, к учению французского философа Р. Декарта, который «осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу». Выражением идей Нового времени стало освоенное в Марбурге, видимо, прежде всего, у Вольфа, стремление к свободно-научному творчеству. Поэтому Ломоносов писал о Декарте: «Мы, кроме других его заслуг, особливо за то благодарны, что тем ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1950. Т. 1. С. 423].

Там же, в Марбурге, М.В. Ломоносов усвоил материалистическую идею Х. Вольфа, в соответствии с которой «ничто не может совершаться без достаточного основания». Она стала одним из теоретических доказательств уже в первой его, еще студенческой работе «О превращении твердого тела в жидкое» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1950. Т. 1. С. 9]. Эта идея становилась конструктивным началом всех исследовательских направлений в XVIII в. при изучении природы и общества, в социальной среде, еще насыщенной средневековыми представлениями о Божественном происхождении всего сущего

и Божественном Предопределении. Естественнаучные дисциплины воспитали в молодом Ломоносове свойство мыслить фактами, а не руководствоваться эмоциями. К тому же в этих дисциплинах был возможен эксперимент как материальное средство проверки теоретического анализа.

Обучение в Марбургском университете профессионально подготовило М.В. Ломоносова не только по естественнонаучным дисциплинам, но также способствовало его познаниям в гуманитарных отраслях знаний, на что в литературе о его творчестве обращалось недостаточно внимания, и в поэзии. Между тем, как отметил М.И. Сухомлинов, Ломоносов посещал лекции философского и медицинского факультетов, что следует из выданных ему свидетельств. На философском факультете профессор поэзии, логики и метафизики Санторок читал лекции по мифологии. Он объяснял слушателям произведение великого римского поэта Горация «Об искусстве поэзии» и занимался с ними техникой сочинения стихов на латинском и немецком языках. Профессор истории и элоквиенции И.А. Гартман читал лекции о римском красноречии, анализировал произведения римских авторов, Цицерона, Тацита, Тита Ливия, Юлия Цезаря, Квинта Курция Руфа. Он преподавал также географию. Обучение элоквиенции и стихотворчеству было тогда обязательным. В то время людям творческих профессий, не принадлежавшим к привилегированным сословиям или крупным бюргерам, приходилось постоянно писать надгробные и хвалебные речи, стихотворения в разных жанрах, особенно оды для правителей и людей знатных, получая за это столь необходимое для них денежное вознаграждение, а то и высокое покровительство. По мнению Сухомлинова, Ломоносов по примеру тогдашних немецких ученых и литераторов привык смотреть на торжественную лирику как на официальную обязанность. Между тем, можно предположить, что эти лекции в Марбурге, чтение античных авторов, изучение труда Тредиаковского, а также окружавшая Ломоносова культура классицизма и барокко способствовали тому, что античное наследие органично вошло в его поэтическое творчество.

Профессор Шредер был специалистом не только по Ветхому и Новому Завету, древним и новым языкам, но также анализировал со студентами произведения древнегреческих авторов Исократа и Демосфена, поэтов Гесиода, Мосха и Каллимаха. Шредер некоторое время жил в России в правление Петра Великого и стал сторонником его реформ. Он восхищался деятельностью российского императора. Ему было свойственно понимание событий в царствование Петра как «великого переворота, орошенного кровью, но спасительного, происходившего по воле человека, одаренного творческой силой духа, поистине сверхъестественною». Этот взгляд «с Запада» на деятельность Петра, вероятно, также формировал самостоятельное мнение М.В. Ломоносова о петровских преобразованиях и о личности первого российского императора.

Другим общественным дисциплинам — естественному праву, естественной теологии, этике и политике — были посвящены лекции профессора

Тилемана. Он являлся последователем Гуго Гроция и С. Пуфендорфа [*Сухомлинов М.* 1861. С. 154–157]. Поэтому студенты слышали на лекциях идеи Гроция, в соответствии с которыми человек — существо общественное и ему свойственно общение с подобными ему другими людьми, а государство стало следствием общественного договора, для соблюдения правды и общей пользы. Эту концепцию сохранил в своих трудах Пуфендорф, который, впрочем, продолжил средневековую идею Божественной воли, внушившей людям (в интерпретации Пуфендорфа) мысль создать государство. То есть он поддерживал идею освященности власти. В соответствии с Пуфендорфом, который во многом следовал за Гоббсом, правители должны были заботиться о благосостоянии народа, защищать его от притеснения сильных и вводить законы, свойственные естественному праву.

Таким образом, если на родине, в Нижнем Подвинье, в Москве и особенно в Петербурге М.В. Ломоносов видел следствия петровских преобразований, то в Марбурге он понял их идейные основания. Люди просвещенные, аналитики происходивших событий, Вольф и Шредер, помогли Ломоносову осознать необходимость для России петровских преобразований и их прогрессивное содержание. Так что, видимо, в Марбурге Ломоносов стал не только убежденным сторонником деятельности Петра Великого, но и, как человек сильный, творческий и активный, который не боится вызовов современной жизни, — восторженным поклонником его личности, столь близкой его собственной.

На лекционных курсах в Марбургском университете М.В. Ломоносов получал профессиональную подготовку не только как специалист по естественнонаучным дисциплинам и философии, но также как литератор. За два года пребывания в Марбурге он купил необходимые для учебы и исследований словари, пособия по латинскому, немецкому, французскому и итальянскому языкам, книги по химии, физике, механике, естественной истории, географии, медицине, философии, включая основные труды Х. Вольфа. В их числе находились книги, составлявшие основной круг чтения интеллектуалов того времени [перечень книг, купленных Ломоносовым до 15 октября 1738 г. см.: *Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 369–377]. В античной литературе это — стихотворения Анакреона и Сафо, эпиграммы Марциала, «Диалоги» Платона, речи Цицерона, сочинения Овидия, Плиния, Сенеки и Вергилия. К произведениям, составлявшим классику литературы Нового времени, относятся исполненные глубокого философского содержания и общественно-политических идей сочинения Эразма Роттердамского, «Путешествие Гулливера» в те годы еще здравствующего сатирика Джонатана Свифта (в переводе на немецкий), «Избранные письма лучших французских авторов» (1731 г.), а также сборник стихотворений (1735 г.) чрезвычайно талантливого немецкого поэта Иоганна Кристиана Гюнтера, который умер в 1723 г. в возрасте 28 лет. К критическому направлению в литературе относилась также книга прелата

и аристократа Франсуа де Салиньяк де ла Мот-Фенелона «Приключения Телемаха» (1723 г.). Эта книга о сыне Одиссея и Пенелопы, впервые изданная в 1699 г., была наполнена критикой политики Людовика XIV, вследствие чего ее автор оказался в королевской опале.

М.В. Ломоносов в полной мере осознавал, что он читает литературу критического направления и оппозиционную власти в любой стране того времени. Поэтому как человек законопослушный он перечислил для академического начальства все купленные им в Марбурге книги, но, вероятно, на всякий случай не указал авторов двух из них — Фенелона и Свифта.

Из всех этих книг Ломоносов взял с собой из Германии в Россию в 1741 г. только стихотворения И.К. Гюнтера. Многие из них он знал наизусть. Гюнтер, как и другие поэты того времени, должен был сочинять стихи в соответствии с «заказом» знатных персон к определенным праздникам. Но для себя он писал стихи, в которых тонко были переданы переживаемые чувства человека, радость и страдание. Его стихам была свойственна глубина и непосредственность. Они были посвящены большей частью любовной лирике и студенческим песням, которые восхваляют радости жизни. Они свидетельствуют о глубоком благочестии и всеохватывающем мировоззрении автора. Наиболее известна его любовная лирика, до того неслышанная, выражавшая самые интимные переживания чуткого, деликатного человека [Deutsche Literaturgeschichte in einem Band. 1968. S. 158–160].

Современники М.В. Ломоносова прослеживали влияние на него поэзии И.К. Гюнтера. Впрочем, и сам Ломоносов признавал ее особое значение в течение всей своей жизни, а потому рекомендовал ее для изучения в проектах регламента московских гимназий (1755 г.) и регламента академической Гимназии (1758 г.) [Ломоносов М.В. ПСС. 1955. Т. 9, С. 459, 495; 1957. Т. 10. С. 432–433; Пекарский П. 1873. С. 298–299, 311; Kirchner P. 1961. S. 483–497].

Состав приобретенных М.В. Ломоносовым книг свидетельствует о том, что в Марбурге он формировался не только как специалист практик и теоретик, как поэт, что отмечено давно, но также как мыслитель, освоивший, в частности, критическое направление в литературе и общественно-политических теориях. Его мышление в полной мере усвоило всю сложность восходившего к античной культуре образного мира. Поэтому в датируемом ок. 1738 г. переводе оды Фенелона он демонстрировал академическому руководству прекрасное владение французским и русским литературным языком, что он обязан был делать в соответствии с требованием академического отчета, а также творческое овладение новыми для русской литературы поэтическими формами анакреонтической поэзии и пейзажной лирики. Для такой литературы было свойственно в соответствии с эстетикой классицизма единство мира исторического, античного, с миром современным. Поэтому Ломоносов писал в соответствии с одой Фенелона: «Мяжкой вместо мне перины / Нежна зелена трава; / Сладкой думой бес кручины / Веселится голова. / Сей за-

бавой наслаждаюсь, / Нектарем сим упиваюсь, / Боги в том завидят мне; / *Лжы, что при Дворах частыя*, / Вы, как сны мои пустыя, / Вас приятне только те» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 11–12; курсив наш].

К 1738 г. относится перевод популярной в западной литературе того времени древнегреческой анакреонтической оды, которая начиналась в переводе Ломоносова так: «Хвалить хочу Атрид, / Хочю о Кадме петь, / А Гуслей тон моих / Звенит одну любовь <...>». Этому переводу свойственно не только единство культурного пространства мира классицизма. Для раскрытия его содержания Ломоносов изучал статьи своего современника известного немецкого филолога И.К. Готшета о переводах стихов Анакреона, «Трактат о возвышенном» Д.К. Лонгина (ум. 273) в переводе теоретика эстетики классицизма и поэта Н. Буало (1636–1711), а также сравнивал текст этой оды на древнегреческом языке с ее переводами на современные языки [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 14, 871–872].

Выбор жанра этого стихотворения и его содержания для Ломоносова определялись не только изучением античной и современной поэзии.

Когда М.В. Ломоносов с товарищами в 1736 г. приехал в Марбург, он поселился в доме вдовы местного пивовара, члена городской управы и церковного старосты Генриха Цильха Екатерины-Елизаветы Цильх. В этом почтенном семействе росла дочь Елизавета-Христина. Она родилась в 1720 г. и была названа в честь св. Елизаветы, святой покровительницы Марбурга. Св. Елизавете была посвящена великолепная по архитектурным достоинствам церковь, а имя Елизавета было чрезвычайно популярно в среде горожан.

Пока М.В. Ломоносов учился, Елизавета-Христина выросла, и не удивительно, что 27-летний молодой человек полюбил девушку, в доме которой он жил. Видимо, стихи перевода анакреонтической оды «Хвалить хочу Атрид» точно передавали чувства Ломоносова. Вероятно, в соответствии с представлениями бюргерской среды Елизавета-Христина не могла выйти замуж за неопределившегося в жизни студента, к тому же иностранца. Так что молодые люди стали жить семейной жизнью вне официального брака, который в те времена мог быть только церковным. 8 ноября 1739 г. у них родилась девочка. На следующий день она была крещена в церкви реформатской общины Марбурга и наречена Екатериной-Елизаветой, в честь бабушки [*Сухомлинов М.* 1861. С. 162–163; *Летопись.* 1961. С. 35, 49].

Не зная о происходивших в жизни М.В. Ломоносова событиях, Х. Вольф сообщал «начальнику» Петербургской Академии наук барону Корфу в письме от 4 апреля 1739 г.: «Студенты Райзер и Ломоносов не только во всем слушаются добрых советов, но и живут между собой в ладу, и я надеюсь, что на них деньги расходуются не напрасно. Г. Ломоносов начинает также принимать более кроткие нравы» [*Куник А.* 1865. Ч. 2. С. 287].

На самом деле ничего неожиданного с М.В. Ломоносовым не произошло. Юность закончилась. Ломоносов получил в Марбургском университете

профессиональную подготовку у замечательных профессоров, изучая великолепные книги, творчески усваивая новые знания под научным руководством великого философа и ученого Христиана Вольфа. Он любил свою жену и знал, что у них будет ребенок. Ломоносов был готов к предстоящей взрослой жизни исследователя и практика.

Впрочем, в соответствии с программой обучения М.В. Ломоносов, Д.И. Виноградов и Г.У. Райзер должны были отправиться 9 июля 1739 г. во Фрейберг для продолжения подготовки по химии, металлургии и горному делу под руководством Иоганна Фридриха Генкеля. Приехали они в этот город 14 июля.

Пребывание российских студентов во Фрейберге было крайне осложнено сокращением до 150 руб. в год их денежного обеспечения. Такое решение академического начальства не учитывало дороговизну проживания в Германии, так что И.Ф. Генкель ходатайствовал, чтобы оно было увеличено на 50 руб. Он просил разрешить расходы четырех рейхсталеров в месяц, а не одного. Бессмысленны были требования академической администрации к российским студентам отчитываться во всех, даже мелких тратах. Унизительными для них стали распоряжения начальства, чтобы деньги, отправленные для них из Петербурга, им выдавались по мере надобности Генкелем, который должен был для них покупать все необходимое, включая одежду. Такие требования явились причиной постоянных столкновений Генкеля со студентами, которые даже подозревали, что тот присланные им деньги присваивает и использует для собственных надобностей.

Все эти обстоятельства стали тем более унизительными, что студенты были людьми взрослыми, а у М.В. Ломоносова были к тому же определенные обязательства перед Елизаветой. Об этом, разумеется, никто не знал. Но Ломоносов остро реагировал на все эти ограничения [*Куник А.* 1865. Ч. 2. С. 307–339; *Баумгертель Г.* 1961. С. 228–238].

Впрочем, М.В. Ломоносов, Д.И. Виноградов и Г.У. Райзер проявляли основательные знания, стремление к дальнейшему обучению и к самостоятельным исследованиям. Когда Г.Ф.В. Юнкер, служивший в 1731–1737 гг. адъюнктом, а позднее профессором в Петербургской Академии наук и являвшийся с 1737 г. ее почетным иностранным членом, встретил российских студентов вскоре после их прибытия во Фрейберг, он сообщил о них барону Корфу в письме от 11 августа 1739 г.: «<...> по части указанных им наук, как убедился я и господин берграт (Генкель. — М. С.), положили прекрасное основание, которое послужило нам ясным доказательством их прилежания в Марбурге. Точно также я при первых лекциях в лаборатории, при которых присутствовал по вышеприведенной причине, не мог не заметить их похвальной любознательности и *желания дознаться основания вещей*».

Несмотря на постоянные конфликты, Г.Ф. Генкель сообщал руководству Петербургской Академии наук в письме от 23 сентября 1740 г.: «<...> г. Ломо-

носов, довольно хорошо усвоивший себе теоретически и практически химию преимущественно металлургическую, а в особенности пробирное дело, равно как и маркшейдерское искусство, распознавание руд, рудных жил, земель, камней, солей и вод, способен основательно преподавать механику, в которой он, по свидетельству знатоков, очень сведущ <...>. Высокую оценку дал Генкель знаниям российских студентов и после завершения их обучения 7 июля 1741 г. [*Куник А.* 1865. Ч. 2. С. 314, 331, 344–345; курсив наш].

К 1739 г. относится знакомство во Фрейберге М.В. Ломоносова с Г.Ф.В. Юнкером, который по поручению Петербургской Академии наук изучал соляное дело в Германии. Юнкер учился в Лейпцигском университете в одно время с Г.Ф. Миллером и был там известен как поэт, последователь И.К. Гюнтера. Когда в 1731 г. он прибыл в Петербург, ему покровительство оказал И.Д. Шумахер. Поначалу Юнкер писал стихи по торжественным случаям, а также девизы к фейерверкам. В 1734 г. барон Корф назначил его профессором поэзии, а в следующем году фельдмаршал Миних взял его с собой во время военных действий против Турции в качестве историографа. Покровительство Миниха, оды в честь императрицы и Бирона, собственная наблюдательность, которая позволила Юнкеру предложить увеличение доходов втрое от украинских соляных промыслов в Торе и Бахмуте, имели следствием его назначение «надворным камерным советником и надзирателем бахмутских соляных заводов».

Для совершенствования производства соли и ознакомления с западным опытом Г.Ф.В. Юнкер был направлен в Германию. Во Фрейберге он встретил М.В. Ломоносова, который в течение четырех месяцев являлся его помощником в составлении «экстрактов о соляном деле», способствовал познаниям Юнкера в химии, а также переводил подготовленные им «экстракты» с немецкого языка на русский. Во всем этом Ломоносову очень помогли знания, полученные, как сам он написал, «на поморских соловарнях у Белого моря» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 412; *Пекарский П.* 1870. С. 479–487; здесь и далее об основных событиях в жизни Ломоносова во время пребывания во Фрейберге и других западноевропейских городах с 14 июля 1739 г. до 13 мая 1741 г. см.: *Летопись.* 1961. С. 47–58].

Ко времени пребывания во Фрейберге завершается процесс становления М.В. Ломоносова как поэта практика и теоретика. Его размышления над теорией русского тонического стихосложения, дискуссия с В.К. Тредиаковским на полях его книги «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий», наблюдения над античной и немецкой поэзией, особенно Гюнтера, были обобщены в так называемом «Письме о правилах русского стихотворства». Эти разработанные им принципы русского стихосложения Ломоносов последовательно применил в оде «На взятие Хотина», написанной в сентябре–ноябре 1739 г. В декабре он отправил «Письмо» и оду в Петербург в Российское собрание, где «Письмо»

было критически воспринято В.К. Тредиаковским, тогда как оду оценили восторженно [Шувалов А.П. 1946. С. 48].

Победа при Ставучанах 17 августа 1739 г. российского войска под командованием Б. Миниха над турецким войском и взятие крепости Хотин вызвали подъем патриотического чувства в России и произвели большое впечатление в других европейских странах. Отклик М.В. Ломоносова на это событие в далекой Германии также выражал гордость за свою страну, которая смогла одержать победу над сильным противником, от которого потерпел поражение во время Прутского похода 1711 г. даже Петр Великий.

В «Письме» выразились свойства М.В. Ломоносова как автора произведений в гуманитарных отраслях знания, в данном случае в филологии. Свойственная Петру Великому концепция равенства России среди великих держав нашла у него продолжение в утверждении равенства русского языка среди древних и новых европейских языков в отношении его фонетических свойств и возможностях версификации: «Я не могу довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звонком греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную им, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может».

В то же время в «Письме» прослеживается зависимость М.В. Ломоносова от давней теории, восходившей к польской и австро-немецкой историографии, в соответствии с которой славяне генетически восходят к скифам и сарматам. Поэтому, упомянув великого римского поэта Овидия, который был сослан в 9 г. н. э. в город Томы, ныне румынский город Констанца, Ломоносов написал о стихотворении Овидия, будто бы написанном на местном языке: «Если Овидий, будучи в ссылке в Томах, старинным славенским, или болгарским, или сарматским языком стихи на латинскую стал писать <...>» [Ломоносов М.В. ПСС. 1959. Т. 7. С. 9–13, 786–787].

В оде «На взятие Хотина» отразились познания М.В. Ломоносова в отечественной истории, хотя отбор исторических событий был предопределен задачами этого поэтического произведения. В оде присутствуют обязательные античные по происхождению атрибуты данного жанра — горный хребет Пинд, река Пермесс и Кастальский источник, столь же обязательное восхваление «монархини», в данном случае «великой Анны». Впрочем, главные ее темы — патриотический порыв, жертвенность во славу и величие России и ее победы.

Поскольку повод для написания оды — взятие турецкой крепости Хотин, историческое прошлое России символизировано в ней победами прежде всего на Востоке: успехи Ивана Грозного в присоединении Казанского ханства к России (1552 г.), Второй азовский поход («Не сей ли при Донских струях / Рассыпал вредны Россам стены»; 1696 г.) и Персидский поход («И Персы в жаждающих степях / Не сим ли пали пораженны?»; 1722 г.) Петра Великого. Но поскольку Ломоносов видел в Ставучанах и Хотине символы возрождения могущества России, указал он в этом перечне и успешные военные дей-

ствия Петра против Швеции в Северной войне («как к Готским приплывал берегам») [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 22–23, 876].

По мнению Г.Н. Моисеевой, сведения о победе над «странами Казанскими» М.В. Ломоносов почерпнул еще в юности в «Казанской истории» [*Моисеева Г.Н.* 1971. С. 12–16]. Метафорически названные военные успехи Петровской эпохи свидетельствуют об их устойчивости в народной памяти, об особом внимании Ломоносова к деятельности Петра как основателя Новой России, в которой военные победы Петровской эпохи стали ее символами. Показательно и метафорическое указание Ломоносовым Швеции. Ее синонимическое название — Готия было распространено в XVII–XVIII вв. в европейских странах как отражение исторической шведской топонимики в названиях ее территорий — Västergötland, Östergötland, остров Gotland, а также как соотнесение Швеции с ее древнейшим историческим прошлым — переселением готов из шведских земель на европейский материк. Так что в оде на взятие Хотина выразились как интерес Ломоносова к истории, так и познания в ней.

Они выразились также в приобретении М.В. Ломоносовым в феврале 1740 г. книги Петра Петрея «История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах» (1620). Это было второе дополненное и переведенное автором издание на немецком языке труда шведского дипломата и историка, который находился в России в 1607–1611 гг. Кроме сведений о географии России, быте ее населения, в нем содержалось изложение российской истории от Рюрика до начала XVII в. В письме к Д.И. Виноградову от 7 апреля 1741 г. Ломоносов назвал его по памяти на латинско-немецкий манер «Petri Petraei Historiam von Russland». Только эту книгу наряду со стихотворениями Гюнтера и «Риторикой» Николая Коссена (1583–1651), французского богослова и философа, Ломоносов решил взять с собой из Германии в Россию [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 432].

Читая труд П. Петрея вдаль от России, М.В. Ломоносов не мог без огорчения видеть уже на первых его страницах, что Россия для автора являла собой пример того, как Господь «восстанавливает и уничтожает, возвышает и унижает такие сильные царства и в одно мгновение карает и смиряет всякую несправедную власть, как бы ни возносилась она высоко». Вероятно, его патриотическое чувство страдало, когда он читал в книге Петрея изложение эпизодов, исторических и современных, унижающих достоинство русских людей и России. Вместе с тем, Ломоносов уже из «Предисловия» ко второму изданию, написанному «профессором языков и истории» Лейпцигского университета И. Фридрихом, видел, что изучение истории России крайне важно в научном отношении: «До сих пор, — начинал Фридрих свое Предисловие, — немного нашлось людей, которые написали бы что-нибудь достойное исторической публики о Московии, самой цветущей части Европейской Сарматии,

изображаемой на географических картах обширнейшим пространством земли от Балтийского или Финского моря до Каспийского, а между тем московский народ многочисленен, велико его царство и славны веденные им войны».

В труде П. Петрея были использованы сочинения о России и ее истории С. Герберштейна, М. Меховского, А. Гваньини, К. Буссова. Как свойственным компилятивным произведениям того времени, в нем содержится весьма различающаяся и даже противоречивая информация. Опубликованы в книге Петрея и его собственные размышления. Читая ее, М.В. Ломоносов возвращался к тому, что было известно ему еще в России о ее истории. Узнавал он также сведения ранее неизвестных западных авторов. В соответствии с ними князья Рюрик, Синеус и Трувор происходили из Пруссии и правили в России с 752 г. Впрочем, в последующем тексте Петрей отнес Рюрика и его братьев к варягам-шведам, а их появление на Руси изложил в соответствии с поздними летописными текстами о «умном и мудром» Гостомысле, который уговорил новгородцев, как написал Петрей, «отправить послов к варягам с самою усердною и смиренною просьбою о том, чтобы прислали к ним троих господ высокого княжеского рода, которые были бы благоразумны и могли учредить у них добрый порядок и управление», «новгородцы же признают их своими природными и наследственными государями, станут почитать их и нести для них всякую усердную службу».

В труде П. Петрея прослеживается стремление рационалистически примирить разные по происхождению и содержанию известия исторических источников. В частности, сообщения древнейших летописных сводов о поселении Рюрика в Новгороде и в Ладоге объединены Петреем в текст о княжении его в «Великом Новгороде», тогда как «этот князь имел свое местопребывание в 30 милях от Новгорода, где находится теперь город Ладога».

Тексты поздних летописных сводов, восходивших к древнейшему русскому летописанию, дополнены в его труде вымышленными сведениями, размышлениями, предназначенными разъяснить и дополнить историческое повествование. Текст при этом лишен погодного летописного деления. Это придает ему вид исторического труда, что было свойственно ренессансной и постренессансной «Россике». Следуя тем же принципам повествования, после древнерусского периода Петрей особо обстоятельно изложил русскую историю, начиная с правления Ивана III до Смутного времени, воцарения Михаила Федоровича Романова и заключения в 1617 г. Столбовского мира. Сообщая об Иване Грозном, Петрей привел также генеалогическую легенду о происхождении рода русского царя от Пруса, брата римского императора Августа. В соответствии с компилятивным характером своего произведения он не стал устанавливать истоки этой легенды. Но ее вымышленность была для него очевидна, так что он указал на мнение авторитетных авторов в ее опровержение: «<...> но это отвергают все историки, и Иван ничем не мог доказать того» [Петрей П. 1997. С. 153, 156, 158, 218, 219 и след.].

Чтение труда Петрея не могло не пробудить в Ломоносове особого, уже научного, интереса к отечественной истории. Впрочем, осуществиться этот интерес в научных разысканиях пока не мог.

Таким образом, в Германии М.В. Ломоносов получил высшее университетское образование, профессиональную подготовку не только в естественнонаучных дисциплинах, но также в гуманитарных науках. Специализация в химии, физике и математике была дополнена познаниями в металлургии и горном деле. В Германии Ломоносов сформировался как поэт. Свойственный ему интерес к отечественной истории был углублен сведениями о всемирной истории, преимущественно античной и западноевропейской, а также изучением труда Петра Петрея. Познания Ломоносова во всех этих отраслях интеллектуальной деятельности находились на современном для первой половины XVIII в. уровне. О стремлении Ломоносова поддерживать их в том же состоянии свидетельствует чтение им во Фрейберге в 1739–1740 гг. «Гальской газеты» («Hallische Zeitung», в Галле (Halle an Saale) находился один из лучших германских университетов того времени), «Ученой газеты» («Gelehrte Zeitung»), а также журналов [Куник А. 1865. Ч. 1. С. 175; Ч. 2. С. 327]. Но это были не разрозненные знания. Их интегрировали философские системы Г.В. Лейбница и Х. Вольфа.

Существенные изменения произошли в эти годы и в личной жизни М.В. Ломоносова. 26 мая 1740 г. он обвенчался с Елизаветой-Христиной в церкви реформатской общины Марбурга.

Между тем, М.В. Ломоносов, Д.И. Виноградов и Г.У. Райзер продолжали получать от Академии наук самое скудное содержание. По требованию И.Д. Шумахера деньги им выдавались под самым жестким контролем И.Ф. Генкеля, который составлял списки их расходов, вплоть до стирки белья, починки сапог и чтения газет. Эти списки расходов он отправлял в Петербург Шумахеру [список расходов Ломоносова за 1739–1741 гг., подписанный Генкелем 5 августа 1741 г. см.: Куник А. 1865. Ч. 2. С. 348–351]. Дальнейшее пребывание в Германии становилось не только тяжелым испытанием, но и бессмысленным. Поэтому понятно стремление Ломоносова скорее вернуться на родину, чтобы заняться творческим трудом и приносить ей пользу, возвращая тем самым значительные государственные расходы, затраченные на его обучение. Об этом Ломоносов писал в мае 1743 г., уже в Петербурге: «И понеже я, нижайший, в состоянии нахожусь не токмо химические эксперименты для приращения натуральной науки в Российской империи в действо производить и о том журналы и рассуждения на российском и латинском языке сочинять, но при том еще могу других обучать физике, химии и натуральной минеральной истории, и того ради имею я, нижайший, усердное и искреннее желание наукою моею отечеству пользу чинить, в химических трудах беспрестанно упражняться и как химической практики, так и теории с присовокуплением физики и натуральной минеральной истории других, того желающих, обучать, для того чтобы на мое обучение в Германии издержанная Е. И. В. сумма и мои в том положенные труды напрасно

не потерялись» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 9–10]. Такой патриотический государственный подход к обучению и становлению науки в России являлся продолжением петровских традиций.

Для того чтобы скорее получить разрешение на возвращение в Петербург, М.В. Ломоносов поехал из Фрейберга в Лейпциг, надеясь попасть на прием к барону Кейзерлингу, российскому посланнику при курфюрсте Саксонском и бывшему президенту Петербургской Академии наук. Но Кейзерлинга там уже не оказалось, и Ломоносов отправился вслед за ним в Кассель. Эта поездка также оказалась неудачной.

Во Фрейберг М.В. Ломоносов не вернулся. Он поехал в Марбург, к своей семье, а оттуда в Гаагу к графу А.Г. Головкину, российскому посланнику в Голландии, сыну первого российского канцлера, с просьбой отправить его в Петербург, в чем Головкин ему отказал. В отчаянии Ломоносов отправился из Гааги в Амстердам, чтобы вернуться в Россию на попутном корабле. Но архангельские купцы, которых он там встретил, разумно его отговорили от такого поступка. Ломоносов вернулся в Марбург. Впрочем, эта поездка имела и положительное значение, поскольку он побывал в древних культурных и современных промышленных и торговых центрах Западной Германии и Голландии. После переписки с И.Ф. Генкелем и И.Д. Шумахером Ломоносов получил деньги на оплату долгов и на обратную дорогу в Петербург.

Наконец, в апреле 1741 г. М.В. Ломоносов получил при посредничестве Х. Вольфа предписание Академии наук о возвращении в Петербург, а 13 мая в Марбургском университете и пропуск для проезда до Петербурга. Из Любека он отправился на попутном корабле в Петербург, куда прибыл 8 июня 1741 г. и явился в Академию наук к И.Д. Шумахеру [*Летопись.* 1961. С. 54–58].

Ко времени возвращения М.В. Ломоносова в Россию страна пережила важнейшие события. Война с Османской империей 1735–1739 гг. показала, что российские войска, несмотря на недостатки командования Б. Миниха, которые вели к значительным людским потерям, смогли преодолеть перекопские укрепления и нанести поражение войску крымского хана. Победы над турецкой армией при Яссах и Ставучанах, взятие крепости Хотин показали силу российского войска. Эти победы производили особое впечатление после позорных провалов походов в Крым В.В. Голицына в 1687 и 1689 гг., а также неудачи Прутского похода 1711 г. Петра I. Впрочем, в соответствии с Белградским мирным договором 1739 г. вследствие эгоистичной политики союзницы в войне, империи Габсбургов, Россия не смогла воспользоваться в должной мере победами своей армии.

Если данные факты военной истории России оказали определенное воздействие на завершение процесса формирования М.В. Ломоносова как поэта и теоретика поэтического творчества, то отечественные события политической и династической истории второй половины 30 — начала 40-х гг. повлияли на всю его последующую жизнь.

5. Политическое положение в России 1740–1742 гг. и М.В. Ломоносов

Сложившаяся в начале 30-х гг. система управления империей сохранила свое основное содержание, сформированное преобразованиями Петра Великого. События русско-турецкой войны 1735–1739 гг. это лишь подтвердили. Балтийский флот к концу этого десятилетия был восстановлен. Британский посланник Э. Финч вскоре после официального представления при императорском дворе доносил статс-секретарю лорду Гаррингтону 21 июня 1740 г. секретные сведения о состоянии российского флота в акватории Финского залива, что весьма интересовало британское правительство: «<...> по точной описи, сделанной прошлой зимою, здешний флот состоит из 15 военных кораблей разной величины и семи фрегатов в совершенной исправности, кроме еще 12 или 14 (не вполне «исправных». — М. С.). Корабли, которые по случаю нужды, могут быть готовы для употребления в сих морях. Еще ожидают из Архангельска шесть вновь построенных нынешним летом. Также находится здесь 140 галер из самого нового и лучшего леса <...>; в самом деле, тридцать из них построены только два года назад. Теперь заготавливают сверх того 80-ти пушечный корабль и два о пяти- или шестидесяти пушках, которые здесь заложены нынешним летом и два бомбардирные корабля, почти готовые для спуска. Это состояние флота весьма разнствует от того, что я имел случай слышать так часто прошлым летом.

Кронштатская эскадра, состоящая из великолепного и крепко построенного корабля “Императрица Анна” о 114 пушках, из четырех военных кораблей и двух фрегатов, стоит теперь на якоре и запасается провизией на короткую и недалекую крейсеровку для обучения мореходцев».

Когда Финч писал это крайне важное для британского правительства донесение, сообщил он и о том, что накануне он находился в Петербурге при спуске на воду двух прам, пловучих батарей, грузоподъемностью 630 тонн. На них располагается восемнадцать 24-фунтовых пушек и столько же 12-фунтовых, а также 200 человек «войска». Сообщал британский агент и другую секретную информацию о новых российских кораблях, утверждая, что их «описание» «надежно» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 149. Л. 22–23].

О том, насколько точны эти секретные сведения Э. Финча, свидетельствует их сравнение с донесением Адмиралтейств-коллегии Кабинету от 23 октября 1740 г. В них указано 20 кораблей, из которых 2 строились и 1 «готовился», 10 фрегатов (видимо, 6 кораблей из Архангельска к концу навигации уже пришли в Петербург). Всего с более мелкими военными судами в акватории Финского залива насчитывалось 40 единиц, включая два прамы, о которых также написал Финч. Количество галер в донесении не указано [Материалы для истории русского флота. 1882. Ч. 9. С. 1–3].

Состояние военно-морского флота — один из показателей состояния экономики и финансов морской державы в целом, ее политической стабильности. Как следует из информации Э. Финча, боеспособность российского флота в Финском заливе, защищавшего Петербург и северное побережье Эстляндии, в конце 30-х гг. была восстановлена. Отсюда можно заключить, что экономика и финансы России при целенаправленной правительственной политике позволяли строить и содержать в современном состоянии такую дорогую составную часть вооруженных сил, как военно-морской флот.

О стабильном положении политического режима, установившегося к середине 30-х гг., может свидетельствовать официальное введение в России Анной Ивановной ордена св. Анны, который стал одной из наиболее высоких и почетных наград в Российской империи за военную и гражданскую службу. На то же состояние указывает избрание в 1737 г. под сильнейшим российским политическим нажимом на заинтересованные правящие династии царского фаворита Бирона герцогом Курляндским.

На фоне такого состояния Российской империи может показаться неожиданным так называемое «дело А.П. Волынского», одного из деятелей петровской эпохи и кабинет-министра Анны Ивановны. Это «дело», которое началось в середине апреля 1740 г. арестом Волынского, небольшого кружка его друзей и доверенных лиц и завершилось их жестокими казнями в конце июня того же года, обычно называлось в исследовательской, художественной и общественно-политической литературе следствием борьбы русского дворянства против немецкого засилья, Бирона и «бироновщины».

Новейшие исследователи, отрицающие существование «бироновщины», понимаемой как повсеместное распространение немцев в органах управления и отстранение от них русских дворян, характеризовали «дело Волынского» как расправу Бирона с талантливым министром. Ее причины Е.В. Анисимов отметил в чрезмерной гордости А.П. Волынского своим древним знатным происхождением, заслугами перед государями и государством. Он стремился к самостоятельности по отношению к Бирону, которому, впрочем, был обязан назначением кабинет-министром. В частности, Волынский пытался заниматься вопросами приватизации металлургических предприятий, тогда как этот предмет государственной политики, приносящий участникам приватизационного процесса огромные доходы, контролировал Бирон. По мнению Анисимова, Волынский стремился войти в доверие к племяннице императрицы Анне Леопольдовне, что в будущем могло приблизить его к вершинам власти. Волынский не только вступил в схватку с коварным Остерманом, но и своевольно вел себя в апартаментах Бирона по отношению к литератору В.К. Тредиаковскому, который пришел к герцогу искать защиту от преследований и побоев Волынского. В таком поведении кабинет-министра, по мнению Анисимова, Бирон увидел попытку оскорбить уже его самого, что стало последней каплей, переполнившей чашу терпения фаворита императрицы.

По наблюдениям Е.В. Анисимова, в ходе следствия дело приобрело политический характер, поскольку стали известны письменные материалы А.П. Волинского, касающиеся российского государственного устройства, а также содержание разговоров в небольшом кружке его друзей относительно необходимых России реформ и выраженное в этих беседах недовольство немецким ближним окружением императрицы. Особенно опасными для Российского государства признавался Бирон и его планы женить своего сына Петра на Анне Леопольдовне. Этому намерению Волинский и члены его кружка противопоставляли брак Анны Леопольдовны и другого немца — герцога Брауншвейгского Антона Ульриха. В такой оппозиционности Волинского Анисимов отметил не патриотизм, а придворные расчеты. Истоки такого «диссидентства» Анисимов предположил в неосуществленности безграничных амбиций Волинского [Анисимов Е. 2002. С. 321–340].

И.В. Курукин пришел к близким по содержанию наблюдениям. Но он отметил, что план реформ А.П. Волинского трудно назвать крамольным, поскольку он находился на основном пути развития внутренней политики послепетровской монархии. Его содержание или пытались осуществить ранее, или было реализовано позднее другими политическими деятелями. Во время следствия Волинский признавался во многих служебных проступках, во взяточничестве, но он категорически отрицал намерение произвести государственный переворот или умысел против государыни. Его связей с гвардией следствие не обнаружило. По мнению Курукина, преступлений Волинского было недостаточно для казни, поэтому императрица колебалась в вынесении смертного приговора. Конструктивно наблюдение Курукина, в соответствии с которым решающее значение в вынесении приговора приобрело требование Бирона к Анне Ивановне. Фаворит угрожал уехать в Курляндию, ставя проблему альтернативно — или он, или Волинский [Курукин И. 2006. С. 284–297].

Другие авторы, традиционно увлеченные поисками начал этой расправы в национальных противоречиях, в политических программах или в столкновении таких сильных личностей, как Волинский и Бирон, не учли, как представляется, особой позиции Бирона в этом конфликте.

«Проект о поправлении государственных дел» А.П. Волинского, содержание которого раскрывалось в ходе следствия, был предназначен для «приношения» императрице, так что в нем не было антигосударственных и антиправительственных идей. Идеи о совершенствовании государственного управления содержались и в беседах Волинского с членами его кружка. В их разговорах высказывалось недовольство «немцами» в окружении императрицы и ее правлением, но к таким словам Анна Ивановна за десять лет своего правления, видимо, привыкла, так что предавать казни за них своего кабинет-министра и его товарищей она не собиралась. В проектах Волинского Ю.В. Готье отметил идеи, сходные с позднее сформулированными в проекте

реформ в государстве, поданном П.И. Шуваловым в правление Елизаветы Петровны, и в дворянских наказах 1767 г., уже в царствование Екатерины II [*Готье Ю.В.* 1922. С. 1–31].

Вероятно, обосновано мнение, в соответствии с которым основной причиной казни А.П. Волынского, а заодно и его товарищей, которые якобы составили «заговор», стала непримиримая позиция Бирона по отношению к кабинет-министру. Но на причине этой непримиримости следует остановиться.

Существовал фактор, который определял все действия Бирона в последние два года царствования Анны Ивановны, а их следствия воздействовали и на многие последующие события отечественной истории 40-х — 50-х гг. XVIII в. — это прогрессирующая болезнь императрицы.

Хорошо известно, что у Анны Ивановны была почечнокаменная болезнь. И.В. Курукин обратил внимание на тот факт, что за два года до смерти Анны у нее появились первые симптомы этого заболевания — кровь «в урине ее императорского величества», как сообщил Бирон следственной комиссии после своего ареста [*Пекарский П.* 1862. С. 107]. Курукин привел эти сведения для того, чтобы показать особенности положения царского фаворита, которому «приходилось входить в самые интимные подробности высочайшего самочувствия». Поэтому Бирону приходилось умолять императрицу вовремя принимать предписанные ей лекарства и совершать необходимые процедуры [*Курукин И.* 2006. С. 112]. Между тем, эти сведения более значимы. Из них следует, что Бирон обладал такой информацией о здоровье императрицы, которой никто более не располагал. Поэтому он мог предпринимать действия, цель которых знал он один, тогда как для других смысл их был неясен.

Если учесть значение сведений Бирона о здоровье Анны Ивановны, то раскрывается смысл его внутриполитических акций. При этом следует иметь в виду, что он как опытный интриган оставался в тени. Бирон умел руководить событиями, тогда как на виду находились лишь марионетки. Такой метод был вёдом искушенным дипломатам и царедворцам того времени, а потому некоторые из них разгадали этот прием Бирона. Как написал о нем саксонский дипломат, «в манере герцога было так управлять делами, которых он более всего желал, что их ему в конце концов преподносили, и казалось, что все происходит само по себе» [цит. по: *Курукин И.* 2006. С. 58].

Если учесть такие свойства интриг Бирона, то, казалось бы, разные по форме и содержанию события последних двух лет правления императрицы выстраиваются в единый, жестокий в своем содержании ряд.

Сосланные в Сибирь в Березово князья Долгорукие не могли угрожать Анне Ивановне. Но они были опасны Бирону после смерти императрицы. Поэтому под предлогом их «непристойных» речей в 1738 г. над ними был учинен в Тобольске розыск. Затем всех Долгоруких перевезли в Шлиссельбургскую крепость, где пытки мужской части их семьи были продолжены. Вследствие

полученных под пыткой показаний был арестован ранее помилованный Сергей Григорьевич Долгорукий, которого также подвергли допросам. В октябре 1739 г. по приказу императрицы было созвано «Генеральное собрание», состоявшее из русских вельмож. Оно приговорило старших Долгоруких к смертной казни. Она была совершена в Новгороде 26 октября 1739 г. Иван Алексеевич был колесован, Иван и Сергей Григорьевичи, Василий Лукич — обезглавлены. Жестоким наказаниям были подвергнуты и младшие члены этой многочисленной фамилии [см.: *Анисимов Е.* 2002. С. 316–321].

Такая казнь людей, которые не могли угрожать власти императрицы, имела характер устрашения. Действительно, она произвела гнетущее впечатление на современников. Но одновременно в придворных интригах она устраняла людей, которые своей активной позицией могли помешать Бирону после ожидаемой им скорой смерти Анны Ивановны.

Казалось бы, неожиданно в середине апреля 1740 г. «действительный камергер» императрицы и «главный командир» Академии наук барон Корф был направлен посланником в Копенгаген, т. е. удален из России и отправлен в почетную ссылку. Но и в этом назначении был глубокий подтекст. Красавец И.А. Корф стал камер-юнкером Анны Ивановны еще в период ее вдовства в Курляндии. Она поручала ему некоторые доверительные задания, характеризуя его как «верного, осторожного и прилежного человека». Чтобы остаться в фаворе, Корф не только проявлял исключительную преданность Анне Ивановне. Он поддержал Бирона в его борьбе с ее прежним фаворитом и ставленником Петра I в Курляндии обергофмейстером Анны П.М. Бестужевым-Рюминым. После ее воцарения Корф получил почетные должности при дворе и в Академии наук, но от участия в управлении империей был Бироном удален [*Пекарский П.* 1870. С. 517–518]. В 1740 г. Бирон отстранил Корфа и от управления Академией. Поэтому И.Ж. Шетарди с полным правом сообщал 14 июня 1740 г. в Париж: «Из всех этих подробностей можно заключить, что у герцога курляндского система удалять всех, кто стремился или уже имел участие в милостях царицы» [*Пекарский П.* 18626. С. 89].

Бирон был последователен в том, что в ожидании кончины императрицы удалил из России возможного соперника и человека, который слишком много знал. Впрочем, преданный Анне Ивановне Корф и в своей новой должности императорского посланника при датском короле мог принести пользу России в условиях нарастающего напряжения в отношениях между империей и Швецией, завершившегося российско-шведской войной 1741–1743 гг.

В контексте этих событий нетрадиционно для исследователей раскрывается смысл начатого тогда же, когда был отправлен в Данию И.А. Корф, в середине апреля 1740 г., следственного дела А.П. Волинского. В нем, как установлено ранее, не содержалось реальных действий в качестве состава государственного преступления. Вероятно, его основными целями, как и казни Долгоруких, высылки из России Корфа, являлось устранение возможных

соперников Бирона и продолжение кампании устрашения. Показательна в данной связи информация иностранных послов при императорском дворе.

На Пасху, в начале апреля 1740 г., А.П. Волынскому запретили являться ко двору, так что еще до его ареста французский посол маркиз де ля Шетарди сообщил в Париж, что Волинский «накануне своего падения» [*Пекарский П.* 18626. С. 67]. Британский посланник Джон Бель, уже длительное время находившийся в Петербурге, сообщал в донесении от 15 апреля 1740 г. (по григорианскому календарю) статс-секретарю лорду Гаррингтону о «падении» А.П. Волинского: «Он был человек с великими способностями, но беспокойного нрава, чем навлек на себя зависть и ненависть, а напоследок и гнев ее величества и герцога Курляндского; и хотя не обвинен еще явно ни в каком преступлении, но потому, что находится в заключении, весьма невероятно, чтоб он вошел опять в милость». Эти сведения о начальном этапе дела Волинского основываются, разумеется, не на следственных материалах, а на слухах, которые распространялись в высшем обществе.

Как следует из таких сообщений, поначалу речь шла не о каком-либо преступлении, а о том, вернется ли он снова в «милость» или нет.

Когда на смену Д. Белю прибыл Э. Финч и после «вступительной аудиенции» 8/19 июня 1740 г. приступил к своим обязанностям, он сообщал уже официальные сведения о деле А.П. Волинского и об арестах его сообщников. В донесении Гаррингтону от 7 июня Финч писал, что «замысел» Волинского заключался в приведении «дела в общее замешательство» и «тем превратить опять здешнюю землю в прежнее российское состояние и по изгнании всех чужестранцев сделаться главою оной». То есть сторонниками Бирона распускались нелепые слухи, в которые вплетались в трансформированном виде следственные материалы о недовольстве Волинского «немцами» при царском дворе, а также желание приписать ему стремление к верховной власти, возвращение к допетровским временам, что, по их намерениям, не могло не найти осуждения в армии, в государственном аппарате и в петербургском обществе.

В докладе от 21 июня Э. Финч сообщал лорду Гаррингтону, что, исходя из предпринятых правительством мер — расширенное заседание Сената и отряд гвардии, который стоял на его охране, как и после завершения следствия по делу Долгоруких, — «публика догадывается, что они касаются до дела Волинского, чтоб сообщить этому собранию открытия, сделанные в течение исследования арестанта и его сообщников». Из этого сообщения следует, что в общественном мнении эти дела приобрели значение высшего правительственного порядка. Были только неясны их суть и цели. Но уже после казни А.П. Волинского и членов его небольшого кружка людям, умеющим размышлять, становилось очевидным, что наказание не соответствовало преступлению. Поэтому Финч доносил лорду Гаррингтону, указывая двойную дату — 1/12 июля 1740 г.: «Между тем, не сомневаются, что как бы опасен умысел ни был, однако в самом начале утушен, потому что казнены не толь-

ко предводители онаго, но и все люди, замешанные в том, ибо сии предводители занимались более составлением плана, нежели изысканием средств к исполнению онаго, что явно из того, что ни один из военных людей не был арестован, ниже в подозрении» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 149. Л. 4, 10 об., 22, 25–25 об.].

То есть видных государственных сановников казнили только за разговоры, а публичные казни в Петербурге были ужасающими даже после «смягчения» приговора. Кабинет-министру А.П. Волинскому в Петропавловской крепости, месте заключения, «урезали» язык, завязали рот тряпкой и повели с другими осужденными на место казни. Там ему отрубили руку, а потом голову. Выдающемуся архитектору П.М. Еропкину и горному инженеру А.Ф. Хрущову отрубили голову. Моряка и гидрографа Ф.И. Соймонова и секретаря императрицы И. Эйхлера секли кнутом, а секретаря иностранной коллегии Жана де ла Суда — плетью. Президенту Коммерц-Коллегии графу П.И. Мусину-Пушкину «урезали» язык.

То, что эти казни были совершены не за реальные преступления, а за разговоры, было очевидно не только британскому посланнику и, соответственно, разведчику Э. Финчу, но также российским академикам. В разгар гонений Бироном своих возможных соперников, а позднее в период интриг в регентство Анны Леопольдовны великий математик Л. Эйлер начал вести переписку о переходе на службу в Берлинскую Академию наук. В феврале 1741 г. он обратился в Петербургскую Академию с просьбой об увольнении, хотя 16 марта 1740 г. в Петербурге с ним был заключен контракт с оплатой 1200 руб. в год. 20 мая 1741 г. Эйлер получил столь желанное увольнение и разрешение покинуть Россию. При этом ему было присвоено звание почетного члена Академии и соответствующая этому званию пенсия 200 руб. в год. Эйлер поспешил покинуть Россию в июне 1741 г. Когда при первом представлении к прусскому королевскому двору на вопросы королевы Эйлер отвечал кратко и односложно, она спросила, почему он не хочет с ней говорить, великий математик ответил: «Потому что я прибыл из страны, где за то, что говорят, вешают» [*Пекарский П.* 1870. Т. 1. С. 258–259]. Видимо, ученый не хотел оскорблять чувства королевы ужасающими подробностями недавних казней.

До кончины Анны Ивановны оставалось три с половиной месяца. Мало кто догадывался, что тайная причина столь жестокой казни А.П. Волинского заключалась в устранении Бироном возможного конкурента в борьбе за власть после ее смерти, но всем было очевидно, какой ужасный конец ждет того, кто попытается выступить против фаворита императрицы. Их не смогут защитить ни высшие государственные должности, ни знатное происхождение. Эта казнь являлась не следствием «немецкого засилья», а устранением соперника и акцией устрашения.

Такое мнение об основных причинах казни А.П. Волинского и членов его кружка может подтвердить заключение об этом судебном деле императрицы

Екатерины II 25 лет спустя, в 1765 г. Она наказала своему сыну и потомкам «читать сие Волынского дело от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого беззаконного примера в производстве дел». Человек проницательный, Екатерина поняла, что он был осужден не за дела, направленные против императорской власти, а за слова в ее совершенствование: «Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, однако не изменил, но напротив того добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего отечества, и так смертную казнь терпел, быв невинен, и хотя б он и заподлинно произносил те слова в нареkanie особо императрицы Анны, о которых в деле упомянуто, то б она <...> имела случай показать, сколь должно уничтожить подобные малости, которые у ней не отнимали ни вершка величества и не убавили ни в чем ее персональные качества» [[Бумаги императрицы Екатерины II]. 1872. С. 56–57]. Екатерина писала о деле Волынского по существу. Ей в голову не могло прийти, что его будут характеризовать как следствие гонений «немцев» на русских приближенных Анны Ивановны.

Таким образом, ужасающие казни А.П. Волынского и членов его кружка не являлись следствием «немецкого засилия». Остерман и Миних тогда не претендовали на реальную власть Бирона, а потому остались на своих высоких должностях. Вскоре после казни Волынского, 18 августа, на его должность кабинет-министра был назначен русский аристократ Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Более того, Бирон постарался привлечь клан Бестужевых в число своих сторонников, как можно заключить из награждения в сентябре 1740 г. Алексея Петровича и его брата Михаила орденом Белого Орла.

Между тем неизбежное завершение неизлечимой в те времена болезни императрицы приближалось. 5 октября началась ее последняя стадия. Чтобы сохранить Бирона в качестве реального правителя России, Анна Ивановна и ее фаворит придумали особый политический маневр. Наследником был объявлен внучатый племянник императрицы Иван Антонович, сын ее племянницы Анны Леопольдовны и ее мужа герцога Брауншвейгского Антона-Ульриха. Ивану Антоновичу не исполнилось тогда и трех месяцев. Поэтому до его восемнадцатилетия и начала самостоятельного правления регентом должен был стать Бирон.

17 октября 1740 г. Анна Ивановна скончалась, и началось регентство Бирона. Это была его победа, но она оказалась мнимой.

Бирон старался быть хорошим правителем. В одном из манифестов он утверждал преемственность государственного управления от Петра Великого. Он пообещал податным сословиям уменьшение подушной подати на 17 копеек, нерусскому населению Поволжья — освобождение от уплаты недоимок, преступникам, кроме наиболее опасных, — амнистию. Дезертирам была предоставлена отсрочка, а часовым во всех полках разрешено зимой одевать шубы. Бирон отказался от предложенного ему огромного содержания в 600 тысяч рублей и, напротив, ссылаясь на петровский указ 1717 г.

о роскоши, предписал придворным ограничить стоимость платьев, их золотой и серебряной отделки [Курукин И. 2006. С. 324–325]. То ли он, как Петр, думал о стабильности владений придворной знати, которую не должна была разорять роскошь, то ли хотел ввести при дворе протестантскую скромность, но едва ли он заботился об уменьшении эксплуатации крепостных крестьян.

О деятельности Бирона Э. Финч сообщал в Лондон в донесении, написанном и отправленном 8 ноября 1740 г., т. е. накануне дворцового переворота и его ареста: «Регент прилежен неутомимо к отправлению дел. Его светлость заседает почти всякое утро в кабинете и был на этой неделе в один день в Сенате, также и в Адмиралтействе, где заложил новой шестидесяти шести пушечный корабль, которой должно тотчас поставить на стапель и строить. Его светлость потребовал также точных ведомостей о состоянии армии, флота, доходов и всякой другой части, относящейся к его великой империи, дабы можно было в точности знать, в каком состоянии они находятся в начале его правления и в каком состоянии они после останутся, когда регентство его светлости кончится.

Слышу также, что указы уже изданы об укомплектовании войск, для чего будет набрано 90 тысяч рекрутов, и что сверх того будет корпус в 6000 человек.

Новой закон для обуздания роскоши по примеру Швеции и Дании печатается или напечатан, которым запрещено будет носить на одежде золото и серебро».

В том же донесении Э. Финч сообщил в Лондон, что Анна Леопольдовна и Бирон «видаются очень часто», и, приписывая герцогине свое мнение, пришел к выводу: «<...> герцог Курляндский в состоянии поддержать свое регентство, а по благоразумию своему не может не распорядиться своего поведения сообразно тому» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 149. Л. 77 об. – 78].

Но Э. Финч и другие, кто думал, что правление Бирона будет долгим и стабильным, ошибались. Против герцога образовался заговор, организаторами которого стали Б. Миних и Анна Леопольдовна (А.И. Остерман, как обычно, предпочитал в опасных ситуациях оставаться в тени). Финч доносил в Лондон 11 ноября 1740 г. вскоре после произошедших событий: «9-го в 4-м часу по утру фельдмаршал граф Миних, предводительствуя отрядом 40 гвардейских гренадеров в Зимнем дворце, пошел в Летний [дворец] и по словесному приказанию принцессы Анны схватил регента в постели, которой в 6 часов приведен как арестант в караульную, между тем как вся Курляндская фамилия (т. е. члены семьи Бирона и его родственники. — М. С.) арестована». Было арестовано также небольшое число сторонников Бирона.

Такое изложение событий совпадает в основном содержании с более поздними по времени воспоминаниями, в которых Миних-младший указывал 30 солдат, а его адъютант Х.Б. Манштейн — 80 преображенцев [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 149. Л. 78 об.; Курукин И. 2006. С. 333–335].

Победители ввели незначительные изменения в персональный состав высших придворных, военных и гражданских должностей, повысили статус своих сторонников и пожаловали им награды. Регентом малютки-императора до совершеннолетия стала его мать, Анна Леопольдовна. Финч доносил в Лондон о штатных преобразованиях в элите высшего уровня, дополняя эти сведения краткими комментариями: «Принц Брауншвейгский (Антон-Ульрих, муж Анны Леопольдовны. — *М. С.*) сделан подполковником конной гвардии на место Петра Курляндского (сын герцога Бирона. — *М. С.*). Его светлость объявлен также генералиссимусом. Сия последняя должность была предложена графу Миниху, но он отговорился, желая, чтоб армия имела честь быть в команде у отца их государя. Фельдмаршал Миних сделан первым министром и будет жить в доме бывшего регента подле дворца, граф Остерман — Великим адмиралом, князь Черкасский — Великим канцлером, граф Головкин (Михаил Гаврилович, ранее сенатор. — *М. С.*), брат послу (Александр Гаврилович, в 1740 г. посол в Голландии. — *М. С.*) — вице-канцлером. Принц Гессен Гомбургский — подполковником или Семеновского на место принца Брауншвейгского или Измайловского — на место Бирона.

Принц Брауншвейгский вступил опять в начальство Семеновскому полку, от которого он недавно отказался; теперь он первый подполковник, потому что генерал Ушаков (начальник Канцелярии тайных розыскных дел. — *М. С.*) уступил это место его светлости <...>. На генерала Ушакова, графа Головкина и на князя Куракина надеты голубые ленты св. Андрея.

Г[осподину] Стрешневу, деверю Остермана, Юсупову, московскому вице-губернатору, и Мегдену, коммерц-коллегии президенту, даны алые ленты св. Александра, а последний сделан и тайным советником. Графиня Миних, супруга фельдмаршала, будет иметь место непосредственно за принцессами крови» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 149. Л. 78 — 78 об.].

Для наведения страха на противников новой власти следственная комиссия приговорила Бирона к четвертованию. Однако новые правители смерти его не желали. Так что за приговором последовало высочайшее помилование и заключение герцога в сибирском городке Пелыме. В Сибирь были отправлены также родственники и его немногочисленное ближайшее окружение, а А.П. Бестужев-Рюмин сослан в свои вологодские деревни.

Победители были награждены, побежденные наказаны. Впрочем, и фельдмаршал Миних как «сильная личность», ограничивавшая действия титулованных правителей, уже 3 марта 1741 г. был отправлен в отставку.

Между тем, существует научная проблема — какова причина такого столь легко совершенного переворота. Для многочисленных историков, которые характеризовали время правления Анны Ивановны как «бионовщину», он являлся выражением протеста против Бирона и «немецкого засилия». Широко распространенное обобщающее мнение о XVIII столетии как эпохе «дворцовых переворотов» избавляло исследователей от конкретного анализа каждого

из них, подразумевая их причиной особое значение дворянской гвардии. При таком подходе сложность определяющих причин свержения Бирона заключалась в том, что после этой «революции» произошли самые незначительные изменения в составе высшего государственного управления. При отрицании «бионовщины» как особого правительственного режима причиной переворота становилось его иницилирующее обстоятельство. Как считает И.В. Курукин, «в 1740 году глава армии сверг законного регента Бирона уже без какой-либо формальной санкции верховной власти: благословение матери императора оставалось просьбой частного лица, не подкрепленной ни официальным документом, ни присягой» [Курукин И. 2006. С. 343].

Между тем, в научной литературе был намечен конструктивный путь в определении основной причины произошедших 9 ноября 1740 г. событий еще С.М. Соловьевым, который, впрочем, был убежден в идее засилья иноземцев в России того времени. Он писал в данной связи: «Бывали для России позорные времена: обманщики стремились к верховной власти и овладевали ею, но они по крайней мере обманывали, прикрывались священным именем законных наследников престола. Недавно противники преобразования называли преобразователя (Петра Великого. — М. С.) иноземцем, подкидывшем в семью русских царей; но другие и лучшие люди смеялись над этими баснями. А теперь въявь, без прикрытия иноземец, иноверец (Бирон. — М. С.) самовластно управляет Россиею и будет управлять семнадцать лет» [Соловьев С.М. 1993. Кн. 11, т. 21. С. 11]. Представляется, что в этом последнем наблюдении заключается суть решения проблемы в целом, если учесть предшествующую историю верховного правления в России после смерти Петра II.

Как отмечено ранее, в 1730 г. верховники попытались ограничить самодержавную императорскую власть, но при поддержке российского дворянства Анна Ивановна уничтожила навязанные ей «кондиции». Опору своей власти она создала в ближнем «немецком» окружении. Но вследствие инерции созданной ею системы фаворитизма Бирон попытался сохранить реальную верховную власть в России, тогда как Анна Ивановна это стремление поддержала. В результате сложилась искусственная политическая конструкция. Императором являлся двухмесячный младенец Иоанн Антонович, а реальным правителем огромной могущественной страны должен был стать на 17 лет человек, который никаких, даже династических, оснований для этого не имел. Были живы родители младенца и Елизавета Петровна, с которой несправедливо поступили все те же верховники, отстранив ее от власти после смерти ее племянника, Петра II. Таким образом, определяющие содержание событий причины свержения Бирона восходили к интригам верховников 1730 года. 9 ноября 1740 г. заговорщики-«немцы» пытались хотя бы посредством свержения Бирона выправить династическую ситуацию.

Но и эта «революция» не изменила критического состояния династии к лучшему. Официальным регентом при младенце императоре становилась

Анна Леопольдовна, мало занятая делами государственного управления. Все более их стремился решать ее муж, герцог Брауншвейгский Антон-Ульрих. Ближнее «немецкое» окружение Анны Ивановны и Бирона оставалось на своих местах. Особое значение во власти приобрел граф А.И. Остерман. А потому И.Ж. Шетарди сообщал в Париж 7 марта 1741 г.: «Остерман никогда не был так велик и могуществен, как теперь. Можно, нисколько не преувеличивая, сказать, что он теперь настоящий государь всей России. <...> Теперь он имеет дело с принцем и принцессою, которые по своим летам и по тому положению, в котором их держали, не могут иметь никакой опытности, никаких сведений. Они молоды и потому удовлетворятся внешностью, и ее-то Остерман постарается сохранить, предоставляя себе верховную власть» [Пекарский П. 18626. С. 213].

Все это не могло не воздействовать на настроения в среде русской знати, русского дворянства и гвардии, которые доказали, что под руководством Петра Великого они не только победили в Северной войне грозного противника, но и сыграли решающую роль в осуществлении петровских преобразований. Поэтому все более осознанным становилось их намерение возвести на престол Елизавету Петровну, приобрести определяющее значение в управлении империей, все более росли в их среде возникавшие антинемецкие настроения.

Бирон пытался бороться с такими намерениями и настроениями посредством террора. Э. Финч доносил в письме от 18 ноября 1740 г. о времени правления герцога: «Ибо по свойству здешнего правления никто почти не смеет думать, а еще менее говорить ничего иного, даже между четырьмя глазами (т. е. между двумя собеседниками. — М. С.), кроме того, что приятно теперешней власти». Такую «предосторожность» Финч объяснял «по чрезвычайным подозрениям и опасению герцога Курляндского, в то время когда он имел свою неограниченную власть, с которою ему отдано регентство» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 149. Л. 83 об. — 84].

Практика показала, что подозрительность и террор не могли спасти искусственно созданный политический режим регентства Бирона. Не могли они остановить ни роста антинемецких настроений, ни все более возрастающего намерения возвести на престол Елизавету Петровну. Между тем и сама Елизавета вела интриги, которые должны были возвести ее на императорский престол [см.: Анисимов Е. 2005. С. 18–35]. Это мнение подтверждается существованием, как следует из указания в «Реестре секретным делам и вещам, хранящимся в Трактатной палате», составленном в правление Екатерины II после 1767 г., «Плана тайных предприятий противу бывшего в 1741-м году правления. Тут же секретное письмо к цесаревне Елизавете Петровне». Этот «План» датирован 1741 годом [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 673. Л. 65 об.].

Такие события произошли в России во время обучения М.В. Ломоносова в Германии, и в такой сложнейшей общественно-политической и идейной

обстановке 8 июня 1741 г. он оказался в Петербурге. Это напряжение пока тайно противоборствовавших сил должно было разрешиться новым переворотом, который приведет к победе одной из них.

М.В. Ломоносов прибыл в российскую столицу, когда оттуда спешил уехать великий Л. Эйлер, уверенный в том, что «после кончины достославной императрицы Анны при последовавшем тогда регентстве (т. е. в регентство Бирона и Анны Леопольдовны. — М. С.) дела стали идти плохо» [*Пекарский П.* 1870. С. 258]. Вследствие гонений И.Д. Шумахера тогда же в июне 1741 г. собрался уехать из России профессор анатомии, хирургии и зоологии И.Г. Дювернуа, прозванный «добрый господин», поскольку лечил бесплатно бедных и давал им деньги на лекарства. Ему, как и Эйлеру, было дано звание иностранного почетного члена Петербургской Академии наук, но вследствие интриг мстительного Шумахера назначенных ему 200 руб. в год он не получал [*Пекарский П.* 1870. С. 176–177; *Летопись.* 2000. Т. 1. С. 262, 947].

Л. Эйлер вернулся в Россию только в 1766 г., когда Екатерина II после своего воцарения провозгласила продолжение преобразований Петра Великого, но уже в контексте просветительских идей единства исторического прогресса и принадлежности России к единому культурному пространству европейских народов. И.Г. Дювернуа в Россию не вернулся.

Во второй половине 30-х — 41-м году Петербургская Академия наук находилась в сложном положении. Кафедры пустовали, денежные долги росли. Л. Эйлер и И.Г. Дювернуа уехали, астроном, географ и востоковед Ж.Н. Делиль перестал посещать Конференцию [*Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 132–133].

В то же время Академия наук постоянно испытывала натиск бюрократического управления. Анализируя основные исследовательские подходы к изучению этого явления, В.И. Турнаев так определил три основных направления в его характеристиках: 1) причины бюрократизации Академии — в амбициях академических чиновников, которым нечего было противопоставить даровитости ученых (П.П. Пекарский), 2) бюрократизация — следствие особенностей структуры и условий существования Академии (Ю.Х. Копелевич), 3) бюрократизация, с которой боролись ученые, — результат целенаправленной политики правительства, стремившегося поставить науку под свой контроль (В.И. Турнаев). В соответствии с последней точкой зрения, отношения ученых с академической бюрократией должны рассматриваться «сквозь призму их отношений с правительством» [*Турнаев В.И.* 2003. С. 13].

Видимо, нет оснований настаивать на обоснованности лишь одного из этих мнений. Каждое из них раскрывало определенную часть отношений незначительной по численности академической администрации и ученых — членов Академии. Их особенность заключалась в двойственной природе Академии, созданной Петром Великим в особых российских обстоятельствах того времени. Петр осознавал, что Академия — сообщество ученых. Она является центром фундаментальных исследований. Поэтому сообществу ученых

необходима автономность для обсуждения ими научных проблем и для научного творчества, которое не подлежит административному управлению.

С другой стороны, Академия в России — учреждение государственное, в котором ученые служат по контракту за определенную оплату труда. В таких обстоятельствах Петр Великий стремился мобилизовать интеллектуальные возможности людей ученых в целях общегосударственных, что было сформулировано в утвержденном им проекте Устава. Но его преемники на российском престоле, их фавориты, президенты Академии и немногочисленная администрация постарались использовать результаты труда ученых не только для задач научных и государственных, но также в соответствии с прихотями монархинь, их приближенных или в связи с особенностями понимания чиновниками дисциплины на государственной службе.

Поэтому П.П. Пекарский и многие другие исследователи отмечали не только конструктивную деятельность И.Д. Шумахера в создании и управлении академической Библиотекой и Кунсткамерой, но также его склонность к интригам. Они должны были обеспечить его многолетнее пребывание в Академии, материальное благосостояние и подчинять его воле академиков и адъютантов, что он воспринимал как управление Академией.

Ю.Х. Копелевич пришла к обоснованному выводу, в соответствии с которым в руководстве барона Корфа проявилось свойственное правлению Анны Ивановны укрепление чиновничьего режима. Но академики, видимо, предпочли такое управление зависимости от капризов двора или самоуправству Канцелярии, поскольку И.Д. Шумахер и Канцелярия, занимая почетное положение, были полностью подчинены президенту [*Копелевич Ю.Х.* 1977. С. 131].

Представляется обоснованным мнение В.И. Турнаева, согласно которому «правительство» стремилось оказывать влияние на ученых посредством академической бюрократии. Но если учесть, что в XVIII в. в России существовала абсолютная монархическая власть, которая воздействовала на все стороны жизни общества, то в таком стремлении можно отметить лишь одно из следствий абсолютизма в России. Следует учитывать также автономность академических научных исследований по отношению к государственной власти. С другой стороны, гуманитарные дисциплины как наука о человеческом обществе постоянно испытывали идейное давление самого этого общества. Поэтому они непосредственно или трансформированно отражали идейные процессы, которые происходили в стране, следуя запросам общества и государства.

М.В. Ломоносов уезжал из России при стабильном политическом режиме царствования Анны Ивановны в 1736 г., а вернулся, когда внутривнутриполитическое положение страны стало крайне неопределенным. Он был воспитан не только в любви к родине, но и в патриотических петровских идеях «прогрессов» России в войнах и в общественно-политической жизни. Эти идеи были тем более возвышенны, что практика российской крепостной жизни для него, свободного помора, являлась областью отдаленной. Ломоносов был

молод, получил образование в Марбургском университете под руководством замечательного ученого и мыслителя Христиана Вольфа и других профессоров. Он женился по любви на немецкой девушке. В соответствии с петровскими принципами он не придавал значения различиям в вере и в национальной принадлежности. Но Ломоносов не мог привезти в Россию жену и дочь в 1741 г., поскольку Петербург его ждал со свойственным тому времени жестким чиновничьим аппаратом абсолютистского государства и централизованной системой академического управления. Они сразу поставили его в положение недостаточно материально обеспеченного студента, который должен был продолжить обучение натуральной истории, преимущественно минералогии, у профессора И. Аммана.

По возвращении в Петербург М.В. Ломоносов представился единственному тогда академическому административному управляющему И.Д. Шумахеру. Назначенный 24 апреля 1740 г. президентом Академии наук Карл фон Бреверн, ставленник Остермана и Бирона, после переворота в пользу Анны Леопольдовны был отрешен от всех должностей. В такой неопределенной обстановке Шумахер не стал преследовать русского студента за значительные денежные траты в Германии, то ли руководствуясь петровским примером в данной ситуации, то ли опасаясь привлекать к себе внимание в столь чреватое угрозами время, то ли предчувствуя перемены в связи с приходом к власти Елизаветы Петровны.

Но и М.В. Ломоносов стремился утвердить свое положение в Академии наук, предотвращая возможные гонения И.Д. Шумахера. Он начал активную изобретательскую и научную деятельность, работая в июле и августе 1741 г. над оригинальной конструкцией солнечной печи, а также над диссертацией «Физико-химические размышления о соответствии серебра и ртути...». Результаты этих разысканий он передал для апробации Академическому собранию.

Тогда же в общественно-политической жизни России произошло важное событие — 28 июля 1741 г. Швеция объявила ей войну. Эта война, длившаяся до августа 1743 г., имела большое значение для истории исторических идей в России и в биографии М.В. Ломоносова, на что в научной литературе, как представляется, внимания не обратили. Поэтому на ее причинах и ходе военных действий следует остановиться подробнее. Они обстоятельно изучены в отечественной литературе еще в середине XIX в. [здесь и далее см.: *Штилевская Н.* 1859].

В манифесте, изданном 24 июля 1741 г., шведский король Фредрик I обвинил Россию в том, что она по Ништадскому миру захватила лучшие шведские провинции, вмешивалась во внутренние дела Швеции, не разрешала шведам свободно покупать в Прибалтике хлеб на 50 000 руб. и т. д. Но в действительности Швеция стремилась к реваншу за поражение в Северной войне.

Намерение восстановить господствующее положение на Балтике, вернуть прибалтийские, финские и карельские земли, вновь лишить Россию

не контролируемого Швецией выхода на торговые балтийские пути являлось основным для шведского государственного руководства и «партии шляп», сторонников этой войны [Штилевская Н. 1859. С. 22–26, 38–39]. Но они пытались вовлечь в свои интриги также Елизавету Петровну, которой обещали помощь в обретении царского трона. Поэтому появилось мнение, в соответствии с которым основной причиной войны стало намерение шведов взять под свое покровительство принцессу Елизавету и поддержать ее партию в России [о французских и шведских попытках вовлечь Елизавету в эти интриги см.: Штилевская Н. 1859. С. 83; Анисимов Е. 2005. С. 24–33].

Командующий шведской армией К.Э. Левенгаупт попытался возбудить в русских чувство ненависти к иностранцам в России, оживить в них воспоминания о допетровской Руси и одержать победу над Россией если не на поле брани, то разжигая у россиян чувства розни и взаимной ненависти. Он издал манифест, который очень важен для изучения возникновения антинемецких настроений в России середины XVIII в. Поэтому его следует привести полностью: «Его королевского величества шведского, моего всемилостивейшего короля и государя, генерал-аншеф его армии, я, Карл Эмилий Левенгаупт, граф, объявляю всем и каждому сословию достохвальной русской нации, что королевская шведская армия вступила в русские пределы не для чего иного, как для получения при помощи Всевышнего удовлетворения шведской короны за многочисленные неправды, ей причиненные иностранными министрами, которые господствовали над Россиею в прежние годы, а также потребную для шведов безопасность на будущее время; а вместе с тем, чтобы освободить русский народ от несносного ига и жестокостей, с которыми означенные министры для собственных своих видов притесняли с давнего времени русских подданных, чрез то многие потеряли собственность или лишились жизни от жестоких уголовных наказаний, или, впадши в немилость, бедственно ссылались в заточение. Вследствие этого намерение короля шведского состоит в том, чтобы избавить достохвальную русскую нацию для ее же собственной безопасности от тяжелого чужеземного притеснения и бесчеловечной тирании и предоставить свободное избрание законного и справедливого правительства, под управлением которого русская нация могла бы безопасно пользоваться жизнью и имуществом, а со шведами сохранять доброе соседство. Этого достигнуть будет невозможно до тех пор, пока чужеземцы по своему произволу и из собственных видов будут свободно и жестоко господствовать над верными русскими подданными и их соседями союзниками. Ради этих справедливых намерений его королевского величества должны и могут все русские соединиться со шведами и как друзья отдаться сами с имуществом под высокое покровительство его величества и ожидать от его высокой особы всякого сильного заступления» [см.: Штилевская Н. 1859. С. 19; Пекарский П. 1862а. С. 385–386; Анисимов Е. 2005. С. 34].

В этом манифесте, рассчитанном на простаков, присутствуют все составляющие войны идеологической. В нем фальсифицирована история. А потому борьба Петра Великого за возвращение России захваченных Швецией в начале XVII в. земель, за выход России к Балтийскому морю и удержание территорий, завоеванных в Северной войне, превратились в «многочисленные неправды» для Швеции. Здесь и превращение противника России в ее «друга», и конкретное указание их общего «врага» — иностранцев, под которыми понимались «немцы». Следствие этой незамысловатой провокации — установление шведского покровительства над Елизаветой Петровной и русскими на уровне межгосударственных отношений.

Впрочем, российское войско под главным командованием ирландца фельдмаршала графа П.П. Ласси (в России его называли Лессий) и командующего армией шотландца генерала Дж. Кейта нанесло шведским войскам тяжелейшие поражения. Уже 23 августа в Финляндии шведы были разбиты в сражении при городе-крепости Вильманстранде. Он был захвачен вместе с находившимся там вооружением, продовольствием и денежной казной. После воцарения Елизаветы Петровны в результате дворцового переворота 25 ноября 1741 г. в результате успешных военных действий в 1742–1743 гг. фельдмаршала Ласси, русских генералов и иностранцев на российской службе, командующего флотом адмирала графа Н.Ф. Головина были заняты города-крепости Фридрихсгам и Гельсингфорс (совр. Хельсинки), а шведский флот должен был уйти из финской акватории.

Российская армия и флот одержали в войне полную победу. Она свидетельствовала о сохранении боеспособности армии, созданной Петром Великим, о восстановлении значения российского флота в правление Анны Ивановны. В данных обстоятельствах в начавшихся 7 февраля 1743 г. мирных переговорах российская сторона настояла на том, что наследником шведского престола был избран голштейнский герцог Адольф Фридрих, дядя наследника российского престола и внучатого племянника Елизаветы Петра Федоровича, будущего Петра III. Это избрание значительно усиливало в Швеции партию сторонников мирных отношений с Россией. По Абоскому мирному договору, подписанному 7 августа 1743 г., российская сторона отказалась от значительных занятых во время военных действий финских территорий, но для лучшей защиты Петербурга настояла на присоединении к России Кюменегорской провинции с городами Фридрихсгамом и Вильманстрандом, а также части Саволакской провинции с Нейшлотом. Швеция подтвердила условия Ништадского мирного договора 1721 г. Тем самым вопрос о легитимности российских владений в Прибалтике снимался.

Победы российской армии вызвали подъем патриотического чувства. В таких общественно-политических обстоятельствах М.В. Ломоносов, без сомнения искренне, написал большую оду, посвященную годовалому императору Иоанну Антоновичу ко дню его рождения 12 августа. В связи

с победой при Вильманстранде 23 августа и днем тезоименитства 29 августа 1741 г. он сочинил еще одну оду. Они были опубликованы в «Примечаниях на Санкт-Петербургские ведомости».

Показательно отношение М.В. Ломоносова к истории в этих одах, написанных в регентство Анны Леопольдовны.

В «Оде, которую в торжественный праздник высокого рождения всеветлейшего державнейшего великого государя Иоанна Третьяго, императора и самодержца Всероссийского, 1741 года августа 12 дня веселящаяся Россия произносит» М.В. Ломоносов должен был разъяснить особенности российской династической коллизии, в соответствии с которой во главе огромной и могущественной Российской империи оказалась Брауншвейгская династия, владением которой являлось крайне малое немецкое герцогство. Для решения этой непростой задачи Ломоносов обратился к историческому прошлому как к идеологическому обоснованию современных политических событий.

Исходя из исторической концепции П. Петрея и летописного сказания о «призвании варягов» (Петреем утверждалось шведское, а следовательно — германское происхождение варягов), М.В. Ломоносов написал об Иоанне Антоновиче как преемнике двух древних и равноправных народов россов и германцев: «Монарх Наш — сильных двух колен», т. е. происходит от двух народов. Для Ломоносова существует устойчивая связь россиян со славянами в широко распространенных ассоциациях «слава» → «славяне»: «Одно мое, чем я толь славна; / Россиян храбрость где не явна?». Другое «колено» российского императора — германское, восходившее к германцам, перед которыми пал Рим: «Друго Германско, с коим Рим / Войну едва дерзал начать, / Весь свет побив, не мог стояти / В бою, Тейтон (т. е. тевтон. — М. С.), с полком твоим» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 38–39].

Эти славяно-русские и германские древнейшие «колена» правящего монарха М.В. Ломоносов проследил также в древнейший период русской истории. Ее он изложил в соответствии с книгой П. Петрея «История о великом княжестве Московском». «Разумный Гостомысл» посоветовал «князьям» во избежание «ссор» отправиться «к брегам Варяжских вод» и просить там «мужей премудрых». И далее поэт продолжил повествование от имени Гостомысла: «Послы мои туда сходили, / Откуда Рурик, Трувор были, / С Синавом три Князя у нас».

Последующее историческое развитие Руси лишь кратко обозначено ее крещением не названным по имени внуком Игоря, а также победой Дмитрия Донского над Мамаем, что стало началом российских побед над Османской империей и крымским ханом в правление Анны Ивановны. Завершением этого исторического повествования явились в соответствии с жанром оды благопожелания правительнице Анне Леопольдовне «с Твоим Светлейшим в век Супругом», т. е. Антоном-Ульрихом Брауншвейгским, включая эле-

гантно выраженное пожелание долголетия: «И Вам Сыновних Внуков зреть» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 38–42].

Не менее существенно как историографический источник и второе крупное поэтическое произведение — «Первые трофеи его величества Иоанна III, императора и самодержца Всероссийского, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства его императорского величества августа 29 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданейшаго раба Михайла Ломоносова ода». В этом произведении в соответствии с его жанром воспеается победа России в начавшейся войне со Швецией. Прославляется годовалый император, его отец, генералиссимус Антон-Ульрих Брауншвейгский и регент-мать, Анна Леопольдовна.

Победа над шведским войском и взятие шведского города-крепости стали причиной многочисленных поэтических аллюзий и прямых указаний на недавнюю тогда Северную войну. Названы Карл XII, Полтава, «вечный» Ништадтский мир. С небес на победы российского оружия взирает Анна Ивановна: «Доброт чистейший лик вознес / Велику Анну в дверь небес, / Откуда зрит в России ясно / Монарха (Иоанна Антоновича. — М. С.) в лавровых венцах / На матерних (Анны Леопольдовны. — М. С.) Твоих руках <...>» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 43–52]. В оде Ломоносова в связи с победой под Вильманстрандом и взятием этого города не назван только Петр I, хотя упомянута Полтава как символ побед российского оружия, что является важнейшим указанием на идейное давление династической ветви «Ивановичей».

Если Анна Ивановна управляла империей, используя наследие и авторитет ее основателя, но приглушая их значение для России посредством «иоанновой вуали», то ее племянница Анна Леопольдовна и ее ближайшее окружение попытались использовать победы российского оружия для создания нового ореола славы и величия вокруг династической ветви, восходившей к Ивану V Алексеевичу. Показательно в данной связи официальное указание Ивана Антоновича как Ивана Третьего, т. е. он назван в ряду только царствовавших соименных правителей — Ивана Грозного и деда, Ивана Алексеевича. Правящая ветвь «Ивановичей», используя новые победы созданной Петром Великим армии, по-прежнему стремилась для своего возвышения по мере возможности принизить в памяти россиян особое значение деятельности основателя империи.

Но кроме этой идейно-политической задачи такие действия имели цели и династические. Для Анны Леопольдовны и ее окружения было необходимо устранить как династический фактор Елизавету Петровну. А для этого надо было попытаться затмить память о ее великом отце. Таким образом, в оде «Первые трофеи» ясно видно сильнейшее внешнее воздействие на М.В. Ломоносова при отборе и изложении событий новейшей истории. Ее автор, искренний

почитатель личности Петра Великого, в полной мере осознававший значение его деятельности, был вынужден о нем умалчивать в своем произведении.

Содержание оды М.В. Ломоносова «Первые трофеи» указывает, в каком опасном положении Елизавета Петровна находилась в конце августа 1741 г. Для того, чтобы остаться в живых или не быть отправленной в монастырь, ей надо было предпринимать решительные меры. В условиях военных действий, происходивших недалеко от Петербурга, в Финляндии, в ночь на 25 ноября Елизавета совершила с помощью гвардейцев дворцовый переворот.

Той же ночью канцлер князь А.М. Черкасский, недавно возвращенный из ссылки граф А.П. Бестужев-Рюмин и отставленный от руководства Академией наук, но по-прежнему активный К. Бреверн подготовили тексты присяги и манифеста о восшествии на престол Елизаветы Петровны. В нем указывалось, что вследствие младенчества императора «правление Государственное чрез разные персоны и разными образами происходило». Вследствие этого «как внешние, так и внутри Государства беспокойства и непорядки, и, следовательно, немалое же разорение всему Государству последовало бы». Далее обоснование воцарения Елизаветы излагалось в соответствии с концепцией Томаса Гоббса — народ просит, чтобы в его благо правитель осуществлял власть: «<...> того ради все наши, как духовнаго, так и светскаго чинов верные подданные, а особливо лейб-гвардии наши полки всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы для пресечения всех тех присшедших и впредь опасных беспокойств и непорядков яко по крови ближняя Отеческий Наш Престол всемилостивейшее воспрять соизволили». После указания на монархический принцип наследования по «нашему законному праву по близости к самодержавным Нашим вседражайшим Родителям», Петру Великому и императрице Екатерине Алексеевне, манифест вновь вернулся к общественно-политическому обоснованию воцарения Елизаветы: «по их всеподданнейшему наших верных единогласному прошению тот наш отеческий всероссийский престол всемилостивейшее воспрять соизволили» [ПСЗ. Т. 11. № 8473]. Такие династические, общественно-политические и философские утверждения манифеста, близкие к столь памятным россиянам теории и практике «общественного блага» в правление Петра Великого, становились основанием легитимности воцарения Елизаветы Петровны.

Как сообщил в Париж маркиз де ля Шетарди сразу после произошедших событий, «радость, высказывавшаяся при этом случае в публичке, чрезвычайна, и можно удивляться, что все это произошло без всякого беспорядка». В письме от 17 декабря он написал подробнее: «Войска и народ, к которым она (Елизавета Петровна. — М. С.) показалась с балкона, выразили такую радость, что лица, жившие в Петербурге лет с тридцать, признаются, что подобной не видали ни при каком другом случае» [Пекарский П. 1862б. С. 403, 409].

Возможно, среди этих ликующих людей находился и М.В. Ломоносов, который рос в эпоху петровских преобразований, всю жизнь которого сопро-

вождали деяния Петра Великого и для которого память о Петре была священна. Уже 26 ноября Канцелярия Академии наук объявила о предстоящей на следующий день присяге [Летопись. 2000. Т. 1. С. 271]. Так что 27 ноября Ломоносов в качестве студента Академии присягал вместе с членами Академии новой императрице, которой он искренне восхищался и как преемницей деяний Петра Великого, и как женщиной. В правление Елизаветы ему не надо было, в отличие от времени правления Анны Леопольдовны и Брауншвейгской фамилии, наступать на горло собственной песне, когда он хотел прославить деяния Петра Великого.

После восшествия Елизаветы на престол и процессов над побежденными политическими противниками стали изыматься и уничтожаться книги и документы, в которых упоминались Иоанн Антонович и его родители. 8 марта 1744 г. из Сената в Академию для специального хранения была прислана ода М.В. Ломоносова «Первые трофеи», а в августе 1745 г. академическая Канцелярия отправила в Сенат для сожжения «кипу» материалов, в том числе 12 экземпляров «од и похвальных речей, изданных адъюнктом Ломоносовым». Это были оды, написанные во время регентства Анны Леопольдовны. Они представляли определенную угрозу для Ломоносова в начальный период правления Елизаветы Петровны [Ломоносов М.В. ПСС. 1959. Т. 8. С. 884].

Политика Анны Ивановны, Бирона, Анны Леопольдовны и их «немецкого» окружения по отстранению Елизаветы от трона, от участия в государственной власти, шведская пропаганда способствовали тому, что у Елизаветы сформировалось особое отношение к иностранцам. Маркиз де ля Шетарди прозорливо обратил на это внимание своего правительства в депеше от 21 апреля 1741 г., т. е. за семь месяцев до ее восхождения на престол: «<...> если принцессе Елизавете будет проложена дорога к трону, то можно быть нравственно убежденным, что претерпенное ею прежде, также как и любовь ее к своему народу побудят ее к удалению иноземцев и к совершенной доверчивости к русским» [Пекарский П. 1862б. С. 247–248].

Негативное отношение Елизаветы к «немцам» определялось также изменением их положения на высшем уровне государственного и придворного управления. При Петре Великом они служили государю и Государству, находясь в равных условиях такой службы с русскими. Они являлись специалистами в тех отраслях современных знаний, в которых Россия вследствие объективных причин отстала и которые были освоены русскими людьми в результате целенаправленной политики Петра Великого. При Анне Ивановне «немцы» стали в государственном и придворном управлении ее опорой, которая помогла ей осуществлять императорскую власть, преодолевая клановые традиции знати и столичного дворянства. Но ко времени воцарения Елизаветы Петровны эти «немцы» сами превратились в клановую группировку [Пекарский П. 1862б. С. 277], которая могла не только парализовать

осуществление императорской власти, но и сделать императрицу своей заложницей, контролируя ее властные функции.

Преодолеть контроль и воздействие такого ближайшего окружения в государственном, военном и придворном управлении Елизавета могла, исходя из уже сложившегося «антинемецкого» стереотипа поведения, только одним способом — устранив это окружение. Такой метод был хорошо отработан предшественниками Елизаветы на российском престоле — политическая казнь. Смертная казнь ей для этого была не нужна, тем более что эти «немцы» государственных преступлений не совершили. Суть их вины заключалась в преступлении перед Елизаветой Петровной, в их стремлении отстранить от престолонаследия потомков Петра Великого, что и было указано в манифестах новой императрицы от 28 ноября 1741 г. и 22 января 1742 г. как «недоброжелательные к нам и коварные происки» Остермана, а также Миниха, Головкина, Левенвольда, Мегдена, Темирязева и других «государственных преступников, изобличенных в противузаконных действиях к устранению наследия императорского всероссийского престола императрицы Елизаветы Петровны и к доставлению оного потомству принцессы Анны Брауншвейг-Люнебургской». Для большей убедительности их вины к основному династическому преступлению были добавлены и другие обвинения по гражданской и военной службе [ПСЗ. Т. 11. № 8476, 8506].

Венчать наказание верховных лиц свергнутой власти, стремившейся покрыть петровское наследие «иоанновой вуалью» и превратить правление «Ивановичей» в преемственное наследование, должна была имитация их смертной казни. По приговору назначенного Елизаветой суда граф А.И. Остерман должен был быть колесован живым. Фельдмаршалу Б.Х. Миниху следовало сначала сломать руки и ноги, а затем отрубить голову. Кабинет-министр М.Г. Головкин, обер-шталмейстер граф К.Г. Левенвольде, действительный статский советник, член Коллегии экономии Иван Темирязов были осуждены на обезглавливание. Все они были приведены на Сенатскую площадь, место казни. Остермана возвели на эшафот, и секретарь сената прочел приговор. Но после ужасающих приготовлений к казни тот же сенатский секретарь прочел указ о ее отмене. Эти и прочие осужденные были отправлены в сибирскую ссылку или на европейский север России [*Вейдемейер* А. 1834. С. 7, 15–25; *Пекарский* П. 1862а. С. 519–532].

Елизавета Петровна начала не только восстанавливать в народе и стране память об отце. В частности, она собирала его портреты, которые, как писал де ля Шетарди, «по предрассудкам или прежней ненависти были как бы погребены в прахе и забвении» (см. ранее, с. 324). Она провозгласила себя преемницей деяний Петра Великого.

Елизавета прекратила существование Кабинета министров и восстановила петровский Правительствующий Сенат как высшее правительственное и судебное учреждение. Для осуществления прямого государственного управ-

ления императрицы был восстановлен и учрежденный Петром Великим Кабинет Его, теперь Ее, императорского величества в качестве канцелярии императрицы во главе с И.А. Черкасовым, который являлся кабинет-секретарем еще Петра. Были восстановлены некоторые из отмененных ранее петровских коллегий, а в Сенате возобновилась деятельность генерала-рекетмейстера, который должен был рассматривать жалобы на должностные и судебные преступления, восстанавливались должности коллежских и губернских прокуроров. Елизавета постановила следовать принципу петровской «Табели о рангах» в чинопроизводстве по старшинству и выслуге. Она указала также пересмотреть все законы, изданные после смерти отца, и установить их меру соответствия петровскому законодательству. Подтвердила она также петровские законы о бритье мужчин и ношении традиционных одежд, что позволялось только духовным лицам и крестьянам.

Вместе с тем, уже в начальный период царствования Елизавета издала указы, отличавшиеся от петровского законодательства. Эти указы в полной мере отразили особенности ее биографии до восшествия на российский престол. Сбылось предсказание де ля Шетарди, в соответствии с которым Елизавета в максимальной мере удалила из высшего государственного и дворцового управления «иноземцев», сохранив лишь небольшое число доверенных лиц, при «совершенной доверчивости к русским». Ее ближнее окружение на высших придворных, государственных и военных должностях составили ее фаворит, бывший певчий императорской капеллы Алексей Григорьевич Разумовский, его брат Кирилл, в 1746 г. назначенный наряду с другими должностями президентом Петербургской Академии наук, М.И. Воронцов, Петр Иванович Шувалов и его брат Александр. В 1749 г. начался фавор их двоюродного брата Ивана Ивановича Шувалова. Канцлером Елизавета назначила А.П. Бестужева-Рюмина.

С 1742 г. начались активные преследования старообрядцев, которые ответили самосожжениями, а также квакеров. В Казанской губернии было запрещено строительство мечетей. Армянские церкви, кроме недавно построенных в Петербурге, Москве и Астрахани (по одной), велено было «упразднить» и впредь не строить. Разрешили печатать и продавать антипротестантское сочинение «Камень веры». Была установлена цензура на ввоз в Россию книг религиозного содержания, а те, которые уже были переведены или напечатаны за рубежом на русском языке, должны были быть цензурированы в Синоде. Был издан указ о немедленной депортации евреев из России, кроме тех, кто примет православие. Но их потом не разрешалось выпускать за границу. В докладе Сената указывались огромные утраты в экономике вследствие этой меры, но Елизавету это предупреждение не остановило [о законодательных мерах Елизаветы в начале царствования см.: *Вейдемейер А.* 1834. Ч. 1. С. 113–115; *Каменский А.Б.* 2001. С. 270–291; см. там же историографию проблемы; *Анисимов Е.* 2005. С. 108–113]. Впрочем, необходимые российской экономике,

военному делу и науке «немцы» разных национальностей и исповеданий не преследовались, хотя от императорского двора и высших государственных должностей они были отдалены.

Для всех, кто мог подумать о неповиновении власти новой императрицы, было создано так называемое «дело Лопухиных», обвиняемые по которому, несмотря на принадлежность к высшему слою российской элиты, были приговорены в 1743 г. к смертной казни, замененной наказанием кнутом, вырезанием языков и ссылке. Это было серьёзное предупреждение дворянству и всем людям на императорской службе.

Видимо, наиболее проникательно суть идеологии царствования Елизаветы Петровны как ее «господствующей идеи» сформулировал В.О. Ключевский: «Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками – такова была господствующая мысль того времени» [*Ключевский В.О.* 1959. Т. 8. С. 410].

Глава IV

Российская историческая наука во второй четверти XVIII в.

1. М.В. Ломоносов и новые организационные начала Академии; политический контекст и историческая наука

По мерам, принятым Елизаветой Петровной против недавних правителей России, и по ее постановлениям начала царствования члены Петербургской Академии наук, как и все россияне, поняли, что ими будет править твердая рука. Отсюда следовало, что единственный «разумный» путь, на котором ждали царские милости и награды, — следовать указаниям этой руки. В данной связи показателен проект убранства конференц-зала Академии наук по поводу ее посещения императрицей (ранее 29 апреля 1742 г.). Как написал М.В. Ломоносов, там должна была находиться «статуа Е. И. В. под видом вперед ступающия Минервы». На щите, который она держала, должно находиться «символическое изображение» — «рука, корону из облаков держащая, с надписью: “Dat et aufert”, то есть “Дает и отъемлет”» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 394].

Прямой смысл этого изображения и надписи — участие Божественного Промысла в воцарении императрицы. Но этот символ мог иметь и подтекст — благодеяния царской руки, дающей или наказывающей. Для умудренных жизненным опытом членов Академии обещания милости и угрозы новой власти в надписи на щите Минервы-Елизаветы были, видимо, очевидны.

Уже к 8 декабря, то есть через две недели после воцарения Елизаветы, постоянный автор академических торжественных од и прочих официальных литературных текстов Я.Я. Штелин написал по-немецки, а М.В. Ломоносов перевел на русский язык стихотворное поздравление новой императрице

в связи с ее предстоящим 18 декабря днем рождения. Этот текст был академическим руководством обсужден, утвержден, а 8 декабря и опубликован. Штелин писал в соответствии с идеологией нового правления: «Какой утехи общей лучь / В Российски светит к нам пределы, / Которой свет прогнал тьму тучь? / По страхе Музы толь веселы <...>». В поэтической форме зашифрованно изложены идеи освобождения России от «немецкого владычества»: «Избавь, избавь Российску кровь / От злаго скорбных дней начала. / Дстойна на престол вступи, / К присяге мы готовы вси».

Важнейшая идеологема елизаветинского царствования — восстановление традиций родителей Елизаветы и восходящей к ним династической преемственности — также выражена в поздравлении Академии наук. Завершающая строфа еще раз обращала внимание императрицы на учреждение, которое издало это стихотворное приношение, и ожидания, которые Академия питала в связи с новым царствованием: «Ликуй же светло, хор наук, / Открыл что Петр с Екатериной, / <...> / Великий Петр, что зачал сам, / Елисавет восставит нам» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 53, 55–58].

Данное поздравление и его перевод, срочно написанные «на случай», изданные в декабре 1741 г. по-немецки и по-русски, как поэтическое произведение характеризуются поспешностью. Поэтому даже его комментаторы в «Полном собрании сочинений» М.В. Ломоносова признали: «Русский перевод штелинской оды является, пожалуй, самым неудачным из всех его (М.В. Ломоносова. — М. С.) стихотворных произведений. Ни в одном из них не встречается такого количества плохих рифм <...>. Нигде Ломоносов не прибегает так часто к “пиитическим вольностям” в духе Тредиаковского <...>. Только здесь, наконец, сталкиваемся мы с грубыми нарушениями стихотворного ритма <...>». Но эти особенности оды — не только следствия поспешности, опасений Я.Я. Штелина, И.Д. Шумахера и М.В. Ломоносова, который незадолго до того издал оду в честь младенца-императора Иоанна Антоновича и его «первых трофеев», как отметили комментаторы [*Красоткина Т.А., Блок Г.П.*]. 1959. С. 888]. В данном поздравлении Академии наук ясно прослеживается давление на нее новой власти в признании произошедших династических перемен и стремление руководства Академии обратить на себя благосклонное внимание Елизаветы, вследствие чего Академия поздравляла новую императрицу словами ее манифестов. Такое содержание оды уже не нуждалось в древнерусской экспозиции. Поэтому Штелин ограничился в исторической перспективе оды лишь петровским периодом.

Недвусмысленно обозначенные приоритеты Елизаветы в изменении национального состава высшего государственного управления, осознание М.В. Ломоносовым значимости приобретенных в Германии научных знаний и его творческая активность способствовали тому, что в начале 1742 г. он подал в Канцелярию Академии наук прошение о назначении адъюнктом. То, что число русских ученых в Академии было незначительно, могло произве-

сти отрицательное впечатление на императрицу и ее окружение. Представленные на обсуждение академиков разыскания Ломоносова понравились им. Да и сам он своей исследовательской активностью убеждал в том, что он — сложившийся молодой ученый. К тому же он проявил поэтический талант, который был востребован руководством Академии для свойственных тому времени внеучебных обязанностей ее членов. Так что 8 января 1742 г. Шумахер написал на прошении Ломоносова о своем согласии с назначением его адъюнктом, а 31 марта Канцелярия направила в Академическое собрание извещение о назначении Ломоносова адъюнктом [Летопись. 1961. С. 64, 66].

Началась активная деятельность М.В. Ломоносова в Академии наук прежде всего как химика. Уже в январе 1742 г. он обратился в Канцелярию с предложением создать при Академии наук Химическую лабораторию. Но Ломоносов продолжал активно откликаться и на события общественно-политической жизни. До 10 февраля он написал оду на прибытие из Голштинии племянника Елизаветы и сына умершей в 1728 г. Анны Петровны Петра Федоровича, который был объявлен наследником престола. Эта ода также была издана Академией отдельным изданием.

Основные идеи оды прежние — восстановление на российском престоле «петрова племени» и избавление «от насильных рук», то есть от притеснений «немцев». В своем самостоятельном произведении М.В. Ломоносов также не нуждался в исторической перспективе для обоснования новейших общественно-политических событий [Ломоносов М.В. ПСС. 1959. Т. 8. С. 59–69]. Впрочем, в новой коронационной оде, написанной Г.Ф.В. Юнкером и переведенной Ломоносовым, повторявшей идеи преемственности власти Елизаветы по отношению к царствованию Петра Великого, опасности иноземного господства, подразумевая в данном случае продолжавшуюся войну со Швецией, появился исторический контекст. Он должен был сделать рельефной мысль, в соответствии с которой Россия стала великой державой и времена ее военных поражений миновали: «Когда Российский род под игом в тме держался / И злаго Батия кумиру ниц склонялся. / <...> Не будет с нами так в бою опять глумиться, / Чтобы противу ста и тысяче склониться» [Ломоносов М.В. ПСС. 1959. Т. 8. С. 73–74].

Исторический контекст, но уже в виде ассоциаций, М.В. Ломоносов продолжил в «Оде на прибытие» Елизаветы Петровны из Москвы в Петербург. Она была написана между 26 сентября, когда в Академии был получен указ Сената о намерении императрицы выехать из Москвы, до 20 декабря, когда она торжественно въехала в Петербург. В этой оде, продолжавшей ранее названные уже традиционные идеи, для Ломоносова особое значение приобрела война со Швецией. В ней он последовательно называл шведов «готами», германским народом, который в древности жил на территории современной для Ломоносова Швеции. Поэтому, как писал Ломоносов, «уже и морем и землею / Российско воинство течет / И сильной крепостью своею / За лес

и реки Готов жмет». Россияне побеждают «готов» и на суше, и на море: «Там смерть меж Готфскими полками / Бежит ярься из строя в строй», «Весельный шум, гребущих крик / Наносят Готам страх велик» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 89, 92, 896]. Ассоциативный исторический ряд «готы–шведы» являлся весьма продуктивным, поскольку в нем «готов» могли заменить другие скандинавские или германские противники России.

Принципы классицизма требовали утверждения вечных идеалов, начала которых находились в античности. В обратных связях с действительностью XVIII в. античность становилась обоснованием вечности, незыблемости современных для того времени порядков. Поэтому в связи с победами российской армии на суше Ломоносов переводил, следуя оде Юнкера, обращение поэта к Елизавете: «Покрой Твой шлемом верьх, Минерва наших лет, / Воткни копье Твое».

При описании российских побед на море метафорический ряд, в который включен образ императрицы, уже другой: «Отец твой был Нептун, Ты равна будь Фетиде», то есть морской нимфе, матери Ахилла. В соответствии со «стилем эпохи» и конкретными российскими политическими и династическими обстоятельствами М.В. Ломоносов продолжил этот образный ряд, включив туда великого князя Петра Федоровича в оде 1743 г. на день его тезоименитства в условиях завершающейся войны со Швецией, что не исключало будущих войн с ней: «Под инну Трою вновь приступит / Российский храбрый Ахиллес» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 74–75, 106]. Впрочем, когда Ломоносов написал эту оду, «Ахиллесу» исполнилось только 15 лет, и всю свою недолгую жизнь он являл полную противоположность воинственному легендарному герою античного мира.

Поэтическая активность М.В. Ломоносова в прославлении коронованных особ была для XVIII в. традиционна. Способствуя изданию од Я.Я. Штелина, Г.Ф.В. Юнкера, М.В. Ломоносова в Академии, И.Д. Шумахер надеялся, что царские милости обратятся и на него. Шумахер оказывал тогда хотя и ограниченную, но постоянную поддержку Ломоносову. Между тем, особое внимание новой императрицы имело для Академии неожиданные следствия.

В соответствии с проектом Петра Великого Академия наук представляла собой «социетет (собрание) персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют» (см. ранее, с. 184), при этом ни национальность членов Академии, ни их религиозная принадлежность значения не имели. Основным для Академии являлись знания, научная и практическая польза членов Академии, слава, приносимая ими России. Но уже 17 августа 1742 г. в Академии был получен указ Сената, в соответствии с которым в конференц-зале была помещена икона. 21 марта 1743 г. был объявлен указ Сената о сожжении книг — изданных в Германии биографий А.И. Остермана, Б.Х. Миниха, Э.И. Бирона, имеющих в Академии, в академической Гимназии, Университете, а также в домах служащих и учеников [Летопись.

2000. Т. 1. С. 283, 289]. Впрочем, в таком сожжении для россиян уже не было ничего удивительного. Ранее в соответствии с указом от 18 октября 1742 г. были сожжены «с барабанным боем» «присяжные листы на верность подданства принцу Иоанну» [ПСЗ. Т. 11. № 8641].

Новая императорская власть приводила Академию наук в соответствие со своей внутренней политикой.

30 сентября 1742 г. Елизавета Петровна повелела Сенату учредить следственную комиссию в связи с обвинениями И.Д. Шумахера студентами и сотрудниками академической Канцелярии в растрате казенных денег, в плохом хранении собраний Кунсткамеры и Библиотеки. Комиссия приняла решение о домашнем аресте Шумахера на время следствия. Этот арест длился три месяца. Были проверены финансовая отчетность, а также состояние Кунсткамеры, Библиотеки и Книжной лавки. Во время деятельности следственной комиссии советником Канцелярии был назначен А.К. Нартов, бывший токарь Петра I, который с 1735 г. возглавлял Инструментальную палату Академии наук. Нартов включил Ломоносова в число людей, которые могли проводить ревизию в Кунсткамере и Библиотеке Академии наук.

Впрочем, следствие не подтвердило обвинения И.Д. Шумахеру. Тогда началось следствие над его противниками, некоторые из них были арестованы. Дольше других — с 7 октября 1742 г. по 24 сентября 1744 г. — под арестом находился Н.И. Попов, который тогда являлся академическим переводчиком. Во время деятельности следственной комиссии у М.В. Ломоносова начались сложные отношения с некоторыми профессорами, которые пожаловались ее членам на его «недостойное поведение». Но когда он отказался в комиссии отвечать на задаваемые вопросы, то немедленно был задержан. Арест Ломоносова длился с 27 мая по 8 августа 1743 г., когда в связи с болезнью он получил разрешение находиться дома [Материалы. 1889. Т. 5. С. 376–380; Летопись. 1961. С. 68–76; Летопись. 2000. Т. 1. С. 286–292].

Все эти жизненные трудности, совершенно недостаточное финансовое обеспечение, «антинемецкая» идеологическая политика Елизаветы Петровны, а также общественные настроения имели следствием все более увеличивающееся в М.В. Ломоносове чувство ненависти к «немцам» в академическом управлении. Такому новому для него состоянию в полной мере соответствовали идеи 143 псалма Давида, который в виде поэтического соревнования М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский и А.П. Сумароков решили переложить в стихотворной форме. Три поэта выбрали тот псалом, который мог своими основными темами соответствовать идеологии и практике Елизаветы Петровны: «Господи! <...> прости с высоты руку Твою, избавь меня и спаси меня от вод многих, от руки сынов иноплеменных, которых уста говорят суеетное, и которых десница — десница лжи». Псалом обещал изобилие людям, их хлебам и стадам и завершался стихом: «Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог» [Пс. 143, 5–8, 11–15].

М.В. Ломоносов написал свое стихотворное переложение этого псалма наиболее пламенно и убежденно в сравнении со своими соперниками по поэтическому состязанию: «Меня объял чужой народ, / В пучине я погряз глубокой; / Ты с тверди длань простри высокой, / Спаси меня от многих вод. / Вещает лож язык врагов, / Десница их сильна враждою, / Уста обильны суетою, / Скрывают в сердце злобный ков. / <...> / Избавь меня от хищных рук / И от чужих народов власти: / Их речь полна тщеты, напасти; / Рука их в нас наводит лук / <...> / Щастлива жизнь моих врагов! / Но те светлее веселятся, / Ни бурь, ни громов не боятся, / Которым Вышний сам покров». 24 декабря 1743 г. генерал-прокурор князь Н.Ю. Трубецкой предложил Академии наук напечатать в одной книжке все три переложения псалма [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 114–116, 901–903].

Великолепно подготовленный в Германии как химик, физик и специалист по «натуральной минеральной истории», М.В. Ломоносов трижды подавал руководству Академии наук представление об учреждении Химической лаборатории, где он мог бы «трудиться в химических экспериментах». В обоснование своего ходатайства он указывал и «пользу отечества», и «приращение натуральной науки в Российской империи». Он указывал, что эта Химическая лаборатория могла бы стать основой развития теории и практики в естественных дисциплинах, учебной базой преподавательского процесса. Наконец, он обращал внимание на практическое значение такой лаборатории, дабы «на мое обучение в Германии издержанная Е. И. В. сумма и мои в том положенные труды напрасно не потерялись» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 9–10]. Но все эти обращения и приводимые в них доводы были напрасны.

События 1741–1743 гг. ясно показали М.В. Ломоносову, что мало быть хорошим специалистом, мало быть патриотом и радеть о пользе отечества. Для того чтобы состояться, осуществить свои научные планы, необходимо неуклонно следовать идеологии елизаветинского правления. Столь же важно в век фаворитизма иметь высокого покровителя, а для этого необходимо смирить гордыню. Этот печальный опыт Ломоносов обобщил значительно позднее, в последний год царствования Елизаветы Петровны, в стихотворении. В это время он уже стал знаменитым ученым и поэтом, активно участвовал в организации науки в России и стремился улучшить положение российских исследователей для пользы, прежде всего, отечества. Такие горестные размышления он предварил точным указанием обстоятельств появления поэтического экспромта перед прибытием в императорскую резиденцию — «Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем же»: «Кузнечик дорогой, коль много ты блажен, / Коль больше пред людьми ты щастьем одарен! / <...> Ты скачешь и поешь, *свободен*; беззаботен; / Что видишь, все твое; везде в своем дому; / *Не просишь ни о чем, не должен ни кому*» [*Ломоносов М. В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 736; курсив наш. — М. С.].

1742–1746 гг. были сложным временем в творческой биографии М.В. Ломоносова. Он занимался химическими и физическими исследованиями. В качестве адъюнкта начал преподавать студентам экспериментальную физику, написал учебник по риторике, опубликованный в переработанном виде в 1748 г. В 1744 г. Ломоносов перевел с латинского языка написанное Л.Ф. Тюммигом пособие по лекциям Христиана Вольфа. Этот творчески выполненный перевод под названием «Вольфианская экспериментальная физика» был издан Академией наук в 1746 г. Он стал первым российским учебником по экспериментальной физике. Посвятил Ломоносов эту книгу вице-канцлеру М.И. Воронцову.

Такая активная научная и преподавательская деятельность была в Академии поддержана. Уже в 1745 г. ему было присвоено звание профессора химии.

Вместе с тем, М.В. Ломоносов включился в борьбу профессоров, Ж.Н. Делиля, И.Г. Гмелина, И. Вейтбрехта, Г.Ф. Миллера, Х.Н. Винсгейма, П.Л. Леруа, Г.В. Рихмана, И.Г. Сигезбека, В.К. Тредиаковского с установленной И.Д. Шумахером бюрократической системой управления Академией. Профессорское собрание взяло под защиту академика Гмелина, которого преследовал Шумахер, препятствуя его отъезду на родину после завершения контракта. В противостоянии Шумахеру полное поражение потерпел астроном Ж.Н. Делиль, который заложил в России основы современных для того времени астрономических исследований. Его увольнению из Академии препятствовало лишь то, что ему не было выплачено жалование за несколько лет. Противоборство Делиля с академической Канцелярией завершилось его отъездом из России в 1747 г., хотя, опасаясь распространения нежелательных для себя слухов, Канцелярия преследовала его и в дальнейшем [*Пекарский П.* 1870. С. 137–139; *Летопись.* 2000. Т. 1. С. 343–344, 347, 351, 353].

Вследствие постоянных распрей в Академии поспешил в 1744 г. уехать из России союзник И.Д. Шумахера физик и математик Г.В. Крафт, который начал свою деятельность в Петербургской Академии наук в 1727 г. с должности адъюнкта. Другой ветеран Академии математик Х. Гольдбах оказался в конфронтации с академической Канцелярией. Он был сторонником больших прав академиков в самоуправлении, а также предлагал отделить Академию наук от Академии художеств, что в обоих случаях имело следствием уменьшение административного значения Канцелярии. Не склонный к противостоянию властям, в том числе и академическим, Гольдбах воспользовался приглашением в 1742 г. канцлера А.П. Бестужева-Рюмина перейти в ведомство министерства иностранных дел, где ему была поручена важная часть министерской деятельности в то время — дешифровка перлюстрированной иностранной дипломатической почты. С этой задачей Гольдбах справился блестяще [*Пекарский П.* 1870. Т. 1. С. 166–168].

Под предлогом необходимого годичного отпуска профессор химии и натуральной истории академик И.Г. Гмелин, который начал службу в Академии

с 1727 г. с должности адъюнкта, уехал в 1747 г. на родину в Тюбинген под поручительство М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера в том, что он вернется в Россию. Впрочем, по истечении срока отпуска Гмелин отказался выполнить это обязательство и стал профессором Тюбингенского университета.

Так что в правление Елизаветы конфликт между И.Д. Шумахером и членами Академии продолжал оставаться не национальным, а организационным: Шумахер оставался сторонником жесткого административного правления Академией, тогда как академики стремились к автономному по отношению к государству самоуправлению. В продолжение этих намерений 13 ноября 1754 г. академики обратились в Правительствующий Сенат с предложением, чтобы Шумахера «от правления Академии повелено было отрешить вовсе, а всякия дела при Академии по примеру всех протчих чужестранных Академиев, поручить править собранию профессорскому; которым учреждением Академия в надлежащее достоинство придет и от всякаго наругания свободится, члены получают спокойство, настоящее намерение Академии в приращении наук исполняться будет и все дела так ведены быть могут, как слава и польза государства того требуют и как по государственным уставам и указам быть надлежит» [Материалы. 1889. Т. 7. С. 503–510, 697–700].

Впрочем, политическим идеалом Елизаветы являлось укрепление центральной власти и ее институтов. Так что следствием обращения академиков в Сенат стало не введение в Петербургской Академии наук самоуправления, а назначение 21 мая 1746 г. в Академию президента, которого не было уже пять лет — младшего брата фаворита императрицы восемнадцатилетнего графа Кирилла Григорьевича Разумовского.

Новый президент происходил из семьи украинского реестрового казака. Но после приезда в Петербург и интенсивного обучения в 1742 г. под руководством В.Е. Адодурова и Г.Н. Теплова, последующих занятий в университетах Кёнигсберга, Берлина и Геттингена, путешествия в Италию и Францию он вернулся в Петербург весной 1745 г. для светского человека весьма образованным. Он говорил по-французски и по-немецки, понимал по-латыни, был доброжелателен [Анфертьева А.Н. 2002. С. 57–60].

Не удивительно, что после назначения президентом Петербургской Академии наук К.Г. Разумовский, следуя принципам елизаветинского правления, обратил особое внимание на М.В. Ломоносова, который, к тому же, посвящал императрице замечательные оды. Уже 2 июня 1746 г. И.Д. Шумахер сообщил Ломоносову, что Разумовский выразил желание присутствовать на его первой лекции по экспериментальной физике. Но он просил отложить начало чтения лекций до того времени, когда сможет их посещать. Поэтому первую публичную лекцию по экспериментальной физике Ломоносов прочел только 20 июня. Кроме президента Академии на ней присутствовало «многочисленное собрание воинских и гражданских разных чинов слушателей». Но уже следующую лекцию Ломоносову пришлось вновь отложить до

возвращения выехавшего из Петербурга Разумовского. Вскоре и летние каникулы наступили.

Лекция М.В. Ломоносова К.Г. Разумовскому понравилась, так что Елизавета Петровна 1 июля подписала указ Сенату о необходимости построить для Академии наук Химическую лабораторию и о государственном финансировании этого строительства [Летопись. 1961. С. 103–105]. Эта лаборатория должна была стать материальной основой предстоящих исследований Ломоносова.

М.В. Ломоносов был вдохновлен таким развитием событий. Он стал академиком и профессором химии. Он — ученик знаменитого Христиана Вольфа, перевел обобщающий труд своего учителя по экспериментальной физике и распространял в России его идеи на публичных лекциях. Его перевод «Вольфианской экспериментальной физики» пользовался большим успехом. В дополнение к изданному в марте 1746 г. 600 экземплярам книги 1 января 1747 г. были напечатаны еще столько же. В 1760 г. было осуществлено ее второе издание [Ломоносов М.В. ПСС. 1950. Т. 1. С. 580].

Предисловие М.В. Ломоносова к «Вольфианской экспериментальной физике» — это гимн Новому времени и его новым научным возможностям. Он в полной мере продолжил петровские идеи принадлежности России к общеевропейскому пространству и необходимости распространения в ней западноевропейского опыта. Продолжил он также идеи прогресса, противопоставив динамизм Нового времени, свободу научного творчества застойности средневековья с его приверженностью к канонам античной философии (вопрос о ее догматической трансформации в средневековье еще не рассматривался в XVIII в.). Поэтому Ломоносов писал в Предисловии: «Мы живем в такое время, в которое науки, после своего возобновления в Европе, возрастают и к совершенству приходят. Варварские веки, в которые купно с общим покоем рода человеческого и науки нарушались и почти совсем уничтожены были, уже прежде двухсот лет окончились». То есть Ломоносов в полной мере обоснованно отнес завершение «варварских веков» в странах Западной Европы и начало возрождения наук к эпохе Ренессанса. Он не только прославил Рене Декарта, который, по его словам, «осмелился Аристотелеву философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу». Столь же важна, по Ломоносову, заслуга Декарта в утверждении свободы дискуссий, необходимых для развития наук. Поэтому в числе его заслуг, по словам Ломоносова, — «против себя самого и против прочих философов в правде спорить, и тем самым [он] открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению».

Продолжая противопоставление новых ученых античным авторитетам, М.В. Ломоносов назвал философов — немца Г.В. Лейбница, англичан С. Кларка и Д. Локка, которые «превысили» Платона и Сократа, а также исследователей физиков, химиков и специалистов в естествознании — итальянца

М. Мальгипи, англичанина Р. Бойля, немцев Отто фон Герике, Э.В. Чирнгаузена, И.Х. Штурма. Он изумлялся научному подвигу создателей новой астрономии: «Едва понятно, коль великое приращение в астрономии неусыпными наблюдениями и глубокомысленными рассуждениями Кеплер, Галилей, Гугений, де ла Гир и великий Невтон в краткое время учинили». Их открытия опровергли античную астрономию Гиппарха и Птолемея.

М.В. Ломоносов указал и новые основания объективного знания в естественных дисциплинах — эксперимент, который является объективным основанием теоретических обобщений: «<...> ныне ученые люди, а особливо испытатели натуральных вещей, мало взирают на родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи, но больше утверждают на достоверном искусстве. Главнейшая часть натуральной физики ныне уже только на одном оном свое основание имеет. Мысленные рассуждения произведены бывают из надежных и много раз повторенных опытов». Изложив эти основания науки Нового времени, Ломоносов обратился к идее, сформулированной Петром Великим, — россияне должны усвоить научные достижения стран Западной Европы, для того чтобы стать с ними наравне. Поэтому в завершение «Предисловия» он написал: «Окончева сие, от искреннего сердца желаю, чтобы по мере обширного сего государства высокие науки в нем распространялись и чтобы в сынах российских к оным охота и ревность равномерно умножилась» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1950. Т. 1. С. 423–425].

Эти исследовательские принципы М.В. Ломоносову предстояло осуществить в последующие двадцать лет его творческой деятельности.

Создание благоприятных условий в Академии для М.В. Ломоносова и других русских ученых стало лишь одной из составляющих особого внимания новых властей к Академии наук, которая с 1747 г. стала называться императорской. 24 июля 1747 г. был утвержден новый академический Регламент. Он был написан И.Д. Шумахером, с которого были сняты все обвинения, и Г.Н. Тепловым, к которому К.Г. Разумовский испытывал полное доверие. В новом Регламенте особое внимание было уделено определению высокого статуса Канцелярии. Он был важен не только для утверждения бюрократического начала в руководстве Академией, но и для ежедневного административного управления сложной структурой академических учреждений в условиях постоянной придворной занятости президента Академии. Особенно затруднительным стало такое участие К.Г. Разумовского в академических делах после его назначения 5 июня 1750 г. гетманом Украины, вследствие чего он должен был находиться также в своих резиденциях в Глухове и Батурине.

В данных обстоятельствах Канцелярия решала практические вопросы, относившиеся к функциям президента — принимать и увольнять академиков, утверждать исследования к печати, представлять Академию в сношениях с государственными учреждениями. Впрочем, решение научных проблем

оставалось за академическим собранием во главе с президентом, а в «небытность его» — старшим из академиков.

Положительным изменением стало увеличение более чем вдвое бюджета Академии, до 53 298 руб. Этот необходимый бюджет ранее указывался в докладах прежних президентов, И.Г. Корфа и К. Бреверна. Так что можно предположить, что эта сумма была предложена К.Г. Разумовскому ветераном административного управления Академией И.Д. Шумахером. Поскольку Разумовский, в отличие от своих предшественников, занимал особое положение при дворе, новый академический бюджет был утвержден. Впрочем, и он был недостаточен в условиях увеличившегося числа академических подразделений.

По новому Регламенту профессора академического Университета были отделены от академиков, членов академического собрания — Конференции. Однако это разделение соблюдалось непоследовательно. Так что профессора участвовали в заседаниях собрания, а академики продолжали читать лекции. Между тем, новый бюджет Академии позволил увеличить число членов Конференции до 19 и профессоров, включая ректора, до 6.

В соответствии с новыми принципами управления в новом Регламенте указывалось, чтобы адъюнкты были преимущественно из русских, документация велась на латинском и русском языках, чтобы диссертации читались в публичных собраниях одна на русском, другая на латинском языке, причем вторая также должна быть переведена и издана по-русски, тогда как «учреждение академическое» впредь должно состоять «из природных российских».

Впрочем, учитывая реальное состояние наук в России, Регламент исходил из того, что академики могут быть как русскими, так и иностранцами. Практическое руководство Академией К.Г. Разумовский отдал также без национальных предпочтений И.Д. Шумахеру и Г.Н. Теплову. Поэтому, объявляя Регламент в Конференции 28 июля 1747 г., он указал, что ассессор Теплов назначен «членом академического собрания и дано ему старшинство по чину его пред всеми академиками, кроме г. советника Шумахера, а потому в Конференции Теплову следует садиться под г. Шумахером в первом месте».

В результате выезда академиков на родину как следствия постоянного давления администрации, нерегулярных выплат жалования, тяжелого климата, а также перехода членов Академии на другую службу в России и по другим причинам Петербургская императорская Академия наук оказалась в середине 40-х гг. в сложном положении. Академию покидали знаменитые ученые. Введенное звание для таких выехавших ученых «иностраный почетный член Петербургской Академии наук» должно было нейтрализовать этот ущерб в мнении ученого сообщества. Многие кафедры продолжали пустовать. К.Г. Разумовский попытался вернуть уехавших ученых. Л. Эйлеру, Г.Ф. Крафту, Д. Бернулли и некоторым другим знаменитостям была послана приглашения стать действительными членами

Академии. Но эти приглашения не были приняты. Согласился приехать лишь правовед Ф.Г. Штрубе де Пирмон. В 30-е гг. он являлся секретарем герцога Бирона, а в 1738 г. стал академиком Петербургской Академии наук. В мае 1740 г. ему было поручено написать историю польских и турецких военных действий в период царствования Анны Ивановны. Но вследствие происходивших событий он предпочел стать секретарем графа П.Г. Чернышова, отправленного за рубеж в качестве посла. Поэтому в 1741 г. Штрубе де Пирмон находился вместе с графом в Копенгагене, а с 1743 г. — в Берлине. Впрочем, перед отъездом он получил звание почетного члена Петербургской Академии наук, а его кафедра была за ним сохранена. Во время пребывания К.Г. Разумовского в Берлине в 1743 г. юный граф учился у Штрубе де Пирмона. Так что, получив в 1746 г. приглашение Разумовского вернуться на кафедру, Штрубе им воспользовался и стал не только профессором, но также конференц-секретарем Академии, доверенным лицом президента Академии [Пекарский П. 1873. С. XXXII, 671–677; Уставы Академии наук СССР. 1974. С. 40–61; Копелевич Ю.Х. 1977. С. 135–137; Уставы Российской Академии наук. 1999. С. 48–66; Анфертьева А.Н. 2002. С. 60–61, 65, 69–72].

Во второй четверти XVIII в. изучение российской истории оказалось в ином положении, чем при Петре Великом. В его правление всё, включая изложение отечественной истории, было подчинено целям прагматическим, приносящим России пользу. Необратимость эволюции империи в том основном содержании, в каком оно было намечено Петром, деятельность Академии наук создали условия для формирования последовательного изучения истории России от ее начала до новейшего времени, а также для формулирования теоретических основ исторического анализа.

2. Российская историография второй четверти XVIII в.

Работы Готлиба (Теофила) Зигфрида Байера, посвященные древней истории России, начали анализироваться В.Н. Татищевым уже вскоре после их публикации. Для него Байер — «преученный профессор», труды которого «многое неизвестное открыли». Татищеву были ясны и недостатки этих работ, происходившие в значительной мере вследствие незнания Байером русского языка и, соответственно, ограниченных сведений о русских исторических источниках. Поэтому Татищев постоянно приводил в своей «Истории Российской» наблюдения Байера, соглашаясь с ними или дискутируя. Включил он в свою книгу переводы трех обширных статей Байера, посвященных известиям о Руси и соседних с ней народах в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей», в скандинавских источниках, а также его работу «О варягах», комментируя их, но также редактируя и сокращая [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 90, 93, 117, 128, 184–232, 292–310].

Судьба разысканий Т.З. Байера в историографии не была счастливой. Исследователей интересовало в них преимущественно определение Байером варягов как скандинавов по происхождению. Поэтому в последующем 270-летнем противостоянии так называемых «норманистов» и «антинорманистов», в бесчисленном множестве работ первые обращали внимание на доказательства Байером своего мнения, тогда как вторые указывали на него в перечне с Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлёцером, как на свидетельства антинаучности и негативной деятельности «немцев» в России.

Выше таких подходов стал В.О. Ключевский. Он отметил ограниченное «поле вопросов», доступных Т.З. Байеру, но в то же время «несомненную пользу русской историографии» в изучении им иностранных источников по «начальной истории России». Ключевский наметил и конструктивный метод историографической характеристики его работ — адекватно изложить содержание его разысканий. Завершил он свой очерк о Байере объективно: его вывод, в соответствии с которым варяги — это скандинавы, «лег в основу учения норманской школы» [*Ключевский В.О.* 1959. С. 396–398].

Такой подход к историографическому анализу работ Т.З. Байера продолжил Н.Л. Рубинштейн. По его наблюдениям, достоинством работ Байера стало привлечение в анализе древнерусской истории и варяжского вопроса древнескандинавских и византийских источников. Рубинштейн отметил также статьи Байера, посвященные исторической географии [*Рубинштейн Н.Л.* 1941. С. 96–97].

В условиях идеологической послевоенной политики сталинского режима суть «норманской теории» Т.З. Байера стала характеризоваться как основание скандинавами Русского государства, а содержание его работ было ограничено варяжской проблемой. Так что о Байере и его разысканиях писали разоблачительно (см. ранее, с. 22–23).

Впрочем, уже вскоре после смерти И.В. Сталина были отмечены положительный вклад Т.З. Байера в изучение исторической географии, а также использование его наблюдений русской историографией [*Яцунский В.К.* 1955. С. 218–219]. Такой подход, устанавливавший конструктивные начала в работах Байера, поддержал Л.В. Черепнин. Подобно В.О. Ключевскому, он не только написал о многообразных использованных Байером источниках, но также подчеркнул «довольно узкий историко-географический уклон» его статей, относившихся к истории России. Отметил Черепнин критику работ Байера В.Н. Татищевым и М.В. Ломоносовым за ошибочные толкования древней российской истории, за неверную этимологию славянских имен вследствие незнания русского языка [*Черепнин Л.В.* 1957. С. 189–191].

Такие характеристики основного содержания работ Т.З. Байера были поддержаны в последующих обобщающих историографических исследованиях [*Пештич С.Л.* 1961. С. 210; *Шапиро А.Л.* 1993. С. 178–180], хотя в многочисленных разысканиях в виде упоминаний продолжалась традиция ограничения

содержания его работ «норманским вопросом», а в связи с этим — их критика. Впрочем, авторы изданного в Петербурге сборника статей «Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук» (1996) вернулись к научным принципам В.О. Ключевского историографического изучения его трудов. Возвращение к такому методу является конструктивным, позволяющим раскрыть содержание научного вклада Байера в становление российской исторической науки. При этом актуальным стало корректное изложение его работ, лишенное их предвзятой идеологизированной интерпретации [Шольц Б. 2000. С. 111–113].

Т.З. Байер стал первым в России историком-профессионалом, который изучал российскую историю. Он родился и вырос в Кенигсберге, где его отец оказался после бегства из католической Венгрии вследствие религиозных преследований. Уже в юности у него проявились замечательные способности к древним и новым иностранным языкам. Так что он не только блестяще освоил латинский, греческий, основы древнееврейского языка, традиции обучения которому сохранялись при изучении библии. Познания в древнееврейском пригодились Байеру при освоении им семитических языков, включая арабский. Кроме того, он с увлечением учил китайский и другие восточные языки, что помогло ему позднее, уже в России, в анализе китайского, монгольского, тибетского и других восточных языков, в использовании арабской средневековой географической литературы как источника для изучения истории Древней Руси и Восточной Европы в целом [Крачковский И.Ю. 1958. С. 35; Пумпян Г.З., Федосеева М.В. 1996. С. 22–28].

Г.З. Байер прошел курс обучения в Кенигсбергском университете и совершил обычное для немецких студентов путешествие по германским университетам в Берлине, Виттенберге, Галле, Иене. В Лейпцигском университете в 1717 г. он получил степень магистра. Большое значение для него имело общение с лейпцигскими учеными, а также составление каталога восточных рукописей в знаменитой библиотеке Лейпцига. Ослабленное постоянными напряженными занятиями здоровье не позволило Байеру продолжить научное путешествие в Бельгию и Англию. Поэтому он вернулся в Кенигсберг, где начал чтение лекций о Гомере, Платоне и Теокрите, подготовил к печати сочинения древнегреческих писателей Антифора и Андокидеса по знаменитому итальянскому изданию XVI в. Альдов. В родном городе он стал библиотекарем главной городской (альтштадской) библиотеки и проректором кафедральной школы. Поправившееся здоровье позволило ему продолжить изучение западноевропейских средневековых и древнескандинавских произведений. Кенигсберг стал идеальным местом и для его занятий историей Пруссии.

Яркая личность Г.З. Байера не могла не привлечь внимания его земляка Христиана Гольдбаха, математика и эрудита. У них сложились дружеские отношения, основой которых стали их широкие научные интересы. Поэтому,

когда Гольдбах оказался в 1725 г. в Петербурге и занял в Академии наук влиятельное положение конференц-секретаря, он сообщил Л.Л. Блюментросту, что Байер может быть полезен Академии в качестве профессора античных древностей или восточных языков. По этим специальностям Байеру было отправлено приглашение в Петербургскую Академию наук. Ему было предложено также стать профессором истории или историографом императрицы. Байер избрал изучение древностей и восточных языков. 6 февраля 1726 г. он прибыл с семьей в Петербург [*Пекарский П.* 1870. С. 166–168; *Копелевич Ю.Х.* 1996. С. 29–37].

Г.З. Байер с энтузиазмом отнесся к новому месту службы и городу, где будет жить. Свое германское имя Готлиб он заменил греко-православным синонимом — Феофил или Теофил, как его произносили на Западе. Отсюда — постоянные варианты в научной литературе при указании его имени. Он напряженно занимался историческими и лингвистическими разысканиями; и издание академических научных трудов — «Комментарии императорской Петербургской Академии наук» по разряду истории составлялось в первых томах только из его исследований.

Подобно другим членам Академии Г.З. Байер исполнял дополнительные обязанности, которые отвлекали его от исследований. Ему пришлось заведывать делами академической Гимназии, и под его руководством она находилась в хорошем состоянии, чему способствовал его предшествующий преподавательский опыт. Но его познания в библиотечном деле стали, вероятно, одной из причин разногласий с Шумахером. Иначе трудно объяснить, почему Шумахер не разрешил Байеру исследовать коллекцию античных монет, находившихся в академической Библиотеке (во многих западноевропейских библиотеках хранились наряду с книгами коллекции монет и медалей). Не удовлетворял Байера, как и многих других членов Академии, жесткий административный стиль Шумахера. Поэтому Байер присоединился к критикам его бюрократических методов в руководстве этим сообществом ученых. Такие значительные трудности, не имевшие отношения к научной деятельности, стали причиной того, что Байер, как и многие другие его коллеги по Академии, решил покинуть Россию. После долгих хлопот он добился разрешения вернуться на родину. Впрочем, воспользоваться им он не успел. 10 февраля 1738 г. Байер скончался в Петербурге.

Г.З. Байер начал в России современные для того периода исследования по античной истории [*Фролов Э.Д.* 1996. С. 7–21]. Особое внимание к ней, в частности, к античным древностям Причерноморья, имело следствием обращение Байера к истории скифов и других народов Восточной Европы античного периода. Это время уже традиционно считалось началом этнокультурной и исторической преемственности, продолженной в древней Руси. Проживание в России и служба в Академии наук способствовали расширению

исследовательских интересов Байера до анализа древностей Восточной Европой в целом.

Когда Т.З. Байер приехал в Петербург и поступил на службу в Академию, ее администрацией ему было поручено написание учебного пособия по древней истории для вскоре провозглашенного императором Петра II. Видимо, в этом поручении участвовал и друг Байера Х. Гольдбах, который руководил обучением юного царя. Впрочем, к тому времени, когда учебник был издан, Петр II скончался.

Учебник, написанный по-немецки, назывался «Экстракт из истории древних государств для пользования Его Императорским величеством Петром II, императором и правителем всей России». Это был обычный для того времени пропедевтический курс, написанный в виде вопросов и ответов, для лучшего запоминания царственным учеником. Интерес в нем представляют вопросы, относившиеся к определению истории, ее основных видов и характера написания исторического труда. На вопрос, «что такое история», приведен ответ: «История — это наука о достопримечательных событиях в мире, в каком порядке и по каким причинам они происходили». Историю он подразделял на политическую, церковную и «учености» («*Gelehrsamkeit*»), т. е. научных знаний. На вопрос, «как история сочиняется», Байер предложил такой ответ: «История излагается или во всей своей обстоятельности (*Weitläufigkeit*), или в некоем извлечении, а именно в столь различных видах, насколько существуют намерения, которые можно при этом иметь» [*Bayer G.S.* 1728. S. 3–4].

Таким образом, Т.З. Байер обобщил определения истории как науки прагматической, изучающей исторические факты в причинно-следственных связях. В соответствии с формирующимися в это время в странах Западной Европы просветительскими взглядами, объектами изучения истории становились не только политические и церковные события, но также история научных знаний. При этом допускалась свобода выбора исследуемой темы.

Уже в первом томе «Комментариев», изданных в 1728 г. с указанием «за 1726 год» (они публиковались на латыни — языке общения ученых из разных стран), Т.З. Байер опубликовал три статьи, посвященные конкретным научным проблемам. Первые две были посвящены изучению истории скифов: «О происхождении и древних местах расселения скифов» и «О расположении Скифии во времена Геродота». В них были использованы традиционные методы изучения античных исторических источников. При анализе древней гидронимии как исторического источника он привлек и арабоязычную литературу [*Bayerus Th.S.* 1728a. P. 397]. В статье «О Кавказской стене» Байер исследовал огромное древнее оборонительное сооружение, замкнутое на каспийском побережье дербентской крепостью. При этом последовательно были использованы не только многочисленные греко- и латиноязычные, но также арабоязычные исторические источники [*Bayerus Th.S.* 1728b. P. 419–433].

Такие методы комплексного изучения информации письменных источников в виде научной статьи, уже традиционные для западноевропейской исторической литературы, являлись новыми для русской историографии. Они намечали новые исследовательские подходы к анализу древней истории России и Восточной Европы в целом. Вместе с тем, Т.З. Байер продолжил свойственное историографии XVII–XVIII вв. установление тождества слов, топонимов, гидронимов, хоронимов по их созвучиям. Теоретические истоки этого явления И.Ю. Крачковский отметил в идеях Г.В. Лейбница, свойственных догумбольдтовскому периоду в языкознании. Характеризуя такой метод, Крачковский писал: «Родство языков устанавливалось тогда исключительно на основе внешнего звукового сходства отдельных слов; считалось, что таким образом может быть решен вопрос и о “первобытном языке”, о делении языков на различные группы. Единственным условием признается использование возможно большего количества языков для сравнения, совершенно независимо от их характера, истории и местонахождения» [*Крачковский И.Ю.* 1958. С. 45].

Последовательным развитием интересов Т.З. Байера стало появление статей, посвященных началам Российского государства. Их автор, великолепно начитанный в исторической литературе, находившийся на уровне историографии своего времени, мог сосредоточиться на политической или на этнической истории. Но поскольку первая из них была известна в своем основном событийном содержании, он сосредоточился на второй, которая в первой четверти XVIII в. приобрела этнополитическое содержание.

В 1727 г. была издана книга Анри де Буленвилье, графа де Сен-Сира «История древнего правления во Франции». Эта книга, посвященная древней политической истории Франции, приобрела общественно-политическое значение. Ее автор, исходя из факта завоевания Галлии франками, сделал вывод, в соответствии с которым французская монархия и дворяне — приемники франков и закономерно занимают особое социально-политическое и правовое положение в обществе. При этом Буленвилье, выражая настроения аристократии, ограниченной в правах и возможностях абсолютизмом современной монархической власти, придавал особое значение в раннесредневековый период франкской знати, которая, по его мнению, избрала королем первого из франкских (французских) королей Хлодвиг. Книга Буленвилье должна была также исторически обосновать законность привилегий французского дворянства по праву завоевания франков, тогда как потомки завоеванных галло-римлян, современные горожане и крестьяне, должны были занимать в обществе подчиненное положение податных сословий [*Boulainvilliers Henri, comte. 1727. P. 26–66*].

Книга Буленвилье имела значительный отклик во Франции, в стране, где все более остро обсуждалась проблема реформ, которые должны были модернизировать систему правления и средневековый по происхождению сословный строй. Историко-идеологическому обоснованию древних сословных

прав в этой книге аббат Ж.-Б. Дюбо, секретарь французской Академии наук, противопоставил историко-идеологическое опровержение. В соответствии с трудом Дюбо, франки являлись не завоевателями, а римскими наемниками и селились на территории империи по разрешению ее властей. Франкские короли становились чиновниками империи [Dubos, l'abbé. 1734. P. 1–65; об общественно-политическом содержании этих исторических идей см.: Вайнштейн О.Л. 1940. С. 111–112; Косминский Е.А. 1963. С. 118–164].

Эта дискуссия имела большое общественно-политическое значение для Франции, поскольку ее раннесредневековая история смыкалась с новейшими проблемами общественно-политического развития. Отказ привилегированных сословий и королевской власти от добровольного реформирования привел к их гибели в Великую французскую революцию, всего через 55 лет после издания книги Дюбо.

В России 1720–1730-х гг. исследование начальной истории страны еще не имело столь значительного общественно-политического содержания, поскольку она не достигла такого, как во Франции, уровня экономического и социального развития. Крепостной и сословный строй, самодержавная власть монарха составляли экономическую, социальную и политическую основы Российской империи. Но проблемы, поднятые Буленвилье и Дюбо, перекликались с вопросами изучения Древней Руси. Каковы начала монархической власти в России, кто по происхождению варяги, кто такие Рюрик, Синеус и Трувор, о которых летописи сообщали как о родоначальниках русской княжеской династии, какое место занимали варяги в истории Руси и т. д. Изучение данных проблем предопределило этнополитическое содержание первого из исследований Байера на эти темы — «О варягах».

Т.З. Байер приступил к их изучению, находясь под влиянием античной и современной ему историографии, утверждавшей в смене исторических событий особое значение правителя, героя. Он думал, как и его современники, что государство может быть создано деятельностью одного человека, а значимые исторические изменения происходили вследствие смены исторических персонажей. Поэтому Байер уже в первых строках своей статьи писал о начале Русского государства под явным влиянием начальных фраз «Анналов» П.К. Тацита:

Т.З. Байер	П.К. Тацит
<i>Principio</i> Russi reges ex Varagis habuere. Pulsis iis Gostomislus Slavico ex genere principatum tenuit <...> [Bayerus Th.S. 1735. P. 275].	Urbem Romam a principio reges habuere; libertatem et consulatum L. Brutus instituit [Tac. Ann. I, 1].

То есть, руссы изначально имели правителей из варягов. Изгнав их, Гостомысл, родом славянин, осуществлял власть. Так Байер переосмыслил первую фразу «Анналов» Тацита о том, что изначально правители (цари) владели (обладали) городом Римом. Луций Брут установил там свободу

и консульство (управление двух консулов). Этим, подразумевал Байер, Русь отличалась от Рима,

Написав это, Т.З. Байер должен был ответить на множество вопросов, уже существовавших в историографии XVI — начала XVIII в. Впрочем, ответы его были осложнены тем, что он, постоянно занятый исследованиями и административными обязанностями, так и не выучил русского языка. Поэтому, обращаясь к средневековым русским историческим источникам, он оказывался в зависимости от переводчиков.

В доступных Т.З. Байеру латиноязычных трудах происходившего из Померании историка Павла Одерборна (ум. 1604), который являлся рижским священником, позднее — проповедником курляндского герцога Фридриха, и в сочинениях шведа Петра Петрея утверждалось, что Рюрик происходил из пруссов, в чем эти историки следовали за позднесредневековой русской традицией. Прусский историк Матфей Преторий утверждал, что слово «варяги» объясняется из прусского языка. Самих пруссов он отнес к славянам. Поскольку Байер происходил из Кенигсберга и прекрасно представлял себе историческую и современную действительность в странах Прибалтики, он обоснованно возразил, что пруссы, которые были завоеваны немецкими рыцарями, относились к народам балтийской группы языков и были родственны литовцам, куршам, латышским племенам. При этом ему пришлось указать на необоснованность топонимических идентификаций на основе словесных созвучий в сочинениях своих предшественников [здесь и далее см.: *Bayerus Th.S.* 1735. P. 275–311].

Возразил Т.З. Байер и против существовавшей традиции установления родства прусского князя с римским цезарем Августом, в связи с чем отождествлялись по созвучию русы и пруссы. Он указал на средневекового польского хрониста Вицентия Кадлубека (ум. 1223), который возводил генеалогию польской княжеской династии Пястов к Августу. Байер подверг критике мнимые доказательства Кадлубеком в обоснование такой генеалогии, в частности, тождества названий городов прибалтийского Юлина и Люблина, которые будто бы происходили от имени сестры Юлия Цезаря Юлии. Не согласился он также с восходившим к С. Герберштейну и М. Стрыйковскому отождествлением по созвучию варягов и прибалтийского славянского племени вагров.

Такому поиску происхождения варягов от некоего племени Т.З. Байер противопоставил определение их социальных функций на Руси — знатные по происхождению скандинавы, шведы, готландцы, норвежцы, датчане, на военной и гражданской службе. Для определения этнической принадлежности варягов он проанализировал те их имена, включая княжеские, которые указаны в русских летописях и древних иностранных источниках. Соответствия им он установил в шведском, норвежском и датском языках, а также в средневековых латиноязычных и грекоязычных хрониках, в скандинавских сагах

и в надписях поминального содержания на рунических камнях. Впрочем, вследствие отсутствия в то время науки об именах, ономастики, и зачаточного состояния лингвистики Байер сомневался в славянском происхождении имени Святослав. Основанием для такого сомнения для него стало не научное доказательство, а рационалистическое суждение. В частности, по его мнению, у язычников славян не могло появиться имя, указывающее «святую славу». Имя Владимир он считал славянским, указывая аналогию ему в германских языках — Вальдемар.

Впрочем, основную для себя задачу — определить происхождение и значение слова *варяг* — Т.З. Байер тогда не мог решить. Он отмечал функциональные связи этого понятия с представлениями о разбойных нападениях, о воинах-наемниках. Но до установления этимологии слова *варяг* в корневой основе от др.-сканд. *vár* → *договор* должно было пройти еще много времени.

Статья Т.З. Байера «О варягах» показала, что Русь изначально была включена в общеевропейский контекст исторического развития. О Руси и хорошо известных на Руси варягах сообщали с IX в. латиноязычные, грекоязычные и скандинавские исторические источники. Байер ввел в научный оборот значительное их число, проявив замечательную эрудицию, или принял участие в обсуждении их сообщений, если они ранее анализировались его предшественниками и современниками.

В изложении переводчиков Т.З. Байеру были известны сообщения Степенной книги, поздних русских летописей, «Синописа», а также Радзивилловской летописи по Петровской копии. Ее информация была существенна при изучении древнерусской истории, поскольку она включала одну из редакций ПВЛ. Он использовал в своем исследовании западноевропейские Бертинские анналы, хроники Фрутольфа из Михельсберга, переработанную и дополненную Эккехардом из Ауры (долгое время эту хронику относили только к авторству Эккехарда), Лиутпранда, Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, Гельмольда, Саксона Грамматика, византийские сочинения императора Константина Багрянородного, Льва Грамматика, Георгия Монаха, Симеона Логофета, Михаила Гликаса, Иоанна Зонары, Георгия Кедрина, Иоанна Скилицы, Анны Комнины, исландские саги, труд Снорри Стурлусона «Круг Земной», рунические надписи и другие исторические источники.

Древняя Русь оказалась активным участником европейских исторических событий. Таким образом, раскрывался тот период, когда Россия в древнейший период своей истории не была изолирована от других европейских стран и народов. Установление этих фактов объективно указывало на историческую обоснованность деятельности Петра Великого, вернувшего Россию в общеевропейское пространство. Стилизованное под великого Тацита начало статьи обозначило историю российскую в едином ряду с историей античной, в чем Байер следовал не только принципам классицизма, но также идеям Петра Великого. Как свидетельствовал в своих разысканиях Байер,

для этого не нужны были политизированные генеалогии русских средневековых историко-литературных произведений и западных исторических сочинений эпохи Ренессанса, вымышленность которых он показал.

Т.З. Байер использовал легендарное сказание о Гостомысле, широко вошедшее в историческую традицию, русскую и иностранную, чтобы указать на славянские начала древней русской истории. Впрочем, уже в этом первом исследовании Байера проявилась определенная односторонность ее изучения. Она происходила вследствие того, что ему не были доступны в достаточной мере сведения древнерусских исторических источников. Поэтому преобладающими активными агентами в древнерусской истории оказывались иноземцы-варяги. Определенное воздействие на Байера оказало традиционное для того времени установление тождества имен и этносов по созвучиям. Но постоянное обращение Байера к текстам многочисленных и разных по происхождению исторических источников в значительной мере нейтрализовало этот недостаток.

В продолжение изучения древнейшего периода русской истории Т.З. Байер написал статью о первом нападении «киевских руссов» на Константинополь в 860 г. [здесь и далее см.: *Bayerus Th.S.* 1736. P. 345]. Для анализа этих событий он использовал тексты Радзивилловской летописи под 6074/866 г. о нападении князей Аскольда и Дира, а также хронику Продолжателя Феофана. Хорошее знание византийской литературы IX–X вв. позволило Байеру поставить вопрос о датировке этого византийского источника, для чего он в полной мере обоснованно привлек хроники Георгия Монаха и в меньшей степени — Льва Грамматика. Анализ исторического содержания этих сообщений также ставил сложные вопросы — хронологии этого нападения на Константинополь, его соотнесения с первым упоминанием распространения христианства среди руссов, в связи с чем указывалась деятельность знаменитого константинопольского патриарха Фотия (858–867, 877–886). Эти первые разыскания осложнялись тем, что к тому же времени, 50–60-м гг. IX в., относится значительная военно-политическая активность Болгарии по отношению к Византийской империи. В 864 г. крестился царь Борис I, а христианство было утверждено в качестве государственной религии, что, впрочем, вызвало активное сопротивление болгарской знати.

Таким образом, Т.З. Байер впервые в российской исторической литературе поставил вопросы изучения военно-политической активности руссов в связи с их нападениями на Константинополь в IX в. и распространением в их среде христианства. Историзм его подхода заключался в том, что эти факты рассматривались не изолированно, а в контексте событий на Балканах в середине IX в. Нуждался в более обстоятельном изучении вопрос о начале распространения христианства на Руси. Но заслугой Байера стало то, что он обратил внимание на эти сообщения исторических источников, которые еще предстояло исследовать.

Значительные собранные Т.З. Байером материалы поставили перед ним вопросы соотношения этносов *славян* и *русов*, а также проблему древнейшей истории руссов. Эта проблема осложнялась тем, что в ПВЛ, известной Байеру по списку Радзивилловской летописи, включенной в состав более поздних летописных сводов, идентифицировались *русь-русы* и *варяги*. С Рюриком и варягами соотносилось в ПВЛ распространение названия *русь* на обозначение страны — *Русская земля*, а также на ее войско. Ответы на эти сложнейшие вопросы исследователи предлагали и предлагают более 270 лет. Байер начал этот исследовательский процесс в статье, латинское название которой можно перевести как «Начальная история руссов» («*Origines Russicae*») [здесь и далее см.: *Bayerus Th. S.* 1741. P. 388–436].

Т.З. Байер привел многочисленные сведения византийских авторов, из которых следовало, что до середины IX в. им были известны только славяне. Затем он привел сообщение Бертинских анналов под 839 г. о хакане народа *рос* и о *свеонах*-шведах, которые прибыли от этого правителя в качестве послов к византийскому императору Феофилу. Данное сообщение он дополнил известиями о нападении руссов на Константинополь и их крещении в соответствии с энцикликой патриарха Фотия 867 г. Отсюда, по Байеру, следовало, что славяне жили в Восточной Европе раньше руссов, которые являлись народом пришлым. Руссы, по его мнению, были скандинавами, которые оказались в Восточной Европе раньше Рюрика и его варягов. Поэтому, следуя логическому принципу и без доказательств, Байер написал, что их короли происходили из легендарного рода Скъёльдунгов, родоначальником которого являлся Скъёльд, сын бога Одина. При этом он ссылаясь на скандинавские саги и труд Снорри Стурлусона «Круг Земной».

Особое значение Т.З. Байер придал указанному в Бертинских анналах титулу правителей руссов — хакан. Он указал и арабскую форму этого слова — *خاقان*. Байер отметил соответствие этого титула византийскому василевсу, римскому императору и царю царей у персов. Такое соответствие, по его мнению, должно было показать значимость варяжских или скандинавских королей, от которых впоследствии произошел Рюрик.

Из разысканий Т.З. Байера следовало, что древнейшая история Руси соответствовала обычному для раннесредневековой Европы пути развития через интеграцию местного и пришлого населения, но не германцев, как на Западе, а скандинавов. От них произошли родоначальники княжеских династий. Однако в отличие от истории Франции, по Байеру, на Руси пришельцы не создали привилегированный господствующий класс, а занимали только значимые должности на княжеской военной и гражданской службе, являлись воинами-наемниками. Эти идеи о месте скандинавов в истории Руси соответствовали информации исторических источников. Вместе с тем они соотносились с практикой правления Петра Великого, исходившей из открытости Российского государства для взаимодействия с другими народами

и культурами, предполагавшей для пользы России использование военного и гражданского опыта наемников-иностранцев.

Такой этнокультурный, но не социально-политический подход, как в современной Т.З. Байеру Франции, объясняет его особое внимание к этническим различиям руссов и славян в Восточной Европе. Для их установления он проявил исключительную для своего времени эрудицию в греко- и латиноязычных исторических источниках IX–X вв. Байер не ставил вопроса о создании скандинавами Русского государства, на что уже обращалось внимание в новейшей историографии [Карпеев Э.П. 1996. С. 46–51; Шольц Б. 2000. С. 112]. В этом он был близок к современным ему французским историкам. Предание о Гостомысле позволило ему указать на активное участие славян в древнерусской истории. Главным для него стало определение этносов в истории Руси и Восточной Европы в целом. Этим обстоятельством объясняется его особый интерес в статье «Начальная история руссов» к скандинавской по происхождению и славянской ономастике, этнонимии, топонимике, социальной терминологии в Восточной Европе. Особое значение при этом для него приобрели сведения, сообщаемые византийским императором Константином Багрянородным, современником изучаемых Байером событий.

Такая направленность исследовательских интересов имела следствием написание Т.З. Байером двух больших статей, посвященных исторической географии Восточной Европы. Она формулировалась Байером как география России и соседних с нею регионов. Основу анализа одной из них составило этногеографическое изучение труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» в контексте информации греко-, арабо- и латиноязычных исторических источников. Основу другой статьи составило исследование Байером известий преимущественно немецких латиноязычных авторов IX–XII вв., а также исландских саг об исторической географии и народах Восточной Европы в данный период [Bayerus Th. S. 1744. P. 371–419; 1747. P. 311–329].

В этих статьях Т.З. Байер развил намеченное им ранее направление последовательного изучения Руси и Восточной Европы в целом как многоэтнической огромной в своих размерах составной части Европы. Определение места расселения каждого из народов, их этнической принадлежности на основе сообщений разных по происхождению источников способствовало не только появлению в России исторической этнографии и исторической географии как особых научных дисциплин. Оно позволяло начать изучение истории России в контексте многоэтнической среды Восточной Европы и Азии. Вместе с тем, разыскания Байера стали началом гуманистического направления в российской исторической науке — исследования не только больших, но и малых народов Европы и Азии как субъектов исторического процесса. Байер как гуманист, воспитавший свое восприятие древних народов и древностей по преимуществу в изложении античных авторов как народов самодостаточно

развитых, решительно возражал против традиционного изображения народов древней Руси, славян и неславянских этносов, в исторической литературе с XVI в. как «диких». Опровергая такое мнение, он приводил сведения о торговле этих народов, о плавании древних руссов в Константинополь и в дальние восточные страны, в Хазарию и даже в Сирию. В последнем случае он имел в виду информацию, восходящую к арабоязычным авторам, Ибн Хордадбеку и Ибн Хаукалю, о путешествиях русских (славянских) купцов вплоть до Багдада.

Т.З. Байеру приходилось пока рационалистично, но объяснять различия известий о древних русах в исторических источниках как о народе для своего времени развитом, в отличие от характеристик древних славян и руссов более поздними средневековыми авторами как народов «диких». В частности, встретив в саге об Олаве Трюггвасоне сообщение о том, что норвежский конунг Харальд Прекрасноволосый (885–928) отправил своего доверенного человека Хаука на Русь в Хольмгард-Новгород купить там дорогие и редкие товары, Байер написал также о древней торговле Новгорода. Но эти сведения явно расходились с известиями Степенной книги, отнесенной тогда к деятельности митрополита Макария (1542–1563), одного из немногих доступных Байеру в переводе на немецкий язык средневековых русских исторических сочинений.

Видимо, Т.З. Байер пришел в недоумение от того, что в начальной части Степенной книги сообщалось не только о «самодержавном царском» правлении, начиная с Рюрика, который «прииде из Варяг в велики Новъград» со своими двумя братьями и «съ роды своими, иже бе от племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется», а Прус был братом «римскаго кесаря Августа». В содержащемся в Степенной книге Житии княгини Ольги, принявшей христианство в середине X столетия, когда абсолютное большинство населения Русского государства того времени, включая ее мужа Игоря и сына Святослава, являлось язычниками, было записано: «Сама же пребываше посреди бесчисленнаго множества поганых людей, кумиробесия тьмою помраченных, иже бяху, яко дивы (т. е. дикие. — М. С.) зверие» [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 19]. В известной ему Петровской копии Радзивиловской летописи сообщалось: «А деревляне живяху зверьским образом, живущее скотьскими, и убиваху друг друга, ядуще все нечистое, и брака у них не бываша, но умыкаху у воды девица. А радимичи, и вятичи, и северо один обычаи имеаху: живяху в лесех, яже и всякий зверь, ядуще все нечисто <...>» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 14].

Для автора «Жития» такое указание язычников являлось метафорическим. Оно должно было образно противопоставить свет христианства тьме язычества. Чем архаичнее изображалось языческое общество («глубоку нощи тму неверия отгоняя»), тем более значимым становилось его преображение с принятием христианства: «яко пресветлая звезда пред солнцем грядый и светлый день правоверия русским людям предъявляя» [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 19].

Историко-филологические разыскания только в конце XIX–XX в. показали, что приведенный ранее текст Радзивилловской летописи, восходивший к ПВЛ, написанной и отредактированной в 1113–1118 гг. (дискуссии о времени написания ПВЛ и ее редакций ведутся до нашего времени) выразил «местный патриотизм киевлянина», который противопоставлял «кроткий и тихий» образ жизни полян нравам других восточнославянских племен [ПВЛ. 1996. С. 335].

Т.З. Байер не был согласен с таким метафорическим изложением российской истории. Если ранее он показал несоответствие историческим фактам идеологической интерпретации предания о происхождении Рюрика, то в данных случаях характеристика древних русских людей в Степенной книге и Радзивилловской летописи не соответствовала известиям о Руси в иностранных источниках. Поэтому, учитывая сведения о торговле в Древней Руси по данным саги об Олаве Трюггвасоне, он написал в статье «География России и соседних регионов по известиям северных писателей», что автор Степенной книги «невероятное написал о варварстве руссов в древности». Объяснил он это явление фактором психологическим: когда «многим историкам» недостает сведений об «установленном государственном строе», «они заявляют об удивительной мерзости народов, словно зверей, а не людей» («*miram foeditatem gentium praedicant, veluti belluarum, non hominum*») [*Bayerus Th.S.* 1747. P. 407].

Только в XIX и особенно в XX в. стало выявляться сложное содержание исландских саг как исторического источника. В отличие от такого состояния их изучения Т.З. Байер установил достоверность известий о Руси в саге об Олаве Трюггвасоне. В ней, в частности, шла речь о торговле на Руси и о возможности купить там византийские драгоценные ткани. Эти сведения Байер соотнес с опубликованными Г.Ф. Миллером переводами на немецкий язык текстов русско-византийских договоров 907, 911 и 944 гг., в которых речь шла об активной деятельности русских купцов в Константинополе и о покупке ими там драгоценных тканей — паволок. Так что привлечение Байером саги об Олаве Трюггвасоне в качестве источника по истории Руси было научно корректным.

Таким образом, Т.З. Байер уже во второй половине 20-х — 30-е гг. XVIII в. наметил научный путь исследования древнейшего периода истории Руси через анализ и сопоставление известий разных по происхождению нарративных источников. В качестве академика Петербургской Академии наук он следовал Петровской традиции изучать историю в соответствии с научными требованиями, а не средневековыми историко-литературными сочинениями идеологизированного содержания. Такой подход раскрывал реальное сложное содержание древней истории Руси, люди которой, в соответствии с выводом Байера, не были «яко диви зверие».

Между тем, особое внимание Т.З. Байера к иностранным историческим источникам, незнание русского языка и ограниченные представления о содержании средневековых русских письменных памятников сужали

его исследовательские возможности. Преобладание информации иностранных исторических источников и лишь отрывочно намеченный событийный ряд истории Руси без анализа ее саморазвития стали причиной преувеличения в русской истории внешнего этнокультурного и политического фактора. Такой подход к средневековой истории был свойственен западноевропейской историографии первой половины XVIII в.

Служба в Петербургской Академии наук способствовала тому, что, кроме изучения античных и средневековых русских древностей, восточных языков и культур, в России были востребованы познания Т.З. Байера и в проблемах, относившихся к истории южных регионов Восточной Европы. Следствием установившихся доброжелательных отношений Байера с князем Антиохом Кантемиром, политиком, интеллектуалом и поэтом, стала подготовленная им к печати «Турецкая история», написанная отцом князя Антиоха молдавским господарем Дмитрием Кантемиром, союзником Петра Великого, а позднее и активным сотрудником в его преобразовательной деятельности. По материалам, предоставленным в распоряжение Байера, он подготовил биографию отца Дмитрия Кантемира, Константина. Она была опубликована в 1783 г. Н.Н. Бантыш-Каменским [*Байер Ф.З.*] 1783; *Федоровская Л.А.* 1996. С. 52–65].

Впервые в российской исторической литературе Т.З. Байер предпринял современный опыт комплексного изучения истории Приазовья и города Азова, в чем он существенно развил наблюдения А.И. Лызлова. В этой работе были совмещены задачи общественно-политические и научные. Первые должны были показать исконность российского владения Северным Приазовьем и городом Азовом, вторые — указать конкретные исторические материалы, это утверждение обосновывающие.

Следуя традиционному установлению начал славянской истории в скифский период, Т.З. Байер привел сведения античных авторов о Танаисе-Доне и скифах. Впрочем, И.Д. Шумахер увидел в таком исследовании древнейшей истории славян и Руси лишь авторское «благоразумие». По его словам, Байер «употреблял все возможные старания отыскать для русского народа благородное и блистательное происхождение» [*Пекарский П.* 1870. С. 57]. В обоснование этнической и временной преемственности скифов и славян Байер указал далее на известия византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского и арабоязычных авторов IX–X вв. о славянах и русах на юге Восточной Европы. Эти известия он рассмотрел в связи с сообщениями о кочевых народах в этом регионе — о гуннах, хазарах, печенегах, которых в XI в. сменили половцы. При этом Байер впервые для российской исторической литературы вводил в научный оборот ценнейшую историческую информацию арабоязычных исторических источников, продолжая активно использовать латиноязычные тексты Лиутпранда Кремонского, Титмара Мерзебургского (X — начало XI в.). Продолжил он также изучение уже хорошо известного

труда византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей».

Ошибки Т.З. Байера появились в связи с использованием немецкого перевода ПВЛ в составе Радзивиловской летописи. Это — не только не зависевшее от него отнесение авторства ПВЛ игумену Феодосию (см. далее, с. 416–417), но также значительная путаница в установлении родственных связей князя Святослава и княгини Ольги, отнесение к ее военной деятельности взятия хазарской крепости Саркел и распространение влияния Руси в Подонье. Вместе с тем, даже ограниченные познания в древнейшем русском летописании позволили Байеру оспаривать ошибочное мнение М. Стрыйковского о названии Азова по имени половецкого хана. Более уверенно Байер чувствовал себя при изложении истории Азова под властью генуэзцев, татар и турок, имея в качестве предшественника такого знатока истории Османской империи, как Дмитрий Кантемир. Подробно изложил Байер события, относившиеся к крымским походам В.В. Голицына и к азовским походам Петра I [[*Байер Ф.З.*] 1738].

Таким образом, Т.З. Байер много сделал для становления научного изучения истории России. Он продолжил традиции прагматического изучения исторических фактов в причинно-следственных связях. Следовал он также мнению об исторической преемственности в эволюции народов Восточной Европы от античности и скифского периода до современности.

Большое значение для определения новых исследовательских возможностей в изучении истории России приобрело последовательное использование Т.З. Байером разных по происхождению исторических источников. Широкое привлечение греко-, арабо-, латиноязычных и древнескандинавских материалов позволило ему обоснованно показать изначальное включение России в общеевропейский контекст исторического развития. Сообщения византийских, западноевропейских и восточных источников указывали на историческое развитие Руси в многоэтничной среде Восточной Европы и Азии. Но определяющей для Байера оставалась европейская принадлежность Руси, в чем он активно продолжил идеологию и практику Петра Великого.

Такое обобщающее понимание места и значения Руси, происходившее от прагматических исследований, позволило Т.З. Байеру преодолеть ограниченную в научном содержании абсолютизацию частных наблюдений, свойственных тогда польским, прибалтийским и шведским историкам, а также мифологизацию русских позднесредневековых историко-литературных сочинений. Поэтому он возражал против отождествления русов и пруссов, против утверждения родства Рюрика и римского императора Августа. Определение скандинавской принадлежности варягов на Руси для него являлось свидетельством не основания ими Русского государства, этническую основу которого составляли славяне, а начала военной и торговой деятельности варягов на Руси. Особое внимание к этнокультурным характеристикам и исторической географии

древних народов, включая славян, позволяло Байеру решительно возражать против их характеристик как «диких».

Замечательная эрудиция становилась основой широких по хронологическому охвату разысканий Т.З. Байера по истории стран и отдельных регионов Восточной Европы. Вместе с тем, в его исследованиях отмечаются недостатки, на которые не могли не обратить внимания его преемники в научном изучении истории России. Прежде всего — крайне ограниченные представления о средневековых русских исторических источниках, очень приблизительные, подчас ошибочные суждения о событийной истории России. А они, наряду с ограничением истории Руси анализом этнических и историко-географических проблем, имели следствием преувеличение в российской истории внешних военно-политических и этнокультурных факторов. Впрочем, такие суждения были свойственны европейской историографии первой половины XVIII в., равно как и установление тождества этнических и географических названий по созвучию, изучение исторических фактов по их подобию.

Разыскания Т.З. Байера по российской истории продолжил в Петербургской Академии наук Герард Фридрих Миллер. Так произносили в России его распространенную в Германии фамилию Мюллер. Отсюда — имеющие место в научной литературе различия в написании фамилии историка.

Биография и труды Г.Ф. Миллера, посвященные российской истории, привлекли значительное внимание исследователей. Впрочем, этот интерес до XX в. был в большой мере предопределен его диссертацией «О происхождении народа и имени российского», ее обсуждением в Петербургской Академии наук, ролью Миллера в формировании так называемой «норманской проблемы», его изучением истории Сибири и новой русской истории, а также исторических источников, его издательской деятельностью [*Пекарский П.* 1870. С. 308–430; *Соловьев С.М.* 1854. С. 115–150; 1993. Кн. 12. С. 251–258; 1994. Кн. 13. С. 518–522]. Прежде всего, эти направления деятельности Миллера отметил В.О. Ключевский в своих лекциях по русской историографии, которые он читал в Московском университете 1880-х — начала 1900-х гг. Кратко написал Ключевский также о начале научного изучения Миллером истории Сибири, о его намерении написать новейшую историю России, о его деятельности в Московском архиве Иностранной коллегии. Принципиально важной и новой в историографическом анализе Ключевского явилась установленная им связь критического обсуждения его диссертации не столько с ее содержанием, сколько с общественными настроениями в России 40-х гг. XVIII в. [*Ключевский В.О.* 1959. С. 398–406].

В отечественной историографии довоенного периода было продолжено обстоятельное изучение конкретного вклада Г.Ф. Миллера в становление российской исторической науки: монографическое изучение истории Сибири [*Бахрушин С.В.* 1937б. С. 3–55; *Андреев А.И.* 1937. С. 57–143], его опыт организации российских исторических исследований в учреждении Истори-

ческого департамента, первой археографической экспедиции, в организации архивного дела и в подготовке первых русских архивистов [*Рубинштейн Н.Л.* 1941. С. 103–115].

Негативные характеристики исторических разысканий Г.Ф. Миллера в период послевоенного сталинского режима были отвергнуты вскоре после его завершения. В курсе лекций, опубликованном в 1957 г., Л.В. Черепнин отметил научное значение его архивной деятельности, его личного архива и коллекции копий архивных документов (так называемые «портфели» Миллера), конкретного изучения сложного в содержании процесса включения Сибири в состав Российского государства. В изучении Миллером истории Сибири Черепнин обратил особое внимание на использование им разных по происхождению исторических источников — письменных (русских и сибирских), этнографических, археологических и т. д. Он отметил «тонкие для того времени приемы внешней и внутренней критики источников»: описание использованных им грамот, различия списков и подлинников, элементы кодикологического анализа летописей, анализ языка документов, определение степени достоверности исторических источников. Поэтому Черепнин, признавая объективное содержание в позиции М.В. Ломоносова по «норманскому вопросу» в дискуссии с Миллером, писал о научном значении труда Миллера по истории Сибири, а также о влиянии на его последующие наблюдения критики Ломоносова и правительственной идеологической политики [*Черепнин Л.В.* 1957. С. 213–217; *Čerėpnin L.V.* 1966. S. 303–311].

Изучение конкретного вклада Г.Ф. Миллера в становление российской исторической науки составило основное содержание последующих историографических исследований. С.Л. Пештич дополнил исследования предшественников анализом его взглядов в дискуссии 1748–1750 гг. в связи с его диссертацией «О происхождении народа и имени российского». Он проанализировал содержание последующих работ Миллера, расширение их проблематики в истории летописания, в истории Новгорода как города «народной вольности», в появлении темы восстаний в российской историографии, а также других работ 1750–1760-х гг. Проследил Пештич и значение для идей Миллера трудов В.Н. Татищева, а также критики М.В. Ломоносова [*Пештич С.Л.* 1965. С. 210–231].

Продолжением историографического анализа конструктивного вклада Г.Ф. Миллера в историю российской исторической науки в новейшей историографии стало изучение его работ по истории Сибири [*Мирзоев В.Г.* 1963. С. 45–71; *Элерт А.Х.* 1990; 1999]. Изучался также его вклад в формирование в России деятельности по публикации исторических источников и периодики, в которой значительное место занимали статьи исторического содержания [*Белковец Л.П.* 1988. С. 71–150; *Савельева Е.А.* 1999. С. 505–510]. А.Б. Каменский обстоятельно рассмотрел значение деятельности Миллера для российской исторической науки XVIII в., в целом, и для становления архивного

дела в России, для изучения конкретных проблем генеалогии и истории дворянства, в частности. Каменский продолжил также анализ его творчества в соотнесении с трудами В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова [Каменский А.Б. 1986. С. 89–99; 1987. С. 154–158; 1989а. С. 144–159; 1989б. С. 25–32; 1991. С. 39–48; 1996. С. 374–416; и др.].

Конкретные историографические исследования в соединении с архивными разысканиями подготовили условия для создания монографий о жизни и творчестве Г.Ф. Миллера, в которых значительное место занимает анализ его трудов по истории России [Black G.L. 1986; Hoffmann P. 2005], а также издания его исследований по этой теме [Миллер Г.Ф. 1996; 2006]. Они позволили раскрыть содержание и значение его трудов в процессе становления российской исторической науки в контексте европейской историографии. Вместе с тем, очевидной становится необходимость дальнейшего изучения исследований Миллера в тех проблемах российской истории, в которых он дискутировал с М.В. Ломоносовым.

Г.Ф. Миллер родился 18 октября 1705 г. в вестфальском городе Герфорде. Его отец являлся ректором городской гимназии, известной суровыми порядками и дисциплиной, мать была дочерью профессора теологии и советника консистории города Ринтельна. В доме родителей будущего историка находилась значительная («zahlreiche», по определению Миллера) библиотека. Так что домашнее воспитание и обучение в гимназии, руководимой отцом, приучили Миллера к упорному ежедневному труду, обеспечили основательными познаниями в древних и новых языках, развили интерес к истории. Впрочем, в юности он усвоил понимание истории, по его признанию, в соответствии с библиотечным принципом как по преимуществу истории многих тем с их конкретным значимым сюжетным содержанием (Polyhistorie) [Миллер Г.Ф. 1890. С. 250]. В 1721 г. он продолжил обучение в «малом», по определению Миллера, университете Ринтельна, в котором, впрочем, впервые в Германии была учреждена кафедра наук государственного надзора над хозяйственной деятельностью и государственными доходами («ein Catheder für die Öconomie-Polizei- und Cameral-Wissenschaften»). Миллер убедился в пользе лекций по экономическим дисциплинам и позднее, уже в России, мечтал об их изучении в Петербургской Академии наук [Миллер Г.Ф. 1890. С. 199–200]. Эти познания ему, видимо,годились в его издательской деятельности и при анализе не только историко-этнографических, но также экономических материалов во время его участия в сибирской экспедиции уже в России.

Свое образование Г.Ф. Миллер продолжил в 1724 г. в Лейпцигском университете, где его руководителем стал профессор И.Б. Менке, принадлежавший к семье известных издателей книг и научных журналов. В издаваемом ими научном журнале на латинском языке «Труды ученых» были опубликованы в 1710 г. первые рецензии в Германии на русские книги, а в их «Новых

ученых ведомостях» постоянно публиковались на немецком языке сведения о событиях в петровской России.

Г.Ф. Миллер не только прослушал в университете курс И.Б. Менке по журналистике, но и приобрел под его руководством определенный опыт в этом виде деятельности. В 1723–1724 гг. Менке вел переговоры с помощью Г. Гюйсена и Л. Блюментроста о приобретении российскими властями его библиотеки для уже предполагавшейся Петром Великим Петербургской Академии наук. Так что у хорошо подготовленного в гуманитарных дисциплинах и издательской деятельности Миллера интерес к России и ее истории появился, вероятно, еще в Лейпциге. Он смог осуществиться уже в 1725 г., когда Менке стал консультантом Петербургской Академии наук в подборе для нее кадров. Профессор предложил тогда своего сотрудника И.П. Коля, который уехал в Петербург в июне 1725 г. и стал там академиком. Коль содействовал приглашению в Академию Миллера в качестве студента, привлекая его возможностью работы библиотекарем. Миллер выехал из Лейпцига в конце сентября того же года и прибыл в российскую столицу 5 ноября. Но в отличие от Коля, который не выдержал непростые обстоятельства работы в Петербургской Академии наук и условия петербургского климата, не смог развить свои способности, волевой и одаренный Миллер твердо решил стать российским ученым [*Пекарский П.* 1870. С. 309–310; *Белковец Л.П.* 1988. С. 54–58].

Поначалу Г.Ф. Миллеру было поручено преподавание в академической Гимназии истории, географии и латинского языка. Но с начала января 1728 г. он был от преподавания освобожден для ведения протоколов академической Конференции и осуществления надзора над академической Типографией. В том же году он начал руководить издаваемой Академией наук газетой «Санкт-Петербургские ведомости», которая публиковала, кроме российских новостей, переводы статей из французских, немецких и английских газет. В том же году Миллер начал издавать на русском, а позднее и немецком языках первый в России научно-популярный журнал «Примечания на Ведомости», посвященный самым разным сторонам общественной и культурной жизни в других странах и имевший ясно выраженный просветительский характер. Тогда же Миллеру было поручено помогать в расстановке книжных фондов академической Библиотеки. Его активность и исполнительность способствовали тому, что И.Д. Шумахер, уезжая из Петербурга в Москву 27 декабря 1729 г. для отчета о состоянии Академии и обсуждения с Л.Л. Блюментростом необходимых академических дел, оставил Канцелярию и Библиотеку под руководством Миллера.

Об авторитете Г.Ф. Миллера в это время могут свидетельствовать не только поручения, данные ему академическим руководством во время командировки 1730–1731 гг. в Англии, Голландии и Германии, но и тот факт, что 2 августа 1730 г. провожала его до Кронштадта в это дальнее путешествие талантливая академическая молодежь — Л. Эйлер, И.Г. Гмелин, И. Вейтбрехт, Г.В. Крафт.

Распоряжением Л.Л. Блюментроста 22 января 1731 г. все они стали членами Академии наук и были назначены профессорами соответственно физики, химии и натуральной истории, физиологии, общей математики, а Миллер — истории.

Во время этой зарубежной командировки, продолжавшейся год, Г.Ф. Миллер не только выполнил поручения. Он пригласил в Академию ботаника И. Аммана, вызвал в Петербург Г.Ф.В. Юнкера и убедил приехать известного ориенталиста Г.Я. Кера. При этом Миллеру пришлось развеивать, по его словам, «дурные слухи, повсюду распространенные о нашей Академии». Впрочем, после возвращения и у Миллера начались враждебные отношения с Шумахером, продолжавшиеся до смерти последнего в 1761 г. [Летопись. 2000. Т. 1. С. 64, 89, 91, 98; Пекарский П. 1870. С. 310–317; Белковец Л.П. 1988. С. 58–64].

Назначение Г.Ф. Миллера профессором истории поставило перед ним сложную задачу определения основного направления своей деятельности в той области, в которой он не являлся профессионалом. В своих воспоминаниях он признавался, что еще недостаточно знал русский язык. К тому же Т.З. Байер предназначал ему роль помощника в подготовке его сочинений (Schriften) [Миллер Г.Ф. 1890. С. 250–251]. Но Миллер выбрал собственный путь в изучении российской истории. Он обратился к изданию исторических источников по российской истории. Эти материалы должны были публиковаться в сборниках «Sammlung Russischer Geschichte». Это непростое для перевода на русский язык название Миллер сам переводил или буквально — «Собрание русской истории» или более отдаленно от текста, но более точно по смыслу — «Собрание известий, до Российской истории касающихся».

В предисловии к первому тому этого издания Г.Ф. Миллер указал, что темой его публикаций станет не только история Русского государства, инкорпорированных в его составе земель и провинций, но также соседних с ним стран. В последнем случае он назвал расположенные на юге пограничные, «татарские государства и провинции», вероятно, зная об уже существующих исследованиях Дмитрия Кантемира и Т.З. Байера. Объясняя такое выборочное, частичное, основанное на документах изложение отдельных сюжетов, посвященных российской истории, он написал в 1732 г., что ее последовательное изложение возможно через 20 и более лет. Поэтому его издание должно было стать, в соответствии с его намерением, собранием материалов для предстоящих исторических разысканий. Эти материалы должны были относиться не только к российской гражданской и церковной истории, но также к истории знаний и природы, древностей, нумизматики, хронологии, географии. Все они должны были «мало-помалу» способствовать написанию в будущем истории Российской империи «во всей ее обстоятельности (Weitläufigkeit)».

Излагая программу издаваемого «Собрания», Г.Ф. Миллер анонсировал публикацию в нем всевозможных известий и документов, относящихся

к истории и географии Российской империи, допуская их последующее обсуждение, «извлечений» и переводов из древних исторических рукописей и хроник, уже известных и тех, которые будут открыты. Приводя в качестве примеров такие «хроники», он назвал «извлечения» из Степенной книги, «Синописиса», из «хроники» киевского аббата Феодосия, из сочинения Авраамия Палицына, из некой «хроники» неизвестного автора.

В предстоящем издании предполагалось публиковать биографии правителей и правительниц России — князей Рюрика, Игоря, Ольги, Владимира Святославича, названного им «Великим», Владимира Мономаха, Александра Невского, а также царей, императоров и императриц. Была намечена публикация «географических, хронографических и топографических описаний земель, областей и городов, подчиненных русскому скипетру». В обозначении этой темы нельзя не видеть влияния Т.З. Байера. Это издание должно было стать продолжением его работ, тогда как сам Г.Ф. Миллер работал над подобным описанием «Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и Карелии». Такой подход к изучению российской истории и географии предопределялся петровской концепцией России — страны, объединяющей многие народы, ее составляющие.

В объявлении к предстоящему изданию были указаны намерения публиковать разыскания о древней и новой русской нумизматике, о древностях, об истории натуральной, церковной, а также «разные сочинения, относящиеся к истории научных знаний в России». В качестве примеров сочинений, посвященных разным темам российской истории, Г.Ф. Миллер указал работы о завоевании сибирских земель, Казанского и Астраханского «королевств», о нравах и обычаях сибирских народов, об их языках, истории русской торговли и т. д., в чем прослеживается уже появившийся у него интерес к Сибири и ее народам, вероятно, под влиянием экспедиций В. Беринга и Д.Г. Мессершмидта. Видимо, уже к 1732 г. под воздействием российской государственной практики у Миллера сложилось понимание того, что история России — это история не только ее европейской, но также азиатской части.

Г.Ф. Миллер собирался перепечатывать извлечения из опубликованных трудов членов Петербургской Академии наук по общественной истории и натуральной истории (в качестве таких авторов он назвал Т.З. Байера и Д.И.Г. Дювернуа). Вместе с тем, им была обозначена и патриотическая цель своего издания — «выявлять ошибки, которые встречаются в иностранных сочинениях по русской истории и географии» [*Müller G.F. 1732a. S. 2–8*].

Такая программа издаваемого «Собрания» свидетельствовала о том, что Г.Ф. Миллер находился на современном ему уровне исторической науки в западноевропейских странах, где историческая наука классифицировалась таким же образом, а перед ней ставились те же задачи. Но, в отличие от современной французской и предшествующей русской историографии петровского периода, Миллер, подобно Т.З. Байеру, не ставил перед собой ясно обозначенные идеологические и общественно-политические задачи.

В первых выпусках «Собрания» прослеживается значительное влияние на Г.Ф. Миллера его старшего по возрасту и положению коллеги Т.З. Байера. Первый том в полной мере обоснованно открывался переводом-изложением начальной части ПВЛ по Петровской копии Радзивилловской летописи, древнейшей известной тогда летописи. Это был наиболее важный исторический источник по древнерусской истории, находившийся тогда в распоряжении российских историков. Перевод-изложение Радзивилловской летописи составил значительную часть содержания последующих выпусков «Собрания», издававшихся до 1735 г., во время пребывания Миллера в Петербурге и после его отъезда в 1733 г. в Сибирь для участия в исследованиях, которые были активизированы Второй Камчатской экспедицией. В «Собрании» публиковались также основанные на многообразных по происхождению исторических источниках исследования Байера, посвященные «древнейшим войнам русской нации против греков», известиям скандинавских саг о Руси. Впервые в российской исторической литературе Миллер издал там же научное исследование, посвященное одному из наиболее известных русских военно-политических деятелей — Александру Невскому. В нем использованы разные по происхождению исторические источники — Степенная книга, летописная «Повесть о житии Александра Невского», «Хроника провинции Ливонии» Бальтазара Руссова, грамоты римских пап, сообщения о монголах.

Новейшей истории России в «Собрании» были посвящены описания коронации императрицы Анны Ивановны, приемы китайского посольства при ее дворе в 1731 и 1732 гг., перевод-изложение русско-персидского договора 1732 г. В связи с подготовкой к отъезду в Сибирь Г.Ф. Миллер уже в марте 1733 г. просил поручить издание «Собрания» своему помощнику и земляку, адъюнкту по кафедре истории А.Б. Крамеру. Впрочем, уже в начале 1735 г. Крамер скончался. Так что четвертый–шестой выпуски первого тома с материалами, подготовленными Миллером, были изданы Крамером, а первые три выпуска второго тома подготовлены и изданы Т.З. Байером [*Пекарский П.* 1870. С. 318–319, 491–493; *Миллер Г.Ф.* 1999. С. 151; Летопись. 2000. Т. 1. С. 128, 130, 153]. Впрочем, интересы Байера в изучении древней Руси и истории стран и народов Восточной Европы в целом отразились в содержании всех выпусков «Собрания».

В третьем выпуске первого тома Г.Ф. Миллер издал отрывки сочинения амстердамского бургомистра Николая Корнелия Витсена (1641–1717, в русской транскрипции того времени — Витзена) о его путешествии в 1664 г. в Россию, названного в переводе кратко — «Северная и Восточная Татария». Эта книга была опубликована на голландском языке в 1692 г. (второе издание 1705 г.). Она представляла значительный интерес, поскольку содержала сведения о народах России, включая Сибирь. Эти сведения были собраны из произведений других авторов, из сообщений голландских информаторов, которые жили в России. По мнению Миллера, многочисленные сведения

о Сибири Витсену сообщил царский советник и думный дьяк Андрей Виниус. Содержал труд Витсена и его собственные наблюдения. Обращение к этому автору имело для российских читателей особое значение. Витсен еще в 1691 г. обращал внимание царя Петра на значительные возможности торговли России с Китаем и Персией. Во время Великого посольства Петр некоторое время жил в его доме. Витсен оказал содействие в разрешении Петру работать на амстердамской верфи Ост-Индской компании, в его обучении черчению и мореплаванию. К тому же, Витсен владел музеем ост-индских и античных древностей, моделей кораблей и машин [Гузевич Д., Гузевич И. 2008а. С. 203]. Возможно, его коллекции наряду с другими материалами формировали у Петра особый интерес к античной истории и к странам Востока. К труду Витсена Миллер составил указатель, что облегчило пользование этим сочинением.

Отрывок из этого сочинения был дополнен очерками в четвертом выпуске о русско-китайских столкновениях в связи с городом Албазиным. Позднее, в 1735 г. в развитие этой темы Миллер опубликовал в шестом выпуске первого тома «Собрания» статью о русско-китайском мирном договоре, заключенном 27 августа 1689 г., как он написал, «в окрестностях» Нерчинска.

Албазин, построенный в 1656 г. енисейским воеводой Афанасием Филипповичем Пашковым, стал одним из опорных пунктов России в Забайкалье и центром торговли с Китаем. Вместе с тем маньчжурская династия Цинь стремилась остановить распространение русского населения на Амуре вблизи Маньчжурии и предотвратить российское влияние в Монголии среди ойратов. Поэтому китайские войска начали военные действия в Приамурье. В 1685 г. Албазин был ими разрушен, но восстановлен воеводой Борисом Фатеевичем Толбузиным. Вскоре Албазин вновь был осажден китайским войском. В таких обстоятельствах для переговоров с представителями маньчжурского богдыхана было отправлено посольство во главе с сыном тобольского воеводы Федором Алексеевичем Головиным. Китайские послы прибыли на переговоры с 10-тысячным войском, которое осадило Нерчинск. Вследствие такого давления по условиям Нерчинского договора русское население должно было покинуть территорию Албазинского воеводства, была намечена пограничная линия между двумя странами, впрочем, весьма неопределенная вследствие разночтений топонимов в русском, латинском и маньчжурском текстах. Несмотря на эти неблагоприятные для России условия договора статьи о свободе торговли и о выдаче перебежчиков создавали положительные условия для продолжения мирных отношений между двумя странами.

Таким образом, Г.Ф. Миллер, публикуя перевод труда Н.К. Витсена и дополняя его новейшими сведениями, откликнулся на актуальные для России того времени темы. Но они имели также особый подтекст, учитывая определенное значение Витсена в деятельности Петра Великого. Имели

они отношение и к научным интересам предстоящей российской экспедиционной деятельности в Сибири.

Те же принципы были соблюдены в опубликованном Г.Ф. Миллером в четвертом выпуске первого тома отрывке из дневника Ивана Унковского 1722–1724 гг. во время его путешествия в качестве посланника Петра Великого к ойратам в Центральную Азию с описаниями их традиций, церемоний и обычаев. В этой публикации Миллер назвал ойратов традиционно для России того времени калмыками. Данные материалы были дополнены в соответствии с планом Миллера уже после его отъезда в сибирскую экспедицию переводом отрывка из описания путешествия китайского посланника из Пекина через Сибирь к астраханским калмыкам.

Внимание к миссии И. Унковского и китайского посланника свидетельствует о проницательности Г.Ф. Миллера как историка и журналиста, а также Т.З. Байера как востоковеда, которые сочли необходимым познакомить российских читателей с этими событиями международной дипломатической деятельности. Дело в том, что они, как и изложение статей Нерчинского договора, описание китайского посольства к российской императрице, не только сообщали новые сведения о дальних и малоизвестных россиянам странах, об их обычаях. Они относились к событиям, контрастом к которым стал ужасающий разгром Ойратского ханства в 1755–1757 гг. маньчжурскими войсками и уничтожение сотен тысяч человек его населения. Таким образом, российские читатели «Собрания» не только получали многообразную информацию о Сибири и Центральной Азии, но также подготавливались к пониманию предстоящих там событий.

Статьи второго тома «Собрания», опубликованные в 1736–1737 гг., продолжили просветительскую направленность издания. Но они отразили интересы и авторские возможности Т.З. Байера: кавказский регион и торговля генуэзцев на Черном море, история Приазовья и Азова с древних времен до Петра Великого, русские посольства в Среднюю Азию, Индию и т. д.

При издании «Собрания» особые сложности для Г.Ф. Миллера заключались в том, что известия древнерусских исторических источников, прежде всего опубликованной им части Петровской копии Радзивилловской летописи, были переведены на немецкий язык И.В. Паузе [Винтер Э. 1959. С. 313–322; Моисеева Г.Н. 1967. С. 130–137]. Вследствие недостаточного в начальный период жизни и деятельности в России знания современного русского и тем более древнерусского языка Миллер зависел от понимания их текста переводчиком. Поэтому он оказался в неприятном для издателя и исследователя положении, когда вслед за переводчиком Академии наук И.В. Паузе уже в первых строках первого выпуска «Собрания» своей публикации начальной части Радзивилловской летописи по Петровской копии он ошибочно отнес ее авторство аббату Феодосию Киевскому. Причиной такой ошибки стала начальная фраза летописи: «Сия книга летописецъ. Повесть временныхъ летъ,

черноризца Феодосьева монастыря Печерьского <...>» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 11]. В начале Петровской копии Радзивилловской летописи преведено ее ошибочное определение: «Russische Historie Beschrieben von Theodisio Einen München im Petschurischen Closter bei Kyiow» [БАН. П. I. Б. 77. Л. 2]. Так что она была понята в 20–30-е гг. XVIII в. как «Летописец Феодосия черноризца Печерского монастыря». Так она была записана под № 9 в изданном в 1742 г. «Камерном каталоге» Библиотеки Академии наук [Муссеева Г.Н. 1971. С. 151]. Эта ошибка широко распространилась в исторической литературе того времени. Повторил ее и Миллер. Она, как, впрочем, и сложный характер Паузе стали причинами того, что Миллер сам продолжил перевод летописи [Пекарский П. 1870. С. 318–319; Белковец Л.П. 1988. С. 71–73].

Сообщения Радзивилловской летописи (ПВЛ) о Руси и ее соседях свідетельствовали для Г.Ф. Миллера не только об их едином происхождении, от Иафета, следуя библейскому объяснению, но также об их единой истории, включая расселение славян из их первоначальной территории на Дунае, о происхождении последующих различных названий славянских народов.

К этому единому европейскому этногеографическому пространству Г.Ф. Миллер отнес и варягов, которые, по его словам, «вместе с прочими европейцами были того же происхождения». Он учел распространенность деятельности варягов на севере и востоке Европы, а также в Византийской империи, соотнес варягов с известиями исторических источников об их скандинавском происхождении и языке. Поэтому Миллер не сомневался в том, что варяги — это скандинавы. Он отказался от поисков этнонима, от которого якобы произошел социальный термин «варяги». По его словам, это — имя нарицательное, а не собственное («nomen adpellativum nicht proprium»). Но в определении этимологии этого слова он не смог прервать традицию поисков его начал по созвучию.

Г.Ф. Миллер отметил существовавшую на норманском побережье средневековой Франции юридически разрешенную практику присвоения выброшенных морем предметов, так называемое «Droi de Varech». Она была отнесена Миллером к морскому праву, к плаваниям по морю норманнов и их нападениям на чужие страны. Поэтому он пришел к мнению, в соответствии с которым слово *варяги* «обозначает не более чем мореплаватели» («See-Far-ende Leute»). Такой вывод, как он думал, подтверждался всеми более поздними источниками, включая скандинавские [Müller G.F. 1732b. S. 1–4].

Публикация перевода Петровской копии Радзивилловской летописи обращала внимание на особые сложности в изучении летописных материалов. К переводу текста летописи Г.Ф. Миллер, а также его преемники в «Собрании» А.Б. Крамер и Т.З. Байер отнеслись ответственно. Миллер избрал как вид издания перевод-пересказ летописи. Такой характер передачи летописного текста соответствовал журнальной природе «Собрания» как средства популяризации научных знаний. К тому же в России того времени не было

специалиста, который мог бы выполнить такую сложную задачу, как перевод древнерусской летописи. Пересказ летописного текста помогал обойти те его части, которые сложны для понимания содержания или для перевода на современный язык.

Но в первой половине 1730-х гг. в связи с изданием средневековых русских текстов возникли и трудности, в данном случае цензурные, на что обратил внимание еще П.П. Пекарский. 25 апреля 1734 г. Академия наук сообщила в Сенат, что она «имеет намерение, чтоб по прикладу (т. е. по примеру. — *М. С.*) других народов, которые о исправлении (здесь: совершенствовании. — *М. С.*) истории отечеств своих тщание имеют, обретающихся российских древних летописцев по приложенной при сем форме в печать выдать, не переменяя во оных ни наречия, ни материи, кроме некоторых мест, которая со историею светской никакого союза не имеют, но токмо до духовности касаются, и о которых Святейший правительствующий Синод впредь рассмотреть может. А понеже можно надеяться, что чрез сей способ российская история будет приведена со временем в лучшую ясность, к тому ж и типографии истая будет польза и народу чтением оных приятное упражнение, того ради Правительствующаго Сената Академия наук покорно просит, дабы соблаговолено было вышереченных российских древних хронографов ныне и впредь при Академии наук в российской типографии печатать, также и продавать по настоящей цене».

Сенат передал это обращение в Синод, который принял такое решение: «Разсуждаемо было, что в Академии затевают истории печатать, в чем бумагу и прочий кошт терять будут напрасно, понеже во оных писаны лжи явственные». Далее приводились доказательства финансовых убытков от такого издания, а также примеры, которые вместо их научного значения объявлены как «лжи явственные» [*Пекарский П.* 1870. С. LXVI–LXVII].

Данное обращение Академии было отправлено в Сенат уже после отъезда Г.Ф. Миллера в Сибирь. Но в нем прослеживаются свойственные Миллеру идеи необходимости изучения исторических источников и их публикации, постепенности в решении наиболее сложной задачи — написания истории России. Эти идеи он изложил и начал осуществлять еще в 1732 г. Но в их претворении Миллер испытывал значительные трудности. Видимо, он обсуждал их с другими академиками и, при возможности, с общественными и церковными деятелями (тогда еще был жив один из покровителей наук в России архиепископ Новгородский Феофан Прокопович), и уже тогда этим идеям встречалась оппозиция. Так что перевод-изложение летописного текста в «Собрании» позволял обойти те многозначные в своем содержании сюжеты, которые еще должны были стать темами научных исследований. В таком случае издателей нельзя было обвинить в том, что это — «явные лжи» летописи.

Издание перевода-изложения древнерусского текста ставило перед Г.Ф. Миллером сложные исследовательские задачи, поскольку необходимо было раскрыть в нем содержание правовых норм, отдельных социальных тер-

минов и исторических реалий. Видимо, наиболее сложным в таком переводе-изложении являлось раскрытие содержания русско-византийских договоров первой половины X в., являющихся составной частью ПВЛ.

Г.Ф. Миллер изложил содержание трех текстов, находившихся в Радзивилловской летописи (здесь и далее не указывается, что в распоряжении Миллера находилась ее Петровская копия) под 6415/907, 6420/912 и 6453/945 гг. (в современной научной литературе тексты под 6420/912 и 6453/945 гг. определены как русско-византийские договоры 911 и 944 гг.). Содержание договора великого князя Святослава Игоревича с Византийской империей, заключенного в 971 г., не стало объектом его научного изучения.

Анализируя содержание норм этих договоров, Г.Ф. Миллер наметил конструктивные направления в их интерпретации, которые были продолжены в последующей научной литературе. Они способствовали дальнейшей разработке историко-правового изучения этих договорных статей, как, впрочем, и разысканиям по оппозиции к его толкованиям.

При указании условий заключения договора 907 г. Г.Ф. Миллер оставил без перевода и комментария по Радзивилловской летописи его текст, в соответствии с которым при выплате дани Византия платила по 12 гривен на человека, тогда как в каждом корабле находилось по 40 человек. Миллер рационалистично опустил летописное указание на 2000 кораблей Олега, видимо, посчитав, что дань-откуп империи окажется слишком большой. Вопрос о принципах выплаты византийской дани и ее сумме впоследствии дискутировался, но перевод-пересказ Миллера поставил в научной литературе вопрос о масштабности похода князя Олега на Константинополь и его военно-политических последствиях.

Г.Ф. Миллер изложил также условие договора, в соответствии с которым в его переводе-изложении каждый человек должен был получать от «греков» «месячину». Смысл этого термина он обоснованно раскрыл как «месячное содержание», которое он понимал, впрочем, расширительно как «деньги и продовольствие», тогда как в договоре были указаны только продукты. Напротив, он не указал, что эта «месячина» для русских послов и купцов, официально, с удостоверением князя Олега, должна была взиматься в течение шести месяцев.

В завершении изложения договорных статей под 6415/907 г. Г.Ф. Миллер указал их ограничивающую норму: не более 50 русских купцов без оружия в одни ворота Константинополя. Отметил он также, что их покупки освобождались от всех видов пошлин [Müller G.F. 1732b. S. 16–17].

Данные статьи, приведенные в переводе-изложении, представляют собой выборку правовых норм из текста, содержащегося в летописи. Она свидетельствует об интересе Г.Ф. Миллера не ко всему их составу, а только к тем статьям, которые свидетельствовали об Олеге как верховном князе на Руси, об условиях византийской дани, о материальном обеспечении русских купцов и регламентации их пребывания в Константинополе.

Такой их отбор свидетельствует об определяющем воздействии на Г.Ф. Миллера господствовавших тогда взглядов на княжескую власть на Руси как изначально самодержавную, об особом интересе к истории военных и политических событий, а также торговли. Поэтому Миллер не привел в своем переводе-изложении те нормы договора, которые указывали на выплату дани Византией на корабельный «ключ» и на «руская град(ы)», где «сediaху велиции князи, подо Олгом суще». Миллер не написал о получении «Русью» в Константинополе «слюбного», о разрешении русским послам и купцам пользоваться без ограничения банями и об обеспечении их судов продовольствием и самым необходимым для мореплавания на обратный путь. То есть Миллера не интересовали указания на конкретное содержание политического строя Руси того времени, а также на материальные условия жизни русских послов и купцов в Константинополе.

При изложении основного содержания договора 911 г. Г.Ф. Миллер выборочно назвал некоторые из его правовых норм. Это — статьи о двусторонних дружеских отношениях, о наказаниях для руссов и «греков» за убийство и воровство, о кораблекрушении и береговом праве, о выдаче перебежчиков, о наследовании имущества. Данный перечень давал лишь общее представление о договоре 911 г. Так что он содержал значительно меньшую информацию, чем включенный в летопись текст договора. Свойственный первой половине XVIII в. интерес к истории военной и политической, к истории правителей и героев способствовал тому, что вне поля зрения Миллера остались статьи, содержащие информацию о политических, социальных, имущественных и правовых отношениях на Руси и о положении русских людей в Константинополе. Впрочем, и перечисленные им статьи впервые в опубликованной российской научной литературе указывали на определенные юридические нормы, которым следовали русские люди уже в начале X в., что не позволяло судить о них как о «варварах» или «диких».

В переводе-изложении договора 944 г. Г.Ф. Миллер указал всех трех названных в его тексте византийских императоров-соправителей, Романа, Константина и Стефана, в совместное царствование которых был мир заключен. Следуя тексту договора, Миллер сформулировал его цель как «обновление старого мира». Видимо, поэтому, лишь обозначив основное содержание текстов 907 и 911 гг., он привел далее лишь «новые статьи мирного договора». Такое отношение к текстам летописей и документов соответствовало принципам археографии того времени, когда эти тексты не воспринимались в их целостности, в их сложнейших содержательных и структурных составляющих. Впрочем, структурированность текста договора Миллер передал, хотя бы частично, в его постатейном изложении.

Избранный Г.Ф. Миллером принцип изложения текста договора позволял ему при желании переосмысливать, сокращать или дополнять его правовые нормы. Он объективно раскрыл содержание договора 944 г. как

трактата равных договаривающихся сторон. Но при этом ошибочно распространил конкретные нормы, относившиеся только к русской стороне, и на византийцев. Поэтому, существенно изменяя содержание начальной части текста договора 944 г., Миллер написал, что посланник («Gesandter») каждой из «наций» должен был иметь «действительную», то есть имеющую государственно-правовое удостоверение, «верительную грамоту» («Creditive»). Следующая норма договора, регулирующая отношения империи и Руси в связи с прибытием русских купцов без княжеской грамоты и их возможном убийстве в случае сопротивления, ошибочно отнесена Миллером к «перебежчикам», также отнесенным, по умолчанию, к обеим «нациям». Получение «месячины» русскими купцами в Константинополе в пригороде у св. Мамы распространено Миллером на «греков» в Киеве, Чернигове, Переяславле, Новгороде и других городах (так он ошибочно интерпретировал текст о порядке получения месячины в Константинополе русскими купцами сначала из Киева, затем из Чернигова, из Переяславля и других городов).

Такое отношение к передаче содержания столь важных для изучения древнейшей истории России русско-византийских договоров, вероятно, вызвало недовольство знатока российской истории и средневековых русских письменных памятников Я.В. Брюса. Уже в пятом выпуске первого тома «Собрания» (1734 г.) наряду с продолжением публикации-изложения ПВЛ по Радзивиловской летописи опубликована статья «Договоры о войне и мире (Kriges und Friedens-Geschäfte) великих князей Олега и Игоря с Греческой империей, вкратце приведенные из древней русской Анонимной хроники (Chronico Anonimo)». Содержательно она повторяла уже ранее изданные Г.Ф. Миллером сюжеты русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Но их переводы на немецкий язык по полноте и точности передачи содержания представляли собой разительный контраст с ранее опубликованными. Вероятно, Брюс обратил внимание на необходимость вернуться к текстам столь важных исторических источников, как русско-византийские договоры. Так что Миллеру пришлось заново подготовить перевод-изложение этих договоров, который соответствовал летописному тексту. На такую критику первоначального изложения содержания русско-византийских договоров Брюсом может указывать ссылка издателя в начале их нового перевода-изложения, где указывалось, что данное «извлечение» из «древней русской Анонимной хроники» уже было сообщено «некому другу» «генерала-фельдмаршала графа» Брюса. Такое неопределенное указание о его передаче Брюсу объясняется тем, что после отставки в 1726 г. Брюс жил уединенно в своем подмосковном имении Глинка и в конце жизни (он умер 19 апреля 1735 г.) уже не откликнулся на сообщенный ему новый перевод русско-византийских договоров.

Вероятно, Я.В. Брюс предложил Г.Ф. Миллеру назвать начальную часть Радзивиловской летописи — ПВЛ — «анонимной», то есть неизвестного автора, вместо ошибочного ее отнесения Феодосию. Поэтому вслед за ним

Миллер назвал ее в данном случае «анонимной». Тем самым, уже в 1734 г., благодаря Брюсу, была исправлена ошибочная атрибуция авторства ПВЛ. Ее отнесение Нестору было установлено В.Н. Татищевым.

Эта новая публикация, автор которой не был указан, но подготовленная Г.Ф. Миллером до его отъезда во Вторую Камчатскую экспедицию и изданная его другом А.Б. Крамером по подготовленной рукописи [*Hoffmann P.* 2005. S. 71], имела научное значение как приближенный к древнерусскому государственно-правовому тексту перевод, существенно более полный и точный, чем его предшествующее изложение. Она стала первым в исторической литературе изданием конкретного и обстоятельного изложения норм русско-византийских договоров первой половины X в.

В новой публикации договора 911 г. текст изложен в единстве его составляющих без выделения начального протокола. В частности, в нем была начата традиция опускать сложную для понимания фразу «Равно другаго свещания, бывшаго при тех же царьхъ Льва и Александра». Она описательно изложена Г.Ф. Миллером как утверждение прежнего мира и установление нового договора при императорах Льве и Александре [здесь и далее о договоре 911 г. см.: [*Müller G.F.*] 1734. S. 409–411].

После перечня имен послов русская договаривающаяся сторона названа в переводе близко к тексту договора как «великий князь русский Олег» и «все под его властью живущие прочие князья и знатные люди страны». Но Г.Ф. Миллер опустил указанные в тексте определения этих князей — «светлых и великих», а также «его», великого князя, бояр — «великих». Сложное в своем раннесредневековом содержании понятие «под рукою его» он обоснованно, но упрощенно перевел — «unter seiner Bothmächtigkeit» («под его властью»). На такое изложение содержания данного текста воздействовало мнение об изначальном существовании на Руси единовластия. Оно препятствовало пониманию содержания текста посредством анализа указанных в нем традиционных раннесредневековых символов «руки» как власти–подчинения, сюзеренитета–вассалитета.

В переводе первой из юридических норм о правонарушениях обстоятельно и близко к тексту изложено ее содержание об убийстве убийцы, христианина или «русского» (в древнерусском тексте договора — «русин»), на месте преступления и о его последующем наказании в случае бегства. Приведено наказание человека, у которого есть имущество, но опущено наказание преступника неимущего. Поскольку в Радзивилловской летописи было написано не «имовит», а «домовит», в переводе, изданном Миллером, такой беглый убийца назван как имеющий «дом или наследство».

Г.Ф. Миллер передал нормативное содержание следующей статьи об ударах близко к тексту договора. Он перевел ее как указание на удар мечом. Но другой предмет — «сосуд», которым мог быть нанесен удар, вызвал у него сомнение. Поэтому вместо объяснения этого слова, исходя из содержания

текста, Миллер интерпретировал его как «каким-либо орудием» («*einem andern Instrument*»). Перевел он и санкцию этой правовой нормы как необходимость выплаты пяти «фунтов серебра» по Закону Русскому, а в случае невозможности выплатить штраф — лишить ударившего человека его одежд.

Следующая статья о краже русским у христианина или христианином у русского (текст договора исходил из того, что русские люди — язычники), когда вор застигнут на месте преступления или приготовится красть, оказалась Г.Ф. Миллером непонятой. В ней указывалось, что такой злоумышленник может быть убит без наказания для его убийцы, христиана или русского. Пострадавший мог взять украденное. Если вор сдастся добровольно, то он должен быть связан и вернуть украденное в тройном размере. Но из перевода Миллера следовало, что застигнутый на месте преступления вор должен был вернуть украденное и наказан ударами. Если же воровство становилось известно в процессе расследования и вор признавался под страхом пытки, то он должен вернуть украденное в тройном размере. Возможно, на такое понимание статьи воздействовала следующая за ней правовая норма о покушении на чужую собственность или ее явный насильный захват с наказанием в виде ее возвращения в тройном размере.

В соответствии с текстом договора 911 г. Г.Ф. Миллер изложил основное содержание следующей статьи о береговом праве как о защите права «греков» и русских людей на выброшенные на сушу суда и находившиеся в них товары с обязательством вернуть их, соответственно, в Византию и на Русь, проведя эти суда через опасные для мореплавания места.

Социальные отношения, по преимуществу, не привлекали внимания российских историков, в отличие от широко распространенных в исторической литературе первой половины XVIII в. тем — правители, государство и право. Такой подход к данным темам разделял и Г.Ф. Миллер. Поэтому он не стал переводить ценнейшие в своем научном содержании статьи о юридическом положении русских и византийских пленников и челяди, содержащихся в обеих странах, при особом внимании к правам русской челяди в Византии. Тем более что данные статьи чрезвычайно сложны при их терминологическом и юридическом анализе. Поэтому он привел в переводе договора 911 г. контаминированный текст, в котором указал их обобщенный смысл: содержание пленных и рабов в обеих странах, бегство или насильное похищение челядина от своего господина, а также его поиск по заявлению господина и насильное возвращение. Несмотря на ограниченное изложение данных правовых норм, Миллер осмыслял их не в понятиях рабовладельческих отношений, которые хорошо представлял себе по истории римского права, а в категориях отношений средневековых. Поэтому он называл древнерусского челядина не «рабом», а широким по значениям социальным термином словом *Knecht*.

Имущественные отношения без завешания и в соответствии с ним, сформулированные в следующей статье, Г.Ф. Миллер изложил близко к тексту

договора. Ее заголовок «О работающих *въ* (в Радзивилловской летописи ошибочно *бо*. — М. С.) Грекох Руси у христьянскаго царя» предполагал два основных направления в интерпретации. Эти «работающие» — рабы или те, кто служил в Византии. Последующий текст статьи, изданный Миллером, свидетельствовал о сохранении прав наследования «своего имени» в случае смерти без завещания таким «работающим». В соответствии с юридической нормой это «имение» при отсутствии «своих» родственников в «Греческой земле» должно было быть возвращено на Русь «малым ближикам», то есть близким родственникам (Миллер понял эти слова как «ближайшие друзья»). В соответствии с достаточно точным переводом-изложением последующего текста то же самое должно произойти, если «русс» завещает свое имущество кому-либо посредством завещания. Поэтому в заголовке статьи, исходя из ее содержания, слово «работающие» обоснованно переведено как «служащие» («*Diensten*»). Таким образом, была начата продолжающаяся до нашего времени традиция переводить этот социальный термин не по подобию, а по содержанию.

Подготавливая перевод договора 944 г., Г.Ф. Миллер проделал значительную аналитическую работу, чтобы раскрыть в переводе-изложении содержание его статей. Обоснованно рассматривая назначение этого договора как «обновление» предшествующего договора 911 г., Миллер раскрыл его основное содержание как «статьи о мире и дружбе» [здесь и далее о договоре 944 г. см.: [Müller G.F.] 1734. S. 412–418]. Такое определение не было формальным. Оно раскрывало смысл фразы в начальной части договора 944 г. — «утвердити любовь».

Таким образом, перевод-изложение Г.Ф. Миллером содержания норм договора 944 г., как и предшествующего договора 911 г., отразил значительную скрытую аналитическую работу, не указанную при его публикации, что соответствовало издательским принципам того времени. Этот предварительный анализ позволил выделить при публикации перевода договора 944 г. его статьи, чего не было в предшествующем тексте Миллера о договоре 911 г.

Стремление особо отметить равенство договаривающихся сторон способствовало тому, что Г.Ф. Миллер сохранил утверждение, в соответствии с которым прибывающие на Русь византийские послы и купцы должны были быть снабжены удостоверительными грамотами. Следуя тому же принципу, он написал далее о византийских «перебежчиках и беглецах» на Русь, которых следовало выдавать по «распоряжению греческого двора», а также о купцах, прибывающих на Русь без намерения торговать, вследствие чего им не должна была выдаваться месячина, месячное содержание. Таких статей в договоре нет. Они появились в переводе-изложении в результате неверно понятого сложного чередования в тексте указаний русской и византийской договаривающихся сторон.

Вернувшись далее к конкретному содержанию договора, Г.Ф. Миллер передал его с определенными отклонениями от текста договора. Руссы могут

свободно совершать путешествия и останавливаться у монастыря св. Мамы (в пригороде Константинополя). Их имена должны быть переписаны, а месячина должна была быть выплачена купцам из Киева, Чернигова и Переяславля. Близко к тексту передано содержание статьи о разрешении проходить через одни ворота не более 50 человек без оружия в сопровождении «императорской греческой охраны» (так переосмыслено указание в договоре сопровождавшего «царского мужа»). Эта же «охрана» должна была решать те казусы, когда русс или «грек» оскорбили один другого.

Обстоятельно изложено содержание следующей статьи о разрешении русским людям покупать в Константинополе «паволок» не более чем на 50 золотников. Недостаточно ясное слово «паволоки» он перевел как «драгоценные ткани». Таким образом, конструктивное решение вопроса о покупках русскими купцами в Константинополе дорогих тканей в первой половине X в. было намечено еще в переводе-изложении Г.Ф. Миллера. Существенно и то, что в этом переводе-изложении приведены сведения второй части статьи: купленные в таком регламентированном количестве драгоценные ткани предъявлялись императорскому чиновнику, который накладывал на них «печати», то есть пломбировал их. Все это указывало на контролируемый соглашением характер торговли с Византийской империей, в которой участвовали русские купцы.

О том же свидетельствовала и следующая изложенная статья, в соответствии с которой на обратную дорогу руссы должны были быть снабжены для благополучного возвращения необходимым продовольствием, а также обеспечением их кораблей. Запрещение зимовать русским людям у монастыря св. Маманта, объясняющее необходимость их отправления на Русь, выделено Г.Ф. Миллером в отдельную статью.

Следующие две статьи о бегстве зависимых людей — челяди ставили сложные задачи в раскрытии их содержания. Широкий в своем значении социальный термин «челядин» переведен столь же широким в своих значениях словом *Knecht*. Поэтому новый перевод-изложение статьи о бегстве челядина остался близок к тексту договора: если у руссов в «Греческой земле» бежит челядин («Knecht») и его не могут найти, а руссы подтверждают свои сведения клятвой, то им следует выплатить за каждого челядина по две штуки драгоценных тканей в качестве возмещения («Vergeltung»).

Свойственная тексту договора смена понятий при обозначении русской и византийской стороны привела к тому, что указание челядина, бежавшего к руссам, похитив что-либо, имело следствием ошибочное определение такого челядина как русского, который оставил похищенное кому-либо на сохранение. В сложной по содержанию статье ошибочно переведена также санкция в случае возвращения похищенного как взимание с беглого челядина двух золотников. Впрочем, структурное отделение этой статьи от предыдущей (статьи 9 и 10, здесь и далее дана их нумерация по Г.Ф. Миллеру) было конструктивным, что было поддержано в последующей исследовательской литературе.

На понимание содержания ст. 11 воздействовало ее композиционное объединение со ст. 12 о краже. Поэтому указанное в ст. 11 покушение на кражу интерпретировано как кража, уже совершенная. В соответствии с текстом, в случае ее совершения вор должен был выплатить двойную («сугубу») цену украденной вещи. При указании данной санкции близко к тексту передано ее правовое содержание, особенно в переводе санкции следующей главы о краже русским у «греков» и «греком» у русских, когда в случае продажи украденного вор должен был вернуть его двойную цену, а самого его наказывали по Греческому и Русскому закону.

В переводе-изложении объединено содержание норм о выкупе византийцев и пленных руссов. Такое структурное объединение впоследствии было продолжено некоторыми исследователями (А.Л. Шлёцер, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев и др.). Точно переведен перечень выкупаемых пленных в соответствии с их возрастом и ценой. Определенные затруднения представило лишь выражение «девица добра», которое Г.Ф. Миллер понял как «красивая девушка». Впрочем, точно переведено завершение второй из статей. В соответствии с ним во время выкупа пленных «грек», который продавал «пленного русса», должен был получить не установленную договором плату, а ту цену, которую он заплатил при покупке. Опущено только указание договора, в соответствии с которым «грек» должен был поклясться в такой цене на кресте.

В непростом для понимания последующем тексте договора, «О Корсуньстей стороне», отмечено главное — запрещение «русскому великому князю» вести войну против этой византийской территории или занимать ее. Следующее соглашение выделено в самостоятельную статью. Достаточно точно изложен ее смысл, впрочем, с определенными изменениями: по просьбе русских князей империя должна предоставлять столько воинов, сколько они попросят, но «князи рустии» заменены в переводе-изложении названием страны — «Rus-land», а «вои» — «Hülfs-Völker», то есть «вспомогательным войском».

Лучше удалось передать содержание следующей далее нормы берегового права в договоре 944 г., хотя и в упрощенном виде в сравнении с древнерусским текстом. В соответствии с его переводом, если русский человек обнаружит греческое судно (подразумевается, что оно выброшено на берег), то он не должен нанести этому судну никакого ущерба. Если же он совершит грабеж или кого-либо из экипажа захватит в плен, то его следует наказать по русскому или греческому закону.

Текст о запрещении руссам приносить вред корсунянам, которые занимаются рыбной ловлей в устье Днепра, а также зимовать им в регионе этого устья разделен на две статьи, что было продолжено в последующей литературе. Раскрыт их основной смысл, хотя названные в них историко-географические реалии, Белобережье и остров св. Елферия, были тогда еще не ясны, поскольку эта территория находилась в 1730-е гг. под контролем Османской империи и оставалась для россиян малоизвестной. Достаточно

точно переведена статья об обязательствах «князя русского» удерживать болгар, чтобы они не нападали на фему Херсон и тем самым не могли причинить ей опустошение. Болгары названы без их определения «черные», как они названы в договоре. Такое нейтральное их обозначение объясняется, вероятно, тем, что еще было неясно конкретное содержание данного этнонима в конкретной этно-исторической ситуации середины X в. Видимо, была известна локализация Т.З. Байером Черной Болгарии к северу от Дуная до горы Хем [эта работа, учитывавшая информацию императора Константина Багрянородного, была опубликована значительно позднее: *Bayer T.S.* 1744. Р. 415]. Но проблема этнического определения черных болгар оказалась сложной и активно обсуждалась в научной литературе XVIII–XX вв.

В завершающей договор группе статей о взаимных преступлениях руссов и «греков» против личности достаточно точно изложено их основное правовое содержание, впрочем, с отклонениями от текста.

Статью о правонарушениях византийцев против руссов Г.Ф. Миллер дискуссионно интерпретировал как их нападения в «России» (такое мнение повторялось позднее некоторыми исследователями), в связи с чем русскому великому князю нельзя было их судить, но следовало передать «греческой власти», чтобы нарушители были наказаны по законам их страны. Следующие три статьи он обоснованно рассматривал как конкретизацию правонарушений.

Если русс убил «грека» или «грек» — русса, то, по Г.Ф. Миллеру, убийца должен был быть осужден («verurteilt werden») ближайшими неродственниками («Unverwandten») убитого. Такая интерпретация существенно отличалась от текста договора, где конкретно были указаны те, кто имел право мстить — родственники («от ближних убьенаго»), так и вид мести — «да убьют *и*» (в Радзивилловской летописи ошибочно *ю*. — М. С.)». Последующий текст, регулировавший отношения права кровной мести, выкупа за убийство и имущественных отношений при данном правонарушении, оказался понятым Миллером ошибочно. При этом он опустил содержащуюся в договоре правовую конкретизацию мести неимущему убийце.

Столь же неудачным оказался перевод-изложение Г.Ф. Миллером следующей правовой нормы, в соответствии с которой за удар мечом, копьем или «сосудом» «русин гречина или гречин русина» правонарушитель должен был заплатить пять литр серебра «по Закону Русскому». В случае отсутствия у него достаточного имущества следовало продать все, что он имел, вплоть до верхней одежды. После клятвы преступника в том, что больше у него ничего нет, его можно было отпустить. В переводе-изложении удар превратился в смертельное ранение, штраф — в 10 фунтов серебра. В случае невозможности их выплатить виновный, по интерпретации Миллера, продавался в «крепостные». Излагая содержание второй части статьи, Миллер не указал, что она относилась к малоимущему преступнику.

Последняя статья договора, относившаяся к регулированию военной помощи правителей обоих государств, изложена близко к тексту, но с определенными отклонениями от него. Если византийскому императору (в тексте — «наше царство») понадобится из России против своих врагов вспомогательное войско (в тексте — «вои») и он напишет об этом великому князю в Россию, то великий князь должен отправить так много войска, как император пожелает. Тогда и другие народы смогут узнать, как велика дружба между Грецией и Россией (в тексте — «какую любовь имеют Греци с Русью»).

Переводы Г.Ф. Миллером русско-византийских договоров 911 и 944 гг. имели большое научное значение. Они обращали внимание историков на то, что Русь в первой половине X в. имела сложную государственную и социальную структуру. Во главе находился великий князь, которому иерархически подчинялись другие князья и его знатные люди. Среди русских людей были богатые, недостаточно обеспеченные, а также зависимые — челядь. Правовые и имущественные отношения регулировались в этих договорах нормами Закона Русского и византийского права отдельно, с применением санкций обоих источников права или в соответствии со специально выработанными нормами международного права. Формой наказания за преступления, включая воровство и удары, являлись судебные штрафы, а в случае убийства или кражи — убийство преступника на месте преступления. Переводы-изложения договоров обращали внимание на существование на Руси определенных денежных единиц, на активную торговлю руссов в Византии, на свойственный этой международной торговле регулируемый характер, на участие Руси в соблюдении норм международного берегового права.

В договорах содержались статьи, регулировавшие отношения собственности, выкупа пленных. Вместе с тем договоры фиксировали определенные межгосударственные отношения Византийской империи и Руси, заключавшиеся не только в сохранении мира, в отказе от военных действий и завоеваний, но также в союзных предприятиях в виде совместных действий против общего противника.

Перевод-изложение Г.Ф. Миллером русско-византийских договоров первой половины X в. не мог раскрыть всего богатства их информации как исторического источника. Переводы во многом не были точными терминологически и содержательно. Многие из сведений этих договоров еще не интересовали историков вследствие состояния исторической науки и общества в первой половине XVIII в. Другие их данные привлекали внимание лишь в незначительной мере. Но тексты договоров указывали на существование в первой половине X в. Руси как государства с определенным экономическим, социальным и политическим строем, с определенной правовой системой. Эти сведения привлекали особое внимание к этнической и политической истории, которая в соответствии с уровнем развития исторической науки в первой половине XVIII в., идейных ценностей эпохи классицизма

имела преимущественное значение. Опубликованный Миллером перевод-изложение русско-византийских договоров стал началом сложного в своем исследовательском содержании процесса их изучения, позволяющего определить в сопоставлении с информацией других многообразных по происхождению и содержанию исторических источников институты и структуры Русского государства первой половины X в. Этот исследовательский процесс длится почти 300 лет.

Таким образом, в первые восемь лет пребывания в России Г.Ф. Миллер в результате интенсивнейшей издательской, преподавательской и организационной работы способствовал популяризации научных знаний о древней и современной истории России. Он обращал внимание россиян и иностранных ученых на особое значение для страны Сибири, торговых и военнополитических отношений с Китаем. Свойственные Т.З. Байеру приоритеты в анализе и сопоставлении информации отдельных известий исторических источников Миллер дополнил в изучении этно-политической истории особым интересом к историческим источникам как памятникам письменности в целом, что, разумеется, стало лишь началом данного исследовательского направления.

Увлеченный изучением российской истории Г.Ф. Миллер, видимо, в полной мере осознавал, что для ее углубленного и успешного исследования важно освоить в совершенстве русский язык, узнать саму страну на всем ее пространстве, овладеть всем богатством русских средневековых исторических источников. Поэтому, когда ему была предоставлена возможность отправиться в 1733 г. в экспедицию в Сибирь, он сделал свой выбор, понимая, что это — единственная возможность стать российским историком не по месту проживания и научным интересам, а в соответствии с профессиональной подготовкой и участием в исследовательском процессе, который осуществлялся Петербургской Академией наук.

Перед особым отрядом экспедиции были поставлены сложнейшие задачи изучения природы, географии, этнографии и истории Сибири. В него были включены астроном Людовик Делиль де ля Кройер, натуралист И.Г. Гмелин и Г.Ф. Миллер. Позднее к ним были присоединены натуралист Г.В. Штеллер, а также филолог и историк И.Э. Фишер. Им помогали в работе студенты Академии наук Илья Яхонтов (ум. в Енисейске в 1739 г.), Василий Третьяков, который во время экспедиции и после нее находился при Миллере, Степан Крашенинников, отправленный в 1737 г. для исследования Камчатки и ее народов, Алексей Макшеев. В 1740 г. туда прибыл и Штеллер, которого сопровождал студент Алексей Горланов. В экспедиции участвовали также художники и геодезисты.

Академией наук была разработана для участников экспедиции обстоятельная программа историко-этнографических исследований Сибири. Ее содержание свидетельствует о том, что члены Академии находились для своего

времени на высоком научном уровне в этих дисциплинах. Она намечала сбор материалов по установлению конкретного места поселения сибирских народов, случаев их метисизации. Анализ их древнейшей истории в соответствии с их преданиями должен был сопровождаться изучением их жилищ, поселений, занятий, верований, обычаев, обрядов и народного творчества. Особыми темами для исследований должны были стать торговля и хозяйство сибирских народов, их войско и политическое управление, язык и религиозные верования, хоронимы, этнонимы, гидронимы и их происхождение. В истории азиатских народов были определены и конкретные темы: «Надобно описывать историю каждого народа, когда и кем оной строиться начат и, если он под другим владением находится, то каким случаем и когда покорен нынешнему». Особыми объектами изучения становились памятники материальной и духовной культуры: «Все всякого рода останки, древние монументы, сосуды древние и новые, идолы и знатнейших городов проспекты отчасти в точность списываемы, отчасти в Санкт-Петербург привозимы быть должны». В этом содержании программа продолжала и развивала намеченные Петром Великим исследования и собирание памятников российских древностей, что становилось началом их долговременного научного изучения.

Было намечено также исследование русских поселений в Сибири, темы в то время не изученной.

Г.Ф. Миллер участвовал в сибирской экспедиции около десяти лет. Он выехал из Петербурга 8 августа 1733 г. и вернулся в столицу 14 февраля 1743 г. В сибирских городах Тобольске, Томске, Тюмени, Березове, Красноярске, Енисейске, Иркутске, Нерчинске, Якутске и многих других он ознакомился с сибирскими летописями и другими написанными в Сибири историческими произведениями, с самыми разными видами публичных и частных актов — с царскими грамотами, отписками воевод и других должностных лиц, с челобитными, выписями из писцовых книг, с грамотами духовными, кабальными, закладными, заемными и т. д. Миллер ознакомился с документами, содержащими сведения об отношениях властей с местным населением, о военных действиях, о строительстве городов, острогов и слобод, о сборе таможенных пошлин и ясака, об организации десятинной пашни, о поиске железных, медных и серебряных руд, о строительстве и организации заводов, а также о многих других сторонах экономической и общественной жизни Сибири. По его указанию тысячи документов были скопированы сотрудниками экспедиции и местными писцами. При этом Миллеру приходилось читать документы подчас в крайне тяжелых условиях для занятий. Многочисленные сведения были получены в результате опросов казаков, ямщиков, крестьян и горожан. При этом он встречал как поддержку местных властей, так и их сопротивление [Элерт А.Х. 1990; Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. 1993; Бакланова Н.А., Андреев А.И. 1999. С. 540–567]. Эти копии имеют большое научное значе-

ние, поскольку многие из оригиналов по разным причинам утрачены. Еще в XVIII в. некоторые из сибирских архивов сгорели, тогда как якутские архивные материалы в XIX в. уничтожались [Иванов В.Ф. 1991]. Впрочем, многие государственные и частные архивы находились в плачевном состоянии. Обобщив свои наблюдения в 1744 г. и повторив их в 1746 г., Миллер писал в данной связи в своем проекте учреждения Департамента российской истории: «<...> по большей части, такие архивные письма (т. е. документы. — М. С.) от древности и мокроты погнили, мышами и червями съедены, или разодраны и побросаны в кучи» [Материалы. 1895. Т. 8. С. 190].

Десятилетнее участие в сибирской экспедиции не только усовершенствовало познания Г.Ф. Миллера в русском языке. Он увидел Россию во всем многообразии ее природных условий, народов и культур, исторических памятников. Все это существенно развило и углубило его познания в русской истории, в методах ее изучения, особенно в анализе исторических источников.

Исследуя историю Сибири, процесс распространения в ней русско-го населения и подчинения власти российских царей во второй половине XVI–XVII вв., Г.Ф. Миллер первым стал изучать сибирское летописание, в основном, установив соотношение доступных ему летописей. Он начал последовательное использование многочисленных юридических памятников, начиная с грамот Ивана Грозного. Миллер первый привлек устные предания русского и нерусских народов Сибири как исторический источник, стремясь к критическому анализу их информации. Он последовательно использовал доступные ему в переводах средневековые восточные исторические сочинения и научную литературу для изложения основного содержания истории Сибири с XIII в. При этом он обратил внимание на необходимость изучения восточных источников, средневековых и нового времени, российских народов. Новым в российской исторической литературе стало последовательное использование Миллером памятников материальной культуры как исторического источника. Составной частью его исторических разысканий стали историческая география и этнография Сибири.

Такое комплексное использование разных по происхождению исторических материалов и методов исторического исследования позволило Г.Ф. Миллеру позднее, в первой половине 1760-х гг., показать сложную природу процесса распространения в Сибири русского населения и подчинения Сибири власти российских царей во второй половине XVI–XVII вв. не только как завоевания, но также как следствия целенаправленной государственной политики [об использовании Миллером исторических источников и о научном значении его исследований по истории Сибири см.: Бахрушин С.В. 19376. С. 3–55; Мирзоев В.Г. 1970. С. 76–92; Резун Д.Я. 1982. С. 142–158; 1991. С. 70–152; Элерт А.Х. 1990].

Значительный исследовательский и организационный опыт, накопленный Г.Ф. Миллером преимущественно во время сибирских разысканий,

подсказал ему, что необходимы новые формы организации труда историка. Петербургская Академия наук являлась императорской, государственным учреждением. Поэтому академикам и адъюнктам поручались властями и руководством Академии самые разные задания, подчас очень далекие от их специальностей. Они отвлекали ученых от основных занятий. Для того чтобы иметь возможность сосредоточиться на научной деятельности и поднять исследовательский процесс на современный для того времени профессиональный уровень, Г.Ф. Миллер подал 16 марта 1744 г. в Конференцию проект об организации при Академии наук Департамента российской истории, о том, «каким образом надлежит сочинять историю и географию о Российской империи» (здесь и далее предложения Миллера об улучшении географических и картографических разысканий в соответствии с темой данной книги не рассматриваются). И.Д. Шумахер отнесся к проекту отрицательно, и он был отклонен. Когда в 1746 г. президентом Академии стал К.Г. Разумовский, Миллер направил ему тот же проект. И на этот раз он был отклонен [Андреев А.И. 1999. С. 80–81].

Между тем, проект Г.Ф. Миллера свидетельствует о значительном изменении взглядов в Академии на задачи развития российской исторической науки. Миллер попытался продолжить намеченный Петром Великим опыт государственного собирания памятников средневековой русской письменности и материальных памятников древности. Но сделал он это на новом уровне.

Для побуждения властей к осуществлению своего проекта Г.Ф. Миллер сослался на опыт «европейских государей», которые учреждали должность историографа и финансировали его деятельность, чтобы была написана история их государств. Он указал также на то, что российская история мало известна «между всеми историями прочих европейских государств». Вместе с тем, Миллер подверг критике сочинения иностранцев о России, поскольку они находились в стране недолго и не знали достаточно русский язык, не были подготовлены к изучению ее истории. Одни следовали своим пристрастиям, а потому «сущей правды не высмотрели», другие в России не были, но повторяли сочинения других, «неосновательным разглашениям поверили» или пользовались «публичными ведомостями», подразумевая, что они не учитывали неизданные архивные материалы. В этой критике известий зарубежных путешественников и сочинений иностранцев о России Миллер причислял себя к российским историкам.

Г.Ф. Миллер впервые в российской литературе написал об ограниченности информации русских средневековых нарративных источников, «письменных исторических книг и летописцев», поскольку они сообщали частичные сведения о «действиях» великих князей и царей, о «некоторых бывших их войнах». Но этой информации недостаточно для «подлинной пользы в истории», тогда как для «учений о государственных и народных делах не остается никакой надежды». Такой широкий подход к возможностям исто-

рического исследования Миллер совмещал с научным анализом причинно-следственных связей в исторических событиях, сведения о которых в источниках крайне ограничены.

Характеризуя в 1744–1746 гг. тематику исследований по истории России, Г.Ф. Миллер отметил отсутствие обобщающего труда, посвященного истории всего государства, работ об изменении его границ с древнейшего периода до нового времени, о времени строительства городов, церквей и монастырей, об их «создателях». В качестве недостатков известных тогда исторических источников он указал ограниченные сведения о Руси в период «татарского ига», о «древностях языческих и татарских времен», о «знатнейших княжеских и старинных шляхетных фамилиях», о месте и содержании заключенных мирных договоров (эти темы приведены в порядке их перечисления Миллером).

Г.Ф. Миллер перечислил многие виды известных в то время исторических источников по истории России и сделал вывод, в соответствии с которым для их собирания в одном месте, изучения и написания исторических исследований необходимо создание при Академии наук особого Департамента российской истории во главе с историографом. Привел он и минимальный штат Департамента, который должен был состоять также из двух адъюнктов, переводчика, двух копиистов, канцеляриста, канцелярского копииста и сторожа.

Деятельность Департамента должна была осуществляться в нескольких направлениях. Следовало копировать летописцы, присланные из губерний, собирать и сохранять эти тексты, чтобы использовать «к сочинению всеобщей российской истории», исследовать архивы Москвы, Петербурга, а также губерний, провинций и городов, из которых необходимо было перевести в столицы «лучшие» из документов московских приказов. Предполагалась работа в местных архивах, для выявления материалов по истории городов и новоприсоединенных прибалтийских провинций, а также Карелии и Финляндии. Следовало изучать частные архивы российской знати для последующих разысканий об истории этих родов, включая историю их земельных владений. Необходимо выявлять и переводить «исторические книги» на восточных языках.

К собиранию и изучению источников по церковной истории Г.Ф. Миллер отнесся рационалистично. Поскольку к 1744 г. было издано типографски много житий святых, отдельно и в виде сборников, таких как Пролог, Печерский патерик и другие, он написал в рассматриваемом проекте, что данные жития вполне доступны для ознакомления при изучении российской истории. Поэтому он не придал значения их собиранию в отличие от находящихся в церквях и монастырях рукописей, древних предметов, «надгробных и других надписей». Такой подход к житиям святых свидетельствует о том, что Миллер не учел опыт монахов-болландистов, которые с XVII в. активно собирали, критически изучали и публиковали ставшее знаменитым издание «Acta Sanctorum».

Особое значение Г.Ф. Миллер придал обеспечению Департамента необходимыми для его успешной работы книгами. Это предложение, нуждавшееся в особом государственном финансировании, было необходимо для того, чтобы российские ученые могли учитывать опыт зарубежных коллег. Местонахождение «историографа со своею экспедицией» Миллер предполагал в Москве как «центре всего государства», вследствие чего удобнее будет исследовать богатства московских и провинциальных архивов [Материалы. 1895. Т. 8. С. 183–194].

Таким образом, в программе деятельности Исторического департамента Г.Ф. Миллер продолжил петровские идеи о собирании, сохранении и изучении памятников древней русской письменности и культуры. Обозначил Миллер направления также будущих разысканий в российской политической истории, истории культуры, генеалогии и региональной истории.

А.И. Андреев сравнил проект Г.Ф. Миллера с деятельностью П.М. Строева через 80 лет [Андреев А.И. 1999. С. 81], когда Строев в 1829–1834 гг. совместно с К.Ф. Калайдовичем предпринял первую финансируемую Академией наук Археографическую экспедицию, а в 1834 г. была учреждена при министерстве народного образования Археографическая комиссия. Такое сравнение в полной мере обосновано. Осуществление проекта Миллера могло начать последовательное собирание, научное изучение, а в дальнейшем издание всех видов средневековой русской письменности. Таким образом, идеи Миллера почти на столетие предваряли концепцию создания в России Археографической комиссии.

Между тем проект Г.Ф. Миллера был еще более содержателен. Он предполагал не только начала деятельности археографической экспедиции, но также организацию в Департаменте русской истории или Департаменте истории центра профессиональных исторических исследований.

Можно предположить, что в такой целенаправленной организационной деятельности Г.Ф. Миллер следовал за М.В. Ломоносовым. Как отмечено ранее, еще являясь адъюнктом, Ломоносов в 1742 г. подал в Академию наук проект создания Химической лаборатории, где он, по его словам, «мог для пользы отечества трудиться в химических экспериментах». В мае 1743 г., уже после возвращения Миллера из экспедиции в Сибирь, Ломоносов вторично подал в Академию проект об «учреждении» Химической лаборатории, где он мог бы «химические эксперименты для приращения натуральной науки в Российской империи в действо производить». В соответствии с проектом, результаты этих исследований должны публиковаться, а сама лаборатория должна была стать также учебным центром [Ломоносов М.В. ПСС. 1955. Т. 9. С. 9–10].

В марте 1745 г. М.В. Ломоносов вновь направил в Академию наук проект создания Химической лаборатории. В этом проекте он указал также на «другие Академии», в которых химия приносит значительную «пользу и славу».

Конкретизировал он виды химических операций в лаборатории и программу предстоящих исследований [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 14–20].

Ломоносовский проект 1745 г. был поддержан в Сенате и императрицей, так что 1 июля был издан именной указ о строительстве лаборатории на счет «Кабинета ее величества». Четвертое представление М. В. Ломоносова от 25 октября 1745 г., направленное на этот раз не в академическую Канцелярию, а в Академическое собрание, было единогласно поддержано академиками, среди которых был Г.Ф. Миллер. Но только в 1748 г. Химическая лаборатория была построена [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 20–31; *Меншуткин Б.Н.* 1947. С. 55–57]. В качестве образца для нее Ломоносов избрал хорошо знакомую ему лабораторию И.Ф. Генкеля во Фрейберге [*Moiseeva T.* 2009. S. 83–100]. Она стала первым в России научным центром химических исследований.

Вероятно, упорная борьба М.В. Ломоносова за создание Химической лаборатории стала примером для Г.Ф. Миллера, который в 1746 г. повторил в обращении к К.Г. Разумовскому свой отвергнутый в 1744 г. проект о создании Департамента истории.

Научные достижения членов Академии убеждали ее администрацию в том, что они возможны лишь при сосредоточенном профессиональном труде, для которого созданы благоприятные условия. Поэтому И.Д. Шумахер и Г.Н. Теплов, доверенное лицо К.Г. Разумовского, а потому реально управлявший делами Академии, согласились с проектом Г.Ф. Миллера о назначении его историографом и о создании Департамента истории, что было одобрено графом Разумовским. Но они существенно ограничили содержание этого проекта. Миллер должен был исполнять обязанности профессора академического Университета и «сочинять» «генеральную российскую историю». Впрочем, последней он мог заниматься только после завершения написания и издания «Сибирской истории», для чего ему в помощь был придан профессор И.Э. Фишер.

В связи с освобождением от лекций Г.Ф. Миллер был назначен ректором Университета. С июля 1747 г. ему было назначено значительное жалование — 1200 руб. в год. Но все это могло состояться при трех условиях. Он должен был стать российским подданным. В случае нарушения обязанностей по должности, «которая ему вручается не инако, как верноподданному и присяжному рабу Ея И. В., в таком случае он подвергает себя штрафу, коего учинится достоин по указам Ея И. В.». Миллер должен был дать подписку в том, «чтоб ему не токмо из Российскаго государства не выезжать по смерти, но и академической службы не оставлять» [Материалы. 1895. Т. 8. С. 595–596]. Идеология и практика самодержавной власти и крепостного права при императрице Елизавете Петровне проникли и в российскую академическую действительность. Все это было очень далеко от петровского проекта Академии — «социетета персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют» (см. ранее, с. 184).

Из проекта Г.Ф. Миллера была устранена его археографическая составляющая. Так что бесценные древнерусские рукописи продолжали гибнуть еще около ста лет в провинциальных и частных архивах, включая монастырские и церковные, когда началась подвижническая деятельность П.М. Строева, К.Ф. Калайдовича и других отечественных археографов в XIX столетии. Впрочем, и Департамент истории не был создан. Его заменило Историческое собрание Академии наук.

3. Контекст «Россики»

Содержание иностранной литературы, посвященной истории и культуре России — «Россика» — воздействовало на отношение к стране зарубежных политиков и людей образованных. Поэтому российские власти уделяли внимание тем идеям, которые в такой литературе содержатся. Для России важен был ее положительный образ на Западе, так что, начиная с петровского периода, проводилась определенная политика, разъясняющая в странах Западной Европы содержание происходивших в стране событий, современных и в историческом прошлом (см. ранее, с. 251–263).

Вероятно, в продолжение традиции деятельности П.П. Шафирова и Б.И. Куракина братья И.П. и Ф.П. Веселовские способствовали изданию в Амстердаме и Лейпциге в 1742 г. книги Элеазара де Мовийона «История Петра Первого, прозванного Великим, императора всех Россий, короля Сибирского, Казанского, Астраханского, великого князя герцога Московского и прочая, и прочая, и прочая» [здесь и далее см.: *Movillon Eleasar de*. 1742].

В этой книге обстоятельно излагалась биография Петра, начиная с восстания стрельцов 1682 г. и регентства принцессы Софьи, которая устраивала заговоры «против жизни» Петра. Де Мовийон написал о возвращении власти Петру и о его совместном правлении с братом Иваном, о строительстве верфи в Воронеже и Азовских походах, о Великом посольстве, восстании стрельцов 1698 г. и о первых реформах. Основное содержание труда составило изложение событий Северной войны на широком фоне военных и политических событий в других европейских странах, вовлеченных в нее, прежде всего в Польше. Наряду с точными сведениями в книге содержались и приблизительные данные. В частности, де Мовийон написал, что в сражении под Нарвой в 1700 г. армия Петра в 80000 человек «была разгромлена» менее чем двадцатью тысячами шведов. Он подробно изложил события, предшествовавшие Полтавской битве, и обстоятельства самой битвы, в которой «король Швеции был разбит армией царя», а также следствия этой победы: возвращение короля Августа на польский трон, завоевания Петра в Ливонии, объявление войны Турцией и Прутский поход. Наряду с изложением военных успехов, включая военные действия в Финляндии и десанты в Швеции, де Мовийон написал и о сложных

отношениях Петра в последний период Северной войны с королями Англии и Дании, а также о суде над царевичем (Czarowitz) Алексеем и о его смерти. Сообщалось также и о походе Петра на Дербент, о коронации императрицы Екатерины, о болезни Петра и его смерти.

Автор характеризовал «Россию или Московию» как «величайшую империю Европы». Западному читателю он разъяснял: «Соедините Францию, Германию, Испанию и Италию вместе, и вы не получите протяженности, которая равна этому обширному государству». С обширными размерами страны де Мовийон соединял и происхождение названия России — от «россов или руссов», что означает «рассеяние» (автор или его информатор знал это давнее мнение), поскольку, предположил он, «этот народ» жил «рассеянным» «тут и там, без какой-либо организации управления». Впрочем, он назвал «баснословным» объяснение названия «Московия» от Мозеха, сына Иафета. В полной мере обоснованно он объяснил такое западное название страны от города Москва, а самого города — от протекающей здесь реки.

В кратком экскурсе де Мовийон в соответствии с требованиями времени сообщил сведения о климате страны, ее реках, морях, городах, построенных из дерева, которые постоянно страдают от пожаров. Географическое расположение Москвы приведено с указанием градуса и минуты, но ее основание отнесено к 1334 г. (вероятно, имелось в виду строительство дубовых стен Кремля при Иване Калите в 1339 г.). Описал де Мовийон обычаи допетровской России. Страна управлялась, по его мнению, воеводами областей, тогда как царь об этом ничего не знал. Но в этой связи он привел слова русских: «Бог знает все, а царь далеко». В них можно узнать известную русскую поговорку. Не без осуждения изложил автор состояние быта допетровской России, ее вооруженных сил, которые могли побеждать «не иначе, как вследствие превосходства в численности». Таким было состояние страны, по Мовийону, до того как Петр I взойшел на трон. И отсюда особое значение петровских преобразований [[Movillon Eleasar de]. 1742. Р. 2–9].

В качестве использованной литературы де Мовийон указал «Записки» Петербургской Академии наук, «Историю Карла XII» Ф.М. Вольтера, «Записку» Петра Великого, под которой он, вероятно, подразумевал «Журнал или Поденную записку Петра Великого». Но, видимо, связи автора с Петербургом были постоянными. Об этом свидетельствует изданная в виде вклейки карта Невы с указанием расположения Петербурга, Кроншлота и Шлиссельбурга, изображения медалей, чеканенных в ознаменование исторических событий, произошедших в петровское царствование. В книге де Мовийона содержатся цитаты из писем Петра Великого к другим монархам и в продолжение традиции, начатой по инициативе Петра П.П. Шафировым, она дополнена изданием многочисленных документов политического и дипломатического содержания. В частности, в этом дополнении опубликован договор 1717 г. с секретными статьями царя с королем Франции и королем

Пруссии, Ништадтский мирный договор 1721 г., проект объединения Римской и Российской церквей, представленный Петру Великому Сорбонной. В числе этих документов приведен текст «Записки г. Веселовского королю Великобритании о деле барона Горлица». Вероятно, эта «Записка» может свидетельствовать об участии братьев А.П. и Ф.П. Веселовских в обеспечении де Мовийона материалами по российской истории и особенно о царствовании Петра, что подтверждает наблюдения Н.А. Копанева о содействии Веселовских в издании на Западе таких публикаций. О возможном участии Веселовских может свидетельствовать и приведенная ранее, хотя и в измененном виде, русская поговорка «До Бога высоко, до царя далеко». Она соотносится с обстоятельствами биографии А.П. Веселовского, который в молодости был личным секретарем Петра I, во время Полтавского сражения — его денщиком, позднее — доверенным лицом во время переговоров, а с 1715 г. — русским резидентом в Вене. В 1720-х гг. он должен был оставить российскую службу, бежал в Англию и позднее в Женеву. Там он женился на дочери первого синдика этого города. Но А.П. Веселовский продолжал поддерживать связи со знатными россиянами и, вероятно, выполнял секретные задания российских властей [Копанев Н.А. 2002. С. 442–446]. Возможно, Веселовские помогали автору разобраться в сложностях истории далекой страны.

Написанная де Мовийоном «История Петра I» показывала западным читателям значительные трудности, которые пришлось преодолеть русскому царю в создании могущественной Российской империи. В этом она продолжила предшествующие публикации на Западе, посвященные российской истории. Вместе с тем, в этом значительном по объему и содержанию труде, учитывая российские государственные интересы, содержались определенные недостатки. Сведения о России как могущественной империи были слишком кратки и общи, об истории России — незначительны и содержали ошибки, о времени Петра — существенные неточности. Так что книга де Мовийона исполнила свое предназначение лишь частично. Государственные интересы России требовали издания другого труда, посвященного ее истории, а также повествования о деятельности Петра Великого.

Происходившие в России первой половины XVIII в. преобразования, оригинальные и переводные произведения, посвященные российской и всеобщей истории, создали условия для повышенного интереса образованной части россиян к историческим знаниям. Один из них, Василий Никитич Татищев, стал историком-профессионалом.

Глава V

Василий Никитич Татищев — историк

1. Жизнь и творчество

Литература, посвященная В.Н. Татищеву как историку, чрезвычайно многочисленна. Этот интерес объясняется его особым значением как автора первого в российской науке Нового времени обобщающего труда, посвященного отечественной истории, — «Истории Российской».

Особая роль этого исследования в российской историографии была ясна уже современникам В.Н. Татищева. По инициативе и при активном участии Г.Ф. Миллера «История Российская» была издана в 1768–1784 гг. (последний том был издан после смерти Миллера). Но тогда же стала очевидной особая проблема этого труда — определение методов использования Татищевым исторических источников. Как отметил Миллер, он использовал сведения разных летописей и выбирал из них наиболее достоверные [Миллер Г.Ф. 1755. С. 277]. Но проблема заключалась в том, чтобы определить степень достоверности избранных Татищевым известий и точности их изложения.

Трудом В.Н. Татищева пользовались в своих исторических разысканиях во второй половине XVIII в. в рукописи и в опубликованном виде М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, П.И. Рычков, Ф.А. Эмин, Екатерина II, Н.И. Новиков, И.Н. Болтин, И.И. Голиков, И.П. Елагин, И.Г. Стриттер, П.-Ш. Левек, в полной мере доверявшие сведениям «Истории Российской» [Астраханский В.С. 1993. С. 36–115, 144–148]. М.М. Щербатов выразил сомнение в достоверности указанных Татищевым Раскольничей и Иоакимовской летописей, им использованных. Впрочем, современник и критик Щербатова И.Н. Болтин допускал их достоверность, ссылаясь на существующие в других летописях различия в изложении событий [историографический анализ мнений Щербатова и Болтина см.: Валк С.Н. 2000. С. 465–471].

Н.М. Карамзин, изучивший большую часть известных в первой четверти XIX в. исторических источников, отечественных и иностранных, то

повторял в своей знаменитой «Истории государства Российского» «татищевские известия», которые не подтверждались другими источниковыми материалами, то исправлял их в соответствии с такими данными, то писал, что татищевские сведения вымышлены. Вследствие расхождений между известиями древнерусских письменных памятников и текстом Татищева Карамзин характеризовал его как историка, «нередко позволявшего себе *изобретать* древние предания и рукописи» [Карамзин Н.М. 1829. Т. 12, примеч. 165; курсив Н.М. Карамзина; Пештич С.Л. 1961. С. 223–224; Валк С.Н. 2000. С. 452–461]. В таком отношении к определению избыточной информации в труде Татищева поддержал Карамзина и автор «Истории русского народа» Н.А. Полевой, назвав такого рода сведения «многими выдумками» [Полевой Н.А. 1832. С. 52].

Таким образом, уже во второй половине XVIII — первой трети XIX в. были поставлены основные вопросы в определении происхождения известий, содержащихся только в «Истории Российской» В.Н. Татищева: восходят ли они к несохранившимся письменным памятникам или вымышлены автором. Впрочем, в середине XIX в. появился и новый подход к интерпретации «татищевских известий» — установление их содержательных идейных связей с современной Татищеву действительностью [Лыжин Н.П. 1858. С. 3–25; Валк С.Н. 2000. С. 488]. Данное наблюдение свидетельствовало о том, что на автора «Истории Российской» воздействовали внеисточниковые факторы, а это объективно поддерживало уже существовавший критический подход к иллюстративному использованию текста «Истории» как свода сохранившихся и несохранившихся исторических источников.

Начала системного источниковедческого и текстологического анализа «Истории Российской» появились в работе И.П. Сенигова, который в связи с изучением ее так называемой Академической рукописи отметил две редакции этого труда. Он же впервые последовательно сравнил текст «Истории Российской» с Радзивилловской летописью, определив конкретные формы изменений Татищевым летописных текстов в первой редакции «Истории», а также выделил в этом историческом труде «татищевские известия» [Сенигов И. 1887. С. 149–435].

Со второй четверти XIX в. начала изучаться биография В.Н. Татищева, его государственная, военная, общественно-политическая и административная деятельность, в контексте которой рассматривались также его труды как историка. Анализировалось влияние идей Петра Великого на его научное творчество прежде всего как историка [историографический обзор данной темы см.: Юхт А.И. 1985. С. 8–32]. В этом исследовательском направлении в полной мере обоснованно выделилась проблема: Татищев как сторонник петровских преобразований в государственной и научной деятельности [Фирсов Н.А. 1886; Blanc S. 1972; Daniels R. 1973; Юхт А.И. 1975. С. 209–218]. В историографии отмечалось следование Татищева принципам

рационализма и прагматизма, предполагалось влияние на его общественно-политические взгляды философов, которые способствовали также формированию идеологии Петра Великого, — Т. Гоббса, Гуго Гроция, С. Пуфендорфа, Г.В. Лейбница, а также новейшего мыслителя в этой плеяде, своего ровесника Х. Вольфа [Шопов Н. 1887; Рубинштейн Н.Л. 1941. С. 51–64; Пештич С.Л. 1965. С. 131–132]. Было отмечено в историографии и воздействие на Татищева идей кружка А.П. Воынского, а также филолога и эрудита Липсия (1547–1606), который критиковал женское участие в государственном правлении в античный период (Клеопатра, Мессалина). Такие идеи были поддержаны в воынецевском кружке как форма оппозиции правлению Анны Ивановны [Лыжин Н.П. 1858; Пекарский П. 1862а. С. 218–220; Валк С.Н. 2000. С. 488; Brogi Bercoff G. 1986. P. 373–420; 1988. P. 339–360].

К середине XX в. был выявлен основной корпус трудов В.Н. Татищева и установлены основные факты его биографии. Вследствие этого появились новые возможности изучения его творчества как историка. А.И. Андреев на новом уровне исследовал труды Татищева по истории в неразрывной связи с его биографией во всей множественности установленных фактов. Поскольку исследования Татищева-историка были органично связаны с изучением исторической и современной географии, а также с картографией, Андреев анализировал эти направления комплексно [Андреев А.И. 1950. С. 3–35; 1951а. С. 245–314; 1962. С. 5–38 и др.]. Тогда же, в 1930-е — 1950-е гг., Н.Л. Рубинштейн рассмотрел теоретические основания творчества Татищева-историка. По его мнению, Татищеву были свойственны рационализм и прагматизм, характерные эпохе Петра Великого и западноевропейской культуре первой половины XVIII в. Отметил он теоретическое осмысление основного содержания исторического развития России как смены форм государственной власти — от княжеского единовластия к ее ослаблению и господству «аристократии» и к последующему восстановлению монархии при Иване III, ее укреплению при Петре I. Отметил Рубинштейн и вклад Татищева в становление вспомогательных исторических дисциплин — исторической географии, этнографии, хронологии и генеалогии [Рубинштейн Н.Л. 1941. С. 65–86; Историография истории СССР. 1961. С. 78–83].

Л.В. Черепнин развил это исследовательское направление. Он отметил в трудах В.Н. Татищева постоянный интерес к географическому и историко-этнографическому описанию России, древней и новой, к истории права древнерусского и современного, к развитию просвещения в России с древнейших времен. По наблюдениям Черепнина, Татищев считал, что историк должен не только собирать, но также истолковывать факты, в чем проявлялся присущий Татищеву рационализм [Черепнин Л.В. 1957. С. 164–186].

Эти работы стали началом многочисленных исследований, посвященных научному анализу не только исторических, но также общественно-

политических, экономических и философских взглядов В.Н. Татищева [литературу см.: *Юхт А.И.* 1985. С. 16–32].

Особое значение имеет системный анализ источниковедения и текстологии основного исторического труда В.Н. Татищева — «Истории Российской» [здесь и далее обстоятельный историографический анализ см.: *Николаева А.Т.* 1963. С. 337–349; *Валк С.Н.* 1968а. С. 5–29; 2000. С. 452–515; *Творогов О.В.* 1987в. С. 204–206]. В результате текстологических разысканий А.А. Шахматов пришел к выводу, в соответствии с которым в первой редакции своего труда, написанном на «древнем наречии», Татищев следовал известиям использованных им исторических источников, включая редкие или ныне не сохранившиеся. О второй редакции вывод Шахматова был негативным, продолжившим наблюдения Н.М. Карамзина: «Татищев именно своею второй редакцией, теми переделками и распространениями древнего текста, которые он там допустил, навлек на себя подозрение в том, что нередко позволял себе “изобретать древние предания и рукописи”. От этого подозрения его не могут спасти основывающиеся на вероятностях исследователи (в сноске Шахматов указал таких исследователей: С.М. Соловьев и К.Н. Бестужев-Рюмин. — *М. С.*). Сравнение второй редакции с первой подтверждает обвинение в том, что многое в этой второй <...> редакции “изобретено” Татищевым <...>» [*Шахматов А.А.* 1920. С. 94–95].

М.Н. Тихомиров, изучая «Историю Российскую» как научное произведение первой половины XVIII в., обратил особое внимание на идентификацию древнерусских сочинений, использованных Татищевым в своем труде. В связи с особым значением «Истории Российской» как первого в российской историографии Нового времени произведения, обобщившего изложение и анализ древней русской истории, еще А.А. Шахматов предложил ее критическое издание, тогда как М.Н. Тихомиров стал инициатором его подготовки [*Тихомиров М.Н.* 1962. С. 39–53; *Валк С.Н.* 1968а. С. 10–11].

Одновременно разрабатывался источниковедческий анализ авторских приемов В.Н. Татищева. В них были отмечены сопоставление сведений использованных исторических источников, их критика на основании логики и здравого смысла [*Николаева А.Т.* 1963. С. 337–374], постоянное расширение Татищевым круга используемых исторических источников, первые для русского источниковедения наблюдения над историей текстов летописей, которые будут продолжены и развиты в последующей отечественной науке [*Клосс Б.М., Корецкий В.И.* 1981. С. 5–13]. Значительный вклад Татищев внес в становление российской дипломатики. По наблюдениям С.М. Каштанова, он дал определения грамоты, диплома, жалованной грамоты, различал документы по разновидностям и по сроку действия. В жалованных грамотах Татищев выделил их разновидности — полетные, тарханные и на кормление, провел аналогию между русскими грамотами и латинскими дипломами и патентами. В числе грамот на кормление он отметил немалое число подложных [*Каштанов С.М.* 1988. С. 46–47].

С.Л. Пештич выявил ранее неизвестные списки «Истории Российской». Их общее число в результате его разысканий достигло двадцати восьми. Пештич идентифицировал шесть из восьми названных Татищевым летописей, которыми он пользовался в своей работе на ранней ее стадии, тогда как не сохранившиеся две летописи известны по другим спискам. Пештич соотнес списки татищевского труда с определенными периодами в процессе его написания. Особое значение приобрел открытый и введенный Пештичем в научный оборот перевод на немецкий язык «Предисловия» и «Примечаний» первоначального текста «Истории» в редакции 1739–1740 гг., не сохранившегося на русском языке.

По наблюдениям С.Л. Пештича, первоначальную редакцию «Истории» Татищев написал в виде завершенного в 1739–1740 гг. летописного свода известий «на древнем наречии». Работа над переработанным текстом первой редакции была закончена в 1746 г. В 1747 г. в переписанном виде она поступила в Академию наук [БАН. 17.17.11]. В 40-е гг. Татищев перевел «Историю» на «новое наречие», редактировал ее текст, дополнив известиями полученной Иоакимовской летописи. При редактировании он подновлял язык, иногда его архаизируя, сознательно распространяя и переделывая смысл древнего текста, добавлял известия из нелетописных отечественных и иностранных источников, вставлял свои рассуждения для объяснения или связи одних фактов с другими.

По наблюдениям С.Л. Пештича, первоначально В.Н. Татищев стремился составить «Сводную летопись», следуя текстам использованных летописных источников, комментируя в «Примечаниях» свои толкования, а также чтения летописей и исторические события. Но уже в процессе работы над первой редакцией он отказался от подготовки научного свода летописных известий и заменил его историей в виде летописного свода.

Вторую редакцию «Истории» С.Л. Пештич высоко оценил как итог развития исторических знаний в России в первой половине XVIII в. и результат многолетней деятельности самого Татищева как первого русского историка. Он отметил в труде Татищева внимание к теоретическим проблемам предмета истории и ее содержания, общих закономерностей исторического развития, изменения форм общественного и государственного устройства, к конкретным историческим вопросам и вспомогательным историческим дисциплинам. Пештич исследовал обширную историографическую и источниковедческую основу его труда, отметил введение им в научный оборот важнейших исторических источников.

Так называемые «татищевские известия» С.Л. Пештич включил в текст, по его мнению, свойственных XVIII в. «фальсификаций» исторических произведений, отдельных исторических фактов и документов. Впрочем, он смягчил следствия такого сопоставления. По его словам, «не всегда легко уловить грань между сознательной фальсификацией и произвольной

интерпретацией фактов или выяснить субъективные и объективные причины, побудившие автора к тому или другому». Поэтому Пештич пришел к выводу, в соответствии с которым труд В.Н. Татищева является не сводом известных летописных памятников, а историческим произведением: «Развенчивая “Историю Российскую” как источник, мы тем самым не приуменьшаем, а возвеличиваем заслуги Татищева как историка. Противоречивость формы и содержания его труда, написанного в виде летописного свода, но являющегося уже не летописью, а историческим произведением, только составленным в виде летописи, свидетельствует о самостоятельном истолковании источников Татищевым в духе его общественно-политических взглядов и в соответствии с общим уровнем развития исторической мысли в России» [Пештич С.Л. 1961. С. 222–275; 1965. С. 124–163].

Особыми темами разысканий С.Н. Валка стали история текста «Истории Российской», ее рукописи и археография в неразрывной связи с биографией Татищева, а также с издательской деятельностью Г.Ф. Миллера. Он выявил исторические и источниковедческие начала, которые определили содержательное и композиционное деление «Истории» на четыре части. Особое внимание Валк уделил воздействию общественно-политических взглядов и конкретных фактов биографии Татищева на отбор и интерпретацию им информации исторических источников. Вместе с тем, Валк не согласился с наблюдениями Пештича, в соответствии с которыми Татищев вольно интерпретировал факты и фальсифицировал исторические источники, следуя своим историческим и общественно-политическим представлениям.

С.Н. Валк установил соотношение выявленных рукописей «Истории», а также списков всех трех ее составляющих — «Предъизвещения», изложения исторических событий, а также примечаний, уточнив наблюдения С.Л. Пештича. Такой системный текстологический анализ позволил Валку подготовить классическое по археографической подготовке издание этого труда В.Н. Татищева [Валк С.Н. 1962. С. 54–75; 1963. С. 5–20; 1964. С. 5–26; 1965. С. 5–21; 1966а. С. 5–18; 1968б. С. 30–49; 1971].

Большое значение имеет критическое издание С.Н. Валком материалов, имеющих отношение к изучению исторических разысканий и общественно-политических взглядов В.Н. Татищева [Татищев В.Н. 1968; 1979]. Для анализа работы Татищева с текстами исторических источников существенны наблюдения Г.Л. Гейерманса и С.Н. Валка над списками Правды Русской [Гейерманс Г.Л. 1940. С. 163–174; Валк С.Н. 1957; 1991]. Они показали, что Татищев не только пользовался ее копиями, содержащими ошибки в сравнении с ее текстом, находившимся в составе известной ему Новгородской Первой летописи младшего извода (далее — НПЛмл.), но также правил их. Как доказал Валк, основным в передаче текста Правды Русской для Татищева являлось не точное его воспроизведение, а стремление сделать его возможно более понятным [Валк С.Н. 1957. С. 618].

Развивая свои наблюдения над историей текста «Истории Российской», С.Н. Валк показал, что использованные в ней социальные термины и упомянутые исторические события должны учитываться современными исследователями только в контексте истории ее рукописей и редакций [Валк С.Н. 1969. С. 349–352]. Отметил он и появление во второй редакции «Истории Российской» после перевода ее нарративного текста на современный русский язык нового свойства: «Не потеряв своей “вероятности”, она в то же время приобрела теперь новые черты литературного изложения исторического прошлого» [Валк С.Н. 1966б. С. 72].

Разыскания А.И. Андреева, С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова и С.Л. Пештича определили основные направления последующих исследований и публикаций материалов, относящихся к изучению жизни и исторических трудов В.Н. Татищева.

Е.М. Добрушкин продолжил критический анализ «татищевских известий» и разработку методики их изучения посредством не только сопоставления первой и второй редакций «Истории Российской», но также сравнивая ее записи с сохранившимися летописями, устанавливая соответствие «татищевских известий» летописным рассказам по содержанию, идейной направленности и средствам литературного выражения. Поэтому Добрушкин поддержал основные наблюдения С.Л. Пештича, отметив уже в первой редакции «Истории» определенную беллетризацию известий использованных исторических источников, основательную переработку этих известий и текста первой редакции, их амплификацию во второй редакции «Истории». Он характеризовал «Историю Российскую» как оригинальное историческое произведение, в котором в соответствии с принципами стилизации и другими литературными приемами давался ответ историка на вопросы *что, как и почему* совершалось в России [Добрушкин Е. М. 1970. С. 280–290; 1972; 1976. С. 200–236; 1977. С. 76–96; и др.]. Л.И. Сазонова пришла к обоснованному выводу о литературной переработке Татищевым летописного текста о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Вследствие этого в его повествовании появилась внеисточниковая информация [Сазонова Л.И. 1970. С. 29–46].

Такие характеристики вносили новое конструктивное начало в статичное противопоставление двух крайних в своем содержании подходов к «татищевским известиям» — как к «изобретениям», «фальсификации» и как к информации несохранившихся источников.

Поддерживая данный исследовательский подход, Д.С. Лихачев предложил рассматривать «Историю Российскую» В.Н. Татищева как значительное явление в истории русской литературы и культуры XVIII в. Обобщая наблюдения над историей и литературой в первой половине XVIII в., он наметил новый конструктивный путь исследования «Истории Российской»

как исторического произведения в объяснении его литературной составляющей, свойственной историческим разысканиям того времени.

Д.С. Лихачев обратил внимание на особенности становления истории как науки в XVIII в., когда история и литература еще не различались «в полной мере» (в этой мысли он поддержал наблюдение М.В. Николаевой), а процесс их дифференциации продолжался, «но далеко не закончился». По наблюдениям Лихачева, историк «строго» еще не разделял показания источников и собственное мнение, высказанное прямо и от своего имени. Он мог приводить неточные ссылки, а реконструкции смешивать с фактами [Николаева М.В. 1963. С. 151; Лихачев Д.С. 1971. С. 64–68]. Наблюдения Лихачева создавали новые условия для текстологического и историографического анализа «Истории Российской».

Впрочем, сохранилась традиция иллюстративного использования «татищевских известий». В ее основе находилась идея, в соответствии с которой В.Н. Татищев цитировал в «Истории Российской» несохранившиеся древние исторические источники [см.: Рыбаков Б.А. 1963. С. 341–345; 1971. С. 91–109; 1972; Кузьмин А.Г. 1963. С. 214–218; 1971. С. 53–63; 1973. С. 32–53; Милов Л.В. 1978. С. 76–94; и др.]. Такой подход к определению степени достоверности «татищевских известий» относился не только к древнерусскому периоду, но также к истории России XVII в. [историографический анализ см.: Валк С.Н. 2000. С. 444–451 (комментарии В.Г. Вовиной-Лебедевой); Вовина-Лебедева В.Г. 2004. С. 18–27, 132].

В историографии отмечается стремление ввести в изучение творчества В.Н. Татищева эмоциональные внеученные характеристики, такие как «доброе имя Василия Никитича как историка». Эти характеристики противопоставлялись «скептическому отношению к В.Н. Татищеву» [Николаева А.Т. 1963. С. 339]. Такое противопоставление создавало условия для снижения уровня научного анализа творчества В.Н. Татищева, для поощрения иллюстративного метода в историографическом и историческом исследовании, вело к подмене историографического и источниковедческого изучения отношением к личности Татищева. Сомнительность подобного противопоставления становится очевидной, если учесть, что критический метод относился не к личности Татищева, а к текстологии, тогда как аналитические, а не «скептические» наблюдения были сделаны великими знатоками исторических источников Н.М. Карамзиным, А.А. Шахматовым, другими выдающимися отечественными историками.

Текстологические доказательства в критике иллюстративного использования «татищевских известий» побудили А.Г. Кузьмина признать ее обоснованность. В данной связи он написал, стремясь сохранить хотя бы немногие из тех «древних» «татищевских известий», которые он считал достоверными: «В каждой погодной статье у историка соединяются и древние, и поздние тексты, а также, возможно, собственные редакционные пояснения или

сведения “снискательных о истории людей”. Трудность их размежевания побуждает воздерживаться от широкого использования “татищевских известий”, исключая случаи прямых указаний автора или достаточно надежных внутренних критериев древности записей, как это, например, имело место в отношении юго-западных известий второго и третьего десятилетий XII века» [Кузьмин А.Г. 1977. С. 130–131]. Впрочем, критический анализ он продолжал определять как «скептический», свойственный «эмпирикам» и позитивистам, тогда как положительные оценки, по его мнению, свойственны «приверженцам философской истории». Данные характеристики Кузьмин развил в противопоставление политическое, усматривая в разных подходах к текстологии «Истории Российской» «политические симпатии и антипатии отдельных авторов» [Кузьмин А. 1987. С. 337].

Такое признание достоверности «татищевских известий» методически продолжало «расслоение» летописей, которому следовали Б.А. Рыбаков и А.Г. Кузьмин. Оно не учитывало сформулированные А.А. Шахматовым еще в конце XIX в. принципы современного системно-структурного метода в изучении средневекового русского летописания как истории летописных сводов. Шахматовский метод доказал свою научную обоснованность и стал одной из основ последующего отечественного изучения летописания и текстологии. Поэтому в источниковедческой дискуссии о принципах изучения летописания метод «расслоения» летописей был подвергнут критике [Черепнин Л.В. 1972. С. 46–64; Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С. 1973. С. 194–203; Зимин А.А. 1974. С. 454–464; и др.]. В нем был отмечен основной недостаток — субъективизм выделения отдельных летописных известий по месту или времени действия излагаемых событий, по упоминаниям в них определенных исторических персонажей, что становилось основанием для «реконструкции» некогда существовавших летописей в соответствии с современными авторскими предпочтениями.

Такой прием стал шагом назад в сравнении с системно-структурным текстологическим анализом. Он лишал своих последователей объективных критериев научного исследования. Между тем, простота выделения определенных летописных записей и их соединения в «летописи» и другие средневековые произведения продолжает провоцировать авторов к созданию таких «реконструкций» [Мачинский Д.А. 2003. С. 156–300; Майоров А.В. 2006. С. 321–343; и др.].

А.П. Толочко активно поддержал противоположный подход к «Истории Российской» В.Н. Татищева [Толочко А.П. 2005]. Его наблюдения совпали, в основном, с выводами С.Л. Пештича, С.Н. Валка, Е.М. Добрушкина, Дж. Броджи Беркофф. Толочко внес в них определенные дополнения и коррективы. Он установил, что «татищевские известия» содержатся не только во второй, но и в первой редакции «Истории Российской», в чем он присоединился к Добрушкину, и появлялись они в результате более чем двукратного обращения

Татищева к редактированию рукописи. По мнению Толочко, к летописным манускриптам Татищев обращался при написании лишь первой редакции, тогда как во время работы над второй он пользовался лишь их списками. Толочко дополнил изучение труда Татищева контекстом украинской историографии.

Впрочем, А.П. Толочко сформулировал свои наблюдения в крайне негативном для В.Н. Татищева и «Истории Российской» выражении. По его мнению, Татищев являлся фальсификатором и мистификатором, он «был заядлый писатель, с какой-то почти графоманской настойчивостью правивший и переписывавший вновь и вновь только что законченный текст», Татищев мистифицировал обстоятельства работы над «Историей Российской», реально существовавшие рукописи и им самим вымышленные. По словам Толочко, «Татищев лгал и об источниках некоторых своих летописей, и об их дальнейшей судьбе. “Раскольников” происхождение оказывается блефом». «Раскольников манускрипт» — «совершенная мистификация», а другие летописи, которыми пользовался Татищев, «виртуальны». Автором Иоакимовской летописи, по мнению Толочко, стал сам Татищев.

А.П. Толочко сопоставил труд Татищева со знаменитыми подделками в Англии XVIII в. для доказательства в нем «аутентизации вымысла», «подчас блистательного» мастерства «мистификации». По его мнению, в «мистификации» Татищева присутствуют «навязчивые идеи» (*idées fixes*) общественного договора, просвещения, верховенства светской власти над церковной, особого значения закона и законности, риторические приемы и ученые конструкции, которые проецированы историком из века восемнадцатого в Древнюю Русь [Толочко А.П. 2005. С. 46, 54–56, 59–60, 84–89, 154, 157–158, 196–245, 274–280, 382–422].

После такой интерпретации «Истории Российской» последователен вывод А.П. Толочко: «В качестве собрания источников она не представляет собой ничего ценного, но вот в качестве коллекции мистификаций представляется действительно выдающимся текстом». По его словам, Татищев «был историком достаточно хорошим, чтобы на заре критической историографии идентифицировать источниковые проблемы дисциплины и предвосхитить (или подсказать) многие будущие дискуссии — а кроме того, ему достало умения одурачить легковых» [Толочко А.П. 2005. С. 522–523].

Мысли о Татищеве-историке как фальсификаторе, мистификаторе, о свойственных ему «навязчивых идеях» А.П. Толочко распространил на биографию автора «Истории Российской», которого характеризовал также как «корруптированного чиновника», который едва не стал государственным преступником. Хотя в научной литературе было установлено, что обвинения Татищева были необоснованны, Толочко привел в подтверждение своего мнения не доказательства, а анекдот о его взяточничестве [Толочко А.П. 2005. С. 8, 250; ср. противоположные по содержанию наблюдения: Юхт А.И. 1985.

С. 121, 130–131 и след.]. При таких характеристиках Татищева вызывает сомнение намерение Толочко восстановить «репутацию Татищева-историка» [Толочко А.П. 2005. С. 523].

Обобщая сделанные наблюдения, можно отметить, что в новейшей исследовательской литературе сохранились традиции иллюстративного использования «Истории Российской» В.Н. Татищева как свода сохранившихся и ныне не сохранившихся летописей. Такой подход обычно сопровождается апологетическими характеристиками Татищева и его труда. Другой метод — гиперкритика и эмоциональность. Академический научный анализ в нем подменен широко распространенным в новейшее время стремлением написать сочинения на исторические темы посредством трансформации прежних суждений и введения в них противоположных знаков. Но при таком подходе сохраняется та же «внутренняя логика» повторения иллюстративного метода. Третий путь — комплексный критический анализ биографии Татищева и его творчества, в частности, как историка. Его необходимой составной частью является изучение редакций «Истории Российской». Еще в 1970 г. Е.М. Добрушкин и Я.С. Лурье наметили сложнейшую для выполнения обширную программу ее текстологического анализа. В ней устанавливались задачи: 1) сопоставление всех редакций и вариантов «Истории», сравнение их текстов с летописями, которыми пользовался Татищев и которые почти все сохранились; 2) выявление принципов отбора Татищевым текстов разных летописей для своего изложения, а также их соединения в повествовании; 3) выделение тех мест, которые позднее перерабатывались, определение принципов и содержания такой переработки; 4) после решения этих задач — анализ каждого из «татищевских известий» в соответствии с их содержанием, идеологией, стилем и языком для установления степени их соответствия летописным текстам [Добрушкин Е.М., Лурье Я.С. 1970. С. 223]. Эти сложнейшие задачи не решены до сих пор и едва ли выполнимы, поскольку тексты необходимо анализировать по многочисленным рукописям «Истории Российской», а содержащаяся в них постоянная правка по большей части не подлежит датировке. Возможно лишь временное соотнесение татищевских рукописей «Предъизвещения», повествовательного событийного текста и комментариев.

Таким образом, биография В.Н. Татищева, его творчество как историка, содержание его работы над «Историей Российской» находятся в разной степени изученности и с противоположными по содержанию характеристиками. Поэтому следует продолжить анализ становления Татищева как историка в контексте его биографии, содержания его авторской и редакторской работы над нарративным текстом первой редакции «Истории Российской». Столь же существенно определить свойства второй редакции «Истории Российской» как научного исследования первой половины XVIII в. в контексте теоретических проблем исторической науки. Значительный исследовательский опыт, накопленный предшественниками, позволяет рассматривать при

анализе жизни и творчества В.Н. Татищева лишь основные факты, которые прямо или опосредовано влияли на процесс написания и содержание «Истории Российской».

Василий Никитич Татищев (1686–1750) принадлежал к старинному боярскому роду, происходившему от князей смоленских. Его родственник М.Ю. Татищев был воеводой в Архангельске; дочь М.Ю. Татищева вышла замуж за Ф.П. Салтыкова и стала матерью царицы Прасковьи Федоровны, с 1684 г. супруги царя Ивана V Алексеевича. При их дворе служили несколько Татищевых в чине стольников. В их числе с семилетнего возраста находился и Василий Никитич. Поэтому К.Н. Бестужев-Рюмин с полным основанием возражал против распространившейся в литературе характеристики Татищевых как «захудалого» дворянского рода [*Бестужев-Рюмин К. 1882. С. 5–6*].

Царица Прасковья Федоровна в 1693 г. стала матерью будущей императрицы Анны Ивановны. Петр Великий неизменно доброжелательно относился к своей овдовевшей в 1696 г. свойственнице, тогда как В.Н. Татищев являлся искренним и активным последователем петровских преобразований. Оба эти обстоятельства положительно воздействовали на его продвижение по службе. В 1730 г. он активно поддержал восхождение на престол Анны Ивановны, не только как сторонник сильной монархической власти, но и, вероятно, вследствие родственных связей с новой императрицей.

Петровские принципы воспитывали в людях, которые служили государю и Государству, новое чувство гражданственности и собственного достоинства. В.Н. Татищев был записан в «полковую службу» в 1701 г., но «для малых лет» ему была предоставлена льгота с 1701 по 1706 г. [*Захаров А.В. 2008. С. 125*]. Вероятно, он в это время учился в московской артиллерийской и инженерной школе, которой руководил Я.В. Брюс [*Корсакова В. 1912. С. 332*]. В 1706 г. Татищев получил чин поручика. Участвовал он в Полтавском сражении, во время которого был ранен. Во время передислокации полка в Киев Татищев имел возможность увидеть в 1710 г. древности Киевской земли. В 1711 г. его полк, который стал называться Азовским, находился в Азове и был включен в состав армии, осуществившей под командованием Петра I Прутский поход. В 1712 г. его полк был направлен в Польшу.

Храбрый боевой офицер, добросовестно выполнявший поручения своего начальства, попал в поле зрения царя. Так что с конца 1712 г. по 1716 г. В.Н. Татищев неоднократно направлялся за границу, в Германию и Польшу, для совершенствования в математике, артиллерийском деле, фортификации. Основательно он выучил за это время немецкий и польский языки. Добросовестная служба способствовала тому, что он стал непосредственным подчиненным Я.В. Брюса. Его руководство оказалось великолепной школой разносторонней административной и научной подготовки.

Петровская эпоха воспитала в В.Н. Татищеве мышление государственного деятеля. В неполные 33 года, он представил царю проект о межевании

земель и составлении ландкарт [Татищев В.Н. 1990. С. 44–45]. Этот проект предполагал урегулирование поземельных владельческих отношений, что должно было способствовать стабильности хозяйств. Осуществление этого проекта могло иметь значительные положительные экономические, социальные и внутривластные следствия. О его значимости для Российской империи свидетельствуют попытки такого межевания в царствования Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Но реально оно начало осуществляться лишь столетия спустя после инициативы Татищева, с 1766 г. по середину XIX в.

Проект В.Н. Татищева основывался на определявших петровское царствование идеях общественного и государственного блага. При этом в соответствии с идеологией Петра Великого государь и Государство различались. Согласно теориям общественного договора и полицейского государства Татищев отождествлял заботу об общественном благе с деятельностью царя. Проект соответствовал также реальным усилиям Петра по модернизации Российской государственности [Татищев В.Н. 1990. С. 44].

Поскольку В.Н. Татищев, уже находившийся в звании капитан-поручика артиллерии, проявил организационные способности, преданность в службе государю и Государству, в январе 1720 г. Петр поручил ему руководство казенной горнозаводской промышленностью Урала и Сибири. 31 марта того же года Татищев был произведен в капитаны. В этой должности он находился до 1723 г. Татищев стремился охранять государственные интересы и следовать принципам, сформулированным в проекте, недавно поданном им царю. Поэтому он вошел в жесткий конфликт с уже возведенным в наследственное дворянское достоинство уральским заводчиком Н.Д. Демидовым, который привык полновластно распоряжаться в своих владениях и подкупать чиновников. О мужестве и принципиальности Татищева свидетельствует то, что покровителями Демидова являлись могущественные князь А.Д. Меншиков и граф Ф.М. Апраксин. Пользуясь такой поддержкой, Демидов обвинил Татищева во взяточничестве. Но Высший суд при Сенате выслушал следственное дело в присутствии царя и Татищева оправдал, присудив Демидова к выплате крупного штрафа. Татищев был оставлен на Урале и в июне 1724 г. произведен в советники Берг-коллегии. Он продолжал участвовать в строительстве новых и реконструкции старых заводов, в составлении донесений в высшие органы государственного управления (Сенат, собственная канцелярия Петра — Кабинет, Берг-коллегия), а также наказов для управителей заводов. Таким образом, доверие Петра к Татищеву было в полной мере сохранено.

О том, что В.Н. Татищев успешно справлялся с возложенными на него поручениями, свидетельствует его миссия в Швецию по именному указу Петра Великого от 1 октября 1724 г. для найма там мастеров на металлургические заводы и обучения русских учеников горнозаводскому делу. Ему было также поручено ознакомиться с новейшими изобретениями в промышленности,

в частности в горнозаводском деле, выяснить размеры налога с владельцев медеплавильных и железоделательных заводов и т. д. [о биографии Татищева в начальный период его деятельности см.: *Попов Н.* 1861. С. 11–56; *Бестужев-Рюмин К.* 1882. С. 7–20; *Голендухин Л.Д.* 1964; *Юхт А.И.* 1985. С. 42–161; *Кузьмин А.Г.* 1987. С. 23–107].

Таким образом, уже в начале своей деятельности В.Н. Татищев под воздействием идей и преобразований Петра Великого с честью прошел путь служения государю и Государству до капитана. Подобно многим своим современникам он освоил многообразные знания в математике и инженерном деле, необходимые для дальнейшей военной и административной службы, которую исполнял творчески и самоотверженно, в полной мере справляясь со сложнейшими и ответственными заданиями, которые ему поручал Петр Великий. Татищев как офицер, администратор и начинающий общественно-политический деятель был воспитан в Петровскую эпоху и стал активным приверженцем петровских идей. Он много сделал для того, чтобы Россия в горнозаводском производстве преодолела экономическую отсталость от развитых западноевропейских государств и уже к середине XVIII столетия догнала Англию по производству железа, основного металла, необходимого для гражданских и военных нужд страны. Так что понятия прогресса и службы Государству были для него не абстрактными, а насыщенными конкретным содержанием.

К тому же времени относится становление В.Н. Татищева как историка. К занятиям историей и географией его побудил в 1719 г. Я.В. Брюс, которому для их исследования самому времени не хватало. Служебные обязанности по управлению казенным горнозаводским производством оставляли Татищеву мало свободного времени для исторических исследований, более предоставляя возможности для сбора исторических источников. Лишь во время полугодовой командировки в Швецию, с конца 1724 г. до весны 1726 г., он смог выделить время для посещения библиотек. Татищев ознакомился в них с историческими трудами Петра Петрея «История о великом княжестве Московском ...» (Стокгольм, 1615 г.) и Юхана Видекинда «История десятилетней войны Швеции и России с 1607 по 1617 г. ...» (Стокгольм, 1671 г.), которые он привез в Россию, с «Хроникой» М. Стрыйковского, с неизвестной тогда в России рукописью бежавшего в 1664 г. в Литву и оказавшегося в Швеции подьячего Посольского приказа Г.К. Котошихина (ок. 1630–1667), который сообщил много ценной информации о России середины XVII в., о ее дипломатических отношениях с другими странами в то время. Татищев видел в шведских библиотеках также один из списков Степенной книги, Соборное уложение 1649 г. с новоуказными статьями до 1692 г., Статут Сигизмунда III Вазы, короля польского и шведского (вероятно, хранящееся в библиотеке Упсальского университета издание 1619 г.), а также список с родословий русских князей и царей от Рюрика до Михаила Федоровича, лексиконы и книги духовного содержания.

В числе книг по гуманитарным дисциплинам, купленных В.Н. Татищевым в Швеции, — сочинения Петра Петрея и Юхана Видекинда, «История северных народов» Олауса Магнуса и другие книги, в которых повествовалось о России. Судя по составу купленных им в Швеции книг, а также тех книг, с которыми Татищев там ознакомился, можно заключить, что его интересовала в 1724–1726 гг. история России, в частности, новая и новейшая для его времени отечественная история.

В.Н. Татищев проявил интерес и к древним скандинавским памятникам письменности, которые начали активно исследоваться и публиковаться в Дании и Швеции с XVII столетия. Вскоре после своего прибытия в Швецию Татищев встретился с Ф.И. Страленбергом, с которым ранее был знаком в России. Видимо, Страленберг активно поддержал тогда намерения Татищева серьезно исследовать российскую историю. В письме от 2 января 1725 г. Татищев просил кабинет-министра И.А. Черкасова ходатайствовать перед императором, чтобы Страленберг мог посвятить Петру свой труд об истории России [*Татищев В.Н.* 1990. С. 104–105].

В.Н. Татищев встретился в Швеции и со знакомым, ранее интернированным в Москве ориенталистом Хенриком Бреннером, а также со специалистом в древнескандинавских древностях Э.Ю. Бьёрнером, который подготовил для Татищева переводы древнескандинавских источников, сообщающих о Руси. Впрочем, на работы Бьёрнера, посвященные древнейшей этногенетической истории Восточной Европы, отрицательно воздействовали построения О. Рюдбека (1630–1702), который, в частности, отождествил Швецию с Атлантидой [*Пекарский П.* 1864. С. 13–30; *Китнер Ю.Н.* 1997. С. 370–379, 394–395].

На изучение В.Н. Татищевым древнейшей истории Руси не повлияли скандинавские этногенетические построения того времени, находившиеся под значительным влиянием О. Рюдбека. Не воздействовал на Татищева и особый метод Рюдбека интерпретировать исторические источники не в соответствии с их информацией, а посредством поисков в них скрытого смысла и его метафорического истолкования [*Толстиков А.В.* 2007. С. 181–186]. Напротив, Татищев использовал пребывание в Швеции для того, чтобы ознакомиться с древнескандинавскими историческими источниками и использовать их сведения в своих разысканиях по истории России.

В.Н. Татищев первым из русских историков начал использовать в своих разысканиях древнескандинавское название Руси — Гардарики, Новгорода — Хольмгард, Ладоги — Альдейгьюборг, до того как к темам Руси и варягов по древнескандинавским историческим источникам обратился, уже находясь в России, Т.З. Байер. Из письма от 9 апреля 1725 г. Татищева к И.А. Черкасову следует, что Татищев не переставал заниматься в Швеции отечественной историей, учитывая также скандинавские исторические источники [*Татищев В.Н.* 1990. С. 106].

Вскоре, 14 мая 1725 г., В.Н. Татищев сообщил И.А. Черкасову, что он получил от секретаря коллегии древностей Э.Ю. Бьёрнера план, «известие краткое», по которому можно «выбрать» из древнескандинавских источников сведения о российской истории. Этот план, написанный на латинском языке, Татищев приложил к письму Черкасову, прося разрешения оплатить предстоящую работу. Кажется, этот план до сих пор не учтен в историографических исследованиях, посвященных творчеству Татищева. Поэтому целесообразно привести его полностью.

«Обзор сборника избранных отрывков российских древностей из Историй, преимущественно готских и исландских.

Гл. 1-я.

§ 1. О древности и разных местах пребывания скифских народов.
§ 2. О сарматах. § 3. О венедах. § 4. О славянах.

Гл. 2-я.

§ 1. О разделении северных стран. § 2. О первых местах пребывания русского народа и занятии им территории нынешнего государства. § 3. О древнем расположении России. § 4. О значении слова и обширности Гардарикии. § 5. О разделении Гардарикии в своих областях и провинциях, частью ее собственных, частью платящих ей дань, что дополнено географической картой, которая представила их древнее местоположение до XII в.

Гл. 3-я.

§ 1. О Холмгардии, или Колмогардии. § 2. О Булгарандии, или Водкумании, или Булгарии. § 3. О Мегинретии, или Иммератии. § 4. О Палтесции, или Плесковии. § 5. О Рефаландии, или Рефании и Резании. § 6. О Кианугардии, или Кименегардии. § 7. О Кириаландии, или Карелии. § 8. О Либердонии, или Ливонии. § 9. О Вириаландии, или Вирии. § 10. О Смаландии, или Смоленсковии. § 11. О Бьемландии, или Богемии. § 12. О Рафесталандии, или Ростовии. § 13. О Биалкаландии, или Биелския, также Ингрия. § 14. О Ормаландии, или Ермаландии, Ермии. § 15. О Серкландии, или Сиркассии. § 16. О Морсландии, или Морсии.

Всем этим землям указаны свои короли и графы и подробно излагаются их истории, начиная с рождества Христова до IX века.

Приложение.

О языке и торговле народов Северной Европы» (перевод наш. — М. С.).

После этого текста на латинском языке Татищев приписал по-русски: «Гардорики или град великий описуют близъ Ладоги бывший по разорении онаго начат строить (?) Новогородикирки или Новгород Великий» [*Пекарский П.* 1864. С. 20–22].

Э.Ю. Бьёрнер выполнил заказанную В.Н. Татищевым работу [*Татищев В.Н.* 1990. С. 112, 380]. Рукопись, подготовленная им, не найдена. Но в приложении к письму от 9 июля 1725 г. в обоснование просьбы о финансировании этой работы Татищев привел по-русски изложение того, о чем Бьёрнер

уже написал. Представляется, что это изложение также не учитывается при анализе формирования исторической концепции Татищева. Между тем, это приложение к письму от 9 июля 1725 г. столь же важно для историографического анализа, как и план Бёёрнера относительно создания корпуса известий древнескандинавских источников о Руси и Восточной Европе.

Э.Ю. Бёёрнер утверждал, что исторические сведения древних авторов достоверны. Впрочем, европейскую историю он начал с разделения мира между сыновьями Ноя и происхождения древнейших народов от Магога, сына Яфета. Им названы также «готы или скифы по греческому диалекту». Бёёрнер исходил из того, что Скифия являлась древнейшим обобщающим названием широко понимаемых северных европейских народов. По его мнению, к потомкам скифов принадлежали позднее гипербореи, сарматы, веныды и славоны, которые «за один народ почитались». Все эти народы «и некоторое время по рождестве Христове» говорили на одном языке, скифском или готском. Позднее он «смешался» с греческим и латинским, появились «диалекты», так что возникли «разные языки».

В.Н. Татищев привел мнение Э.Ю. Бёёрнера, в соответствии с которым «россияне около V-го веку уже объявились». Древнейшие из них «роксоланы или московитяне были, но сначала в славонской земле жили». Бёёрнер отрицал, что россияне происходят от венетов, до пятого века они назывались «русаки», а их земля именовалась «Россия». По его мнению, «Россияне только около VIII-го веку названы от реки Русы или города Руса».

Как написал В.Н. Татищев, в сочинении Э.Ю. Бёёрнера «все российские цари, князи и бояры той земля от рождества Христова даже до XIV-го веку означены, яко же все их земли, война, коммерции и другие особливые договоры с пограничными государствами и княжества вкратце изъяснены и описаны» [*Пекарский П.* 1864. С. 26].

Большая часть этого текста является изложением этногенетической теории по Э.Ю. Бёёрнеру. В его концепции уже в самом начале своих исторических исследований В.Н. Татищев ознакомился с наиболее распространенными в западноевропейской литературе мнениями о происхождении названия Руси. Позднее он определит свое отношение к этим суждениям.

Таким образом, находясь в Швеции, В.Н. Татищев не только ознакомился с ее книжными собраниями и приобрел там книги, необходимые для разысканий о российской истории. Он узнал о существенной для ее изучения информации древнескандинавских источников, а также о распространенных в среде шведских ученых этногенетических теориях, одна из которых в изложении Э.Ю. Бёёрнера, вероятно, была проанализирована им особенно хорошо.

Накопленные В.Н. Татищевым источниковые материалы, историческая литература, теории шведских историков побуждали его после возвращения из Швеции активно заняться в 1727 г. авторской работой по написанию «Истории Российской». В 1738 г. он сообщал в Коллегию иностранных дел

о своих занятиях русской историей: «Известно Государственной Коллегии, что древняя российская история во многих знатных делах и обстоятельствах темна и неисправна, что не токмо между разными писатели, но и одного об одном деле по разным местам разно писано, наипаче же в летах и званиях народов, якоже и владетелей не малые погрешности, которую я, с 1727 году начав, колико возможно, с европейскими, а паче с польскими и немецкими гисториками согласовал и несколько с латинского велел перевести, как то: Кромерова о Польше, Гельмолдиева и Арнольдова о славянах, Плиниева география, Кирхнеровы примечания о татарской хронологии, да с татарского две гистории переведены и в Академию посланы; да Академии просил, чтоб персицкой гистории находящейся тамо манускрипт велели перевести моими деньгами, а ныне переводится Страбонова география с латинского и Абулгаси хана с татарского <...>» [Попов Н. 1861. С. 657–658].

Названные В.Н. Татищевым исторические сочинения, от античных до произведений XVI–XVII вв., свидетельствуют о том, что, начав писать в 1727 г. «Историю Российскую», он «согласовывал» информацию средневековых русских летописей и значительного числа иностранных исторических источников, а также трудов историков, западных и восточных (реально их число было существенно более значительным). Татищев хорошо знал содержание «Хроники» Мацея Стрыйковского и «Синописа». Русские летописи и обобщающие исторические произведения XVI–XVII вв., которые Татищев изучил основательно, подготовили его к решению написать обобщающий труд по истории России с древнейших времен до новейшего периода.

О том, насколько свободно В.Н. Татищев владел уже в 1730 г. материалами обобщающих компиляций XVI–XVII в., свидетельствует его справка И.Д. Шумахеру в письме от 17 декабря 1730 г. о произведениях, содержащих житие княгини Ольги — «Синописис», Степенная книга, Четьи Минеи. О намерении написать «Историю Российскую» до новейшего периода свидетельствуют предварительные очерки Татищева, посвященные российской истории от правления Ивана Грозного до регентства Софии Алексеевны [Татищев В.Н. 1968. Т. 7. С. 149–183].

Таким образом, В.Н. Татищев по инициативе Я.В. Брюса и в соответствии с объективными потребностями эпохи преобразований начал собирать исторические источники для изучения российской истории и исследовать эту сложную научную тему с 1719–1721 гг. Вероятно, в 1727 г. «Историю Российскую» он начал писать [данное мнение уже ранее высказывалось: Пештич С.Л. 1961. С. 228; Свердлов М.Б. 2009. С. 32–45; см. там же анализ новейшей литературы и исторических источников]. При этом уже на начальной стадии проявилась одна особенность разысканий Татищева — он не различал аутентичные древние исторические источники и более поздние произведения историков в XVI–XVII вв., использовавших эти памятники

письменности как источник исторической информации и осмыслявших ее в соответствии с возможностями и задачами своего времени.

Во время династического кризиса 1730 г., вследствие которого воцарилась Анна Ивановна, В.Н. Татищев занял активную позицию в ее поддержку и против «кондиций» верховников. Как следует из его произведения «Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства руского о правлении государственном», написанного в том же 1730 г. и позднее переработанного [Валк С.Н. 1979. С. 14–15], Татищев подтверждал концепцию сохранения самодержавной власти царя историческими примерами, превращая, таким образом, исторические события в историко-идеологическое обоснование современной политической теории. Уже тогда он кратко изложил собственную теорию отечественной истории от скифов, следуя западной традиции и «Синопису», до Петра Великого. В этом экскурсе установлены и основные периоды исторического развития России. Такое осмысление исторического процесса также может свидетельствовать о длительном периоде изучения Татищевым истории России, что подтверждает сделанные ранее наблюдения о начале его разысканий в 1719–1721 гг.

По В.Н. Татищеву, еще скифы имели «самовластных государей». «Совершенное единовластительство» существовало и в следующий исторический период, от Рюрика до Мстислава Великого (ум. 1132). Тогда «государство наше» занимало обширные пространства, народ был науками «довольно просвящен», а государство «богатилось» торговлей с Византией, северными и восточными странами. Иноземные государства «искали» «союза рускаго». Татищев указывал при этом на «истории» о «греках, венграх, поляках и немецких королях», на древнерусские династические союзы «с восточными и западными императоры, с королями Франции, Венгер, Норвегии, Швеции, Польши», что свидетельствует об уже изученных им русских и иностранных источниках XI–XII вв.

Следующий период, по В.Н. Татищеву, характеризуется господством удельных князей, «аристократии», «несогласиями», которыми они друг друга разоряли. Таким образом, он выделил и объяснил происхождение периода политической раздробленности Русского государства. Как его следствие Татищев указал «бессилие» великих князей перед завоеваниями «татар» и «Литвы». «И так пребывало государство в рабстве татарском более 200 лет», — обобщил Татищев основное содержание периода русской истории с 1240 по 1480 г. Следующий период он датировал временем от Ивана III до смерти Бориса Годунова. Этот период характеризовался, по Татищеву, «истреблением аристократии», восстановлением монархии, возвращением «многих земель» от «Литвы». «И так, — обобщил Татищев в соответствии с историко-политической концепцией Петра Великого, — государство прежнюю свою честь и безопасность приобрело».

В.Н. Татищев с осуждением изложил основные события избрания Шуйского в период Смуты, а также воцарения Михаила Романова, поскольку

избрания царей и совершенные на них записи ограничивали власть государя. В правлении Алексея Михайловича он отметил, что царь, силою «часть самовластия возвратя», вернул России «многие пределы от Польши», и если бы не «властолюбивый» патриарх Никон, «то б, конечно, более пользы государство его самовластием приобрело». При таком содержании истории России как истории самодержавной власти ее высшим достижением становилась деятельность Петра Великого, который «большую, нежели его предки, себе и государству самовластием честь, славу и пользы принес».

Эти исторические разыскания позволили В.Н. Татищеву сделать вывод, относившийся к событиям в России 1730 г.: «довольно всяк благоразсудный видеть может, колико самовластное правительство у нас всех протчих полезнее, а протчие опасны» [*Татищев В.Н.* 1979. С. 148–149].

В 1730 г. в связи с коронованием Анны Ивановны и активной позицией в ее поддержку вопреки намерениям верховников В.Н. Татищев был повышен в действительные статские советники, что было равно званию генерал-майора и контр-адмирала. Эту благоприятную ситуацию Татищев попытался использовать для укрепления своих позиций в Петербурге, а также для столь необходимой реорганизации структуры Петербургской Академии наук и художеств [*Татищев В.Н.* 1979. С. 157]. Впрочем, в 1734 г. он был назначен начальником Канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов, то есть реальным руководителем горнозаводского дела на Урале и в Сибири, и таким образом вследствие интриг Бирона удален из столицы.

В январе 1739 г. В.Н. Татищев был вызван в Петербург, где находился под следствием до августа 1741 г. Его обвинили в многочисленных преступлениях, в том числе во «взятках и обидах». Видимо, гонителем его по-прежнему являлся Бирон, как об этом писал Татищев в челобитных императрице Елизавете Петровне в 1742 и 1745 гг. Косвенно о том свидетельствует прекращение дела Татищева после ареста Бирона 9 ноября 1740 г., уже в правление Анны Леопольдовны, а также его назначение 31 июля 1741 г. на должность начальника Калмыцкой экспедиции с резиденцией, находившейся в Царицыне.

Когда императрица Елизавета Петровна назначила В.Н. Татищева на должность астраханского губернатора, она и новое высшее государственное руководство учли его значительный опыт в военно-административном управлении сложными в экономическом, социальном и политическом отношении южными регионами европейской части России. По указам от 15 декабря 1741 г. и 15 июля 1744 г. Татищев был освобожден от ряда обвинений, так что он находился в этой должности до своей опалы в ноябре 1745 г., когда должен был отправиться в свое имение Болдино и находиться там безвыездно. Прибыл Татищев в Болдино весной 1746 г. и пребывал там под надзором, установленным Сенатом [о происхождении обвинений см.: *Валк С.Н.* 1971. С. 208–210; *Свердлов М.Б.* 2009. С. 49–51].

Ответственные должностные обязанности постоянно отвлекали В.Н. Татищева от работы над главным трудом его жизни — «Историей Российской». Только в Болдино он смог сосредоточенно над ней работать вплоть до своей смерти, последовавшей 15 июля 1750 г.

В долгом процессе написания В.Н. Татищевым «Истории Российской» изменялось содержание работы над ней.

Как сообщил В.Н. Татищев в специально подготовленном в 1739 г. в Петербурге «Предъизвещении» к своему труду для ознакомления с ним членов Академии, а потому переведенном на немецкий язык, он решил «написать русскую историю в четырех частях до времени ныне благополучно правящего рода Романовых». Татищев собирался ее первую часть посвятить древнейшей этногенетической истории, от разделения Земли между сыновьями Ноя и далее, от скифов и сарматов до Рюрика. Во второй части в соответствии с древнерусскими летописями следовало изложить историю Руси «от владения Рюрика или смерти Гостомысла» до нашествия Батгя. Содержание истории российской раскрывалось в третьей части «от пришествия татар» до «восстановления древней монархии первым царем Иоанном Великим», то есть до вокняжения Ивана III Васильевича в 1462 г., в четвертой — «до восшествия на престол царя Михаила Федоровича», до 1613 г. [*Татищев В.Н.* 1968. Т. 7. С. 59; о структуре «Истории Российской» см. также: *Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 36, 38; 1962. Т. 1. С. 89].

Особые сложности для В.Н. Татищева представило написание первой части. Оно предполагало изучение произведений античных авторов. Поэтому он временно отложил работу над ней и начал писать вторую часть [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 38; *Валк С.Н.* 1968а. С. 30]. В истории текста «Истории Российской» вторая ее часть стала первой из четырех, которая активно перерабатывалась автором и которая была представлена автором для обсуждения читателям в рукописи. Трудиться над третьей частью он решил в 1739 г. [письмо В.Н. Татищева И.Д. Шумахеру от 21 ноября 1739 г.: *Татищев В.Н.* 1990. С. 276]. Работа над ней, как и над четвертой частью, продолжалась до его кончины, но не была завершена [*Валк С.Н.* 1965. С. 10].

Предшествующие источниковедческие наблюдения позволяют предположить таким процесс работы В.Н. Татищева над своим основным историческим трудом, «Историей Российской».

Когда В.Н. Татищев прибыл в январе 1739 г. в Петербург для отчета о своей деятельности в должности начальника Оренбургской экспедиции, с ним находилась рукопись второй части его труда. Она содержала составленный на основании перечисленных Татищевым летописей текст, который сам он назвал «собрание из древних русских летописцев» или «летопись». Татищевым были подготовлены также примечания на ее «некоторые места» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 85; 1968. Т. 7. С. 53; *Валк С.Н.* 1964. С. 13].

Находясь в Петербурге до августа 1741 г., В.Н. Татищев обсуждал подготовленный им текст со знатоками русской истории. В их числе находились

А.П. Волынский, придворный архитектор П.М. Еропкин и капитан флота, советник Экипажной конторы А.Ф. Хрущов, которые предоставили ему для прочтения принадлежавшие им рукописи. Во время пребывания в Петербурге Татищев продолжал работать над первой редакцией «Истории». Но к отъезду из Петербурга к месту назначения в соответствии с указом 31 июля 1741 г. в должности начальника Калмыцкой экспедиции он первую редакцию «Истории» не завершил, хотя уже в начале этого года думал об оформлении будущего ее издания [*Татищев В.Н.* 1990. С. 278].

Первую редакцию второй части В.Н. Татищев закончил только к 1746 г. Впрочем, как следует из письма Татищева от 1 мая этого года И.Д. Шумахеру, труд устарел потому, что написанную на древнерусском и стилизованным под него языке «Историю» он «переписал» на «нынешнее наречие». По его словам, она «гараздо яснее, ибо многое из Степенной [книги] для прикрасы речения беру», к тому же он собирался дополнить «Предъизвесчение» и примечания [*Татищев В.Н.* 1990. С. 320].

В письме от 24 августа 1746 г. президенту Академии наук К.Г. Разумовскому В.Н. Татищев сообщил, что первая часть уже «в краткости сочинена». Вторая часть «от многих русских манускриптов древним наречием сочинена и от иностранных примечаниями изъяснена». Она уже переписана набело. Осуществлено и ее переписывание «настоящим наречием и яснейшим слогом» самим Татищевым «с прибавкою многих изъяснений». Теперь следовало переписать ее набело [*Татищев В.Н.* 1990. С. 320–321]. Таким перебеленным экземпляром, отправленным в начале 1747 г. в Академию наук, но также с авторскими дополнениями на полях, стала рукопись Библиотеки РАН [БАН. 17.17.11]. Себе он оставил черновой вариант, написанный двумя переписчиками, но на три четверти — самим В.Н. Татищевым [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 647; описание этих рукописей и анализ работы Татищева над рукописями второй редакции «Истории Российской» см.: *Валк С.Н.* 1963. С. 9–17; 1964. С. 17–18].

Одновременно с работой над «Историей Российской» В.Н. Татищев писал труды, посвященные или отечественной истории, или темам, которые расширяют изложение исторических событий. Еще в 1725 г. он опубликовал в Швеции на латинском языке статью, посвященную изучению мамонта. Она стала единственной прижизненной публикацией Татищева. Между тем, в соответствии с петровскими принципами он занимался историческими разысканиями не для собственной славы, но для пользы России. Он участвовал в обсуждении опубликованного в 1732 г. проекта Г.Ф. Миллера об издании источников по русской истории и написании истории России. К 1733 г. относятся примечания Татищева на изданный в Стокгольме в 1730 г. труд Ф.И. Страленберга о России, содержащий не только ценные наблюдения, но также ошибки и субъективные суждения, которые не могли не вызвать его возражений. Позднее, в 1738 г., по его инициативе были переведены в Самаре три главы книги Страленберга и с поправками Татищева отправлены в Пе-

тербургскую Академию наук. В 1730 г. он написал «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», где отстаивал светские основы научного познания мира, определяя Россию в едином научном пространстве. Завершил он работу над этим трудом в 1733 г.

К 1734 г. относится открытие В.Н. Татищевым Судебника 1550 г. Тогда же Татищев начал его исследование, так что уже в следующем году он смог его представить в Академию. В 1735 г. Татищев собирал материалы и по истории России XVII в. Особой темой, относившейся к XVII столетию, стали позднее разыскания Татищева «О браках и коронациях прежних государей».

В 1735 г. В.Н. Татищев предложил Петербургской Академии наук перевести «древние церковные истории», прежде всего византийские, изданные во Франции и Англии, а также сочинения церковных писателей. В конце этого года он послал в Академию изданный в царствование Ивана Грозного Судебник 1550 г. со своими комментариями. Он одобрил намерение Академии опубликовать Уложение 1649 г. и предложил конкретный план издания этого юридического памятника с дополнениями в виде новых указов. В 1738 г. Татищев продолжил изучение Судебника 1550 г. и дополнительных статей к нему. Одновременно он исследовал Краткую Правду Русскую, открытую им в составе НПЛмл. Тексты этих памятников права и указов, дополнительных к Судебнику, составили «Собрание законов древних русских», которое он в письме к Шумахеру от 14 января 1740 г. предполагал в будущем издать. При этом, в соответствии с планом Татищева, публикация должна была стать первой частью основных видов средневековых русских юридических памятников: «II часть может духовные великих князей сделать, в III некоторые старинные грамоты, в IV соборы, бывшие в Руси. Итак оны[e] ис таких вещей собирать, которые в гисториях вносить неудобно. А сверх того можно обстоятельнее на словах изъяснить, когда изволите время назначить» [*Татищев В.Н.* 1990. С. 276].

К осуществлению такого плана отечественная историческая наука была еще не готова. Он стал реализовываться лишь через 40 лет, уже в новую эпоху Просвещения в России 1773–1775 гг. в многотомном издании Н.И. Новикова «Древняя Российская Вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев». Новикову в этом издании помогали выдающиеся знатоки средневековой русской письменности Г.Ф. Миллер и князь М.М. Щербатов.

В связи с работой над «Историей Российской» В.Н. Татищев составил пасхалию, а также список святых и дней их почитания, о которых шла речь в Минеях, Прологах, святцах и других памятниках древнерусской письменности. Особое внимание в 40-е годы он уделял написанию «Лексикона российского исторического, географического, политического и гражданского». Этот «Лексикон» должен был быть аналогичен подобным справочным изданиям, уже

существовавшим в западноевропейской литературе, которыми пользовался и сам Татищев. «Лексикон» был написан до буквы *К* включительно. В случае завершения и опубликования он мог бы стать ценным справочным пособием.

Все это время В.Н. Татищев находился в переписке с руководством Академии наук, с ее президентами И.А. Корфом и К.Г. Разумовским, с ее административными руководителями — И.Д. Шумахером и Г.Н. Тепловым, которые поддерживали его занятия российской историей. Первая часть его «Истории Российской» была положительно оценена М.В. Ломоносовым. По просьбе Шумахера он написал посвящение этого труда великому князю Петру Федоровичу. Но и Татищев дал положительный письменный отзыв о первой главе «Сибирской истории» Г.Ф. Миллера, когда Шумахер прислал ему эту работу в надежде получить от него отзыв отрицательный. Впрочем, положительный отзыв не помешал Татищеву отметить в труде Миллера ошибки и неточности [Андреев А.И. 1951б; 1962. С. 13–37; Валик С.Н. 1979. С. 5–8, 26–32].

Тридцатилетний период работы над «Историей Российской» в контексте многообразной государственной службы, постоянных интенсивных трудов в совершенствовании знаний в гуманитарных дисциплинах и географии имели следствием взаимное обогащение идеями всех видов деятельности В.Н. Татищева. Но по тем же причинам он не подготовил к изданию свой главный исторический труд — «Историю Российскую». Между тем, его общественно-политические и исторические произведения с учетом их источниковедческого анализа позволяют продолжить изучение вклада Татищева в процесс становления и развития исторической науки в России.

В.Н. Татищеву, человеку петровской формации, было очевидно особое значение Петра Великого в отечественной истории. Он узнал о смерти императора, когда находился в Швеции, и предложил известной шведской поэтессе Софии Бреннер написать стихи в память почившего царя. Для того чтобы стало ясно содержание будущего произведения, Татищев кратко обобщил итоги петровского царствования. В том, что он написал для Бреннер, отразились не только понимание произошедших исторических событий их участниками сразу после кончины императора, но также основное содержание самоидентификации этих участников с петровской эпохой. При этом Татищев вносил в начала осуществлявшихся Петром проектов их завершенность, что следовало принципам классицизма в изображении героя как воплощенного идеала.

Как написал В.Н. Татищев в записке для С. Бреннер вскоре после смерти Петра, не позднее 9 апреля 1725 г., император побеждал «паче благоразсуждением и храбростию, нежели силою». Своим союзникам и «приятелем» он был защитником и «охранителем». Петр создал на четырех морях мощный военный флот, строил «великие города» и систему сообщений посредством каналов и сухопутных путей. Он был не только «ученых людей великий любитель и защитник», но и сам «превзошел» «многия искусства». Несмотря на тяжелую и долгую войну Петр свое государство обогатил, способствовал

развитию мануфактур и купечества, «вольные науки и искусства открыл, суеверие опроверг; доброе правление, духовное и светское, в пожеланное состояние привел; правосудие во всем государстве в высшие степени оставил, а мздоимство и неправости прилежно искоренял», расширил пределы государства и оставил страну «во всякой желаемой тишине и покое» [Татищев В.Н. 1990. С. 107; Китнер Ю.И. 1997. С. 384–386].

Такое определение В.Н. Татищевым основного содержания петровской эпохи как времени достижений в экономической, государственной, правовой и интеллектуальной жизни соотносилось с татищевскими жизненными принципами, его общественно-политическими и философскими взглядами.

В «Духовной» он следует популярной в петровское время теории общественного договора, разделения государя и Государства, «общественной пользы»: «В службе Государю и Государству должен ты быть верен и прилежен во всяком положенном на тебя деле, так о пользе общей, как о своей собственной, прилежать <...>». В соответствии с петровским принципом дворянин, по В.Н. Татищеву, должен был служить, а не предаваться «своевольству», безделью, пьянству и прочим порокам. Он назвал три возможных вида службы дворянина государю и Государству. Первая из них — военная. «Другая служба» — на гражданских должностях. Она «согласована» «с пользой государственною». Но Татищев решительно предупредил сына против третьей «службы» — придворной. В последнем случае пример для него — Петр Великий, который «великолепие единственно делами своими показывал, сей чин придворных ни во что вменял и в рангах их не токмо на конце, но весьма ниски положил, и у него оные весьма в презрении были <...>» [Татищев В.Н. 1979. С. 140].

Свои предпочтения в философских концепциях В.Н. Татищев обозначил в «Истории Российской»: «А что касается до начала сообществ, порядков, правительств и должностях правителей и подданных, оное собственно принадлежит до философии в частях морали, или нравоучения, закона естественного и политики, которое от разных философов достаточно на разных языках описано и, по моему мнению, Христиан Вольф лутче прочих, т. е. кратко и внятно, предал». Вероятно, Татищев постоянно читал философские труды Вольфа. Несколько таких его произведений находились в библиотеке Татищева и в последний период его жизни в болдинской ссылке [Валкина И.В. 1966. С. 77].

В.Н. Татищев одобрил свойственную Х. Вольфу умеренную интерпретацию теории естественного права. Она подразумевала божественные основания всех творений, но вместе с тем и возможность достижения всеобщего благополучия. Философия Вольфа привлекла внимание Татищева, видимо, и потому, что ее аналитические принципы противостояли столь распространенному ханжеству в светской и религиозной жизни. В этом вольфианская философия совпадала в России с петровской традицией. Учение Вольфа о *возможном* и *непротиворечивом* становилось логическим основанием для их интерпретации как *действительного*.

Дж. Броджи Беркофф проследила в татищевской «Истории Российской» совпадения с идеями теории Х. Вольфа о войне и мире, о предпочтительности для правителя мирной жизни, чтобы страна богатела, тогда как война приносит уменьшение численности населения и скота (ранее о том же писал Ю. Липсий, с трудами которого Татищев был хорошо знаком). Она отметила в «Истории Российской» влияние и других идей Вольфа: война как средство разрешения конфликтов, необходимость использования всех мирных средств, чтобы избежать военных действий, большое значение хороших советников для князя и для страны, тогда как правители должны быть для своих стран как отцы своих домов, равное значение для государственной администрации и правосудия гражданских и религиозных принципов, что было свойственно западноевропейской идеологии XVII в., основанной на авторитете религии и гражданского права.

Значительны совпадения идей В.Н. Татищева с рассуждениями Х. Вольфа о пользе обучения молодых людей, предназначенных для будущей службы в структурах государственной власти или для содействия подъему экономического и политического могущества страны. Оно выражалось, по Вольфу, в развитии промышленности, ремесел, международной торговли. А для этого необходимы были искусные иностранцы и свои обученные люди. Чтобы избежать бедствия и эксплуатации одних людей другими, правительство должно обеспечить работой каждого трудоспособного человека в своем государстве. Хорошо организованное государство должно регулировать численность работников в разных отраслях экономики, чтобы обеспечить производство природными и произведенными товарами, а также внутренний и внешний обмен в стране такими товарами. По Вольфу, столь же важны налоги для достойным образом организованного государства. Но они должны быть соразмерны с доходами народа, чтобы избежать жалоб, смут и несчастий.

Во многом близкие идеи, прежде всего, в отношении «правильного» государственного устройства, деятельности правителя и его советников Дж. Броджи Беркофф выявила и в трудах Ю. Липсия. В частности, он придавал особое значение знанию в делах человеческих (*prudential in humanis*) — опыт (*usus*), знание истории (*memoria rerum*), справедливое и обоснованное суждение (*iudicium*), *virtus*, прежде всего в значении *благочестие* (*pietas*), а на втором месте — добродетель князя, которая подразумевает четыре основополагающих элемента — справедливость (*iustitia*), милосердие (*clementia*), вера (*fides*), умеренность (*modestia*). Броджи Беркофф проследила отражение или переосмысление этих идей в «Истории Российской». На основании таких наблюдений она отнесла личность Татищева скорее к XVI–XVII вв., т. е. к минувшей эпохе Возрождения и рационализма [Brogi Bercoff G. 1986. P. 374–420; 1988. P. 343–344, 347, 348, 351–358].

Эти идеи В.Н. Татищев излагал как в своих общественно-политических произведениях — «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собрав-

шегося шляхетства русского о правлении государственном», «Разговоре дву приятелей о пользе науки и училищах», в наставлении сыну — «Духовной», так и в «Истории Российской», вкладывая их в уста исторических персонажей X–XIII вв. В такой форме изложения идей Дж. Броджи Беркофф также предположила следование Татищева принципу Ю. Липсия: «Историки <...> дают наставления тайно и открыто: часто в самом повествовании или вне его в собраниях <...>» [*Brogi Bercoff G.* 1988. P. 342].

Продолжая излагать свое мнение о распространенных в его время философских и общественно-политических теориях, В.Н. Татищев решительно осудил в первой части второй редакции «Истории Российской», над которой он работал во второй половине 40-х гг., уже находясь в ссылке, труды «Государь» Никколо Макиавелли, «Левиафан» Томаса Гоббса и «Трактат об управлении» («*The treatise on government*»; Татищев назвал этот труд «Правление гражданское») Джона Локка. По мнению Татищева, сторонника монархической власти, эти и подобные им книги «не потребные со излишком», «более вредительные, нежели полезные». Вследствие воздействия их идей у людей «неразумных странные, с мудростию и пользою государства несогласные разсуждения произносятся, а некоторые, с великим их собственным и государственным вредом, на непристойное дерзнули» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 359]. То есть, находясь в ссылке, он заявлял о сохранении своей лояльности действующей государственной власти.

В этих характеристиках ясно прослеживается осуждение В.Н. Татищевым идей, которыми, вероятно, увлекались члены кружка А.П. Волынского. Он отказался от критики изображенного Макиавелли самодержавного государя, который использует безнравственные методы для утверждения своей власти и для достижения собственных целей в своей стране и в международных отношениях. Осудив основной философский труд Гоббса, Татищев отказался от его идей не только прав, но и обязанностей государя, власть которого делегирована обществом, что предполагало право подданных на неповиновение, если эта власть не защищает их от внутренних и внешних врагов.

Тем более неприемлемой стала для В.Н. Татищева общественно-политическая концепция Джона Локка, обобщившая английские традиции «Великой хартии вольностей» и парламента, а также преобразования в Англии в результате революции 1640–1660 гг. и «славной революции» 1688–1689 гг. В соответствии с концепцией Локка, государство — не только следствие договора граждан для защиты их личности и собственности посредством соблюдения законов. Граждане должны подчиняться закону, а не произволу деспотической власти. В случае нарушения этой властью договорных отношений народ может требовать возвращения своего верховного права для создания нового правительства, которому будет передан суверенитет. Концепция Локка считается одним из теоретических оснований современного парламентаризма, разделения законодательной и исполнительной властей.

В своем понимании исторических процессов В.Н. Татищев руководствовался умеренными философскими и общественно-политическими теориями. Кроме ранее рассмотренных идей Х. Вольфа, изложенных в книге «Политика, или разумные мысли об общественной жизни людей», это были популярные тогда труды «О праве войны и мира» Гуго Гроция и «О праве природы и народов» Самуэля Пуфендорфа [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 361]. Эти философы являлись сторонниками теории естественного права. В отличие от средневековых теистических теорий Гроций выделил существование права естественного, отличного от права божественного. Оно регулировало общественные отношения и определяло нормы безопасности общества в его конкретных формах организации. В отличие от естественного права божественное право, по Гроцию, относилось ко всему человечеству.

В.Н. Татищев руководствовался также принципами философии С. Пуфендорфа. В соответствии с ними отношения между людьми и право регулируются определенными правилами по законам разума. Воля людей, выраженная в общественном договоре, является основой создания государства, которое использует силы и способности своих граждан для достижения внутреннего мира и внешней безопасности. Государство должно быть терпимым к религии и науке, но церковь должна управляться в отношениях к государству на началах коллегиализма. Сам Пуфендорф был сторонником деизма, «естественной религии», которая не ограничивала развития наук.

Эти философские и общественно-политические концепции имели для В.Н. Татищева практическое значение. Руководствуясь ими, он излагал основное содержание исторического процесса во всемирной и, в частности, российской истории как Верховному тайному совету в 1730 г., так и в конце своей жизни будущим читателям «Истории Российской».

Готовясь к самостоятельному анализу «древнего правительства русского», В.Н. Татищев изучил исторические и теоретические труды Х. Вольфа, С. Пуфендорфа, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Т. Боккалини (в порядке перечисления Татищевым). Но этих авторов он лишь упомянул, приводя собственную историческую концепцию, которая учитывала предшествующий исследовательский опыт.

По мнению В.Н. Татищева, историческое развитие общества и системы управления начиналось с семьи, в которой «начальство» и «власть» принадлежали мужчине по его объективной «способности» в «проворстве, искусстве и силе или возможности». Жена является его помощницей, а дети и сироты должны относиться к родителям и воспитателям с «благодарением». Такая патерналистская система стала основой «правительства монархии»: «Монарх яко отец, а подданные яко чада почитаются, каким бы порядком оное ни учинилось». С ростом населения эти принципы утвердились в праве старшего повелевать, а младших — все повеления исполнять. Так образовалось «третье сообщество домовное», которое состояло из господина и

его «служителей», или холопов. При этом Татищев проницательно указал на отличие раба от холопа. Холоп находится в зависимости «по договору на время договорное», раб — «невольник вечный и наследственный». Эти первые в российской исторической науке определения холопов и рабов, пока только юридические, тем более важны, что позднее, во второй половине XVIII в., появилась традиция без научных дефиниций считать всех холопов рабами.

Следующим историческим этапом, по В.Н. Татищеву, стало объединение этих «хозяйских сообществ» в города. Татищев объяснил появление городов материалистическими причинами: возрастание опасности вследствие «умножения» «зависти, ненависти и злости в сердцах нечестивых», потребности развивающихся ремесла и торговли. При этом он обоснованно объяснил этимологию слова «город» от возведенных городских укреплений — «от ограждения град имяновали».

Появление «начальства», власти, В.Н. Татищев рассматривал как продолжение и развитие особого положения супруга в семье «для распорядка правления и повеления», а также как следствие объединения селений и «городков» в союзы. Эти материальные процессы стали причиной «перемены» правления: «выбрав неколико способнейших, к правлению определить, им полную власть повелевать и учреждать поручили, протчия же все в подвластии и послушании остались». Так он объяснил возникновение аристократии. Необходимость «избрать единого способнейшаго и достойнейшаго к правлению, которому всю власть поручили, дабы он о пользе общей прилежал», стала причиной появления монарха, «единовластителя». Последующую историю политической власти он рассматривал в соответствии с началами, сформулированными еще Аристотелем, как монархия, аристократия, демократия или их варианты как «смешанные правительства». Обобщая опыт реформ первой половины XVIII в., своего участия в государственном управлении и политической жизни, Татищев пришел к выводу, что для России с ее обширными просторами, «открытыми границами», «а наипаче где народ учением и разумом не просвясчен и более за страх, нежели от собственного благонаравия, в должности содержатся <...> нужно быть монархии».

Конкретизируя далее историю политической власти в России с древнейших времен до XVIII в., В.Н. Татищев проанализировал ее в контексте всемирной и в частности европейской истории. По его мнению, когда славяне пришли на территорию Руси «из Вандалии», у них были «славянские государи». Когда их мужское наследование пресеклось, варяг Рюрик принял «наследственно и по завещанию престол русский», утвердив «самовластие», т. е. единоличную форму правления. При этом Татищев вслед за древнейшими летописными сводами, сохранившимися в составе внимательно прочитанных им Петровской копии Радзивилловской летописи и НПЛмл., не упомянул легендарного Гостомысла как «славянского государя», по совету которого призвали варяга Рюрика. Этот период продолжался до кончины Мстислава,

сына Владимира Мономаха, хотя, по Татищеву, его предшественники «немало удельных князей под собою имели, но их в довольном страхе яко подвластных содержали, и наследие престола шло порядком первородства или по определению государя». После смерти Мстислава Владимировича, т. е. после 1132 г., вследствие распри наследников и разорения «князи, бывшие прежде под властью, так усилились, что великого князя за равного себе почитать стали, и ему ничто более, как титул к преимуществу остался, а силы никакой не имели». «И тако, — обобщил Татищев, — учинилась аристократия, но безпорядочная».

Таким образом, по мнению В.Н. Татищева, на Руси во второй половине IX — первой половине XI в. установилась великокняжеская власть. Во второй половине XI — первой трети XII в. существовала тенденция к усилению местных князей, но она сдерживалась великокняжеской властью. Со второй трети XII в. она утратила свою роль вследствие особого значения местных князей. Как следует из этих наблюдений, Татищев установил начало в это время особого периода политической раздробленности Руси, названного им «аристократия». Этот вывод крайне важен. Он совпал в своем содержании с наблюдениями французских историков второй четверти — середины XVIII в., в соответствии с которыми тот же процесс происходил и в средневековой Франции. Но там определяющее значение в ослаблении королевской власти приобрела крупная землевладельческая знать. Этот период вслед за французскими просветителями, Ш. Монтескье, авторами «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. д'Аламбера, Ф.М. Вольтером, стал называться феодальным, что было продолжено в самых разных научных направлениях исторической науки в XIX–XX вв. [*Свердлов М.Б.* 1996а.]. Особенность интерпретации Татищевым этого периода заключалась в том, что под «аристократией» он понимал русских князей. По его мнению, негативные следствия такого правления были увеличены междоусобной кровопролитной борьбой князей. Он установил также подобие между княжескими съездами на Руси конца XII — начала XIII в. и средневековыми германскими княжескими съездами.

Вследствие всех этих причин, продолжил В.Н. Татищев изложение основного содержания русской истории, Батый своим нашествием смог «все разорить и под власть свою покорить, а чрез то самодержавство, сила и честь русских государей угасла». К тому же литовские князья подчинили многие русские княжества и стали писаться князьями литовскими и русскими. Татищев отметил и появление на Руси новой формы политического строя: Новгород, Псков и Полоцк, «учиня собственные демократические правительства, також власть великих князей уничтожили».

Период «аристократии», внутренних княжеских распрей и «демократических правительств», «власти татарской», по мнению В.Н. Татищева, продолжался до правления Ивана III, когда было восстановлено великокняжеское единовластие — «совершенная монархия». Правление и войны Василия III и

Ивана Грозного были успешными, но Ивану Грозному «некоторых безпутных вельмож бунты и измены» помешали удержать «завоеванную Ливонию и часть немалую Литвы». В правление Василия Шуйского вельможи ограничились властью царя и «так монархию совокупили с аристократиею», а после лишения Шуйского власти вновь была установлена «сущая аристократия» — семибоярщина. Как следствие этого государство пришло «в такое крайнее разорение и упадок», что оно «едва на части не разделилось, а поляки всем не овладели», тогда как «шведы и поляки многие пределы оторвали». Этот исторический анализ имел для Татищева не только научное, но и практическое значение. Как он написал, «<...> и я при случае несогласия о правительстве 1730-го Верховному Тайному совету в представлении пространно изъяснил».

Такое краткое изложение основных событий отечественной истории было важно для обобщающего вывода В.Н. Татищева, совпадавшего с его общественно-политической позицией: «Из чего всяк может видеть, сколько монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалются и гинет».

Последующую историю российской государственности В.Н. Татищев охарактеризовал как восстановление самодержавия при Алексее Михайловиче и Петре Великом, а также попытки его ограничить патриархом Никоном, А.Д. Меншиковым и «верховниками». Этот исторический опыт был учтен Татищевым и в борьбе с «верховниками», когда была восстановлена «шляхетством» монархия «к пользе, силе, чести и славе государя и государства» — самодержавная власть императрицы Анны Ивановны [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 360–368].

Данное определение В.Н. Татищевым своих философских и общественно-политических взглядов в связи с изучением истории России свидетельствует о том, что он исследовал ее, а также писал «Историю Российскую» как историк, политик и мыслитель, который руководствовался монархическими, абсолютистскими идеями, свойственными Петру Великому и его сподвижникам. Они не могли не воздействовать на содержание «Истории Российской».

Теоретические взгляды В.Н. Татищева на историю как науку соответствовали концепциям его времени. Исторические события он рассматривал не только как свершившиеся факты, но также в определении их внутренних причин и «внешнего действия». Основное содержание исторической науки Татищев подразделил на четыре основных отрасли: 1) священная история, но, уточнил он, «лучше сказать божественная», 2) церковная, 3) светская история, а также 4) наук и ученых. В определении ее основного назначения он следовал древнему принципу — «история учительница жизни», а потому утверждал: «никаков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже кое-либо правительство, меньше человек единственный без знания оной совершен, мудр и полезен быть не может».

В периодизации исторического процесса и в характеристиках исторических трудов В.Н. Татищев исходил из западноевропейской традиции, восходившей к историографии Возрождения и эрудитов XVII в. В светской истории он выделил исследования «генеральные и универсальные», обобщающие всемирный исторический процесс. Другие труды посвящены изучению «древних, средних и новых» «времен». Такой анализ свидетельствует о том, что Татищев творчески использовал передовые исследовательские идеи, выделявшие средние века и новое время в качестве особых исторических периодов. Вместе с тем, конкретное изучение российской истории позволило ему установить существование в ней особой эпохи — «аристократии», которую стали называть в исторической науке «феодальной», «феодальным правлением». Это открытие Татищева свидетельствовало о том, что Россия и в средние века развивалась по тому же пути, что и другие страны Европы.

Третий вид исторических разысканий В.Н. Татищев характеризовал как «участные и особенные». Для них свойственно изучение истории по конкретным землям в ее конкретных периодах, по правлениям «государей», или соединение погодного изложения событий в конкретных землях с деяниями их «государей».

В максимально насыщенном идеями «Предъизвещении» ко второй редакции «Истории Российской» В.Н. Татищев обратил особое внимание читателей на необходимость изучения русской истории. Но, как человек Петровской формации и европейски образованный, он видел, что Россия в настоящем и прошлом являлась составной частью всеобщих исторических процессов. Поэтому Татищев писал, что «без знания иностранных (истории и географии. — М. С.) своя [история] не будет ясна и достаточна». Но по той же причине он осуждал «европейских историков» за их суждения, «якобы мы историей древних не имели и о древности своей не знали». Более того, он осуждал «всех европейских преславнейших историков» за то, что они «сколько бы о русской истории ни трудились, о многих древностях правильно знать и сказать бес чтения наших не могут».

В.Н. Татищев настаивал на необходимости написания «изъясненной» «истории русской», поскольку она нужна «не токмо нам, но и всему ученому миру, что чрез нея неприятелей наших, яко польских и других, басни и сусчие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и опровергнутся». В объективном изучении отечественной истории он видел патриотическую задачу российского историка. Но этот патриотизм он противопоставлял псевдопатриотизму, предупреждая, что российский историк «страстию самолюбия или самохвальства» может быть «побежден».

Не «страсть самолюбия или самохвальства», а научные знания, совершенное знание русского языка и, следовательно, исторических источников, являются для В.Н. Татищева преимуществом российского ученого в изучении отечественной истории. Поэтому он был уверен, что «о своем отечестве»

русский историк сможет написать более обоснованно, чем иностранный: он «всегда более способен имеет право написать, нежели иноземец <...>», «паче же иноязычный, которому язык великим препятствием есть». В своем труде Татищев привел множество таких примеров ошибочного понимания иностранными авторами средневековых и современных имен, географических и этнических названий. Поэтому противопоставление Дж. Жиро-до Т.З. Байера как историка-эрудита и В.Н. Татищева как историка на службе государству скорее эффектно, чем содержательно [Giraud G. 1986. P. 351–371]. Байер служил в Петербургской Академии наук, способствуя становлению русской исторической науки, тогда как Татищев в полной мере осознавал необходимость стать историком-эрудитом, чтобы исторические разыскания приобрели государственное значение в качестве научно обоснованного изложения исторического прошлого России.

Как следует из «Предъизвещения» ко второй редакции, написание «Истории Русской» было процессом сложным. В.Н. Татищев собирал все виды исторических источников, относившихся к русской истории. Он купил более тысячи книг, включая не только на доступных ему польском и немецком языках, но также на латинском, французском и «татарском», которые отдавал переводить. Так что источниковая и историографическая основа его труда была значительной.

В.Н. Татищеву пришлось много работать над формой и содержанием «Истории Русской». После того, как Татищев написал «половину начатого труда», первую ее часть, посвященную, преимущественно, древнейшей истории Восточной Европы, скифам и сарматам, славянам и Руси, их языческим верованиям и крещению, неславянским народам, он сократил и разделил на главы, учтя исследования Т.З. Байера, опубликованные в «Комментариях императорской Петербургской Академии наук».

Вторую часть В.Н. Татищев начал писать «гисторическим порядком», т. е. в виде последовательного изложения событий в причинно-следственных связях. При этом он встретился с трудностями, другим авторам неизвестными, поскольку он работал над первым обобщающим научным трудом по истории России. По словам Татищева, в большинстве известных ему рукописей не только не было «имян творцов», но «в одном (манускрипте. — М. С.) то, в другом другое сокращено или пространнее описано, инде пропущено или потеряно, инде обстоятельство невероятное прибавлено». Рукописи находились у разных владельцев, к тому же «часто из рук в руки переходят», кроме мест хранения в «постоянной государственной книгохранительнице и монастырях». Поэтому на них «сослаться нельзя».

В.Н. Татищев много сделал для научного изучения древнерусских исторических источников. Но это было только начало. Их источниковедение и текстология были делом будущего. В таких обстоятельствах Татищев принял решение соединить погодные летописные сведения разных летописей

и «писать тем порядком и наречием, каковы в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, ни переменяя, ни убавляя из них ничего, кроме не надлежащего к светской летописи <...>». К тому же Татищев опасался, что при их переводе или изменении порядка изложения может пострадать достоверность того, что он пишет [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 90–91].

В соответствии с периодизацией В.Н. Татищевым российской истории, во второй части его труда излагалось содержание событий «от начала русских летописей, яко известнейшее и сусче от владения Рюрика или смерти Гостомысла, последнего владетеля от рода славян, т. е. от 860-го, до нашествия татар в 1238-м году». Эта часть была завершена в предварительном виде в 1739 г., сохранившемся в переводе на немецкий язык «*Deren russischen Annalium Zweiter Theil*» (этот перевод датируется приблизительно 1741 г.). Закончена и набело переписана она в 1746 г., после чего в 1747 г. отправлена в Академию наук [Валк С.Н. 1963. С. 5–7, 9; 1964. С. 5–19].

В.Н. Татищев не был человеком самонадеянным. Работая над первой редакцией «Истории Российской», он представил свой труд на обсуждение в 1739 г. не только российским ученым, иностранцам по происхождению, но также отечественным любителям истории. В «Предъизвещении» ко второй ее редакции он откровенно сообщил об их критических замечаниях.

По словам В.Н. Татищева, «одни подвергали недостаток во мне наук». Эту критику, написал Татищев, он отвел «легко», поскольку и «преславные филозофи в сочинении исторей погрешают и не науки полезные сочиняют». Другие его критики «о порядке и складе порицали», то есть критиковали за форму изложения материала и за стиль. Отстаивая свою авторскую позицию, Татищев возражал им: «<...> я не новую и не для увеселения читающих красноречивое сложение сочиняю, но от старых писателей самым их порядком и наречием собирал, как они положили». Третьи считали, что достаточно уже существующих сочинений на эту тему: «<...> мы древних исторей довольно имеем, переправлять оные нет нужды». По мнению четвертых, «древних времен исторей вновь лучше и полнее прежних сочинить неможно, разве от себя что вымышлять, которого ради якобы все новосочиненное о древности правым назвать неможно». Таким критикам Татищев с гордостью указал на свой труд: «На сие отвечает сама сия собранная История» [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 85–86].

Хотя в пылу ученых споров 1739–1741 гг. В.Н. Татищев отстаивал свои исследовательские и авторские принципы, доводы оппонентов наводили его на размышления о важности изложения отечественной истории современным литературным языком, о необходимости не только перечня исторических событий, но также их осмысления. К 40-м гг. в России существовала уже значительная историческая литература петровского времени, переводные исторические произведения, издавались «Комментарии императорской Петербургской Академии наук», содержавшие статьи Т.З. Байера,

посвященные проблемам изучения истории, а также «Санкт-Петербургские ведомости» и «Примечания» на них, содержавшие исторические экскурсы. Появилась историческая журналистика в виде издававшегося Г.Ф. Миллером «Собрания» [см.: *Пешич С.Л.* 1961].

В сопоставлении с ними становилась очевидной неудачность ранее избранного В.Н. Татищевым плана в стремлении к максимальной объективности только перечислить сообщаемые летописями факты. К тому же, как написал Татищев, в их изложении на «древнем наречии» «инде от краткости, инде от избыточного разпространения повести не всякому вразумительно». А для перевода его труда с древнего наречия на иностранный язык «было бы многотрудно или неудобно». В особом значении такого перевода разысканий о русской истории Татищев не сомневался: «<...> необходимо для знания о том в Европе требуется».

В.Н. Татищев «преложил» ранее написанный текст «Истории Российской» на новое наречие. При этом он значительно увеличил объем содержащейся в ней информации. Как Татищев объяснил сам, он «принужден» был «от разных русских историй, яко степенных, хронографов, миней и прологов, изъяснить» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 91]. Сохранившиеся рукописи второй редакции текста и примечаний «Истории» свидетельствуют о постоянной значительной работе ее автора. Но этот выдающийся труд так и не был завершен [*Валк С.Н.* 1963. С. 7–20].

В.Н. Татищев использовал при написании своего труда более десяти летописей, значительная часть которых идентифицирована. Впрочем, дискуссия об их определении продолжается [*Пешич С.Л.* 1961. С. 251–258; *Клосс Б.М., Корецкий В.И.* 1981. С. 5–13; *Толочко А.П.* 2005. С. 49–195; *Свердлов М.Б.* 2009. С. 64–75; см. там же историографию проблемы].

Особым и остро дискутируемым вопросом является определение происхождения и содержания так называемой Иоакимовской летописи. В исследованиях ее относили и к древнейшему русскому летописанию, и к творчеству самого Татищева, а Иоакима идентифицировали с одноименными церковными деятелями то XI, то XVII в. [*Толочко А.П.* 2005. С. 196–245; см. там же историографию проблемы].

Между тем, анализ изложения В.Н. Татищевым содержания рукописи, которая к нему попала и которую в историографии стали называть «Иоакимовской летописью», позволяет по-новому определить ее происхождение.

Один из хорошо образованных монахов Бизюкова монастыря, зная о родственных связях его архимандрита Мельхиседека Борщова с В.Н. Татищевым, попросил передать этому известному в России человеку часть принадлежавшей ему рукописи исторического содержания. Являлся он автором или только владельцем рукописи — установить не удастся. Традиционное название этой рукописи как «летописи» ошибочно, поскольку в ней отсутствовал основной признак летописного повествования — погодное изложение событий. Поэтому Татищев написал, что в полученной им рукописи повествование «согласно

с Нестором, токмо все без лет». Отсюда следует, что в распоряжении Татищева оказалась не летопись, а часть авторского произведения по российской истории. Поэтому не летописью, а *историей* назвал Татищев это сочинение в заголовке четвертой главы, где он изложил содержание попавших к нему от Борщова трех тетрадей.

Определение В.Н. Татищевым новгородского епископа Иоакима как автора этих тетрадей обосновано не научными доказательствами, а его стремлением, в своих основаниях объективным, установить существование на Руси более древнего летописца, чем Нестор.

Видимо, всеми этими обстоятельствами объясняются неудачи в поисках «Иоакимовской летописи». Она не являлась летописью и не принадлежала Иоакиму ни XI, ни XVII столетия.

Автор этого произведения — один из просвещенных людей конца XVII — первой половины XVIII в. Он был начитан в основной исторической литературе своего времени. При этом отмечается его особая осведомленность в западославянской истории. Отсюда можно предположить, что в светский период своей жизни автор был близок территориально или по роду занятий к западославянским странам. Не случайно его рукопись оказалась в Бизюковом монастыре, принадлежавшем к Смоленской епархии, расположенной наиболее близко в России к Польше и Чехии. Автор был начитан также в польской исторической литературе. Его вероятное знакомство с содержанием хроники Козьмы Пражского может быть объяснено особым интересом Петра Великого к Чехии как к славянской стране, интеллектуальный потенциал которой мог способствовать усвоению в России достижений западноевропейской культуры. Поэтому в Петровское время русские люди были направлены не только в страны Западной Европы, но также в Прагу для дальнейшего образования [Пекарский П. 1862. С. 231–238].

Автору не был чужд собственный исторический анализ. Но основное содержание его произведения составляло не научное изучение российской истории, а создание историко-литературного труда, в котором определяющей составляющей являлось осмысление исторических событий. На их содержание воздействовали политические и культурные реалии первой половины XVIII в.

По степени знакомства с произведениями средневековой русской письменности, западноевропейской исторической и философской литературы, по уровню подготовки В.Н. Татищев находился на значительно более высоком уровне, чем автор трех полученных им тетрадей. Поэтому он дополнял и корректировал их. Хотя определяющим для Татищева являлось стремление сохранить в примечаниях сведения «Иоакима» как древнейшего русского летописца, Татищев не включил его текст в нарративную часть своего труда, изложив его основное содержание в четвертой главе второй редакции под названием «О истории Иоакима епископа Новгородскаго» [Свердлов М.Б. 2009. С. 76–93].

Как написал В.Н. Татищев, в работе над «Историей Российской» он использовал также Степенные книги, хронографы, Четьи mineи, Прологи и другие произведения. Но они, по его словам, «хотя много помоществовали, но из них в примечании токмо для изъяснения вношено, а в текст не мешано» [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 121; 1964. Т. 4. С. 49]. Исследования показали, что при работе над редакциями «Истории Российской» Татищев учел, кроме названных ранее, значительное число отечественных и иностранных исторических источников, западноевропейских, скандинавских и восточных. Их количество в его главном труде по отечественной истории со временем постоянно увеличивалось [см. опыт их перечисления: Сенигов И. 1887. С. 170–192, а также в значительной мере неполный перечень: Николаева А.Т. 1963. С. 354–356].

Таким образом, коллективный исследовательский опыт позволил идентифицировать основные рукописи летописей, использованных В.Н. Татищевым при написании повествования в первой редакции второй части «Истории Российской». В их названиях и содержании нет «мистификации», «фальсификации» и «лжи» Татищева, хотя в них прослеживается терминологическая неустойчивость, свойственная российской исторической науке первой половины XVIII в., находившейся в процессе становления.

Отсюда следует, что в первой редакции второй части «Истории Российской» при написании ее нарративной событийной части в виде контаминированного летописного текста В.Н. Татищев использовал информацию как ныне сохранившихся, так и не сохранившихся исторических источников. Впрочем, следует также предположить, что сведения, которые не находят подтверждения в сохранившихся ныне исторических источниках — внеисточникового происхождения. Они появились вследствие общего закона воздействия на историка многих факторов — уровня развития исторической науки, философских и общественно-политических концепций, общественно-политической ситуации в стране. Внеисточниковая информация в «Истории Российской» явилась также следствием творчества Татищева как историка, осмыслявшего исторические явления и процессы. На этой стадии определенное значение приобретала литературная составляющая, свойственная труду историка в XVIII в., когда историческое исследование, уже отделившееся от летописания как жанра историко-литературного, еще сохранило связи с литературой не только в изложении, но и в осмыслении исторических событий.

Поэтому при анализе «Истории Российской» и тем более при использовании содержащихся в ней сведений в современных исторических исследованиях следует учитывать их не иллюстративно, но анализируя историю текста «Истории Российской». Обобщая опыт ее изучения, С.Н. Валк написал в данной связи: «Обнаружение в настоящее время многих татищевских рукописей позволило установить длительную и тщательную работу Татищева над выработкою им окончательного текста “Истории

Российской”. Это привело к неизбежному требованию: прежде чем говорить или рассуждать о том или ином мнении, слове или термине, встречающемся в “Истории Российской”, следует считаться с тем, где, когда и в каком сочетании оно в ней употреблено Татищевым» [Валк С.Н. 1969. С. 349].

Таким образом, вследствие постоянного творческого изучения истории России в продолжение тридцати лет В.Н. Татищев стал историком, который профессионально освоил теорию и практику исторического исследования, свойственного его времени. Он создал первый в российской науке обобщающий труд, посвященный отечественной истории, — «Историю Российскую». Вместе с тем, весь этот период за исключением последних пяти лет он оставался административным деятелем общероссийского значения. Такое соединение исследовательской и государственной практики не могло не воздействовать на содержание идей, на интерпретацию исторических фактов в его «Истории Российской».

2. Первая редакция «Истории Российской»

Исследователями установлены существенные различия первой и второй редакций «Истории Российской» в их содержании. Данные различия являются следствием творческой эволюции В.Н. Татищева. Как было отмечено ранее, его первоначальный план работы над «Историей» изменился. Поскольку разыскания о предыстории Руси, начиная с эпохи скифов, отнимали слишком много времени, в первой ее редакции он включил все вводные наблюдения в развернутое «Предъизвещение». Оно составило более четверти объема второй части этого труда, которая вследствие особых обстоятельств стала первой законченной частью, которую Татищев мог представить в Академию наук для прочтения.

Содержание «Предъизвещения» свидетельствует об обстоятельной продуманности В.Н. Татищевым плана его исследования и о панорамном видении исторических процессов. После указания причин написания «Истории Российской» он характеризовал исторические источники, которыми пользовался при работе над ней. Далее следует краткое изложение древнейшей истории Восточной Европы, начиная со скифского времени, а также ее этнической истории. Эта начальная часть «Предъизвещения» придает хронологическое и географическое расширение последующим сюжетам, посвященным истории славян, руссов и варягов. Такое их включение в этноисторический контекст позволило Татищеву показать, что появление и участие славян, руссов и варягов в исторических процессах стало органической частью развития Европы в целом и Восточной Европы как ее составляющей. В таком понимании начальной истории Руси можно видеть стремление Татищева сохранить европейские традиции XVII — первой половины XVIII в. в изучении начальной истории

Восточной Европы с античного периода. Но, с другой стороны, в нем прослеживается воздействие теории и практики петровских преобразований и понимания европейских исторических процессов в науке Нового времени.

Изложение российской истории В.Н. Татищев начал с крещения Болгарии и Руси, что следовало давней средневековой традиции начинать повествование с распространения православия в этих странах. За ним композиционно расположены этноисторические разделы. В русской историографии они восходят к ПВЛ и традиционно начинаются с разделения земли после Великого потопа между сыновьями Ноя. Но Татищев стремился изложить этноисторические проблемы на современном ему уровне как историческое исследование. В «Предъизвещении» к первой редакции «Истории Российской» он указал их обобщенно, поскольку еще не изучил все уже введенные в научный оборот исторические источники и существовавшую литературу на эти темы.

Этногенетические и этнокультурные проблемы, относящиеся к древней истории, до сих пор остаются наиболее дискуссионными вследствие ограниченной информации исторических источников, хотя на современном уровне исследователи анализируют наряду с ними археологические, лингвистические и историко-этнографические материалы. В XVIII в. эти сюжеты рассматривались преимущественно в соответствии с информацией античных и раннесредневековых авторов, а также средневековых легенд и так называемой «народной» этимологии, основанной на созвучиях.

В.Н. Татищев уже в первой редакции «Истории Российской» показал, что он самостоятелен в своих разысканиях. Он оспорил идеи об упоминании росов в Библии и о возведении народов к богам, князьям и героям-эпонимам. В данной связи он критиковал шведского историка О. Рюдбека, который следовал таким принципам, западнославянские предания, польские и чешские, о Чехе, Лехе и Русе, а также «нашего новгородца», видимо, одного из авторов XVII в., о князе Славяне [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 53–54].

Когда В.Н. Татищев работал во второй четверти XVIII в. над «Историей Российской», он не мог обойти проблему, существовавшую в предшествующей и современной историографии, об этногенетической преемственности скифов, сарматов и славян. В отличие от многих предшественников он обоснованно писал, что для античных авторов «скифы» являлось обобщающим названием разных народов, указывая также на различия скифов и сарматов. Впрочем, Татищев сохранил идею этногенетической преемственности восточноевропейских тюркских, монгольских, балтийских и финноугорских этносов от разных скифских народов и сарматов. В таких суждениях прослеживается воздействие на Татищева зарубежной историографии.

В.Н. Татищев отличал древние германские народы, готов, гетов и гепидов, от восточноевропейских народов, преемников скифов и сарматов, устанавливая взаимодействие этих германских племен со славянами в Эпоху великого переселения народов. Впрочем, эти и другие представления много-

численных историков и географов XVI–XVIII вв., М. Кромера, М. Бельского, М. Стрыйковского, О. Рюдбека, Ф.И. Страленберга, Ф. Ключера, И. Перингшильда, И. Гюбнера и многих других, которых Татищев указывал наряду с античными и средневековыми авторами, об исторической этнографии древней Европы находились на начальном этапе становления научных знаний [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 54–70]. Так что мнение Татищева об этническом и лингвистическом определении древних этносов, их географической локализации также имеет лишь историографическое значение.

Заслугой В.Н. Татищева стало включение в этническую историю Восточной Европы и России в целом волжских болгар и «хвалисов», то есть прикаспийские народы, в чем он поддержал разыскания Т.З. Байера. Он считал их потомками сарматов. В связи с ними он кратко сообщил и об истории народов Поволжья, включая существовавшую там Золотую Орду. Поскольку Татищев прекрасно знал древнерусские летописные материалы, он здесь же отметил не только военные, но и мирные, преимущественно торговые отношения русских и волжских болгар, страна которых изобиловала «плодами земными». Этноисторическую характеристику этого региона он расширил упоминаниями сибирских историко-географических сюжетов. Замечательные практические познания Татищева в географии Поволжья, Южного Урала и Сибири позволили ему излагать существенные для него этноисторические сюжеты в конкретной географической локализации.

К сарматским народам В.Н. Татищев отнес и кочевые народы степной зоны Восточной Европы: тюрок — печенегов, торков, «торкменов» и половцев, а также народы, которые расселились, как он думал, в Волго-Донском междуречье, преимущественно в Приазовье, — это аланы, а по античным источникам и роксаланы, раколаны, аланорсы. Появление этой последней группы в этноисторическом обзоре народов Восточной Европы было существенно для Татищева, видимо, не только для научной полноты данной темы, но также для уточнения своих взглядов на вопрос о происхождении русов. В последней связи он допускал, что русы в качестве сарматского народа были родственны роксаланам. Но он возражал против идеи о происхождении имени русов от роксоланов. Впрочем, наиболее уверенно Татищев рассматривал историю кочевых народов степной зоны Восточной Европы, когда он использовал сведения о них византийских авторов и древнерусских летописей. Эти наблюдения становились началом их научного изучения [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 70–76].

Последнюю треть «Предъизвесчения» В.Н. Татищев посвятил темам, которые уже непосредственно относились к предыстории Руси и становились введением к изучению российской истории. В ней Татищев учел уже накопленный исследовательский опыт или сформулировал новые темы, используя наблюдения иностранных авторов, а также собственные познания в западноевропейских латиноязычных и скандинавских источниках. Впрочем,

уровень развития западноевропейской исторической науки того времени и анализ исторических источников находились на начальной стадии своего развития, что оказывало постоянное воздействие на наблюдения Татищева.

Первой из таких тем стало определение В.Н. Татищевым значения древнескандинавских этнонимов, хоронимов и топонимов, относившихся к Восточной Европе. Его заслугой стало указание известий скандинавских источников о «бярмах», т. е. Бярмии, землях на севере Восточной Европы. Вслед за «Библиотекой шведской» он расширительно интерпретировал это название народа и страны как обширной территории вплоть до Карелии. Татищев отнес «бярмов» к народам сарматского происхождения, в данной их локализации — к финно-уграм. Такое распространение Бярмии до Карелии позволило Татищеву рассматривать ее в композиционном единстве с землями северо-запада Восточной Европы.

Сообщения хроники Адама Бременского (она была написана, в основном, в 1073–1076 гг. и дорабатывалась до 1080 г.) [AQdGM. 1961. Bd. 11. S. 139], а также хроники Гельмольда, написанной, в соответствии с наиболее широкими датировками, между 1163 и 1175 гг. [Гельмольд. 1963. С. 18; AQdGM. 1963. Bd. 19. S. 6–7], скандинавские исторические источники, подготовленные в виде выборки для В.Н. Татищева, позволили ему рассмотреть их известия о Руси. В российской исторической науке первой половины XVIII в. только Татищев, наряду с Т.З. Байером и Г.Ф. Миллером, интерпретировал древнескандинавское название Руси Гардарики (*Garðaríki*, Татищев писал «Гордорики») и Новгорода — Хольмгард (*Hólmgarðr*), указанных Адамом Бременским и повторенных за ним Гельмольдом. Он писал также об Острогарде (*Ostrogard*) или Кунигарде (*Chunigard*) у Гельмольда как о названиях Новгорода, или Руси в целом, или столицы Руси Киева (*Chive*, у Гельмольда *Chue*) [Adam, II, 22; Helm. I, 1]. Впрочем, вследствие того, что изучение латиноязычных западноевропейских и древнескандинавских исторических источников только начиналось, а Татищев не был подготовлен к их самостоятельному анализу, «Гордорики» он понял как «град великий», Острогард как Изборск, «Киве» или «Кые» как «Хуни и Шуегард» — «престольный град», древнескандинавское название Ладоги *Aldeigjuborg* как «Альденбург» и т. д. Такая интерпретация древнескандинавских и северогерманских хоронимов и топонимов была далека от научного содержания. Но заслугой Татищева стало то, что он один из первых российских историков использовал эти источники по истории России и в продолжение традиций историографии Петровской эпохи рассматривал древнерусскую историю в общеевропейском контексте [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 76–77].

Объясняя происхождение и содержание названий народа и страны «Русь, рутени, Роксания, Роксания и Россия», В.Н. Татищев отметил их отличия от славян и других народов Восточной Европы, а также от варягов. Он последовательно возражал против объяснения народа «русь» как производного

от князя-эпонима или упоминания подобного слова в Библии как «баснословного родословия». Определяющим в его названии Татищев считал древнее название по цвету волос или одежды. Столь же решительно он возражал против возведения варягов к ваграм, балтийским славянам, а также против средневековой русской традиции, распространившейся и в польской историографии, о происхождении Рюрика от прусов и от цесаря Августа. Татищев назвал такие суждения «баснями» и обоснованно указал на отсутствие таких сведений в древних русских летописях, на их появление в поздних исторических сочинениях. Им он противопоставил мнение о происхождении варягов от финнов, а также о родственных связях Рюрика с королями Финляндии, в чем прослеживаются идейные связи этого мнения со шведской исторической литературой [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 77–83; Китнер Ю.И. 1997. С. 388–389].

В.Н. Татищев приводил в «Истории Российской» доказательства, почему варяги и их князья не происходили из Вагрии, а Варяжское море не называется по имени вагров. По его мнению, названия Балтийского моря происходили от славян вендов, а позднее — от названия пролива «из Западного моря» — «белти». В «Вандалии», так Татищев называл вслед за существующей исторической литературой южное побережье Балтийского моря, князья имели славянские имена, тогда как среди древнейших варяжских имен князей на Руси — «ни едино есть словенское». В «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском», над которым Татищев работал одновременно со своим главным историческим трудом, в словарной статье «Вагрия» он иронично отозвался о сторонниках происхождения варягов из этой земли: «Вагрия, земля в Вандалии, ныне в княжении Голштинском между Штормандии и Мекленбургии над морем Болтиским. Сию те, которые подлинно не знали, где варягов сыскать, за отечество Рюриково почли». Но в статье «Варяги» он на том же вопросе остановился обстоятельно и недвусмысленно: «Варяги, народ или государство, в русской древности часто упоминаем, откуда великий князь Рюрик в Россию на престол взят, но многие, не зная, где оная страна, разные неприличные места полагали, яко одни из Вагрии, земли Вандальской, другие Варагию в Италии Генуескую область, иные Боруссию или Прусов за то без всякого доказательства почитали. Но по ясному тех древних гисторей показанию Варяги Швеция, Норвегия и Финляндия имянованы, яко Нестор, первый русский писатель, ясно показывает тако: варяги суть свие, урмане, инглыне и гути (готы. — М. С.). Из сего ясно видеть можно, где свия и гути, а урмане разумеет Финляндию». Под влиянием литературных мнений Татищев и в данном случае отнес правление Рюрика к Финляндии, но, возвращаясь к летописному тексту, он, видимо, первым в научной литературе написал, что Рюрик правил «в Руси по избранию» [Валк С.Н. 1979. С. 27; Татищев В.Н. 1979. С. 203, 204–205]. Это понимание летописного текста, восходившего к ПВЛ, тем более важно, что в продолжении более 250 последующих лет в научной литературе бесплодно дискутировался вопрос о «призвании» Рюрика на Русь

или его «завоевании» Руси. И только М.В. Ломоносов поддержал интерпретацию вокняжения Рюрика как избрания (см. далее, с. 743).

Особые разделы «Предъизвесчения» В.Н. Татищев посвятил проблемам происхождения и расселения славян. Основу его сведений о древнейшей истории славян по письменным источникам VI в. составили сообщения византийского историка Прокопия Кесарийского, готского историка Иордана, главный труд которого «Гетика» был закончен около 511 г., а также папы Григория I Великого (ок. 540–604). Использование этих авторов было уже традиционным в исторической литературе того времени. Они свидетельствовали о расселении славян в VI в. на огромных пространствах Центральной и Восточной Европы. Татищев обратил особое внимание на сообщения этих авторов о славянах-склавиных, еще не отмечая сведения о славянах антах и венедах. Впрочем, при анализе этимологии этнонима «славяне» он указал не только широко распространенное мнение о его происхождении от «слава». Столь же содержательна для него и научно обоснованная этимология этнонима «славяне» от «слово». В отличие от этих этимологий для Татищева совершенно неприемлемо мнение о происхождении названия славян от *sclavus* — *невольника, раба*.

Такие научные основания сведений В.Н. Татищева об истории славян позволили ему подвергнуть критике свойственные позднесредневековой литературе этногенетические легенды в находившейся в его распоряжении «Степенной новгородской» о правнуках Ноя Скифе и Зардане, их потомках Славене, Русе, Болгоре, Комане и Истере, о переселении славян к озеру Ильмень и основании ими города, названного Славенском по имени князя Славена. Вместе с тем, мысль о происхождении славян, столь же древних, как другие народы, что находило в те времена мнимое обоснование в библейских сказаниях о происхождении всех народов от Ноя и его сыновей, побудила Татищева искать предков славян среди других народов, названных античными авторами.

«Древнейшим именем славян» В.Н. Татищев считал «амazoны». Новым в его этногенетической теории стало стремление рассматривать славян не как единый этнический массив, а в разделении на различающиеся ветви восточных, западных, южных и северных славян. Эти наблюдения также являлись началом первых в науке наблюдений над этнокультурной историей славянских народов в процессе их становления и развития.

В «Предъизвесчении» к первой редакции «Истории Российской» В.Н. Татищев придал большое значение исторической географии и точности в использовании географической номенклатуры, что позволяло конкретизировать исторические события в их географической определенности [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 83–101].

Второй том первой редакции «Истории Российской» В.Н. Татищев представил изложением генеалогии русских князей с указанием года рождения, вокняжения, брачных связей и года смерти: «Летопись краткая великих государей русских от Гостомысла до разорения татар, т. е. от 860 по 1238 год

по Христе, с показанием родословия». Эта генеалогия была не только данью монархической традиции своего времени и летописным основам изложения исторических событий по периодам правления князей. Она стала обобщением исторических исследований Татищева, в которых история России приобрела единство повествования. Генеалогическая традиция была соединена с указанием внутридинастических конфликтов. Впервые в русской исторической традиции Татищев последовательно указал внешнеполитические династические союзы. Такие сведения он собрал преимущественно в иностранных исторических источниках. При этом оказалось, что «великие государи русские» изначально заключали династические союзы не только с византийскими, но также с западноевропейскими, скандинавскими и западнославянскими правителями. Для читателей в XVIII в. данные династические союзы были соотносимы с петровскими принципами династической политики в новейшей российской истории.

Начинал В.Н. Татищев династическую историю в соответствии с позднесредневековой традицией с предания о славянском князе Гостомысле, «по завету» которого был избран «от варяг руссов» Рюрик с братьями. Но осмыслил он это предание как историк на уровне знаний первой половины XVIII в.

Для В.Н. Татищева предание о Гостомысле имело особое значение. Ему было важно показать, что до избрания князем Рюрика у славян уже были свои избранные князья, т. е. славяне уже находились на значительном уровне общественно-политического развития. В первой половине XVIII в. эту мысль обосновать было невозможно. Поэтому он подтвердил ее ссылкой на авторитет Нестора, хотя знал, что в Радзивилловской летописи, которая стала основой его изложения событий во второй части «Истории Российской», таких сведений нет: «Гостомysl, по Несторову сказанию, князь, избранный от народа словенского, пришедших из Вандалии».

В.Н. Татищев признал, что неясно значение имени Гостомysl, когда и после кого он избран «на престол». Позднесредневековая традиция называла Гостомysла старейшиной, старостой или князем новгородским. Татищеву, знатоку летописей, хорошо знакомому с древнескандинавскими источниками, введенными в научный оборот, было ясно, что Ладога — значительно более древний город, чем Новгород. В частности, в Радзивилловской летописи было написано, что Рюрик и его братья после избрания «срубиша город Ладогу», а Рюрик «седе в Ладозе». Поэтому Татищев указал, что и там Рюрику предшествовал Гостомysl: «Его престол был в Великом граде, сарматский Гардорики, где ныне Старая Ладога».

В таком указании соединены распространенные в западноевропейской исторической литературе XVII — начала XVIII в. представления о древнейших «сарматских» истоках восточноевропейских народов. Они были свойственны, в частности, хорошо известному Татищеву труду Ф.И. Страленбер-

га, в котором сарматы как более древнее население отличались от славян и руссов [*Strahlenberg Ph.I.* 1730. S. 190]. В указании ладожской «резиденции» Рюрика прослеживаются также познания В.Н. Татищева в древнескандинавских сагах, где Русь называлась «Гардарики», его ошибочное понимание этого хоронима как названия города — «Великого града», но совмещенное с точной локализацией Татищевым древней Ладogi.

Эти идеи соединили реальные научные знания, основанные на информации древнерусских и иностранных источников, позднесредневековую историческую традицию, содержащую домисливание событий, имен и названий, а также осмысление всех этих сведений В.Н. Татищевым как историком первой половины XVIII в., впрочем, как и его западноевропейскими научными предшественниками. Они были сохранены в последующем тексте «Летописи краткой великих государей русских».

Позднее по происхождению предание о Гостомысле было необходимо В.Н. Татищеву для того, чтобы показать, что у славян и до появления варягов в славянских землях были свои князья, а Рюрик к ним прибыл по инициативе славян, персонифицированных в соответствии с монархическим мышлением историка XVIII в. в их князе.

В.Н. Татищев решительно отверг польские позднесредневековые идеологизированные легенды о древних римлянах в землях прусов, в связи с чем подверг критике и русскую историко-идеологическую конструкцию XVI в. о происхождении Рюрика из прусов и его родстве с императором Августом: «У нас же ни в каких старых хрониках сего, чтоб род Рюриков от прусов и от цезарей римских пошел, нет, а только известно то, что оную скаску, от цесаря Августа произшествие (несмотря на то что от него, ни от брата никакого отродия ни по женскому от Нерона не осталось), перво Глинский, слыша оные басни в Литве, привнес и Макарий митрополит первый в своей летописи без всякого доказательства от древних положил. И тако обе оные басни доводне отвергаются» [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 82].

В.Н. Татищев обобщил летописные известия о происхождении Рюрика как «от варяг руссов». Но он дополнил их собственными разысканиями, в соответствии с которыми Рюрик — «по обстоятельствам королевич финской», хотя научных оснований для такого вывода не было.

Создавая целостную концепцию генеалогической преемственности древнерусских князей, В.Н. Татищев обоснованно определил место правления легендарного Синеуса на территории финно-угорского племени весь. Местонахождение Изборска, где якобы правил легендарный Трувор, в чудской земле было уже дискуссионно, поскольку этот город находился в IX в. в зоне расселения восточных славян [*Ляпушкин И.И.* 1968. С. 91; *Седов В.В.* 2007]. Место княжения Аскольда («Оскольд») Татищев верно указал в Киеве, но считал его «пасынком» Рюрика. Для указания такой родственной связи не было оснований. В редакции ПВЛ, вошедшей в состав Радзивилловской летописи, было

написано об Аскольде и Дире: «И бяста у него (Рюрика. — М. С.) 2 мужа не племени его, но боярина <...>» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 16]. То есть, известие летописи, содержание которой он прекрасно знал, было противоположного содержания, но Татищеву важно было утвердить изначальное единство династии и территории, подчиненной ее власти. Это единство устанавливалось посредством литературного приема — домысливания родственных и личных связей. Впрочем, характеристика Аскольда как «пасынка» Рюрика появилась в труде Татищева не случайно. Вероятно, она была спровоцирована М. Стрыйковским, который определил «Оскольда» и Диру как «потомков» Кия. В пределах литературно-исторического осмысления древнейшего прошлого России Татищев стремился быть ближе к информации исторического источника, чем его знаменитый польский предшественник.

Литературно-историческое переосмысление древнейшей династической истории было продолжено в литературных трудах младших современников Татищева. А.П. Сумароков в трагедии «Хорев» назвал не только известных по летописному преданию Кия («князь Российский»), Хорива («Хорев, брат и наследник его»), но также вымышленных — Завлоха («бывший князь Киева») и его дочь Оснельду. В трагедии «Синав и Трувор» братом летописного Трувора назван Синав, «князь Российский», у Гостомысла появилась дочь Ильмена. В трагедии «Семира» участвуют не только летописные Олег («правитель Российского престола»), Аскольд («Оскольд, князь Киевский»), но также домысленные драматургом Семира, сестра Аскольда, его родственник Возвед и сын Олега Ростислав. В других драматических произведениях Сумарокова данный литературно-исторический прием также использован [*Сумароков А.П.* 1781.].

Под влиянием такой литературно-исторической традиции и Екатерина II расширяла возможности древнерусской династической истории. В «Подражании Шакеспиру, историческом представлении из жизни Рюрика» Вадим, князь Славянский, назван «сыном меньшей дочери Гостомысла»; Умила, дочь Гостомысла, — супруга Людбрата, «короля Финского»; Едвинда, «княжна Урманская» — супруга Рюрика; Оскольд — «пасынок Рюрика, сын первого супруга Едвинды». В другой исторической драме императрицы «Начальное управление Олега. Подражание Шакеспиру» Радмир — «свойственник и вельможа Олега» [*Екатерина II.* 1901а.].

Таким образом, уже в самом начале первой редакции «Истории Российской» отмечается преобразование В.Н. Татищевым исторической действительности в соответствии с идеологемами новейшего времени. Он допускал возможным, что уже Рюрик правил значительными территориями будущей Руси. Такую возможность он трансформировал в историческую действительность, написав, что «онные князи» были «посажены» Рюриком «по другим уделам» — в Ростове, Смоленске, в Полоцке и в Турове. Между тем, в Радзивилловской летописи указаны «мужи» Рюрика в Полоцке, Ростове и Белоозере.

Князя Игоря, сына Рюрика, В.Н. Татищев назвал не только в соответствии с его восточнославянской формой имени, но также и скандинавской — Ингорь. Год его смерти он указал по летописным сведениям — 945 г. Но год рождения Игоря, 875 г., был Татищевым домыслен. Годы крещения и смерти княгини Ольги, «супруги» Игоря, Татищев назвал в соответствии с Радзивилловской летописью. Но год их «обручения», 903 г., и характеристика Ольги как «внуки Гостомысла» также были Татищевым домыслены.

Такого рода осмысление исторических событий должно было восполнить недостаток информации исторических источников, придать им определенное содержательное единство. В этом В.Н. Татищев следовал за русской хронографической традицией, которая таким образом соотносила во времени периоды правления или точные даты в жизни правителей.

В первой половине XVIII в., когда создавались первые обобщающие произведения по истории России, недостаточная информация о ее древнейшем прошлом становилась причиной домысливания точных дат. Так, в рукописном историческом сочинении 1743 г. его автор указал не только сведения о годах правления Рюрика, но также год его рождения — 6300/792 и «жития» — 87 лет. Для таких указаний оснований не было, но они придавали единство историческому процессу в домысленных годах жизни и правления князей. Теми же принципами автор данного сочинения руководствовался при указании дат жизни Игоря Рюриковича. К летописным годам его вокняжения и кончины автор добавил домысленный год его рождения — 6380/872, общее число лет «державия» — 66 и жития — 73 [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, ед. хр. 649, лл. 26–26 об.]. Таким образом, домысливая год рождения Игоря и его «обручения» с Ольгой, Татищев следовал за традицией, свойственной начальному периоду становления исторической науки, — восполнение недостатка исторических сведений посредством осмысления исторического процесса.

В последующем изложении «Летописи краткой великих государей русских» существенно увеличивается число выверенных по историческим источникам генеалогических сведений. Но их отбор и интерпретация остались. Этот отбор определялся теми нисходящими ветвями династии Рюриковичей, которые соответствовали средневековой идеологии перенесения власти из одного политического центра в другой. В средневековой русской историко-идеологической традиции это были Киев — Владимир — Москва. Татищев назвал князей, принадлежавших к другим генеалогическим ветвям, но не раскрыл содержания династической истории местных княжеских домов [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 102–106].

Таким образом, генеалогия «великих князей русских» приобрела целостный вид. Сложнейшая историческая действительность в нем преобразилась, но такое преобразование позволило В.Н. Татищеву раскрыть свое понимание исторического развития России в определяющем значении ее правящей династии.

Как отмечено ранее, в основе изложения в «Истории Российской» событийной истории Древней Руси до «пришествия Батыева» находится Радзивилловская летопись, хорошо известная В.Н. Татищеву по Петровской копии. Избрание ее в качестве основного исторического источника для повествования о событиях этого периода свидетельствует о том, что В.Н. Татищев в полной мере обоснованно стремился изложить их в соответствии с летописью, в начальной части которой находилась ПВЛ, а с конца 30-х гг. XII в. использовано южнорусское и северо-восточное летописание. Эта летопись менее других, более поздних, летописных сводов была подвергнута текстуальным и идеологизированным переработкам. Следование этому принципу позволяло Татищеву исполнить его намерение «писать тем порядком и наречием, каковы находятся». Радзивилловская летопись становилась той основой повествования, которое он хотел дополнить, «собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, не переменяя, ни убавляя из них ничего, кроме не надлежащего к светской летописи, яко жития святых, чудеса, явления и пр., которые в книгах церковных внятнее находятся, но и те по порядку на конце приложил» [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 38].

Такой метод расширения информации об исторических событиях подразумевал, что В.Н. Татищев будет следовать примеру летописцев, которые при создании летописных сводов дополняли тексты другими произведениями исторического и литературного содержания. Новым, свойственным XVIII столетию, должны были стать осознанный выбор «полнейшего и обстоятельнейшего» из доступных ему летописей, а также создание «светской летописи».

В событийном повествовании «Истории Российской» В.Н. Татищев активно относился к использованным им летописям, редактируя и комментируя их тексты, вводя в них сведения из исторических сочинений Нового времени или домысливая их. В таком домысливании заключалась та литературная составляющая его труда, которая восходила к летописям — средневековым историко-литературным произведениям. Эта составляющая заключалась в интеграции в их составе литературных произведений (жития, исторические предания и сказания, похвалы князьям и духовным подвижникам и т. д.). Использовались литературные приемы домысливания речей князей и послов, композиционные клише в изложении событий и поступков персонажей, в литературном этикете, в стиле повествования [*Лихачев Д.С.* 1947; 1970; 1979 и др.].

Все эти дополнительные приемы в исторических разысканиях, их еще ограниченная беллетризация в первой редакции соответствовали принципам классицизма. Они позволяли выразить стремление В.Н. Татищева создать целостный мир российской истории. В этом он поступал как историк первой половины XVIII в.

Но критический анализ избыточной информации В.Н. Татищева в «Истории Российской» в ее сопоставлении с данными исторических источников

позволяет также установить, что и в пределах высоко чтимых Татищевым философских концепций Г.В. Лейбница и Х. Вольфа возможное и непротиворечивое в такой избыточной информации не становилось действительным. Оно не соответствовало сведениям исторических источников об исторической действительности. Так что правдоподобие должно было пока возместить те особенности, которые были свойственны исторической науке в процессе ее становления: отсутствие системного привлечения всех видов исторических источников, их источниковедческого анализа и выявления их явной и скрытой информации, исследования всех известных исторических фактов, изучения в них сведений о закономерностях исторического развития.

В последующее изложение событийной истории В.Н. Татищев ввел упоминание о Гостомысле, используя позднесредневековую традицию. В примечании 31 к этому упоминанию он по-прежнему сослался наряду со «Степенной новгородской» и сочинением М. Стрыйковского на «Нестора» как на автора, к которому восходит сообщение о Гостомысле. Такое указание «Нестора» как автора древнейшей русской летописи стало необоснованным расширением доказательства существования Гостомысла. Древнейшие летописи, известные Татищеву, оснований для такой ссылки на «Нестора» не давали. В «Истории Российской» очевидна искусственность этого включения, вырванного из своего контекста и разрывающего летописный текст. Это упоминание Гостомысла вынудило Татищева изменить в своем труде также год, указанный в летописи.

Радзивилловская летопись	«История Российская»
В лето 6370. Быша варягы и-заморья и не да им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и восташа род на род, и быша в них усобицы, воевати почаша сами на ся [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 16].	6369 (861). Быша варягы из заморья и не даша им дани. Тогда же умре словенский князь Гостомысл , и почаша люди сами в себе владети, и не бе в них правды, и восташа род на род и быша в них усобицы, воевати сами на ся [<i>Татищев В.Н.</i> 1964. Т. 4. С. 112; здесь и далее выделено нами].

Такого рода редактирование текста используемого исторического источника и комментирование его с помощью примечаний продолжило принцип В.Н. Татищева при написании «Истории Российской» как историка первой половины XVIII в., а не средневекового составителя летописного свода.

Отбор и интерпретацию исторических событий уже в первой редакции «Истории Российской» В.Н. Татищев продолжил в дальнейшем повествовании. Излагая события IX в., он избрал сведения о крещении болгар не по Радзивилловской, а по Никоновской летописи. В ПВЛ — источнике данной информации в русском средневековом летописании — эти сведения восходили к хронике

Георгия Амартола. Они были помещены под 6366/858 г. В Радзивилловской летописи такая традиция была сохранена. В Никоновской летописи известие о крещении болгар приведено под 6371/863 г. и отредактировано. Его содержание было дополнено указанием на голод, на прибытие болгарского князя и его бояр в Царьград, где они были крещены. Татищев учел различия этих текстов. Он сократил сообщения Никоновской летописи, введя в них социальную терминологию XVIII в. — слово *вельможи* в его обобщающем значении.

Никоновская летопись	«История Российская»
В лето 6371. Михаил царь с Вардою кесарем иде Болгар воевати: бе же тогда глад в Болгарех. Болгари же убояшеся и просиша христиане быти. Прииде же в Царьград князь их и вси бояре его; крести же его и прият его от купели царь Михаил, и нарече имя ему Симеон, и вси бояре его крестиса, и отпусти их во своя с великою честью [ПСРЛ. 2000. Т. 9. С. 9].	6371 (863). Бысть в Болгарех глад, и Михаил, царь греческий, иде болгары воевати, они же убояшеся. И крести я царь Михаил князя болгарскаго, и нарече его Симеон, и вси вельможи крестиса. И тако разыдошася восвояси [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 113].

Поскольку общественно-политических и династических событий второй половины IX в. для изложения российской истории в Радзивилловской летописи содержалось явно недостаточно, В.Н. Татищев пополнил их сведениями из Никоновской летописи. Осмысляя их как историк, он включал их в общерусский контекст, привнося информацию, которая отсутствовала в историческом источнике.

Никоновская летопись	«История Российская»
6372. Того же лета уби Рюрик Вадима храбраго, и иных многих изби новгородцев съветников его [ПСРЛ. 2000. Т. 9. С. 9].	6377 (869). Тогда же мнози славяне бегоша от Рюрика из Новгорода во Киев, зане уби Водима, храбра князя словенска, иже не хотяше яко рабы быти варягом (43) [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 113].

В.Н. Татищев, не ставя вопроса об исторической достоверности этой записи Никоновской летописи, трансформировал ее сообщение о преследовании Рюриком новгородцев (в соответствии с археологическими наблюдениями Новгород как городское поселение во второй половине IX в. еще не существовал) в конфликт новгородцев и варягов. В этом конфликте погиб храбрый славянский князь Вадим, а многие новгородские славяне бежали в Киев. Если в Никоновской летописи социальный статус Вадима не опреде-

лен, то в соответствии с монархической системой мышления своего времени Татищев превратил Вадима в князя.

Исходя из концепции единства древнерусского княжеского рода и российской династии в первой половине XVIII в., В.Н. Татищев устанавливал родство Вадима с Гостомыслом не по прямой нисходящей линии, а по «побочной». К родству с Гостомыслом он отнес и Ольгу. Он возражал против мнений, согласно которым она являлась дочерью Гостомысла, но допускал, что она — его внучка [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 113].

Число таких случаев переосмысления и домысливания Татищевым-историком источниковых материалов уже в начальной части «Истории Российской» можно значительно увеличить. Отсюда следует, что он приступил к написанию своего труда уже в первой редакции не как сводчик летописных материалов, а как историк, который осмысливал исторические события, о которых писал.

В начальной части первой редакции В.Н. Татищев следовал, преимущественно, тексту Радзивилловской летописи. Поэтому таких домысливаний у него относительно немного. В частности, он близко к тексту передал содержание русско-византийских договоров 911, 944 и 971 гг., лишь кратко разъясняя содержание древнерусских слов, которые могли показаться непонятными читателю первой половины XVIII в. Поэтому Татищев не стал раскрывать сложное содержание их статей.

Но летопись ставила перед В.Н. Татищевым вопросы, на которые ему надо было ответить как историку. Эти проблемы он решал краткими записями и специальными экскурсами, которые включал в текст «Истории Российской», не оговаривая их особое происхождение и назначение. Так появились «татищевские известия» первой редакции «Истории Российской», которые отсутствуют в исторических источниках. Это — экскурсии в «Истории Российской» под 6479 (964) г. о военных действиях князя Святослава в связи с Балканской войной, о борьбе Владимира Святославича со старшим братом Ярополком за княжение в Киеве и другие [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 127–128, 132, 137, 140, 142, 145, 409–410]. Они появились в «Истории Российской» как разъяснения историком событий в историко-литературном жанре основного в первой половине XVIII в. исторического источника — Радзивилловской летописи, как выводы его ученых разысканий или как стилизация этого жанра.

Сложную аналитическую работу В.Н. Татищев проделал с текстом Правды Русской, прежде чем включить в «Историю Российскую» сведения о правотворческой деятельности Ярослава Владимировича. В ПВЛ и более поздних летописных сводах, содержащих ее в начальной части своих текстов, сведений об этой деятельности не было. Как показали исследования в XX в., лишь в процессе переработки Начального свода 1093–1095 гг. в Новгороде при составлении новгородской летописи ее составитель написал под 6524/1016 г. о вознаграждении Ярославом новгородцев за их помощь в овладении киевским столом. Там же сообщалось о том, что Ярослав «дал» новгородцам «правду»,

названную также «грамотой». Поскольку текст этой «грамоты» был неизвестен, летописец включил в состав летописи Краткую Правду Русскую (далее — КПР). Татищев в полной мере осознавал ее особое значение как источника права и как исторического источника. Поэтому он включил в текст «Истории Российской», излагающей события древнерусского периода преимущественно по Радзивиловской летописи, повествование по Академическому списку НПЛ, который до 1737 г. находился в его распоряжении.

Как отмечено ранее, В.Н. Татищев наряду с написанием «Истории Российской» долгое время изучал средневековые памятники русского права, включая Правду Русскую. Различия текстуальные и содержательные в тексте КПР привели его к выводу, что она делится на две части. В редакции 1740 г. «Собрания законов древних русских» он обобщил свои наблюдения. В соответствии с ними Ярослав «дал» древнейшую часть Правды Русской новгородцам в 1019 г. (позднее в исторической литературе ее стали называть Правда Ярослава). В 1036 г. по «повелению» Ярослава в Новгороде «в присутствии детей его Изяслава и Святослава с приобщением некоеких знатных людей» была «сочинена» и другая Правда Русская (позднее ее назвали Правда Ярославичей). Впрочем, в тексте «Собрания» издание Правды Ярослава отнесено к 1017 г. В редакции начала 1750 г. Татищев последнюю дату издания Правды Ярослава сохранил, тогда как время составления Правды Ярославичей не указал [Татищев В.Н. 1968. С. 211–212, 219, 277, 280].

В «Истории Российской» В.Н. Татищев учел результаты своих разысканий по истории древнерусского права, но, включая их в контекст погодного изложения исторических событий по Радзивиловской летописи, он интерпретировал их уже как историк.

Академический список НПЛ	«История Российская»
В лето 6524. <...> и отпусти (Ярослав) их всех домов, и дав им правду, и устав списав, тако рекши им: «По се[и] грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите» [НПЛ. 1950. С. 175–176; далее следует текст Правды Русской].	6527 (1019). Новгородцов же, одарив, отпусти в дома и даде им грамоту судебную, по чему им ходити. 6543 (1035). Иде Ярослав к Новугороду <...>. И просиша новгородцы, да даст им грамоту, како судити и дани давати, иже первая им неукромна (неспособна). Он же повеле сыновом своим Изяславу и Святославу созвати люди преднии от киевлян, новгородцов и иных городов. И написав, даде има грамоты, како судити и дани давати, заповедав по всем градом, тако судити и не преступати [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 146, 147].

В своем изложении В.Н. Татищев назвал Правду Русскую грамотой судебной. Издание так называемой Правды Ярославичей он отнес к 1035 г. Ее появление он объяснил тем, что первая грамота «неукромна (неспособна)». Такого объяснения в исторических источниках не содержится, да и в обеих редакциях «Собрания законов древних русских» Татищев раскрывал содержание норм так называемой Правды Ярослава как действующего источника права, не указывая его недостатков. Таковую мотивацию Татищевым обращения новгородцев можно объяснить его стремлением определить происхождение столь различного состава юридических норм в Правде Ярослава и в Правде Ярославичей.

В «Истории Российской» изменил В.Н. Татищев и состав сыновей, которые участвовали в издании так называемой Правды Ярославичей. Он не назвал Всеволода, о рождении которого в 1030 г. ранее написал, т. е. он выразил рационалистическое отношение к излагаемым событиям, редактируя в данном случае преамбулу Правды Ярославичей, чего он не делал в «Собрании законов древних русских». Вместо конкретного перечня мужей, участников издания Правды Ярославичей, Татищев привел расширительную формулировку их неопределенного состава, который он ранее назвал в «Собрании», хотя и с ошибочными прочтениями текста.

Для В.Н. Татищева княжеские портреты-характеристики в «Истории Российской» приобрели особое значение. Летописные известия, изложенные в причинно-следственных связях, в результате неразвитости методов исторической науки еще не создавали условий для анализа деятельности князей в их общих закономерностях и индивидуальных особенностях. Поэтому внеисточниковая характеристика князя позволяла историку в XVIII в. персонифицировать летописное повествовательное изложение событий, еще лишенных научного анализа исторических фактов на основании критического изучения всей совокупности исторических источников в структурном анализе этих фактов и в контексте системно-структурного анализа исторических процессов.

Подобно В.Н. Татищеву стремился индивидуализировать деятельность князей еще в первой четверти XIX в. Н.М. Карамзин. Впрочем, он давал историческим персонажам не портретные, а психологические характеристики. Обобщая этот метод, Карамзин писал: «Мы хотим обозреть весь путь Государства Российского от начала до нынешней степени оногo. Увидим толпу Князей недостойных и слабых; но среди их увидим и Героев добродетели, сильных мышцею и душею. В темной картине междоусобия, неурядиц, бедствий, являются также яркие черты ума народного, свойства нравов, драгоценные своею древностию. Одним словом, История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество» [Карамзин Н.М. 1991. С. 44–45].

Обстоятельный и критический подход В.Н. Татищева к доступным ему историческим источникам в княжеских портретах-характеристиках позволяет предположить подобный целенаправленный метод и в последующем

тексте «Истории Российской». Вероятно, такое соединение в летописях индивидуализированного внешнего вида князя и особенностей его деятельности стало для Татищева-историка основанием для включения им в изложение исторических событий подобных княжеских портретов-характеристик, различающихся в конкретном выражении. Их Татищев писал как историк, осмысляя доступные ему сведения о деятельности этих князей.

На основе летописных текстов В.Н. Татищев создавал портреты-характеристики, включавшие как исторические реминисценции, так и свойственные XVIII в. литературные обороты. При этом он приводил не только свойственные древнерусской литературе величальные фразы, но также снижающие этот высокий стиль реалистические сюжеты: «Маия 19 преставися благоверный великий князь руский Владимир Мономах, украшенный добрыми нравы, прославленный в победах, его же имени трепетаху окрестныя страны, и повсюду изыде слава его. Он не бе величав, не возношашеся делы своими, но паче все в славу и честь Богу дая, на него упоая, и Бог ему земли покаяря. Милостив бысть к людем, щедр даянием; в правосудии законы храня и аще винных наказуя, но боле умалая и прощая. Лицеом бе красен, очи велики, власы рыжи кудрявы, чело высоко, брада широка; не вельми велик, но тверд и силен повелику. Храбр на рати и хитр устроить воинствы; многи враги победы и покори, сам единою у Триполя побежден, о том никогда терпя упоминати, ово за стыд, ово брата деля Ростислава, его же вельми любяше (имеется в виду поражение объединенного русского войска от половцев в 1093 г. под городом Триполем, когда во время бегства Ростислав утонул, а Владимир не смог его спасти. — *М. С.*). Княжи в Киеве лет 13, всех же лет поживе 73. Преставися на Ольге (р. Альта. — *М. С.*) у милой ему церкви, юже со многим тщанием построи и украси». Соединил Татищев этот текст с исходной, определяющей содержание повествования Ипатьевской летописью близкой к ней фразой: «Сынове же его и бояре со многим плачем несоша к Киеву, и положиша во святой Софии подле отца его» [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 184–185].

У киевского великого князя Всеволода Ольговича были сложные отношения не только с членами своей княжеской ветви черниговских Ольговичей и с Мономаховичами, но также с киевлянами. На основании летописных сведений формировался его отрицательный образ. Время его смерти в летописях не сообщается. Татищев написал, что он умер 1 августа 1146 г., и привел следующий негативный портрет-характеристику: «Сей Всеволод бысть муж рослый и вельми дебелый, власов на главе мало, брада широкая, очи малые; хитер в советех и судех, зря кого хотяше, того оправда. Многии наложницы любяй и в весели пребываше, сего деля киевляном туга бе немала, и егда умре, то едва обретеса плакати кому о нем». В такой характеристике очевидны связи между внешним и внутренним обликом Всеволода, между его поведением и отношением к нему людей [*Татищев В.Н.* 1964. Т. 4. С. 184–185].

Портрет-характеристика Игоря Ольговича также соотнесен с летописным текстом Ипатьевской летописи. Этот неуживчивый и амбициозный князь находился в сложных отношениях даже со своими братьями. В 1145 г. он добился своего провозглашения наследником старшего брата Всеволода. В 1146 г. Игорь стал князем Киевским, но киевляне предпочли, чтобы их князем стал, как и ранее, потомок Владимира Мономаха. Поэтому они обратились к Изяславу Мстиславичу, который победил объединенное войско Игоря и Святослава Ольговичей, их племянника Святослава Всеволодовича и вокняжился в Киеве. Игорь был пленен и заключен в «поруб» — земляную тюрьму в монастыре св. Иоанна в Переяславле, отчинном владении Изяслава. Вследствие тяжелой болезни Игорь был переведен в киевский Федоровский монастырь, где был пострижен в монахи. Продолжение междоусобной войны Мономаховичей и Ольговичей стало причиной ненависти к Игорю Ольговичу киевлян, которые его убили. Позднее Игорь Ольгович был канонизирован. В связи с этим на основе летописных рассказов было создано особое литературное произведение, включенное в состав Степенной книги [ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 323–353; 1962. Т. 1. Стб. 313–318; 1908. Т. 21, ч. 1. С. 203–206].

Когда В.Н. Татищев писал о событиях, относившихся ко времени после поражения Игоря Ольговича, ему предстояло сделать выбор между повествованием о них в Ипатьевской летописи и другой его традицией, сохранившейся в Радзивилловской летописи. В первом из них, основанном на Киевском своде 1200 г., уже присутствовали многочисленные составляющие, свойственные агиографической литературе. Они отразили тенденции к церковному осмыслению гибели невинно убиенного князя, которые имели следствием его последующую канонизацию. Напротив, в Радзивилловской летописи, продолжавшей традиции северо-восточных летописных сводов, излагалось лишь событийное содержание произошедших трагических событий.

В.Н. Татищев поступил как историк Нового времени. Он изложил события по Радзивилловской летописи. При этом яснее раскрывалось негативное содержание предшествующей деятельности Игоря Ольговича. Такое изложение событий Татищев обобщил написанным от первого лица портретом-характеристикой Игоря: «Сей Игорь Святославич (описка, следовало — Ольгович. — М. С.) бысть муж храбрый, великий любитель на ловлех со псы и птицы, книг читатель велий и в пении церковнем изучен, яко же почасту пехом во церкви, егда бе во Владимире; священники мало почита и поста не хотяи держати, сего дея мало любим бысть у простых. Роста бе средняго, сухой и смугл лицом, власы, над обычай, яко поп носяй долги, а брада уска и мала. Егда в монастыри бысть, вся уставы храня, яко инок, аще притворяся, або покася, не вем, Бог весть» [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 210–211]. Такое критическое описание, свойственное человеку Петровской эпохи, внешнего облика («власы, над обычай, яко поп носяй долги») и внутреннего мира («аще

притворяясь, або покаяся») противоречило каноническому идеализированному изображению святого. Вероятно, изложение портрета-характеристики от первого лица должно было подтвердить достоверность описания князя, который стал причиной многочисленных смут на Руси. Подтвердить все написанное об Игоре должна была и указанная Татищевым дата его убийства — 19 сентября. Этой даты в исторических источниках нет. Возможно, в указании такой даты Татищев следовал примеру Степенной книги, где со свойственным средневековому реализму стремлением к конкретности приведена домысленная дата пострига Игоря — 5 января. Такой даты в других исторических источниках также не содержится.

Мономаховичу Изяславу Мстиславичу, противнику Игоря Ольговича, В.Н. Татищев дал исключительно положительную по содержанию посмертную характеристику: «Бысть князь честен, благоверен, славен в храбрости; возрастом мал, но лицом леп, власы кудрявы, брада малая; милостив бе ко всем; не любяй злата, но дружину храня повелику и о строе земли прилежа» [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 244].

Другой Мономахович — Андрей Юрьевич Боголюбский — со средних веков имел в осмыслении русской истории особое значение. В его княжение Владимир Залесский стал стольным городом, который с XVI в. в средневековой государственной исторической традиции являлся важнейшим центром, придающим ей единство в перенесении и преемственности великокняжеской власти, Киев — Владимир — Москва. Младший брат и преемник Андрея Всеволод Юрьевич стал родоначальником княжеской династии, к которой принадлежали московские князья. Андрей являлся невинно убиенным мучеником и был канонизирован. Поэтому В.Н. Татищев придал портрету-характеристике князя особую значимость в стиле «монументального историзма» (Д.С. Лихачев). Для этого он использовал обстоятельную и написанную высоким стилем похвалу Андрею Боголюбскому в Ипатьевской летописи, отредактировал и значительно сократил ее, но добавил краткую портретную характеристику, придав князю зримый образ (в последующей цитате авторская характеристика Татищева выделена полужирным шрифтом).

Ипатьевская летопись	«История Российская»
Создал бо б ^ы ше собе город камен Боголюбый толь далече от Володимера якоже Вышегород от Киева. Сои благоверный и христолюбивый князь Андреи от млады версты Христа возлюбив и пречистую его Матерь, смысл бо состави в нем, яко полату красну душу украсив, всими добрыми нравы уподобися царю Соломону	Создал бо б ^ы ше город себе Боголюб толь далеко от Володимера белоруского (так Татищев называл владими́ро-сузда́льские земли. — М. С.), яко Вышегород от Киева (около 7 верст). Сей благоверный и христолюбивый князь от млады версты Бога возлюбив и душу свою всеми добродетели украси, подобен бе

<p>яко дом Господу Богу и церковь преславну святых Богородица Рождество посреде города Боголюбом каменну создав <...> и украси ю иконами многоценьными, златом и каменiem драгим, и жемчюгом великим безценьнымъ, и устрой е различными цятами украси ю и всякими узорочьи. <...> Князь Андрей город Володимер силну устроил, к нему же ворота золотая доспе, а другая серебром учини <...> [ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 580–582; с учетом разночтений Ермолаевского списка. С. 46].</p>	<p>Соломону, яко той дом господу Богу, а сей Богоматери сотвори и украси, и безценным каменiem устрой паче всех церквей, множество злата, серебра, камений драгоценны и других узорочей внесе, яко всем приходящим дивитися, и град Владимир разшири и умножи. В воинстве бысть храбр, яко мало кто от князь подобяшеся ему, но любяй мир, паче крове, и правду, паче многа имении. Ростом бе невелик, широк, власы чермны кудрявы, лоб высокий и очи велики [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 285].</p>
---	--

Такой образ Андрея Боголюбского создавался не в соответствии с информаций исторических источников. Они сообщали о многочисленных походах князя, в том числе и на русские земли. Разгром Киева войском, направленным Андреем в 1169 г., стал одной из наиболее трагичных страниц в истории этого города до его разрушения в 1240 г. Образ идеального князя формировался Татищевым в соответствии не только с канонами агиографическими, но также в связи с государственной презентацией правителей и героев, идеальные образы которых становились символами самой страны, ее князей и царей.

Таким образом, анализ княжеских портретов-характеристик в первой редакции «Истории Российской» позволяет установить соотношенность в них внешнего облика с обобщающей оценкой деятельности князей, при этом прослеживаются авторские предпочтения по отношению к Мономаховичам. Содержание таких портретов-характеристик соотносено также с контекстом повествования о событиях, активными участниками которых эти князья являлись. Существенным фактором являлась канонизация некоторых из них, но при написании их портретов-характеристик определяющей оставалась деятельность этих князей. Такое содержание княжеских портретов-характеристик свидетельствует о том, что их автором являлся не неведомый летописец, а В.Н. Татищев. На такое авторство указывают их изменения во второй редакции «Истории Российской» и появление в ней новых портретов-характеристик, которых не было ранее в первой редакции. В частности, во второй редакции у Святополка Изяславича «власы чермны просты» заменены на «волосы чермноваты и прями», у Изяслава Мстиславича уточнен вид волос и бороды — «власы краткие кудрявы и брада малая круглая». Портретные характеристики появились у князей Юрия Владимировича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Михалко Юрьевича [Толочко А.П.

2005. С. 349–350; подробнее о княжеских портретах-характеристиках см.: *Свердлов М.Б.* 2009. С. 118–131].

Княжеские портреты-характеристики сочинены не летописцем с его обобщающими определениями, не агиографом, создававшим идеальный образ святого или лица, подлежащего канонизации, а историком, который стремился зримо обобщить на уровне исторической науки своего времени то, что еще не стало результатом научного анализа. Такой портрет становился средством индивидуальной характеристики, ее ясно выраженной конкретизацией. Стремление к познанию исторического прошлого способствовало тому, что во второй четверти XVIII в. В.Н. Татищев портретной персонификацией восполнял еще не познанное в княжеских биографиях и политических событиях. Княжеский портрет-характеристика — своего рода интуитивное выражение необходимости будущих исследований политической и военной деятельности князей. Это — авторский эксперимент литературного происхождения. Но он становился развитием тех историко-литературных начал, которые содержались в летописании.

Особое значение княжеского портрета-характеристики в «Истории Российской» заключалось также в том, что в нем персонификация истории полностью вытеснила в изложении исторических событий присутствие Божественного Промысла, свойственного средневековому летописанию. Поэтому повествование о деятельности князей побуждало В.Н. Татищева на уровне развития исторической науки своего времени к портретному изображению самих князей, к кратким посмертным характеристикам их деятельности. Вместе с тем, эти портреты древних князей должны были быть узнаваемыми. Отсюда несомненная близость этих словесных портретных характеристик к изображениям святых на иконах и на стенах храмов. Для них Татищеву не нужны были руководства по иконописным подлинникам. Иконы сопровождали многие поколения русских людей в течение всей их жизни в церкви и дома, в крестьянском красном углу или киоте господских хором. Вероятно, близость княжеских портретов-характеристик и древних иконописных ликов должна была также стать одним из удостоверений подлинности того, что Татищев написал о древней русской истории. Создание такого образного ряда сопровождалось последовательным выбором исторических источников, а также интерпретацией их информации.

Все эти связи текста «Истории Российской», содержащихся в ней портретов-характеристик и художественного образного ряда в качестве иллюстраций к будущей книге стали В.Н. Татищеву очевидными задолго до завершения первой редакции своего труда. Содержание его писем к И.Д. Шумахеру позволяет предположить, что его намерение поместить княжеские портреты в виде иллюстраций появилось по мере написания «Истории Российской», использования исторических источников, которые содержали княжеские портреты-характеристики. В письме, датированном январем–февралем 1741 г.,

Татищев писал Шумахеру: «Я запямятовал вас о нужнейшем просить, то есть о живописце таком, который бы мог партреты великих князей намалевать, хотя тушем, в такую меру, чтоб в книгу употребить можно, понеже старинным гисториям оное весьма полезно». Вскоре в другом письме к Шумахеру он вернулся к этому вопросу: «Я вас прошу постараться о живописце, кого б нанять партреты к истории написать, о чем прежде просил». Как следует из следующего письма (оба письма относятся к 1741 г., но точной даты они не содержат), был намечен путь к созданию исторически достоверных княжеских портретов. Татищев просил Шумахера прислать «партреты великих князей на сургуче, чтоб иметь мог к гистории оные скупировать, для которого и живописца нанять приискал». Это стремление Татищева к исторической достоверности пришло в противоречие с эстетической концепцией классицизма, когда английский художник Д. Кэтли, по словам Татищева, «первых 5 государей без бород зделал» [Татищев В.Н. 1990. С. 278, 279, 320].

Таким образом, в создании древнерусских княжеских портретов-характеристик в «Истории Российской» В.Н. Татищев следовал от немногих соответствующих текстов, которые содержались в летописях, и от процесса написания своего труда к авторским обобщающим портретным характеристикам литературно-исторического происхождения, к зримым образам, которые могли бы составить в книге видеоряд. Но эти образы и видеоряд должны были иметь не только иллюстративное, но также удостоверяющее значение, чтобы подтвердить с точностью и конкретностью, как на портрете и в персональной характеристике, истинность того, что написано Татищевым в «Истории Российской».

В основах литературно-исторического творчества в создании портретов-характеристик прослеживаются также свойственные философии Г.В. Лейбница принципы интуитивного познания, возможности и непротиворечивости как критериев истинности, а также идеи Х. Вольфа об особом значении возможного, способного возвышаться до пренебрежения действительностью (см. ранее, с. 340–341).

Таким образом, ранее рассмотренные избыточные сообщения В.Н. Татищева в первой редакции второй части «Истории Российской», в сравнении с информацией известных в XVIII — начале XXI в. исторических источников, и содержащиеся там же княжеские портреты-характеристики имеют гомогенное происхождение. Они восходят в своих основах к одному философскому направлению, столь высоко ценимому В.Н. Татищевым, и имеют одно назначение — непротиворечиво осмыслить в литературно-исторической форме конкретное содержание отечественной истории. Отсюда — значительная роль в таком осмыслении интуитивного литературного вымысла в событийном и образном повествовании. Возможное в таком изложении становится более значимым, чем ограниченная в своем содержании информация исторических источников об исторической действительности.

Установление этих фактов позволяет продолжить анализ в первой редакции второй части «Истории Российской» той избыточной информации, которой нет соответствия в исторических источниках, а потому единственным средством ее изучения становится критика ее содержания.

3. Редактирование «Истории Российской» в 1748 — первой половине 1750 г.

Ранее исследователи изучали происхождение и содержание лишь некоторых из «татищевских известий». Между тем возможен комплексный их анализ.

Воронцовский список второй части «Истории Российской» (тома 2 и 3) представляет собой рабочую рукопись ее второй редакции [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, № 647; далее в тексте обозначается буквой В.]. К ней восходит та беловая копия, которая стала основой издания Г.Ф. Миллером «Истории Российской» в 1773–1774 гг., а также другие списки второй части второй редакции.

Особое значение В. заключается в том, что в нем наиболее полно раскрывается процесс редактирования В.Н. Татищевым своего труда. В нем прослеживается не только содержание изменений текста «Истории Российской» при его переводе с «древнего наречия» на новое, возникающие при этом трансформации его литературного повествования, но также конкретное изменение его содержания.

Рукопись состоит из 49 тетрадей. Первые две (лл. 1–16) и последующие тетради 3–11 (лл. 17–80, 89–96) написаны разными писцами, остальной текст — В.Н. Татищевым. Если первый писец справился со своей задачей профессионально, то второй — некий монах — по словам Татищева, «писать точно и ясно настоящим наречием без труда не мог». Так что, оказавшись в болдинской ссылке после постигшей его в 1745 г. опалы, он сам стал напряженно трудиться над рукописью, переписывая в нее подготовленный перевод на современное «наречие» и редактируя текст [Валк С.Н. 1963. С. 8–17].

Многочисленные исследователи использовали изданную в 1963–1964 гг. под редакцией С.Н. Валка и М.Н. Тихомирова вторую часть второй редакции «Истории Российской», не обращая внимания на редакционные примечания, в которых указаны авторские изменения в тексте В., сокращения и дополнения. Другие учитывали эти указания, но иллюстративно, подчас лишь в обоснование своих идей, не обращаясь к рукописи.

Между тем, содержание ее редактирования В.Н. Татищевым имеет большое значение для анализа «Истории Российской» как произведения историка. Несмотря на то, что правка В.Н. Татищевым в тексте В. тщательно

отражена в вариантах ко второй части «Истории Российской», их использование в научных разысканиях в значительной мере некорректно, поскольку эта правка разновременна. Отразить эту разновременность в издательских вариантах невозможно. Между тем, авторские ссылки на варианты публикации становятся иллюстративными, поскольку такие авторы, не обращаясь к В., не могут учесть разновременность правки рукописи Татищевым. Поэтому при ее анализе необходимо исследовать сохранившуюся рабочую рукопись второй части — Воронцовский список.

В рукописи содержится различающаяся по внешнему виду авторская правка: 1) редактирование текста, ранее переписанного двумя писцами, 2) единовременное с написанием авторское редактирование, 3) более позднее редактирование В.Н. Татищевым, заключавшееся в вычерках и приписках между строк, а также на полях рукописи преимущественно темно-коричневыми чернилами, отличными от чернил основного текста. На фоне основного текста рукописи и этой правки особо выделяется четвертый ее вид: чернила черные, перо остро зачищено, почерк Татищева, но значительно более мелкий и более «округленный», чем ему свойственно в 1745 г. и в последующее время, судя по В. Правка этим почерком, пером и чернилами выполнена по всей рукописи до л. 275 об. в виде приписок между строк, на полях и на вклейках, что свидетельствует об их единовременности. После л. 275 об. Татищев еще один раз единовременно отредактировал текст или продолжил предшествующую правку тем же почерком, но одинаковыми светло-коричневыми чернилами, пером, которое писало более толсто, чем в основном нарративном тексте и в предшествующих дополнениях. Это — пятый вид правки. Завершающие четыре дополнения такого рода написаны таким же толстым пером, но чернила более темные, чем в основном тексте.

Наряду с этими основными дополнениями и исправлениями в рукописи есть также подклейки и вписывания на полях и между строк другими перьями и чернилами, но они существенно уступают в своем количестве ранее отмеченным пяти видам правки.

Находясь в ссылке, В.Н. Татищев вписывал свои редакционные изменения на подклейках на обороте документов делового и хозяйственного происхождения, а также писем. Бумага была дорогой, и ее надо было беречь. Как Татищев писал И.Д. Шумахеру в письме от 12 февраля 1748 г., «для переписывания истории большая бумага у меня изошла, а в Москве надмерно дорога, да и нет путной». Поэтому для переписывания рукописи набело он просил купить ему бумагу подешевле [*Татищев В.Н.* 1990. С. 335].

На л. 246 находится подклейка, текст которой написан на обороте фрагмента письма, содержащего дату: «8 мая 1748. Москва». Этот текст относится к четвертому виду правки. Таким образом, единовременное редактирование черными чернилами, остро зачищенным пером и «округленным» почерком датируется 1748 г. или последующим временем, т. е. оно относится

к последним двум годам жизни Татищева. Но оно не было завершающим, поскольку за ним следовал пятый вид правки.

Установление данного факта приобретает особое значение, поскольку позволяет выделить и датировать редактирование В.Н. Татищевым второй части «Истории Российской» в конкретный период пребывания в безвыездной болдинской ссылке.

В 1748 — первой половине 1750 г. В.Н. Татищев напряженно работал над завершением первой части своего труда. В письме к И.Д. Шумахеру от 16 марта 1749 г. он торопил своего корреспондента прислать необходимые ему книги, «чтобы я возмог, первую dokonчав, за вторую часть («Истории Российской». — М. С.) способнее приняться». В письме от 30 мая 1750 г. к Шумахеру он сообщил: «Мою историю первую часть, кроме посланных к вам глав, совсем окончил и намерен послать в Академию для разсмотрения» [Татищев В.Н. 1990. С. 342, 359]. Это письмо Татищев отправил за полтора месяца до смерти, но еще 30 июня 1750 г., то есть за две недели до кончины, он писал тому же корреспонденту: «<...> моя история первая часть доканчивается и уже, кроме посланных к вам глав, набело переписана и намерен послать» [Татищев В.Н. 1990. С. 360].

Следствием такой длительной и напряженной работы над первой частью «Истории Российской» стало то, что завершение написания и редактирования второй редакции второй части велось интенсивно и в сжатые сроки.

К этому времени относится появление у В.Н. Татищева новых рукописей. 20 мая 1748 г. он получил часть рукописи «Иоакима» (см. ранее, с. 474). В письме от 16 мая 1749 г. В.Н. Татищев сообщил Г.Н. Теплову: «Ныне я нечаянно получил 2 древние летописца русские, каких не чаял, и в них нечто надобно мне в сочиненную для большей ясности обстоятельств вносить» [Татищев В.Н. 1990. С. 346]. Что это были за «летописцы», к какой части «Истории Российской» относилась их информация, которую Татищев должен был внести в свою рукопись, неясно. Но указанное ранее редактирование В. в его начальной части было выполнено до получения Татищевым полученных рукописей. Как отметил С.Л. Пештич, текста о послах волжских болгар к Владимиру Святославичу в первой редакции «Истории Российской» не было. Он появился в В. в виде приписки к основному тексту, при этом редакционно Татищевым перерабатывался. Датирующим здесь является тот факт, что в «Представлении о купечестве и ремеслах», написанном в болдинской ссылке, как следует из сопроводительного письма к М.И. Воронцову от 12 мая 1748 г., «договор купеческий» 1006 г. с болгарами уже указан [Пештич С.Л. 1946. С. 331–332].

Таким образом, выявленные единовременная правка черными чернилами и остро зачиненным пером, а также последующее редактирование светлоричичевыми чернилами одновременно с завершающим нарративным текстом второй части позволяют установить не только содержание внесенных

Татищевым дополнений, содержание этих «татищевских известий», но также его отношение к недавно полученным рукописям.

При цитировании этих дополнений в необходимых случаях приводится контекст, в который В.Н. Татищев их включал, чтобы раскрывалось их литературное, историческое или синкретическое литературно-историческое содержание как расширение первоначального текста. Листы указаны по В., страницы — по публикации 1963 г., репринтно опубликованной издательством «Ладомир» в 1995 г. Здесь и далее приведено ограниченное число таких дополнений, необходимых для определения их происхождения и содержания [основной корпус этих приписок и их анализ см.: *Свердлов М.Б.* 2009. С. 136–207].

Выявленное редактирование В.Н. Татищевым нарративного текста второй части «Истории Российской» в 1748 — первой половине 1750 г. можно разделить на два вида: 1) литературное расширение или литературная переработка, 2) изложение новой исторической информации в виде литературно-исторического расширения ранее существовавшего текста исторического источника или первой редакции «Истории Российской». При этом в приведенных ранее дополнениях, написанных разными чернилами и перьями, нет жанровых различий.

Для первого вида редактирования характерно отсутствие новой исторической информации, восходящей к историческим источникам. Это — литературная переработка летописных сообщений или ранее написанного В.Н. Татищевым авторского текста. В ней значительна литературная составляющая, то есть осмысление исторической действительности посредством художественной образности и литературного вымысла там, где отсутствует новая информация исторического источника. В этих литературных дополнениях, как и во второй редакции в целом, Татищев излагал события в категориях лексики первой половины XVIII в. В частности, он продолжил расширительное использование слова *вельможи* для обозначения бояр или знати [Л. 49, 79, 231 об., 234 об.]. Татищев излагал исторические события в современной ему военной терминологии — «непотребно нам все войска в бой вводить» [Л. 66 об.], «тотчас правое крыло свое к неприятелю поворотил, отдався к полю, чтоб погода была с тылу полкам», «пехота» [Л. 126 об. – 127], модернизируя гражданскую и историческую лексику — «поединок» [Л. 66 об.], «удел» по отношению к древнерусскому периоду, когда этот термин не использовался [Л. 146].

В литературных дополнениях 1748 — первой половины 1750 г. отмечаются те же авторские приемы, что в первой редакции второй части «Истории Российской»: стилизованные псевдославянские и псевдотюркские имена — «племянница Пребрана» [Л. 298], половецкий «князь Туглий» [Л. 307], княжеские портреты-характеристики [Л. 262 об., 275 об.]. Вымышленная прямая речь исторических персонажей является постоянным литературным средством псевдоисторической достоверности повествования.

О свободе литературного творчества В.Н. Татищева при написании второй редакции второй части «Истории Российской» свидетельствуют не только его дополненные в 1748 — первой половине 1750 г. княжеские портреты-характеристики, в чем он продолжил расширение повествования ее первой редакции, но также вычерк уже ранее написанного в основном нарративном тексте второй редакции портрета Юрия Долгорукого. Излагая события 6665/1157 г., он передал их в соответствии с Ипатьевской летописью [ср.: ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 489; *Татищев В.Н.* 1964. Т. 3. С. 58; в его распоряжении находился Ермолаевский список Ипатьевской летописи и/или близкий к нему: *Пештич С.Л.* 1961. С. 239, 157–258; *Кучкин В.А.* 1971. С. 260–262; *Толочко А.П.* 2005. С. 158–169]. Сообщив о смерти князя, Татищев дополнил летописные сообщения подсчетом прожитых Юрием лет. После этого он написал о самом князе: «Был роста среднего, весьма толст и плешив, очи великие, нос краткий нагнут. Вельми прилежал о веселии со женами и любил много пить и есть, а о разпорядке государства мало мыслил, но более всем властвовали и управляли советники и любимцы его».

Сложно определить, чем автор руководствовался, создавая такой негативный портрет-характеристику Юрия Долгорукого. Возможно, причиной тому постоянные распри Юрия. По решению отца, Владимира Мономаха, Юрий владел Ростово-Суздальской землей, но претендовал на владение Переяславлем Русским, воевал с Новгородом и неоднократно захватывал Киев, в котором окончательно вокняжился в 1155 г. В 1157 г. он был, вероятно, отравлен.

Такой отрицательный портрет-характеристику В.Н. Татищев дополнил собственными генеалогическими разысканиями о сыновьях Юрия Долгорукого: «По нем остались сынове его: Андрей и Святослав в Белой Руси (так Татищев называл Северо-Восточную Русь. — *М. С.*), Борис в Турове, Глеб в Переяславли, Мстислав в Новеграде, Васильке в Поросьи, да малые» [Л. 240].

Впрочем, весь этот текст о Юрии Долгоруком В.Н. Татищева не удовлетворил, и он его вычеркнул. Возможно, такой портрет мог повредить всему образному ряду той древнерусской княжеской ветви, к которой генеалогически восходили князья Московские, основатели современного государства Российского. В любом случае, эпизод с вычерком портрета-характеристики Юрия Долгорукого, как и все ранее приведенные литературные экскурсы, свидетельствует о том, что для Татищева написание «Истории Российской» являлось управляемым литературным процессом.

Историческое и синкретическое литературно-историческое содержание татищевских дополнений как расширение первоначального текста раскрывается в других его приписках 1748 — первой половины 1750 г. в В. Впрочем, эти два вида дополнений можно разделить лишь относительно. Записи литературно-исторического содержания синтезируют наблюдения В.Н. Татищева как историка, а также жанровые свойства «Истории Российской» как

историко-литературного произведения, особенно в его второй редакции. Дополнения исторические содержат сведения о конкретных фактах. В их материалах литературная составляющая приобретает функциональное значение как способ повествования. Но, повторяем, такое подразделение этих двух видов дополнений относительно.

Можно проследить определенную группировку данных содержательно различающихся приписок. Дополнения литературно-исторического содержания отмечаются в В. с событий 1095 г. по 1213 г. [В., лл. 86 об., 87 об. — 88, 128, 129, 142 об. — 143, 151, 156, 160, 162, 230, 251, 281, 284, 285 об., 312 об., 339 об.; *Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 94, 95–96, 128, 130, 142, 150–151, 155, 159, 161; 1964. Т. 3. С. 71–72, 103, 106–107, 109, 147, 188, 288].

Системный анализ дополнений, сделанных В.Н. Татищевым в В. в 1748 — первой половине 1750 г. в болдинской ссылке, свидетельствуют о том, что все они являются следствием историко-литературного или литературно-исторического редактирования в зависимости от того, преобладает в них исторический анализ или литературное осмысление событий исторической действительности. Их основу составляет не следование информации исторических источников, а интуитивное познание, допускающее возможность и непротиворечивость, приоритетные по отношению к исторической действительности. Такие теоретические посылки создавали условия для литературного начала в изложении исторических фактов, реальных и домисленных.

Исследователи «Истории Российской» основное внимание уделяли выражению в ней общественно-политических взглядов В.Н. Татищева, его характеристикам исторического процесса, его отношению к нарративным произведениям, прежде всего к летописям. В соответствии с этими наблюдениями определялось творчество Татищева как историка.

Между тем, при написании «Истории Российской» В.Н. Татищев учел также тексты русско-византийских договоров X в., которые были включены в ПВЛ и стали Татищеву известны по Радзивилловской и, позднее, по Ипатьевской летописям. Многочисленные исследования, несмотря на различия в анализе и выводах, доказали аутентичность текстов договоров [историографию см.: *Свердлов М.Б.* 2003а. С. 136–147]. Они содержат значительную важнейшую информацию по экономической, социальной, политической истории Руси X в., по истории ее культуры.

До В.Н. Татищева к статьям русско-византийских договоров X в. в российской исторической литературе обратился только Г.Ф. Миллер (см. ранее, с. 419–429). Впрочем, изданные им переводы-изложения этих договоров стали лишь началом их научного анализа.

В.Н. Татищев выполнил обстоятельный перевод-интерпретацию их текстов, дополнил его комментариями, так что стала очевидной уже существовавшая на Руси X в. сложная система политической, общественной, экономической, культурной и религиозной жизни.

Во второй части «Истории Российской» В.Н. Татищев изложил содержание русско-византийских договоров X в. полностью. Он проделал значительную исследовательскую работу. При переводе договоров на современный ему русский язык Татищев находил синонимы или разъясняющие понятия для древнерусских терминов, передавал их описательно. В необходимых случаях он приводил краткие разъяснительные экскурсы, которые включал в текст договоров или разворачивал их в специальные комментарии в виде примечаний. При их анализе в полном составе Татищев впервые решал практические задачи дипломатического анализа — выделение в них начального и конечного протоколов, деление текстов на статьи [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 36–39, 41–43, 52–53]. Вся эта проделанная над договорами работа создала конструктивные основы для последующих переводов русско-византийских договоров X в. и анализа их текстов. Включение татищевских переводов в текст «Истории Российской» позволяло показать ее автору содержание древнейшего периода отечественной истории во всей его сложности, не ограничиваясь историей военно-политической и династической.

Следуя ПВЛ в составе Радзивилловской и Ипатьевской летописей, В.Н. Татищев рассматривал тексты договоров 907, 911, 944 и 971 гг. как самостоятельные соглашения между Русью и Византийской империей.

При изложении текста статей, помещенных в летописях, продолжавших традицию ПВЛ, под 6415/907 г., В.Н. Татищев оказался в сложном положении. Часть их летописец включил в событийное повествование. Следуя за этой традицией текста, Татищев их воспринял как составную часть не договора, а летописи. Собственно договорные статьи он начал с нормы о запрещении обеспечивать «русских» месячиной, если они «придут в Грецию бес товаров».

Перед В.Н. Татищевым встала сложная проблема раскрыть содержание фразы, указывающей на обязанность империи — «даяти уклады на рускыя грады». Вероятно, имея в виду последующую запись «по тем бо городом седаху велиции князи, под Олгом суще», он предложил такой перевод-интерпретацию: «дабы дань греки погодно руским княжениям давали». То есть, он отметил на Руси начала X в. существование социально-политических образований, которые переросли племенной строй и стали княжениями. Свое понимания слова *дань* в этом контексте он раскрыл как «оброк, обреченное или посуленное», на латинском языке *субсидия*, ссылаясь на труд Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 36, 214, примеч. 81]. Такая интерпретация *уладов-укладов* как *ежегодной дани* стала распространенной в последующей литературе [здесь и далее указание последующих исследовательских направлений в интерпретации статей русско-византийских договоров X в. см.: Свердлов М.Б. 2009. С. 215–310].

Автор ПВЛ конкретизировал статус перечисленных им городов: «по тем бо городом седаху велиции князи, подъ Олгом суще». Данный текст ставил перед исследователями задачу раскрыть его политическое содержание.

В.Н. Татищев изложил его близко к тексту: «<...> во оных (городах. — *М. С.*) бо были князи под властью Ольговою».

Статью договора о содержании русских послов и купцов в Константинополе, а также об их обеспечении в обратный путь морем В.Н. Татищев рассматривал как повествовательный летописный текст, предваряющий договор князя Олега. Его перевод логически интерпретировал различия «хлебного», которое получают русские послы и купцы, прибывающие в Константинополь, и конкретное указание им «месячины» как «корма». По мнению Татищева, они должны были «купить» на обратный путь еду и оснастку кораблей. Эта интерпретация введена им в перевод, который был выполнен близко к остальному тексту. В указании договора о получении купцами «месячины» в течение шести месяцев Татищев сохранил основное содержание этой нормы без комментариев.

Как отмечено ранее, В.Н. Татищев не выделил статьи в летописном тексте под 6415/907 г. Поэтому первую же статью, явно восходящую к тексту договора, о прибытии «руси» в Константинополь без «купли» он выделил словами «во-первых». Татищев интерпретировал эту норму как запрещение давать месячину русским, если они прибыли в Грецию «без товаров».

В переводе следующей фразы договора «Да запретить князь словом своим приходящим руси zde, да не творять пакости в селех [и] в стране нашей» В.Н. Татищев адекватно отразил значительную власть князя на Руси, но в понятиях своего времени: «И князь русский да объявит своим подданным, дабы приходящие русские греком по селам никакого вреда не чинили» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 36]

В.Н. Татищев близко к тексту передал условие пребывания русских купцов в пригороде Царьграда после их переписи византийским чиновником, после чего купцы получали месячину, т. е. месячное обеспечение продовольствием, сначала киевские, потом черниговские, переяславские и из других городов [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 36–37]. Татищев не раскрыл в данном случае содержание топонима «у святого Мамы». Но он, видимо, первым среди исследователей русско-византийских договоров определил его в комментарии к договору 944 г. как монастырь св. Маманта или Мамантис Августа вблизи Константинополя [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 36, 219, примеч. 110].

Указанная в тексте регламентация входа русских купцов в Константинополь изложена В.Н. Татищевым близко к ее содержанию: «И потом впустятся во град одними враты с царским приставом без оружия, не более как 50 человек. И сии торгуют по их воли, не платя никакой пошрины». Татищев раскрыл содержание термина «царев муж» как «царский пристав», т. е. лицо, сопровождавшее иностранных послов, или чиновник по судебным делам.

Адекватно перевел В.Н. Татищев и завершающую статью, помещенную в ПВЛ под 6415/907 г.: «И сии торгуют по их воли, не платя никакой пошрины».

Удостоверительная часть конечного протокола, изложенная в летописи повествовательно, не представила для В.Н. Татищева сложностей. В своем переводе-изложении он лишь увеличил ее нарративность, передавая указание клятвы византийской договаривающейся стороны «целовавшее крест» как «греческий крест целовали», а русской стороны «по закону русскому» как «по своему закону» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 37].

Значительно большие сложности представляли перевод, дипломатический и исторический анализ сохранившихся в составе ПВЛ текстов русско-византийских договоров 911 и 944 гг.

В своем переводе-интерпретации договора 911 г. В.Н. Татищев в полной мере обоснованно выделил текст начального протокола в виде вступления к основному содержанию грамоты, что было поддержано в последующей научной литературе. Приводя интитуляцию договора 911 г., Татищев сохранил ее начальную фразу — «Мы от рода рускаго» — с последующим перечислением имен послов. Такое отношение к интитуляции было принципиально важно, поскольку в последующей историографии некоторые авторы опустили эту часть текста или ее составляющие.

Указанный в договоре титул Олега «великий князь русский» В.Н. Татищев оставил без комментария как историческую данность. Такое отношение к тексту создавало конструктивные условия для его последующего анализа.

В своем переводе-интерпретации начального протокола договора 911 г. В.Н. Татищев указал представителей русской договаривающейся стороны по Радзивиловской летописи: «<...> от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князей и его великих бояр <...>». Такое изложение текста обращало внимание на сложившуюся на Руси к этому времени иерархию властей. Фразу начального протокола «на удержание и на извещение от многих лет межю христианы и Русью бывшую любовь» Татищев воспроизвел без изменений и разъяснений во всей ее сложности. Такой подход создавал конструктивные условия для ее последующего анализа. Фразу «похотеньем наших великих князь» Татищев интерпретировал в своем переводе, заменив слова «наших князь» другим понятием — «нашим великим князем». Такое изменение отразило распространенное среди историков XVIII в. представление о Руси первой половины X в. как государстве с изначально монархической формой правления. Впрочем, договоры 911 и 944 гг. недвусмысленно указывали на особое значение «великого князя» в социально-политической и правовой жизни Руси того времени, что формировало такое представление в период абсолютизма в России XVIII в. Так что данный текст договора был интерпретирован Татищевым в соответствии с уровнем развития исторической науки и общественно-политической мысли своего времени. Он сохранил в своем переводе последующий текст «иже суть под рукою его», опустив слова «сущих Руси», что упростило содержащуюся в нем информацию. Но и такой текст давал представление об иерархической системе власти на Руси первой половины X в.

Начальные слова диспозиции договора — «По первому убо слову да умиримся с вами, греки, да любим друг друга» — В.Н. Татищев перевел как *во-первых*, обозначая последующие статьи цифрами, что было поддержано в последующей научной литературе.

В начальной фразе ст. 2 (здесь и далее статьи договора 911 г. указаны по нумерации В.Н. Татищева) «А о главах, аже ся ключит проказа, урядимъ ся сие» Татищев перевел заголовок «А о главах» в юридическом значении вида преступления («голова» — «убитый человек»). Поэтому его перевод — «Об убийстве». Впрочем, далее он изложил текст близко к его содержанию как наказание за уголовное преступление.

Последующий текст ст. 2 сложен в своем содержании, но В.Н. Татищев наметил один из возможных вариантов его интерпретации как решения спорного дела по показаниям и клятве истца: «Когда сие явится, должно ясно показано бысть. А ежели не будут показанию верить, должны показатели ротою утвердить, и потом наказание учинено бысть имеет по обстоятельству учиненнаго». Такое понимание текста было поддержано в последующей историографии. Оно стало началом двухвекового текстуального и историко-юридического изучения ст. 2.

Первая часть ст. 3 была переведена В.Н. Татищевым близко к тексту: «Ежели убьет христианина (грека) русин или христианин убьет русина, оно-го должно умертвить на том месте, где убийство учинил. А ежели уйдет <...>», что было продолжено с незначительными различиями в последующей литературе. В дальнейшей дискуссии преимущественно обсуждался вопрос о происхождении этой правовой нормы — византийском, скандинавском или русском. Татищев интерпретировал наказание во второй части ст. 3 бежавшего «имовитого» убийцы (слово «имовитый» он отождествил вслед за ошибочным написанием Радзивилловской летописи с владением «домом») как указание передать истцу все имение убийцы, а также его жену, которые должны были взять «ближайши убитого». Если убийца «дому не имеет и уйдет, то суд кончить, и когда убийца сысчется, тогда его умертвить» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 37]. В последующих исследованиях XVIII–XX вв. были уточнены чтения текста статьи: вместо ошибочного «домовитый» — правильное указание имущественного статуса «имовитый», вместо ошибочной конъектуры «иже на» возвращение к правильному «и жена». Были проанализированы также семейно-родственные, имущественные и правовые отношения, отразившиеся в юридическом содержании статьи.

В.Н. Татищев передал нормативное содержание ст. 4 близко к тексту договора: за удар мечом или «иным чем» следует платить 5 литр серебра по закону русскому. Если сотворивший это не имеет столько, он должен отдать все, включая верхнюю одежду, и должен поклясться по своему «закону», что больше ничего не имеет и никто ему помочь не может, «и тем суд кончится». Трудность в данной статье представлял анализ не только

нормативного, но и метрологического содержания. Татищев отождествил византийские литры с гривной и фунтом, что стало началом последующей 200-летней традиции в подсчетах весовой нормы гривны в X–XI вв. [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 37, 215].

В правовой норме, выделенной в особую ст. 7, В.Н. Татищев изложил сложное для понимания ее содержание, отметив в нем основное — насилие при похищении. Указание судебного штрафа в виде тройной цены похищенного он осознанно заменил возвращением вещи и ее цены, исходя из наблюдений над договором 944 г., где указан «сугубый», двойной, штраф за кражу [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 215, примеч. 90]. Такая интерпретация основного содержания статьи как указания насилия при похищении также стала началом длительной исследовательской традиции.

Понимание содержания ст. 9 определялось сложностью интерпретации реалий и юридических норм берегового права. В.Н. Татищев изложил ее содержание в полной мере. Судно, выброшенное «погодою» на берег, жители этого места должны были сохранить с имением и людьми «и, исправя, отпустить восвояси». Он отметил обязательство руссов и греков проводить судно, потерпевшее покушение, до безопасного места. Если пострадавшее от бури или нападения судно спасти невозможно, то его людей и «пожиток» следует препроводить до места. В последующем переводе-интерпретации он передал близко к тексту обязательство византийцев передать Руси деньги от проданных товаров, если они окажутся без хозяев или их «неудобно» перевозить после кораблекрушения, когда Русь с торговыми целями или «на молитву» отправится в Царьград. Последнее домыслено Татищевым, поскольку в тексте договора указан не город, а страна — «в Грекы», а цель путешествия Руси — не паломничество, а «в солбу», то есть с посольскими целями.

Завершающее предложение ст. 9 В.Н. Татищев понял как самостоятельную ст. 10. При этом он интерпретировал ее содержание расширительно. В договоре было указано: если кто-либо будет убит «от нас, Руси», или что-либо будет взято, то наказание должно быть в соответствии с ранее указанными правовыми нормами. Татищев дополнил этот текст своим разъяснением: если взято будет без убийства, то за него следует заплатить вдвое по закону русскому. К такому полному изложению ст. 9 (ст. 9–10, по Татищеву) исследователи вернулись лишь в первой трети XIX в.

По мнению В.Н. Татищева, в соответствии с содержанием ст. 11 русские и греки должны были освободить всех имеющих у них пленников противоположной стороны. Их следовало вернуть, если они были проданы в другое владение, но не увезены, и впредь грекам и русским не следовало их ни продавать, ни покупать. Если кто купил пленного до этого времени, то надлежит взять данную или поденную установленную цену рабам и отпустить их в отечество. Такая же норма относилась к пленному, захваченному во время сражения. Обстоятельное изложение Татищевым ст. 11 ставило перед после-

дующими исследователями новые сложные проблемы анализа ее содержания, прежде всего объяснения возмещения выкупной цены на Руси.

Содержание ст. 12 представило для исследователей значительные трудности. В.Н. Татищев интерпретировал эту статью как обязательство византийского императора выкупить и освободить тех русов, которые «в честь царя греческого будут призваны в службу» и попадут в плен. Русским людям следовало по цене 20 золотых выкупать пленных греков, приведенных «другими народами» для продажи на Русь, а грекам — русских пленных в Византии и отпускать их «во отечество».

Смысл следующей статьи, о челядине, В.Н. Татищев раскрыл как возвращение русского раба со всем имеющимся при нем, если он украден, сбежал или «по нужде продан», а русские о его возвращении будут просить. Завершающий текст он сформулировал в качестве особой ст. 14 и правовой нормы: «Ежели кто ко истязанию надлежит, а начальник градской не даст, оной нарушил закон».

В.Н. Татищев изложил ст. 15 с комментирующими дополнениями: если кто из русов, «служащих у христианского царя» (так он раскрыл содержание заголовка статьи в Радзивиловской летописи «О работающих бо греках Руси, у христианьскаго царя») и, дополнил Татищев к тексту, «купечества ради живут», умер, не завещав своего «имения», а «ближних» с ним нет, то все его «имение» возвращается наследникам на Руси. Если он составил духовную грамоту, все передать тому, кому завещано. Татищев точно передал основное содержание статьи об имущественных отношениях русов. Но его конкретизация представляла собой объяснение текста историком: «купечество» указано в дополнение или в раскрытие смысла слова «работающие».

Ст. 16, представляющая собой нормативный текст в завершении договора, представляла значительные трудности как в ее композиционном выделении, так и в раскрытии ее содержания. В.Н. Татищев блестяще справился с этими сложными задачами в частности потому, что он, в отличие от многочисленных последующих исследователей, пользовался исправным написанием Радзивиловской летописи, а не Лаврентьевской летописью, смысл данного текста которой без конъектур непонятен. В соответствии с изложением ее содержания Татищевым, если кто из русов, торгующих в Византии, одолжает или «уйдет» туда, совершив злодейство, его следует вернуть на Русь, даже против его воли, если на него будет «челобитье» царю и его судьям от русских. Так же эта норма действует и по отношению к грекам [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 38].

Столь же содержателен был перевод-комментарий В.Н. Татищевым текста русско-византийского договора 944 г. Для него в равной мере оставалось важным раскрыть содержание всех трех его составляющих — начального протокола, текста и конечного протокола.

Начальную фразу договора «равно другаго свещанья» В.Н. Татищев трансформировал во вводный нарративный текст. Он интерпретировал ее

расширительно, имея в виду фразу из завершения начального протокола «обновити ветхый миръ», как речи послов, записанные на «хартию» в соответствии с прежним договором Олега. Вероятно, сопоставляя тексты этих договоров, Татищев обратил внимание на отсутствие в конечном протоколе точной даты заключения договора 944 г. Ее нет в списках летописных сводов вследствие утраты во время предшествовавшего копирования. Поэтому Татищев, вероятно, дату домислил как необходимую составляющую протокола грамоты: «Лета 6453-го, индикта 4-го, апреля 20-го, в третью седмицу по Пасхе» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 41, 43]. Вероятно, такое домисливание должно было удостоверить подлинность договора, хотя аутентичность его текста сомнений не вызывала. С.М. Каштанов отметил обратный порядок элементов даты, указанной Татищевым, в сравнении со структурой дат в договорах 911 и 971 гг. В связи с этим он обоснованно выразил сомнение в достоверности татищевской даты в целом [*Каштанов С.М.* 1996. С. 56–57].

В договоре 944 г. В.Н. Татищев обратил особое внимание на указание многих князей на Руси, как и в договоре Олега с Византией. Он отметил их разное происхождение, славянское и варяжское, подвластное положение и нахождение «по разным градам» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 41, 218, примеч. 106]. Эти конструктивные наблюдения стали началом длительной дискуссии, авторская позиция в которой во многом зависела от взглядов на характер политического строя Руси первой половины X в.

Ясное для понимания завершение начального протокола не представило трудностей для В.Н. Татищева. Он перевел это завершение близко к тексту, но внес в перевод свои коррективы. Во фразе «великий князь руский и бояре его да посылають ... корабли, елико хотять, со слы и с гостьми <...>, ношаху слы печати злати, а гостье сребрени» Татищев заменил в духе монархической концепции слово «бояре» понятием «подвластные» великого князя русского, которые могут посылать в Византию корабли, сколько хотят, со своими послами с золотыми печатями и купцами — с серебряными [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 42].

Обоснованный подход к содержанию этого предложения как к самостоятельному нормативному постановлению позволил В.Н. Татищеву аналогично рассматривать и следующую фразу о грамотах, которые русский князь отправлял в Константинополь с флотилиями судов. Особое внимание Татищева привлекло указание грамот в данном тексте как свидетельство письменности на Руси того времени. По его мнению, она могла быть «славенской» из Болгарии или «готической» «от варяг» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 42, 219, примеч. 108].

Судя по адекватности перевода и по отсутствию комментариев, содержание ст. 1 о появлении русских купцов в Константинополе без таких грамот и соответствующих санкций не представило для В.Н. Татищева сложностей в отличие от ст. 2 об условиях пребывания в столице империи «руси» в связи с посольскими обязанностями и торговыми операциями. Татищев

рассмотрел содержание ст. 2 в полном объеме. «Месячину» он объяснил как месячное содержание, которое получают только послы и гости, прибывшие для торговли. «Святого Маму» он обоснованно определил как пригородный константинопольский монастырь св. Маманта и привел запрещение князем «словом своим» сотворить «вред» (так он перевел «бещинья») в селах и стране приходящей сюда «руси». Получение «месячного» он обоснованно указал в порядке принадлежности послов и гостей к городам — Киеву, Чернигову, Переяславлю и прочим городам. Последующий текст Татищев изложил близко к тексту, но фразу «да оправляеть» он понял как суд на месте.

Последующий текст, содержательно соотнесенный с предыдущим, об условиях наказания за правонарушения и о покупках паволок — шелковых тканей В.Н. Татищев выделил в особую ст. 3. Впрочем, использованное в ней слово «паволоки» он оставил без перевода [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 42, 219, примеч. 109, 110].

Особой темой для В.Н. Татищева стало определение веса золотника, упомянутого в договоре. Татищев определил его вес в современной норме девяносто шестой части фунта, но соотнес его с греческой драхмой: 8 драм в унции, 12 унций в фунте, вследствие чего драхма равна золотнику. Греческую драхму он соотнес и с римским денарием [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 219, примеч. 111].

Фразу «аще придуть Русь бес купли, да не взимають месячна» В.Н. Татищев перевел адекватно ее содержанию: «Если приидут русь без торгу, оным не должно требовать месячины». В ст. 4 об обязательном возвращении руси до наступления зимы В.Н. Татищев перевел во фразе «да възвращаются съ спасением в страну свою» слово «спасение» как «письмо».

В ст. 5 В.Н. Татищев включил последующие нормы договора, относящиеся к правовому регулированию социальных отношений. Он раскрыл содержание статьи близко к тексту, заменив использованный в ней социальный термин «челядин» широким обозначением зависимых людей — «холоп»: русы могут свободно взять бежавшего от них и найденного холопа. Татищев корректно раскрыл смысл и второй части статьи: после утверждения клятвой факта бегства челядина, если тот не пойман, Византия платит русам за него две паволоки, которые он вслед за Г.Ф. Миллером перевел как «два кафтана» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 42].

Близко к тексту В.Н. Татищев раскрыл содержание и другой правовой нормы, о бегстве челядина с чем-либо унесенным. Эту норму он отнес к византийскому рабу: если он бежит к Руси с чем-либо и все принесенное с ним цело, то он должен быть возвращен, а за беглого взято два золотника.

В.Н. Татищев обстоятельно и близко к тексту изложил нормы договора о покушении на грабеж и о краже.

В.Н. Татищев первым выделил ст. 8 в качестве самостоятельной о выкупе византийцами соотечественников, плененных Русью. Последующий текст

о выкупе русских пленных у греков был им композиционно обозначен в качестве особой статьи. При переводе ст. 9 Татищев раскрыл ее содержание, не заменяя социальных терминов: «Ежели сыщется русин пленник, работающей у грек, то выкупить по 10 золотник. А ежели купил греченин, то, учиня роту, что дал за него, взять» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 42].

В.Н. Татищев близко к тексту перевел первую половину ст. 10 о запрещении русским князьям воевать против городов Корсунской страны и их завоевывать. Последующий текст он интерпретировал как действия этих городов, вызывающие вражду, и требования русского князя на них управы, которую византийская сторона обязуется «учинить», послав войско.

Анализ ст. 11, относившейся к береговому праву и достаточно ясной в своем содержании, не представлял для историков в XVIII в. трудностей. В отличие от Г.Ф. Миллера, который изложил ее содержание близко к тексту, В.Н. Татищев сделал комментирующий перевод, который оказал влияние на последующих исследователей: «Ежели русские найдут корабль греческой выкинутой на берег, да не учинят ему обиды. И ежели от нея возмет кто что, яко же человека убьет или пленит, да будет наказан по закону греческому или рускому, каждый по своему закону» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 43].

Анализ содержания ст. 12 не представил значительных трудностей для исследователей. Уже в переводе Г.Ф. Миллера раскрыт ее основной смысл как запрещение руссам наносить вред корсунянам, которые ловят рыбу в устье Днепра. В.Н. Татищев столь же конкретно передал содержание ст. 12, но завершающую ее часть, в отличие от Миллера, изложил в соответствии с текстом договора: «но когда придет осень, повинни идти в дома своя в Русь». Сложнее было с топонимами. Указанное в договоре «Белобережье» он идентифицировал с Беловежей, а последнюю — с греческим городом Ольвией в Бугском лимане. «Святаго Елферия» он определил как остров в Днепровском лимане, допуская, что это — современный ему Кинбурн, расположенный на Кинбурнской косе [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 43, 220, примеч. 113, 114].

В.Н. Татищев перевел ст. 14 близко к тексту: «Ежели случится какое преступление от грек, сущих под властью царства нашего, да не имеют руссы власти их наказывать, но повелением царства нашего да примет каждый по закону, яко же створил <...>», но к этому переводу он добавил разъяснение, отсутствующее в договоре: «<...> а русский по закону русскому». Это дополнение определялось авторской правовой концепцией, в соответствии с которой людям разных стран и конфессий свойственны различающиеся законы и юридические обычаи. Такое разъяснение было для Татищева тем более важно, что ст. 14 композиционно являлась вводной к последующим правовым нормам, относившимся к наказаниям за убийства и удары. В связи ними в качестве источника права в договоре указан Закон Русский [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 43, 220, примеч. 116]. Перевод В.Н. Татищева стал началом научного анализа правового содержания ст. 14.

В.Н. Татищев перевел ст. 15 о наказании за убийство близко к тексту. Он сохранил лексику и понятийный аппарат выполненного им перевода ст. 4 договора 911 г. Впрочем, на понимание Татищевым содержания ст. 15 по-прежнему оказало воздействие ошибочно появившееся в Радзивилловской летописи чтение «домовит» вместо «имовит». В своем переводе-интерпретации он опустил указание сыска преступника — «да ищуть его», но добавил в соответствии с КПР судебный штраф за убийство: «или возмьут за голову уставленное» [ср. в Татищевских списках Правды Русской: «<...> оже не будетъ кто мстя, то 40 гривень за голову»; Правда Русская. 1947. С. 822, 825, 828]. Перевод Татищева: «Буде убьет христианин русина или русин христианина, да будет держим убийца от ближних убиенного, и убьют его или возмьут за голову уставленное. Аще ли убийца убежит, а имеет дом, то возмьут имение его ближний убиенного. Ежели убийца бездомовный будет и уйдет, то должно его убить, когда сысчется». Перевод В.Н. Татищевым ст. 16 о судебных наказаниях за удары столь близок к тексту, что в последующей научной литературе нуждался лишь в уточнениях.

Содержание ст. 17 о предоставлении великим князем русским воинов в соответствии с пожеланием византийских императоров В.Н. Татищев также изложил близко к тексту, причем, с разъясняющими подробностями, отсутствующими в договоре: «Ежели наше царство пожелает от вас войска на неприятелей наших, тогда потребуем от великого князя вашего письмом и пошлет к нам, елико хощем, да чрез то уведают иные страны, какую любовь имеют греки с Русью» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 43].

Близко к тексту В.Н. Татищев передал содержание удостоверительной клаузулы «мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомся церковью святаго Ильи в зборней церкви, и предлежащем честным крестом и харатьею сею, хранить все». Комментируя ее, особое внимание он обратил на содержащееся в ней указание церкви св. Ильи в Киеве, а, следовательно, на наличие письменности на Руси «до Владимира». В текст статьи он включил лишь разъяснение, которое, по его мнению, должно было указать равенство христиан и «некресченых» в удостоверении заключенного договора [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 220, примеч. 118].

Русско-византийский договор, заключенный Святославом Игоревичем в 971 г. в особых сложнейших обстоятельствах неудач в последний период войны с империей, осады русского войска в Доростоле, привлек столь же пристальное внимание В.Н. Татищева, как и предшествующие письменные соглашения Руси и Византии. Но, в отличие от договоров 911 и 944 гг., он не выделил в тексте конкретные статьи, ограничившись его делением на предложения.

Начальная клаузула договора 971 г. — «Равно другаго свещания, бывшаго при Святославе, велицем князи рустем, и при Свеналде, писано при Феофиле синкеле к Иоану, нарицаемому Цемьскию, царю грецкому» — изложена В.Н. Татищевым как утверждение прежних договоров. Поэтому

он распространил содержание этих слов на предшествующие договоры: «Во первых, преждние договоры утвердили, яко учинено при Игоре великом князе и потом утвержено <...>» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 52].

Особенностью договора 971 г. является указание даты его заключения в начальном протоколе. В Радзивиловской и Ипатьевской летописях указание числа заключения договора отсутствовало. Между тем, по договору 911 г. он знал, что в тексте должна быть точная дата. Поэтому Татищев обратился к Никоновской летописи, компиляции XVI в.. Там он увидел указание числа: «месяца июля в 11 день, индикта в 14» [ПСРЛ. 2000. Т. 9. С. 37]. Поскольку для него все летописи имели равное значение как источники исторических сведений, он дополнил отсутствующее число по Никоновской летописи.

В своем переводе-изложении В.Н. Татищев передал нормативное содержание договора 971 г. Следует отметить решение Татищевым наиболее сложных для понимания сюжетов. Фразу «да схраним правая съвещанья» он перевел: «да сохраним преждния договоры и союз» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 53], стремясь сохранить и множественное число в тексте, и обобщающее значение вновь заключенного соглашения. По такому пути последовало дальнейшее обсуждение данной фразы в научной литературе.

Заключительную фразу договора 971 г. — «Се же имейте в истину, якоже сотворихом ныне к вам, и написахом на хоратыи сеи и своими печатми запечатахомъ» — В.Н. Татищев изложил близко к тексту, отнеся ее к двум предложениям. Но в конце первого из них он добавил слово *пинехруса*, присутствующее в списках Софийской I и Новгородской IV летописей: «<...> якоже сотворихом ныне к вам пинехрузу». В комментарии к этому слову он отметил, что это — «слово греческое, письменное или твердое обнадеживание». В его использовании он увидел свидетельство перевода договора с греческого языка, тогда как русские переводы договоров хранились в архиве [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 53, 225, примеч. 145].

Анализ перевода-интерпретации В.Н. Татищевым русско-византийских договоров X в. свидетельствует о том, что Татищев близко к тексту передал их информацию об экономической, социальной, политической истории, истории культуры на высоком уровне исторической науки своего времени. Его понимание их основного содержания способствовало более полному и глубокому научному изучению этих сведений, чем это сделал Г.Ф. Миллер.

В.Н. Татищев проявил замечательные свойства аналитического чтения текста договоров. В абсолютном большинстве случаев корректное выделение статей позволило ему заложить в российской исторической науке основы их дипломатического и терминологического анализа. В середине — второй половине XIX в. и в последующее время этот анализ и техника перевода на современные языки развились в специальные разыскания с привлечением множественных современных методов исторических и лингвистических исследований. Показательно стремление Татищева к сохранению терминологии

гии договоров, что является одной из основ последующего корректного научного анализа древнерусской исторической действительности X в.

Огромная практическая деятельность В.Н. Татищева подготовила его к анализу нормативного состава и реалий этих договоров. Отсюда — значительная точность перевода и раскрытия их историко-правового содержания Татищевым уже в самом начале их изучения. В отличие от написанной им этнополитической истории России, в переводе-интерпретации договоров мало разъясняющих дополнений. Татищев использовал весь потенциал своей эрудиции в раскрытии содержания статей. Эта эрудиция свидетельствует о значительных возможностях Татищева как исследователя экономической и социальной истории, как историка древнерусского права и культуры. Впрочем, эти отрасли исторического знания в первой половине XVIII в. еще только формировались.

Раскрытое В.Н. Татищевым социальное, политическое и правовое содержание русско-византийских договоров стало основой его анализа военно-политической и династической истории Руси как государства в едином контексте с другими странами Европы не только в X в., но и в последующее время.

Перевод-интерпретация В.Н. Татищевым русско-византийских договоров X в. воздействовал на анализ их статей исследователями во второй половине XVIII — начале XIX в. Но и в последующей историографии его раскрытие их содержания присутствовало в трансформированном виде в трудах историков как преемственность исторических идей или по оппозиции к ним.

Значительные возможности для характеристики древнерусских социальных категорий предоставляли В.Н. Татищеву не только русско-византийские договоры X в., но также Краткая Правда Русская, которую он открыл в составе НПЛмл. Текст и перевод этого древнейшего письменного источника права, а также комментариев к нему Татищев включил в рукописи «Собрание законов древних русских», сохранившиеся в редакциях 1740 и начала 1750 г. [Валк С.Н. 2000. С. 189–197].

В редакции 1740 г. В.Н. Татищев определил два этапа становления Правды Русской — текст, данный Ярославом новгородцам в 1019 г., и текст, изданный в 1036 г. повелением князя Ярослава в присутствии его сыновей Изяслава и Святослава (при передаче текста Правды Русской и в ее переводе Татищев обоснованно написал также о Всеволоде Ярославиче) «с приобщением неких знатных людей». Но, по мнению Татищева, как следует из языка Правды, указанной в ней платы скотом, а также совпадения ее статей с нормами закона русского, указанного в договоре великого князя Олега с «царем греческим», эти статьи Правды использовались в письменном виде еще в те древнейшие времена.

В переводе Правды Русской и в комментариях к ее тексту В.Н. Татищев раскрыл свое понимание самых разных социальных категорий. В некоторых случаях он устанавливал их содержание логическим путем, эвристически.

Гридин — «придворный человек», т. е. человек, находящийся на княжеском дворе, поскольку *гридня* — «княжеский покой или комната».

В некоторых случаях В.Н. Татищев признавался — «не знаю», «неизвестно», но по созвучию слов начинал анализ смысла социальных терминов: *ябетник* — «чужеземец обещается вечно служить», *изгой или изгонь* — «значит изгнанца откуда-нибудь», *тиун* — *судья*. Некоторые из социальных терминов он оставлял нераскрытыми, поскольку «дознаться нельзя» (*огнищанин, подъездной*), допуская, что *огневщик*, т. е. огнищанин, — «может, какой начальник». Но при указании в тексте Правды Русской двойной виры в 80 гривен за убийство *тиуна* и *старшего конюха* Татищев устанавливал ее связь с высоким положением княжих служилых людей: «Понеже здесь начальников княжих кладет равно с огнисчиком по 80 гривен, то вероятно, что оной начальник какова-либо дела». *Мечника* он характеризовал — знатный «чин, который должен был носить княжий меч за ним», как Татищев думал, за тиуном.

Социальный термин Правды Русской *свободный муж* В.Н. Татищев перевел как *свободный человек*. Но, прекрасно зная нарративные произведения, он раскрыл его содержание как обозначение лично свободного в сложном по составу обществе: «Свободной разумеется, кроме раба и крестьянина купленного, яко военные, гражданские и придворные служители и граждане всякого звания; не знаю, духовные в том же счисляются, которых нигде не упоминает». Слово *челядин* Татищев перевел как *раб*, а *холоп* оставил без перевода, подразумевая, вероятно, его добровольную зависимость от господина по договору. Как рабов он характеризовал также кормильца и кормилицу, которые воспитывали в раннем детстве господских детей.

Но не всегда рационалистические начала и характеристики социальных категорий по созвучиям с более поздними социальными терминами способствовали раскрытию их содержания. Поэтому в указании судебного штрафа за убийство — «А в рядовници княжи 5 гривен; а в смерде <...> 5 гривен» — В.Н. Татищев увидел вместо особого названия *рядович* значение *рядовой, крестьянин*, а в слове *смерд* — «подлость, что ныне зовется по-голански каналиа» [Татищев В.Н. 1968. Т. 7. С. 211–212, 219–226].

Продолжая работать над «Собранием законов древних русских», В.Н. Татищев дополнил свои комментарии к Правде Русской и отредактировал ее перевод. Уточнил он время ее издания для новгородцев — 1017 г.

В комментарии к первой статье о праве кровной мести В.Н. Татищев указал совпадение Правды Русской с аналогичной нормой Закона Русского в договоре 944 г., а в перечне мстителей за убийство — деление «по народам — руссы от славян, по чинам — дворянина, купца и холопа». Наряду с такой конкретной дифференциацией древнерусского общества Татищев привел и отредактированные характеристики отдельных категорий древнерусского общества: *гридень* — «дворянин, или шляхтич», *ябетник* — «обетник или по договору служасчий, т. е. холоп».

Свободный муж в новом определении В.Н. Татищева — «не токмо шляхтич (т. е. *дворянин*, человек, который служит князю. — *М. С.*), но всякой гражданин, кроме раба и крестьянина княжеского и шляхетного». То есть, Татищев выделил зависимое от князя или служилого князю человека сельское население. Существенные изменения произошли в его понимании социального положения *челядина*. В новой редакции «Собрания законов» он характеризуется не как *раб*, а как *служитель*, т. е. тот, кто служит. Древнерусский социальный термин *холоп* Татищев продолжал использовать без перевода, подразумевая зависимость холопа по договору с господином.

Впрочем, и в новой редакции комментария к Правде Русской сохранились аналогии с современными понятиями и социально-политическими терминами, которые не способствовали конструктивному их изучению: *огнищанин* — полицмейстер, полицейские офицеры в городах, *подъездной* — «иногда разумеется адъютант, иногда посланный в город от государя для какого дела». Если в редакции 1740 г. В.Н. Татищев признавался, что он не смог подсчитать, сколько в гривне содержится кун, то в редакции начала 1750 г. он написал, что у Феофана Прокоповича он видел «ропись» некоего дьяка, который подсчитал, что в гривне — 20 кун, в куне — 3 резаны, «ногат в резане 2, в куне 6, в гривне 120». Татищев привел эти подсчеты без своего комментария, но из них следует, что в первой половине XVIII в. осуществлялись разыскания о денежном счете Правды Русской и другими образованными людьми [*Татищев В.Н.* 1968. Т. 7. С. 280–287].

Таким образом, в своих трудах, посвященных российской истории, В.Н. Татищев сформулировал общую теорию исторического развития. Обобщая свои наблюдения над конкретным содержанием политической и династической истории Руси, он обоснованно выделил в ней период политического единства, характеризуемого единовластием великокняжеской власти, монархией. Со второй трети XII в. начался особый период ее раздробленности со свойственным ему ослаблением великокняжеской власти и взаимными распрями князей, «аристократии». Завершением этого периода стало восстановление единовластия великих князей со второй половины XV в. То есть, В.Н. Татищев самостоятельно установил в российской истории существование такого периода, который французские просветители в середине XVIII в., а за ними просветительское направление в Англии, Германии и России второй половины этого столетия, стали называть феодальным.

Перевод-интерпретация В.Н. Татищевым русско-византийских договоров первой половины X в. показал сложную структуру древнерусского общества этого периода в определенных экономических, социальных и правовых отношениях. Комментируя и переводя Краткую Правду Русскую, В.Н. Татищев помещал в соответствии с ее текстом древнерусские категории первой половины XI в. в их взаимных общественных связях в контекст экономической жизни — хозяйствование, земледелие, животноводство, бортничество, вещная

среда. Их отношения регулировались юридическими нормами, которыми руководствовался княжеский суд и княжеские должностные лица. Большое значение приобретали его опыты в подсчете не только денежно-весового содержания гривны в ее соотношении с византийской литрой и западным фунтом, но также соотношение древнерусских денежных фракций — куны и резан. Эта денежная система была включена не только в купли-продажи, но также в правовую систему и социальные отношения.

Данные наблюдения В.Н. Татищева стали началом научного изучения древнерусского общества. Проблема заключалась в том, чтобы исследование общей периодизации истории человечества происходило в единстве с анализом конкретной древней историей России и установлением конкретного содержания ее основных исторических периодов.

Таким образом, жизнь и деятельность В.Н. Татищева типичны для людей Петровской формации — служба знатного дворянина в армии от рядового до офицера, исполнение армейских и гражданских поручений Петра, активное освоение многообразных знаний. Это была служба государю и Государству. Она подразумевала исполнение многочисленных обязанностей по отношению к монарху, обладавшему абсолютной властью, и принесение пользы во имя общественного блага. Эта служба должна была иметь положительные материальные и духовные следствия для общества и для самого человека служащего, толерантного к людям, принадлежавшим к другим народам и конфессиям.

Такие требования были сложны для исполнения в правление Петра Великого. Слишком они были значимы в сопоставлении с традициями средневековой в основах системы прежнего московского управления и ежедневной жизни. Вместе с тем, это прошлое многообразно проявлялось в деятельности тех, кто должен был жить и служить в соответствии с новыми петровскими принципами. Тем более сложно приходилось деятелям Петровской эпохи в правление преемников Петра, когда основой карьеры на высоких должностях стало искусство угодить императрицам и их фаворитам, умение следовать изменениям в придворной конъюнктуре. В противном случае над ними нависало обвинение в вольнодумстве, во взяточничестве с последующей ссылкой.

В.Н. Татищев прошел все ступени карьерного роста от солдата до тайного советника. Обвинен он был в преступлениях, в которых не был виновен. Возможно, совершал он и правонарушения под воздействием давних традиций общественного сознания. Впрочем, во всех перипетиях своей жизни Татищев продолжал служить государю и Государству, но не вышестоящему вельможе.

Одним из видов такого служения стали труды В.Н. Татищева, посвященные истории России. В этом деле он достиг профессионального уровня, свойственного исторической науке первой половины XVIII в.

В.Н. Татищев овладел ремеслом историка. На начальном этапе становления российской исторической науки он рассмотрел основные события

военно-политической и династической истории России в их причинно-следственных связях. В трех частях «Истории Российской» Татищев изложил свое понимание этногенеза славян и русских, основного содержания российской истории до 1613 г., до избрания на российский престол Михаила Федоровича Романова.

Профессионализм в изучении российской истории позволил В.Н. Татищеву выделить в ней основные периоды истории российской государственности. В русско-византийских договорах X в. он раскрыл их сложное правовое, политическое и социальное содержание. Профессиональное для первой половины XVIII в. изучение исторических источников позволило Татищеву сформулировать наблюдения, которые стали началом исследования летописания, средневековой русской исторической географии, истории права, вспомогательных исторических дисциплин.

Создание первого обобщающего труда по российской истории поставило перед В.Н. Татищевым сложные задачи. Проблема языка и стиля «Истории Российской» имела следствием создание двух ее редакций, первой — на «древнем наречии», воспроизводившем древнерусский текст или стилизацию под него, второй — на «новом наречии», которое представляло собой перевод первой редакции и дополнений к ней на современном Татищеву литературном русском языке.

Обе эти редакции содержали в своем нарративном тексте так называемые «татищевские известия», сведения которых не подтверждаются информацией известных ныне исторических источников. Они отразили сложнейшую природу исторического познания. Им свойственно литературное начало, элементы которого присутствуют также в историческом исследовании. В «Истории Российской» литературная составляющая продолжила традиции летописей как историко-литературных произведений, основного вида исторических источников, которыми пользовался В.Н. Татищев при ее написании. Эта литературная составляющая выразила авторскую потребность в дополнительной исторической информации, которую еще не могли тогда выявить ограниченные возможности источниковедческого и исторического анализа, вспомогательных исторических дисциплин, а также еще незначительный состав исторических источников, введенных в научный оборот. Не использовался тогда и потенциал сопредельных с историей гуманитарных наук.

Следование философским концепциям Г.В. Лейбница и Х. Вольфа стало причиной того, что В.Н. Татищев домысливал исторические события в качестве правдоподобных. Их изложение в контексте критически изученной информации исторических источников становилось средством подтверждения достоверности правдоподобных сообщений литературного происхождения.

Исследовательский опыт В.Н. Татищева показал в первой половине XVIII в. значительные возможности изучения событийной истории России. Вместе с тем, конкретный источниковедческий анализ «татищевских

известий» в первой редакции «Истории Российской» и в Воронцовском списке второй редакции позволил установить конкретное содержание литературного творчества Татищева как особой формы осмысления им исторической действительности. Такого рода творческий подход имел следствием авторские интерполяции литературного происхождения в научное изложение исторического процесса.

Изучение «Истории Российской» свидетельствует о ее научном содержании, свойственном первой половине XVIII в. Оно позволяет установить и изучить не только постоянную общественно-политическую составляющую этого труда, на что было обращено преимущественное внимание предшествующих исследователей. Анализ теоретических основ «Истории Российской», в частности, «татищевских известий», конкретизирует воздействие философских концепций на изложение В.Н. Татищевым исторических событий, а также позволяет исследовать постоянную литературную составляющую в его исторических разысканиях.

В таком контексте истории исторической науки творчество В.Н. Татищева имеет большое значение для изучения становления российской исторической науки и особого места в этом процессе трудов М.В. Ломоносова.

Глава VI

Начало исторических исследований М.В. Ломоносова

1. Дискуссии 1747–1748 гг.

Происходившие в России первой половины XVIII в. изменения имели историческое значение, что было очевидно просвещенной части российского общества. Петр Великий и его сподвижники создали первые образцы трудов по истории России и способствовали созданию в западноевропейских странах первых исторических разысканий по этой теме, обеспечивая их авторов материалами исторических источников. Во второй четверти этого столетия появились первые академические исследования по истории России и Восточной Европы, а также журналистика исторического содержания. В.Н. Татищев явил пример того, как в новых российских условиях военный и администратор высокого ранга может стать исследователем, который профессионально изучает отечественную историю.

Данные обстоятельства способствовали не только росту интереса в образованной части россиян к истории, но также появлению представлений, в соответствии с которыми образованный человек при желании может написать свое сочинение на темы российской истории.

В Архиве СПБИН РАН хранится труд, название которого объединило древнюю традицию летописей и новейшие политические реалии — «Летописец Российский» [Архив СПБИН РАН, ф. 36, оп. 1, № 649]. В этой рукописи — 454 л., написанных разными почерками, которые соединили традиции шрифтов наборной печати рубежа XVII–XVIII вв. с выносными буквами, свойственными рукописным текстам того же времени. На титульном листе рукописи не указаны ни автор, ни год создания этого сочинения. Но из фразы предисловия «о чем зри в календарях российских сего 1743-го лета» [Архив СПБИН РАН, ф. 36, оп. 1, № 649, лл. 1 об. — 2] следует, что это сочинение было написано в первой половине 40-х гг. Его содержание начинается с Потопа, Ноя

и расселения его сыновей, а завершается 1682 г. — годом смерти царя Федора Алексеевича. Автор использовал при написании своего труда Степенную книгу, ссылался на хроники Адама Бременского, Гельмольда и Георгия Кедрина, на «Синописис», на русский перевод труда Ф.И. Страленберга об истории и географии России, «Церковных анналов» Ц. Барония, а также другие сочинения.

В рукописи указаны даты как от Сотворения Мира («от Адама»), так и от Рождества Христова. Но в изложении событий по столетиям использовано понятие *век*.

Автора рукописи идентифицировать не удалось, но состав использованных в ней исторических произведений свидетельствует о том, что он был человеком образованным, знатоком истории уже в представлениях Нового времени. Впрочем, конкретное содержание рукописи, ее оформление раскрывают значительную зависимость автора от еще средневековых представлений об истории России, а также от уже существующих исторических сочинений. Поэтому его «Летописец Российский» соединил компиляцию чужих сведений и опыт систематизации исторических сведений о российской истории.

Компиляцией стала вводная часть рукописи, посвященная древнейшей истории народов Европы. Автор произвел их от «Иафетова сына Гомера». В соответствии со «Сказанием о Славене и Русе», «Синописисом», он считал славян и «российцев» потомками скифов, название Москвы возводил к «праотцу Мосоху», славян — к Славену, русских — к Русу и так далее. Впрочем, ссылаясь на Ф.И. Страленберга, он написал также о происхождении имени Россия «отчасти от имени Рюрика, первого новгородского государя, отчасти же подписуются град Старая Руса» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 649, лл. 7 об., 8 об., 10–10 об.; см. дословное совпадение цитированного ранее текста с русским переводом труда Страленберга: [Страленберг Ф.И.] 1985. Ч. 1. С. 51].

Компилятивно соединяя разные сочинения и новейшие сведения, автор написал о том, что славяне и русы обладали северными странами до «Ледовитого моря» и до Оби «иже и ныне Сибирь». Но воевали они, по его мнению, также в «египетских и во ерусалимских странах и в варварских странах». «Начальники» их — Великосан, Асан и Авесхасан. Они были исполнены храбрости и мудрости, так что Александр Македонский прислал им в 5208 г. от Сотворения Мира грамоту, написанную золотом. В продолжение этого сюжета автор написал о войне двух славянских князей Лалоха и Лахерна против «земли Греческой» в 308 г. до Рождества Христова.

Наряду с такими и аналогичными вымышленными сюжетами, свойственными русской литературе XVII в., автор привлек современные ему исторические сочинения. По Ф.И. Страленбергу он использовал хроники Адама Бременского и Гельмольда для определения столицы древних славян в Ольденбурге в Вагрии. Автор правильно определил Вагрию как область в совре-

менной ему Голштинии, принадлежащей в одной части датскому королю, в другой — герцогу Голштинскому и епископству Любекскому. Но в отличие от уже формирующейся традиции он не соединил Вагрию с родиной варягов [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 649, лл. 10 об., 12–13, 15, 16 об.].

Начальную историю Руси, вслед за ПВЛ в летописях не датированную, автор изложил, начиная с избрания новгородцами «старейшиной» князя Гостомысла. Сюжет о «призвании» Рюрика он постарался переосмыслить, компилируя разные по происхождению произведения: перед смертью Гостомысл собрал русских «властителей», которые ему «подчинялись» и сказал им: «А вижду яко земля наша добра и обильна, но нет у вас царя от рода царского. Идите за море в варяжскую и прусскую землю и молитесь тамо живущих самодержцев, иже есть роди кесаря Августа, да идут к вам княжити». Стремясь осмыслить эти сведения как историк, автор написал, что после смерти Гостомысла, но до прибытия Рюрика, новгородцы управлялись посадником. Совмещая домыслы и ошибки, но имея в виду единство исторического пространства Руси, он здесь же приписал, что тогда же, когда происходили события после смерти Гостомысла, после князя Кия землями кривичей и древлян владели его племянники Оскорд (имеется в виду Аскольд) и Дир.

Автор написал о Ладоге во время правления Рюрика как о первой столице будущего Московского государства, тогда как Москва стала его пятой столицей. Эта мысль утверждала мнение о Руси–России как едином историческом пространстве. Но автор считал нужным ответить на еще один важный для него вопрос — о причинах того, что «Россия» до Рюрика платила дань варягам. Он обратился к русскому переводу труда Ф.И. Страленберга. Но вместо косар-хазар, по Страленбергу, у него появились «корсары или шасары». Они вместе с варягами угнетали «славенский народ». Поэтому неизвестный автор продолжил: «<...> российское княжество несколько времени дань платила корсаром и оттого славенской народ в такое утеснение преведен, что принужден был по совету Гостомыслову, которой был знатным между новгородскими мещанами, призвать знатных и многими делами славных господ Рюрика з братьями и владычество над собою поручити оным» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, № 649, лл. 18 об., 19, 23–23 об.; см. дословное совпадение цитированного ранее текста с русским переводом сочинения Страленберга: [Страленберг Ф.И.] 1985. Ч. 1. С. 54–55].

Последующую, датированную в летописях, историю «России» автор излагал преимущественно по «Синопису» и Степенной книге с учетом прежде всего русских переводов трудов М. Стрыйковского, Ц. Барония, а также других сочинений. В соответствии с этими источниками, а подчас и домысленными сведениями, в тексте сообщалось об основных событиях в правление князей, а начиная с Ивана Грозного, и царей. Новым в рассматриваемой рукописи стало составление небольших таблиц, в которых сообщалось о значительном числе правителей: в каком году родился князь или царь, начало его

правления, «кончина», количество лет «правления» и «жития». Даты в каждой таблице указывались «от Адама» и «от Христа». Впрочем, отобранные неизвестным автором сведения об исторических событиях, произошедших в то или иное правление и в Смутное время, изложены преимущественно по историческим сочинениям XVII — первой трети XVIII в. Даты приведены также в соответствии с этими работами без их критического анализа.

«Летописец Российский» неизвестного автора свидетельствовал не только о значительном интересе к отечественной истории среди образованных русских людей, но также о попытках в первой половине 40-х гг. XVIII в. написать о ней особое сочинение. В изложении древнейшей истории европейских народов, славян и «российцев» автор оказался не в состоянии решить поставленную задачу. Но при изложении российской истории со второй половины IX в. по 1682 г. он смог на любительском уровне систематизировать доступные ему материалы. Показательно, что в 1743 г., на второй год правления Елизаветы Петровны, автора не беспокоил вопрос об этнической принадлежности варягов, и он вслед за Ф.И. Страленбергом отождествил их с корсарами.

Об особом интересе к российской истории в среде людей образованных свидетельствует также опыт написания обобщающего произведения на данную тему в стихах. Такой опыт предпринял датчанин по происхождению Адам Бурхард Селлий (1696–1746). Его биография недостаточно ясна [Берков П.Н. 1966. С. 98–109]. Ее содержание в разном изложении существенно различается. Одно из них находится в рукописи, хранящейся в БАН. Она содержит выполненный в 1747 г. перевод стихотворного изложения российской истории «Зерцало историческое», написанного Селлием. Перевод предваряет «Предисловие к читателю», где кратко изложены сведения об авторе. Судя по тому, что этот биограф или соавторы-биографы Селлия называли Александро-Невскую семинарию «нашей», они относились к числу ее руководителей или учителей.

В соответствии с этим «Предисловием» А.Б. Селлий прибыл в Петербург в 1733 г. и стал учителем латинского языка в Александро-Невской семинарии. Он быстро выучил русский язык настолько, что стал читать летописи и сочинения о русской истории. В 1736 г. Селлий переехал в Москву, где изучал древние летописи и другие исторические источники. В связи с этими разысканиями в биографии упомянуто изучение Селлием Никоновской летописи, хранившейся в БАН, которую он после возвращения в Петербург перевел на немецкий язык. В «Предисловии» сообщалось о его переходе в православие в 1744 г. и о монашеском пострижении в 1746 г. под именем Никодим. Кратко написано о его исторических сочинениях, а также о желании их автора своим душеприказчикам его сочинения сжечь. Но, как они написали в «Предисловии», этого они не исполнили, а, напротив, перевели в стихотворной форме на русский написанное латинскими стихами «Зерцало историческое».

Высокий литературный стиль «Предисловия», безымянность его авторов, а также переводчиков «Зеркала исторического», их принадлежность к Александро-Невской семинарии, изложение биографии А.Б. Селлия как скромного, но хорошего знатока российской истории и подвижника, могут свидетельствовать об их духовном сани и о написании ими этой биографии в соответствии со свойственными им духовными ценностями [БАН. 31.7.19, лл. 4–5].

В биографии А.Б. Селлия, опубликованной во втором издании «Древней Российской вивлиофики», сообщались дополнительные сведения о его жизни. Он приехал в Петербург около 1722 г. и стал учителем латинского языка и «других наук» в Александро-Невской семинарии. Через три года Селлий переехал в Москву, где также был учителем. Вернувшись в Петербург, он познакомился с учеными, состоящими на службе в Академии наук, и стал секретарем графа И.Г. Лестока. Уйдя от Лестока, он позднее принял в 1744 г. православие и в том же году пострижен в монахи. После его смерти префект Александро-Невской семинарии Амвросий (1708–1771; Андрей Степанович Зертис-Каменский, будущий архиепископ Московский) собрал его труды, поместил их в книгохранилище Александро-Невского монастыря и вместе с Гавриилом Кременецким (ум. 1779; Григорий Федорович Кременецкий, будущий митрополит Киевский Гавриил) перевел в стихах его сочинение «Зерцало историческое» (имеется в виду ранее названный перевод 1747 г.), поднесенное императрице Елизавете Петровне с посвящением от имени Александро-Невской семинарии [*Селлий А.* 1791. С. 39–41].

Иным предстает А.Б. Селлий в его биографии, предваряющей публикацию русского перевода его труда «Каталог писателей», изданного в Москве в 1815 г. (см. о нем далее). В годы, следовавшие за его предшествующими биографиями, сознание русских людей стало в значительной мере раскрепощено не только внутренней политикой Екатерины II (до 1790-х гг.), но также либеральными реформами начала царствования Александра I и особенно Отечественной войной 1812 г. Так что третий безымянный биограф Селлия при сохранении основной канвы событий обращал внимание на такие факты его жизни, о которых ранее, особенно в царствование Елизаветы Петровны, писать не рекомендовалось.

В биографии 1815 г. сообщалось, что А.Б. Селлий учился в разных университетах. Вернувшись в Данию, он разошелся в понимании христианства с местными священниками, видимо, лютеранского исповедания. Около 1722 г. Селлий отправился из родных мест в Петербург. Он начал там с преподавания латинского языка в школе, основанной Феофаном Прокоповичем, а через три года отправился в Москву, где был учителем в гимназии. После возвращения в Петербург Селлий «жил при Академии наук». В 1741 г. он стал секретарем графа И.Г. Лестока, но вскоре оставил эту должность, поскольку был склонен к спокойной жизни. После этого он жил в Александро-Невском монастыре, читая летописи, труды по российской истории. Его привлекал

к сотрудничеству академик Т.З. Байер. Автор биографии не написал о преподавании Селлия в Александро-Невской семинарии, но он сообщил, что Селлий завещал своему духовному отцу префекту этой семинарии Амвросию передать свое собрание летописей и иностранных книг о России в семинарскую библиотеку, а рукописи сжечь.

Автор биографии 1815 г. также сообщил, что рукописи не были сожжены, а «Зерцало историческое» переведено стихами на русский язык самим Амвросием, а также Гавриилом Кременецким. Их стихотворный перевод был поднесен императрице Елизавете Петровне [*Селлий А.* 1815. С. 3–8]. Возможно, это подношение было принято положительно, поскольку карьера Амвросия оставалась успешной. В 1748 г. он был назначен архимандритом ставропигального монастыря «Новый Иерусалим», а в 1753 г. стал епископом Переяславским и Дмитровским. Столь же успешной была и карьера Гавриила Кременецкого.

Из биографии 1815 г. следовало, что А.Б. Селлий занимал активную творческую позицию. В 1741 г. он был близок к И.Г. Лестоку и, следовательно, к кругу интересов Елизаветы Петровны. Он был в доверительных отношениях с великолепно образованным префектом Александро-Невской семинарии Амвросием и хорошо знаком с членами Петербургской Академии наук. Впрочем, его возможности ограничивало слабое здоровье. Творчество Селлия как историка было поддержано просвещенными духовными лицами, будущими иерархами Русской Православной Церкви, а его стихотворный труд «Зерцало историческое» могла прочесть императрица Елизавета Петровна.

При жизни А.Б. Селлия было опубликовано лишь одно его произведение — «*Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrant*» («Литературные заметки о писателях, которые разъясняют своими сочинениями политико-церковную историю России») [*Sellius A.* 1736]. В этой работе перечислялись под 164 номерами русские и иностранные авторы XVI — первой трети XVIII в., а также их труды, в которых содержались сведения об истории России.

Другое его произведение, «*De Russorum hierarchia quinque libri*» («Пять книг о Русской иерархии»), осталось неизданным. Его оставил у себя префект семинарии Амвросий, а после его гибели уже в сане архиепископа Московского, когда он попытался успокоить сопровождавший погромы бунт в Москве во время эпидемии чумы в 1771 г., рукопись Селлия была помещена племянником Амвросия знаменитым историком и археографом Н.Н. Бантыш-Каменским в библиотеку Московского архива государственной Коллегии иностранных дел. Префект Новгородской семинарии, «философии учитель» Амвросий, автор обстоятельно написанной «Истории Российской иерархии», одобрил этот труд А.Б. Селлия, написанный на латинском языке, по его сведениям, около 1740 г. Как следует из изложения его содержания семинарским префектом Амвросием, Селлий кратко перечислил в нем соборы Русской Пра-

вославной Церкви, знаменитые монастыри, академии и семинарии, а также «знаменитых мужей Российских» [*Амвросий*. 1807. С. V–VI]. Так что Селлий хорошо изучил не только светскую, но и церковную историю России.

Особый интерес представляет его стихотворное изложение российской истории. Как отмечено ранее, оно было написано на латинском языке. Вопреки завещанию А.Б. Селлия, префект Александров-Невской семинарии Амвросий и Гавриил (Г.Ф. Кременецкий) не только не сожгли его, но и перевели в 1747 г. стихами «ради твердшаго в памяти содержания» [БАН. 31.7.19, лл. 4–5]. Так что, вероятно, семинаристы учили эти вирши наизусть.

Сохранившийся в рукописи перевод стихотворного изложения российской истории А.Б. Селлия называется: «Зерцало историческое государей российских родословие, преемство, время вступления на престол, из которого удельного княжества, перемены столичных городов, формы правления, фортуны, дела достопамятнейшие, и коликолетнее всякого владение от первого Рюрика до благополучного государствования Елизаветы Петровны <...>, кратко, но ясно представляющее тщанием и трудом Троицкого Александроневского монастыря бывшего брата монаха Никодима Селлия из разных российских достоверных рукописных летописцев и из многих иностранных историков собранное, и на латинском диалекте прежде кончины его стихами сочиненное, ныне же в Александроневской семинарии на Российский стихами также некоторых мест исправлением и дополнением переведенное и приложением троих родословных писателей умноженное 1747 года». Это сочинение имеет историографическое значение.

Российскую историю А.Б. Селлий начал с Рюрика и его братьев, снимая тем самым вопрос о длительной предыстории Руси. В соответствии с давней традицией, восходившей к Степенной книге и «Синопису», он называл всех правителей «самодержцами российскими». Руководствуясь сведениями древнейшего летописания, Селлий не упомянул Гостомысла, но Рюрика с братьями он вывел из Вагрии: «В древношедшие летà сыны три княжие / Рюрик, Трувор и Синей вси братья родные / Из Вагрии в Русскую вышли землю званны / И получили Страны жребием метанны». Так он, руководствуясь мнением С. Герберштейна, подтвердил мысль «Синописа» о славянской принадлежности варягов. Возможно, Селлий знал о дискуссии о происхождении Рюрика из голштинского славяно-ободридского княжеского рода, которая уже велась в северонемецкой литературе с целью показать равенство германских князей с могущественным русским царским домом, но также отвести ему достойное место среди европейских государей [*Шольц Б.* 2000. С. 109]. Но для Селлия важны были не эти политизированные конструкции, а определение древней этнической истории Руси, для чего он обратился к давней идее С. Герберштейна.

В утверждение единства княжеского рода А.Б. Селлий характеризовал Олега как двоюродного брата Рюрика. Сторонник самодержавной власти, он

выразил осуждение Новгороду, общественно-политический строй которого воспринимался как республиканский, враждебный монархической княжеской власти: «Итак, Рурик один стал над всеми княжати / И самодержавием в России владети / Олег I, двоюродный брат Рурику / Сему не понравился Новгород всезлюбный, / В Киев престол перенес до того способный». В княжении Ольги Селлий отметил лишь ее месть древлянам и крещение в Константинополе, не сообщая летописных сведений о ее государственном управлении, в чем он следовал за «Синописисом». Но в повествовании о князе Святославе он написал не только о его военных действиях против «Греков». Селлий с осуждением указал на раздел страны Святославом между сыновьями, но отметил государственное назначение их деятельности — «взимать княжеские дани». Он охарактеризовал преследование Ярополком Святославичем своих братьев как попытку восстановить единство страны: «Ярополку сей раздел стался неприятным, / Убил Олега, сгнал мечем Владимира ратыным; / И как может силится, чтоб владеть единому, / Но под месть под праведну злу принял кончину».

Вслед за летописной традицией А.Д. Селлий осудил деятельность Ярополка. Он в полной мере одобрил восстановление единовластия — «монархии» его братом Владимиром. Следствие этого — могущество Руси: «Наш Владимир, наш и князь велик процветает. / Сей Чюдь смирил, сего вся Полша трепетала». Написав о крещении Руси, Селлий изложил далее основное содержание правления киевских, владимирских и московских князей, следуя концепции перенесения столиц в Русском государстве.

Батыево нашествие А.Б. Селлий упомянул лишь в связи с гибелью великого князя Владимирского Юрия Всеволодовича, но последующую зависимость русских земель от Орды он характеризовал как иго. Впрочем, далее его повествование следовало внешней канве исторических фактов, но не их содержания. В деятельности Александра Невского Селлий упомянул лишь Невскую битву и его поездки в Орду, но не назвал его противостояние крестоносцам. В княжении Ивана Калиты указано только перенесение «престола в Москву» (так вслед за «Синописисом» интерпретировано получение московским князем ханского ярлыка на великое княжение Владимирское, который позднее вручался также князьям других княжеств). Существенные изменения Селлий отметил лишь в связи с правлением Ивана III Васильевича — установление независимости страны и самодержавной власти: «Сей щасливо отчеству вновь вид пременяет, / Прежде князь, потом монарх Россов управляет. / Внутрних князей покорил, а татар мятежных / Выгнал прочь, и податей не стал давать прежних». Против «внутренних» и «внешних» врагов была направлена, по Селлию, также деятельность Ивана Грозного. Традиционно для историографии времени первых Романовых осуждены Борис Годунов и последовавшие за ним, «возшедшие на всероссийский престол не по наследию».

В условиях самодержавной традиции правления Романовых А.Б. Селлий не упомянул избрания Михаила Федоровича на престол, но отметил в его царствование главное — установление мира: «Сей бо тотчас в Отечество ввел покой любезный / И утвердивши престол через мир полезный / Врагов изгоняет вон, бунты все смирят / Тихомирну жизнь себе и своим раждает». Столь же благотворно, по Селлию, правление и всех последующих Романовых [БАН. 31.7.19, лл. 7–23 и след.].

Рукопись «Зерцала исторического», хранящаяся в БАН, содержит, в отличие от его публикаций Н.И. Новиковым в «Древней Российской вивлиофике», посвящение императрице Елизавете Петровне, подписанное безымянно: «Всеподданнейшая Александроневская Семинария». В такой подписи содержится значительный смысл, поскольку «Зерцало историческое» в этой рукописи представляло собой не только сочинение А.Б. Селлия, но также «некоторых мест исправление и дополнение», как сообщалось в заголовке, выполненные его переводчиками, А.С. Зертис-Каменским — Амвросием и Г.Ф. Кременецким — Гавриилом. Что они исправили и дополнили в этом произведении Селлия, установить не удастся, но можно предположить, что его содержание было соотнесено с теми сведениями, которые сообщались в 40-е гг. ученикам Александро-Невской семинарии, включая прибытие Рюрика с братьями в «Русскую землю» из Вагрии. На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание. Селлий читал сочинение С. Герберштейна, в котором австрийский барон изложил свое предположение о происхождении варягов из славян вагров. Оно указано в числе других работ в его «Литературных заметках». Важно то, что около 1746 г. и, возможно, ранее эта идея уже была включена Селлием в изложение российской истории, а в 1747 г. прекрасно образованные Зертис-Каменский и Кременецкий, которые находились в начале своей успешной церковной карьеры, эту мысль сохранили, если только они ее не «дополнили». Она позволяла избавиться от участия в начальной российской истории нежелательных для Елизаветы Петровны варягов как широко понимаемых «немцев» или шведов. Поэтому переводчики стихотворного изложения российской истории могли без опасений поднести его императрице.

Историей России интересовался мастер, изобретатель механических приборов и комиссар, т. е. представитель власти с конкретными поручениями, Петр Никифорович Крекшин (1684–1763). Человек Петровской эпохи, он был патриотом России и искренне почитал ее историю. Крекшин собирал средневековые русские рукописи. Сведя воедино их сведения, он составил «Родословие великих князей, царей и императоров». Такое сочинение должно было изложить широкому читателю историю России как историю монархической власти, отождествленной с историей государства, что соответствовало идеологии абсолютизма в европейских странах второй половины XVII–XVIII в. Поскольку Крекшин в полной мере понимал особое значение Петровской эпохи,

он написал также «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого» и другие сочинения [о Крекшине и его биографии Петра I см.: Мезин С.А. 2008. С. 169–176; см. там же литературу о Крекшине]. Впрочем, на уровне развития российской исторической науки второй половины 40-х гг. XVIII в. определяющим становилось не только *что*, но и *как* написано об истории России. К тому же в «Родословии» речь шла об истории правящей династии. Так что в условиях абсолютной монархии данная тема являлась также проблемой государственной.

П.Н. Крекшин писал в «Родословии великих князей, царей и императоров России» о прямой преемственности княжеской власти от Гостомысла до Владимира: «Великий князь Гостомysl родил молодого Славенска; молодой Славенск родил Изборска; Изборск — великую Ольгу; Ольга сочеталась браком великому князю или царю Игорю Рюриковичу; царь Игорь и царица Ольга родили Святослава; Святослав родил царя Владимира, иже святым крещением просветил Россию <...>» [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4, л. 26 об.]. То есть, устанавливая начальную историю княжеской династии России, Крекшин использовал распространенное в литературе XVII в. мифологизированное предание о Славене и Русе, возвел Гостомысла в великие князья, а Игоря Рюриковича — в цари. При этом ему пришлось исключить из «Родословия» князя Олега, поскольку при этом возникала политически острая в начале царствования Елизаветы Петровны проблема преемственности власти: провозглашенный императором Иоанн VI Антонович был свергнут во время переворота 25 ноября 1741 г., отправлен с родителями в ссылку, а позднее — в тюрьму.

Такое мифологизированное повествование о древней российской истории, далекое от известий исторических источников, П.Н. Крекшин продолжил при изложении княжения Владимира Святославича, которого он назвал «первый в России благочестивый царь». В таком названии Владимира царем он следовал за «Синописом». Сложные в военно-политическом содержании отношения Руси и Византии в 986–988 гг. Крекшин заменил идеологизированной идиллией, свойственной живописи эпохи классицизма: «Сему (князю Владимиру. — М. С.) гречестии кесари, Константин и Василий, прислали венец царский и святые бармы, скипетр и державу и диадиму царскую и просили, первое, да просветится святым крещением по греческому благочестию. Второе, да соблагоизволят венчаться венцем царским и помазаться царем и самодержцем всея России, трети, поимеет в жену сестру их цесаревну Анну» [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4. Л. 26 об.].

В главе, посвященной Рюрику, П.Н. Крекшин написал, что «великий князь Рюрик на великоновгородский престол призван из Вагрии». Для доказательства этой идеи он привел сообщения летописей о «призвании» Рюрика «от варяг», а также с разной мерой точности цитирования летописей, Степенной книги, «Миней четых», «Ядра Российской истории» А.И. Манкиева о «призвании» Рюрика «по завещанию Гостомысла от варяг или Руси». По-

явление в летописях чтения «Пруси» он считал «опискою» вместо «Русий». Утверждая славянскую принадлежность вагров, Крекшин переосмыслил слова С. Герберштейна. По его мнению, «вагры с россиянами славенского народа сродники». Обобщил он и сообщения хрониста Гельмольда: «Вагры — народ славенский». Сослался Крекшин также на сочинения немецкого историка Иоганна Христиана Шёттгена и польского историка Матвея Претория. Основываясь на них, он пришел к выводам, в соответствии с которыми Рюрика призвали «от россиян северных», тогда как «варяги на границах русских, ливонских, лифлянских жили», «россияне» призвали Рюрика из родственного народа, а «море Варяжское» называется по славянам ваграм [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4, л. 72–73 об.].

Показательно совпадение этих идей с тем, что написал тогда же о происхождении варягов из Вагрии А.Б. Селлий, а переводчики его труда А.С. Зертис-Каменский — Амвросий и Г.Ф. Кременецкий — Гавриил сохранили. Видимо, эта мысль, которая в елизаветинское царствование наполнялась политическим содержанием, обсуждалась в среде образованных россиян.

В главе «О титуле великих князей московских, откуда прияти и чего ради титулуются великими князьями всея России» П.Н. Крекшин объяснил начало происхождения такого титула с Мосоха: «Мосох, сын Иафетов, от всех историописателей титулован великий князь. Сей великий князь Мосох Иафетович по всемирном потопе первый стране московской населитель и яко присных над своих пред всеми народы предпочтил и яко венцем славы ублажи во имя свое Мосоховым, Мосоховским именованьем повеле нарицатися в вечную память своего наследия. Того ради потомки его и доднесь московскими нарицаются, яко крове великого Мосоха». Так же мифологизировано он объяснил происхождение названия страны: «Мосохово наследие разделено было дву внукам его, князем Славену и Россу: великий князь Росс жил близь реки России. По сем князе Росссе Россия нача именоватися. Сего ради, — объяснил Крекшин, — титла московских самодержцов великих князей всея России, то есть обоих частей великих Славена и Росса, то есть всей части Мосохове владетель и государь, и повелитель».

Утвердив таким образом кровное родство московских великих князей с Мосохом, а также их титул, П.Н. Крекшин вернулся к вопросу о титуле «царь» в древней российской истории: «Сей высокий титул князи московские издревле выше царского титула почитали и московский народ старший во всем свете пред всеми почитался и от начала имел своих самодержцов». Но Рюрика и Игоря он назвал «царями русскими», а Ольгу — «царицей». Что касается «царского венца, иже ныне в России обретается», так называемой шапки Мономаха, то она была прислана, по утверждению Крекшина, не Владимиру Мономаху императорами Константином Мономахом или Алексеем Комнином, а Владимиру Святославичу императором Константином Романовичем, то есть Константином VIII [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4, л. 74–74 об., 88].

Таким образом, для удревления этого легендарного события Крекшин пошел на пересмотр «Сказания о князьях Владимирских» и его более чем двух-вековой традиции в русской письменности. Его не смутило, что правящим византийским императором при жизни Владимира Святославича являлся Василий II Болгаробойца, а его брат Константин VIII стал самостоятельным правителем в 1025 г., тогда как Владимир умер в 1015 г.

Являясь чиновником, П.Н. Крекшин понимал, что написанное им сочинение о российской династической истории нуждается в государственной поддержке. Поэтому 27 августа 1746 г. он представил «Родословную» в Сенат. Там благоразумно решили, что сенаторы не компетентны в таких вопросах, и 12 сентября 1746 г. направили сочинение в Академию наук «для рассмотрения профессорскому собранию». В конце сентября того же года академическая Канцелярия поручила его экспертную оценку Г.Ф. Миллеру.

Г.Ф. Миллер отнесся к порученному делу основательно. Как он сообщил президенту Академии наук К.Г. Разумовскому, он перечел «разные Родословные, Разрядные и Степенные книги и Хронографы», в том числе и те, которые получил для ознакомления от П.Н. Крекшина. Вывод его о рецензируемом сочинении был негативный: крекшинское «родословие с российскими родословными книгами и с прочими известиями не сходствует». В частности, нет оснований для возведения Крекшиным правящей династии Романовых к смоленским и ярославским князьям, что являлось для автора доказательством принадлежности Романовых к Рюриковичам. Таким образом, Миллер как добросовестный историк выявил низкий уровень подготовленности Крекшина в исторических разысканиях и его фальсификацию исторических материалов к вящей славе правящей династии.

Впрочем, ложно понимаемый патриотизм и желание угодить власть имущим оказались для П.Н. Крекшина более существенными, чем стремление к познанию исторической действительности. Позднее, в 1750 г., с теми же намерениями он написал, что церковный брак Петра I и Екатерины был свершен в 1707 г., чтобы «доказать» рождение правящей императрицы в соответствии с «законом» [Кротов П.А. 2005. С. 88].

Как сообщил 25 января 1747 г. Г.Ф. Миллер К.Г. Разумовскому, вместо сочинения П.Н. Крекшина он подготовил на основании отечественных и иностранных исторических источников «экстракты» о княжеской российской генеалогии и генеалогические таблицы великих князей литовских. Кроме того, он доложил президенту Академии об исправлении им перевода первого тома «Истории Сибири», который все еще не был издан [Материалы. 1895. Т. 8. С. 237, 360–361; [Андреев А.И., Свирская В.Р.].1952. С. 541–542].

В своих замечаниях Г.Ф. Миллер подверг критике хронологическую таблицу П.Н. Крекшина (впрочем, и в его таблице содержались неточности). Он противопоставил крекшинскому объяснению происхождения слова «варя-

ги» собственное: «Хотя и есть мнение некоторых иностранных историописателей, что первый великий князь Российский Рюрик из Вагрии или из Голстинии в Новгород приехал, однакож оное пишут неосновательно. Варягами называны в то время всякие люди морские или мореходные, хотя для отправления купечества или для войны морской путь восприяли». Таким образом, при объяснении происхождения этого слова Миллер отказался от своего прежнего суждения (см. ранее, с. 417).

Обобщая свои наблюдения над западными источниками, Г.Ф. Миллер отметил, что «в древние времена никакой народ столько с Россиею не обращался как дацкие и норваги». «Норвяжскими» он считал также имена Рюрика, Синеуса и Трувора. Этим он возразил на мнение об их происхождении из Вагрии, где «в то время славяне жительство имели». К тому же, заметил он, Варяжское море «не по Вагрии названо», поскольку оно в таком случае было бы названо «Вагским». Отметил он и недоказанность суждения Крекшина о получении уже Владимиром Святославичем «царского венца, диадемы, и скипетра, и державы, от греческих царей присланных». Миллер требовал доказательств по историческим источникам: «Сие все надлежит доказать подлинными и достоверными свидетельствами, потому что сколько мне по русским летописцам и по греческим историям известно, то один великий князь Владимир Мономах получил в дары от греческого цесаря царскую диадиму или просто так называемую мономашескую шапку <...>». Возразил он и против мнения о происхождении Романовых от предшествовавшей династии Рюриковичей [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 4, л. 30, 32–34].

Предоставляя равные возможности участникам дискуссии, своим постановлением от 28 января 1747 г. К.Г. Разумовский велел сообщить П.Н. Крекшину замечания Г.Ф. Миллера, с тем, чтобы он подготовил ответ в Канцелярию Академии наук с последующей передачей этого ответа и замечаний Миллера в Правительствующий Сенат. Но вместо научной дискуссии Крекшин начал интриги. 23 февраля того же года он представил свой ответ в Канцелярию. Он обвинил Миллера «в собирании хулы на русских князей», указав на рукопись Миллера с выписками из сочинений иностранных авторов о России. Эту рукопись Миллер передал Крекшину, помогая ему ознакомиться с недоступными для него материалами. Между тем, по словам Крекшина, в ней содержались «многия непотребныя записки, каковыя ему не только писать, и сообщать, и у себя держать, но и на иностранных языках не должно читать», ссылаясь в качестве доказательства на повествование польского историка Яна Длугоша, содержащееся в выписках Миллера.

В соответствии с решением академической Канцелярии Г.Ф. Миллеру передали ответ П.Н. Крекшина, но постановили «книгу, запечатав, в Канцелярии хранить до указа». 18 марта Канцелярия поручила профессорам Ф.Г. Штрубе де Пирмону, В.К. Тредиakovскому и М.В. Ломоносову рассмотреть ответ Крекшина в присутствии обоих участников спора «и по рассмотрении представить

с ясными доказательствами для подачи в Правительствующий Сенат, в Канцелярию». Старшим в комиссии был назначен Штрубе.

Между тем П.Н. Крекшин продолжил интриги, не обращая внимания на исторические факты. Он обвинил Г.Ф. Миллера в том, что он представил в Канцелярию сочинение, в соответствии с которым «фамилия Романовых» — «эта фамилия Захарьиных и Юрьевых, что ложно и противно закону». Наконец, комиссия рассмотрела доводы участников спора в их присутствии и приняла решение, о чем сообщила в репорте от 19 июля 1747 г. президенту Академии, а также в академическую Канцелярию в «Рассмотрении» от 23 июля [*Биларский П.С.* 1865. С. 88–89; *Пекарский П.* 1865. С. 22; Материалы. 1895. Т. 8. С. 368, 399–400, 408; [*Андреев А.И., Свирская В.Р.*]. 1952. С. 542; *Пештич С.Л.* 1965. С. 171–172].

Но эти решения П.Н. Крекшина не удовлетворили, и он обратился с «доношением» к самой императрице (секретарская помета от 23 июля 1747 г.). Теперь Крекшин обвинил Г.Ф. Миллера не только в возведении Романовых к Захарьиным и Юрьевым, но также в отрицании того, что, как он написал императрице, «ваша высочайшая царская фамилия Романовы единокровны с великим Владимиром (Владимиром Святославичем. — М. С.) и более восьми сот по мужескому колену царствующая». Особо он отметил, что Миллер «ложно написал» о призвании Рюрика «в Россию из Норвегии», тогда как «великий князь Рюрик призван из Вагрии и был крове прежних царей российских, Вагриєю тогда именовались места и народы, жившие по берегу моря Варяжского, а именовались и тогда россияне».

Вменялось в вину Г.Ф. Миллеру его отрицание того, что «царю Владимиру Святославичу венец церковный, скипетр и державу от греческих кесарей Василия и Константина, Романовых детей» были присланы. Тяжким было и другое обвинение, в соответствии с которым «царя Бориса Феодоровича Годунова от убийства царевича Димитрия и от мучительства и искоренения высокой фамилии Романовых защищает и оправдает» [РГАДА, ф. 17, ед. хр. 11 а, лл. 7–7 об.].

Такие обвинения приобретали характер политический, что могло иметь тяжелейшие последствия для Г.Ф. Миллера. В их контекст было включено также утверждение о происхождении Рюрика из Вагрии, тогда как народы Балтийского побережья и тогда назывались «россияне». Все эти идеи «доношения» П.Н. Крекшина Елизавета Петровна запомнила, видимо, хорошо.

Включение М.В. Ломоносова в состав комиссии стало началом его постоянного изучения отечественной истории вместо прежнего постоянного интереса к ней.

М.В. Ломоносов принял активное участие в подготовке результатов деятельности комиссии. Подписал он и текст «Рассмотрения», составленный всеми тремя участниками комиссии [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 9–12]. Анализ «Рассмотрения» позволяет определить не только вопросы,

которые обсуждали участники дискуссии, но также те проблемы отечественной истории, с решением которых был согласен или не согласен Ломоносов.

Сложность положения членов комиссии заключалась в том, что им пришлось давать оценку двум противоположным по содержанию подходам к российской истории — с одной стороны, незамысловатым утверждениям П.Н. Крекшина, доступным сильным мира сего и простым россиянам, с другой стороны — суждениям Г.Ф. Миллера, свойственным исторической науке середины XVIII в. Ситуация еще более осложнялась антинемецкими настроениями, которые продолжали существовать в царствование Елизаветы Петровны. Так что Миллер, еще не принявший российского подданства, мог быть обвинен и как исследователь, и как сторонник антироссийских настроений.

В «Рассмотрении» приведено мнение П.Н. Крекшина, в соответствии с которым «Владимир Светославич, великий князь киевский, был царь, венчан царским венцом и помазан, и по нем все великие князи российские были цари, венчаны венцом царским и помазаны». Как следует из дальнейшего повествования, Крекшин предъявил «книги», в которых Владимир Святославич назван царем. Так он был назван в историко-литературных произведениях середины XVI–XVII в., когда титулом российских правителей стал *царь*. В частности, царем и самодержцем назван Владимир Святославич в Степенной книге.

Не различая древние летописи, где Владимир царем не назван, и позднесредневековые историко-литературные произведения, члены комиссии признали, беря под защиту Г.Ф. Миллера, что Владимира и «следовавших по нем великих князей российские писатели некоторых называли царями или самодержцами, в чем господин профессор Миллер не спорит». Но члены комиссии уверенно утверждали, что Крекшин «не доказал» своих суждений, в соответствии с которыми «все великие князи от Владимира до царя Ивана Васильевича (Грозного. — М. С.) были цари, венчаны венцом царским и помазаны», «была ли разность между великокняжеским венцом и царским, каковым царь Иоанн Васильевич венчался». Отметим они и явную ошибку Крекшина, который подумал, что византийский император прислал царский венец Владимиру Святославичу, а не Владимиру Всеволодовичу Мономаху, как было написано в «Синописе».

Анализируя различия мнений П.Н. Крекшина и Г.Ф. Миллера в сложнейшем вопросе о годах «рождения, приятия престола и преставления государей российских», члены комиссии изучали «подлинные книги и усмотрели, что оные между собою не согласуются». Так что в одних случаях, обоснованно отметили они, прав Крекшин, в других — Миллер.

Для изучения вопроса о генеалогии правящей династии Романовых члены комиссии обратились к «российским родословным книгам», к находившейся в Библиотеке Академии наук «Степенной книге», принадлежавшей ранее Я.В. Брюсу, а также к «Утвердительной грамоте» 1613 г. Они пришли к обоснованному выводу, в соответствии с которым кроме родства по свойству

в результате женитьбы Ивана Грозного на Анастасии Романовне у Романовых других родственных связей с Рюриковичами не было. Как написано в «Рассмотрении», Крекшин «на то ничего точного сказать не мог, а особливо того не доказал, почему он высочайшую фамилию Романовых производит от князя Романа Васильевича Ярославского». Таким образом, и в этом вопросе комиссия поддержала Миллера. Более того, в скрытой форме она обвинила Крекшина в искажении реальной династической истории Романовых. Обсуждались комиссией также затронутые Крекшиным вопросы генеалогии Рюриковичей и их династических связей.

В «Рассмотрении» изложено содержание обсуждения спора П.Н. Крекшина и Г.Ф. Миллера о происхождении варягов. Записано мнение Крекшина о призвании «великого князя Рюрика от варяг, то есть из Вагрии, лежащая по берегу моря Варяжского». Слова Миллера в данной связи не приведены. Записано лишь толерантное мнение Миллера по отношению к Крекшину: «ежели он мое наставление принять не хочет, то его к тому принудить нельзя». Впрочем, комиссия сочла мнение Крекшина о происхождении варягов не доказанным: «<...> кто они были и где жили, на своем мнении утверждает-ся, но доказательства его о сем деле оставляют в сомнении». Видимо, в 1747 г. Ломоносов еще не сформулировал своего отношения к этой проблеме. Возможно, и среди членов комиссии не было согласия по варяжскому вопросу. Они решили исходить из того, что «великий князь Рурик по Гостомыслову совету призван в Новгород от варяг», как из установленного факта. Так что средневековое осмысление начала Русского государства, сформулированное в XVI в., оказывало воздействие и на членов комиссии, находившихся на самом современном для первой половины XVIII в. уровне знаний. Впрочем, для них главным в этом легендарном сюжете являлось то, что таким образом в Гостомысле утверждалось местное начало российской государственности, а не основание ее пришельцами-варягами, кто бы они не были по этнической принадлежности.

Анализируя конкретное содержание спора между Г.Ф. Миллером и П.Н. Крекшиным, члены комиссии в своих решениях высказались за объективное изучение исторического прошлого России, против его интерпретации, не соответствующей информации исторических источников.

В отличие от академической комиссии В.Н. Татищев, который привык к независимому выражению своих наблюдений, решительно осудил в первом томе «Истории Российской» П.Н. Крекшина и его представления о генеалогии Романовых: «Новгородский баснословец Крекшин (имеется в виду его новгородское происхождение) безумно сложил, якобы достохвальный род Романовых от Романа Смоленского сына Ростиславля пошел, но свое незнание в истории многими обстоятельствами обличил, что он дела онаго Романа с делами Романа Мстиславича Галицкого смешал, меж которыми в летах разность немала. Он же, видимо, и того не знал, что ни в какой истории Романовых от

оного Романа более 400 лет нигде не упоминается и что в Руси шляхетство фамильных званий до Ивана I-го (т. е. Ивана III Васильевича. — М. С.) не имели, следственно, довести невозможно» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 371]. Мнению Крекшина и некоторых хорошо образованных россиян о происхождении варягов из Вагрии противостояло изложенное уже в 1740 г. другое категорическое утверждение Татищева в комментариях к слову *варяг* в Правде Русской со ссылкой на «Нестора», т. е. на сохранившуюся в составе Радзивиловской летописи ПВЛ: «Варяги, по летописцу Нестерову, суть шведы и норвеги; финов же именуется варяги русы, т. е. чермные варяги». Позднее, в начале 1750 г., он это определение варягов откорректировал: «Варяг, довольно известное есть, что разумели финов и шведов, иногда Данию и Норвегию в то заключали» [*Татищев В.Н.* 1968. Т. 7. С. 220, 282].

24 июля 1747 г. в Правительствующий Сенат было направлено не только «представление» комиссии, но также февральское «доношение» П.Н. Крекшина, «книга» Г.Ф. Миллера, на которую был написан его донос, а также все материалы по этому делу, находившиеся в Канцелярии и в Конференции Академии наук. На их основании Сенат рассмотрел 4 августа данный вопрос, но не принял по нему какого-либо решения. Впрочем, тогда же в Сенат был вызван М.В. Ломоносов. Ему было поручено найти и перевести на русский язык тот текст Миллера, который, по словам Крекшина, представлял собой «хулу» на российскую историю. Им оказалось сообщение польского историка Яна Длугоша об унижениях, которым подвергались московские князья во время прибытия ордынских послов.

Исполняя поручение, М.В. Ломоносов лишь перевел без комментариев выписку Г.Ф. Миллера из текста Длугоша [*Пекарский П.* 1865. С. 23]. Так он вновь поддержал Миллера, оставляя решение по этому делу членам Сената.

При научном подходе к анализу этого сообщения Длугоша можно было высказать сомнение в его достоверности, как это сделал в середине XIX в. С.М. Соловьев [*Соловьев С.М.* 1989. Кн. 3, т. 5. С. 74, 349, примеч. 120]. Его можно было интерпретировать также в соответствии с объективным принципом Петра Великого, согласно которому не следовало замалчивать трудности и поражения в историческом прошлом России на пути ее становления как великой державы. При таком подходе сообщение иностранного автора не становилось поводом для обвинения в «хуле» на Россию и российскую историю.

Поскольку были возможны разные толкования текста, который П.Н. Крекшин интерпретировал как «лжи», у членов Сената достало мудрости оставить его интриги без последствий.

Такое объективное решение П.Н. Крекшина не удовлетворило. Он попытался обвинить в оскорблении царствующей династии теперь и членов академической комиссии, созданной по поводу его «доношения» на Г.Ф. Миллера. 4 декабря 1747 г. он вновь обратился в Сенат. Крекшин указал на свои

генеалогические разыскания, на свои возражения Миллеру, после чего последовало политическое обвинение всех с ним несогласных, начиная с Миллера, который, «не зная истины, заблудил и высочайшую фамилию неправо простою дворянскую дерзнул писать, и профессора Ломоносов, Тредьяковский и Штрубе в неведении же сию лжу за истину признавали». Их научному подходу к изучению генеалогии Романовых он вновь противопоставил псевдопатриотическое утверждение, в соответствии с которым царствующая в России фамилия происходила по прямой линии от «великаго князя Гостомысла и великаго царя Владимира Святославича».

Такое осмысление начала русской династической истории П.Н. Крекшин противопоставил средневековой генеалогической легенде о происхождении «высочайшей ея императорскаго величества фамилии, следующей по мужскому колену от царя Владимира», где «ложно написано начало от прусских королей». Эту легенду он поставил в один ряд с научно обоснованной генеалогией Романовых, которая, по словам Крекшина, «приписана ложно к разным родам Кобылиным и прочим». Он имел в виду Кошкиных, позднее Захарьиных, восходивших к боярскому роду Андрея Ивановича Кобылы. Крекшин обратился в Сенат с просьбой разрешить ему изобличить Миллера, Ломоносова и Штрубе, а книги, в которых написаны такие «лжи», сжечь. Такой метод уничтожения других книг и документов ранее уже практиковался в елизаветинское царствование.

Поскольку П.Н. Крекшин занимал высокое официальное положение, Сенат постановил рассмотреть это дело в общем собрании Сената. Крекшина обязали о нем ничего не разглашать. Но дело было прекращено, а в 1764 г. сдано в архив [*Пекарский П.* 1865. С. 22–24; [*Андреев А.И., Свирская В.Р.*]. 1952. С. 543].

Впрочем, если Правительствующий Сенат оставил происки П.Н. Крекшина без последствий, то президент Академии наук К.Г. Разумовский запретил Г.Ф. Миллеру заниматься генеалогическими разысканиями, чтобы он «ни в какие родословные исследования не токмо высочайшей фамилии Ее И. В., но и партикулярных людей без особливого на то указу не вступал и никому таких родословий, под опасением штрафа, не подносил» [цит. по: *Пештич С.Л.* 1965. С. 172].

Так в начале своего пути как историка М.В. Ломоносов убедился в том, что в исторической науке обсуждение проблем времен минувших может быть связано с проблемами современными, а дискуссии научные могут быть легко трансформированы в обвинения политические. Увидел он карающие возможности власть предержащих преследовать за негодное им научное изложение отечественной истории вплоть до призывов такие книги сжечь. Пришлось Ломоносову иметь дело и с обращением П.Н. Крекшина к властям с предложением установить государственный контроль над разысканиями об отечественной истории.

Вероятно, такой контроль был осуществлен учреждением 24 марта 1748 г. в Академии наук Исторического собрания. Формальным поводом для его появления стали предложения Г.Ф. Миллера организовать под его руководством Исторический департамент. К тому же между Миллером и приданным ему в помощь профессором истории И.Э. Фишером появились значительные разногласия. Этот повод, который привел к временному прекращению работы над «Историей Сибири», имел следствием решение, значительно более существенное для деятельности Исторического собрания. Как постановила академическая Канцелярия в соответствии с указом императрицы, «притом же многие такие сочинения, как на латынском, так на российском и других языках, производятся в печать от профессоров университета, *которые надобно, чтоб кем-нибудь или обще всеми были просмотрены и апробированы*».

В Историческом собрании должны были обсуждаться труды по истории, «сочинения, стихотворения, критические, философские и все гуманиора», а также опусы, относившиеся к академическим Университету и Гимназии. После обсуждения, при «общем согласии» эти сочинения должны были быть представлены «в Канцелярии для исполнения». Собранию следовало заседать еженедельно по средам, кроме праздничных дней, с восьми до двенадцати часов утра в зале академического Собрания. В состав Исторического собрания были включены Г.Ф. Миллер, врач и историк П.Л. Леруа, правовед Ф.Г. Штрубе де Пирмон, искусствовед, гравер и литератор Я. Штелин, историк и библиотекарь И.И. Тауберт, поэт В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, историк Х.Г. Крузиус, филолог и историк И.Э. Фишер, физик и философ И.А. Браун. Секретарем Исторического собрания был назначен Тредиаковский [Материалы. 1897. Т. 9. С. 125–126; курсив наш; члены Исторического собрания перечислены в соответствии с протоколом 1748 г.].

О том, как осуществлялся коллективный контроль Историческим собранием исследований его членов, свидетельствует решение, принятое 2 июня 1748 г. в присутствии президента Академии К.Г. Разумовского. Когда многоопытный переводчик, писатель и лексикограф К.А. Кондратович перевел уже опубликованное на латинском языке в «Комментариях Санкт-Петербургской императорской Академии наук» далекое от современных проблем исследование Г.Ф. Миллера о тангутских письменах, открытых во время сибирской экспедиции, его перевод должен был быть обсужден — «достойн ли оный перевод отдать для напечатания». Результаты принятого решения следовало «подать в Канцелярию при репорте» [Материалы. 1897. Т. 9. С. 255–256].

В 1748 г. административный контроль был ужесточен не только над творчеством членов Академии в гуманитарных дисциплинах, но также в издаваемой с 1728 г. Академией газетой «Санкт-Петербургские ведомости». Это издание было официальным. В нем публиковались не только распоряжения правительства, но также сведения о российских событиях и переводы

тех статей из зарубежных газет, о которых власти считали возможным сообщать в России.

Дело в том, что в Центральной Европе в 1740–1748 гг. велась война за «австрийское наследство». Коалиции государств во главе с Австрией и Англией противостоял союз стран во главе с Францией и Пруссией. В мае 1746 г. Россия поддержала Австрию, заключив с ней новый союзный договор, а в январе 1748 г. российская армия прошла по германской территории и вышла на Рейн, оказывая давление на Францию. Стремясь нейтрализовать активное участие России в войне, французское правительство пыталось повлиять на Турцию и Швецию, чтобы они напали на Россию. Но эти попытки оказались безуспешными. 18 октября 1748 г. был подписан Ахенский мирный договор, завершивший эту войну [Черкасов П.П. 1995. С. 48]. Эти политические и военные обстоятельства объясняют появление тех дополнительных факторов, которые способствовали усилению административного контроля и давления на интеллектуальную жизнь в России.

В соответствии с решением Канцелярии от 6 мая 1748 г. к отбору немецких и французских статей в «Санкт-Петербургских ведомостях» был привлечен профессор Я. Штелин и назначен штат переводчиков. Контроль над их переводами был поручен М.В. Ломоносову, «последнюю оных ревизию отправлять». За исполнение этой должности Ломоносов стал получать двести рублей в год дополнительно к годовому окладу.

О той структуре, в которую был назначен М.В. Ломоносов, и о распорядке службы в ней свидетельствует изданная 6 мая 1748 г. «Инструкция в ведомостную экспедицию», т. е. инструкция редакции «Санкт-Петербургских ведомостей». Корректуры французских и немецких текстов «Ведомостей» должны были находиться только в помещении экспедиции, но не дома. За такое нарушение на виновных накладывался штраф. Российские статьи в «Ведомостях» могли публиковаться только с «ведома» президента Академии, а в его отсутствие — только после визирования одного из членов академической Канцелярии.

Устанавливался жесткий контроль над содержанием публикуемых статей: «В писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосужению России или ее союзников касается, в Ведомости не вносить же». До продажи тиража «Ведомости» на русском и немецком языках по одному экземпляру должны были передаваться в «домовую канцелярию» канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, сторонника союза России и Австрии [Материалы. 1897. Т. 9. С. 195–197].

В таких обстоятельствах постоянно ужесточающегося идеологического давления властей М.В. Ломоносов стал все более привлекаться административным руководством Академии к занятиям наукой исторической. В качестве члена Исторического собрания он посещал в апреле–июле и 21 декабря 1748 г. заседания, на которых И.Э. Фишер читал свои «примечания» на

первые пять глав первого тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. Секретарь Собрания В.К. Тредиаковский составлял краткие протоколы выступлений участников заседаний. Лишь в двух случаях он изложил их обстоятельно. Вероятно, особо острая дискуссия возникла в связи с обсуждением текста параграфа 35 второй главы, в соответствии с которым «Ермак грабежу и разбоем, чинимого от людей своих в Сибири, не почитал за погрешение».

Участники заседания 3 июня Я.Я. Штелин, Ф.Г. Штрубе де Пирмон, М.В. Ломоносов, И.А. Браун отметили, что «о сем деле должно писать осторожнее и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать». Г.Ф. Миллер согласился «переменить оное место о Ермаке». Впрочем, уже во время следующего заседания 6 июня он обратился к членам Собрания с просьбой высказаться о том, исключить ли ему текст о Ермаке, «ибо умягчить свои изображения ему никак невозможно». Они высказались за исключение этого текста. Такого же мнения был и Ломоносов. По его словам, «подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал на Сибирь, или для всероссийскаго самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ея всероссийскому монарху» Ивану IV. Поэтому Ломоносов предложил в качестве дружеского совета и в достаточно мягкой форме: «того ради, буде оные рассуждения, которые об его делах с несколько похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выключить».

В таком обсуждении острого в политическом содержании исторического сюжета ясно прослеживается саморецензирование членов Исторического собрания, несмотря на их высокие академические звания. Слова указа «Санкт-Петербургским ведомостям» — «в писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосуждению России или ея союзников касается», — выразили в 1748 г. содержание одного из направлений внутренней политики правительства, и ему надлежало следовать. В данной связи обращает внимание доброжелательное по форме замечание М.В. Ломоносова с предложением вычеркнуть тот научный текст, который мог стать причиной правительственных гонений. Г.Ф. Миллер этому совету последовал [Пекарский П. 1873. Т. 2. С. 382; [Андреев А. И., Свирская В. Р.] 1952. С. 560–561; Летопись. 1962. С. 121; Пешич С.Л. 1965. С. 173; Андреев А. И. 1999. С. 85–86].

М.В. Ломоносов поддержал Г.Ф. Миллера и в публикации первого тома «Истории Сибири». 4 августа 1748 г. Ломоносов получил его от академической Канцелярии с поручением «освидетельствовать» выполненный В.И. Лебедевым перевод книги. Отзыв он написал расширительно, подразумевая труд Миллера в целом: «По ордеру, присланному мне из Канцелярии Академии наук, “Сибирской истории” г. профессора Миллера первую книгу, переведенную с немецкого на российский язык переводчиком Васильем Лебедевым, рассматривал, и по оному явилась помянутая книга напечатания достойна». Ломоносов отметил в ней лишь «малые погрешности, которые

больше в чистоте штиля состоят» и они могут быть легко исправлены самим переводчиком. После получения такого репорта Канцелярия приняла решение книгу «отослать для печатания в типографию» [Материалы. 1897. Т. 9. С. 371; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 620; *Летопись.* 1961. С. 125–126].

Поддержка М.В. Ломоносовым Г.Ф. Миллера в 1747–1748 гг. в связи с происками П.Н. Крекшина и критикой его сочинений по русской истории, одобрение к печати первого тома «Истории Сибири» позволяют пересмотреть широко распространенное мнение, в соответствии с которым Ломоносов изначально являлся постоянным оппонентом, а то и противником Миллера. Следует учесть также, что оба они критиковали И.Д. Шумахера за его авторитарные бюрократические методы управления, оба поручились за И.Г. Гмелина в связи с его отъездом за границу и были финансово наказаны в связи с его невозвращением. Все это позволяет считать, что до августа 1748 г. между Ломоносовым и Миллером существовало общение коллег профессоров и академиков.

Позднее отношение М.В. Ломоносова к Г.Ф. Миллеру действительно изменилось. В историографической литературе это изменение относят к сентябрю 1749 г. в связи с написанной Миллером диссертацией «Происхождение народа и имени российского» и замечаниями Ломоносова на ее содержание [*Пештич С.Л.* 1965. С. 173–176; *Шатило А.Л.* 1993. С. 192]. Но ранее, в октябре–ноябре 1748 г., произошли события, которые подвергли доброжелательное отношение Ломоносова к Миллеру серьезному испытанию. На эти события, кажется, не было обращено в историографии достаточного внимания.

Ж.-Н. Делиль, пользуясь тем, что ему было поручено составление генеральной карты и атласа Российской империи, и правом доступа к секретным картографическим материалам, привлекая собственные наблюдения, передавал многочисленные географические карты, в том числе и секретного содержания, в распоряжение французского правительства. Уже в 1742 г. И.Д. Шумахер обвинил Делиля в том, что он переслал во Францию секретные материалы Второй Камчатской экспедиции. Но поскольку прямых доказательств не было, он продолжил служить в Академии наук, собирая для французского правительства сведения о Российской империи.

В мае 1747 г. Ж.-Н. Делиль выехал на родину. Ему было присвоено звание почетного члена Петербургской Академии наук, установлена пенсия в 200 рублей ежегодно с обязательством содействовать во Франции «академическим делам». Но, вернувшись в Париж, Делиль отказался сотрудничать с Академией, заявив, что будет переписываться с теми академиками, которых «особливо почитает». Вследствие такого «поступка, нечестна и несправедлива», административное руководство Академии при поддержке канцлера А.П. Бестужева-Рюмина потребовало, чтобы Делиль вернул в Россию все материалы, относящиеся к российской истории и географии, и ничего без

согласия Академии на эти темы не публиковал. Российским академикам и профессорам под угрозой штрафа было запрещено вести переписку с Делилем. То же было предложено и зарубежным почетным членам Академии. Делиль был «выключен» из «списка академиков», а жалование ему более не выплачивалось. Эти решения были записаны в протоколах Академии наук под 25 июня 1748 г. Тогда же было принято постановление, в соответствии с которым письма, чертежи, ландкарты и прочие материалы Делиля должны быть принесены в Канцелярию Академии под угрозой штрафа за неисполнение [*Пекарский П.* 1870. Т. 1. С. 139–142; Материалы. С. 274–276; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 632–634].

В соответствии с этим постановлением Г.Ф. Миллер сообщил в Канцелярию, что он получил от Ж.-Н. Делиля два письма, на которые ответил, но самих писем не сохранил. Поскольку Миллер бережно относился к своему архиву, можно не сомневаться, что он эти письма уничтожил. Но академической Канцелярии стало известно содержание письма Делиля, отправленного 30 мая 1747 г. из Риги. Видимо, это письмо было перлюстрировано на почте. Как следовало из его содержания, Делиль оставил у Миллера некие материалы. Они должны были быть соединены с другими для совместного «предприятия», о котором Делиль и Миллер «довольно согласились». О содержании этого письма и об указанных в нем материалах Миллер в комиссии умолчал. Эти обстоятельства послужили поводом для организации внутреннего академического расследования. Его проведение приобретало к тому же политическое содержание, поскольку в Петербурге распространялись слухи о шпионской деятельности Делиля, дипломатические отношения с Францией в 1748 г. были прерваны, а французский посол маркиз де ла Шетарди выслан из России.

В соответствии с определением от 18 октября 1748 г. академической Канцелярии за подписью К.Г. Разумовского была создана комиссия, состоявшая из административных лиц И.Д. Шумахера, Г.Н. Теплова, академиков Я. Штелина, Штрубе де Пирмона, астронома Х.Н. фон Винсгейма, В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова. На заседании 19 октября комиссия признала достоверность копии письма Ж.-Н. Делиля, в связи с чем Г.Ф. Миллер был «оставлен» в «крайнем подозрении». Тогда же комиссия приняла решение произвести обыск и выемку материалов в доме Миллера. Их исполнение было поручено Тредиаковскому, Ломоносову и секретарю Канцелярии П.И. Ханину. В соответствии с репортом они выполнили это поручение: «во всех его (Миллера. — М. С.) камерах, ящиках и кабинетах осмотра, сколько сыскать могли, взяли, которых наложено в два большие сундука и один кулек, что канцелярскою и его, Миллеровою, печатью запечатано и в Канцелярию привезено вчерашнего числа и поставлено в судейской палате» [здесь и далее см.: *Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 173–186].

Последовавший разбор изъятого архива Г.Ф. Миллера, его «письменные и словесные» ответы относительно рижского письма Ж.-Н. Делиля лишь

увеличили подозрения членов комиссии в «его с помянутым Делилем предосудительных для Академии предприятиях». 31 октября 1748 г. комиссия в полном составе поручила М.В. Ломоносову «сочинить» «обстоятельный экстракт» из материалов академического расследования, с тем чтобы передать его президенту Академии и «требовать резолюции». Но вместо экстракта был подготовлен репорт (сохранилась его писарская копия с правкой Ломоносова).

В репорте, подготовленном в первой половине ноября, подробно изложены обстоятельства, которые стали причиной расследования. В его экспозиции обращает внимание правка писарского текста М.В. Ломоносовым. В этом тексте присутствует фраза, в соответствии с которой Г.Ф. Миллер присланного Ж.-Н. Делилем «письма не почитал за велико и не признавал в нем никакой важности и для того *ненарочно* потерял, что Делилевых писем не почитал он толь важными, чтобы их хранить». В этом изложении заявления Миллера членам комиссии случайно или намеренно писарь пропустил слово «ненарочно». Его отсутствие в репорте президенту Академии могло иметь для Миллера роковые последствия, поскольку он мог быть обвинен в преступном уничтожении улики. Ломоносов вписал слово «ненарочно». Этот поступок может рассматриваться как его стремление подтвердить слова Миллера. Возможно, в нем выразилось сочувствие Миллеру, поскольку намеренная утрата писем Делиля могла усугубить его вину перед властями.

В репорте сообщалось, что Г.Ф. Миллер признал себя виновным в сокрытии письма, полученного от Ж.-Н. Делиля, а также в том, что он «имеет недружественное сердце» «к некоторым членам Академии», что своими заявлениями дал основание заподозрить себя в намерении «публиковать вне государства чести академической предосудительные сочинения». Оба они обвинялись в том, что стремились отделить от Академии «два важные департамента» и намеревались стать в них «особливо командирами» — Делиль в Географическом, а Миллер — в Историческом. К тому же, из утаенного письма Делиля следовало, что он назвал «корпус академический фантастическим, то есть мнимым и недостойным такого почтения, какое об нем ученые люди в свете имеют» и собирался распространить в мире это мнение. Такие слухи были оскорбительны для «чести Академического корпуса».

Комиссия обвинила Г.Ф. Миллера в сохранении деловых связей с Ж.-Н. Делилем, что было для него крайне опасно, поскольку он уже стал российским подданным. По словам заключения Комиссии, такой «поступок учинен против его присяги, в которой он обязался всячески хранить честь Академии, и противу должности подданного Е. И. В.».

Репорт был подписан всеми членами комиссии, определяющее значение в которой имела администрация — И.Д. Шумахер и Г.Н. Теплов. Как убедительно предположил П.П. Пекарский, это расследование было начато и велось «по наущению Теплова» [Пекарский П. 1870. С. 350].

Участие М.В. Ломоносова в работе комиссии ставило его как ученого в сложное положение. С одной стороны, он, видимо, еще во время исследования продолжал доброжелательно относиться к Г.Ф. Миллеру и, вероятно, сочувствовал ему в такой ситуации. Ломоносов на собственном опыте еще раз имел возможность убедиться в неограниченных возможностях административного давления на членов Академии. С другой стороны, он убеждался в диктаторских методах Миллера в Историческом собрании. Но для Ломоносова все эти обстоятельства отступали на второй план перед особым значением корпоративной солидарности членов Академии, которая следовала из ее Устава, и перед обязанностями подданного Российской империи.

Впрочем, это дело было оставлено К.Г. Разумовским без последствий. По словам М.В. Ломоносова, такой исход стал возможен «по негодованиям и просьбам Миллеровых при дворе приятелей» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 287]. Возможно, и Разумовский понимал, что по данному делу достаточно ограничиться своим «пристойным выговором». По его словам, можно «по искусству его в науках ожидать от него (Миллера. — М. С.) немалой пользы Академии». Поэтому его следовало в Академии сохранить. Разумовский откровенно писал, что если Миллер не изменит своего отношения к Делилю, не будет в полной мере привержен Академии наук, то «всегда найдется поступить с ним по указам Ея И. В.». Так что, постановил президент, Миллеру «быть по-прежнему у своего дела», т. е. он был восстановлен в своих должностях [*Материалы.* 1897. Т. 9. С. 556–557].

Данный эпизод с Г.Ф. Миллером и с академическим расследованием обратил внимание М.В. Ломоносова на то, *что* и *как* писал Миллер, в частности, в отношении российской истории.

Участие М.В. Ломоносова в Историческом собрании, в обсуждении и утверждении к печати первого тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера свидетельствовало о его значительных возможностях в освоении ремесла историка. Поэтому административное управление Академии наук решило все более привлекать его к разысканиям об истории России. Ближайшая возможность для этого представилась, когда В.Н. Татищев обратился, вероятно, к И.Д. Шумахеру с просьбой, чтобы Ломоносов написал посвящение к первому тому «Истории Российской» (как написал Ломоносов в письме к Татищеву, «предызвещение» к «Истории Российской» и примечания были переданы ему Шумахером [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 461]).

В.Н. Татищев высоко ценил труды М.В. Ломоносова. В его библиотеке находился изданный Ломоносовым перевод «Физики» Х. Вольфа. Ломоносовскую «Риторику» он называл наряду с сочинениями В.К. Тредиаковского и А.П. Сумарокова произведениями «хвалы достойными» [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 342, 444]. Поэтому не удивительно, что Татищев обратился за помощью к Ломоносову, а Шумахер эту просьбу поддержал.

Письмо В.Н. Татищева не сохранилось. Но, учитывая, что М.В. Ломоносов датировал свой ответ Татищеву 27 января 1749 г., опальный административный деятель и историк обратился за помощью в конце 1748 — начале 1749 г.

Написанное М.В. Ломоносовым предисловие и письмо позволяют установить тот круг идей, которыми он руководствовался в своей деятельности в 1748 г.

В.Н. Татищев собирался посвятить свой труд наследнику престола великому князю Петру Федоровичу, внуку Петра Великого. Такое посвящение в правление Елизаветы Петровны предполагало указания на преемственность деяний потомков Петра. Идеи петровских традиций были свойственны также Татищеву и Ломоносову. Так что Ломоносов излагал в посвящении не только мысли Татищева и его труда, но и собственные взгляды на историю в контексте идеологии того времени.

М.В. Ломоносов раскрыл основное содержание труда В.Н. Татищева как историю государства в деятельности его правителей: «Дела бывших в России владетелей <...> ясно показывают широко распространенные пределы сего государства». Но история не должна стать славословием государям и государству. Поэтому Ломоносов обратился к диалектической мысли Петра Великого, в соответствии с которой в истории должны изображаться не только победы, но также тяжелые испытания, преодоление которых раскрывало всю тяжесть трудов и потерь для обретения побед: «<...> но как оное возрастало, и умножение его могущества и славы *коль тяжким затруднениям подвержено было, и как оные преодолены*, о том весьма немногие знание имеют, *лишаясь достоверного описания деяний российских*». По Ломоносову, отрицательными следствиями славословия является то, что «затмеваются» заслуги государей перед Россией и «древнего российского народа славное имя», остаются неизвестными «добрые примеры мужественных поступков и премудрых поведений». Такое объективное изложение отечественной истории Ломоносов характеризует как проявление патриотизма — «искренняя любовь» и «горячее усердие к отечеству». Эти знания должны не только сообщать россиянам сведения о реальной российской истории, но также иметь воспитательное значение — они «природную добродетель к достохвальным делам побуждать могут» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 15–16; курсив наш].

В письме к В.Н. Татищеву М.В. Ломоносов полностью поддержал содержание «Предызвещения» — «оное весьма изрядно и во всем достаточно и поправления никакого не требует». Такого рода характеристика Ломоносовым сложного в своем содержании введения к первому тому «Истории Российской» свидетельствует о том, что к началу 1749 г. он хорошо разбирался в вопросах теории и историографии исторической науки.

Содержится в письме лишь одно тактично выраженное замечание. М.В. Ломоносов напомнил В.Н. Татищеву о его объяснении, почему он не рассматривает в «Истории Российской» время правления Петра Великого —

дабы «упомяная худые дела знатных некоторых людей, не досадить бы их фамилии», т. е. в недавнее для авторской работы Татищева время еще были живы деятели Петровской эпохи и их ближайшие потомки. Поэтому Ломоносов тактично отметил, что надо быть последовательным и «сие правило надлежит <...> наблюдать и в самом предызвещении» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 462].

М.В. Ломоносов, осознавая связи исторических идей с общественно-политической жизнью государства, в начале 1749 г. стремился не связывать их с деятельностью общественно-политических персонажей, еще здравствующих, или их потомков. В труде В.Н. Татищева он увидел иной подход. Эпизод, упомянутый Ломоносовым, содержался в «Предызвещении» первого тома второй редакции «Истории Российской». Татищев датировал изложенные в нем события 1717 г.

В начале этого эпизода В.Н. Татищев упомянул графа П.И. Мусина-Пушкина, по его словам, «человека великого лицемерства и коварства исполненного». В присутствии Петра Великого Мусин-Пушкин стал восхвалять его деяния и «уничтожать» «дела» царя Алексея Михайловича. Петр был разгневан таким лицемерием и пошел к Я.Ф. Долгорукому, известному своим правдолюбием и неподкупностью. Тот сказал государю, в чем заключались достоинства его правления, а в чем — его отца. Завершил Долгорукий свои размышления следующей сентенцией: «Что же разсуждают, якобы государи каковых министров умных или глупых имеют, таковы их и дела, но я противно разумею, что мудрый государь умеет мудрых советников избрать и верность их наблюдать, итак, у мудраго не могут быть глупые министры, понеже он о достоинстве каждого разсудить и правые советы от неправых и вредных различить может». Петр был доволен суждениями Долгорукого. А.Д. Меншиков и другие старались «озлобить» на него государя, но в этом не преуспели [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 87–88].

На это повествование М.В. Ломоносов обратил внимание В.Н. Татищева. Но тот не учел сделанного ему Ломоносовым замечания. Они находились в разном положении. Ломоносов занимался активной научной и литературной деятельностью в столице. Поэтому указания на недостойные деяния предков современных ему знатных родов были для него невозможны. Татищев также придерживался этого принципа. Но в условиях поднадзорной болдинской ссылки для него более существенным оказалось стремление к правде и справедливости в изложении исторических событий. Впрочем, Ломоносов вскоре учел этот татищевский урок.

Как следует из письма М.В. Ломоносова к В.Н. Татищеву, в начале 1749 г. он считал себя специалистом только в естественных науках. Отвечая на предложение Татищева перевести псалом 103, Ломоносов написал ему о двух обстоятельствах, которые препятствуют исполнению такого намерения: «Первое — недосуги, ибо главное мое дело есть горная наука, для которой

я был нарочно в Саксонию послан, также химия и физика много времени требуют, кроме текущих дел в Академических собраниях». В качестве второго обстоятельства Ломоносов назвал опасение, что он может не справиться с адекватным изложением содержания «псаломских стихов». Действительно, он переводил сто третий псалом, но так и не закончил работу над переводом [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 462, 804, примеч. 2; Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. 1975. С. 93–94].

В научной литературе, разумеется, обращали внимание на обсуждение В.Н. Татищевым и М.В. Ломоносовым стихотворного перевода псалма 103, тем более что в поэтическом творчестве Ломоносова есть блестящие образцы такого рода переводов. Но, кажется, исследователи не обратили достаточного внимания на содержание этого псалма. Речь в нем идет об определяющих все сущее животворящих деяниях Господа, о воспевании Господа. Впрочем, завершается псалом не благостно, а угрозой: «Да исчезнут грешники с земли, и беззаконных да не будет более». В таком содержании псалом 103 соотносится с эпизодом о людях неправедных в «Предъизвещении» В.Н. Татищева.

Тема борьбы с «грешниками», людьми неправедными, близкая М.В. Ломоносову в его жизни ежедневной и в деятельности академической, вторгалась и в его занятия наукой исторической. В 1747 — начале 1749 г. эта тема была актуальна для Ломоносова в период сопротивления проискам П.Н. Крекшина, его непрофессиональному изложению отечественной истории. Возникла она и в скандальном эпизоде письма Ж.-Н. Делиля к Г.Ф. Миллеру, и в его переписке с В.Н. Татищевым при обсуждении вопросов исторических и литературных.

В таком состоянии идейного и нравственного сопротивления «грешникам» и людям «беззаконным» М.В. Ломоносов встретил летом и осенью 1749 г. новую острую ситуацию, которая возникла в Академии наук в связи с предстоящим празднованием 5 сентября дня тезоименитства императрицы. Составной частью этих событий должно было стать назначенное на следующий день торжественное заседание в Санкт-Петербургской императорской Академии наук. Данная ситуация осложнялась тем, что в абсолютистском государстве такое событие приобретало общероссийское политическое значение.

2. Обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера в 1749–1750 гг.

В соответствии с регламентом Академия должна была проводить три публичных ассамблеи — в память своего основателя Петра Великого в начале января, в память императрицы Екатерины I в начале мая, а также в честь тезоименитства здравствующей императрицы 5 сентября. Такое торжественное заседание должно было состоять из чтения двумя академиками диссертаций (так в то время назывались доклады на научную тему) — одна на русском

языке, другая — на латинском. Вторую из них следовало перед официальным прочтением перевести, напечатать и «раздать званым в собрание слушателям». Но поскольку, по словам реального административного руководителя Академии И.Д. Шумахера, «число как академиков, так и адъюнктов не полно», уже вскоре после наступления Нового года, 12 января, ему нужны были указания президента Академии К.Г. Разумовского: «при нынешних обстоятельствах» следует проводить три обязательных собрания или только одно [Материалы. 1897. Т. 9. С. 651–652].

Торжественное заседание в честь тезоименитства здравствующей императрицы было обязательным. Ему было придано особое значение. Зимой–весной 1749 г. была подготовлена программа этой «ассамблеи», которая, видимо, дополнялась и конкретизировалась. В окончательном варианте «Предисловие» к «речам» должен был огласить Я. Штелин. М.В. Ломоносову следовало прочесть «Слово похвальное ея величеству государыне императрице Елисавете Петровне <...>», Г.Ф. Миллеру — диссертацию. Было назначено выступление астронома Х.Н. Винсгейма. Следовало также подготовить иллюминацию «из картин», по проектам академических художников [Биларский П.С. 1865. С. 134–135; Материалы. 1900. Т. 10. С. 21, 66].

В бесчисленной литературе, посвященной изучению биографии М.В. Ломоносова и российской историографии, участие Ломоносова в обсуждении диссертации Г.Ф. Миллера и приведенные им доказательства рассматривались как протест против засилья немцев в российской исторической науке, как начало антинорманистского направления в изучении русской истории [Мавродин В.В. 1949. С. 11], как выступление «главного борца против антинаучной и клеветнической норманской теории, искажавшей подлинную историю русского народа» [[Свирская В.Р.] 1952. С. 550], как критика «лженаучной и реакционной “норманской теории”» [Пештич С.Л. 1965. С. 178], как выступление ученого «против фальсификации истории Руси, в угоду чему вершилось явное насилие над источниками» [Фомин В.В. 2006. С. 308] и т. д.

Такие характеристики определялись в разные периоды отечественной истории, прежде всего, политикой властей, а также теориями, противопоставлявшими историческое развитие России и стран Западной Европы, делением историков на партии «норманистов» и «антинорманистов». Вследствие этого главным становилось не научное изучение сложнейших проблем этногенеза, этнической, социальной и политической истории раннесредневековой Европы и Восточной Европы как ее составляющей, а борьбой этих партий, их идей, делением исследователей на «своих» и «чужих». Жертвами такой политики и борьбы идей становились исследовательский процесс, системный анализ всей совокупности исторических источников, всех исторических фактов, относившихся к изучению данных источниковедческих и исторических проблем.

Великие русские историки стремились раскрыть научное содержание обсуждения диссертации Г.Ф. Миллера, а также общественно-политических обстоятельств, в которых оно происходило. Н.М. Карамзин, чьи идеи определялись сложным сочетанием воспитания на просветительских идеях единства исторического процесса, патриотизма в условиях участия России в антинаполеоновских войнах и победы в Отечественной войне 1812 г., влияния возникающего романтического направления в философии и консерватизма общественной позиции, писал в 10-е гг. XIX в.: «Миллер в речи своей о древностях нашего государства, вместе с Баером признав Варягов Скандинавами, справедливо доказал ошибку тех, которые единственно по сходству имени считают Варягов-Русь древними Роксоланами: ибо первые жили на севере, а другие в окрестностях Азовского моря. Ныне трудно поверить гонению, претерпенному Автором за сию Диссертацию в 1749 году. <...> История кончилась тем, что Миллер занемог от беспокойства, а Диссертацию, уже напечатанную, запретили» [*Карамзин Н.М.* 1989. С. 217, примеч. 111].

В.О. Ключевский особое внимание обращал на экономический, социальный, политический, природный и психологический факторы в историческом процессе. Историю исторических идей он также рассматривал в контексте множественных воздействующих на нее причин. В лекциях, которые читал Ключевский по русской историографии в 1880-е — начале 1900-х гг. в Московском университете, было рассмотрено, в частности, обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера. Ключевский особо отметил в нем влияние политических и психологических причин: «Речь Миллера явилась не во время; то был самый разгар национального возбуждения, которое появилось после царствования Анны и которому была обязана престолом Елизавета Петровна. Минувшее десятилетие стало предметом самых ожесточенных нападок; даже церковные проповеди обратились в политические памфлеты, направленные против темного десятилетия. <...> Новое, национальное царствование началось среди войны со Швецией, которая кончилась миром в Або 1743 г. В это время готовиться сказать по случаю тезоименитства на торжественном заседании Академии, что шведы дали Руси и народное имя и государей, едва ли значило украсить торжество». Ключевский кратко изложил доводы Ломоносова в его заключении от 21 июня 1750 г. и сформулировал его завершающий вывод: «речь Миллера не может служить к чести российской Академии и побуждать российский народ на любовь к наукам».

Отмечая формирование под воздействием социально-экономического и политического факторов особой идейной среды, В.О. Ключевский писал о М.В. Ломоносове: «В исторических взглядах Ломоносова отразилось влияние господствующей идеи царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками — такова была господствующая мысль того времени». Ключевский объяснил этой «господствующей идеей» происхождение «культа Петра» в елизаветинское царствование. Но его на-

блюдение имеет более существенное и более широкое значение, поскольку оно раскрывало основы происхождения определяющих правительственных идейных импульсов этого периода.

Такая идеологическая политика воздействовала, разумеется, не только на М.В. Ломоносова. Ранее под ее влиянием оказался П.Н. Крекшин, что предопределило его интерпретацию российской династической истории. Ныне в тех же определяющих условиях идейной среды оказалось обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера. По словам В.О. Ключевского, «Миллер действительно потерпел за речь». Изложив письмо И.Д. Шумахера в связи с обсуждавшейся диссертацией (см. далее, с. 567–568), он назвал это письмо пародией на речь Миллера и добавил: «Все это любопытно для характеристики ученой и нравственной обстановки, среди которой развивалась русская историография в XVIII в.» [*Ключевский В.О.* 1959. Т. 8. С. 403–405, 410].

Мнения исследователей о диссертации Г.Ф. Миллера и о значении ее обсуждения в становлении исторической концепции М.В. Ломоносова не только различны, но имеют также в значительном числе случаев оценочный характер. Они свидетельствуют об объективных и субъективных факторах в их формировании. Сосредоточенность на борьбе «норманистских» и «антинорманистских» идей отвлекала внимание авторов в XIX — начале XXI в. от конкретного изучения исследовательских подходов в середине XVIII в. к проблемам происхождения «имени и народа российского». Поэтому существенны комплексный анализ содержания дискуссии, посвященной диссертации Миллера, ее значения для отечественной исторической науки. Но при этом необходимо учитывать исследовательское направление, которое было намечено В.О. Ключевским, — воздействие на содержание дискуссии тех общественно-политических идей, которые господствовали в это время в царствование Елизаветы Петровны.

Торжественное собрание 6 сентября, кроме официального государственного назначения, должно было показать успехи Академии вследствие недавнего введения ее нового устава. Но, вероятно, для такого академического торжества существовало еще одно веское основание. Когда происходила подготовка к нему, завершался фавор А.Г. Разумовского и, в соответствии с традицией абсолютистских государств, под вопросом оказывалась судьба его брата, президента Академии наук. Дворцовая интрига заключалась в том, что братья Петр Иванович и Александр Иванович Шуваловы достигли в 1746–1747 гг. высокого положения при дворе и в государственном управлении. Но их положение могло стать незыблемым в правление Елизаветы Петровны только тогда, когда место А.Г. Разумовского займет их родственник. Таким родственником при активном содействии фрейлины императрицы и жены П.И. Шувалова Мавры Егоровны стал их двоюродный брат — восемнадцатилетний красавец, скромный и прекрасно образованный Иван Иванович Шувалов [*Бартенев П.* 1857. С. 6–9; *Анисимов Е.В.* 2005. С. 210–217].

И.И. Шувалов, действительно, поддерживал своих кузенов, так что не случайно Екатерина II позднее вспоминала, что «камер-юнкер Шувалов» «не был ни в хороших, ни в дружеских отношениях с семьею Разумовских» [Записки императрицы Екатерины Второй. 1989. С. 311].

16 октября 1749 г. воспитатель и доверенное лицо К.Г. Разумовского Г.Н. Теплов сообщал в Петербург И.Д. Шумахеру о решении Правительствующего Сената «о пожаловании пажа Ивана Шувалова в камер-юнкеры». Об этом следовало напечатать в «Ведомостях», издававшихся на русском и немецком языках. Таким образом, в изменившихся обстоятельствах организуемое Академией празднование дня тезоименитства Елизаветы Петровны должно было способствовать сохранению высокого положения К.Г. Разумовского в его статусе президента Академии. Впрочем, своего удаления из столиц ему предотвратить не удалось. Чтобы сделать это с почетом, в 1750 г. была восстановлена должность гетмана. В следующем году К.Г. Разумовский поселился на Украине в Глухове, а позднее в Батурине, где традиционно находились гетманские резиденции.

Все эти обстоятельства объясняют особое внимание к подготовке празднования 6 сентября. Она осуществлялась под руководством Г.Н. Теплова и И.Д. Шумахера, а также под постоянным наблюдением самого К.Г. Разумовского. Вероятно, в марте была завершена разработка плана «публичного Академического собрания» и его осуществления, а 7 апреля академическая Канцелярия направила М.В. Ломоносову ордер, в соответствии с которым он должен был написать к публичному собранию Академии наук 5 сентября похвальное слово императрице Елизавете Петровне [Летопись. 1961. С. 142].

В отчете от 8 мая 1749 г. М.В. Ломоносова сообщил: «Задал сочинять слово похвальное к будущему в сентябре месяце публичному Академическому собранию». Такое срочное исполнение распоряжений К.Г. Разумовского было в то время делом обычным. В частности, когда императрица «изуственным своим имянным указом изволила» К.Г. Разумовскому повелеть, чтобы профессора В.К. Тредиаковский и М.В. Ломоносов «сочинили» «по трагедии», тот в качестве президента Академии передал это распоряжение в указе от 29 сентября 1750 г., а в отчете, подписанном 22 января 1751 г., Ломоносов сообщал: «В сентябрьскую треть прошлого 1750 года продолжал сочинять трагедии «Тамира и Селим» и окончил в ноябре месяце, а в декабре месяце по именному ж Е. И. В. указу начал сочинять другую трагедию, «Демофонт» называемую, для которой материалы расположил» [Биллярский П.С. 1865. С. 145; Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 383].

Содержание ломоносовского «Слова похального», равно как и диссертации Г.Ф. Миллера, требовало определенного этикета, свойственного эстетике классицизма, а также традициям абсолютистского государства, — «речи» на публичном собрании Академии должны были в идеальных образах прославлять императрицу, ее предшественников на российском престоле, а

также Россию и россиян. Изложение не должно было быть насыщенным научными разысканиями, дабы оно было в равной мере доступным слушателям высоко образованным и мало просвещенным.

Кроме таких эстетических и организационных начал государственная власть и административное управление Академии осуществляли конкретный контроль и руководство над подготовкой к предстоящему действию. М.В. Ломоносов постоянно помнил указание академической Канцелярии: «В писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосужению России или ея союзников касается». Так что когда разгорелся скандал в связи с тем, что в «Ведомостях» о повышении И.И. Шувалова в камер-юнкеры сообщалось без указания отчества нового фаворита императрицы, Ломоносов сообщил Шумахеру в письме от 17 ноября 1749 г., что в его обязанности не входит наблюдение над содержанием «российских артикулов» в «Ведомостях»: «Затем в них я ничего перемывать не должен, кроме погрешностей в российском языке, а особливо что *в данной мне инструкции предписано от всяких умствований удерживаться*» [Билярский П.С. 1865. С. 134–137; Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 468, 806–807; курсив наш]. В этих словах ясно видно оскорбленное чувство человеческого достоинства творческой личности, подавленной административной властью.

В таких обстоятельствах российской действительности конца 40-х гг. М.В. Ломоносов учел как этикетность ситуации произнесения своего «Слова похвального», так и бдительный надзор власть предержащих над «всякими умствованиями». Поэтому он в обязательных для данного случая фразах написал, что «под благословенною державою всемилостивейшия Государыни наша покаяющиеся многочисленные народы торжествуют и веселятся о преславном Ея на Всероссийский престол восшествии», о процветании России и всего в ней сущего.

Содержала «речь» М.В. Ломоносова также исторический экскурс, который должен был показать успехи предшественников Елизаветы Петровны на царском престоле: «Для того описал бы я ныне вам младаго Михаила, для стелания и слез прадедов наших приемлющаго с венцем Царским тяжкое бремя поверженныя России, обновляющаго рассыпанные храмы, собирающаго расхищенныя государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступных хищников Российскаго престола и Москву от жестокаго поражения и глубоких ран исцеляющаго; изобразил бы я ныне премудраго и мужественнаго Алексея, бодрым своим духом ободряющаго Россию, начавшую паки двигать свои мыжцы, утверждающаго благополучие подданных спасительными законами, полки военную наукою, церковь истреблением ереси, простирающаго победоносный меч свой на Сармацию (т. е. на Польшу. — М. С.) и России издревле принадлежавшия великия княжества праведным оружием России возвращающаго». В этом ряду правителей названы, разумеется, Петр Великий

и «Августейшая Екатерина», родители здравствующей Елизаветы, но не указаны те ее предшественники и родственники, чьи имена могли бы смутить императрицу и власть предержащих в ее правление: цари и царицы Федор, Софья, Иван Алексеевичи, а также «Ивановичи» — Анна Ивановна, Анна Леопольдовна, девятилетний Иоанн VI Антонович. Идеализированным правителям, которых назвал Ломоносов, были свойственны лишь победы в войнах и успехи в мирное время. Повествовалось о них возвышенным стилем и прекрасным литературным слогом [Ломоносов М.В. ПСС. 1959. Т. 8. С. 235–241]. Поэтому 10 августа 1749 г. «апробированную» им и, вероятно, К.Г. Разумовским «речь» Ломоносова Г.Н. Теплов отправил в Петербург И.Д. Шумахеру, который через неделю приказал ее «печатать» [Биллярский П.С. 1865. С. 130].

Судьба диссертации Г.Ф. Миллера оказалась иной. Подобно Ломоносову Миллер активно работал над своей речью. 9 июля он передал для перевода с немецкого языка на латинский первую тетрадь, а 27 июля — вторую. Академической Канцелярией перевод был поручен адъютанту К.Ф. Модераху. 3 августа Миллер принес весь текст диссертации, в которой ранее написанная часть была переработана, так что нуждалась в измененных местах в повторном переводе. Поскольку работа была срочной, Модерах обратился в Канцелярию с просьбой направить ему в помощь переводчика В. Лебедева, освободив его временно от других поручений. Вскоре перевод диссертации был подготовлен, и по распоряжению Канцелярии за подписью И.Д. Шумахера диссертация Миллера и «Похвальное слово» Ломоносова на русском и латинском языках были переданы в типографию Академии наук. Половина тиража в 1000 экземпляров должна была быть отпечатана на дорогой «александринской» и «комментарной» бумаге.

По указанию К.Г. Разумовского диссертация Г.Ф. Миллера была прочитана 23 августа на объединенном Академическом и Историческом собрании, на котором присутствовал М.В. Ломоносов. После ее прочтения принято решение диссертацию напечатать после исправления тех мест, которые были отмечены президентом и профессорами. Так что 2 сентября было разослано приглашение Академии наук на публичное собрание 6 сентября, в котором сообщалось, что Миллер «читать будет диссертацию о начале российского народа и от чего онный так называется». В приглашении были указаны также чтение Ломоносовым «Слова похвального» и выступление астронома Х.Н. Винсгейма. «Предисловие» к «речам» должен был огласить Я. Штелин.

Впрочем, по приказу К.Г. Разумовского собрание было перенесено на 25 ноября, годовщину вступления Елизаветы Петровны на престол, а диссертация Г.Ф. Миллера должна была быть подвергнута «апробации» в самые короткие сроки. 6 сентября в качестве экспертов были назначены профессор И.Э. Фишер, М.В. Ломоносов, Ф.Г. Штрубе де Пирмон, В.К. Тредиаковский, а также адъютанты Н.И. Попов и С.П. Крашенинников. Им было поручено «как наискорее освидетельствовать, *не сыщется ль в оной чего для*

России предосудительного, и по свидетельстве объявить им о том свои мнения письменно в Канцелярию». Тогда же Канцелярией было решено «оную диссертацию профессору Миллеру переправить и сделать так, чтоб приличествовала оному, впредь назначенному времени, и сим крайне поспешать, чтоб заблаговременно оное как на русском, так и на латынском языках апробировать и напечатать было возможно» [*Билярский П.С.* 1865. С. 129–132; Материалы. 1900. Т. 10. С. 66, 74, 83; *Ломоносов М.В.* 1902. Т. 5. С. 108–110; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 547; курсив наш].

Современники этих событий и более поздние исследователи обвиняли в произошедшем П.Н. Крекшина, И.Д. Шумахера, М.В. Ломоносова. Между тем, такие обвинения несправедливы, хотя Шумахеру еще в период подготовки диссертации к публикации очень не нравилась ее тема [*Ломоносов М.В.* 1902. Т. 5. С. 103–107]. Президент Академии, участники объединенного академического собрания и Канцелярия были согласны с публикацией диссертации при условии исправления некоторых ее положений. Они признали право Г.Ф. Миллера на изложение своих научных взглядов. Но при этом выявлялась необходимость ее приведения в соответствие с этикетом публичного собрания Академии наук по поводу торжественного события в жизни императрицы. Все участники обсуждения должны были следовать императорской идеологической политике. К тому же во время обсуждения «речей» участников торжественного собрания, вероятно, все более очевидным становилось значение смены императорских фаворитов, вследствие чего для президента Академии и его помощников ошибка была недопустима.

Многочисленные исследователи, анализируя критические замечания М.В. Ломоносова по поводу диссертации Г.Ф. Миллера, мало обращали внимания на приведенные ранее обстоятельства, в которых происходило ее обсуждение. Впрочем, не анализировалось и само это исследование как произведение российской историографии середины XVIII в. Такой подход не только обеднял состояние российской исторической науки в то время, но также делал односторонним анализ творчества Ломоносова как историка.

Г.Ф. Миллер в своей диссертации «Происхождение народа и имени Российского» вернулся к сложнейшей проблеме, которая уже существовала в российской и, шире, европейской исторической науке. Но он стремился показать в своих разысканиях новые исследовательские возможности.

Г.Ф. Миллер решительно отверг мнение, изложенное в «Синописе» и новейших разысканиях немецкого историка и филолога И.Х. Шёттгена, о происхождении названия города и реки Москва от сына библейского Иафета Мосоха и от его потомков — азиатского племени мосхов. Возразил он против широко распространенного мнения о Росе, «праотце Российского народа», якобы названного в библейской книге пророка Иезекииля. Он подверг критике мысль о происхождении «Россиян» от сарматского племени роксоланов [здесь и далее см.: *Миллер Г.Ф.* 1749. С. 5–54]. Такой подход Миллера к этим

дискуссионным проблемам совпал с мнением В.Н. Татищева, который к этому времени уже изложил свои наблюдения в первой редакции «Истории Российской», над которой он работал в 30–40-е гг. [Татищев В.Н. 1964. Т. 4. С. 77–78, 80].

Продолжая разыскания о времени появления в исторических источниках этнонима *рос*, Г.Ф. Миллер указал на традиционные обобщающие названия восточноевропейских народов скифами и сарматами в грекоязычных византийских источниках, тогда как народ *рос*, по его наблюдениям, стал упоминаться в них с IX в. Он отметил как недоказанные мнения, объяснявшие происхождение названия *россиян* от роксоланов, скифов и сарматов, от *рассеяния* их расселения («Синописис»), от русских волос, от военного крика «рази!» или от «выдуманного» князя Руса, брата Чеха и Леха. Привел он также мнение «Синописиса» о происхождении названия «россиян» от города Старая Руса, но резонно предположил, что «оной город назван по Россиянам, а не Россияне по городу».

Кратко и критично изложив многочисленные предшествующие суждения об этнониме и происхождении руссов, Г.Ф. Миллер предложил свое решение поставленной в диссертации проблемы. По его мнению, коренным населением Восточной Европы и Сибири до «самых Китайских границ» являлась *чудь* или *чухонцы*, как тогда называли финно-угорские народы. Соглашаясь с идеей о происхождении имени *славяне* от слова *слава*, Миллер объяснил его происхождение быстрым расселением славян в Восточной Европе, основанием ими городов Киева, Новгорода, Смоленска, Чернигова. При этом он особо подчеркнул, что Новгород построен после основания Киева в 430 г. (по М. Стрыйковскому и «Синописису»), что вносило определенный историзм в сравнении с мнением об основании Новгорода в библейские времена. Миллер попытался установить время правления легендарного Кия в контексте мировой истории — в правление византийского императора Феодосия II, т. е. в первой половине V в. н. э.

О славянах Г.Ф. Миллер написал, в основном, в соответствии с летописью «Нестора», точнее, по летописным текстам, в основе которых находилась ПВЛ, но дополнял их собственными представлениями о происходивших событиях. Славяне первоначально жили на Дунае, но были оттуда изгнаны волохами. Тогда они переселились на Днепр, овладели Польшей, построили города Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов. В связи с началом русских городов он подверг критике сообщение, восходившее к ПВЛ, о Кие, перевозчике через Днепр, а также «новгородского летописца», в соответствии с которым «Новгород построен во времена Моисеевы и израильской работы (т. е. рабства израильтян в Египте. — М. С.)».

Большую часть восточнославянских племен Г.Ф. Миллер идентифицировал и локализовал достаточно точно. Впрочем, в соответствии с уровнем развития исторической науки того времени он ошибочно отождествил по созвучию дреговичей с жителями Дорогобужа. Он предположил происхождение

ние племенного названия кривичей от эпонима — литовского и прусского языческого жреца Криве, а расселение северян определил к северу от р. Десны. Как и многие исследователи позднее, он не смог раскрыть содержания сообщения ПВЛ о том, что восточнославянские племена радимичей и вятичей — «от рода ляхов», тогда как под славянским племенным названием вятичей он предположил чувашей или вотяков, которые жили на реке Вятке.

Обратившись к проблеме происхождения варягов, Г.Ф. Миллер объяснил происхождение их названия от плавания по морю или от их «искусства воинского», о чем он ранее написал, возражая в 1747 г. П.Н. Крекшину. В последнем предположении он указал на созвучные слова со значением *война* у скандинавов и англичан. В первом случае Миллер имел в виду слова близкие к этимологии слова *варяг*, во втором — *war* — *война*. Миллер упомянул мнение автора «Синописа» о славянском происхождении варягов. Опровергая эту мысль, Миллер сослался на имена варягов скандинавского происхождения, на указание византийским императором Константином Багрянородным разных названий днепровских порогов, славянских и «российских».

Начало этих варяжских названий Г.Ф. Миллер возвел к готам, которые жили у Черного моря, но были изгнаны оттуда римлянами. Тогда, по его мнению, готы прошли через Сарматии и Германию до северных регионов Европы, основав королевства Датское, Норвежское и Шведское. То есть он предположил направление готского переселения, противоположное историческому. Позднее скандинавы, по Миллеру, расселились на южном берегу Балтийского моря. Их короли правили в Англии, в «обеих Сицилиях», они «завладели немалою частию Франции». «Наконец» этот народ, как написал Миллер, «победоносным оружием благополучно покорил себе Россию, или лучше сказать Австрию, Острогардию, Гардарикию, Голмгардию, Гунниландию, которыми именами тогда наши земли от соседственных народов назывались, не зная еще тогда о Российском имени». По Миллеру, «скандинавы всегда старались наипаче о приобретении себе славы Российскими походами», от них «Россияне» обрели свое имя и царей.

В подтверждение такого мнения Г.Ф. Миллер привел сведения из легендарных повествований «Деяний датчан» Саксона Грамматика (середина XII — первая четверть XIII в.), исландской «Саги об Эймунде», в которой была отражена и позднее переосмыслена историческая действительность. Повлияла на Миллера и шведская школа О. Рюдбека. Поэтому он написал в своей диссертации, что гунны владели частью России до Финского залива. Согласился Миллер с мнением Рюдбека, в соответствии с которым «Голмгардия» находилась в устье Северной Двины, что стало началом города Холмогоры, где «древние биармийские Цари имели свою столицу». Древнескандинавское название Киева Кэнугард он отнес к «северной части России» и к Киеву. Причина таких различий в идентификации топонима заключалась в том, что Миллер, как и его современники, не видел существенной разницы

между немецкими латиноязычными хрониками Адама Бременского, Гельмольда, Саксонского Анналиста, исландскими родовыми и королевскими сагами, насыщенными достоверной исторической информацией, и так называемыми «лживыми сагами», «сагами о древних временах» как разными видами исторических источников.

Вследствие такого подхода к источниковой информации, а также логических рассуждений Г.Ф. Миллер отверг обоснованное отождествление Т.З. Байером Ладоги и ее древнескандинавского названия Альдейгьюборг. Вместе с тем, знание исторических источников позволило Миллеру подвергнуть критике мнение О. Рюдбека о названии Ладожского озера Алдеск. Впрочем, наблюдение Рюдбека о близком географическом положении Альдейгьюборга к Ладожскому озеру было верным. Такой обоснованной локализации Байером и Рюдбеком Альдейгьюборга Миллер противопоставил свое ошибочное суждение о его расположении «где-нибудь в Эстландии или в Ингерманландии на берегу Финского залива». Столь же ошибочно Миллер считал, что основателями Альдейгьюборга и Кэнугарда являлись готы.

Участие Г.Ф. Миллера в дискуссии о локализации древнерусских городов и их названиях в разных по происхождению исторических источниках осуществлялось на уровне научных знаний середины XVIII в. и являлось конструктивным. Но его попытка изложить историю Восточной Европы в соответствии с вымышленными легендарными сведениями «Саги о Хервёре и короле Хейдрике», относившейся к «сагам о древних временах», а также Саксона Грамматика имела следствием повествование о вымышленных событиях и персонажах.

Реальные исторические основания в изложении древнерусской истории появились лишь в конце диссертации Г.Ф. Миллера, когда он вернулся к летописям. В частности, он исправил ошибку Т.З. Байера, который отождествил названия озер Клецина (т. е. Переяславского озера) и Псковского. Впрочем, древнейшая политическая история приобретала у Миллера полуфантастический вид вследствие компилятивного применения разных по происхождению исторических источников и логического метода, который подменял научный анализ этих источников. Поэтому появление Рюрика в Восточной Европе вслед за средневековой традицией он продолжал связывать с Новгородом.

Г.Ф. Миллер отрицал существование в древнем Киеве князя Дира, считая, что это имя — ошибочно понятое название его «чина», который на готском языке означал «судья, начальник». Вслед за Т.З. Байером Миллер исследовал вопросы хронологии правления Аскольда, походов русов на Византию в 860 и 866 гг., соотнося известия византийских источников и летописей. Поэтому он пришел к выводу, в соответствии с которым Аскольд был князем в Киеве до призвания Рюрика в Новгород. Рассматривая возникающую при этом проблему варягов на Руси, он учитывал, кроме древнерусских, византийские источники, Бертинские анналы (839 г.), «Antapodosis» (888–948 гг.)

кремонского епископа Лиутпранда, свои лингвистические наблюдения. Из них он сделал два вывода. Поскольку финны называли и называют шведов россами, славяне стали называть так же варягов — «из северных стран пришельцев». Находясь «под владением варягов», и славяне «имя Россиян приняли», но затем последовала славянизация варягов — «Славенский язык Варяжский преодолел» вследствие большей численности славян, перевода на славянский язык «божественных книг» и богослужения на нем.

Признав факт изгнания варягов из «северной части России» в соответствии с летописным известием, восходившим к ПВЛ под 6970/862 г., Г.Ф. Миллер изложил последующую славянскую историю по «Новгородскому летописцу». Гостомысл являлся новгородским князем, его сын Словен построил город вблизи современного Пскова, где он скончался после трехлетнего правления. Его единственный «наследник» Избор умер от «угрызения змеи». По именам правителей этот город назывался Словенск, а позднее Изборск. Впрочем, сославшись на летопись «Нестора» и на труд Константина Багрянородного «Об управлении империей», Миллер написал, что у «новгородцев» были не князья, а старейшины. По этой причине он считал, что Изборск основан варягами и названием его было Иссабург. Имя Гостомысла, по Миллеру, также было иным — Гостомил, то есть «к чужестранным склонный», поскольку именно он «присоветовал» новгородцам «отправить к Варягам посольство для упрощения себе князя».

В этой конструкции Г.Ф. Миллер вновь руководствовался не известиями исторических источников, а презумпцией общественно-политической отсталости славян в сравнении с варягами. Такую интерпретацию исторических событий он совместил с их толкованием, уместным в правление Анны Ивановны, но не Елизаветы Петровны. В связи с появлением Рюрика и его легендарных братьев у славян Миллер написал, что они «приехали» не «из-за моря», как сообщалось в летописи, а из «Немец», сославшись на «Новгородский летописец». Миллер предположил, что «Князья Варяжские приехали» из Лифляндии, — в то же время «варягами были наполнены» «все берега Балтийского моря, Лифландия, Эстландия и Ингерманландия, а особливо состоявший в соседстве город Алдейгабург».

Содержание диссертации «Происхождение народа и имени Российского» свидетельствует о том, что Г.Ф. Миллер стремился способствовать развитию российской исторической науки. Как он написал в начальной части своей работы, в соответствии с Уставом Академии следовало «приводить» науки «в большее совершенство», «когда в приватных академических собраниях то, что в науках еще недостаточно, точно не исследовано и ясно не описано, дальнейшим исследованием, изъяснением и описанием истолковать стараемся, когда, напечатав свои сочинения в Комментариях, оныя всему свету сообщаем» [Миллер Г.Ф. 1749. С. 4]. В одних своих утверждениях Миллер постарался ввести в научный оборот новые исторические источники. Он критически отнесся не

только к некоторым утверждениям «Синописа» и других исторических сочинений XVI–XVII вв., в определенной мере основанным на мифологизированных средневековых представлениях, но также к трудам своих старших современников, О. Рюдбека, И.Х. Шёттгена, Т.З. Байера. Он стремился рассмотреть проблему происхождения имени и народа российского в едином процессе этнополитической истории Восточной и Северной Европы. Значительное внимание Миллер уделил исторической географии, что было особенно важно на начальной стадии становления российской исторической науки, поскольку были еще неясны конкретные этнические и географические обстоятельства происходивших исторических событий. В таком содержании исследовательского процесса его мнение совпало с современным научным подходом, в частности, в труде В.Н. Татищева «История Российская».

В других своих утверждениях Г.Ф. Миллер был традиционен по отношению к российской, как, впрочем, и западноевропейской исторической литературе того времени. В частности, он не различал древние и более поздние по происхождению средневековые исторические источники. Не смог Миллер освободиться от средневековой традиции возведения этнонимов и топонимов к эпонимам. Но традиционно для российской исторической литературы он считал славян этнической основой Российского государства.

Впрочем, в некоторых положениях диссертации Г.Ф. Миллер отступил от основного исследовательского направления, которое находилось тогда в процессе становления. Он недооценивал историческую информацию, которая содержалась в древнейших летописных сводах, сохранившихся в составе Радзивилловской летописи и НПЛмл., доступных ему для научного анализа. Эти сведения восходили не только к восточнославянским историческим преданиям, но также к византийским хроникам и великоморавским произведениям письменности времени миссии Кирилла и Мефодия, к ее западнославянской традиции. Эти сведения, обобщенные в ПВЛ, сохранялись в летописных сводах до XVI в., и они также были доступны Миллеру. Так что обращение при изучении древнейшей этногенетической истории Восточной Европы преимущественно к сагам о древних временах и легендарным преданиям Саксона Грамматика деформировало понимание Миллером поставленных в диссертации сложнейших научных проблем. Те же следствия имело его преимущественное внимание к иностранным источникам при изложении событий на Руси X–XI вв., а также активное применение логического метода, посредством которого домысливалась историческая действительность, вместо анализа сведений разных по происхождению исторических источников.

Идеи Г.Ф. Миллера могли обсуждаться в «приватных академических собраниях», и российской академическое сообщество было к такому обсуждению готово, о чем свидетельствует первоначальное одобрение его диссертации к публикации. Но Миллер предложил свои разыскания широкой аудитории, не подготовленной к их анализу. Более того, они были предназначены

для публичного произнесения по государственному в Российской империи поводу, хотя в них явно принижалось значение славян в древнейшей истории России, в происхождении «народа Российского». Предстоящее выступление Миллера противоречило также правительственному указанию «в писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосужению России или ея союзников касается». К тому же ученые участники предстоящего заседания знали о новейших шведских теориях, в соответствии с которыми Россия была частью шведской империи, а русские не могли создать собственное государство и управлять им (на эти теории Альгота Скарина и Улова Далина обратила внимание Б. Шольц) [Шольц Б. 2000. С. 110–111].

Последовавшее обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера было предопределено всеми этими обстоятельствами, научными и политическими.

В связи с разосланными академической Канцелярией напечатанными экземплярами перевода на русский язык речи Г.Ф. Миллера и распоряжением «как наискорее освидетельствовать, не сыщется ль в оной чего для России предосудительного», М.В. Ломоносов подал в Канцелярию свой репорт 16 сентября.

В историографии традиционно кратко излагается ограниченное число целенаправленно отобранных критических замечаний М.В. Ломоносова, что деформирует анализ состояния российской исторической науки и содержания обсуждения диссертации Г.Ф. Миллера. Между тем, материалы дискуссии позволяют установить сложное ее содержание и внутреннюю эволюцию.

Г.Н. Моисеева привела в своем исследовании почти все немногочисленные ломоносовские маргиналии на корректурном экземпляре диссертации, находившемся в распоряжении М.В. Ломоносова, и пришла к выводу, что он «дает дополнительный материал для суждений о характере его работы, о точности цитирования и передачи текста». По ее мнению, эти замечания свидетельствуют не только о предшествующей «большой работе над русскими летописями», знакомстве с «трудами иностранных авторов о России», но также о том, что Ломоносов тогда «разрабатывал свою самостоятельную концепцию истории России» [Моисеева Г.Н. 1971. С. 128–129]. Между тем, изучение этих маргиналий Ломоносова следует продолжить [здесь и далее см.: Миллер Г.Ф. 1749; шифр данного экземпляра: ОРК БАН 1749/3].

Первое замечание М.В. Ломоносова относится к фразе Г.Ф. Миллера во вводной части диссертации: «<...> я вознамерился представить вам позорище (здесь: *собрание, обозрение*. — М. С.) славных и великих дел Российского народа». Ломоносов написал на левом поле: «З. Где?». Этот вопрос обратил внимание на то, что Миллер не осуществил своего намерения, которое не соотнесено с конкретным содержанием диссертации.

Здесь же, во вводной части, Г.Ф. Миллер отметил, что он рассмотрит сложную в своем содержании этническую историю древней России: «Предъявлю,

как от разных народов произошли ваши предки, которые потом толь тесными союзами соединились, что бывшего между ими прежнего различия никакого следу не осталось». В связи с этим текстом М.В. Ломоносов написал: «3. Так зброд!». В этом гневном замечании выразилось, видимо, его недовольство тем, что в диссертации сразу не были указаны народы, которые образовали население древней России, а также объединяющее начало славян в данном процессе. Через одно предложение Ломоносов написал на латинском языке о противоречии между утверждением введения — «Изъявлю о делах прежде Россиян в России учинившихся, которые однакож до Российской истории свойственно принадлежат, потому что к доказанию происхождения Российского народа немало служат», и текстом последующих разысканий — «А о том, что случилось по нашему исчислению прежде приходу Славян в сии земли, рассуждать можно, что оно мало нас касается, потому что оных всякой признает за первейших Российского народа основателей. Однако из истории то объявляю, чем показать можно, что Скандинавы всегда старались наипаче о приобретении себе славы Российскими походами» [Миллер Г.Ф. 1749. С. 5, 6, 24].

На правом поле М.В. Ломоносов поставил свой обычный знак, прямой крест (+), там, где Г.Ф. Миллер написал о женитьбе сыновей легендарного короля Диана на «Российских царевнах» [Миллер Г.Ф. 1749. С. 43; о пометах Ломоносова в рукописях и книгах см. далее, с. 604–669]. Тем самым он отметил ошибочность такого утверждения, поскольку сведений о таких княжеских браках в древнерусских и иностранных источниках, содержащих достоверные сведения, нет. При таком использовании титула «Российских царевен» Ломоносов обратил внимание на противоречие Миллера своему предшествующему тексту, в котором автор диссертации обещал рассмотреть тему «о титуле Великого Князя в Царский, Царского в Императорский пременившемся». Рядом с этим текстом Ломоносов написал: «3. 4» [Миллер Г.Ф. 1749. С. 6], вероятно, обозначив разделы, в которых он этот сюжет рассмотрит.

Читая далее диссертацию, М.В. Ломоносов обратил особое внимание на наблюдения Г.Ф. Миллера, в соответствии с которыми поход Аскольда («Осколда») на Царьград произошел раньше, чем призвание новгородцами Рюрика с братьями в 862 г. В данной связи Миллер предположил: «Из чего следует, что или Нестор в исчислении времени ошибся, или Осколд владел до Рурика». На правом поле Ломоносов по-русски повторил слово «ошибся» [Миллер Г.Ф. 1749. С. 46–47]. Г.Н. Моисеева обоснованно соотнесла смысл этой пометы Ломоносова с позднее написанными им «Замечаниями на диссертацию Миллера», где он написал: «О святом Несторе, летописце, говорит весьма продерзостно и хулительно так: ошибся Нестор, и сие неоднократно» [Моисеева Г.Н. 1971. С. 129]. Моисеева не сделала вывода из такого наблюдения. Между тем из него следует, что Ломоносов считал определяющей в указании исторических событий на Руси хронологию древнейшего русского летописания. Поэтому следовало соотнести их последовательность, а не пи-

сать, что летописец «ошибся». Именно так Ломоносов написал о последовательности событий в «Древней Российской истории»: «Оскольд и Дир в полянех самодержавство (т. е. княжеское единовластие. — М. С.) начали <...>», и лишь позднее новгородцы «по завещанию Гостомыслову» выбрали и призывали Рурика с братьями к себе на княжение [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 215; см. далее, с. 748–749].

Особое внимание М.В. Ломоносова привлекло также приведенное Г.Ф. Миллером сообщение Бертинских анналов о «послах от народа Росс», которые направились к византийскому императору Феофилу, но в 839 г. оказались вследствие опасности обратного пути у франкского императора Людовика Благочестивого. Тот заподозрил в них «лазутчиков», но оказалось, что они из «Шведского народа». Рядом с этим текстом Ломоносов написал на правом поле диссертации «швед» [Миллер Г.Ф. 1749. С. 49], т. е. он обратил внимание на такую идентификацию этнической принадлежности «послов от народа Росс» автором Бертинских анналов.

Пометы М.В. Ломоносова на корректурном экземпляре диссертации Г.Ф. Миллера позволяют установить, что замечаний к ее тексту у него немного. Одни из них критического характера, другие обращали внимание на необходимость дальнейших разысканий. При желании автора такие замечания можно было легко учесть во время доработки текста. Видимо, такой их характер объясняет первоначальное решение 23 августа объединенного Академического и Исторического собрания при участии Ломоносова о публикации диссертации после исправления тех мест, которые были отмечены президентом и профессорами.

Но ранее рассмотренные внеаучные обстоятельства, а, возможно, и дополнительные факторы, нам неизвестные, имели следствием представление М.В. Ломоносовым в академическую Канцелярию 16 сентября 1749 г. репорта, содержание которого существенно отличалось от его помет на экземпляре диссертации Г.Ф. Миллера.

В начальной части репорта М.В. Ломоносов сделал общие замечания. Он отметил предпочтение Г.Ф. Миллером без достаточных оснований иностранных исторических источников в сравнении с древнерусскими, отмечая у «иностранных писателей» «незнание их о наших землях, городах и князьях». Ломоносов не абсолютизировал достоверность летописей. По его словам, «в них не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках». Поэтому он обоснованно заключил, что Миллер «весьма немного читал российских летописей». Ломоносов обратил внимание на иллюстративное использование Миллером также иностранных источников, поскольку он считал достоверными те из них, сведения которых совпадают с авторским мнением. Такой же подход, по Ломоносову, свойственен диссертации Миллера в объяснении указанных в источниках имен по их

«сходству в согласие своему мнению». В качестве примера такого толкования он привел явно субъективную интерпретацию Миллером Гостомысла как Гостомила [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 19–20, 547].

Эти замечания М.В. Ломоносова обращали внимание на необходимость критического анализа информации исторических источников, на максимально полное их изучение, на необходимость объективного исследования исторических фактов. Когда Ломоносов читал диссертацию Г.Ф. Миллера, он уже ознакомился с первой редакцией «Истории Российской» В.Н. Татищева и знал, что существует другой, аналитический, подход к изучению русских и иностранных исторических источников, обстоятельное исследование их известий о древних народах, правителях, об исторической географии. Так что Ломоносов как ученый в своих обобщающих критических замечаниях объективно поддержал данное существующее исследовательское направление в исторической науке. Его наблюдения обращали внимание на сюжеты в диссертации Миллера, которые уже не соответствовали исследовательским принципам в середине XVIII в.

Впрочем, сам М.В. Ломоносов оказался под значительным административным давлением, когда работал над замечаниями на диссертацию Г.Ф. Миллера. Ему, как и другим участникам обсуждения, было поручено обнаружить, «не сыщется ль в оной чего для России предосудительного». Следы такого давления прослеживаются в композиции репорта Ломоносова от 16 сентября 1749 г.

М.В. Ломоносов не поддержал возражение Г.Ф. Миллера давним представлением, в соответствии с которыми название Москвы не происходит от библейского Мосоха, а россиян — от реки Росса, заметив только, что его «опровержения» «никакой силы не имеют». В соответствии с замечанием Ломоносова, Миллер не использовал «самый лучший случай к похвале славенского народа» — его победу над «мужественными скифами», которые наносили поражения персидскому царю Дарию, а также македонским царям Филиппу и Александру. По словам Ломоносова, хотя Миллер и признал, что славяне названы по их «славным делам», «но сему во всей своей диссертации противное показать старается, ибо на всякой почти странице русских быют, грабят *благотолучно*, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечем истребляют <...>». Поэтому он заподозрил Миллера в том, что если бы тот смог, он в своем повествовании «Россию сделал толь бедным народом, каким еще не один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен». «Предосудительность» «речи» Миллера была обозначена Ломоносовым уже в самом начале отзыва, в котором сразу прослеживается воздействие правительственных указаний и основ классицизма, утверждавшего создание обобщенного художественного образа и отвергавшего конкретные, единичные явления.

В последующих замечаниях М.В. Ломоносов отметил те проблемы, которые, по его мнению, решены Г.Ф. Миллером ошибочно. По Миллеру, «сла-

венский народ» пришел «в здешние места» «весьма поздно», тогда как он «был в нынешних российских пределах еще прежде рождения Христова». По Ломоносову, «то неоспоримо доказать можно».

Как написал М.В. Ломоносов, из текста диссертации Г.Ф. Миллера следовали противоположные ей выводы, которые соответствовали наблюдениям Ломоносова: варяги — «народ славенский», они происходили от славян-«роксолян», прошли со славянами-готами от Черного моря к Балтийскому, «Рюрик с братьями был сродственник князем славенским», а потому «в Россию призван на владение». Но этнокультурное взаимодействие варягов и германцев Ломоносов учитывал, поэтому, по его мнению, славянский язык варягов оказался «несколько от соединения со старыми германцами испорченным».

Тезису Г.Ф. Миллера о скандинавском происхождении слова *русь* в его финском произношении М.В. Ломоносов противопоставил теорию его начала от роксаланов: «варяги, происходя от роксолян, всегда себя русью называли». Ссылаясь на слова «Нестора», т. е. текста ПВЛ по Петровской копии Радзивилловской летописи, он продолжил: «варяги назывались русью, а по ним и новгородские славяне и прочие назвались русью».

Таким образом, в проблеме «происхождения имени и народа российского» М.В. Ломоносов противопоставил мнению об их германских (готских), скандинавских истоках давнюю мысль об их автохтонных древнейших началах, восходивших к временам скифов, побежденных и ассимилированных сарматами, в число которых входили роксаланы.

Указав на такие принципиальные различия в понимании «происхождения имени и народа российского», М.В. Ломоносов сделал критические замечания и в отношении конкретного содержания доказательств Г.Ф. Миллером своих утверждений. В полной мере обоснованы его указания на ошибочность изменения Миллером славянского названия Изборска на германское Иссабург, отрицания им в Киеве князя Дира, определения слова «богатырь» как татарское (оно было более древнего тюркского происхождения). Ломоносов подверг критике лишнее обстоятельство доказательств «опровержение» Миллером «Киева перевозу», предание о котором сообщается «Нестором», то есть древнейшим русским летописанием. Осудил он необоснованное название Миллером славянских князей «царями российскими», а славянских княжон — «российскими царевнами».

В этой терминологической точности М.В. Ломоносов был последователен, в отличие от Г.Ф. Миллера, который в данном случае поддался великодержавности П.Н. Крекшина в интерпретации отечественной истории. Ломоносов обратил внимание на субъективную интерпретацию Миллером поведения новгородцев в угоду своим «догадкам». Особенно осудил он Миллера за его критические замечания в связи с древнейшим русским летописанием: «О святом Несторе, летописце, говорит весьма продерзостно и хулительно так: *ошибся Нестор*, и сие неоднократно». Вероятно, Ломоносова

возмутили критические замечания без конкретного изучения текстов, что свойственно научному анализу.

Впрочем, для опровержения скандинавских истоков имен древнерусских князей М.В. Ломоносов вернулся к давней традиции М. Стрыйковского, в соответствии с которым княгиня Ольга являлась «правнукою» Гостомысла. Скандинавской этимологии некоторых княжеских имен IX–X вв. он противопоставил их славянские начала. По его мнению, «Оскольд» восходит к славянскому названию обоюдоострого топора, секиры и оскорда (или осколда), Дир — к слову «деру, якобы драч», «Ольга названа от облегчения матери своея рождением».

Вывод М.В. Ломоносова о «речи» Г.Ф. Миллера был отрицательным. Впрочем, он определялся не только критикой содержания диссертации, но также несоответствием поводу и месту ее прочтения, когда определяющими становились демонстрация императрице успехов Академии наук после утверждения в 1747 г. ее Регламента, а также этикет и эстетика классицизма: «Конец (т. е. основная задача. — М. С.), на который сия диссертация сочинена, есть сей, чтобы всемиловитвейшей государыне нашей принести первые плоды обновленные от ея величества Академии, а притом чтобы она приятна была российским слушателям и всякому читателю новостью и справедливостью своею полезна. Первое требует важности и великолепия, второе и третье живости, ясности и подлинности, старательно изысканной, которых качеств речь сия отнюд не имеет, но весьма недостойна, а российским слушателям и смешна, и досадительна, и, по моему мнению, отнюд не может быть так исправлена, чтоб она когда к публичному действию годилась» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 20–25; курсив Ломоносова. — М. С.]. Такое заключение стало ответом на административный запрос рецензентам — «не сыщется ль в оной чего для России предосудительного», — который задавал тональность в критике диссертации Миллера. Критиковали ее также адъюнкты С.П. Крашенинников и Н.И. Попов [*Билярский П.С.* 1865. С. 144–145].

В отличие от критиков диссертации Г.Ф. Миллера В.К. Тредиakovский в своем отзыве от 13 сентября 1749 г. поддержал возможность ее публикации и произнесения на академическом собрании. Он перечислил многочисленные суждения, изложенные в исторической литературе, о происхождении названия «россиян», о древнейших русских князьях и городах и пришел к выводу, новому в отечественной исторической литературе: «Каждое утверждение будет иметь разные степени вероятности, то есть, будут они больше или меньше вероятны, а никогда не получают себе математические достоверности». Это мнение он распространил на диссертацию Миллера: «Итак, когда я говорю, что сочинитель сея речи с нарочитою вероятностию доказывает свое мнение, то разумею, что автор доказывает токмо вероятно, а не достоверно». Тредиakovский отметил «нарочитость» Миллера в изложении им своего мнения

о происхождении имени России и россиян от варягов. Но эта «нарочитость» сохранится лишь до того времени, «пока кто другой большие и достовернейшие [доказательства] не подаст в рассуждении сего».

В.К. Тредиаковский обратил внимание на определенную неловкость ситуации, когда «в России, о России, по Российски, пред Россиянами говорить будет чужестранный, и научит их так, как будто они ничего того поныне не знали». В этих словах выразилось его патриотическое чувство. Тредиаковский отметил также особую сложность избранной Г.Ф. Миллером темы, поскольку, по его словам, нет «ни единого в свете народа, которого первоначалие не было б темно и баснословно». Он предупреждал в своем отзыве, что «выбор толь спорныя материи» вызовет критику, включая таких людей, которые, иронично заметил он о таких невежественных критиках, полагают Альдейгьюборг (древнескандинавское название Ладоги) в Петербурге на Петровском острове.

Но общий вывод В.К. Тредиаковский сформулировал положительно по отношению к диссертации Г.Ф. Миллера, при этом он осознанно использовал ключевое слово запроса академической Канцелярии: «Следовательно, я не вижу, чтоб во всем Авторовом доказательстве было какое *предосуждение* России» [Биллярский П.С. 1865. С. 756–758; курсив наш].

Отзыв В.К. Тредиаковского о диссертации, материалы, приведенные Г.Ф. Миллером, свидетельствовали о том, что вопрос об ее административном запрещении непрост. В письме от 19 октября 1749 г. И.Д. Шумахер изложил Г.Н. Теплову сложившуюся ситуацию. С одной стороны, он согласился с «уверением русских профессоров» в том, что Миллер «старается только об унижении русского народа». Но, с другой стороны, он считал, что диссертацию Миллер мог бы прочесть в академическом собрании, дело только в форме ее изложения. В таком мнении возможно влияние репорта Тредиаковского.

Данные суждения важны для понимания того, что и как могли тогда писать историки об отечественной истории, чтобы следовать указаниям свыше. И.Д. Шумахер так изложил возможное изложение диссертации Г.Ф. Миллера: «Если бы я был на месте автора, то дал бы совсем другой оборот своей речи. Я бы изложил таким образом: происхождение народов весьма неизвестно. Каждый производит их то от богов, то от героев. Так как я буду говорить о происхождении русского народа, то изложу вам, милостивые государи, различные мнения писателей по этому предмету и потом выскажу мое собственное мнение, поддерживая его доказательствами, довольно — по крайней мере по моему рассуждению — убедительными. Такой-то и проч. Я же, основываясь на свидетельствах, сохраненных шведскими писателями, представляю себе, что русская нация ведет свое начало от скандинавских народов. Но, откуда бы ни производили русский народ, он был всегда народом храбрым, отличавшимся геройскими подвигами, которым следует сохраниться в потомстве. По краткости времени, мы коснемся только замечательнейших,

отложив прочие до другого случая. Здесь бы он мог говорить о подвигах князей, великих князей, царей, императоров и императриц. Но он хотел *умничать*! *Habeat sibi* (Ну и Бог с ним!; Пусть получит, что хочет! — М. С.) — дорого он заплатит за свое тщеславие!» [Пекарский П.С. 1870. С. 56–57; курсив наш. — М. С.]. Показательно, что и в данном случае использовано ключевое слово указания выше — «умничать» — как недостаток обсуждаемого исследования и основание для административных следствий.

Поскольку окончательного решения в отношении научного содержания диссертации Г.Ф. Миллера принято не было, по поручению К.Г. Разумовского обсуждение ее должно было проводиться в академическом Чрезвычайном собрании — совместном заседании Профессорского и Исторического собраний. Диссертация обсуждалась с перерывами с 23 октября 1749 г. до 21 июня 1750 г. Но, опережая результаты дискуссии, главная Канцелярия Академии наук (т. е. находившийся при Г.К. Разумовском Г.Н. Теплов) прислала в Санкт-Петербургскую академическую Канцелярию постановление от 21 сентября. В соответствии с ним «велено оную диссертацию собрав черную и белую, рукописную отдать в архиву исторического собрания, а напечатанную и с корректурами хранить до указа под особливою канцелярскою печатью, не выпуская ни под каким видом ни единого экземпляра, ни черного, ни белого, в свет». Но в дополнение к этому решению в записи текущих дел от 28 сентября 1749 г. сообщалось: «И в силу вышеписанного Ея И. В. из главной Канцелярии Академии наук указа в Санкт-Петербургской Канцелярии определено: 1) Сочиненную диссертацию профессором и историографом Миллером совсем уничтожить; 2) Оную-ж диссертацию рукописную, черную и белую, на обоих языках с переводами от него, господина профессора, взяв указом в Канцелярию и при указе-ж отослать в исторический архив к профессору господину Винсгейму, где б иметь ее в крайнем сохранении, дабы она каким образом в свет не вышла, чего для оную запечатать канцелярскою печатью». В записи от 27 ноября 1749 г. об успешно проведенном торжественном заседании Академии в связи с празднованием восшествия Елизаветы Петровны на престол «при публичном в академических палатах множественном знатных особ собрании сего ноября 26 числа» сообщалось также: «А сочиненная диссертация господином профессором и историографом Миллером о начале российского народа за неокончанием об оной надлежащего в профессорском собрании за его, господина Миллера, поныне болезнию следствия уничтожилась» [Материалы. 1900. Т. 10. С. 110–112, 162].

Такие решения администрации свидетельствуют о том, что члены Академии наук в связи с дискуссией о диссертации Г.Ф. Миллера подвергались все возрастающему давлению, которое не могло не воздействовать на ее участников. Показательно то, что накануне дискуссии суждения, изложенные в диссертации, объявлялись властью предержащими не только ошибочными, но

и опасными. Поэтому отпечатанные экземпляры были уничтожены, тогда как авторский текст, черновой и белой варианты, его переводы оказались в специальном хранении академического архива. Книги в правление Елизаветы Петровны продолжали уничтожаться, а слово оставалось под правительственным контролем. На данные обстоятельства обсуждения диссертации Миллера в Академии наук, кажется, не обращали внимания.

Обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера в Академии наук после перенесения торжественной «ассамблеи» заключалось в ее повторном рецензировании и, как отмечено ранее, в дискуссии на совместных заседаниях Профессорского и Исторического собраний. Как написал М.В. Ломоносов в своем новом письменном отзыве, представленном 3 ноября 1749 г., «Указом ея величества, данным из Канцелярии Академии наук, повелено мне в собрании с прочими господами профессорами вторично исследовать сочиненную господином профессором Миллером диссертацию О начале народа и имени российского, в котором указе особливо требуется, что нет ли в ней чего предосудительного России и можно ли оную исправив к будущему публичному собранию напечатать». В новых обстоятельствах ее обсуждения Ломоносов характеризовал свою позицию не только как объективную, но и как осуществление патриотического долга, исполнение присяги подданного ее величества: «<...> я не по пристрастию и не взирая на лицо, но как верному сыну отечества надлежит, по присяжной должности поступаю» [*Ломоносов М.В.* 1952а. Т. 6. С. 25, 549; *Летопись.* 1961. С. 153]. Этим же принципам Ломоносов следовал и в устной дискуссии.

Значение слов «присяжная должность» не являлось некой формальностью. Когда М.В. Ломоносов присягал в качестве профессора химии 30 июля 1745 г., он совершил эту церемонию в храме капитула высшего в России ордена — Св. Андрея Первозванного. Он прочел текст присяги на Евангелии, скрепил присягу крестоцелованием и подписью текста. Эта подпись удостоверена записью настоятеля «церкви святого апостола Андрея Первозванного» Григорием Тихоновым. В самой присяге содержались в частности следующие обязательства: «<...> и все к высокому ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА самодержавству силе и власти, принадлежащие права и прерогативы [или преимущества] узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользе государственной во всяком случае касаться может. О ущербе же ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА интереса вреда и убытке, как скоро о том уведаю, нетокмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщиться буду <...> и таким образом себя вести и поступать, как доброму и верному ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рабу и подданному благопристойно есть

и надлежит <...>» [Карпеев Э.П. 2005. С. 107–108]. Таким образом, отзыву М.В. Ломоносова на диссертацию Г.Ф. Миллера придавалось высшее государственное значение.

Конкретизированные в продолжение и развитие ранее сделанных замечаний наблюдения М.В. Ломоносова позволяют проанализировать систему его взглядов на проблему происхождения «народа и имени российского» в 1749–1750 гг. в сравнении с аргументами Г.Ф. Миллера. Такой метод позволяет определить состояние отечественной исторической науки в исследовании данной сложнейшей проблемы и избежать абсолютизации научного подхода одной из сторон. Возражения Ломоносова в письменном виде и в диспуте были еще раз им продуманы и кратко сформулированы. Так же поступил Миллер в своих ответах на них. Различие их исследовательских подходов в продолжающейся дискуссии 1749–1750 гг. можно резюмировать в следующей таблице [здесь и далее см.: Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 25–79].

М.В. Ломоносов	Г.Ф. Миллер
<p><i>Россияне</i> и их имя восходят к роксала-нам. Роксаланы — один из сарматских народов, тогда как славяне и сарматы — один народ.</p> <p>Варяги и Рюрик с братьями — славяне.</p> <p>В этикетных для XVIII в. формулировках указана проблема изучения славянских племен в VI–VII вв.</p> <p>Следует приводить доказательства в опровержение преданий о Славене, Русе и других князьях, а не отвергать их.</p> <p>«Догадка» Миллера о том, что Кий — не перевозчик, а князь, который по принуждению являлся полководцем у гуннов, «неприятна российским слушателям и читателям».</p> <p>Древнейшая история Восточной Европы по легендарным сказаниям Саксона Грамматика и саг недостоверна.</p> <p>Отрицание Дира как киевского князя — лишь догадка.</p> <p>Скандинавское географическое название <i>Гольмгардия</i> не относится к городу Холмогоры.</p>	<p>Имя <i>руссы</i> восходит к названию шведов через фонетическое посредство финского языка; руссы — племя от смешения варягов со славянами.</p> <p>Рюрик и его потомки — из шведского рода.</p>

<p>Славяне и руссы до появления варягов являлись единым племенем. Россы — народ, смешавшийся с аланами, они находились между Днепром и Доном. Произношение <i>росс</i> трансформировалось в древности в <i>русс</i> под влиянием польского языка.</p>	<p>Рассеянные славяне не назвались руссами. Возведение россов к роксаланам лингвистически неубедительно. Роксаланы — племя «вандальское». Название <i>русс</i> появилось вместе с варягами, пришедшими в Россию с севера. Первых русских князей и вельмож сменили скандинавские, тогда как в «подлинной России», в «подлинном и чистом русском языке первых времен» нет «ничего польского».</p>
<p>Если бы варяги-русс говорили на скандинавском языке, они сохранили бы свой язык. Нестор указал бы, что у варягов свой язык.</p>	<p>Славяне и варяги были рассеяны и перемешаны, так что варяги оказались ассимилированы. Нестор написал только о тех племенах со своим языком, кто платил дань Российскому государству. В летописи варяги отличались от славян и чуди.</p>
<p>Славяне, руссы и варяги, жили в устье Немана (во втором письменном отзыве они указаны на юго-восточном берегу Балтийского моря между реками Висла и Западная Двина). У пруссов — славянский язык.</p>	<p>Все эти утверждения неверны. У пруссов был язык как у других балтийских народов, куршей, латышей, литовцев, т. е. народов балтийской языковой группы. К тому же нет сведений о переселении роксаланов на север.</p>

В поддержку этих основных положений М.В. Ломоносов привел дополнительные аргументы. Варяги-славяне имели скандинавские имена как следствие этнических и культурных связей, подобно тому как «почти все русские носят сейчас греческие и еврейские имена».

Апостол Андрей Первозванный проповедовал в «земле Российской», вследствие чего Петр Великий учредил орден святого апостола Андрея Первозванного. Если славяне расселились от Днепра до Волхова более четырехсот лет спустя, как утверждает Г.Ф. Миллер, то окажется, что апостол Андрей у них не проповедовал. Названия днепровских порогов в труде византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» по-славянски и по-русски различаются не потому, что это языки разные, а вследствие «разности времени».

Вывод второго отзыва М.В. Ломоносова о диссертации Г.Ф. Миллера и о возможности ее публикации был категоричен: «оной диссертации отнюд поправить не можно так, чтобы лъзя было ее публиковать в собрании академическом». Основное его обобщение для ученого сообщества — «россы и их имя происходят от роксолан древних», а не от шведов. Это научное наблюдение

он соединил с политическим для людей, «знающих политику» — славе русского народа будет «предосудительно», если его «происхождение и имя положить толь поздно, а откинуть старинное». В таких древних истоках, дополнил Ломоносов, «другие народы себе чести и славы ищут». Соединяя древнюю историю и современность, он адресовал политикам и другую свою обобщающую мысль: «ежели положить, что Рурик и его потомки, владевшие в России, были шведского рода, то не будут ли из того выводить какого опасного следствия».

Такая политическая заостренность размышлений М.В. Ломоносова объяснялась, видимо, тем, что последняя русско-шведская война завершилась всего шесть лет назад, а поводом для нее стало шведское вмешательство в российские династические коллизии (см. ранее, с. 371–373).

Третье завершающее отрицательное заключение соединило в себе эстетику классицизма и рациональное начало — диссертация не должна была вызывать гнев власть имущих: «В публичном действии не должно быть ничего такого, что бы российским слушателям было противно и могло бы в них произвести на Академию роптание и ненависть» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 25–42]. В последнем замечании — не только прозрачный намек на то, что в соответствии с Уставом 1747 г. Петербургская Академия наук стала называться императорской, а ее члены находятся на службе и получают за это материальное обеспечение. В нем содержалось также предупреждение К.Г. Разумовскому о его неустойчивом состоянии как президента Академии в особых обстоятельствах смены императорских фаворитов.

На эти критические замечания у Г.Ф. Миллера также были возражения. Он сослался на «Нестора и все русские летописи», в соответствии с которыми руссы — более новое этническое имя в сравнении с названиями славянских племен. Имена варягов были скандинавскими вследствие их скандинавской принадлежности, тогда как «греческие и еврейские имена были привнесены в Россию вместе с христианской религией, а потому ничего здесь не доказывают».

Еще Т.З. Байер рассмотрел известия отцов церкви об апостоле Андрее, но не нашел подтверждения летописного рассказа о его проповеди христианства «русским». До сих пор никто не поставил ему это наблюдение в вину. По словам Г.Ф. Миллера, «церковь никому не навязывает в качестве евангельских истин исторические сообщения, переданные в житиях святых; наоборот, во всех землях позволено смотреть на эти вещи критически и исследовать, в какой степени они основаны на бесспорной истине». Миллер сослался при этом на здравствующих лиц «церковного управления в России» и на авторитет уже почившего Феофана Прокоповича, архиепископа Новгородского. Такое научное заключение, по Миллеру, «не препятствует тому, чтобы русская церковь могла почитать св. Андрея заступником русского государства».

Особой темой в возражениях Г.Ф. Миллера стало изложение событий российской истории. По его словам, М.В. Ломоносов «хочет, чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе», что свойственно не «исторической диссертации», а «панегирической речи». Обобщая значительный накопленный в исторической литературе опыт, Миллер писал: «Но ведь славой и бесславием есть обширнейшее поле для истории, занимаемое большим количеством фактов и событий, которые могут происходить у какого-нибудь народа или рассказываться о нем. Сюда относятся — происхождение племен, по большей части довольно темное, начало государств — с малого, дикие нравы предков, несчастные войны, притеснения от соседей, пороки отдельных лиц, иногда довольно гибельные для государства, общественные бедствия и многое другое, что, по мнению историков, не имеет отношения ни к славе, ни к бесславию; об этом всем нельзя умолчать в истинном историческом повествовании, и мы читаем подобные пространные рассказы у всех известных историков о тех народах, к которым они сами принадлежали».

В связи с нападениями скандинавов на славян, их убийствах и грабежах, Г.Ф. Миллер разъяснял, что обвинение в бесславии к нему относиться не может: «Более разумные, читая это, сразу поймут, что речь идет не о нынешних русских, но об обитателях России, которые населяли эту землю до прихода русских и были покорены русскими, или варягами».

Впрочем, в ответ на эти последние возражения Г.Ф. Миллера М.В. Ломоносов отметил: «Я не требую панегирика, но утверждаю, что не терпимы явные противоречия, оскорбительные для славянского племени». Он обвинил Миллера в том, что тот «по обыкновению, конечно, выдумывает и нападает на то, что выдумал, так как опровергнуть подлинное возражение он совершенно не в состоянии». В завершении обсуждения темы происхождения «имени и народа российского» Ломоносов в своем комментарии вернулся к теме «предсудительного» в диссертации Миллера, соединив историческое прошлое и современность: «Сам Миллер признает в своей диссертации, что нынешний русский народ произошел преимущественно от древних жителей, которые были до прихода варягов; следовательно, бесчестие, падающее на древних жителей от презрения к ним, в очень большой степени падает также на нынешний народ» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 42–78].

В условиях сильнейшего административного давления, происходивших в императорском дворе изменений, которые воздействовали и на руководство Академии, М.В. Ломоносов во время завершающего Чрезвычайного собрания по обсуждению диссертации Г.Ф. Миллера 21 июня 1750 г. еще более ужесточил свое отношение к этой работе. По его словам, «оной диссертации никоим образом в свет выпустить не надлежит». Основанием такого вердикта стала идейно-политическая нецелесообразность публикации работы с такими суждениями. Как написал Ломоносов, «господин Миллер полагает поселение славян на Днепре и в Новгороде после времен апостольских, а церковь

русская повсюду вспоминает о приходе святого апостола Андрея Первозванного на Днепр и в Новгород к славянам, где и крест от него поставлен и ныне высочайшим ея величества указом строится на оном месте каменная церковь». Другой его довод — продолжение первого: «Из сего мнения не последовала бы некоторая критика на премудрое учреждение Петра Великого о кавалерском ордене святого апостола Андрея». Третий аргумент приведен в продолжение научной дискуссии: по Миллеру, «происхождение первых великих князей российских от безымянных скандинавов в противоположность Несторову свидетельству, который их именно от варягов-руси производит», «происхождение имени российского весьма недревнее», к тому же от финно-угорских народов, что также противоположно «ясному Несторову свидетельству». Отметим Ломоносову предпочтение Миллером «своих неосновательных догадок и готических басней» известиям русских исторических источников, а также «частые над россиянами победы скандинавов с досадительными изображениями» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 79–80, 550].

Впрочем, тогда же, 21 июня, В.К. Тредиаковский подал в Чрезвычайное собрание заключение, которое продолжало и развивало ранее сделанные им наблюдения над диссертацией Г.Ф. Миллера. По собственным убеждениям и по этикету он начал свой отзыв патриотично: «О древности нашего храброго и преславного Народа нет ни малого сомнения». Но продолжил он такое начало указанием того, что в научной литературе нет научно обоснованного мнения о «начале» «имени Россиян»: «понеже довольные не имеем ясности, хотя при том и много есть вероятностей, но из них ни единые такие, которая бы нарочито была близка к достоверности по происходящим о том спорах». В перечисленных им теориях он указал лишь «сходство имени». Поэтому, различая «историческую вероятность» и «достоверность», он призвал к исследованию этой проблемы на основании «согласия многих свидетельств и других доводов, возносящихся к оным бывшим делам», т. е. комплексного изучения проблемы и исторических источников.

В.К. Тредиаковского не убедили самые разные теории о происхождении «имени Россиян» — от имени Росс у пророка Иезекииля и от Росс–Аракса, от русских волос и от «рассеяния», от громкого крика на войне и Роксолана. По его словам, «сие токмо по всему остроумный вымысел, и мне надобно твердое свидетельство». Не убедили Тредиаковского также доводы, приведенные Байером и Миллером. Достоверным для него было лишь первоначальное расселение славян, летописный рассказ Нестора о «прибытии» в 862 г. из варягов трех братьев, которые «начали у нас самодержавствовать под именем великих князей». Его убедили повествования летописцев Нестора и Сильвестра, Никоновской летописи, в соответствии с которыми «от тех варягов находников прозвашась Русь», тогда как прежде «новгородстии люди нарицахуса словене». По мнению Тредиаковского, названия городов, рек и «других мест» с названиями «Рус», «Руса» или сходные с ними восходят к этим варягам. Вопрос о том, откуда они про-

исходили, на каком языке говорили, он оставил специалистам, отметив в IV в. «тесное соединение» роксолан с готами, допуская как один из вариантов и славянское происхождение их «диалекта». Но, как написал Тредиаковский, «варяги не самые славяне, а произошли ль они от славян, того не знаю».

В своем отзыве В.К. Тредиаковский проявил хорошее знание древнерусских и уже введенных в научный оборот иностранных исторических источников, которые содержали сведения о славянах и руссах в IX в. Эти материалы позволили ему предположить, что «некоторые писатели называли нас еще славянами, после как уже мы преименовались россами: ибо они назвали нас древним именем, а не новым, хотя уже мы тогда и были не просто славяне, но славенороссы, и язык наш стал славенороссийским, для того что уже он начал принимать слова варяжские, то есть российские <...>». Таким образом, Тредиаковский, кажется, первым отметил процесс этнокультурного синтеза восточных славян и варягов-руси и дал этому синтезу название — *славяно-россы*. Он наполнил конкретным историческим содержанием обобщающее, но мифологизированное название, данное еще в «Синописе» ветхозаветному Мосоху — «прародителю славенороссийскому». Именно название *славяно-россы* (вар. *славяноруссы*) вошло в научное обращение в трудах отечественных историков XIX — начала XX в. как обозначение населения Руси, Русской земли в процессе формирования и развития Русского государства.

Завершая анализ поставленной в диссертации Г.Ф. Миллера проблемы, В.К. Тредиаковский не только подтвердил свой ранее сделанный положительный вывод, но также постарался поддержать Миллера в условиях все возрастающего его осуждения, напомним о первоначальном положительном решении Академии: «<...> Миллерова диссертация есть вероятна, и вероятнее еще, кажется, всех других систем поныне о начале имени россиян ведомых; и что можно ей быть печатной, так как и в самом начале по первом прочтении ее в общем собрании все, кои присутствовали, профессеры академии и университетские апробировали и руками своими подписались».

В.К. Тредиаковский также отметил, что диссертация нуждается в определенном редактировании: «Есть что в ней надлежит переменить, исправить, умяхчить, выцветить (особо рассмотреть, подчеркнуть. — М. С.)». Но это замечание он сделал не для улучшения ее текста, а в осуждение российской придворной и административной действительности — «чтобы не подать ни малых причины к охудению и порицанию автора». По его словам, «нет, почитай, того, чего б благоприятство умяхчить и усладить в состоянии не было». «Притом же, — добавил он, — благопристойность и предосторожность требуют, чтоб правда была предлагаема некоторым приятнейшим образом: давно уже ведомо <...>, что нагая истина <...> ненависть рождает, а гибкая на все стороны поступка, только ж беспорочная <...>, а особливо в надежде получения, гибкая, говорю я, и удобь обращающаяся поступка приобретает множество друзей, и благодетелей» [Пекарский П. 1873. Т. 2. С. 239–247].

Впрочем, в абсолютистском государстве XVIII в. призывы В.К. Тредиаковского к праву издания академиком его научного труда в виде доклада по торжественному случаю не имели положительного следствия. Ситуация осложнялась тем, что Г.Ф. Миллер не только не учел критические замечания своих оппонентов, но и словесно оскорблял их, невзирая на чины и ученые звания. 24 сентября 1750 г. академическая Канцелярия направила в Профессорское собрание приказ об уничтожении тиража диссертации Миллера, «так как она предосудительна России», а 28 сентября приказ был на чрезвычайном заседании Академического собрания зачитан [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 550; *Летопись.* 1961. С. 168].

В таких обстоятельствах 6 октября 1750 г. за подписью президента Академии К.Г. Разумовского был издан указ, подготовленный, вероятно, Г.Н. Тепловым. В нем указывались прежние дела Г.Ф. Миллера, которые вменялись ему в вину, а также длительное обсуждение диссертации и его поведение во время этого обсуждения, когда Миллер оскорблял коллег. В соответствии с этим указом Миллер на год был лишен профессорского звания и понижен в адъюнкты с соответствующим жалованием, ему запрещалось присутствовать в Академическом собрании. Вместо прежнего жалования в 1000 руб. ему следовало получать 360. Если в качестве ректора академического Университета он лекций не читал, то теперь с лишением этой должности лекции ему вменялись в обязанность. В случае ослушания указаны вычеты из жалования. Если случится повторное «определение», Миллер «имеет быть отослан в надлежащее место, к суду» [*Материалы.* 1900. Т. 10. С. 581–586].

Впрочем, К.Г. Разумовский не имел намерения преследовать Г.Ф. Миллера как ученого и как личность. Поэтому после покаянного письма Миллера президент Академии своим определением от 21 февраля 1751 г., т. е. уже через четыре с половиной месяца, вернул ему «чин и достоинство профессорское», но с обязанностью заниматься исключительно «сочинением сибирской истории» [*Пекарский П.* 1870. Т. 1. С. 365].

Анализ конкретного содержания дискуссии о диссертации Г.Ф. Миллера раскрывает сложную сущность процесса становления российской исторической науки, значительную роль в этом процессе М.В. Ломоносова и других участников дискуссии, а также идейно-политический контекст середины XVIII в., который активно воздействовал на исторические идеи. Дискуссия о «происхождении имени и народа российского» становилась тем более острой, что эти проблемы были соотнесены с происхождением княжеской династии, а этот вопрос становился определяющим в представлениях историков XVIII в. о возникновении государства.

Дискуссия показала, что существенный вклад в изучение поставленных в ней научных проблем внесли все ее участники, тогда как диспут выявил недостаточность некоторых аргументов обеих противоборствующих сторон.

М.В. Ломоносов отметил, что в исследовании основного содержания древнерусской истории определяющее значение имеют отечественные источники. Признавал он и необходимость привлечения иностранных письменных памятников. В таком комплексном использовании источников в историческом исследовании Ломоносов следовал за В.Н. Татищевым. Этот метод позволил показать недостоверность легендарных сказаний так называемых «лживых саг», «саг о древних временах», хроники Саксона Грамматика как исторических источников. С другой стороны, конструктивным было широкое привлечение Г.Ф. Миллером средневековых иностранных письменных источников, византийских, латиноязычных и скандинавских, для изучения древнерусской истории. Но при этом необходимо было критическое к ним отношение в сопоставлении с информацией древнерусских источников.

В дискуссии конструктивно была обозначена проблема изучения истории славянских племен в VI–VII вв. и древнейшей истории восточных славян. При этом М.В. Ломоносов как ученый постоянно требовал не мнений, а доказательств. В данной связи методически принципиально было использование им по отношению к идеям Г.Ф. Миллера слова «догадка», т. е. мнение без достаточных оснований. На уровне развития исторической науки в середине XVIII в. все историки обращались в своих суждениях к такого рода предположениям. Так что методическое требование Ломоносова по различию догадки и научно обоснованного суждения было необходимо как для современной ему исторической науки, так и для ее развития в будущем. Примером такого противопоставления обоснованного мнения Ломоносова догадке Миллера стало доказательство того, что скандинавская «Гольмгардия» и Холмогоры — географические названия с разным конкретным содержанием. Последовательно соблюдать различие догадки и научно обоснованного суждения на уровне развития исторической науки XVIII в. было невозможно. Но постановка такой методической проблемы стала заслугой Ломоносова, на что, как представляется, в историографических исследованиях ранее внимания не обратили.

В диссертации Г.Ф. Миллера были сформулированы сложнейшие научные проблемы, не решенные до сих пор, — этногенез восточных славян и происхождение этнонимов *рос*, *рус*. В трудах историков, лингвистов, этнографов, археологов XIX — начала XXI в. предложено множество гипотез, в которых содержатся самые разные ответы на основные вопросы этих проблем [см.: Седов В.В. 1999а. С. 9–24]. Из этих разысканий следовало, что в конце праславянского периода, в V–VI вв. в Европе славянские племена занимали обширные пространства от верхней Эльбы и Савы на западе до Северского Донца на востоке и Дуная на юге. Появились этнокультурные различия склавинов и антов, формированию которых предшествовал в лесостепной зоне междуречья Днестра и Днепра славяно-иранский симбиоз пришельцев славян с местными сарматами.

Тогда же происходило переселение славян из Среднего Повисленья через земли балтов на территории, заселенные прибалтийско-финскими племенами, между озерами Псковское и Ильмень. Эта часть славян в процессе переселения усвоила элементы материальной и духовной культуры балтов и она же принесла на северо-запад Восточной Европы свойственные западным славянам язык и материальную культуру, которые сохранились позднее в виде особенностей культуры псковских кривичей (культура длинных курганов) после переселения с конца VII — начала VIII в. в этот регион восточных славян из Поднепровья. В результате интеграционных процессов с местными финскими племенами в VIII–IX вв. сформировалась этнокультурная общность словен ильменских [Седов В.В. 1979; 1996. С. 15–115; 1999а. С. 27–50; 117–128, 158–165; 2002. С. 9–37, 69–402; 2003; и др.].

Что касается этнического названия славян, то еще в XIX в. было установлено, что оно восходит не к *славе*, а к *слову*. Обобщая результаты дискуссий о происхождении этнонима *славяне*, О.Н. Трубачев отметил, что в последнее время возобладала его очень старая этимология как «ясно говорящие» (то есть *свои*, *наши*, в конечном счете). Он раскрыл этимологию этнонима *славяне* как следствие длительного предшествующего периода самоидентификации этноса по оппозиции к другим этносам через «взаимную родственную связь между собой как *своих*, людей *своего рода*, одной *свободы*». По словам Трубачева, «так было задолго до формирования их макроэтнонима классического вида — славяне, **slověne*, который лишь закодировал предшествующую тысячелетнюю норму их самоидентификации, будучи этимологически обозначением ‘понятно говорящих’ (**slovo*, **sluti*), то есть тоже ‘своих’» [Трубачев О.Н. 1991. С. 8, 226]. Данные концепции — одни из многих гипотез этногенеза славян и их названия, в частности, восточных славян. Но они представляются наиболее убедительными. В частности, в теории В.В. Седова комплексно использованы все виды исторических источников, письменных, археологических, лингвистических и историко-этнографических.

В дискуссии были сформулированы сложнейшие научные проблемы, обсуждаемые до сих пор, — этногенез восточных славян и происхождение этнонимов *рос*, *рус*. Поддержав давнюю идею о связи этих этнонимов с югом Восточной Европы и дополнив ее их распространением с юга на север Восточной Европы, М.В. Ломоносов проявил гениальную интуицию. В науке Нового времени эти наблюдения создавали условия для разработки «южной гипотезы», по условному названию О.Н. Трубачева, их происхождения. В соответствии с новейшим исследованием Трубачева они являются результатом преемственности в Северном Причерноморье местного индоарийского субстрата, который сохранился в виде особого диалекта или языка праиндийского вида, отличного от иранского скифского или сарматского языка. Эти слова стали «славянорусским местным названием», которое распространялось с юга Восточной Европы на ее север [Трубачев О.Н. 1997. С. 192–260].

Такому подходу оппонировала миллеровская «северная гипотеза» происхождения этнонимов *рос*, *рус*, объяснявшая их происхождение этнокультурными связями шведов, финнов и восточных славян. Она также была широко поддержана в научных трудах [наиболее обстоятельную разработку этой гипотезы в новейшей литературе см.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. 1989. С. 24–38; см. далее, с. 580–583]. В.А. Брим предложил концепцию, позволяющую объединить конструктивные начала «южной» и «северной» гипотез [Брим В.А. 1923. С. 5–10]. При этом актуальным становился критический анализ средневековых исторических и этногенетических легенд, которые сохранились в летописях и других историко-литературных произведениях.

Разумеется, в XVIII в. таких исследовательских возможностей не было. Тем более была важна в дискуссии, посвященной обсуждению диссертации Г.Ф. Миллера, постановка проблемы изучения славянских племен, в частности, восточных славян и их переселений.

Столь же конструктивной была постановка проблемы происхождения «имени российского». В исследовательской литературе концепции Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова рассматривались как взаимоисключающие, как следствие «норманизма» первого и «антинорманизма» второго. Поэтому возникало впечатление, что одна из этих теорий ошибочна. Предпочтения в таких оценках определялись не только научными, но подчас и общественно-политическими взглядами.

Между тем, в XIX–XX вв. исследователи продолжали поддерживать с определенными изменениями как концепцию южнорусского происхождения этнонима *рос/рус*, так и его северо-западного, скандинавского, происхождения. При этом сторонники обеих теорий вводили в научный оборот известия письменных памятников, совершенствовали их интерпретацию, привлекали новые источниковые материалы, прежде всего археологические и лингвистические. Содержание исследовательского процесса позволяет определить значение научного вклада Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова в изучение проблемы происхождения названия народа и страны *Русь*.

После рассмотренного диспута этих ученых сто пятьдесят лет российская историческая наука в своем развитии шла к тому, чтобы разделить вопрос о происхождении слова *Русь* и проблему образования Русского государства. В опубликованном в 1903 г. лекционном курсе русской истории, который В.О. Ключевский читал, постоянно его совершенствуя, в 1870-е — начале 1900-х гг. в Духовной академии, на Высших женских курсах и в Московском университете, была сформулирована концепция, в соответствии с которой Русское государство появилось в результате внутренне обусловленного процесса, «связи экономических и политических фактов»: «экономические интересы последовательно превращались в общественные связи, из которых вырастали политические союзы». Поэтому вопрос о происхождении слова *Русь* для Ключевского не имел определяющего значения. Главное для него —

социальное содержание. Поэтому он писал в «Курсе русской истории»: «Княжеская дружина, служа орудием администрации в руках киевского князя, торгуя вместе с купечеством больших городов, носила вместе с ним специальное название *руси*. До сих пор не объяснено удовлетворительно ни историческое происхождение, ни этимологическое значение этого загадочного слова. По предположению автора древней Повести о Русской земле, первоначальное значение его было племенное: так называлось то варяжское племя, из которого вышли первые наши князья. Потом это слово получило сословное значение: Русью в X в., по Константину Багрянородному и арабским писателям, назывался высший класс русского общества, преимущественно княжеская дружина, состоявшая в большинстве из тех же варягов. Позднее Русь, или Русская земля, — выражение, впервые появляющееся в Игоре-вом договоре 945 г., — получило географическое значение: так называлась преимущественно Киевская область, где гуще осаживались пришлые варяги <...>. Наконец, в XI–XII вв., когда Русь, как племя, слились с туземными славянами, оба эти термина Русь и Русская земля, не теряя географического значения, являются со значением политическим: так стала называться вся территория, подвластная русским князьям, со всем христианским славяно-русским ее населением» [Ключевский В.О. 1956. С. 150, 167].

Последующее значительное расширение источниковой основы исторических исследований, совершенствование источниковедческого анализа, методов изучения этнокультурной, экономической, социальной, политической истории раннесредневековой Восточной Европы позволили подтвердить наблюдения В.О. Ключевского и развить их. Проблема образования Русского государства стала изучаться в отечественной историографии XX в. вне связи с вопросом о происхождении слова *Русь* [Попов А.И. 1973. С. 58; Хабургаев Г.А. 1979. С. 218; Ловмянский Х. 1985; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. 1985. С. 274; новейший историографический анализ проблемы происхождения этнонима и хоронима *Русь* см.: Константин Багрянородный. 1989. С. 293–307 (историографический обзор Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина при участии М.В. Бибикова); Горский А.А. 1989. С. 131–137; Агеева Р.А. 1990. С. 116–153].

В новейшей исследовательской литературе было подвергнуто критике мнение об одновременности появления этноса и этнонима. О.Н. Трубачев характеризовал такую мысль как миф [Трубачев О.Н. 1991. С. 6]. При этом признание участия скандинавов в этнокультурных, политических и социальных процессах в период становления Русского государства не превращало таких ученых в «норманистов», поскольку они показывали объективные основания его формирования. В этом большая часть отечественных исследователей принципиально отличалась от тех западных авторов, которые считают скандинавов основателями Русского государства [сравнительный анализ данных исследовательских направлений см.: Шаскольский И.П. 1978; 1983; 1994. С. 155–160]. Поэтому представляется односторонним мнение В.В. Фомина

о «советских исследователях» как «ведомых норманизмом, а также трудами датского слависта А. Стендер-Петерсена» только на основании того, что эти исследователи характеризовали варягов как скандинавов, тогда как, по мнению Фомина, они являлись прибалтийскими славянами [Фомин В.В. 2006. С. 138–139 и др.].

В новой и новейшей исследовательской литературе локализация хоронима и этнонима *Рос/Русь* продолжает соотноситься с южной зоной расселения восточных славян — Средним Поднепровьем или междуречьем Днепра и Дона. В основе этой теории находится концепция преемственности археологических культур, наличия там топонимов с корневой основой *рос-*, упоминаний в IV–VI вв. этнонимов, относимых к данному региону [Рогов А.И. 1981. С. 151–156; Толочко П.П. 1987. С. 31–33; Седов В.В. 1999а. С. 50–82; 1999б. С. 27–54]. Высказывались мнения о славянской этимологии этнонима *Русь* [Роспонд С. 1979. С. 43–47; Максимович К.А. 2006. С. 15–50], о южном неславянском происхождении названия в синтезном процессе славянского этногенеза: аланском [Ver-nadsky G. 1959. P. 63, 75, 79], сармато-аланском [Третьяков П.Н. 1968. С. 179–187], иранском, когда имел место славяно-иранский симбиоз [Седов В.В. 1982. С. 112; 1994. С. 277–279; 1999а. С. 67; и др.], германском (герулы) [Станг Х. 2000]. О.Н. Трубачев отнес **ros* /**rus-* к иранизмам скифо-сарматской основы, допуская также индоарийские основания. При этом он не допустил возможности прямых связей слова *Русь* с племенными названиями ираноязычных сарматов-роксолан и германцев-росомонов [Трубачев О.Н. 1987. С. 132–133; 1993; 1994. С. 67–70; 1997. С. 223–235; 1999]. Вне южной зоны Восточной Европы начала этнонима и хоронима *русь* при отрицании их скандинавского происхождения предполагались в германцах-готах [Söderlind S. 1978], в кельтах [Кузьмин А.Г. 1974. С. 54–83; Pritsak O. 1986; перевод см.: Прищак О. 1991], в прибалтийских славянах [Вилинбахов В.Б. 1962. С. 253–277; Кузьмин А.Г. 1970. С. 28–55; Фомин В.В. 2005].

В пользу южной локализации Руси свидетельствуют известия иностранных источников IX–X вв. [Свердлов М.Б. 1970. С. 363–369; Thulin A. 1981. P. 175–183; Херрман И. 1988. С. 163–169; Назаренко А.В. 1993. С. 42; и др.]. Обстоятельно анализировалась южнорусская локализация *Русской земли* в узком значении этого понятия, отличного от обозначения обширной территории Русского государства от Приладожья до Среднего Поднепровья и от Прикарпатья до Поволжья [Насонов А.Н. 1951. С. 29, 42 и след.; Рогов А.И. 1981. С. 151–156; Рыбаков Б.А. 1982. С. 60–66; Рогов А.И., Флоря Б.Н. 1982. С. 96–120; Седов В.В. 1982. С. 112; 1999а. С. 46–54; Кучкин В.А. 1995. С. 74–100]. Впрочем, как следует из анализа ПВЛ (1113–1118 гг.), до начала XII в. не было противопоставления Руси–Среднего Поднепровья другим древнерусским землям [Лихачев Д.С. 1985. С. 354–356; Ведюшкина И.В. 1995. С. 101–116].

Следует отметить правобережный приток Днепра реку Рось как маркер южного распространения восточных славян Днепровского Правобережья.

Возможно, по наблюдениям исследователей, этноним *росы* восходил к иранской языковой основе. Данное этническое название подобно этнониму *анты* отразило древнее славяно-иранское этнокультурное взаимодействие. Этноним *анты* появился на юго-восточной периферии древнейшего славянского расселения и лишь вторично был перенесен на славян в языках третьих народов [Трубачев О.Н. 1991. С. 89]. Традиционная для IX–X вв. греческая форма *ῥῶς* лишь сохранила исконную форму этого этнонима и хоронима. Возможно, в названии реки Рось отразилась их древнейшая форма, поскольку возникновение этого гидронима в X в. имело бы следствием единственную для того времени форму *Русь*.

Все эти наблюдения и введенные в научный оборот исследовательские материалы поддерживали намеченное М.В. Ломоносовым исследовательское направление в российской историографии Нового времени по определению истоков этнонима с корневой основой *рос-* в южной зоне Восточной Европы.

Другое исследовательское направление разрабатывало во второй половине XVIII–XX в. концепцию скандинавского происхождения этнонима *русь* и его первоначальной локализации на Северо-Западе Восточной Европы. Основу этого направления составили комплексное изучение письменных источников IX–XII вв., совершенствование лингвистического анализа и системное привлечение археологических материалов о скандинавах в Восточной Европе [в новейшей литературе: Понов А.И. 1973. С. 58–60; Хабургаев Г.А. 1979. С. 216–220; Falk K.O. 1981. P. 147–159; Ekbo S. 1981. P. 143–145; Лебедев Г.С. 1985; 2005]. Д.А. Мачинский отнес появление древнескандинавского по происхождению этнонима *рос* к IV в. н. э. [Мачинский Д.А. 2009. С. 483; и другие работы с различиями в интерпретации материалов].

Наиболее обстоятельно это исследовательское направление было разработано в последнее время Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухиным. Обобщая предшествующую исследовательскую традицию, они наметили следующие основные периоды в развитии содержания слова «Русь»: 1) возникновение в VI–VIII вв. (до эпохи викингов) в финской среде этносоциального термина *ruotsi* для обозначения мореходов-гребцов, которые приплывали преимущественно из Средней Швеции; этот термин с изменением форм деятельности скандинавов удержал только этническое значение и превратился в хороним *Ruotsi* — название в финских языках Швеции и шведов, но скандинавское профессиональное самоназвание распространилось в Восточной Европе, отразившись в формах *ῥῶς* и *Rhos*; 2) к середине IX в. в результате западнофинско-славянских языковых связей финское *ruotsi* перешло в древнерусское «*русь*» для обозначения скандинавских купцов и воинов и стало приобретать социальное значение «княжеская дружина», расширяясь в этническом содержании, включив *мужей* славянского происхождения, и в социальном смысле — как обозначение полиэтничного войска вообще, — лишаясь первоначального основного этнического содержания; 3) появление во второй половине IX —

первой половине X в. хоронима «Русь», «Русская земля» — расширительно-географического понятия, обозначающего разноэтничные территории под властью великих князей, с середины X в. — название огромного восточноевропейского государства [Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. 1989. С. 24–38; Петрухин В.Я. 1989. С. 26–30]. Впрочем, в связи с начальной частью этой гипотезы А.В. Назаренко, согласившись с выводом о происхождении этнонима Русь как отражения древнескандинавского слова, предположил, что варяги в составе «социальной верхушки» пользовались в Восточной Европе в качестве языка международного и межплеменного общения восточнославянским языком [Назаренко А.В. 1998. С. 75–79], тогда как, по мнению Вяч. С. Кулешова, восточнославянское «Русь» произошло непосредственно из древнескандинавского *göf* [Кулешов Вяч. С. 2009. С. 454–457].

Эти разыскания продолжили исследовательское направление, намеченное в дискуссии о происхождении «имени и народа российского» Г.Ф. Миллером.

По необходимости краткий обзор исследований, посвященный происхождению этнонимов и хоронимов с корневой основой *рос-*, *рус-*, свидетельствует о том, что в этих разысканиях в равной мере содержатся конструктивные наблюдения, которые в течение 250 лет не были опровергнуты. Их начала прослеживаются в южной зоне и на Северо-Западе Восточной Европы. Эти исследовательские возможности позволили В.А. Бриму предположить, что близкие по звучанию этнонимы *русь* и *рос* существовали одновременно [Брим В.А. 1923. С. 5–10]. Эта гипотеза была поддержана А.Е. Пресняковым, а также Б.Д. Грековым в его довоенных работах [историографический анализ см.: Шапольский И.П. 1978. С. 155–156]. Недавно к ней вернулся А.П. Новосельцев [Новосельцев А.П. 1990. С. 208]. В развитие наблюдений о существовании независимых корневых основ *рос-*, *рус-* и производных от них была сформулирована теория Северной и Южной Руси [Артамонов М.И. 1962. С. 290].

Таким образом, исследовательский процесс указывает на то, что не альтернативный выбор южного или северного происхождения этнонимов и хоронимов с корневой основой *рос-* и *рус-* определяет его содержание, а системный анализ этнокультурной истории Восточной Европы в контексте общеевропейских процессов. Отсюда следует, что в начале научной дискуссии в исторической науке Нового времени в связи с изучением данных этнонимов и хоронимов обоснованными оказались концепции обеих дискутирующих сторон. М.В. Ломоносов был прав в том, что он поддержал уже существовавшую концепцию их происхождения как следствия этнокультурного развития южной зоны Восточной Европы. Г.Ф. Миллер обоснованно отметил, что Северо-Запад Восточной Европы оказался включенным в систему европейских миграционных процессов и этнокультурных связей. Последующее развитие исторической науки лишь конкретизировало эти исследовательские направления, связав их как с автохтонными, так и с миграционными процессами от античного периода до так называемой «эпохи

викингов». То есть, Ломоносов и Миллер в равной мере на уровне развития исторической науки своего времени раскрывали разные стороны сложнейших в своем содержании этнокультурных процессов, сущность которых дискутируется до наших дней.

Данными обстоятельствами объясняется уязвимость для критики некоторых доказательств обеих дискутирующих сторон. После критических замечаний М.В. Ломоносова становилось ясным, что история славянских племен и их переселений нуждается в продолжении изучения. Очевидными стали недостоверность легендарных сведений о Руси Саксона Грамматика, так называемых «лживых саг», «саг о древних временах», необходимость критического изучения других иностранных источников в сопоставлении их информации со сведениями русских летописей, научно обоснованной локализации и этимологии восточноевропейских топонимов и хоронимов в иностранных исторических источниках. Проницательно наблюдение Ломоносова, в соответствии с которым различия между названиями днепровских порогов по-славянски и «по-росски», шесть из которых близки по содержанию или по форме аналогичной скандинавской микротопонимике, произошли вследствие «разности времени» происхождения. Новейшие исследования обоснованно подтверждают предположение о первоначально славянском происхождении названий порогов и о более позднем их названии «по-росски» [Константин Багрянородный. 1989. С. 46, 47, 319–326; комментарии Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина при участии А.А. Зализняка и Г.Г. Литаврина].

С другой стороны, возражения Г.Ф. Миллера свидетельствовали о том, что прусы являлись не славянами, а одним из народов балтийской языковой группы. На основании летописных известий он писал, что варяги отличались от славян и от чуди, варяги и Рюрик с братьями не являлись славянами. Миллер пришел к выводу, в соответствии с которым варяги были ассимилированы славянами. Он показал, что слово *росс* не могло трансформироваться в *русс* под воздействием польского языка.

В дискуссии выявлялось, что оба ученых в соответствии с уровнем развития исторической науки своего времени в качестве доказательства своих суждений обращались к логическому методу, ограниченно использовали информацию исторических источников, тогда как лингвистика как наука еще формировалась, а археологии как науки еще не было.

В обоснование идеи о славянской принадлежности варягов-руси на южном побережье Балтийского моря М.В. Ломоносов написал, что они «находились в сношениях со скандинавскими варягами, их князья и вельможи нередко заключали брачные союзы с последними» и «в угоду своим супругам давали своим детям скандинавские имена». В опровержение этого мнения Г.Ф. Миллер отметил, что его оппонент не привел таких «свидетельств историй», тогда как у «наших варягов» только скандинавские

имена и нет славянских. Распространяя такие наблюдения на всех своих критиков, он обратил внимание на применение ими логического метода, впрочем, абсолютизируя его как «способ доказательства»: «Единственная защита гипотезы заключается в ее возможности». Но, отметив уязвимость такого метода, Миллер привел лишь логическое его опровержение, а не свидетельства исторических источников: «<...> противно логическим правилам заключать от возможности к действительности» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 54–56].

Не логические методы, а сведения «Славянской хроники» Гельмольда, который в своем труде активно использовал хронику Адама Бременского (см. ранее, с. 479), материалы XI–XII вв., могли дать ответ на поставленный в дискуссии вопрос о возможности использования балтийскими славянами, в частности, ваграми скандинавских имен. Из хроник Адама Бременского и Гельмольда следовало, что балтийские славяне еще в этот период поклонялись своим языческим богам с западнославянскими именами Редегаст и Святovit. У их князей и знати были западнославянские имена Прибислав, Богуслав, Мстивой, Мечидраг, Мечислав, Анадраг, Вартислав, Яромир [Adam. III, 19, 20; Helm. I. 16, 13, 14, 15, 19, 21, 37, 40, 87; II. 4, 6, 12 и др.]. В их среде появились немногочисленные немецкие, польские и в еще меньшей мере датские имена как следствие распространения у балтийских славян христианства и постоянных политических отношений, а также культурных и брачных связей. Таким образом, снималось предположение о замене ваграми или, шире, балтийскими славянами свойственных им имен на скандинавские, что должно было доказать славянскую принадлежность варягов.

Обобщая наблюдения над анализом дискуссии в связи с диссертацией Г.Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского», над утверждениями ее автора и возражениями М.В. Ломоносова, над замечаниями В.К. Тредиаковского в контексте последующих исторических, лингвистических и археологических исследований, можно вернуться к причинам решительного требования Ломоносова запретить ее произнесение и опубликование к торжественному заседанию, имевшему тогда государственное значение.

Можно предположить, что большое значение для М.В. Ломоносова в этом требовании имела этикетная и политическая ситуация, которая возникла в Академии наук в связи с произнесением Г.Ф. Миллером его «речи». С одной стороны, изложение событий древнейшей славянской и российской истории во всех ее подчас трагических обстоятельствах, по мнению Ломоносова, не соответствовало ни государственному статусу этих торжеств, ни эстетике классицизма, ни придворному этикету. С другой стороны, вероятно, он считал своим долгом предупредить президента Академии в его неустойчивом положении лета 1749 г. и 1750 г. о возможных для него отрицательных следствиях в случае произнесения «речи» Миллера.

На М.В. Ломоносова не могла не воздействовать отмеченная В.О. Ключевским господствующая правительственная идея российской самодостаточности, которая трансформировалась при изучении российской истории в соответствующую ей интерпретацию «варяжской проблемы». На историческую действительность IX–X вв. проецировались российские политические идеи середины XVIII в.: в общественной памяти еще свежи были антинемецкие настроения конца тридцатых годов, императрица так и не простила «немцам», которые стояли между ней и троном, а также «шведам», которые эксплуатировали эту ситуацию и чуть не погубили ее репутацию своим обособлением основной причины войны против России в 1741–1743 гг.

Над исследователями нависала правительственная угроза «в писании от всякого умствования и предосудительных экспресий удерживаться, особливо что к предосуждению России или ея союзников касается», которая трансформировалась в административные меры руководства Академии по отношению к тем, кто «умничал».

Вероятно, на изменение отношения М.В. Ломоносова к диссертации Г.Ф. Миллера воздействовали не только ясно выраженные идеи из императорского дворца, но также изменение идеологии абсолютной монархии в елизаветинское царствование. Абсолютная власть монарха не только имела тенденцию отождествлять себя с государством, что осуществил во Франции Людовик XIV и чему противостоял в России Петр Великий. Она предполагала также тенденцию к превращению личности в винтик государственной машины, отождествленной с монархией, или, как требовала присяга императрице, «таким образом себя вести и поступать, как доброму и верному ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рабу и подданному благопристойно есть и надлежит».

Можно предположить, что прежде всего данные обстоятельства воздействовали на М.В. Ломоносова, когда он рекомендовал руководству Академии запретить публикацию диссертации Г.Ф. Миллера. К его политическим и идеологическим доводам относится также определение времени расселения славян на Днепре и в Новгороде в зависимости от легендарного предания о проповеди в этих землях апостола Андрея. Как показали научные исследования, данное предание было создано в киевское великое княжение Всеволода Ярославича (1078–1093), крестильным именем которого был Андрей. Особое почитание этого апостола приобрело значительное политическое и идеологическое значение, определенное переосмысление его культа под влиянием реалий церковно-политической жизни на Руси [Чичуров И.С. 1990]. Политическим доводом Ломоносова стало также указание на учрежденный Петром Великим орден святого апостола Андрея Первозванного как обоснование мнения о расселении славян в апостольские времена.

Дискуссия в связи с обсуждением диссертации Г.Ф. Миллера была важна для всех ее участников. Она позволяла выявить большую и меньшую

степень обоснованности их утверждений. Дискуссия обращала внимание на необходимость широкого привлечения исторических источников. Она указывала на необходимость исследования исторических фактов. Разумеется, для участников дискуссии это ее значение раскрывалось не сразу и не в полной мере. Ее основные выводы, скорее, обозначали определяющее направление дальнейшего развития российской исторической науки. Вместе с тем, обсуждение диссертации Миллера, равно как подготовка и проведение торжественного заседания в честь годовщины восшествия на престол императрицы, свидетельствовали о том, под каким сильнейшим идеологическим, политическим и административным давлением находились ее участники во второй половине 1749–1750 г. и как это воздействие влияло на разыскания исследователей.

«Слово похвальное», которое М.В. Ломоносов произнес на праздновании дня восшествия на престол императрицы в Академии наук 26 ноября 1749 г., являлось не только выдающимся произведением ораторской прозы, на что обратил внимание, в частности, Л. Эйлер. Оно имело значительный успех. Панегирик Ломоносова, по словам Г.Н. Теплова, «снискал рукоплескания Двора». К.Г. Разумовский поднес Елизавете Петровне печатный экземпляр произнесенных на торжестве речей. О постоянстве в елизаветинское царствование такого успеха, авторского и придворного, свидетельствуют его последующие издания в 1751, 1755 и 1758 гг. [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 956–957; *Летопись*. 1961. С. 156].

В числе придворных, «рукоплескавших» М.В. Ломоносову, вероятно, находился камер-юнкер И.И. Шувалов. Юный фаворит, видимо, уже тогда высоко ценил литературный дар Ломоносова. В исследованиях, посвященных Шувалову, в полной мере обоснованно приводится его характеристика Екатериной II, которая писала о нем, еще камер-паже: «Я вечно его находила в передней с книгой в руке, я тоже любила читать и вследствие этого я его заметила; на охоте я с ним разговаривала; этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться <...>. Он также иногда жаловался на одиночество, в каком оставляли его родные; ему было тогда восемнадцать лет, он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен, и казался от природы очень кроткого нрава» [*Записки императрицы Екатерины Второй*. 1989. С. 109–110]. Можно предположить, что в руках этого любителя чтения были и произведения Ломоносова, в том числе поэтические, посвященные императрице. Так что успех «речи» Ломоносова, впрочем, как и его яркая личность, способствовали тому, что Шувалов, обладая значительными возможностями фаворита, стал оказывать содействие великому ученому и поэту.

В литературе XIX — начала XX в. отношение И.И. Шувалова к М.В. Ломоносову характеризовалось как покровительство. Впрочем, по мнению П.П. Пекарского, оно наносило ущерб занятиям ученого естественными науками. Именно они, по словам Пекарского, позволили Л. Эйлеру «провидеть»

в Ломоносове «европейскую знаменитость», тогда как Шувалов побуждал его заниматься разысканиями по русской истории [Пекарский П. 1873. Т. 2. С. 505]. В новейшей литературе более обращалось внимание на стремление Ломоносова сохранить свое достоинство в отношениях с Шуваловым, который был не только просвещенным человеком, но и барином. Как отметил Е.В. Анисимов в связи с известными эпизодами из жизни Шувалова, «умышленное стравливание за столом двух поэтов Сумарокова и Ломоносова было ничем иным, как смягченной воспитанием формой барской утехы с шутами во время сытного обеда» [Анисимов Е.В. 1998. С. 17]. По мнению Э.П. Карпеева, Ломоносов стремился использовать Шувалова для достижения своих целей. По его словам, «своим крестьянским умом Ломоносов смекнул, что новый фаворит более (чем М.И. Воронцов. — М. С.) подходит на роль его покровителя: он имеет постоянный доступ к императрице, не обязан ограничивать себя в выборе тем для бесед с нею и, наконец, может рассчитывать на выполнение своих просьб». Продолжая эту мысль, Карпеев предположил, что «Ломоносов, видимо, думал, что при поддержке Шувалова он сможет поправить положение в Академии наук» [Карпеев Э.П. 1998. С. 60–61].

Позднее Е.В. Анисимов иначе охарактеризовал отношения И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова: «С Ломоносовым Шувалова связывала дружба, основанная на просвещенном патриотизме, на казавшихся им вечными и неизменными ценностях: вере в знания, талант, науку, Просвещение, в неограниченные возможности просвещенного русского ума, способного на благо себе изменить все вокруг. Оба они были *истинными сынами отечества* — так называли тогда патриотов. Для Шувалова Ломоносов являлся живым воплощением успеха просвещенного знаниями русского народа. Благодаря настояниям Шувалова, за спиной которого стояла императрица, Ломоносов занялся русской историей, писал много стихов. Но, как часто бывает в жизни, отношения их не были простыми и равными — слишком разными были эти люди. <...> Ломоносов хотел, чтобы Шувалов не только восхищался его гением, но и помогал осуществлять его грандиозные планы, продвигал его весьма амбициозные идеи при дворе, у императрицы» [Анисимов Е. 2005. С. 226; курсив Анисимова].

Определение характера отношений М.В. Ломоносова и И.И. Шувалова существенно для анализа творчества великого ученого как историка. Обобщая основные направления в установлении «своего рода первопричины» написания Ломоносовым трудов по отечественной истории, С.Л. Пештич отметил два различающихся исследовательских подхода: личная инициатива Ломоносова и правительственное поручение. Он подчеркнул равную меру обоснованности этих двух подходов — как патриотической инициативы, так и правительственного поручения [Пештич С.Л. 1965. С. 181–182]. Такое различие во мнениях свидетельствует о том, что этот важнейший вопрос нуждается в продолжении разысканий на эту тему. От ответа на него зависит

определение идейной среды, в которой работал Ломоносов над своими историческими трудами.

Написание обобщающего труда по российской истории являлось в середине XVIII в. актуальной задачей научной и общественно-политической. Уже полстолетия существовала новая российская государственность, созданная Петром Великим. Появились объективные условия для нового осмысления истории России. Но образованные россияне все еще не могли прочесть такого труда, который показал бы исторические обстоятельства появления современного могущественного российского государства.

Обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера свидетельствовало о дискуссионности и малой изученности основных проблем начальной этнокультурной и политической истории Руси, как и ее истории в целом.

3. Новые методы Ф.М. Вольтера в «Россике» конца 1740-х гг.

К концу 1740-х гг. обострилась ситуация и в изложении российской истории в западноевропейской «Россике». Ф.М. Вольтер, который в 1730–1731 гг. объективно изложил в «Истории Карла XII» основное содержание петровских преобразований и высоко оценил значение деятельности Петра Великого, после воцарения Елизаветы Петровны постарался стать почетным членом Петербургской Академии наук. В 1745 г. он отправил императрице поэму «Генриада», а Академии — «Элементы философии Ньютона» при поддержке французского посла шевалье д'Альона. С избранием Вольтера в российские академики согласился канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, а его согласие утвердила Елизавета. Официальной датой избрания Вольтера стало 24 февраля 1746 г. [Летопись. 2000. Т. 1. С. 322; *Шмуrho E.* 1929. С. 36–37; *Искюль C.H.* 2006. С. 8].

В 1748 г. Ф.М. Вольтер издал «Анекдоты о царе Петре Великом». В исследовательской литературе характеристики этого произведения существенно различаются: для Вольтера Петр, по-прежнему, «Великий», но в жанре «Анекдотов» он более обстоятельно рассказал о свойствах царя, героя, хотя и с недостатками [Lortholary A. 1951. P. 44], это — «подготовка мнения», «приманка» для читателей по отношению к предстоящему исследованию о Петре Великом [Magnan A. 1995. P. 63], «свобода и юмор с оттенком зубоскальства царят в этом вольтеровском изображении Петра» [Мезин С.А. 1999. С. 86], Вольтер напоминает в основных чертах важные этапы жизни и трудов реформатора, с тем, чтобы подчеркнуть позитивный баланс просвещенного деспота в перспективе истории великих людей [Voltaire. 1999. Т. 46. P. 31], «Вольтер, развивая свои представления о русском царе, изложенные в “Истории Карла XII”, отдает должное универсальному творческому гению царя и императора» [Искюль C.H. 2006. С. 8]. Такие существенные различия во мнениях

свидетельствуют о необходимости продолжения анализа «Анекдотов» как произведения, в котором изучалась российская история.

В середине — второй половине 1740-х гг. российско-французские отношения подверглись значительным испытаниям во многом по вине французской стороны. В июне 1744 г. из России с унижениями был выслан направленный к императорскому двору маркиз де ля Шетарди. В конце 1747 г. из Петербурга отозван назначенный посланником шевалье д'Альон, а в июне 1748 г. — его преемник де Сен-Совёр. Россия поддержала Австрию, заключив с ней союз, когда та вела войну против Франции и Пруссии. Российская армия находилась на Рейне недалеко от французской границы. Но и Франция, со своей стороны, пыталась побудить Турцию и Швецию напасть на Россию. Ахенский мир, который завершил войну за «австрийское наследство», был заключен только 18 октября 1748 г. [Черкасов П.П. 1995. С. 39–49; см. также ранее, с. 540]. Так что состояние российско-французских отношений в середине — второй половине 40-х гг. не способствовало объективному изучению и изложению во Франции истории России и деятельности Петра Великого.

Сам Ф.М. Вольтер в 1745–1747 гг. был не только успешным литератором и историком, но также лицом официальным. В 1745 г. он назначен историографом Людовика XV и приближен ко двору, в 1746 г. — избран во Французскую академию. Впрочем, в 1748 г. Вольтер должен был навсегда покинуть королевский двор [Besterman Th. 1969. P. 274–281; Акимова А. 1970. С. 169–183]. Между тем, уже в 1744 г. отмечается работа Вольтера над новым подходом к изучению истории — не королей, а нравов, наук, законов, обычаев, суеверий, т. е. — истории людей. Эти наблюдения были обобщены в его труде «Опыт о нравах и духе законов» (1765–1769).

В таких обстоятельствах политической и интеллектуальной жизни Ф.М. Вольтер использовал хорошо знакомые ему работы о России и Петре Великом Д. Перри, Ф.Х. Вебера, Бернара ле Бовье Фонтенеля, ознакомился с новыми и ранее ему неизвестными сочинениями о России и создал «Анекдоты о Петре Великом» [об источниках, использованных в «Анекдотах», см.: Voltaire. 1999. Т. 46. P. 26–29]. Впрочем, это произведение отдельно не издавалось. Впервые оно было опубликовано в дрезденском издании Георга Конрада Вальтера в 1748 г. [Voltaire. 1748. P. 242–256].

«Анекдоты» были осуждены петербургским двором. В 1751 г. президент Академии наук К.Г. Разумовский отклонил предложение Вольтера приехать в российскую столицу, а в 1753 г. знаменитый философ и литератор был исключен из состава Петербургской Академии наук и даже стали искать виновных в его избрании [Копанев Н.А. 2009. С. 32–33].

Особым являлся избранный писателем жанр «анекдота». Он должен был представлять собой рассказ, содержащий «некую историческую и скрытую особенность, которую предшествующие историки упустили или умолчали

(que les Historien précédens avoient omise ou supprimée)». В качестве примера использования слова *anecdote* приведена фраза: «Il y a des anecdotes intéressantes» [Le grand vocabulaire François. 1767. Т. 2. Р. 382]. А. Маньян, который специально рассмотрел использование Вольтером жанра анекдота, определил его место между историей, эссе и сатирой. По его наблюдениям, анекдоты с их интересом к малому конкретному факту обещали пикантность новизны. Он привел слова Вольтера в «Веке Людовика XIV» (1752) об анекдотах как о поле, «где собирают колосья (т. е. подбирают остатки. — М. С.) после большой жатвы истории» [Magnan A. 1995. Р. 64].

Учитывая все эти обстоятельства и жанровые особенности анекдота как историко-литературного жанра в XVIII в., следует ожидать, что содержание вольтеровского повествования о России и Петре в «Анекдотах» будет отличаться от изложения этих сюжетов в «Истории Карла XII». В частности, Вольтер лишь бегло упомянул в них Карла XII как политического антипода, который подчеркивал достоинства Петра — преобразователя своей страны.

Действительно, в отличие от «Истории Карла XII» Ф.М. Вольтер очень кратко остановился на характеристике «варварского» состояния допетровской России. Теперь это состояние — не особенность страны, а — в соответствии с просветительской концепцией — проявление исторической закономерности древнего традиционного быта. Столь же закономерно, по Вольтеру, появление в определенный период истории деятеля, подобного Петру: «Итак, весьма вероятно, что все народы находились много веков в некоем среднем состоянии между медведем (l'ours) и человеком, до той поры, когда, наконец, не появятся люди, такие как царь Петр, как раз в то время, когда нужно, чтобы они пришли». Но в противоположность такому объективному началу повествования первопричиной будущих преобразований в России Ф.М. Вольтер назвал женева, приближенного царя Франца Лефорта, который сообщил Петру о том, что есть и другой «образ жизни и правления». Так что определяющим началом в российских преобразованиях стал, по Вольтеру, не Петр, как в «Истории Карла XII», а Лефорт: «<...> без этого женева Россия еще оставалась бы варварской» [Voltaire. 1748. Р. 242].

Ф.М. Вольтер сохранил в новом произведении идеи величия души Петра, создания им «нового народа» («il eut crée sa Nation») [Voltaire. 1748. Р. 250]. Подчеркивая единство мира и особое значение деятельности Петра, Вольтер в соответствии с эстетикой классицизма уподобил русского царя Прометею, который отправился искать «небесный огонь», подразумевая под ним современную цивилизацию. Делал Петр это, как и следовало Прометею, для своего народа, чтобы «оживить своих соотечественников» (pour animer ses compatriotes). В поисках этого «огня» Петр отправился к голландцам, у которых, отметил Вольтер в соответствии с концепцией единства исторического прогресса, три столетия ранее также не было «божественного огня» цивилизации [Voltaire. 1748. Р. 243].

Следуя жанру анекдота, Ф.М. Вольтер кратко и занимательно написал о пребывании Петра в Голландии и Англии, где он приобретал знания в науках и ремеслах, добавив не совсем точно сведения об освоении им не только голландского и немецкого, но также «немного» английского языка, что было неверно. Значительно более подробно, чем в «Истории Карла XII», Вольтер написал о недостатках характера и «нравов» Петра.

Основным литературным приемом в «Анекдотах» стало противопоставление старого и нового. Для содержательного и литературного оживления повествования положительные деяния Петра Ф.М. Вольтер сопровождал также изложением негативных явлений в жизни самого царя и его подданных, что снижало рассказ о главном в происходивших событиях до уровня интересного анекдота. В этих сведениях содержалось много новой информации, которую Вольтер почерпнул из существующей литературы, из неопубликованных источников. Но основные сообщения о петровских преобразованиях и их противниках остались в «Анекдотах» в соответствии с экскурсами в «Историю Карла XII».

Особое значение в повествовании приобрели изменения в быте и нравах русских людей. При этом, излагая содержание церковной реформы Петра, Ф.М. Вольтер, как человек эпохи Просвещения, упрекнул современное правление Елизаветы Петровны в том, что при нем увеличилось число монашествующих и монастырей, тогда как Петр стремился их сократить.

Средневековому униженному положению русских женщин Ф.М. Вольтер противопоставил их новые права при бракосочетании и в семейной жизни. С одобрением написал он о том, что сестра царя, Наталья, сочиняла трагедии по-русски. Теперь, продолжил он, т. е. в 40-е гг., в Петербурге есть французские комедианты и итальянская опера. «Великолепие и истинный вкус во всем сменили варварство» — обобщил он. Впрочем, здесь же Вольтер сообщил о трудностях Петра в борьбе с традиционными бородами и долгополой одеждой. Но жанр анекдота позволил эту тему борьбы нового и старого перевести во французскую шутку, достойную внимания людей светских: Петр нашел поддержку у женщин, которые «предпочитали бритые подбородки». Завершая рассказ об изменении положения женщин в современной России, Вольтер, многоопытный литератор, соединил в соответствии с шекспировской традицией трагедию и юмор, сообщая о следствиях этих преобразований царя: женщины «были ему обязаны за то, что их больше не секли, они находились в обществе вместе с мужчинами и могли целовать лица более почтенные».

Вслед за этим сюжетом в повествовании следует сообщение о строительстве по воле Петра Санкт-Петербурга, о привлечении к этим работам более ста тысяч человек, находившихся «в трудах, которые следовало выполнить, в усталости и нужде, которую испытывали». Это строительство, наряду с содержанием флота и сотысячной регулярной армии Ф.М. Вольтер соотнес,

как и в «Истории Карла XII», с ограниченным бюджетом страны. Определяя его, Вольтер написал в первом издании «Анекдотов» «восемнадцать» (*dis huit*) миллионов поступлений. Впрочем, на принадлежавшем ему экземпляре книги Вольтер зачеркнул слово *dis* и над строкой поверх вычеркнутого написал *vingt*. Таким образом, бюджет России он определил существенно более значительным — двадцать восемь миллионов [*Voltaire*. 1748. P. 243].

Но в данном случае он эту тему развернул, сопоставляя гигантское строительство Петра с созданием пирамид фараонами, которые платили работникам мизерные деньги. Это была ясно выраженная, хотя и элегантно изложенная критика царя, который осуществлял свою волю, чего бы это ни стоило. Как афористично написал Вольтер, имея в виду Петра, «имеется только воля; этого — достаточно» («<...> on n'a qu'à vouloir. On ne veut pas assez») [*Voltaire*. 1748. P. 250].

Жанр «анекдота» позволил Ф.М. Вольтеру с сочувствием написать о сложной судьбе простой по происхождению жены Петра Великого Екатерины. По словам Вольтера, «она смягчила многие из нравов своего мужа, намного более она спасла спин от кнута (Вольтер написал латинскими буквами русское слово *Knout*. — М. С.) и еще больше голов — от его топора». В то же время она могла управлять государством.

Ф.М. Вольтер обстоятельно написал о царевиче Алексее. Из его повествования следовало, что основной причиной гибели Алексея стал конфликт между давними традициями, которые он поддерживал, и великим творением его отца для славы своего народа. Эти традиции Вольтер охарактеризовал как «прежнее варварство», которое могло вернуться в Россию после смерти Петра. Явно сочувствуя «несчастному царевичу» в его судьбе, он прозрачно намекнул читателям на его насильственную смерть. Но как просветитель Вольтер поддержал в этом конфликте идей и судеб преобразующую деятельность Петра, хотя стране «стоило это дорого» [*Voltaire*. 1748. P. 254].

Завершая «Анекдоты» о Петре, Ф.М. Вольтер написал о нем, несмотря на очевидные недостатки его характера и «нравов»: «Несомненно, русские должны смотреть на царя как на величайшего из людей». В доказательство этого, кроме указанных ранее свершений, он привел слова, которые Петру приписывали, о том, что «он принес в жертву своего сына во благо своего государства». Забывая о жанре анекдота, о картезианской рассудочности и собственной иронии, об обстоятельствах написания этого своего произведения, Вольтер не скрывал восторга перед личностью Петра: «Он обладал такой силой духа, которая ставит человека выше предрассудков, над всеми, кто его окружает и кто ему предшествовал <...>». Так что Вольтер искренне жалел, что в его время во Франции нет такого короля.

Характеризуя прогресс современной ему России как следствия деятельности Петра Великого, Ф.М. Вольтер доброжелательно и пророчески писал: «Сегодня русские более не удивляются своим достижениям, менее чем за

пятьдесят лет они овладели всеми видами искусства. Вскоре скажут, что эти искусства у них издревле <...>. Но Вольтер как мыслитель и историк эпохи Просвещения осознал единство исторического развития всего человечества, органическую часть которого составляла Россия. Поэтому, завершая «Анекдоты», он выразил уверенность в том, что такие деятели, как царь Петр, нужны и в других «обширных странах», таких как в Африке. Так что в середине XVIII в. историческим оптимизмом была наполнена последняя фраза «Анекдотов»: «<...> и быть может через миллионы лет он придет, поскольку все, хоть и слишком поздно, но наступает» [*Voltaire*. 1748. Р. 255–256]. Впрочем, этот оптимизм просветителя соединен со скрытым отчаянием от отдаленности времени пришествия таких преобразователей, как Петр Великий.

Содержание «Анекдотов» позволяет характеризовать их как литературно-историческое эссе, которое обосновывало концепцию развития России в мировом контексте как следствие закономерности исторического прогресса, т. е. современного уровня развития экономики, культуры и состояния «нравов». Основное содержание деятельности Петра Великого, по Вольтеру, — приобщение России к этой цивилизации, противопоставленной «варварству». Автор написал о многих преобразованиях Петра. В отличие от «Истории Карла XII», где его деятельность излагалась в конструктивном содержании, хотя отмечено и сопротивление ей, в «Анекдотах» повествование сопровождается сведениями о негативных проявлениях характера и поступков царя, российской общественной жизни. Такое позитивное, но критическое отношение к личности Петра Вольтер распространил в редких замечаниях и на деятельность императрицы Елизаветы Петровны в тех случаях, когда она противоречила деяниям отца.

Ф.М. Вольтер осуждал Петра за жестокое отношение к своему народу. Впрочем, он постоянно подчеркивал, что царь в полной мере разделял с ним эту жизнь, а все трудности были объективно необходимы для приобщения России к современной цивилизации и для «смягчения нравов». На фоне такого повествования неоправданным преувеличением в «Анекдотах» является подчеркнутое Вольтером особое значение Ф. Лефорта в петровских преобразованиях.

В критических замечаниях Ф.М. Вольтера прослеживается его реакция на несоответствия в Петре Великом и российской действительности просветительским идеалам, тогда как напряженное состояние российско-французских отношений позволило эти критические замечания изложить во Франции публично. Возможно также, скрытой критикой Вольтера современных российских властей стало возвеличивание преобразовательной деятельности Петра в противоположность ее определенному свертыванию в правление Елизаветы.

В «Анекдотах» как историческом произведении в сравнении с «Историей Карла XII» существенно больше сведений о деятельности Петра, но история допетровской России отсутствует. Впрочем, повествование о преобразующей

деятельности Петра подчинено главному — обоснованию идеи приобщения страны к современному прогрессивному пути исторического развития, а не историческому изучению содержания его реформ.

4. Начало работы М.В. Ломоносова над «Российской историей»

В России внимательно следили за новыми сочинениями о российской истории и Петре Великом, которые появлялись в самой стране и за рубежом. Следствием этого стала речь «Слово похвальное <...> Императрице Елизавете Петровне <...>», произнесенная М.В. Ломоносовым перед членами Академии и Двором 26 ноября 1749 г. В своем обращении он отметил неудовлетворительное состояние в России исторической науки. Используя литературный прием изложения речи Героя, он вкладывал в уста императрицы свои идеи: «Не описаны еще дела Моих предков и не воспета по достоинству Петрова великая слава» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 254]. Это был ясно выраженный сигнал всем присутствующим на академической Ассамблее и читателям его речи, в том числе и Елизавете Петровне. Он означал готовность Ломоносова продолжить исследования отечественной истории. Этот сигнал был понят и одобрен власть предержащими, прежде всего самой императрицей.

Поддержка М.В. Ломоносова и его деятельности, научной и организационной, государственной властью, которая в условиях абсолютистской монархии персонифицировалась в Елизавете Петровне, имела системный характер. Особое значение в ней имело установившееся, видимо, уже зимой 1749/1750 гг. доброжелательное покровительство Ломоносову И.И. Шувалова.

И.И. Шувалов содействовал аудиенции М.В. Ломоносова у императрицы. Она состоялась 27 августа 1750 г. В оде, посвященной этому событию, поэт и ученый написал: «Но истинно Петрова Дщерь / К наукам матерски снисходит, / Щедротою в восторг приводит». В комментарии к оде исследователи предполагали, что «разговор во время приема шел о тесной связи научной теории с практической деятельностью, о значении науки для изучения естественных богатств нашей страны и для развития отечественной промышленности» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 254, 984; *Летопись.* 1961. С. 167]. Но можно предположить, что во время аудиенции обсуждалось состояние в России всех наук, включая историю, т. е. это обсуждение стало продолжением тех идей, которые были изложены Ломоносовым в «Слове похвальном». Во всяком случае, исторические сюжеты не покидали Ломоносова и тогда, когда он писал оду, посвященную этой аудиенции в Царском селе, где, по его словам, «древним именем Славена / Гордяся, пролились струи». Так по имени князя-эпонима поэт и ученый переосмыслил название реки Славянки [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 395, 985].

Последующие события показали, какие приоритеты в дальнейшей научной и организационной деятельности были избраны самим М.В. Ломоносовым и И.И. Шуваловым, видимо, с одобрения и при постоянной поддержке императрицы.

В 1750–1751 гг. М.В. Ломоносов много и успешно трудился над исследованием теоретических проблем химии и физики. Особое практическое значение имели его успешные опыты по изготовлению цветного стекла и смальт, что создавало возможности для фабричного изготовления стекляруса и мозаик. Для того чтобы укрепить положение Ломоносова в Академии и обществе, 1 марта 1751 г. ему был пожалован чин коллежского советника, который был равен в соответствии с «Табелью о рангах» полковнику и капитану первого ранга. Этот ранг присваивал потомственное дворянство и давал право присутствовать на дворцовых приемах. Потомственное дворянство предоставляло право ходатайствовать о разрешении фабричного производства изделий из цветного стекла, от мозаик до галантереи, а также о наделении земель для строительства фабрики. При содействии И.И. Шувалова 15 марта 1753 г. Елизавета Петровна пожаловала Ломоносову 211 «душ» с принадлежащими им землями для работы на фабрике цветного стекла, которая начала строиться уже 6 мая того же года. Кроме того, он активно занимался литературным творчеством и выполнял многочисленные поручения административного руководства Академии, читал лекции студентам по экспериментальной химии, руководил индивидуальным обучением приданных ему студентов и написал для их обучения авторский труд по физической химии [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 383–387; Летопись. 1961. С. 168–214].

Такая значительная занятость М.В. Ломоносова объясняет, почему только в официальном репорте о работах за майскую треть 1752 г. он написал в конце перечня выполненных работ: «<...> между тем по досугам делал разные приуготовления и примечания к сочинению “Российской истории”» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 387]. Но начал он обдумывать план предстоящего труда по истории России уже в 1751 г. В письме от 10 сентября 1751 г. И.И. Шувалову Ломоносов сообщал: «При сем доношу, что ныне “Демофонта” докончать стараюсь и притом делаю план “Российской истории”, который по возвращении вашем в Санктпетербург показать честь иметь буду <...>» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 471–472]. «Демофонт» — второе после пьесы «Тамира и Селим» драматическое произведение, написанное в соответствии с указом Елизаветы Петровны. Такой неофициальный отчет Ломоносова может свидетельствовать о том, что работа над «Российской историей», вероятно, предложенная ученым императрице и Шувалову, стала теперь их поручением, возможно, пока неофициальным.

Позднее в написанном в 1756 г. отчете о работах за 1751–1756 гг. М.В. Ломоносов ретроспективно указал, что в 1751 г. он «читал книги для собирания материй к сочинению “Российской истории”». Анализ этого списка позволя-

ет установить содержание подготовительной работы Ломоносова по сбору материалов. Первым в этом перечне Ломоносов назвал «Нестора». Это была хранившаяся в БАН Петровская копия Радзивилловской летописи [ныне: БАН. 31.7.22; *Коровин Г.М.* 1961. С. 236–237]. Следующей книгой он назвал «законы Ярославли». Вероятно, это была рукопись В.Н. Татищева «Собрания законов древних русских» [БАН, 16.14.9]. В состав рукописи входят: список Краткой Правды Русской, Судебник 1550 г., «указы дополнительные Судебнику». Перед текстом Правды Русской содержится заголовок: «Право или закон, данный новгородцам от великого князя Ярослава Владимировича в 1017 году». Это — «Собрание законов» в редакции 1740 г. [Правда Русская. 1947. Т. 2. С. 824; *Татищев В.Н.* 1968. Т. 7. С. 40, 211–276]. В данной редакции, содержащей тексты юридических памятников и комментарии к ним, фамилия В.Н. Татищева, составителя и комментатора, не указана. Поэтому понятно, почему Ломоносов указал этот сборник в обобщенной форме по первому из содержащихся в нем судебнику.

Данные наблюдения позволяют не согласиться с предположением Г.М. Коровина, в соответствии с которым М.В. Ломоносов изучал в 1751 г. рукопись «Собрания законов», которая ныне хранится в Архиве СПБИН РАН (коллекция 115, № 434). Эта рукопись относится к редакции начала 1750 г. Она содержит заголовок «Собрание законов древних русских, для пользы всех любомудрых собранные и неколико изтолкованные тайным советником Василием Татисчевым» и предваряется историко-правовым «Предъизвещением» Татищева [*Татищев В.Н.* 1968. Т. 7. С. 43, 277–375]. Вероятно, Ломоносов указал бы, что он «читал» юридический сборник Татищева.

Следующая в перечне книга, прочитанная М.В. Ломоносовым в 1751 г., — «большой летописец». Видимо, это был «Летописец большой, № 5» (БАН, 32.8.2), то есть «Книга степенная» из собрания А.И. Остермана, которую Ломоносов повторно взял в БАН в 1764 г. и которая оставалась в его пользовании до его кончины [*Коровин Г.М.* 1961. С. 226, 432]. По определению А.В. Сиренова, эта рукопись является списком младшего извода редакции Ионы Думина без конвоя [*Сиренов А.В.* 2007. С. 493]. За «большим летописцем» Ломоносов назвал в этом перечне «Татищева первый том», т. е. окончательный вариант первой редакции второй части «Истории Российской», отправленной В.Н. Татищевым в Академию наук в 1746 г. [БАН. 17.17.11; *Валк С.Н.* 1964. С. 18–19, 21–25].

После указания древнерусских исторических источников и труда В.Н. Татищева М.В. Ломоносов перечислил те западноевропейские исторические разыскания, которые он «читал» в 1751 г.: Мартина Кромера «О происхождении и деяниях поляков» (Базель, 1558), а также Матеуса Вайселя «Хроника древней прусской, лифляндской и курляндской истории» (Кёнигсберг, 1599). Из источников он указал хроники Гельмольда и Арнольда Любекского. Отметил Ломоносов также «другие» сочинения, «из которых брал

нужные эксерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи на 15 листах» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 389].

Перечень прочитанных и изученных исторических источников и исторических разысканий в 1751 г. свидетельствует о том, что, несмотря на свою огромную занятость в химических и физических исследованиях, литературной деятельностью и т. д., М.В. Ломоносов начал изучение российской истории как специальной отрасли своих постоянных научных разысканий. В этом перечне прослеживается его особое внимание к опыту, уже накопленному В.Н. Татищевым в его трудах и в использованных им исторических источниках.

Поскольку М.В. Ломоносов составлял отчет о занятиях российской историей в 1751 г. ретроспективно, в порядке перечисления прочитанных рукописей и книг отразились его исследовательские приоритеты в этом году — история России допетровского периода (книги на русском языке и М. Кроммер), а также варяжская проблема (хроники Гельмольда, Арнольда и труд М. Вайсея). Учитывая, что один лист был равен четырем страницам, можно сделать вывод, что 653 выписки и комментарии к ним из названных Ломоносовым исторических источников и исследований на шестидесяти страницах стали для него значительным материалом для анализа этих сложнейших научных проблем, как отечественной истории в целом, так и варяжской проблемы, в частности.

Как отмечено ранее, в том же году М.В. Ломоносов продумывал план будущей книги. Так что издатели полного собрания сочинений М.В. Ломоносова в полной мере обоснованно предположили, что сохранившиеся в его рукописях два предварительных варианта периодизации русской истории представляют собой планы предстоящих исследований и относятся они к 1751 г. [здесь и далее см.: *Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 87, 562–563].

Сопоставление обоих вариантов свидетельствует о том, что собственное мнение об основных периодах российской истории и о плане будущей книги или книг у М.В. Ломоносова сложилось уже в это время.

Вариант 1	Вариант 2
Прежде сомнительные времена	1. Век древний до Рурика.
Период 1. От Рурика до смерти Владимировой.	2. Век от начала Рурикова владения до смерти к[нязя] Владимира.
Период 2. От смерти Владимировой до Батия.	3. Век от смерти князя Владимира до Батия.
Период 3. От Батия до царя Иоанна В[асильевича]	4. От Батия до начала царства царя Иоанна Вас[ильевича].
Период 4. От царя Ивана В[асильевича] до Петра Вел[икого].	5. От нач[ала] цар[ства] ц[аря] Ио[анна] В[асильевича] до смерти царя
Период 5. От Пе[тра] В[еликого] до Е[лизаветы] П[етровны]	Феод[ора] Алекс[еевича].

Период от Рюрика до смерти Владимира Святославича характеризовался в соответствии с более поздними определениями М.В. Ломоносова установлением «самодержавства» при Рюрике и утверждением в «державе» Владимира христианства [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 297, 299]. Таким образом, изначальное выделение Ломоносовым этого периода подразумевало в осмыслении им уже в 1751 г. российской истории появление «России» как государства с 862 г., существование в нем княжеского единовластия и единство этого периода как языческого до крещения Руси.

Особый период до середины XIII в. был для М.В. Ломоносова очевиден — «век» независимого политического существования «России» до «Батыева нашествия». «Верхним» хронологическим ориентиром для выделения следующего периода российской истории после Ордынского ига стало начало царской власти при Иване Грозном. Таким образом, этот «век» для Ломоносова характеризовался как царский. Различия в обоих «планах» заключались лишь в том, что в первом случае он обозначил верхнюю границу нового «века» началом правления Петра Великого, тогда как во втором случае — завершением допетровского периода с кончиной царя Федора Алексеевича. В соответствии с первым планом Ломоносов обозначил новейший период российской истории правлениями Петра Великого и Елизаветы Петровны. Определяющей в новейшей истории стала смена «царства всероссийского» «империей всероссийской», т. е. правление Петра стало началом императорского периода российской истории [Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 339–345].

Показательны изменения в названии начального «века» российской истории. В первом варианте он назван — «прежде сомнительные времена», т. е. времена до появления в Восточной Европе Рюрика. Их изучение еще вызывало сомнения, но во втором варианте плана М.В. Ломоносов определился с характеристикой этого периода как с «веком древним», так что сомнений в определении его содержания у него уже не было.

Таким образом, разработка М.В. Ломоносовым «плана “Российской истории”» свидетельствует о том, что этот процесс был творческим и в процессе его обдумывания в «план» вносились определенные изменения. В работе над «планом» Ломоносов был самостоятелен по отношению к периодизации в «Истории Российской» В.Н. Татищева (см. ранее, с. 466–470), хотя предшествующий исследовательский опыт был им творчески усвоен. Выделение «века древнего» подразумевало анализ древнейшей этнокультурной истории, установление начал славян и Руси. Последующие периоды определялись теми событиями, которые обозначали основные эпохи российского государства. Вместе с тем, эти обобщающие формулировки свидетельствовали об их предварительности, о характеристике Ломоносовым периодизации российской истории в целом.

В отчете за майскую треть 1752 г. М.В. Ломоносов написал о своих разысканиях об истории России: «<...> между тем по досугам делал разные приуготовления и примечания к сочинению “Российской истории”»

[*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 339–345]. Такие занятия историей в свободное от основных трудов («по досугам») время в начале года сменил, начиная с лета этого года, напряженный труд по сбору материалов. В написанном в 1756 г. отчете о работах в 1751–1756 гг. Ломоносов указал: «В истории: для собирания материалов к «Российской истории» читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных; экскерптов нужных на 5 листах, в 161 статье» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 390].

Труды Альбрехта Кранца (ум. 1517) были посвящены как проблемам, которые еще недавно дискутировались при обсуждении диссертации Г.Ф. Миллера, так и необходимым для написания собственного труда по российской истории: вандалам, их происхождению, переселениям и государствам, которые они создавали, скандинавским странам до начала XVI в., истории Польши и Саксонии. В этих книгах содержались значительные источниковые материалы. Впрочем, по наблюдениям Г.М. Коровина, в трудах Ломоносова ссылок на работы Кранца нет.

В сочинении Матфея Претория (1635–1707) «Готический мир» (1688–1689) излагалась история происхождения готам, мест их обитания, языков, управления и королей, нравов, обычаев, обращения в христианство и т. д. На Претория М.В. Ломоносов позднее ссылался в «Древней российской истории» в подтверждение своих идей о единстве руссов и пруссов, о славянской природе литовского и прусского языков, о тождественности россиян и роксолан, о происхождении Рюрика с братьями из Пруссии, а не из Скандинавии, т. е. тех аргументов, которые он привел ранее в дискуссии с Г.Ф. Миллером. Можно предположить, что, в частности, сочинение Претория воздействовало на формирование тех взглядов, которые Ломоносов сформулировал в этой дискуссии.

Названный М.В. Ломоносовым в отчете за 1752 г. Л. А. Муратори — эрудит, знаток латино- и грекоязычных источников по истории Италии VI–XV вв. Ему свойственен критический анализ как самих источников, так и сообщаемой ими информации. Ломоносов изучил первый том «*Rerum italicarum scriptores*» («Писатели итальянской истории»), изданный в Милане в 1723 г. В его составе опубликованы, в частности, труды готского историка Иордана (VI в.), византийского историка Прокопия Кесарийского (VI в.) и лангобардского историка Павла Дьякона (VIII в.), названные Ломоносовым в отчете за майскую треть 1752 г. вслед за фамилией Муратори. В них содержатся сведения о славянах в Эпоху переселения народов, а также о сложных отношениях славян, германцев и других народов в это время с Византийской империей и итальянскими государствами. Эти материалы Ломоносов использовал при изучении этногенетической истории славян.

Уже традиционно для российской историографии М.В. Ломоносов проявил внимание к византийским хроникам как к источнику по истории Руси.

Поэтому он изучил хронику Зонары (конец XI — середина XII в.), представлявшую собой всемирную историю до вступления на престол в 1118 г. Иоанна Комнина, хронику Феофана Исповедника (ок. 760–818), излагавшую события всемирной истории в 284–814 гг., а также «Хронографию» Льва Грамматика (XI в.) [Коровин Г.М. 1961. С. 261–266, 268–269, 271, 274–276, 287, 290]. Этим произведениям свойственны компилятивное использование предшествующих исторических произведений, стремление изложить в равной мере значимыми самые разные события в обществе и природе. Так что закономерен интерес к ним Ломоносова «для собрания материалов к “Российской истории”», хотя материалов по истории Руси, как следует из позднее написанных им исторических произведений, он выявил и немного.

При анализе процесса написания трудов М.В. Ломоносова по российской истории и их содержания ясно прослеживается не только так называемый «государственный заказ» и внутреннее побуждение ученого, но также прямое побуждение власть предержащих, определявших содержание и форму будущих исследований, что было свойственно абсолютным монархиям XVIII в.

Чрезвычайно информативно в этом отношении письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову в ответ на несохранившееся ныне письмо царского фаворита, полученное 28 декабря 1752 г. Из него следует, что Шувалов «неоднократно» «ободрял» великого ученого «к сочинению “Российской истории”». В ответ на такое «ободрение» Ломоносов деликатно указывал Шувалову, что написание «Российской истории» требует значительного труда в течение длительного времени: «Я бы от всего сердца желал иметь такие силы, чтобы оные великое дело совершением своим скоро могло охоту всех удовлетворять, однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени».

Сообщая о своих возможностях исполнить пожелания высокопоставленного корреспондента, М.В. Ломоносов в косвенной речи изложил в придворной стилистике также требование вельможи относительно содержания будущего исследования: «Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностью древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются, то весьма чувствую». В завершение этой темы Ломоносов сообщил и о том кратком сроке, который И.И. Шувалов, вероятно, выражая пожелание императрицы, ему назначил: «Могу вас, милостивый государь, уверить в том заподлинно, что первый том в нынешнем году с божией помощью совершить уповаю».

Вероятно, «ободрение» императрицы и И.И. Шувалова было столь значительным, что М.В. Ломоносов, который считал себя прежде всего физиком и химиком, был занят восстановлением в России сложнейшего мозаичного дела, утраченного в результате Ордынского нашествия, упрашивал своих высочайших доброжелателей позволить ему продолжить свои занятия, хотя бы в качестве отдыха от трудов по истории и филологии: «Итак, уповаю, что

и мне за успокоение от трудов, которые я на собрание и на сочинение “Российской истории” и на украшение российского слова полагаю, позволено будет в день несколько часов времени, чтобы их вместо бильяру употребить на физические и химические опыты, которые мне не токмо отменой материи вместо забавы, но и движением вместо лекарства служить имеют и сверх сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могут едва меньше ли первой» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 474–475].

В марте 1753 г. М.В. Ломоносов был «ободрен» к работе над «Российской историей» и повелением самой Елизаветы Петровны. Как он сообщил в академическую Канцелярию, «в доме Е. И. В. имел высочайшее счастье слышать всемиловитейшее повеление через его превосходительство <...> Ивана Ивановича Шувалова, чтобы я приложил старание свое к сочинению “Российской истории”» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 403]. В письме от 23 февраля 1754 г. к Л. Эйлеру он сообщил, что «<...> августейшая императрица, удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю». Позднее, в 1764 г., вспоминая об этом событии, Ломоносов вернулся к изъяснению императорской воли «через камергера Шувалова», но суть повеления оставалась той же: «<...> Е. В. охотно бы желала видеть российскую историю, написанную его штилем» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 503, 285–286]. То есть, российская история должна была быть написана так, как она была написана в историческом экскурсе «Слова похвального» в 1749 г., в виде позитивного изложения исторических событий современным литературным языком.

Впрочем, М.В. Ломоносов продолжил научные разыскания в химии и физике, рискуя вызвать неудовольствие императрицы и И.И. Шувалова. В частности, вместе со своим другом Г.В. Рихманом он был увлечен в это время опасными опытами по изучению атмосферного электричества. Во время одного из таких опытов 26 июля 1753 г. Рихман погиб. Неудовольствие вельможи и покровителя действительно могло быть выражено. Уже в упомянутом ранее письме от 28 декабря 1752 г. Шувалов, вероятно, не без пожелания императрицы написал Ломоносову, чтобы он сосредоточился на написании «Российской истории», для чего он должен был прекратить свои занятия химией и физикой. В ответ на такое указание Ломоносов решительно сообщил: «Что ж до других моих в физике и в химии упражнений касается, чтобы их вовсе выкинуть, то нет в том ни нужды, ниже возможности» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 475].

Такой ответ не мог удовлетворить И.И. Шувалова, так что через академическую Канцелярию стали подыскивать в западноевропейских странах специалиста химика на замещение в Академии должности профессора химии. Впрочем, и сам М.В. Ломоносов, все более занятый исследованиями по российской истории, заявил в «Собрании профессорском», что «имея работу сочинения “Российской истории”, не чаю так свободно упражнять-

ся в химии». Уже в сентябре 1755 г. Ломоносов обсуждал с Г.Ф. Миллером вопрос о замещении должности профессора химии и предложил пригласить У.Х. Сальхова, на работу которого ранее дал положительный отзыв, хотя и отметил в ней недостатки. После приезда Сальхова в Петербург ему были отданы химическая лаборатория и квартира Ломоносова, которую, впрочем, занял И.И. Тауберт [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 59; 1957. Т. 10. С. 286; *Летопись.* 1961. С. 251].

Как следует из отчета М.В. Ломоносова за 1753 г., в этом году он много занимался разысканиями в химии и физике. При этом он не останавливался на экспериментах. Как Ломоносов написал, он стремился «привести химию, сколько можно, к философскому познанию и сделать частью основательной физики». Такое же единство практики и теории, фактов и их теоретического осмысления было свойственно в 1753 г. разысканиям Ломоносова в исторической науке. Он систематизировал ранее накопленные материалы, «записки из сочиненных прежде авторов приводил под статьи числами», и «читал российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 390–391].

М.В. Ломоносов в полной мере осознавал важность устанавливаемых исторических фактов. Но, выявляя и анализируя их, он опасался, как говорится в народной поговорке, «за деревьями не увидеть леса», т. е. не увидеть общего содержания исторического процесса и утратить возможность «привести» историю «к философскому познанию». Видимо, поэтому в письме от 7 октября 1753 г. он обратился к И.И. Шувалову с просьбой предоставить возможность ознакомиться с принадлежавшим ему вторым томом «Истории Российской» В.Н. Татищева: «При всем, ваше превосходительство, всепочтеннейшее прошу не забыть вашего милостивого обещания, чтобы меня доставить вторым томом Татищева «Истории», затем что он в первом много на второй ссылается» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 490].

Из этого письма следует, что М.В. Ломоносов к этому времени изучил находившийся в БАН окончательный вариант недавно поступившей туда первой части «Истории Российской». Таким образом, он был уже хорошо знаком с накопленным опытом в изучении этнокультурной истории Восточной Европы, начиная с эпохи скифов и сарматов как предыстории славян и Руси, с проблемами анализа древнейшей славянской и русской истории, с основным корпусом введенных в научный оборот средневековых отечественных и иностранных источников для их исследования. Изучение второго тома «Истории Российской» В.Н. Татищева было Ломоносову необходимо, чтобы учесть уже накопленный опыт в изучении истории Руси до первой трети XIII в., как общих исследовательских проблем, так и конкретных фактов, чтобы сравнить этот опыт с собственными наблюдениями.

Глава VII

Творческая лаборатория М.В. Ломоносова

1. Пометы М.В. Ломоносова в русских источниках и «Истории Российской» В.Н. Татищева

Изучение творческой лаборатории Ломоносова-историка стало возможно тогда, когда исследователями начал системно выявляться корпус рукописей и опубликованных книг, хранившихся в библиотеках, а также его собственных, которыми он пользовался в своих исторических разысканиях. Уже первые обобщающие исследования позволили установить, что Ломоносов, читая эти рукописи и книги, постоянно делал пометы в их тексте и на полях. Он записывал чернилами и карандашом на полях свои характеристики прочитанного, подчеркивал слова и строки, помечал особыми значками и аббревиатурой слов «*Nota bene*» в тех местах текста, которые привлекали его особое внимание [*Рысс Е.М., Коровин Г.М.* 1958. С. 282–302; *Коровин Г.М.* 1961; *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* 1975]. Учитывая наблюдения Е.М. Рысс и Г.М. Коровина, Г.Н. Моисеева предприняла системные разыскания в архивах и рукописных отделах библиотек, выявив значительный корпус древних рукописей, которые читал Ломоносов, работая над своими трудами по истории России [эти наблюдения обобщены в книге: *Моисеева Г.Н.* 1971].

Новым импульсом для изучения помет М.В. Ломоносова стала передача в 1977 г. Финляндией 55 книг великого ученого, хранившихся Библиотеке Хельсинкского университета, в дар Академии наук СССР. Был не только опубликован список этих книг. Некоторые из них были описаны, а содержащиеся в них ломоносовские маргиналии — опубликованы [*Кукушкина М.В., Лебедева И.Н.* 1978. С. 334–349]. Надписи на этих книгах Ломоносова стали темой специального их изучения Ф. Паппом. Как он показал, данные маргиналии содержат важные сведения о венгерских связях Ломоносова, о его лингвистических наблюдениях, о графике, орфографии, лексике и стиле надписей, об их содержании как форме внутренней речи. Папп попытался

установить также, когда, в каком возрасте и при каких обстоятельствах эти пометы были сделаны. С незначительными коррективами такие наблюдения в последующей литературе были поддержаны [Панн Ф. 1984. Р. 39–76; Лебедева И.Н. 1986. С. 176–182].

В настоящее время сотрудники отделов рукописей и редкой книги БАН готовят корпус помет М.В. Ломоносова на рукописных и печатных книгах этой библиотеки [статья В.П. Леонова и Е.А. Савельевой «Пометы М.В. Ломоносова на рукописных книгах Библиотеки Академии наук» находится в печати].

После событий, которые произошли в 1753 г., стало ясно, что М.В. Ломоносов должен написать обобщающий труд по российской истории. Уже 3 декабря 1753 г. он взял в БАН «Историю» Геродота. Как следует из Журнала БАН за 1754 г., начиная с января, в этом году он получил из библиотеки книги, которыми ранее пользовался, или публикации источников и труды историков, которые еще следовало изучить: 1) «Историю датчан» Саксона Грамматика; 2) компилятивное «Обозрение историй», составленное на рубеже XI–XII вв. византийским историком Георгием Кедриным; 3) «Хронографию» византийского историка Феофана Исповедника; 4) написанное в 1220–1230 гг. знаменитое собрание королевских саг «Круг Земной» исландца Снорри Стурлусона (1179–1241); 5) два тома трудов по средневековой истории Венгрии «Писатели венгерской истории» (1746); 6) «Историю» византийского хрониста Иоанна Зонары; 7) «Славянскую хронику» Гельмольда; 8) хронику Адама Бременского, изданную Эрпольдом Линденброгом (1540–1616) в публикации исторических источников «Писатели северной истории германцев и соседних народов» (Ломоносов взял в БАН третье, дополненное, издание 1706 г.); 9) «О происхождении и деяниях гетов» Иордана.

М.В. Ломоносов получил в БАН также исторические сочинения — М. Вайселя «Хроника древней прусской, ливонской и курляндской истории» (1599), Т. Арнкиела «Языческая религия кимбров» в четырех частях (1702), М. Кромера «О происхождении и истории поляков» (1558), Л. Паулина «Северная история», изданная в 1636 г., Эрика Понтопида третий том книги «Деяния и следы датчан вне Дании, преимущественно на Востоке, Италии, Испании, Галлии, Англии, Шотландии, Ирландии, Бельгии, Германии и Склавонии» (1741), Матфея Претория «Готический мир» (1688), Тормода Торфеуса «История Норвегии» (1711) [Летопись. 1961. С. 226–232; Коровин Г.М. 1961. С. 241–242, 249–250, 258–260, 262, 266, 270, 273–274, 281–282, 288, 290].

Это был основной корпус публикаций источников и исторической литературы, который М.В. Ломоносов взял в БАН до 11 марта 1754 г. Видимо, тогда же он начал авторскую работу по написанию текста и продолжил собирать необходимые для этого источники. В Журнале БАН за 1754 г. отмечено, что Ломоносов взял две книги 21 мая. Это были изданная Якобом Реенхельмом (1644–1691) «Сага об Олаве Трюггвасоне» (1691) с параллельным

переводом на современный шведский и латинский языки и двухтомный труд Христофора Целлария (1638–1707) «Представление о древних странах, или полная география, разъясняющая лик земного круга от начала Рима до времен Константина» (1731) [Летопись. 1961. С. 238; *Коровин Г.М.* 1961. С. 247–248, 277–278]. Эти книги содержательно лишь дополняли ранее взятый основной корпус источников и литературы (характеристики данных публикаций см. далее, с. 656–668).

Данные наблюдения подтверждают мысль, в соответствии с которой до 11 марта 1754 г. М.В. Ломоносов принял решение приступить к написанию текста «Российской истории». Вероятно, этим объясняется его обращение 12 марта 1754 г. в академическую Канцелярию с просьбой выделить ему одного из студентов в помощь для работы над «Российской историей». Занятость Ломоносова в связи с работой над этим трудом была столь значительна, что 18 августа 1754 г. он заявил о невозможности «профессию химии отправлять более» [Летопись. 1961. С. 232, 238].

Обращение к древнегреческому историку V в. до н. э. Геродоту свидетельствует о том, что М.В. Ломоносов уже в начале исследования собирался поставить вопрос об этногенезе славян в связи с историей скифов и сарматов. В этой проблеме он следовал за давней исследовательской традицией. Указание в числе взятых в 1754 г. книг лишь «Истории о происхождении и деяниях гетов или готов» Иордана указывает на хорошее знание Ломоносовым уже введенных в научный оборот византийских источников об эпохе Великого переселения народов, прежде всего труда Прокопия Кесарийского. Приступая к написанию своего исторического исследования, ему было важно вернуться к известиям Иордана о склавинах и антах в VI в.

Особое внимание М.В. Ломоносова продолжали привлекать древнескандинавские саги и средневековые латиноязычные источники по истории скандинавских и германских народов и государств. Эти исторические источники сообщали об их постоянных торговых, военно-политических и династических связях с восточноевропейскими народами, Русью и ее князьями. Так что, осмысливая содержание исторического развития России, конкретные исторические факты, Ломоносов еще раз вернулся к тем сюжетам, которые он уже ранее рассматривал в дискуссии с Г.Ф. Миллером. Обращение к византийским компилятивным трудам Георгия Кедрина и Иоанна Зонары позволяло изучить русско-византийские отношения в X–XI вв. «Хронография» Феофана Исповедника (ок. 760–818 гг.) содержала сведения о славянах, сарматах, готах, болгарях, хазарах и других народах Юго-Восточной и Восточной Европы IV–VIII вв., но не о Руси, поэтому ссылок на этого автора в трудах Ломоносова по отечественной истории нет [*Коровин Г.М.* 1961. С. 287].

Средневековые русские исторические произведения свидетельствовали о том, что Русь постоянно была связана сложными военно-политическими и династическими отношениями не только с Византийской империей и скан-

динавскими странами, но также со своими западными соседями, прежде всего с Польшей и Венгрией. Поэтому, готовясь к написанию древней истории Руси, он начал изучать исторические труды по истории и этих соседних стран, тем более что в польских и венгерских источниках содержалась информация также о российской истории. Отсюда следует, что, анализируя материалы по древнейшей истории Руси, Ломоносов постоянно имел в виду общий план работы по созданию труда, посвященного российской истории в целом. О том же может свидетельствовать и одно из его обоснований просьбы И.И. Шувалову перевести его в Иностранную коллегию (Коллегию иностранных дел), чтобы он имел возможность «употреблять вспоможение архивы к продолжению “Российской истории”», то есть он мог бы использовать ее значительные архивные материалы по истории России XV — первой половины XVIII в. [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 319].

Анализ помет М.В. Ломоносова позволяет установить те сюжеты рукописных и печатных книг, которые привлекли его особое внимание. Как установлено в предшествующей научной литературе, прежде всего в работах Г.Н. Моисеевой, Ломоносов постоянно использовал для их обозначения, кроме надписей и подчеркиваний карандашом или чернилами, прямой и косой крест, иногда обведенный кружком, двойные прямые кресты, две прямых или косых перекрещенных черточки, маленький кружок с точкой в центре (⊙), вертикальные отчеркивания одной, двумя или тремя линиями, прямыми, но, часто, слегка дугообразными. Любил Ломоносов отмечать нужные ему тексты латинской аббревиатурой NB. Она — плавных, подчас изящных, очертаний, иногда подчеркнута прямой линией, отдельной от лигатуры, или являющейся ее продолжением. Эти значки — постоянных очертаний и небольших размеров, хотя встречаются большие кресты и NB, иногда дрожащей рукой, что может свидетельствовать о болезненном или усталом состоянии ученого. Все они легко узнаются на полях рукописей и печатных книг.

Существует палеографическая проблема определения почерка И.С. Баркова, который в течение семнадцати лет, с юности, переписывал рукописи М.В. Ломоносова. Это обстоятельство способствовало тому, что почерк Баркова стал похож на почерк великого ученого, но, как показала графологическая экспертиза, его особенности прослеживаются [*Моисеева Г.Н.* 1971. С. 27–53 и след.].

Как можно установить по многочисленным пометам, М.В. Ломоносов наиболее последовательно в сравнении с другими рукописями отмечал интересовавшие его сюжеты в Петровской копии Радзивилловской [БАН, П. I. Б. 77 (прежний шифр: 31. 7. 22)] и в Никоновской [БАН. 32.14.8] летописях. Радзивилловскую летопись и, соответственно, ее копию называли тогда «летописью Нестора». Ломоносов постоянно обращался к ней в период дискуссии 1748–1750 гг. о диссертации Г.Ф. Миллера. Во время работы над «Древней Российской историей» он взял Петровскую копию Радзивилловской летописи

на дом, и она оставалась у него в чтении в течение нескольких лет. По указанию Ломоносова И.С. Барков подготовил с нее копию [Рысс Е.Б., Коровин Г.М. 1958. С. 291; Коровин Г.М. 1961. С. 236–237; Моисеева Г.Н. 1971. С. 130, 132, 134, 149–161 и след.; см. далее, с. 813, 816]. Г.Н. Моисеева, стремившаяся доказать, что Ломоносов подготовил Радзивиловскую летопись к изданию, обращалась к тексту Петровской копии выборочно. Между тем, пометы Ломоносова позволяют установить, какие сюжеты летописи привлекли его особое внимание. Напомним, что в составе Радзивиловской летописи сохранился древнейший известный тогда летописный свод — по мнению исследователей, владимирский свод конца XII в., обработанный в 1212 г. владимирским сводчиком и в 1214 г. — его переяславским редактором. Основу этого текста до 10-х гг. XII в. составляла сохранившаяся в составе предшествующих летописных сводов ПВЛ, написанная и отредактированная в соответствии с разными гипотезами в 1113–1118 гг.

В начальной части ПВЛ (соответственно — в Радзивиловской летописи; здесь и далее имеется в виду ее Петровская копия, которую читали российские ученые до середины XVIII в.) содержится историко-географическое введение, в основе которого находится древнерусский перевод текста византийского хрониста Георгия Амартола о расселении народов, потомков сыновей библейского Ноя, после Всемирного потопа, дополненный западнославянскими историко-географическими произведениями и древнерусскими текстами такого же содержания [возможно, текст Георгия Амартола попал в ПВЛ из Хронографа по великому изложению, составленному на Руси не позднее 90-х гг. XI в.: Творогов О.В. 1987а. С. 476–477]. Этот текст был составлен и отредактирован в Киеве.

В данном историко-географическом введении М.В. Ломоносов подчеркнул названия земель расселения потомков Сима — «*Сурию*», Хама — «*Куринию*», «*Фругию*», «*Вифунию*» и «*Крит*» (здесь и далее в цитатах из летописи слова, выделенные курсивом, подчеркнуты Ломоносовым). На поле в этих частях текста Ломоносов поставил карандашом прямые кресты. Видимо, Ломоносова заинтересовала особая форма написания названий хорошо известных ему по античной литературе Сирии, Киренаики, Фригии, Вифинии. Крит, написанный в традиционной для Руси форме, мог привлечь его внимание тем, что он указан в числе стран потомков Хама, тогда как исторически он был связан с греческими землями, названными далее среди земель, где жили народы — потомки Иафета.

В числе последних М.В. Ломоносов подчеркнул указанные в тексте рядом «Сарматы *Тавриани*, *Скуфия*», далее в тексте — «*русь и чюдь*», а еще далее слова — «*варязи, семо ко востоку*» — во фразе об их расселении в землях по Варяжскому, т. е. Балтийскому морю, до пределов расселения потомков Сима, тогда как на западе варяги живут до земли «Агаянскы» (Английской) и «Волошскы» (франки, народы, входившие в состав Священной Римской

империи или романские народы [историографию этнонима *волохи* см.: *Свердлов М.Б.* 1996б. С. 587]). На поле этой страницы на уровне строк данных текстов Ломоносов также поставил карандашом прямые кресты [БАН, П. I. Б. 77, лл. 6–6 об.].

Эти пометы свидетельствуют о том, что он, читая древнерусский текст, выделил в нем сведения, относившиеся к тем проблемам, которые обсуждались в научной литературе — древние истоки Руси в античный период, скифы и сарматы, древнее соседство Руси и чуди [прибалтийско-финские племена, историографию этнонима *чудь* см.: *Свердлов М.Б.* 1996б. С. 586], расселение варягов, в котором М.В. Ломоносов отметил его восточное и западное направления. Но важно отметить то, что наряду с другими пометами на этих страницах данные проблемы — лишь часть историко-географических вопросов изучения древних народов и стран.

В последующем тексте Петровской копии Радзивиловской летописи (соответственно, ПВЛ), повествующем о расселении славян, М.В. Ломоносов подчеркнул карандашом слова об их поселении на Дунае, где «*есть Угорьская земля*» и «*Болгарская земля*». Рядом с этой строкой он поставил на поле +. Далее он отметил на поле одной дугообразной линией предложение — «а друзии седоша межи Припятью и Двиною и нарекошася дрегвичи, инии седоша на Двине и нарекошася полочане». В повествовании о поселении славян у озера Ильмень и названии их своим «именем», словене, он подчеркнул фразу — «*именем, и соделаша город и нарекоша Новъгород*». Рядом с этой фразой он поставил знак ⊙.

То есть, М.В. Ломоносов отметил в летописи ту достоверную информацию, которая свидетельствовала о значительном распространении в древности славян — от Дуная на юге до озера Ильмень на севере. Вероятно, различия в маргиналиях свидетельствуют об их разновременности. Поэтому можно предположить, что такое расселение словен свидетельствовало для Ломоносова, прежде всего в его дискуссии с Г.Ф. Миллером в 1749–1750 гг., об их могуществе и славе. Но позднее, вернувшись к этому тексту Радзивиловской летописи, Ломоносов особо отметил в нем сведения о землях, которые в древности входили в состав Руси, а в его время были включены в состав Речи Посполитой, исторически сложившегося польско-литовского государства. Древнее сообщение о строительстве славянами Новгорода обращало внимание на недостоверность поздних сказаний о возведении ими поначалу Славенска и прочих новгородских средневековых преданий, объяснявших древнейшую историю этого региона.

В двух преданиях, записанных еще в ПВЛ, о Кие — перевозчике через Днепр и Кие, который «княжил» в «роде своем», М.В. Ломоносов отчеркнул на поле страницы второе предание. Вероятно, он проницательно увидел в нем ретроспективные связи с древнейшими процессами становления у славян княжеской власти, а также переселений племен еще в общеславянский

период VI — начала VII в. [историографию см.: *Свердлов М.Б.* 1996б. С. 590–591; о миграциях славянских племен между Подунавьем и Средним Поднепровьем в VI–VIII вв. см.: *Щеглова О.А.* 2009. С. 39–65].

Следующий за этим сюжетом этногеографический экскурс о народах, которые вошли в состав Руси или платили ей дань, М.В. Ломоносов отметил одной прямой чертой. Из этого перечня надлежало сделать вывод, что Русь изначально являлась многоэтничной, ее основу составляли восточнославянские племена, а многочисленные финно-угорские и балтийские народы платили ей дань [БАН, П. I. Б. 77, л. 9 об. — 10].

Историко-географическое введение ПВЛ представляло собой компилятивное произведение. За рассмотренным ранее экскурсом в нем было записано изложение хроники Георгия Амартола. Внимание М.В. Ломоносова привлек сложнейший в своем происхождении этноисторический сюжет. В соответствии с ним, когда славяне (*«словенски язык»*) жили на Дунае, туда *«приидоша от скуф, рекше от казар, рекоми болгари»*. Как следует из помет Ломоносова, сначала он подчеркнул эту сложную для раскрытия исторического содержания фразу летописи и рядом на поле поставил +. Позднее он к анализу этого сюжета вернулся и, вероятно, в два приема отметил прямой и дугообразной чертами последующий текст, в котором сообщалось о дальнейшей смене переселявшихся народов, включая славян, при византийском императоре Ираклии, т. е. в первой половине VII в., о нападении на Византию персов и аваров [БАН, П. I. Б. 77, л. 10–10 об.]. Такая работа Ломоносова со сложнейшим в своем содержании этноисторическим текстом свидетельствует о его размышлениях над ним.

В дальнейшем рассказе о расселении восточнославянских племен М.В. Ломоносова интересовала не их локализация, видимо, эти вопросы были ему ясны в основном содержании по предшествующему знакомству с летописями, а этногенетические проблемы изучения восточных славян и их этнокультурные традиции. Поэтому он отчеркнул карандашом текст о расселившихся на юго-западе Восточной Европы восточнославянских племенах — хорватах, дулебах, уличах и тиверцах, включая завершающую фразу — *«и зовяхуся от грек Великая Скуфь»*. Эта тема возвращала Ломоносова в его исследовательских размышлениях к проблеме этногенетической преемственности скифов, сарматов и славян.

Тот же интерес к проблеме этнокультурной традиции прослеживается в подчеркнутой чернилами М.В. Ломоносовым фразе, которая завершала рассказ историко-географического введения ПВЛ о погребальном обряде вятичей — *«иже творят вятичи ныне»*. Рядом на поле он отметил эту фразу прямым крестиком [БАН, П. I. Б. 77, л. 11 об. — 12; здесь и далее текст Радзивилловской летописи цитируется по: ПСРЛ. 1989. Т. 38, что позволяет избежать повторения и разъяснения описок в ее Петровской копии]. Различающиеся виды помет в этих текстах могут свидетельствовать об их разно-

временности. Но в данном случае важно то, что в сборе материалов для изучения этнокультурной истории славян для Ломоносова особое значение имела не совокупность фактов, а процессы этнокультурной преемственности.

В повествовании Радзивилловской летописи о древнейшем прошлом восточнославянских племен М.В. Ломоносов отчеркнул карандашом прямой линией предание о борьбе за независимость полян, которые в ответ на требование хазар об уплате им дани дали им меч «от дыма» — дома, традиционной единицы податного обложения. Но наряду с этим сюжетом он отметил дугообразной чертой сообщение под 6367/859 г. о взимании варягами дани с чуди, словен, мери и кривичей, тогда как хазары взимали дань с полян, северян и вятичей по белой веверице (т. е. белке) «от дыма».

В последующем повествовании М.В. Ломоносов отметил не отказ в выплате дани варягам, не взаимные последующие распри, а обращение чуди, словен, кривичей и веси к Руси с предложением «у нас княжити и володети». Одной дугообразной линией он отчеркнул рассказ Радзивилловской летописи, восходивший к ПВЛ, но с определенными редакционными изменениями, о том, что «избращася» три брата со своими родами и сначала прибыли к словенам. Они построили город (здесь — городские укрепления) Ладоги («срубиша город Ладогу»), где сел княжить старший из братьев Рюрик, второй по старшинству Синеус — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. Особое значение данной летописной записи заключалось в том, что в ней сообщалось о Ладоге как месте постоянного пребывания Рюрика, а не о Новгороде, что соответствует сведениям о Ладоге как древнейшем городском поселении с середины VIII в., тогда как Новгорода еще не существовало (см. ранее, с. 63). Завершением данного сюжета стало утверждение летописца, в соответствии с которым от тех варягов прозвалась Русская земля, а люди новгородские происходят от рода варяжского.

Продолжение этого повествования М.В. Ломоносов отчеркнул тремя чертами, что свидетельствовало об особом значении для него излагавшихся в нем событий. После смерти братьев Рюрик «прия власть один», пришел к озеру Ильмень, построил там «городок» над Волховом, назвал его Новгородом и сел тут княжить. Он раздавал волости своим мужам, поручал им строить городские укрепления («города рубити») и управлять одному — Полоцком, другому — Ростовом, третьему — Белоозером. То есть, Ломоносов особое внимание уделил летописным известиям о древнейшей организации государственной власти и об обязанностях мужей, высшего слоя княжих служилых людей. Но он тут же отметил сообщение летописца о том, что население городов местное, тогда как варяги — пришельцы («находники»). Меньшее значение, судя по одной вертикальной черте, Ломоносов придал летописному сообщению об Аскольде и Дире, двух мужах Рюрика, которые заняли Киев и стали там княжить. Ломоносов был согласен с летописной концепцией о легитимности власти только княжеского рода. Поэтому он далее

подчеркнул слова летописи в тексте под 6390/882 г. о том, что Аскольд и Дир не являются князьями, поскольку они *ни рода княжа*. Рядом с этой строкой Ломоносов поставил, вероятно, более новый для себя знак ☉; см. далее, с. 619–619). Вероятно, он к данному тексту вернулся позднее. Такие различия в выделении интересовавших Ломоносова сюжетах могут свидетельствовать о его размышлениях на тему государственного строя Руси в процессе работы над «Российской историей» и об особой значимости этой темы.

В той же летописной статье М.В. Ломоносов подчеркнул в сообщении об установлении Олегом дани от Новгорода варягам в 300 гривен «*на лето, мира деля, еще и до смерти Ярославе дааша варягом*» [БАН, П. I. Б. 77, л. 13 об. — 14 об., 17 об. — 18]. В этом сообщении его внимание могли привлечь сведения о подати от города по решению княжеской власти, а также ее постоянство и длительность, несмотря на смену за это время многих князей в Киеве.

В условно названном в научной литературе «Сказании о предложении книг на славянский язык», помещенном в ПВЛ под 6406/898 г., М.В. Ломоносов уже по списку Радзивилловской летописи отметил карандашом одной чертой текст о первом переводе книги в Моравии (имелся в виду предстоящий рассказ о деятельности великих славянских просветителей Константина-Кирилла и Мефодия) на славянский язык, о создании славянского алфавита («*грамоты*»), которым пишут на Руси и у дунайских болгар. В том же «Сказании» он подчеркнул чернилами его завершение, в котором утверждалось важнейшее для древнерусской идеологии апостольское измерение Руси и тем самым утверждалось ее равенство с другими христианскими государствами, а также излагалось мнение древнерусского автора о соотношении понятий *славянский* и *русский*: «Темже и словеньску языку учитель есть Павел, от негоже языка и мы есмо Русь, темъже и нам Руси учитель есть Павел, понеже учил есть язык словенск и поставил есть епископа и намесника в себе Андроника словеньску языку. А словеньский язык и руский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью» [БАН, П. I. Б. 77, л. 19 об., 21 об.].

Темы особого статуса и преемственности княжеской власти, а также варягов в Древней Руси, соотношения понятий *русь* и *славяне* постоянно привлекали внимание М.В. Ломоносова. Так что, когда немного далее он прочел в сообщении под 6415/907 г. о походе князя Олега на Царьград, то отметил на поле вертикальной чертой фразу, объединяющую эти сюжеты: Олег «Игоря остави в Киеве, поя множество варяг», а в завершении этого повествования на поле страницы отчеркнул прямой линией фразу Олега: «Ищите парусы паволочиты руси, а словеном кропиньныя» [БАН, П. I. Б. 77, л. 22 об., 24 об.].

В тексте русско-византийского договора 911 г., помещенного в летописи под 6420/912 г., видимо, М.В. Ломоносов отметил карандашом на полях лишь основные его темы: «*о любви*» (т. е. о мирных отношениях), «*о клятве*», «*о убийстве*», «*о насилье*» (последняя аннотация-комментарий относится к фразе «ученья образом искус творити и насилье»). Особое внимание привле-

кает помета Ломоносова NB и карандашная аннотация «*о побоях*» к тексту договора: «Аще ли ударит мечем, или убьет кацем любо сосудом, за то ударение или бьенье да вдасть литр 5 сребра *по закону рускому* <...>». В этой фразе Ломоносов подчеркнул три последних слова. Такое внимание к данному тексту объясняется указанием в нем «Закона Русского» (обратный перевод с греческого — Правда Русская). Но в нем есть также нормативные и текстуальные совпадения с так называемой Правдой Ярослава, входящей в состав Краткой Правды Русской (далее КПР) [Свердлов М.Б. 1988. С. 35–105]. В данной связи можно предположить, что Ломоносов прослеживал эти совпадения статей об ударах договора 911 г. и КПР. Дело в том, что в 1751 г. он прочел хранившееся в БАН «Собрание законов древних русских». Так что пометы Ломоносова к русско-византийскому договору 911 г. отражают его значительную аналитическую работу, выводы которой не все вошли в его позднее опубликованный перевод-интерпретацию данного текста.

М.В. Ломоносов отметил также одновременное использование летописцем понятий «*варяги и Русь*», что подразумевало различие их значений [БАН, П. I. Б. 77, л. 33].

Аналитическая работа М.В. Ломоносова над русско-византийским договором 944 г. его пометами не разъясняется. Он лишь подчеркнул карандашом в начальной части договора при указании русской договаривающейся стороны (*intitulatio*) — «*от всех князей русских*». То есть, ему важно было для себя отметить, что в политической системе Руси того времени кроме великого князя русского Игоря существовали другие князья. В статьях договора Ломоносов подчеркнул лишь помесечное обеспечение русских купцов продовольствием — «*а гостие месячное*» [БАН, П. I. Б. 77, л. 34, 35].

Продолжая чтение Радзивилловской летописи, М.В. Ломоносов отчеркнул на поле прямой линией записи в летописном повествовании под 6454/946 г. о том, что после подавления восстания древлян княгиня Ольга отправилась с сыном Святославом и дружиной по Древлянской земле, «уставляючи уставы и уроки, и суть становища ея и ловища». Так же отметил Ломоносов в статье под следующим годом текст о том, что в Новгородской земле Ольга «устави по Мьсте погосты и дани и по Лузе оброки и дани, и ловища ея суть по всей земли, знамения, и места, и погосты» [БАН, П. I. Б. 77, л. 43 об.]. Выделяя в летописи эти сообщения, Ломоносов определял существование на Руси середины X в. правовых норм и регулирования взимания княжеских (государственных) податей, княжеских становищ и мест охоты, княжеских лесов, обозначенных знамениями (княжескими знаками собственности — тамгами), княжеских городов без укреплений — мест, уставление Ольгой погостов — постоянных поселений в сельской местности, откуда осуществлялось управление княжеской властью. Таким образом, Ломоносов устанавливал для себя существование сложной системы государственного управления на Руси уже во время правления княгини Ольги.

Этот интерес к системе древнего государственного управления проявился у М.В. Ломоносова также тогда, когда он отчеркнул карандашом на поле летописное сообщение о том, что вятичи, подчиненные власти хазар, платили им подать («дань») по щелягу от рала, т. е. по денежной единице от пахотного орудия (в историческом содержании — от пашни, которая этим плугом распахивалась) [см.: *Свердлов М.Б.* 1978б. С. 144–150]. Когда Святослав победил вятичей, он возложил на них такую же дань. В равной мере Ломоносову были существенны сообщения летописи о победах Святослава над хазарами и болгарами на Балканах, вследствие чего он «седе, княжа, в Переяславце» на Дунае. В последующих летописных известиях о военных действиях на Балканах и о нападении печенегов на Киев Ломоносов ничего выделять не стал. Его внимание привлекла сложная политическая и династическая коллизия в Византии, отразившаяся при заключении с ней мира князем Святославом.

В начальной части мирного договора, заключенного в 971 г., М.В. Ломоносов подчеркнул карандашом имя «царя греческого» Иоанна Цимисхия, для которого предназначался последующий текст договора («Равно другого свещания, бывшего при Святославе, велицем князи русем <...>, писано при Фиофиле синкеле ко *Ио[ан]ну*, нарицаемому Цемьскию <...>»). Далее Ломоносов подчеркнул и отметил прямой вертикальной чертой на поле указание начальной части этого договора, в соответствии с которым Святослав заключает мир с византийскими императорами Василием и Константином [БАН, П. I. Б. 77, л. 47 об., 54].

Эти пометы важны для изучения содержания аналитического чтения М.В. Ломоносовым текста исторического источника. Ломоносов как историк знал, что Василий и Константин являлись легитимными правителями, сыновьями императора Романа II. Знал он также, что во время военных действий против Византии Святослава в союзе с болгарским царем Петром в империи произошел переворот, император-узурпатор Никифор Фока был убит и реальным правителем стал Иоанн Цимисхий. Таким образом, отмеченные Ломоносовым места начальной части договора 971 г. разъясняли содержание сложной политической и династической коллизии, существовавшей в империи при его заключении. Святослав заключал мир с легитимными, но формально управлявшими государством императорами. Впрочем, реально великий князь русской обращался к фактическому правителю Иоанну Цимисхию, который, к тому же, возглавлял византийское войско во время военных действий на Балканах. Так что эти пометы позволяют установить особые свойства глубокого анализа Ломоносовым сложного в своем содержании исторического текста.

Привлекли внимание М.В. Ломоносова и обстоятельства гибели Святослава. Он подчеркнул карандашом в летописном рассказе слова «печене-зе» и «порогы», что указывало на основные причины смерти великого князя русского, который вынужден был отступать вдоль Днепра, тогда как место переправ через днепровские пороги являлось наиболее опасным и здесь

кочевники-печенеги часто совершали нападения. Подчеркнул Ломоносов также имя печенежского «князя», «*Куря*», и на поле рядом с этой строкой поставил +. Оно, видимо, было значимо для конкретизации повествования об этом историческом событии [БАН, П. I. Б. 77, л. 55].

В летописном повествовании о последующей борьбе Святославичей за единовластие М.В. Ломоносов отметил косыми крестиками лишь сведения о походе старшего брата Ярополка на Олега, а также то, что младший Владимир был «робичичем», т. е. сыном «робы», невольницы [БАН, П. I. Б. 77, л. 56, 57 об.]. Столь же немногочисленны его пометы и в тексте о правлении Владимира Святославича. В литературной повести о выборе им веры он дважды подчеркнул слова о прибытии к князю «*от Рима немцы*» и рядом со строкой поставил +. «*Немцы*», здесь, — традиционное обозначение иноземцев. Но что привлекло особое внимание Ломоносова в данном произведении — недостаточно ясно: указание на попытку утверждения католичества на Руси или участие в этой попытке немцев в период антинемецких настроений в России 40–50-х гг. XVIII в. В последующем тексте о княжении Владимира он отметил использование на Руси этого времени значительных судебных штрафов за убийство — *виры* для вооружения дружины и войска. Во фразе «*рать многа; оже вира, то на оружьи и на конех буди*» Ломоносов подчеркнул выделенные курсивом слова, а рядом с этой строкой поставил NB. Тем же знаком он отметил запись под 6508/1000 г. о смерти Малфрид и Рогнеды, матери Ярослава, т. е. женщин, которые являлись женами Владимира Святославича в языческий период его жизни [БАН, П. I. Б. 77, л. 65, 93, 95]. В этих пометах отразился особый интерес Ломоносова к самым разным сторонам истории Руси X в. — к особенностям утверждения христианства, финансирования вооружения войска и династической истории.

При чтении последующего текста пометы М.В. Ломоносова как историка становятся значительно более редкими, и он ограничивается пометами NB, что может свидетельствовать о разновременности чтения им этого списка Радзивиловской летописи.

М.В. Ломоносов, который решительно возражал против представлений о неразвитом, отсталом состоянии Древней Руси, подчеркнул в Похвале Ярославу Мудрому под 6545 /1037 г. строки об особом значении для людей книг и рядом с ними дважды поставил NB: «<...> сеи же (Ярослав. — М. С.) насае книжными словесы сердца верных людей, а мы *пожынаем, учение приемлюще книжное. Велика бывает полза от учения книжнаго; книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию и мудрость бо обрачаем и въздержание от словес книжных. Се бо реки суть, напаяюще вселенную, се бо суть исходище милости; книгам бо есть неисточна глубина, сими бо во печали утешаеми есми; сии суть узда воздержанию*» [БАН, П. I. Б. 77, л. 113–113 об.].

Ломоносов-историк в полной мере понимал особое значение для исторических разысканий содержащихся в летописи описаний астрономических

явлений. Они были собраны летописцем в повествовании под 6572/1064 г. И Ломоносов отметил их на поле знаком NB. В данном случае его интересы историка и естествоиспытателя совпали. Но при чтении Петровской копии Радзивилловской летописи интересы Ломоносова-историка преобладали. Он стремился проследить в ней историческую действительность в ее сложности. В частности, Ломоносов прочел под 6574/1066 г. о победе старших Ярославичей, Изяслава, Святослава и Всеволода, стремившихся сохранить политическое единство государства, над полоцким князем Всеславом Брючиславичем, который напал на Новгород и своими действиями это единство разрушал. Такая политика Ярославичей соответствовала политическим взглядам Ломоносова. Но далее в летописи было написано, что Ярославичи целовали Всеславу крест в том, что не причинят ему зла, если он явится к ним, а сами нарушили крестоцелование. Всеслав был схвачен и с двумя сыновьями посажен «в поруб». Это было страшное для христиан преступление. Так что и это событие Ломоносов отметил аббревиатурой NB. Судьба Полоцка и династии полоцких князей Ломоносова, видимо, заинтересовала, так что он дважды той же аббревиатурой отметил краткое сообщение под 6576/1068 г. об изгнании Всеслава из Полоцка князем Изяславом, который посадил там княжить своих сыновей [БАН, П. I. Б. 77, лл. 123, 124 об., 130 об.].

Особое внимание М.В. Ломоносов обратил на события и в другом периферийном княжестве, Тмутороканском, о чем сообщалось в Радзивилловской летописи под 6591 /1083 г. Туда вернулся высланный из Тмуторокани в Византию черниговский князь Олег Святославич. Он захватил княживших там Давыда Игоревича и Володаря Ростиславича и стал править сам. Этот эпизод имел большое значение в последующей борьбе Олега за черниговское княжение и в формировании новой системы междукняжеских отношений середины 1090-х гг. Так что Ломоносов и его отметил аббревиатурой NB [БАН, П. I. Б. 77, л. 151 об.].

В летописном изложении последующих событий М.В. Ломоносов таким образом обозначил самые разные сюжеты конца 1080-х гг.: указания времени правления князей, их войны и переезды из одного княжества или Новгородской земли в другое, междукняжеские отношения, преставление митрополита Иоанна, обстоятельства перенесения мощей святого Феодосия в Киево-Печерском монастыре, астрономические явления и эпидемия в Полоцке [БАН, П. I. Б. 77, лл. 152 об., 153, 154 об., 156 об., 159, 165, 173, 178 об., 187, 278 об., 296 об., 298 об., 299; корпус помет Ломоносова в Петровском списке Радзивилловской летописи готовит к печати Е.А. Савельева]. Особо отметил Ломоносов перенесение христианской святыни — доски от гроба святого Дмитрия из Солуни во Владимир [БАН, П. I. Б. 77, л. 303].

Таким образом, М.В. Ломоносов, работая с Петровской копией Радзивилловской летописи в течение всего периода своих исследований по истории России, пометами особо выделил в ней сведения о древнем расселении

народов, о давней проблеме сарматов и скифов как этногенетических предшественников Руси, о сложном составе народов Восточной Европы и изначальной многоэтничности России, о соотношении этнонимов *славяне* — *русь* — *варяги*, об этногенетических проблемах изучения восточных славян, их этнокультурных традициях и древнейшей истории их городов — Киева, Ладоги и Новгорода.

Особо отмечал М.В. Ломоносов летописные сообщения о древнейшей организации государственной власти, об экономическом, политическом и правовом статусе и преемственности княжеской власти, об обязанностях мужей, высшего слоя княжих служилых людей, о податях и процессе формирования Руси как государства, о сложной системе государственного управления на Руси уже в княжение Ольги. Ломоносов выделял в тексте сведения о времени правления князей, их войнах, об отношениях с другими князьями, о событиях истории Русской Церкви, об астрономических явлениях и народных бедствиях. Пометами обозначал он также те записи, которые свидетельствовали о развитом состоянии культуры на Руси.

Впрочем, текст Радзивилловской летописи и, соответственно, ее Петровской копии завершался 6713/1205 г. Вероятно, М.В. Ломоносов замечал его отличия от содержания записей в других летописях, особенно, в изложении событий XII — начала XIII в. Поэтому изучение российской истории он продолжил по тем летописям, которые уже хранились в БАН.

Для обобщающего изложения русской истории до первой половины XVI в. М.В. Ломоносов обратился к выдающимся произведениям, созданным в XVI столетии — Никоновской летописи, Степенной книге царского родословия и Лицевому летописному своду (Лицевой свод). Это были огромные по объему литературно-исторические произведения, в которых переосмыслялось историческое прошлое России, изложенное в предшествующих летописных сводах. На содержание этого переосмысления воздействовал новый статус мощного единого Русского государства, которое уже преодолело тяжкий период Ордынского ига и политической раздробленности, а время экономического кризиса конца XVI в. и Смуты начала XVII в. еще не наступило. По мнению Д.С. Лихачева, эти произведения соответствовали «официальному стилю второго монументализма, отличавшегося пышностью, парадностью, традиционностью форм и главной целью: прославлять, возвеличивать, оправдывать прошлое и настоящее» [Лихачев Д.С. 2003. С. 5].

Никоновская летопись первоначально представляла собой летописный свод, доведенный до 7028/1520 г., составленный при Московской митрополичей кафедре митрополита Даниила. В конце 1550-х гг. этот летописный свод был соединен с материалами официальной историографии. С этого произведения была снята копия, которая была дополнена по Воскресенской летописи и Летописцу начала царства в редакции 1556 г. Так был создан Патриарший список Никоновской летописи [БАН, 32.14.8; Кюсс Б.М. 1980.

С. 190–193; 1989. С. 49–50; 2000. С. VI]. Эту рукопись читал М.В. Ломоносов, который сделал в ней многочисленные пометы.

При митрополите Афанасии было создано столь же значимое по объему и содержащимся сведениям другое историческое произведение — Степенная книга. Она была доведена до конца 7068/1560 г. Ее главный летописный источник — Никоновская летопись и ее продолжения. Основная задача этого произведения — изложение истории правления русских князей по «степеням», «граням», в соответствии с их генеалогией. Ее основу составляла генеалогическая преемственность московских государей, восходящая к Всеволоду Ярославичу. По наблюдениям Н.Н. Покровского, многие княжеские биографии приближены к житиям святых, даже если эти князья не были канонизированы. Для повествования о князьях-святых берется не столько фактический летописный, сколько агиографический материал. Житийные материалы насыщены риторическими и историческими мотивами, отражающими идеологию московского самодержавия. Начиная с «Жития княгини Ольги», первым находящимся в повествовании Никоновской летописи, в агиографические тексты включены призывы к святым о покровительстве московскому правящему дому, царю Ивану Васильевичу, его семейству и державе. Слово *самодержавство* и его производные — самые употребительные в лексике Степенной книги. Для утверждения древности и высоты происхождения этого дома привлечено «Сказание о князьях Владимирских» с его идеями преемственности русских князей от римского императора Августа, а также Пруса. Авторская работа над Степенной книгой была завершена в 1563 г. [Покровский Н.Н. 1989. С. 73–79; Сиренов А.В. 2007].

Третьим огромным по объему обобщающим историко-литературным произведением XVI в., который читал М.В. Ломоносов, стал Лицевой свод. Он создавался в 1568–1570 гг. по заказу Ивана Грозного в Александровской слободе, где в условиях опричнины находилась резиденция царя. Его основное содержание определялось идеями укрепления царской самодержавной власти. По наблюдениям Б.М. Клосса, список Оболенского Никоновской летописи стал основой русской части его повествования. Около 1575 г. завершающая часть «Лицевого свода» с изложением времени правления Ивана Грозного в 1533–1568 гг. была существенно отредактирована посредством приписок, направленных против жертв опричного террора [Клосс Б.М. 1980. С. 206–265; 1989. С. 30–32]. М.В. Ломоносов читал два тома «Древнего летописца» [БАН, 31.7.30, т. 1, 2] — так называемый «Остермановский летописец», тома 1 и 2. Повествование в них относится ко второй половине XIII — концу 80-х гг. XIV в.

Предположительно можно установить последовательность чтения М.В. Ломоносовым этих огромных томов.

В Никоновской летописи и Степенной книге М.В. Ломоносов использовал подчеркивание особо заинтересовавших его слов и фраз, прямые и косые

кресты, иногда обведенные кружком, двойные прямые кресты в виде двух прямых или косых перекрещенных черточек, а также вариации таких перекрестий, вертикальные отчеркивания одной или двумя линиями, прямыми, но, часто, слегка дугообразными, латинскую аббревиатуру NB. Кружок с точкой в центре (⊙) в них не использован. В первом томе «Остермановского летописца» такая система знаков использована только в его начале до л. 61 (6765/1257 — 6778/1270 гг.). Далее, начиная с 6783/1275 г. до конца тома (1380-е гг.), использован за редчайшими исключениями кружок с точкой в центре (⊙). Если наше предположение о более позднем, чем прочие, использовании Ломоносовым этого знака верно, то, вероятно, он стал последовательно собирать материалы для этого периода русской истории по первому тому «Остермановского летописца» позднее, чем по Никоновской летописи и Степенной книге. Как следует из описи книг, хранившихся в доме М.В. Ломоносова после его смерти, эти два Остермановских тома Лицевого свода были взяты в БАН только в 1757 г. [Рысс Е.Б., Коровин Г.М. 1958. С. 298], т. е. на завершающем этапе работы над первым томом «Российской истории», полностью законченной в 1758 г.

Никоновскую летопись и Степенную книгу М.В. Ломоносов читал не одновременно. Содержание начальной части Никоновской летописи составляла ПВЛ в редакции игумена Михайловского Выдубицкого монастыря Сильвестра. Она была Ломоносову хорошо известна по сохранившейся в составе Радзивилловской летописи предшествующей редакции ПВЛ, предположительно относимой современными исследователями к авторству Нестора.

М.В. Ломоносов читал Степенную книгу по списку БАН, 32.8.4., поступившему туда из библиотеки Я.В. Брюса. Начало Степенной книги, насыщенное идеями «Сказания о князьях Владимирских», представляло собой для Ломоносова новое произведение. В нем содержались те сведения, которые так его интересовали в дискуссии с Г.Ф. Миллером в 1749–1750 гг. — о связи русских и пруссов, а последних — с варягами. Поэтому можно предположить, что Ломоносов впервые прочел Брюсовский список Степенной книги еще в конце 40-х гг.

В «Житии княгини Ольги» М.В. Ломоносов подчеркнул карандашом название села, откуда она происходила: «от веси именуемая *Выбутицкая близ предел немецкая*». Рядом на поле он поставил + [БАН, 32.8.4, л. 15; в большинстве случаев рядом с подчеркнутыми словами или фразами в этой рукописи Ломоносов ставил +]. Этого сюжета в древнейших летописных сводах нет. Он появился в житийной литературе в соответствии с законом средневекового реализма, утверждавшего необходимость введения в разного рода сочинения для правдоподобия достоверных подробностей. Отсюда самые обстоятельные описания в таких произведениях рая и ада.

В повествовании «О первом князе Рюрике Руском» М.В. Ломоносов подчеркнул фразу, утверждавшую прусское происхождение варягов, Рюрика

и его братьев: «Жезлом же преобрази в Руси самодержавное царское скипетроправление, и начася от Рюрика <...>, иже прииде из варяг в Великий Новъград со двема братома своима и с роды своими, иже бе *от племени прусова*, по его же имени пруская земля именуется. Прус же брат бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа». Рядом с подчеркнутыми словами Ломоносов поставил + [БАН, 32.8.4, л. 16].

К этой теме М.В. Ломоносов вернулся в «Грани 1», где указывались древние и высшие начала происхождения князя Владимира Святославича в соответствии со «Сказанием о князьях Владимирских»: «Владимир бысть сродник Августа кесаря». Далее разъяснялось: «Сей кесарь Август разряди вселенную братии своей и сродником. Ему ж баше присный брат именем Прус. И сему Прусу тогда поручено бысть властодержавство в березех Вислы реки, град Мадброк и Турун, и Хвойница и пресловый Гданеск и ины многи грады по реку, глаголемую *Немон, впадшую* в море, иже до ныне зовется Прусская земля». Рядом с этим текстом Ломоносов поставил два прямых креста в знак его особого значения [БАН, 32.8.4, л. 58].

Эти сведения убеждали М.В. Ломоносова в том, что русы-варяги и Рюрик с братьями происходили из Прусской земли. Он приводил их в дискуссии 1749–1750 гг. с Г.Ф. Миллером, равно как и сообщение Степенной книге о проповеди апостола Андрея в Новгороде, содержащее топонимику, хорошо известную в XVIII в.: «А жезл свой [святой Андрей] остави в веси, нарицаемой Грузино. И ту ныне церковь есть во имя святого апостола Андрея Первозванного» [БАН, 32.8.4, л. 73] (см. ранее, с. 586).

В Степенной книге «начало в Руси самодержавства» соединялось с появлением в Новгороде варяга Рюрика из Прусской земли, но М.В. Ломоносов особо отметил в этом повествовании сообщение о том, что Рюрик «уби некоего храбра новгородца Вадима и иных многих новгородцев советников его», видимо, обращая внимание на то, что до Рюрика в Новгороде были свои знатные люди [БАН, 32.8.4, л. 59 об.].

В повествовании об убийстве киевского князя Игоря древлянами М.В. Ломоносов подчеркнул их обобщающее название — «*Деревская земля*», «*деревы*», а также имя древлянского князя — «*Мал*». Отметил он и то, что бежавшие от войска Ольги и ее сына Святослава древляне «затворишася *во градех* своих», т. е. в своих городах, укрепленных поселениях [БАН, 32.8.4, л. 17 об., 19, 20]. Все это обращало внимание на определенный уровень развития этого племени, входившего в состав Руси как государства.

Для разъяснения вопроса о размерах Русского государства, его политического устройства и княжеских владений во времена Ольги М.В. Ломоносов поставил два прямых крестика рядом с восходившим к ПВЛ текстом, в котором подчеркнул особо заинтересовавшие его сведения: «<...> а сама иде (из Киева. — М. С.) к Новуграду, нача уставляти *по Мсте* погосты и от лугов и от погостов дани и оброки, и *по Днепру перевесища* (места охоты на

птиц. — М. С.) и села и тако же и по Десне и по всей земли ловища и знамения и места и погосты». О состоянии государства Ольги свидетельствовало отмеченное Ломоносовым сообщение, также восходившее к ПВЛ, о ее обещании прислать византийскому императору *«челядь, воск, белку и воинство в помощь»* [БАН, 32.8.4, лл. 22, 33].

Перечислив в соответствии с текстом, восходившим к ПВЛ, славянские племена и неславянские народы, вошедшие в состав «Русской державы», от Рюрика до Владимира Святославича, авторы Степенной книги резюмировали основное содержание ее исторического развития: *«<...> и сии вси Руская бяше едина держава иже ныне на многия власти разделися. Древле же словени именовахомся, егда же прииде Рюрик от варяг и обладаша в них, и тогда Русию начася прозывати великая держава его»* [БАН, 32.8.4, л. 61]. М.В. Ломоносов в знак особого значения этого текста трижды отчеркнул его округлыми линиями.

В истинности наблюдений над единством Руси в княжение Владимира Святославича М.В. Ломоносов убеждался, выделяя в Степенной книге восходившее к ПВЛ, но позднее отредактированное сообщение о строительстве оборонительных систем от нападений печенегов в виде городов-крепостей по южнорусским рекам — притокам Днестра и населении их людьми из разных частей государства: *«И умысли [Владимир] сотворити избаву христианом от печенег, и нача ставити многи грады по Десне, и по Востри, и по Трубежу, и по Суле, и по Встугне, и насели их словены, иже суть новгородцы, и кривичи, иже суть смоляне, и чюдию, иже суть немцы, и вятичи»*. Рядом с этой фразой Ломоносов дважды поставил на поле страницы прямой крест. В указании древних племенных и новых территориальных названий он подчеркнул необычную для летописей фразу *«и чюдию, иже суть немцы»*. Дело в том, что в летописях до первой трети XIII в. чюдь указывалась как самостоятельно существующий народ. Но после крестоносной экспансии в XIII столетии он оказался завоеванным Тевтонским орденом, так что отмеченное Ломоносовым изменение в названии чуди — следствие не социально-экономического и политического саморазвития, как у восточнославянских племен, а крестового завоевания.

В подтверждение наблюдения о периоде распада ранее единой «Руския державы» М.В. Ломоносов выделил сообщение, восходившее к ПВЛ, о разделе Владимиром Святославичем своего государства между сыновьями [БАН, 32.8.4, л. 112–112 об., 117 об.]. Далее он особо отметил существование ежегодной подати от Новгорода в Киев, которую отказался платить Ярослав Владимирович: *«О Ярославе <...> яко не дасть отцу своему древле уложенного урока с Новагорода в Киев дву тысящ рублев сребра»* [БАН, 32.8.4, л. 134 об.]. Впрочем, в данном случае внимание Ломоносова могла привлечь явно поновленная форма указания этой подати, поскольку в летописях, восходивших в данной их части к ПВЛ, указаны две тысячи не рублей, а гривен.

Для М.В. Ломоносова процесс образования Русского государства был соединен с определенным уровнем общественного развития славян и их культуры. Поэтому он особое внимание уделил разделу Степенной книги «О грамоте русской». В этом тексте, восходившем к ПВЛ, а также в следующей главе «О предложении книг <...>», обобщившей сведения житий великих просветителей Константина-Кирилла и Мефодия, он выделил единство языка болгар, словенцев, сербов, арбанасов (?), боснийцев, их книжности, начало которой было положено переводами Константина-Кирилла и Мефодия Псалтыри, Октоиха и «прочих книг» на славянский язык [БАН, 32.8.4, лл. 61 об. — 63 об.].

При изложении событий русской истории в Степенной книге М.В. Ломоносов отмечал известия о князьях и княгинях, их родственниках, о событиях в княжеских семьях. В частности, он написал аббревиатуру НВ рядом с сообщением о том, что Владимир Святославич взял в жены вдову убитого брата Ярополка [БАН, 32.8.4, лл. 68 об., 69 об.]. Тем самым, он, вероятно, наметил для себя основную причину будущих столкновений Святополка Ярополковича и Владимира Святославича, происходивших в 1015–1018 гг.

М.В. Ломоносов написал аббревиатуру НВ рядом с сообщением о том, что Владимир Святославич послал в Новгород своего дядю по матери Добрыню, сына Малка Любечанина [БАН, 32.8.4, л. 69 об.]. Таким образом, устанавливались имя деда Владимира по материнской линии, а также назначение князем своего родственника для управления далеким от Киева, но очень важным городом Руси. Князья и княгини, их судьбы и деятельность, походы, династические связи оставались в поле зрения Ломоносова во время чтения Степенной книги. [БАН, 32.8.4, лл. 193 об., 194, 202, 213 об., 217 об., 228 об., 229, 236, 251 об.].

Особое внимание обращал он также на сообщения о знатных княжих мужах и боярах [БАН, 32.8.4, лл. 68 об., 147 об.].

Впрочем, не всегда понятно, что подчас привлекало его внимание — само сообщение или неправильно написанное имя в Степенной книге, позднее по времени происхождения историко-литературном произведении: «ближний боярин именем *Свинделд*» вместо Свенельд, *Розгнеда* вместо Рогнеда [БАН, 32.8.4, лл. 68, 68 об.].

Поскольку в российской исторической литературе первой половины — середины XVIII в. история общества была персонифицирована, еще представляла собой историю отдельных людей, М.В. Ломоносов особо отметил в Степенной книге повествования о древнерусских богатырях, которые представляли собой записи фольклора более позднего времени [БАН, 32.8.4, лл. 130, 131 об., 132; *Лихачев Д.С.* 1952. С. 55–63].

Отмечал М.В. Ломоносов военно-политические предприятия князей, которые способствовали территориальному росту государства, что и в XVIII в. рассматривалось как свидетельство его могущества и славы [БАН, 32.8.4, л. 69].

Уже при чтении Степенной книги М.В. Ломоносов обратил особое внимание на содержащиеся в ней исторические реалии древнерусской общественной и политической жизни. Впрочем, этих реалий было в Степенной книге меньше, чем в летописях, поскольку задачи ее были иными, а повествование имело более обобщенный вид.

В описании правления князя Олега М.В. Ломоносов подчеркнул восходившее к ПВЛ указание на взимание им «на Царьграде дани и *выходы*». Он отчеркнул на поле повествование о походе князя Игоря на Византию, включавшее сообщение, в соответствии с которым ее цари, Роман и Константин Багрянородный, выплатили ему дани «выше первыя Ольговы» [БАН, 32.8.4, лл. 16, 59 об.]. Такая конкретизация позволяла Ломоносову выделить в Степенной книге конкретные исторические факты — жизнь Владимира Святославича после крещения в течение 28 лет, его смерть в княжеском селе Берестове, а в «Житии Бориса и Глеба», включенном в Степенную книгу, —, домысленную автором численность войска Бориса Владимировича, который мог стать преемником отца на киевском столе в 1015 г., «яко *до 50 тысяч*», приезд Святополка Окаянного в Вышгород перед захватом киевского стола и поименный перечень его вышгородских сторонников, лагерь князя Бориса на реке Альте «*в шатры*», «*имя Торчин*» убийцы князя Глеба Владимировича [БАН, 32.8.4, лл. 137, 146 об., 147 об., 155].

Особо обращал внимание М.В. Ломоносов и на реалии княжеского положения на Руси. В повествовании о мести Ольги древлянам он отметил прямым крестом фразу о перенесении ладьи с древлянским послами: «*на теремныи двор*, иже бе вне града Киева». Это предание сообщало о существовании во времена княгини Ольги княжеского двора — защищенного оборонительным сооружением комплекса жилых и хозяйственных построек с дворцовым помещением — теремом.

Особо отмечал М.В. Ломоносов также реалии материальной жизни. В повествовании о мести княгини Ольги древлянам он подчеркнул ее слова древлянским послам: «ныне же идите *в ладью вашу*» [БАН, 32.8.4, л. 18 об.].

В контексте истории Руси М.В. Ломоносов отметил сообщения о языческих богах, идолы которых поставил Владимир Святославич «вне двора теремного» и которых следовало «сокрушати» после крещения князя. Вероятно, в этих отмеченных сообщениях его внимание привлекли ошибочно написанные имена богов — Харс вместо Хорс, Дажба вместо Дажьбог, Стриба вместо Стрибог. Но Ломоносов интересовался древними языческими верованиями, так что, когда он прочел фразу «*на холмах* же идеже стоял Перун кумир и прочии демонстии кумиры», он не только подчеркнул указание на место, где стояли идолы, но рядом нарисовал + и написал NB.

Особые размышления вызывало у него сообщение Брюсовского списка Степенной книги о том, что Владимир крестился «в Корсуни в церкви *святого Иакова*, иже бе посреде града, идеже *чертог* делают корсуняне». Дело

в том, что в летописях, восходивших в данной части к ПВЛ, указана церковь святого Василия, где крестился Владимир, а вместо *чертог* написано *торг*. М.В. Ломоносов написал NB там, где сообщалось о других суждениях уже в древности по поводу места крещения Владимира — в Киеве, Василеве или в другом городе. Для Ломоносова указание его крещения в Корсуни было очевидно. Последующее крещение распространялось, отметил Ломоносов в Брюсовском списке Степенной книги, «не токмо *едином кияном*, но всей Русей земли» [БАН, 32.8.4, лл. 69 об., 107–108].

Особый интерес к организации Русской церкви выразился при чтении М.В. Ломоносовым Устава князя Владимира о десятинах, церковных судах и церковных людях. Этот княжеский устав восходил к XI в., в XII–XIV вв. неоднократно редактировался и был широко распространен до XVI в. [Шанов Я.Н. 1972. С. 12–135]. В указании «церковных людей», т. е. тех, кто находился под защитой церкви, Ломоносов подчеркнул «*лещев*» — врачей и «*задушных людей*» — отпущенных на свободу по завещанию. В перечне юрисдикции церковных судов он подчеркнул «*распуты*» — расторжение брака, «*пошибания*» — изнасилования, «*умычки*» — похищения девушек для брака, «*зубоежа*» — драки [БАН, 32.8.4, л. 123 об.].

Таким образом, М.В. Ломоносов отметил в «Уставе Владимира» сведения о древнерусской Церкви как сложной в своем содержании организации, не только религиозной, но и государственно-правовой, которая исполняла часть юридических функций, подлежащих государственному регулированию правоотношений.

Впрочем, обобщенное по форме и содержанию изложение в Степенной книге русской истории позволяло лишь с трудом проследить ее основные факты в причинно-следственных связях. Поэтому, начиная с княжения Ярослава Мудрого, М.В. Ломоносов постоянно отмечал в Степенной книге отдельные подробности происходивших событий. Эти сведения восходили к древним источникам: место охоты князя Всеволода Ярославича «*за Вышеградом*», т. е. в окрестностях Вышгорода, убийство князя Ярополка Изяславича «*близ Звенигорода*», военные действия половцев «*округ Заречска*», древнерусского города, поход Владимира Мономаха и других князей на половецкий город «*Шарукань*», тогда как половцы вышли из города «*носящее рыбы и вино*, кланяхуся и покаряхуся». Во время похода на чудь князь Мстислав Владимирович взял чудской город «*Медвежья глава*» — Оденпе. В войнах против половцев этот князь «*не токмо за Дон загна их*, но и за Волгу <...>», а Юрий Долгорукий совершил поход «*на болгары волжские и камские*». В литературно-идеологическом повествовании о дарах Константина Мономаха Ломоносов особо отметил не диадему, венец и «крест Животворящего Древа», а реалии царского обихода: «*порамъницу царскую*» — оплечье и «*крабицу сердоличную*» — сердоликовую коробку [БАН, 32.8.4, лл. 181 об., 184, 192 об., 194 об., 195].

М.В. Ломоносов отмечал «знаменья» — астрономические явления и землетрясения [БАН, 32.8.4, лл. 123 об., 228, 262 об., 263].

В «Повести о Батыевом нашествии» и в «Житии Александра Невского» М.В. Ломоносов сделал мало помет вследствие их описательности [БАН, 32.8.4, лл. 264, 265 об., 269 об., 284 об., 286–287, 288 об., 289].

В дальнейшем повествовании Степенной книги М.В. Ломоносов отмечал, впрочем, нерегулярно смену князей московского дома до рождения Василия III Ивановича [БАН, 32.8.4, лл. 322 об., 359 об., 360, 399, 555], их строительную деятельность, прежде всего возведение храмов и основание великим князем Дмитрием Ивановичем каменного «града Москвы», имеется в виду Кремль, а далее Ломоносов подчеркнул: «а прежде того от древних лет древян бысть» [БАН, 32.8.4, лл. 320, 321 об., 322 об., 363, 405 об., 414 об.]. Этот подчеркнутый текст обращал внимание на существенные отличия новых оборонительных сооружений от древних, что имело в последующих событиях большое значение в защите великокняжеской и митрополичей резиденций, главных московских храмов и московского населения.

М.В. Ломоносов отмечал в Степенной книге сведения о шведско-русском противостоянии на северо-западе Восточной Европы — строительство шведами крепости Ландскрона в устье реки Охты, а русскими при московском князе Юрии Даниловиче — крепости Орехов в истоке Невы, последующая шведская экспансия при короле Магнусе Эриксоне. При этом Ломоносов отчеркнул дугообразной линией на поле текст из так называемого «Рукописания Магнуша, короля Свейского», где написано: «прииде сын мой Сакун (Хакон VI) из Мурманские земли (здесь: Норвегии, которой Хакон правил. — М.С.) и выня мя ис полаты и ввезе в свою землю Мурманскую». Этот текст о судьбе шведского короля и его владениях он обозначил также аббревиатурой NB [БАН, 32.8.4, лл. 309 об., 319, 389 об., 340 об.; о «Рукописании» см.: *Каган М.Д.* 1989. С. 313–315].

В большей мере М.В. Ломоносов отмечал события в Орде, правление и смену их ханов, от Узбека до Тохтамыша. Впрочем, в повествованиях о русских победах над Бегичем, над Мамаем его пометы незначительны. Особо, аббревиатурой NB, он отметил только сообщение о гибели Тохтамыша «в Сибирской земле» [БАН, 32.8.4, лл. 336, 358, 360, 395, 398 об., 400, 400 об., 403, 405 об.].

М.В. Ломоносов стремился проверить собранные им сведения, прежде всего те, на которые он обратил особое внимание, сопоставить их с соответствующими известиями в других произведениях древнерусской письменности.

Вероятно, после Брюсовского списка М.В. Ломоносов прочел другой список Степенной книги, хранившийся в БАН. Ныне его шифр П. I. В. 1, ранее — 32.8.6. В отличие от Петровской копии Радзивилловской летописи и Брюсовского списка Степенной книги при чтении этой рукописи он использовал только подчеркивания карандашом отдельных слов и фраз, отчеркивания

особо заинтересовавших его мест на поле одной вертикальной линией и только в двух случаях аббревиатуру NB. Такой характер помет может свидетельствовать о дополнительном прочтении рукописи после предшествовавшего обстоятельного изучения Брюсовского списка.

В этом списке Степенной книги М.В. Ломоносов вновь отметил в «Житии княгини Ольги» ее происхождение из Выбуцкой веси, но теперь он отчеркнул на поле далее: «<...> от рода же не княжеска, ни вельможска, но от простых людей. От варяг бо Русию прозвахомся, а прежде словени быхом. Еще бо град Псков не сущу, но бяше тогда начальный град в стране тои, зовомый Изборск, идеже господствуя Трувор, брат первого руского великого князя Рюрика, иже бе свекор сея блаженныя Ольги». То есть, теперь особое внимание Ломоносова привлекли сведения о простом происхождении Ольги, указания на то, что в то время Пскова еще не было, а существовал город Изборск, а также свойственное родство Ольги и Рюрика. В этом контексте вновь оказалась особо отмеченной фраза о прозвании словен Русью от варягов.

В последующем тексте «Жития» М.В. Ломоносов снова отчеркнул повествование об апостоле Андрее в Киеве и Новгородской земле, о его «жезле» в «веси Грузино», а также о войнах князя Олега и взимании им «даней» и «выходов на Царьграде при царе Льве Премудром и брате его Александре». Далее он отметил текст о женитьбе на Ольге князя Игоря, о его «брани на греки» до «убиения Игорева» и вновь отчеркнул «уставы» и «уроки» Ольги «по всей земле ловища и знамения, и места, и погосты» [БАН, П. I. В. 1, лл. 4, 5, 6–7, 11–11 об.]. То есть, интерес Ломоносова к известиям о древнейшей системе государственного управления Руси и княжеского хозяйства оставался постоянным.

В данном списке Степенной книги отчеркивания М.В. Ломоносовым по тексту «Жития княгини Ольги» более значительны, но они относятся не к новой для него исторической информации, а к совпадениям этого текста с ранее прочитанным списком [БАН, П. I. В. 1, лл. 13, 23, 26, 28, 29–30, 31 об.–36]. Такие совпадения были столь существенны, что Ломоносов возобновил отчеркивания лишь с четвертой главы четвертой степени. Но и они повторили те сюжеты Степенной книги, которые уже ранее привлекли его особое внимание: походы Владимира Мономаха на половецкий город Шарукань, Мстислава Владимировича — на чудь и на половцев, Юрия Долгорукого — на болгар волжских и камских [БАН, П. I. В. 1, лл. 217 об., 220].

Вследствие таких значительных совпадений М.В. Ломоносов стал отмечать в дальнейшем тексте по преимуществу родственные связи князей, сведения об их княжении или кончине. Но эти пометы, как, впрочем, и иного содержания очень немногочисленны, поскольку новых сведений для него не было [БАН, П. I. В. 1, лл. 223 об., 224 об., 225, 226, 226 об., 227 об., 229, 229 об., 230, 237].

Постоянное внимание к генеалогии княжеских династий позволяло на ранней стадии изучения истории России определить соотношение полити-

ческих событий, последовательность и содержание военных действий, предпринимаемых экономических и социальных преобразований и т. д. Так что М.В. Ломоносов стал последовательно собирать материалы по генеалогии княжеских родов. Кроме ранее указанных помет он проанализировал «Родословие великих князей Руских», находящееся в числе дополнений в третьей рукописи Степенной книги, хранящейся в БАН [32.8.5]. Аббревиатурой NB Ломоносов отметил генеалогии не только Рюриковичей и Романовых, но также «литовских князей», в числе которых указаны Гедиминовичи — Голицыны, Куракины и другие [БАН, 32.8.5, лл. 501–514 и след.].

В числе дополнений в этой рукописи Степенной книги содержатся также записи об истории России в XVII в. Двойной дугообразной линией М.В. Ломоносов отметил в них сообщение о том, что царь Василий Иванович Шуйский с братьями, князьями Дмитрием и Иваном, были уведены «в Литву» «к королю Жигимунду», т. е. к Сигизмунду III Ваза. Далее Ломоносов написал аббревиатуру NB рядом с текстом, в котором сообщалось об избрании на царство Михаила Федоровича Романова вследствие его свойственного родства с царем Федором Ивановичем. Этот текст Ломоносов отметил на поле также фигурной скобкой.

Третья запись, обозначенная М.В. Ломоносовым в данном тексте одной дугообразной линией, сообщала о том, что Михаил Федорович в честь своего венчания на царство в равной мере «пожаловал» «московских бояр и всяких чинов людей», кто «сидел» «в Москве в осаде», кто находился «в Литве у короля», в Тушине и Калуге у Лжедмитриев. Это было примирение всех бывших противников, а все чины и поместья, полученные ими во время смуты от разных правителей, признавались законными [БАН, 32.8.5, лл. 183 об., 189, 190 об.].

Данные три отрывка из дополнений к Степенной книге позволяют предположить, что они относятся к тем материалам, которые М.В. Ломоносов стал собирать по российской истории XVII в. для Ф.М. Вольтера. Как писал Ломоносов И.И. Шувалову в письме от 2 сентября 1757 г., «о состоянии России во время царствования государя царя Михаила Федоровича должно сделать краткий экстракт из летописцев наших, к чему я могу употребить несколько времени» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 525]. Этот экстракт не обнаружен, но особо выделенные Ломоносовым три отрывка в Степенной книге по содержанию могут относиться к сформулированной им теме.

В 1764 г. М.В. Ломоносов взял в БАН еще одну рукопись Степенной книги [БАН, 32.8.2], которая поступила в библиотеку из собрания А.И. Остермана. Она оставалась в пользовании Ломоносова до конца его жизни [*Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. С. 298–299; *Коровин Г.М.* 1961. С. 432].

Когда М.В. Ломоносов обратился к чтению Патриаршего списка Никоновской летописи, он стал отмечать в нем исторические события, включая княжеские генеалогические связи, сведения о которых восходили к разным

историческим сочинениям, летописям и хронографам. Отрывки из них составили ее начальную часть [БАН, 32.14.8, лл. 10–19 об.; см.: Описание. 1959. Т. 3, вып. 1. С. 345–348]. Но основное содержание начала Никоновской летописи составил текст ПВЛ в редакции Сильвестра, игумена Михайловского Выдубицкого монастыря.

В ее историко-географическом введении М.В. Ломоносов отметил аббревиатурой NB записи о расселении народов, возведенных к сыновьям библейского Ноя — Симу, Хаму и Иафету, а в числе последнего подчеркнул раздельно указанные «*Русь*» и «*варязи*» [БАН, 32.14.8, лл. 53 об.–54]. Вероятно, эти записи, как и в Радзивилловской летописи, вновь вернули его к проблеме этих понятий и утвердили в мысли об их разном происхождении и содержании. Ломоносов поставил NB на поле в дальнейшем повествовании о расселении восточнославянских племен, об обрах-аварах, которые воевали против славян и угнетали их. В летописном рассказе, озаглавленном «О пришествии Руси на Царьград», он подчеркнул упоминание легендарного «*князя скифского*» по имени «*Влахерна*», который, якобы, дал название району в Царьграде [БАН, 32.14.8, л. 54 об.–55 об., 57].

В последующем повествовании о так называемом «призвании варягов» М.В. Ломоносов отметил в Патриаршем списке Никоновской летописи на поле двумя косыми линиями и подчеркнул решение собравшихся словен, мери и кривичей: «*Поищем межъ себе, да кто бы в нас князь был и владел нами <...>*». Такое выделение текста очень информативно. Подчеркнутая Ломоносовым фраза значительно отличается от текста ПВЛ, сохранившегося в традиции последующих летописных сводов до начала 40-х гг. XVI в.: «*Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву*». И идоша за море к варягом, к руси» [ПВЛ. 1996. С. 13; ПСРЛ. 2001. Т. 7. С. 268]. То, что было написано автором этого текста Никоновской летописи, представляло собой интерпретацию древних событий летописцем середины XVI в., которого в условиях могущественного царства, еще не раздраемого опричниной, не удовлетворяла мысль о призвании правителя из другого народа. Такое изложение событий привлекло внимание Ломоносова уже по другой причине — он обоснованно стремился показать, что Россия как государство появилась в древности вследствие внутреннего развития.

Автор Никоновской летописи в своей работе основывался на новых сочинениях своего столетия, и поэтому он продолжил, производя Рюрика, Синеуса и Трувора «из немец». М.В. Ломоносов отчеркнул этот текст на поле прямоугольной скобкой, а рядом нарисовал крест, обведенный кружком. Но поскольку летописцы создавали сложные в своей структуре произведения, и автор данного сюжета Никоновской летописи вернулся к тексту, восходившему через многие опосредующие летописные своды к ПВЛ — «И от тех варягов находников прозвашася Русь, и оттоле словеть Русская земля, иже суть наугородстии людие и до нынешняго дне, прежде бо нари-

цахуся словене, а ныне Русь от тех варяг прозвашася: сие бо варязи звахуся Русью» — этот текст Ломоносов отметил тремя дугообразными чертами [БАН, 32.14.8, л. 58].

Таким образом, в пометах М.В. Ломоносова к тексту о так называемом «призвании варягов» отмечается его сложная аналитическая работа: от идеи местного происхождения князя Рюрика и княжеской власти к признанию его принадлежности к иноземному роду и начала названия *Русь* от варягов. При этом, следует отметить, что помет Ломоносова, относившихся к проблеме соотношения этнонимов *славяне*, *варяги*, *русь* и политонима *Русь* в Никоновской летописи значительно меньше, чем в Петровской копии Радзивилловской летописи. Эти факты можно объяснить как решением Ломоносовым для себя этой проблемы, так и утратой интереса к ней.

При чтении последующего текста внимание М.В. Ломоносова по-прежнему привлекали сведения об особом значении славян и местных начал в древней истории. В тексте под 6395/887 г. он отметил, что Олег привел князю Игорю «жену от Пскова», в предании о расселении славян — «*словене же сядяху по Дунаю*» (он эту фразу подчеркнул, а рядом поставил NB). Так же обозначил он фразу: «*Болгари же и словене, и серби*, и арабнасы (?), и басане (боснийцы. — М. С.), и руси — во всех тех един язык» [БАН, 32.14.8, лл. 63–64]. В записи под 6455/947 г. Ломоносов подчеркнул фразу, восходившую к ПВЛ, о княгине Ольге и на поле поставил NB — «*сани ея стоятъ в Пскове и ныне*» [БАН, 32.14.8, л. 72 об.].

При чтении Никоновской летописи М.В. Ломоносов отмечал тексты самого разного содержания. Косым крестом в кружке на поле он обозначил смерть княгини Ольги «при сем цари Цимисхии» и посажение Святославом своих сыновей Ярополка, Олега и Владимира в Киеве, в Древлянской земле и в Новгороде «при сем же цари». Такое соотнесение этих событий со временем правления византийского императора — главы христианского мира — включало события на Руси в мировой контекст, на что обратил внимание Ломоносов. По-прежнему с вниманием он относился к известиям, которые позволяли установить уровень культуры в древности. Поэтому в тексте о заключении мира между Иоанном Цимисхием и князем Святославом он подчеркнул фразу, в соответствии с которой византийский император «*повеле писати вся речи Святослава на харатью*», т. е. договорная грамота была написана на пергамене. Рядом с этим текстом Ломоносов поставил на поле чернилами NB [БАН, 32.14.8, лл. 78, 79].

Особое внимание М.В. Ломоносова привлекли восходившие к ПВЛ сведения о женах и наложницах князя Владимира Святославича в языческий период его жизни [БАН, 32.14.8, л. 81 об., 82]. Ранее, при чтении Петровского списка Радзивилловской летописи, этим записям он не придавал существенного значения, видимо, потому, что они не относились к определяющим событиям российской истории. При чтении Никоновской летописи Ломоносов

их отметил особо, поскольку в «Российской истории», над текстом которой он уже работал, они должны были показать различия в жизни Владимира — язычника и христианина.

По Петровской копии Радзивилловской летописи. М.В. Ломоносов достаточно ясно представлял себе содержание правления Владимира. Поэтому в Никоновской летописи он дополнительно отметил сведения о первом епископе Руси Леонте (на поле поставлен прямой крест, обведенный кружком), об обеспечении Церкви десятиной: *«даде же и десятины в соборную церковь»* (этот текст подчеркнут, а рядом на поле написано NB), об основании Владимиром города Переяславль (рядом с этой записью на поле также NB) [БАН, 32.14.8, лл. 101, 102].

В многочисленных дополнительных сведениях о времени княжения Владимира, содержащихся в Никоновской летописи, но отсутствующих в более древних летописных сводах, прежде всего у «Нестора», т. е. в Петровском списке Радзивилловской летописи, М.В. Ломоносов выделил лишь очень немногие: о рождении у Святослава Владимировича сына Яна, о строительстве в Киеве митрополитом Иоанном каменной церкви святых апостолов Петра и Павла, о двух атмосферных явлениях и нашествии саранчи [БАН, 32.14.8, лл. 103 об. — 104 об, 105 об.]. О подобных событиях содержатся сведения также в других летописях в иные исторические периоды, так что пометы Ломоносова их фиксировали, вероятно, как достоверные. Впрочем, Ян Святославич, сын древлянского князя Святослава Владимировича упомянут только в Никоновской летописи. В ней сообщалось под 6510/1002 г., что Ян родился. В более древних летописных сводах сведений об этом княжиче нет. Известие об Иоанне «митрополите России» начала XI в. является достоверным [[*Пон-нэ А.В.*] 1989. С. 192–193].

В последующем тексте, восходившем к ПВЛ, М.В. Ломоносов отмечал время начала и завершения княжений, смерти князей и княгинь, их генеалогию, установление княжеских мирных и брачных союзов, рождение у князей сыновей и другие события в княжеских семьях, военные действия в русских землях и зарубежные походы, упоминания русских знатных людей [БАН, 32.14.8, лл. 108 об., 112, 115, 115 об., 117 об., 123, 126 об., 135, 135 об., 137, 140 об., 144 об., 145, 149, 152 об., 155 об., 160, 161 об. — 163 об., 164 об., 169–174 об., 176, 176 об., 179, 179 об., 181 об. — 183, 185 об., 186, 205, 205 об., 208, 209 об., 212, 226 об., 227, 228–229 и мн. др.].

Особое внимание М.В. Ломоносова привлекли сообщения Никоновской летописи под 6550/1043 г. о женитьбе польского князя Казимира на сестре Ярослава Владимировича, о походе Ярослава на князя Мазовии Моислава, который враждовал с Казимиром, о возвращении Казимиром в качестве вена, свадебного подарка, восьмисот русских пленных, которых еще в 1018 г. захватил Болеслав Храбрый во время похода на Киев. Последнее известие восходило к ПВЛ. Содержалось оно и в Петровской копии Радзивилловской

летописи. Но при ее чтении оно не привлекло особого внимания Ломоносова. В Никоновской летописи это сообщение он отметил вертикальной чертой, а рядом на поле написал *НВ*. К тому же в Никоновской летописи содержалось дополнение о женитьбе князя Изяслава Ярославича на сестре Казимира.

Позднее М.В. Ломоносов отметил двумя вертикальными чертами на поле сообщение Никоновской летописи под 6610/1102 г. о еще одном русско-польском династическом союзе — замужестве *Сбыславы* (это имя Ломоносов подчеркнул), дочери Ярополка, «в Ляхи за Болеслава». Впрочем, в этой записи, восходившей к ПВЛ, появилась ошибка. Сбыслава являлась дочерью киевского князя Святополка Изяславича. Она была отдана замуж за польского князя Болеслава III Кривоустого [БАН, 32.14.8, лл. 115, 160; ср.: ПВЛ. 1996. С. 117]. Такое внимание Ломоносова к польско-русским династическим связям, их союзному дипломатическому и военному содержанию может свидетельствовать о расширении его интересов к внешнеполитическим темам истории Руси, в частности к союзам русских православных князей с католическими правителями.

Впрочем, М.В. Ломоносова интересовали в равной мере и другие иностранные династические союзы русских князей. Он отметил в Никоновской летописи под 6612/1104 г. замужество дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича за византийского «царевича», а Предславы, дочери киевского князя Святополка Изяславича, — за венгерского королевича, герцога Альмоша [БАН, 32.14.8, л. 161 об.].

Особое значение М.В. Ломоносов придавал некоторым династическим союзам московских князей в XIV–XV вв. Он отметил в Никоновской летописи сведения о женитьбе в 6841/1333 г. сына Ивана Калиты Семена на литовской княжне Августе, названной в православии Анастасией, повествование о Софии Палеолог, племяннице последнего византийского императора, на которой женился Иван III Васильевич, о рождении ею сына Василия, будущего великого князя, об опале Ивана III на Софию и ее сына, а также о ее кончине. Наряду с менее значимыми событиями династической истории русских княжеских родов Ломоносов подчеркнул сообщение под 6991/1483 г. о женитьбе сына Ивана III Ивана Молодого на Елене Волошанке, дочери молдавского господаря Стефана III. Этот брак имел большое значение в династической истории великих московских князей, и у него была трагическая судьба. Тот факт, что Ломоносов при чтении Никоновской летописи особо отметил данное известие, может свидетельствовать о том, что к этому времени он уже хорошо знал династическую историю московского княжеского дома. Впрочем, этот брак имел также политическое значение, так что Иван III поддержал позднее Стефана III в его борьбе с противниками.

Вероятно, М.В. Ломоносов уже знал о трагической судьбе брака Василия III Ивановича и Соломонии Сабуровой, когда он подчеркивал в тексте Никоновской летописи сведения об их венчании 4 сентября 1505 г. митрополитом Симоном в кремлевском Успенском соборе. Далее он отметил

сообщения о пострижении Соломонии в монахини вследствие ее бесплодия, женитьбе великого князя на Елене Глинской и рождении у них сына Ивана, будущего царя Ивана Грозного [БАН, 32.14.8, лл. 161 об., 635, 679 об., 683 об. 698 об., 706, 707 об., 733, 733 об., 735].

В связи с поставлением Илариона митрополитом в 6559/1051 г. собором русских епископов по воле Ярослава Владимировича в Никоновской летописи приведено первое апостольское правило о возможности такого поставления. Если при чтении Петровской копии Радзивилловской летописи это событие внимания М.В. Ломоносова не привлекло, то в Никоновской летописи на правом поле страницы он это правило отчеркнул округлой линией, выше поставил крестик, а на левом поле написал NB. Он отметил также сообщение о вызове новгородского епископа Луки Жидяты митрополитом Ефремом по «*клевете*» холопа Дудики, принадлежавшего этому епископу [БАН, 32.14.8, лл. 115 об., 122].

Отмечал М.В. Ломоносов в тексте сообщения о поставлении в Царьграде митрополитов на Русь. Особо привлекло его внимание повествование под 6945/1437 г. о митрополите Исидоре, стороннике церковной унии и участнике Ферраро-Флорентийского собора [БАН, 32.14.8, лл. 210, 228, 344 об., 358 об., 567].

При чтении Никоновской летописи М.В. Ломоносов обращал внимание на социальные столкновения, которые возникали между княжеской властью и городским населением. Он подчеркнул сообщение под 6576/1068 г., восходившее к ПВЛ, о требовании киевлян, участников городского ополчения, чтобы их князь Изяслав Ярославич дал им оружие и коней. Это известие содержало сведения о содержании отношений между княжеской властью и местной тысячной организацией. При чтении Петровской копии Радзивилловской летописи такое сообщение особого внимания Ломоносова не привлекло.

В известии Никоновской летописи под 6664/1156 г. М.В. Ломоносов подчеркнул «*многи волны* (волнения. — М. С.) *и которы* (ссоры, распри. — М. С.) в Киеве и во всей Русской земле». Из-за них митрополит Киевский и всея Руси Михаил не вернулся на свой стол в Киев. Рядом с этой записью Ломоносов поставил на поле NB [БАН, 32.14.8, л. 125 об., 210]. В связи со сведениями о династической истории он отчеркнул прямыми линиями на поле строки, в которых сообщалось, что Чернигов являлся отчиной Святослава Ярославича и его сыновей, а Переяславль — отчина Всеволода Ярославича и его сыновей [БАН, 32.14.8, л. 129 об.]. Внимание Ломоносова к этим известиям подводило его к выводу о политическом устройстве Российского государства с середины XI в., после смерти Ярослава Мудрого, в соответствии со средневековым феодальным принципом княжеского (королевского) наследственного владения по отцу. Когда ранее Ломоносов прочел в Петровской копии Радзивилловской летописи о таком разделе Ярославом своего государства под 6562/1054 и 6581/1073 гг. [БАН. П. I. Б. 77, лл. 120 об., 137], он эти сообщения особо не отметил.

Видимо, осуществление средневекового феодального принципа княжеского владения привлекло внимание М.В. Ломоносова во фразе: «А Давыд седе в Бужске, а по сем впаде Святополк Давыду Игоревичю Дорогобужь, в нем же и умре, а *град Владимир* даде сыну своему Ярославцу, иже бе ему *от наложницы*». Эту фразу Ломоносов отчеркнул прямой вертикальной чертой [БАН, 32.14.8, л. 159 об.]. То есть, великий киевский князь Святополк дал в кормление своему союзнику Давыду Игоревичу, виновному в ослеплении князя Василько Ростиславича, город Бужск (и еще четыре города). Дополнительно он дал Давыду еще Дорогобуж. Город Владимир Волынский Святополк дал в управление и кормление своему сыну Ярославу. Дважды отчеркнул Ломоносов вертикальной чертой на поле летописный рассказ под 6663/1155 г. В нем сообщалось, что Юрий Долгорукий во время суздальского княжения «объезжал» со своей женой свое княжество. Когда они находились на реке Яхроме, родился его сын Всеволод, крестильное имя которого стало Дмитрий. В честь своего сына Юрий основал на этом месте город и назвал его Дмитров [БАН, 32.14.8, лл. 205, 205 об.].

Институт наделения князей городами М.В. Ломоносов особо отметил и в Византии. Он отчеркнул сообщение Никоновской летописи о том, что младшие сыновья Юрия Долгорукого Мстислав, Василько, Всеволод с матерью и своими детьми отправились в 6668/1160 г. в Константинополь к императору Мануилу. Вероятно, их изгнал из своего Владимиро-Суздальского княжества Андрей Боголюбский. Но император их приветливо встретил, «подая им грады» [БАН, 32.14.8, л. 226 об.]. Далее в повествовании под 6672/1164 г. Ломоносов отметил дугообразной чертой то же явление на Руси по отношению к брату императора Мануила Андронику Комнину. Тот бежал в русские земли, был приветливо принят галицким князем Ярославом Владимировичем, который «дал» ему города и волости [БАН, 32.14.8, л. 228].

В данном контексте Ломоносов обратил внимание на тему — княжеская власть и Новгород, особенность его политического строя в посадниках и тысяцких, а также на факты новгородской истории. Эти события он отметил, начиная с изгнания из Новгорода князя Ярослава Владимировича. Вероятно, Ломоносов согласился с исторической концепцией Никоновской летописи, которая осуждала Новгород за то, что он противопоставил себя могущественному при Иване III Московскому государству, объединявшему русские земли. Он подчеркнул фразу летописи, в которой сообщалось о символическом действе, исполненном по решению князя: «А после себя велел князь великий из Новгорода колокол их вечной привести на Москву, и привезен бысть, и взнесли его на колоколницу на площади с прочими колоколами звонити». Рядом с ней Ломоносов написал аббревиатуру NB [БАН, 32.14.8, л. 249 об., 377 об., 401, 411, 556, 678 об.].

Но хотя М.В. Ломоносов, следуя сообщениям Никоновской летописи, отмечал особую значимость великокняжеской власти в Московском государстве, он

подчеркнул летописное сообщение о том, что в сложном военно-политическом положении Иван III приехал из Коломны в Москву «на совет *и думу ко отцу своему митрополиту Геронтию и к матери своей великой княгине инокине Марфы* и к дяде своему князю Михаилу Андреевичу Верейскому и ко всем своим бояром <...>». Рядом с этой фразой он провел на поле прямую вертикальную черту [БАН, 32.14.8, л. 671 об.]. Впрочем, в «Летописце начала царства», официальной летописи времени правления Ивана Грозного до 1550-х гг., которая стала завершающей частью Никоновской летописи, Ломоносов отметил на полях Патриаршьяго списка лишь основные сведения об этом периоде начала высшей концентрации самодержавной власти: казни одних бояр, в том числе и князей, пожалования другим, венчание Ивана Васильевича на царство, его женитьба на Анастасии, дочери Романа Юрьевича из боярского рода Захарьиных-Юрьевых, которые позднее стали называться Романовыми, рождение у них дочери Евдокии и другие, впрочем, немногочисленные сведения. В этих пометах обращает особое внимание несколькими линиями отчеркнутая на поле запись под 7051/1543 г. об убийстве псарями юного великого князя, наиболее значимого тогда в клане Шуйских, — князя Андрея, о ссылке его советников, а также завершающая фраза этого повествования: «<...> и от тех мест начали боляре от государя страх имети» [БАН, 32.14.8, лл. 752, 780 об., 781, 782, 782 об., 783 об., 784 об., 785 об., 786 об., 872]. Это сообщение, видимо, в значительной мере определило отношение Ломоносова к личности Ивана Грозного и к его внутренней политике.

М.В. Ломоносов написал NB рядом с сообщением Никоновской летописи под 6588/1080 г. «*Заратишася торци переяславстии на Русь*». Эту фразу он также подчеркнул. Она содержала сведения о расселении тюркского племени торков на землях Переяславского княжества. Как показали исследования в XX в., они жили там на правах федератов, стали заниматься земледелием и вести оседлый образ жизни. Данное известие возвращало к проблеме многоэтничности Руси, которая стала интегрировать также тюркские народы. Видимо, в этой связи Ломоносов стал выделять сведения о мирных отношениях и военных столкновениях с половцами, об их ханах, которые в летописи названы *князьями* [БАН, 32.14.8, лл. 137, 148–148 об., 149 об.–150].

Пометы М.В. Ломоносов стал делать и в связи с пребыванием в Орде митрополитов, начиная с 6821/1313 г., и князей, начиная с московского князя Юрия Даниловича, который вернулся в 6825/1317 г. из Орды, женатый на сестре «царя» Узбека Кончаке. Его особое внимание привлекали сообщения о ханских пожалованиях князьям ярлыка на великое княжение Владимирское [БАН, 32.14.8, лл. 346, 347 об., 355 об., 359, 392].

В истории московских великих князей, особенно с Ивана III, М.В. Ломоносов отмечал как западную, так и восточную политику, прежде всего по отношению к Казанскому царству и Крымскому ханству. В частности, Ломоносов отчеркнул на поле сообщение о процедуре отпуска великим князем

Василием III Ивановичем императорского посла Сигизмунда Герберштейна, труд которого о России Ломоносов так обстоятельно изучил [БАН, 32.14.8, лл. 692, 707 об., 708, 721, 724–724 об., см. далее, с. 666–668].

Как естествоиспытатель, М.В. Ломоносов продолжал отмечать в Никоновской летописи необычные атмосферные явления, богатые урожаи и, напротив, жестокие неурожаи, нашествия саранчи. Большое значение для Ломоносова имело описание под 6927/1419 г. «грома и молний», от которых люди умирали. Он подчеркнул фразу «*глаголет бо писание о громех и о мълниях*», а рядом написал аббревиатуру NB. Этот исторический сюжет был для него тем более значим, что сам он исследовал атмосферное электричество, а его друг, профессор Петербургской Академии наук Георг Вильгельм Рихман, делая такие опыты, погиб [БАН, 32.14.8, лл. 105 об., 112, 123 об., 142 об., 144, 144 об., 148, 149, 548, 549].

С 1360-х гг. пометы М.В. Ломоносова в Патриаршем списке Никоновской летописи крайне редки. Они относятся к прибытию в Москву митрополита Киприана в 6886/1378 г., а в 6889/1381 г. — к приезду на Русь митрополита Пимена. В начале повествования о Куликовской битве Ломоносов подчеркнул слово *князь* при указании Мамае, обратив внимание на то, что он — не законный правитель, Чингизид, «царь», а в завершении этого рассказа — указание на огромные потери русского войска: было 400 тысяч воинов, а осталось 40 тысяч. Эти цифры Ломоносов повторил на поле страницы.

В повести «Преставление великого князя Дмитрия Ивановича Московского» М.В. Ломоносов подчеркнул упоминание о смерти матери маленького Дмитрия великой княгини Александры, а также отметил раздел Дмитрием своих владений между сыновьями. В летописном рассказе под 6901/1393 г. о великом княжении Василия Дмитриевича Ломоносов отчеркнул на поле сообщение о смерти его брата Ивана, а также поставил NB там, где сообщалось, что новгородцы противостояли намерению Москвы передать церковный суд митрополиту, стремясь сохранить его в ведении новгородского архиепископа. Так они отстаивали один из символов независимости своей государственности.

В тексте под 6902/1394 г. М.В. Ломоносов отметил известие о том, что в Москве дочь Дмитрия Донского была отдана замуж за Лугвеня Ольгердовича, внука основателя Литовского государства Гедимина, а под 6907/1399 — сообщение о вызове в Орду разгневанным «царем» Узбеком тверского князя Александра Михайловича, который был там убит вместе с сыном Федором (эти события произошли значительно раньше, в 1339 г.). В повествовании под 6919/1411 г. Ломоносов написал аббревиатуру NB рядом с известием о замужестве княжны Анны, дочери великого князя Московского Василия Дмитриевича, за «царевича Ивана Мануиловича», будущего императора Иоанна VIII Палеолога, а также о совместном успешном походе польского короля Ягайло и литовского великого князя Витовта на немецкий город в Пруссии Мариенбург.

Наряду с такими событиями русской и, шире, восточноевропейской истории М.В. Ломоносов обратил внимание на рождение в 6909/1401 г. у кашинского князя Василия Михайловича сына, которого при крещении назвали Дмитрием, и в том же году — на женитьбу князя Ивана Владимировича Серпуховского на дочери рязанского князя Федора Ольговича Василисе [БАН, 32.14.8, лл. 424 об., 428 об., 436 об., 443 об., 446, 468, 469 об., 494, 495 об., 508, 514, 536]. Вероятно, эти наблюдения были важны для его работы над генеалогией русских князей.

Пометы в Никоновской летописи позволяют установить, что М.В. Ломоносов при чтении ее текста обращал особое внимание на сообщения, которые помогают определить время написания летописи, в данном случае той летописи, которая находилась в основе первой части Никоновской. В сообщении под 6604/1096 г., восходившем к ПВЛ, Ломоносов отчеркнул чернилами на поле тот его отрывок, который написан от первого лица и свидетельствовал, в частности, об устных источниках информации летописца: «*Се же хошу сказати*, яже слышах прежде сих 4 лет, яже сказа ми Юрата Роговичь новгородец, глаголя сице, яко “Послах отрок свои в Печеру, люди, яже суть дань *дающее Новугороду*; и пришедшу отроку моему к ним, и оттуду иде во Югру”» [БАН, 32.14.8, л. 150]. То есть, автор ПВЛ сообщал о том, что четыре года тому назад ему рассказал новгородец Гюрята Рогович (такая форма его имени в ПВЛ). Из этого рассказа, в частности, следовало, что в 10-е гг. XII в., когда летописец редактировал ПВЛ, новгородцы не только вносили дань с населения Печоры, но и ходили в Югру, обширную землю вдоль Северного Ледовитого океана в Европейской России и Западной Сибири [ПВЛ. 1996. С. 107, 346, 404, 512–513, 532]. Таким образом, этот выделенный Ломоносовым текст содержал сведения об истории летописания и о политической истории Руси. Его сведения близки также к кругу интересов Ломоносова в его деятельности руководителя Географического департамента и исследователя Севера. Между тем, никаких помет в соответствующем тексте Радзивилловской летописи нет.

Такое наблюдение М.В. Ломоносова над Никоновской летописью, позволяющее определить историю текста летописных сводов, к которым она восходила, не единственное. В рассказе под 6605/1097 г. об ослеплении требовльского князя Василька Ростиславича изложены обстоятельства этого преступления князей в борьбе за политическое первенство и владения. Его автор, в частности, написал: «<...> и есть рана на Васильке *и до сего дне*». Ломоносов подчеркнул последние четыре слова, а текст отметил на поле прямым крестом [БАН, 32.14.8, л. 154].

Данный рассказ также восходит к ПВЛ [ПВЛ. 1996. С. 110–111, 347–349]. В тексте Радзивилловской летописи (и ее Петровской копии) этих слов нет [БАН. П. I. Б. 77, л. 177–177 об.]. Так что когда М.В. Ломоносов увидел фразу, позволяющую датировать, хотя бы приблизительно, время написания летописи (ослепленный Василько умер в 1124 г.), он ее выделил в тексте.

В Никоновской летописи под 6614/1106 г. М.В. Ломоносов отметил очень важную для истории древнерусского летописания запись от первого лица: «Того же лета преставися Янь, добрый старецъ, жив лет 90, в старости мастите, по закону Божию, *не хуже бе пръвых праведников*, от негоже и *аз многа словеса слышах* <...>». Этот текст Ломоносов отметил округлой скобкой и дважды поставил аббревиатуру NB [БАН, 32.14.8, л. 162]. Данная запись восходит к ПВЛ. В XX в. были выделены и обстоятельно проанализированы те летописные сообщения, которые восходили к рассказам этого знатного княжого мужа Яна, который стал киевским тысяцким, и его отца, воеводы Вышаты [Приселков М.Д. 1940а. С. 18–19; Лихачев Д.С. 1947. С. 97–99, 102, 141–142]. В Петровском списке Радзивилловской летописи Ломоносов не учел эти сведения о Яне Вышатиче. Но то, что он их особо выделил в Никоновской летописи, может указывать на значительное расширение исторических проблем, которые Ломоносов собирался исследовать.

Отмеченные М.В. Ломоносовым в Патриаршем списке Никоновской летописи тексты, содержащие возможность датировать время написания летописей, свидетельствуют о накоплении им источниковедческих наблюдений. Они были им обобщены в маргиналиях к сообщению под 6624/1116 г., восходившему к одной из редакций ПВЛ, об авторстве данного летописного текста Сильвестра, игумена Михайловского Выдубицкого монастыря под Киевом: «Се яз грешный инок Селивестр, игумен святого Михаила, написах книги сия, глаголеыма греческим языком хранограф, русским языком тлъкуется временник, еже есть летописецъ, во священно и божественно священноначалства господина Никифора, митрополита Киевского и всея Руси, во обладание державы Киевския православного и благочестивого великого князя Владимира Маномеха, сына Всеволожа, внука Ярославля, правнука великого и равнаапостольного святого Владимира, нареченнаго во святем крещении Василя, *крестившего всю Русскую землю*» [БАН, 32.14.8, л. 168 об.; о Сильвестре см.: Творогов О.В. 1987б. С. 390–391].

В этом тексте, кроме подчеркнутых М.В. Ломоносовым карандашом слов, на левом поле страницы отчеркнута прямой линией его последняя часть, начиная с указания Владимира Мономаха. В его начале на правом поле рукой А.И. Богданова написано: «NB. zde творца сея книги конец по 6624 год». В начале этой рукописи почерком Богданова сделана надпись: «Творец сея книги зри лист 116 на обороте под числом лета 6624-го, которой был при животе Феодосия Печерского игумена» [БАН, 32.14.8, л. 5]. В другом, Никоновском списке Никоновской летописи, также хранившемся во времена Ломоносова в БАН, содержится близкая по содержанию столь же архаичная по форме надпись: «Зде авторъ книга сея» [БАН, 17.2.5, ч. I, л. 132 об.]. Так что Ломоносов, видимо, учитывал замечания в рукописях БАН своего предшественника по их чтению Богданова, который интересовался историей, был

внимателен к содержанию хранившихся летописей, но анализ их содержания был для Ломоносова процессом в полной мере самостоятельным.

Показательно, что М.В. Ломоносов при чтении Никоновской летописи особо отмечал не только ранее названные стороны общественной и политической жизни. Он обращал внимание и на материальные стороны народного быта. В рассказе об ослеплении Василька Ростиславича Ломоносов подчеркнул фразу о том, как везли ослепленного князя: «*на колех, а по грудному пути, бе бо тогда месяц груден, ноябрь*». Рядом с этой фразой он также поставил на поле крестик [БАН, 32.14.8, л. 154 об.]. В данных словах много исторической информации — название древнерусских колесных повозок, особое состояние дорог поздней осенью, использование в древней Руси двух систем названий месяцев — народной восточнославянской и книжной, западноевропейской.

В летописном повествовании о княжеском съезде в Уветичах в 1100 г. М.В. Ломоносов выделил косым крестом фразу Владимира Мономаха: «<...> и седишь с братиею своею *на едином ковре*» [БАН, 32.14.8, л. 159]. Слово *ковер* ранее в летописи использовалось, и для него неожиданным не было. Несомненный интерес для Ломоносова представило в подчеркнутых словах метафорическое значение фразы — мирное собрание князей.

В изложении событий 6623/1115 г. в связи с перенесением мощей канонизированных князей Бориса и Глеба М.В. Ломоносов подчеркнул с трудом понимаемые слова *фифудии* и *ирничи* (второе из них — с ошибкой написанное слово *орничи*, т. е., вероятно, дорогие ткани и пояса). Рядом с этой строкой он написал NB. Так же он отметил под 6623/1115 г. сообщение о том, что «Владимир Маномах *устрои мост чрез Днепр*» [БАН, 32.14.8, л. 159]. Это — важное сообщение об уровне развития строительной техники на Руси того времени.

М.В. Ломоносов отметил аббревиатурой NB наличие в литовском войске в 6907/1399 г. «кованых телег на железных цепях», которые были использованы в открытой местности в качестве полевого оборонительного сооружения, а в 6936/1428 г. — огнестрельного оружия, пушек, тюфяков и пищалей [БАН, 32.14.8, л. 506, 556].

Интерес М.В. Ломоносова к экономическим основам жизни выразился в том, что он подчеркнул и отметил прямой вертикальной чертой под 6928/1420 г. текст, в котором сообщалось, что с осени этого года новгородцы начали использовать в торговле «артуги», серебряные монеты. Ранее деньгами у них являлись «лобки куньи», а еще ранее — «мортки бельи и куньи», т. е. шкурки белок и куниц. Рядом с этим текстом Ломоносов написал аббревиатуру NB [БАН, 32.14.8, л. 549]. Как показали исследования в XIX–XX вв., такое использование меховых денежных единиц происходило в так называемый «безмонетный период» XII–XIV вв. вследствие недостаточного количества серебра в русских землях [Свердлов М.Б. 1978б. С. 3–16; см. там же литературу проблемы].

М.В. Ломоносов написал аббревиатуру NB и в тексте подчеркнул строки, где сообщалось под 6986/1478 г. об установлении в Новгородской земле по-

вой системы податного поземельного обложения после присоединения Иваном III Новгородской республики к Московскому государству: «И князь великий велел с ними бояром говорити о дани, что *явили дани со всех волостей новгородских с сохи по полугривне, по 7 денег*, велел их спросити: “Что их соха?” И они сказали “Три обжи соха; а обжа один человек на одной лошади ореть, а кто на 3-х лошадах и сам третьей ореть, ино то соха”» [БАН, 32.14.8, л. 675]. Данная подать была значительна.

Отмеченное М.В. Ломоносовым сообщение крайне важно для изучения в Новгородской земле и Московском государстве системы измерения пахотной земли и ее податного обложения, для определения размеров пашни в крестьянском и господском хозяйстве. Эти проблемы были изучены лишь в конце XIX–XX в. [Аграрная история Северо-Запада России. 1971. С. 20–29]. Но их особое значение было для Ломоносова очевидно и в его постоянном внимании к истории налогообложения в России, и в определении земельных владений северного русского крестьянина, что было ему хорошо знакомо со времени его куростровской юности.

Вероятно, позднее М.В. Ломоносов прочел также Никоновский список этой летописи [БАН, 17.2.5]. Но, судя по его немногим пометам, она уже не представила для него существенного интереса. Многочисленные пометы на полях рукописи, сделанные В.Н. Татищевым и А.И. Богдановым. Имеются значительные отчеркивания, а также знаки, видимо, технического происхождения, которые появились во время подготовки А.Л. Шлёцером текста к изданию [Описание. 1959. Т. 3, вып. 1. С. 350–354].

Для дополнения уже собранных сведений М.В. Ломоносов обратился к Остермановскому тому Лицевого свода. Он начал читать текст, используя свою уже традиционную систему помет. Ломоносов написал аббревиатуру NB рядом с текстом под 6765/1257 г., где сообщалось о том, что Александр Ярославич Невский, разгневанный на своего сына Василия, «выгнал» его из Пскова и отправил в низовские земли, т. е. в северо-восточные княжества, а его «дружины» (здесь: сторонников) казнил самым жестоким образом. Такой же аббревиатурой Ломоносов обозначил далее сообщение под 6770/1262 г. о том, что после смерти ростовского епископа Кирилла митрополит Киевский и всея Руси Кирилл «возведоша на его место» архимандрита Богоявленского монастыря Игнатия. Возможно, в этом сообщении внимание ученого привлекли сведения о сохранении Русской церковью своего единства после Ордынского нашествия.

Дважды дугообразными чертами М.В. Ломоносов отметил на поле в тексте под 6772/1264 г. запись о том, что «на великом княжении в Володимери» после смерти Александра Ярославича сел его брат Ярослав Ярославич Тверской. NB написал Ломоносов на поле рядом с известием под 6776/1268 г. о том, что в условиях напряженных отношений с Ливонским орденом Новгорода Ярослав Ярославич направил туда своих сыновей Святослава и Михаила, а также

других князей, тогда как на владычном дворе, т. е. дворе новгородского архиепископа, начали чинить «пороки» — осадные орудия. Поставил Ломоносов + рядом с сообщением под 6778/1270 г. о том, что в последующем военном конфликте Ярослава Ярославича с Новгородом великий князь отправился на него с войском, тогда как новгородцы собрали свое ополчение, «псковичи и немец много приведоша в помощь к себе» и стояли они у Городища «въоружени в доспесех аки вода» [БАН, 31.7.30. Т. 1, лл. 19, 25 об., 33, 47, 61].

Особо выделенные М.В. Ломоносовым известия Лицевого свода содержали сведения об обстоятельствах исторических событий, однако новых для него фактов в них не было, поскольку, вероятно, он уже прочел к этому времени Никоновскую летопись. Поэтому, возможно, после некоторого перерыва, судя по ранее отмеченной замене обычных для себя помет на полях кружком с точкой в центре (⊙), Ломоносов продолжил читать два Остермановских тома Лицевого свода, отмечая в них отдельные сообщения. О таком позднем чтении Ломоносовым этих томов свидетельствует также список книг БАН, которые оставались в пользовании до его кончины. В их числе указаны «две книги летописцев российских с лицами, № 34, 35». Они были взяты в библиотеке в 1763 г. [*Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. С. 298; *Коровин Г.М.* 1961. С. 432].

Ломоносовские пометы к первому тому, записи в котором относились ко второй половине 70-х — началу 80-х гг. XIII в., относятся к меньшему числу сюжетов в сравнении с ранее рассмотренными летописями: 1) военные походы князей, включая совместные военные действия с новгородцами [БАН, 31.7.30. Т. 1, лл. 81 об., 97 об., 99, 107 об., 128 об., 181, 195, 198, 271, 272 об., 277 об., 278], 2) события в жизни князей, а также в княжеских семьях, отношения князей с Новгородом и Псковом, междукняжеские отношения [БАН, 31.7.30. Т. 1, лл. 132, 215, 219, 259, 263 об., 281, 288, 330 об. — 331 об., 332 об., 347 об., 385 об.; Т. 2, лл. 14 об., 15, 173 об., 180, 212, 213, 214, 220, 223, 225, 227 об.], 3) события в Новгороде и Пскове [БАН, 31.7.30. Т. 1, лл. 336 об., 346 об.; Т. 2, лл. 193–194, 216 об., 218 об.], 4) положение в Орде и русско-ордынские отношения [БАН, 31.7.30. Т. 1, лл. 97, 125, 221, 246, 270, 272, 289 об., 308, 314, 315, 326 об., 329 об., 333, 339 об., 372 об. — 373, 377 об., 382 об.; Т. 2, лл. 5 об., 129, 131, 168, 168 об., 174, 179 об., 183], 5) русско-ливонские и русско-литовские отношения [БАН, 31.7.30. Т. 1, лл. 283, 283 об., 359 об., 391, 391 об.; Т. 2, лл. 13–13 об., 194 об., 224, 227], 6) события в Русской Церкви и ее отношения с князьями, Новгородом и Псковом [БАН, 31.7.30. Т. 1, лл. 112 об., 116 об., 220, 292 об., 306, 334 об., 346 об., 351; Т. 2, лл. 130, 176 об., 177 об., 178, 236 об., 252], 7) знамения, атмосферные явления, голод и мор [БАН, 31.7.30. Т. 1, лл. 221, 369 об. — 370, 384 об.; Т. 2, л. 181].

Пометы М.В. Ломоносова ко второму Остермановскому тому Лицевого свода относятся к сообщениям начала 80-х гг. XIII в. — конца 80-х гг. XIV в. Многочисленные пометы Ломоносов сделал в нем к литературно-историческому сочинению «Повесть о Куликовской битве» [БАН, 31.7.30.

Т. 2, лл. 26–128]. В частности, он отчеркнул на поле легендарное повествование о том, как великий князь Дмитрий Иванович попросил у Сергия Радонежского монахов Пересвета и Ослябю для предстоящей битвы с татарами. Рядом с этим текстом он написал аббревиатуру NB.

Так же М.В. Ломоносов обозначил текст, в соответствии с которым «князь великий же Ягайло Литовский по прежереченым уроком своим совокупил Литвы много и *варяг и жемоити* и прочая и поиде на помощь к Мамаю царю, и пришед ко Одоеву ста и нача испытовати вестей». Этот текст Ломоносов выделил на поле пунктиром, а слова *варяг и жемоити* подчеркнул [БАН, 31.7.30. Т. 2, лл. 54, 69].

Такое исторически достоверное указание жямайтов или жемайтов как особого этнического подразделения в войске великого князя литовского Ягайло ставит вопрос о том, кто подразумевался в «Повести о Куликовской битве» под названием *варяги* и почему они привлекли внимание М.В. Ломоносова.

Вагры — племя прибалтийских славян с главным городом Старград — жили в западной части южного побережья Балтийского моря. Как известно, около 1140 г. они были завоеваны герцогством Гольштейн, уничтожены или ассимилированы. Так что в далеком от них княжестве Литовском в конце XIV в. вагры как войско в отличие от жемайтов появиться не могли. Учитывая это, под *варягами* в войске Ягайло следует понимать *наемников*. Видимо, это значение древнего слова *варяги* привлекло внимание М.В. Ломоносова, как и в других случаях, когда он читал летописи в конце 50-х — первой половине 60-х гг. и обращал особое внимание не на этническую принадлежность варягов, а на их функции на Руси. Как показали историко-лингвистические разыскания, *варяги* — первоначально скандинавские дружины, которые приходили в Восточную Европу за данью, позднее — скандинавские воины-наемники в составе древнерусской княжеской дружины. Еще позднее слово *варяжский* используется на Руси в значении *латинский, римско-католический*, поскольку скандинавы стали христианами католического исповедания, а не православного. Возможно, к древнейшему периоду восходит и распространенное в русских говорах слово *варяг* в значении *торговец-разносчик* [Рыдзевская Е.А. 1978. С. 138–139].

Если первый из этих отрывков привлек особое внимание М.В. Ломоносова, вероятно, необычностью происхождения героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби из среды монахов Троицкого монастыря, то второй отрывок вернул к постоянно интересовавшей его проблеме происхождения и значения слова *варяг*. Показательно, что в составе войска Ягайло он подчеркнул не только *варяг*, но и *жемоити*. *Жемайты* или *жсямайты* — одно из литовских племен. Расположенные на северо-западе литовских земель, исторически они развивались автономно от литовских политических центров, Тракая, Каунаса и Вильнюса. Часто воевали они с Ливонским орденом. Жямайтия пользовалась широкой автономией в составе Великого княжества

Литовского [Гудавичюс Э. 2005. С. 59–67, 75–83, 98–100]. Видимо, поэтому жемайты или жемайты названы в войске Ягайло отдельно от основного литовского войска.

В отличие от постоянного использования в Лицевом своде, за самыми редкими исключениями, значка ☉ М.В. Ломоносов поставил + во втором Остермановском томе рядом с сообщением под 6887/6888 г. о походе вятчан, жителей Вятской земли, в «Арскую землю», где они победили «разбойников ушкуйников», захватили и убили их предводителя Ивана Рязанца [БАН, 31.7.30. Т. 2, л. 15 об.]. В этом известии особое внимание Ломоносова привлекло, вероятно, упоминание событий на севере Восточной Европы. Видимо, в нем, поморе по происхождению и руководителе Географического департамента, вновь проявился особый интерес к истории Севера России.

Тексты, особо выделенные М.В. Ломоносовым в Остермановских томах Лицевого свода, иногда повторяли сведения, уже известные ему по ранее прочитанным летописям и Степенной книге, иногда дополняли их. Основное их содержание составила военно-политическая и династическая история. Почти нет помет, относившихся к материальным основам жизни и предметам вещной среды. Такое их содержание может свидетельствовать о том, что Ломоносов проверял и дополнял по этим томам Лицевого свода те сведения о русской истории второй половины XIII — конца 80-х гг. XIV в., которые уже были им ранее собраны. Содержание помет в этих томах относилось к прагматическому повествованию о военно-политической и династической истории Руси как к истории Московского княжества.

Вероятно, чтобы проверить ранее собранные сведения и дополнить их, М.В. Ломоносов начал читать еще одно выдающееся произведение XVI в. — Воскресенскую летопись. Воскресенский список [БАН, 34.5.24] и Алатырский список [БАН, 16.3.1] этой летописи уже хранились тогда в БАН и были доступны. Как отметил Д.С. Лихачев, ее начальная часть представляет собой соединение статей Начального свода (реконструируемый летописный свод 1093–1095 гг.) в повествовании до 1074 г., за которым следуют до 10-х гг. XII в. статьи, в основном восходившие к гипотетически устанавливаемой третьей редакции ПВЛ, написанной в 1118 г. [ПВЛ. 1996. С. 376].

История текста Воскресенской летописи была в основном изучена в конце XIX–XX в. [Левина С.А. 1989. С. 39–42], так что М.В. Ломоносов, как и многие исследователи до этого времени, разумеется, ее не знал. Поэтому показательно, как Ломоносов ее читал и что привлекло, судя по пометам, его особое внимание.

В начальной, недатированной, части, восходившей к ПВЛ, М.В. Ломоносов отметил на поле двумя косыми перекрещенными чертами сообщение об обрах (аварах), которые напали на византийского императора Ираклия и воевали против славян. Далее он подчеркнул запись под 6366/858 г. о походе императора Михаила «брегом и морем» против болгар. Рядом на поле Ломо-

носов написал аббревиатуру NB [БАН, 34.5.24, лл. 65, 69 об.]. Эти пометы относились к международному контексту существования древней славянской зоны расселения в Подунавьи и на Балканах.

В отличие от ранее рассмотренных летописей и Степенной книги в тексте Воскресенской летописи под 6367/859 и 6370/862 гг. М.В. Ломоносов не сделал никаких помет в сюжетах о Руси и варягах и в последующем повествовании о Рюрике как потомке Августа и Пруса, владевшего землями по берегам Вислы и городами Мадброк, Торунь, Хвойница, Гданьск, до реки Неман. Нет помет в рассказе Воскресенской летописи о Гостомысле и о призвании по его совету Рюрика из Прусской земли. Их отсутствие можно рассматривать как утверждение того, что для Ломоносова, когда он читал Воскресенскую летопись, эта проблема была решена окончательно, или, напротив, — он пересматривал свои прежние ответы на ее вопросы.

Далее в летописной статье под 6370/862 г. М.В. Ломоносов подчеркнул сообщение о войне Аскольда и Дира с древлянами и уличами и начало следующего предложения *«Рюрику же княжашу в Новегороде»*. Эти известия обращали внимание на существование в одно время двух княжеств, с центрами в Киеве и Новгороде. Рядом с этими подчеркнутыми строками Ломоносов поставил +, обведенный кружком. В повествовании под 6415/907 г. о походе князя Олега на Царьград он подчеркнул литературный по происхождению текст, восходивший к ПВЛ: *«И убо яшася Греции и реша: “Нестъ се Олег, но Бог сие посла на ны казнь, грех ради наших”»*. Рядом с этим текстом Ломоносов написал аббревиатуру NB.

В краткой, из трех предложений, статье под 6421/913 г. о начале княжения Игоря Рюриковича, восходившей к ПВЛ, в той ее редакции, которая сохранилась в Ипатьевской летописи, М.В. Ломоносов подчеркнул ее вторую фразу: *«В се время нача царствовать Костянтин, сын Леонов, зять Романов»*. Рядом с этой фразой Ломоносов нарисовал крест, обведенный кружком. В хорошо знакомой ему по Петровской копии Радзивилловской летописи, в составе которой сохранилась редакция ПВЛ, входящая в Лаврентьевскую летопись, уточнения «зять Романов» нет. Поэтому недостаточно ясно, что стало причиной особого выделения Ломоносовым данного текста в Воскресенской летописи — его отличия от Радзивилловской летописи или включение летописцем Руси в мировой контекст. В первом случае преобладает текстологическое наблюдение Ломоносова, во втором — его новое осмысление места и значения Руси в мировой истории (византийский император считался главой христианского мира).

Видимо, второе объяснение более предпочтительно, поскольку далее в краткой, из двух предложений, статье под 6450/922 г. Ломоносов подчеркнул первую часть первого из них: *«Семион иде на Хорваты, и побежен бысть Хорваты»* и умре, оставив Петра князя Болгаром, своего сына». Далее сообщалось о рождении у князя Игоря сына Святослава. Рядом с подчеркнутой фразой

Ломоносов нарисовал +, обведенный кружком [БАН, 34.5.24, лл. 71 об., 76, 83, 86 об.]; все даты до начала XI в. в ПВЛ относительны, поскольку они были внесены летописцем ретроспективно, то же относится к последующей летописной традиции ПВЛ].

В тексте, восходившем к ПВЛ в редакции, близкой к Ипатьевской летописи, — о походе болгарского царя Симеона на хорватов — сообщалось о важнейших событиях. После победы над Сербией и ее включения в состав Первого Болгарского царства в 924 г. могущественный царь Симеон продолжил военные действия против хорватов, но потерпел от них поражение и заключил с ними мир в 926 г. 27 мая 927 г. Симеон умер, и болгарским царем стал его сын Петр. Так что Ломоносов, подчеркнув сообщение о поражении царя Симеона от хорватов, обратил особое внимание на важнейшее событие в Юго-Восточной Европе, которое имело большое значение не только для южных славян, но и для Византии. В контексте таких фактов упомянуто в ПВЛ и, соответственно, в Воскресенской летописи рождение князя Святослава Игоревича, которому предстояло позднее принять такое активное участие в политической жизни этого региона.

При чтении Воскресенского списка М.В. Ломоносов не отметил, в отличие от других летописей и Степенной книги, сообщение под 6455/948 г., восходившее к ПВЛ, о преобразованиях княгини Ольги. Но в Алатырском списке Воскресенской летописи он это известие вновь отчеркнул, а рядом написал аббревиатуру NB [БАН, 16.3.1, л. 48]. В Алатырском списке это, как представляется, единственная помета, принадлежащая Ломоносову. Так что он никогда не терял интереса к теме государственного устройства Руси середины X в. — к «установлению» Ольгой погостов, уточнению взимания податей, даней и оброков, к организации княжеского хозяйства этого времени — ловищ, перевесищ, знамений, т. е. знаков княжеской собственности, сел, укрепленных городов — мест.

Читая далее Воскресенский список, М.В. Ломоносов подчеркнул текст, относившийся к гибели Святослава Игоревича, что он ранее не выделял: «князь печенежский Куря» *«оковавшее златом лоб его, и пиаху из него. Свенгельд (так в рукописи) же прииде к Киеву к Ярополку»*. Рядом с подчеркнутой фразой Ломоносов нарисовал +, обведенный кружком [БАН, 34.5.24, л. 103 об.]. Если первая фраза обращала особое внимание на дикость печенегов, что в эпоху Просвещения являлось характеристикой культурного состояния народа, то вторая — на организованность русского войска, воевода которого Свенельд привел его в Киев к старшему из сыновей Святослава и его преемнику на киевском столе.

Если при чтении этногенетической части Воскресенской летописи М.В. Ломоносов не отметил сюжеты соотношения славян, варягов и Руси, то рядом с текстом, восходившим к ПВЛ, о прибытии Владимира Святославича в Новгород с варягами во время его подготовки к борьбе за власть со стар-

шим братом Ярополком Ломоносов нарисовал +, обведенный кружком [БАН, 34.5.24, л. 104 об.]. Такое внимание к варягам в данном случае относилось не к определению их этнической принадлежности, а к установлению их функции наемников на Руси, т. е. Ломоносов в данном случае рассматривал варягов в контексте тех вопросов, которые уже давно и конструктивно разрабатывались в отечественной исторической литературе. Тот же знак он поставил рядом с подчеркнутой фразой «и нача княжити Володимир в Киеве». Прямым перекрестием двойных линий Ломоносов обозначил другую подчеркнутую фразу: «Володимер поима лятские грады» [БАН, 34.5.24, л. 107 об., 108]. Эти предложения — обобщение последующего текста. Первое из них отметило начало киевского княжения Владимира после убийства Ярополка и избавления от давления собственных варягов-наемников, второе — очень важное в стратегическом отношении включение Волыни и ее городов в состав Руси.

Последующие пометы М.В. Ломоносова генеалогические — кончина полоцкого князя Изяслава Владимировича в 6509/1001 г. и жены Владимира Святославича Анны в 6519/1011 г., рождение у Всеволода Ярославича в 6561/1053 г. сына Владимира Мономаха «от царицы грекини» и смерть в 6562/1054 г. Ярослава Мудрого. Особо отметил он вокняжение Ярослава Владимировича в Киеве после победы в 6523/1015 г. над Святополком, который бежал в Польшу. Ломоносов подчеркнул сообщение о том, что польский князь Болеслав Храбрый, который помог своему зятю Святополку вновь вокняжиться в Киеве, вел себя не как союзник, а как завоеватель — сделал наложницей княжну Предславу, захватил казну и бояр Ярослава («возмзя имение и бояре Ярославли») и взял в плен его сестер. В повествовании под 6544/1036 г. Ломоносов подчеркнул сообщение о варягах в войске Ярослава, который защищал Киев от нападения печенегов. То есть интерес ученого к теме варягов-наемников на Руси стал постоянным [БАН, 34.5.24, лл. 139 об., 152, 153, 159, 162].

С последней четверти XI в. М.В. Ломоносов отметил в Воскресенской летописи в качестве особых событий вокняжение Всеволода Ярославича на столе Киевском в 6586/1078 г. В повествовании под 6593/1085 г. о том, что Владимир Всеволодович Мономах по решению отца изгнал мятежного Ярополка Изяславича из Владимира Волынского и Луцка, Ломоносов подчеркнул сообщение о том, что «во Ярополка место» Мономах посадил во Владимире волынского князя Давыда Игоревича. Такое посажение свидетельствовало о сохранении киевским князем значительной власти на Руси после всех раздоров старших Ярославичей, Изяслава, Святослава и Всеволода, в конце 60-х — 70-е гг. Под 6601/1093 г. Ломоносов подчеркнул запись о преставлении Всеволода Ярославича. Рядом с ней на поле он нарисовал +, обведенный кружком [БАН, 34.5.24, лл. 183 об., 184 об., 188].

Эти три последовательно выделенные сообщения о жизни и княжении Всеволода Ярославича могут свидетельствовать об особом интересе

М.В. Ломоносова, когда он читал Воскресенский список, ко времени правления этого князя, но не его братьев. Следующим сообщением о кончине князя стала запись под 6633/1125 г. о смерти сына Всеволода Владимира Мономаха. Рядом с ней на поле Ломоносов также нарисовал +, обведенный кружком [БАН, 34.5.24, л. 222].

Последующие пометы М.В. Ломоносова в Воскресенской летописи разъясняют смысл его особого внимания к Всеволоду Ярославичу и Владимиру Мономаху — они родоначальники московского княжеского дома. Далее Ломоносов отметил под 6698/1190 г. рождение у владими́ро-суздальского князя Всеволода сына Ярослава, который стал отцом Александра Невского и дедом первого московского князя Даниила Александровича. Под 6757/1249 г. он особо выделил сообщение о том, что Александр Ярославич, получив в Орде ярлык на великое княжение, отправился в Киев, а его брат Андрей «седе на столе» во Владимире. Вероятно, в этом необычном распределении княжеских столов Ломоносов заметил попытку вернуть Киеву его прежнее особое значение как места резиденции великого князя. Впрочем, Киев в то время был разрушен почти полностью, но, главное, время было другим, когда продолжить символическую традицию политического единства русских земель мог только Владимир, стольный город недавно могущественного Владимиро-Суздальского княжества.

Такое внимание к судьбам начальной истории московского княжеского дома отмечается и в следующих пометах М.В. Ломоносова к записям Воскресенской летописи под 6811/1303 г. о кончине Даниила Александровича Московского, под 6812/1304 г. — о смерти великого князя Андрея Александровича, о вокняжении в том же году будущего московского князя Ивана Даниловича в Переяславле Залесском — отчинном княжестве Александра Невского и его потомков. Продолжением этой серии помет стали кресты, обведенные кружком, рядом с записями под 6834/1326 г. о рождении у Ивана Даниловича Калиты сына Ивана, будущего московского князя и отца Дмитрия Донского, а также под 6849/1341 г. о преставлении 31 марта великого князя Ивана Даниловича и его погребении 1 апреля в церкви архангела Михаила в Москве, перестроенной позднее в кремлевский Архангельский собор [БАН, 34.5.24, л. 351, 443, 476–476 об., 497, 505].

Эта преемственность московских князей прослежена М.В. Ломоносовым при чтении Воскресенской летописи до Ивана Даниловича. Последующее их правление он отметил лишь по отношению к Ивану III под 6970/1462 г.: «*Наста княжение великого князя Ивана Васильевича*». Этот текст Ломоносов подчеркнул и рядом на поле нарисовал +, обведенный кружком. Но сделал он это не в дальнейшем летописном повествовании, где сообщается о вокняжении и правлении этого великого князя Московского, а в оглавлении Воскресенской летописи, содержащем краткие хронологические указания [БАН, 34.5.24, л. 10 об.].

Особое внимание М.В. Ломоносова, ученого и поэта, привлекла фраза: «*по сем же бысть звездам течение*». Эту запись он подчеркнул, а рядом на поле поставил знак в виде крестика из двойных черточек [БАН, 34.5.24, л. 165]. Но эта и небольшое число других помет в Воскресенской летописи относились лишь к периферии его постоянных интересов при чтении летописей и Степенной книги.

Пометы М.В. Ломоносова, сделанные им при чтении Воскресенской летописи, позволяют сделать вывод, что в это время он интересовался русской историей лишь до первой половины XIV в., при этом особое значение имела для него начальная история московской княжеской династии. Сюжеты, относившиеся к прусско-неманскому происхождению варягов и Руси, их соотношению со славянами утратили для Ломоносова прежнюю роль. Варяжская тема ограничилась для него варягами-наемниками, т. е. их особой функцией на Руси. Напротив, он продолжил отмечать сведения о международном контексте славянской и русской истории, о сложном строе Руси как государства в IX — первой половине XI в.

Такое понимание особого интереса М.В. Ломоносова к Воскресенской летописи подтверждается его прочтением ее обстоятельного, содержащего даты оглавления. Оно доведено до изложения событий первой трети XVI в., но последовательных помет после первой половины XIV в. в нем нет.

За оглавлением в Воскресенской летописи следует краткое изложение русской истории: «Начало православных государей и великих князей Русских, корень их изыде от Августа, царя Римского, а се о них писание предлежит». Это изложение, подобно оглавлению, содержит даты основных, по мнению его автора, исторических событий.

Как и при чтении основного текста летописи, М.В. Ломоносов оставил без внимания начальное повествование об Августе, его брате Прусе, о владениях Пруса в Прусской земле, от Вислы до Немана, и о потомке Пруса Рюрике, которого призвали в «Рускую землю» по совету новгородского старейшины Гостомысла.

Первая фраза, которую подчеркнул М.В. Ломоносов в «Начале православных государей», находится в тексте, начинающемся датой 6370/862 г.: «Седе пръвый князь на Новеграде *Рюрик*, а у него сын князь великий *Игорь* <...>». Рядом с этой подчеркнутой фразой Ломоносов поставил косой крест, обведенный кружком. Последующий текст, особо отмеченный Ломоносовым, датирован 6586/1078 г. Речь в нем идет о смене князей на столе Киевском после смерти Изяслава Ярославича: «По *Изяславе седе на Киеве брат его князь великий Всеволод Ярославичь* <...>. По Всеволоде седе на Киеве Святоплъкъ Изяславичь, внук Ярославль». Его продолжение, текст под 6602/1094 г., Ломоносов также подчеркнул: «По *Святополъке седе на Киеве князь великий Володимер Всеволодичь Мономах*». Рядом с этими фразами Ломоносов поставил прямые кресты, обведенные кружком.

Так же отметил М.В. Ломоносов запись под 6685/1177 г.: «*Сede на Володимери по Михалке брат его князь великий Всеволод Юрьевичъ*». Особый смысл этого сообщения для него, вероятно, заключался в том, что оно обращало внимание на краткий период княжения Михаила (Михалко) Юрьевича после его победы в союзе с младшим братом Всеволодом и жителями города Владимира Залесского над противниками централизации власти во Владимиро-Суздальском княжестве, где княжили потомки Владимира Мономаха и предки московских князей. Указание этого княжения было важно, чтобы оно не было забыто между долгими правлениями во Владимире убитого старшего брата Андрея Юрьевича Боголюбского (1157–1174) и Всеволода Большое Гнездо (1176–1212). В связи с княжением Всеволода Большое Гнездо и миротворческой деятельностью киевского митрополита Матфея Ломоносов подчеркнул под 6717/1209 г. сообщения о возвращении рязанских князей в Рязань, Всеволода Святославича Черного — в Киев и удаление Рюрика Ростиславича в Чернигов. Рядом с этим текстом он поставил знак в виде крестика из двойных черточек. В этом известии его особое внимание могло привлечь свидетельство могущества северо-восточного князя, который распоряжался южнорусскими княжескими столами.

Далее в «Начале православных государей» М.В. Ломоносов поставил крест, обведенный кружком, рядом с указанием кончины Даниила Московского, сына Александра Невского. Последняя помета Ломоносова в этом перечне — вновь под 6970/1462 г. — о вокняжении Ивана III Васильевича [БАН, 34.5.24, л. 17 об., 19 об., 22, 23 об., 26, 26 об., 27 об.]. Снова он не отметил сведения о последовавших правлениях Василия III Ивановича, его вдовы Елены Глинской и маленького Ивана IV.

Эти пометы М.В. Ломоносова в «Начале православных государей» в основном, но не во всем, совпадают с теми текстами, которые он выделил при чтении Воскресенской летописи. Поскольку задачей этого произведения являлось изложение генеалогической преемственности русских князей, от начала династии к московскому княжескому роду, еще более очевидны полное отсутствие интереса Ломоносова к прусско-варяжской проблеме, его особое внимание к отдельным темам генеалогии и правления русских князей до конца XII в. и прекращение помет с указания вокняжения Ивана III в 1462 г.

За «Началом православных государей» в Воскресенской летописи следуют такого же рода тематические выборки, посвященные московским удельным князьям, князьям разных княжеств, городам и т. д. в порядке их упоминания в летописях и, вероятно, в особых родословных списках.

В родословном списке «Удельные князи Московские» М.В. Ломоносов отметил аббревиатурой NB перечень уделов сыновей Дмитрия Донского и их потомков. Но в их числе он выделил только угличского князя Семена Константиновича. Он подчеркнул запись о нем, а рядом на поле поставил знак в виде крестика из двойных черточек. Такое особое внимание к этому князю,

видимо, не случайно. В других летописях о нем сведений нет [*Экземплярский* А.В. 1891. С. 141]. В данной связи можно предположить, что Ломоносов, который уже был хорошо знаком с княжескими генеалогиями, увидел новые для себя сведения об углицких князьях и отметил их.

Следующая в Воскресенской летописи родословная выборка — «Начало и корень великих князей Руских вкратце». В ней, как и в «Начале православных государей», нет легендарных мотивов об Августе, Прусе и пришедших из Прусской земли братьев-варягов. Первая фраза этой родословной: «Пръвый из варяг прииде Рюрик, Рюриков сын Игорь, Игорев сын Святослав <...>». Содержание родословной — преемственность князей киевских, владимирских, московских. Перечень доведен до Ивана Грозного. М.В. Ломоносов написал рядом с заголовком родословной аббревиатуру NB, но других помет к тексту не сделал.

Ту же аббревиатуру М.В. Ломоносов написал рядом с заголовками последующих списков князей Смоленских, русских митрополитов, новгородских епископов и архиепископов, «царств» — Рима, Византии, Иерусалима, Вавилона в их временном соотношении, а также «европская страны кралей», указанных в соотношении их статуса. Так же он отметил перечни «А се имена градом всем Русским, далним и ближним» и «А се цари Болшие орды». Но помет к их текстам Ломоносов не сделал. Лишь в родословной «Начало о великих князех Рязанских» под 6654/1146 г. он подчеркнул сообщение о походе на рязанского князя Ростислава Ярославича сыновей Юрия Долгорукого Ростислава и Андрея Боголюбского, вследствие чего Ростислав Рязанский должен был бежать к половцам [БАН, 34.5.24, лл. 28 об. — 35]. Почему именно это событие привлекло особое внимание Ломоносова, недостаточно ясно.

М.В. Ломоносов не сделал помет к последующим родословцу тверских князей, «Сказанию вкратце сущим от Адама до днешнего времени родословию», «Началу царства великого царя Константина в лето 5833», к насыщенному датами перечню событий «О турках, како придаша во Греческую землю», а также к «Знамениям в царства пръвых царей». Лишь в историческом сочинении «Начало государей Литовских» Ломоносов особо отметил крещение литовского князя Войшелка в православную веру (середина XIII в.), а в «Сказании вкратце о Молдавских государех, отколе начася Молдовская земля» — правление господарей Петра Мушата, а затем его братьев, Романа и Стефана (вторая половина XIV в.) [БАН, 34.5.24, лл. 52 об., 59].

Таким образом, данные многочисленные, впервые вводимые в научный оборот материалы позволяют установить определенные изменения в исследовательских приоритетах Ломоносова. Первоначально, при чтении наиболее значительных и известных в середине XVIII в. летописей и Степенной книги в разных ее списках он особо выделял пометами сведения о самых разных темах истории России, начиная с ее древнейшего периода. В определении ее этногенетических истоков в начале своих разысканий Ломоносов

особое внимание обращал на древнее расселение народов, на сообщения о сарматах и скифах как этногенетических предшественниках Руси, на сложный состав народов Восточной Европы, на изначальную многоэтничность России, на соотношение этнонимов *славяне* — *русь* — *варяги*. Судя по пометам в Никоновской и Воскресенской летописях, Ломоносов все меньшее значение придавал скифским и сарматским истокам славян и Руси, а тему этнической принадлежности варягов сменило определение их функции на Руси как воинов-наемников. Становление России как государства в результате внутреннего развития оставалось сюжетом его постоянного внимания к летописным текстам. При этом преобладающей стала констатация факта принадлежности Рюрика к варягам без их определения как вагров или прусов, в чем можно видеть воздействие концепции ПВЛ, содержание которой Ломоносов уже обстоятельно изучил в разных редакциях русской летописной традиции по Петровскому списку Радзивилловской летописи, Никоновской и Воскресенской летописям.

Постоянными темами особых интересов М.В. Ломоносова являлись деятельность князей, их рождения и смерти, их политические и брачные союзы, а также их жены и дети с древнейшего периода истории Руси до середины XV в. При этом в Лицевом своде и Воскресенской летописи отмечается сосредоточение на более узком круге вопросов: в первом — на княжеской военно-политической и династической истории, во второй — на династии потомков Всеволода Ярославича, родоначальников династии владимиристо-суздальских, а позднее и московских князей. Основное внимание, судя по пометам, Ломоносов сосредоточил на времени до смерти Ивана Калиты в 1341 г. с продолжением, но менее обстоятельным, до вокняжения Ивана III в 1462 г., реже — до начала самостоятельного правления Ивана Грозного в 1540-е гг.

Неизменно особо отмечал М.В. Ломоносов сведения о государственном строе Руси в X в. не только в его княжеской династии, но также в его податях, даях, оброках, в податном обложении, в обязанностях мужей, высшего слоя княжих служилых людей. Выделял он также данные о княжеском хозяйстве в это время — ловищах, перевесищах, знаменях — знаках княжеской собственности, селах, местах — неукрепленных городах. Пометы Ломоносова обращали внимание на изменения в политическом строе Руси — от периода самодержавия, понимаемого как единовластие, к периоду отчинного княжеского владения, начиная с разделения Ярославом своего государства между сыновьями. Он отмечал наделения князей городами в управление и кормление, столкновения княжеской власти с городским населением. Продолжением этих сюжетов стали пометы Ломоносова к теме княжеская власть и Новгород.

Судя по пометам, отмечается рост внимания М.В. Ломоносова к событиям истории Русской Церкви, к ее правовым функциям. Постоянен его

интерес к материальным основам народной жизни. Накапливал он сведения о предметной среде, строительстве и о разных видах древнерусских денег. Для Ломоносова существенны сведения об особых астрономических явлениях и о связанных с ними в народном сознании бедствиях. Пометами обозначал он также те записи, которые свидетельствовали о развитом состоянии культуры на Руси.

Во внешнеполитических событиях М.В. Ломоносов в равной мере отмечал отношения Руси в периоды ее единства до кончины Ярослава Мудрого и в правление Ивана III, а также политической раздробленности, с западными соседями, с восточными тюркскими народами-кочевниками, а с середины XIII в. и с Ордой. Постоянен интерес Ломоносова при чтении им летописей и Степенной книги к Руси в контексте мировой истории.

Пометы М.В. Ломоносова в Патриаршем списке Никоновской летописи позволяют проследить накопление им опыта в анализе истории текста ПВЛ, находившейся в основе начальной части многих летописей.

Особый научный интерес М.В. Ломоносова к конкретным темам летописей и Степенной книги в разных списках позволяет установить смысл его помет во второй части первой редакции «Истории Российской» В.Н. Татищева [БАН, 17.17.11]. Рукопись этой книги Ломоносов взял в 1757 г., в конце написания первого тома «Российской истории», и оставил ее у себя до конца жизни [Рысс Е.Б., Коровин Г.М. 1958. С. 298].

Во второй части первой редакции «Истории Российской» В.Н. Татищев следовал погодному принципу изложения событий, свойственному летописям, откуда он приводил в погодных статьях своей книги сообщения, дополняя их сведениями, домысленными им самим как историком (см. ранее, с. 476–520). Так что, когда М.В. Ломоносов читал взятую в БАН «Историю Российскую» и отмечал особо заинтересовавшие его места, он, вероятно, видел в этом труде Татищева свод достоверных сведений об истории российской древнего периода, особенно в тех случаях, когда они совпадали с известными ему сообщениями летописей и Степенной книги.

В недатированной части повествования В.Н. Татищева М.В. Ломоносов отчеркнул прямой линией на поле сообщение об установлении русскими князьями власти над хазарами «до днешняго дне», тогда как ранее хазары владели полянами. В этой записи — свидетельство значительных изменений в отношениях славян и Руси с Хазарским каганатом, а также проявление временного присутствия летописца, автора этого сообщения. Рядом с этим восходившим к ПВЛ текстом, известным Ломоносову еще по Петровской копии Радзивилловской летописи, он написал аббревиатуру NB.

В сообщении под 6368 (860) г. (так В.Н. Татищев указывал в своей рукописи даты, соединяя летописную традицию с современным летосчислением) М.В. Ломоносов подчеркнул слова, относившиеся к варяжской теме: «Имаху дань *варязи из заморья*». В этой фразе, также восходившей к ПВЛ

и известной ему по Петровской копии Радзивилловской летописи, внимание обращалось на то, что варяги находятся не в Пруссии, не в землях по Неману, а за морем. То есть, перечитывая труд Татищева в 1757 г., завершая работу над собственным крупным историческим произведением, Ломоносов возвращался к известиям древнейших русских летописных сводов, а не к идеологизированным домыслам авторов XVI–XVII вв.

При чтении последующего текста В.Н. Татищева под 6406 (898) г. М.В. Ломоносов отметил сюжет о соотношении славянского и русского языков, а также названия Руси. Он восходил к ПВЛ, и Ломоносов ранее подчеркнул его еще в Петровской копии Радзивилловской летописи: «А словенски язык и русский одно есть, от варяг бо прозвашася Русью, а первое беша словене, аще и поляне звахуся».

В Петровской копии Радзивилловской летописи М.В. Ломоносов не отметил под 6419/911 г. запись «явися звезда велика на западе купиным образом». Но теперь, в 1757 г., читая ее после ознакомления с многими летописными произведениями, где он особо выделял сведения об астрономических явлениях, Ломоносов и в труде Татищева поставил косой крест рядом с этой фразой, придавая этому факту существенное значение.

Когда при чтении перевода-изложения русско-византийского договора 911 г. в рукописи В.Н. Татищева М.В. Ломоносов увидел обозначение содержания статьи «О разбиенных *кораблях*», он последнее слово подчеркнул, обратив тем самым внимание на тип и функцию «лодей», о которых шла речь в древнерусском летописном тексте.

В Петровской копии Радзивилловской летописи М.В. Ломоносов не сделал помет рядом с повествованием под 6488/980 г. о том, как преданный Ярополку Святославичу Варяжко предупреждал князя о том, что его убьют у победившего брата Владимира. Но, читая тот же рассказ у В.Н. Татищева, Ломоносов написал NV рядом с именем Варяжко. Ту же аббревиатуру он изобразил на поле в последующем тексте, где сообщалось, что Варяжко продолжил борьбу с князем Владимиром Святославичем после убийства Ярополка в более позднем эпизоде, когда варяжское войско, нанятое Владимиром для предстоящей борьбы с Ярополком, потребовало «окуп» с Киева, где Владимир вокняжился. Ломоносов отметил это известие также, вероятно, в связи с тем, что оно сообщало о выплате дани варягам-наемникам, сведения о которой он уже ранее отмечал в других исторических источниках по отношению к Новгороду.

Таким образом, М.В. Ломоносов вновь обратил особое внимание на превращение обозначения варягов на Руси в имя человека и, тем самым, на включение этих иноземцев в состав местного населения. Такое наблюдение находилось в контексте поздних наблюдений Ломоносова, для которого главным становилось не определение этнической принадлежности варягов, а виды их деятельности на Руси.

М.В. Ломоносов написал аббревиатуру NB рядом с текстом под 6562/1054 г. о наделении Ярославом своих сыновей княжескими владениями с правом их отчинного владения. При изучении исторических источников он и ранее встречался с этой темой. Но сейчас, при чтении труда В.Н. Татищева, он выделил данное сообщение особо, поскольку оно объясняло основное содержание последующих междукняжеских отношений на Руси. Указание в нем Изяслава в качестве преемника на киевском столе стало для Ломоносова началом особого внимания к смене Ярославичей в Киеве в их борьбе за этот стольный город.

В повествовании под 6680 (1172) г. М.В. Ломоносов поставил косой крест рядом с сообщением о смерти в Киеве великого князя Глеба Юрьевича 20 января. Такая помета относилась к традиционному для Ломоносова сбору фактов, относившихся к истории княжеских династий.

Эта тема приобрела особое значение для М.В. Ломоносова в связи с политическим кризисом во Владимиро-Суздальском княжестве, последовавшим за убийством Андрея Юрьевича Боголюбского в 1174 г. В этом кризисе пересеклись право княжеской власти на легитимное наследование (младшие братья Андрея Михаил и Всеволод Юрьевичи), претензии боярства старых городов, прежде всего Ростова и Суздаля, на власть, а также стремление горожан Владимира, нового политического и торгово-ремесленного центра, сохранить традицию княжеского единовластия. Ломоносов поставил косой крест рядом с текстом, сообщавшим о том, что после убийства Андрея к городу Владимиру съехались «ростовцы, суздальцы, переяславцы и прочии», но они предложили, чтобы князем стал Мстислав или Ярополк Ростиславичи, которых поддерживал рязанский князь Глеб Ростиславич. Другой такой же крест он изобразил рядом с сообщением о том, что Михаил (Михалко) и Всеволод Юрьевичи приняли послов из города Владимира, которые желали их вокняжения.

В развитие темы столкновения княжеской власти и боярства «старых» городов, Ростова и Суздаля, М.В. Ломоносов написал аббревиатуру NB рядом с аннотациями В.Н. Татищева на поле листа: «Правления порядок древний» и «Володимер пригород». Они относились к его изложению летописного текста по Петровской копии Радзивилловской летописи: «И видевше их ростовцы и суздальцы оставленных, презреша, рекучи: “Новгородцы, смоляныне, кияне, и полочане, и вся власти издревле, егда на вече схожахуся, на что старейшии положат, на то и пригороди станут. А zde города старии Ростов и Суздаль, Переяслав же, Володимер и прочии суть пригороди наши”». Этот текст, передающий прямую речь «ростовцев» и «суздальцев», очень сложен для раскрытия его реального исторического содержания. Ранее, при чтении данной записи в Петровской копии Радзивилловской летописи, Ломоносов никаких помет не сделал. Его аббревиатура NB в рукописи Татищева обращала внимание на такую интерпретацию слов «ростовцев» и «суздальцев»,

но в поддержку или в опровержение — не ясно. Ранее он отмечал сведения о власти русских князей как «самодержавной».

Дальнейшие пометы М.В. Ломоносова позволяют установить, что его особый интерес к противостоянию «ростовцев» и «суздальцев» княжеской власти сохранился. Он поставил + рядом с текстом В.Н. Татищева, сообщаемым об обращении «ростовцев» в Новгород ко князю Мстиславу Ростиславичу, внуку великого князя Юрия Долгорукого (у Татищева ошибочно написано — к Мстиславу Мстиславичу), а также о прибытии Мстислава в Ростов: «Он же, приехав к Ростову, совокупи бояры, гридьбу (дворах княжих), пасынки и всю дружину еха к Володимерю». Этот текст, восходивший к Петровской копии Радзивиловской летописи, обращал внимание также на социальный состав войска Мстислава Ростиславича, объединившего ростовских бояр и княжих служилых людей. Косой крест Ломоносов поставил рядом с сообщением о том, что князь владимирский Всеволод Юрьевич после победы над этим войском совершил поход на Ростов, «повоева волости, возвратясь, прииде в Володимер, приведе колодники и скота множество <...>». То есть, княжеское единовластие было восстановлено.

Внимание М.В. Ломоносова привлекли также сведения о походе Всеволода Большое Гнездо на волжских булгар в 1184 г., но особенно сообщение под 6709 (1201) г.: «И прислаша варяги послы своя в Новград, и мир dokonчиша (сии варяги, видимо, шведы и финляндцы)» (в первом случае он нарисовал на поле косой крест, во втором написал NB). Это второе известие восходило к Новгородской Первой летописи младшего извода, которую открыл В.Н. Татищев и передал в БАН [БАН, 17.8.36]. Нет определенных доказательств того, что Ломоносов данную летопись прочел [Моисеева Г.Н. 1971. С. 98]. Поэтому свидетельство Татищева о мире Новгорода с варягами, вероятно, стало для Ломоносова новым. К тому же он обратил особое внимание на определение Татищевым этнической принадлежности варягов, с которыми Новгород заключил мир.

По нашим наблюдениям, последняя помета М.В. Ломоносова — NB — находится в труде В.Н. Татищева под 6711 (1203) г. Она расположена на поле листа рядом с повествованием «о устрое Русские земли». Эту тему Татищев рассмотрел в связи с рассказом о том, как могущественный галицкий князь Роман Мстиславич разгневался на своего тестя Рюрика Ростиславича и изгнал его из Киева.

Известные по летописям факты В.Н. Татищев дополнил обращением Романа к другим князьям. По летописям такое обращение не известно, так что, вероятно, оно было домыслено Татищевым как возможное (см. ранее, с. 476–520). В этом обращении Романа к князьям изложено понимание Татищевым основ междукняжеских отношений: «Се, братие, весте, оже Киев есть старейший стол в Рустей земли и стоит на нем княжити старейшему и смысленнейшему во всей братии, абы могл управити добре в землю Рускую всюду

и содержать поряд во братии, да не преобидит един другаго и не наскакует на чужу волость. <...> Яз же вам так молвлю, ач хосчете, да егда князя в Киеве Бог поимеет, сошедся во Киев местные князи, владимирский, и черниговский, и Галицкий, и смоленский, и полоцкий, и рязанский, и погадав, изберут старейшаго и годнейшаго мужа себе и утвердят крестным целованием, яко в иных умных землях творится, младшие князи не треба, а послушают сих старейших». Рядом с этим текстом находятся аннотации Татищева на поле листа: «Романа вопрос о правительстве» и «Совет Романа о монархии», то есть — о княжеском единовластии.

Аббревиатура NB обращала внимание на политический строй Руси, противоположный тому, который описал летописец конца XII — начала XIII в. в прямой речи «ростовцев» и «суздальцев». Если летописец излагал их требования первенства «старейших» городов, вечевым решениям которых «издревле» должны следовать «пригороды», то В.Н. Татищев, обобщая, вероятно, собственные наблюдения над политическим строем Руси, сформулировал другой принцип — «младшие» князья должны следовать решениям «старших». Так совершается в «иных умных землях», обобщил Татищев европейский опыт средневековых государств [БАН, 17.17.11, лл. 90, 93, 95, 119 об., 120, 230 об., 240–241, 243, 243 об., 249 об., 271, 271 об.].

Из помет М.В. Ломоносова к последовательному изложению событий древней российской истории в рукописи второго тома первой редакции «Истории Российской» В.Н. Татищева можно сделать следующие выводы. В период завершения первого тома своей «Российской истории» особое внимание Ломоносова привлекли те же проблемы, что и при чтении исторических источников. Прослеживаются те же изменения приоритетов, что и в изучении им исторических источников.

Вместо поисков доказательств происхождения варягов из Пруссии и Пономанья М.В. Ломоносов отметил возможность их идентификации с варягами за морем, а также с финнами. Его основное внимание — не к этническому отождествлению варягов, а к определению их функций на Руси как наемников и княжих служилых людей. Пометы относятся к определению сложнейших вопросов природы политического строя Руси. Отсутствие этих помет в сведениях Татищева о событиях в истории княжеских династий и княжеской власти могут свидетельствовать о том, что эти проблемы были для Ломоносова решены, а материалы собраны.

Пометы М.В. Ломоносова позволяют проследить сохранение у него интереса к истории летописания в сохраненном В.Н. Татищевым свидетельстве временного присутствия летописца, к определению древнерусских «лодей» как кораблей. Но, судя по единичности подобных помет, особое внимание Ломоносова при чтении «Истории Российской» было привлечено к наиболее сложным проблемам изучения политического строя Руси.

2. Пометы М.В. Ломоносова в публикациях иностраных источников и исторической литературе

Одновременно с летописями, Степенной книгой в разных ее списках, а также «Историей Российской» В.Н. Татищева М.В. Ломоносов прочел значительное число публикаций иностранных исторических источников, а также трудов зарубежных историков. Е.Б. Рысс и Г.М. Коровин много сделали для выявления книг исторического содержания, с которыми он работал и на полях которых оставил многочисленные пометы [*Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. С. 282–302; *Коровин Г.М.* 1961. С. 224–291]. Как они установили на основании всех видов материалов и сплошного просмотра книг БАН, М.В. Ломоносов получил в библиотеке для работы 38 книг по русской и всеобщей истории из общего числа установленных 58 названий, т. е. почти две трети взятых в библиотеке книг [*Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. С. 289]. Вероятно, сейчас можно определить их иное цифровое соотношение, но тенденция преобладания в нем книг по истории очевидна.

Хотя круг чтения М.В. Ломоносова в период его работы над первым томом «Российской истории» давно установлен, до сих пор не раскрыто реальное содержание и значение прочитанных им иностранных исторических источников и научной литературы его времени (здесь и далее возможны лишь их самые краткие характеристики, исследовательская литература о них содержится в специальных научных изданиях).

Сохранившиеся за 1745, 1753–1755 и 1761–1762 гг. журналы БАН с записью книг, выданных М.В. Ломоносову, позволяют соотнести их чтение с его работой над первым томом «Российской истории» и «Кратким Российским летописцем».

Судя по записям журнала за 1745 г., М.В. Ломоносов книг по истории в этом году не брал. В 1753 г. он взял сочинения античных авторов — «Географию» Птоломея, «Географию» Страбона, «Историю» Геродота, «Римскую историю» Аппиана Александрийского [*Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. С. 290–291, 295–296]. Из содержания этих книг следует, что Ломоносов рассматривал в 1753 г. вопросы расселения и истории скифов и сарматов в связи с предысторией и ранней историей славян.

В 1754 г. М.В. Ломоносов взял в БАН византийские исторические сочинения. В «Хронографии» Феофана Исповедника (ок. 760–818) излагались история Византийской империи, а в Восточной Европе — сведения, относившиеся к истории славян, хазар, тюрок-болгар и других народов. В написанном на рубеже XI–XII вв. компилятивном «Обзрении истории» Георгия Кедрина (первый том оставался у Ломоносова до конца его жизни) сообщалось об истории от сотворения мира до правления в Византии Исаака Комнина (1057 г.) и, в частности, о славянах, Руси и варягах. Такая же компилятивная «Краткая история» Иоанна Зонары (конец XI в. — после 1160) повествовала

о всемирной истории от сотворения мир, в частности, в ней содержались сведения о нападениях Руси на Византию.

Первый том миланского издания Л.А. Муратори (1723) М.В. Ломоносов прочел еще во времена его дискуссии с Г.Ф. Миллером в конце 40-х гг. В нем содержались важнейшие источники по истории славян в VI–VII вв. Готский историк Иордан (VI в.), секретарь аланского военачальника, который находился на службе у Византийской империи, в своем произведении «О происхождении и деянии гетов» использовал эпос готов, предшествующие исторические произведения, в том числе несохранившийся 12-томный труд Кассиодора (485–578) «История готов», а также собственные сведения очевидца событий. Иордан изложил историю готов от их переселения из Скандинавии в последние века до новой эры до середины VI в. н. э. В связи с этими событиями в труде Иордана содержатся ценнейшие сведения и о древних славянах. Столь же важные сведения о славянах содержатся в опубликованном Муратори сочинении «Война с готами» Прокопия Кесарийского (ок. 500–560-е гг.), византийского историка и доверенного лица знаменитого полководца Велисария. Там же прочел Ломоносов и труд итальянского хрониста VIII в. Павла Дьякона, в котором использована «Сокращенная римская история» Евтропия (IV в.), секретаря императора Константина. Этот том Муратори находился у Ломоносова до конца его жизни.

Очевидные русско-скандинавские связи в X–XI вв., исторические источники, содержащие сведения об этой научной проблеме, введенные в научный оборот иностранными учеными, а в России — Т.З. Байером, В.Н. Татищевым и Г.Ф. Миллером, способствовали тому, что и М.В. Ломоносов стал последовательно изучать как источники, так и литературу по данной теме.

В 1754 г. М.В. Ломоносов взял в БАН знаменитый обобщающий труд исландца Снорри Стурлусона (1179–1241) «Круг Земной». Выдающийся современный исследователь древнескандинавской литературы М.И. Стеблин-Каменский дал такую характеристику этого произведения: «“Круг Земной” — это яркий и драматичный, но в то же время исключительно правдивый рассказ о судьбах сотен людей, действительно существовавших некогда, но мертвых уже многие века, богатейшая галерея человеческих образов, нарисованных с гениальной простотой. <...> “Круг Земной” — это вместе с тем единственная в своем роде сокровищница сведений о далеком прошлом северной Европы, о ее легендарных мифических временах, о бурной эпохе викингов, о богатых событиями первых веках существования скандинавских государств. При этом, хотя на протяжении большей части книги в центре поля зрения автора — Норвегия и другие скандинавские страны, она содержит также массу ценнейших сведений и об остальной Европе — от Ирландии и Англии на западе, Белого Моря на севере, Византии на юге и до Новгородской и Киевской Руси на востоке» [Стеблин-Каменский М.И. 1980. С. 5].

Сведения о Руси, которую скандинавы называли Гардарики, упоминания там о князе Владимире-Вальдамаре, его жене Аллогии, о скандинавах на Руси, в том числе и о знатном Олаве Трюггвасоне, который был выкуплен Владимиром из плена и стал ему служить, привлекли особое внимание М.В. Ломоносова. Так что в 1754 г. он взял в БАН отдельное издание Я.И. Реенхельмом «Саги об Олаве Трюггвасоне» в ранней редакции монаха Одда (1691), хотя эта сага уже была ему известна по более поздней редакции «Круга Земного».

В том же году М.В. Ломоносов получил в библиотеке базельское издание (1534) «Деяний датчан» Саксона Грамматика (ок. 1140–1206) и повторно взял его в 1755 г. Впрочем, в значительной части этого сочинения, относившейся к истории до XI в., автор широко использовал легенды и устную традицию, так что ее чтение представляет большие трудности в определении степени достоверности сообщаемых в ней сведений. Множественные материалы разных по происхождению скандинавских источников приведены в изданном в 1741 г. Эриком Понтопиданом третьем томе «Деяний и следов датчан вне Дании». Этот труд также оставался у Ломоносова до конца его дней. Такого же содержания и значения четырехтомная «История Норвегии» (1711) датского историка Тормода Торфея, «Хроника северных королевств, Дании, Швеции, Норвегии» (1576) немецкого историка Альбрехта Кранца, «Северная история» (1636) немецкого историка Л. Паулина.

В 1754 г. М.В. Ломоносов взял в БАН хронику «Церковная история» (ее более точное название «Деяния архиепископов Гамбургской церкви») (70-е гг. XI в.) Адама Бременского, включенную в состав публикации немецкого историка и филолога Ерпольда Линденброга «Писатели северной истории германцев и соседних народов» (1706), а также «Славянскую хронику» (60–70-е гг. XII в.) Гельмольда, который активно использовал хронику Адама Бременского, и продолжателя Гельмольда Арнольда в любекском издании 1659 г. В этих хрониках содержались важнейшие сведения о Северной Германии, скандинавских странах, прибалтийских славянах, о немецко- и скандинаво-русских торговых и династических связях и, шире, о данных связях Руси с другими европейскими странами.

Возможности значительного дополнения таких материалов содержались в сочинениях историков позднего Возрождения — Мартина Кромера, Александра Гваньини, а также в работах историков XVII — начала XVIII в. Маттеуса Претория, Трогила Арнкела, Христофора Целлярия (Келлера).

В 1755 г. М.В. Ломоносов повторно получил в БАН только хронику Саксона Грамматика [*Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. С. 284–286, 291–296].

Как следует из состава книг, взятых в БАН, М.В. Ломоносов анализировал в 1754 г. по их материалам вопросы истории славян и других европейских народов в эпоху Великого переселения народов, их отношений с Византийской империей, хазарами и другими народами Восточной Европы. Особое

внимание он уделит истории Скандинавских стран, русско-скандинавских отношений, а также связям Руси с другими европейскими государствами и народами. В 1755 г. он в дополнительной западной исторической литературе уже не нуждался. Можно предположить, что в дальнейшей работе над первым томом «Российской истории» ему нужны были только русские письменные источники. Основные материалы по древней истории славян, отношениям Руси с западными странами, а также известия западных источников о Руси он уже собрал, а основные вопросы этих проблем — продумал.

Такое предположение подтверждает выбор книг, которые М.В. Ломоносов взял в соответствии с журналом БАН за 1761–1762 гг., когда «Краткий Российский летописец» был уже опубликован, а первый том «Российской истории» постоянно редактировался (см. далее, с. 752–753). В 1761 г. он получил в БАН давно и хорошо ему знакомую книгу Петра Петрея — лейпцигское издание «Истории о великом княжестве Московском <...>» (1620), первый том «Генеалогических таблиц» Йохана Гюбнера (1725), который оставался у Ломоносова до конца его жизни. Под этим же годом в журнале содержится запись о том, что за Ломоносовым числится книга византийского историка Георгия Пахимера «Михаил Палеолог, или история деяний Михаила Палеолога до пришествия к власти и во время императорского правления <...>» (1666) [*Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. С. 296–297].

Поскольку время правления основателя династии Палеологов Михаила VIII относится к 1261–1282 гг., можно считать, что М.В. Ломоносов взял эти книги, начиная собирать материалы для следующего тома «Российской истории». Первые две из них могли быть использованы для уточнения отдельных сюжетов уже написанного и редактируемого первого тома.

Вероятно, то же назначение — сбор материалов для следующего тома и уточнение написанного — имели полученные М.В. Ломоносовым в БАН в 1757 г., т. е. незадолго до завершения написания первого тома «Российской истории», «История Российская» В.Н. Татищева (первая редакция второй части) и два Остермановских тома Лицевого свода. Об этом может свидетельствовать особый характер ранее рассмотренных помет в данных рукописях.

Дополнительные для наблюдений М.В. Ломоносова сведения имелись в собраниях источников и исследований, содержащих значительные материалы, прежде всего, для варяжской проблемы, столь существенной для него в начале его разысканий о российской истории. Книгу немецкого историка М. Вайсселя «Хроника древней прусской, лифляндской и курляндской истории» (1599) он читал еще в 1751 г. и повторно взял в БАН в 1754 г. В ней его особо интересовали те материалы, которые позволяли возводить россос-русов от пруссов. Эти же сюжеты, а также темы скифов, сарматов, происхождения славян и руссов содержались в первом томе труда итальянского историка И.С. Ассемана «Календарь вселенской церкви» (1750). Книгу Мартина Кромера «О происхождении и деяниях поляков» (1558; см. ранее,

с. 600–606) Ломоносов также брал дважды, в 1751 и 1754 гг. В ней его интересовали утверждения о сарматском происхождении славян и вендов, о родстве варягов-россов с пруссами, сведения о русско-польских отношениях в XI в. и другие материалы. В 1754 г. он получил в БАН столь связанное с польской исторической литературой эпохи Возрождения сочинение Александра Гваньини «Описание европейской Сарматии <...>» (1581). В том же году Ломоносов взял в БАН двухтомную публикацию австрийского историка И.Г. Швандтнера «Писатели венгерской истории» (1746). В ней содержались интересовавшие его исторические материалы к истории венгров, в частности, к их отношениям с Русью [*Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. С. 287–288, 291; *Коровин Г.М.* 1961. С. 243, 249–250, 255–256, 281, 289–290].

Будущие системные разыскания позволят установить по пометам М.В. Ломоносова в книгах все его особые интересы при чтении публикаций исторических источников, а также исторических исследований. Но уже сейчас раскрывается их основное содержание.

При чтении хроники Георгия Кедрина, включенной в компиляцию Иоанна Скилицы «Обозрение историй» (М.В. Ломоносов делал пометы к ее параллельно опубликованному латинскому переводу), он выделил аббревиатурой NB в ее начальной части не повествование о военных действиях, а разъяснения этнической принадлежности древних народов. В середине XVIII в. еще только начинали научно исследоваться отмеченные Ломоносовым темы — «западные гунны (которые называются также авары)», «восточные турки (которые называются также хазары)». При дальнейшем чтении этого труда Ломоносов выделил той же аббревиатурой сведения, которые сюжетно совпали с известиями древнерусских источников: о столкновении россов с болгарами при князе Святославе, о погребении князем Владимиром своей жены Анны, сестры императора Василия II. NB написал он рядом с сообщением о том, как после победы «римлян» (византийцев) над кочевниками (скифами) среди убитых воинов победители обнаружили женщин после того как с них были совлечены доспехи [*Georgius Cedrenus.* 1647. Т. 1. Р. 415, Т. 2. Р. 666, 679, 719].

При чтении уже широко введенной в научный оборот «Славянской хроники» Гельмольда М.В. Ломоносов выделил аббревиатурой NB прежде всего цель этого сочинения, указанную автором: написать во славу Любекской церкви об «обращении в христианство славянского народа, старанием каких королей или священнослужителей христианская религия была в этих землях сначала насаждена, а затем восстановлена» [*Helmoldus.* 1659. S. p.]. Хронист создал свой труд в 60–70-е гг. XII в. Он охватывает период с VIII в. до 1172 г. Жил Гельмольд в землях прибалтийских славян и состоял в клире Альденбургско-Любекского епископства, диоцеза Бременского архиепископства, которое проводило активную политику христианизации поморских славян. Поэтому круг его интересов ограничился, преимущественно, этой ветвью славянского

мира. Вместе с тем, он привел многочисленные сведения по истории Германии, Дании и прибалтийских славян. Являясь немцем по происхождению, пресвитером католической церкви в Бузу, одном из форпостов Любекского епископства в земле вагров, Гельмольд выразил положительное отношение к распространению на них германской светской и церковной власти. Впрочем, стремясь к объективности, он сделал также критические замечания в связи с чрезмерными жестокостями и угнетением славян.

Сведения о Восточной Европе и Руси Гельмольд заимствовал, в основном, из хроники Адама Бременского, написанной к 1076 г. и завершенной в 1080 г. Впрочем, он не переписывал эти сведения, а относился к ним активно, пересказывая их своими словами и дополняя собственным текстом [Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1990. [Вып. 2]. С. 325–328; см. там же литературу проблемы].

Показательно, *что* конкретно выделил М.В. Ломоносов в «Славянской хронике». Первая ее глава называется «О разделении славян». Читая ее в 1751, 1754 и в последующие годы, он не отметил в ее начале сообщение, восходившее к хронике Адама Бременского, о том, что «многие народы славян являются обитателями побережья Балтийского моря». Дугообразной линией он отчертил на поле последующий текст, в соответствии с которым «залив этого моря простирается от западного океана на восток; поэтому он называется Балтийским, что тянется наподобие пояса на большое расстояние через скифские области до Греции». То есть особое внимание Ломоносова при чтении хроники Гельмольда привлекла не этническая история Балтийского региона, а особенности географических представлений немцев, которые, в частности, еще в XII в. называли Русь, по которой путь из Балтики вел в Византию, «скифскими областями».

Историко-географические интересы М.В. Ломоносова преобладают и в следующем тексте, восходившем к хронике Адама Бременского: «Руссия же называется данами Острогардом, потому что, расположенная на востоке, она изобилует всеми благами. Называют ее также Кунигард, так как там первоначально было местопребывание гуннов. Столица ее называется Кые (т. е. Киев. — М. С.)». Рядом с этим текстом Ломоносов поставил два креста.

Далее М.В. Ломоносов отчеркнул прямой линией значительный фрагмент хроники Гельмольда, повествующей о прусах, сведения о которых попали в главу «О разделении славян». Начало отмеченного Ломоносовым отрывка, относящееся к предшествующему сюжету о «Руссии», позволило ему сблизить название этой страны с народом прусов: «Ведь по Русскому морю через небольшое расстояние можно приплыть в Грецию. Прусы еще не познали света веры, однако это люди, наделенные многими природными благами и наиболее дружелюбные по отношению к терпящим бедствия. Ведь они устремляются навстречу тем, кто подвергается опасности на море или на кого напали пираты, и приходят им на помощь. Они совсем не ценят золото

и серебро. <...> Можно многое рассказать достойного похвалы о нравах этого народа, если бы только они обладали единой верой Христовой и не преследовали ее проповедников со свирепостью. У них был увенчан мученичеством знаменитый богемский епископ Адальберт».

Впрочем, помещение Гельмольдом прусов в главу «О разделении славян» и среди славян могло создать впечатление, что прусы относятся к славянам.

В последующем тексте М.В. Ломоносов отчеркнул прямыми и дугообразными чертами, а также поставил кресты рядом с сообщениями Гельмольда о расселении поморских славянских племен, о языческом религиозном центре Ретра, где находится огромный храм, возведенный для языческих богов, главным из которых *«является Редегаст»* (Ломоносов эти два слова подчеркнул). Он особо отметил сообщения о месте поселения вагров и их городе Альденбурге, ранах или руганах, «самом сильном племени среди славян, которые только они имеют короля».

В издание «Славянской хроники», которое читал М.В. Ломоносов, были включены примечания в виде отрывков из других хроник, в частности Саксона Грамматика, Иордана, и разъяснения к ним. Эти примечания не были выделены из текста Гельмольда. Так что Ломоносов подчеркнул фантастические сведения Саксона Грамматика о вторжениях вандалов, которых Саксон называл славянами, в Данию в правление вымышленного Фротона III в 37 г. до Рождества Христова. Рядом с этим текстом Ломоносов написал аббревиатуру NB. Так же он отметил последующие комментарии, включавшие сведения о вандалах античных и средневековых авторов. Далее следовали краткие экскурсы о германцах герулах и о славянских племенах. В этом перечне, не имевшем отношения к хронике Гельмольда, Ломоносов написал NB рядом с фразой: «Тогда среди прочих сарматских племен обитал наиболее знаменитый (*amplissima*) народ венедов, *разбросанный* (*diffusa*) *на огромных пространствах* Ливонии, России (*Russiam*) и *сопредельных земель*». Такие и им подобные историко-географические характеристики на уровне науки середины XVIII в. со ссылками на исторические источники и давно устаревшую литературу осложняли самостоятельное прочтение и изучение хроники Гельмольда [*Helmoldus*. 1659. P. 1, 2, 6–13].

В последующем тексте «Славянской хроники» М.В. Ломоносов отчеркнул лишь значительный экскурс о верованиях прибалтийских славян, вагров, полабов и бодричей в правление князей Прибислава и Никлота в XII в., об их богах Прове, Живе, Редегасте, Чернобоге и главном славянском боге Святовите, боге земли у рогов. Рядом с этим экскурсом Ломоносов дважды написал аббревиатуру NB. Последняя помета Ломоносова в этом издании хроники Гельмольда — сообщение об архиепископе Гартвиге, который вновь учреждал в своей епархии епископства. После успешного посещения Любека он прибыл в славянский Альденбург (Старград), где язычники и их князь Рохель почитали бога Прове [*Helmoldus*. 1659. P. 125, 160].

Судя по тому, что М.В. Ломоносов не отметил особо в последующем тексте главы «О расселении славян» сведения Гельмольда о нашествии венгров, о славянских народах и государствах каринтов, Богемии, Польше, его внимание было сосредоточено на этнической истории южного берега Балтийского моря. Не привлекли его особого внимания и те сведения в первой книге хроники Гельмольда, которые относились к истории Руси.

Между тем, в исторических трудах Нового времени М.В. Ломоносов продолжал встречать указания рядом Пруссии (на латыни — *Borussia*) и России. В третьем томе книги Э. Понтопидана «Деяния и следы датчан вне Дании» (1741) Ломоносов трижды отчеркнул дугообразными линиями текст, в соответствии с которым в изучении деяний и следов датчан и норвежцев на берегах Балтийского моря автор отправляется «к не менее обитаемой славянскими народами Пруссии, Руссии, Ливонии, Эстонии и пр.» («*ascendimus ad habitatam non minus Slavonicis populis Borussiam, Russiam, Livoniam, Estoniam etc.*») [*Pontoppidan E.* 1741. Т. 3. Р. 331]. И далее Ломоносову пришлось читать изложение Понтопиданом вымыслов Саксона Грамматика, которые датский автор первой половины XVIII в. считал достоверными, о «деяниях» в Восточной Европе и, в частности, в Склавонии и Руссии вымышленного датского короля Фротона I. Он отмечал разные эпизоды этого повествования и пытался извлечь из него историческую информацию. Поэтому по отношению к городу руссов Роталю, якобы осажденному и захваченному Фротонем, Ломоносов размашисто написал на нижнем поле страницы: «*Сие явно, что Роталя была недалеко от Полоцка*» [*Pontoppidan E.* 1741. Р. 338].

Э. Понтопидан использовал в своем сочинении также исландские саги, в частности, «Сагу об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, а также, вероятно, латиноязычные изложения русской истории по летописям. Так что М.В. Ломоносову приходилось читать в книге Понтопидана некую компиляцию о событиях на Руси последней трети X в. с древнескандинавской по форме русской топонимикой и с русскими именами на латинский и скандинавский манер. При упоминании «*матери короля* (Владимира Святославича. — *М. С.*), прорицательницы, в то время пожилой, в глубокой старости» («*mater Regis, fatidica femina, tunc aetatis exactae vetula*») [*Pontoppidan E.* 1741. Р. 374] (это — латиноязычный пересказ «Саги об Олаве Трюггвасоне») Ломоносов подчеркнул первые два слова, отчеркнул текст тремя прямыми линиями, а на поле написал карандашом комментарий, который сохранился частично, поскольку край листа при переплете книги был обрезан: «[Ма]луша (нрзб.) клю[чни]ца (нрзб.) христианка». В этом комментарии Ломоносова на основании летописных материалов указывалось имя матери князя Владимира и, вероятно, ее христианское исповедание. Можно предположить, что в последнем случае содержалось возражение фольклорному по происхождению сообщению исландской саги, в соответствии с которой мать Владимира являлась язычницей-прорицательницей.

М.В. Ломоносов отметил в книге Э. Понтотидана сообщение «Саги об Эймунде», повествующее о пребывании этого конунга на Руси в период борьбы за власть между Святополком и Ярославом в 1015–1018 гг. Возможно, особое внимание Ломоносова привлекли в латиноязычном тексте скандинавские по форме названия городов, имена князей, а также указание третьего участника столкновения — Вартислава в Палтескии (Полоцке).

М.В. Ломоносов отчеркнул приведенный в соответствии с «Сагой о Харальде Суровом» латиноязычный пересказ сведений о Харальде, брате конунга Олава Святого, и ярле Рёгнвальде, которые должны были бежать из Норвегии на Русь после битвы при Стиклястадире в 1030 г., когда Олав погиб. В приведенных Э. Понтотиданом сведениях сообщалось об охране ими границ Руси, о пребывании Харальда в Хольмгарде (Новгороде) у короля Ярицлейва (князя Ярослава Мудрого), о том, что в 1046 г. он стал зятем короля Руси и весной того же года отправился через Альдейгьюборг на кораблях в Скандинавию. Ломоносов отметил в компилятивном произведении Понтотидана также многочисленные известия о событиях, которые можно интерпретировать как сообщение о деятельности датчан и их династических связях в Поморье, Польше, Чехии, вплоть до Ливонской войны государя (*tyrannus*) «москов или рутенов» Иоанна Васильевича в сообщении под 1588 г. [*Pontoppidan E.* 1741. Р. 380, 384–390, 401, 406, 421, 423, 424, 428, 429, 451, 452, 462].

Чтение в 1754 г. этого труда Э. Понтотидана наряду с «Кругом Земным» Снорри Стурлусона и «Сагой об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда раскрывало для М.В. Ломоносова возможности скандинавских средневековых произведений как источника исторической информации, которая дополняла сведения русских летописей, но могла быть также недостоверной.

В том же году М.В. Ломоносов прочел труд Маттея Претория «Готический мир, или историческое повествование о происхождении почти всех готского имени народов, поселениях, языках, правлении, королях, нравах, различных обычаях, обращении в христианскую веру и проч., и проч.». «Готический мир» — в данном случае древний, раннесредневековый мир. В соответствии с таким названием книги ее автор особое значение придал размышлениям о расселении древних народов и их языкам, установлению степени родства их происхождения.

Своими пометами, вертикальной чертой и двумя NB, М.В. Ломоносов особо выделил в этой книге сюжет о соседнем, пограничном расположении Руси и Пруссии, «называемой Поруссия». Завершен данный экскурс утверждением, в соответствии с которым «самое принятое народом суждение свидетельствует о том, что Рус и Прус, Лех и Чех были братьями, это с очевидностью показано из языка, общего почти всем народам, которые от них происходят». То есть, М. Преторий включил пруссов, народ западнобалтийской группы языков, в число славянских этносов, а территориальную

близость России и Пруссии он трансформировал в единство их этнического происхождения. Для большей убедительности он современное название *Prussia* трансформировал в *Porussia*, что представляло собой целенаправленно измененное латиноязычное название страны *Borussia*.

Далее М.В. Ломоносов прочел утверждения автора, в соответствии с которыми «невозможно отрицать, что скифов некогда называли сарматами», река Висла является границей между Германией и Скифией, «славянский народ» произошел от Вандаля. Во второй книге вторая глава, которая называется «О руссах», утверждала: «Ведь этот древний народ в течение веков известен под названием страны (Orbi) роксоланов и сарматов». Автор считал, что их первоначальным именем являлось *поруски*, которое превратилось у римских или греческих писателей в *боруски*, то есть пруссы. Резюме этого текста на поле страницы автором обобщало: «Все же род (gens) руссов древнейший». Ломоносов подчеркнул в основном тексте слово «*порусков*» («*Poruscorum*»).

Автор утверждал не только созвучие *русков* или *руссов*, *порусков* или *борусков*, но также их соседство. В этом тексте М.В. Ломоносов снова подчеркнул слово *поруски* (*Porusci*), а рядом на поле написал аббревиатуру NB, которую в знак особого значения обвел кружком.

Первый параграф второй главы второй книги М. Преторий назвал «О имени руссов». Он написал, что имя *руссов* у авторов различается: обычно оно произносится *руссы* и *руссии*, греками — *россы*, поляками — *русак* («*Russaci*»), «древними [авторами] — *россеры*, *Плинием* — *роксоланы*, *Страбоном* — *роксаны* или *россаны*, места обитания которых — между Доном и Днепром» («*Antiquis Rosseri, Plinio Roxolani, Straboni Roxani vel Rossani, quibus ille loca inter Tanaim et Boristenem*»). Далее Преторий написал, что «мнение людей просвещенных» о происхождении имени *россов* не едино: «Есть такие, кто полагает, что *руссы* приняли имя от некоего *Русса*, брата или племянника (или внука) *Леха* и *Пруса*, который, как считают, был у них князем. Другие производят это имя от темного цвета этого народа, который по-немецки называется “рус”. Считают, что синонимами с большим изменением роксоланы руссы являются в России *роксоланским именем*» («*Sunt, qui Russos a Russo quidam Lechi et Prussi fratre vel nepote, qui illorum principes fuisse creditor, nomen accepisse volunt. Alii nomen a fusco illius gentis colore, qui Teutonicus Rus dicitur. Multo mutatu nomine Roxolanice in Russiam, Roxolanos Russos cognominatos esse putant*»). В этом тексте Претория выделенные курсивом фразы М.В. Ломоносов подчеркнул. Такая связь руссов и роксоланов продолжала давнюю историографическую традицию. Далее он отметил текст, в котором Преторий ссылаясь уже на мнение С. Герберштейна [*Praetorius M.* 1688. Т. 1. Р. 20, 114; Т. 2. Р. 9–11].

Свое мнение о происхождении русских князей М. Преторий резюмировал так: «Князья руссов не были из Дании или Швеции», «Князья руссов не были пруссами», «Князь русский — народ славянский» («*Russi Princeps Slavorum populus*») [*Praetorius M.* 1688. Т. 1. Р. 20, 114; Т. 2. Р. 6, 17, 231].

Таким образом, М.В. Ломоносов особое внимание обращал в сочинении М. Претория на максимальное сближение этнических названий *руссы* и *пруссы*, на исторические, лингвистические и территориальные обоснования такого сближения. В экскурсе Претория о руссах, представлявшем собой пересказ сведений знаменитого труда С. Герберштейна «Записки о Московии», Ломоносов сделал лишь незначительные читательские подчеркивания. Дело в том, что к тому времени он уже прочел этот труд австрийского барона в базельском издании 1571 г., которое находилось в БАН [*Herberstein S.* 1571; мы благодарны Е.А. Савельевой за указание этой книги, не отмеченной в публикациях Е.Б. Рысс и Г.М. Коровина].

Следует отметить, что до восьмой страницы книги С. Герберштейна М.В. Ломоносов в своих пометах пользовался только карандашом, с восьмой по десятую — карандашом и чернилами, начиная с одиннадцатой — только чернилами. Впрочем, сделаны ли пометы карандашом или чернилами, смыслового значения не имеет, поскольку они в равной мере относятся к династической и военной истории России времени правления Ивана III. Поэтому можно предположить, что Ломоносов начал читать книгу С. Герберштейна с карандашом в руках, один из дней он не придавал значения тому, чем он делает пометы, карандашом или пером, а позднее отмечал особо значимые для него сведения только чернилами.

Первая из помет М.В. Ломоносова относится к вопросу, который особо интересовал его в конце 40-х — 50-е гг. — этническая принадлежность варягов. Он отчеркнул тот текст, в котором С. Герберштейн идентифицирует их с ваграми: «<...> и называется Варяжское море, то есть море варягов, потому что в то время вандалы были могущественными и даже обладали тем же языком, нравами и религией, что и рутены. Итак, мне представляется, что рутенам предпочтительнее призвать своих князей из вагров, или, лучше сказать (*potius*), варягов, чем передать власть чужим, другим по своей религии, обычаям и языку».

Вторая помета относится к сообщению о том, что княгиня Ольга вернулась домой после крещения в Византии. «Она, — продолжил Герберштейн, — была первая среди рутенов христианка, как свидетельствуют их анналы <...>». Новым для Ломоносова в этом тексте было только то, что Герберштейн сослался на русские летописи. То есть, при чтении труда австрийского барона Ломоносов отметил указание на использование им более древних источников, как он это делал при работе с летописями. Такая привычка аналитического чтения исторического источника — начало его источниковедческого изучения.

В повествовании о подчинении русских земель власти Орды М.В. Ломоносов подчеркнул фразу, в соответствии с которой русские князья «*были не только данниками татар*». Из ее продолжения следовало, что татары по своему решению наделяли их княжествами. Эти сведения формировали мнение о такой власти как об Ордынском иге.

В труде С. Герберштейна лишь кратко упомянута Куликовская битва, в которой великий князь Дмитрий победил «великого татарского царя» Мамай. М.В. Ломоносов подчеркнул в нем фразу о том, что трупами была покрыта земля на пространстве в тринадцать тысяч шагов, что свидетельствовало об ожесточенности сражения и больших потерях татар. Он отметил также сообщение о том, что после набега татарского царя Тохтамыша и взятия им Москвы убитых русских людей выкупали для погребения по 81 рублю (рядом с этой фразой Ломоносов нарисовал крест, обведенный кружком). Такой текст подтверждал мнение о тяжести Ордынского ига.

Внимание М.В. Ломоносова привлекли обстоятельства военных действий великого князя Московского Ивана III против Александра, великого князя Литовского, к тому же на стороне московской рати участвовало войско казанского хана Мухаммеда Амина. Отметим Ломоносов и положительные для Москвы следствия этой войны — переход под власть Ивана III северских князей, пленение литовского воеводы Константина Ивановича Острожского. Ломоносов обратил особое внимание также на сведения о военных действиях Ивана III против Новгорода и Твери.

М.В. Ломоносов подчеркнул сообщение С. Герберштейна о том, что Иван III, хотя и был столь могущественным, должен был выходить к татарским послам за город и слушать их стоя, когда они сидели. А его гречанка-жена тяжело это переносила и ежедневно ему говорила, что «она вышла замуж за раба татар» («*sese Tartarorum servo nupsisse*»). Такое внимание к этим сведениям соотносится с доносом П.Н. Крекшина на Г.Ф. Миллера, в бумагах которого находилось сообщение о таком униженном положении московского князя. По решению Сената Ломоносову пришлось такое известие переводить (см. ранее, с. 537). Особое внимание к подобному сообщению свидетельствует о том, что ученый, вопреки административному запрету, учитывал всю сложность исторической действительности.

В продолжение таких сообщений М.В. Ломоносов отчеркнул на поле нелицеприятный текст о великом князе Московском Василии III Ивановиче: «Со своей стороны, этого князя Василия, хотя он был и самый неудачливый в войне, тем не менее, однако, свои подданные всегда его восхваляют, как если бы он вел дело счастливо. И когда подчас едва половина воинов домой возвращалась, они, однако, говорят, что ни одного при этом в сражении не потеряли. Он превосходит властью, которую осуществляет над своими подданными, всех монархов несомненно всего мира. Он сделал то, что начал его отец: бесспорно, он лишил всех князей и прочих [знатных людей] укрепленных поселений и замков». И далее Ломоносов подчеркнул: «Он *давит равным образом всех суровым рабством*» («*Omnes iuxta, dura servitute perimit*»).

М.В. Ломоносов подчеркнул текст, сообщающий о другом примере всевластия Василия III: он забирал в казну все драгоценности, которые привозили его послы, возвращаясь на родину, и обещал оказать им другую милость,

а какова она — ранее Герберштейн рассказал о трагической участи княжеского приближенного Василия Третьяка Далматова. Рядом на поле Ломоносов поставил крест и написал букву *В* (или это неудачно написанная аббревиатура *NB*). Ломоносов подчеркнул также фразу, утверждавшую освященность княжеской власти: «Они официально признают, что *воля государя есть воля Божия и совершает он это по воле Божией. Они даже называют его ключником и постельничим* Божиим и даже верят, что он исполнитель Божественной воли». В анализе Герберштейном высших титулов правителей Ломоносов подчеркнул фразу о том, что титул *царь* соответствует *королю*, а *кесарь* — *императору*. Рядом он написал аббревиатуру *NB*. В последующем тексте Ломоносов отметил также, что в грамотах, направленных к польскому королю, титул *царь* по отношению к Василию III не используется, к верховному первосвященнику он относится более враждебно, чем к кому-либо, а потому называет его только титулом *учитель*, «титул же *герцог* у них называется *князь*». Тот, кому подчинялись несколько князей, назывался *великий князь*. В экскурсе Герберштейна, посвященном практике использования титула *царь* по отношению к Василию III, Ломоносов отчеркнул на поле слова о том, что «царский титул якобы пожалован» («*nomen Regium tributum sit*») ему императором Максимилианом, и подчеркнул фразу, в соответствии с которой в новейших переговорах с королем Польши уже Иван Васильевич пожелал, чтобы его называли царем, или все условия соглашения будут действительными [*Herberstein S. 1571. P. 3, 4, 7, 8, 10, 11, 14–17*].

Таким образом, из помет М.В. Ломоносова в работах западных авторов следует, что он обратил особое внимание в них на логические, но не источниковые обоснования тождества варягов со славянами ваграми, на этнической и территориальной близости руссов и пруссов. Их сведения формировали мнение об Ордынском иге на Руси, в чем они совпадали с материалами русских исторических источников.

М.В. Ломоносова особо заинтересовало сопоставление русского титула *царь* с высшими западными титулами монархов. Но неожиданны его пометы к текстам, в которых сообщалось о тяжести для всех русских людей власти великого князя Московского Василия III Ивановича, о ее высшей освященности и тем самым об обязательности ее постановлений. Впрочем, они соотносятся как с административным давлением в правление Елизаветы Петровны, так и с событиями в тяжкий для Ломоносова первый год царствования Екатерины II.

Наряду с сообщениями об этнической, военной и политической истории России М.В. Ломоносов особо отметил в труде С. Герберштейна сведения об истории московской великокняжеской династии, о ее династических союзах, в частности, со знаменитым молдавским правителем Стефаном Великим [*Herberstein S. 1571. P. 8–10*].

Все эти темы, в основном, совпадают с сюжетами, сведения о которых привлекали внимание М.В. Ломоносова при чтении русских и иностранных исторических источников.

Рассмотренная литература позволяет установить, что встречающиеся у М.В. Ломоносова суждения, относившие к славянам пруссов и другие прибалтийские народы, восходят к сочинению Э. Понтопидана, а объяснявшие пруссов как «по-руссов» — к М. Преторию. Появление этих идей в трудах Ломоносова объясняется идеологической политикой в царствование Елизаветы Петровны. Вместе с тем, пометы Ломоносова при чтении исторических источников и литературы позволяют проследить изменение под их воздействием взглядов на определение этнической принадлежности варягов, тогда как новые просветительские принципы концепции единства исторического прогресса в начальный период правления Екатерины II способствовали отказу от этих давних и ошибочных суждений.

Глава VIII

Авторская работа М.В. Ломоносова над «Российской историей»

Накопленный ранее и в 1754 г. исследовательский опыт позволил М.В. Ломоносову приступить к написанию «Российской истории». В ретроспективно изложенном в 1756 г. отчете за 1754 г. он указал: «В истории: сочинен *опыт* “Истории словенского народа до Рурика”: дедикация, вступление, глава 1 о старобытных жителях в России, глава 2 о величестве и поколениях словенского народа, глава 3 о древности словенского народа: всего 8 листов» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 391; курсив наш. — М. С.]. Полное соответствие названий этих глав их заголовкам в опубликованном посмертно в 1766 г. первом томе «Российской истории» под названием «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г.», а также изучение Ломоносовым в 1754 г. источников по истории древнейшей истории славян свидетельствуют о том, что он действительно написал перечисленные в отчете главы. Вероятно, в 1756 г. они содержали те же заголовки, что в опубликованном позднее труде.

Тогда же, в 1754 г., М.В. Ломоносов подготовил «дедикацию» — посвящение и введение к будущей книге. Введение включено в опубликованный текст «Древней Российской истории», тогда как «дедикации» в нем нет. Последнее обстоятельство объясняется, видимо, тем, что посвящение было обращено к Елизавете Петровне или И.И. Шувалову. После переворота 28 июня 1762 г. и восшествия на престол Екатерины II такое посвящение было неуместно.

Показательно, что М.В. Ломоносов назвал первые главы своей будущей книги «опытом». Такая характеристика свидетельствует о том, что их автор не настаивал на окончательности своих выводов и наблюдений. В этой их оценке проявился профессионализм Ломоносова как ученого и осознание им всей сложности изучаемых проблем.

1. Концепция русской истории в «Слове похвальном» Петру Великому

В процессе сбора материалов к «Российской истории» М.В. Ломоносов много работал над общей концепцией истории России. Поводом для того, чтобы ее сформулировать, стало «Слово похвальное» Петру Великому.

В 1755 г. М.В. Ломоносов был чрезвычайно занят химическими и физическими экспериментами, написанием и завершением «Российской грамматики». Ему поручались самые разные задания по Академии наук, включая предложения о реформировании существующего регламента Академии, что стало причиной его принципиальных столкновений с Г.Н. Тепловым и И.Д. Шумахером. Он активно участвовал в мозаичном производстве своей фабрики в Усть-Рудице. Там изготавливались несколько мозаичных картин, в том числе портреты Петра Великого и Елизаветы Петровны. Эта работа осуществлялась успешно, так что уже 12 декабря 1755 г. Ломоносов смог поднести Сенату мозаичный портрет Петра Великого.

На мозаичном портрете император изображен с мягким доброжелательным взглядом и легкой улыбкой. На его лице — не тяжесть постоянных трудов, гражданских и военных, а приветливость и ободрение преемников и их свершений. Портрет выражал не только особое личное отношение М.В. Ломоносова к Петру Великому, но также его чувство сопричастности к традициям петровских деяний.

Портрет могло видеть небольшое число людей сановных. Но М.В. Ломоносов считал, что о деяниях Петра, их значении для России должны знать многие. Поэтому как ритор, поэт и историк он решил прославить их в особом жанре панегирика, распространенном в европейских странах XVII–XVIII вв.

«Слово похвальное блаженной памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное Апреля 26 дня 1755 г.», было задумано М.В. Ломоносовым в начале 1753 г. и завершено, вероятно, к 14 апреля 1755 г. [здесь и далее текст и комментарии Т.А. Красоткиной и Г.П. Блока к «Слову похвальному» см.: *Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 584–612, 1044–1056]. Панегирик как жанр торжественного красноречия очень ограничивал возможности изложения основного содержания царствования Петра. В соответствии с этим жанром и эстетикой классицизма средоточием повествования являлся обобщенный образ идеального Героя. В конкретных условиях повествования наряду с Петром столь же идеальной изображена и преемница его деяний императрица Елизавета Петровна. Как отметил В.М. Жирмунский, эстетика классицизма требовала от словесного стиля обобщения, типизации, метонимии, т. е. использования смежных, обобщающих понятий. В данной связи он привел слова знаменитого французского натуралиста того времени Бюффона, который распространил этот принцип и на естественные науки: «Nommer les choses par les termes généraux» («Называть вещи обобщающими словами»).

Поэтому в литературе эпохи классицизма широко распространились метонимия и перифраза, описательная передача смысла другой фразы или слова [Жирмунский В.М. 2001. С. 62–63]. Эти стилистические особенности эпохи распространялись также на все виды интеллектуального творчества, включая труды историков.

Между тем, «Слово похвальное» позволяет определить сюжеты, которые интересовали Ломоносова в петровском царствовании, а также степень его познаний в этой теме в 1753–1755 гг., когда он усиленно работал над совсем другими историческими проблемами — над изучением средневековых источников и написанием первых глав «Древней Российской истории».

В соответствии с жанром «Слова похвального» М.В. Ломоносов должен был писать только о достижениях Петра Великого. В его внешней политике он написал о победах над «неприятелями», во внутренней политике — об «искоренении» «изменников». Такое настоящее России Ломоносов противопоставил ее историческому прошлому, когда в древности первоначально сильное и славное отечество было ослаблено «междоусобными враждами», «граблениями и братоубийствами» и Богом «порабощено» «чужому языку» (здесь *язык* в значении *народ*). Следующий период он кратко охарактеризовал как освобождение «храбрыми Государями» «от порабощения и томления», объединение раздробленных земель, возвращение отечеству и умножение «прежней силы, величества и славы». Особо остановился Ломоносов на теме отстранения Елизаветы Петровны от наследования власти и на ее «вступлении на Отеческий престол», на котором она стала продолжательницей деяний Петра.

В конкретном содержании петровского правления М.В. Ломоносов указал на его созидательные, обновляющие начала: «чтобы всякого рода знания распространить в отечестве и людей, искусных в высоких науках, а также художников и ремесленников размножить». Все это совершалось посредством обучения «сынов Российских» в «чужих краях» «повелением» и «своим примером» Петра. На этой теме Ломоносов остановился более обстоятельно, учитывая собственный опыт.

Особое значение М.В. Ломоносов придал «Математическому и Физическому учению, прежде в чародейство и волхование вмененному», тогда как «науки и художества всякого рода» принесли пользу россиянам, «изобилие многообразных наших удовольствий», т. е. современных условий жизни. В противопоставлении «знания» «чуду» Ломоносов следовал не только за уже обычным для Нового времени противопоставлением науки средневековым верованиям. В таком утверждении он активно поддержал Петра Великого, которому пришлось первому из российских государей приучать своих подданных к новому пониманию окружающего мира: «когда люди про то ведают, то не есть чудо» (см. ранее, с. 194).

В данной связи М.В. Ломоносов вновь сравнил современную Россию с допетровской: «которых (удовольствий». — М. С.) прежде великаго России

Просветителя предки наши не токмо лишались, но о многих и понятия не имели». С горечью писал он о том, что «похвалялись некогда окрестные соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военного дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может». Такому состоянию России Ломоносов противопоставил преобразованную Петром страну — она стала производить в изобилии металл, оружие, тогда как металл начали вывозить в другие страны.

Следуя петровской концепции, М.В. Ломоносов отметил «начало регулярного войска» при царе Алексее Михайловиче. Но в отличие от Петра он указал причину отставания России в военном деле не как следствие отсутствия в ней наук и современного промышленного производства, а как результат кончины Алексея Михайловича. Не называя правления Федора Алексеевича и царевны Софьи, Ломоносов афористично написал: «Возвратились старинные беспорядки, и Российское воинство больше в многолюдстве, нежели в искусстве показать могло свою силу», но и она потом ослабела вследствие «бесполезных военных предприятий» против Турции и крымско-го ханства, а еще более от «стрелецких возмущений».

Обстоятельно, насколько позволял жанр произведения, М.В. Ломоносов написал о годах юности Петра Великого. Вероятно, он использовал записки А.А. Матвеева, который чуть не погиб во время стрелецкого восстания 1682 г., рукопись сочинения П.Н. Крекшина «Описание дел <...> Петра Великого», а также опубликованное в Германии в 1691 г. донесение датского резидента о первом стрелецком восстании, на основании которых Ломоносов подготовил два года спустя «экстракт» о стрелецких бунтах и правлении царевны Софьи для Ф. Вольтера [[*Свирская В.Р.*]. 1952. С. 569]. В «Слове похвальном» он отметил кровавые события 15–17 мая 1682 г., создание юным Петром «нового регулярного войска» поначалу в виде «потешных», его обучение военному делу и необходимых для этого «Геометрии, Механики и Химии». Написал Ломоносов и о единстве Петра с его «начинающимся войском» в воинских трудах и «за одним столом, туюже приемлющего пищу». Это «воинство» одержало победу, по его словам, над «короною Шведскою».

М.В. Ломоносов признал, что «первое под Нарвою сражение было неудачливо». Но в отличие от Петра Великого, который придал этому поражению особое значение для последующих необходимых преобразований, способствовавших созданию современной для XVIII в. российской армии (см. ранее, с. 212–213), Ломоносов привел доводы, приуменьшавшие недостатки организации, подготовки и вооружения российского войска в целом под Нарвой в октябре 1700 г. Он не учел уровень профессиональной подготовки шведской армии и тактический успех Карла XII в этом сражении. Поэтому Ломоносов пришел к выводу, противоположному тому, который сделал Петр и который подтвердила практика его последующих реформ

и военных действий: «<...> сия не удача больше для показанных несчастливых обстоятельств, нежели для неискусства войск Российских приключилась <...>».

В таком выводе М.В. Ломоносова прослеживается воздействие эстетики классицизма, в соответствии с которой у Героя и в его деятельности нет недостатков и поражений, а могут быть лишь неудачи. Повлияли на него, вероятно, и будущие обстоятельства произнесения «Слова похвального» в присутствии императрицы и «высшего света», которые могли бы ошибочно понять объективное указание причин поражения под Нарвой в 1700 г. как принижение славы Петра и России. Видимо, по этим причинам он не написал в «Слове» о русско-турецкой войне 1710–1713 гг. и о Прутском походе 1711 г. К тому же над Ломоносовым по-прежнему нависала правительственная угроза о недопущении «умничания».

О воздействии на М.В. Ломоносова при изложении им сражения под Нарвой в 1700 г. этих внешних обстоятельств может свидетельствовать последующий текст «Слова», в котором в дальнейших военных действиях побеждает уже преобразенное реформами Петра «Российское воинство»: «Его храбрые и введенным регулярством устроенные полки воспоследовавшими в скором времени победами доказали, коль горяча их ревность, каково в военном деле искусство, приобретенное от премудрого наставления и примера».

Столь же значительным для М.В. Ломоносова стало превращение России при Петре в морскую державу. Его начало он указывал вслед за петровским введением к «Уставу морскому» в плаваниях юного Героя по «малым водам Московским», продолжение — в постижении Петром в Голландии и Британии «совершенной теории и практики к сооружению флота и в мореплавательной науке», а завершение — «в новом и сильном первенствующем флоте».

В преобразующей деятельности Петра Великого М.В. Ломоносов перечислил не только явные всем новые города, крепости, пристани, каналы, «публичные» и частные здания «новой архитектуры», «распространение наук и художеств», но также реформы податного обложения и государственного управления, утверждение таможенного тарифа и заключение торговых договоров, издание «Табели о рангах» и появление орденов. Как человек, системно мыслящий, Ломоносов полностью поддержал чрезвычайные меры Петра в условиях войны — обеспечение денежных поступлений в бюджет, проведенные по указаниям царя переписи населения и введение подушного обложения для достаточного обеспечения армии и флота. Основными критериями их целесообразности являлись рационализм и патриотическое чувство: «Превратил премудрый Герой вред в пользу, леность в прилежание, разорителей в защитников, когда исчислил подданных множество, утвердил каждого на своем жилище, наложил легкую, но известную подать, чрез

что умножилось и учинилось известное количество казенных внутренних доходов и число людей в наборах, умножилось прилежание и строгое военное учение. Многих, которые бы в прежних обстоятельствах остались вредными грабителями, принудил готовыми быть к смерти за отечество».

Внутреннюю и внешнюю политику Петра М.В. Ломоносов рассматривал как необходимые для российского народа и государства, утверждающие могущество России и ее славу. Но в отличие от свойственного классицизму образа идеального монарха, вознесенного над людьми и отождествленного с государством, Ломоносов постоянно подчеркивал в «Слове» близость Петра к народу, его мужество в сражениях и в превратностях жизни мирного времени, что «ободряло» россиян, воспитывало в них стремление к подвигам, к «смелому сражению».

В соответствии с эстетикой классицизма, к числу добродетелей Героя относится также «великодушие Победителя». Отношение Петра к пленным шведам, их офицерам и генералам позволило М.В. Ломоносову и в этом показать его великодушие. Сложнее было с массовыми казнями стрельцов в 1698 г. Но для Ломоносова им альтернативы не было, поскольку, по его мнению, бунт стрельцов угрожал мирной жизни россиян и отечества. Используя возможности литературного жанра, Ломоносов включил во внутренний монолог Петра и фразу об ответственности царя за мирную жизнь государства и своих подданных: «Все сии пагубы, слезы, кровь на мне Бог взыщет». Поэтому симпатии Ломоносова на стороне Петра: «Такого конечного правосудия наблюдение принудило Его к строгости». И здесь же, снимая напряжение, Ломоносов особо подчеркнул близость Петра к своим подданным: «Часто межъ подданными своими просто обращался, не имея великаго и монаршеское присудствие показующаго великолепия и раболепства. Часто пешему свободно было просто встретиться, следовать, итти вместе, зачать речь, кому потребуется. <...> Во время самого веселия и отдохновения предлагались дела важныя: важность не умяляла веселия, и простота не унижала важности». Но в то же время, по словам Ломоносова, «езде Петра Великаго вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени». При этом, неоднократно отмечал он, Петр привлекал своих подданных к «упражнению» в «художествах и в трудах разных» «больше примером, нежели принуждал силою». Сравнивая его, как и следовало в соответствии с принципами классицизма, с выдающимися деятелями Древнего Рима, Ломоносов отдал абсолютное первенство Петру Великому.

В таком восхищении личностью Петра М.В. Ломоносов был не одинок. Это его чувство тогда разделяли не только многие россияне, но также иностранцы. Обобщая их через пять лет после «Слова похвального» Ломоносова, французский юрист и литератор Жак Лакомб написал о Петре Великом: «Он появился к чести Человечества, Государь, который был благодетельным гением своей Империи, создателем, так сказать, нового Народа» [*Lacombe J.*

1760. Р. III]. Характеристики Петра, данные Ломоносовым и Вольтером, во многом совпали.

Таким образом, содержание «Слова похвального» свидетельствует о том, что уже к 1754–1755 гг. у М.В. Ломоносова существовала сложившаяся система взглядов на российскую историю. В основном своем содержании она соответствовала исторической концепции Петра Великого и была значительно более для Ломоносова разработанной и ясной в событиях XVII–XVIII вв. Проблема заключалась в том, чтобы исследовать древнерусский, т. е. средневековый период. Тем самым, он мог бы решить ту задачу, которую поставил перед историками Петр Великий и в изучение проблем которой значительный вклад уже внес В.Н. Татищев.

2. Обстоятельства политические и авторские в 1755–1757 гг.

13 февраля 1755 г. администрация Академии официально признала особую значимость трудов М.В. Ломоносова в создании обобщающего исследования российской истории, назначив ему в помощь в качестве копииста поэта и переводчика И.С. Баркова [Летопись. 1961. С. 245]. Год, прошедший между обращением Ломоносова с такой просьбой и принятием решения, видимо, явился следствием напряженных отношений между К.Г. Разумовским и И.И. Шуваловым. К тому же для Разумовского это время стало сложным периодом его удаления на Украину. Но теперь написание Ломоносовым «Российской истории» оказалось в зоне особого внимания как Шувалова, исполнявшего в данном случае волю императрицы, так и Разумовского, пожелания которого исполняли Г.Н. Теплов и И.Д. Шумахер.

В данных обстоятельствах объяснимо, что в 1755 г., несмотря на столь значительную занятость, как М.В. Ломоносов написал в 1756 г. в своем отчете, «сделан был опыт описанием первых великих князей российских Рурика, Олга, Игоря» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 361; Летопись. 1961. С. 243–252]. Впрочем, источниковых материалов о правлении этих князей было немного. Часть их уже была введена в научный оборот. Так что технических и исследовательских проблем с написанием перечисленных Ломоносовым глав возникнуть не могло.

Вместе с тем, написание этих глав происходило в особых идейных обстоятельствах. Как вспоминала Екатерина II, в 1755 г. ее муж, великий князь и наследник престола Петр Федорович, выписал из Голштинии воинский отряд. Петр являлся сыном герцога Голштин-Готторпского Карла-Фридриха и Анны, дочери Петра Великого. Так что появившиеся в Петербурге голштинцы стали напоминанием о юношеских пристрастиях Петра Федоровича. По словам Екатерины, императрица «ненавидела Голштинию и все то, что оттуда исходило», а солдаты Ингерманландского полка, ко-

торый осуществлял охрану великокняжеской резиденции в Ораниенбауме, говорили: «Эти проклятые немцы все проданы прусскому королю, это все предателей приводят в Россию». Отметила она и «вред <...> в общественном мнении» для будущего императора Петра III, вследствие появления голштинцев под Петербургом [Записки императрицы Екатерины II. 1989. С. 372–373].

Елизавета Петровна испытывала неприязнь к молодому прусскому королю Фридриху II. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин последовательно проводил антипрусскую политику. А весной 1756 г. Елизавета Петровна обещала поддержать императрицу Марию Терезию, которая восстанавливала австро-французские союзные отношения, направленные против воинственного прусского короля [Черкасов П.П. 1995. С. 73–74].

Так что работа М.В. Ломоносова над новыми главами будущей «Российской истории» происходила в условиях нового подъема антинемецких настроений при дворе и в общественном мнении, прежде всего, в русской армейской среде.

На фоне таких событий были написаны главы о княжении Рюрика, Олега и Игоря. Они стали в окончательном тексте первого тома «Российской истории» началом второй части. Изучение сложных проблем, содержащих в то время политический и идеологический подтекст, — о нравах, вере, переселениях и истории древних славян, о чуди, варягах и варягах-россах, о происхождении и истории россов, об их «сообществе» с местным новгородским и славянским населением (в формулировках тем и в порядке перечисления Ломоносовым), что позднее стало содержанием пятой–десятой глав первой части книги, было временно отложено.

В 1756 г. М.В. Ломоносов указал наряду с выполненными трудами по химии, физике и в «словесных науках»: «В истории: собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 393]. Этот отчет свидетельствует о том, что Ломоносов продолжил интенсивные разыскания о древнерусской истории, устанавливая те ее факты, о которых сообщается в разных рукописях. Такое сопоставление, по мнению Ломоносова, должно было установить степень их достоверности. Значительное число (пятнадцать) манускриптов указывает на то, что он учел опыт В.Н. Татищева в сравнительном изучении летописных текстов. Их сопоставление должно было выявить те подтвержденные летописными известиями материалы, которые станут основой дальнейшего изложения «Российской истории».

Г.Н. Моисеева выявила в Архиве Академии наук донесение И.С. Баркова от 2 мая 1756 г. в академическую Канцелярию о том, что он переписал к этому времени наряду с другими значительными поручениями Ломоносова около половины летописи «Нестора», принадлежавшей БАН, т. е. Петровской

копии Радзивилловской летописи. Она предположила, что эта копия была необходима для работы над «Российской историей», но впоследствии эту мысль отвергла, поскольку Ломоносов уже несколько лет пользовался этой рукописью, взятой в БАН 3 декабря 1753 г., и делал в ней необходимые для работы пометы. Поэтому такая копия была ему не нужна.

По мнению Г.Н. Моисеевой, М.В. Ломоносов имел намерение подготовить Радзивилловскую летопись («летопись Нестора») к изданию, упреждая подобное стремление Г.Ф. Миллера [*Моисеева Г.Н.* 1971. С. 160–167 и след.]. Это предположение она обосновывала тем, что Ломоносов критически относился к познаниям Миллера в летописях и в истории летописания. Впрочем, в этой второй гипотезе Моисеева не учла те краткие сроки, которыми располагал Ломоносов для написания «Российской истории», для изучения необходимых исторических источников, а также той ответственности, которую на него налагало исполнение воли государыни и пожелания высокого покровителя И.И. Шувалова. Так что заниматься подготовкой издания Радзивилловской летописи в 1755–1756 гг. у Ломоносова не было ни времени, ни возможности (см. далее, с. 812–821).

Единственно возможным объяснением копирования И.С. Барковым для М.В. Ломоносова Петровской копии Радзивилловской летописи в этот период представляется необходимость внесения в переписанный текст тех дополнений и коррективов, которые появлялись в результате сравнения ее текста до 1206 г. с другими летописями. Такие исправления и дополнения были необходимы, поскольку, как показали текстологические разыскания в XIX–XX вв., ей были свойственны перестановки и пропуски текста того протографа, к которому она восходила. Вероятно, их выявление и исправление стало частью той работы, за которую М.В. Ломоносов отчитался в 1756 г. Рабочая копия Радзивилловской летописи для таких технических целей была необходима при написании обобщающего труда по древней российской истории. Именно так ранее поступил В.Н. Татищев, готовясь к изучению российской истории (*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 89). Ломоносову, как и Татищеву, была ясна древность этой летописи в сравнении с другими известными тогда летописными произведениями.

Особое внимание М.В. Ломоносова к Петровской копии Радзивилловской летописи имело для него, как и ранее для В.Н. Татищева, положительное значение в том, что он пользовался входившими в ее состав древними летописными сводами — ПВЛ и Владимирскими сводами конца XII — начала XIII в. Такая источниковая основа создавала условия для объективного анализа исторических фактов.

Подготовительные к написанию «Российской истории» работы продолжались в сложных внешнеполитических обстоятельствах. Уже в начале 1756 г. велась подготовка к войне с Пруссией, в связи с чем при дворе имели место сложные интриги А.П. Бестужева-Рюмина, сложные отношения

между Разумовскими, с одной стороны, и М.И. Воронцовым и Шуваловыми, с другой. Весной 1756 г. было принято решение о назначении фельдмаршала С.Ф. Апраксина командующим армией, «которая должна была вступить в Пруссию» [Записки императрицы Екатерины II. 1989. С. 382–383, 391–392]. Непосредственно участвовать в военных действиях русская армия начала в мае 1757 г. Так что предстоящая война с Пруссией стала в 1756 г. реальным фактором, формировавшим тогда общественное мнение, особые интересы придворной среды, восприятие историком информации источников об историческом прошлом Руси.

М.В. Ломоносов решил завершить работу над первым томом «Российской истории» в 1757 г. 17 декабря 1756 г. он получил в Академии бумагу для написания предисловия к этому труду, а уже 10 января сообщил в Академическом собрании о намерении свое исследование издать. После 11 января Ломоносов отдал переписывать предисловие набело.

О состоянии работы над «Российской историей» к весне 1757 г. свидетельствует представление М.В. Ломоносова от 12 марта этого года: «И по сему Е. В. высочайшему благоволению упражнялся я по нынешний год в собирании и чтении надлежащих к тому документов, оные разобрав по главам, и *первого тому* семь глав привел в порядок, притом сочинил вступление и дедикацию. Но как сие дело требует чтения весьма многих книг с выписками, то весьма одному мне сего исправить и к концу привести невозможно: для того должен иметь вспоможение». Поскольку в 1754 г. Ломоносов написал три главы первого тома, вступление и дедикацию, то следует предположить, что в 1755–1756 гг. он подготовил и «привел в порядок» еще четыре главы того же тома. Какие это были главы — неясно. Но как следует из их состава в опубликованном варианте, они содержали разыскания о славянах, чуди и варягах. Так что эти главы были написаны во время подготовки и начала войны с Пруссией. Кроме того, он прочел и, вероятно, законспектировал основное содержание летописей и других историко-литературных произведений, которые позволяли проследить историческое развитие России от древнейшего периода до времени Петра Великого.

Для завершения работы во исполнение «повеления» императрицы М.В. Ломоносову следовало теперь обобщить сделанные наблюдения. Поэтому он вновь взял в БАН «Историю Российскую» В.Н. Татищева, видимо, для того, чтобы сверить свои разыскания с этим обобщающим исследованием. Для завершения работы в намеченные сроки Ломоносов обратился в академическую Канцелярию, чтобы ему был назначен для «вспоможения» «способный и охоту к тому имеющий студент». И.С. Барков к этому времени был отозван в качестве помощника Ломоносова. Решением Канцелярии от 12 мая 1757 г. к нему был направлен студент академического Университета С.И. Веденский [Ломоносов М.В. ПСС. 1955. Т. 9. С. 403–404, 818; курсив наш; Летопись. 1961. С. 261–265].

3. М.В. Ломоносов и подготовка материалов для «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера

Сосредоточенная работа М.В. Ломоносова над последовательным изучением российской истории была прервана поручением И.И. Шувалова подготовить для Ф.М. Вольтера краткое изложение исторических событий в правление царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. В соответствии с предложением Шувалова Вольтер начал работать тогда над «Историей Российской империи при Петре Великом» («Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand»). Такой обзор был ему необходим для характеристики периода, предшествовавшего царствованию Петра.

Как следует из письма М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову от 10 октября 1757 г., к этому времени он подготовил для Ф.М. Вольтера уже переписанное набело «сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов». «Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора» находилось на завершающей стадии подготовки [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 527]. Ломоносов должен был также прочесть присланные Шувалову первые восемь глав «Истории Российской империи» Вольтера и написать на них замечания. Поручения И.И. Шувалова отвлекли М.В. Ломоносова от завершения работы над первым томом «Российской истории». Его подготовка была закончена, в отличие от первоначальных намерений, лишь к 22 июля 1758 г.

Поскольку М.В. Ломоносов находился в сложных научных отношениях с Г.Ф. Миллером и Исторической конференцией, но ему оказывал высокое покровительство И.И. Шувалов, а работа над «Российской историей» осуществлялась по указанию императрицы, К.Г. Разумовский создал особые условия для публикации ее первого тома. Я.Я. Штелин в данной связи вспоминал: «Также его “История русского государства” была отдана тиснению при Академии осенью 1758 года без всякого предварительного прочтения и одобрения. Даже Историческая конференция при Академии не знала ни слова более тех, которые видели это сочинение и печатали его. Один потаенный приказ президента Академии утвердил ее печатание» [Кушник А. 1865. Ч. 2. С. 388–389; Пештич С.Л. 1965. С. 186].

М.В. Ломоносов получил из Канцелярии бумагу и отдал рукопись для переписывания набело. 9 сентября того же года К.Г. Разумовский распорядился напечатать этот том в академической Типографии, а 15 сентября Канцелярия приняла решение издать его значительным по тому времени тиражом в 2400 экземпляров. Ломоносов придумал темы рисунка для фронтисписа книги. Для нее были изготовлены новые «заставные литеры», доставленные в типографию 23 октября. 30 октября Канцелярия дала ордер Типографии

на печатание. К 8 марта 1759 г. были оттиснуты три печатных листа [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 575; *Летопись.* 1961. С. 295, 297, 298].

М.В. Ломоносов был решительно настроен продолжить работу по написанию «Российской истории», так что 9 февраля 1759 г. академическая Канцелярия поручила И.С. Баркову вновь ежедневно ходить к Ломоносову для переписывания «Российской истории» и выполнения других поручений. Впрочем, 8 марта 1759 г. Ломоносов приостановил печатание книги и взял рукопись из Типографии. Причину этого он указал в сложной системе сносок — на полях ссылки на источники наряду с подстрочными примечаниями [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 576; *Летопись.* 1961. С. 306, 307]. С.Л. Пештич обоснованно предположил и другую причину прекращения тиснения тиража — «работа Ломоносова над материалами для Вольтера, стремящегося к самому широкому описанию экономической и культурной жизни Российской империи при Петре I, возможно, заставила Ломоносова подумать о доработке своего труда» [*Пештич С.Л.* 1965. С. 186]. Это предположение С.Л. Пештича конструктивно, но осталось неразработанным.

М.В. Ломоносов, как и все просвещенные люди Европы, разумеется, хорошо знал литературные и научные труды Ф.М. Вольтера. С чем-то он соглашался в его блестящих по форме и глубоких по содержанию произведениях, а с чем-то нет. В частности, в ломоносовском проекте «Регламента академической Гимназии», написанном, вероятно, 24 марта — 27 мая 1758 г., ученикам рекомендовалось читать произведения в стихах Мольера, Расина и Вольтера [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 495]. Но когда Ломоносов ознакомился, вероятно, с шуточным посланием Вольтера к Фридриху II, он в письме от 3 октября 1752 г. И.И. Шувалову решительно осудил содержащиеся в нем атеистические высказывания [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 473–474, 810–811].

И.И. Шувалов и, видимо, канцлер А.П. Бестужев-Рюмин прекрасно понимали, что в установившихся союзных отношениях России с западными государствами и в начавшейся Семилетней войне (1756–1763) большое положительное значение будет иметь книга о России и ее знаменитом императоре Петре Великом, при котором были одержаны многочисленные победы его страны. Как отметил Н.А. Копанев, М.И. Воронцов и И.И. Шувалов в 1756 г. подготовили новый русско-французский договор, направленный против Фридриха II. После получения в Петербурге известия о приеме И.И. Шувалова Людовиком XV там началась подготовка плана военных действий, и в связи с этими приготовлениями последовало в феврале 1757 г. предложение Вольтеру написать «Историю Петра Великого» [*Копанев Н.А.* 2009. С. 35]. Это решение М.В. Ломоносов в письме к И.И. Шувалову от 2 сентября 1757 г. назвал как «непременное ваше старание о прославлении бессмертных дел блаженные памяти государя императора Петра Великого на иностранных языках» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 524].

Особое значение эта книга должна была иметь, если ее автором станет самый знаменитый литератор и историк Европы того времени — Ф.М. Вольтер. Когда М.В. Ломоносов узнал от И.И. Шувалова об этих решениях, в том же письме он их поддержал. По его словам, «к сему делу, по правде, г[осподина] Вольтера никто не может быть способнее». Но Ломоносов выразил опасение, сможет ли Вольтер при особых свойствах его критического, а если надо, то и язвительного стиля исполнить задачу конструктивного изучения деятельности Петра: Вольтер, по словам Ломоносова, «подал в рассуждении высоких особ худые примеры своего характера». Такая опасность, действительно, была, поскольку в уже опубликованных и еще неизданных материалах о первом российском императоре других авторов содержались клеветнические утверждения, преувеличения негативных сторон его характера и поведения. Проверить их иностранному автору не было возможности, да и научная критика исторического источника еще только формировалась.

М.В. Ломоносов опасался также, что перевод на французский язык значительных необходимых Ф.М. Вольтеру исторических материалов «великого труда и времени требуют». Поэтому он предложил, чтобы Вольтер составил план своего будущего труда. Для его осуществления Ломоносов предложил имеющееся у него «сокращенное описание дел» Петра Великого и свое переведенное на французский язык «Слово похвальное» Петру. Материалы он посоветовал посылать Вольтеру в соответствии с этим планом постепенно, а не все сразу.

Вероятно, М.В. Ломоносов считал, что повествование о Петре Великом должно начинаться с краткого исторического очерка о «состоянии России» в допетровский период, с правления первого царя из династии Романовых, Михаила Федоровича. В составлении такого «краткого экстракта из летописцев наших» Ломоносов предложил свою помощь. Он не советовал останавливаться на детских годах Петра, поскольку уже никого нет, кто бы об этих годах помнил. Но и в данном случае он обещал собрать устные сведения, мы бы сказали, «устную историю» детских лет будущего императора [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 525].

По мнению Е.Ф. Шмурло, Ф.М. Вольтер решил написать книгу о Петре как государе, о «России при Петре», а не «Историю Петра» как человека, что позволяло избежать упоминаний частной жизни царя, особенностей его характера и поведения [*Шмурло Е.* 1929. С. 52–53]. Близок к такому мнению С.А. Мезин, объясняя отказ Вольтера от погодного изложения биографии Петра. Но он привел и дополнительные причины — политический расчет, философский взгляд на историю, «нехватка материалов» [*Мезин С.А.* 1999. С. 93]. С такими суждениями сложно согласиться. Уже в «Истории Карла XII», изданной в 1731 г., Вольтер начал повествование о шведском короле с изложения сведений о размерах его страны, ее климате, о народе и экономике Швеции. Экскурс о России и деятельности Петра Великого в

той же книге он также начал со сведений о «нравах» в этой стране в допетровский период.

Когда в 1737 г. Ф.М. Вольтер решил переиздать свои сочинения, он подумал и о переработке «Истории Карла XII». Он собирался добавить в эту книгу больше сведений о России и Петре Великом. В поиске таких материалов Вольтер обратился к прусскому кронпринцу Фридриху. Он сформулировал 12 вопросов, которые относились к истории «нравов» и материальных процессов в России: «Вопрос 1-й. Русские столь же грубы и столь же свирепы, как об этом говорят? Вопрос 2-й. Какие основные изменения Петр I совершил в религии? Вопрос 3-й. Какие изменения Петр I совершил в управлении своим государством? Вопрос 4-й. Какие полезные изменения совершил Петр I в состоянии военного дела? Вопрос 5-й. Какие новые и полезные узаконения Петр I издал в отношении торговли? Вопрос 6-й. Каковы общественные работы, каналы, которые позволяют сообщаться с морем? Вопрос 7-й. Какие колонии со времени Петра I вышли из состава России и с каким успехом они обустроились? Вопрос 8-й. Каковы достижения русских в науках при Петре I? Какие учреждения были созданы в этом отношении и какую пользу в этом отмечают? Вопрос 9-й. В какой мере русские изменились в отношении одежды, нравов, обычаев и склонностей? Вопрос 10-й. Россия более населена, чем прежде? Вопрос 11-й. Каково число жителей в России, сколько служителей церкви? Вопрос 12-й. Каков в России бюджет (*Combien la Russie rapporte-t-elle d'argent*)?».

В августе 1737 г. Фридрих поручил ответить на эти вопросы секретарю своего двора Иоганну Готтхильфу Фоккеродту, который 18 лет находился в России в качестве секретаря прусского посольства и собрал там значительные материалы об истории страны и ее современном состоянии. 13 ноября того же года ответы Фоккеродта во французском переводе были отправлены Вольтеру. Как показал анализ Е.Ф. Шмурло, этот перевод был не всегда точен, местами сокращен или становился пересказом. Материалы Фоккеродта Вольтер использовал в ограниченной мере в «Анекдотах о Петре Великом», но они продолжали у него храниться [Шмурло Е. 1929. С. 14–23; *Voltaire*. 1999. Vol. 47. P. 1044–1164].

Из этих наблюдений следует, что для Ф.М. Вольтера решение написать книгу об истории Российской империи при Петре Великом, а не биографию ее первого императора, является последовательным развитием исследовательского метода — от истории правителя, учитывая географическое, экономическое и политическое состояние страны, к истории страны в его правление. Поэтому обоснованной представляется характеристика «Истории Российской империи при Петре Великом» как истории царя Петра в контексте «тех перемен во внутреннем состоянии России, которые произведены были его преобразованиями», «это был новый этап исторической науки» [Алексеев М.П. 1947. С. 25]. Ф.Я. Прийма характеризовал

как новаторскую и смелую задачу книги «написать историю Петра I не как биографию выдающейся исторической личности, а как экономическую и культурную историю целого народа» [Прийма Ф.Я. 1958. С. 183]. М. Мерво особо отметил философское содержание в труде Вольтера об истории Петра Великого [Mervaud M. 1999. Р. 116–122]. Значительное расширение тем, посвященных материальному состоянию России в его правление, позволило Вольтеру такой сложный в своем содержании труд создать.

Ф.М. Вольтер уже изучил значительные материалы, содержащие сведения о России и Петре Великом [Альбина Л.Л. 1979. С. 147–148; 1980. С. 156–169; 1989. С. 116–125]. В соответствии со своей концепцией исследования политической и династической истории, состояния «нравов», географии, природы, экономики ему было очевидно, что Петр «цивилизировал» Россию, т. е. способствовал распространению в ней современных промышленных и мануфактурных производств, торговли, образования и появлению научных знаний. В стране были созданы современная армия и мощный флот. Об этом Вольтер написал в своих предшествующих работах. Теперь ему были нужны дополнительные конкретные сведения, как Вольтер написал в письме от 24 июня 1757 г. И.И. Шувалову, о численности регулярных войск, о ее торговле и как она распространена, какие появились в стране искусства, каковы, приблизительно, государственные доходы, как появился и развивался морской флот, каково численное соотношение благородного сословия, лиц церковных и монашествующих, а всех их — к земледельцам [Шмурло Е. 1929. С. 55–56; порядке перечисления Вольтером; см. там же текст письма].

Не дожидаясь присланных из Петербурга материалов, Ф.М. Вольтер за полгода, к августу 1757 г., написал восемь глав будущего труда, от воцарения Михаила Романова до сражения под Нарвой в 1700 г. Такое начало повествования о царствовании Петра совпало с мнением Ломоносова. Причиной этого стали, видимо, новая для Вольтера постановка проблемы, которая подразумевала указание правления его отца и деда, родоначальника династии, а также уже существующая в западной литературе и известная Вольтеру традиция изложения предыстории царствования Петра в трудах Руссе де Мисси (Nestesuranoi) и Ф.И. Страленберга. Позднее данные разделы стали главами 3–10 его опубликованной «Истории Российской империи». В них использованы прежде всего сведения Ф.И. Страленберга, Д. Перри, неизданные «Записки генерала Лефорта» и реляции иезуитов из Китая. Эти главы были отправлены для обсуждения в Петербург. В июне 1758 г. он послал И.И. Шувалову другую часть рукописи. Только в июле, как следует из письма Вольтера к Шувалову от 17 числа того же месяца, он получил с курьером из Вены первый «пакет» с материалами [Шмурло Е. 1929. С. 57–59; М. Мерво датирует получение первого «пакета» более широко — летом 1758 г.: Mervaud M. 1999. Р. 106–109]. Вероятно, такой быстрой работе над многочисленными материалами, содержащими сведения о далекой России, способствовали

предшествующие значительные познания Вольтера в российской истории, а также А.П. Веселовский, который в это время жил в Женеве и был с Вольтером хорошо знаком [Копанев Н.А. 2002. С. 442; здесь и далее о процессе написания «Истории Российской империи» см.: Шмурло Е. 1929. С. 42–87; Mercand M. 1999. Р. 98–177].

Поскольку Ф.М. Вольтер изучал историю России в соответствии со своей концепцией, ему нужны были точные или более полные сведения о материальных процессах, происходивших в стране. Поэтому он посылал в Петербург запросы. Видимо, первый из них состоял из трех вопросов. Состояние российской исторической науки характеризуют переведенные на французский язык ответы на них. В ответе на первый из них — о численности населения — приведены единственно тогда точные сведения о податном населении с учетом численности рекрутского набора и изменений количества жителей дома с 1680 г. Но, учитывая, что в состав Российской империи входили также многочисленные народы на ее европейской части и в Сибири, численность которых не установлена, в ответе на этот вопрос указаны сведения приближительные — 20 миллионов жителей.

Ответ на второй вопрос — о численности регулярной армии и ее содержании — представлял собой краткий исторический очерк. В нем сообщалось о начале созданного еще царем Иваном Васильевичем регулярного войска, состоявшего из стрельцов, «некоего вида мушкетеров». Так опровергалось их ошибочное уподобление в западной литературе янычарам. Но здесь же указывались особенности материального содержания стрельцов. Начало современной армии в России отнесено в соответствии с концепцией Петра Великого к нескольким полкам пехоты и кавалерии, созданным царем Алексеем Михайловичем. При этом приведена ссылка на изданную в Москве в 1647 г. книгу, где сообщается об их действиях и учениях. Но в отличие от Петра, который объяснил причину упадка этих полков отставанием России в современных знаниях, автор очерка объяснил такое явление тем, что с самого начала это новое «учреждение» не было приведено в «полное совершенство». Так что Петру пришлось создавать современную армию заново, с создания в 1690 г. Преображенского и Семеновского полков. Отмечено было и большое значение артиллерии в новой российской армии.

Впрочем, автор очерка исторически обоснованно отметил, что практика (*l'expérience*) показала недостаток этой армии в отсутствии «военного искусства» как у солдат, так и многочисленных офицеров. Свидетельством этого печального опыта названа первая осада Нарвы в 1700 г. Близко к мнению Петра Великого он указал на тяжесть потерь, но это оказалось очень полезно для преобразований в России, которые сказались в последующих победах российской армии. Численность войск автор приводить не стал, отсылая к Военной коллегии.

Автор ответа на третий вопрос — о торговле России до Петра и как она распространена — посвятил этой теме обстоятельный очерк. Он начал с выгодного географического положения России, реки которой впадают в Балтийское и Черное моря, что, по его мнению, способствовало ее цветущему состоянию, начиная с установления единовластия. Особо автор отметил благоприятные условия для торговли с Византией, огромные торговые ярмарки в древнем Хольмгарде (этот скандинавский топоним автор здесь же разъяснил в полной мере корректно как Новгород). Он привел сведения о договорах князей Олега и Игоря с Византией.

Обстоятельно изложен летописный рассказ, восходивший к ПВЛ, о решении князя Святослава перенести, как написал автор очерка, «престол своей империи» в Переяславль, город, расположенный на Дунае, «с единственной побудительной причиной своего решения» — он был удобно расположен для торговли с «греками», чехами, венграми и Россией. Нападения кочевых народов, печенегов, которых сменили половцы, а затем и татары, разделение России на множество княжеств, владельцы (*possesseurs*) которых постоянно вели войну друг с другом, превратили ее в добычу (*proye*) татар, которые там господствовали в течение трех столетий. Далее автор подробно остановился, используя исследование Т.З. Байера, на особом значении Крыма и Азова для русских земель в таких обстоятельствах генуэзской торговли в Причерноморье, позднее — восточной торговли России во второй половине XVI — первой половине XVIII в. (по многочисленным русским и иностранным источникам). В частности, автор очерка обстоятельно написал о строительстве при царе Алексее Михайловиче корабля «Орел», о его предназначении для защиты купцов и их товаров на Каспийском море, о том, что «Орел» был сожжен повстанцами во время «знаменитого бунта Стеньки Разина», но его капитан Дэвид Бутлер не погиб, как считали, а спасся в Персии. Как добросовестный ученый, автор очерка сослался на источник этих сведений — русский перевод дневника Бутлера, который хранится в «Императорской библиотеке» [Шмурло Е. 1929. С. 197–211].

В этих ответах на вопросы Ф.М. Вольтера, судя по обстоятельным познаниям в конкретных исторических материалах, прослеживается активное участие Г.Ф. Миллера.

В процессе работы над книгой у Ф.М. Вольтера возникли в 1759 г. дополнительные 16 вопросов. Ответы на них подготовил Г.Ф. Миллер, и с определенными коррективами, сделанными в Академии наук, они были отправлены французскому историку [Шмурло Е. 1929. С. 212–226; перевод этого текста по другому списку Миллера см.: Платонова Н. 1939. С. 2–11]. На этот раз Вольтера интересовали вопросы о состоянии в России полиции, Церкви, финансов, торговли, а также церковного законодательства в петровское правление. Ему было важно также знать, какие были построены при Петре значимые общественные сооружения, дороги, каналы, гавани (вопросы 2, 4). Прочие вопросы

относились к внешней политике Петра, к обстоятельствам его семейной жизни, а также российской действительности петровского периода.

Эти вопросы и ответы на них свидетельствовали о том, что Ф.М. Вольтер писал обобщающее историческое исследование о России в Петровскую эпоху. Он не имел возможности самостоятельно выявлять массовые источники материалы, но те, кто ему в России помогал, прекрасно эти материалы знали и профессионально были хорошо подготовлены. Они видели исторические связи современной России с ее прошлым. Впрочем, все они, кроме М.В. Ломоносова, написать обобщающее исследование, посвященное российской истории, тогда еще не могли.

О том же свидетельствуют многочисленные замечания, которые были сделаны с российской стороны по поводу присланного в 1758 г. Ф.М. Вольтером И.И. Шувалову для обсуждения рукописного текста части первого тома. Вольтер написал 14 возражений на эти замечания и получил в том же году ответы российских историков, видимо, прежде всего, Миллера [*Шмурло Е.* 1929. С. 172–185].

Впрочем, Ф.М. Вольтер и его российские критики делали одно дело — Вольтер создавал первый в западной историографии труд, посвященный истории России во множестве ее проявлений в правление Петра Великого, а российские историки ему в этом помогали.

Кроме книг о России, изданных на Западе, Ф.М. Вольтер располагал значительными материалами, которые подготовили для него российские историки. Эти материалы не датированы, и не указаны люди, которые их для Вольтера готовили. По большей части не удастся установить, когда точно они к нему поступили. В частности, Вольтеру было отправлено «Слово похвальное Петру Великому» М.В. Ломоносова, а когда в 1760 г. был опубликован ломоносовский «Краткий Российский летописец», — и это произведение. В дополнение к первому «пакету» рукописей из Петербурга был получен Вольтером в мае 1759 г. и второй «пакет» [*Mervaud M.* 1999. Р. 109–111]. В обоих «пакетах» содержались переводы исторических источников, статистические материалы и специально для Вольтера подготовленные очерки. Были и другие поступления из Петербурга. Всего в распоряжение Вольтера оказалось более 120 таких рукописей [*Альбина Л.Л.* 1979. С. 148]. Они свидетельствуют, что российские историки, которые отбирали и обобщали эти материалы для Вольтера, хорошо освоили в середине XVIII в. самые разные по происхождению и содержанию источники по истории России, от древнерусского периода до новейшего времени. Впрочем, по подсчетам М. Мерво, Вольтер использовал лишь около половины из «русских» по происхождению рукописей — 55 из 120. Многие российские и иностранные источники он не учитывал, модифицировал или использовал ограниченно [*Mervaud M.* 1999. Р. 163, 171–177].

В распоряжении Ф.М. Вольтера находились многочисленные материалы, содержащие сведения о деятельности и личности Петра Великого:

некоторые его указы, отрывок «Поденной записки», хронологические перечни его деяний и сведения о разных событиях в отдельности, от его рождения до смерти, о членах его семьи, «анекдоты» о международных переговорах Петра и его послов, о заключении международных договоров, письма Петра к адмиралу Ф.М. Апраксину и П.П. Шафирову, а также копии писем разных лиц, материалы о коронованных особах других государств и прочих лицах, российских и зарубежных.

Отдельные сочинения (*mémoires*) и справочные материалы в виде таблиц содержат сведения о государственных доходах, об истории торговли, о происхождении и состоянии армии и флота, о состоянии фабрик и мануфактур, о строительстве городов, крепостей, портов, дорог и отдельных зданий, о полиции, законодательстве, в частности, о законодательстве военном, о состоянии церкви, духовных лиц и о реорганизации церковного управления, о религиях, которые почитаются в России. Особые материалы относились к восстаниям стрельцов, к клятвопреступлению Мазепы, к делу царевича Алексея, к заговорам и интригам. Этногеографические описания посвящены России и, в частности, Камчатке, а также Петербургу и Москве [*Voltaire*. 1999. Vol. 47. P. 990–1043]. Эти материалы мало привлекали внимания для изучения российской исторической науки середины XVIII в.

Особой научной проблемой является участие М.В. Ломоносова в подготовке материалов для «Истории Российской империи при Петре Великом».

Уже П.П. Пекарский, изучая научную деятельность М.В. Ломоносова, особо остановился на этом вопросе. Из приведенного им письма от 2 сентября 1757 г. Ломоносова к И.И. Шувалову следовало, что он был готов отправить Ф.М. Вольтеру «сокращенное описание дел» Петра Великого, имеющиеся у него «записки о трудах великого нашего монарха». Сам он был готов написать «краткий экстракт из летописцев наших» «о состоянии России во время царствования государя царя Михаила Федоровича». В письме от 10 октября того же года Ломоносов сообщил Шувалову, что он уже подготовил «сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов», тогда как «сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора» он «старается» «привести к окончанию подобным образом» [*Пекарский П.* 1873. Т. 2. С. 617–618].

Таким образом, проблема участия М.В. Ломоносова в подготовке материалов для труда Ф.М. Вольтера была в научной литературе поставлена. Но долгое время она оставалась неизученной. Е.Ф. Шмурло в своем исследовании, посвященном написанию и изданию Вольтером «Истории Российской империи при Петре Великом», сосредоточился на критических замечаниях российских ученых в связи с этим трудом и на дискуссии с ними его автора. А.И. Андреев отметил работы Ломоносова, посвященные российской истории, в более широком контексте его интересов также к географии и этнографии. В этой связи он предпринял анализ конволютов рукописей,

присланных Вольтеру из Петербурга и хранящихся ныне в Российской национальной библиотеке. В их составе он выделил те работы, которые, по его мнению, принадлежали перу Ломоносова [Андреев А.И. 1940а. С. 286–296; 1940б. С. 297–31; 1946. С. 130–143].

Вопрос о мере участия М.В. Ломоносова в отборе и подготовке материалов для вольтеровской «Истории Российской империи» стал особо важен в связи с работой над «Полным собранием сочинений» великого ученого во второй половине 40-х — начале 50-х гг. XX в. Редакция этого академического издания сочла достоверным определение авторства Ломоносова лишь одной из петербургских рукописей, хранящихся в Библиотеке Вольтера — переведенные на французский язык очерки, первый из которых озаглавлен: «*Mémoire sur la première révolte des srélitz en 1682*» («Записка о первом восстании стрельцов в 1682 г.»). В этих очерках, или «экстрактах», как они именовались в период подготовки материалов для Вольтера, повествовалось о пяти стрелецких восстаниях в 1682–1698 гг., а также о правлении царевны Софьи. Они были обоснованно идентифицированы с подготовленным Ломоносовым «описанием стрелецких бунтов» и опубликованы в его «Полном собрании сочинений» на французском и русском языках под условным названием — «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи». В примечаниях к ним были указаны исторические источники, которыми пользовался Ломоносов при написании очерка. Относительно других «экстрактов», над которыми работал Ломоносов для труда Вольтера, — «Сокращенное описание дел государевых Петра Великого» и «Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора» — в примечаниях к этой публикации отмечено, что они не сохранились [БВ РНБ. Рукописи. 5–242. Т. 2, лл. 384–400; Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 97–161, 568–572].

Позднее, Е.С. Кулябко и Н.В. Соколова обратили внимание на содержащуюся в первом томе вольтеровских материалов к «Истории Российской империи» анонимную рукопись «*Abrégé chronologique des événements les plus remarquables de règne de Pierre I*» («Краткое хронологическое изложение событий, наиболее замечательных в правление Петра I» [БВ РНБ. Рукописи. 5–242. Т. 1, лл. 302 — 312 об.]. Они датировали эту рукопись по филиграну «*Pro Patria*» 1762 г. По их наблюдениям, это был беловик, подготовленный Г.Ф. Миллером для Ф.М. Вольтера, а черновики рукописи и материалы к ней находились в «Портфелях» Миллера, хранящихся ныне в Государственном архиве Российской Федерации. По мнению Кулябко и Соколовой, Миллеру для ускорения работы помогали И.И. Тауберт и И.С. Барков. Определили они также основные исторические источники, которыми пользовались Миллер и его помощники [Кулябко Е.С., Соколова Н.В. 1965а. С. 274–277].

Против таких наблюдений решительно возразила Г.Н. Моисеева. По ее мнению, в том же первом томе вольтеровских материалов, кроме «*Abrégé chronologique*», содержалась и другая, более краткая хронологическая

таблица «Tables chronologiques des Faits Mémorables appartenants à l'histoire de l'Empereur Pierre le Grand» («Хронологические таблицы памятных фактов, относящихся к истории императора Петра Великого») [БВ РНБ. Рукописи. 5–242. Т. 1, лл. 302 – 312 об.]. Филигрانی первой из них датировались 1753 г., второй – 1741–1759 гг. На первом листе «Abrégé» была сделана приписка: «Quoique Monsieur de Voltaire ait déjà une première Copie de cet Abrégé, on a cru devoir une seconde parceque depuis on y a fait plusieurs addition» («Хотя у господина де Вольтера уже есть первая копия этого Краткого изложения, посчитали обязанным подготовить вторую, поскольку позднее в нее были сделаны некоторые дополнения»; перевод наш. — М. С.). Моисеева отметила авторов, известия которых были дополнены в «Abrégé», Ле Брюна, Д. Перри, Г. Адлерфельда, Й. Нордберга, Ф.И. Страленберга. Указанные при этом страницы книг данных авторов позволили ей определить издания, которые были использованы для дополнений в «Abrégé». По ее наблюдениям, последняя по времени из этих книг, Страленберга, была опубликована в 1757 г.

Г.Н. Моисеева установила также русский текст, более ранний список которого был использован для французского перевода, выполненного для Ф.М. Вольтера, — «Сокращенное описание дел государя Петра I» [Архив СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1. ед. хр. 698, лл. 1–12]. В нем есть те дополнения, которые присутствуют в «Abrégé» и отсутствуют в «Tables». Определяющим фактом для Моисеевой в атрибуции «Abrégé» М.В. Ломоносову стало указание о создании «потешных» полков Петром I в 1683 г., тогда как Г.Ф. Миллер написал в одной из своих поздних работ, что они были набраны в 1687 г. при активном участии Ф. Лефорта. Поскольку в «Abrégé» учреждение «потешных» полков отнесено к 1683 г., этот факт стал для Моисеевой решающим аргументом в пользу отнесения данного произведения к творчеству М.В. Ломоносова [Моисеева Г.Н. 1979. С. 123–131].

Вероятно, эти наблюдения Г.Н. Моисеевой оказались достаточными для М. Мерво и его сотрудников. Поэтому в подготовленной ими описи рукописей, присланных из Петербурга Ф.М. Вольтеру, «Abrégé» указана как принадлежащая авторству М.В. Ломоносова, а следующие за ней в конволюте «Tables» приведены без авторской атрибуции, но как первая версия предшествующей рукописи. Они отметили также существование трех присланных из Петербурга рукописей, находившихся в распоряжении Вольтера. Одна из них озаглавлена: «Abrégé des annales Russes avec la Généalogie composé par M. Lomonosoff à St. Petersbourg» («Краткое изложение русских летописей с генеалогией, составленное М. Ломоносовым в Санкт-Петербурге»). Но, по мнению Мерво, Вольтер эти рукописи не использовал, поскольку они содержали подробности о древнерусских правителях, а они не могли представить для него интереса. Он ограничился лишь панегириком Ломоносова Петру Великому [Voltaire. 1999. Т. 46. Р. 107, 163; Т. 47. Р. 990, 994].

Все сделанные ранее наблюдения важны для атрибуции «Tables» и «Abrégé» (прежде всего, обоснованно установленное временное первенство «Tables»), а также для изучения вопроса об участии М.В. Ломоносова в подготовке материалов для «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера. Впрочем, сравнение текстов «Сокращенного описания дел государя Петра I» [опубликован: Моисеева Г.Н. 1979. С. 132–138], «Tables» и «Abrégé» вызывает сомнения в отнесении последней из названных рукописей к творчеству М.В. Ломоносова.

В первых по времени «Tables» «начало двух гвардейских полков, Преображенского и Семеновского, под именем “потешных”» отнесено к 1683 г., что соответствует мнению М.В. Ломоносова, как установила Г.Н. Моисеева, а также тексту «Сокращенного описания». Текст «Tables», действительно, во многом тождествен «Сокращенному описанию». Но в нем нет дополнений и ссылок на использованные исторические произведения, сделанных неизвестным редактором в первоначальном тексте, как это написано в «Сокращенном описании». Некоторые изменения имеют характер литературного редактирования. В тексте «Tables» нет некоторых исторических событий, которые указаны в «Сокращенном описании», но содержатся такие исторические подробности, которых в «Сокращенном описании» нет. Эти дополнения, в частности, далеки от жизненного и научного опыта Г.Ф. Миллера, но близки М.В. Ломоносову.

Текст в «Сокращенном описании» под 1699 г. «Учреждение в Москве школы для мореплавания» передан в «Tables» близко по содержанию: «Учреждение Морской академии в Москве (L'établissement d'une Académie maritime à Moscou)», но здесь же добавлено по-французски — «sur la tour de Souhareff» («на Сухаревой башне»). Для М.В. Ломоносова, который долго жил в Москве, это дополнение было необходимо в отличие от использованного им источника. Вероятно, хорошим знанием Москвы первой трети XVIII в. Ломоносовым объясняется и другая приписка в «Tables». Если в «Сокращенном описании» кратко написано под 1707 г. — «Укрепление Москвы» и указаны соответствующие страницы труда Д. Перри, то в «Tables» сообщается конкретно: «Городские укрепления Москвы перестроены заново» («La ville de Moscou fut réfortifiée de nouveau»).

В «Сокращенном описании» под 1701 г. написано со ссылкой на страницы сочинения ле Брюна: «Начали строить у города Архангельского крепость, называемую Новая Двинка». В «Tables» строительство Новодвинской крепости соотнесено с путешествием Петра в Архангельск, а ее возведение указано как совершившийся факт, что также было хорошо известно М.В. Ломоносову: «Путешествие Его величества Петра Первого в Архангельск, где им была построена (fit batu) новая крепость, названная Новая Двинка».

В «Tables» и в «Сокращенном описании» содержится под 4 июля 1719 г. совпадающий первоначальный текст об отправлении в Китай в качестве посла

гвардии капитана Льва Васильевича Измайлова. В первом из этих произведений указано также, что позднее Измайлов стал генерал-лейтенантом. Происхождение этого дополнения неясно. Но поскольку он получил этот чин в 1734 г., то отсюда следует, что данное разъяснение о высшем в его карьере воинском чине появилось в хронологической таблице после этого года.

К постоянным интересам Ломоносова-химика, одного из постоянных участников организации фейерверков по поручению властей и административного руководства Академии, относится дополнительная запись в «Tables» о «начале» пороховой фабрики на Охте 10 декабря 1719 г.

13 февраля 1757 г. распоряжением К.Г. Разумовского М.В. Ломоносов был назначен членом академической Канцелярии, а 24 марта 1758 г. ему был поручен контроль над академическими Историческим и Географическим собраниями, а также Университетом и Гимназией [Гнучева В.Ф. 1940. С. 245; Летопись. 1961. С. 263, 289]. В соответствии с новыми обязанностями М.В. Ломоносова как руководителя Географического департамента в «Tables» содержатся сведения, отсутствующие в «Сокращенном описании»: «основание» «Царицынской линии», т. е. военной оборонительной системы (1719 г.), «основание» речного порта в Гжатске, «чтобы более облегчить внутреннюю торговлю империи» (1720 г.).

Установленные дополнения в «Tables» численно невелики в сравнении с «Сокращенным описанием» и, соответственно, с «Abrégé». Все они, кроме разъяснения о будущем повышении в чине Л.В. Измайлова, соотносятся с обстоятельствами жизни и деятельности М.В. Ломоносова и находятся на периферии интересов Г.Ф. Миллера. Поэтому можно предположить, что эти дополнения, а также редакционные изменения внесены в уже существующую хронологическую таблицу Ломоносовым.

Если это предположение, верно, то появление «Tables chronologique des Faits Mémorables appartenants à l'histoire de l'Empereur Pierre le Grand» в редакции М.В. Ломоносова можно объяснить таким образом. Когда Ломоносов получил от И.И. Шувалова предложение принять участие в подготовке материалов для заказанного Ф.М. Вольтеру труда о Петре Великом, он, как отмечено ранее, в письме от 2 сентября 1757 г. предложил Шувалову отправить Вольтеру для составления «краткого плана» «сокращенное описание дел государевых, которое я имею» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 525]. Это «сокращенное описание» представляло собой хронологическую таблицу, основу которой, вероятно, составляли хронологические материалы о времени правления Петра, собранные в Академии наук. В полной мере осознавая важность такой таблицы для будущей работы Вольтера и для составления «краткого плана», Ломоносов в короткий срок, к лету 1758 г. (первый «пакет» материалов для Вольтера), отредактировал имеющийся у него список таблицы, внес в нее не-

большое число дополнений и передал этот отредактированный экземпляр Шувалову для пересылки Вольтеру.

В отличие от М.В. Ломоносова Г.Ф. Миллер, которого И.И. Шувалов также привлек к подготовке материалов для Ф.М. Вольтера, действовал неспешно. Подобно Ломоносову, в основу своей работы он положил список той же хронологической таблицы. Но Миллер и его возможные помощники существенно дополнили ее многочисленными сведениями о Российской империи в правление Петра Великого из опубликованных и рукописных материалов того времени. При этом в рабочем экземпляре во многих случаях они указывали книги и страницы, откуда данные сведения заимствовались. О такой работе свидетельствуют найденные Е.С. Кулябко и Н.В. Соколовой в «Портфелях» Миллера черновики этой хронологии и материалы к ней, а также список с рабочего экземпляра Миллера, открытый Г.Н. Моисеевой в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН [Моисеева Г.Н. 1979. С. 123–138]. Беловиком новой редакции хронологии, подготовленной Миллером, стал, как установили Кулябко Е.С. и Соколова Н.В., «Abrégé chronologique des événements les plus remarquables de règne de Pierre I», сохранившийся в бумагах Вольтера [Кулябко Е.С., Соколова Н.В. 1965. С. 277].

Такое происхождение присланных из Петербурга двух различающихся редакций хронологической таблицы объясняет появление в «Abrégé», хранящейся в бумагах Г.Ф. Вольтера, надписи, в которой сообщалось, что корреспондент французского философа и историка посчитал необходимым подготовить для него дополненное «Краткое изложение» деяний Петра Великого, хотя у него уже есть ранее присланный экземпляр хронологии (см. ранее, с. 688). Отсюда становится ясно, что «Abrégé» подготовлен Г.Ф. Миллером, а по объективным причинам более краткие «Tables» — М.В. Ломоносовым. Поэтому можно сделать вывод, что в замечательном по научным достоинствам издании М. Мерво трудов Вольтера в полной мере обосновано временное соотношение «Tables» и «Abrégé», но «Tables» не являлись первой редакцией (version) «Abrégé». Напротив, «Tables» и «Abrégé» являются самостоятельными произведениями, созданными на основе ранее существовавшей хронологической таблицы. Первое из них относится к творчеству Ломоносова, а второе подготовлено Миллером, но не Ломоносовым, как указано в издании М. Мерво вслед за мнением Г.Н. Моисеевой.

В пользу такого вывода свидетельствует состав и содержание сборника работ, хранящегося в Архиве СПБИН РАН [ф. 36, оп. 1, ед. хр. 698], который ввела в научный оборот Г.Н. Моисеева. Впрочем, она не обратила внимания на то, что в этом же сборнике после «Хронологических записок достопамятных в России происшествий со времени рождения государя императора Петра I», текстуально и содержательно совпадающего с «Abrégé», находится другая таблица, озаглавленная: «Города, крепости, морские гавани, каналы,

дороги и другие публичные строения, сооруженные Петром I или по его величества указам». Этот заголовок соответствует тексту письма, отправленного в 1759 г. секретарем И.И. Шувалова бароном Т.Г. Чуди (шевалье де Люси): «Г-на профессора Миллера весьма настоятельно просит его превосходительство камергер Иван Иванович Шувалов соблаговолить потрудиться собрать наиболее важные сведения о различных общественных сооружениях, как города, большие дороги, каналы и порты, построенные по повелению Петра Великого, чтобы послать это собрание г-ну Вольтеру» [это письмо открыто в СПФ АРАН: Кулябко Е.С., Соколова Н.В. 1965. С. 276].

Таким образом, таблица «Города, крепости, морские гавани» стала исполнением Г.Ф. Миллером поручения И.И. Шувалова, который собирался дать ответ на четвертый вопрос Вольтера, направленный в Россию в 1759 г. Но эта таблица содержательно и текстуально совпадает в значительной мере с «Хронологическими записками».

«Хронологические записки»	«Города, крепости, морские гавани»
<p>1696. Начальное копанье канала к соединению Волги с Доном. Перри, стран. 3 (л. 4).</p> <p>1702. Начало копанья канала между реками Доном и Окою. <i>Le Brun</i>, tome I, p. 61 (л. 5).</p> <p>1703 февраля 1. Отъезд Петра I на Воронеж. <i>Le Brun</i>, p. 69. 3. Прибытие в город Ораниенбург, построенный тогда князем Меншиковым. Там же, стр. 61 (л. 5 об.).</p> <p>1706. Новые учреждения в Москве для медицины. <i>Le Brun</i>. Tome II, p. 419–420 (л. 6 об.).</p> <p>1707. Укрепление Москвы. Перри, стран. 22, 23, 24 (л. 6 об.).</p> <p>1710. Начало города Кронштата. Перри, стран. 40 (л. 7 об.).</p>	<p>1696–1699–1701. Канал для соединения рек Дона и Волги начат в 1696м полковником Брекем, продолжаем в 1699м — 1701м капитаном Перри. Смотри Записки сего Перри (л. 13).</p> <p>1702. Канал для соединения рек Оки и Дона начат в 1702м. <i>Ле Брионь</i> упоминает о сем в томе I на стран. 61 его путешествий (л. 13 об.).</p> <p>1703. Ораниенбург, город на Московской к Воронежу дороге построен князем Меншиковым в 1703м году. Смотри <i>ле Брионя</i> в вышеуказанном месте (л. 13 об.).</p> <p>1706. Генеральный Гофшпиталь и Главная Аптека в Москве и другие медицинские строения в 1706м. <i>Ле Брионь</i> упоминает о сем том II, стр. 419–420 (л. 14).</p> <p>1707. Город Москва укреплен в 1707м. Смотри Перри, стран. 22–24 (л. 14 об.).</p> <p>1713. Здесь то полагается эпоха городу Кронштату, хотя Перри на странице 40й означает начало онаго в 1710 <...> (л. 15).</p>

Данных текстуальных совпадений, видимо, достаточно, чтобы убедиться в том, что автор таблицы «Города, крепости, морские гавани, каналы, дороги и другие публичные строения, сооруженные Петром I или по его величества указам» Г.Ф. Миллер являлся также составителем «Хронологических записок достопамятных в России происшествий со времени рождения государя императора Петра I по кончину его», а, следовательно, «Abrégé». Эти наблюдения подтверждают вывод об авторстве «Tables» М.В. Ломоносова.

В связи с установлением принадлежности «Tables» творчеству М.В. Ломоносова следует вернуться к наблюдениям А.И. Андреева об участии великого ученого в подготовке и других материалов по истории, этнографии и географии России, кроме «экстракта» о восстаниях стрельцов и правлении царевны Софьи. Соотнося сведения, содержащиеся в письмах Ломоносова к И.И. Шувалову, а также петербургские материалы к «Истории Российской империи при Петре Великом», Андреев установил, что «под смотрением» Ломоносова, т. е. под его руководством, в сентябре–октябре 1757 г. составлялось географическое описание России и, как написал он, оно «скоро быть может готово». Допустил Андреев и «ближайшее участие» Ломоносова в составлении этого экстракта. Он был подготовлен в связи с тем, что Ломоносов был крайне не удовлетворен тем, что Вольтер написал в предварительном тексте «Истории Российской империи», присланном в Петербург. В числе рукописей, присланных Вольтеру, содержится очерк «Description abrégé de la Russie» («Сокращенное описание России») [БВ РНБ. Рукописи. 5–242. Т. 2, лл. 367–372 об.]. Вольтер это описание учел, и новый вариант текста «Истории Российской империи» возражений у Ломоносова не вызвал.

Под руководством М.В. Ломоносова профессор истории в академическом Университете К.Ф. Модерах, который хорошо знал французский и русский языки, подготовил для Ф.М. Вольтера «экстракт» по книге С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» [БВ РНБ. Рукописи. 5 — 242. Т. 2, лл. 287–307 об.]. А.И. Андреев поначалу думал, что Ломоносов являлся автором находящегося среди петербургских рукописей Вольтера французского перевода сочинения о лопарях и самоедах [БВ РНБ. Рукописи. 5 — 242. Т. 2, лл. 373–377]. Но от этой мысли он отказался, поскольку согласился с мнением о создании данного труда Т.М. Клингштедом [Андреев А.И. 1940а. С. 294–296; 1940б. С. 298–301; 1946. С. 134–135].

Эти наблюдения над соотносением рукописей, присланных Ф.М. Вольтеру, и участием М.В. Ломоносова в подготовке материалов для «Истории Российской империи» следует продолжить.

В числе конволютов, в которые были переплетены петербургские «экстракты», находится один, в скромной бумажной обложке, отличный от других пяти томов в великолепных с золоченым тиснением переплетах. Хранители рукописей определили этот скромный по внешнему оформлению конволют как продолжение второго тома и пронумеровали его листы как его

продолжение: «Manuscripts relatifs à l'histoire de Russie sous Pierre le Grand, t. II, ff. 355–400». М. Мерво и его сотрудники охарактеризовали его как «тетрадь» и, учитывая его самостоятельное содержание по отношению ко второму тому рукописей, обозначили в своем описании рукописей для «Истории Российской империи при Петре Великом» как шестой том [Voltaire. 1999. Т. 47. Р. 1040–1043]. Впрочем, поскольку в официальной описи этих материалов и в исследовательской литературе этот том указан как второй, целесообразно сохранить во избежание недоразумений данную традиционную нумерацию томов.

В этом томе содержатся материалы по дешифровке, истории российской армии, по генеалогии Романовых и древнерусских князей, ранее рассмотренные «Сокращенное описание России», «Сокращенный мемуар о самоедах и лопарях», «мемуары» М.В. Ломоносова о восстаниях стрельцов и правлении царевны Софьи. В последних не указаны очерки Ломоносова о четвертом и пятом восстании стрельцов [Voltaire. 1999. Т. 47. Р. 1043; см.: БВ РНБ. Рукописи. 5–242. Т. 2, лл. 397 об. — 400].

Наряду с данными рукописями в этом конволюте содержатся также два «экстракта»: «Description de S. Peterbourg et de ses environs» («Описание С.-Петербурга и его окрестностей») и «Description de la ville de Moscou» («Описание города Москвы») [БВ РНБ. Рукописи. 5 — 242. Т. 2, лл. 377–381, 382–383]. В связи с этими «экстрактами» следует отметить, что в замечаниях на первый присланный Ф.М. Вольтером вариант «Истории Российской империи» М.В. Ломоносов критически оценил то, что написано в нем о российских столицах. По поводу Москвы Ломоносов, который хорошо знал города Центральной и северо-запада Западной Европы, особо подчеркнул: «Москва великий город, первого рангу во всей Европе». Замечание по поводу написанного Вольтером о Петербурге более обстоятельно: «Санктпетербург не хорошо описан, инде мало, инде излишно. Должно сделать хорошее описание и перевести. Вместиť новые строения, Петергоф, Сарское село и прочие». В комментариях к этим замечаниям В.Р. Свирская отметила, что описания Москвы и Петербурга были посланы Вольтеру; эти тексты находятся в составе рукописей его библиотеки, хранящейся в Российской национальной библиотеке [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 91, 565; курсив наш — М. С.].

Такой общей отсылки к этим рукописям недостаточно. Следует отметить, что их содержание соответствует замечаниям М.В. Ломоносова. В «Описании С.-Петербурга и его окрестностей» обстоятельно повествуется о замечательных по архитектуре зданиях в центре города. Он описан по районам, центральным и окраинным. Специальные экскурсии посвящены в этом очерке пригородным императорским резиденциям. В «мемуаре», посвященном Москве, особо отмечены ее историческое значение для России, величина города, Университет, в создание которого значительный вклад внес М.В. Ломоносов. Завершается этот очерк указанием на существование в Москве «не-

зависимо от Университета еще и училища (college) в Спасском монастыре». Такое внимание к Славяно-греко-латинской академии, преемнице «законоспасских школ», понятно, если учесть ее значение в биографии Ломоносова. В опубликованном в 1760 г. «Кратком Российском летописце» он напишет об основании Законоспасского училища в 1682 г. наряду с важнейшими военными и политическими событиями XVII в.

Содержательное совпадение замечаний М.В. Ломоносова по поводу первого варианта «Истории Российской империи» и отправленных Ф.М. Вольтеру очерков, посвященных Петербургу и Москве, проявление во втором из них особого внимания Ломоносова к сюжетам, относившимся к его жизни и деятельности, позволяют сделать вывод, что эти «экстракты» также были созданы в Географическом департаменте «под смотрением» великого ученого и им отредактированы. Для самостоятельного их написания у Ломоносова при его огромной занятости научными, административными, литературными и организационными делами (в это время его фабрика мозаики и бисера уже изготавливала свою продукцию) времени, вероятно, не было (мнение об участии в подготовке этих очерков высказал в предварительном обсуждении также Н.А. Копанев).

Таким образом, на основании сделанных наблюдений можно существенно увеличить и конкретизировать список тех неатрибутированных исторических произведений, кроме очерков о стрелецких восстаниях и правлении царевны Софьи, в написании которых участвовал М.В. Ломоносов, или они подготавливались под его руководством и редакцией. Это — «Хронологические таблицы памятных фактов, относящихся к истории императора Петра Великого», «Сокращенное описание России», «экстракт» по книге С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», «Описание С.-Петербурга и его окрестностей» и «Описание города Москвы». Было ли завершено Ломоносовым «Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Феодора», о котором он написал в письме к И.И. Шувалову от 10 октября 1757 г., — неясно. В числе присланных Вольтеру рукописей, ныне хранящихся в Библиотеке Вольтера, его нет.

4. М.В. Ломоносов и обсуждение «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера

Ф.М. Вольтер ознакомился со значительными материалами, западными и присланными из России, опубликованными и рукописными, но использовал их частично, резюмируя их и подчас не называя, поскольку ему важно было выяснить и изложить основное содержание изменений в России, которые произошли при Петре Великом, тогда как многочисленные подробности

отвлекли бы его и читателей от главного в событиях. По мнению М. Мерво, «Вольтер-историк всегда испытывал ужас перед деталями, он оставлял их “изготовителям анекдотов”» [*Альбина Л.Л.* 1980. С. 154–169; *Mervaud M.* 1999. Р. 154–161]. Такое объяснение возможно, но, представляется, определяющей причиной такого отношения к подробностям событий являлось для Вольтера изучение происходивших грандиозных преобразований в самой большой в мире стране в результате деятельности Петра. На фоне такой новой для исторической науки задачи «подробности» для Вольтера отступали на второй план.

В данной связи показательным отношением Ф.М. Вольтера к «Записке» И.Г. Фоккеродта, в которой положительно характеризовались петровские преобразования, но создавался образ царя-деспота (см. ранее, с. 593, 683). Как П. Брюне полагает, Вольтер считал деятельность Петра исторически обоснованной, тогда как развитие послепетровской России показало ошибочность отрицательных оценок Фоккеродтом российского императора. В основе такой характеристики Брюне отметил вольтеровскую философию истории и историографию как описание развития человеческого духа. Основным являлось развитие нации, тогда как нравственность ее правителя значения не имела. Воля и разум такого великого человека определяли историческое развитие народа в переломный момент, в революцию [*Брюне П.* 2000. С. 45–47]. По словам М. Мерво, используя содержащиеся в «Записке» нужные материалы, Вольтер просто отложил их, «он оставил их без внимания, как строительные леса, в которых более не было надобности» [*Mervaud M.* 1999. Р. 173].

Вероятно, этими же основными причинами объясняется невнимание Ф.М. Вольтера к многочисленным конкретным критическим замечаниям, присланным из России в связи с обсуждением предварительного и опубликованного текста, хотя некоторые конкретные ошибки он исправлял [*Шмуrho E.* 1929. С. 239–472]. Возможно, М.В. Ломоносов понял те основные задачи, которые поставил перед собой Вольтер. Поэтому его замечания кратки и конструктивны. Они предназначены для исправления тех содержащихся в предварительном и окончательном тексте первого тома ошибок или приблизительных формулировок, которые происходили вследствие недостаточного знания исторических фактов или в результате литературного подхода к изложению их. В замечаниях Ломоносова, как, впрочем, и других российских критиков «Истории Российской империи», проявились их глубокие познания в этногеографическом состоянии современной России и в ее истории.

М.В. Ломоносов настаивал на том, чтобы военные успехи Петра в войне со Швецией учитывались с самого их начала, т. е. вскоре после поражения под Нарвой в 1700 г. Он обратил внимание на некорректное изложение генеалогии Петра Великого и тем самым — неточное изложение его прав на царскую власть. Ломоносов указал на недостатки в описаниях Москвы и осо-

бенно Петербурга, где, в частности, не учтены его замечательные пригородные императорские резиденции. Он существенно уточнил сведения о времени навигации по Северной Двине, что было ему хорошо известно с детства, и обоснованно настаивал на принадлежности лопарей к финской группе народов, отметив в то же время их отличие от финнов. В этногеографическом описании современной России Ломоносов нашел столь существенные недостатки, что предложил написать под своим руководством специально подготовленную для Вольтера работу на эту тему.

Особенно многочисленны были конкретные замечания М.В. Ломоносова, посвященные русской истории XVII в., о которой подробно писал Ф.М. Вольтер в начале «Истории Российской империи». Он уточнил сведения о самозванцах в Смутное время, о родоначальнике династии Романовых боярине Федоре Никитиче Романове. Ломоносов решительно возражал против недооценки Вольтером времени правления Михаила Федоровича, когда в стране стабилизировалась жизнь и Россия начала восстанавливаться после Смуты. Прекрасные познания он проявил в биографии Петра времени его детства и юности, его ближайшего окружения, в его начальной деятельности. При этом Ломоносов обратил особое внимание на недостатки в повествовании о стрельцких бунтах, предлагая использовать подготовленный им «экстракт» на эту тему. Не был он согласен и с изложением сражения под Нарвой в 1700 г. как полного поражения. По его словам, «многие полки возвратились с военною честью», а почти вся военная казна была вынесена при отступлении в карманах и собрана в Новгороде [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 91–96].

Часть замечаний М.В. Ломоносова, как, впрочем, и других российских критиков предварительного текста «Истории Российской империи», Ф.М. Вольтер учел. По подсчетам Е.Ф. Шмурло, Вольтер сделал в общей сложности 27–28 предложенных исправлений, но не учел около 63. В это число не включены те замечания, которые он мог оспаривать или не считать доказанными [*Шмурло Е.* 1929. С. 115–170; [*Свирская В.Р.*] 1952. С. 564–568].

По наблюдениям Е.Ф. Шмурло, первый том «Истории Российской империи» был отпечатан фирмой братьев Крамер осенью 1759 г. До опубликования тиража Ф.М. Вольтер отправил книгу в ноябре на отзыв И.И. Шувалову. Но «пакет» был перехвачен в Германии, и там стали готовить собственное ее издание. О продаже книги объявил также голландский издатель. Между тем, в марте 1760 г. фирме братьев Крамер и Вольтеру стало известно, что книга пропала в дороге. Тогда же в Петербург был отправлен другой экземпляр. Так что И.И. Шувалов и те ученые, которым он доверял ее прочтение, смогли с ней ознакомиться в конце мая — начале июня 1760 г.

В Петербурге были быстро составлены замечания на первый том. По предположению Е.Ф. Шмурло, с их учетом в августе-сентябре 1760 г. была подготовлена и произведена перепечатка книги, в которой был оставлен 1759 год выпуска. Вероятно, в середине сентября 1760 г. из Петербурга

поступило разрешение на распространение тиража, так что в 20-х числах этого месяца Вольтер стал рассылать книгу своим адресатам. В конце марта 1761 г. Вольтер сообщил в письме, что он получил портрет российской императрицы, украшенный крупными бриллиантами. Это был знак одобрения его труда самой Елизаветой Петровной.

Впрочем, петербургские ученые продолжали настаивать на новых изменениях, что было поддержано И.И. Шуваловым. Поэтому к концу 1761 г. была подготовлена новая перепечатка. Вольтер оставил текст без перемен, но внизу страниц, под строкою, он внес дополнительно несколько дат, которые ранее выбросил, и дополнил некоторые пояснения, преимущественно к именам собственным [об обстоятельствах издания первого тома см.: *Шмурло Е.* 1929. С. 67–77; *Mervaud М.* 1999. Р. 122–133; к близким наблюдениям пришла В.Р. Свирская [*Свирская В.Р.*] 1952. С. 592].

Когда М.В. Ломоносов прочел летом 1760 г., видимо, в соответствии с предложением И.И. Шувалова, опубликованный текст «Истории Российской империи», у него вновь появились конкретные замечания. Некоторые из них ему пришлось повторить, поскольку Ф.М. Вольтер не учел то, что Ломоносов ранее написал при чтении его предварительного текста в связи с происхождением династии Романовых, описанием Петербурга, этнической принадлежностью лопарей. Ломоносов критиковал Вольтера за то, что он всерьез воспринял одобрение бывшим польским королем Станиславом Лещинским написанное в «Истории Карла XII» о событиях в Польше во время Северной войны. Ломоносов считал, что необходимо учитывать деятельность Петра в этой стране. При этом он, вероятно, подразумевал прошведскую позицию в этих событиях еще здравствовавшего в 1760 г. Лещинского.

Особое внимание М.В. Ломоносова вновь привлекли те ошибки Ф.М. Вольтера, которые он допустил, излагая российскую историю. Эти ошибки были ему тем более очевидны, что он сам в это время много работал над российской историей и только что, к июню 1760 г., завершил работу над «Кратким Российским летописцем» (см. далее).

М.В. Ломоносов возразил против эпитета «скиф» по отношению к Петру Великому, имея в виду даже древнейшие этногенетические аллюзии, поскольку, в соответствии с его концепцией, славяне скифами не были и не назывались. Особо Ломоносов остановился на формах написания этнонима *славяне* в византийских и латиноязычных источниках, объясняя их различия лингвистическими особенностями, но возводя название славян к слову *слава*. Учитывая накопленный в российской исторической науке опыт, прежде всего В.Н. Татищева и свой собственный, в изучении древнерусских летописей, он решительно возразил против отнесения Ф.М. Вольтером вслед за Ф.И. Страленбергом древнейших летописных записей некоему патриарху Константину. К этому времени уже и Г.Ф. Миллер опубликовал статью, в которой он писал о Несторе как первом русском летописце, труд которого был

продолжен другими летописцами [*Миллер Г.Ф.* 1755. С. 275–298]. Ломоносов также обоснованно написал, что эту «Историю» «писал» «Нестор и другие», в чем отмечаются его наблюдения над историей текста, восходившего к ПВЛ (см. ранее, с. 619, 637).

Чтобы объяснить ошибочность мнения Ф.М. Вольтера о крещении патриархом Фотием всей Руси, М.В. Ломоносов написал краткую историческую справку о крещении «большой части России» Владимиром. К древнерусской истории относилось его замечание о том, что «епархий в России мало поставлено». В этом наблюдении выразилось внимание Ломоносова к истории русской Церкви (см. ранее, с. 624, 649; об учреждении епископских кафедр см.: *Щапов Я.Н.* 1989. С. 33–56). Имея в виду известия о княгине Ольге, он обоснованно написал, что в языческий период женщина могла сохранить свое «вдовство».

М.В. Ломоносов исправил ошибку Ф.М. Вольтера, который путал, при упоминании включения Новгорода в состав великого княжества Московского, великого князя Ивана Васильевича и его внука царя Ивана Васильевича Грозного. Ту же ошибку он отметил и в повествовании об освобождении русских земель от Ордынского ига. Да и происхождение слова *царь* в русском языке Ломоносов обоснованно объяснил не как следствие ордынского влияния, а как результат русско-византийских отношений — *царь* от *цесарь* «через грамматическую фигуру сокращения (per syncope)» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 361–364, 592–594].

Замечания М.В. Ломоносова свидетельствовали о том, что в 1759–1760 гг. он читал труд Ф.М. Вольтера как историк-профессионал. Его замечания содержали конкретные наблюдения и относились ко всему периоду российской истории, от древнейшей истории славян до времени правления Петра Великого. Они свидетельствовали о том, что Ломоносов был в полной мере подготовлен к ее изучению в течение всего периода возникновения и существования Руси — Русского государства — России.

5. Концепция Ф.М. Вольтера в «Истории Российской империи при Петре Великом»

«История Российской империи при Петре Великом» в полной мере обоснованно изучена как произведение французской историографии. Но она имеет существенное значение и для изучения российской исторической мысли. В частности, ее анализ позволяет проследить взаимодействие исследовательских подходов к истории Ф.М. Вольтера и М.В. Ломоносова. Эта тема в научной литературе еще изучена мало. Исследователи стремились определить характер их отношения к творчеству друг друга, установить меру участия

Ломоносова в процессе написания Вольтером «Истории Российской империи при Петре Великом» [см.: *Прийма Ф.Я.* 1958. С. 170–186; см. также ранее, с. 683–697]. В литературе существует также суждение о крайне отрицательном мнении Ломоносова о Ф.М. Вольтере как историке, авторе «Истории Карла XII» [*Černý V.*] 1964. Р. 109–146]. Но, как показало обсуждение атрибуции рукописи, содержащей такие характеристики, эта работа и изложенное в ней отношение к Вольтеру Ломоносову не принадлежат [*Степанов В.П.* 1964. С. 214–216; *Hoffmann P.* 1968. S. 417–425; *Заборов П.Р.* 1978. С. 11].

Ф.Я. Прийма сформулировал новую для научной литературы проблему взаимных оценок Ф.М. Вольтера и М.В. Ломоносова как историков. Он отметил скептически-иронический отзыв Вольтера о «Кратком Российском летописце» Ломоносова, о некритическом отношении Ломоносова к мифам и народным преданиям, а также обстоятельную критику Ломоносовым «Истории Российской империи» Вольтера. Существенное преимущество Ломоносова-историка Прийма подчеркнул не только в проблемах происхождения славян и русского народа, периодизации истории России, но также в восприятии русского исторического процесса в его целостности, в преемственности ее древней и новой истории [см.: *Прийма Ф.Я.* 1958. С. 183–184].

Эти наблюдения относятся к концепционным характеристикам «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера и ее соотношению с историческими трудами М.В. Ломоносова. Их следует продолжить на уровне историографического анализа конкретных исторических проблем. Но это возможно сделать лишь в процессе сравнительного изучения наблюдений Ломоносова и Вольтера над историческим процессом, чего ранее в историографии сделано не было.

В «Предисловии» к «Истории Российской империи» Ф.М. Вольтер изложил основную мысль своего произведения в соответствии с той идеей, которая была им сформулирована еще в «Истории Карла XII»: «Один оставил после себя только руины, другой — основатель во всех видах деятельности» [*Voltaire*]. 1759. Т. 1. Р. 2: «L'un n'a laissé que des ruines, l'autre est un fondateur en tout genre»]. Здесь же он сохранил и другое противопоставление, важное для его понимания российской истории — Древней и Новой России. Вольтер с уверенностью писал, что ее народы — древние, но ее «законы, нравы и искусства — новое творение». Это мнение подтверждали подготовленные для него в Петербурге «Краткое изложение (Abrégé) древностей российских», «Краткое изложение русских летописей с генеалогией», а также «Генеалогия русских правителей и их брачных союзов с иностранными принцами» [*Voltaire*. 1999. Т. 46. Р. 990].

Познания в древней российской истории позволили Ф.М. Вольтеру ввести в повествование экскурсы, которые углубляли изложение событий новейшего времени, показывали их историческую ретроспективу. Но кроме этого и тех сюжетов, которые вызвали критические замечания российских

историков, в «Истории Российской империи» содержались такие наблюдения, которые побуждали читателей к размышлениям.

Во «Введении» к книге Ф.М. Вольтер призвал к осторожности в определении происхождения современных народов, с иронией приведя генеалогии «многих немецких баронов», восходивших к древнему германскому вождю Арминию, Мухаммеда — от Авраама и Агари, венгерского короля Белы — от Аттилы, а Аттилы — от Турка, который произошел от Иафета. В этой связи упомянул Вольтер и Руса как мнимого основателя российского государства.

К осторожности призвал Ф.М. Вольтер и по отношению к тем историкам, которые со значительными подробностями излагают «тайны министров» и события сражений. В такой манере повествования, а также во включении в историческое повествование прямой речи его персонажей он подразумевал литературные домысливания, а, следовательно, — их недостоверность.

Таким сочинениям на исторические темы Ф.М. Вольтер противопоставил свой труд, написанный «наиболее коротко и наиболее полно», без многих подробностей. Эта история излагает жизнь публичную, а не частную, известную по анекдотам. По словам Вольтера, который писал о Петре Великом прежде всего для западного читателя, «тайна его кабинета, его постели и его стола не может снимать покров (*dévoiler*) для иностранцев, да и не должна». Такой нравственный подход к изучению жизни «великого человека» Вольтер относил к «людям образованным и умным». Им важно было знать, что Петр сделал для «блага обширной империи» за 25 лет своих трудов. Таким людям это было более существенно, чем знать о его слабостях, свойственных также простому народу.

Утверждение Ф.М. Вольтером данного принципа — не только следование эстетике классицизма, подразумевающего идеальный тип героя, но следование нравственному началу, исключающему лакейское копанье в подробностях личной жизни, которому недоступно главное. Поэтому в среде «людей образованных и умных», можно продолжить мысль Вольтера, появилась поговорка: «Для камердинера нет великого человека».

В соблюдении этого принципа в исторических исследованиях Ф.М. Вольтер был последователен. Он считал, что о некоей слабости исторического деятеля следует писать, если она имеет значительные следствия для государства и народа, поскольку в данном случае малая причина имеет значительные следствия. Но если такой связи нет, то, по словам Вольтера, «вы должны молчать» («*hors de là vous devez vous taire*»). Вместе с тем в данной связи он сформулировал свой принцип: «Никакая истина не должна быть сокрыта» («*nulle vérité ne soit cachee*»). Допускал Вольтер и «некоторые исключения», которые предопределялись эстетикой классицизма: «Не говори последующим поколениям того, что недостойно этих поколений» [*Voltaire*]. 1759. Т. 1. Р. XXII–XXIII, XXIV, XXVI, XXIX–XXXI].

Существенным недостатком древних историй и даже новейших сочинений Ф.М. Вольтер считал описания в них чудес, предсказаний и пророчеств.

В этой связи он решительно заявил: «знамения, чудеса, явления считаются баснями». Такому повествованию он противопоставил глубокий научный анализ в познании сути событий: «История нуждается в том, чтобы быть освещенной философией» («l'histoire avait besoin d'être éclairée par la philosophie») [[*Voltaire*]. 1759. Т. 1. Р. XXXIX]. Через 75 лет А.С. Пушкин переосмыслил эти слова и отнес их исполнение к самому Вольтеру: «Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории» [А.С. Пушкин — П.А. Вяземскому, 5 июля 1824 г. // *Пушкин А.С.* ПСС. 1965. Т. 10. С. 95].

Ознакомившись с историческими сочинениями, Ф.М. Вольтер оставил другим изучать вопрос, переселялись ли до V в. н. э. гунны, славяне и татары (видимо, широко понимаемые тюркские народы) к «истоку Борисфена» (так в соответствии с традицией классицизма Вольтер назвал Днепр). Более того, он считал «бесполезным распутывать (разъяснять) древний хаос» («de débrouiller inutilement l'ancien caos»). Цель своего труда он обозначил как изучение того, что создал Петр Великий [[*Voltaire*]. 1759. Т. 1. Р. 8]. Но в последующем повествовании он постоянно обращался к древней русской истории для разъяснения происходивших в Петровской и современной России перемен.

В первой главе, посвященной описанию России, Ф.М. Вольтер неоднократно использовал исторические экскурсы, для того чтобы показать изменения, которые происходили в стране, и особо подчеркнуть необходимость для нее петровских преобразований. Для Вольтера, как и других просветителей, особое значение имел уровень развития культуры, ее соответствия современной западноевропейской цивилизации. При таком методе несоответствие средневекового быта современным образцам воспринималось в XVIII в. как архаичность, отсталость. Вольтер писал о древности российских народов и их истории, которую он не стал изучать как особую научную тему. Но он постоянно учитывал традиционность их культуры, чтобы показать быстроту происходивших в современной России перемен, которые способствовали распространению в ней современной цивилизации и тем самым ее превращению в могущественную державу [см. также: *Mervaud M.* 1999. Р. 195–201]. Такой метод воздействовал и на вольтеровские экскурсы в «Истории Российской империи».

В очерке, посвященном Москве, Ф.М. Вольтер написал об этом городе в XIII в. как о «некой совокупности лачуг (cabane), населенных несчастными, угнетенными племенем Чингисхана». Он ошибочно сообщил, что Кремль был построен в XIV в. (имелось в виду возведение новых кремлевских стен при Иване Калите). Создание современного каменного Кремля обоснованно отнесено Вольтером к итальянским архитекторам. Упомянул он и о строительстве кремлевских двух (?) церквей «знаменитым болонским архитектором Аристотелем» (Фиораванти). Но дома частных лиц, по Вольтеру,

представляли собой «только деревянные хижины» («des huttes de bois»). Он использовал также воспоминания западноевропейских путешественников, которые побывали в России в XVII в., чтобы сообщить о восточной роскоши царского двора, а также о простоте и бедности быта «бояр» и народа. Отметим Вольтер значительные размеры и огромную численность населения Москвы этого времени (до пятисот тысяч человек). Поэтому он назвал Москву самым известным городом на свете.

Ф.М. Вольтер написал о начале изменений в Москве при царе Федоре, брате Петра Великого, о строительстве в ней многочисленных огромных каменных зданий, хотя и «без какой-либо упорядоченной архитектуры» («sans aucune architecture régulière»), имея в виду архитектуру в стиле классицизма или барокко. К такому строительству Федор поощрял и знатных людей своего двора [[*Voltaire*]. 1759. Т. 1. Р. 19–23]. Эти и прочие изменения стали для Вольтера началом последующих улучшений в Москве при Петре и Елизавете.

Очерк, посвященный описанию Смоленской губернии, Ф.М. Вольтер начал с указания Смоленского княжества как части древней Европейской Сарматии, в чем прослеживается его знакомство с польской литературой XVI–XVII вв. Он точно изложил сложную политическую судьбу древнерусского Смоленска, который в начале XV в. был включен в Великое княжество Литовское, через сто лет вошел в состав Московского княжества, в 1611 г. был захвачен польским королем Сигизмундом III, а в 1654 г. вновь возвращен в пределы России.

Описание Новгородской губернии Ф.М. Вольтер начал с ее древнейшего этноисторического прошлого. Древних «славов» или «славонов» он назвал пришельцами, которые создали здесь первое общественное «устройство» (*établissement*). Но откуда пришли эти «славы», Вольтер не установил. Видимо, Вольтер сам объяснил происхождение такого этнического названия. В его основе находится созвучие *славяне* с французским словом *esclave* — *раб*. Как объяснил Вольтер, *Sla* — *господин* («*Chef*»), *esclave* — *принадлежащий господину* («*apartenant au Chef*»). Славы завоевали эту территорию, построили Великий Новгород на реке, по которой осуществлялась активная торговля. Но этот город был подчинен царем Иваном Васильевичем в 1467 г. (в действительности, великим князем Иваном Васильевичем в 1471 г., в 1478 г. город был присоединен тем же князем к Московскому государству). Захваченные там богатства, считал Вольтер, увеличили величие московского Двора.

Описание Киевской губернии также содержит исторический экскурс. По мнению Вольтера, Киев был построен константинопольскими императорами, которые создали там свою колонию. В качестве доказательства этого указаны сохранившиеся в Киеве греческие надписи (вероятно, имеются в виду греческие тексты на мозаиках в церквях XI–XII вв.). Столь же ошибочны суждения об избрании Киева великими российскими князьями в качестве постоянного места пребывания в XI в., об украинцах, «которых называют

казаками», представляющих собой соединение древних роксалан, сарматов и татар. Видимо, к польской литературе XVI–XVII вв. восходит мнение Вольтера о том, что «Малая Россия», или Украина, является частью древней Скифии. Здесь же он обоснованно утверждал, что она значительно более плодородна, чем земли Римской и Византийской империи, названные по их столицам — Рим и Константинополь. Впрочем, основным занятием казаков Вольтер назвал разбой. Живут они без женщин в своих поселениях, привержены вольности. Служили они то Польше, то туркам, пока добровольно не вошли в состав России в 1654 г., а Петр I их не «смирил». Далее изложено деление казаков по полкам, подчиненным гетману.

В описаниях Астраханской, Оренбургской и Казанской губерний большое внимание уделено развитой в них восточной торговле, владению в древности этими землями Чингисханом и его потомками, а также Тамерланом, подчинению Астраханского и Казанского царств русским царем Иваном Васильевичем, проживанию на этих землях множества татар, которые живут по мусульманским законам. При описании Казанской губернии Вольтер использовал материалы Ф.И. Страленберга. Упомянул он также сведения о найденных там кладах восточных монет и о золотых «татарских» идолах. Эти данные он привел как свидетельства некогда существовавшей здесь древней восточной торговли. Сибирская губерния указана как место проживания многих народов, о которых Вольтер располагал уже значительными сведениями, в частности, об остяках и жителях Камчатки. Об этих народах ему было известно как из ранее опубликованных произведений о России, так и из подготовленных для него материалов в соответствии с изданной в 1755 г. книгой С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» [*Voltaire*]. 1759. Т. 1. Р. 24–35].

На основании всех этих материалов об истории древней и новой России Ф.М. Вольтер писал о ней как о стране многоэтничной, в которой существуют самые разные обычаи и «нравы». Русский народ находится в процессе расселения, но ее народы совместно живут мирно [*Mervaud M.* 1999. Р. 179–183].

Впрочем, следуя принципам классицизма как «стилю эпохи», Ф.М. Вольтер, как и М.В. Ломоносов, изучал российскую историю и повествовал о ней в обобщающих понятиях. Отсюда его характеристики петровской России, обстоятельно проанализированные М. Мерво: русский народ как материал для преобразующей деятельности Петра, оппозиция консерваторов, участие в петровских преобразованиях иностранцев, а также их русские сторонники как наиболее здравая часть нации.

Анализируя изображение Ф.М. Вольтером деятельности Петра Великого — человека, М. Мерво выделил особые темы: частная жизнь суверенов, вообще, и Петра Великого, в частности, изображение Петра в его основных чертах, его героизация, но это — не панегирик, а история создателя, воля которого преодолевала трудности, поражения и сопротивление недругов, вну-

тренних и внешних. Во внешнеполитической деятельности Петра Вольтер подчеркивал его осмотрительность политика и объективную необходимость его действий против соседних стран для усиления своего государства. При этом его внешнюю политику он рассматривал в развитии. Вся эта военная и дипломатическая активность способствовала превращению России из страны почти неизвестной в Европе в активного участника ее политической жизни. В своей деятельности завоевателя и законодателя Петр был подобен Александру Македонскому, несмотря на ужасы войны.

По М. Мерво, Ф.М. Вольтеру недостаточно написать, что Петр Великий — основатель современной России. Он — демиург, в платоновской философии — божественный творец, а правление Петра представляется, таким образом, по необходимости абсолютным началом. Ему свойственно планетарное видение, обзорающее самые разные страны и народы Земли. Средством, преображающим Россию, являются реформы, которые, подчас, Вольтер идеализировал. Он признавал определенную преемственность Московии XVII в. и Российской империи, но в новой России царь оставался для него творцом всего. Противоречия между стариной и интересами народа и государства — основные причины трагической гибели царевича Алексея [*Mer-vaud M.* 1999. P. 211–311].

К близким выводам пришел и С.А. Мезин, обобщая написанное Вольтером о Петре Великом. По его мнению, для Вольтера русский царь — «герой, гений, созидатель и преобразователь, стремящийся сделать свой народ “лучше и счастливей”», хотя в его характере «были такие черты, о которых потомству лучше не знать» [*Мезин С.А.* 1999. С. 64–104].

Эти обобщающие наблюдения М. Мерво и С.А. Мезина в полной мере обоснованы.

6. «Краткий Российский летописец» М.В. Ломоносова

Сложное сочетание политических, авторских и жизненных обстоятельств в 1753–1760 гг., подготовка материалов для «Истории Российской империи» Ф.М. Вольтера и ее обсуждение, историческая концепция и «Росси́ка» Вольтера как значительные явления в историографии предопределили парадигму исследований М.В. Ломоносова в изучении российской истории, его редактирования первого тома «Российской истории» и написания «Краткого Российского летописца».

От скорого исполнения намерения издать первый том «Российской истории» М.В. Ломоносову пришлось отказаться. К июню 1760 г. он подготовил «Краткий Российский летописец с родословием». В данной связи Канцелярия приняла решение печатать его тиражом 1200 экземпляров. Печатание этой книги было начато после 3 июля, а в ноябре был закончен ее двойной

тираж в 2457 экз. В апреле 1761 г. вновь был отпечатан двойной тираж — 2406 экз. [[*Андреев А.И., Свирская В.Р.*] 1952. С. 576; *Летопись*. 1961. С. 335, 337, 355; *Тюличев Д.В.* 1988. С. 235].

Этот труд оказался востребованным. В частности, когда высланный вследствие придворных интриг в 1759 г. в Оренбург в качестве «товарища губернатора» В.Е. Адодуров узнал из «Санкт-Петербургских ведомостей» об издании ломоносовского «Летописца», он попросил Г.Ф. Миллера прислать ему эту книгу [РГАДА, ф. 199, ед. хр. 546, ч. 1, д. 1. Л. 21; *Пекарский П.* 1870. С. 515–516].

В исследовательской литературе обсуждается вопрос временного соотношения «Краткого Российского летописца» (далее — «Летописец») и первого тома «Российской истории», который при публикации был назван «Древняя Российская история» (далее — «История»). Для ответа на него следует предположить, что «История», которая печаталась в 1758 — начале 1759 г. в академической Типографии, стала первой редакцией этого труда. Указанная М.В. Ломоносовым причина отзыва 8 марта 1759 г. рукописи из Типографии — сложная для читателей система сносок на полях и подстрочных примечаний — лишь повод для прекращения ее печатания. Реальной причиной отзыва рукописи стали те изменения, которые происходили в конце 50-х гг. XVIII в. в политической и интеллектуальной жизни европейских стран, включая Россию, а также, как отметил С.Л. Пештич, работа Ф.М. Вольтера над «Историей Российской империи при Петре Великом» и привлечение И.И. Шуваловым Ломоносова к ней в качестве специалиста в этой теме.

Как следует из последовательности событий, сначала была завершена, в соответствии с нашим предположением, первая редакция первого тома будущей многотомной «Российской истории». Затем М.В. Ломоносов приступил к ее переработке, и, подготавливая вторую редакцию, написал «Летописец». Именно в такой последовательности опубликованы эти два произведения в шестом томе «Полного собрания сочинений» М.В. Ломоносова. По мнению С.Л. Пештича, «Летописец» является более ранним произведением, чем «Древняя Российская история». В обоснование этой мысли Пештич отметил, что, по словам Ломоносова, «Летописец» — «сокращение из сочиняющейся пространной истории», материалы «Показаний Российской древности», с которых начинается «Летописец», по объему и содержанию значительно отличаются от выводов десяти глав первой части «Древней Российской истории». Сослался Пештич и на то, что в перечне своих трудов по истории (1764 г.) Ломоносов на первое место поставил «Летописец» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 293; 1957. Т. 10. С. 401; *Пештич С.Л.* 1965. Ч. 2. С. 188].

Представляется, что материалы данную гипотезу С.Л. Пештича не подтверждают. Дело в том, что М.В. Ломоносов изучал российскую историю в целом, от ее начал до времени правления Петра Великого. «Древняя Российская история», названная так в посмертной публикации 1766 г., стала лишь

первым подготовленным к изданию томом будущего многотомного труда — «Российской истории». Поэтому «Летописец», излагавший события российской истории, включая петровское царствование, действительно являлся «сокращением из сочиняющейся пространной истории». В составленном в 1764 г. перечне своих трудов по истории Ломоносов указал «Летописец» первым лишь потому, что он уже был опубликован, тогда как первый том «Российской истории» еще не был издан, о чем Ломоносов в перечне написал: «1) Сочинен краткий летописец российский с родословием и напечатан. 2) Сочинен первый том «Российской истории» и печатается, с филологическими изъяснениями» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 401]. Таким образом, убедительным представляется мнение, в соответствии с которым «Краткий Российский летописец» был написан в середине 1759 — первой половине 1760 г., после того как Ломоносов взял из типографии первый том «Российской истории» для переработки.

В характеристике этих двух трудов над С.Л. Пештичем, видимо, довлела мысль, в соответствии с которой «Летописец» «не является шагом вперед» в сравнении с «Древней Российской историей» и не следует преувеличивать историографического значения «Летописца» [*Пештич С.Л.* 1965. С. 189]. Между тем, установление временной последовательности их написания позволяет проследить эволюцию взглядов М.В. Ломоносова на основные вопросы изучения отечественной истории.

В научной литературе высказано мнение, в соответствии с которым М.В. Ломоносовым были написаны третья и четвертая части «Истории», после его смерти изъятые из типографии и уничтоженные его врагами. Такую мысль изложил при послевоенном сталинском режиме в 1947 г. Д.Д. Шамрай в своей кандидатской диссертации, ее повторили в 1965 г. Д.С. Бабкин и в 1971 г. — Г.Н. Моисеева [*Бабкин Д.С.* 1965. С. 174–181; *Моисеева Г.Н.* 1971. С. 205].

В основе такого суждения находится завершение текста в некоторых экземплярах «Древней Российской истории» словами «Конец второй части», а также напечатанное слово «Часть», что подразумевало продолжение на следующей странице — «Часть третья». Но в основной части тиража на последней странице книги появились новая заставка и слово «Конец», тогда как ломоносовское название книги «Российская история» уже во всем тираже заменено новым — «Древняя Российская история».

Такая интерпретация оформления последней страницы и заголовка первого тома «Российской истории» М.В. Ломоносова не учитывает сложной судьбы этого труда. Ломоносов не только взял из типографии свою книгу, но и, вероятно, задерживал выпуск тиража, когда 28 февраля 1763 г. он вторично представил рукопись к набору. Он был начат по ордеру Канцелярии 11 марта 1763 г. и составил 17,5 листов [[*Свирская В.Р.*] 1952. С. 576], еще при жизни автора. Впрочем, в последующие два года издание так и не было завершено, хотя жалоб от Ломоносова в данной связи не последовало.

В таких обстоятельствах слова «Конец второй части» и «Часть [третья]» на последней странице в полной мере уместны. Но после безвременной кончины Ломоносова 4 апреля 1765 г. ни прежний заголовок книги «Российская история», ни оформление последней страницы не соответствовали ее содержанию. Поэтому ее названием стало в соответствии с содержанием «Древняя Российская история», а на последней странице появилось слово «Конец» и новая заставка. Сторонники мнения об уничтожении врагами Ломоносова третьей и четвертой части «Российской истории» не учли также того факта, что у великого русского ученого и в екатерининское царствование были могущественные почитатели его таланта, прежде всего братья Орловы.

О том, что третья и четвертая части «Российской истории» так и не были написаны, свидетельствуют материалы самого М.В. Ломоносова. Сдавая в академическую Канцелярию после переработки к опубликованию первый том (до 1054 г.), он выразил в записке от 28 февраля 1763 г. намерение написать его продолжение: «Следуют еще две части сего ж тома, первая до Батыева нашествия, то есть до порабощения российского татарами, вторая до великого князя московского Ивана Васильевича, когда Россия вовсе свободилась от татарского нашествия». Но это намерение не осуществилось вследствие крайней занятости Ломоносова и его болезней. Как представляется, такое состояние подготовки и издания трудов, посвященных российской истории, было указано Ломоносовым перечне своих работ 1764 г. Другие работы названы как подготовительные материалы, а не как написанный исследовательский текст: «Собраны многие рукописные известия, до российских дел надлежащие», «прочитаны многие книги домашних и внешних писателей; из них выписаны всякие надобности в продолжение “Российской истории”», что в полной мере соответствует действительности, судя по пометам Ломоносова в рукописях и книгах (*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 408–409; 1957. Т. 10. С. 401; см. ранее, с. 604–669).

Таким образом, представляется обоснованным мнение, в соответствии с которым А.Л. Шлёцер издал в 1766 г. тот текст первого тома «Российской истории», который был подготовлен в 1763 г. М.В. Ломоносовым после его доработки, но при публикации было изменено название в соответствии с его содержанием и оформление последней страницы. Учитывая двухлетнее нахождение книги в Типографии, отсутствие жалоб Ломоносова в данной связи, а также его высокий статус в эти годы советника академической Канцелярии и чин статского советника, позволявшие беспрепятственно вмешиваться в издательский процесс, можно предположить, что он возвращался к редактированию своей книги (см. далее).

Другой дискуссионный вопрос — причина создания «Краткого Российского летописца». По мнению Л.Б. Модзалевского, это был придворный заказ — учебное пособие для шестилетнего великого князя Павла Петровича.

В пользу этого мнения, по Модзалевскому, свидетельствует посвящение ему этого труда. Написание такой работы М.В. Ломоносовым ранее не предусматривалось, а потому для его осуществления не было достаточно времени. Последним обстоятельством объясняется привлечение Ломоносовым к сотрудничеству А.И. Богданова [Модзалевский Л.Б. 1946а. С. 265–270]. В комментарии к «Летописцу» в «Полном собрании сочинений» Ломоносова В.Р. Свирская отметила, что такое посвящение еще не доказывает подобного назначения этого труда [[Свирская В.Р.] 1952. С. 589]. С.Л. Пештич считал, что «Летописец» был предназначен заменить в качестве учебного пособия давно устаревший «Синописис», что на короткое время и произошло [Пештич С.Л. 1965. С. 187–189]. Это мнение подразумевало, что инициатива написания «Летописца» принадлежит Ломоносову.

Между тем, внимание обращает первоначальный значительный тираж «Летописца» — два двойных завода по распоряжению К.Г. Разумовского, без предварительного обсуждения этого исторического произведения. В данной связи можно предположить, что подготовка М.В. Ломоносовым «Летописца» была осуществлена в соответствии с «потаянным приказом президента Академии», как Я.Я. Штелин написал об издании «Древней Российской истории».

Основной задачей такой публикации являлось ее посвящение юному великому князю Павлу Петровичу. Такое предположение многое объясняет — отвлечение М.В. Ломоносова от переработки взятого из типографии первого тома «Российской истории», быструю подготовку текста «Летописца», вероятное использование в нем работы о русской истории А.И. Богданова, фамилия которого не указана в качестве соавтора, и посвящение книги Павлу. Такое посвящение позволяло К.Г. Разумовскому обратить на себя благосклонное внимание родителей Павла Петровича — великокняжеской семьи наследника престола.

Вместе с тем, доступно для широкого читателя написанный труд позволил превратить «Летописец», посвященный Павлу Петровичу, в широко распространенное пособие по русской истории, предворяющее обстоятельное исследование российской истории М.В. Ломоносовым. В этом качестве «Летописец» должен был ознакомить читателей с основным содержанием отечественной истории. Такое его свойство соотносилось с патриотическим запросом читателей, которых в полной мере удовлетворяло краткое прагматическое изложение истории России от древнейших времен до современных.

Особой исследовательской проблемой является определение участия А.И. Богданова (1693–1765) в написании «Летописца». Этот труд состоит из трех частей [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 291–358]. Первая — развернутое стихотворное посвящение шестилетнему «Е. И. В., пресветлейшему государю, великому князю Павлу Петровичу, герцогу голштейншлезбургскому, stormарнскому и дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгорстскому

и прочая милостивому государю». В этом посвящении перед М.В. Ломоносовым стояла сложная задача. Он должен был в равной мере положительно изобразить для юного Павла, а также для других читателей книги своего героя Петра Великого и его антигероя, шведского короля Карла XII. Династическая коллизия заключалась в том, что Павел являлся правнуком Петра и правнучатым племянником Карла.

М.В. Ломоносов блестяще справился с этой проблемой, противопоставив Карла-воителя Петру-просветителю, который остановил победоносного Карла: «Сей шел, как Александр, вселенной потрясти, / Но он победами пресекал его пути, / Один нас просветить учениями тщился, / Другой в сражениях взять первенство стремился». Павел должен был стать достойным преемником своих предшественников на российском престоле. Средством для достижения этого должны были стать не войны, а науки: «Науки лишь пройди и будь наш Соломон» (Соломон — в традиционной христианской культуре символический образ мудрого правителя, осененного свыше).

Большую часть «Краткого российского летописца» составляло изложение основных событий российской истории, которые предстояло узнать юному Павлу Петровичу. Это повествование под заголовком «Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории» состояло из двух разделов — древнейшей этнокультурной истории славян до Гостомысла и хронологической таблицы правителей Руси с указанием их степени — порядкового «числа государей» в их преемственности от Рюрика до Петра Великого. В таблице приведены также годы начала их правления, общее число лет их «владения» и жизни, основные политические, военные и династические события, произошедшие в эти правления.

Завершал книгу раздел: «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями» от Рюрика до великокняжеской четы Петра Федоровича, Екатерины Алексеевны и сына их Павла.

Особый и сложный историографический вопрос — определение авторства М.В. Ломоносова всего «Летописца» или только его части. Во втором томе «Истории императорской Академии наук в Петербурге» П.П. Пекарского была издана написанная А.И. Богдановым в 1766 г. за несколько дней до смерти записка о его служебных и литературных трудах. В частности, под номером восемь указано: «краткий экстракт о державных российских князьях и с славными их делами написал, который и напечатан г[осподином] статс[ким] советником Ломоносовым» [*Пекарский П.* 1873. С. 199]. Это указание Богданова учитывалось исследователями. Различия их мнений заключались в том, что одни относили текст Богданова к последней части «Летописца», тогда как другие, учитывая наблюдения Л.Б. Модзалевского, соотносили его с хронологической таблицей или второй частью книги — «Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся

пространной истории» [Аблов Н.Н. 1941. С. 143; Модзалевский Л.Б. 1946а. С. 267–268; [Свирская В.Р.] 1952. С. 589–590; Кобленц И.Н. 1958. С. 65, 69, 72, 75; Гофман П. 2001. С. 75–76]. Но все эти исследователи не сомневались в достоверности изложения событий Богдановым. Есть и другая их интерпретация, в соответствии с которой «Летописец» был написан Ломоносовым при участии Богданова, причем Ломоносов подверг редакторской обработке собранный Богдановым материал [Пештич С.Л. 1965. С. 188].

В отличие от этих мнений можно предположить, что М.В. Ломоносов не отредактировал, а переписал работу А.И. Богданова. Когда в 1757 г., то есть незадолго до работы Ломоносова над «Летописцем», Богданов представил в академическую Канцелярию свою книгу «О началах и произведении в свете первых азбучных слов», о ней было сделано отрицательное заключение: «книга кажется такого содержания, что оную напечатать при Академии без стыда невозможно». В соответствии с таким отзывом работу Богданова направили на дополнительное рецензирование В.К. Тредиаковскому. Его отзыв был более снисходительным. Тредиаковский нашел, что «труд его и намерение достойны похвалы; видно, что он время свое не тщетно препровождает». Но, отметил он, «много в ней при хорошем и сомнительного».

В качестве «сомнительного» В.К. Тредиаковский отметил мысль А.И. Богданова, в соответствии с которой сын Адама Сиф «начал вымышлять азбучные слова, а по нем сын его Енос оные довершил». Сомнение Тредиаковского вызвала и другая идея Богданова: «При смешении языков не языки только переменились, но и вид лиц на разные обличья». Видимо, для утверждения древности «славенороссийского народа» и его языка Богданов указал на широко распространенное легендарное предание о грамоте к этому народу Александра Македонского. Такое указание стало причиной лингвистического анализа Тредиаковским этого идеологизированного фальсификата: «Александра Великого грамота к славенороссийскому народу, не знаю каким у него языком писанная, только месяц в ней назван Примус, да и боги и богини, Марс, Юпитер, Венера и Минерва, по-латински, а словенский ее слог, всеконечно, есть с недавних веков». Отметил Тредиаковский ошибку в изложении Богдановым исторического события, в соответствии с которым «третье наше крещение было и при великом князе Олеге и в лето 786». «Сомнительной» была и ещё одна мысль Богданова: «Все народы, как скоро получили азбуку, так тотчас и сделали у себя состав Грамматики собственно так называемые Науки, и начали записывать слова в лексиконы». Завершил Тредиаковский этот перечень недостатков неутешительным обобщением: «Довольно и еще подобного сему». Осудил он составленные Богдановым таблицы и предложил основательно отредактировать книгу: «Что ж до стиля, то весь от доски до доски надлежит править». Так что сочинение Богданова осталось неопубликованным [Пекарский П. 1873. С. 198–201].

Можно предположить, что написанный А.И. Богдановым «краткий экстракт о державных российских князьях и с славными их делами» по

содержанию и форме был не лучше. Видимо, он представлял собой хронологическую таблицу с указанием основных событий, которые происходили в правление князей, традиционно указанных по степеням, а Степенную книгу Богданов изучил основательно, поскольку, как он написал в перечне своих работ, «в Степенную книгу алфавитный индекс материям сочинил, которая в библиотеке хранится», то есть в БАН [Пекарский П. 1873. С. 199].

Таким образом, лингвистический труд А.И. Богданова по содержанию и форме был явно неудачен. Вероятно, таким же был и составленный им «краткий экстракт о державных российских князьях и с славными их делами», который оказался в распоряжении М.В. Ломоносова. Между тем, Ломоносов должен был срочно написать учебное пособие по российской истории. К этому времени Ломоносов уже длительный период основательно занимался разысканиями, посвященными российской истории. Он изучал отечественные и иностранные исторические источники, написал первую редакцию первого тома «Российской истории», анализировал российскую историю в целом до новейшего времени. Следовательно, можно предположить, что для Ломоносова текст богдановского «краткого экстракта» по содержанию и форме интереса не представлял. Видимо, он использовал только составленную Богдановым хронологическую таблицу, которую, видимо, также редактировал, но весь ее текст принадлежал перу Ломоносова.

Отсюда понятно, почему при публикации «Краткого Российского летописца» в качестве автора указан один М.В. Ломоносов, тогда как А.И. Богданов лишь заявил права на авторство «краткого экстракта», который якобы был «напечатан» Ломоносовым. В научных исследованиях поставлена проблема подражаний и плагиата в русской литературе XVIII в. Их содержание раскрывается как особенности понимания литературного творчества самих участников литературного процесса [Николаев С.И. 2004. С. 319; см. там же литературу проблемы]. Но в случае с Богдановым основная проблема заключалась, вероятно, в необходимости переписать его работу.

7. Общественно-политические и академические обстоятельства редактирования М.В. Ломоносовым первого тома «Российской истории»

С 1757 г. М.В. Ломоносов был крайне занят административной работой. 13 февраля этого года распоряжением К.Г. Разумовского он был назначен советником академической Канцелярии. Поэтому он должен был вместе с И.Д. Шумахером, И.И. Таубертом и Я.Я. Штелиным руководить административно-хозяйственными и финансовыми делами в Академии наук.

19 января 1760 г. Разумовский поручил Ломоносову управление академическим Университетом и Гимназией [Летопись. 1961. С. 263, 326]. В отличие от Московского университета, в основании которого в 1755 г. Ломоносов принимал самое активное участие, но руководить его деятельностью не мог, он возлагал особые надежды на академический Университет и Гимназию как на центр подготовки национальных научных кадров. Поэтому, когда Ломоносов хлопотал перед И.И. Шуваловым о предоставлении «университетской привилегии», он без ложной скромности указывал на академические Гимназию и Университет — «откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 539].

М.В. Ломоносов стремился к укреплению своего административного положения. Отмечая свои заслуги перед российской наукой и Академией, в конце 1759 — начале 1760 г. он ходатайствовал перед доброжелательно относившимися к нему М.И. Воронцовым и И.И. Шуваловым о своем назначении вице-президентом Академии наук. В письме к фавориту императрицы Ломоносов выражал намерение увеличить свои возможности в административном управлении Академией: «вице-президентский чин — невеликий, а в графских отсутствиях (т. е. в отсутствие К.Г. Разумовского. — М. С.) надобен». При этом в традициях елизаветинского царствования и в особых обстоятельствах Семилетней войны он подчеркивал свое противопоставление иностранным членам Академии и ее Канцелярии: «два иностранные в Канцелярии члены против меня перевес имеют, который я чувствую не без остановки приращения ученых россиян». Имея в виду Тауберта и Штелина, Ломоносов продолжил: «<...> в Академии больше мне надобно авторитету, чтобы иностранные перевесу не имели» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 535–537, 847].

Приходило и неожиданное признание заслуг. 30 апреля 1760 г. М.В. Ломоносов был избран членом Шведской королевской Академии наук за его труды прежде всего в науках «физических» [Модзалевский Л.Б. 1946б. С. 277–279; Летопись. 1961. С. 332].

Между тем, М.В. Ломоносов продолжал изучение российской истории всех исторических периодов. 26 мая 1759 г. он подписал доношение в Синод с просьбой предоставить в Академию наук копии исторических документов, хранящихся в монастырях, сведения о времени их строительства, что было необходимо для написания «Российской истории» [Летопись. 1961. С. 311–312]. В представлении от 18 октября 1760 г. в академическую Канцелярию он настаивал на том, чтобы сделать копии находившихся в церквях портретов российских «государей обоого пола и всякого возраста», «на стенах и на гробницах стоящих». Они должны были «сохранить для позднейших потомков» «лики и память наших владетелей». Такие копии, по мнению Ломоносова, должны были иметь как патриотическое, так и научное значение, а «в других государствах» должны были показать «российские древности и тщание предков наших». Между тем гравированные в России портреты государей

«не токмо весьма недостаточны, но и никакого сходства между собою в лицах не имеют». Такие копии должны были стать образцом также для отечественных художников и скульпторов. Следовало копировать находившиеся в церквях «надгробные надписи» на могилах погребенных там правителей или сделать выписки о них в синодиках, что было важно для составления полного родословия российских государей. То есть, Ломоносов стремился расширить источниковую основу исторических исследований, уточнить и конкретизировать исторические факты, относившиеся к российским правителям всех исторических периодов.

Показателен предложенный М.В. Ломоносовым маршрут для поисковых работ «живописца» — Новгород, Тверь, Москва, Переяславль Залесский, Ростов, Ярославль, Нижний Новгород, Муром, Суздаль, Владимир, Переяславль Рязанский, Чернигов, Киев, Смоленск, Псков [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 406–407]. Это были одни из основных городских центров древнерусского периода, которые находились в 1760 г. на территории Российской империи.

Постоянные интриги при дворе и в Академии отнимали много сил и времени, которые могли бы быть потрачены на творческие занятия. Покровительство И.И. Шувалова способствовало научной и организационной деятельности М.В. Ломоносова. Как писал Ломоносов в посвященной Шувалову поэме «Петр Великий», первая песнь которой была закончена 1 ноября 1760 г., «Твоими, Меценат, бодрясь в труде словами, / Стремлюся на Парнас, как легкими крилами. / В разборе убежден о правоте Твоей, / Пренебрегаю злых роптание людей» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 697; *Летопись.* 1961. С. 343].

События, которые последовали за кончиной императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г., завершили десятилетний период творческой деятельности М.В. Ломоносова при активном содействии И.И. Шувалова. Ломоносов был введен в состав «Печальной комиссии». Ему было поручено сочинение текста «на гроб» и эпитафии, напечатанной по решению Комиссии в академической Типографии тиражом 1850 экземпляров на русском, немецком и французском языках. Ломоносов был назначен «маршалом при корпусе Академии наук, Московского университета, Академии художеств и членов, профессоров и служителей не ниже секретаря». Во время похорон 5 февраля за ним в качестве «маршала» следовали представители Академии, Московского университета и Академии художеств, а 7 февраля наряду с другими «кавалерами» он дежурил у катафалка. В апреле ему была вручена золотая памятная медаль, отчеканенная в связи с кончиной и погребением Елизаветы Петровны [*Долгова С.Р.* 1987. С. 217–220].

Петр III, племянник Елизаветы Петровны, стал наследником престола в соответствии с решением императрицы. Поэтому многие ожидали, что новый император станет продолжателем внутренней и внешней политики царственной тетушки, преемницы деяний Петра Великого. Выражая эти на-

строения, М.В. Ломоносов писал в оде, посвященной восшествию на престол Петра III: «Премудрая Елизавета, / На Отческий Престол восшел, / Движеньем Вышняго совета / Блюла Отечество от бед. / Достигнув мужеским Геройством, / Отвсюду облекла спокойством / Свое наследство, утвердив, / Чтоб был для Россов счастья, славы / Без пресечения державы / Великий Петр во веки жив». Ломоносов воспевал процветание России, ее победы над Пруссией в Семилетней войне. Завершил Ломоносов свою оду пожеланием благоденствия той ветви Петра Великого, которая продолжилась с воцарением Петра III и должна была сохранить в своем единстве и преемственности процветание России и ее народов. Он написал, обращаясь к «Зиждителю»-Творцу: «Утешь Его (Петра III. — М. С.) народы властью, / Преславный век Ему подай, / Супруге, Ветви вожденной / В Петрове доме обитай».

М.В. Ломоносов начал писать эту оду 25 декабря, а 28 декабря 1761 г. было начато ее печатание в академической Типографии тиражом в 1200 экземпляров [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 751–760; *Летопись.* 1961. С. 370].

Между тем в России наступали новые времена, когда в идеологии и практике императорской власти все более стали учитываться западноевропейские просветительские идеи. Уже 18 февраля 1762 г. Петром III был издан указ о вольности дворянской, отменявший обязательную службу дворян. Была упразднена наводившая ужас Тайная розыскных дел канцелярия, осуществлявшая расследование политических дел. Петр начал секуляризацию земель, указав включить церковные вотчины в состав государственных. В продолжение традиции Петра Великого по регламентации церковной организации в России он приказал закрывать домовые церкви. Указ нового императора о запрещении покупать крепостных крестьян к мануфактурам должен был способствовать росту использования на них вольнонаемного труда и тем самым повышению производительности их производства.

Впрочем, Петр III совершал поступки, которые оскорбляли патриотическое чувство армии, русского дворянства и что особенно важно — высшего слоя государственного управления. Он привлекал голштинцев в качестве советников и лично преданной ему гвардии. После успешных действий российского войска против прусской армии Петр заключил мир с королем Фридрихом и начал переподготовку русской армии по прусскому образцу. Он открыто выражал свое преклонение перед Фридрихом II и принимал решения в соответствии с советами уполномоченных прусского короля. Петр стал готовиться к военным действиям против Дании, чтобы присоединить Шлезвиг к Голштинии. Эти и другие им подобные причины, а также подчеркнуто неуважительное отношение Петра III к православной Церкви, к традициям русского быта и придворной жизни, опасения его жены Екатерины относительно своего будущего и ее стремление к единовластному правлению имели следствием дворцовый переворот 28 июня 1762 г., убийство Петра в Ропше 6 июля 1762 г. и восшествие на престол Екатерины Алексеевны в качестве

правлящей императрицы Екатерины II [Каменский А.Б. 2001. С. 305–314; Курукин И.В. 2003. С. 375–392; Павленко Н.И. 2006б. С. 30–52].

Характеризуя отношение М.В. Ломоносова к царствованию Петра III, А.С. Мыльников предположил, что он был привержен утопической «петровской» легенде, в соответствии с которой продолжателями дела Петра Великого являлись идеализированный новый император и его сын, тогда как места Екатерине Алексеевне в этой преемственности не было (эту гипотезу ранее сформулировал Д.С. Бабкин) [см.: Мыльников А.С. 1987. С. 162–165; 1991. С. 29–30]. Между тем, конкретный анализ позволяет установить не легендарные, а реальные факторы, которые воздействовали на жизнь Ломоносова и его творчество как историка.

Произошедшие события внесли определенные изменения в деятельность М.В. Ломоносова. И.И. Шувалов был оставлен новой императрицей куратором Московского университета. Впрочем, уже в правление Петра III он был лишен возможности оказывать содействие Ломоносову. В 1763 г. Шувалов надолго уехал в заграничное путешествие. М.И. Воронцов поначалу был оставлен Екатериной в должности канцлера, но осенью 1763 г. он подал в отставку и также отправился за границу. Положение К.Г. Разумовского, напротив, укрепилось. Как отмечено ранее, в царствование Елизаветы Петровны он находился в сложных отношениях с ее ближним окружением, Шуваловыми и М.И. Воронцовым. Он поддерживал Екатерину в ее стремлении к императорскому правлению. В Измайловском полку, командиром которого Разумовский являлся, служили братья Орловы, которые много сделали для возведения Екатерины на престол, а Григорий Орлов стал ее фаворитом. Разумовский принимал активное участие в главных церемониях во время коронации Екатерины в Кремле. За все это Разумовский был щедро одарен императрицей и пользовался ее полным доверием. Так что он мог осуществлять руководство Академией наук в соответствии со своими намерениями и пожеланиями императрицы.

М.В. Ломоносов, который с тревогой наблюдал за событиями в правление Петра III, с одобрением отнесся к перевороту 28 июня. Можно предположить, что он сразу после появления первого екатерининского манифеста от 28 июня о произошедших событиях начал работу над одой в честь восшествия Екатерины на престол. Для подданных Российской империи вопрос о власти решился 7 июля, когда в третьем екатерининском манифесте сообщалось, что «бывший император Петр Третий» скончался. 8 июля академическая Канцелярия приняла решение напечатать оду, а 10 июля тираж поступил в Книжную лавку для продажи [Летопись. 1961. С. 378–379].

Исследователи отметили идейные связи этой оды М.В. Ломоносова с екатерининскими манифестами, с теми проблемами, которые волновали просвещенное российское общество и Академию наук [Пекарский П. 1873. С. 769–770; комментарии М.И. Сухомлинова: Ломоносов М.В. 1893. Т. 2.

С. 338–345; Чернов С.Н. 1935. С. 155–180; [Красоткина Т.А., Блок Г.П.]. 1959. С. 1170–1174; Алексеева Н.Ю. 2005. С. 181–183]. Продолжая эти наблюдения, отметим те сюжеты ломоносовской оды на восшествие на престол Екатерины II, которые имеют отношение к последующей судьбе Ломоносова и к идеям его трудов по истории России. При этом следует отметить одно свойство этой оды, не привлекавшее, как представляется, достаточного внимания. Ломоносов, лишившийся поддержки могущественных покровителей, вероятно, решил обратиться непосредственно к Екатерине II, пользуясь возможностями жанра оды и древнейшей традиции обращения поэта к правителю, в данном случае — высшей светской власти в России. Возможно, Ломоносов надеялся найти посредством такого обращения верховное покровительство новой императрицы, как это ранее произошло в царствование Елизаветы Петровны.

Поэтически переосмысляя указания екатерининских манифестов на преемственность новой императрицы по отношению к петровским традициям и царствованию Елизаветы Петровны, М.В. Ломоносов уже в первых строках своей оды написал о Екатерине II как новом воплощении жены и дочери Петра Великого: «Внемлите, все пределы света, / И ведайте, что может Бог! / Воскресла нам Елисавета: / Ликует церковь и чертог. / Она или Екатерина! / Она из обоих едина!». Ломоносов воспел время правления этих предшественниц Екатерины II, постоянно возвращаясь к воспоминаниям о Елизавете Петровне: «Елисавета царством мирным / Российския смягчит сердца / И, как дыханием зефирным, / Взираньем кроткого лица / Вливает благосклонность в нравы, / В войнах не умаляя славы. <...>». Напомнил он и о сходных обстоятельствах воцарения обеих императриц: «Среди избраннейших Героев / Между блистающих ружьем <...> / Так шла на Трон Елисавет!». В конце оды Ломоносов вновь написал о Елизавете. На этот раз, по его словам, Екатерина ей подражала: «Осмнатцать лет Ты украшала / Благословенный дом Петров; / Елисавете подражала / В Монарших высоте даров <...>».

М.В. Ломоносов настойчиво повторял в оде мысль о непомерном возвышении иностранцев на службе российским императорам, благо краткое царствование Петра III давало тому много примеров. Вслед за екатерининским манифестом он осудил заключенный мир с Пруссией, которой российские армии нанесли значительные поражения. К иностранцам на российской службе, прежде всего к «немцам», Ломоносов обратился с отповедью: «А вы, которым здесь Россия / Дает уже от древних лет / Довольство вольности златая, / Какой в других державах нет, / Позволила по вере службу / Беспреткновенно приносить; / На толь склонились к вам Монархи / И согласились Иерархи, / Чтоб древний наш закон вредить. / И вместо, чтоб вам быть меж нами / В пределах должности своей, / Считать нас вашими рабами / В противность истины вещей?»

С высоты своего 50-летнего возраста и жизненного опыта академик и профессор М.В. Ломоносов преподавал 33-летней и, как, видимо, он думал, еще

недостаточно опытной в управлении страной Екатерине урок: «Услышьте, Судии земные / И все державные главы: / Законы нарушать святыя / От буйности блюдитесь вы / И подданных не презирайте, / Но их пороки исправляйте / Ученьем, милостью, трудом. / Вместите с правдою щедроту, / Народну наблюдайте льготу, / То Бог благословит ваш дом» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 772–781].

Как отметили комментаторы оды на восшествие на престол Екатерины II, новое произведение М.В. Ломоносова не пользовалось таким успехом, как его ода на воцарение Петра III. В июле Книжная лавка продала 349 экземпляров оды, а в августе только 5 экземпляров. Она была отпечатана увеличенным, но не двойным тиражом. Екатерина II умела расшифровывать поэтические иносказания, недомолвки и намеки Ломоносова, а он, присоединились комментаторы к наблюдениям С.Н. Чернова, истолковал екатерининские манифесты не совсем так, как хотелось бы новой императрице [[*Красоткина Т. А., Блок Г. П.*]. 1959. С. 1171]. Между тем выводы Чернова были более определенными. В соответствии с его предположением, «императрица или была недовольна одою или, по крайней мере, недостаточно довольна ею». Основной причиной этого недовольства он посчитал изображение иностранцев, внешних и находившихся на российской службе, как участников заговора против России. Причиной недовольства Екатерины II, отметил Чернов, могли стать и ломоносовские поучения, отнесенные не к Петру III, а к ней самой [*Чернов С.Н.* 1935. С. 178–180].

Эти наблюдения можно продолжить. Как представляется, у Екатерины II были более существенные причины для недовольства одой М.В. Ломоносова. Ко времени восшествия на престол она была уже искушенным политиком. В частности, она находилась под подозрением во время следствия над канцлером графом А.П. Бестужевым-Рюминым и фельдмаршалом С.Ф. Апраксиным [*Бильбасов В.А.* 1887; *Павленко Н.И.* 2006б. С. 29]. Екатерина прекрасно разбиралась в проблемах, которые стояли перед Российской империей. Поэтому она, вероятно, в полной мере осознавала, что для дальнейших успехов страны необходимо продолжение деятельности не Елизаветы Петровны, а Петра Великого. Уже в 1766 г. она пригласила по совету Д. Дидро и Ф.М. Вольтера замечательного французского скульптора Э.М. Фальконе для создания памятника Петру Великому. В этом насыщенном символами гениальном скульптурном произведении обращает внимание политическая концепция императрицы, сформулированная в надписи: «Петру Первому Екатерина Вторая». Порядковые номера этих правителей указывали на прямую идейную преемственность Екатерины по отношению к основателю империи.

Екатерина явно не собиралась быть воплощением умершей Елизаветы Петровны и продолжателем ее правления. Ссылки екатерининских манифестов на такую преемственность предназначены были только для того, чтобы исключить из народной памяти и исторической действительности

краткое царствование Петра III. Поэтому можно предположить, что призывы М.В. Ломоносова к Екатерине следовать за Елизаветой Петровной как за образцом были не только обидны для новой императрицы, но даже оскорбительны как для правительницы и женщины, которая могла быть второй только после Петра Великого, но не предшествовавших ей цариц.

Вероятно, оскорбительны были для Екатерины и слова ломоносовской оды, в соответствии с которыми она, будучи еще великой княгиней, «Елисавете подражала». Великий ученый, видимо, не обратил внимания на свойства души новой императрицы, которая должна была в современной ей России только первенствовать, а елизаветинский период своего пребывания в стране она вспоминала как время постоянных унижений, оскорблений мужем и его царственной теткой.

Хотя екатерининские манифесты осудили Петра III и его указы, сама Екатерина в первые годы своего правления продолжила намеченные супругом реформы, поскольку они выражали насущные требования времени, нового уровня развития России и эпохи Просвещения. Осуществлялись секуляризация церковных вотчин и запрещение покупать крепостных крестьян к мануфактурам. В опубликованном 19 октября 1762 г. указе извещалось: «<...> повелеваем тайной розыскных дел Канцелярии не быть и оную совсем уничтожить». Подлежащие ей дела, «смотря по мере важности», передавались в Сенат. Там же сообщалось: «Ненавистное изречение, а именно: СЛОВО И ДЕЛО, не долженствует значить ничего; и МЫ запрещаем не употреблять оного никому» [Указы. 1764. С. 176–177].

Указ о вольности дворянской, хотя и не был подтвержден, но и не был отменен. Екатерина не разрешила поход на Данию, но и не возобновила разорительную для российской казны войну против Пруссии. Просветительское содержание имело учреждение уже в 1764 г. Смольного института благородных девиц, которые должны были нести просвещение в свои будущие семьи, а в 1765 г. — Вольного экономического общества, предназначенного для модернизации господского и крестьянского хозяйства.

Активная внешняя политика дипломатии, а не войны, значительно усилила позиции России в Центральной Европе. Екатерина добилась возвращения Э.И. Бирона в Митаву уже в январе 1763 г., усилив позиции России в Курляндии, а в июле 1764 г. нанесла ему визит. В 1762 г. она наметила избрание своего бывшего фаворита Станислава Понятовского польским королем. После смерти Августа III 25 сентября 1763 г. Екатерина добилась того, что в августе 1764 г. это избрание свершилось. Суть этой внешнеполитической меры отметил еще В.А. Бильбасов — «Россия влечется на Запад», так что дальнейшее развитие событий должно было привести к разделам Польши [Бильбасов В.А. 1900. С. 17–447; Павленко Н.И. 2006б. С. 68–79, 99–104; здесь приведены примеры просветительской и европейской внешнеполитической ориентации Екатерины в первые годы ее правления; о ее внутренней политике этого

периода новейшие работы и историографию см.: Власть и реформы. 1996. С. 164–166; *Каменский А.Б.* 2001. С. 315–406; *Курукин И.В.* 2003. С. 425–444; *Екатерина II.* 2004].

Когда Екатерина вскоре после восшествия на престол узнала, что издание «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера во Франции запрещено, она предложила Дидро и Вольтеру продолжить публикацию ее томов на территории России в Риге.

Уже в начале правления Екатерины II было очевидно, что времена «господствующей идеи царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками» (В.О. Ключевский) остались в прошлом. В то же время новая власть сохранила свойственную елизаветинскому правлению интерпретацию российской истории как средства воспитания патриотизма. Указ от 22 сентября 1762 г. «О воинской дисциплине» начинался фразой: «Знающим древнюю историю нашего Отечества довольно известно, что воинство Российское, когда еще и просвещение регул военных ему не поспешествовало, войска мужественного имя носило <...>». Указ от 25 октября того же года об учреждении Артиллерийского шляхетного кадетского корпуса содержал раздел «Каким наукам кадетов обучать надлежит и какая польза из того последует». «Польза» истории указывалась в этом указе не в ее научном изложении и в соответствии с петровской концепцией в сложном ее содержании, а в повествовании деяний ее выдающихся деятелей, которые, в данном случае по Петру Великому, служили государю и России: «Знание Гистории и Географии Политической нужно всякому, а необходимо дворянину, к военной службе приготавлиющемуся, из коих первая покажет им великих мужей отметивших (в тексте опечатка: отменивших. — М. С.) себя во время войны и мира важными делами, кои служили в пользу их Государей и Отечества <...>» [Указы. 1764. С. 151, 205].

Можно предположить, что поначалу для М.В. Ломоносова смена правителя на царском престоле 28 июня 1762 г. была только очередной, на его памяти седьмой. Вероятно, он не знал, что юная великая княгиня Екатерина Алексеевна в отличие от императрицы Елизаветы Петровны с увлечением читала труды французских просветителей, прежде всего Вольтера, Дидро и Монтескье. Видимо, Ломоносов поначалу не учел, что в Европе уже наступила эпоха быстрого распространения идей французского Просвещения, получивших новые импульсы в Англии и Германии. Поэтому Екатерина II усваивала и стремилась осуществить эти идеи в свое правление. Оно должно было стать современным, а не повторением пройденного. Именно поэтому Екатерина не могла одобрить идеи елизаветинской поры о враждебности иностранцев, прежде всего немцев, «внешних» и «внутренних», к России. В соответствии с идеями просветителей Екатерина рассматривала европейские народы и государства, включая Россию, в едином прогрессивном развитии. Поэтому она уделяла внимание не этнической принадлежности людей,

а их причастности к этому процессу. В борьбе за политическую власть, а после воцарения — и в управлении государством ей нужны были не поучения, а конкретная помощь.

Такое понимание оды М.В. Ломоносова, посвященной восшествию на престол Екатерины Алексеевны, а также ее прочтения новой императрицей многое объясняет в ее отношении к великому ученому, причины достаточно равнодушного отношения к этой оде покупателей книг, то есть образованной и достаточно обеспеченной части россиян. Впрочем, первоначальное недовольство Екатерины II Ломоносовым могло иметь также другие причины. Слишком близко он находился к влиятельнейшим людям елизаветинского правления, к которым Екатерина испытывала недоброжелательные чувства, хотя она и не преследовала их так, как поступили с противниками ее предшественницы на российском престоле.

Совсем иначе императрица отнеслась к тем членам академического руководства, кто поддерживал ее до воцарения или преследовался в предшествовавшие правления. Г.Н. Теплов, который подвергся гонениям в краткое царствование Петра III, а в дни его свержения писал для Екатерины указы, был пожалован чином действительного статского советника, равного генерал-майору, и назначен к принятию прошений на высочайшее имя. Советник академической Канцелярии И.И. Тауберт, который по настоянию К.Г. Разумовского осуществил издание в ночь на 28 июня 1762 г. написанного Тепловым манифеста о восшествии Екатерины на престол, был повышен в статские советники [Пекарский П. 1870. С. 659–660; Бильбасов В.А. 1900. С. 21]. В таких обстоятельствах оказалось, что в административном управлении Академией М.В. Ломоносов оказался ниже Тауберта и тем более Теплова, что ограничивало его возможности на равных, как ранее, обсуждать с ними академические дела.

Поэтому уже 24 июля 1762 г. М.В. Ломоносов обратился к императрице с просьбой «уволить от службы» «вовсе» с производством в действительные статские советники и с предоставлением ежегодной пенсии 1800 рублей [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 352–353]. Видимо, завершая, как Ломоносов тогда думал, свои исследовательские труды в Академии наук, он доработал первый том «Российской истории» и 28 февраля 1763 г. вернул его в академическую Типографию. 3 марта Канцелярия дала указание Типографии печатать книгу «с крайней поспешностью» значительным тиражом в 2425 экземпляров и 11 марта ее печатание было начато [Летопись. 1961. С. 386–387].

Поначалу недовольство Екатерины М.В. Ломоносовым было столь значительным, что 2 мая 1763 г. она подписала указ о его отставке в чине статского советника. Впрочем, уже 13 мая она этот указ отменила. За Ломоносова ходатайствовали еще находившийся в Петербурге М.И. Воронцов и, главное, фаворит императрицы Григорий Орлов и его брат Федор. Лишь в конце июля — начале августа 1763 г. императрица сменила гнев на милость. 7 августа

Ломоносов объявил в академической Канцелярии, что он вернулся к исполнению обязанностей ее советника. В последней трети того года Екатерина имела несколько встреч с Ломоносовым для обсуждения научных проблем и 15 декабря она подписала указ о «пожаловании» его в чин статского советника с денежным обеспечением 1875 рублей в год [Летопись. 1961. С. 390, 392, 397]. Такому его повышению в чине содействовал, кроме братьев Орловых, как выясняется, и находившийся в царствование Екатерины в фаворе В.Е. Адогуров, некогда учитель русского языка великой княгини и ее доверенное лицо. Как Адогуров написал Г.Ф. Миллеру в письме от 28 декабря 1763 г., он «производению господина Ломоносова способствовал». Сам Адогуров вскоре после этого стал сенатором. Он в полной мере ценил талант своего бывшего ученика и как ученого, и как поэта, так что в другом письме, от 9 февраля 1764 г., он благодарил Миллера за присланные ему стихи Ломоносова и Сумарокова [РГАДА. Ф. 199, п. 546, ч. 1, ед. хр. 1, лл. 116 об., 125].

О визитах к императрице М.В. Ломоносов сообщал в письме от 19 января 1764 г. М.И. Воронцову, который находился тогда в Италии: «В прочем чувствую ее государскую милость довольно: несколько раз изволила меня приглашать к себе в комнаты и довольно со мною разговаривать о науках с оказанием своего всемилостивейшего удовольствия» [Летопись. 1961. С. 379–380, 390, 397; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8. С. 1182–1183; 1957. Т. 10. С. 353, 570].

Екатерина II понимала особое значение М.В. Ломоносова для отечественной науки, его роль в ее организации, в руководстве академическим Университетом и Гимназией. Было очевидно, что преданные ей, но посредственные Г.Н. Теплов и И.И. Тауберт не составляли славу Петербургской Академии наук. Поэтому Екатерина, как тонкий знаток человеческих душ, решила привлечь великого ученого и литератора, талант которого она ценила (позднее в одной из ее пьес хор исполнял песню на его слова), в круг тех отечественных деятелей, которые должны были украсить ее царствование. 7 июня 1764 г. она сама посетила дом Ломоносова [Летопись. 1961. С. 406].

М.В. Ломоносов также убедился, что в России с воцарением Екатерины II наступили новые времена в политических и культурных приоритетах. Теперь престижно стало широкое международное признание. Поэтому 19 января 1764 г. он обратился с письмом к М.И. Воронцову с просьбой оказать содействие в его избрании членом Болонской Академии наук. 2/13 апреля того же года он был избран членом этой Академии. В письме от 11 июля 1764 г. Ломоносов обратился к И.И. Шувалову с просьбой рекомендовать его в иностранные члены Парижской Академии наук. Впрочем, это избрание не состоялось [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 582–587, 875–877].

Возможно, одной из тем, которые императрица обсуждала с М.В. Ломоносовым, являлось продолжение его разысканий о русской истории. Как отмечено ранее, уже в своей «Записке» от 28 февраля 1763 г. в академическую Канцелярию о возвращении для печатания первого тома «Российской исто-

рии» он сообщил: «Следуют еще две части сего ж тома, первая до Батыева нашествия, то есть до порабощения российского татарами, вторая до великого князя московского Ивана Васильевича, когда Россия вовсе освободилась от татарского нашествия». Эти две части Ломоносов указал как уже находящиеся в процессе написания и нуждающиеся в редакционных коррективах: «Сию книгу не намерен я печатать, как она начата, с примечаниями и с сокращениями на поле, но токмо с одними цитациями авторов, а примечания присовокуплю назаде» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9. С. 408–409].

О намерении М.В. Ломоносова продолжить работу над «Российской историей» может свидетельствовать тот факт, что в 1764 г. он взял в БАН Степенную книгу из собрания Остермана («Летописец большой, № 5»; БАН. 32.8.2) и двухтомную рукопись выполненного в 1758 г. перевода труда М. Стрыйковского «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси <...>». Кроме них у него дома уже находились взятые ранее в БАН в 1763 г. Царственный, или Остермановский лицевой свод («Летописец древний»; БАН. 31.7.30), а также примечания В.Н. Татищева — составная часть его «Истории Российской» — взятые еще в 1757 г. Эти рукописи находились у Ломоносова до его кончины [*Коровин Г.М.* 1961. С. 226, 228, 238–239, 432].

Поскольку ранее М.В. Ломоносов уже собрал значительные материалы по российской истории, то следует предположить его серьезные намерения продолжать свои исследования в качестве историка. В списке своих трудов, подготовленном в начале 1764 г. для представления к избранию в члены Болонской Академии наук, Ломоносов сообщил о себе как о специалисте по российской истории, продолжающем свои труды по данной теме: «1) Сочинен краткий летописец российский с предисловием и напечатан. 2) Сочинен первый том «Российской истории» и печатается, с филологическими изъяснениями. 3) Собраны многие рукописные известия, до российских дел надлежащие, собственным коштом. 4) Прочитаны многие книги домашних и внешних писателей; из них выписаны всякие надобности в продолжение «Российской истории»» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 401; см. также ранее, с. 710].

Как к авторитету в изучении отечественной истории Екатерина обратилась, вероятно, в январе 1764 г. к М.В. Ломоносову, впрочем, через президента Академии художеств И.И. Бецкого, с предложением «выбрать» «из российской истории знатные приключения для написания картин, коими бы украсить при дворе некоторые комнаты». В данной связи он обратился к вице-канцлеру А.М. Голицыну, которому был подчинен Архив Коллегии иностранных дел, с просьбой разрешить использовать материалы этого архива для изображения старинной одежды. При этом Ломоносов проявил хорошее знание архивных материалов, указав на хранившееся в Москве описание коронации и других церемоний царя Михаила Федоровича. Двадцать пять тем, предложенных Ломоносовым, должны были изобразить в картинах основные события отечественной истории, включая Смутное время.

Девять из этих сюжетов в значительной мере совпадают с их изложением в первом томе «Российской истории» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 581; 1952а. Т. 6. С. 367–373, 594–595].

Хронологическая широта обозначенных М.В. Ломоносовым тем для картин свидетельствует о том, что он был подготовлен к продолжению изучения российской истории в целом. Выбор избранных им сюжетов указывает на те идейные приоритеты, которыми он руководствовался в это время при изложении отечественной истории. По наблюдениям И.В. Бреневой и Э. Ринкон-Поса, в них выделяются три группы тем.

1) События, определявшие судьбы всей страны, — «Основание христианства в России», «Мономахово венчание на царство», «Приведение новгородцев под самодержавство», «Олег князь приступает к Царю-граду сухим путем на парусах», «Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский».

2) Патриотизм, национально-освободительная борьба русского народа, его массовый героизм и самоотверженный поступок личности — «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере», «Сражение Святослава с печенегами в порогах», «Погибель Расстригина», «Единоборство князя Мстислава», «Низвержение татарского ига», «Козьма Минич», «Избавление Киева от осады печенежской смелым переплытием россиянина через Днепр», «Князь Пожарский бьется с поляками». К этой теме относятся также морально-этические идеи — служение Отечеству и героизм отдельной личности: «Начало сражения с Мамаем», «Гермоген, патриарх московский, посажен в тюрьму и, уже умирая голодом и жаждою, не согласуется с принуждающими поляками, чтобы возвести на царство польского королевича Владислава, но проклятием оное отрицает и от Михаила Солтыкова, который нож на него занес, крестом обороняется».

3) Сюжеты, свойственные искусству классицизма, — столкновение личных и государственных интересов, добра и зла, жертвование собой ради высших целей, становление личности: «Василий Иванович Шуйский при венчании своем на царство клянется боярам, что он прежних враждеб помнить не будет <...>», «Обручение Федора Ростиславича», «Царица Сумбек», «Олег, угрызен от змея, умирает», «Князь Пожарский в опасности от злодея», «Горислава».

Как отметили И.В. Бренева и Э. Ринкон-Поса, М.В. Ломоносов сформировался как художник в традициях искусства барокко и следовал его принципам в своем художественном творчестве. Но «Идеям для живописных картин из Российской истории» свойственны идеалы классицизма, так что предложенные Ломоносовым темы были осуществлены в живописи художниками этого направления [*Бренева И.В., Ринкон-Поса Э.* 1991. С. 60–68]. Впрочем, отметим, в литературном творчестве и при написании исторических исследований Ломоносов постоянно следовал принципам классицизма,

Для М.В. Ломоносова не составляло труда сформулировать в «Идеях» те проблемы российской истории, которые могут быть выражены средства-

ми живописи, а также выразить в этих сюжетах свое отношение к их обобщающим характеристикам. Проблема заключалась в том, чтобы состояние здоровья и крайняя занятость позволили ему сосредоточиться на научном изучении и на написании «Российской истории».

В таких обстоятельствах жизни и творчества М.В. Ломоносова как историка в Академии наук началась дискуссия, в которой Г.Ф. Миллер и Ломоносов вновь объединились при обсуждении проблем отечественной истории, на этот раз в критике А.Л. Шлёцера. Вновь дискутировались вопросы исторической науки. В бесчисленной российской и зарубежной литературе эта дискуссия, выходявшая подчас за пределы академического обсуждения, с применением вненаучных методов борьбы, постоянно обсуждалась, причем исследователи в изложении фактов считали возможным поддерживать одну из сторон.

Такой метод не способствовал ее конструктивному анализу. К тому же в изложении событий не учитывалась эволюция А.Л. Шлёцера как исследователя русской истории, от первого знакомства с ней в начале 60-х гг. XVIII в. до издания завершающего обобщающего труда, «Нестора», в 1802–1809 гг. Поэтому содержание дискуссии М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера со Шлёцером нуждается в специальном изучении для определения исследовательских методов Ломоносова как историка.

Август Людвиг Шлёцер (1735–1809) родился в западногерманском графстве Гогенлоэ во Франконии в семье пастора. Уже в школе он выучил французский и собирал латинские, древнегреческие и древнееврейские изречения. В шестнадцать лет он поступил в Виттенбергский университет, где прошел хорошую школу латинского, древнегреческого и древнееврейского языков. Для подготовки в гуманитарных дисциплинах Шлёцер перешел в один из лучших в Германии Гёттингенский университет. Там он слушал лекции выдающегося специалиста по теории и истории государства и права И.С. Пюттера (1725–1805), основателя статистики как науки Г. Ахенвала (1719–1772), ориенталиста и исследователя библейских текстов И.Д. Михаэлиса (1717–1791) и других замечательных исследователей того времени. Характеризуя творческий опыт Михаэлиса как основателя новой школы исторической критики, В.О. Ключевский писал: «Чтобы изучить давно минувшую жизнь, надо изучить текст памятников как можно внимательнее. Надо изучить тогдашнее значение каждого слова (лексикология), смысл слов языка и родственных ему (сравнительное языковедение), надо изучить все стороны быта народа». Это была, по словам Ключевского, «необыкновенно сложная филологическая и археологическая критика» [Ключевский В.О. 1959. С. 441].

А.Л. Шлёцер использовал любую возможность для расширения и углубления своих знаний. Когда Шлёцер в качестве домашнего учителя находился в Стокгольме, он выучил шведский и древнеисландский языки, занимался готским и польским. В 1758 г. он издал в Стокгольме на шведском языке «Опыт всеобщей истории мореплавания и торговли», опубликованный в 1766 г.

и на немецком. Пребывание в Швеции имело следствием издание Шлёцером «Новой истории литературы в Швеции». В 1759 г. он вернулся в Гёттинген, где начал изучать медицину. Но в 1761 г. по рекомендации И.Д. Михаэлиса и при содействии гёттингенского профессора А.Ф. Бюшинга (1724–1793), который являлся тогда пастором петербургской лютеранской церкви Св. Петра, Шлёцер получил приглашение Г.Ф. Миллера приехать в российскую столицу в качестве помощника с последующим определением в адъюнкты Академии, а в случае успешных занятий — и в ее профессуры. В связи с ходатайством Миллера К.Г. Разумовский принял следующее решение: «<...> господину Шлетцеру быть адъюнктом при Историографе и под его руководством упражняться в собрании и в сочинении всяких до российской истории касающихся известий, а притом трудиться и в сочинении газет и в переводах с российского на немецкий и латинский языки всяких дел, какие ему по его знанию и искусству препоручены будут» [Билярский П.С. 1865. С. 697].

В Петербурге А.Л. Шлёцер помогал Г.Ф. Миллеру в его исторических разысканиях и издательской деятельности. Он выучил современный русский и церковно-славянский языки. Шлёцер был творческой личностью, и его не удовлетворяла роль исполнителя. И.И. Тауберт поддержал его стремление к независимому от Миллера положению. Поддержал он также намерение Шлёцера изучать российскую историю и летописи. Тауберт предоставил Шлёцеру для изучения принадлежавшую ранее И.Д. Шумахеру рукопись первой редакции «Истории Российской» В.Н. Татищева. Часть этой рукописи была для него переписана [Билярский П.С. 1865. С. 695–696; Иконников В.С. 1911. С. 1–23; Валк С.Н. 1975. С. 190–191].

И.И. Тауберт помог А.Л. Шлёцеру стать учителем в «воспитательном институте» («академия на Десятой линии» Васильевского острова), открытым К.Г. Разумовским для обучения своих троих сыновей. Кроме них, там учились в 1762–1765 гг. сыновья Г.Н. Теплова, статс-секретаря Екатерины А.В. Олсуфьева, а также рекетмейстера И.И. Козлова, который принимал жалобы украинского населения к гетману. Шлёцер учил их латинскому языку и начал преподавание статистики в связи с обучением детей основам современного состояния России в сопоставлении с западноевропейскими государствами. Позднее он стал преподавать также всеобщую историю, подготавливая книжки карманного формата, содержавшие лишь необходимые для его учеников сведения [Привалова Е.П. 1975. С. 200–205]. В «воспитательном институте» Разумовского Шлёцер подружился с другим его преподавателем, С.Я. Румовским, с 1753 г. адъюнктом по астрономии в Академии наук, который стал в 1763 г. ее экстраординарным профессором, а с 1767 г. ее ординарным профессором и почетным членом. Румовский постоянно поддерживал Шлёцера во время его пребывания в России, подобно Тауберту и высокопоставленным отцам их учеников.

Становление А.Л. Шлёцера как специалиста по истории России являлось процессом его обучения и применения новых знаний в соответствии с уже накопленным опытом, коллективным и его личным, в изучении средневековой истории европейских стран. В своих воспоминаниях Шлёцер откровенно написал, что в начале его штудий ему были известны две–три летописи, в которых он многого не понимал. Между тем, накопленный международный исследовательский опыт, в том числе и его учителя И.Д. Михаэлиса, требовал не пересказа текстов, а их критического изучения. Поэтому он «с усердием принялся за следующие предварительные работы».

А.Л. Шлёцер стал изучать генеалогию русских князей, начиная с Рюрика, с тем чтобы понимать содержание событий, о которых сообщалось в летописях. В этом ему очень помогли, по его признанию, княжеские генеалогии, ранее изданные М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером, а также генеалогия, содержащаяся в рукописи В.Н. Татищева. Особенно содействовала познаниям Шлёцера в этой дисциплине некая «чрезвычайно большая писанная таблица, склеенная из нескольких листов, от Рюрика до Елисаветы, с кратким означением главных событий». Эти материалы позволили Шлёцеру составить общее представление о последовательности династических и военно-политических событий в русской истории.

Одновременно для А.Л. Шлёцера было важно в тех же целях «добыть, по возможности скорее и легче, пока только всеобщее обозрение фактов, относящихся в особенности к четырем вовсе неисследованным столетиям (1050–1450), хотя бы они были перемешаны с недостоверными рассказами». Понимание текста В.Н. Татищева было для Шлёцера еще сложно. Поэтому «неописуемой радостью» для него стала возможность знакомства с рукописью немецкого переводчика одной из летописей, по словам Шлёцера, «не знаю точно, которой». 31 июля 1762 г. он начал этот перевод переписывать, так что знакомство Шлёцера со средневековой русской историей становилось более основательным.

Анализируя летописные тексты, А.Л. Шлёцер пришел к выводу, что для понимания содержания необходимо их изучать в контексте византийской письменности и «славянских наречий», т. е. южнославянских языков, которые он стал учить с 17 апреля 1763 г. [*Шлёцер А.Л.* 1875. С. 34–133].

При активном содействии И.И. Тауберта и своих высокопоставленных покровителей А.Л. Шлёцер стал в 1762 г. адъюнктом по истории в Академии наук, где был подчинен Тауберту. Круг его занятий, кроме российской истории, был широким. В их число вошли статистика и научное изучение русского языка. Если занятия российской статистикой не затрагивали профессиональных интересов других лиц, то работа Шлёцера, посвященная грамматике русского языка, вызвала пристальный интерес русских членов Академии наук, особенно М.В. Ломоносова.

А.Л. Шлёцер не только выучил русский язык, но также анализировал его грамматику и словарный состав в сопоставлении с другими европейскими

языками, которые он хорошо знал, — с древнегреческим, латинским, немецким и шведским. Такое освоение и анализ русского языка позволили Шлёцеру подготовить краткое прагматическое пособие для обучения преимущественно иностранцев русскому языку и его грамматике. Его «Грамматика» содержала также теоретические наблюдения.

Впрочем, намерение А.Л. Шлёцера было еще более основательным. Он стремился показать просвещенным европейцам равную значимость русского языка в сравнении с другими европейскими языками. В данной связи он писал: «<...> мой главный план клонился не столько к тому, чтобы иностранец мог научиться по-русски по моей грамматике, но скорее, чтобы он приобрел общее *ученое* знание этого бесконечно богатого и высоко обработанного, но в то же время еще совершенно неизвестного языка, который иные даже считали варварским» [Шлёцер А.Л. 1875. С. 154; курсив Шлёцера].

Научным достижением А.Л. Шлёцера стало не только его обоснованное утверждение генетического родства русского языка с древнегреческим, латинским и немецким, но также мысль об особом значении славянского языка в приближении «к важному открытию *linguae primigenae* (первоначального языка)» [Шлёцер А.Л. 1875. С. 442–444]. Это наблюдение тем более важно, что индоевропеистика как наука тогда еще не появилась, а изучение праиндоевропейского языка предстояло в будущем, девятнадцатом столетии. Новым, соответствующим философии эпохи Просвещения, стало утверждение единства русского языка в семье древних классических и современных европейских языков.

В своей лаконичности и прагматизме, в теоретических наблюдениях «Грамматика» А.Л. Шлёцера стала вызовом «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, написанной в 1755 г. и изданной в 1757 г. При содействии И.И. Тауберта печатание шлёцеровской «Грамматики» было начато в 1764 г. Между тем, Ломоносов воспринял ее написание Шлёцером и попытку издать как проявление постоянных происков Тауберта. Он подумал, что ее публикация была предназначена «пресечь» издание немецкого перевода его собственной «Грамматики» [Ломоносов М.В. 1957. Т. 10. С. 308]. Между тем, «Российская грамматика» Ломоносова являлась первой подлинно научной грамматикой русского языка. В ней были учтены достижения французских, но прежде всего немецких грамматистов, преимущественно, И.К. Готтшеда, который являлся как и Ломоносов, учеником Х. Вольфа [Дюбо Б.А. 2000. С. 286–296].

Впрочем, «Грамматика» А.Л. Шлёцера давала основания для критики, особенно этимология русских слов. Этимология как особая лингвистическая дисциплина, изучающая происхождение слов, развилась в XIX–XX в. В XVIII в. исследователи большое значение придавали созвучиям слов, определению их этимологических связей по подобию (см. ранее, с. 397). Шлёцер не был исключением из этого правила. Установление этимологии слов по созвучиям приводили к странным и ошибочным соединениям понятий.

Он сам изумлялся такому сочетанию значений слов: «Удивительное смешение слов и понятий!» Но отнес он это «смешение» не к своему ошибочному методу по созвучиям, а к неким законам развития языка, которым исследователь не должен навязывать свою волю: «Но употребление языка — тиран: предоставленный только самому себе и своему шаловливому своенравию он не слушает ни рассудка, ни благопристойности. Одним и тем же знаком он выражает прекраснейшие и безобразнейшие, почтеннейшие и презреннейшие идеи <...>» [Шлёцер А.Л. 1875. С. 448, 460–461, 464–466; Шлёцер А. 1904. S. 35, 48–49, 52–54].

М.В. Ломоносов отнесся к написанию А.Л. Шлёцером «Русской грамматики» и к ее предстоящему изданию как к «нерассудной наглости». Он был возмущен, в частности, его этимологией русских слов. В сохранившемся черновике, который датируется августом 1764 г., Ломоносов писал откровенно: «Но больше всего оказывается не токмо незнание, но и сумасбродство в произведении слов российских. Кроме многого, что развратно и здравому рассудку противно, внесены еще ругательные чести и святости рассуждения <...>». В подтверждение этой мысли он привел следующие примеры. «Боярин производится 1) от дурака, 2) от барана (Ломоносов написал *Боярин* вместо зачеркнутого *Барон*. — М. С.)». «Дева, которое слово употребляется у нас почти единственно в наименовании пресвятыя Богоматери» также произведено от непотребных иностранных слов. «Король производится от слова *Kerl*». «Напечатано ругательным образом высочайший степень российского дворянства, кажется, быть то же, что по-немецки *Knecht* (холоп)». Заключение Ломоносова по отношению к Шлёцеру было уничтожающим: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина» [Ломоносов М.В. ПСС. 1955. Т. 9. С. 426–427, 838–842].

Неизвестно, был ли этот черновик переписан набело. В официальных отзывах М.В. Ломоносов характеризовал работы А.Л. Шлёцера по русской истории и грамматике резко отрицательно, но его выражения были более сдержанными. Между тем, текст черновика важен не столько для определения того, что думал Ломоносов о Шлёцере, сколько для анализа той системы характеристик российских древностей и современности, которыми он руководствовался, когда писал этот черновик. Данный анализ важен для определения позиции Ломоносова и как историка, когда первый том его «Российской истории» находился в типографии.

Показательно, что среди многочисленных шлёцеровских этимологий, достоверных и ошибочных, М.В. Ломоносов избрал те, которые имели отношение к высшим российским сословиям, к *чести*, а также к *святости*. Можно предположить, что Ломоносов, всегда готовый сражаться за честь и славу России, таким образом продолжил идеи еще всем памятного первого манифеста от 28 июня 1762 г. о восшествии Екатерины II на престол.

Он начинался с указания угрозы Православию в правление Петра III, даже не названного в манифесте по имени: «Закон НАШ Православный Греческий перво всего возчувствовал свое потрясение и истребление своих преданий Церковных, так что Церковь НАША Греческая крайне уже подвержена осталась последней своей опасности, переменою древнего в России Православия, и принятием иноверного закона». В качестве другой причины восшествия Екатерины на престол назван ущерб, нанесенный славе и чести российской: «Слава Российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием чрез многое свое кровопролитие, заключением нового мира, самим ее злодеянием отдана уже действительно в совершенное порабощение, а между тем внутренние порядки, составляющие целость всего НАШЕГО Отечества, совсем испровержены» [Указы. 1764. С. 1–2].

Таким продолжением идей екатерининского манифеста в критике «Грамматики» А.Л. Шлёцера М.В. Ломоносов, вероятно, хотел показать, что внутренняя немецкая угроза вновь проявилась в России. Во всяком случае, Ломоносову, историку и филологу, в 1764 г. оставались свойственны идеи борьбы с попытками, реальными или мнимыми, нанести ущерб России, российской науке. Поэтому он предпринял все меры, чтобы остановить печатание шлёцеровской «Русской грамматики» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 308; 1955. Т. 9. С. 409–416].

Другой проблемой, которая привела к напряженным отношениям между И.И. Таубертом и А.Л. Шлёцером, с одной стороны, и М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером — с другой, стало намерение Шлёцера изучать историю России.

В своей «Записке» от 4 января 1764 г. в академическую Конференцию А.Л. Шлёцер изложил обстоятельный план предстоящих исследований. На начальном этапе своих разысканий он собирался написать о «русской истории от основания государства до пресечения рюриковой династии», т. е. до смерти царя Федора Ивановича в 1598 г. Основные привлеченные материалы в этой работе — русские летописи, «но без сравнения их с иностранными писателями», а также «помощь трудов» В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. Следствием этих занятий должны были стать «некоторые части критических исследований по русской истории».

Данное предложение не содержало ничего нового в сравнении с тем, что уже сделали М.В. Ломоносов и Г.Ф. Миллер. Поэтому Ломоносов, читая текст А.Л. Шлёцера, написанный на немецком языке, здесь же на поле написал по-немецки: «Ich lebe noch und schreibe selbst» («Я еще живу и пишу сам»).

Но далее А.Л. Шлёцер предложил новый проект «обработки русской истории». Он предлагал не продолжать ранее сделанное предшественниками, «но начать сначала», не совершенствовать уже созданное предшественниками «целое», но «создать это целое». Для выполнения этой задачи он предложил три направления разысканий.

Первое из них должно было заключаться в изучении отечественных памятников письменности («studium monumentorum domesticorum»). Для этого следовало собрать все летописи или сделать копии тех из них, которые находятся «в частных руках», и критически сопоставить их тексты с учетом разночтений. «Грамматическое изучение летописей» («studium annalium grammaticorum») должно было содействовать пониманию содержания изучаемых текстов. Для этого необходимо было составить словарь древнерусского языка, учитывать славянский перевод Библии, а также славянские языки, которые, по Шлёцеру, воздействовали на авторский слог монахов — авторов летописей — и помогали понять содержание древних памятников письменности. В шлёцеровской теории исторического исследования это были основы «низшей критики» — установление подлинности источника и содержащейся в нем информации. «Историческое изучение летописей» («studium annalium historicum») должно было заключаться в сопоставлении известий разных летописей об одном и том же событии. Такой метод, по мнению Шлёцера, способствовал мобилизации сведений всех источников о данном событии. Это были основы «высшей критики» — определения степени их достоверности.

Всем рукописям следовало дать свое название. Надо было их описать в соответствии с правилами дипломатики, то есть с указанием бумаги, почерка, времени создания и т. д. Для структурной организации таких многочисленных материалов он предлагал собирать данные сообщения по древним великим княжениям, причем каждая летопись должна была иметь свое название для точного ее обозначения.

Особое исследовательское направление — изучение иностранных источников о Руси, других народов Восточной Европы («studium monumentorum extrariorum»), истории этих народов, для того чтобы рассматривать историю России, учитывая дополнительную информацию этих источников и постоянные связи России с другими народами и государствами Европы, включая пришедших туда кочевников.

Другая составная часть проекта А.Л. Шлёцера характеризовала особенности распространения исторических знаний в России. Он отметил, что уже Петр Великий определил назначение Петербургской Академии наук не только в научных исследованиях, но также в распространении научных знаний в русском народе. Поэтому Шлёцер предложил издавать в Академии небольшие по объему книжки, написанные в России, а не заниматься постоянно публикацией иностранных исторических сочинений. Особое внимание он уделил таким свойствам предстоящих изданий как общепользность, полнота, краткость, ясность и легкость изложения [Шлёцер А.Л. 1875. С. 287–300].

В намерении «начать сначала» и «создать новое целое» А.Л. Шлёцер был подобен радикальной части просветителей. В конце 1763 — начале 1764 г. это намерение соотносилось с идеями начала царствования Екатерины II. Разумеется, Шлёцер, хорошо знакомый с трудами В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова,

знал об их опыте сравнительного анализа известных летописей и иностранных источников при изучении российской истории. Освоил он также методы исследования отдельных исторических фактов с привлечением разных по происхождению источников в работах Т.З. Байера и Г.Ф. Миллера. Но в стремлении к «новому» и в самоутверждении Шлёцер предлагал от этого исследовательского опыта отказаться, что противоречило основам исторической науки, которая предполагает сохранение такого опыта и критическое его изучение.

В своей записке А.Л. Шлёцер наметил те идеи, которые позднее были им сформулированы как «низшая критика» — анализ исторического источника и «высшая критика» — исследование степени достоверности его сведений. Они были новы и конструктивны для изучения русской средневековой истории. Им следовал не только сам Шлёцер, но в дальнейшем и многочисленные российские историки. Поэтому В.О. Ключевский написал в конце 1880-х — начале 1900-х гг.: «Начиная с Карамзина и кончая Соловьевым, все русские историографы XIX в. смотрели на Шлёцера, как на первоучителя, родоначальника своей науки, и руководились его приемами» [*Ключевский В.О.* 1959. С. 448]. Исключения в этот период были немногочисленны.

А.Л. Шлёцер не ограничился «Запиской». Он интенсивно продолжил свои разыскания. Так что, подавая 10 мая 1764 г. репорт с просьбой предоставить ему трехмесячный отпуск для поездки на родину и присвоить ему звание профессора, Шлёцер приложил к нему сборник исследований на латинском языке «*Periculum antiquitatis russicae graecis collustratae luminibus*» («Опыт изучения русской древности в свете греческих источников») [*Ломоносов М.В.* 1955. Т. 9. С. 823–824; здесь и далее см.: *Шлецер А.Л.* 1875. С. 395–418].

Сборник состоит из трех частей. В первой из них содержатся два очерка, посвященных древней географии и описанию нравов «некоторых народов» в начальной части летописи Нестора. А.Л. Шлёцер сравнил эти ее отрывки с учетом разночтений в доступных ему летописях с византийской хроникой Кедрина и установил их текстуальную близость. Данные очерки свидетельствовали о необходимости изучения истории текста «Нестора», т. е. древнерусского летописания, в его связях с византийской хронографией, к чему Шлёцер ранее призывал. В продолжение этого исследовательского направления П.М. Строев в 20-е гг. XIX в. установил, что основой текстов, на которые обратил внимание Шлёцер, является византийская хроника Георгия Амартола [*Строев П.* 1826. Ч. 21, № 11. С. 217–224; Ч. 23. № 19–20. С. 274–288]. В исследованиях конца XIX — начала XX в. было установлено, что данные тексты восходят не к византийскому тексту хроники, а к ее болгарскому (А.А. Шахматов) или древнерусскому (В.М. Истрин) переводу [*Шахматов А.А.* 1940. С. 41–47; *Истрин В.М.* 1906].

Во второй части, «*Loca Nestoris explicata*» («Истолкованные места летописи Нестора»), А.Л. Шлёцер показывал особые возможности экзегетики в раскрытии содержания древнерусских слов, что позволяло адекватно по-

нимать содержание текста. Используя летопись «Нестора» и византийские исторические источники, Шлёцер раскрыл содержание слов «греческий огонь», который наносил столь значительный урон русским ладьям во время военных действий, как огнеметы в виде труб. Шлёцер обратил внимание на текст «Нестора» о взимании дани с восточнославянских племен «от дыма». Увлеченный идеей византийского влияния греческого языка и письменности на древнерусскую литературу и язык, он воспринял эти слова как греческое выражение, производное от *καπνός* — *дым*. Используя византийские правовые материалы, Шлёцер обоснованно показал, что в данной фразе речь идет о византийской подымной подати *καπνικόν*. Греческое происхождение фразы «от дыма» ему доказать не удалось, но его наблюдения обратили внимание на существование подымной подати в древнейший период истории Российского государства, что отмечал и М.В. Ломоносов при чтении летописей (см. ранее, с. 611). Но при жизни Шлёцера на это важное наблюдение не обратили внимания, а позднее о нем забыли. Между тем, оно содержало значительные возможности дальнейшего развития, поскольку *подымное* являлось видом подати от дома, хозяйства семьи в средневековых европейских странах и Византии [Свердлов М.Б. 1997. С. 119, 144], а это свидетельствовало об одном из проявлений единого процесса исторической эволюции.

Обратившись к лексике русско-византийских договоров X в., А.Л. Шлёцер установил греческое происхождение древнерусских слов *кувара*, *кубара* и *корабль*. Он отметил особое значение термина *месячина*, использованного в русско-византийских договорах первой половины X в., как ежемесячное распределение. Приведенные им примеры из византийских источников свидетельствуют о том, что это распределение могло иметь продовольственное содержание. К такому выводу в полной мере обоснованно пришел Г.Г. Литаврин в отличие от гипотез других исследователей [Литаврин Г.Г. 2000. С. 124–125]. Но и в этом случае конструктивные наблюдения Шлёцера были забыты.

Впрочем, лингвистический анализ слов древнерусского языка, их этимологии и семантики крайне сложен. Поэтому А.Л. Шлёцер встретился при их изучении со значительными трудностями. Как он признался в «Опыте», поначалу он думал, что древнерусское слово *судь* в известиях о событиях в окрестностях Царьграда имеет значение *против*. Его происхождение он объяснил как тождественное исландскому *sund* с тем же значением. Но фраза «Нестора» о военных действиях Руси во время похода на Царьград — «и судь весь пожгоша» — навела его на мысль, что древнерусское *суд* — означает то, что можно сжечь. Поэтому он подумал, что это слово означает *ров*, относившийся к системе укреплений, включавших палисады. Аналогии *суду* он стал искать не в скандинавских, а в континентальных германских языках и в англо-саксонском, уже по созвучиям [Шлёцер А.Л. 1875. С. 405–406]. Такой пересмотр прежнего мнения был ошибочным. Шлёцера подвело недостаточное знание древнерусского языка. Далее в летописи разъясняется, что воины

сожгли церкви, монастыри и села по обоим берегам *суда*. То есть, в тексте, смутившем Шлёцера, речь шла об обобщенном названии земель по обоим берегам Босфора.

Привлекая византийские материалы при объяснении древнерусского слова *философ* без необходимых доказательств, А.Л. Шлёцер придал ему ошибочное значение *монах*. Слово *язык* в значении *народ* он интерпретировал как грецизм. Когда Шлёцер раскрывал смысл социального термина *дружина*, как он написал, ему «не могло не придти на ум» греческое *τὸν ἑταίρειον*. То есть, дополнительное значение в первом случае и семантические совпадения в двух других, предопределенных едиными закономерностями развития общества, культуры и языка индоевропейских народов, он воспринял в соответствии с научными принципами XVIII в. как влияние или заимствование. Эти этимологические наблюдения он дополнил списком грецизмов русского языка, в котором существенные наблюдения перемежаются «народными» этимологиями по созвучию.

Завершил эти историко-лингвистические разыскания экскурс, посвященный происхождению и значению окончания в отчествах *-вич*. А.Л. Шлёцер отметил значительное распространение у славян, а также у других народов древнего и нового времени указания имени по родству. В этом явлении он указал обоснованно патронимическое содержание.

«Опыт» А.Л. Шлёцера был отдан для отзыва российским академиком. Г.Ф. Миллер написал дипломатично: «Мне представляется, работа достойна, по крайней мере, приглаживания». И.Э. Фишер изложил свое мнение, учитывая написанное Миллером: «Также не возражаю; одобряю эти попытки и, по большей части, удовлетворен» [Шлёцер А.Л. 1875. С. 418]. В отличие от них М.В. Ломоносов решительно возразил против преувеличения Шлёцером греческих начал в русском языке: «Этот опыт написан так, что всякий читатель, незнакомый с русским языком, обязательно сочтет последний происходящим от греческого языка, а это противоречит истине. Поэтому данный опыт в теперешнем его виде обнародованию не подлежит. Умалчиваю о многом другом, что также требует исправления» [Ломоносов М.В. ПСС. 1955. Т. 9. С. 409]. Ломоносов оценил работу Шлёцера в целом, так что положительного содержания в ней он не отметил.

Между тем, идеи Просвещения все более усваивались в общественной жизни России середины 60-х гг. XVIII в. Они способствовали формированию в стране новой интеллектуальной среды. В переписке с Ф.М. Вольтером в 1765–1766 гг. Екатерина II обсуждала проблемы веротерпимости, и более широко — терпимости в идейной и общественной жизни вообще. В данной связи она писала Вольтеру в письме от 28 ноября 1765 г.: «Терпимость всех вер у нас законом установлена, следовательно, гонение запрещается». Но заслугу в такой политике в России она относил не к себе и не к Вольтеру, борьбу которого за веротерпимость и гуманное отношение к людям она це-

нила очень высоко, а в полной мере обоснованно к Петру Великому: «Сими мыслями обязаны мы основателю сего города (Санкт-Петербурга. — *М. С.*), которому я купно с вами удивляюсь» [Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II. 1802. С. 13; письма Екатерины II к Вольтеру неоднократно издавались во Франции, в России публиковались их переводы, но, как отметили еще в 1872 г. издатели ее писем, хранившихся в Государственном архиве, в данных публикациях имели место «урезки и неполноты» «по цензурным соображениям», отсутствие писем, ранее уже изданных, а также указаний на различия в содержании первоначальных и беловых вариантов [Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 33, примеч. 1], поэтому тексты писем императрицы к Вольтеру приведены по разным изданиям].

Екатерина поняла и в полной мере оценила вклад Ф.М. Вольтера в утверждение нового, гуманного отношения к человеку. В черновике письма от 9 июля 1766 г. к Вольтеру она писала: «Это ничего не стоит дать немного своему ближнему из того, что имеется в великом излишестве; но делается бессмертным, когда становишься адвокатом за человечество, защитником угнетенной невинности. Эти два дела привлекают к вам уважение, которого заслуживают такие чудеса. Здесь вы поражали соединенных врагов людей — суеверие, фанатизм, невежество, кляузы, худых судей и часть власти, находящейся в руках тех и других. Надобно много доблести и достоинств, чтобы побороть эти препятствия. Вы показали, что обладаете ими — вы победили».

Соотнося такие начала воинствующего гуманизма с применением в собственной внутренней политике просветительских принципов, Екатерина характеризовала в том же письме свои правила умеренно и реалистично: «Я думала, что это единственный существенный путь ввести голос рассудка, когда дать ему в основание общественное спокойствие, в котором всякой отдельный член (во французском тексте — *chaque individu*. — *М. С.*) постоянно чувствует потребность и пользу» [Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 93, 95].

В начале своего правления новая императрица стремилась устранить из своих отношений с должностными лицами столь свойственную абсолютизму жесткость, основанную на всевластии монарха. Поэтому она написала в 1765 г. в своем наставлении сыну и потомкам после ознакомления со следственным делом А.П. Волынского: «А если б я увидела, что он (Волинский. — *М. С.*) неспособен к делам, я б ему сказала или дала разуместь, не огорчая же его, будь счастлив и доволен, а мне ты не надобен» [Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 57].

Екатерина II прочла и в письме 1765 г. к Ф.М. Вольтеру высоко оценила его только что опубликованный труд «Опыт о нравах и духе законов». О себе она написала в третьем лице: «Она прочла прекрасную сию книгу от начала до конца с великим удовольствием, и не нашла себя выше того, что в сей книге написано <...>» [Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II. 1802. С. 13, 16–17, 19, 4]. То есть она в полной мере одобрила содержащиеся в ней просветительские идеи, в соответствии с которыми

люди везде одинаковы. Возможно изучение всеобщей истории, основным содержанием которой является развитие человечества. При этом следует учитывать воздействие на прогресс местных особенностей, нравственных и религиозных учений. Эти идеи Екатерина восприняла тем быстрее и легче, что к этому времени она уже усвоила концепцию Ш. Монтескье, изложенную им в выдающемся произведении «О духе законов» (1749 г.) о закономерности исторического развития и воздействия на него климата.

Прежде всего, такими идеями Екатерина руководствовалась во время двухлетней работы над «Наказом» Уложенной комиссии, опубликованным в 1767 г. [о работе императрицы над «Наказом» см.: *Чечулин Н.Д.* 1907. С. I–CLIV]. Поэтому в первой его главе (параграфы 6 и 7) она написала: «6. Россия есть Европейская держава. 7. Доказательство тому следующее. Перемены, которые в России предпринял ПЕТР Великий, тем удобнее успех получили, что нравы бывшие в то время совсем не сходились со климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. ПЕТР Первый, вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» [*Чечулин Н.Д.* 1907. С. 2–3]. Эти идеи утверждали единство исторического развития России и других европейских стран, несмотря на ее этнокультурные особенности. Они обращали внимание на общеевропейское содержание петровских преобразований и на сохранение этой традиции в екатерининское царствование, в чем Екатерина II вновь декларировала преемственность по отношению к Петру I. Данная концепция стала историко-идеологическим обоснованием теории «просвещенного абсолютизма» Екатерины II и ее реформ. Она принципиально отличалась от господствовавших идей елизаветинского царствования.

Одновременно Екатерина стремилась существенно понизить уровень нетерпимости в российском обществе. Это последовательно осуществлявшееся намерение выразилось не только в реформах начала ее царствования. Его идейную суть императрица выразила образно в написанном в 1765 г. (без точной даты) черновике письма к Вольтеру: «Мне думается, что вам понравилось бы быть за столом, за которым православный, сидя с еретиком и мусульманином, мирно слушают мнение идолопоклонника и уговариваются часто все четверо для того, чтобы сделать свой приговор сносным для всех. Они так хорошо забыли обычай сжигать взаимно друг друга, что если бы нашелся какой-нибудь недогадливый и предложил депутату сжечь своего соседа в угоду высшему существу, то я ручаюсь, что не найдется ни одного, который бы не отвечал: он человек, как я, а на основании первого параграфа инструкции Ея Императорского Величества мы должны делать друг другу сколько возможно более добра и нисколько зла» [Сб. РИО. 1872. Т. 10. С. 35–36].

Такое содержание идейной жизни Екатерины II в начале ее правления и, соответственно, ее ближнего окружения объясняет события 1764–1765 гг. в конфликте А.Л. Шлёцера с М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером.

Анализ событий второй половины 1762–1764 гг. свидетельствует о том, что М.В. Ломоносов принял новую систему идейных ценностей начального периода правления Екатерины II. Елизаветинскую концепцию самодостаточности, ограниченного культурно-религиозного самоограничения сменила тогда просветительская концепция единства исторического прогресса, в котором Россия принимает равное участие с другими державами Европы. Для Ломоносова эта смена идейных ориентиров стала возвращением на новом уровне к ценностям его молодости, Петровского времени.

Учитывая такую смену идейных парадигм, следует рассмотреть основное содержание ломоносовских первого тома «Российской истории», изданного под названием «Древняя российская история», и «Краткого российского летописца». Но при этом следует иметь в виду, что написание и издание «Летописца» происходило в особых обстоятельствах противоречий идейных представлений Елизаветы и молодого великокняжеского двора родителей Павла Петровича, тогда как опубликованная А.Л. Шлёцером в 1766 г. «История» — незавершенная переработка Ломоносовым второй редакции. В основе «Летописца» находятся идеи, изложенные в первой редакции «Истории» и, вероятно, частично сохранившиеся в ее второй редакции.

Глава IX

Идеи и исторические факты в «Древней Российской истории» и «Кратком Российском летописце»

1. Периодизация и древнейшее прошлое

Определяющей концепцией российской истории для М.В. Ломоносова оставалась древность и слава народа российского, то есть ценности, свойственные эстетике классицизма, а также патриотической интерпретации истории России, сформировавшейся во второй четверти XVIII в. При этом древность и слава народа российского являлись преемниками «величества славенского народа» как исторического единства.

Во вступлении к «Истории» М.В. Ломоносов кратко изложил свою концепцию основного содержания российской истории. Россию постигали в историческом прошлом нападения врагов, разделение единой власти. Но по прошествии этих испытаний она вновь восстанавливалась и объединялась. Ломоносов решительно возразил «многим внешним писателям», от эпохи Возрождения до новейшего времени, которые видели в России «толь великую тьму невежества». Таким суждениям он противопоставил просветительскую идею единства исторического развития: «Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки, обычаи и склонности народов между собою». Одновременно эта мысль утверждала самодостаточность исторического развития России и ее культуры. Поэтому Россия в равной мере значима, как и другие европейские державы: «Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 169–170].

М.В. Ломоносов проводил в соответствии с эстетикой классицизма аналогии деяний и героев российских с греческими и римскими. Такие аналогии стали началом поисков исторических закономерностей развития России на

основе сравнительно-исторического анализа: «*Сие уравнение* предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 170–171; курсив наш. — М. С.].

Как представляется, эта периодизация отечественной истории в историографии не была оценена в должной мере. По мнению Л.В. Черепнина, «период, когда в Риме установилась республика, напоминает М.В. Ломоносову время феодальной раздробленности на Руси» [Черепнин Л.В. 1957. С. 198]. По мнению Г.Г. Фруменкова, «заметна искусственность в подобных сопоставлениях и противопоставлениях» [Фруменков Г.Г. 1970. С. 23]. В предшествующей литературе традиционно отмечали предварительную периодизацию, которую Ломоносов наметил в начале своих разысканий, вероятно, в 1751 г., в двух вариантах в соответствии с политической историей (см. ранее, с. 598–599). Между тем, периодизация в «Истории» чрезвычайно значима в истории исторических идей. Возможно, традиции в точных науках не ограничиваться отдельными фактами, но проследивать в них проявление закономерностей, побудили Ломоносова установить и в отечественной истории не только совокупность исторических фактов, но и установить в них изменение сущностного содержания. Стремление к его выявлению за множественностью отдельных фактов, что свойственно точным наукам, выразилось у Ломоносова в использовании им математической терминологии: «Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия».

Показательно трехчастное деление М.В. Ломоносовым исторического развития России. Оно было продолжено позднее в отечественной историографии с определенными различиями в интерпретации содержания до начала XX в.

М.В. Ломоносов в полной мере обоснованно отметил, что первому периоду было свойственно «самодержавство первых самовластных великих князей российских». Это мнение подтверждают письменные исторические источники, в которых альтернативные князю органы власти со второй половины XII в. упоминаются, но только в Новгородской земле, где институировался средневековый республиканский строй с выборными магистратами, посадниками, тысяцкими и даже архиепископами.

Столь же обоснованно М.В. Ломоносов характеризовал следующий период исторического развития Руси — «гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему». Этот период в российской

историографии традиционно называли удельным или феодальным. То есть, Ломоносов на основании исторических источников установил существование особого периода в российской истории, которому было свойственно разделение прежде политически единого государства на множество княжеств и появившиеся «вольные города». В этом он объективно поддержал наблюдения В.Н. Татищева.

Третий период исторического развития России М.В. Ломоносов также обоснованно характеризовал как «самодержавство государей московских». Для всех российских историков процесс становления единого Русского государства, начиная с Ивана III или Ивана IV, в зависимости от концепции, являлся новым историческим этапом, который становился отрицанием предшествующей стадии уделов, феодализма, политической раздробленности [анализ периодизации истории России в русской историографии XVIII — начала XX в. см.: *Свердлов М.Б.* 1996. С. 18–167].

Таким образом, М.В. Ломоносов, изучив исторические источники, установил то сущностное содержание основных периодов отечественной истории, которое было развито с определенными различиями последующими исследователями. Его сопоставление российской истории с древнеримской являлось не внешней аналогией, а поиском закономерности развития государственности. Но, отмечая отличия российской истории от римской, Ломоносов сделал вывод в соответствии с идеологией Петра Великого и своего времени: «Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок», тогда как российской истории свойственно противоположное содержание — «разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась». В таком определении значения «самодержавства» в российской истории прослеживается не только воздействие государственной идеологии эпохи абсолютизма XVIII в., но также дидактической функции с античных времен «истории — учительницы жизни». В таком противопоставлении единства, единовластия разделению Ломоносов следовал принципам Петра Великого и его эпохи.

В «Истории» и «Летописце» М.В. Ломоносов был традиционен для литературы XVIII столетия в сложнейших вопросах этногенеза, отождествляя славян и финно-угров — «чудь» с древними народами античного периода сарматами и скифами. Вслед за В.Н. Татищевым он рассматривал Восточную Европу как территорию славяно-финского этнокультурного взаимодействия в процессе расселения славян. В «Истории» сохранилось его давнее мнение, в соответствии с которым народы на южных берегах Балтики — курляндцы, жмудь, литовцы, «остатки старых пруссов», «мекленбургские венды» — славяне. Но в «Летописце» это мнение пересмотрено: по берегам Балтийского моря жили варяги, разные по происхождению народы — россы, готы, нор-

манны, свеи, «ингряне». Они поселились «на многих местах», воюя и торгуя со славянами, путешествуя по их землям в Грецию.

Изложенную в «Летописце» мысль о многоэтничном содержании слова *варяги* М.В. Ломоносов значительно развил в «Истории». За 15 лет, последовавших за дискуссией о диссертации Г.Ф. Миллера, он изучил значительное число исторических источников и поэтому главу 7, названную «О варягах вообще», начал решительным утверждением: «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединялись обыкновенным тогда по морям разбоем». Ломоносов в вопросе о происхождении слова *варяги* поднялся над прежними уже традиционными суждениями — отнесением его только к шведам или только к славянам-ваграм или пруссам, т. е. отказался он и от прежних своих суждений.

М.В. Ломоносов в полной мере обоснованно написал, что не только шведы, норвежцы, исландцы, славяне, но и греки-византийцы использовали это слово. Поэтому он пришел к выводу, далекому от категоричности, но вполне определенному: «Какого происхождения сие имя, о том имеем немало сомнительных догадок. Но всех справедливее быть кажется, что производится от общего речения всем северным народам». Ломоносов лишь настаивал, что варяги «не были только одни шведы», тогда как славяне участвовали в походах на Рим и на Грецию с «готическими и другими северными народами», а также в морских походах варягов [Ломоносов М.В. ПСС. 1952. С. 203–204].

Таким образом, если в конце 40-х — 50-е гг. XVIII в. определение этнической принадлежности варягов было средством противопоставления славян и Руси западным странам, где вагры-славяне на востоке Европы противопоставлены варягам-скандинавам на ее западе, то в 1760–1765 гг. М.В. Ломоносов в соответствии с концепцией единства исторического развития интерпретировал слово *варяги* как понятие, интегрирующее народы Балтийского побережья. Такое новое понимание соотносится с его особым вниманием при чтении исторических источников не к определению этнической принадлежности варягов, а к их функциям на Руси.

В «Истории» и «Летописце» М.В. Ломоносов в полной мере обоснованно написал, что Рюрик на княжение был избран. В такой интерпретации летописного сообщения, восходившего к ПВЛ, он также поддержал В.Н. Татищева (см. ранее, с 480). Но эти их наблюдения в равной мере не были учтены последующими исследователями, которые обсуждали вопрос: «завоевал» ли Рюрик восточных славян и финно-угорские народы или был ими «призван», что в обоих случаях не подтверждается источниками.

Особой темой в «Истории» и «Летописце» стало определение этнического состава «российского народа». В соответствии с историческими источниками у М.В. Ломоносова не было сомнений в определяющем значении славян в его «составлении». Но в «Истории» он подчеркнул особо: необходимо,

чтобы было известно участие и неславянских народов «в составлении россиян», «дабы уведать оных древность и сколь много дела до наших предков и до нас касаются». Такую мысль Ломоносов вновь подтвердил наблюдением, соответствующим новейшим просветительским принципам единства исторического развития европейских народов: «Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто не может почесть ей в уничижение. Ибо ни о едином языке (здесь др.-рус. слово *язык* в значении *народ*. — М. С.) утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения». Ломоносов в равной мере писал в «Летописце» о древности, храбрости и «величестве» «чудского народа», потомков скифов. Таким образом, в «Летописце» основное для него в процессе этногенеза «российского народа» — интеграция славян и «чуди»: «Но и то правда, что от преселений и дел военных немалое число чудского поколения соединилось со племенем славенским и участие имеет в составлении российского народа».

В «Истории» эта тема приобрела более конкретное и разработанное содержание. Вместо указания отдельных народов М.В. Ломоносов начал исследовать этнополитическую историю в целом. В таком содержании она стала одним из проявлений исторического процесса. Ломоносов предположил, что вследствие новгородской колонизации на восток и «утеснения» от восточных тюркских народов угры-венгры стали переселяться на запад. Поэтому, допустил он, «немалое смешение славян учинилось с угорской чудью». После «усиления» славян в результате, как думал Ломоносов, «обновления Славенска», названного Новгородом, «и по принятии князей варяжских на владение» «чудь» — финно-угорские племена — не только была вынуждена переселяться, но была принята славянами «в соединение», как уточнил Ломоносов, «сие на востоке». В западном направлении расселения славян «подобное смешение и соединение» происходило с варягами. Таким образом, у Ломоносова тема этнокультурных связей переросла в проблему изначальной многоэтничности Российского государства при интегрирующем значении славян. Столь же существенна характеристика древнейших славяно-варяжских связей. Их основное содержание — интеграция, а не завоевание варягов или этнокультурное противопоставление. Далее Ломоносов написал, завершая повествование о переселениях древних славян и их этнокультурных связях с другими народами, но прежде чем «показать дела российских наших праотцев»: «Для того поспешаю к описанию прочих народов, поелику до нас касаются, как участники в составлении нашего общества».

Ранее было отмечено, что утверждение М.В. Ломоносовым древности и славы славян соответствовало эстетике классицизма. Как исследователь он поддержал научное изучение древнейшей истории славян в соответствии с известиями латино- и грекоязычных авторов VI в. об антах и склавинах. Эта тема поставила перед ним проблему этнической принадлежности венедов, сведения о которых содержатся в римских источниках I–III вв. (Гай

Плиний Старший, Публий Корнелий Тацит, Клавдий Птолемей, Певтингерова таблица). Ломоносов считал венедов славянами, а это позволяло ему утверждать в «Истории» вслед за польским автором Мартином Кроммером преемственность генетической ветви от сарматов к венедам и славянам: «славяне и венды вообще суть сарматы». В этом вопросе Ломоносов не согласился с Татищевым, который решительно различал в этнической принадлежности сармат и славян [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 323].

Проблемы этногенеза славян являются одной из наиболее сложных проблем. В частности, есть исследовательское направление, которое утверждает существование славян как этноса уже в V–II вв. до н. э., но локализует их не в Восточной, а в Центральной Европе в ареале культуры подклёшевых погребений — регион среднего течения Вислы и Варты до среднего Одера. Это же направление отрицает славянскую принадлежность иранцев скифов и сарматов, хотя и признает славяно-иранское этнокультурное взаимодействие в процессе славянского этногенеза. Впрочем, есть исследовательские направления, которые значительно ограничивают хронологически и территориально процесс славянского этногенеза (первое из этих направлений в новейшей литературе поддерживал В.В. Седов: Седов В.В. 2002. С. 9–430; 2003; см. там же обзор разных по содержанию историко-археологических и лингвистических концепций). Впрочем, с полным основанием Ломоносов отмечал, что в VI–VII вв. в период переселений в составе германских ополчений участвовали и славяне.

Таким образом, главной в ломоносовской концепции этногенеза славян являлась постановка проблемы, которая решалась на уровне исторической науки середины XVIII в. Но то же время в ней конструктивно были сформулированы характеристики славян не только в определении их происхождения, но также их культуры.

В «Летописце» М.В. Ломоносов сосредоточился на проблемах этнической истории Восточной Европы и на этногенезе славян, но в «Историю» он включил особую главу «О нравах, поведении и о верах славянских». В такой формулировке этот культурологический сюжет стал продолжением нового вольтеровского цивилизационного подхода к изучению истории. В постановке проблемы он развил в отечественной науке и то, что сделал Татищев, хотя пока Ломоносов смог привести только известия Прокопия Кесарийского, летописей, в начальной части которых находилась ПВЛ, а также хрониста Гельмольда о быте славян в VI–XII вв.

Проблема значительного расселения древних славян в Центральной и Восточной Европе поставила перед М.В. Ломоносовым другой вопрос — когда и откуда славяне пришли в этот обширный регион. Ссылаясь в «Истории» на античных авторов, он предположил «древнее обитание славян-вендов в Азии, единоплеменных с европейскими, от них происшедшими». По его мнению, венеты-венеды существовали во времена гомеровской Трои. Эти

утверждения вызывали недоумение исследователей, которые такие наблюдения Ломоносова предпочитали умалчивать. Между тем, в «Летописце» эти наблюдения откорректированы и изложены более точно и конкретно. Из новых формулировок следует, что в «Истории» под «славянами» в тот древнейший период Ломоносов подразумевал «предков славян».

В «Летописце» М.В. Ломоносов по-новому сформулировал расположение и пути переселения предков славян, на что исследователи, видимо, не обратили внимания. Но в этой формулировке его наблюдения приобретают большое научное значение: «Сарматов и амазонов от мидян производят древние писатели, и путь оных из Азии в Европу был по северным странам около Меотического и Черного моря. Итак, двумя дорогами из Азии прародители славенские с востока преселялись в Европу: морем в юге, сухим путем в севере. Чтобы первое то преселение и только одно было, трудно поверить. Древность славян новгородских и по южному берегу Варяжского моря и в Илирике обитавших, также и размножение их от времени до времени, принуждают думать, что и прежде троянской войны и после оной предки славенских народов на вечерние (т. е. западные. — М. С.) и полунощные страны преселялись и размножались».

Несложно заметить, что, сообщая о путях и времени переселений «прародителей славенских», М.В. Ломоносов писал об индоевропейцах III—I тыс. до н. э. В XVIII в. время научной индоевропеистики еще не пришло, хотя и делались тогда отдельные наблюдения над сходством и родством отдельных лексем и форм индоевропейских языков [Топоров В.Н. 1990. С. 182]. Тем более поразительно, что Ломоносов указал северный путь переселений «прародителей славенских», мы бы сказали индоевропейцев, близко к тем гипотезам, в частности Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, которые предполагают их прародину в Азии. Южное направление индоевропейского расселения также существовало. Оно осуществлялось по Малой Азии, но включало и морские переселения в процессе завоевания островов Средиземного моря [см.: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984].

В этногенетической части обеих книг по истории России М.В. Ломоносов рассмотрел многие вопросы творчески и по-новому. Но от своего мнения о славянском происхождении пруссов и варягов-россов он не отказался. В «Истории» он рассмотрел этот вопрос как составную часть истории местного балтийского населения, прусского, литовского, курляндского или летского. Их язык, как и варягов-россов, по Ломоносову, «конечно, происшествие и начало свое имел от славенского как его отрасль». В «Летописце» он повторил свою мысль о тождестве варягов-россов и роксоланов. Но включил их в число народов, переселившихся из Азии, в качестве «однородцев» сарматов. Последующая история варягов-россов — роксоланов изложена с небольшими изменениями в соответствии с прежним мнением. Они находились на юге Восточной Европы, затем переселились с другими славянскими

племенами к южным берегам Балтийского моря и, по словам Ломоносова, «круг реки Русы, где ныне старая Пруссия, Курляндия и Белая Россия». От прочих балтийских варягов они отличались именем россы. То есть, распространение этнонима и топонима с корневой основой *рос-* он продолжал отождествлять в соответствии с научными знаниями в XVIII в. с переселением народа, в название которого такая корневая основа входила.

Впрочем, характеристики переселений роксоланов, оторванных от контекста информации о них в трудах античных авторов, приводили М.В. Ломоносова к другим гипотезам. В той же «Истории» он написал, что правый приток Днепра Рось, другие реки с тем же названием и особенно город Старая Руса «доказывают бывшие в древность жилища россов, преселившихся от Волги к западу». Ранее он указал, что «у Птолемея (греческий ученый первой половины II в. Клавдий Птолемей. — М. С.) положены славяне около Великих Лук, Пскова, Старой Русы и Новагорода», и там же вслед за ПВЛ в составе Радзивилловской летописи — о процессе расселения славян в Восточной Европе: «Иные славяне сели около озера Ильменя и прослыли своим тем же именем (т. е. славяне. — М. С.). <...> Новгородцы одержали не токмо имя свое славенское, но и язык сродных себе славян, около Дуная и в Иллирике обитающих, который много сходнее с великороссийским, нежели с польским, невзирая на то, что поляки живут с ними ближе, нежели мы, в соседстве» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 190–191].

Такие взгляды М.В. Ломоносова на соотношение славян в процессе их расселения, на происхождение имени *росс* в связи с роксоланами, их переселениями и их отражением в топонимике северо-запада Восточной Европы могут свидетельствовать о том, что эти проблемы являлись для него продолжением давней дискуссии с Г.Ф. Миллером, а также нового спора с А.Л. Шлёцером. Но особое внимание к ним ставило последующих исследователей в сложное положение. Они должны были соотносить одно из этих мнений Ломоносова со своими представлениями, не указывая другие, им противоречащие. При этом их внимание отвлекалось от другой проблемы, в решение которой Ломоносов своими трудами внес значительный вклад — он наметил изучение славянских народов в их единстве и различиях.

В «Истории» М.В. Ломоносов повторил свое обоснованное мнение об избрании славянами и «чудью» Рюрика князем. Но средневековую легенду об избрании его из пруссов Ломоносов переосмыслил рационалистически: Рюрик пришел к новгородским славянам и «чуди» с родом своим и варягами-россами. Те, кто остался на прежних поселениях, стали называться пороссы, «якобы остатки от россов (поруссы, пруссы)» (в этом суждении очевидно влияние работы М. Претория, см. ранее, с. 664). Но завершался этот параграф политическим утверждением, соединявшим историю и современность: «Сия древняя отчина первоначальных российских государей ныне подвержена Российской державе благословенным оружием великия Елисаветы».

Завершение первой части в «Летописце» и «Истории» во многом близко в своем содержании. М.В. Ломоносов написал, что до избрания Рюрика в «пределах российских» «обитали» славяне и «чудские» народы. В обоснование достаточно высокого уровня развития славян он указал на существование у них городов, «владетелей» и «создателей» городов (Кий, Щек и Хорив). В «Истории» он написал также о занятиях славян не только «военными делами», но и торговлей, о существовании у них торговых путей. Вслед за Татищевым Ломоносов предположил, что Аскольд, который наряду с Диром, «начал» у полян «самодержавство», имея в виду княжескую власть, государственность, являлся христианином, поскольку еще в древности была построена церковь св. Николая. Предположение о распространении христианства среди «первых россов» он подтвердил ссылкой на византийский источник — хронику Скилицы—Кедрина.

Такие характеристики состояния экономики и культуры «славенских народов» в «пределах российских» («Летописец») или «наших славян» («История») М.В. Ломоносов соединил с происходившими изменениями в их политическом строе. Для Ломоносова, как и для его современников, определения политического строя соответствовали аристотелевским категориям демократии, противопоставленной монархии или «самодержавству». Время демократии завершалось для Ломоносова «предводительством и правлением благоразумного старейшины Гостомысла» («История»). В «Летописце» Ломоносов назвал его «последним республиканским владетелем». Но к такому политическому устройству Ломоносов, который вырос и занимался творческой деятельностью в условиях абсолютной монархии, относился неодобрительно: «наши славяне» «без монархии почитали себя вольными, что весьма тому дивно не покажется, кто рассудит закоренелое прежде упрямство славян новгородских противу самодержавной власти московских государей». Для Ломоносова демократический строй более соотносился с догосударственным состоянием и с традициями Новгорода, а государство — с «самодержавством». Но он объяснил смену демократии «монархией» в «Летописце» и «Истории» по-разному.

В первом М.В. Ломоносов традиционно для средневековой и современной ему литературы свел все к «совету» Гостомысла. Этот «совет» завершал первую часть «Летописца», так что его вторая часть — хронологическая таблица — начиналась с указания начала «самодержавства» и подразумеваемого государства: «Рурик с братьями Синеусом и Трувором призван из варяг-россов славянами и чудью на великое княжение новгородское. По смерти братьев своих привел новгородцев под самодержавство и всю северную часть России, получившая имя от сих варягов».

В «Истории» то же событие изложено в соответствии с принципами классицизма и литературы: «<...> к приведению наших славян под самодержавство необходимо нужен был герой с храбрым народом, приобыкшим до-

бровольно повиноваться, каков был Рурик с варягами-россами». Но и этот поиск «героя» Ломоносов завершил «завещанием Гостомысла».

Анализ конкретного содержания эволюции от догосударственного строя к государственному до наших дней представляет собой одну из наиболее сложных исторических проблем. Заслугой М.В. Ломоносова является то, что он ясно обозначил ее в категориях общественно-политических. По-разному, но в равной мере концепции Татищева и Ломоносова создавали конструктивные условия для дальнейшего научного изучения переходной стадии от догосударственного строя — демократии к государственной власти в виде монархии, наряду с которой в стране нет других источников высшей власти.

Сравнение первой части в «Летописце» и «Истории» свидетельствует о том, что концепция славянского этногенеза, древнейшей истории славян и варяжской проблемы в них значительно изменилась и развилась в сравнении с ее изложением М.В. Ломоносовым в диспуте с Г.Ф. Миллером в 1749–1750 гг. В этих трансформациях прослеживается воздействие на его концепцию изменений внутри- и внешнеполитического положения России, его поисков как исследователя. В частности, в заключении первой части «Летописца» он в полной мере обоснованно написал, что Рюрик «избран на княжение». Но в начале второй части он написал уже традиционно, что Рюрик с братьями был «призван». В «Истории» Ломоносов объединил эти два вида интерпретации — «выбрали и призвали Рурика с братьями к себе на княжение».

Заключение первой части в «Летописце» и «Истории» указывает на изменение отношения М.В. Ломоносова к информации нарративных источников. В «Летописце» он указал источник сведений — «летописец новгородский», в котором узнается историко-литературное произведение XVII в., содержащее традиционные мифологизированные представления: Славенск — древний город славян и новгородцев, Славен и Рус — «владельцы и знатели городов» «славян новгородских». Его «баснь о претворении Славенова сына в крокодила» Ломоносов попытался объяснить рационалистически, стремясь раскрыть в ней историческую информацию: «по морю Варяжскому и по втекающим в него судоходным рекам чинились великие разбои, на которые выходили часто княжеские и королевские дети». «Итак, — заключил Ломоносов, — недивно, что Волхв, разбойничая по реке Мутной, почитался за крокодила и дал ей свое имя от волшебства».

Таких «басен» «летописца новгородского» в заключительной части «Истории» нет или М.В. Ломоносов пытался рационалистически их обосновать. Явное предпочтение он отдавал информации античных авторов, «Нестора», хроники Кедрина, древнескандинавских источников. Из позднего летописания и историко-литературного творчества Ломоносов сохранил предание о Гостомысле. Вероятно, у него закрадывались сомнения относительно достоверности этого предания, но традиция литературная и историческая оказали свое воздействие. Поэтому в «Летописце» он заметил: «Хотя

о Гостомысле <...> Нестор не упоминает, однако о толь близком известии довольно утвердиться можно на летописце новгородском».

Определенные сомнения существовали у М.В. Ломоносова, видимо, и относительно других мифологизированных историко-литературных произведений, созданных в России XVI–XVII вв. В «Истории» грамоту Александра Македонского «славенскому народу» он назвал «невероятным» повествованием, которое «нам к особой похвале служить не может». Имена «Славена и Руса и других братьей», указанные в «новгородском летописце», Ломоносов считает теперь вымышленными. Критическое отношение он проявил и к сведениям «новгородского летописца» о времени «распространения» «северных славян» до рек Выми, Печоры и Оби, предполагая, что оно произошло позднее, чем сообщается в этом «летописце», но и «не так поздно, как некоторые думают».

Это последнее замечание имеет большое значение для определения времени и содержания переработки М.В. Ломоносовым первой части «Истории». Как известно, Ломоносов много сделал для теоретической и практической разработки Северного морского пути, подразумевающего также северо-восточный проход в Тихий океан. Для этого он использовал сведения письменных исторических источников и значительный практический опыт, накопленный русскими поморами и промысловиками. Учел он, видимо, опыт в северном мореплавании своего отца, да и свой собственный.

В 1762–1763 гг. М.В. Ломоносов работал над «Кратким описанием разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (дата посвящения наследнику престола Павлу Петровичу 20 сентября 1763 г.). В этом обстоятельно написанном произведении он конкретно изложил то, что в «Истории» только наметил в виде размышлений. Ломоносов написал о плаваниях «близ берегов Ледовитого моря» и о «мореплавании из Норвегии в Двину-реку», ссылаясь на свидетельство Снорри Стурлусона. То есть он имел в виду сообщение «Круга Земного» о походе Торира Собаки в Бьярмаланд, где он плыл по реке «Вина», то есть Двине, и торговал с местным населением (Hkr. CXXXIII). Там же он написал о найденных на реке Пинеге в Кеврольском уезде «древних готических серебряных деньгах», о найденных далеко от моря «сибирских старинных кочах», а также о «древних славянах», которые плавали по рекам Выми и Печоре, «ходили» даже до Оби «промышлять дыньков, то есть соболей» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 443].

Таким образом, критическое отношение М.В. Ломоносова в «Истории» к свидетельству «новгородского летописца» о времени «распространения» «северных славян» вдоль побережья Ледовитого океана было основано на значительных познаниях в этой проблеме. Вероятно, оно было откорректировано Ломоносовым в связи с его разысканиями 1762–1763 гг. о Северном морском пути.

Первая часть «Истории» содержала многочисленные новые наблюдения, относившиеся к этногенезу славян, к формированию изначально многоэтничной России. Но М.В. Ломоносову, как и его предшественникам, не хватало многих данных для научного объяснения этих сложнейших в конкретном содержании процессов. Поэтому он сохранил в своем труде литературное начало и психологические характеристики, которые на уровне философских концепций, а также исторической науки XVIII в. позволяли восполнить ограниченность таких сведений.

Вслед за древней концепцией дунайской прародины славян в соответствии с ПВЛ («Нестором»), М.В. Ломоносов писал и об их переселениях, последовавших за наступлением «волохов» — Византийской империи. Эти события в контексте древнейшей истории славян он изложил в «Истории» прекрасным литературным стилем, раскрывая содержание событий: «Итак, явствует, что, ненавидя римского ига и любя свою вольность, славяне искали оной в странах полунощных, которую единоплеменные их пользовались, в местах пространых, по великим полям, рекам и озерам». Но далее, предваряя исторически конкретные сведения Прокопия Кесарийского о нападениях славян в VI в. на Византийскую империю, Ломоносов рационалистически домыслил их причину как стремление «отмстить древнюю предков своих обиду».

В доказательство того, что славяне-сарматы античными авторами ошибочно назывались скифами, М.В. Ломоносов приводил довод, сформулированный по всем правилам формальной логики, но литературный по содержанию: «К подтверждению сего служит, что амазонки скифского языка не разумели, следовательно, свойственный [им] скифский язык не был славенский». Столь же решительно возражал он против мнения Т.З. Байера об этнониме скифов как производном от «финского имени скита — стрелок», «затем, что сарматы, парфяне и другие многие народы из лука стрелять не меньше скифов искусны были и равное право имели от греков названы быть стрелками, а притом по-гречески, а не по-фински». Однако он поддержал Байера в другом: «<...> в том он не ошибся, что финцев, естляндцев и лифляндцев почитает остатками древних скифов». Но во всех размышлениях о происхождении «имени» чуди, которые являлись данью принципам классицизма с его возведением всех европейских начал к античному периоду, Ломоносова выручал здравый смысл, основанный на гениальной научной интуиции, опыт научной и коллективной общественной практики. Поэтому, начав в вопросе о происхождении «имени» чудь с ошибочной посылки, Ломоносов пришел к обоснованному выводу, относящемуся к современной русской этнокультурной терминологии: «Рассмотрев единство свойственно называемых скифов с чудью, безопасно употреблять можем одно наименование их вместо другого, из которых свойственнее то, которое сему народу наложили древние наши славенские предки».

Впрочем, литературное начало, рационалистические объяснения и гениальность не могли восполнить недостаток научной информации. Поэтому, когда в дискуссии со «знатными некоторыми берлинскими учеными людьми», которые объясняли происхождение «имени» пруссы в соответствии с местом «из имени *Русь* и предлога *по*», «в рассуждении соседства с Россиею», Ломоносов им возразил: «<...> сие прозвание дано не по месту, но по времени»: «когда Рурик с братьями, со всем родом и с варягами-россами преселился к славянам новгородским, тогда оставшиеся жители после них на прежних своих местах поруссами, или оставшимися по руссах, проименованы». Но в утверждениях о прусском, литовском и других балтийских языках как «отрасли» славянского имелось конструктивное содержание — необходимость их сравнительно-исторического изучения как особой группы языков, близких к славянским.

С идеологизированными преданиями старины в середине XVIII в. расставаться было сложно, тем более с такими, которые имели отношение к идеям о славянах-варягах, Рюрике и пруссах. К ним относится и восходившая к «Сказанию о князьях Владимирских», литературно-публицистическому произведению начала XVI в., идея о родстве русских великих князей с римским императором Августом через легендарного Пруса, родственника Августа и Рюрика. К тому же, эта идея, которая в средневековых представлениях возвеличивала происхождение правителей России и ставила их в один ряд с западными императорами, широко распространилась в русских историко-литературных произведениях XVI–XVII вв., а из них и в западных исторических сочинениях (см. ранее, с. 59–99). Свойственная философским концепциям Г.В. Лейбница и Х. Вольфа теория возможности и непротиворечивости как основания достоверности создавала условия для литературного, домысленного объяснения такого идеологизированного построения и в Новое время. Поэтому, завершая первую часть «Истории» указанием на призвание Рюрика из Пруссии, Ломоносов в блестящей литературной форме изложил и другую составляющую легенды — о родстве Рюрика с Августом: «Заключая сие, должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано. Из вышеписанных видно, что многие римляне преселились к руссам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были сродники коего-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть коего-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник». Впрочем, как ученый он понимал искусственность такого построения, отношение к которому он гениально объяснил в научных категориях вероятности и достоверности: «Вероятности отрещись не могу, достоверности не вижу» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. С. 216].

Изложение М.В. Ломоносовым собственно российской истории в «Летописце» и «Истории» может свидетельствовать о том, что в их содержании

отразились основные этапы сбора источниковых и литературных материалов, написания первой редакции «Истории», быстрая подготовка «Летописца» как «показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории» и, наконец, работа над второй редакцией «Истории», опубликованной посмертно.

Первый том «Российской истории» был написан как обобщающий труд. В нем М.В. Ломоносов объединил информацию разных источников, осмыслил ее и изложил свои наблюдения современным литературным языком. «Летописец», напротив, представляет собой краткое изложение фактов по ранее написанной «Истории» и обобщение ранее собранных источниковых материалов. В них в равной мере раскрывается основное содержание его взглядов на историческое прошлое России.

В соответствии со своей концепцией М.В. Ломоносов отождествил в «Истории» и «Летописце» начало российской государственности с установлением единовластия, «самодержавства», Рюрика. В «Летописце» он лишь продолжил тему его первой части об избрании на княжение Рюрика новгородцами. Поэтому, излагая основное содержание его правления «на великом княжении новгородском», Ломоносов обобщил: «По смерти братьев своих привел новгородцев под самодержавство и всю северную часть России, получивши имя от сих варягов» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 297]. В этой фразе прослеживается использование Ломоносовым Петровской копии Радзивилловской летописи, поскольку в этой летописи, обстоятельно им изученной, к Новгороду отнесено обобщающее название «Русская земля»: «И о[т] тех варяг прозвася Рускаа земля, Новгород» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 16].

Тот же период правления первого «государя», так названы в таблице «Летописца» русские князья, в «Истории» должен был быть изложен обстоятельно. Показательно, что в основу повествования М.В. Ломоносов последовательно положил Петровскую копию Радзивилловской летописи, в которой содержалась древнейшая и исторически достоверная версия о нахождении избранного на княжение Рюрика в Ладоге: «<...> и срубиша город Ладогу, и седе в Ладозе старей Рюрик <...>» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 16]. Для этого он исключил из изложения событий и ранее упоминавшийся им вымышленный Славенск, и Новгород как первоначальное место резиденции Рюрика, о чем ошибочно сообщалось в многочисленных летописях и историко-литературных произведениях. В таком указании Ладоги Ломоносов следовал за Татищевым. Но если Татищев ограничился упоминанием Ладоги вслед за Радзивилловской летописью [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 33], то Ломоносов как историк попытался объяснить избрание Рюриком Ладоги, поскольку он считал, что Новгород как город уже существовал. При определении исследовательской позиции авторов в XVIII в. следует иметь в виду, что в соответствии с новейшими исследованиями Ладога — древнейший город Северо-Запада Восточной Европы — возникла около 750 г.

[*Кирпичников А.Н.* 2003. С. 17–22], тогда как Новгород — вероятно, к первой половине X в. (см. ранее, с. 63).

М.В. Ломоносов считал, что Новгород всегда был более значим, чем Ладога, поэтому первоначальное пребывание Рюрика в Ладоге он объяснил логически, в соответствии с принципом возможного и началами литературного осмысления — распрями новгородцев и «движениями недоброхотов его». Но наряду с таким обоснованием избрания Рюриком Ладоги Ломоносову принадлежит замечательное научное наблюдение над ее стратегически важнейшим расположением в регионе «для всегдашнего проезду славян, варягов и чуди» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 217]. Это наблюдение создавало условия для плодотворного изучения Ладоги и истории Северо-Запада Восточной Европы в целом, но в последующей историографии оно, как представляется, оценено не было, хотя изучение начальной истории Ладоги развивалось именно в данном направлении [*Ладога и истоки российской государственности и культуры.* 2003].

Как отмечено ранее, в основу изложения начальной истории Руси М.В. Ломоносов избрал сообщения Радзивилловской летописи, содержавшей в своем составе древнейшие летописные своды. Эти сведения позволили ему последовательно продолжить мысль, изложенную в первой части «Истории», об изначальной многоэтничности России. Поэтому основное содержание процесса формирования государственности для Ломоносова заключалось в объединении ее народов Рюриком и его братьями единой системой управления. Данный процесс формирования институтов государственного управления, по его мнению, способствовал также этнокультурной интеграции пришельцев-россов с местными народами: «Единоначальствуя над многими землями, роздал боярам своим города и области для управления и отпустил их с робы своими и со многими россами, особливо ж в Полоцк, в Ростов и на Бело-озеро, дабы россы, соединясь со славянами и с чудью, один народ составили и тем бы укрепили общую тишину с его владением» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 218–219].

Но М.В. Ломоносову еще со времени дискуссии с Г.Ф. Миллером в 1749–1750 гг. было известно повествование Степенной книги о недовольстве новгородцев правлением Рюрика. Данное повествование находилось в ее третьей главе «Начало в Руси самодержавства в Новеграде», а эта глава следовала за предшествующей, которая была названа «Владимир бысть сродник Августу Кесарю».

Время написания Степенной книги, — вероятно, первая половина — середина 60-х гг. XVI в. — было чрезвычайно сложным в российской истории. В этот период завершился процесс объединения русских земель. Правители могущественного государства, Иван III, Василий III, Иван IV, утверждали себя в равном статусе с западными императорами. В то же время они придавали большое значение укреплению внутреннего единства страны, подавле-

нию реальных и мнимых тенденций к сепаратизму, к сохранению местных традиций периода политической раздробленности Руси. Степенная книга в качестве историко-литературного произведения должна была обосновать эти идеи в контексте единой династической традиции. Поэтому ее вторая глава первой степени, используя идеи «Сказания о князьях Владимирских», не только утверждала, что Владимир Святославич являлся «сродником» римскому императору Августу, но конкретизировала эти вымышленные связи в реалиях географических и исторических: «Сии кесарь Август разреши вселенную братии своею и сродником. Прус. Ему же быше присный брат именем Прус; а сему Прусу тогда поручено бысть властодержавство в березех Вислы реки, град Мадброк и Торунь, и Хвойница, и пресловый Гданеск, и иные мнози грады по реку глаголемую Немон, впадшую в море, иже и ныне зовется Прусская земля. От сего Пруса семени быше вышереченнии Рюрик и братия его; и егда еще живяху за морем, и тогда варяги именувахуся и из заморья имаху дань на чюди и на словенех и на кривичех». Показательно, как тонко в понятиях средневекового реализма авторы и идеологи Степенной книги вплели в этот идеологизированный вымысел географические реалии, а завершили его фразой, хорошо известной по ПВЛ под 6367/859 г. и вошедшей в многочисленные последующие летописные своды: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех, кривичех» (цит. по Лаврентьевскому списку ПВЛ).

Как отмечено ранее, М.В. Ломоносов критически отнесся к этой генеалогической легенде. К другим ее составляющим, которые стали материалом для этимологических связей руссы–прусы и для мнения о славянском происхождении пруссов и варягов, что соответствовало идеологии царствования Елизаветы Петровны, у Ломоносова менялось отношение. Поэтому существенно определить истоки его явно неодобрительного отношения к новгородскому политическому строю и новгородцам.

В первой главе второй части «Истории» М.В. Ломоносов назвал новгородцев «роптать приобыкшие». Ссылаясь на «Новгородский летописец», Ломоносов изложил предание о знатном новгородце Вадиме. Этого новгородца он назвал «склонный к общенародному презнему владению», т. е. республиканскому, в данном случае домонархическому правлению. Ломоносов написал о Вадиме как о сепаратисте и противнике централизации: «*советовал с единомышленниками своими*, как бы избыть от российской власти», «и уповаю на свою у новгородцев важность и на сообщников, *говорил не закрытно*, что Рюрик пришел привесть их руссам в *рабство* и в роды родов утвердить *самодержавство*». За «сии возмутительные речи и узнав умышление, Рюрик Вадима с главными сообщниками предал смерти» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 218; курсив наш. — М. С.].

Судя по изложению М.В. Ломоносовым «Новгородского летописца», в основе его текста в данном сюжете находилась Степенная книга. В ее третьей

главе сообщалось в соответствии с реалиями Русского государства первой половины XVI в.: «В лето 6370 послаша Русь к варягом, зовущее их к себе державствовать Русскою землею». После рассказа о том, что три брата «приидоша из заморья на Русь и с роды своими», о пребывании Рюрика в Новгороде, смерти Синеуса и Тривора автор Степенной книги обобщил: «И бысть Рюрик единодержец надо всю Русскою землею, державствова 17 лет». Далее автор написал с явным одобрением Рюрика и осуждением новгородцев: «Новгородцы же, видевшее Рюриково добродостое и мужественное его остроумие, и *яко пророчествоваху, глаголющее к себе*: “Разумейте, братие, яко непременно имамы быти под *едином игом державно обладаеми* от сего Рюрика и от роду его; и не токмо упразднится ими *самовластие наше*, но и *рабы им будем*”». Сообщил автор и о наказании новгородцев: «Тогда бо Рюрик уби некоего храбра новгородца именем Вадима и иных многих новгородцев, *советников его*». Но завершил он повествование утверждением вечного верховенства княжеской власти над Новгородом: «Аще тогда и нечестиви бяху новгородцы, но обаче по преречению их, паче же благоволением Божиим, и до ныне непременно царствуют ими от Рюрикова семени благородное изращение <...>» [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 61; курсив наш. — М. С.]. Используемые выражения *царствуют* и *до ныне* свидетельствуют о написании этого текста после 1547 г., года принятия великим князем Московским титула *царя* и до 1560-х гг., когда была написана Степенная книга.

В таком изложении легенды о новгородце Вадиме ясно выражено отношение московской великокняжеской и царской власти к ранее существовавшему в Новгороде республиканскому строю. Вероятно, в нем прослеживается и нарастающее стремление Ивана Грозного уничтожить в Новгороде воспоминания о ранее существовавшей в нем политической свободе, что выразилось в его разгроме опричным войском в 1570 г.

Смысловые и текстуальные совпадения Степенной книги и «Истории», выделенные в цитатах курсивом, свидетельствуют о том, что текст о Вадиме «Новгородского летописца», на который ссылался М.В. Ломоносов, был близок к Степенной книге. Великий ученый, воспитанный на петровских идеях благотворности для России сильной просвещенной центральной власти, согласился с идеями Степенной книги, осуждавшей стремление новгородцев к «самовластию», т. е. к самоуправлению, и поддержал те ее идеи, которые утверждали в Новгороде единодержавие центральной власти. Из Степенной книги Ломоносов заимствовал также указанные в «Летописце» 17 лет «владения» Рюрика.

Следуя за сведениями Радзивилловской летописи, М.В. Ломоносов изложил в «Истории» основное содержание сложного процесса формирования государственных образований в Восточной Европе. В землях «северных славян» образовалась «держава» Рюрика. В ее состав входил также «чудской народ», то есть финно-угорские племена, в числе которых он назвал мерю, весь

и мурому. В связи с образованием этой «державы» Ломоносов заметил, что «северные славяне от новых своих владетелей прозвались россами» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 219]. Близкая по содержанию фраза находится и в «Летописце»: «По смерти братьев своих привел новгородцев под самодержавство и всю северную часть России, получившая имя от сих варягов» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 297]. Это совпадение свидетельствует о том, что Ломоносов был последователен в своих характеристиках начального этапа формирования Русского государства.

Как написал М.В. Ломоносов в «Истории», южная часть восточнославянских племен находилась в ином положении: «<...> отчасти своими старейшинами управлялись, отчасти дань платили козарам» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 219]. Далее он изложил вслед за Радзивилловской летописью сведения о том, как Аскольд (Оскольд) и Дир отпросились у Рюрика уйти «с родом» своим к Константинополю. Когда они плыли по Днепру, они увидели Киев, в котором стали княжить. Поход на Константинополь Аскольд и Дир совершили позднее. Впрочем, потери их были значительными, так что они «с немногими остатками» вернулись в Киев.

Как показали последующие исследования, этот текст ПВЛ, соединил восточнославянские исторические предания и перевод хроники Георгия Амартола [*Шахматов А.А.* 1940. С. 48–49; *Приселков М.Д.* 1996. С. 66–67; *Лурье Я.С.* 1996. С. 261]. Он содержал сведения о древнейшем распространении варягов по Балтийско-Днепровско-Черноморскому пути, который возник около 800 г. [обобщающие наблюдения см.: *Лебедев Г.С.* 1985. С. 227–235; 2005. С. 534–553], о формировании в Среднем Поднепровье первой трети IX в. государственного образования, этнокультурной основой которого являлись местные восточнославянские племена [*Свердлов М.Б.* 2003а. С. 92–105]. Таким образом, Ломоносов, изложив эти сведения, передал основное содержание постепенного становления государства. Он не стремился преодолеть ограниченность летописной информации домысливанием событий. Но как историк он осмыслил их в соответствии с принципами классицизма, особо обращая внимание на воинственность варягов, что следовало литературным клише того времени: «Пришли из варяг с Рюриком двое знатные бояре Оскольд и Дир, которые в покое жить не обыхли, но любили всегда в военном деле упражняться. Сии просили, чтобы отпустить их с родом и с людьми своими к Царюграду поискать войною большего счастья» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 219].

В соответствии с Радзивилловской летописью М.В. Ломоносов в полной мере обоснованно написал в «Летописце» и «Истории», что Олег являлся родственником Рюрика и начал княжить вследствие малолетства Игоря Рюриковича. Он указал, что Олег самостоятельно правил 34 года, но не уточнил, что для этого Олегу надо было устранить Игоря от реальной власти. Эта тема устранения наследника от власти являлась острой в эпоху дворцовых переворотов.

В «Летописце» М.В. Ломоносов лишь перечислил основные события княжения Олега: «Завладел полуденными российскими областями; перенес столицу в Киев, убив Оскольда и Дира. Ходил воевать под Царьград и заключил мирный и купеческий договор с греками» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 297]. Таких сведений было достаточно для краткого учебного руководства. Но для изучения и изложения древней российской истории следовало обстоятельно изложить эти события и раскрыть их содержание. Основным историческим источником для него по-прежнему оставалась Радзивилловская летопись. Но в отличие от летописи, которая перечисляла события, он стремился раскрыть их содержание.

М.В. Ломоносов считал, что после смерти Рюрика его сын Игорь являлся верховным правителем, несмотря на младенчество. Поэтому он характеризовал военно-политические акции Олега как совершаемые к «умножению» «наследства» Игорю или при его участии. Как написал Ломоносов, Олег, отправляясь в поход на Византию в 907 г., «полагал» «на Игоря надежду в правлении государства» и «поручил» ему Киев. Смысл похода Олега с объединенным войском варягов, славян, чудь и кривичей на Днепр и Киев — не только «умножение» наследства Игорю. Он должен был «соединить единого племени славенские народы под едино владение». В летописях таких сведений нет. Такое изложение содержания событий — следствие исторической концепции Ломоносова.

Достоинством повествования М.В. Ломоносова о киевском походе Олега являлось точное изложение фактов по Радзивилловской летописи. Поэтому читатель его труда ясно представлял себе основные периоды этого сложного в своем содержании военно-политического события. Первый этап — подчинение так называемых смоленских кривичей и «посаждение» там «своих правителей». Второй этап — последующее движение вниз по Днепру, взятие Любеча, где Олег «правление поручил своим воеводам». Третий этап — взятие Киева и убийство правивших там Аскольда и Дира. Вслед за летописной информацией Ломоносов в полной мере обоснованно видел в этом походе Олега не просто завоевание, но территориальный рост уже существовавшего государственного образования — «державы» Рюрика. Поэтому он привел терминологически точное указание летописи на посаждение Олегом в подчиненных землях «мужей», то есть знатных служилых людей, при этом осмыслил их в современных ему понятиях — «правители» и «воеводы».

Вслед за Радзивилловской летописью М.В. Ломоносов отметил разные виды деятельности Олега — строительство городов, установление регулярно взимаемых податей с племен, входивших в состав Руси — «порядочные дани», включение в их число славянских племен, ранее подчиненных хазарам, причем на северян и радимичей была наложена легкая дань, на древлян — «тяжкая», «по черной кунице с дыму», а радимичи платили «по шелегу», как и ранее хазарам.

Это указание М.В. Ломоносовым разных видов податей на Руси свидетельствует о том, что он придавал большое значение процессу формирования государства и его институтов, на что указывали уже его пометы к текстам летописей и Степенной книги. Как отмечено ранее, «черная куница с дымом» — летописное известие о существовании фиксированного податного обложения от дома, т. е. распространенное во всей Европе, включая Византийскую империю, «подымное». Сообщение об уплате дани «по шелегу» также относилось к системе государственных податей. Во времена Ломоносова еще было невозможно раскрыть значение этого иностранного слова. В последующих исследованиях в его интерпретации сложилось два различающихся основных направления. Сторонники одного из них считают, что др.-рус. «щьяльгъ» является формой, сосуществующей со «склязь, стлязь», которые восходят к *стьяльгъ — заимствованию из герм. *skilling, тогда как «щьяльгъ» является заимствованием от более поздних германских форм из др.-ск. skill-ingr или др.-в.-нем., др.-сак. scilling [*Фасмер М.* 1973. Т. 4. С. 508]. По мнению А.П. Новосельцева, это слово происходит от еврейского «шэлэг» — «белый, серебряный», т. е. арабский дирхем, использовавшийся в качестве денег в Хазарии [*Новосельцев А.П.* 1990. С. 117]. Возможно, в процессе формирования древнерусской податной системы наряду с местным восточнославянским обложением меховыми денежными единицами от дыма-дома учитывался и западноевропейский опыт [*Свердлов М.Б.* 2011. С. 399–405; см. там же литературу проблемы].

Научной заслугой М.В. Ломоносова стало то, что он в соответствии с принципами просветительской историографии обратил внимание не только на основные факты политической, военной и династической истории, но также на формирование государственных институтов в процессе образования Руси как государства.

Необходимой составной частью существования государства являлась династическая история. Так что М.В. Ломоносов привел по Радзивилловской летописи сообщение о женитьбе князя Игоря на Ольге, «приведенной из Пскова». Тем самым Ломоносов показал, что при написании «Истории» он следовал сообщениям древних исторических источников, а не историко-литературному вымыслу Степенной книги о знакомстве Игоря с Ольгой в «Псковской области» во время охоты [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 7–8; см. ранее, с. 613, 629].

Вслед за Радзивилловской летописью М.В. Ломоносов написал о таком важном событии в истории Руси, как кочевье угров-венгров недалеко от Киева, о том, что они «при Днепре стояли вежами» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952. Т. 6. С. 221]. Еще автор ПВЛ, разъясняя своим современникам смысл происходившего, приводил в качестве аналогии современных им половцев, что повторила и Радзивилловская летопись: «беша бо ходяще, яко и половци» [ПВЛ. 1996. С. 15; ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 18]. Для Ломоносова это указание летописи

было крайне важно, поскольку история венгров, их быта в процессе переселений по Восточной Европе в Паннонию еще не была изучена. Поэтому он, уже как историк, разъяснил своим читателям: «Поход их был подобен половецкому».

Изложенная М.В. Ломоносовым история Руси, существующие в ней княжеская династия, подати и войско не оставляли у него сомнений в том, что Русь является государством. Поэтому, предваряя рассказ о походе огромного объединенного войска Олега на Константинополь в 907 г., он написал, конкретизируя соотношение власти Олега и Игоря: «Уже полагая на Игоря надежду в управлении государством, Олег принял намерение итти на греков» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 221].

Если в «Летописце» М.В. Ломоносов отметил заключение Олегом одного договора, «мирного и купеческого», то в «Истории» вслед за Радзивилловской летописью текст, помещенный под 6415 г., он назвал *мирным* договором, а под 6420 — *торговым*. Первый из них он датировал в соответствии с современным летосчислением 907 г., а второй — 911 и 912 гг. В этих различиях интерпретации одного договора Олега с Византийской империей или двух Ломоносов предвосхитил дискуссию в современной исторической науке на ту же тему — два было договора или один.

2. Русско-византийские договоры первой половины X в.

Когда в своем повествовании М.В. Ломоносов начал излагать в «Истории» статьи договоров, заключенных князьями Олегом и Игорем с Византией, перед ним встала сложная проблема — упомянуть их, кратко пересказать или обстоятельно раскрыть содержание. До него только Г.Ф. Миллер и В.Н. Татищев предприняли опыт перевода-изложения этих сложных историко-правовых текстов. Ломоносов, как и его предшественники, понимал особое научное значение договоров для того, чтобы показать в их информационных возможностях политическое, общественное и правовое состояние Руси того времени. Поэтому он предпринял в переводе-изложении свой опыт разысканий о нормах русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Впрочем, в отличие от Татищева, Ломоносов не ввел в текст номеров статей, раскрывая в них свое понимание их основного содержания.

Изложив события похода князя Олега с войском на Константинополь в 907 г., М.В. Ломоносов передал основной смысл статей договора 911 г., включенного в летописное повествование. По его мнению, в 907 г. Олег заключил мирный договор с императорами-соправителями Львом и Александром [здесь и далее об этих договорах см.: Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 222–224; текст договоров приведен по Радзивилловской летописи: ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 20, 21–22; анализ норм русско-византийских договоров X в. и их переводы в последующей историографии: Свердлов М.Б. 2009. С. 208–311].

При изложении летописного указания о выплате Византией войнам «на 2000 корабль по 12 гривен на ключ» М.В. Ломоносов написал, что 12 гривен получил каждый человек. В таком понимании текста он поддержал Г.Ф. Миллера в отличие от мнения В.Н. Татищева, который считал, что 12 гривен серебра были выплачены на каждый ключ, тогда как на каждом корабле числилось по 40 человек [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 36, 218].

Следуя дальнейшему летописному тексту, М.В. Ломоносов написал о дани византийцев за каждые полгода «на российские города: во-первых, на Киев, потом на Чернигов, на Переяславль, на Полоцк, на Ростов, на Любеч и на иные, в которых великие князи под Ольгом владели». Так в этой фразе он передал текст Радзивилловской летописи «по тем бо городомъ седяху велиции князи, под Олгом суще» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 222]. В переводе-интерпретации Ломоносова более подчеркивалась власть местных князей, которых вслед за летописным текстом он называл «великими князьями».

Первую нормативную статью договора о получении прибывшими из Руси в Константинополь послами «слюбного» сколько они хотят, а купцами месячного на шесть месяцев, об обеспечении их продуктами, якорями и корабельной оснасткой Ломоносов ошибочно отнес к «приходящим россиянам за данью», но содержание этого обеспечения он раскрыл близко к тексту: «<...> довольствоваться по желанию их пищею и напитками; для возвратного пути давать довольное пропитание и потребные якоря, верви и парусы <...>» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 222; здесь и далее статьи русско-византийских договоров указаны в порядке их написания в текстах].

Статью о запрещении предоставлять месячное продовольственное обеспечение русским людям, если они прибудут в Константинополь не для торговли, Ломоносов корректно интерпретировал как запрещение появляться без торгового товара.

Большое значение для понимания значительности княжеской власти на Руси начала X в. имела статья: «Да запретить князь словом своим приходящим руси зде, да не творять пакости в селех в стране нашеи». Вслед за В.Н. Татищевым М.В. Ломоносов понял эту норму как завершение предшествующего текста: «<...> дабы князь запрещал им словом своим в селах наносить обиды». Но и в таком ее изложении Ломоносов близко к содержанию статьи передал значительный объем княжеской власти на Руси этого времени, способной определять нормы поведения русских людей в Византии.

Если В.Н. Татищев присоединил к ранее рассмотренной правовой норме последующий текст «и послеть царство наше и да испишуть имена ихъ» и перевел его близко к тексту: «<...> да пребывают у святого Мамы, дондеже царь греческий пошлет переписать имена их <...>» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 36], то М.В. Ломоносов первым выделил этот и последующий текст о получении месячного обеспечения русскими людьми из Киева, Чернигова, Переяславля и других городов в самостоятельную статью. Он уточнил

и татищевский перевод, усиливавший византийское монархическое начало, но изложил ее содержание сокращенно: «<...> и с приезде стоять у Святого Маманта, пока по царскому повелению всех поименно не переписут» [Ломоносов М.В. 1952а. Т. 6. С. 222]. Перевод Ломоносова повторялся с небольшими изменениями в последующей литературе XVIII — начала XIX в. [Эмин Ф. 1767. С. 122; Щербатов М.М. 1901. Т. 1. Стб. 288–289; Екатерина II. 1901б. С. 33–34; Стриттер И. 1800. С. 29–30]. Он создал конструктивные основания для последующего углубленного анализа этой статьи. А.Л. Шлёцер учел переводы Татищева и Ломоносова, рассмотрев данную правовую норму вслед за Ломоносовым как самостоятельную и восстановив ее начальную часть в полном объеме: «Эти приходящие сюда руссы должны останавливаться у св. Мамы; затем наше царство пошлет людей, которые переписут их имена» [Schlözer A.L. 1805. Т. 3. S. 283]. Впрочем, Н.М. Карамзин вновь отошел от точного перевода этой статьи, изложив в литературной форме ее содержание [Карамзин Н.М. 1989. С. 105].

Следующую статью договора, регулирующую вход русских купцов, совершавших торговые операции без уплаты пошлины, в Константинополь в одни ворота без оружия не более 50 человек в сопровождении императорского чиновника, В.Н. Татищев передал близко к тексту. М.В. Ломоносов опустил указание в ней сопровождения русов «царевым мужем», но выделил в особую статью торговлю русов без пошлины. В таком раскрытии содержания статьи за ним последовали Ф. Эмин и Екатерина II [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 222; Эмин Ф. 1767. С. 122; Екатерина II. 1901б. С. 34]. М.М. Щербатов и за ним И.П. Елагин восстановили изложение статьи в полном объеме, также выделив особую статью об освобождении «купцов российских от всякой дани и пошлины» [Щербатов М.М. 1901. Т. 1. Стб. 289; Елагин И. 1803. С. 202].

Если статьи, изложенные в Радзивилловской летописи под 6415/907 г., М.В. Ломоносов характеризовал как мирный договор, то текст, помещенный в летописи под 6420/912 г. — как его подтверждение и заключение купеческого договора, учитывая значительное число содержащихся в нем норм, регулировавших правовой статус в Константинополе русских людей торговых. Такой подход к изложению двух текстов позволял показать единство договорного процесса между Русью и Византией в это время. Но в повествовании «Истории» он же свидетельствовал, что эти тексты не дублируют, а дополняют друг друга. Это пронизательно отметил Ломоносов в своих различающихся характеристиках, воспринимая их нормы как два особых договора. Так их определяли многочисленные исследователи и в последующей почти 250-летней традиции.

В историографии были высказаны идеи о договорных статьях в летописи под 6415/907 г. как предварительных, дополненных договором 911 г., что продолжало в интерпретации традицию М.В. Ломоносова. Но М.А. Дьяков и А.А. Шахматов пришли к выводу, что был заключен только договор

911 г., тогда как летописный текст под 6415/907 г. появился в результате литературной деятельности летописца, который перенес под этот год отрывки договора 911 г. [Дьяконов М. 1912. С. 17–18; Шахматов А.А. 1915. С. 16–21; мнение Шахматова о происхождении текста договора 907 г. поддержал уже в лекционном курсе 1915/1916 академического года А.Е. Пресняков, а позднее и другие исследователи: Пресняков А.Е. 1993. С. 313; Бахрушин С.В. 1937а. С. 172–173; Гейман В.Г. 1951. С. 35].

М.Д. Приселков поддержал гипотезу А.А. Шахматова о происхождении текста договора в ПВЛ под 6415/907 г., но не как результат литературного творчества, а как следствие плохого состояния рукописи, которой пользовался летописец [Приселков М.Д. 1940б. С. 229–230; эта гипотеза о соотношении текстов договоров 907 и 911 гг. позднее была поддержана: Мавродин В.В. 1945. С. 228; Горский А.А. 1997. С. 6–10]. Хотя большинство исследователей считало письменный договор реальным [Сахаров А.Н. 1980. С. 84–180, 210–257; 1982. С. 183–203; см. там же историографические очерки, посвященные русско-византийским договорам X в. как памятникам внешней политики Русского государства и дипломатии этого периода], продолжение нашла и гипотеза Шахматова о договоре 907 г. как результате историко-литературного творчества летописца [Зимин А.А. 1952. С. 66; Antoniadis-Bibicou H. 1963. P. 49, 54, 124; Кузьмин А.Г. 1969. С. 83; 1977. С. 329–331; Obolensky D. 1971. P. 186; Творогов О.В. 1976. С. 17–21].

Поддержку в научной литературе середины — второй половины XX в. нашла также гипотеза, согласно которой в 907 г. был заключен предварительный мирный договор, окончательно оформленный в 911 г. [с определенными различиями во мнениях см.: Корнеева-Петрулан М.И. 1952. С. 280; Mikucki S. 1953. P. 37; Sorlin I. 1961. P. 353; Паушто В.Т. 1968. С. 314; Malingoudi J. 1994; Малингуди Я. 1995. С. 68–91; 1997. С. 58–87; и др.].

Сравнительный анализ русских средневековых и византийских грамот позволил С.М. Каштанову характеризовать летописную запись о договоре 907 г. как сообщение о переговорах византийцев с русскими — части процедуры заключения договора 911 г. Он установил близость конкретного протокола грамот 911, 944, 971 гг. к формуляру договоров, заключенных в Константинополе в 992–1261 гг. без предварительных переговоров в чужой стране. Отсюда следовало, что договоры 911 и 944 гг. представляли собой соглашения, которые в русском и византийском экземплярах вырабатывались совместно обеими сторонами, но на основе византийской канцелярской практики. Вместе с тем не подтверждались мнения о неподлинности договоров, о грамоте 911 г. как проекте договора, о грамоте 944 г. как акте, исходящем из текста императорского хрисовула, и т. д. [Каштанов С.М. 1972. С. 209–215; 1975. С. 94–99; 1976. С. 69–83; 1996. С. 9, 10, 12–13].

Таким образом, наблюдения М.В. Ломоносова создали объективные условия для определения соотношения важнейших в своем содержании

аутентичных текстов русско-византийских договоров, включенных в состав летописных сводов, продолжавших традицию ПВЛ.

В отличие от В.Н. Татищева, который при изложении интитуляции договора 911 г. сохранил ее начальную фразу — «Мы от рода рускаго» — с последующим перечислением имен послов [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 37], М.В. Ломоносов опустил эту часть текста, в чем за ним последовали другие авторы второй половины XVIII — первой половины XIX в. [Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 223; Эмин Ф. 1767. С. 125; Щербатов М.М. 1901. Т. 1. Стб. 290; Екатерина II. 1901б. С. 34; Елагин И. 1803. С. 204–205; Полевой Н. 1829. С. 128–129; и др.]. Такой подход подчеркивал единство переговорного процесса Руси и Византии в 907–911 гг., но он также позволял снять вопрос об участии в нем скандинавов, хотя Русь при заключении договора представляли послы со скандинавскими именами. Ломоносов назвал их обобщающим словом «вельможи».

Вероятно, вследствие того, что М.В. Ломоносов рассматривал договор 911 г. как торговый, он в отличие от В.Н. Татищева опустил в своем переводе-интерпретации начального протокола договора 911 г. текст Радзивилловской летописи: «<...> от всех, иже суть под рукою его светлых и великих князь и его великих бояр <...>» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 21; Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 37]. Данный текст обращал внимание на сложившуюся к этому времени на Руси иерархию властей. Не рассматривая такую тему, Ломоносов мог сразу обратиться к статьям договора о клятвенном удостоверении на суде в связи с совершенным преступлением, о делах об убийстве, о ранениях и ударах, о кражах и грабеже, о нормах берегового права и взаимном выкупе «греков» и «россиян» из неволи.

М.В. Ломоносову важно было изложить содержание русско-византийских договоров по существу. Поэтому он не останавливался на сложностях дипломатического анализа, выделяя в их статьях основное. В комплексе статей об уголовных преступлениях Ломоносов опустил заголовок «А о главах» и сразу начал перевод-интерпретацию с краткого изложения судебной процедуры: «<...> в судах дела между обоими народами решать по доказательствам, но когда оных не будет, присягать челобитчикам» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 223].

Особая сложность анализа первой из этих статей заключалась в том, что в ее норме о наказании за убийство «христианина» «русином» или «русина» «христианином», кроме возможности убийства преступника на том же месте, указывалось его различное наказание, если он «имовит» (богат) или «неимовит», в случае его бегства. Этот первоначальный текст сохранился в текстах договоров по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам. Но в единственном известном во времена В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера и М.В. Ломоносова списке Радзивилловской летописи написано ошибочное «домовит». Вследствие этого перевод-изложение данной статьи оказался различающимся. Если

Татищев стремился передать ее текст, соблюдая его лексику, то Ломоносов отнесся к ней активно. Он недвусмысленно указал на византийскую принадлежность «христианина» в первой части статьи, подобно Татищеву точно передавая ее правовое содержание: «Когда убьет грек россиянина или россиянин грека, за то казнить убийцу смертию на месте, где учинено убийство». Но в отличие от Татищева он устранил из своего перевода-изложения имущественно неопределенное слово «домовит». Так что раздел имущества такого убийцы приобрел социально расширительное значение. Но имущественный статус «неимовитого» убийцы был ясен. Поэтому в переводе-изложении статьи Ломоносовым становилось очевидным соотношение в начале X в. имущественного и правового статуса «имовитого» и такого «неимовитого»: «Ежели убийца беден и скрылся, то обожждать, пока сыщется, и казни предан будет» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 223].

В следующей статье о судебных наказаниях за удары или битье М.В. Ломоносов не стал перечислять вслед за текстом, чем эти удары наносились. Но он привел то, что считал основным — указание судебного штрафа в русско-византийском договоре в соответствии с нормой «Закона Русского», а также близко к тексту различия в наказании за одинаковое преступление человека обычного и «неимовитого»: «За уязвление и побои платить пять литр серебра по российскому закону, но кто скуден, повинен отдать все, что может, и то платье, кое на себе носит, и присягнуть, что чем платить больше не имеет и никто ему не даст помощи; по сем далее не искать».

Как и В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов близко к тексту передал содержание статьи о равном наказании за воровство «россиянина» и «грека». Так перевел Ломоносов указанных в ней «русина» и «христианина». Если в изложении следующей нормы о покушении на грабеж и совершенном при этом насилии Татищев осознанно заменил указанный в ней судебный штраф в виде тройной цены похищенного возвращением вещи и ее цены, то Ломоносов учел эти основные наблюдения над содержанием статьи, но указанный в ней тройной судебный штраф восстановил [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 38; 215, примеч. 90; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 223].

Сложным было понимание реалий юридических норм берегового права в следующей статье о кораблекрушениях и содержащихся на таких «лодьях» товарах. В кратком изложении ее обстоятельного содержания М.В. Ломоносов выделил, по его мнению, основное — взаимную помощь «россиян» и «греков» по отношению к судам, которые вынуждены пристать к берегу, а также преследование по установленным нормам договора в случае «убийства или насилия» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 223–224].

Столь же кратким было изложение М.В. Ломоносовым основного содержания следующих статей о взаимном выкупе обеими сторонами пленных, «русинов» и «гречинов»: если «греки» и «россияне» видят их в чужой земле, следует их выкупить и «отпустить в свою землю», получив данную за него

цену или «цену вменить в дань», т. е. с последующей выплатой выкупа на родине. Статьи договора о взятых в плен во время военных действий Ломоносов в своем пересказе-изложении обобщил: следует выкупать военнопленных и возвращать их в свою землю, получая за них сумму выкупа, тогда как пленных из вспомогательного войска «коего бы они государства ни были» — выкупать по 20 золотых [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 224].

В сравнении с предшественниками М.В. Ломоносов расширил возможности анализа сложного по социальному и правовому содержанию последующего текста о «челядине», который был украден, бежал или «по нужи продан» и о котором по жалобе «руси», т. е. русских людей, были начаты в Византии следственные действия, включая показания этого «челядина». Он продолжил использование предложенной В.Н. Татищевым интерпретации «челядина» как «раба», в чем определяющее значение приобретало указание правового, а не социально-экономического статуса [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 38], но понимание правовой нормы существенно уточнил: «россиянам» следует брать от купцов «по челобитью и по признанию рабскому» своих беглых, украденных и насильно проданных рабов; купцам — искать и брать «по челобитью» своих беглых рабов, а тот, «кто у себя не даст обыскивать» — виноват [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 224]. Этот перевод-интерпретация стал началом творческой дискуссии во второй половине XVIII — начале XIX в. относительно содержания данной статьи. М.М. Щербатов устранил из него социальный термин «раб», в ней не содержащийся, и раскрыл смысл статьи иначе: если слуга «россиянина» украден, увезен или сам уйдет «и о том сам покажет по сыскании его», а его не отдадут, то такое же число греков будет удержано невольниками на Руси [*Щербатов М.М.* 1901. Т. 1. Стб. 292]. Последнего утверждения в статье не содержится, что было отмечено И.Н. Болтиным. Он предложил свое понимание этой нормы, ближе к М.В. Ломоносову: если кто опознает своего беглого, украденного и проданного раба и будет просить о его возвращении, то после показаний этого раба его отдают господину без выкупа; если истец не докажет своей правоты, ему отказывают [*Болтин И.* 1793. Т. 1. С. 226]. В связи с переводом данной статьи показательна скрытая борьба за терминологическую точность в содержании смысла статьи. Если А.Л. Шлёцер перевел слово «челядин» как «раб» — Sklave, то переводчик его труда Д. Языков использовал для него более широкий и нейтральный по содержанию эквивалент — «невольник» [*Schlözer A.L.* 1805. Т. 3. S. 329; *Шлёцер А.Л.* 1816. Ч. 2. С. 737]. Именно так и приближенно к тексту, но сокращенно, передал содержание статьи Н.М. Карамзин: «Если невольник Русский уйдет, будет украден или отнят под видом купли, то хозяин может везде искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновным» [*Карамзин Н.М.* 1989. Т. 1. С. 108, примеч. 324]. Дискуссия о правовом и социальном содержании данной договорной статьи продолжается до наших дней [историографию см.: *Свердлов М.Б.* 2009. С. 250–253].

При изложении статьи с заголовком «О работающих бо грекох Руси, у христианьскаго царя» (текст приведен по Радзивилловской летописи) М.В. Ломоносов встретился со сложностями историографическими. Дело в том, что В.Н. Татищев изложил ее содержание с комментирующими дополнениями: если кто из русов, «служащих» у «христианского царя» «и купечества ради живут», дополнил он к тексту, умер, не завещав своего «имения», а «ближних» с ним нет, все его «имение» возвращается наследникам на Руси. Если он составил «духовную» (грамоту. — *М. С.*), то все передать тому, кому завещано [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 38]. Татищев точно передал основное содержание статьи. Но его конкретизация представляла собой творчество историка: он указал «купечество» в дополнение или в раскрытие смысла слова «работающие», тогда как «духовная» подразумевала привычную для XVIII в. форму письменного завещания.

М.В. Ломоносов поддержал понимание В.Н. Татищевым слова «работающие» как «служащие», но устранил его дополнения, так что ломоносовский перевод-изложение раскрыл правоотношения в связи с наследованием и указал названные в статье юридические лица: «Когда кто из россиян, греческому царю служащих, умрет, не расположив (т. е. не завещав. — *М. С.*) своих пожитков и не имея ближних сродников, то отдать оное в Россию дальним родственникам, буде ж при смерти назначит наследников, тем отдать его имение» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 224].

Такое понимание основного содержания статьи обсуждалось в последующей научной литературе, хотя участники дискуссии не учитывали, что оно было разъяснено уже Ломоносовым [историографию см.: *Свердлов М.Б.* 2009. С. 253–257]. В новейшей литературе перевод данной статьи Д.С. Лихачевым отмечал свободный статус «работающего» в Византии русского и его родственные связи с наследниками [ПВЛ. 1996. С. 156; данный перевод был впервые опубликован с редакционными отличиями: ПВЛ. 1950. Ч. 1. С. 225; Ч. 2. С. 278; такой же перевод с незначительными редакционными отличиями см.: *Творогов О.В.* 1997. С. 89]. А.А. Зимин понимал «службу» как «услужение». Содержание этой статьи являлось для Зимина определяющим при определении социально-экономического статуса «работающих» как людей лично несвободных [*Зимин А.А.* 1952. С. 13, 23; 1973. С. 30–33]. Для Л.В. Черепнина основным являлся анализ правоотношений по наследованию свободных людей: тех, в пользу кого составлено завещание, а при их отсутствии — ближайших родственников, которые, в частности, осуществляли опеку несовершеннолетних детей [*Черепнин Л.В.* 1965. С. 142]. Аналогично рассматривал содержание статьи М.Б. Свердлов, для которого основным в ней являлись отношения наследования в случае отсутствия завещания у «работающего» в Византии руса, когда с ним не было «своих», т. е. родственников. Указание передачи «имения» умершего на Русь «малым близикам» — близким кровным родственникам, братьям, сыновьям, дочерям — свидетельствовало,

по его мнению, о распаде к этому времени патриархальных большесемейных отношений и о формировании самостоятельной малой семьи, а также неразделенных семей, отцовской и братской, как основных форм семейной организации, что соответствовало информации письменных и археологических материалов [Свердлов М.Б. 1983. С. 94–97].

В отличие от предшественников С.Л. Никольский предположил, что статья косвенно доказывает существование у лица, служившего в Византии («работающего»), людей, ему близких, но не его родственников. Они входили в состав таких торгово-военных объединений как *félag* [Никольский С.Л. 1995. С. 62]. Но в новейшей литературе была продолжена традиция, намеченная еще М.В. Ломоносовым. Г.Г. Литаврин конкретизировал происхождение слова «работающие» в качестве эквивалента греческого *δουλεύοντες*, которое обычно («если не чаще всего», уточнил он) означает «служащие» — те, кто находится на службе, прежде всего военной, у императора. По мнению Литаврина, смысл статьи заключался в обеспечении имущественных прав русов, которые умирали и особенно погибали в Византии. В случае смерти без завещания такого руса его имущество должно было быть доставлено на Русь его ближайшим родственником (видимо, прежде всего, вдове и детям — «малым ближникам») [Литаврин Г.Г. 1991. С. 68–70; 2000. С. 90–92]. Свободный статус «работающего», характер его занятий отражены и в новейших переводах. Его основная форма деятельности определялась как *dienen* — «служить» [Hellmann M. 1987. S. 660] или *geschäftlich tätigen* — «быть занятым по делам» [Müller L. 2001. S. 38–39]. Новая тема при изучении нормативного содержания статьи начата Литавриным. Ссылаясь на исследование Е.Э. Липшиц, он отметил издание императором Львом VI накануне заключения договора 911 г. 38-й новеллы о предоставлении рабам и попавшим в плен права завещать свое имущество родственникам и другим лицам, проживающим в империи [Липшиц Е.Э. 1981. С. 102–103; Литаврин Г.Г. 2000. С. 91].

Статья, являющаяся нормативным текстом, завершавшим договор, представляла значительные трудности как в композиционном выделении в нерасчлененном на статьи летописном повествовании, так и в раскрытии ее содержания. С этими сложными задачами блестяще справился уже В.Н. Татищев, в частности потому, что он в отличие от многочисленных исследователей XIX–XX вв. пользовался исправным чтением данной статьи Радзивилловской летописи, а не Лаврентьевской, смысл данного текста которой без конъектур непонятен.

В соответствии с изложением ее содержания В.Н. Татищевым, если кто из русов, торгующих в Византии, одолжает или «уйдет» туда, совершив злодейство, его следует вернуть на Русь, даже против его воли, если на него будет «челобитье» царю и его судьям от русских. Так же эта норма действует и по отношению к грекам [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 38]. М.В. Ломоносов, учитывая чтение статьи в Радзивилловской летописи, а также опыт Татищева,

изложил ее основное содержание обобщенно: «Злодеев, убегших из Греции в Россию или из России в Грецию, возвращать в свою землю неволею» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 224].

После дискуссий в XIX в. о тексте данной статьи в связи с дефектными чтениями в Лаврентьевской летописи, к ее тексту в Радзивилловской и, таким образом, к традиции В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова вернулся Д.Я. Самоквасов [*Самоквасов Д.Я.* 1908. С. 160]. Опыт ее изучения по Лаврентьевской летописи обобщил Д.С. Лихачев. Он ввел в текст предложенную еще И.И. Срезневским конъектуру *не*. Поэтому содержание статьи в его переводе раскрывалось так: «О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же» [ПВЛ. 1950. Ч. 1. С. 225; Ч. 2. С. 279; такой перевод позднее был поддержан: *Hellmann M.* 1987. S. 660; *Творогов О.В.* 1997. С. 89; Л. Мюллер особо отметил в своем переводе, что долг ходящих в Грецию людей совершен на Руси: *Müller L.* 2001. S. 39–40]. То есть, новейшие переводы статьи соответствуют такой ее интерпретации, которая была предложена еще Татищевым и Ломоносовым.

М.В. Ломоносов анализировал русско-византийский договор 944 г. столь же конструктивно, но, по-прежнему, выделяя в своем переводе-изложении то, что было для него как историка основным [здесь и далее см.: *Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 227–229].

Вероятно, исходя из определяющего значения князя и княжеской власти в содержании статей договора, М.В. Ломоносов обобщил указание в нем равных формулировок русской и византийской договаривающихся сторон «великий князь наш Игорь, и князи, и бояре его, и люди вси русти» и «с самими цари, и со всеми боярьством, и со всеми людьми грецкими»: «Великому князю российскому Игорю и всем, стоящим под его рукою, быть в мире непоколебимом с цари греческими <...>» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 227]. Тем самым он обозначил верховную власть Игоря на Руси.

М.В. Ломоносов адекватно перевел завершающую фразу начального протокола о том, что великий князь Игорь и его бояре могут «отпускать в Грецию судов сколько угодно с послами и с купцами», при этом «послам носить печати золотые, а купцам серебряные». Его последующий перевод-изложение передавал основное содержание договора в полной мере точно о задержании тех, кто прибыл без грамоты, «до уведомления российскому князю», тех, кто сопротивлялся, можно было без опасения убивать, «а о беглецах отписывать князю, с коими поступать ему по своей воле» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 228].

Перевод-интерпретация последующих статей М.В. Ломоносовым существенно отличался от того, как его выполнил В.Н. Татищев. Последний обоснованно написал, что «россияне», которые «придут без купечества»,

не должны «брать помесячных сборов», но отнес это к «запрещению княжескому». Между тем это запрещение соотносилось с другой ситуацией — как близко к тексту перевел Ломоносов норму договора, «не бесчинствовать в селах страны Греческой».

Поскольку В.Н. Татищев обоснованно определил указанное в договоре место размещения прибывающих в Константинополь русских послов и купцов — «Святого Маму» — как пригородный константинопольский монастырь Св. Маманта, М.В. Ломоносов учел этот опыт и написал, что им разрешено «жить в приходе Святого Маманта». Он адекватно передал содержание следующей статьи о получении русскими купцами помесячного обеспечения после их переписи «поименно». Впрочем, Ломоносов опустил запись о получении русскими послами «слебного», а порядок получения купцами «месячинного» (так в Радзивиловской летописи) в зависимости от городов, откуда они прибыли — «первое от города Киева и паки из Чернигова, и ис Переаславля, и ис прочих городов», — как получение послами дани этим городам, что не соответствует тексту договора. Но происхождение такой интерпретации Ломоносовым текста понятно. В начале изложения содержания договоров он написал, что эти города получали дань от Византии. Впрочем, как могла взиматься такая дань, оставалось неясным. Так что данное указание Ломоносов соединил с обеспечением купцов в порядке значимости их городов. Это соединение стало первым в литературе опытом объяснения механизма взимания Русью византийской дани.

Последующий перевод-изложение М.В. Ломоносовым статей договора сообщал читателям об организации константинопольской торговли русских купцов, которые имели право проходить в одни ворота по пятьдесят человек в сопровождении «царских приставов» (он использовал более поздний термин «пристав», известный по древнерусской письменности для обозначения княжеского должностного лица). Они должны были «давать управу», если «россиянин или грек учинит неправду». «Россиянин» не должен был совершать «обида», а «паволок», т. е. шелковых и, шире, драгоценных тканей [Литаврин Г.Г. 2000. С. 79–80; см. там же литературу вопроса], покупать не более чем на пятьдесят «золотых». Так Ломоносов передал слово «золотники», и такое их отождествление с золотыми монетами, которые в Византии назывались «номисма», как показали исследования, было обоснованным [Литаврин Г.Г. 2000. С. 132 и след.]. Указание договора на предоставление «цареву мужу» «паволок» Ломоносов понял расширительно как предоставление «купленных товаров», но применение пломбирования он изложил адекватно.

В соответствии с текстом договора М.В. Ломоносов написал в своем переводе-изложении о византийском обеспечении «россиян» на обратный путь продуктами и снастями для судов. Но он предложил конструктивный подход и к объяснению сложного для современного понимания текста статьи «и да възвращаются съ спасениемъ въ страну свою». Если В.Н. Татищев

перевел в данной фразе слово «спасение» как «письмо» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 42], то Ломоносов отметил другую возможность понимания этой фразы как «проводить их с прикрытием греческим». Такая интерпретация текста как «с охранением» [Карамзин Н.М. 1989. Т. 1. С. 115], «с сопровождением, прикрытием» [Лаверовский Н. 1853. С. 143–144] была поддержана в последующей литературе. Впрочем, данный текст стал переводиться также как возвращение русов «счастливо» [Rakowiecki I.B. 1822. S. 12], «благополучно» [Беляев И.Д. 1851. С. 93] «в безопасности» [ПВЛ. 1950. Ч. 1. С. 233; 1996. С. 161 (перевод Д.С. Лихачева); так же: Творогов О.В. 1997. С. 99; аналогично: Hellmann M. 1987. S. 663]. А.А. Зимин перевел близко, но со смысловым отличием: «<...> и пусть возвратятся невредимыми в страну свою <...>» [Зимин А.А. 1952. С. 37; близко: Müller L. 2001. S. 60]. Отметим Ломоносов в данной статье и запрещение «россиянам» зимовать «у святого Маманта» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 228].

В.Н. Татищев раскрыл содержание статьи близко к тексту, заменив слово «челядин» широким обозначением зависимых людей — «холоп»: русы могут свободно взять бежавшего «от Руси» и найденного холопа, но бегство холопа и прибытие в Византию Руси он воспринял как отдельные во времени события. Использование Татищевым также понятий «раб», «подозрение» и «подозрительный» не изменили верного понимания второй части статьи: после утверждения клятвой факта бегства челядина, если тот не пойман, Византия платит русам за него две паволоки [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 42]. В отличие от Татищева М.В. Ломоносов изложил содержание статьи коротко и верно, заменив, впрочем, термин «челядин» на «раб»: если тот бежал от «россиян» к «грекам», взять его обратно, но если он не сыщется — платить за него «по присяге» две паволоки, как установлено прежде [Ломоносов М.В. 1952а. Т. 6. С. 228]. Н.М. Карамзин обобщил предшествующий опыт в переводе и интерпретации данной статьи, использовав широкое и неопределенное понятие «невольник» как эквивалент слова «челядин»: «Когда уйдет невольник из Руси в Грецию, или от гостей, живущих у св. Мамы, Русские да ищут и возьмут его. Если он не будет сыскан, да клянутся в бегстве его по Вере своей, Христиане и язычники. Тогда Греки дадут им, как прежде установлено, по две ткани за невольника» [Карамзин Н.М. 1989. Т. 1. С. 115; курсив Н.М. Карамзина; историографию изучения данной статьи см.: Свердлов М.Б. 2009. С. 266–268]. Как продолжение этой статьи Ломоносов рассмотрел следующую норму договора о бегстве челядина с украденным.

В.Н. Татищев обоснованно выделил дальнейший текст о покушении на кражу в особую правовую норму. Он раскрыл ее содержание, не уточняя вид покушения на имущество людей противоположной договаривающейся стороны: если кто «дерзнет» взять что, он будет наказан «без пощады», а что взял, должен вернуть «сугубо» — «вдвойне» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 42]. М.В. Ломоносов уточнил такое понимание статьи как попытку насильственного похищения

имущества. Он раскрыл значение штрафа «сугубо» как возвращение похищенного и его стоимости в деньгах. Адекватно Ломоносов раскрыл и содержание юридической нормы в связи с продажей украденного: возмещение в виде его двойной цены, а вора наказать «по законам российским и греческим», как он передал формулировку текста договора «по закону греческому и по уставу греческому, и по закону русскому» (по Радзивилловской летописи) [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 228; дальнейшую исследовательскую традицию см.: Свердлов М.Б. 2009. С. 270–273].

М.В. Ломоносов передал содержание двух статей о выкупе пленных, русских и византийских. Но он заменил слово «работающе» (по Радзивилловской летописи) понятием «в рабстве» и опустил указание на клятву «гречина» относительно цены пленного «россиянина» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 229]. Эти коррективы не были поддержаны в последующих работах историков XVIII — начала XIX в. [Эмин Ф. 1767. С. 165; Елагин И. 1803. Кн. 1. С. 235–236; Schlözer A.L. 1805. Т. 4. S. 75]. Устойчивая традиция адекватного перевода этой статьи в литературной форме современного русского языка отразилась в труде Н.М. Карамзина: «Когда же Русские найдутся в неволе у Греков, то за всякого пленного давать выкупу десять золотников, а за купленного цену его, которую хозяин объявит *под крестом* (или присягою)» [Карамзин Н.М. 1989. Т. 1. С. 115].

Если Г.Ф. Миллер кратко изложил содержание следующей статьи как запрещение руссам нападать на Корсунскую область и на греческие прибрежные города, то В.Н. Татищев близко к тексту перевел первую половину статьи как запрещение русским князьям воевать против городов Корсунской страны и их завоевывать. Последующий текст он понял как действия этих городов, вызывающие вражду, и требования русского князя на них управы, которую византийская сторона учиняет, послав войско [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 43]. Этот недостаток перевода второй части статьи был исправлен М.В. Ломоносовым: «А когда российские князи воюют другие страны, тогда греки должны вспомогать потребным числом войска» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 229]. Таким образом, Ломоносов раскрыл равные обязательства Руси и Византии во взаимной военной помощи.

В переводе-интерпретации статьи, содержащей нормы берегового права, М.В. Ломоносов в полной мере передал их содержание, защищавшее найденный «россиянами» греческий корабль, все находившееся на нем, а также его людей. Показательно указание Ломоносовым источников права, по которым будут судить таких преступников: «да будет винен закону руску и грецку» (по Радзивилловской летописи). Ломоносов, не называя стран, обобщил их как две равные договаривающиеся стороны: «тот повинен наказан быть по обеих сторон законам» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 229].

Статья о запрещении русским людям причинять вред корсунцам, которые ловят рыбу в устье Днепра, и запрещавшая им зимовать там, в Белобережье

и на острове Св. Елферия, не представляла трудностей уже для Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева, хотя последний и отождествил «Беловежу» с Ольвией. Поэтому, когда М.В. Ломоносов изложил ранее указанное основное содержание статьи, не определяя локализацию приведенных в ней топонимов, тем самым он обозначил, видимо, необходимость дополнительных доказательств [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 229].

Сложность понимания следующей статьи, обязывавшей русского князя не допускать черных болгар воевать в «стране Корсунской», т. е. в византийской феме Херсон, заключалась в прочтении этнонима «чернии болгарии», а также формулировки «и велим князю рускому» (по Радзивилловской летописи). В отличие от ошибочного и сокращенного изложения ее содержания Г.Ф. Миллером, В.Н. Татищев передал в своем переводе-интерпретации повелительное наклонение текста «великому князю рускому их не допускать». Но название народа он передал как «чернии или болгарии» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 43]. В отличие от Татищева М.В. Ломоносов разделил «черней и болгаров» как два этноса, опустив завершающую часть статьи, но сохранил в своем изложении основного содержания статьи повелительную интонацию: «приходящих черней и болгаров воевать страну Корсунскую не допускать князям российским» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 229]. Лишь во второй половине XVIII — первой половине XIX в. содержание этой статьи было в определенной мере разъяснено. Некий анонимный автор впервые прочитал и сохранил в переводе этноним «Черные Болгары», впрочем, менее точно, чем Татищев, изложив завершающую часть статьи: «чтобы они не беспокоили этой (Корсунской) земли». За этим переводом последовал А.Л. Шлёцер, тогда как Н.М. Карамзин, сохранив «Черных Болгар», кратко изложил содержание данной статьи близко к Татищеву [Schlözer A.L. 1805. Т. 4. S. 85–87; Карамзин Н.М. 1989. Т. 1. С. 116]. Лишь И.Д. Беляев обобщенно раскрыл основное содержание текста в переводе: «А когда Черные Болгары пойдут воевать в Корсунской стране, то мы повелеваем, чтобы Русский Князь не пустил их вредить той стране» [Беляев И.Д. 1851. С. 96].

Исследователей смущала необычная для договора повелительная форма обращения византийской стороны по отношению к русскому князю, вследствие чего использованный в договоре глагол «велим» обычно опускался. Н.А. Лавровский отметил повелительное значение в «юридическом византийском языке» производных слов от глагола βούλομαι, которые имели значения «желания, воли императоров по отношению к подданным, требования, повеления». Но он предположил, что в договоре могло быть использовано и другое распространенное греческое слово с юридическим значением κελεύειν — «побуждать, призывать, желать», и привел примеры такого значения глаголов «повелети, велити» в древнерусском языке. Поэтому он предложил переводить глагол «велим» «в данном случае» в менее повелительном значении, не заключающем в себе понятия приказания [Лавровский Н. 1853. С. 151–152].

Следующая группа статей договора относится к преступлениям против личности в связи с убийством и ударами.

Содержание первой из них, о наказании «греков» только по византийскому суду, было передано Г.Ф. Миллером как запрещение «руссам» наказывать «греков», которые причинили вред, с представлением решения «Греческому Правительству» [Sammlung. 2. Stuck. 1732. S. 25]. В.Н. Татищев перевел статью близко к тексту, подобно Миллеру включив конкретное указание «руссов», которым запрещено «наказывать» «греков». Добавил он и разъяснение, отсутствующее в договоре, о наказании «русского по закону русскому» [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 43]. В отличие от предшественников М.В. Ломоносов передал смысл статьи адекватно, персонифицировав русскую и византийскую судебные власти главами государств, обладавших верховными правовыми функциями, что было свойственно средневековой государственно-правовой системе: «Греков-преступников казнить российские князи не имеют власти, но их оставлять на истязание царям греческим» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 229].

Статью, утверждавшую право кровной мести и выкупа за убийство, различие наказания убийцы с «имением» и «неимовитого», М.В. Ломоносов в отличие от Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева не стал рассматривать, лишь отослав читателей к близкой по содержанию статье договора 911 г.: «О убийствах судить, как положено было в прежнем договоре с Ольгом». Такая авторская отсылка свидетельствует о большой предварительной работе Ломоносова по сопоставлению текстов договоров 911 и 944 гг. Их содержательная близость была для него достаточной, чтобы не отвлекать внимание читателей на статьи, содержащие наказания за уголовные преступления.

Поэтому М.В. Ломоносов следующую правовую норму договора 944 г. об ударах оружием не упомянул, сразу обратившись к статье, в которой фиксировалось право византийских императоров «написать» русскому «великому князю» с «пожеланием» прислать им определенное число воинов. Здесь же указаны в договоре и ожидаемые международные последствия таких союзных отношений: «<...> оттоле уведать и иныя страны, какую любовь имеют Греци с Русью» (по Радзивилловской летописи).

В отличие от Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева, которые излагали содержание этой статьи близко к тексту, но с разъясняющими подробностями, отсутствовавшими в договоре, для М.В. Ломоносова определяющим стал текст статьи, которую он перевел так: «Когда случится нужда Греческому царству в войске против сопостатов, то великий князь российский посылать имеет по грамоте требуемое число, из чего уведают иные страны, какую любовь имеют с Россиею греки».

Удостоверительную часть конечного протокола грамоты М.В. Ломоносов также опустил, написав в соответствии с летописным текстом о подтверждении договора «российскими» и «греческими» послами, «царем греческим» и князем Игорем [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 329].

Анализ перевода-изложения русско-византийских договоров первой половины X в. М.В. Ломоносовым свидетельствует о том, что он значительно развил в нем предшествующий опыт Г.Ф. Миллера и В.Н. Татищева. Их совместный накопленный опыт стал началом научного перевода и анализа этих договоров, продолжающихся до нашего времени. Впрочем, прослеживаются определенные различия в подходах этих исследователей. Если Миллер наметил в своем переводе-интерпретации изучение содержания договоров, Татищев преследовал цели научного анализа и полноты изложения, то Ломоносов стремился более точно раскрыть их содержание, чтобы установить экономическое, политическое и правовое состояние Российского государства.

Договоры позволили М.В. Ломоносову показать Византию и Русь как государства, в которых верховной властью, военной, политической и судебной, обладают император и великий князь русский. Ломоносов отметил правовое и политическое равенство русской и византийской договаривающихся сторон, сложность их межгосударственных отношений.

Из перевода-изложения М.В. Ломоносовым норм договоров становилась очевидной особая значимость на Руси в первой половине X в. княжеской власти, которая являлась гарантом поведения русских людей в Византии, соблюдения ими условий договора с империей. Их содержание свидетельствовало о существующих на Руси сложных отношениях собственности, о социальных и имущественных различиях. Они позволяли установить на Руси первой половины X в. развитое правовое мышление, предполагавшее использование при заключении межгосударственных договоров норм Правды Русской, названной при обратном переводе с греческого «Закон Русский», византийского права, а также международных юридических норм [см.: *Свердлов М.Б.* 1988; 2005. С. 109–117; *Литавин Г.Г.* 2000. С. 80–81; см. там же литературу проблемы].

Подход М.В. Ломоносова к изложению текстов договора 907 г. как мирного и 911 г. как торгового позволил ему показать единство договорного процесса между Русью и Византией после похода князя Олега на Константинополь в 907 г. и создавал условия для их понимания как единого договора, в котором был разделен лишь его текст, приведенный в летописях, продолжавших традицию ПВЛ.

Процесс анализа и перевода текстов договоров М.В. Ломоносовым был сложным, с открытиями и ошибочными толкованиями. Но это — обычное содержание накопления научного опыта. Он критически учитывал опыт предшественников, постоянно предлагая собственные переводы-интерпретации статей договоров. Ломоносов раскрыл содержание многих реалий договоров, их юридических норм, в частности, определявших правовой статус в Константинополе русских людей.

Такие сведения русско-византийских договоров существенно дополняли хорошо известные М.В. Ломоносову нарративные источники. Так что при

изложении в «Истории» военно-политических и династических событий в X в. он исходил из фактов существования Руси как самодостаточно развитого государства, в котором имелись обычные для того времени политическая власть, социально и имущественно разделенное общество, а также юридическая система.

3. От Игоря Рюриковича до Ярослава Мудрого: Русь периода единства

В «Истории» М.В. Ломоносов обстоятельно изложил по Петровской копии Радзивилловской летописи летописные предания о гибели князя Игоря и о мести древлянам его вдовы княгини Ольги. Кроме исторического содержания в них присутствовали занимательность и назидательность. Так что эти повествования, изложенные прекрасным литературным слогом, делали доступными для широких слоев читателей сведения о значительных эпизодах отечественной истории. Не случайно тему взятия Искоростеня, главного города древлян, Ломоносов предложил для живописной картины, которая должна была украшать императорские покои [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 367]. Но основной для Ломоносова являлась государственная деятельность Ольги. Он перечислил предпринятые ею меры государственного управления в формулировках, отличающихся от Радзивилловской и ранее прочитанных им других летописей, а также Степенной книги, и расширяющих виды ее деятельности: в земле Древлянской она «учредила перевозы, пристани, ловли, положила новые о всем законы», в Новгородской земле по Мсте и по Луге «поселила славенских переведенцев, построив погосты; предписала ловли и другие прибыточные учреждения и наложила оброки по всей области; перевозы по Днепру и по Суле». Результатом ее правления было, по словам Ломоносова, «цветущее состояние отечества» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 235].

Особо М.В. Ломоносов рассмотрел предание о крещении княгини Ольги в Константинополе, восходившее к ПВЛ и широко распространенное в русской письменности XII–XVII вв. Он написал об этом событии в обеих своих книгах. Человек, продолжавший идеи Петровского времени, которому были близки просветительские идеи, Ломоносов указал в «Истории» гуманистические начала в крещении Ольги: она «единственно обратила мысли к христианскому закону, в котором больше человечества и просвещения усмотрела, нежели в варварском прежнем невежестве». Но обстоятельства крещения Ольги, распространения христианства на Руси в середине X в. не стали темой его специального изучения.

Вслед за летописным повествованием, соединившим историческое предание и фольклор, М.В. Ломоносов написал о предложении «греческого царя», плененного красотой Ольги, жениться на ней. Ломоносов назвал изложенные в этом рассказе события «маловероятным обстоятельством». Как

историк он указал на его несоответствие фактам, известным по летописным сообщениям о датах ее жизни. Поэтому Ломоносов предположил в таком поступке императора насмешку над русской княгиней. Эту мысль, по его мнению, подтверждал ее гнев, который выразился в ее отказе отправить в Византию «обещанные дары» — «воск, беличьих меха, рабы и войско» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 236]. Этот перечень — пересказ повествования в Степенной книге. В рукописи Степенной книги, хранящейся в БАН [32.8.4. Л. 33], оно отмечено Ломоносовым в данном месте прямым крестом +. Ломоносов подчеркнул в нем карандашом слово *челядь*: «челядь, воск, белку и воинство в помощь». В Радзивиловской летописи, Петровским списком которой постоянно руководствовался Ломоносов во время работы над «Историей», написано традиционно с небольшими отличиями для летописей, восходящих к ПВЛ: «челядь, и воск, и скору, и воа многи в помощь» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 32]. Так что, если при написании Степенной книги др.-рус. «скора» («меха») была заменена словом с более узким значением «белка», то Ломоносов, передавая текст по Степенной книге, поменял порядок слов и перевел слово «челядь» как «рабы».

Так же, по Степенной книге, М.В. Ломоносов передал гневные слова княгини Ольги императору Константину Багрянородному, отказывая ему в этих «дарах»: «За дарами бы пришел сам и постоял бы у ней в реке Почайной, как я стояла у него в купели» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 236]. Как написано в Степенной книге, «<...> и изследити нашу реку Почайну и нас посети с воинством духовныя любви, яко же и аз у тебе бых, идеже и в сосуде святыя купели стоях» [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 19]. Впрочем, появилась эта фраза «сосуд святыя купели», сокращенная Ломоносовым до «купели», из текстов, восходящих к ПВЛ, где слова Ольги о ее дарах императору были такими: «Аще ты, рыцы, тако же постоиши у мене в Почайне, яко же аз в Суду, то тогда ти дамъ» [ПВЛ. 1996. С. 30]. Как отмечено ранее, *Суд* — название пролива Босфор. Оно восходит к др.-сканд. *sund* — *пролив*. Таким образом, первоначальный смысл слов княгини Ольги был таким: если император стоит на берегу реки Почайны, реки, протекавшей недалеко от древнего Киева, как она — на берегу Босфора, но вне городских стен Константинополя, то она отправит ему обещанные дары.

Впрочем, уже в древности значение слова *Суд* становилось неясным. В Радзивиловской летописи вместо «в Суду» было написано «в Сюду» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 32]. К тому же в др.-рус. слово *суд* имело также значение *сосуд* [Срезневский И.И. 1903. Т. 3. Стб. 602–603]. Так что в «Житии св. Ольги» вся эта фраза была переосмыслена, и М.В. Ломоносов был вынужден использовать текст ясный, но вторичный, не имевший отношения к древнему преданию в составе ПВЛ.

Обобщая в «Летописце» основное содержание княжения Святослава, М.В. Ломоносов привел сведения о князе как о воине. Ломоносов написал

только о «кровавых войнах» с византийским императором Иоанном Цимисхием. Возможно, он не упомянул войну с Хазарским каганатом вследствие того, что в кратком изложении российской истории в княжения от Олега до Владимира он особое внимание уделил русско-византийским отношениям. Впрочем, Ломоносов отметил многоэтничность княжеского войска, в состав которого входили, кроме «подданных» славян и чуди, наемники варяги, печенег, «турки» и союзники болгары.

Если содержание сложных русско-византийских отношений раскрывалось по Радзивиловской летописи, то происхождение сведений М.В. Ломоносова об участии в войске Святослава чуди, печенегов и «турков» не ясно. Видимо, состав этого войска он определил, руководствуясь своей концепцией многоэтничного Российского государства, а также сложного в этническом содержании его окружения. О составе княжеского войска Ломоносов мог судить по Радзивиловской летописи, где сообщалось о многочисленном войске князя Игоря во время похода на Византийскую империю в 944 г.: «варягы, и Русь, и поляны, и словены, и кривичи, и тиверци, и печенегая» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 25]. О найме варягов русскими князьями Ломоносов хорошо знал из многочисленных летописных известий, восходивших к ПВЛ.

Повествуя в «Истории» о княжении Святослава, М.В. Ломоносов соединил сведения Радзивиловской летописи и Степенной книги с их литературным осмыслением. В таком рассказе о Святославе он следовал за В.Н. Татищевым. Уже в начале повествования прослеживается композиционное татищевское воздействие, которое заключалось в противопоставлении военной деятельности князя мирной. Если Татищев написал «Святослав <...> мало о правлении государства, но более о войнах прилежал» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 50], то Ломоносов первую фразу о самостоятельном княжении Святослава построил аналогично: «Святослав, не внимая закону, в едино военное дело всем желанием вникнул» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 236]. Но конкретное содержание княжения Святослава Ломоносов раскрыл в полной мере самостоятельно.

М.В. Ломоносов кратко изложил отношение Святослава к христианству по Радзивиловской летописи — сам он отказался креститься, «однако не запрещал своим подданным креститься; крещеных держал в презрении и посмеянии» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 236]. В отличие от восходивших к ПВЛ летописей Ломоносов отнес ко времени княжения Святослава продолжение христианизаторской деятельности княгини Ольги: «Матери своей не отнял власти, проезжая российские пределы, особливо ж Псковскую область, ея родину, обращать народ в закон христианский, ставить кресты и молитвенные дома» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 236]. Таких сведений в исторических источниках нет. Вероятно, Ломоносов привлек поздние житийные материалы, в частности, Степенную книгу. В «Житии св. Ольги», которым она начиналась, было написано, что она «посла» «много

злата на Плескову реку на создание церкви Святыя Живоначальныя Троица», а во время пребывания Святослава на Балканах Ольга свершила «сугуб подвиг» — «велико попечение имея о соблюдении Руския земли» [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 22]. Видимо, эти сведения были обобщены Ломоносовым и переосмыслены.

В том же блестящем литературном стиле по канонам классицизма М.В. Ломоносов переосмыслил летописную фразу Радзивиловской летописи о воинственности князя Святослава, когда он вырос и возмужал: «<...> нача **совъкупляти вои** многы и **храбры**, и легко ходя, аки пардус, воины многы творяше» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 33; здесь и далее выделено нами]. Эта фраза приобрела торжественность высокого стиля и литературное расширение: «**Совокупление храбрых воинов** и сильных полков почитал самым лучшим своим веселием. Перелетал неприятельские земли наподобие орла и ударял на них леопардовым стремлением» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 236–237]. В этих сравнениях указан орел — излюбленный образ в литературе и искусстве классицизма, тогда как древнерусского барса заменил широко распространенный в литературе и искусстве эпохи классицизма леопард.

Краткое летописное описание мобильного войска Святослава — «**воз** по собе не возяше, ни котла, ни мяс варя <...>, ни **шатра** имеяше» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 33] — трансформировано в его литературное изложение, но без дополнительной домысленной информации: «Ни многие **обозы** или с орудиями, к приуготовлению пищи нужными, ни **шатры**, ни постели к упокоению тягостию не препятствовали быстрым походам» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 236–237]. М.В. Ломоносов точно передал фразу, в соответствии с которой Святослав ел мясо, тонко нарезанное и запеченное на углях. Однако завершающая это описание военного быта Святослава и его войска фраза «но подклад постилаше и седло в головах, також и прочии вои его бяху вси» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 33] вновь превратилось под его пером в литературно осмысленное повествование: «Вместо **постели из-под седла войлок**, седло **вместо подушки**, епанча за шатер **служила**, в чем все воинство подражало своему государю» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 237].

В отличие от блестящего литературного текста М.В. Ломоносова татищевское изложение в «Истории Российской» точно следовало за летописью, раскрывая в необходимых случаях древнерусские реалии — «и **постеля его войлок подседельной** да седло в головах, **яко подушка, служило** ему» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 48]. Судя по текстуальным совпадениям, Ломоносов учел изложение Татищевым их обоих интересовавшего летописного текста.

Если в «Летописце» М.В. Ломоносов не написал о войне Святослава с Хазарским каганатом, то в «Истории» он посвятил ей особый экскурс. Он отразил начальный уровень научного изучения отношений Руси с восточными народами и странами, а также собственные разыскания Ломоносова в этой проблеме.

Этот экскурс М.В. Ломоносов начал с указания Радзивилловской летописи о походах Олега на Оку и Волгу. Но к ним он добавил поход на Вятку [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 237]. Такое добавление неожиданно, но его происхождение понятно. В Радзивилловской летописи было написано о Святославе: «И иде на реку Оку и на Волгу, и налезе вятичи, и рече вятичем <...>» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 33]. Таким образом, Вятка появилась вследствие отождествления по созвучию племенного названия вятичей с Вятской землей по реке Вятка. Так что идентификация исторических этнонимов и хоронимов по созвучию еще сохранила для Ломоносова, как и для его современников, свое значение. Впрочем, в данном случае Ломоносов не учел опыт Татищева, который в полной мере обоснованно писал в «Истории Российской» о походе Святослава «к реке Оке на вятич» [*Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 48].

В последующем изложении М.В. Ломоносов расширительно написал о восточнославянских племенах, что «многие платили из них дань козаром». Но далее он указал на тюркскую этническую принадлежность хазар, вводя тем самым многомерность в изучение военно-политических и этнокультурных отношений Руси с тюркскими народами. Ломоносов, разумеется, не исследовал историю и этнографию восточных народов. Он использовал в данном случае опыт отечественной науки, в частности, Т.З. Байера и В.Н. Татищева.

Последующее утверждение, в соответствии с которым «главное селение» хазар «было в Херсоне, что ныне Крым зовется, однако и к полуночи далече простирались по широким полям до предел российских», является следствием самостоятельного анализа Ломоносовым труда византийского императора Константина VII Багрянородного. В этом труде, написанном в середине X в., содержится глава «О крепости Херсон и крепости Боспор». В ней отразились сведения о периоде контроля хазарским каганатом Восточного Крыма, начавшегося в VIII в. и продолжавшегося до первой половины X в. [*Константин Багрянородный.* 1989. С. 52–53, 334]. Эти сведения Ломоносов соединил с летописными известиями, из которых следовало, что восточнославянские племена, расселившиеся от Оки до Днепра, платили дань каганату. Так что наблюдения Ломоносова над историей Хазарского каганата стали одними из первых в российской исторической науке на эту тему.

Повествование о восточных походах Святослава М.В. Ломоносов завершил в «Истории» в соответствии с Радзивилловской летописью, но литературно переосмыслено сражение Святослава с правителем хазар каганом, который «принужден по многом кровопролитии уступать ему победу». Князь «взял» (подразумевается штурмом) хазарский город Белую Вежу. В отличие от летописи, где сообщалось, что Святослав «ясы победы и касоги», Ломоносов передал известие о том же событии описательно как триумф победителя в соответствии с канонами классицизма: «пленные козары и с ними побежденные ясы и косоги приведены в Киев пленными» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 237].

Изложение событий военных действий Святослава на Балканах потребовало от М.В. Ломоносова предшествующего научного анализа. Если в «Летописце» он лишь упомянул войну Святослава с «греческим царем Иоанном Цимисхием», то в «Истории» он в полной мере обоснованно начал с предыстории этих событий — с письма (Ломоносов написал — *писем*) византийского императора Никифора Фоки к болгарскому царю Петру. В нем император требовал, чтобы Петр не пропускал турок (венгров) через свои земли, поскольку они причиняли византийцам ущерб. Поскольку болгарский царь не выполнил требований Никифора, тот отправил патрикия Калокира на Русь. Калокир способствовал тому, что Святослав подчинил своей власти Болгарию, а затем, уже в союзе с болгарами и при поддержке печенегов и турок (венгров) воевал против Византии.

Эти сведения М.В. Ломоносов почерпнул из первой части компилятивного «Обозрения истории» византийского историка Георгия Кедрина, который использовал написанное в конце XI в. хронографическое произведение «Обозрение историй» Иоанна Скилицы. Скилице были известны позднее не сохранившиеся многочисленные исторические источники, так что его труд чрезвычайно информативен. Ломоносов не указал этот источник сведений о причине военных действий Святослава против болгар. Ему было важно привести эти свидетельства Скилицы–Кедрина, чтобы продолжить повествование по Радзивилловской летописи или, как Ломоносов и его современники уже уверенно писали в середине 50 — первой половине 60-х гг., «по Несторову свидетельству» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 237].

В соответствии с текстом, восходившем к ПВЛ, М.В. Ломоносов изложил блестящим литературным стилем содержащиеся в ней исторические предания об осаде Киева печенегами, о кратком возвращении Святослава в стольный город и о смерти княгини Ольги, о поручении Святославом княжений своим сыновьям, прежде чем вернуться к «на Дунай к Переяславцу с великим воинством» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 238–240].

Поскольку в Радзивилловской летописи события в Болгарии и в Византии в связи с военными действиями Святослава изложены кратко, М.В. Ломоносов вернулся к обстоятельным сведениям византийских хронистов, которых он в данном случае назвал — Георгий Кедрин и Иоанн Зонара. Зонара, который до пострижения в монахи занимал значительные должности начальника императорской гвардии и начальника императорской канцелярии, прекрасно разбирался в обстоятельствах политической жизни и военной истории. Поэтому, когда в монашестве он написал труд по всемирной истории «Обозрение историй», он привлек многочисленные источники, позднее не сохранившиеся, в частности, по истории Византии X–XI вв. Ломоносов изучал труд Зонары в 1752 г., 14 января 1754 г. он вновь взял в БАН труд Зонары, а также византийские сочинения Феофана и Кедрина [*Коровин Г.М.* 1961. С. 290–291, 413], что свидетельствует о его

намерении последовательно использовать византийские источники наряду с древнерусскими для изучения российской истории. Так что изложение Ломоносовым российской истории времени правления Святослава в соответствии с Радзивилловской летописью и основными известными тогда византийскими хрониками — осуществление этого намерения.

В результате такого комплексного использования исторических источников, русских и византийских, впервые в исторической литературе столь полно были изложены обстоятельства военных действий Святослава на Балканах в 968–971 гг.

Событиям во время киевского княжения старшего из сыновей Святослава, Ярополка, Ломоносов посвятил в «Истории» особую главу. В «Летописце» он лишь отметил, что младший из Святославичей Владимир, князь новгородский, отомстил старшему брату Ярополку «в отмщение невинного убийства брата своего, князя Ольга древлянского» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 298–299]. Между тем, в ПВЛ об этом периоде сообщались значительные конкретные сведения, но их смысл был глубоко скрыт в литературно-историческом повествовании: убийство Олегом Святославичем Древлянским Люта, сына воеводы Свенельда, месть Свенельда, который подговорил Ярополка пойти войной на Олега, чтобы захватить его владение, Древлянскую землю, гибель Олега, бегство Владимира, младшего из братьев, «за море», новгородское управление посадниками Ярополка. В ПВЛ рассказывалось также о возвращении Владимира с варягами и его вокняжении в Новгороде, а также о том, как Владимир заставил стать своей женой полоцкую княжну Рогнеду, которая собиралась замуж за Ярополка. Повествовалось также о том, как Владимир изгнал Ярополка из Киева, а позднее приказал убить своего старшего брата, в чем ему помогло предательство воеводы Ярополка Блуда.

Эти рассказы были увлекательны в своем содержании, исполнены драматизма. Вслед за ПВЛ они переписывались в последующих летописных сводах. Проблема заключалась в том, чтобы раскрыть их смысл.

По мнению М.В. Ломоносова, причиной гибели князя Олега Святославича стали действия Люта Свенельдича. Он дал Люту отрицательную психологическую характеристику, объясняя негативные свойства его характера высоким положением отца: «Сею властью напыщен, сын Свенельдов, именем Лют, оскорблял многих своим злым самовольством, как то имя (конечно, прозвище) и обстоятельства изъявляют, ибо он был главною виною плачевного братоубийства» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 247]. Таким образом, причиной последующей братоубийственной войны стали, по мнению Ломоносова, не сами князья, а их приближенные мужи.

Краткое изложение событий княжения Ярополка, ограниченное династической историей и установлением в стране княжеского единовластия, по Радзивилловской летописи и, соответственно, по ПВЛ, не удовлетворило

М.В. Ломоносова. Поэтому в поисках дополнительной информации он обратился к хорошо известной ему Никоновской летописи и к рукописи второй редакции «Истории Российской» Татищева.

Радзивилловская летопись	Никоновская летопись	Татищев	Ломоносов
<p>В лето 6485. Поиде Ярополк на брата своего, на Олга <...>. Побегшу же Олгу своими вои в град, рекомый Вручай, и бяше мост черес греблю ко вратом градным <...> и сопхнуша с моста Олга в дебрь. <...> И посла Ярополк искати брата, и влачища трупики из гробли от утра до плудня, налезоша на исподи Олга под трупики, вынесоша и положиша на ковре. И прииде Ярополк над него и плакася, и рече Свеналду: «Виждь, сего ты еси хотел». И погребоша Олга у города Вручаго, и есть могила его и до сего дни у Вручаго; и прия власть его Ярополк (ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 37).</p>	<p>В лето 6485. Поиде Ярополк на Олга, брата своего <...>. И побегшу Олгу с вои своими во град, рекомый Вручий, и бяше мост чрез гроблю ко вратом градным <...> и спехнуша и Олга с мосту в ров <...>. И посла Ярополк искати его, и влачища трупики из гробли от утра и до вечера, сиречь весь день, и на другой день в девятый час обретоша труп его в мертвых телесех во рве и изнесоша и на ковре. И прииде Ярополк, над него и плакася горко зело, и возопи глаголя: «О люте мне, брате мои драгии, лучше бы мне умерети, а тебе живу бытии <...>. И обратився рече Свенделу: «Виждь сие, ты сего хотяше и сътвори». И погребоша его на месте у града, зовомаго Вручаг, и есть могила его</p>	<p>6485 (977). Ярополк чрез многое время отрицаясь воевать на брата Олга, по некоей причине возбужден был Свеналдом и пошел на брата своего Олга <...>, победил Олга. Олег же прибежал со своими войсками во град, рекомый Овруч, где был мост чрез плотину ко вратам градским. <...> и во множестве утесняющихся спехнули самого Олга <...> Ярополк, вшед во град и не могши уведать, где брат его Олег, скрылся или убит, послал искать всюду многих людей; посланные же, искавшие всюду, не обрели. <...> Ярополк послал тотчас к плотине, где трупы таскали от утра до полудни; едва сыскали его на исподи под трупики множества людей и коней утопших</p>	<p>Наконец, стужанием и прощением своего любимого и многою властью сановитого боярина побужден, восстал Ярополк войною на древлян против брата своего Олга, который <...> принужден был в бегство обратиться к городу древлянскому, называемому Вручаю, где плотина вместо моста для въезду в ворота городские служила. Множество бегущих и гонящихся, стеснясь, друг друга с мосту пхали. <...> По взятии города послал Ярополк искать его между трупами мертвых. <...> На другой день едва найден; толика пагуба от тесноты места или, правднее сказать, от братского междоусобия причиталась! На ковре</p>

	<p>и до сего дни. И приат власть его Ярополк. <...></p>	<p>и, выневши, положили его на ковре. Ярополк, услыша, вскоре пришел к телу братню и плакал зело вопия: «О люте ми, яко осквернился убийством брата моего, лучше бы мне умереть, нежели тебя, брате, тако видети, еже злый клеветник учинил». И обрращая, рек Свеналду: «Виждь, ты сего хотел, что тебе воздам за сию пагубу». Посем погребли Ольга на месте у города Овруча с честию и высыпали холм над ним высок, который есть и до сего дня. И прия власть его Ярополк.</p>	<p>положенное тело увидев, Ярополк возрыдал горестно и в раскаянии говорил: «Лучше бы мне, любезный брат, умереть было, нежели тебя видеть мертвого и мною живота лишенного. А ты, мститель, — Свенельду сказал со гневом, — видишь исполнение своей злобы. До чего ты довел мое легкомыслие?» По Ольгове погребении и по совершении тризны перед Вручаем Ярополк возвратился в Киев как самодержец российский. <...></p>
<p>В лето 6486. Победи Ярополк печенеги, и възложи на них дань.</p>	<p>6486 (978). Ярополк ходил с войском на печенеги и, победив, возложил на них дань. <...></p>		<p>Счастье, нередко злодеяниям поспешествующее, присовокупило Ярополку к победе над братом другую над печенегами, которые отдались ему в данники.</p>

	<p>В лето 6487. Прииде печенежский князь Илдея, и бил челом Ярополку в службу; Ярополк же прият его, и даде ему грады и власти, и имяше его в чести велице.</p>	<p>6487 (979). Пришел к Ярополку печенежский князь Илдея, отдавался ему в службу. Ярополк же прият его милостиво, дал ему города и волости и имел его в чести великой.</p>	<p>И князь их Алдея вступил в русскую службу, получив великую честь с волостями и городами.</p>
	<p>Того же лета приидоша послы от греческого царя к Ярополку, и взяша мир и любовь с ним, и яшася ему по дань, якоже и отцу его и деду его. Того же лета приидоша послы к Ярополку из Рима от папы.</p>	<p>Того же лета пришли послы от грек и подтвердили мир и любовь на прежних договорах, обещаясь погодную дань платить, а Ярополк обещался на грек, болгар и Корсунь не воевать и в потребности грекам со всем войском помогать.</p>	<p>Новгородские летописатели присовокупляют, что во владение Ярополково приходили послы от папы в Киев. По обстоятельствам поверить можно, что, увидав римского исповедания христиане о войнах российских с греками и притом о множестве христиан в Киеве, покушались ввести в Россию веру и власть папешскую, равно как и после, при Владимире, о законе было посольство от папы.</p>

	Знамение. Того же лета быша знамения в луне, и в солнце и в звездах, и быша громи велицы и страшни, и ветри силни с вихром, и много пакости бываху человеком, и скотом, и зверем лесным и полским [ПСРЛ. 2000. Т. 9. С. 38–39].	Того ж лета были знамения в солнце и луне, и громи и ветри сильни много зла людем и скотом содеяша [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 53–54].	Последний год владения Ярополкова устрашал народ помрачением луны и солнца и последовавшими ужасными громами и вихрями, из чего предвозвещали многие от великих перемен несчастье [Ломоносов М.В. ПСС. 1952. Т. 6. С. 245–246].
--	---	---	---

Сравнение текстов Радзивилловской и Никоновской летописей, а также В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова, о кратком киевском княжении Ярополка в 972–980 гг. (по летописной хронологии) позволяет проследить критический подход русских историков середины XVIII в. к сообщениям Никоновской летописи, огромного по объему историко-литературного произведения середины XVI в. (см. ранее, с. 617).

Радзивилловская летопись передавала текст ПВЛ, историко-литературного произведения 10-х гг. XII в. Поэтому в ней содержались конкретные сведения, сохраненные в историческом предании, а также литературные составляющие, в частности, прямой речи. Через последующие летописные своды этот текст был учтен в середине XVI в. при написании Никоновской летописи. В ней, также произведении историко-литературном, или в использованном ее авторами источнике, были домыслены сведения, которых не было в первоначальном летописном тексте. Принципы средневекового реализма имели следствием появление в Никоновской летописи указания точного времени находки тела Олега — «на другиы день в девятыи час». Конкретизировано клишированное в летописании слово «плакася» — «плакася горько зело». Автор или авторы Никоновской летописи присочинили речь Ярополка, о чем он «плакася зело горько». Эта вставка разорвала ранее лаконичный целостный текст Радзивилловской летописи.

В продолжение расширения информации текста авторы Никоновской летописи написали о победе Ярополка над печенегами и о возложении на них дани. Фраза «възложи на них дань» — распространенное в древнерусском летописании клише, но по отношению к кочевникам печенегам оно не использовано. В военных столкновениях с Русью печенеги терпели поражения или побеждали, но нет сведений, что они платили Руси дань. Когда же Ярослав

Мудрый нанес им своими военными действиями значительный ущерб, они откочевали в Венгрию и Болгарию, где были ассимилированы.

Также домысленным было сообщение Никоновской летописи о поступлении на службу к Ярополку печенежского князя Илдея. Сведений о службе печенежских вождей русским князьям нет. Они со своими воинами являлись только наемным войском. Само социально значимое выражение «бить челом в службу» отмечается в средневековом русском языке XV–XVI вв., когда в середине XVI в. была написана Никоновская летопись. Поэтому следует сделать вывод, что текст о челобитии печенежского князя Илдея в службу Ярополку не относится к древнерусскому периоду. Завершающая фраза этой записи, в соответствии с которой Ярополк дал печенежскому князю Илдею «грады и власти (волости. — М. С.), и имяше его в чести велице», имеет обобщающий характер и лишена конкретного исторического содержания. Таким образом, запись Никоновской летописи о печенежском князе Илдее относится к историко-литературному творчеству авторов этого летописного свода, которые таким образом домывляли ограниченную информацию о времени правления Ярополка в тех исторических источниках, которыми они располагали.

Автор или авторы Никоновской летописи отнесли к 6487/979 г. также посольство к Ярополку не названного по имени «греческого царя». Цель посольства — заключение мира с Ярополком. Оно обязалось также выплачивать ему дань («яшася ему по дань»), как его отцу и деду, т. е. князьям Святославу и Игорю. В Византии в этом году были два императора-соправителя — Василий II и Константин VIII. В исторических источниках нет сведений о том, что произошли события, которые могли бы иметь следствием византийское посольство в Киев с такими целями. Напротив. Опаснейший для империи противник, князь Святослав, погиб. Как следует из текста заключенного Святославом в июле 971 г. мирного договора, отношения между Русью и Византией устанавливались союзные. Русский князь обязывался не нападать на имперские владения, не наводить на них другие народы и воевать против врагов Византии. Сведений о выплате империей дани Руси нет [ПВЛ. 1996. С. 34–35]. Не сообщает о такой дани и Лев Диакон, когда русское войско вынуждено было уйти из Доростола и вернуться на Русь [Лев Диакон. 1988. С. 81].

В тексте сохранившегося русско-византийского договора 944 г. также нет сведений о выплате империей дани Руси. В ПВЛ сообщалось лишь о дани-откупе Византии, которая предотвратила тем самым вторжение огромного войска Игоря в ее пределы [ПВЛ. 1996. С. 23–26].

Таким образом, нет сведений о том, что и сообщение Никоновской летописи о византийском посольстве к Ярополку в 6487/979 г. достоверно. Напротив, весь комплекс сохранившихся известий указывает на то, что оно вымышлено. Его появление объясняется пронизывающей Никоновскую летопись идеологией прославления России середины XVI в. и ее прошлого, что соответствовало господствующим в стране идеям того времени (см. ранее,

с. 617–618). Вероятно, только так можно объяснить исполненную исторических несоответствий запись о появлении у Ярополка посольства не названного по имени «греческого царя», который без объяснения достоверных причин обязывался платить дань Руси.

Другое сообщение Никоновской летописи, о прибытии к Ярополку в 6487/979 г. послов из Рима от папы без указания его имени и целей посольства, также не подтверждается историческими источниками. Не ясно, какой римский папа имелся в виду. Бонифаций VII (974, 984–985) не мог исполнять обязанности понтифика и вскоре после избрания бежал в Византию. Бенедикт VII находился под постоянным влиянием германских королей и императоров Священной Римской империи Оттона II (955–983) и его сына Оттона III (980–1002). Даже миссионерская деятельность в языческих странах зависела тогда от германских королей и императоров, поскольку они обладали правом инвеституры миссийных епископов. Как следует из исторически достоверных сведений хроники Продолжателя Регинона, которым являлся участник событий Адальберт, княгиня Ольга, стремившаяся укрепить христианскую организацию на Руси, в 959 г. отправила посольство с просьбой прислать на Русь епископа и священников не к папе, а к германскому королю Оттону I, отцу Оттона II. Именно Оттон I поставил в епископы Руси Либуция. А когда тот умер 15 февраля 961 г., именно король поставил миссийным епископом Адальберта, автора продолжения хроники Регинона, и обеспечил миссию средствами. В 962 г. Оттон I стал императором. Именно он учредил в 968 г. архиепископство в Магдебурге для распространения и укрепления христианства у западославянских племен за Эльбой и Салой (Заале), а также поставил там главой церкви Адальберта, как написано в императорской Учредительной грамоте, «некогда назначенного и посланного для проповеди ругам (русам. — *М. С.*)» [Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1989. С. 32–44; *Назаренко А.В.* 1993. С. 101–130; см. там же литературу проблемы].

Таким образом, сообщение Никоновской летописи о посольстве римского папы к Ярополку в 6487/979 г. лишено конкретного содержания.

Ко времени правления Ярополка отнесено в Никоновской летописи сообщение о произошедших тогда природных явлениях. Впрочем, и оно лишено какой-либо исторической конкретности: «Знамение. Того же лета быша знамения в луне, и в **солнце** и в **звездах**, и быша **громи велицы и страшни**, и **ветри силни с вихром**, и много пакости бываху человеком, и скотом, и зверем лесным и полским». Близкая по времени написания Степенная книга содержит ту же лексику при описании природных явлений в XV — середине XVI в.: «Таже месяце априля 9 бысть буря **велия с вихром сильным и туча страшна** зело з дождем и з градом великим паче обычая»; «Сказание о знамениях различных. <...> Бысть же в лето 6978, месяца априля 15, в неделю цветную, по вечерни во 12 часу дньи бысть знамение: в **солнцы** явися круг на небеси единым краем посреди небеси другим же пустися к западу <...>. В лето

6980, ноября 9, явися на небеси **звезда** велика <...>. Тогда же по крещении Христове явися другая **звезда**. <...> Потом же наставшу лету 6985, сентября 1, **гром бысть велий** <...>, мнози людие видеша **звезды** с небеси, яко дождь падаху на землю <...>» [ПСРЛ. 1913. Т. 21, ч. 2. С. 454, 579–580]. Число таких примеров можно значительно увеличить. Все они относились к знамениям в виде природных явлений, но им свойственна конкретность изложения.

Таким образом, можно сделать вывод, что обобщенное описание в Никоновской летописи природных явлений, произошедших в 6487/979 г. в княжение Ярополка, но написанное в лексике XVI в. и традиционно для этого времени озаглавленное «Знамение», относится к середине XVI в.

Наблюдения над текстом Никоновской летописи о времени правления Ярополка свидетельствуют о том, что в этом летописном тексте последовательно домысливались сообщения, которые должны были расширить повествование об этом княжении. Эти дополнения сделаны в системе мышления и лексики людей середины XVI в.

В.Н. Татищев, который хорошо изучил тексты Радзивилловской и Никоновской летописей, последовал за пространным повествованием второй из них. В свойственном второй редакции «Истории Российской» стиле Татищев дополнил его переводом-комментарием в соответствии с лексикой первой половины XVIII в. Но важно отметить, что он опустил запись Никоновской летописи о посольстве к Ярополку от римского папы. Объяснить это можно тем обстоятельством, что Татищев критически отнесся к данному тексту. Он не нашел доводов, логических и исторических, которые могли бы подтвердить достоверность или возможность такого сообщения. Не случайно Ломоносов, который привел в своей «Истории» сообщение о послах от папы, привел в его подтверждение дополнительную аргументацию. Он сослался в качестве обоснования на «новгородских писателей», хотя память обманула в данном случае великого ученого — в новгородском летописании таких сведений нет. Впрочем, главными для Ломоносова стали доводы логические — «по обстоятельствам поверить можно». Эти «обстоятельства» — войны Руси с Византией и «множество христиан в Киеве». Еще одним доводом для Ломоносова стало упоминание папских послов к Владимиру Святославичу в легендарном сказании о «выборе вер». Впрочем, эти обстоятельства не являлись доказательствами достоверности сообщения о посольстве римского папы к Ярополку в 6487/979 г. Отрицательное отношение к такому известию Татищева свидетельствует о возможности критического его анализа уже в середине XVIII в.

Впрочем, В.Н. Татищев с доверием отнесся к тексту Никоновской летописи о посольстве к Ярополку византийского императора. Но и ему пришлось подыскивать «обстоятельства» в обоснование такого сообщения, о котором нет других сведений. Он дополнил сообщение летописи условиями договора Святослава с Византией в 971 г.

Вероятно, данное известие Никоновской летописи, не находящее подтверждения в других исторических источниках, а также попытка В.Н. Татищева удостоверить его нормами договора Святослава не убедили М.В. Ломоносова в реальности такого события. Поэтому он о посольстве «греческого царя» к Ярополку в 6487/979 г. ничего не написал, что стало особой формой выражения критического анализа домысленного текста Никоновской летописи, как ранее поступил Татищев по отношению к сообщению о посольстве к Ярополку в том же году послов от папы.

Таким образом, сравнительный анализ изложения в исторических трудах В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова времени правления Ярополка свидетельствует о том, что оба историка руководствовались прежде всего текстом Радзивиловской летописи и, тем самым, входившей в ее состав ПВЛ. Стремление пополнить ее ограниченные сведения привело их к использованию тех дополнительных известий на эту тему, которые появились в позднем летописании середины XVI в. Татищев и Ломоносов не ставили вопрос о степени достоверности этих известий, полагая адекватными сообщения всех древних исторических произведений вне времени их происхождения. Но практика исторического исследования формировала в них критический подход к анализу известий исторических источников. Это был не только рационалистический логический метод, но также научный прием сравнения известий разных по происхождению источников. Такой исследовательский прием имел следствием постепенное формирование у Татищева и Ломоносова критического подхода к использованию известий исторических источников. Поэтому они в полной мере обоснованно исключили из своих трудов те известия Никоновской летописи, которые не подтверждались сведениями других источников, или стремились привести к использованным таким сообщениям дополнительные материалы. Так в молодой российской исторической науке формировался критический метод использования в исследованиях исторических источников.

Что касается сообщения Никоновской летописи о природных явлениях как о «знамении» в княжение Ярополка, то оно написано в столь неопределенных и обобщающих выражениях, что его конкретный анализ как достоверного сообщения невозможен. В.Н. Татищев и М.В. Ломоносов лишь повторили его в своих исторических трудах. Для Ломоносова оно имело особый интерес в связи с его предшествующим опытом помора, для которого атмосферные приметы были знаками будущей погоды, а также современного исследователя, который изучал явления природы, в частности, атмосферное электричество. Показательно, что при чтении Степенной книги, принадлежавшей ранее Я.В. Брюсу, Ломоносов отметил описания в ее тексте природных катаклизмов, озаглавленных по-средневековому «Знамение» (см. ранее, с. 625)). Излагая природные явления 6487/979 г. по Никоновской летописи, он написал, что эти явления лишь устрашали народ, предвещая «великих перемен несчастье». Тем самым средневековое «Знамение» он изложил как факт

коллективной средневековой психологии. В соответствии с петровской традицией Татищев и Ломоносов устранили из него религиозно-мистическую составляющую. Особо последователен в этом был Ломоносов.

Как отмечено ранее, М.В. Ломоносов писал «Историю» в век Просвещения, когда исторический процесс стал изучаться как развитие цивилизации. То есть, кроме истории военно-политической и династической анализировались факторы природно-климатические, развитие армии и вооружений, ремесел, торговли, культуры, в частности, духовно-религиозной жизни. В российской историографии этот метод был активно поддержан В.Н. Татищевым, который во второй редакции «Истории Российской» посвятил таким темам первый том.

Работая над «Историей», М.В. Ломоносов поступил аналогичным образом. Последовательно излагая военно-политическую и династическую историю Руси до времени правления Владимира Святославича языческого периода, он особый экскурс посвятил характеристике языческого пантеона и религиозных верований восточных славян [постановку данной проблемы как историко-этнографической см.: *Бомштейн Г.И.* 1956. С. 94–102].

Начиная этот экскурс, М.В. Ломоносов написал: «Самодержавного своего в России государствования Владимир полагает начало мнимым благочестием по древнему предков многобожию, однако и заблуждением показывает в себе способность к принятию веры в единого истинного Бога» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 251]. В этих наблюдениях Ломоносов пронизательно соединил историю российской государственности в языческий период, религиозную политику Владимира, а также внутренние связи его княжения в языческий и христианский периоды.

Языческий пантеон этого времени, по М.В. Ломоносову, иерархичен. Верховный бог — Перун. Устанавливая его атрибуты — громы и молнии, Ломоносов пришел к выводу: «Перун был Зевес древних наших предков». Такое отождествление стало продолжением и развитием установления сходства Ломоносовым Перуна и древнеримского Юпитера в материалах, которые он собирал для «Российской грамматики» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952б. Т. 7. С. 709]. Эти наблюдения не только обоснованы, но и научно перспективны, поскольку они позволяли позднее поставить научный вопрос о месте бога-громовержца и о его атрибутах в пантеоне языческих богов у индоевропейских народов. В.Н. Татищев учел в этом ряду и древнескандинавского Тора [*Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 101]. Ломоносов, вероятно, решил сосредоточиться на сравнении восточнославянского и античного пантеонов. Данные наблюдения позволяли ему последовательно проследить историю древних славян в едином контексте с народами Древней Греции и Рима, что не только соответствовало принципам классицизма, но имело также научные основания, поскольку эти народы являлись разными ветвями одного индоевропейского древа.

При указании восточнославянских языческих богов М.В. Ломоносов руководствовался прежде всего сведениями летописей, содержащих в своем составе труд «Нестора» (ПВЛ), а также «Синописисом».

В полной мере обоснованно М.В. Ломоносов не стал рассматривать функции указанных в летописях других богов пантеона времени Владимира — Хорса, Дажьбога, Стрибога, Семаргла и Мокоши. Письменные источники, содержащие дополнительную, хотя и ограниченную информацию об их происхождении и функциях, еще были неизвестны, а этимология их имен и семантика, позволявшие их раскрыть, появились только в XIX в. Руководствуясь сведениями Радзивиловской летописи и, соответственно, ПВЛ, вслед за «Синописисом» Ломоносов характеризовал Волоса как второго по значению восточнославянского бога — покровителя скота. Обозначив эту функцию, Ломоносов показал отличия Волоса от римских «божков», которые также являлись покровителями скота. Руководствуясь «Синописисом», он назвал «Погвизд, Похвист» бога, отождествленного в «Синописисе» с погодными явлениями — ветром, дождем, засухой. Но Ломоносов продолжил сопоставление восточнославянского пантеона с античным и пришел к выводу, что это — «Эол российский».

Если М.В. Ломоносов вслед за В.Н. Татищевым только начинал научное изучение восточнославянского пантеона, то в изучении народных религиозных верований как составной части исторической этнографии он сделал существенные наблюдения.

М.В. Ломоносов поддержал мысль И. Гизеля о существовании славянского бога Ладо. Это мнение обобщено и дополнено В.Н. Татищевым. По его наблюдениям, «Дидо, богиня любви и брака, подобна Венере», «Ладо или Лело, сын Диды, равный Купиде» [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 101]. Ломоносов внес существенные коррективы в эти суждения. По его наблюдениям, расширяющим и уточняющим сведения «Синописиса», имена этих богов и в современных ему «любовных простых песнях, особливо на брачных празднествах, упоминаются со многим повторительным восклицанием». Эти историко-этнографические наблюдения позволили ему сделать вывод, в соответствии с которым славянская Лада аналогична Венере, Дида и Лель — купидонам, и в древности они почитались покровителями любви и брака [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 251]. Те же отождествления Лады и Леля в материалах к «Российской грамматике» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952б. Т. 7. С. 709]. Данный вывод стал началом исследовательской традиции до нашего времени [Рыбаков Б.А. 1987. С. 126–127].

Продолжая тему древних религиозных верований, существовавших в христианский период российской истории, М.В. Ломоносов отметил праздник Купалы. Ломоносов обратил особое внимание в нем не на приуроченность к дню летнего солнцестояния — в ночь с 23 на 24 июня, день Ивана Купалы (в честь Иоанна Крестителя), на чем останавливалось большинство

последующих исследователей, а на празднование его перед началом сенокоса и жатвы. Иванов день был тесно связан с культом растений [Зеленин Д.К. 1991. С. 398; Максимов С.В. 1995. С. 623]. Поэтому Ломоносов не только характеризовал Купалу как «бога плодов земных», подобно «Синописису», но и соотнес их с древнеримскими Церерой и Помоной. Дополняя «Синописис», он отметил в этом празднике также древние по происхождению «ночные игры, особливо скакание около огня», а также день Аграфены, святой Агриппины, которая, по его словам, «по древнему идолу проименована от простонародия Купальницею» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 251–252]. Праздник Аграфены-купальницы 23 июня, сопровождаемый купаниями в реке, был особо распространен в Вологодской губернии [Максимов С.В. 1995. С. 620–621]. Видимо, в соседней Архангельской губернии, на родине Ломоносова, этот праздник также почитался.

Вслед за «Синописисом» М.В. Ломоносов назвал также Коляду — другого языческого бога, которому поклонялись и в христианский период. Он отметил, что празднование Коляды имеет общехристианское распространение. Оно совершается через полгода после Купалы и не связано с сельскохозяйственным трудовым циклом. По «Синописису» Ломоносов написал об использовании в этом празднике масок, о прославлении Коляды в плясках и песнях. Но он эти сведения проанализировал как ученый. Сопоставляя аналогичное празднование Коляды в России и у «иностранных народов», которые не знают даже такого «имени», Ломоносов предположил, что Коляда аналогична древнеримскому двуликому богу Янусу. Отсюда использование во время празднования масок [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 252].

Такое предположение было в полной мере обоснованным. Оно стало конструктивным началом того исследовательского направления, которое изучало возможности распространения древнеримского культа у других народов Европы, в том числе славян [Веселовский А.Н. 1883].

Расширяя возможности изучения восточнославянской языческой религиозной культуры, М.В. Ломоносов отметил обожествление рек и, шире, текущих вод. К религиозным обрядовым действиям, относившимся к такому обожествлению, он отнес купания и жертвоприношения людей. О проницательности Ломоносова в изучении истории русской народной культуры свидетельствует его наблюдение над обливанием водой «у простонародья» тех, кто в Велик день, т. е. в Пасху, проспит утреннее пение в церкви [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 252]. Это наблюдение имело возможности его расширения и на другие виды ритуальных обливаний, которые, как было установлено позднее, символизировали древнейшие человеческие жертвоприношения посредством утопления [Велецкая Н.Н. 1978. С. 42–51]. В качестве конкретного примера языческого человеческого жертвоприношения Ломоносов привел рассказ ПВЛ, сохраненный последующей летописной традицией, о решении «старцев и бояр» (в соответствии с жанром повествования Ломоносов их назвал «жрецами»)

принести в жертву варяга и его сына, которые жили в Киеве [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 252]. Судя по отсутствию имени сына варяга, Ломоносов использовал древнейшую версию этого рассказа по Петровской копии Радзивилловской летописи, а не в его более поздней переработке по Степенной книге, где у сына варяга появилось имя Иван [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 40; ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 70–71]. В таком подходе к разным редакциям этого летописного повествования также проявилось стремление Ломоносова при работе над «Историей» к критическому подходу к нему.

Данные разыскания были важны для М.В. Ломоносова тем, что они, в частности, свидетельствовали о сходстве «древнего многобожия в России» «с греческим и римским». В их подтверждение он привел и другие возможные аналогии — древнерусского Полкана, богатыря с песьей головой, который, вероятно, в XVII в. трансформировался в русском фольклоре в получеловека-полулошадь, и античного кентавра, мифических гигантов и восточнославянских великанов вóлотов, античных нимф и восточнославянских русалок, Нептуна с тритонами и былинного царя морского с «чудами». В материалах к «Российской грамматике» он привел список богов древнеримского пантеона в сопоставлении с древнерусскими божествами. В этом ряду существенно сопоставление Ломоносовым восточнославянского «чура» как обозначения границы, запрета с древнеримским богом границ и межей Термином, поставленным, по словам Ломоносова, «на меже между пашнями» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 253; Т. 7. С. 709]. Это наблюдение предшествовало последующим разысканиям об этимологии и семантике восточнославянского «чур» [Фасмер М. 1987. Т. 4. С. 385; ЭССЯ. 1977. Вып. 4. С. 134; Толстой Н.И. 1995. С. 364–370].

Экскурс, посвященный верованиям в дохристианский период российской истории, позволил М.В. Ломоносову показать Русское государство того времени как государственную целостность, военное, политическое, династическое проявление которой существовало тогда, когда в стране еще господствовало язычество. Ломоносов продолжил традицию Петровского времени в сопоставлении восточнославянских и античных богов. В этой традиции он закладывал основы системного изучения генезиса и развития индоевропейского по происхождению языческого пантеона. Одновременно повествование о восточнославянских языческих богах позволяло показать религиозные обычаи тех суровых времен, смягчить которые могло преобразование народа и его князя Владимира Святославича под воздействием христианства.

Впрочем, М.В. Ломоносов не абсолютизировал такое воздействие. Главным для него было внутреннее преобразование правителя. Поэтому, излагая историю Руси, он вернулся к ее аналогии с Римской империей, сопоставляя Владимира с императором Августом: «Подобясь Августу, строгостию начал владение, совершил кротостию». Но такого сравнения для раскрытия внутреннего преобразования Ломоносову показалось, видимо, недостаточно, и он,

уже как литератор, продолжил изложение объективной закономерности внутреннего преобразования Владимира в образах: «как в начале весны сильная наводнением река с оторванными берегами вниз стремится, потом до окончания лета между плодоносными полями кротко протекает» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 254].

Обозначив таким образом состояние Российского государства в начале киевского княжения Владимира Святославича, М.В. Ломоносов продолжил изложение его военно-политической истории, дополняя лаконичные сообщения Радзивилловской летописи материалами других источников, что создавало в соответствии с принципами просветительской историографии широкий историко-культурный фон. При этом становилось очевидным, что Русь — государство, которое восстановило свое могущество в правление Владимира после братоубийственных распрей.

М.В. Ломоносов написал о восстановлении Владимиром «подданства» тех народов, которые «отступили» от него после гибели Святослава и последовавшего «братоубийственного в России междоусобия». Краткое сообщение Радзивилловской летописи о походе Владимира на поляков и завоевании им так называемых Червеньских городов Ломоносов дополнил указанием по польскому историку XVII в. М. Кромеру, в соответствии с которым эти города подчинялись ранее польскому князю Мечиславу. Так назван польский князь Мешко I. Чтобы показать его значимость, Ломоносов написал, что Мешко просил у папы титул короля, впрочем, безуспешно. Сведений о таких претензиях Мешко в исторических источниках нет. Возможно, Ломоносов предположил их, учитывая факт королевской коронации его сына и наследника могущественного польского князя Болеслава Храброго, о чем он здесь же и написал: «Судьба определила оное (королевское достоинство. — М. С.) наследнику его, Болеславу Храброму». Эти данные указывали, что на западных рубежах Руси находился сильный противник, но в столкновении с Владимиром Мешко «принужден был уступить России Перемышль, Червень и другие городы», как деликатно по отношению к Польше и ее князю написал Ломоносов [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 254].

Продолжая изложение внешнеполитической деятельности Владимира, М.В. Ломоносов отметил, что пределы его владений находились теперь в безопасности с запада, а с севера русский князь всегда находился в мире со шведами. Поэтому вслед за Радзивилловской летописью он написал о войнах против вятичей и ятвягов, добавив от себя — «и другие страны». Это добавление, вероятно, было нужно Ломоносову, чтобы показать присоединение к Руси Владимиром новых земель не только мечом, указав также победу над радимичами, но также мирными методами («собственным их произволением»).

Показательно изложение М.В. Ломоносовым восходившего к ПВЛ повествования о походе Владимира на волжских болгар. Оно имело сложную структуру. Его первая часть сообщала об историческом событии: «Иде

Володимер на болгары со Добрынею, уем своим, в лодьях, а торки берегом приведе на конех, и тако победи болгары». Последующий текст — основанный на фольклорной традиции литературный рассказ, включавший прямую речь. В нем излагается обращение к Владимиру его дяди по материнской линии Добрыни, который осмотрел взятых в плен болгар и увидел, что все они в сапогах. Поэтому он предложил искать противников полегче — «лапотников». Владимир заключил скрепленный клятвой мир с волжскими болгарами, которые сказали при этом, что мир будет длиться до тех пор, пока камень не начнет плавать, а хмель тонуть («Толи не будет межи нами мира, олиже камень начнеть плавати, а хмель грязнути») [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 41].

Вероятно, такое летописное сообщение, несмотря на последующие летописные литературно-исторические дополнения к нему, показалось М.В. Ломоносову неполным в сравнении с развернутым повествованием о том же событии в Степенной книге и в «Истории Российской» В.Н. Татищева.

В Степенной книге традиция текста ПВЛ о походе Владимира на волжских болгар в 6493/985 г. была сохранена, но в ней были приведены разъяснения в соответствии с реалиями XVI в. В перечне победоносных походов Владимира под этим годом сообщалось: «<...> и нижние болгары, волжския и камския покори под ся, иже тако тогда тии болгаре мирный завет дающее самодержцу Владимиру и сице глаголаша <...>» [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 69–70]. То есть, вследствие долгой традиции отношений с Казанским ханством, включенным в середине XVI в. в состав России, в Москве настолько хорошо знали о расселении его народов по Волге и Каме, что автор или авторы Степенной книги конкретизировали сообщение, восходившее к ПВЛ, о расселении древних волжских болгар.

Когда В.Н. Татищев работал над второй редакцией «Истории Российской», ему также показалось, что летописные сведения о походе Владимира на волжских болгар недостаточны. Дополнительные сведения, содержащиеся в рассказе о нем Татищева, не подтверждаются историческими источниками, а их содержание объясняется логическими размышлениями автора.

В тексте В.Н. Татищева сообщалось о том, что Владимир собрал «воинство великое». Поскольку Татищев ранее написал, что Владимир посадил своего дядю Добрыню в Новгороде «первым наместником», то он домыслил, что князь «призвал» в поход и своего дядю вместе с новгородцами. Указанных в летописях волжских болгар он принял за Первое Болгарское царство. Такой идентификации, кроме созвучия этнонимов, способствовало, вероятно, летописное указание кочевого народа торков, которые являлись в этом походе союзным вспомогательным войском. В исторической действительности конница торков в походе на волжских болгар была нужна русскому князю, поскольку его будущие противники располагали хорошо вооруженным конным войском. Но в первой половине XVIII в. данное обстоятельство было историкам еще не известно. Поэтому Татищев написал, что поход Вла-

димира был направлен против балканских болгар и сербов. Такое указание направления похода Владимира предопределяло последующее осмысление дополнительных обстоятельств военных действий Татищевым-историком. По его мнению, в таком походе должны были участвовать также ополчения юго-западных областей Руси — «волынян и червенских».

В.Н. Татищев домыслил и его цели: «многие нарушения» Болгарским царством («землей Болгорской») «прежних отца его и брата договоров и причиненные подданным его обиды, требуя от них награждения». Поскольку договоры Святослава Игоревича и Ярополка с Болгарским царством неизвестны, можно предположить, что Татищев в данном случае имел в виду русско-византийские договоры X в.

Последующее повествование В.Н. Татищева о походе Владимира на «болгар» было предопределено их идентификацией с Первым Болгарским царством. Они отказались выполнить требования Владимира и вместе с сербами сражались с русским князем. Но «по жестоком сражении» Владимир победил, «попленил землю их», по их же просьбе заключил мир, а, вернувшись «со славою» в Киев, «взятое разделил на войско и отпустил в дома их». При таком изложении событий приведенные в летописях слова Добрыни и «болгар» были неуместны, и Татищев их опустил [Татищев В.Н. 1963. Т. 2. С. 57–58].

Перед М.В. Ломоносовым стояла сложная проблема. Ему надо было выразить свое отношение к различающимся версиям изложения событий Радзивиловской летописью, Степенной книгой и В.Н. Татищевым.

Для М.В. Ломоносова поход князя Владимира в 985 г. стал не только одним из его военных предприятий, но также указанием восточного направления его политики, после того как он обозначил отношения Руси с соседними западными и северными странами и племенами: «Восточные соседы не чувствовали еще его храбрости». При изложении этих событий Ломоносов в полной мере обоснованно писал о волжских болгарях. Но, переосмысляя историческую информацию, он, кроме Радзивиловской летописи, учел также версии Степенной книги и В.Н. Татищева, передавая древнерусские слова литературным языком середины XVIII в.: «Того ради призывает дядю своего Добрыню с новгородскими **войски и, с ним совокупясь, Волгою на насадах вниз к болгарам пускается. Торки конною силою по берегам вслед на вспоможение поспешают.** Низовские и камские болгаре **по малом сопротивлении покорились и платить дань обещали с таким утверждением вечного мира** (далее следует перевод-изложение заключительных слов «болгар» по Радзивиловской летописи)» (полужирным шрифтом выделены слова, которых нет в Радзивиловской летописи, Степенной книге и у Татищева). Таким образом, Ломоносов не только исправил ошибку Татищева, но также раскрыл содержание событий, относившихся к организации и проведению похода князя Владимира на волжских болгар в 985 г.

Завершая обзор военно-политической деятельности князя Владимира в языческий период, М.В. Ломоносов написал об огромных пространствах его «владений» — на юг до реки Буга, от «предел азийских» до Балтийского моря. В связи с другими соседними землями, прибалтийскими Ливонией и Эстонией, он отметил, что, хотя они «иногда бывали под норманскими владетельми», в «государствование Владимирово» они платили ему дань. В обоснование этого мнения Ломоносов привел известие о таком сборе дани в соответствии с сагой о норвежском конунге Олаве сыне Трюггви, входившей в состав «Круга Земного». Но Ломоносов не ограничился этим указанием. В саге рассказывалось также о приключениях в земле эстов и на Руси Олава еще в юном возрасте. Спасаясь от преследований, он должен был бежать со своей матерью Астрид на Русь, в Гардарики, где конунгу Владимиру (Вальдамару) служил и находился в большом почете его дядя Сигурд. Поэтому Ломоносов обстоятельно изложил все события, о которых повествовалось в саге, начиная с пленения эстами Олава и его матери, до его освобождения, возрастания и службы Владимиру, пока Олав не вернулся в Норвегию, где стал конунгом [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 255–256; см. ранее, с. 663, 664].

Исландские и, шире, древнескандинавские саги очень сложны для анализа как исторический источник, и, в частности, источник по истории Древней Руси. Информация об исторических фактах преобразена в них фольклорным происхождением, а с XII в. и литературной традицией. Анализу саг как особого жанра литературных произведений и исторического источника посвящена значительная научная литература [в новейшей отечественной историографии см.: Рыздзевская Е.А. 1978; Стеблин-Каменский М.И. 1971; 1978; 1984; Гуревич А.Я. 1972; 1979; Джаксон Т.Н. 1991; 1993; 1994; 2000; Глазырина Г.В. 1996; 2000; см. там же историографию проблемы]. Но начало в отечественной исторической литературе обстоятельному изложению содержания исландских саг, содержащих сведения о русско-скандинавских политических и династических связях в древнерусский период, о службе скандинавов русским князьям, о социальном и политическом строе Руси X–XI вв., положил М.В. Ломоносов, что, видимо, не было учтено последующими исследователями. Этим наблюдения Ломоносова существенно отличались от упоминаний саг в работах Т.З. Байера и Г.Ф. Миллера, преимущественно сосредоточенных на этнополитических и историко-географических сюжетах, на определении характера деятельности варягов на Руси.

Подробное изложение М.В. Ломоносовым в «Истории» эстонского и русского эпизодов саги об Олаве Трюггвасоне может показаться неожиданным после предшествовавшего ему краткого, насыщенного исторической информацией повествования об истории российской. Такая композиция текста может быть объяснена назначением этой книги, посвященной истории России, — не только исследовательским, но также воспитательным и нравственным: «Обстоятельства, до особенных людей надлежащие, не должны

здесь ожидать похлебства (снисхождения. — *М. С.*), где весь разум повинен внимать праведную славу целого отечества: дабы пропущением надлежащая похвалы — негодования, приписанием ложныя — презрения не произвести в благорассудном и справедливом читателе» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 172]. Этому принципу Ломоносов последовал при изложении летописных рассказов о многоженстве князя Владимира в языческий период и о его женитьбе на полоцкой княжне Рогнеде. Впрочем, если для летописца, автора ПВЛ, и следовавшей за ним средневековой традиции эти темы должны были показать особое значение преображения Владимира в христианский период, то Ломоносову важно было изложить российскую историю, которая персонифицировалась в ее князьях.

В продолжение критического изложения летописных известий М.В. Ломоносов особо остановился на определении династической принадлежности Святополка, сына убитого по приказу Владимира Ярополка Святославича. Автор ПВЛ и следовавшая за ним летописная и агиографическая традиция называли его одним из сыновей Владимира, чтобы осудить Святополка за братоубийство канонизированных Бориса и Глеба, а также Святослава Владимировича по библейской модели Авель—Каин. Объяснения причины произошедших событий в историографии XIX—XX вв. были многочисленны и различны — борьба за единовластие, указанная еще автором ПВЛ (И.Д. Беляев, М.С. Грушевский, А.Е. Пресняков, Б.Д. Греков), психологическая (Н.М. Карамзин), отношения старейшинства в княжеском роде (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), внутрдинастическая борьба (Н.И. Костомаров), следствие «неудержимого разложения родовых отношений» и «результат отлучки боеспособного населения» в Киеве (И.Я. Фроянов), отсутствие на Руси сложившегося «порядка престолонаследия» (Р.Г. Скрынников), нарушение порядка престолонаследия (В.И. Буганов) [историографию см.: *Свердлов М.Б.* 2003а. С. 314–317].

В отличие от этих и многих других мнений М.В. Ломоносов при анализе династических событий 1015 г., последовавших после смерти Владимира Святославича, учитывал сведения, восходившие к ПВЛ. Из них следовало, что, по словам Ломоносова, «братоубивец Святополк, хотя числится между детьми Владимировыми, однако справедливым сомнением больше Ярополку приписан быть должен». Поэтому в качестве причины убийства Святополком своих двоюродных братьев Ломоносов указал его «требование первенства во владении, потому что он рожден от старшего Владимирова брата». К этой причине Ломоносов добавил в стиле своего времени и фактор психологический — месть Святополка детям Владимира за убийство отца [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 258].

Следует отметить, что в отличие от последовавших многочисленных мнений именно вывод М.В. Ломоносова об определяющей причине произошедших событий в существовавшем во второй половине X в. праве на киевское

княжение старшей княжеской ветви является в полной мере обоснованным. Этот вывод следует из изложения династических событий в ПВЛ и не подвержен внеисточниковым интерпретациям. Он подтверждается всеми историческими источниками и контекстом исторических событий 1014–1018 гг. М.Б. Сverdлов пришел к такому же выводу [см.: *Свердлов М.Б.* 2003а. С. 308–344], но, к сожалению, при изучении историографии проблемы он не учел, что такое мнение было ранее высказано Ломоносовым. Таким образом, наблюдения Свердлова лишь подтвердили его проницательную мысль.

Особую по значимости тему — крещение Руси в княжение Владимира Святославича — М.В. Ломоносов рассмотрел в соответствии с традицией, восходившей к ПВЛ, как выбор веры или «рассмотрение вер» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 258–267]. Такое изложение данной темы продолжалось до исследований В.И. Ламанского, который предположил, что повествующий о выборе веры текст ПВЛ, так называемая «речь философа», является особым произведением, повествующим о миссии славянского просветителя Константина-Кирилла к хазарам. Отсюда следует, что под безымянным «философом» в ПВЛ следует подразумевать Константина (ок. 827–869) [*Ламанский В.И.* 1915. С. 176–177]. Следует отметить, что Ломоносов первым попытался идентифицировать летописного «философа», названного в предании о «выборе веры». Видимо, этот «философ» отождествился у него с Константином в «Сказании о предложении книг на словенский язык», которое читалось в Радзивилловской летописи и ранее, соответственно, в ПВЛ, где сообщалось о Константине как о проповедующем у разных народов просветителе [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 18–19].

М.В. Ломоносов был последователен в стремлении расширить сведения о таком важном событии, как крещение Владимира и Руси. Поэтому он указал в «Истории» помещенное в качестве приложения к «Ядру церковной истории» (1678) Христофора Занда вымышленное в Польше письмо половчанина Ивана Смеры. В соответствии с ним, Владимир направил этого половчанина для испытания вер. Тот крестился в Александрии Египетской и отправил Владимиру письмо [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 264–265, 587; *Ломоносов М.В.* 1902. Т. 5. С. 256–257, вторая пагинация].

В Радзивилловской летописи и, соответственно, в древнейшей летописной традиции не указано имя курсунского епископа, который крестил Владимира в «церкви святое Богородицы» [ПСРЛ. 1989. Т. 38. С. 51]. Можно предположить, что М.В. Ломоносов назвал Иаковом епископа, совершившего обряд крещения, в соответствии с повествованием Никоновской летописи о крещении Владимира в церкви св. Иакова [ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 98; *Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 265–267].

В исторических источниках сведений о первоначальной организации Русской церкви крайне мало. В древнейших летописных сводах и в традиции, продолжавшей ПВЛ, лишь сообщалось под 6496/988 г., что Владимир

взял с собой из Корсуни «царицу», свою жену Анну, священника Анастаса и «попы корсуньски». Поэтому уже в середине — третьей четверти XVI в. авторы Степенной книги и Никоновской летописи домыслили, что тогда же на Русь был поставлен Михаил, «родом сирий», т. е. сириец, к Владимиру пришли послы из Рима от папы с мощами святых и печенежский князь Метигай, который, уверовав, принял крещение [ПСРЛ. 2000. Т. 9. С. 57; ПСРЛ. 1908. Т. 21, ч. 1. С. 102–103].

Вопрос об имени и времени назначения первого русского митрополита обсуждается до нашего времени [Янин В.Л. 1970. С. 51; Щапов Я.Н. 1989. С. 23–30]. Первый достоверно известный митрополит Феопемпт имел титул «митрополит России», как следует из надписи на принадлежавшей ему печати: «Κ[όρυ]ε β[οή]θει Θεοπέμπτο μ[η]τροπ[ο]λ[ί]την Ῥοσσία[ς]» — «Господи, помози Феопемпту, митрополиту России» [Янин В.Л. 1970. С. 44]. По мнению А. Поппэ, Феопемпт (ок. 1035 — 1040-е гг.) являлся третьим митрополитом. Ему предшествовали первый митрополит Феофилакт (988 — до 1018 г.), севастикийский епископ из византийской провинции Армения Вторая, и Иоанн I (до 1018 — ок. 1030 г.) [[Поппэ А.] 1989. С. 191–193; см. там же указание предшествующих исследований А. Поппэ на эту тему]. Но в XVIII в. данные источниковые материалы были неизвестны. Поэтому определяющее значение при выявлении имени первого русского митрополита имели сведения Степенной книги и Никоновской летописи. Эти сведения учел и некий просвещенный человек Иоаким, автор «Истории», отрывок из которой имел в своем распоряжении В.Н. Татищев. Там был указан в качестве первого русского митрополита Михаил [Татищев В.Н. 1962. Т. 1. С. 112; об Иоакиме и его «Истории» см.: Свердлов М.Б. 2009. С. 76–93]. М.В. Ломоносов, назвав вслед за Никоновской летописью и Степенной книгой первого русского митрополита Михаилом, обозначил и саму эту проблему изучения начальной истории Русской Церкви.

Вследствие незначительных сведений об организации Русской Церкви в первый период после ее создания и деятельности Владимира после крещения М.В. Ломоносов изложил те сообщения, которые содержались в Степенной книге и Никоновской летописи.

Важнейшую в отечественной истории тему — крещение Руси — М.В. Ломоносов изложил, основательно переработав рассказы об этом событии в Радзивилловской летописи и Степенной книге. Их лаконичные повествования Ломоносов дополнил подробностями, отсутствующими в исторических источниках, но придающими изложению наглядность и изобразительность. Этот метод он продолжил в сюжетах о низвержении идолов и крещении киевлян с деталями, отсутствующими в исторических источниках [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 268–269]. Такое литературное расширение в научном тексте «Истории», кроме философских основ, определялось эстетикой классицизма, подразумевавшего оживление повествования занимательностью.

Н. Буало писал о поэтическом творчестве: «Без этих вымыслов поэзия мертва, / Бессильно никнет стих, едва ползут слова, / Поэт становится оратором холодным, / Сухим историком, докучным и бесплодным» [*Сигал Н.А.* 1957. С. 85]. Опасность прослыть «сухим историком, докучным и бесплодным» тогда, когда в числе будущих читателей «Истории» могли быть императрица и высокие покровители, побуждала М.В. Ломоносова включать в текст «Истории» внеисточниковые дополнения. Но показательно, что Ломоносов не пошел путем Татищева в вымысле фактов. В повествовании о свержении идолов и крещении киевлян он позволил себе дополнить летописные известия лишь занимательными для читателя подробностями.

Преимущественно вслед за Никоновской летописью и Степенной книгой М.В. Ломоносов написал о строительстве князем Владимиром на Руси городов, об укреплении церковной организации посредством поставления епископов «по городам российским», строительства церквей и учреждения церковной десятины. В данной связи он остановился на началах христианизации Руси, внося в эту проблему историческую перспективу. Столь же важно указание Ломоносова на то, что миссионерская деятельность не названных им Константина-Кирилла и Мефодия имела значение для крещения не «россиян», а «славян дунайских», тогда как их перевод церковных книг в Моравии имел общеславянское значение. В этих наблюдениях Ломоносов следовал за обстоятельным анализом источников В.Н. Татищевым [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 270–271; ср.: *Татищев В.Н.* 1962. Т. 1. С. 102–106]. Но это было важно для российского читателя, поскольку впервые в России в изданной типографским образом книге был показан долгий и сложный процесс распространения христианства на Руси, завершившийся его утверждением в качестве государственной религии.

Особое значение имела характеристика М.В. Ломоносовым раздела князем Владимиром своего государства между сыновьями. Его предшественники в изложении этого исторического события — Петр Великий и В.Н. Татищев — решительно осудили Владимира как деятеля политические [см. ранее, с. 204; *Татищев В.Н.* 1963. Т. 2. С. 234, примеч. 191]. В отличие от них Ломоносов впервые определил причину раздела Владимиром «своей державы» как историк. По его мнению, Владимир стремился предотвратить борьбу между сыновьями за ее раздел после его смерти. Новую политическую систему государства он характеризовал как сохранение его политического единства и верховного значения киевского великого княжения, но при делении земель на уделы.

Такое определение политического строя Руси начала XI в. стало для исторической науки второй половины 50-х — первой половины 60-х гг. XVIII в. замечательным открытием. Оно аналитически устанавливало за описательной информацией нарративных источников новое явление в истории государственного строя Руси — формирование его иерархической феодальной

структуры: сохранение политического и территориального единства страны, но при передаче сыновьям великого князя «разных княжений на содержание». В этом явлении Ломоносов самостоятельно установил в раннесредневековой Руси те же общественно-политические процессы, что и просветители середины XVIII в. в раннесредневековой Западной Европе [*Свердлов М.Б.* 1996а. С. 26–34]. Тем самым он включил Русь в единые общеевропейские закономерности исторического развития. Многочисленные сведения о политических и династических связях Ярослава и его преемников с правящими династиями европейских стран и Византии, приведенные Ломоносовым, свидетельствовали о постоянном присутствии Руси в общеевропейском контексте того времени.

Изложение основных событий в первом томе «Российской истории» М.В. Ломоносов завершил княжением Ярослава Мудрого. Но его концепция последующей российской истории до правления Петра Великого в полной мере раскрыта в «Летописце».

4. Краткий обзор политической истории: от «многих смятений» до Петра Великого

Для М.В. Ломоносова Россия с X в. до первой четверти XVIII в. — единое политическое пространство, находившееся в разные периоды в различном территориальном, военном и политическом состоянии. Основное содержание российской истории он раскрывал в смене пришедших в упадок политических центров новыми, военно-политически активными, в смене периодов раздробленности и слабости временем политического единства и военной мощи. В таком ее понимании он следовал за Петром Великим. Но хотя Ломоносов вслед за В.Н. Татищевым раскрыл содержание исторического развития Российского государства в первоначальном «самодержавстве» великокняжеской власти, в последующем времени уделов и «вольных городов», на смену которому вновь пришло «самодержавство», но уже великих князей московских и царей, основными фактами российской истории являлись для него события политические.

История России после «Батыева нашествия» заключалась, по М.В. Ломоносову, преимущественно в «защитении отечества» с запада от шведов и немцев, с востока — от Орды великими князьями владимирскими, с XIV в. прежде всего князьями московскими. Последующая российская история определялась постепенным возрастанием особого значения Москвы, которая в княжение первого московского князя Даниила Александровича «начала приуготовляться быть столицею всероссийскою». Деятельность каждого из этих князей имела, по Ломоносову, самостоятельное содержание, так что

в этом ряду Александр Ярославич Невский не был им особо выделен. В указаниях Ломоносовым русских князей XIII — первой половины XV в., прежде всего владимирских, московских, тверских, их деятельности выразилась его значительная предварительная работа с летописями и Степенной книгой.

М.В. Ломоносов раскрыл сложный военный-политический и династический смысл основных событий истории северо-восточных и северо-западных русских земель в XIV в., которые способствовали победе князей московских в борьбе за политическое первенство. В этих событиях он понимал временное равенство противоборствующих сил, что позволило ему сохранить историзм в основном содержании этого процесса.

В повествовании о данном периоде также прослеживается в «Летописце» предшествующая работа М.В. Ломоносова с историческими источниками. Если при чтении Патриаршего списка Никоновской летописи он подчеркнул название Мамай *князем*, что указывало на его более низкое положение в сравнении с «царями» Чингизидами (см. ранее, с. 635), то в «Летописце» он эту мысль сформулировал как историк, чтобы обозначить статус беклярибека Золотой Орды Едигея: «Едигей, князь татарский, имевший, как Мамай, власть в Орде бо́льшую царской <...>» [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 317; о Едигее и его титуле см.: Почекаев Р.Ю. 2010. С. 178–195].

Кратко и объективно М.В. Ломоносов написал об обстоятельствах междукняжеской борьбы московского князя Василия Васильевича Темного с князьями галицкими, своим дядей Юрием Дмитриевичем и его сыновьями. Она завершилась после драматических и кровавых событий возвращением на великое княжение ослепленного Василия Васильевича. Его победу Ломоносов объяснил «желанием московского народа и радением всех князей и духовенства», что позволило ему не приносить в изложение событий недоказанных интерпретаций в отличие от последующих историков в XX в. и новейшем времени, которые характеризовали их как «феодальную войну».

Начиная с правления Ивана III, М.В. Ломоносов изложил основное военный-политическое и династическое содержание российской истории значительно более обстоятельно как завершение процесса объединения русских земель вокруг Москвы. Значительно опережая распространенное в исторической литературе XX в. определение XVII в. в России как «бунташного», он написал о «бунтах» в Новгороде и Пскове в царствование Алексея Михайловича. Волнения «черни» в Москве в этот период, по Ломоносову, «на бояр и судей ради неправды и взятков» изложены как обоснованные. В связи с их «успокоением» он отметил не только «присутствие и слова» государя, но также издание Уложения (1649 г.). Написал он о Степане Разине, о взятии им Астрахани и «других низовских городов», о совершенных им «многих убийствах и разорениях», о его казни в Москве.

М.В. Ломоносов сообщал читателям не только о победах в правление Романовых, но также о поражениях российского войска. Его успехи Ломоносов объяснил созданием «новых регулярных полков», т. е. полков иноземного строя. Написал он и о строительстве в царствование Алексея Михайловича первого современного военного корабля «Орел». В таком указании начал российских преобразований в военном деле Ломоносов также следовал за Петром Великим.

В царствовании Федора Алексеевича М.В. Ломоносов выделил, прежде всего, решение международных проблем, которые возникли в связи с присоединением Украины к России при Алексее Михайловиче, в частности в связи с защитой Украины «от нашествия турецкого». Указал он на отмену местничества, а в истории образования — на основание «Заиконоспасского училища» (1682 г.).

Сложнейшую династическую коллизию двоецарствия с 1682 г. Ивана и Петра Алексеевичей, но реального правления до 1689 г. царевны Софьи «с несколькими приближенными боярами», М.В. Ломоносов указал как время стрелецких бунтов, «неосторожных и несчастливых походов крымских».

При кратком изложении в «Летописце» царствования Петра Великого М.В. Ломоносов должен был выбрать то, что было, по его мнению, основным во всеобъемлющей деятельности первого российского императора, и что могло бы стать примером для читателей и, прежде всего, для шестилетнего великого князя Павла Петровича.

М.В. Ломоносов начал с того, что сообщил о подготовке Петра Великого военному делу с детства, о его службе с рядового солдата и об исполнении всех ее тягот. Он написал о создании Петром современной армии, «сильных военных и купеческих флотов», о взятии Азова (сведений о Первом азовском походе он не привел), а также об участии Петра в Великом посольстве для «совершенствования знания корабельного дела между простыми людьми мастеровыми».

При изложении событий Северной войны М.В. Ломоносов в отличие от Петра смягчил степень поражения под Нарвой как «неудачного сражения», но далее перечислил победы на северо-западе России и в Прибалтике, строительство «царствующего Санкт-Петербурга» и Кронштадта как следствие «трудолюбия, силы и просвещения Петрова». Особо он назвал последовавшие победы Петра над генералом А.Л. Левенгауптом при Лесной и над «страшным во всей Европе» Карлом XII под Полтавой, его «убежище в Турках» и пленение 18-тысячного шведского войска, возвращение польской короны Августу Второму и взятие многочисленных городов в Прибалтике и Финляндии.

Указывая такие победы в войне со Швецией, написал М.В. Ломоносов и о неудаче Прутского похода, об участии императрицы Екатерины Алексеевны в заключении мира с Портой с наименьшими утратами для

России и с положительными следствиями для международных отношений в целом. Ломоносов обоснованно написал, что последовавшие победы в Финляндии и Померании, появление российского войска под Стокгольмом принудили Швецию к заключению «вечного мира», в соответствии с которым Россия удерживала «за собою Естландию, Лифляндию, остров Езель и знатную часть Финляндии». Далее он написал о петровском походе в Дагестан.

Мирную деятельность Петра М.В. Ломоносов указал обобщенно как «простираение» «от природы острого, учением и многотрудным искусством богатого и просвещенного разума к упражнению цветущего покоя, а особливо к расширению наук». В череде военно-политических событий из важнейших внутриполитических фактов российского значения он назвал только учреждение Правительствующего Сената (1711 г.) и «венчание» Екатерины Алексеевны в качестве преемницы «в сообществе царства и трудов мирных». Но в таком стилистически возвышенном контексте назвал он и причину смерти Петра — «каменную болезнь».

В «Летописце» М.В. Ломоносов изложил не историю правления Петра Великого, а основные события его царствования. Знал он об этих событиях значительно больше, чем написал. Поэтому он, хотя бы кратко, назвал те «препятствия», «огорчения и опасности», с которыми Петру пришлось встретиться в его «великих трудах». Это, по мнению Ломоносова, не только враждебные силы внутри страны, стрельцы, раскольники и «другие недоброхоты», но также члены его семьи — сестра, царевна Софья, «первая супруга» Евдокия Лопухина, сторонница старого царского быта, и сын Алексей.

Завершил М.В. Ломоносов повествование об основных событиях царствования Петра Великого и книгу в целом перечнем его основных свойств как правителя. Для него этот перечень стал средством обобщить те качества правителя государства, к которым должны стремиться российские императоры: «<...> от природы нравами непамятозлобивый, слабостям человеческим терпеливый и больше подданных приятель, нежели повелитель, в предприятиях и трудах твердый и непоколебимый, бережливый домостроитель и наградитель щедрый, в сражениях неустрашимый воин и предосторожный военачальник, в союзах надежный друг и остроумный политик, во всем Петр Великий, отец отечества» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 345].

В 1759–1760 гг. М.В. Ломоносов работал над «Летописцем» и поэмой «Петр Великий» одновременно. В ноябре 1760 г. были опубликованы «Летописец» и первая песнь поэмы, в июле 1761 г. — вторая песнь [Летопись. 1961. С. 343–344, 362]. Сравнение текстов этих произведений позволит, несмотря на столь существенные различия жанров, а также хронологии изложенных в них событий, определить свойственные Ломоносову их устойчивые характеристики [тексты цит. по: *Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 334–341; 1955. Т. 8. С. 698–734].

«Летописец»	«Петр Великий»
<p>1) После «Смуты» избранный «на престол царский» Михаил Федорович Романов «увидел Москву, положенную почти в конечное запустение» (С. 334).</p> <p>2) Царь Алексей Михайлович «ходил с войсками под Смоленск и, взяв его, воевал во всей Польше», «одержана совершенная над крымцами победа», «Стенька Разин» «в Москве четвертован», «сей злодей много препятствовал государю в строении флота на Каспийском море <...>» (С. 335–336).</p> <p>3) Царь Федор Алексеевич «при смерти наследником объявил меньшего брата своего, царевича Петра Алексеевича» (С. 336–337).</p> <p>4) «Итак, государство правила несколько лет царевна Софья Алексеевна с некоторыми приближенными боярами». <...> «Петр Великий во время стрелецких бунтов, кои все по наущению царевны Софьи на его здоровье устремлялись <...>» (С. 338–339).</p> <p>5) «Найденный старый ботик возбуждал <...> такую ревность к устройению флота» <...>. Взятие Азова было первое действие новых его военных учреждений. <...> (Петр) принужден был возвратиться в отечество для усмирения злочеев пятого стрелецкого бунта» (С. 339–340).</p>	<p>1) «Младый Монарх во град поверженный приходит / И на развалины плачевный взор возводит <...> / церковныя святыни / Подобно сетуют, как скучныя пустыни» (С. 720).</p> <p>2) Царь Алексей Михайлович «<...> Россам возвратил старинное наследство / Злочеев истребил и усмирил соседство» (С. 720).</p> <p>3) «Перед кончиною мой старший брат, признав, / Что средний в силах слаб и внутренне не здрав, / Способность предпочел естественному праву / И мне препоручил Российскую державу» (С. 707–708).</p> <p>4) «И руку хищную к державе простирала. / Но прежде, притворясь, составила совет, / К которому бояр и все чины зовет <...>. / Наруж выходит, что умыслила София / И что Советники ея велели злыя» (С. 708–709).</p> <p>5) «Пою премудраго Российскаго Героя, / Что, грады новые, полки и флоты строя, <...> / Уже освобожден от варвар был Азов <...> / Уже Великая покоилась Москва, / Избыв от лютаго злочеев суровства, / Бунтующих стрельцов достойной после казни» (С. 698–699).</p>

Содержательные и текстуальные совпадения «Летописца» М.В. Ломоносова в начальной и средней части с его «Историей», а в завершающей части — с поэмой «Петр Великий», свидетельствуют о том, что авторство «Летописца» принадлежит именно Ломоносову, а не А.И. Богданову. Они указывают также на существование у Ломоносова во второй половине 50-х гг. общей исторической концепции российской истории. Эта концепция позволила ему системно охарактеризовать труд Ф.М. Вольтера «История Российской

империи при Петре Великом» и подготовить, исполняя поручение Екатерины II, список сюжетов для «живописных картин из Российской истории» (об «идеях» для этих картин см. ранее, с. 725–727).

Завершало «Летописец» «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями». Оно обобщило многочисленные наблюдения М.В. Ломоносова над генеалогией русских князей в летописях и Степенной книге. В его материалах к «Российской грамматике» сохранились также сведения о супругах царей Ивана Грозного, его сына Федора, Бориса Годунова и Василия Шуйского [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 591]. При составлении «Родословия» он, вероятно, пользовался «Генеалогическими таблицами» И. Гюбнера. Известно, что в 1762 г. Ломоносов получил в БАН первый том этого издания, опубликованный в 1725 г. Он оставался у Ломоносова до его смерти [*Коровин Г.М.* 1961. С. 261]. Возможно, ученый пользовался этой книгой и ранее, но Журналы БАН за эти предшествующие годы не сохранились. Можно предположить, что Ломоносову были известны и генеалогические материалы, собранные Г.Ф. Миллером, когда им совместно приходилось дискутировать с П.Н. Крекшиным. Впрочем, Ломоносов в полной мере осознавал предварительный характер «Родословия», о чем он откровенно написал в его завершении в виде примечания: «При сем уведомляю благосклонного читателя, что многих государей супруги, также и дети, особенно женского пола, по летописцам и родословным книгам, также по иностранным писателям, неизвестны. При втором издании сея книжицы все, что еще в летописях и известиях сыскаться может, присовокуплено будет; и если что по другим надежнейшим известиям инако найдется, без поправления не останется» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6. С. 358].

Анализ творчества М.В. Ломоносова как историка позволяет установить, что оно было в существенной мере более значительно, чем это ранее устанавливалось исследователями. Его труды развивались в своем содержании.

М.В. Ломоносов являлся активным сторонником петровского принципа следования историческому факту, что создало условия для преодоления им позднесредневековой историко-литературной традиции и домысливания событий как повествования об исторической действительности. В отличие от В.Н. Татищева он преодолел в 50-е — первой половине 60-х гг. воздействие популярных в первой половине XVIII в. идей Г.В. Лейбница и Х. Вольфа об особом значении интуитивного познания, возможности и непротиворечивости как критериев истинности.

Труды М.В. Ломоносова содержали те начала, которые позднее будут развиты в исторической науке. Сопоставление летописных текстов позволило ему критически анализировать сведения поздних летописных сводов, в чем он продолжил наблюдения В.Н. Татищева. Этот анализ был еще рационалистичен. Позднее он был развит А.Л. Шлёцером на новых основаниях тексто-

логического анализа с учетом опыта классической филологии и библеистики [Лихачев Д.С. 1983. С. 24].

Вслед за своими предшественниками М.В. Ломоносов комплексно использовал разные по происхождению нарративные письменные источники. Но, как и В.Н. Татищев, он показал, что при изучении средневековой российской истории определяющее значение имеют русские памятники письменности.

В «Истории» и «Летописце» проявились замечательные свойства М.В. Ломоносова как мыслителя и историка. Выдающийся естествоиспытатель, химик и физик, который усвоил высшие достижения своего времени в этих науках, он распространил поиск общих закономерностей в историческом развитии России. Ломоносов соединил прагматическое изучение истории России с осмыслением исторического процесса в целом. В такой постановке проблемы ее изучения он следовал за Петром Великим, но как историк-профессионал наряду с В.Н. Татищевым он в таком исследовании российской истории был первым.

Мысль М.В. Ломоносова об «уравнении по причине общего подобия» создавала условия для конкретного сравнительно-исторического анализа истории государственного строя разных стран. Поэтому, сравнивая в соответствии с основами классицизма историю России и древнего Рима, он установил их сходство в существовании трех основных периодов, но здесь же указал на их значительные различия в конкретном содержании.

Для М.В. Ломоносова история России являлась единым историческим процессом — от древнейших переселений предков славян, индоевропейцев, до правления первого российского императора Петра Великого. Поэтому особое научное значение имела периодизация этого процесса.

М.В. Ломоносов характеризовал начальный период истории страны как демократический, что являлось для него синонимом догосударственного строя. Этот строй позднее был определен в исторической науке как племенной.

Историю российской государственности М.В. Ломоносов разделил на три основных периода: 1) первоначальной монархической власти («самодержавство»), 2) политической раздробленности на княжения и «вольные города», позднее названной историками уделным, или феодальным, периодом и 3) самодержавной власти московских государей. Такая периодизация содержала значительные возможности для дальнейшего конструктивного изучения отечественной истории в исследованиях второй половины XVIII — начала XXI в.

В условиях распространения просветительских идей М.В. Ломоносов по-новому стал рассматривать начальную историю Руси в контексте общеевропейских процессов в так называемую «эпоху викингов». Он показал, что формировалось изначально многоэтническое государство при интегрирующем значении славян. Основным содержанием этого процесса стала этнокультурная, политическая, династическая и военная история.

Такой исследовательский подход к российской истории в контексте обще-европейских процессов способствовал существенным коррективам в определении М.В. Ломоносовым этнической принадлежности варягов и россов. Наряду с их связями в соответствии с представлениями конца 1740-х гг. с античными роксоланами, славянами пруссами и варягами у Ломоносова появилась характеристика варягов как общего названия всех северных народов, включая шведов и славян, которые участвовали в морских походах. Но определяющими для него являлись свойственные древним славянам военные предприятия, торговля, торговые пути и города. Отсюда важнейшее в научном содержании наблюдение Ломоносова об избрании Рюрика на княжение, хотя и присутствует у Ломоносова появление Рюрика как «призвание».

М.В. Ломоносов соединил процессы политической и этнической интеграции в становлении российской государственности. Такой исследовательский подход способствовал определению истории российских государственных институтов княжеской власти — раздача князем своим «боярам» городов и областей для управления, регулярно взимаемые подати. Отсюда характеристика Ломоносовым Руси как «державы» еще в дохристианский период, а присоединение к ней других земель в результате походов князей — не просто их завоевание, а территориальный рост уже существующего государства.

Такое понимание Руси как государства было соединено М.В. Ломоносовым со стремлением раскрыть в русско-византийских договорах первой половины X в. ее экономическое, политическое и правовое состояние. Отсюда определение им Руси и Византии как равных договаривающихся сторон, князья и императоры которых обладают верховными правовыми функциями, обе стороны в равной мере исполняют правовые и военные обязательства. При этом с русской стороны люди могут быть имовитые и неимовитые, а также челядь-рабы. Руси как государственной целостности было свойственно язычество с присущими ему пантеоном богов и обрядностью.

В последовательном изложении политической истории России до времени правления Петра Великого М.В. Ломоносов раскрыл ее содержание во множестве фактов, учитывая наблюдения предшественников, но прежде всего свои собственные наблюдения. При этом некоторые из них существенно опережали свое время.

Анализ основного содержания работ 50 — первой половины 60-х гг. М.В. Ломоносова-историка позволяет проследить общее и особенное в них в сопоставлении с идеями Ф.М. Вольтера о российской истории, учитывая, что они знали содержание исследований друг друга.

В их разысканиях прослеживается определенная диалогичность.

Ф.М. Вольтер рассматривал древнюю историю народов вне античного мира Древней Греции и Рима в соответствии с антитезой варварство — цивилизация, М.В. Ломоносов, напротив, — как самодостаточную, достойную научного изучения проблему, и в этом проявлялся историзм концепции Ломоносова.

Ф.М. Вольтер призывал к осторожности в определении происхождения современных народов. Он осознанно не стал изучать древнюю историю славян и Руси, хотя использовал эти материалы. М.В. Ломоносов, напротив, исследовал ее как особую научную проблему, усовершенствовал и углублял свои разыскания, что позволило сделать ему ряд наблюдений, значимость которых стала ясна лишь значительно позднее. Вольтер способствовал углублению понимания на Западе древности российских народов, но Ломоносов и другие российские историки сообщали ему для этого многочисленные и разные по происхождению источники материалы.

По мнению Ф.М. Вольтера, следовало осторожно относиться к подробностям в исторических сочинениях, учитывая возможность их литературного происхождения. По такому пути домысливания исторических событий, в частности, пошел В.Н. Татищев, особенно во второй редакции «Истории Российской». М.В. Ломоносов, напротив, стремился к установлению исторических фактов. В своих исторических разысканиях он предотвратил развитие тенденции изложения возможного как действительного, что допускал Татищев. Так что в отношении к историческому факту как к основе исследования Ломоносов был ближе к Вольтеру, чем к Татищеву. В соблюдении этого принципа ему содействовала также его научная подготовка и практика, система мышления ученого-естественника, химика и физика. Отсюда совпадение в отношении к знамениям и чудесам как к басням в работах Вольтера и Ломоносова, которого знамения интересовали только как явления природы. В основе такого единства находились достижения науки XVII–XVIII вв., распространению которых в России активно способствовал Петр Великий. Это отношение к знамениям и чудесам поддержал в соответствии с петровской концепцией Татищев.

Эстетика классицизма и стремление к раскрытию сущности явлений имели следствием изложение М.В. Ломоносовым и Ф.М. Вольтером в деятельности Петра Великого главного, а не повествование о его слабостях. Новым в творчестве Вольтера стало утверждение принципа, в соответствии с которым история нуждается в том, чтобы быть освещенной философией. Эта концепция позволяла не ограничиваться описанием исторических событий, а углублять анализ в приближении к познанию их сущности. Такой подход к формированию новой исторической науки был поддержан Ломоносовым, который стал раскрывать смысл истории не только в становлении русского народа и государства, но также в появлении на Руси институтов, свойственных другим странам Европы. Это просветительское исследовательское направление позволяло определить единое содержание исторического развития разных стран в средневековый период. Оно соответствовало новым научным принципам, которые утверждал в России Ломоносов, по словам которого «науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенные действия и свойств причины» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1951. Т. 2. С. 351].

В отличие от общей характеристики Ф.М. Вольтером цивилизационного развития России в Новое время М.В. Ломоносов рассмотрел происходившие изменения как историю государства и власти. Эта периодизация — от великокняжеского единовластия, «самодержавия», к разделению на княжества и «вольные города», а от них к «самодержавству государей московских», — начала которой восходят к наблюдениям Петра Великого, была поддержана в российской исторической науке второй половины XVIII — начала XX в. В исторической концепции Вольтера период разделения политически единых государств на особые владения с их взаимными распрями и ослаблением центральной власти назывался феодальным.

В «Летописце», опубликованном в конце царствования Елизаветы Петровны, М.В. Ломоносов основное внимание уделил военной и политической деятельности Петра, не рассматривая его преобразования в контексте цивилизации Нового времени, в отличие от Вольтера. Но культурологическая история языческих верований заняла в исследовании Ломоносовым древнерусской истории значительное место.

Ф.М. Вольтер и М.В. Ломоносов в равной мере рассматривали Россию как исторически сложившуюся многоэтничную страну, в которой существуют разные обычаи и религии. Ее история характеризовалась расселением русских людей и их сосуществованием с другими народами.

5. Издание Радзивилловской летописи: М.В. Ломоносов, И.С. Барков или И.И. Тауберт

Особая проблема, обсуждаемая в историографии, — участие М.В. Ломоносова в подготовке издания Радзивилловской летописи. В середине XIX в. еще помнили, что поэт и переводчик Академии наук И.С. Барков занимался также отечественной историей. Впрочем, по словам А.В. Старчевского, «неблагодарные современники» говорили, что «Барков де весьма плохой знаток истории», к тому же он «совершенно испортил порученное ему Академиею первое издание летописи Нестора» [*Старчевский А.* 1845. С. 143]. Анализируя изучение Ломоносовым древнерусской литературы, Г.Н. Моисеева отвергла возможность издания Радзивилловской летописи Барковым, отнеся ее публикацию к творчеству Ломоносова [*Моисеева Г.Н.* 1962а. С. 191; 1963б. С. 110]. Эта мысль вызвала решительные возражения Е.С. Кулябко и Н.В. Соколовой, которые привели архивные материалы, подтверждавшие ее подготовку к печати Барковым [*Кулябко Е.С., Соколова Н.В.* 1965б. С. 190–216]. Не называя эти разыскания, Моисеева усилила свои доводы, а основной вывод сохранила, хотя и в неопределенной формулировке [здесь и далее см.: *Моисеева Г.Н.* 1971. С. 157–222].

Г.Н. Моисеева обоснованно поставила вопрос об истоках существовавшего в середине XVIII в. намерения издать эту летопись в указах Петра I о сборе рукописей. Отметим, что и предложенный В.Н. Татищевым проект издания древнерусских источников под названием «Русская библиотека». Таким образом, она показала, что издание древнейшей тогда известной летописи было обусловлено развитием отечественной исторической науки.

В обоснование гипотезы о подготовке М.В. Ломоносовым Радзивилловской летописи Г.Н. Моисеева привела «доношение» от 2 мая 1756 г. копииста И.С. Баркова академической Канцелярии. В нем сообщалось, что Ломоносов приказал ему переписать набело взятую им из Библиотеки Академии наук летопись «Нестора», т. е. Петровскую копию Радзивилловской летописи, когда Барков был направлен для работы в доме Ломоносова для переписывания подготовленной им «Российской грамматики» и собрания его сочинений. Барков скопировал половину рукописи, но просил Канцелярию отозвать его для переписывания других рукописей, ранее ему порученных Академией (см. ранее, с. 677–678).

По мнению Г.Н. Моисеевой, М.В. Ломоносов постоянно пользовался Петровской копией Радзивилловской летописи, взятой в БАН еще 3 декабря 1753 г., и не нуждался в ее копии для собственных нужд. Поэтому она отвергла предположение о ее копировании для последующего использования Ломоносовым в научных исследованиях. По мнению Моисеевой, Ломоносов закончил работу над Радзивилловской летописью для подготовки ее к печати в 1754–1755 гг., тогда как Барков должен был ее копировать для издания.

Впрочем, Г.Н. Моисеева, видимо, не учла, что после публикации Г.Ф. Миллером в апрельском номере 1755 г. «Ежемесячных сочинений» статьи «первом летописателе российском, преподобном Несторе и его летописи и о продолжателях оные» [*Миллер Г.Ф.* 1755. С. 275–298] интерес к Радзивилловской летописи (к ее Петровской копии) стал общественным, поскольку ее текст до 1115 г. был отнесен к творчеству «Нестора». В рукописи нуждались также те, кто хотел ее исследовать. Поэтому Ломоносов не мог ее держать в личном пользовании постоянно. Следует предположить, что в таких обстоятельствах он решил подготовить для себя ее копию. Именно так поступил ранее В.Н. Татищев. Впрочем, не известно, была ли переписана Барковым для Ломоносова вторая половина рукописи. Такое задание не входило в число поручений академической Канцелярии, а сам копиист сопротивлялся дополнительным заданиям Ломоносова. Учитывая все эти обстоятельства, более обоснованным представляется первое предположение, отвергнутое Моисеевой, о копировании для него Петровской копии Радзивилловской летописи.

По мнению Г.Н. Моисеевой, М.В. Ломоносов, изучая текст Петровской копии Радзивилловской летописи, вносил в него коррективы: в ряде случаев добавлял разъяснения, изменял географические названия, исправлял очевидные искажения, отделял существенные от предлогов, обозначал

абзацы и кавычки в прямой речи. Эти изменения были учтены Ломоносовым в позднее им написанной «Древней Российской истории», а также в первой публикации Радзивилловской летописи в первом томе «Библиотеки Российской исторической» [Библиотека. 1767. Ч. 1; *Моисеева Г.Н.* 1971. С. 167–170]. Такие наблюдения стали основанием для убеждения Моисеевой в том, что существовал текст Радзивилловской летописи, подготовленный Ломоносовым к изданию. Между тем, не во всех случаях ее наблюдения убедительны, в частности, в тех случаях, когда текст опубликованной в 1767 г. «Библиотеки Российской исторической» следует за Петровской копией Радзивилловской летописи, а не за изданной в 1766 г. «Древней Российской историей» М.В. Ломоносова. Моисеева, видимо, не приняла во внимание, что И.С. Барков мог учитывать опыт Ломоносова в прочтении и комментировании Петровской копии Радзивилловской летописи, поскольку он прекрасно знал эту рукопись, труд Ломоносова в рукописи. Вероятно, с помощью И.И. Тауберта он мог ознакомиться с первыми типографскими оттисками его труда. Неясно, кто исправлял искажения в тексте, отделял существительные от предлогов, обозначал абзацы и кавычки в прямой речи, поскольку, как показала графологическая экспертиза, «почерки Ломоносова и Баркова близки между собой». Они различаются «в некоторых частных признаках» написания букв [*Моисеева Г.Н.* 1971. С. 53]. Вероятно, подготавливаемое Е.А. Савельевой исследование, посвященное пометам в Петровской копии Радзивилловской летописи, позволит дать более определенные ответы на эти вопросы.

Г.Н. Моисеева сравнила публикацию Радзивилловской летописи в «Библиотеке» с первой и второй редакциями «Истории Российской» В.Н. Татищева и пришла к выводу, что при подготовке публикации летописи учитывались обе эти редакции. Ею текстуально доказаны совпадения публикации в «Библиотеке» в виде редактирования текста или редакционных интерполяций в него с двумя рукописями БАН Никоновской летописи [БАН. 17.2.5; 32.14.8] и Академического списка Новгородской Первой летописи [БАН. 17.8.36].

Г.Н. Моисеева установила, что в изданном тексте Радзивилловской летописи заменены непонятные древнерусские слова или даны к ним разъяснения с учетом наблюдений М.В. Ломоносова и В.Н. Татищева, вычеркнуты летописные описания знамений и чудес. Эти особенности подготовки текста она отметила в «Древней Российской истории» у Ломоносова, который следовал в таком изложении летописных известий за Татищевым, поскольку они считали, что основой повествования должна быть светская история. По мнению Моисеевой, такое редактирование текста Радзивилловской летописи также принадлежало Ломоносову. Отметила она участие Баркова в подготовке Радзивилловской летописи к изданию в написанной им на отдельном листе цитате из Никоновской летописи, включенной в публикацию Радзивилловской летописи, а также в сверке Петровской копии с оригиналом, по-

лученным из Кенигсберга в конце 1758 — начале 1759 г. Поэтому, по мнению Моисеевой, текст Радзивилловской летописи, опубликованный в 1767 г., был подготовлен к печати Ломоносовым при техническом участии Баркова. Отвечая на вопрос, почему не сохранилось свидетельства самого Ломоносова об этой его работе, она написала, что он не указал ее осознанно, поскольку она не могла быть поставлена в один ряд с «сочинениями», которыми Ломоносов «обогастил науки».

Однако этим ответом не объясняется отсутствие сведений о деятельности М.В. Ломоносова по подготовке Радзивилловской летописи к изданию. Поэтому, вероятно, Г.Н. Моисеева закончила свой опыт идентификации археографической подготовки Радзивилловской летописи неоднозначной фразой: «Работа Ломоносова над летописью Нестора, отраженная в печатном издании Кенигсбергской летописи, стоит у истоков русской археографии XVIII в.» [Моисеева Г.Н. 1971. С. 222]. Ее можно понимать как подготовку Ломоносовым текста Радзивилловской летописи к изданию в целом, как целенаправленную археографическую деятельность или как предварительное осмысление и редактирование текста.

Вероятно, эта неоднозначность — следствие того, что текстологические наблюдения Г.Н. Моисеевой объединяет лишь ее убежденность в подготовке изданного в 1767 г. текста Радзивилловской летописи только М.В. Ломоносовым при технической помощи И.С. Баркова. Такой вывод противостоит традиционным указаниям в качестве редакторов этого издания И.С. Баркова или И.И. Тауберта. Впрочем, он важен для характеристики Ломоносова как историка. Поэтому проблеме его участия в подготовке текста Радзивилловской летописи к изданию следует рассмотреть особо.

Чтобы исключить участие И.И. Тауберта в подготовке издания Радзивилловской летописи, Г.Н. Моисеева привела отзыв о нем в автобиографии А.Л. Шлёцера, как она написала, обязанного Тауберту «всей карьерой»: «Тауберт, не истинный ученый по профессии, обремененный несравненно важнейшими делами, вовсе не был такой человек, от которого можно было бы ожидать успешного издания средневековой летописи». Впрочем, Моисеева не продолжила эту цитату, где дана характеристика Баркова: «Печатание, корректуру и все дело он (Тауберт. — М. С.) передал не ученому (однако знающему по-латыни) академическому канцеляристу Баркову». Моисеева не только использовала для дискредитации Тауберта эту и другие подобные характеристики, данные Шлёцером, человеком эмоциональным, во многом субъективным в личных отношениях. Оценка Шлёцером Баркова также воздействовала на Моисееву. Она отметила лишь его близость к Ломоносову с 1748 по 1765 г., их постоянное общение, переписывание Барковым большей части трудов Ломоносова. Как и Шлёцер, она считала, что Барков «проводил всю техническую работу над летописью, переписывал ее в 1756 г. набело и вел корректуры», но делал он это, техническую работу и ведение корректур,

«по указанию Ломоносова», а не Тауберта, как написал Шлёцер [*Моисеева Г.Н.* 1971. С. 208–209; ср.: *Шлёцер А.Л.* 1875. С. 59].

Чтобы вывод о такой подготовке текста Радзивилловской летописи к изданию не вызывал сомнений, Г.Н. Моисеева не опровергла последующий текст автобиографии А.Л. Шлёцера, относившийся к характеристике уже не личностей И.И. Тауберта и И.С. Баркова, а их археографических принципов. Между тем, Шлёцер продолжал, имея в виду воздействие их недостатков на подготавливаемый к печати текст: «И — что еще более увеличило зло — Тауберт позволил, или лучше сказать, приказал этому издателю (Баркову. — М. С.) 1) изменить старую орфографию или подновлять ее; 2) пропускать целые отрывки не исторического содержания, как то: религиозные рассуждения со многими цитатами из библии (которые могли быть полезны при собирании вариантов); 3) непонятные места изменять по догадкам и делать их понятными; старые, обветшалые слова заменять новыми по соображению; 4) пробелы пополнять из других списков» [*Шлёцер А.Л.* 1875. С. 60].

В том, что подготовка текста Радзивилловской летописи к печати принадлежала И.С. Баркову, А.Л. Шлёцер не сомневался, а потому он писал о рецензенте этого издания летописи: «Нет! Не русский летописец XI столетия лежал перед ним, а русский канцелярист XVIII столетия Барков <...>». Обвинял он в ошибочных принципах публикации И.И. Тауберта.

В конце научной деятельности А.Л. Шлёцер обобщил свои исследования древнерусского летописания и истории в пятитомном труде «Нестор», первый из которых был опубликован в 1802 г. [*Schlözer A.L.* 1802–1809. Т. 1–5]. Как отмечено ранее, в том же году он издал в Германии автобиографию. В ней Шлёцер обобщил свои наблюдения над публикацией Радзивилловской летописи и издательской практикой исторических источников в минувшем столетии. Он предупредил современников об особенностях этой публикации «даже в тех местах, где дело идет об отдельных словах и буквах, т. е. в таких случаях, в которых ни один критик не должен ссылаться на такое неслыханно неверное издание» [*Шлёцер А.Л.* 1875. С. 60].

В «Несторе» А.Л. Шлёцер вернулся к изложению обстоятельств публикации Радзивилловской летописи в 1767 г. Он повторил то, о чем написал в автобиографии, сообщая о руководстве предприятием только И.И. Тауберта: «Он отдал его печатать, как будто древний и хороший список неученому Баркову и позволил или, лучше, приказал ему выпускать, прибавлять, а также поновлять древний язык». Здесь же Шлёцер напомнил о своем предисловии к этому изданию, «неудавшемуся Таубертову Нестору». Вновь указал он и на свое издание в 1767 г. Правды Русской как на антитезу публикации под руководством Тауберта: «слово в слово, для противоположности Таубертову Нестору». Таким образом, для Шлёцера, участника издательского процесса в России середины 60-х гг. не было сомнений в том, что Радзивилловская летопись готовилась к изданию Барковым под руководством Тауберта. Более

того, он никак не связывал эту публикацию с М.В. Ломоносовым и тогда, когда написал о создании М.В. Ломоносовым трудов, посвященных российской истории. Сообщая об отсутствии в России таких исследований, Шлёцер написал: «Тут сжалился профессор химии Ломоносов и написал Краткий Российский летописец. Он принялся, было, и за большее сего сочинение («Российская история». — М. С.), но довел его только до 1054 г.; по смерти его Академия напечатала этот отрывок в 1766 году, 140 страниц, с моим (хотя переделанным) предисловием» [Шлёцер А.Л. 1809. Ч. 1. С. РМЁ, РМЪ].

Но не только А.Л. Шлёцер не относил издание Радзивилловской летописи к деятельности М.В. Ломоносова. Сам Ломоносов не предъявлял на него своих прав. Первые 18 листов Радзивилловской летописи были набраны в академической Типографии с января 1761 г. по март 1762 г. Набор остальных 18 листов продолжался до сентября 1765 г. [Пекарский П. 1870. С. 656; Кулябко Е.С., Соколова Н.В. 1965. С. 214; Моисеева Г.Н. 1971. С. 202]. Между тем, в написанной не позднее 26 августа 1764 г. «Краткой истории о поведении академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» Ломоносов ничего не написал о таком вопиющем нарушении его прав, хотя он сообщал о многочисленных происках Тауберта и Шлёцера против него. В отношении исторических разысканий Ломоносов написал, что Тауберт «присоветовал сочинять ему (Шлёцеру. — М. С.) и российскую историю, дал позволение брать российские манускрипты из Библиотеки, хранящиеся в особливой камере <...>». Это сообщение он дополнил: «Оные книги Шлёцер не токмо употреблял на дому, но некоторые и списывал». Сослался Ломоносов в изложении происков Тауберта и на мнение Г.Ф. Миллера. При этом он в 1764 г. предположил, что Шлёцер за рубежом будет издавать исторические источники: «Между тем профессор Миллер неоднократно жаловался на Тауберта в Профессорском собрании, что он все историческое дело старается отдать Шлёцеру, вверил ему всю российскую библиотеку, так что Шлёцер выписывает и переписывает что хочет, на что писцов наймует, а одного-де и нарочно держит, о чем-де он не для чего другого так старается, как чтобы, выехав из России, не возвратиться, а изданием российских исторических известий там наживать себе похвалу и деньги» [Ломоносов М.В. ПСС. 1957. Т. 10. С. 309–310].

М.В. Ломоносов писал это тогда, когда Радзивилловская летопись печаталась в типографии, которая находилась под руководством И.И. Тауберта. Но он и в данном случае не заявил свои права на подготовку к изданию ее текста.

В написанном не позднее 19 января 1764 г. отчете о завершенных и незавершенных научных и литературных работах М.В. Ломоносов указал, что издан «краткий летописец российский с родословием». Вторым пунктом он назвал написанный им первый том «Российской истории», который «печатается, с филологическими изъяснениями». Перечислил Ломоносов и подготовительные работы к будущим исследованиям: «3) Собраны многие рукописные

известия, до российских дел надлежащие, собственным коштом. 4) Прочитаны многие книги домашних и внешних писателей; из них выписаны всякие надобности в продолжение “Российской истории”» [*Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10. С. 401; см. также ранее, с. 725].

В таком обстоятельном перечне работ, посвященных российской истории, нет сведений о подготовленном к изданию и находящемся в печати уже несколько лет тексте Радзивиловской летописи, столь значимом для изучения отечественной истории.

Не указано участие М.В. Ломоносова и в официальной переписке академической Канцелярии с Г.Ф. Миллером в начале марта 1765 г. по поводу его просьбы предоставить ему для последующих разысканий летописи в связи с его переездом в Москву. На это обращение было принято следующее определение: «Господину Миллеру объявить, что из летописцев ничего ныне дать не можно, потому что оные надобны здесь отчасти при сочиняемой Российской истории, а отчасти для сличения между собою разных списков при печатании *Несторовой летописи и его продолжателей*» [*Билярский П.С.* 1865. С. 738; курсив наш. — М. С.]. Выделенные курсивом слова мартовского определения 1765 г. дословно совпадают с началом названия публикации Радзивиловской летописи 1767 г.: «*Летопись Несторова с продолжателями* по Кенигсбергскому списку, до 1206 года» (курсив наш). Титульный лист издания сообщал программу содержащейся в нем серии будущих публикаций: «Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен». Ни в титульном листе, ни в названии самой публикации 1767 г. не указан ее издатель, как и в определении Г.Ф. Миллеру академической Канцелярии в начале марта 1765 г., т. е. при жизни М.В. Ломоносова, статского советника и профессора, сохранившего значительное влияние на работу академической Канцелярии.

О степени воздействия М.В. Ломоносова на решение академических проблем в это время свидетельствует «доношение» Г.Ф. Миллера академической Канцелярии от 27 февраля 1765 г., написанное в связи с отъездом в Москву: «Весьма желал бы я, чтоб издание ежемесячных сочинений беспрерывно продолжаемо было. К чему я и в собрании Академии наук предложил возможность, обещая сообщить на целый год наперед материи к тому приготовленной, также и на будущие годы к тому же содействовать обещался, но охотника к принятию на себя труда издавания между господами членами не сыскалось; да сверх того господин статской советник и профессор Ломоносов продолжение ежемесячных сочинений *оспорил*, и на место оных предложил издание экономических и физических сочинений по четвертям года, на что все члены согласились». Это «доношение» прочел Ломоносов, который подчеркнул карандашом слово «оспорил» и внизу страницы написал: «Опять грубость и клевета! Иное предложить, а иное оспорить» [*Биляр-*

ский П.С. 1865. С. 737]. Но ни Миллер, ни Ломоносов не написали в данной связи о публикации Радзивилловской летописи.

О том, что не М.В. Ломоносов готовил Радзивилловскую летопись к изданию, могут свидетельствовать также пометы в ее Петровской копии. На ее л. 113 рукой Ломоносова сделаны две пометы NB рядом с фразами: «сеи же (князь Ярослав Мудрый. — М. С.) насея книжными словесы сердца верных людей, а мы пожинаем, учение приемлюще книжное», «велика бывает полза от учения книжного; книгами бо кажеми и учими есми пути покаянию и мудрсть бо обретаем и въздержание от словес книжных. Се бо реки суть, напаяюще вселенную <...>». Ломоносов отметил в этих замечательных по смыслу фразах особое для своих наблюдений значение. Между тем, эти фразы и последующий текст по Священному Писанию до фразы «И почитая пророческия беседы и еуангелския учения, и апостольская, и житья святых отец, въсприемлет душа великую ползу» отмечены к сокращению.

Другая важная для М.В. Ломоносова летописная запись сообщала о том, что новгородец Гюрата Рогович отправил своего служилого человека, отрока, собирать дань с людей, которые жили на реке Печора, и затем отправился в Югру. Это был тот же текст, восходивший к ПВЛ, который М.В. Ломоносов отметил в Никоновской летописи (см. ранее, с. 636). В Петровской копии Радзивилловской летописи он отчеркнул этот важный в исторической информации текст дугообразной линией. Но и в данном случае эта запись в составе значительного по объему отрывка намечена к сокращению [БАН. П. I. Б. 77, л. 113–113 об., 170]. То есть, рука, отмечавшая в Петровской копии Радзивилловской летописи тексты к сокращению, что так осуждал А.Л. Шлёцер, сокращала те сообщения, которые имели большое значение для Ломоносова. Отсюда также можно заключить, что подготовку текста Радзивилловской летописи к публикации по этой рукописи осуществлял не Ломоносов.

Таким образом, приведенные ранее материалы свидетельствуют о том, что М.В. Ломоносов обоснованно не указал в числе своих работ подготовленный к изданию текст Радзивилловской летописи, который находился в печати с января 1761 г. Он не заявил свои права на это издание и не защищал их в тех случаях, когда они явно и неоднократно нарушались, если бы он подготовил эту публикацию. Ломоносов не предлагал к сокращению те сообщения летописи, которым ранее придавал особое значение. О такой археографической деятельности Ломоносова не свидетельствуют и его современники. Поэтому следует предположить, что он не подготавливал к изданию текст Радзивилловской летописи.

Но из такого вывода не следует, что основы археографической подготовки текста Радзивилловской летописи были сформулированы И.И. Таубертом, как об этом написал А.Л. Шлёцер. Тауберт, действительно, не был подготовлен к изданию средневековой летописи. Он был хорошо образованным чиновником, который извлекал определенную выгоду из своей

службы в Академии наук, активно участвовал во всех мыслимых академических интригах и имел «великую наклонность к деспотизму», по словам Шлёцера. П.П. Пекарский, обстоятельно изучив биографию Тауберта, не возражал против его характеристики Шлёцером как человека, который «вовсе не был ученым по профессии». Впрочем, он писал вслед за Шлёцером, что Барков подготовил издание Радзивилловской летописи, следуя указаниям Тауберта [*Пекарский П.* 1870. С. 636–670].

Если учесть все эти наблюдения, то следует предположить, что издание Радзивилловской летописи было подготовлено И.С. Барковым. Такой вывод сделали Е.С. Кулябко и Н.В. Соколова [*Кулябко Е.С., Соколова Н.В.* 1965. С. 199–216]. Эти исследователи отметили большое влияние М.В. Ломоносова на формирование профессиональных навыков Баркова в российской истории, а также его знакомство с основными историческими источниками. Они выразились в дополнениях Баркова к переведенной им «Сокращенной универсальной истории» датского писателя и историка Людвиг Гольберга, изданной в 1766 г. Академией наук. Барковым был написан особый труд, «Краткая Российская история», изданная в 1762 г. в качестве приложения ко второму русскому изданию «Сокращенной универсальной истории» немецкого педагога Гильмара Кураса.

В книге Л. Гольберга И.С. Барков почти вдвое увеличил раздел о России. В его «Краткой Российской истории» прослеживается значительное влияние разысканий М.В. Ломоносова об отечественной истории, особенно, «Краткого Российского летописца». Но, проявляя значительные познания, Барков в некоторых случаях изложил исторические события подробнее, чем Ломоносов, или дал им другую оценку [*Кулябко Е.С., Соколова Н.В.* 1965. С. 199–206]. О значительной нагрузке Баркова в начале 60-х гг., когда он работал не только над «Краткой Российской историей», но должен был также исполнять многочисленные обязанности копииста и студента, свидетельствует его письмо от 2 мая 1761 г. Г.Ф. Миллеру. Барков жаловался в нем на болезнь глаз. Он просил Миллера вернуть ему «черную тетрадь», т. е. черновик, «сочиняемой» «Краткой Российской истории». Как Барков разъяснил свою просьбу, «ибо я друга оригинала не имею, а намерен продолжать далее» [РГАДА, ф. 199, ед. хр. 546, д. 13. Л. 1; публикацию этого письма в виде фотографии см.: *Кулябко Е.С., Соколова Н.В.* 1965. С. 205, рис. 4].

В 1760 г. был издан М.В. Ломоносовым «Краткий Российский летописец». Поэтому из письма И.С. Баркова следует, что он интенсивно работал над альтернативным историческим трудом. Советовался он не с Ломоносовым, а с его оппонентом. Так что работал Барков над своей «Историей», видимо, тайно от Ломоносова. Такой его метод работы позволяет предположить, что над подготовкой Радзивилловской летописи к изданию Барков работал также скрытно. Учитывая все изложенное ранее, представляется в полной мере обоснованным отнесение публикации Радзивилловской летописи как

первой части «Библиотеки российской исторической» Баркову, а не Ломоносову или Тауберту [Библиография русского летописания. 1962. С. 7].

Таким образом, можно сделать вывод, в соответствии с которым И.С. Барков, долгое время работая под руководством М.В. Ломоносова, многому у него научился, в том числе и разысканиям о российской истории. Он учитывал пометы Ломоносова в тексте Петровской копии Радзивилловской летописи. Но Ломоносов не нуждается в том, чтобы ему приписывали чужую работу по изданию этой летописи.

Заключение

Системное исследование основных периодов истории России, исторических знаний и становления российской исторической науки в середине XVII — середине XVIII в. позволяет конкретно изучить их органическую связь с биографией М.В. Ломоносова и его творчеством как историка.

Россия середины — второй половины XVII в., до начала Петровских преобразований, находилась на позднесредневековой стадии исторического развития. Основу ее экономики составляли сельскохозяйственное производство и сельские промыслы. Средневековые по организации труда ремесла все более отставали в ассортименте и качестве изделий от мануфактурного и заводского производства промышленно развитых держав Западной Европы, прежде всего Англии, Франции, Нидерландов, Швеции.

Социально-политический строй России этого периода определялся развивавшейся системой крепостного права, прикреплением крестьян к земле или тяглу, которое должно было обеспечить экономически малоэффективное светское и монастырское господское хозяйство рабочей силой, а царскую казну — денежными поступлениями. Духовной и интеллектуальной жизни была свойственна приверженность старине и традиции как к обоснованию истинного.

Такое состояние огромной страны, простиравшейся от Смоленской земли до Тихого океана и от Ледовитого океана до пограничной зоны со степными тюркскими народами и с Китаем, становилось геополитически опасным в условиях военно-политической экспансии экономически развитых западноевропейских государств и их колониальных захватов. По Столбовскому миру 1617 г. Швеция оккупировала российские территории на северо-западе и взяла под свой контроль морские пути в промышленно развитые страны Балтийского и Северного морей. Польско-литовское государство — Речь Посполита — контролировала сухопутные пути в страны Центральной Европы, а Османская империя и Крымское ханство — в страны Южной Европы.

Все более отстававшее в экономическом, а, следовательно, и в военном отношении Российское царство не могло преодолеть эти барьеры, так что

необходимая для страны внешняя торговля осуществлялась по дальнему, сложному и опасному пути вокруг Скандинавии в Архангельск, куда, на крайний север русских земель, доставлялись российские товары и откуда привозились товары западные.

Правители России, начиная с первого Романова, Михаила Федоровича, понимали опасность для страны такого положения. Они пытались модернизировать вооруженные силы. В их быт все более входили предметы западноевропейской вещной среды, высокого качества и по своему времени технологического совершенства, элементы западноевропейской культуры, театр, живопись, музыка, которые, впрочем, трансформировались в России на средневековый лад. Необходимые для страны промышленное предпринимательство, современное военное командование полками иноземного строя, медицинское обслуживание обеспечивалось иностранцами, наемниками или лицами, которые получили царские привилегии.

Отдельные представители правящего светского сословия учили латынь и живые иностранные языки. В их библиотеках появлялись западные книги. Но светская и церковная власти пристально следили за соблюдением традиционного быта россиян, предотвращая новации в культуре, прежде всего из католических и протестантских стран, или допуская их в очень ограниченной мере и трансформируя их.

В такой экономической, социально-политической и культурной среде науки появиться не могли, а потому не мог раскрыться интеллектуальный потенциал русских людей.

В таком контексте историческое знание в России XVI–XVII вв. повторяло в летописной или хронографической форме события в причинно-следственных связях, объясняемых Божественным Предопределением и происками дьявола. Летопись как жанр погодного изложения исторических сведений исчерпывала свои возможности, тогда как все более распространялись домысливание исторических событий и литературный вымысел как средство повествования о прошлом. Польская и австро-немецкая «Россика» позднего Возрождения и эрудитов XVII в. использовала материалы русских летописей, но свое внимание она сосредоточивала преимущественно на начальном периоде Русского государства, на его истоках в скифском и сарматском времени, т. е. в античном периоде, что соответствовало принципам эпохи Возрождения и классицизма. Впрочем, особый интерес к этнокультурной составляющей этой исследовательской парадигмы выражался в установлении созвучий и аналогий с активным использованием вымысла. На изложение событий новой и новейшей русской истории активное воздействие оказывал образ соперника, врага или «другого» по культуре и вере.

Доброжелательный к России прекрасно образованный хорват Юрий Крижанич обосновывал в своих сочинениях в царствование Алексея Михайловича необходимость преобразований в стране. Но он был сослан в Сибирь,

а затем и выслан из России. В царствование Федора Алексеевича был составлен грандиозный план изучения истории России на передовом уровне исторической науки того времени. Как свидетельствует сочинение Сильвестра Медведева «Созерцание краткое», даже в среде людей, настроенных консервативно, а то и фундаменталистски, использовались современные методы конкретного повествования в многообразии фактов, хотя целенаправленно отобранных и интерпретированных. Впрочем, они по-средневековому были предопределены Божественным Промыслом.

Такие проекты не могли осуществиться вследствие средневекового состояния российской экономики, общественно-политического строя и образа жизни, тогда как отдельные опыты исторического повествования с учетом сочинений Нового времени не становились научными разысканиями.

Поскольку в средневековой России отсутствовали развитые буржуазные отношения, которые требовали переустройства основ экономической, социальной, политической и интеллектуальной жизни, инициатором преобразований и реформатором в стране стало Государство, персонифицированное в Петре Великом. Его реформы создали в России новую экономическую, социальную, политическую и культурную среду, которая постоянно требовала для осуществления новых задач талантливых инициативных людей. Средством их интеграции в правящем дворянском сословии стала «Табель о рангах», которая создавала условия вертикальной мобильности для представителей низших сословий и в своей определяющей идее приоритетными утверждала не происхождение, а заслуги перед государством.

Петровская модернизация России создала новые ценностные ориентации. В их содержании Петр Великий учел материальный и интеллектуальный опыт передовых держав своего времени, прежде всего Голландии, Швеции, Франции, Англии. Но определяющими задачами его внедрения являлись российские проблемы в конкретных российских обстоятельствах. Одной из сложнейших задач стало формирование в России человека Нового времени. Петр сформулировал в качестве новых основных принципов жизни и деятельности общественное благо, службу Государству, патриотизм и прогресс, право на свободу вероисповеданий, просвещение, активное творчество вместо «неплодия». Эти принципы способствовали созданию в России человека новой формации.

Деятельность Петра Великого трансформировала Россию в Российскую империю, а ее многочисленные народы — в россиян. Ее экономика, общественно-политический строй, новая культура, объединившая западно-европейские достижения и неисчерпаемый творческий потенциал россиян, создали условия для появления в России новой светской интеллектуальной среды и как ее высшего выражения — Академии наук.

Уже первые преобразования Петра в 1690-е гг. инициировали появление исторических сочинений переходного типа. «История Скифийская»

А.И. Лызлова и «Генеалогия» Римских-Корсаковых объединили изменения в исторических сочинениях времени царствования Федора Алексеевича и регентства царевны Софьи со светскими началами общественной жизни и мышления, свойственными эпохе Петра Великого, а также со стилистическими особенностями эпохи классицизма.

В создание российской исторической науки Нового времени значительный вклад внес Петр Великий. В исторических экскурсах в Уставах, законодательных постановлениях, в исторических трудах, работой над которыми Петр практически руководил и которые редактировал, он стремился к точному изложению исторических фактов, используя сведения наиболее достоверных источников. Как политик он соединял свои познания в истории с политическими характеристиками.

Древнюю историю России Петр оставил историкам, не считая ее «правдивой» в современных ему работах. Периоды ее единства он считал временем подъема, а политического разделения — упадка. Основное свое внимание Петр сосредоточил на времени правления отца и своего собственного. Он излагал эти события не только в причинно-следственных связях, но проявляя также основы генетического анализа. Петр не скрывал поражений и неудач, а в разгроме под Нарвой в 1700 г. он указал диалектическую связь тяжести потерь и последующих решительных преобразований и многочисленных побед.

При написании истории своего правления Петр указывал не только новшества, которые имели место, но также по какой причине они совершались, придавая большое значение аналитическому изложению исторических событий.

В соответствии с основами культуры классицизма большое значение Петр придавал античной истории, выделяя в ней преимущественно темы, созвучные современной российской истории, — судьбы государств и их военного могущества. Он стремился собрать и сохранить отечественные исторические древности, памятники древнерусской письменности, что способствовало формированию источниковедческих основ дальнейших исторических разысканий. При нем началась публикация исторических источников.

Во всех рассмотренных отраслях исторической науки, находившейся в России в процессе становления, Петр Великий наметил основные направления ее будущего развития.

Произошедшие во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. изменения в России были столь значительны, что особое внимание российских и зарубежных авторов вплоть до второй половины 1720-х гг. было обращено на историю этого периода, тогда как изложение истории древней сопровождалось многочисленными ошибками. Они подтверждали мнение Петра о необходимости специального изучения историками древнерусского периода.

Петровская концепция исторического процесса стала той парадигмой, в соответствии с которой написаны исторические труды его сподвижников.

Впрочем, князь Б.И. Куракин в скрытой форме осуждал время правления Петра, в чем выразилась аристократическая оппозиция самодержавной царской власти. То же различие характеристик существовало и в зарубежной литературе — положительных (Д. Перри, Ф.Х. Вебер, Фонтенель, де Лимьер, Руссе де Мисси) и отрицательных (Фуа де ля Невиль). Положительно оценил конструктивную деятельность Петра, особенно в сравнении со шведским королем Карлом XII, и Ф.М. Вольтер. Эта характеристика для Вольтера была тем более обоснованной, поскольку Петр много сделал для утверждения в России современной культуры, цивилизации, тогда как, по мнению Вольтера, допетровской Руси было свойственно «варварство».

Петровские преобразования не только способствовали деятельности россиян, но и пробуждали у них жажду знаний. В определенной мере закономерно, что М.В. Ломоносов происходил из среды лично свободных северных поморов и крестьян, экономически и социально активных, грамотных. Они не только были включены в единую государственную систему, но и осознавали свою причастность к судьбам России. Петровские реформы воздействовали на них непосредственно не только возрастанием налогового бремени, но также принуждая к модернизации хозяйствования. Так что Ломоносовы, отец и сын, ходили в море не на архаичных кочах, а на современном гукоре. В Холмогорах и особенно в Архангельске юный Ломоносов видел явления новой жизни, столь непохожей на традиционный быт русских поморов и крестьян, тогда как «Арифметика» Леонтия Магницкого и «Грамматика» Мелетия Смотрицкого сообщали ему о существовании удивительного мира многих наук и поэзии.

Закономерным стал мужественный ответ молодого помора на вызов Петровской эпохи и ее традиции в русской жизни. Он преодолел все препятствия, выдержал все трудности и стал одним из лучших учеников Славяно-греко-латинской академии. В годы юности ему был свойственен интерес, в частности, и к истории. Заданная преобразованиями Петра постоянная острая потребность молодой современной державы в специалистах способствовала зачислению М.В. Ломоносова наряду с другими отправленными из Москвы учениками Славяно-греко-латинской академии в студенты при Академии наук. По той же причине вскоре он был отправлен на четыре с половиной года для обучения под руководством знаменитого ученого Х. Вольфа в Марбургском университете, а также для совершенствования в химии и горном деле у выдающегося специалиста И.Ф. Генкеля во Фрейберге.

М.В. Ломоносов стал человеком Петровской формации. Он прошел курс наук в Германии, где был обучен многочисленным университетским дисциплинам и стал всесторонне подготовленным специалистом, прежде всего химиком, поскольку такие специалисты были необходимы России. Ломоносов стремился принести практическую пользу Отечеству, которое потратило определенные средства на его заграничное обучение. Как и следовало интел-

лектуалу XVIII столетия, он стал человеком энциклопедически образованным. В Германии Ломоносов разработал свою теорию стиха и развил свой поэтический дар, превратившись в выдающегося русского поэта. Он продолжал уделять большое внимание также истории России, накапливая о ней значительные познания.

Вдали от Родины М.В. Ломоносов талантливо выразил патриотическое чувство в связи с победами в 1739 г. российской армии над давним противником, Османской империей. В соответствии с принципами Петра Великого для Ломоносова главным в человеке являлись не социальное происхождение и национальная принадлежность, а личные достоинства и служба Отечеству. Он женился в Германии на немке. Так что начала Петровской эпохи определяли жизнь и деятельность Ломоносова от рождения до его возвращения в Петербург 8 июня 1741 г.

Между тем, в России 1725–1741 гг. продолжался процесс становления исторической науки. Т.З. Байер ввел в практику исследований современный жанр научной статьи. Большое значение для определения новых исследовательских возможностей в изучении истории России приобрело последовательное использование им разных по происхождению греко-, арабо- и латиноязычных исторических источников, что позволило ему обоснованно показать изначальное включение России в общеевропейский контекст исторического развития, на современном источниковом уровне рассматривать историческое развитие Руси в многоэтничной среде Восточной Европы и Азии. Но определяющей для Байера оставалась европейская принадлежность Руси, в чем он объективно продолжил идеологию и практику Петра Великого.

Т.З. Байер преодолел ограниченную в своем научном содержании абсолютизацию частных наблюдений, свойственных тогда польским, прибалтийским и шведским историкам, а также мифологизацию русских позднесредневековых историко-литературных сочинений. Определение скандинавской принадлежности варягов на Руси для него являлось не свидетельством основания ими Русского государства, этническую основу которого для него составляли славяне, а началом военной и торговой деятельности варягов на Руси. Особое внимание к этнокультурным характеристикам и исторической географии древних народов, включая славян, позволяло Байеру решительно возражать против их характеристик как «диких».

Впрочем, Т.З. Байеру были свойственны крайне ограниченные представления о средневековых русских исторических источниках, приблизительные, подчас ошибочные суждения о событийной истории России. Наряду с ограничением истории Руси анализом этнических и историко-географических проблем они имели следствием преувеличение в российской истории внешних военно-политических и этнокультурных факторов.

В начале своей деятельности в России Г.Ф. Миллер в результате интенсивной издательской, преподавательской и организационной работы

способствовал популяризации научных знаний о древней и современной российской истории. Особое внимание он уделял древнерусским историческим источникам и их переводу на немецкий язык, что способствовало широкому знакомству с ними в ученой среде. Значителен его вклад в спасение и исследование многообразных по происхождению источников по истории Сибири. Они позволили Миллеру изучить процесс распространения русского населения в Сибири. Он попытался на новом уровне продолжить намеченный Петром Великим опыт государственного собирания памятников средневековой русской письменности и материальных памятников древности, что выполнить не удалось.

Г.Ф. Миллер — автор первого монографического исследования по истории Сибири. Но он осознавал, что не сможет написать историю Российского государства. Его перевод-интерпретация русско-византийских договоров X в. способствовал пониманию Руси этого периода как государства с определенными политической и общественной системой, экономическими интересами. Впрочем, последовательно изучить историю древнерусского периода он не мог. Характерны для него были также малообоснованные утверждения, свойственные начальному периоду разысканий о русской истории, что вызывало критику коллег.

В отличие от предшественников и современников по изучению истории России В.Н. Татищев впервые последовательно изложил содержание этногенеза славян и русских, а также российской истории до 1613 г., до избрания на российский престол Михаила Федоровича Романова. В своей «Истории Российской» он выделил основные периоды истории российской государственности. В русско-византийских договорах X в. он раскрыл их сложное правовое, политическое и социальное содержание, что стало началом их конструктивного изучения в последующей традиции российской науки до нашего времени. Изучение исторических источников позволило Татищеву сформулировать наблюдения, которые стали началом исследования летописания, средневековой русской исторической географии, истории права, вспомогательных исторических дисциплин.

Впрочем, в двух редакциях «Истории Российской» содержались так называемые «татищевские известия», сообщения которых не подтверждаются информацией известных ныне исторических источников. Они отразили сложнейшую природу исторического познания. Им свойственно литературное начало, элементы которого также присутствуют в историческом исследовании. В «Истории Российской» литературная составляющая продолжила традиции летописей как историко-литературных произведений, основного вида исторических источников, которыми пользовался В.Н. Татищев при ее написании. Эта литературная составляющая выразила авторскую потребность в дополнительных исторических сведениях, которые еще не могли тогда выявить ограниченные возможности источниковедческого и исторического анализа, вспо-

могательных исторических дисциплин, а также еще незначительный состав исторических источников, введенных в научный оборот.

Наряду с литературным началом в избыточной по отношению к историческим источникам информации «Истории Российской» устанавливается воздействие на В.Н. Татищева философских концепций Г.В. Лейбница и Х. Вольфа. Их идеи особого значения интуитивного познания, возможности и непротиворечивости как критериев истинности идей создавали условия для признания правдоподобия, сосуществующего в исторических разысканиях с критически изученными известиями исторических источников. Следование этим принципам позволяло домысливать события в качестве правдоподобных. Их изложение в контексте критически изученной информации исторических источников становилось средством подтверждения достоверности правдоподобных сообщений литературного происхождения.

Таким образом, происхождение «татищевских известий» объясняется особенностями истории как науки в первой половине XVIII в. и свойствами философских концепций, которыми В.Н. Татищев руководствовался.

Между тем, во второй четверти — середине XVIII в. на изучение российской истории активное воздействие оказывала изменяющаяся общественно-политическая ситуация в стране. Все возраставшие к концу царствования Анны Ивановны и в краткий период правления Анны Леопольдовны антинемецкие настроения, провокационная политика Швеции, которая начала в 1741 г. войну против России и пыталась эти настроения использовать, реальная опасность судьбе дочери Петра Великого Елизаветы имели следствием дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. и ее возведение на императорский престол.

Елизавета Петровна восстановила почитание деятельности своего отца, что пытались принизить в правление династической ветви «Ивановичей». Используя антинемецкие общественные настроения, она устранила из высшего аппарата управления широко понимаемых «немцев», включая российских подданных. Пользуясь напряженным международным положением, в котором противниками России оказались, в частности, Швеция и Пруссия, Елизавета стала осуществлять жесткий контроль над идейной и духовно-религиозной жизнью в стране. В таких обстоятельствах М.В. Ломоносов все более привлекался академической администрацией, власть предрежащими и самой императрицей к профессиональному изучению российской истории.

В отличие от многочисленных одномерных и целенаправленных характеристик творчества Ломоносова-историка конкретный историографический анализ позволяет проследить существенные изменения в его взглядах на российскую историю в разных обстоятельствах политической жизни России второй половины 40-х — первой половины 60-х гг. и раскрыть содержание его выдающегося вклада в изучение российской истории.

Наши наблюдения подтверждают вывод В.О. Ключевского, в соответствии с которым «в исторических взглядах Ломоносова отразилось влияние

господствующей идеи царствования Елизаветы: «Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками — такова была господствующая мысль того времени» [Ключевский В.О. 1959. С. 410]. Но факторы, воздействовавшие на историка в елизаветинское царствование, оказались множественными.

Антинемецкие настроения в конце 1740-х гг. способствовали появлению в России насыщенных патриотическими идеями любительских сочинений. Но М.В. Ломоносов в 1747–1748 гг., по преимуществу, поддерживал наблюдения Г.Ф. Миллера. При обсуждении любительских работ П.Н. Крекшина он как член академической комиссии, в основном, согласился с критическими замечаниями Миллера по поводу ошибочных псевдопатриотических утверждений Крекшина. Впрочем, в условиях правительственного политического и идеологического давления в 1748 г., изменяющейся придворной конъюнктуры отношение Ломоносова к идеям Миллера, в частности в вопросе об этнической принадлежности варягов, ужесточилось.

Вероятно, по инициативе фаворита императрицы И.И. Шувалова и в результате ее поручения в 1750 г. М.В. Ломоносову пришлось все более сосредоточиваться на профессиональном изучении истории России. По заданию И.И. Шувалова он должен был подготавливать материалы для «Истории Российской империи при Петре Великом», первый том которой написал и издал в 1757–1759 гг. Ф.М. Вольтер в соответствии с российским правительственным заказом, а также участвовать в ее обсуждении.

Собственные исследования истории России М.В. Ломоносов обобщил в «Слове похвальном» Петру Великому (1755 г.), в «Кратком Российском летописце» (1760 г.) и первом томе «Российской истории», опубликованном посмертно под названием «Древняя Российская история» (1766 г.).

Над этими сочинениями М.В. Ломоносов работал в особой ситуации. В России распространялись просветительские идеи. Их поддерживал И.И. Шувалов. После восшествия в 1762 г. на престол Екатерина II в формулировании внутренней и идеологической политике активно использовала просветительские идеи, в частности, Вольтера. В таких обстоятельствах Ломоносов, вероятно, продолжал работу над завершенной в 1758 г. первой редакцией первого тома «Российской истории».

Ломоносов-историк — истинный ученый. У него были предшественники, современники, которые влияли на него своими идеями, и оппоненты, с которыми он дискутировал. Он был открыт для других теорий, исторических и философских, на него воздействовали разные общественно-политические теории, конкретная ситуация в стране, и поэтому интерпретация сложных проблем российской истории в его трудах эволюционировала.

Учитывая опыт современных исторических исследований, Петра Великого, исторических трудов Петровского времени, В.Н. Татищева, М.В. Ломо-

носов создавал в России основы светского научного изучения отечественной истории, включая историю Русской Церкви.

Вслед за Петром Великим М.В. Ломоносов стремился к точному изложению исторических фактов. Поэтому практикой своих исследований он предотвратил продолжение литературного домысливания как формы изложения исторического прошлого, что имело место в «Истории Российской» В.Н. Татищева. На опасность такого домысливания обращал внимание и его великий современник Ф.М. Вольтер. Но в отличие от Петра Ломоносов был ограничен в отборе и интерпретации фактов принципами классицизма как стиля эпохи, а также обстоятельствами общественно-политической ситуации в России. Поэтому он писал об основном положительном содержании в деятельности Петра Великого, и в этом Ломоносов был также близок к Вольтеру, Татищеву и многим другим предшественникам и современникам.

Решая проблему, поставленную Петром Великим перед историками, — исследование древнерусской истории — М.В. Ломоносов вслед за В.Н. Татищевым сделал эту тему объектом специального исследования. Он показал конкретное содержание древней истории славян и Руси как объектов научного изучения. При этом он обратил внимание на возможности анализа их древнейших истоков, как исследователи позднее определили, в индоевропейском прошлом. После работ Ломоносова научное последовательное изложение истории России стало возможно с древнерусского периода, и этим он конкретизировал многие общие, наполненные многочисленными ошибками экскурсы на данную тему в отечественных работах и в зарубежной «Россике».

Подобно В.Н. Татищеву М.В. Ломоносов комплексно изучал многочисленные древнерусские и иностранные исторические источники, накапливая источниковедческие наблюдения.

Следуя новейшим просветительским концепциям, М.В. Ломоносов рассматривал Россию в едином историческом контексте европейских стран. В древний период это были не только общие процессы становления русского народа и государства, но также их конкретное содержание. Поэтому Ломоносов не только придавал вслед за Г.Ф. Миллером и В.Н. Татищевым большое значение конкретному содержанию русско-византийских договоров первой половины X в. и внес в их анализ значительный научный вклад, но также установил существование в древнерусский период институтов, свойственных другим странам раннесредневековой Европы. Такие наблюдения в просветительской историографии и историософии являлись средством аналитического изучения средневековых обществ и научным обоснованием концепции единства исторического прогресса, который должен привести в европейских странах XVIII в. к смене средневековых сословий и институтов новыми социальными отношениями и обществом. В России такие наблюдения приобрели также особое значение в утверждении методов научного анализа вопреки описанию событий на поверхности явлений,

а также в обосновании общеевропейской принадлежности России вопреки консервативным традициям их противопоставления.

Свойственное просветительской историографии особое внимание к истории страны в контексте ее культуры, ее принадлежности к цивилизации, противоположной варварству, особо выразилось не только в опубликованных трудах М.В. Ломоносова, но также в его пометах в рукописях летописей, Степенной книги, в западноевропейских публикациях исторических источников и исторических сочинений. Различия между значительными собранными источниковыми материалами и их изучением в опубликованных исторических исследованиях указывают на то, что в России середины XVIII в. существовали начальные монографические формы разысканий. Ломоносов внес значительный вклад в их становление и развитие.

Принципиальное значение имело изучение М.В. Ломоносовым истории России как страны изначально многоэтничной, в которой существуют разные обычаи и религии. При этом он обоснованно отметил особое значение славян в формировании ее государственности, а также процессы расселения русских людей.

Большое научное значение имела в российской историографии трехчастная периодизация истории России: единство (самодержавие) — политическое дробление — единство (самодержавие) под властью московских государей. Если, начиная с Петра Великого, средний период характеризовался как совершившееся по ошибке князей зло, то М.В. Ломоносов вслед за В.Н. Татищевым наметил конструктивный путь его изучения в конкретном содержании существовавших княжеств, «вольных городов» и средневековых институтов, которые на Западе в середине XVIII в. стали называть феодальными.

Изучение древней истории России в общеевропейском контексте способствовало дальнейшей разработке М.В. Ломоносовым так называемого «варяжского вопроса». В отличие от предшествующей однозначной связи варягов со славянами ваграми и пруссами, что подразумевало в контексте политики Елизаветинского царствования противопоставление древней русской истории западноевропейской, где варягами являлись скандинавы, Ломоносов в соответствии с идеологией Екатерининского царствования и практикой просветительских исторических разысканий распространил понятие *варяг* на многие народы Балтийского и Северного морей. Поэтому он в пометах к прочитанным историческим источникам и исторической литературе основное внимание стал уделять определению функций варягов на Руси прежде всего как воинов-наемников и княжих служилых людей.

Современники М.В. Ломоносова Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлёцер, которые претендовали на особое значение в изучении истории России, не создали и не могли создать обобщающих трудов, ей посвященных. Талант Миллера раскрылся, наряду с созданием журналистики исторического содержания, в археографической и архивной деятельности, талант Шлёцера — в приме-

Заключение

нении в сравнительном анализе летописных известий уже накопленного при изучении античных авторов и в библиистике опыта критического сравнения текстов, а также в еще рационалистических приемах реконструкции первоначального текста. Эти намеченные Миллером и Шлёцером направления деятельности нашли продолжение и развитие в российской исторической науке. Не нуждается Ломоносов и в приписывании ему издания Радзивилловской летописи, осуществленного в 1767 г. и, вероятно, подготовленного к публикации И.С. Барковым.

Гений Ломоносова-ученого в полной мере выразился в его разысканиях, посвященных российской истории. В них он обобщил весь предшествующий исследовательский опыт, накопил опыт собственный и учел наблюдения современников, прежде всего новаторского направления просветителей, особенно Ф.М. Вольтера. Многие исторические идеи Ломоносова сохранили свое конструктивное содержание до наших дней, а некоторые из его наблюдений раскрывают свою значимость лишь в контексте новейших исторических исследований. Такое свойство исторических идей характерно для творчества гениев.

Литература

- Аблов Н.Н.* 1941. Сподвижник Ломоносова, первый русский книговед — Андрей Богданов [1693–1766] // Советская библиография. Сб. 1 (19). М.
- [*Аввакум*]. 1959. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М.
- Агеева Р.А.* 1990. Страны и народы: Происхождение названий. М.
- Аграрная история Северо-Запада России. 1971: Вторая половина XV — начало XVI в. / Руководитель научного коллектива А.Л. Шапиро. Л.
- Акимова А.* 1970. Вольтер. М. (ЖЗЛ. Вып. 13 (489)).
- Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. 1993: Описи копияных книг (в двух томах) / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Изд. подготовили Н.С. Гурьянова, А.Х. Элерт, Д.Я. Резун. Т. 1. Новосибирск.
- Акты Соловецкого монастыря. 1988: 1479–1571 гг. / Сост. И.З. Либерзон. Л.
- Алексеев М.П.* 1947. Вольтер и русская культура XVIII века // Вольтер: Статьи и материалы. Л.
- Алексеева Н.Ю.* 2005. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.
- Алпатов М.А.* 1976. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII — первая четверть XVIII века. М.
- Алпатов М.А., Тихомиров М.Н.* 1955. Труды М.В. Ломоносова // Очерки истории исторической науки в СССР. М. Т. 1.
- Альбина Л.Л.* 1979. Вольтер-историк в своей библиотеке // Новая и новейшая история. № 2.
- Альбина Л.Л.* 1980. Источники «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера в его библиотеке // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л.
- Альбина Л.Л.* 1989. Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // Век Просвещения: Россия и Франция. М. (Вишперовские чтения — 1987. Вып. 20).
- Амвросий.* 1807. История Российской иерархии. Ч. 1. М.
- Андреев А.И.* 1937. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л. Т. 1.

Андреев А.И. 1940а. Ломоносов и Крашенинников // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. [Т. 1].

Андреев А.И. 1940б. Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. [Т. 1].

Андреев А.И. 1946. Труды Ломоносова по географии России // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Т. 2.

Андреев А.И. 1947а. Петр Великий в Англии в 1698 г. // Петр Великий. М.; Л. Т. 1.

Андреев А.И. 1947б. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий. М.; Л. Т. 1.

Андреев А.И. 1950. Труды В.Н. Татищева по географии России // *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М.

Андреев А.И. 1951а. О дате рождения Ломоносова // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Т. 3.

Андреев А.И. 1951б. Переписка В.Н. Татищева за 1746–1750 гг. // ИА. Т. 6.

Андреев А.И. 1962. Труды В.Н. Татищева по истории России // *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л. Т. 1.

Андреев А.И. 1965. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.

Андреев А.И. 1999. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М.

[*Андреев А.И., Свирская В.Р.*]. 1952. Примечания // *Ломоносов М.В.* ПСС. Т. 6.

Андреев А.Ю. 2005. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.

Андреева Е.А. 2008. Окно в Европу, или «все флаги в гости будут к нам...» // Петровское время в лицах – 2008: Материалы науч. конф. СПб. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 43).

Анисимов Е.В. 1982. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л.

Анисимов Е.В. 1989. Время петровских реформ. Л.

Анисимов Е.В. 1993. Царь-реформатор // Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб.

Анисимов Е.В. 1994. Россия без Петра. СПб.

Анисимов Е.В. 1995. «Шведская модель» с русской «особостью» // Звезда. № 1.

Анисимов Е.В. 1997. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.

Анисимов Е.В. 1998. Личность Ивана Шувалова // Философский век. Альманах. Вып. 8: Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории. СПб.

Анисимов Е.В. 2002. Анна Иоанновна. М. (ЖЗЛ. Вып. 1016 (816)).

Анисимов Е.В. 2005. Елизавета Петровна. М. (ЖЗЛ. Вып. 1138 (938)).

Анфертьева А.Н. 2002. Кирилл Григорьевич Разумовский // Во главе первенствующего сословия России: Очерки жизни и деятельности президентов императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг. СПб.

- Артамонов М. И.* 1962. История хазар. Л.
 Архив кн. Ф.А. Куракина. 1890. Кн. 1 / Под ред. М.И. Семевского. СПб.
Асмус В. 1960. Декарт Рене // *Философская энциклопедия*. М. Т. 1.
Астраханский В.С. 1993. «История Российская» В.Н. Татищева: Опыт текстологических, историографических и библиографических изысканий. М.
Бабкин Д.С. 1946. Биографии М.В. Ломоносова, составленные его современниками // *Ломоносов: Сб. статей и материалов*. М.; Л. Т. 2.
Бабкин Д.С. 1965. Нераскрытая судьба книги Ломоносова «Российская история» // *Ломоносов: Сб. статей и материалов*. М.; Л. Т. 6.
Баггер Х. 1985. Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М.
 [Байер Ф.З.]. 1738. Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу / Переведено с немецкаго языка чрез И.К. Тауберта, Академии наук адъюнкта. СПб.
 [Байер Ф.З.]. 1783. История о жизни и делах молдавского господаря князя Константина Кантемира, сочиненная покойным профессором Бером с российским переводом и с приложением родословия князей Кантемиров. М.
Бакланова Н.А., Андреев А.И. 1999. Обзор рукописей Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // *Миллер Г.Ф. История Сибири*. 2-е изд., доп. Т. 1. М.
Бартенев П. 1857. Биография И.И. Шувалова. М. (Отд. отт. из журнала «Русская беседа». 1857. № 1).
Баумгертель Г. 1961. Ломоносов во Фрейберге // *Ломоносов: Сб. статей и материалов*. М.; Л. Т. 5.
Бахрушин С.В. 1937а. Некоторые вопросы истории Киевской Руси // *ИМ*. Кн. 3.
Бахрушин С.В. 1937б. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // *Миллер Г.Ф. История Сибири*. М.; Л. Т. 1.
Белковец Л.П. 1988. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг. Томск.
Белоброва О.А. 1993. Лихуды Иоанникий (1633–1717) и Софроний (1652–1730) // *СККДР*. Вып. 3, ч. 2.
Белоброва О.А., Богданов А.П. 1993. Игнатий // *СККДР*. Вып. 3, ч. 2.
Белов М.И. 1951. О родине Ломоносова по новым материалам: К биографии М.В. Ломоносова // *Ломоносов: Сб. статей и материалов*. М.; Л. Т. 3.
Белокуров С.А. 1902. Из духовной жизни московского общества XVII в. М.
Белокуров С.А. 1911а. О намерении Ломоносова принять священство и отправиться с И.К. Кирилловым в Оренбургскую экспедицию 1734 г. // *Ломоносовский сборник*. СПб.
Белокуров С.А. 1911б. Об отправлении учеников Славяно-греко-латинской академии, в том числе и Ломоносова, из Москвы в С.-Петербург 1735 г. // *Ломоносовский сборник*. СПб.
Белявский М.Т. 1961. История России XII–XVII вв. литературных произведений М.В. Ломоносова // *Вестник МГУ*. № 5, серия 9, «История».

Белявский М.Т. 1987. Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII века. М. Ч. 2.

Беляев И.Д. 1951. Русь в первые сто лет от прибытия Рюрика в Новгород // Временник Имп. Московского об-ва истории и древностей российских. Кн. 15.

Берков П.Н. 1966. Бурхард-Адам (Никодим) Селлий и его «Каталог писателей о России» (1736 г.) // Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы. № 20, вып. 4.

Бескровный Л.Г. 1959. Стратегия и тактика русской армии в Полтавский период Северной войны // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. статей. М.

Беснятых Ю.Н. 1990. История знаменитого сражения: Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. Архангельск.

Беснятых Ю.Н. 1997. Третье «пришествие» Петра I на Белое море // Архангельск в XVIII веке. СПб.

Бестужев-Рюмин К. 1882. Биографии и характеристики. СПб.

Библиография русского летописания. 1962 / Сост. Р.П. Дмитриева. М.; Л.

Библиотека Петра I. 1978: Указатель-справочник / Сост. Е.И. Боброва. Л.

Библиотека Петра I. 2003. Описание рукописных книг / Автор-составитель И.Н. Лебедева. СПб.

Библиотека Я.В. Брюса. 1989: Каталог / Сост. Е.А. Савельева. Л.

Библиотека. 1767. Ч. 1. — Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской, древних и средних времен. СПб., 1767. Ч. 1: Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года.

Бильбасов В.А. 1887. Первые политические письма Екатерины II. СПб.

Бильбасов В.А. 1900. История Екатерины Второй. Т. 2. Берлин.

Биларский П.С. 1865. Материалы для биографии Ломоносова. СПб.

Богданов А.П. 1990. Работа А.И. Лызлова над русскими и иностранными источниками // *Лызлов А.* Скифская история. М.

Богданов А.П. 1994. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М.

Богданов А.П., Гладкий А.И. 1993. Лызлов Андрей Иванович // СККДР. Вып. 3, ч. 2.

Богословский М.М. 1940. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1: Детство. Юность. Азовские походы. 30 мая 1672 — 6 марта 1697 г. М.

Богословский М.М. 1941. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2: Первое заграничное путешествие. 9-е марта 1697 — 25-е авг. 1698 г. Ч. 1, 2. М.

Богословский М.М. 1946. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3: Стрелецкий розыск. Воронежское кораблестроение. Городская реформа 1699 г. Карловицкий конгресс. 1698–1699. М.

Богословский М.М. 1948. Петр I. Материалы для биографии. Т. 4. Русско-датский союз. Керченский поход. Дипломатическая подготовка Северной войны. Реформы и преобразовательные планы 1699–1700 гг. Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовления Петра к Северной войне. 1699–1701. М.

Болтин И. 1793. Критические примечания <...> на первый и второй тома «Истории» князя Щербатова. СПб. Т. 1.

Бомштейн Г.И. 1956. Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М. Вып. 1 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 30).

Бренева И.В., Ринкон-Поса Э. 1991. «Идеи для живописных картин из Российской истории» и их отражение в русской исторической живописи // Ломоносов: Сб. статей и материалов. СПб. Т. 9.

Брим В.А. 1923. Происхождение термина «Русь» // Россия и Запад. Т. 1. Пб.

Брюне П. 2000. Иоганн Готхильф Фоккеродт и его влияние на представления Вольтера и Фридриха Великого о России // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М.

[Бумаги императрицы Екатерины II]. 1872. — [Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел] // Сб. РИО. СПб. Т. 10.

Быкова Т.А., Гуревич М.М. 1958. Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог: Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 — январь 1725 г. М.; Л.

Бычков А.Ф. 1872. Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке, и описание хранящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования. СПб.

Быčkova М.Е. 1981. Из истории создания родословных росписей конца XVII в. и Бархатной книги // ВИД. Вып. 12.

Вайнштейн О.Л. 1940. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.; Л.

Валк С.Н. 1957. Татищевские списки Русской Правды // Сборник материалов по истории СССР. Вып. 5.

Валк С.Н. 1962. О рукописях первой части «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н. История Российская*. Л. Т. 1.

Валк С.Н. 1963. О рукописях второй редакции второй части «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н. История Российская*. Л. Т. 2.

Валк С.Н. 1964. О рукописях первой редакции второй части «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н. История Российская*. Л. Т. 4.

Валк С.Н. 1965. О рукописях третьей части «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н. История Российская*. Л. Т. 5.

Валк С.Н. 1966а. О рукописях четвертой части «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н. История Российская*. Л. Т. 6.

Валк С.Н. 1966б. В.Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // XVIII век. М.; Л. Сб. 7.

Валк С.Н. 1968а. «История Российская» В.Н. Татищева в советской историографии // *Татищев В.Н. История Российская*. Л. Т. 7.

Валк С.Н. 1968б. О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н. История Российская*. Л. Т. 7.

Валк С.Н. 1969. «Вельможи» в «Истории Российской» В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. 24.

Валк С.Н. 1971. В.Н. Татищев в своем болдинском уединении // Проблемы истории феодальной России: Сб. ст. к 60-летию В.В. Мавродина. Л.

Валк С.Н. 1975. Август Людвиг Шлёцер и Василий Никитич Татищев // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи: Памяти П.Н. Беркова. Л.

Валк С.Н. 1979. О составе издания // *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л.

Валк С.Н. 1991. Избранные труды по археографии: Научное наследие. Л.

Валк С.Н. 2000. Избранные труды по историографии и источниковедению: Научное наследие. СПб.

Валкина И.В. 1966. К вопросу об источниках Татищева // XVIII век. М.; Л. Сб. 7.

Ведюшкина И.В. 1995. «Русь» и «Русская земля» в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993. М.

Вейдемейер А. 1834. Царствование Елизаветы Петровны. Ч. 1. СПб.

Велецкая Н.Н. 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. 1987 / Сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.

Велувенкамп Я.В. 2006. Архангельск: Нидерландские предприниматели в России: 1550–1785. М.

Веревкин М.И. 1946. Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Вып. 2.

Веселовский А.Н. 1883. Разыскания в области русского духовного стиха. Т. 7. СПб.

Вилинбахов В.Б. 1962. Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalis.* Poznan. Т. 22.

Винтер Э. 1959. И.В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732 г.) // XVIII век: Сб. 4. М.; Л.

Винтер Э. 1961. М.В. Ломоносов и А.Л. Шлёцер // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Вып. 5.

Власть и реформы. 1996: От самодержавной к советской России. СПб.

Вовина В.Г. 1992. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // ОИ. № 5.

Вовина В.Г. 1996. [Рец.] А.П. Богданов. Летописец и историк конца XVII века <...> // ОИ. 1996. № 3.

Вовина-Лебедева В.Г. 2004. Новый летописец: История текста. СПб.

Водарский Я.Е. 1993. Петр I // ВИ. № 6.

Возгрин В.Е. 1986. Россия и европейские страны в годы Северной войны: История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л.

Вольф Х. 2001. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще, сообщенные любителям истины Христианом Вольфом // Христиан Вольф и философия в России. СПб.

Воскресенский Г. 1891. Ломоносов и московская Славяно-греко-латинская академия (К столетия годовщине Ломоносова). (Отд. отт. из: Прибавления к Творениям св. отцов. Ч. 47).

Воскресенский Н.А. 1938. Законодательные акты Петра Великого. Т. 1: О промышленности и торговле. Л. (рукопись). — ОР РНБ. Ф. 1003, ед. хр. 8.

Воскресенский Н.А. 1939. Опыт изучения происхождения размещения и социальной структуры крупной промышленности России в конце XVII и первой четверти XVIII в. Л. (рукопись). — ОР РНБ. Ф. 1003, ед. хр. 21.

Воскресенский Н.А. 1942. Законодательные акты Петра I. Т. 2. 2-я пол.: Редакции, проекты, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: Акты об общественных классах. Л. (рукопись). — ОР РНБ. Ф. 1003, ед. хр. 7.

Воскресенский Н.А. 1945а. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / Под ред. и с предисловием Б.И. Сыромятникова. М.

Воскресенский Н.А. 1945б. Петр Великий как законодатель: Исследование законодательного процесса в эпоху реформ первой четверти XVIII века. Л. (рукопись). — ОР РНБ. Ф. 1003, ед. хр. 14.

Воскресенский Н.А. 1947. Законодательные акты Петра I. Т. 3, ч. 2: О торговле. Л. (рукопись). — ОР РНБ. Ф. 1003, ед. хр. 10.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1, 2. Тбилиси.

Гейрманс Г.Л. 1940. Татищевские списки Русской Правды // Проблемы источниковедения. Л. Т. 3.

Гейман В.Г. 1951. Право и суд // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. Т. 2.: Общественный строй и духовная культура. М.; Л.

Гельмольд. 1963. Славянская хроника / Предисл., пер. и прим. Л.В. Разумовской. М.

Герберштейн С. 2008. Записки о Московии: В двух томах. М. Т. 1, 2.

Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. 2005. История немцев России. М.

Герье В. 1871. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб.

Гизен. 1788. Собрание разных записок и сочинений <...>. СПб. Ч. 3.

Гиляров Ф. 1878. Предания русской начальной летописи. М.

Глазырина Г.В. 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. М.

Глазырина Г.В. 2000. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. М.

Гнучева В.Ф. 1940. Ломоносов и Географический департамент Академии наук // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. [Т. 1].

Гоббс Т. 2001. Философские основания учения о гражданине. Минск; М.

Голендухин Л.Д. 1964. Новые материалы к биографии В.Н. Татищева (Из ранних лет его жизни) // Материалы к биографии В.Н. Татищева. Свердловск.

Литература

Голиков И.И. 1838. Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 2-е изд. М. Т. 9.

Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. 1987. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. М. Ч. 2.

Гольдберг А.Л. 1975. Историко-политические идеи русской книжности XV–XVII вв. // ИСССР. № 4.

Гольдберг А.Л. 1982. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. Вып. 13.

Гольдберг А.Л., Дмитриева Р.П. 1989. Филофей // СККДР. Вып. 2, ч. 2.

Горский А.А. 1989. Проблема происхождения названия «Русь» в современной советской историографии // ИСССР. № 3.

Горский А.А. 1997. К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы к конф. М.

Готье Ю.В. 1922. «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Петровича Волынского // Дела и дни: Исторический журнал. Кн. 3. Пб.

Гофман П. 1961. Значение Ломоносова в изучении древней русской истории // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Вып. 5.

Гофман П. 2001. Краткий Российский летописец с родословием // Ломоносов: Краткий энциклопедический словарь / Редактор-составитель Э.П. Карпеев. СПб.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 1949 / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л.

Греков Б. 1940. Ломоносов-историк // ИМ. № 11.

Грибоедов Ф. 1896. История о царях и великих князьях земли Русской / Сообщении С.Ф. Платонова и В.В. Майкова. СПб. (Памятники древней письменности. Т. 121).

Гудавичюс Э. 2005. История Литвы. Т. 1: С древнейших времен до 1569 года. М.

Гузевич Д., Гузевич И. 2008а. Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006. СПб.

Гузевич Д., Гузевич И. 2008б. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.

Гуревич А.Я. 1972. История и сага. М.

Гуревич А.Я. 1979. «Эда» и сага. М.

Дворецкая Н.А. 1984. Сибирский летописный свод. Вторая половина XVII в. Новосибирск.

200-летие кабинета Его Императорского Величества. 1911. 1704–1904: Историческое исследование. СПб.

Державина О.А. 1979. Театр и драматургия // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М.

Джаксон Т.Н. 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей. X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1988–1989 годы. М.

Литература

- Джаксон Т.Н.* 1993. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М.
- Джаксон Т.Н.* 1994. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Текст, перевод, комментарий. М.
- Джаксон Т.Н.* 2000. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.): Текст, перевод, комментарий. М.
- Дмитриева Р.П.* 1989. Сказание о князьях владимирских // СККДР. Вып. 2, ч. 2.
- Добрушкин Е.М.* 1970. О двух известиях «Истории Российской» В.Н. Татищева под 1113 г. // ВИД. Вып. 3.
- Добрушкин Е.М.* 1972. «История Российская» В.Н. Татищева и русские летописи (Опыт текстологического анализа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Добрушкин Е.М.* 1976. К вопросу о происхождении сообщений «Истории Российской» В.Н. Татищева // ИЗ. Т. 97.
- Добрушкин Е.М.* 1977. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. М.
- Добрушкин Е.М., Лурье Я.С.* 1970. Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В.Н. Татищева) // РЛ. № 2.
- Долгова С.Р.* 1987. Эпитафия М.В. Ломоносова на смерть Елизаветы Петровны (О деятельности М.В. Ломоносова в Печальной комиссии 1761–1762 гг.: Новые документы) // Ломоносов и русская литература. М.
- Доманска Э.* 2010. Философия истории после постмодерна. М.
- Древняя Русь: Город, замок, село. 1985. М.
- Дьяконов М.* 1912. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. 4-е изд. СПб.
- Дюбо Б.А.* 2000. Эпоха Просвещения и грамматические сочинения Готтшеда и Ломоносова // Русские и немцы в XVIII в.: Встреча культур. М.
- Евгений митрополит (Болховитинов).* 1845. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М. Т. 2.
- Екатерина II.* 1901а. Драматические произведения. Т. 1, 2. СПб.
- Екатерина II.* 1901б. Записки касательно Российской истории // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. 8: Труды исторические. СПб.
- Екатерина II.* 1990. Записки императрицы Екатерины II. М.
- Екатерина II.* 2004. Аннотированная библиография публикаций / Сост. И.В. Бабич, М.В. Бабич, Т.А. Лаптева. М.
- Елагин И.* 1803. Опыт повествования о России. Кн. 1. М.
- Елисеев А.А.* 1940. Физический кабинет Академии наук в первой половине XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. [Т. 1.].
- Еремин И. П.* 1954. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // ТОДРЛ. Т. 10.
- Живов В.М.* 1996. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры. М. Т. 3. (XVII–начало XVIII века).

- Жирмунский В.М.* 2001. Задачи поэтики // Поэтика русской поэзии. СПб. Журнал <...>. 1770. Ч. 1; 1772. Ч. 2, отд. I; или Поденная записка <...> императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб.
- Заборов П.Р.* 1978. Русская литература и Вольтер. Л.
- Замысловский Е.* 1871. Царствование Федора Алексеевича. Ч. I: Введение. Обзор источников. СПб.
- Захаров А.В.* 2008. Открывая новые страницы о юности В.Н. Татищева // Петровское время в лицах — 2008: Материалы науч. конф. СПб. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 43).
- Зеленин Д.К.* 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Зиборов В.К.* 1993а. Иоаким // СККДР. Вып. 3, ч. 2.
- Зиборов В. К.* 1993б. Иннокентий Гизель // СККДР. Вып. 3, ч. 2.
- [*Зимин А.А.*]. 1952. Памятники права Киевского государства: X–XI вв. / Сост. А.А. Зимин. Под ред. С.В. Юшкова. М. (Памятники русского права. Вып. 1).
- Зимин А.А.* 1973. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М.
- Зимин А.А.* 1974. О методике изучения древнерусского летописания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 33. № 5.
- Зиновьев А.* 1827. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М.
- Знаменский П.* 1881. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань.
- Иванов В.Ф.* 1991. Русские письменные источники по истории Якутии XVIII — начала XIX в. Новосибирск.
- Иггерс Г.Г.* 2001. История между наукой и литературой: Размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // Одиссей. 2001. М.
- Иконников В.С.* 1911. Август Людвиг Шлецер: Историко-биографический очерк. Киев.
- Иларион митрополит.* 1997. Слово о Законе и Благодати // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб.
- Иностранцы о древней Москве. 1991 / Составитель М.М. Сухман. М..
- Искуль С.Н.* 2006. Вступительная статья // *Вольтер*. Анекдоты о царе Петре Великом / Пер., вступ. статья и комментарии С.Н. Искуля. СПб. (Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 10.)
- Историография истории СССР, 1961. М.
- История Академии наук СССР. 1958. Т. 1 (1724–1803). М.; Л.
- История предпринимательства в России. 2000. Кн. 1: От средневековья до середины XIX века. М.
- История русской литературы X–XVII веков. 1980 / Под. ред. Д.С. Лихачева. М.
- История северного крестьянства. 1984. Т. 1: Крестьянство европейского Севера в период феодализма. Архангельск.
- История Северной войны. 1700–1721 гг. 1987. М.
- История СССР. 1939. Т. I / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.
- Истрин В.М.* 1906. Греческий оригинал так называемого болгарского перевода Хроники Георгия Амартола. СПб. (Отд. отт. из «Византийского временника. Т. 13).
- Иткина Е.И.* 2004. Портрет Василия Васильевича Голицына // Русский исторический портрет: Эпоха парсуны. М.

- Каган М.Д.* 1989. Рукописание Магнуша, короля Свейского // СККДР. Вып. 2, ч. 2.
- Каменский А.Б.* 1986. О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории и генеалогии дворянства // АЕ за 1985 г. М.
- Каменский А.Б.* 1987. Г.Ф. Миллер и наследие Татищева // ВИ. № 12.
- Каменский А.Б.* 1989а. Академик Г.Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // ИСССР. № 1.
- Каменский А.Б.* 1989б. Г.Ф. Миллер и архивное дело XVIII в. // Советские архивы. № 2.
- Каменский А.Б.* 1991. Ломоносов и Миллер — два взгляда на историю // Ломоносов. Сб. статей и материалов. СПб. Т. 9.
- Каменский А.Б.* 1996. Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России: Избранное / Составление, статья А.Б. Каменского. М.
- Каменский А.Б.* 2001. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века: Опыт целостного анализа. М.
- Карамзин Н.М.* 1829. История государства Российского. СПб. Т. 12.
- Карамзин Н.М.* 1989. История государства Российского в двенадцати томах. М. Т. 1.
- Карамзин Н.М.* 1991. История государства Российского в двенадцати томах. М. Т. 2–3.
- Карпеев Э.П.* 1996. Г.З. Байер у истоков норманнской теории // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб.
- Карпеев Э.П.* 1998. И.И. Шувалов и М.В. Ломоносов // Философский век. Альманах. Вып. 8 <...>.
- Карпеев Э.П.* 2005. Русская культура и Ломоносов. СПб.
- Каштанов С.М.* 1972. О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Л.В. Черепнину. М.
- Каштанов С.М.* 1975. Русские княжеские акты X–XIV вв. (до 1380 г.) // АЕ за 1974 г.
- Каштанов С.М.* 1976. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. (опыт первичной классификации) // ВИД. Вып. 8.
- Каштанов С.М.* 1988. Русская дипломатика. М.
- Каштанов С.М.* 1996. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М.
- Кирпичников А.Н.* 2003. Новые историко-археологические исследования Старой Ладogi // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.
- Китнер Ю.И.* 1997. В.Н. Татищев в Швеции (1724–1726 гг.) // Архангельск в XVIII веке. СПб.
- Клосс Б.М.* 1980. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.
- Клосс Б.М.* 1989. Летопись Никоновская // СККДР. Вып. 2, ч. 2.

[Клосс Б.М.]. 2004. Русские источники I–VI книг Анналов Длугоша // *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М.

Клосс Б.М., Корецкий В.И. 1981. В.Н. Татищев и начало изучения русских летописей // *Летописи и хроники.* 1980 г.: В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М.

Ключевский В.О. 1956. Курс русской истории. Ч. 1 // *Сочинения в восьми томах.* Т. 1. М.

Ключевский В.О. 1959. Лекции по русской историографии // *Сочинения в восьми томах.* Т. 8: Исследования, рецензии, речи (1890–1905). М.

Князев Г.А. 2009. Дни великих испытаний: Дневники 1941–1945. СПб.

Кобленц И.Н. 1958. Андрей Иванович Богданов. 1692–1766: Из прошлого русской исторической науки и книговедения. М.

Ковригина В.А. 1998. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. М. (Археографический центр: Исследования по русской истории. Вып. 10).

Козлова В.Н., Кошман Л.В., Тарловская В.Р. 1985. Культура промышленного производства // *Очерки русской культуры XVIII века.* М. Ч. 1.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.

Копанев А. И. 1978. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л.

Копанев А. И. 1984. Крестьянство Русского Севера в XVII в. Л.

Копанев Н.А. 1988. Французская книга и русская культура в середине XVIII в. Л.

Копанев Н.А. 1997. Князь Б.И. Куракин и русская историография // *Русское просветительство конца XVII–XVIII веков в контексте европейской культуры.* Тез. докл. науч. конф. СПб.

Копанев Н.А. 1998. «Tabula rasa» Г.В. Лейбница // *Г.В. Лейбниц и Россия.* СПб.

Копанев Н.А. 2001. Б.И. Куракин и голландские газеты 1710–1720-х годов // *Проблемы русской культуры XVIII века: Конф. памяти Н.В. Калязиной. Краткое содержание докладов.* СПб.

Копанев Н.А. 2002. Франц Лефорт, Вольтер, А.П. Веселовский // *Швейцарцы в Петербурге.* СПб.

Копанев Н.А. 2004. К формированию образа А.Д. Меншикова в европейской публицистике (письмо, содержащее «Жизнеописание и портрет князя Меншикова» от 7 декабря 1711 г.) // *Меншиковские чтения. 2004: Материалы чтений.* СПб.

Копанев Н.А. 2008. Александр Данилович Меншиков и формирование взгляда на Екатерину I в историографии (1725–1726) // *Меншиковские чтения. 2007. Материалы чтений <...>. Березово.*

Копанев Н.А. 2009. Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // *Вольтеровские чтения: Материалы междунар. конф. СПб. Вып. 1.*

Копелевич Ю.Х. 1977. Основание Петербургской Академии наук. Л.

Литература

- Копелевич Ю.Х.* 1996. Т.З. Байер и Х. Гольдбах // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб.
- Корб И.Г.* 1997. Дневник путешествия в Московское государство <...> // Рождение империи / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. М.
- Корецкий В.И.* 1986. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М.
- Корнеева-Петрулан М.И.* 1952. К изучению состава и языка договоров русских с греками // Уч. зап. МГУ. Вып. 150. Русский язык.
- Коровин Г.М.* 1961. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л.
- Корсакова В.* 1912. Татищев Василий Никитич // Русский биографический словарь. СПб. Т. Суворов—Ткачев.
- Косминский Е.А.* 1963. Историография средних веков: V в. — середина XIX в. М.
- Кошман Л.В.* 1985. Мануфактура // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М.
- Коялович М.О.* 1884. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.
- Крачковский И.Ю.* 1958. Очерки по истории русской арабистики // Избранные сочинения. Т. 5. М.; Л.
- [*Красоткина Т.А., Блок Г.П.*]. 1959. Примечания // *Ломоносов М.В.* ПСС. Т. 8.
- Крижанич Ю.* 1891. Собрание сочинений. Вып. 2. М.
- Крижанич Ю.* 1965. Политика / Подготовил к печати В.В. Зеленин, пер. и комм. А.Д. Гольдберг; под ред. М.Н. Тихомирова. М.; Л.
- Кротов П.А.* 1997. Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб.
- Кротов П.А.* 2005. Начало Санкт-Петербурга: Тайны старинной рукописи // Меншиковские чтения. 2005. СПб.
- Кузьмин А.Г.* 1963. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В.Н. Татищева // ВИ. № 9.
- Кузьмин А.Г.* 1969. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань.
- Кузьмин А.Г.* 1970. Варяги и Русь на Балтийском море // ВИ. № 10.
- Кузьмин А.Г.* 1971. Был ли Татищев историком? // РЛ. № 1.
- Кузьмин А.Г.* 1973. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. № 2.
- Кузьмин А.Г.* 1974. Об этнической природе варягов (К постановке проблемы) // ВИ. № 11.
- Кузьмин А.Г.* 1977. Начальные этапы древнерусского летописания. М.
- Кузьмин А.* 1987. Татищев. 2-е изд., доп. М. (ЖЗЛ. Вып. 4 (620)).
- Кукушкина М.В., Лебедева И.Н.* 1978. Книги из библиотеки М.В. Ломоносова (дар Университетской библиотеки в Хельсинки) // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги. Л.

Кулешов Вяч.С. 2009. К оценке достоверности этимологий слова *русь* // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 49).

Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б. 1975. Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л.

Кулябко Е.С., Соколова Н.В. 1965а. Источники Вольтеровской «Истории Петра» // Французский ежегодник 1964. М.

Кулябко Е.С., Соколова Н.В. 1965б. И.С. Барков — ученик Ломоносова // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Т. 6.

Куник А. 1865. Сборник материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в. СПб. Ч. 1, 2.

Курукин И.В. 2003. Эпоха «дворцовых бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань.

Курукин И. 2006. Бирон. М. (ЖЗЛ. Вып. 1168 (968)).

Кучкин В.А. 1971. К спорам о В.Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. М.

Кучкин В.А. 1995. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // ДГ. 1992–1993.

Лаверовский Н. 1853. О византийском элементе в языке договоров Русских с Греками: Рассуждение, представленное в историко-филологический факультет имп. С.-Петербургского университета на степень магистра русской словесности. СПб.

Ладога и истоки российской государственности и культуры. 2003: Междунар. науч.-практ. конф. <...>. Сб. статей. СПб.

Ладога и ладожская земля в эпоху средневековья. 2006. Вып. 1; 2008. Вып. 2. СПб.

Ламанский В.И. 1915. Славянское житие Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. СПб.

Лаппо-Данилевский А.С. 1914. Петр Великий, основатель Императорской Академии Наук в С.-Петербурге. СПб.; отд. отт.

Лаппо-Данилевский А.С. 1920. Очерк развития русской историографии // РИЖ. Кн. 6.

Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1989. [Вып. 1.]: Германия. IX — первая половина XII в. / Сост., пер., комм. М.Б. Свердлова. М.; Л.

Латиноязычные источники по истории Древней Руси. 1990. [Вып. 2.]: Германия: середина XII — середина XIII в. / Сост., пер., комм. М.Б. Свердлова. М.; Л.

Лебедев А.С. 1884. Вновь открытые полемические сочинения XVII в. против лютеран // ЧОИДР. Кн. 3.

Лебедев Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л.

Лебедев Г.С. 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.

Лебедев Д.М. 1950. География в России петровского времени. М.; Л.

Лебедева И.Н. 1983. Лейб-медик Петра I Роберт Арескин и его библиотека // Русские библиотеки и читатель. Л.

Литература

- Лебедева И.Н.* 1986. Венгерский ученый о маргиналиях М.В. Ломоносова // Ломоносов и книга: Сб. науч. трудов. Л.
- Лебедева И.Н.* 1989. Личная библиотека царя Федора Алексеевича // Книга в России XVII — середины XIX в.: Из истории Библиотеки Академии наук. Л.
- Лев Диакон.* 1988. История / Пер. М.М. Копыленко. М.
- Левина С.А.* 1989. Летопись Воскресенская // СККДР. Л. Вып. 2, ч. 2.
- Лейбниц Г.В.* 1984. Размышления о познании, истине и идеях // Сочинения: В 4 томах. М. Т. 3.
- Леонов В.П., Савельева Е.А.* 2006. Иоганн Даниель Шумахер и Российская Академия наук // Библиотеке Академии наук 290 лет: Материалы науч. конф. СПб.
- Лепехин И.* 1805. Путешествия. Ч. 4. СПб.
- Летопись. 1961. — Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. 1961. М.; Л.
- Летопись. 2000. — Летопись Российской академии наук, 2000. Т. 1: 1724–1802. СПб.
- Летопись библиотеки Российской Академии наук. 2004. Т. 1. СПб.
- Литишиц Е.Э.* 1981. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л.
- Литаврин Г.Г.* 1991. О юридическом статусе древних русов в Византии в X в.: (Предварительные замечания) // Византийские очерки. М.
- Литаврин Г.Г.* 2000. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб.
- Лихачев Д.С.* 1947. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.
- Лихачев Д.С.* 1952. «Эпическое время» русских былин // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М.
- Лихачев Д.С.* 1970. Человек в литературе древней Руси. М.
- Лихачев Д.С.* 1971. Можно ли включать «Историю Российскую» Татищева в историю русской литературы? // РЛ. № 1.
- Лихачев Д.С.* 1973. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л.
- Лихачев Д.С.* 1979. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.
- Лихачев Д.С.* 1983. Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. Изд. 2-е, доп. Л.
- Лихачев Д.С.* 1985. Прошлое — будущему. Л.
- Лихачев Д.С.* 2003. Литература «обобщающих предприятий» // БЛДР. СПб. Т. 12.
- Лихачев Д.С., Янин В.Л., Лурье Я.С.* 1973. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей // ВИ. № 8.
- Лихачев Н.П.* 1913. «Генеалогия» дворян Корсаковых. СПб. (отд. отт. из «Сборника статей в честь Д.Ф. Кобеко»).
- Ловмянский Х.* 1985. Русь и норманны. М.
- Ломоносов М.В.* 1893. Сочинения с объяснительными примечаниями академика М.И. Сухомлинова. Т. 2. СПб.
- Ломоносов М.В.* 1902. Сочинения. Т. 5. СПб.

Литература

- Ломоносов М.В.* ПСС. 1950. Т. 1: Труды по физике и химии 1738–1746 гг. М.; Л.
- Ломоносов М.В.* ПСС. 1951. Т. 2: Труды по физике и химии 1741–1752 гг. М.; Л.
- Ломоносов М.В.* ПСС. 1952а. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии: 1747–1765 гг. М.; Л.
- Ломоносов М.В.* ПСС. 1952б. Т. 7: Труды по филологии: 1739–1758 гг. М.; Л.
- Ломоносов М.В.* ПСС. 1955. Т. 9: Служебные документы: 1742–1765 гг. М.; Л.
- Ломоносов М.В.* ПСС. 1957. Т. 10: Служебные документы. Письма: 1734–1765 гг. М.; Л.
- Ломоносов М.В.* ПСС. 1959. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи: 1732–1764. М.; Л.
- Лукичев М.П., Морозов Б.Н.* 1994. К истории организации официального летописания XVII в. // АЕ за 1992 г. М.
- Луттов С.П.* 1970. Книга в России в XVII веке: Книгоиздательство, Книготорговля. Распространение книг среди разных слоев населения. Книжные собрания частных лиц. Библиотеки. Л.
- Луттов С.П.* 1973. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.
- Лурье Я.С.* 1976. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.
- Лурье Я.С.* 1996. Примечания // *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб.
- Лыжин Н.П.* 1858. Два памфлета времен Анны Иоанновны. СПб. (Отд. отт. из ИОРЯС. Т. 7, вып. 1).
- Лызов А.И.* 1990. Скифская история. М.
- Любавский М.* 1912. XVIII век и Ломоносов. М. (Отд. отт.).
- Ляпушкин И.И.* 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. Л. (МИА; № 152).
- Мавродин В.В.* 1945. Образование Древнерусского государства. Л.
- Мавродин В.В.* 1949. Борьба с норманизмом в русской исторической литературе. Л.
- Магницкий Л.* 1703. Арифметика, сиречь наука числительная <...>. [М.]
- Майкова Т.С.* 1973. Петр I и «Гистория Свейской войны» // Россия в период реформ Петра I. М.
- Майоров А.В.* 2006. О Полоцкой летописи В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. 57.
- Максимов С.В.* 1995. Нечистая, неведомая и крестная сила. Куль хлеба. Смоленск.
- Максимович К.А.* 2006. К происхождению этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М.
- Малингуди Я.* 1995. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // ВВ. Т. 56 (81).
- Малингуди Я.* 1997. Русско-византийские договоры в X веке в свете дипломатики // ВВ. Т. 57 (82).

Литература

- Малов А.В.* 2006. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671 гг. М.
- Маньков А.Г.* 1970. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720–1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России: IX–XX вв. Сб. статей. Л.
- Марасинова Л.М.* 1985. Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М.
- Масловский Д.Ф.* 1891. История русского военного искусства. СПб. Вып. 1. Материалы. 1885–1900. Т. 1–10. — Материалы для истории императорской Академии наук. СПб.
- Материалы для истории русского флота. 1882. СПб. Ч. 9.
- Мачинский Д.А.* 2003. Вновь открытые источники по истории Руси IX–XII вв. // Ладога — первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г. СПб.
- Мачинский Д.А.* 2009. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII — середине XI в. // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 49).
- Медведев С.* 1885. Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем / С предисл. и прим. С. Белокурова // ЧОИДР. Кн. 4. Отд. 2.
- Медведев С.* 1894. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве / Предисл. и прим. А. Прозоровского. М.
- Мезин С.А.* 1999. Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов.
- Мезин С.А.* 2008. Первый биограф Петра Великого Петр Никифорович Крекшин // Петровское время в лицах. СПб. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 93).
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* 1985. Комментарии // *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М.
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* 1989. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. № 8.
- Менишуткин Б. Н.* 1947. Жизнеописание Михаила Васильевича Ломоносова. 3-е изд. М.; Л.
- Меньшиков Д.Н.* 2009. Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап формирования московской армии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Меховский М.* 1936. Трактат о двух Сарматиях / Введение, пер. и комм. С.А. Аннинского. М.; Л.
- Миллер Г.Ф.* 1749. Происхождение народа и имени российского. СПб.
- Миллер Г.Ф.* 1755. О первом летописателе российском, преподобном Несторе и его летописи и о продолжателях оные // Ежемесячные сочинения. Апрель.
- Миллер Г.Ф.* 1890. История Академии наук Г.Ф. Миллера с продолжениями И.Г. Штриттера // Материалы. Т. 6. СПб.
- Миллер Г.Ф.* 1996. Сочинения по истории России: Избранное / Составление, статья А.Б. Каменского. М.

Литература

- Миллер Г.Ф.* 1999. Описание моих служб // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. М.
- Миллер Г.Ф.* 2006. Избранные труды / Составление, статья, примечания С.С. Илизарова. М.
- Миллер О.* 1866. Ломоносов и реформа Петра Великого // Вестник Европы. Т. 1, март.
- Милов Л.В.* 1978. Татищевские портреты-характеристики и «Симонова» летопись // ИСССР. № 6.
- Милуков П.* 1913. Главные течения русской исторической мысли. 3-е изд. СПб.
- Минцлов Р.* 1872. Петр Великий в иностранной литературе: Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica) <...>. СПб.
- Мирзоев В.Г.* 1963. Г.Ф. Миллер как историк Сибири в оценке русской дореволюционной и советской историографии // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та. № 5.
- Мирзоев В.Г.* 1970. Историография Сибири. М.
- Мишенкова М.В., Щедрова И.В.* 2002. Иоганн Альбрехт Корф // Во главе первенствующего ученого сословия России: Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: 1725–1717 гг. СПб.
- Модзалевский Л.Б.* 1946а. Об участии А.И. Богданова в составлении «Краткого Российского летописца» М.В. Ломоносова // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Т. 2.
- Модзалевский Л.Б.* 1946б. Ломоносов — член Шведской Академии наук // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Т. 2.
- Моисеева Г.Н.* 1962а. Ломоносов в работе над древними рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний) // РЛ. № 1.
- Моисеева Г.Н.* 1962б. К вопросу об источниках трагедии М.В. Ломоносова «Тамира и Селим» // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л.
- Моисеева Г.Н.* 1963а. М.В. Ломоносов на Украине // Русская литература XVIII века и славянские литературы: Исследования и материалы. М.; Л.
- Моисеева Г.Н.* 1963б. Экземпляр «Камерного каталога», принадлежавший М.В. Ломоносову // Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л. Т. 7.
- Моисеева Г.Н.* 1967. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер) // РЛ. № 1.
- Моисеева Г.Н.* 1971. Ломоносов и древнерусская литература. Л.
- Моисеева Г.Н.* 1979. Из архивных разысканий о Ломоносове («Сокращенное описание дел государя Петра I») // РЛ. № 3.
- Моисеева С.В., Римская-Корсакова С.В.* 2004. Портрет царя Алексея Михайловича // Русский исторический портрет: Эпоха парсуны. М.
- Морозов А.А.* 1962. М. В. Ломоносов: Путь к зрелости: 1711–1741. М.; Л.
- Морозов А.* 1975. Родина Ломоносова. Архангельск.
- Мурзанова М.Н.* 1948. Книга Марсова — первая книга гражданской печати, напечатанная в Петербурге // Труды БАН СССР. М.; Л. Т. 1.

Мыльников А.С. 1987. Легенды о русском принце: Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры. Л.

Мыльников А.С. 1991. Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: Опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: Сб. статей и материалов. СПб. Т. 9.

Назаренко А.В. 1993. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.: Тексты, перевод, комментарий. М.

Назаренко А.В. 1998. О языке восточнославянских варягов IX–X вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию В.Т. Пашуто. М.

Нарва. 1897 // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб. Т. 20а.

Нарский И. 1964. Локк Джон // Философская энциклопедия. М. Т. 3.

Насонов А.Н. 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.

Насонов А.Н. 1969. История русского летописания XI – XVIII века: Очерки и исследования. М.

Николаев С.И. 1996. Литературная культура Петровской эпохи. СПб.

Николаев С.И. 2004. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. Сб. 23. СПб.

Николаева А.Т. 1963. Некоторые вопросы источниковедения в «Истории Российской» В.Н. Татищева // Труды Московского историко-архивного ин-та. Т. 17.

Никольский С.Л. 1995. Кровная месть по русско-византийским договорам X в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Тез. докл. М.

Новлянская М.Г. 1964. Иван Кириллович Кирилов: географ XVIII века. М.; Л.

Новлянская М.Г. 1966. Филипп Иоганн Страленберг: его работы по исследованию Сибири. М.; Л.

Новосельцев А.П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Носов Е.Н. 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е.Н. 2005. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // *Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб.

НПЛ. 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.; Л.

Овсянников О.В. 1992. Средневековые города Архангельского Севера: Люди, события, даты. Архангельск.

Овсянников О.В., Ясински М.Э. 1997. Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. // Архангельск в XVIII веке. СПб.

Овчинников Р.В. 1966. Нарвское сражение 1700 // СИЭ. Т. 9.

Олеарий А. 1986. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.

Описание. 1959. Т. 3, вып. 1. — Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. В.Ф. Покровская, А.И. Копанев, М.В. Кукушкина, М.Н. Мурзанова. М.; Л. Т. 3, вып. 1. 2-е изд., доп.

Орленко С.П. 2004. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: Правовой статус и реальное положение. М.

Павленко Н.И. 1959. Продукция уральской металлургии в начале XVIII в. // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. ст. М.

Павленко Н.И. 1962. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводоладельцы. М.

Павленко Н.И. 1973. Петр I (К изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М.

[*Павленко Н.И.*]. 1987. «Гистория о царе Петре Алексеевиче» Б.И. Куракина // Россию поднял на дыбы... Т. 1. М.

Павленко Н.И. 2002. Анна Иоанновна: Немцы при дворе. М.

Павленко Н.И. 2006а. Петр II. М. (ЖЗЛ. Вып. 1180 (980))

Павленко Н.И. 2006б. Екатерина Великая. М. (ЖЗЛ. Вып. 1218 (1018)).

Павлова Г.Е. 1962. М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.; Л.

Павлов-Сильванский Н. 1897. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб.

Палли Х. 1966. Между двумя боями за Нарву: Эстония в первые годы Северной войны: 1701–1704. Таллин.

Панеях В.М. 1994. Правовое положение крестьян в XVII в. // История крестьянства Северо-Запада России: Период феодализма. СПб.

Панченко А.М. 2005а. Русская культура в канун петровских реформ // *Панченко А.М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб.

Панченко А.М. 2005б. Скоморохи и «реформа веселья» Петра I // *Панченко А.М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб.

Панченко А.М., библиография: Д.М. Булагин, А.А. Романова. 1998а. Симеон Полоцкий // СККДР. Вып. 3, ч. 3.

Панченко А.М., библиография: Д.М. Булагин, А.А. Романова. 1998б. Сильвестр Медведев // СККДР. Вып. 3, ч. 3.

Панн Ф. 1984. На полях личной библиотеки М.В. Ломоносова // *Studia Slavica Hungarica*. Т. 30.

Пашуто В.Т. 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.

Пекарский П. 1862а. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. Т. 1. СПб.

Пекарский П. 1862б. Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов: Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб.

Пекарский П.П. 1864. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб.

Пекарский П. 1865. Дополнительные известия для биографии Ломоносова (Приложение к VIII тому Записок имп. Академии наук. № 7; отд. отт.).

- Пекарский П.* 1870. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб.
- Пекарский П.* 1873. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб.
- Петрей П.* 1997. История о Великом княжестве Московском <...> // О начале войн и смут в Московии. М.
- Петрухин В.Я.* 1989. К проблеме формирования «Русской земли» в Среднем Поднепровье // ДГ. 1987 г.
- Петрухинцев Н.Н.* 2001. Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб.
- Пештич С.Л.* 1946. О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года // ИЗ. № 18.
- Пештич С.Л.* 1958. «Синописис» как историческое произведение // ТОДРЛ. Т. 15.
- Пештич С.Л.* 1961. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л.
- Пештич С.Л.* 1965. Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л.
- Писарькова Л.Ф.* 2007. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.
- Пичета В.И.* 1914. Юрий Крижанич: Экономические и политические его взгляды. СПб.
- Платонов С.Ф.* 1913. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб. (Сочинения проф. С. Ф. Платонова. Т. 2).
- Платонова Н.* 1939. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // Литературное наследство. М. Т. 33–34.
- Повесть временных лет. 1950. М.; Л. Ч. 1: Текст и перевод / Подготовка текста Д.С. Лихачева, перевод Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 2: Приложения. Статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц.
- Повесть временных лет. 1996 / Подготовка текста, перевод, статьи и комм. Д.С. Лихачева. СПб.
- Покровский Н.Н.* 1989. Афанасий (в миру Андрей) Высоцкий // СККДР. Вып. 2, ч. 1.
- Полевой Н.* 1829. История русского народа. Т. 1. М.
- Полевой Н.* 1832. О медных капищах и медных конях, упоминаемых в летописе преподобного Нестора // Отечественные записки. Ч. 16, № 42, октябрь.
- Понырко Н.В.* 1992. Эпистолярное наследие Древней Руси: XI–XIII: Исследования, тексты, переводы. СПб.
- Попов А.И.* 1973. Названия народов СССР: Введение в этноимику. М.
- Попов Н.* 1861. В.Н. Татищев и его время: Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М.
- Попов Н.* 1887. Ученые и литературные труды В.Н. Татищева. СПб.
- Попова Л.Д.* 1994. Архангельск: Очерк истории строительства (Конец XVI – начало XX в.). Архангельск.

[Поптэ А.]. 1989. Митрополиты Киевские и всяя Руси // *Щапов Я.Н.* 1989. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.

Почекаев Р.Ю. 2010. Цари Ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.

Правда Русская. 1947. Т. 2. Комментарии / Составили Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, Б.А. Романов / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.

Пресняков А.Е. 1993. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская Русь / Подготовка текста, статьи и примечания М.Б. Свердлова. М.

Привалова Е.П. 1975. А.Л. Шлёцер — автор исторической книги для детей // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи: Памяти П.Н. Беркова. Л.

Прийма Ф.Я. 1958. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век. М.; Л.

Приселков М.Д. 1940а. История русского летописания XI–XV вв. Л.

Приселков М.Д. 1940б. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки ЛГУ. № 71.

Прицак О. 1991. Происхождение названия Русь // ВЯ. № 6.

Прозоровский А. 1896. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. М.

[*Прокопович Феофан*]. 1722. Правда воли монаршей. СПб.

Прокопович Феофан. 1961. Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л.

Пумпян Г.З., Федосеева М.В. 1996. Байер и русское востоковедение // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб.

Пустозерский сборник. 1975: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Издание подготовили Н.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, Л.И. Сазонова. Л.

Пушкарев Л.Н. 1982. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. Очерки истории. М.

Пушкарев Л.Н. 1984. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М.

Пушкин А.С. 1964а. Путешествие из Москвы в Петербург // Полн. собр. соч. В 10 т. 3-е изд. Т. 7: Критика и публицистика. М.

Пушкин А.С. 1964б. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Полн. собр. соч. В 10 т. 3-е изд. Т. 7: Критика и публицистика. М.

Пушкин А.С. 1965. Полн. собр. соч. В 10 т. 3-е изд. Т. 10: Письма. М.

Резун Д.Я. 1982. О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск.

Резун Д.Я. 1991. Очерки истории изучения сибирского города. Новосибирск.

Реформы Петра I и судьбы России. 1994: Обзор исследований. М.

Рогов А.И. 1966. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника). М.

Рогов А.И. 1979. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М.

Литература

- Рогов А.И.* 1981. О понятии «Русь» и «Русская земля» (По памятникам письменности XI — начала XII в.) // Формирование раннефеодальных народностей. М.
- Рогов А.И., Флоря Б.Н.* 1982. Формирование самосознания древнерусской народности (По памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.
- Ромодановская Е.К.* 1992. Ф.А. Грибоедов // СККДР. Вып. 3, ч. 1.
- Роспонд С.* 1979. *Miscellanea onomastica Rossica* // Восточнославянская ономастика: Материалы и исследования. М.
- Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997 / Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей О.Ф. Кудрявцев. М.
- Рубинштейн Н.Л.* 1941. Русская историография. М.
- Рыбаков Б.А.* 1963. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. [М.].
- Рыбаков Б.А.* 1971. Татищев и летописи XII в. // ИСССР. № 12.
- Рыбаков Б.А.* 1972. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.
- Рыбаков Б.А.* 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Рыбаков Б.А.* 1987. Язычество древней Руси. М.
- Рыбина Е.А.* 2001. Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород.
- Рыдзевская Е.А.* 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования) / Сост. и подготовил к изданию М.Б. Свердлов. М.
- Рысс Е.Б., Коровин Г.М.* 1958. М.В. Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л. Т. 3.
- Савельева Е.А.* 1986. Русские переводы книги Ф.И. Страленберга в первой половине XVIII в. // [Страленберг Ф.И.] Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и восточная часть Европы и Азии. М.; Л. Ч. 2.
- Савельева Е.А.* 1999. Издание русских летописей в «Sammlung Russischer Geschichte» Миллера // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб.
- Саверкина И.В., Сомов В.А.* 1988. Реестр книг А.Д. Меншикова // Книга в России в эпоху Просвещения. Л.
- Сазонова Л.И.* 1970. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В.Н. Татищева // ТОДРЛ. Т. 25.
- Сазонова Л.И.* 1995. Восточнославянские академии XVI–XVIII вв. в контексте европейской академической традиции // Славяноведение. № 3.
- Самоковсов Д.Я.* 1908. Курс истории русского права. 3-е изд. М.
- Сахаров А.М.* 1978. Историография истории СССР: Досоветский период. М.
- Сахаров А.М.* 1979. Исторические знания // Очерки русской культуры XVII в. Ч. 2. М.
- Сахаров А.Н.* 1980. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М.
- Сахаров А.Н.* 1982. Дипломатия Святослава. М.
- Сборник документов по истории СССР. 1973. Ч. 5: XVIII век / Под ред. В.В. Мавродина. М.

Литература

Сборник. 1873. — Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Изд. В. Герье. СПб.

Свердлов М.Б. 1970. Локализация русов в арабской географической литературе IX–X вв. // Известия ВГО. Т. 102, вып. 4.

Свердлов М.Б. 1978а. Источники для изучения русского денежного обращения XII–XIII вв. // ВИД. Т. 9.

Свердлов М.Б. 1978б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М.

Свердлов М.Б. 1983. Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л.

Свердлов М.Б. 1988. От Закона Русского к Русской Правде. М.

Свердлов М.Б. 1996а. Общественный строй Древней Руси в русской исторической литературе XVIII–XX вв. СПб.

Свердлов М.Б. 1996б. Дополнения // Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Изд. 2, испр. и доп. СПб.

Свердлов М.Б. 1997. Становление феодализма в славянских странах. СПб.

Свердлов М.Б. 2003а. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб.

Свердлов М.Б. 2003б. Начальная история России: Исследовательские традиции и новации // Вестник РАН. Т. 73. № 1.

Свердлов М.Б. 2005. Система русского права как основа международных договоров Руси X — первой трети XIII в. // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвящ. чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову. М.

Свердлов М.Б. 2007. Петр Великий и формирование человека Нового времени // Петровское время в лицах — 2007. СПб. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 38)

Свердлов М.Б. 2008. Петр Великий и историческая наука // Петровское время в лицах — 2008. СПб. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 43)

Свердлов М.Б. 2009. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.

Свердлов М.Б. 2011. Шиллинг или шэлэг? К изучению поземельного обложения в домонгольской Руси // Висы дружбы: Сб. статей в честь Т.Н. Джаксон. М.

[Свирская В.Р.]. 1952. Примечания // Ломоносов М. В. ПСС. Т. 6.

Седов В.В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. М.

Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.

Седов В.В. 1994. Славяне в древности. М.

Седов В.В. 1996. Происхождение славян и местонахождение их прародины: расселение славян в V–VII вв. // Очерки истории культуры славян. М.

Седов В.В. 1999а. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.

Седов В.В. 1999б. У истоков восточнославянской государственности. М.

Седов В.В. 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.

Седов В.В. 2003. Славяне в римское время. М., 2003 (XIII Международный съезд славистов).

Седов В.В. 2007. Изборск в раннем средневековье. М.

- Седов П.В.* 1994. Роль государства в развитии образования в России XVII в. // Панорама культурной жизни стран СНГ, Балтии и Закавказья. М. Вып. 1–2.
- Седов П.В.* 2006. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.
- Селлий А.* 1791. Зерцало историческое <...> // Древняя Российская вивлиофика <...>. 2-е изд. М. Ч. 16.
- Селлий А.* 1815. Каталог писателей, сочинениями своими объясняющих гражданскую и церковную российскую историю. М.
- Семенова Л.Н.* 1982. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в.
- Сенигов И.* 1887. Российская история В.Н. Татищева как источник для русской истории // *Сенигов И.* Историко-критические исследования о новгородских летописях и о российской истории В.Н. Татищева. М.
- Сигал Н.А.* 1957. «Поэтическое искусство» Буало. М., 1957.
- Сиренов А.В.* 2007. Степенная книга: История текста. М.
- Сменцовский М.* 1899. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб.
- Смирнов С.* 1855. История московской Славяно-греко-латинской академии. М.
- Соболевский А.И.* 1892. Образованность московской Руси XV–XVII веков: Речь, читанная на годовичном акте императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1892 года. СПб.
- Соловьев Е.А.* 2006. Петр I в отечественной историографии конца XVIII — начала XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Соловьев С.* 1854. Герард Фридрих Мюллер (Фридрих Иванович Миллер) // Современник. 1854. Кн. 10.
- Соловьев С.М.* 1989. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен. Кн. 3. Тома 5–6.
- Соловьев С.М.* 1993а. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен. Кн. 11. Тома 21–22.
- Соловьев С.М.* 1993б. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен. Кн. 12. Тома 23–24.
- Соловьев С.М.* 1994. Сочинения в восемнадцати книгах. История России с древнейших времен. Кн. 13. Тома 25–26.
- Соловьев С.М.* [Б. г.] Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений. Изд. «Общественная польза». СПб.
- Солодкин Я.Г.* 1997. История позднего русского летописания. М.
- Софроненко К.А.* 1961. Законодательные акты Петра I. М.
- Срезневский.* 1893. 1; 1895. 2; 1903. 3 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1; 1895. Т. 2; 1903. Т. 3.
- Срезневский И.И.*–*Беляев И.Д.* 1852. О договорах князя Олега с греками: 1. Записка И.И. Срезневского. 2. Извлечения из Записки И.Д. Беляева // Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. Т. 1. СПб.

- Станг Х.* 2000. Наименование Руси (Герульская версия). СПб.
- Старчевский А.* 1845. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб.
- Стеблин-Каменский М.И.* 1971. Мир саги. Л.
- Стеблин-Каменский М.И.* 1978. Саги как исторический источник // *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования). М.
- Стеблин-Каменский М.И.* 1980. Предисловие // *Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.
- Стеблин-Каменский М.И.* 1984. Мир саги. Становление литературы. Л.
- Степанов В.П.* 1964. О пражской находке проф. В. Черного // РЛ. № 2.
- Сторожев В.Н.* 1890. К истории русского просвещения XVII в. Киев.
- [*Страленберг Ф.И.*]. 1985, 1986. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и восточная часть Европы и Азии. Ч. 1, 2. / Составители Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспярых, В.Е. Возгрин. М.; Л.
- Стриттер И.* 1800. История Российского государства. Ч. 1. СПб.
- Строев П.* 1826. О византийских источниках Нестора // Северный архив. Ч. 21, № 11; Ч. 23, № 19–20.
- Сумароков А. П.* 1781. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. 3, 4. М.
- Сухомлинов М.* 1861. Ломоносов — студент Марбургского университета // Русский вестник. Т. 31, № 1.
- Татищев В.Н.* 1962–1968. История Российская в семи томах. Л. Т. 1–7.
- Татищев В.Н.* 1979. Избранные произведения. Л.
- Татищев В.Н.* 1990. Записки. Письма: 1717 — 1750 гг. / Отв. ред., автор вступ. ст. и примечаний А.И. Юхт. М.
- Творогов О.В.* 1976. Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Т. 30.
- Творогов О.В.* 1987а. Хронограф по великому изложению // СККДР. Вып. 1. (XI — первая половина XIV в.)
- Творогов О.В.* 1987б. Сильвестр // СККДР. Вып. 1. (XI — первая половина XIV в.).
- Творогов О.В.* 1987в. Иоаким // СККДР. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.).
- Творогов О.В.* 1997. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб.
- Тихомиров М.* 1948. Русская историография XVIII в. // ВИ. № 2.
- Тихомиров М.Н.* 1962. О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л. Т. 1.
- Толочко А.П.* 2005. «История Российская» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев.
- Толочко П.П.* 1987. Древняя Русь. Киев.
- Толстиков А.В.* 2007. Анатомия истории Улофа Рюдбека // Одиссей. 2007. М.

Литература

- Толстой Н.И.* 1995. Чур и чушь // *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.
- Топоров В.Н.* 1990. Индоевропеистика // *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.
- Трахтенберг Л.А.* 2005. Сумасброднейший, всешутейший и всепьянейший собор // *Одиссей.* 2005. М.
- Третьяков П.Н.* 1968. О древнейших руссах и их земле // *Славяне и Русь.* М.
- Троицкий С.М.* 1977. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII века // *ВИ.* № 2.
- Трофимова Н.С., Хотеев П.И.* 1988. Каталог библиотеки П.П. Шафирова // *Книга в России в эпоху Просвещения.* Л.
- Трубачев О.Н.* 1987. Русь, Россия // *Русская речь.* № 3.
- Трубачев О.Н.* 1991. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М.
- Трубачев О.Н.* 1993. К истокам Руси (Наблюдения лингвиста). М.
- Трубачев О.Н.* 1994. Русь, Россия: Очерки этимологии названия // *Русская словесность.* № 3.
- Трубачев О.Н.* 1997. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. 2-е изд., доп.
- Трубачев О.Н.* 1999. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М.
- Тункина И.В.* 2002. Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост // Во главе первенствующего ученого сословия России: Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук: 1725–1917 гг. СПб.
- Турнаев В.И.* 2003. У истоков демократических традиций в российской исторической науке: Очерки истории русско-немецких научных связей. Новосибирск.
- Турнаев В.И.* 2007. О национальной тенденции в развитии Петербургской Академии наук (20–40-е гг. XVIII века): Очерки истории русско-немецких научных связей. М.
- Тюличев Д.В.* 1988. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М.В. Ломоносов. Л.
- Уайт Х.* 2001. Ответ Игерсу // *Одиссей.* 2001. М.
- Уайт Х.* 2002. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург.
- Указы. 1764. — Указы <...> императрицы Екатерины Алексеевны <...> с 28 июня 1762 г. по 1763 год. [СПб.].
- Урсул Д. Т.* 1980. Николай Гаврилович Милеску-Спафарий. М.
- Успенский Б.А.* 1975. Первая русская грамматика на родном языке: Доломоновский период отечественной русистики. М.
- Успенский Б.А.* 2008. Вокруг Третьяковского: Труды по истории русского языка и культуры. М.
- Уставы Академии наук СССР: 1724–1974. 1974. М.
- Уставы Российской Академии наук: 1724–1999. 1999. М.

Устрялов Н. 1845. Об исторических трудах Петра Великого // Современник. Т. 37. СПб.

Устрялов Н. 1858а. История царствования Петра Великого. Т. 1: Господство царевны Софии. СПб.

Устрялов Н. 1858б. История царствования Петра Великого. Т. 2: Потешные и Азовские походы. СПб.

Уткина Н.Ф. 1988. Естественные науки // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 3. М.

Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка. М. Т. 4.

Федоровская Л.А. 1996. Неизвестное письмо Антиоха Кантемира к Байеру // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб.

Федосов И.А. 1987. Абсолютизм // Очерки русской культуры XVIII века. М. Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II. 1802. СПб. Ч. 1.

Фирсов Н.А. 1886. Воззрения В.Н. Татищева на историю вообще и русскую в особенности и связь их с реформой Петра Великого. Казань

Флоря Б. 1999. Иван Грозный. М. (ЖЗЛ. Вып. 766)

Фомин В.В. 2005. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.

Фомин В.В. 2006. Ломоносов: Гений русской истории. М.

Фонкич Б.Л. 1988. Новые материалы для биографии Лихудов // ПКНО. 1987 г. М.

Фонкич Б.Л. 2000. «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // ОФР. Вып. 4.

Фонкич Б.Л. 2001. К вопросу о соотношении академии Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева и академии братьев Лихудов // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Первые Лихудовские чтения». Великий Новгород, 11–14 мая 1998 г. Великий Новгород.

Фонкич Б.Л. 2009. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.

Фролов Э.Д. 1996. Г. З. Байер и начало антиковедения в России // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. СПб.

Фруменков Г.Г. 1970. М.В. Ломоносов — историк нашей Родины. Архангельск.

Фруменкова Т.Г. 2003. Цифирные и архиерейские школы первой трети XVIII века // ВИ. № 7.

Хабургаев Г.А. 1979. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачей реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.

Херрман И. 1988. Ruzzi. Forsderer liudi. Fresiti: К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского географа» (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М.

Хорошкевич А.Л. 1980. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М.

Цветаев Д. 1889. Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. Варшава.

- Черепнин Л.В.* 1957. Русская историография до XIX века: Курс лекций. М.
- Черепнин Л.В.* 1965. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шуишарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М.
- Черепнин Л. В.* 1972. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50–70-х годах // ИСССР. № 4.
- Черкасов П.П.* 1995. Двуглавый орёл и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М.
- Черная Л.А.* 1999. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М.
- Черная Л.А.* 2008. Антропологический код древнерусской культуры. М.
- Чернов С.Н.* 1935. М. В. Ломоносов в одах 1762 г. // XVIII век.: Сб. статей и материалов. М.; Л.
- Чехов А.П.* 1949. ПСС. Серия 1: Сочинения. Т. 12.
- Чечулин Н.Д.* 1907. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.
- Чистякова Е.В.* 1990. А.И. Лызлов и его «Скифская история» // *Лызлов А.* Скифская история. М.
- Чистякова Е.В., Богданов А.П.* 1988. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. М.
- Чичуров И.С.* 1990. Политическая идеология средневековья: Византия и Русь. М.
- Шатино А.Л.* 1993. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М.
- Шаскольский И.П.* 1978. Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л.
- Шаскольский И.П.* 1983. Антиномизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Л.
- Шаскольский И.П.* 1994. Русско-скандинавские отношения раннего средневековья в работах Г. Шрамма (Историографический обзор) // ОИ. № 2.
- Шафиров П.* 1722. Разсуждение <...>. СПб.
- Шахматов А.А.* 1915. Несколько замечаний о договорах с Греками Олега и Игоря. СПб. (отд. отт. из вып. VIII Записок Неофилологического общества).
- Шахматов А.А.* 1916. Повесть временных лет. Пг.
- Шахматов А.А.* 1920. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В.Н. Татищева // Дела и дни: Исторический журнал. 1920. Кн. 1.
- Шахматов А.А.* 1940. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4.
- Шлёцер А.Л.* 1809. Нестор: Руския летописи на древле-Славенском языке, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлёцером. Перевел с немецкаго Дмитрий Языков. Ч. 1. СПб.
- Шлёцер А.Л.* 1816. Нестор. Руския летописи на древле-Славенском языке, сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлёцером. Перевел с немецкаго Дмитрий Языков. Ч. 2. СПб.

Шлёцер А.Л. 1875. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлёцера, им самим описанная: Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе. СПб.

Шлёцер А. 1904. Русская грамматика / С предисловием С.К. Булича. СПб.

Шмуrho Е. 1912. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1: (XVIII век). СПб.

Шмуrho Е. 1929. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага.

Шнайдерс В. 1998. Deus est philosophus absolute summus: О философии Христиана Вольфа и понятии философии // Христиан Вольф и русское вольфианство. СПб. (Философский век: Альманах. Вып. 3).

Шокарев С. 1997. Послесловие // Рождение империи / Сост. А. Либерман, С. Шокарев. М.

Шольц Б. 2000. Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской Академии // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М.

Шпилевская Н. 1859. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб.

Штеллер Г.В. 1998. Письма и документы. 1740. М. (Источники по истории Сибири и Аляски из Российских архивов. Т. 1).

Шувалов А.П. 1946. Предисловие к «Оде на смерть господина Ломоносова, члена Академии наук в С.-Петербурге // Ломоносов: Сб. статей и материалов. М.; Л. Т. 2.

Шульгин В.С. 1987. Религия и церковь // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М.

Шумилов Н.А. 2001. Род Ломоносовых: Поколенная роспись. Издание переработанное и дополненное. Архангельск.

Щавелева Н.И. 2004. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Под ред. и с доп. А.В. Назаренко. М.

Щапов Я.Н. 1972. Княжеские уставы и церковь в древней Руси XI–XIV вв. М.

Щапов Я.Н. 1989. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.

Щеглова О.А. 2009. Волны распространения вещей из Подунавья на северо-восток в VI–VIII вв. как отражение миграций или культурных влияний // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб. (Труды гос. Эрмитажа. Т. 49).

Щербатов М.М. 1901. История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб.

Щукина Е.С. 2006. Серия медалей Ф.Г. Мюллера на события Северной войны в собрании Эрмитажа. СПб.

Экземплярский А.В. 1891. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2: Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб.

Элрт А.Х. 1990. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск.

Элрт А.Х. 1999. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск.

Эмин Ф. 1767. Российская история <...>. СПб.

Литература

Эскин Ю.М. 2004. Лаврентий Хурелич. Родословие <...> // Русский исторический портрет: Эпоха парсуны. М., 2004.

Юхт А.И. 1975. В. Н. Татищев о реформах Петра I // Общество и государство феодальной России. М.

Юхт А.И. 1985. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М.

Янин В.Л. 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М. Т. I.

Янин В.Л., Колчин Б.А. 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М.

Яцунский В.К. 1955. Историческая география. М.

450 Jahre Sigismund von Herbersteins *Rerum Moscoviticarum Commentarii* 1549–1999, 2002: Jubiläumsvorträge / Hrsg. von F. Kämpfer und R. Frötschner. Wiesbaden.

Antoniadis-Bibicou H. 1963. Recherches sur les douanes a Byzance: L’“octava”, le “kommerkion” et les commerciaux. Paris (Cahiers des Annales. T. 20).

Bayer G.S. 1728. Auszug der älteren Staats-Geschichte zum Gebrauch Ihro Kaiserl. Maiestät Peters des II., Kaisers und Souverains von ganz Russland. SPb.

Bayerus Th.S. 1728a. De situ Scithiae sub aetatem Herodoti // *Commentarii*. T. I. Ad annum 1726. Petropoli.

Bayerus Th.S. 1728b. De muro Caucaseo // *Commentarii*. T. 1. Ad annum 1726. Petropoli.

Bayerus Th.S. 1735. De Varagis // *Commentarii*. T. 4. Ad annum 1729. Petropoli.

Bayerus Th.S. 1736. De Russorum prima expeditione Constantinopolitana // *Commentarii*. T. 6. Ad annos 1732 et 1733. Petropoli.

Bayerus Th.S. 1741. Origines Russicae // *Commentarii*. T. 8. Ad annum 1736. Petropoli.

Bayerus Th.S. 1744. Geographia Russiae vicinarumque regionum, circiter Annum Christi DCCCCXLVIII ex Constantino Porphyrogeneta // *Commentarii*. T. 9. Ad annum 1737. Petropoli.

Bayerus Th.S. 1747. Geographia Russiae vicinarumque regionum, circiter A.C. DCCCCXLVIII ex scriptoribus septentrionalibus // *Commentarii*. T. 10. Ad annum 1738. Petropoli. P. 407.

Bercoff G. Brogi. 1986. V. N. Tatiščev: l’innovation et la tradition // EO. T. 5.

Bercoff G. Brogi. 1988. Rethorical Reworking and Ideological Background in the *Istorija Rossijskaja* of V. N. Tatiščev // EO. T. 7.

Besterman Th. 1969. Voltaire. London; Harlow.

Biernacki A. 1979. Sarmatiae Europaeae description: Histoire d’un plagiat // *Kwatalnik Historii Nauki i Techniki*. T. 29, nr. 3.

Black G.L. 1986. G.F. Müller and the Imperial Russian Academy. Kingston; Montreal.

Blanc S. 1972. Un disciple de Pierre le Grand dans la Russie du XVIII-e siècle V.N. Tatiščew (1686–1750). Lille.

Boulainvilliers Henry de. 1727. Histoire de l'ancien gouvernement de la France. T. 1. La Haye; Amsterdam.

Cracraft J. 1988. The Petrine Revolution in Russian Architecture. Chicago; London.

Cracraft J. 1997. The Petrine Revolution in Russian Imagery. Chicago; London.

Čerepnin L.V. 1966. G.F. Müllers Bedeutung für die Quellenkunde der russischen Geschichte // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Berlin. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Bd. 15).

[*Černý V.*]. 1964. L'Apothéose de Pierre le Grand <...>. Trois études historiques presumes de M.V. Lomonosov, destinées à Voltaire / Publié d'après le manuscrit de Prague avec une Introduction sur les relations de Lomonosov et Voltaire par V. Černý. Prague.

Daniels R. 1973. V.N. Tatiščew: Guardian of the Petrine Revolution. Philadelphia.

Deutsche Literaturgeschichte in einem Band. 1968 / Hrsg. H. J. Geerdts. Berlin.

Dubos, l'abbé. 1734. Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. T. 1. Amsterdam.

Ekbo S. 1981. The Etymology of Finnish Ruotsi-Sweden // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala.

Falk K. O. 1981. Einige Bemerkungen zum Namen Rus' // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979. Uppsala.

Fontenelle de. 1727. Eloge du czar Pierre I <...>, prononcé à l'Académie des sciences le 14 Novembre 1725. Paris.

Foy de la Neuville. 1699. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye.

Georgius Cedrenus. 1647. Compendium historiarum, item, Ioannes Scylitzes Curopalates, excipiens ubi Cedrenus desinit. T. 1, 2. Parisiis.

Giraud G. 1986. Bayer et Tatiščev: l'histoire comme érudition ou comme service de l'état // EO. T. 5.

Gouzevitch I. 2006. The Editorial Policy as a Mirror of Petrine Reforms: Textbooks and Their Translators in Early 18th Century Russia // Science and Education. Vol. 15.

Hellmann M. 1987. Die Handelsverträge des 10. Jahrhunderts zwischen Kiev und Byzanz // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. T. IV: Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit. Göttingen.

Helmoldus. 1659. Chronica Slavorum <...>. Lubece.

Herberstein S. 1571. Rerum Moscovitarum commentarii <...>. Basileae.

Hoffmann P. 1968. Lomonosov und Voltaire // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin. Bd. 3.

Hoffmann P. 2005. Gerhard Friedrich Müller (1705–1783): Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt am Main.

Iggers G. 1994. Ist es in der Tat in Deutschland früher zur Verwissenschaftlichung der Geschichte gekommen als in anderen europäischen Ländern // Geschichtsdiskurs / Hg. W. Kuttler, J. Rüsen, T. Schulin. Bd. 2. Frankfurt.

Iohannis Zonara. 1686–1687, monachi magni, antea vigilium praefecti et primi a secretis annales. Parisiis. Vol. 1, 2.

Kämpfer F. 1996. Herbersteins nicht eingestandene Abhängigkeit von Fabri aus Leutkirch // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 44. H. 1.

Kirchner P. 1961. Lomonosov und Johann Christian Günter // Zeitschrift für Slawistik. Berlin. Bd. 6, H. 4.

Kromer M. 1555. De origine et rebus gestis polonorum libri XXX <...>. Basilleae.

Kulicka E. 1980. Legenda o rzymskim pochodzeniu Litwinów I jej stosunek do mitu sarmackiego // Przegląd Historyczny. N 8.

Lacombe J. 1760. Histoire de revolutions de l'Empire de Russie. Paris.

Le grand vocabulaire François. 1767. T. 2. Paris.

Lortholary A. 1951. Les «philosophes» du XVIII siècle et la Russie: Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris.

Magnan A. 1995. Anecdote // Inventaire Voltaire / Sous la direction de J. Goulemot, A. Magnan, D. Masseau; Révision générale par A. Magnan. Paris.

Malingoudi J. 1994. Die russisch-byzantinischen Vorträge des 10. Jhds. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki.

Mervaud M. 1999. Introduction // *Voltaire*. The Complete Works. Oxford. Vol. 47.

Mikucki S. 1953. Études sur la diplomatie russe la plus ancienne. Cracovie. (Bulletin international de l'Academie polonaise des sciences et des lettres. Classe de philologie, Classe d'histoire et de philosophie, № Supplémentaire 7).

Moiseeva T. 2009. Nach Henkels Vorbild: Das chemische Laboratorium Lomonossows // Bilder-Wechsel: Sächsisch-russischer Kulturtransfer im Zeitalter der Aufklärung. Köln; Weimar; Wien.

Movillon Eleasar de. 1742. Histoire de Pierre I surnommé le Grand, empereur de toutes les Russies, Roi de Sibirie, de Casan, d'Asracan, Grand Duc de Moscovie, etc., etc., etc. Amsterdam; Leipzig.

Müller G.F. 1732a. [Einleitung]. Verzeichnis // SRG. Bd. I. 1. Stück.

Müller G.F. 1732b. Nachricht von einem alten Manuscript der Russischen Geschichte des Abtes Theodosii von Kiov // SRG. Bd. I. 1. Stück.

[*Müller G.F.*]. 1734. Krieger und Friedens-Geschäfte derer Grossfürsten Oleg und Igor mit dem Griechischen Kaiserthum, aus einem altem Russischen Chronico Anonimo in die Kürze gebracht // SRG. Bd. I. 5. Stück.

Müller L. 2001. Die Nestorchronik: Die altrussische Chronik <...>. München.

Nestesuranoi I. 1728. Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie <...>. Nouvelle édition <...>. Amsterdam. T. 1.

Obolensky D. 1971. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe. 500–1453. London.

Perry John, captain. 1716. The state of Russia under the Present Czar <...>. London.

Pontoppidan E. 1741. Gesta et vestigial Danorum extra Daniam <...>. T. 3. Lipsiae; Hafniae.

Литература

Praetorius M. 1688. Orbis Gothicus, id est Historica narration, omnium fere Gothici nominis populorum origins, sedes, lingvas, regimen, reges, mores, ritus varios, conversionem ad fidem etc. etc. T. 1, 2. Monasterii Olivensis.

Pritsak O. 1986. The Origin of the Name Rus' // *Passé Turko-Tatar. Present sovietique: Études offertes à Alexandre Bennigsen.* Paris.

Rakowiecki J. 1822. Prawda Ruska czyli prawa wielkiego księcia Jarosława Władymirowicza tudzież traktaty Olega y Ygora <...>. T. 2. Warszawa.

Sammlung Russischer Geschichte. 1732. 1. Stuck. SPb.; 2. Stuck. SPb.

Schlözer A.L. 1802–1809. *Нескоп. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludvig Schlözer.* T. 1–5. Göttingen.

Sellius A. 1736. Schediasma literarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrant. Rivaliae.

Signorini S. 1986. La Drevnjaja Rossijskaja istorija di M.V. Lomonosov // *EO.* T. 5.

Söderlind S. 1978. Rysernas rike: Till frågan om det Östslaviska rikets uppkomst. Stockholm.

Sorlin I. 1961. Les traites de Byzance avec la Russie au Xe siècle. I (partie) // *Cahiers du monde Russe et Sovietique.* Vol. 2. № 3. Paris.

Strahlenberg Ph.J. 1730. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia <...>. Stockholm.

Thulin A. 1981. The Southern Origin of the Name Rus': Some Remarks // *Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du colloque nordique et international de byzantinologie, tenu à Upsal 20–22 avril 1979.* Uppsala.

Vernadsky G. 1959. The Origins of Russia. Oxford.

Voltaire. 1739. Histoire de Charles XII. T. 1, 2. Amsterdam. Nouvelle Edition revue, corrigée, augmentée de beaucoup de particularités très-interessantes, et imprimée sur le Manuscrit de l'Auteur.

Voltaire. 1748. Anecdotes sur le Csar Pierre le Grand // *Oeuvres de Mr. de Voltaire.* Nouvelle édition revue, corrigée et considerablement augmentée par l'Auteur. Dresde. T. 2.

[*Voltaire*]. 1759. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'Auteur de l'histoire de Charles XII. S. I. T. 1.

[*Voltaire*]. 1763. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par l'Auteur de l'histoire de Charles XII. S. I. T. 2.

Voltaire. 1999. The complete Works of Voltaire / *Édition critique par M. Merlaud.* Oxford. T. 46, 47.

White H. 1974. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore; London.

Wojtkowiak Z. 1990. Maciej Strykowski — dziejopis Wielkiego księstwa Litewskiego: Kalendarium życia i działalności. Poznań (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Seria Historia. Nr. 169).

Список сокращений

АЕ — Археографический ежегодник. М.
библ. — библейский
БЛДР — Библиотека литературы древней Руси. СПб.
вел. кн. — великий князь
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
ГВНП. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова.
герм. — германский
ГИМ — Государственный исторический музей.
ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы.
др.-в.-нем. — древневерхненемецкий
др.-рус. — древнерусский
др.-сак. — древнесаксонский
др.-ск. — древнескандинавский
Ермол. — Ермолаевский список Ипатьевской летописи.
ЖЗЛ — Жизнь замечательных людей. М.
ИА — Исторический архив. М.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИМ — Историк-марксист. М.
имп. — император, императрица
ИОРЯС — Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности.
СПб. — Пг. — Л.
Ипат. — Ипатьевская летопись.
ИСССР — История СССР. М.
кн. — князь
кор. — король
КПР — Краткая Правда Русская.
Лавр. — Лаврентьевская летопись.
легенд. — легендарный
лит. — литературный

Список сокращений

- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
Ник. — Никоновская летопись.
НПЛмл. — Новгородская Первая летопись младшего извода.
ОИ — Отечественная история. М.
ОР — Отдел рукописей.
ОФР — Очерки феодальной России: Сб. ст. М.
ПБПВ — Письма и бумаги Петра Великого. СПб.; М.; Л.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПКНО — Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М.
ППР — Пространная Правда Русская.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. 1830. СПб.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб. — Л. — М.
ПСС — Полное собрание сочинений.
Радз. — Радзивилловская летопись.
РЛ — Русская литература. Л.; СПб.
РИБ — Русская историческая библиотека. СПб.
РИБ. 1890. Т. 12. — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1: 1500–1699 гг. СПб.
РИБ. 1894. Т. 14 — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. СПб.
РИЖ — Русский исторический журнал. Пг.
РНБ — Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.
Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. СПб.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия. М.
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л. — СПб.
Степ. — Степенная книга.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (РАН). Л. (СПб.).
ЧОИДР — Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд.
AQdGM — *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters*. Berlin.
Commentarii — *Commentarii Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae*.
EO — *Europa Orientalis*. Roma.
SRG — *Sammlung Russischer Geschichte*. SPb.

Именной указатель

- Аблов Н.Н.* 713, 834
Абул-гази (Абулгаси) (1605–1665), хивинский хан (1644–1663), историк 456
Абыштов Петр, русский моряк 157
Аввакум (1620/1621–1682), протопоп, писатель, один из основателей старообрядчества 53, 58, 59, 319, 834
Август II Сильный (1670–1733), курфюрст саксонский с 1694 г., кор. польский (1697–1706, 1709–1733) 146, 152, 159, 195, 249, 436, 805
Август III (1696–1763), кор. польский, курфюрст саксонский с 1733 г. 721
Август Гай Октавий (с 44 до н. э. Гай Юлий Цезарь Октавиан) (63 до н. э. — 14 н. э.), имп. римский с 27 до н. э. 62–65, 89, 90, 92, 93, 95–99, 105, 108, 132, 138, 144, 166, 205, 228, 243, 354, 399, 404, 407, 480, 483, 523, 618, 620, 643, 647, 649, 752, 754, 755, 794
Августалий, легенд. 63, 522
Августин (354–430), богослов, епископ Гиппона в Северной Африке с 395 г. 328
Авель, библи. 799
Авенхасан, легенд. 88
Авраам, библи. 703
Авраамий Палицын (Аверкий Палицын, ум. 1626), политический деятель, писатель 95, 413
Агарь, библи. 703
Агафья Симеоновна, см. Грушецкая А.С.
Агеева Р.А. 580, 834
Аграфена, фолькл. 793
Агрикола Г. (1494–1555), немецкий минералог 47
Адальберт (ум. 981), миссийный епископ, архиепископ магдебургский с 968 г. 662, 788
Адам, библи. 138, 139 713
Адам Бременский (ум. после 12.10.1081), немецкий хронист, каноник бременского кафедрального собора 400, 479, 522, 558, 585, 605, 658, 661
Адемер, ученик академической Гимназии 299
Адлерфельд Г. (1671–1709), шведский историк 690
Адодуrow (Ададуrow) В.Е. (1709–1780), адъюнкт по высшей математике (1733–1741), филолог 333, 334, 388, 708, 724
Адольф-Фридрих (1710–1771), герцог гольштейн-эйтинский, кор. шведский с 1751 г. 373

- Адриан (1627–1700), патриарх Русской Церкви с 1690 г. 121, 126
- Адрианова-Перетц В.П. 854
- Акема Т., голландский предприниматель 43
- Акимова А.* 590, 834
- Аламбер Ж., д' (1717–1783), французский писатель, философ, математик 468, 722
- Александр (ум. 1506), кн. литовский с 1492 г., кор. польский с 1501 г. 48, 667
- Александр (ум. 913), брат и соправитель Льва VI, византийский имп. (912–913) 422, 626, 760
- Александр Михайлович (1301–1339), кн. тверской, вел. кн. владимирский (1325–1327) 635
- Александр I Павлович (1777–1825), имп. с 1801 г. 12, 525
- Александр II Николаевич (1818–1881), имп. с 1855 г. 14
- Александр III Александрович (1845–1894), имп. с 1881 г. 47
- Александр Македонский Великий (356–323 до н. э.), царь македонский с 336 г. 70, 72, 88, 92, 102, 108, 133, 140, 141, 194, 210, 256, 328, 522, 564, 707, 712, 713, 750
- Александр Ярославич Невский (1220–1263), кн. новгородский (1236–1251), вел. кн. владимирский с 1252 г. 38, 97, 133, 224, 228, 229, 254, 413, 414, 528, 625, 639, 646, 648, 726, 804
- Александра (ум. 1364), княгиня, жена кн. Ивана Ивановича Красного, мать кн. Дмитрия Ивановича Донского 635
- Александров Б.В.* 855
- Алексеев М.П.* 272, 683, 834
- Алексеева Н.Ю.* 719, 834
- Алексей Алексеевич (1654–1670), царевич, сын царя Алексея Михайловича 49, 51
- Алексей I Комнин (1048–1118), византийский имп. с 1081 г., родоначальник династии Комнинов 104, 531
- Алексей Михайлович (1629–1676), царь с 1645 г. 42, 45, 46, 49–55, 58, 59, 90, 95, 97, 99, 103–105, 121, 135, 144, 190, 191, 203–205, 239, 256, 270, 287, 306, 307, 311, 458, 469, 547, 553, 673, 680, 685, 686, 688, 689, 697, 804, 805, 807, 823
- Алексей Петрович (1690–1718), царевич, сын Петра I и Е.Ф. Лопухиной 159, 195–198, 200, 201, 209, 250, 256, 267, 268, 288, 437, 593, 688, 707, 806
- Алирик, легенд. 63
- Алматов М.А.* 23, 24, 129, 834
- Альберт Кампенский (1490? – 1542), нидерландский ученый 72, 73
- Альбина Л.Л.* 272, 684, 687, 698, 834
- Альд (XVI в.), имя главы итальянских типографов Манусов, издания которых в XVI в. стали называться Альды 394
- Альмош (ум. 1123), герцог венгерский 631
- Альон, де (XVIII в.), шевалье, французский посол в Петербурге 589, 590
- Амвросий (1708–1771), префект Александро-Невской семинарии, архиепископ московский с 1768 г. 525–527, 529, 531, 834
- Амвросий Медиоланский (ок. 339–397), богослов, епископ Милана с 374 г. 328
- Амман И. (1707–1741), ботаник, медик, профессор ботаники и натуральной истории в Академии наук с 1733 г. 371, 412

- Анадраг (начало XI в.), кн. прибалтийских славян 585
- Анакреон (вторая половина VI в. до н. э.), древнегреческий поэт 347, 348
- Анастас (вторая половина X в. — первая половина XI в.), священник 801
- Анастасия (Агмунда, ум. после 1074), дочь кн. Ярослава Владимировича, жена кор. венгерского Андрея I 36
- Анастасия (Августа, ум. 1345), литовская княжна, жена кн. Семена Ивановича Гордого 631
- Анастасия Романовна (ум. 1560), первая жена с 1547 г. Ивана IV Васильевича 98, 536, 634
- Андреев А.И. (1887–1959), историк, источниковед, археограф 20, 23, 180, 182, 186, 187, 220, 313, 336, 408, 430, 432, 434, 441, 445, 462, 532, 534, 538, 541, 688, 689, 695, 708, 834, 835
- Андреев А.Ю.* 344, 835
- Андреева Е.А.* 42, 154, 835
- Андрей (Андрей Первозванный), апостол 25, 88, 124, 211, 569, 571, 572, 574, 586, 620, 626
- Андрей I (ум. 1060), кор. венгерский с 1046 г. 36
- Андрей Иванович Кобыла (ум. до 1350/1351), родоначальник Захарьиных-Юрьевых — Романовых 98, 538
- Андрей Александрович (ум. 1304), кн. городецкий, костромской, с 1293 г. вел. кн. владимирский 646
- Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111–1174), кн. владимиро-суздальский с 1157 г. 494, 495, 502, 633, 648, 649, 653
- Андрей Ярославич (ум. 1264), кн. новгородский, суздальский, вел. кн. владимирский (1249–1252) 646
- Андроник, апостол 612
- Андроник I Комнин (ум. 1185), имп. византийский — соправитель (1182–1183), имп. 1185 г. 633
- Анисимов Е.В.* 147, 148, 155, 162, 164, 165, 282, 289, 301, 323, 358, 359, 368, 372, 379, 551, 588, 835
- Анкерсмит Ф.* 8
- Анна (ум. 1011), жена кн. Владимира Святославича 35, 530, 645, 660, 801
- Анна Васильевна, княжна, дочь вел. кн. Василия Дмитриевича 635
- Анна Ивановна (1693–1740), имп. с 1730 г., дочь царя Ивана Алексеевича 160, 198, 281, 296–299, 301, 322–326, 330, 335–337, 352, 358–361, 363, 364, 366–368, 370, 373–375, 377, 392, 414, 441, 450, 451, 457, 458, 469, 550, 554, 559, 829
- Анна Комнина (1083 — ок. 1153/1154), дочь византийского имп. Алексея Комнина, автор хроники правления ее отца «Алексиада» 400
- Анна Леопольдовна (1718–1746), дочь Екатерины Ивановны, дочери Ивана V, и герцога Мекленбург-шверинского, «правительница» Российской империи (1740–1741) при малолетнем сыне Иване VI Антоновиче 324, 358, 369, 363–366, 368, 369, 371, 374, 375, 377, 554, 829
- Анна Петровна (1708–1728), дочь Петра I и Екатерины, жена герцога Фридриха Карла Голштейн-Готторпского, мать имп. Петра III 127, 222, 283, 287, 296, 383, 676
- Анна Ярославна (ум. ок. 1082), дочь кн. Ярослава Владимировича

- Мудрого, жена кор. французского Генриха I 36
- Антиох I Сотер (324–261), царь эллинистического государства Селевкидов 83
- Антипатр (ум. 43 до н. э.), основатель династии Иродов в Иудее 63
- Антон Ульрих (1714–1774), герцог Брауншвейгский, муж Анны Леопольдовны 359, 364, 366, 368, 374, 375
- Антоний, папский легат 136
- Антоний Марк (ок. 83–30 до н. э.), древнеримский полководец, политический деятель 227
- Анфертьева А.Н.* 392, 835
- Аполлодор (II в. до н. э.), древнегреческий писатель 210
- Аппиан Александрийский (ум. в 70-х гг. II в. н. э.), древнеримский историк 656
- Апраксин А.П. (ум. 1725), офицер 193
- Апраксин С.Ф. (1702–1760), фельд-маршал с 1756 г. 720
- Апраксин Ф.М. (1661–1728), генерал-адмирал с 1708 г. 282, 451, 688
- Арескин Р. (ум. 1718), доктор медицины и философии Оксфордского университета, лейб-медик Петра I 175, 288
- Аристотель (384–322 до н. э.), древнегреческий философ 94, 107, 138, 328, 329, 345, 389, 467
- Аристотель (Альберти, Фиораванти, XV в.), болонский архитектор, механик, техник 704
- Арминий (18/16 до н. э. — 19/21 н. э.), вождь германского племени херусков 703
- Аркиел Т. (ум. 1713), немецкий историк 605, 658
- Арнольд Любекский (ум. ок. 1212), аббат, хронист, автор «Славянской хроники» 456, 597, 598, 658
- Арсений Грек (ок. 1610 — после 1666) — учитель риторики, переводчик 54
- Артамонов М.И.* 583, 836
- Асан, легенд. 88, 522
- Аскольд (Оскольд, Оскальд) (IX в.), кн. киевский 68, 84, 86, 103, 259, 264, 483, 484, 523, 558, 562, 563, 566, 611, 612, 643, 748, 757, 758
- Асмус В.* 155, 836
- Ассамбек, кн. черкесский 299
- Ассамбеков Темир хан, ученик академической Гимназии 299
- Ассеман И.С. (1687–1768), итальянский историк 659
- Астраханский В.С.* 439, 836
- Астрид (X в.), мать Олава Трюггвасона 798
- Атила (Атилла) (ум. 453), вождь гуннов с 434 г. 116, 703
- Афанасий (ум. 1568/1575), митрополит всея Руси, агиограф 618
- Афанасий (Любимов А.А., 1641–1707), первый архиепископ холмогорский с 1682 г. 308
- Ахенваль Г. (1719–1772), статистик 727
- Ахилл, герой эпического произведения Гомера «Илиада» 384
- Аякс, герой эпического произведения Гомера «Илиада» 328
- Бабич И.В.* 843
- Бабич М.В.* 843
- Бабкин Д.С.* 11, 319, 709, 718, 836
- Баггер Х.* 147, 153, 836
- Баженин, двинской крестьянин 312
- Базилевич К.В.* 21
- Байер Т.З. (Г.З.) (1694–1738), филолог, историк, профессор по кафедре греческих и римских древностей в Академии наук с 1725 г. 18, 19, 21–23, 25, 30, 187, 286, 287, 292, 293, 336, 392–408, 412, 414,

- 416, 417, 427, 429, 453, 471, 472,
478, 479, 526, 550, 558, 560, 572,
574, 657, 686, 734, 751, 780, 798,
827, 836, 864
- Бакланова Н.А.* 430, 836
- Бакмейстер И.К. (Г.Л.Х.) (1730–
1806), адъютант, переводчик,
библиотекарь 178
- Бантыш-Каменский Н.Н. (1737–
1814), историк, археограф, архи-
вист 406, 526
- Баранов П. (начало XX в.), историк
- Баранович Л. (1620–1693), архие-
пископ Черниговский с 1657 г.,
политический деятель, литера-
тор 59
- Барков И.С. (ум. 1768), копиист,
историк, поэт 607, 608, 676, 677,
679, 681, 689, 812–817, 820, 821,
833
- Бароний Ц. (1538–1607), итальян-
ский историк 131, 138, 522, 523
- Бартенев П.И. (1829–1912), историк,
издатель 551, 836
- Баттус, легенд. 140
- Батый (ум. 1255), хан монгольский
38, 383, 459, 486, 598, 599, 625, 725
- Баумгертель Г.* 350, 836
- Бахрушин С.В. (1882–1950), историк,
чл.-корр. АН СССР с 1939 г. 408,
431, 763, 836
- Бахтин М.М.* 125
- Бахус, см. Вакх
- Бегич (XIV в.), эмир ордынский 625
- Бекенштейн И.С. (1684–1742), пра-
вовед, профессор юриспруденции
в Академии наук в 1725–1735 гг.,
иностранный почетный член
Петербургской Академии наук
с 1738 г. 187, 286, 293, 336
- Бекович-Черкасский А. (ум. 1717),
кабардинский князь на русской
службе, дипломат, в 1717 г. воз-
главлял экспедицию в Хиву 193
- Бела (ум. 1063), кор. венгерский
с 1060 г. 703
- Белковец Л.П.* 409, 411, 412, 417, 836
- Белоброва О.А.* 57, 135, 836
- Белов М.И.* 314, 316, 317, 836
- Белокуров С.А., историк 90, 92, 94,
331, 332, 836, 850
- Бель Д., английский дипломат 362
- Бельский М. (1495–1575), польский
историк 131, 133, 138, 478
- Белявский М.Т.* 25, 169, 836, 837
- Беляев И.Д. (1810–1873), историк
771, 773, 799, 837, 858
- Бенедикт VII (ум. 984), римский папа
с 975 г. 788
- Беринг В. (1681–1741), мореплава-
тель, капитан-командор россий-
ского флота 157, 337, 413
- Берке (ок. 1221–1266), хан Золотой
Орды (с 1257/1258) 97, 133
- Берков П.Н.* 524, 837
- Беркофф Дж. Броджи* 441, 447, 464,
465, 864
- Бернулли Д. (1700–1782), матема-
тик, физик, философ, профессор
физиологии в Академии наук
с 1725 г., математики с 1727 г.,
иностранный почетный член
Петербургской Академии наук
с 1733 г. 187, 286, 291–295, 391
- Бернулли Н. (1695–1726), матема-
тик, философ, юрист, профессор
математики в Академии наук с
1725 г. 187, 291, 295
- Бероз (III в. до н. э.), вавилонский
жрец, писатель 74
- Беснятых Ю.Н.* 312, 837, 859
- Бестужев-Рюмин А.П. (1693–1766), го-
сударственный деятель, дипломат
298, 361, 364, 366, 376, 379, 387, 540,
542, 589, 677, 678, 681, 720
- Бестужев-Рюмин К.Н. (1829–1897),
историк, академик с 1890 г. 442,
450, 452, 837

- Бестужев-Рюмин М.П. (1688–1760), дипломат 364
- Бецкой И.И. (1704–1795), президент Академии художеств (1763–1794), организатор школьного, среднего и высшего образования 725
- Бешенковский Е.Б.* 548, 604, 847
- Бёрнет, епископ англиканской церкви 121
- Бибииков М.В.* 580
- Бильбасов В.А. (1837–1904), историк 720, 721, 723, 837
- Бильфингер (Бюльфингер) Г.Б. (1693–1750), математик, физик, профессор логики и метафизики в Академии наук с 1725 г., экспериментальной и теоретической физики в 1726–1730 гг., иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 1731 г. 283, 286, 287, 291, 294, 299, 333
- Биларский П.С. (1819–1867), историк, экстраординарный академик (с 1863) 13, 534, 549, 552–555, 566, 567, 728, 818, 837
- Биньон Ж.П. (1662–1743), королевский библиотекарь, аббат, президент Парижской Академии наук 180, 181
- Бирон Г. (1700–1746), генерал-аншеф, брат Э.И. Бирона 325
- Бирон К. (1684–1746), генерал-аншеф, брат Э.И. Бирона 325
- Бирон К.Э. (1728–1801), сын Э.И. Бирона 325
- Бирон Э.И. (1690–1772), граф с 1730 г., фаворит имп. Анны Ивановны 298, 301, 322, 323, 325, 326, 336, 358–369, 371, 377, 384, 392, 721
- Блок Г.П.* 382, 671, 719, 720, 846
- Блуд (вторая половина X в.), киевский воевода 782
- Блюментрост Л. А. (1619–1705), врач царя Алексея Михайловича 45
- Блюментрост Л.Л. (1692–1755), лейб-медик, президент Академии наук (1725–1733) 181, 182, 186, 283, 284, 287–289, 292, 294, 295, 299, 336, 395, 411, 412
- Боброва Е.И.* 837
- Богданов А.И. (1693–1765), архивариус, помощник библиотекаря Академии наук 637, 639, 711, 713, 807
- Богданов А.П.* 28, 61, 62, 91, 96, 100, 106, 107, 112, 129–132, 135, 137, 712–714, 836, 837, 862
- Богословский М.М. (1867–1929), историк, академик с 1921 г. 52, 118, 121–124, 140, 141, 190, 191, 837
- Богуслав (XII в.), кн. прибалтийских славян 585
- Боден Ж. (1530–1596), французский мыслитель, правовед и государственный деятель 233
- Бойль Р. (1627–1691), английский физик, химик 390
- Боккалини Т. (1556–1613), итальянский писатель, историк 466
- Болгар (Болгор), легенд. 87, 481
- Болеслав I Храбрый (967–1025), кн. польский с 992 г., король в 1025 г. 630, 645, 795
- Болеслав III Кривоустый (1086–1138), кн. польский с 1106 г. 631
- Болтин И.Н. (1736–1792), историк, государственный деятель 20, 439, 766, 838
- Бомштейн Г.И.* 791, 838
- Бонифаций VII, римский папа (974, 984–985) 788
- Борис Владимирович (ум. 1015), кн. ростовский 623, 638, 799
- Борис Федорович Годунов (ок. 1552–1605), царь с 1598 г. 91, 93,

- 98, 204, 207, 237, 238, 244, 255,
261, 266, 457, 528, 534, 808
- Борис Юрьевич (ум. 1159), кн. туров-
ский 502
- Борис I (ум. 907), кн. болгарский
(852–889) 401
- Борщов М. (первая половина
XVIII в.), архимандрит Бизюкова
монастыря 473
- Ботеро Д. (1533–1617), итальянский
писатель-гуманист 131
- Брант К. кораблестроитель 191, 208
- Браун И.А. (1712–1768), физик, про-
фессор философии в Академии
наук с 1748 г. 539, 541
- Бреверн К. фон (1704–1744), дипло-
мат, президент Петербургской
Академии наук (1740–1741) 371,
376, 391
- Бренева И.В.* 726, 838
- Бреннер С. Е. (1659–1730), шведская
поэтесса 462
- Бреннер Х. (род. 1669), шведский
ориенталист, историк, библиоте-
кар 453
- Брим В.А.* 583, 838
- Брут Л.Ю. (ум. 508 до н. э.), леген-
дарный основатель республикан-
ского строя в Риме 398
- Брюн (Брюин) ле К. (1652–1727),
голландский художник, путеше-
ственник 690, 694
- Брюне П.* 698, 838
- Брюс Я.В. (1670–1735), государ-
ственный и военный деятель,
ученый, библиофил 171, 173, 174,
264, 333, 337, 421, 422, 450, 452,
456, 535, 619, 790
- Брячислав Изяславич (ум. 1044), кн.
полоцкий 664
- Буало-Депрео Н. (Буало, 1636–1711),
французский поэт, критик 349,
802
- Бубнов Н.Ю.* 178
- Буганов В.И.* 799
- Бужинский Г. (ум. 1731), церковный
деятель, писатель, переводчик
329
- Буксбаум И.Х. (1693–1730), про-
фессор ботаники и натуральной
истории в Академии наук в
1725–1729 гг. 286, 293, 298
- Буланин Д.М.* 55, 112, 853
- Буленвилье А. де, граф де Сен-Сир,
(1658–1722), французский исто-
рик, философ 397, 398, 864
- Бургаве (1668–1738), врач, профес-
сор медицины 288
- Буланин Д.М.* 853, 854
- Буссов К. (ум. 1617), немецкий ме-
муарист, наемник 354
- Бутенант А., предприниматель 43
- Бутлер Д., кораблестроитель 204, 686
- Бутурлин И.И. (1661–1738), воен-
ный и государственный деятель
240
- Бутурлин П.И. (ум. 1724), князь-папа
Всешутейшего собора 127
- Бутурлин Ф.В. (ум. 1655), двинской
воевода 306, 307
- Быкова Т.А.* 218, 838
- Бычков А.Ф. (1818–1899), историк,
археограф, библиограф, академик
с 1869 г. 170, 198, 838
- Бычкова М.Е.* 64, 138, 838
- Бьёрнер Э.Ю. (1696–1750), шведский
филолог 453–455
- Бэкон Ф. (1561–1626), английский
философ 329
- Бюргер М. (1686–1726), профессор
химии и практической медицины
с 1725 г. 295
- Бюшинг А.Ф. (1724–1793), немецкий
географ, профессор, издатель,
пастор 728
- Вавилов С.И. (1891–1951), физик,
историк, академик с 1932 г., пре-

- зидент АН СССР (1945–1951)
20, 21,
Вадим, легенд. 484, 488, 489, 620, 755,
756
Вайнштейн О.Л. 398, 838
Вакх, древнеримский бог 50
Вайсель М. (XVI в.), немецкий исто-
рик 597, 598, 605, 659
Валк С.Н. 264, 439–442, 444–447,
457–460, 462, 472, 473, 475, 476,
480, 498, 515, 597, 728, 838, 839,
841
Валкина И.В. 463, 839
Вариньон П. (1654–1722), француз-
ский математик 180
Вартислав (начало XI в.), см. Брячис-
лав Изяславич
Вартислав (начало XII в.), кн. при-
балтийских славян 585
Варфоломеев В., земляк М.В. Ломо-
носова 313, 316, 318, 321, 332
Варяжко (вторая половина X в.),
воевода 652
Василий I (ум. 886), имп. византий-
ский с 867 г. 108, 139, 209
Василий I Дмитриевич (1371–1425),
вел. кн. московский с 1389 г. 48,
209, 303, 635
Василий II Болгаробойца (976–1025),
имп. византийский, в соправле-
нии с братом Константином VIII
35, 287, 530, 532, 534, 614, 660, 787
Василий II Васильевич Темный
(1415–1462), вел. кн. московский
с 1425 г. 40, 254, 804
Василий III Иванович (1479–1533),
вел. кн. московский с 1505 г. 62,
64, 65, 204, 209, 216, 237, 255,
260, 468, 625, 631, 635, 648, 667,
668, 754
Василий Александрович (ум. 1271),
старший сын кн. Александра
Ярославича Невского, до 1257 г.
кн. новгородский 639
Василий Великий (329–378), св. 328
624
Василий Иванович Шуйский (1552–
1612), царь (1606–1610) 91, 238,
241, 255, 265, 469, 627, 726, 808
Василий Михайлович (род. 1370),
кн. кашинский с 1399 г. с переры-
вами до 1426 г. 636
Василиса, дочь кн. рязанского Федо-
ра Ольговича 636
Василько Ростиславич (ум. 1124),
кн. теребовльский 633, 636, 637
Василько Юрьевич (ум. пос-
ле 1162 г.), кн. суздальский,
новгород-северский, уехал в Ви-
зантию 502, 633
Вебер Ф.Х., ганноверский резидент
при дворе Петра I 249, 251, 261,
263, 271, 590, 826
Веденский С.И., студент академи-
ческого Университета, учитель
академической Гимназии до
1762 г. 679
Ведюшкина И.В. 581, 839
Вейде А.А. (1667–1720), генерал 147
Вейдемейер А.И. (ум. 1852), историк
378, 379, 839
Вейтбрехт И. (1702–1747), физиолог,
адъюнкт физиологии в Академии
наук с 1725 г., профессор с 1731 г.
292, 299, 387, 411
Велес, языческой бог 792
Велецкая Н.Н. 793, 839
Великосан, легенд. 88, 522
Велисарий (490–565), полководец
византийский 657
Велувенкамн Я.В. 44, 312, 839
Венера (Венус), древнеримская боги-
ня 50, 88, 713, 792
Вергилий П.М. (70–19 до н. э.),
древнеримский поэт 138, 218,
328, 347
Вережкин М.И. (1732–1795), драма-
тург, переводчик, член Россий-

- ской академии 315, 316, 318, 320, 321, 326, 329, 331, 839
- Веселовский А.Н. (1838–1906), историк литературы 793, 839
- Веселовский А.П. (1685–1782), дипломат, вероятно, неофициальный российский резидент в Женеве 438, 685
- Веселовский И.П. (ум. 1754), дипломат 436
- Веселовский Ф.П. (ум. после 1762 г.), дипломат 436
- Веспасиан Т.Ф. (9–79), древнеримский император с 69 г. 328
- Вид Антон (ок. 1500–1558), польский картограф 74
- Видекинд Ю. (1618 или 1620–1678), шведский историк 452, 453
- Виет Ф. (1540–1603), французский математик 47
- Вико Дж. (1668–1744), итальянский мыслитель, историк 234
- Вилинбахов В.Б. 581, 839
- Виллекен Ю., голландский предприниматель 43
- Виниус А.А. (1641–1717), государственный деятель, библиофил 43, 175, 415
- Виниус А.Д. (ум. 1652), нидерландский купец и предприниматель в России 43
- Виноградов Д.И. (1720–1758), химик-технолог 333, 337–340, 342, 344, 350, 353, 355
- Вингейм Х.Н. (1694–1751), адъютант по астрономии в Академии наук с 1731 г., экстраординарный профессор с 1735 г., конференц-секретарь (1742–1746, 1749–1751) 387, 543, 549, 554, 568
- Винтер Э. 25, 416, 839
- Витень (ум. 1316), кн. литовский с 1293 г. 38
- Витовт (1350–1430), вел. кн. литовский с 1392 г. 38, 209, 635
- Витсен (Витзен) Н.К. (1641–1717), амстердамский бургомистр 414
- Виттрам Р.* 147
- Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125), сын кн. Всеволода Ярославича, кн. переяславский, ростово-суздальский, черниговский, киевский с 1113 г. 36, 62, 95, 97, 104, 254, 260, 413, 468, 492, 493, 502, 531, 533, 535, 624, 626, 637, 638, 645–648
- Владимир Святославич (ум. 1015), сын кн. Святослава Игоревича, кн. новгородский, киевский (ок. 978–1015) 15, 35–37, 91, 96, 97, 100, 203–205, 207, 241, 254, 260, 270, 400, 413, 489, 500, 528, 530–532, 534, 535, 538, 598, 599, 615, 620–624, 629, 630, 637, 644, 645, 652, 658, 663, 701, 754, 755, 778, 782, 789, 791, 792, 794–802
- Владислав IV Ваза (1595–1648), кор. польский с 1632 г. 255, 726
- Вовина (Вовина-Лебедева) В.Г.* 60–62, 446, 839
- Водарский Я.Е.* 147, 839
- Возвед, лит. 484
- Возгрин В.Е.* 152, 839, 859
- Войтковьяк З.* 80, 867
- Войшелк (ум. 1268), сын литовского кн. Миндовга 649
- Волков Б.И. (ум. 1716/1720), переводчик Коллегии иностранных дел 220
- Володарь Ростиславич (ум. 1124), кн. владими́ро-во́лыньский 616, 631
- Волос, см. Велес
- Волхв, легенд. 87, 88, 749
- Волынский А.П. (1689–1740), государственный деятель, дипломат 298, 332, 358–364, 441, 460, 465, 737

- Вольтер Ф.М. (1694–1778), французский писатель, философ, историк 11, 26, 32, 272–277, 279, 355, 437, 468, 589–594, 627, 680–707, 720, 722, 736–738, 810–812, 826, 830, 831, 833, 867
- Вольф Х. (1679–1754), барон, немецкий философ, математик, физик 181, 186, 276, 283, 291, 295, 329, 338–345, 347, 349, 350, 356, 371, 387, 389, 441, 463, 464, 466, 487, 497, 519, 545, 730, 752, 808, 826, 829, 839
- Воронцов М.И. (1714–1767), граф, государственный деятель 11, 379, 387, 500, 588, 679, 681, 715, 718, 723, 724
- Воскресенский Г.А. (род. 1849–1918), историк славянских литератур 317, 329, 331, 840
- Воскресенский Н.А. (1889–1948), историк 122, 126, 150, 151, 156–158, 161, 162, 164–167, 179, 181, 187, 192, 195, 197–200, 202, 203, 209–212, 214, 231, 339, 344, 840
- Всеволод Ольгович (ум. 1146), кн. черниговский, киевский с 1139 г. 492, 493
- Всеволод Святославич Чермный (ум. 1212), кн. черниговский 648
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154–1212), вел. кн. владимиро-суздальский с 1176 г. 254, 494, 633, 646, 648, 653, 654
- Всеволод Ярославич (1030–1093), с 1054 г. кн. переяславский, ростово-суздальский, кн. киевский (1077, 1078–1093) 491, 515, 586, 616, 618, 624, 632, 637, 645–647, 650
- Всеслав Брючиславич (ум. 1101), кн. полоцкий 616
- Вышата Остромирич (XI в.), воевода 637
- Вяземский П.А. (1792–1878), кн., литератор, общественный деятель 704
- Вятко, легенд. 68, 86
- Гавриил (Кременецкий) (ум. 1779), учитель Александро-Невской семинарии, митрополит киевский с 1770 г. 525–527, 529, 531
- Гагарин М.П. (ум. 1721), кн., сибирский губернатор 268
- Галилей Г. (1564–1642), итальянский физик, астроном 390
- Гамкрелидзе Т.В.* 746, 840
- Ганнибал А.П. (ок. 1697–1781), военный инженер 175
- Гарвей У. (1578–1657), английский медик 47
- Гаррингтон С.В. (1690?–1756), лорд, британский статс-секретарь 289, 290, 357, 362
- Гартвиг (ум. 1168), гамбургский архиепископ с 1148 г. 662
- Гартман И.А., профессор истории и элоквенции Марбургского университета 346
- Гваньини А. (1538–1614), офицер-наемник, итальянский историк 81, 131, 132, 354, 658, 660
- Гвариент И.Х., посол имп. Леопольда I 51
- Гвин С., преподаватель школы математических и навигацких наук 122, 169
- Гегель Г.В.Ф. (1770–1831), немецкий философ 6, 16
- Гедимин (ум. 1341), кн. литовский с 1316 г. 38, 635
- Гедройц М. (ум. 1608), кн., жмудский епископ с 1576 г. 81
- Гейрманс Г.Л.* 444, 840
- Гейман В.Г.* 763, 840, 855
- Гектор, герой эпического произведения Гомера «Илиада» 328

- Гельмольд (ум. после 1177), немецкий хронист, пресвитор 400, 456, 479, 522, 531, 558, 585, 597, 598, 605, 658, 660–663, 745, 840, 865
- Генкель И.Ф. (1679–1744), немецкий химик, металлург 337, 338, 350, 355, 356, 435, 826
- Генрих I (1008–1060), кор. французский с 1031 г. 36
- Генрих II (1002–1024), кор. германский, имп. Священной Римской империи с 1014 г. 35
- Георгий Амартол (Монах, IX в.), византийский хронист 400, 401, 488, 608, 610, 734, 757
- Георгий Кедрин (XI в.), византийский хронист 400, 522, 605, 606, 660, 734, 748, 781, 782, 865
- Георгий Пахимер (1242–1310), византийский историк 659
- Геракл, см. Геркулес
- Герасимов Д. (конец XV — первая половина XVI в.), переводчик, великокняжеский посол 72, 73
- Герберштейн С. (1486–1566), барон, государственный деятель, дипломат 75–82, 84, 85, 102, 103, 133, 257, 264, 265, 354, 399, 527, 529, 531, 635, 665–668, 840, 866
- Герике О. фон (1602–1686), немецкий физик 390
- Геркулес, мифологический древнегреческий герой, сын бога Зевса 132, 138–141, 219, 328
- Герман (Концевич, ум. 1735), архиепископ Архангелогородский и Холмогорский 327
- Герман А.А.* 45, 46, 840
- Герман Я. (1678–1733), профессор высшей математики в Академии наук с 1725 г., иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 1731 г. 187, 283, 286, 287, 291, 294, 296, 299
- Гермоген (ум. 1612), патриарх с 1606 г. 726
- Геродот (490/480–430/424 до н. э.), древнегреческий историк 109, 217, 253, 328, 396, 605, 606, 656
- Геронтий (ум. 1489), митрополит московский с 1473 г. 634
- Гертруда, сестра кн. польского Казимира I, жена кн. киевского Изяслава Ярославича 36
- Герье В.И. (1839–1919), историк 156, 177, 178, 217, 840, 856
- Гесиод (VIII–VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт 346
- Геснер К. (1517–1565), швейцарский ботаник, медик 47
- Гёте И.В. (1749–1832), немецкий поэт, литератор 342
- Гизель И. (ок. 1600–1683), украинский историк, политический деятель 100–104, 129, 332, 792
- Гизен, см. Гюйссен
- Гилберт У. (1540–1603), английский врач, физик 47
- Гиляров Ф.А. (1841–1895), историк 87, 840
- Гиппарх (II в. до н.э.), древнегреческий астроном и математик 390
- Гиппомен, древнегреческий мифологический герой 328
- Гита (Гида) (ум. ок. 1099 г.), дочь англо-саксонского кор. Харальда, жена кн. Владимира Всеволодовича Мономаха 36
- Гладкий А.И.* 130, 131, 837
- Глазырина Г.В.* 798, 840
- Глеб Владимирович (ум. 1015), кн. муромский 623, 638, 799
- Глеб Ростиславич (ум. 1178), кн. рязанский 653
- Глеб Юрьевич (ум. 1171), кн. городецкий, переяславский, киевский (1169–1171) 502, 653

- Глюк Э. 1652/1655–1706), директор школы в Москве, переводчик, автор учебников 169
- Гмелин И.Г. (1709–1755), естествоиспытатель, химик, профессор по химии и естественной истории в Академии наук (1731–1748) 293, 299, 336, 387, 388, 411, 429, 542
- Гнучева В.Ф. (1890–1942), историк, архивист 692, 840
- Гоббс Т. (1588–1679), английский философ 155, 347, 376, 441, 465, 466, 840
- Гог, библиограф 93
- Голден, английский купец 344
- Голендухин Л.Д.* 452, 840
- Голиаф, библиограф 50
- Голиков И.И. (1735–1801), купец, историк 187, 439, 841
- Голикова Н.Б.* 164, 841
- Голицын А.М. (1723–1807), кн., государственный деятель 725
- Голицын Б.А. (1654–1714), кн., государственный деятель 51, 52, 239, 267, 269
- Голицын В.В. (1643–1714), кн., государственный деятель 51, 115, 117, 128, 130, 135, 136, 202, 245, 246, 263, 356, 37
- Голицын Д.М. (1665–1737), кн., государственный деятель, библиофил 174, 282, 290
- Голицын М.М. (1675–1730), кн., военный и государственный деятель 297
- Голицын Н., кн., ученик академической Гимназии 299
- Головин Н., ученик Академии Лихудов 58
- Головин Н.Ф. (1695–1745), граф, адмирал с 1733 г. 373
- Головин Ф.А. (1650–1706), дипломат, государственный деятель 127, 194, 248, 415
- Головкин А.Г. (ум. 1760), граф, дипломат 187, 283, 356, 366
- Головкин Г.И. (1660–1734), граф, государственный деятель 187, 189, 218, 241, 282, 290, 298
- Головкин М.Г. (1705–1775), граф, дипломат, государственный деятель 366, 378
- Голубцов И.И. (1715–1759), переводчик 333
- Гольберг Л. (1684–1754), датский писатель, историк 820
- Гольдбах Х. (1690–1764), профессор математики в Академии наук с 1725 г., конференц-секретарь и советник юстиции в 1725–1728, 1734–1742 гг., почетный член Петербургской Академии наук после 1742 г. 283, 286, 287, 291, 336, 337, 387, 394–396
- Гольдберг А.Д.* 846
- Гольдберг А.Л.* 65, 86, 90, 92, 100, 841
- Гомер (Омир) (VI в. до н. э.), древнегреческий поэт 94, 109, 138, 217, 328, 394
- Гомер, здесь легенда 522
- Гораций К. Ф. (65–8 до н. э.), древнеримский поэт 328, 346
- Горбачев М.С.* 28
- Гордон П. (1635–1699), русский военный деятель, шотландец 119
- Горислава, см. Рогнеда
- Горланов А.П. (ум. 1759), студент академического Университета 429
- Горский А.А.* 580, 763, 841
- Горюнова В.М.* 852
- Гостомысл, легенда 63, 77, 84, 89–93, 103, 105, 144, 257, 265, 374, 398, 401, 403, 459, 467, 472, 481–485, 487, 489, 523, 527, 530, 536, 538, 559, 563, 564, 566, 643, 647, 712, 748–750
- Готтшед И.К. (1700–1766), немецкий литератор, литературный критик, грамматист 349

- Готье Ю.В. (1873–1943), историк, академик с 1939 г. 19, 20, 359, 360, 841
Гофман П. 11, 410, 702, 713, 841, 865
 Гофман Ф. (1660–1742), врач, профессор медицины 287
 Григори И.Г. (ум. в начале 1680-х), основатель придворного театра 45, 49
 Греков Б.Д. (1882–1953) историк, академик с 1935 г. 19, 20, 28, 583, 799, 841, 843
 Грибоедов Ф.И. (ум. 1673), дьяк 90, 95–100, 144, 841
 Григорий Богослов (Назианзин) (ок. 328 — ок. 389), архиепископ Константинополя с 381 г. 328
 Григорий I Великий (ок. 540–604), римский папа (с 590) 481
 Григорий Отрепьев, см. Лжедмитрий I
 Григорий Талицкий, раскольник, книгописец 268
 Грис (Гриз) Р., преподаватель школы математических и навигацких наук 122
 Гриф де ла, корреспондент Академии наук 294
 Гросс Х.Ф. (ум. 1742), адъюнкт по нравоучительной философии в Академии наук с 1725 г., экстраординарный профессор с 1725 г., иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 1732 г. 286, 292
 Гроций Г. (1583–1645), голландский юрист 155, 347, 441, 466
 Грушевский М.С. (1866–1934), историк 799
 Грушецкая А.С. (ум. 1681), жена царя Федора Алексеевича с 1680 г. 53
 Гугений, см. Гюйгенс Хр.
Гудавичюс Э. 642, 841
Гузевич Д. 118, 122, 169, 415, 841
Гузевич И. 118, 122, 169, 172, 415, 841, 865
Гуревич А.Я. 798, 841, 859
Гуревич М.М. 218, 838
 Гурьев, куростровский житель 321
Гурьянова Н.С. 834
 Густав II Адольф (1594–1632), кор. шведский с 1611 г. 41
 Гюбнер И. (1668–1731), немецкий педагог, историк 478, 659, 808
 Гюйгенс Хр. (1629–1695), голландский математик, астроном, физик 180
 Гюйссен Г. (Гизен, ум. 1740), барон, политический деятель, историк 219–222, 229–231, 245, 251, 411
 Гюнтер И.К. (1695–1723), немецкий поэт 347, 348, 351, 353
 Гюрята (Юрата) Рогович (XI в.), новгородец 636, 819
 Давид (кон. 11 в. — ок. 950 до н. э.), царь Израильско-иудейского царства 50, 188, 385
 Давыд Игоревич (ум. 1112), кн. владимиро-волинский 616, 633, 645
 Дажьбог, языческий бог 623, 792
 Далин У. (1708–1763), шведский поэт, историк 561
 Даниил (ум. 1547), митрополит всея Руси, писатель, публицист 617
 Даниил Александрович (1261–1303), кн. московский с ок. 1276 г. 646, 648, 803
 Дарий III (ум. 330 до н. э.), царь персидский с 336 г. до н. э. 120, 257, 564
 Дашкова Е.Р. (1744–1810), княгиня, литератор, директор Академии наук (1783–1786) 334
Дворецкая Н.А. 61, 841
 Девиер А.М. (1682–1745), граф, генерал-полицмейстер Петербурга 283

- Девкалион, древнегреческий мифологический возобновитель человеческого рода 328
- Девора, библ. 113
- Декарт Р. (1596–1650), французский ученый, философ 155, 194, 329, 345, 389
- Делиль Г. (1675–1726), французский географ 180
- Делиль Ж.Н. (1688–1768), астроном, географ, востоковед, профессор астрономии в Академии наук в 1725–1747 гг., почетный член Петербургской Академии наук в 1747–1748 гг. 187, 286, 291–293, 336, 337, 387, 542–544, 548
- Делиль де ла Кройер Л. (1690–1741), экстраординарный профессор астрономии в Академии наук с 1727 г. 187, 286, 293, 313, 336, 429
- Демидов (Антуфьев) Н.Д. (1656–1725), основатель и собственник уральских металлургических заводов 451
- Демкова Н.С. 855
- Демосфен (384–322 до н. э.), афинский политик и оратор 327, 328, 346
- Ден Я. (Дин Дж.), английский кораблестроитель 208
- Державина О.А. 50, 841
- Джаксон Т.Н. 798, 841, 842
- Диан, легенд. 562
- Дидо (Дидона), мифол. 792
- Дидро Д. (1713–1784), французский просветитель, философ 468, 720
- Диоген (413–327 до н. э.), древнегреческий философ 328
- Диодор Сицилийский (ок. 90–21 до н. э.), древнегреческий историк 132, 138
- Диоклес, древнегреческое имя, здесь легенд. 140
- Дионисий Галикарнасский (I в. до н. э.), древнегреческий историк 109
- Дир (IX в.), кн. киевский 68, 84, 103, 259, 264, 484, 523, 558, 563, 565, 570, 611, 612, 643, 748, 757, 758
- Длугош Я. (1415–1480), польский историк, краковский каноник, архиепископ львовский 12, 66–70, 78, 81, 83, 102, 131, 533, 537
- Дмитриева Р.П. 62, 64, 65, 837, 842
- Дмитрий, сын кн. кашинского Василия Михайловича 636
- Дмитрий Иванович (1483–1509), кн., сын кн. Ивана Ивановича Молодого 209, 255
- Дмитрий Иванович (1582–1591), царевич, сын Ивана IV Васильевича 98, 204, 255, 534
- Дмитрий Иванович Донской (1350–1389), кн. московский с 1359 г., вел. кн. владимирский с 1362 г. 40, 97, 133, 209, 303, 374, 625, 635, 641, 646, 648, 667
- Дмитрий Солунский (ум. 306), св. 616
- Добрушкин Е.М. 445, 447, 449, 842
- Добрыня (X в.), дядя кн. Владимира Святославича 622
- Добрыня, здесь легенд. 137, 796
- Долгова С.Р. 716, 842
- Долгорукая Е.А. (1712–1745), дочь кн. А.Г. Долгорукого 289
- Долгорукий А.Г. (ум. 1734), государственный деятель 290
- Долгорукий В.Л. (1672–1739), кн., дипломат, государственный деятель 150, 290, 361
- Долгорукий И.А. (1708–1739), кн., сын А.Г. Долгорукого, фаворит имп. Петра II 325, 361
- Долгорукий И.Г. (ум. 1739), кн. 361
- Долгорукий М.В. (1667–1750), кн., государственный деятель 268

- Долгорукий С.Г. (ум. 1739), кн., сын
Г.Ф. Долгорукого, дипломат 361,
361
- Долгорукий Я.Ф. (1639–1720), кн.,
военный и государственный дея-
тель 190, 241, 547
- Долгоруков В.В. (1667–1746) кн.,
военный и государственный дея-
тель 297, 322
- Доманска Э.* 8, 842
- Дробленкова Н.Ф.* 855
- Дудик (XI в.), холоп 632
- Дудин Х.П. (ум. 1724), житель Куро-
строва 315, 316
- Дуйзинг Ю.Г., профессор теорети-
ческой химии в Марбургском
университете 342
- Дулеба, легенд. 86
- Дыр, легенд. 86
- Дьяконов М.А. (1855–1910), историк
права, академик с 1912 г. 762,
763, 842
- Дюбо Б.А.* 730, 842
- Дюбо Ж.Б. (1670–1742), историк, се-
кретарь французской Академии,
дипломат 398, 865
- Дюверней Ж.Г. (1648–1730), фран-
цузский хирург, анатом 180, 288
- Дювернуа И.Г. (1691–1759), медик,
профессор анатомии, хирургии
и зоологии в Академии наук с
1725 г., иностранный почетный
член Петербургской Академии
наук с 1741 г. 286, 292, 336, 369,
413
- Евгений (Е.Ф. Болховитинов)
(1767–1837), митрополит киев-
ский с 1822 г., историк, архео-
граф, библиограф 318, 842
- Евдокия, см. Лопухина Е.Ф.
- Евдокия (1556–1558), дочь Ивана IV
Васильевича и Анастасии Рома-
новны 634
- Евлагерд, легенд. 63
- Евпраксия (Адельгейда) Всеволодов-
на (ум. 1119), дочь кн. Всеволода
Ярославича, жена маркграфа
Северной марки Генриха Длин-
ного, затем — имп. Священной
Римской империи Генриха IV 36
- Евреинов И. (ум. 1724), геодезист,
путешественник 157
- Евстафий Солунский (ум. ок. 1193),
митрополит 109
- Евсей Памфил (263–340), историк
церкви 79
- Евтропий (IV в.), секретарь имп.
Константина Великого, историк
657
- Едвинда, лит. 484
- Едигей (1352–1419/1420), бекляри-
бек Золотой Орды 804
- Екатерина I Алексеевна (Марта
Скавронская) (1684–1727), фаво-
ритка с 1703 г., жена с 1712 г. Пе-
тра I, имп. всероссийская с 1725 г.
127, 188, 197, 198, 209, 249, 250,
256, 281–284, 287, 288, 324, 325,
376, 437, 532, 548, 593, 805, 806
- Екатерина II Алексеевна (1729–1796)
(Софья Фредерика Августа
Анхальт-Цербстская), жена имп.
Петра III, имп. всероссийская с
1762 г. 10, 336, 360, 363, 368, 369,
439, 484, 525, 587, 668, 669, 676,
677, 712, 717–725, 728, 731–733,
736–738, 762, 764, 830, 842
- Екатерина Ивановна (1691–1723),
дочь царя Ивана Алексеевича,
жена герцога мекленбургского
Карла Леопольда с 1716 г., мать
Анны Леопольдовны 336, 554
- Елагин И.П. (1725–1794), историк,
переводчик 439, 762, 764, 772, 842
- Елена, дочь вел. кн. московского Ива-
на III Васильевича, жена с 1495 г.
кн. литовского Александра 48

- Елена Волошанка, дочь молдавского
господаря Стефана III, жена Ива-
на Ивановича Молодого 631
- Елена Глинская (ум. 1538), дочь кн.
Василия Ивановича Глинского,
вторая жена вел. кн. Василия III
Ивановича с 1526 г. 632, 648
- Елена Прекрасная, героиня древне-
греческого эпоса 140
- Елизавета I Тюдор (1533–1603), ко-
ролева английская с 1558 г. 310
- Елизавета Петровна (1709–1761),
имп. с 1741 г. 14, 15, 17, 19, 21,
127, 296, 298, 317, 324, 326, 360,
367, 368, 371–373, 375, 377–386,
388, 389, 451, 458, 524–526, 529,
530, 535, 546, 549–554, 559, 568,
569, 587, 589, 594–596, 598, 599,
601, 669, 671, 672, 677, 700, 716,
717, 719–722, 729, 747, 812, 829
- Елисеев А.А.* 333, 842
- Еней, см. Эней
- Енос, легенд. 713
- Еремин И.П.* 100, 842
- Ермак Тимофеевич (ум. 1585), каза-
чий атаман 541
- Еропкин П.М. (ум. 1740), архитектор
363, 460
- Есфирь, библия. 113
- Ефрем (1054/1055 — ок. 1065), ми-
трополит киевский, член совета
византийского имп. 632
- Желябужский И.А., служилый дво-
рянин 141
- Жива, западнославянский языческий
бог 662
- Живов В.М.* 124, 125, 140, 842
- Жирмунский В.М.* 8, 671, 672, 843
- Жиродо Ж.* 471, 865
- Заборов П.Р.* 702, 843
- Завлох, лит. 484
- Зализняк А.А.* 584
- Замысловский Е.Е. (1841–1896),
историк 73, 105, 109, 110, 843
- Занд Х. (XVII в.) 800
- Зардан, легенд. 87, 481
- Захаров А.В.* 450, 843
- Зевс, древнегреческий бог 791
- Зеленин В.В.* 846
- Зеленин Д.К. (1878–1954), этнограф,
фольклорист 793, 843
- Зертис-Каменский А.С., см. Амвро-
сий
- Зиборов В.К.* 59, 100, 843
- Зимин А.А.* 447, 763, 767, 771, 843
- Зиновьев А.З. (1801–1884), историк
12, 843
- Знаменский П.В. (1836–1917),
профессор русской церковной
истории Казанской духовной
академии 327, 843
- Зотов К.Н. (ум. 1742), офицер рос-
сийского военно-морского флота
338
- Зотов Н.М. (ок.1644–1718), учитель
Петра I, думный дяк, граф с
1710 г. 127, 267
- Зоя см. София Палеолог
- Зыков А., житель Холмогор 306
- Иаков, апостол 623
- Иаков, легенд. 800
- Иафет, библия. 63, 67, 72, 74, 82, 85, 86,
87, 102, 138, 139, 417, 437, 522,
531, 555, 608, 628
- Ибн Хаукал (X в.), арабский географ,
путешественник 404
- Ибн Хордабех (ок. 820 — ок.
912/913), арабский географ 404
- Иван, легендарное имя варяга 794
- Иван III Васильевич (1440–1505),
вел. кн. московский с 1462 г. 40,
48, 62, 64, 70, 71, 136, 204, 207,
209, 237, 255, 265, 270, 271, 354,
441, 457, 459, 468, 528, 537, 631,
633, 634, 639, 646, 648, 650, 651,

- 666, 667, 701, 705, 710, 725, 742, 754, 804
- Иван IV Васильевич Грозный (1530–1584), вел. кн. с 1533 г., царь с 1547 г. 41, 48, 62, 65, 85, 93, 98, 133, 204, 237, 241, 243, 255, 305, 310, 311, 354, 375, 431, 456, 461, 469, 523, 528, 535, 536, 541, 598, 599, 618, 632, 634, 648–650, 664, 685, 701, 705, 706, 742, 754, 756, 808
- Иван V Алексеевич (1666–1696), царь с 1682 г. 54, 55, 112, 116, 117, 142, 190, 246, 248, 256, 308, 309, 324, 375, 377, 385, 436, 554, 805
- Иван (Иоанн) VI Антонович (1740–1764), имп. (1740–1741), сын Анны Леопольдовны и герцога Антона Ульриха Брауншвейгского 324, 364, 373–375, 382, 530, 554
- Иван Владимирович (ум. 1422), кн. серпуховской 636
- Иван Данилович Калита (ум. 1340), кн. московский с 1325 г., вел. кн. владимирский с 1328 г. 437, 528, 631, 646, 650, 704
- Иван Дмитриевич (ум. 1393), кн., сын кн. Дмитрия Ивановича Донского 635
- Иван Иванович Красный (1326–1359), кн. звенигородский и рузский (1340–1353), кн. московский и вел. кн. владимирский с 1353 г. 646
- Иван Иванович Молодой (1458–1490), сын вел. кн. Ивана III Васильевича 631
- Иван Рязанец (вторая половина XIV в.), ушкуйник 642
- Иван Смера, лит. 800
- Иванов В.Ф.* 431, 843
- Иванов Вяч. Вс.* 746, 840
- Иггерс Г.Г.* 7, 843, 866
- Игнатий, архимандрит ростовского Богоявленского монастыря, с 1262 г. еп. ростовский 639
- Игнатий (Римский-Корсаков И.С.) (ок. 1639–1701), митрополит тобольский с 1692 г. 134–137
- Игорь Ольгович (ум. 1147), кн. киевский (1146) 493, 494
- Игорь Рюрикович (конец IX — первая половина X в.), кн. киевский 97, 203, 206, 254, 259, 374, 404, 413, 421, 485, 530, 531, 580, 612, 613, 620, 623, 626, 627, 643, 647, 649, 676, 677, 686, 757–760, 769, 776, 778, 787
- Игорь Святославич (1151–1202), князь новгород-северский с 1178 г., черниговский с 1198 г. 445
- Иезекииль, ветхозаветный пророк 74, 79, 83, 85, 93, 94, 555, 574
- Иероним (330–419), церковный деятель, историк церкви 79, 83
- Изборск (Избор), легенд. 89, 530
- Измайлов Л.В. (1685–1738), офицер, дипломат 692
- Изяслав Владимирович (ум. 1001), кн. полоцкий 241, 645
- Изяслав Мстиславич (ок. 1096–1154), кн. курский, переяславский, туровский, минский, владими́ро-во́лыньский, с 1146 г. киевский 493–495
- Изяслав Ярославич (1024–1078), сын кн. Ярослава Владимировича, кн. киевский (1054–1068, 1069–1073, 1077–1078) 36, 254, 490, 515, 616, 631, 632, 645, 647
- Иконников В.С. (1841–1923), историк, академик с 1914 г. 728, 843
- Иларион (XI в.), митрополит киевский с 1051 г., вероятно, до 1054 г., писатель 168, 632, 843
- Илдей (Алдей), легенд. 785, 787

- Илизаров С.С.* 851
Илларионова Т.С. 45, 46, 840
 Ильмена, лит. 484
 Инге Стейнкельсон, кор. шведский (1080–1112) 36
 Ингигерд, жена кн. Ярослава Владимировича 36
 Иоаким (1620–1690), патриарх Русской Церкви с 1674 г. 54, 57, 59, 116, 135, 137
 Иоаким (первая половина XVIII в.), любитель истории 473, 474, 500, 801
 Иоанн I (ум. ок. 1030), митрополит России с ок. 1018 г. 630
 Иоанн II (ум. 1089), митрополит всея Руси 616
 Иоанн II Комнин (ум. 1143), имп. византийский с 1118 г. 601
 Иоанн VIII Палеолог (ум. 1448), имп. византийский с 1425 г. 635
 Иоанн Златоуст (345/347 – ок. 407), учитель Церкви, константинопольский патриарх (398–404) 328
 Иоанн Зонара (конец XI – середина XII в.), византийский хронист 600, 605, 606, 656, 781, 865
 Иоанн Скилица (ум. в кон. XI – нач. XII в.), византийский хронист, государственный деятель 400, 660, 748, 781
 Иоанн Цимисхий (ум. 976), имп. византийский с 969 г. 513, 614, 629, 778, 781
 Иоасаф (ум. 1672), патриарх Русской Церкви с 1667 г. 55
 Иордан (VI в.), готский историк 78, 79, 481, 600, 605, 606, 657, 662
 Иорнанд, см. Иордан
 Иосиф Флавий (ок. 37 – ок. 95), древнееврейский историк 74
 Ираклий (575–641), имп. византийский с 610 г. 209
 Ирод (ок. 73–4 до н. э.), царь иудейский (с 40 г. до н. э.), сын Антипатра 63, 98
 Исаак Комнин (ум. 1060?), имп. византийский (1057–1059) 632, 656
 Исидор (ум. 1462), митрополит киевский 632
Исхюль С.Н. 589, 843
 Исократ (436–338 до н. э.), древнегреческий публицист 346
 Истер, легенд. 87, 481
 Истрин В.М. (1865–1937), историк древнерусской литературы 734, 843
Иткина Е.И. 54, 843
 Йовий П. (1483–1552), итальянский ученый 72, 73, 76
Каган М.Д. 625, 844
 Кадлубек В. (ум. 1223), польский хронист 399
 Кадом, легенд. 86
 Казимир I Восстановитель (ум. 1058), кн. польский с 1038 г. 36, 630
 Казимир IV Ягеллончик (1427–1492), вел. кн. литовский с 1447 г., кор. польский с 1447 г. 67
 Каин, библ. 799
 Калайдович К.Ф. (1792–1832), историк, археограф, чл.-корр. Академии наук с 1825 г. 434, 436
 Каллимах (ок. 310–235 до н. э.), древнегреческий поэт 346
 Калокир (X в.), византийский патрикий 781
Каменский А.Б. 30, 119, 121, 147, 148, 282, 301, 323, 379, 409, 718, 722, 844, 851
 Кантемир А.Д. (1709–1744), кн., писатель, дипломат, ученый 293, 406
 Кантемир Д.К. (1674–1723), молдавский господарь, ученый 293, 406, 407, 412

- Кантемир К. (ум. 1693), молдавский господарь с 1685 г. 406
- Карамзин Н.М. (1766–1826), историк, литератор 11, 12, 17, 20, 426, 439, 440, 442, 446, 491, 550, 734, 762, 766, 771–773, 799, 844
- Каргопольский И., холмогорский учитель 320
- Карион И. (1499–1537), немецкий математик, астроном, автор всемирной хроники 112
- Карл I Стюарт (1600–1649), кор. английский с 1625 г. 311
- Карл V (1500–1558), имп. Священной Римской империи (1519–1556) 75
- Карл VI Габсбург (1685–1740), имп. Священной Римской империи германской нации с 1711 г. 181, 196
- Карл XII (1682–1718), кор. шведский с 1697 г. 141, 146, 152, 221, 224, 249, 256, 272, 274, 277, 375, 589, 593, 594, 682, 683, 700, 702, 712, 805, 826
- Карл-Фридрих (ум. 1739), герцог Голштейн-Готторпский с 1702 г., женат на Анне Петровне, дочери Петра I 222, 281–283, 676
- Карпеев Э.П.* 31, 403, 570, 588, 844
- Кассиодор (485–578), деятель остготского государства, историк 657
- Катилина, см. Сергей Катилина
- Кашианов С.М.* 261, 442, 510, 763, 844
- Кветницкий Ф., учитель поэтики Славяно-греко-латинской академии 327, 328
- Квинт Курций Руф (I в. н. э.), древнеримский историк 131, 346
- Кейзерлинг К.Г. (1695/1696–1764), барон, президент Петербургской Академии наук в 1733 г., дипломат 323, 336, 356
- Кейт Дж. (1698–1758), шотландец, генерал на российской службе (1728–1747) 373
- Кеплер И. (1571–1630), немецкий астроном 47, 291, 390
- Кер Г.Я. (1692–1740), востоковед, профессор Иностранной коллегии 412
- Кёллнер Х.* 8
- Кий, легенд. 68, 84, 103, 243, 264, 484, 523, 556, 570, 609, 748
- Киприан (ок. 1330–1406), с 1375 г. митрополит Киевский и всея Руси, писатель, редактор, книгописец 635
- Киприанов В.О., типограф 171
- Кир II Великий (ум. 530 до н. э.), царь персидский с 558 г. до н. э. 257
- Киртичников А.Н.* 844
- Кирилл (Константин, ок. 827–869), славянский просветитель 86, 612, 622, 800, 802
- Кирилл (ум. 1262), еп. ростовский с 1231 г. 639
- Кирилл (ум. 1280), митрополит Киевский и всея Руси, церковный и политический деятель 639
- Кирилов И.К. (ум. 1737), географ, обер-секретарь Сената 330–332
- Киртичников А.Н.* 754, 845
- Кислягина Л.Г.* 164, 841
- Китнер Ю.Н.* 453, 463, 480, 844
- Кларк С. (1675–1729), английский философ 389
- Клеопатра (69–30 до н. э.), царица египетская 63, 441
- Климент Т.Ф. Александрийский (ок. 150 — до 215), раннехристианский богослов, один из основателей александрийской школы философов 328
- Клингштед Т.М. (XVIII в.), исследователь 695

- Клосс Б.М.* 61, 67, 442, 473, 617, 618, 844, 845
- Клювер (Клюверий) Ф.* (1580–1622), немецкий географ, антиковед 206, 478
- Ключевский В.О.* (1841–1911), историк, академик с 1900 г. 17, 18, 21, 22, 124, 147, 380, 393, 394, 408, 550, 551, 579, 580, 586, 722, 727, 734, 799, 829, 830, 845
- Князев Г.А.* 20, 21, 845
- Кобленц И.Н.* 713, 845
- Ковригина В.А.* 46, 845
- Козимо I* (1537–1574), флорентийский герцог 72
- Козлов И.И.*, рекетмейстер 728
- Козлова Н.В.* 280, 845
- Козьма Пражский* (1045–1125), чешский хронист, декан Пражской церкви 474
- Колчин Б.А.* 63, 864
- Колычев С.А.*, ближний стольник, герольдмейстер 164
- Коль И.П.* (1698–1778), профессор элоквенции и церковной истории в Академии наук (1725–1727) 21, 187, 283, 286, 287, 293, 295, 411
- Коман*, легенд. 87, 481
- Кондратович К.А.* (1703 — ок. 1790), писатель, переводчик, лексикограф 539
- Конради*, доктор медицины в Марбургском университете 342
- Константин VII Багрянородный* (903–959), византийский имп. с 912 г. 35, 207, 392, 400, 403, 407, 420, 427, 504, 557, 559, 571, 580, 584, 623, 643, 777, 780, 845
- Константин VIII* (959–1028), византийский император-соправитель брата Василия II (975–1025), самостоятельное правление с 1025 г. 35, 287, 530–532, 534, 614, 787
- Константин IX Мономах* (ум. 1055), имп. византийский с 1042 г. 36, 62, 97, 99, 104, 624
- Константин XI Драгас* (ум. 1453), последний имп. константинопольский с 1449 г. 58
- Константин-Кирилл*, см. Кирилл
- Константин Великий* (ок. 285–337), римский имп. с 306 г. 108, 188, 328, 657
- Кончака* (в крещении Агафья, ум. 1317 г.), сестра хана Узбека, жена кн. Юрия Даниловича 634
- Копанев А.И.* 47, 307, 845, 852
- Копанев Н.А.* 32, 156, 172, 180, 186, 201, 202, 220, 251–253, 438, 590, 681, 685, 697, 845, 846
- Копелевич Ю.Х.* 157, 181, 182, 187, 282, 284, 285, 287, 288, 291, 298, 299, 336, 337, 340, 369, 370, 392, 395, 845, 846
- Коперник Н.* (1473–1543), польский астроном 47, 292
- Корб И.Г.* (ок. 1670–1741/1742), секретарь посольства имп. Леопольда I 51, 52, 120, 123, 140, 846
- Корецкий В.И.* 60, 442, 473, 845, 846
- Корнеева-Петрулан М.И.* 763, 846
- Корнелий Непот* (ок. 94 г. – ок. 24 г. до н. э.), древнеримский историк 328
- Корнелий Сулла* (138–78 до н. э.) древнеримский военный и политический деятель 227
- Корнель П.* (1606–1684), французский драматург, поэт 49, 180, 247
- Коровин Г.М.* 25, 597, 600, 601, 604–606, 608, 619, 627, 640, 651, 656, 658–660, 666, 725, 808, 846
- Корс*, легенд. 138–140
- Корсак В.Ж.*, родоначальник русского дворянского рода Корсаковых 139
- Корсакова В.* (начало XX в.), историк 450, 846

- Корсакус Гиркус, легенд. 140
- Корф И.А. (1697–1766), барон, президент Петербургской Академии наук (1734–1740), дипломат 323, 334, 336–339, 342–344, 349, 351, 361, 370, 391, 462
- Косминский Е.А.* 398, 846
- Костомаров Н.И. (1817–1885), историк, этнограф, чл.-корр. Академии наук с 1876 г. 14, 799
- Котошихин Г.К. (ок. 1630–1667), подьячий Посольского приказа 452
- Кочин Г.Е.* 855
- Кошман Л.В.* 153, 280, 845, 846
- Коялович М.И. (1828–1891), историк, литератор 18, 19, 846
- Крайский П., учитель риторики Славяно-греко-латинской академии 327, 328
- Крамер А.Б. (1706–1734), адъюнкт по истории в Академии наук с 1732 г. 414, 417, 422
- Кранц А. (ум. 1517), немецкий историк 600, 658
- Красоткина Т.А.* 382, 671, 719, 720, 846
- Крачковский И.Ю. (1883–1951), востоковед, академик с 1921 г. 20, 394, 397, 846
- Крафт Г.В. (1701–1754), математик, астроном, физик, адъюнкт по астрономии с 1727 г., профессор в Академии наук (1731–1744), иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 1745 г. 293, 299, 333, 387, 391, 411
- Крашенинников С.П. (1713–1755), адъюнкт по натуральной истории в Академии наук с 1745 г., профессор ботаники и натуральной истории с 1750 г. 429, 554, 566, 695, 697, 706
- Крекшин П.Н. (1684–1763), комиссар, любитель истории 204, 529–538, 542, 548, 551, 555, 557, 565, 667, 673, 808, 830
- Кременецкий Г.Ф., см. Гавриил (Кременецкий)
- Крижанич Ю. (ок. 1618–1683), хорватский писатель, мыслитель 42–44, 46, 47, 52, 54, 92–95, 100, 103, 144, 223, 276, 823, 846
- Кроа К.Е. де (1651–1702), герцог 147
- Крок, легенд. 83
- Кромвель О. (1599–1658), руководитель антимонархической революции, лорд-протектор Англии 244
- Кромер М. (1512 ? – 1589), польский историк, епископ Вармии 12, 78–83, 131, 133, 456, 478, 597, 598, 605, 658, 659, 745, 795, 866
- Кротов П.А.* 312, 532, 846
- Крузиус Х.Г. (1715–1767), адъюнкт по истории в Академии наук с 1740 г., профессор по истории древностей (1746–1749) 539
- Кудрявцев О.Ф.* 73, 856
- Кудрявцев Т., ученик академической Гимназии 300
- Кудрявцев Т. (XVII в.), дьяк Записного приказа 91, 92, 95
- Кузьменко Ю.К.* 859
- Кузьмин А.Г.* 446, 447, 452, 581, 763, 846
- Кукушкина М.В.* 604, 846, 852
- Кулешов Вяч. С.* 583, 847
- Кульчицкий П., холмогорский иеромонах 320
- Кулябко Е.С.* 548, 604, 689, 693, 694, 812, 817, 820, 847
- Куник А.А. (1814–1899), историк, филолог, академик с 1850 г. 13, 334, 335, 338–340, 343, 344, 349–351, 355, 680, 847
- Купида (Купидон), древнеримский бог 792
- Куракин А.Б. (1697–1749), государственный деятель, дипломат 366

- Куракин Б.И. (1676–1727), кн., государственный деятель, дипломат, историк 171, 187, 214, 235–242, 244, 245, 249, 251, 271, 436, 826
- Курас Г., немецкий историк, педагог 820
- Курбатов А.А. (ум. 1721), бывший крепостной, государственный деятель 120, 121, 181
- Курбский А.М. (1528–1583), кн., военный и государственный деятель 237
- Курукин И.В.* 282, 298, 301, 323, 325, 359, 360, 365, 367, 718, 722, 847
- Куря (Х в.), хан печенежский 644
- Кучкин В.А.* 502, 581, 847
- Кэтли Д. (первая пол. XVIII в.), английский художник 497
- Лавров Н.Ф.* 855
- Лавровский Н.А. (1825–1899), историк 771, 773, 774, 847
- Ла Гир Г.Ф. де (1677–1719), французский физик и математик 390
- Ладо (Лада), языческая богиня 792
- Лакомб Ж. (1724–1811), французский юрист, литератор 675, 866
- Лалох, легенд. 522
- Ламанский В.И. (1833–1914), историк, академик с 1900 г. 800, 847
- Ланг (Ланж) И.Л. (ум. после 1738), шведский инженер на российской службе, исполнял дипломатические поручения в Китае с 1715 г., вице-губернатор в Иркутске 251
- Лаппо-Данилевский А.С. (1863–1919), историк, источниковед, археограф, академик с 1899 г. 60, 96, 102, 106, 155, 178, 182, 187, 847
- Латтева Т.А.* 843
- Ласси П.П. (1678–1751), граф с 1740 г., ирландец, генерал-фельдмаршал, военный деятель 323, 373
- Лахерн, легенд. 88, 522
- Лебедев А.С. (1833–1910), историк 137, 847
- Лебедев В.И. (1716–1771), переводчик в Академии наук 541, 554
- Лебедев Г.С.* 582, 757, 847
- Лебедев Д.М.* 157, 847
- Лебедева И.Н.* 51, 175, 604, 605, 837, 846–848
- Леблон Ж.-Б. (1679–1719), французский архитектор 192
- Лев Грамматик (XI в.), византийский хронист 400, 401, 600, 601
- Лев Диакон (ок. 950 — кон. X — нач. XI в.), византийский хронист 787, 848
- Лев VI Мудрый (866–912), имп. византийский с 886 г. 209, 422, 626, 643, 760, 768
- Левек П.Ш. (1727–1812), историк 439
- Левенвольде К.Г. (ум. 1735), дипломат 323, 378
- Левенгаупт А.Л. (1659–1719), шведский генерал 152, 219, 805
- Левенгаупт К.Э. (1691–1743), граф, шведский генерал 372
- Левенте, кн. венгерский, брат кор. Андрея I 36
- Левина С.А.* 642, 848
- Лейбниц Г.В. (1646–1716), немецкий философ, ученый 156, 157, 175–178, 214, 217, 221, 250, 291, 329, 340, 341, 355, 397, 441, 487, 497, 519, 752, 808, 829, 848
- Лейтман И.Г. (1667–1736), механик, оптик, физик, профессор механики и оптики в Академии наук с 1726 г. 286, 294
- Лель, языческий бог, фольклорный персонаж 792
- Леон (Леонт, Леонтий), митрополит киевский 630
- Леонов В.П.* 178, 605, 848

- Леопольд I (1640–1705), имп. Священной Римской империи германской нации с 1658 г. 51, 97
- Лепехин И.И. (1740–1802), естествоиспытатель-ботаник, путешественник, профессор естественной истории в Академии наук с 1768 г. 302, 306, 316, 318, 320, 321, 332, 848
- Лермантов П.Ю. (XVIII в.), ревизор 321
- Леруа П.Л. (1699–1774), врач, историк, экстраординарный профессор истории в Академии наук с 1735 г., иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 1748 г. 387, 539
- Лесток И.Г. (1692–1767), граф, политический деятель, 526
- Лефорт Ф.Я. (1656–1699), российский военный деятель, швейцарец 119, 240, 248, 267, 269, 274, 594, 690
- Лех, легенд. 68, 70, 75, 82, 83, 85, 86, 257, 477, 556, 664, 665
- Лещинский С. (1677–1766), кор. польский (1704–1711, 1733–1734) 228, 700
- Лжедмитрий I (ум. 1606), царь (1605–1606), вероятно, беглый дьякон Чудова монастыря Григорий Отрепьев 93, 99, 243
- Либерзон И.З.* 834
- Либерман А.* 846, 863
- Либудий (ум. 961), миссийный епископ 788
- Ливий Т. (59–17 до н. э.), древнеримский историк 94, 328, 346
- Ликург (IX–VIII вв. до н. э.), легендарный основатель политического и правового строя Спарты 115
- Лимьер А.Ф. де, голландский историк, журналист, доктор права, член Болонской академии 251, 252, 256, 261, 263, 826
- Линденброг Э. (1540–1616), немецкий историк 605, 658
- Липсий Ю. (1547–1606), фламандский филолог 51, 441, 464, 465
- Липшиц Е.Э.* 768, 848
- Литаврин Г.Г.* 584, 735, 768, 770, 775, 848
- Лиутпранд (ок. 920–970), итальянский хронист, еп. кремонский 400, 406
- Лихачев А.Т., окольничий 105, 106
- Лихачев Д.С.* 60, 445–447, 486, 494, 581, 617, 622, 637, 642, 767, 769, 771, 809, 843, 848, 854
- Лихачев Н.П. (1862–1936), историк, археограф, коллекционер, академик с 1925 г. 134, 135, 138, 139, 848
- Ловмянский Х.* 580, 848
- Лодыженский (Ладыженский) П.Е. (род. 1665), архангельский вице-губернатор в 1711–1714 гг. 313
- Локк Д. (1632–1704), английский просветитель, философ 155, 389, 465
- Ломоносов А.Д., двинской крестьянин, сын Д.Л. Ломоносова 314
- Ломоносов В.Д. (1681–1741), крестьянин, промысловик, отец М.В. Ломоносова 302, 306, 313, 314, 320
- Ломоносов Д.Л. (ум. после 1681 г.), двинской крестьянин, дед М.В. Ломоносова 314
- Ломоносов И.Д., таможенный подъячий Антониево-Сийского монастыря, сын Д.Л. Ломоносова 314, 321
- Ломоносов Л.Л. (1646–1727), двинской промышленник, земский староста, брат Д.Л. Ломоносова 314, 317

- Ломоносов М.В. (1711–1765),
ученый, поэт 10–33, 119, 145,
149, 151, 182, 190, 204, 253, 283,
301–303, 306, 313–322, 326–340,
342–357, 368–370, 373–377, 381–
390, 393, 409, 410, 434, 435, 439,
462, 520, 533, 535–555, 561–566,
569–574, 576–579, 582–589, 595–
682, 687–693, 697–702, 707–727,
729–736, 738–783, 786, 789–822,
826, 827, 829–833, 848, 849
- Ломоносов Н.Ф. Большой, подьячий
архангельской таможни, внук
Л.Л. Ломоносова 314
- Ломоносов Н.Ф. Меньшой, подьячий
в Петербурге, внук Л.Л. Ломоно-
сова 314
- Ломоносов Ф.Д., двинской крестья-
нин, сын Д.Л. Ломоносова 314
- Ломоносов Ю., предок М.В. Ломоно-
сова, житель Курострова 306
- Ломоносова Е.А., рожд. Цильх Е.-Х.
(1720–1766), жена М.В. Ломоно-
сова 349, 350, 355
- Ломоносова Е.-Е. (род. 1739 — ум.
после 1743 г.), дочь М.В. Ломоно-
сова 349
- Ломоносова И.С. (ум. 1732), мачеха
М.В. Ломоносова 318, 320
- Ломоносова Ф.М. (ум. 1724), мачеха
М.В. Ломоносова 318
- Лонгин Д.К. (ум. 213–273), древне-
греческий философ, писатель 349
- Лопухина Е.Ф. (1669–1731), первая
супруга (1689–1698) Петра I,
мать царевича Алексея 308, 806
- Лугвень Ольгердович (1379–1431),
кн. литовский 635
- Лужин Ф. (1695–1727), геодезист,
картограф 157
- Лука Жидята (ум. 1059), еп. Новго-
родский, поставлен в 1035 г. 632
- Лукан М.А. (38–64), древнеримский
поэт 72
- Лукичев М.П. 91, 849
- Лукреций Кар (99/95 — 55 до н. э.),
древнеримский поэт 218
- Луннов С.П. 50, 169, 172–175, 178,
849
- Лурье Я.С. 60, 447, 449, 757, 842, 848
- Лыбедь, легенд. 68
- Лыжин Н.П. (середина XIX в.), исто-
рик 440, 441, 849
- Лызлов А.И. (1650-е — не ранее
1697), историк, переводчик, слу-
жилый дворянин 128–134, 142,
145, 406, 825
- Лызлов И.Ф. (XVII в.), служилый
дворянин 130, 849
- Львов А.М., боярин 51
- Любавский М.К. (1860–1936), исто-
рик, академик с 1929 г. 18, 145,
307, 308, 312, 338, 849
- Люберас Л. фон (ум. 1752), военный
инженер, генерал-аншеф 170
- Любименко И.И. (1878–1959), исто-
рик 20
- Людбрат, лит. 484
- Людовик XIV (1638–1715), кор.
французский с 1643 г. 140, 160,
245, 348, 586, 591
- Людовик XV (1710–1774), кор. фран-
цузский с 1715 г. 681
- Людовик Благочестивый (778–840),
кор. франкский, коронован
в 813 г., самостоятельное правле-
ние с 814 г. 563
- Лют Свенельдич (вторая половина
X в.) 782
- Лютер М. (1483–1546), теолог, ре-
форматор западнохристианской
Церкви 94, 112, 125
- Ляпушкин И.И. 483, 849
- Мавродин В.В. 549, 763, 849, 856
- Магницкий Л.Ф. (1669–1739), мате-
матик, преподаватель навигац-
кой школы 169, 315–317, 826, 849

- Магнус (1540–1583), принц датский, сын кор. Христиана III 48
- Магнус Эриксон (1316–1374), кор. шведский (1319–1363), самостоятельно с 1332 г. 625
- Магог, библ. 455
- Мазепа И.С. (1644–1709), гетман Левобережной Украины (1687–1708) 152, 228, 268, 688
- Майер Ф.Х. (1697–1729), адъюнкт по математике в Академии наук с 1725 г., экстраординарный профессор с 1726 г. 286, 291, 293, 295
- Майкова Т.С.* 201, 849
- Майоров А.В.* 447, 849
- Макарий, патриарх Антиохийский с 1648 г. 55
- Макарий (1481/1482–1563), митрополит Московский и всея Руси с 1542 г. 404, 483
- Макарий (ум. 1663), митрополит Новгородский и Великолукский 308
- Макаров А.В. (1675–1750), кабинет-секретарь Петра I 200, 230
- Макиавелли Н. (1469–1527), флорентийский политический и церковный деятель, историк 94, 174, 465, 466
- Максимилиан I (1459–1519), австрийский эрцгерцог, имп. Священной Римской империи с 1493 г. 75, 260, 261
- Максимилиан II (1527–1576), австрийский эрцгерцог, имп. Священной Римской империи с 1564 г. 75, 668
- Максимов С.В. (1831–1901), этнограф, фольклорист 793, 849
- Максимович К.А.* 581, 849
- Макшеев А., студент академического Университета 429
- Мал (первая пол. X в.), кн. древлянский 620
- Малеин А.И. (1869–1938), филолог, чл.-корр. Академии наук с 1916 г. 75, 77
- Малингуди Я.* 763, 849, 866
- Малко Любечанин (X в.) 622
- Малов А.В.* 44, 849
- Малфрид (Мальфрид), жена кн. Владимира Святославича 615
- Мальгипи М. (1628–1694), итальянский врач, натуралист 390
- Мамай (ум. 1380/1381), золотоордынский политический и военный деятель 133, 134, 374, 625, 635, 641, 667, 726, 804
- Манкиев А.И. (ум. 1723), переводчик, историк 242–245, 530
- Мануил I Комнин (ум. 1180), византийский имп. с 1143 г. 633
- Манштейн Х.Б., адъютант Б.Х. Миниха 365
- Маньков А.Г.* 165, 850
- Маньан А.* 589, 591, 866
- Марасинова Л.М.* 151, 153, 850
- Марий Гай (ок. 157–86 до н. э.), древнеримский полководец, политический деятель 227
- Мария I Тюдор (1515–1558), королева английская с 1553 г. 310
- Мария Владимировна, дочь кн. старичского Владимира Андреевича, жена с 1573 г. принца датского Магнуса 48
- Мария-Добронег, дочь кн. Ярослава Владимировича, жена польского кн. Казимира I 36
- Мария Терезия (1717–1780), имп. австрийская с 1740 г. 677
- Марков Б., куростровский дьячок 305
- Марс, древнеримский бог 88, 140, 141, 713
- Марселис П. (XVII в.), гамбургский предприниматель 43
- Марта Скаврнская, см. Екатерина I Алексеевна

- Мартемьянов А., священник 331
- Мартини Х. (1699–1739), физик, философ, профессор физики в Академии наук с 1725 г., логики и метафизики в 1726–1729 гг. 283, 286, 291, 295, 298
- Марфа (ум. 1485), инокиня, до пострижения Мария Ярославна, жена кн. московского Василия II Васильевича Темного 634
- Марциал М.В. (40–102), древнеримский поэт 37
- Масловский Д.Ф. (1848–1894), историк 201, 850
- Матвеев А.А. (1666–1728), граф (1715), дипломат, государственный деятель, 174, 245, 246, 673
- Матвеев А.С. (1625–1682), государственный деятель, дипломат 51, 53
- Матернови Ф., ученик академической Гимназии 300
- Матфей (ум. 1220), стал митрополитом Киевским до 1210 г. 648
- Маффеи Р., Волатерран (1455–1522), итальянский филолог 71, 72
- Мачинский Д.А.* 447, 582, 850
- Мегден, президент Коммерц-коллегии, тайный советник 366, 378
- Медведев С. (Симеон Агафонникович, 1641–1691), публицист 54, 55, 57, 112–116, 129, 144, 824, 850
- Мезин С.А.* 249, 253, 272, 530, 589, 682, 707, 850
- Мейерберг А. (1622–1688), барон, австрийский дипломат 264
- Мела Помпоний (I в. н. э.), древнеримский географ 74
- Меланхтон Ф. (1497–1560), гуманист, теолог 112
- Мельникова Е.А.* 579, 580, 582, 583, 850
- Мельцов И., купец, житель Холмогор 307
- Менке И.Б. (1675–1732), историк, профессор Лейпцигского университета 187, 410, 411
- Меншиков А.Д. (1673–1729), государственный и военный деятель, граф с 1702 г., светлейший князь с 1707, генералиссимус (1727), арестован в 1727 г., осужден и сослан с семьей в Березов 116, 127, 174, 221, 240, 250, 268, 281–283, 288, 289, 300, 325, 451, 469, 547, 694
- Меншикова М.А. (1711–1729), дочь А.Д. Меншикова 284
- Мениуткин Б.Н.* 435, 850
- Меньшиков Д.Н.* 44, 850
- Мерво М.* 684, 685, 687, 690, 693, 696, 698, 700, 704, 706, 707, 866
- Меркатор Г. (1512–1594), нидерландский картограф 47
- Меркурий, древнеримский бог 219
- Мессалина (первая пол. I в. н. э.), жена древнеримского имп. Клавдия, известная своим распутством, властолюбием, жестокостью 441
- Мессершмидт Д.Г. (1685–1753), немецкий врач, натуралист, путешественник 263, 413
- Метигай, легенд. 801
- Меховский М. (1457–1523), польский историк, медик 69–72, 75, 76, 78, 81, 83, 131, 133, 354, 850
- Мефодий (820–885), славянский просветитель 612, 622, 802
- Мечидраг (начало XI в.), князь прибалтийских славян 585
- Мечислав (конец X в.?), князь прибалтийских славян 585
- Мешех (Мосох, Месех), легенд. 72, 85
- Мешко I (ум. 992), кн. польский 795
- Мешко II (ум. 1034), кор. польский с 1025 г. 36

- Миллер Г.Ф. (1705–1783), историк, археограф, академик, профессор с 1730 г. 11, 12, 15, 18, 19, 21–23, 25, 27, 30, 178, 187, 204, 242, 292–295, 299, 336, 337, 351, 387, 388, 393, 405, 408–436, 439, 444, 461, 462, 473, 479, 498, 503, 511, 512, 514, 532–539, 541–545, 548–552, 554–577, 583–587, 603, 606, 607, 609, 619, 620, 657, 667, 678, 680, 686, 689, 690, 692–695, 700, 701, 708, 724, 727–729, 732, 734, 736, 738, 743, 747, 749, 754, 760, 761, 764, 772–775, 798, 808, 813, 817–820, 827, 828, 830, 832, 833, 850, 851, 866
- Миллер О.Ф. (1833–1889), историк русской литературы и фольклора 14–16, 22, 24, 851
- Милов Л.В. 446, 851
- Милославская М.И. (1626 (?) – 1669), жена с 1648 г. царя Алексея Михайловича 53
- Милюков И. В. (XVIII в.), холмогорский чиновник 321
- Милюков П.Н. (1859–1943) историк, политический деятель 18, 21, 147, 851
- Минерва (Менерва), древнеримская богиня 88, 219, 713
- Минин Кузьма Минич (ум. до середины 1616), земский староста, организатор совместно с Д.М. Пожарским в 1611–1612 гг. Второго ополчения против польской интервенции 726
- Миних Б.Х. (1683–1767), граф с 1728 г., военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал с 1730 г. 322, 323, 351, 352, 356, 365, 366, 378, 384
- Миних Х.Б. (1688–1768), барон, брат Б.Х. Миниха 323
- Миних, графиня, жена Б.Х. Миниха 366
- Минцлов Р.И. (1811–1883), библиограф, педагог 251, 851
- Мирзоев В.Г. 409, 431, 851
- Митридат VI Великий Евпатор (132–63 до н. э.), понтийский царь 71, 83
- Михаил, легендарный митрополит Руси 801
- Михаил, митрополит киевский, по другим источникам в середине XII в. не идентифицированный 632
- Михаил III (838–867), имп. византийский с 842 г. 488, 642
- Михаил VIII Палеолог (ум. 1282), имп. византийский с 1261 г. 659
- Михаил Андреевич (XV в.), кн., сын верейского кн. Андрея Дмитриевича 634
- Михаил Гликас (XII в.), византийский хронист 400
- Михаил Федорович Романов (1596–1645), царь с 1613 г., сын Федора Никитича Романова (Филарета) 50, 91, 98, 99, 190, 204, 236, 238, 244, 255, 266, 302, 307, 309, 354, 452, 457, 459, 519, 529, 553, 627, 680, 682, 684, 688, 689, 697, 699, 807, 823, 828
- Михаил (Михалко) Юрьевич (ум. 1176), кн. переяславский, владимирский (1175–1176) 495, 648, 653
- Михаил Ярославич (1271–1319), кн. тверской с 1285 г., вел. кн. владимирский (1305–1317) 639
- Михаэлис И.Д. (1717–1791), ориенталист, библиист 727–729
- Мишенкова М.В. 337, 851
- Мовийон Элеазар де (XVIII в.), французский историк 436–438, 866

- Модерах К.Ф. (1720–1772), адъюнкт по истории в Академии наук с 1749 г., профессор в 1755–1761 гг. и с 1763 г. 554, 695
- Модзалевский Л.Б.* 710–713, 715, 851
- Моисеева Г.Н.* 25, 317, 320, 329, 331, 332, 353, 416, 417, 561, 562, 604, 607, 608, 654, 677, 678, 689–691, 693, 709, 812–817, 851
- Моисеева С.В.* 53, 851
- Моисей, ветхозаветный пророк 328, 556
- Моислав (XI в.), кн. мазовецкий 630
- Мокошь, языческая богиня 792
- Мольер Ж.-Б. (1622–1673), французский драматург 49, 681
- Монс А. (ум. 1714), фаворитка (1691/1692–1703) Петра I 127
- Монтескье Ш. (1689–1755), барон, философ, общественный деятель 468, 722, 738
- Морозов А.А.* 302, 306, 307, 317, 319, 320, 851
- Морозов Б.И. (1590–1661), государственный деятель 51, 93
- Морозов Б.Н.* 91, 849
- Моск, легенд. 74
- Мосох (Мозех, библ. — Мешех) 74, 79, 82, 93, 102, 103, 243, 437, 522, 531, 555, 564, 575
- Мосх (II в. до н. э.), древнегреческий поэт 346
- Мошков Кондратий, русский моряк 157
- Мстивой (начало XI в.), князь прибалтийских славян 585
- Мстислав Владимирович (ум. 1036), кн. тмутараканский, черниговский 726
- Мстислав (Харальд) Владимирович Великий (ум. 1132), кн. новгородский, ростовский, смоленский, киевский с 1125–1132 г. 36, 457, 467, 468, 624, 626
- Мстислав Изяславич (ум. 1170), кн. переяславский, луцкий, владими́ро-во́лынскый, киевский (1167–1169) 495
- Мстислав Романович (ум. 1223), вел. кн. киевский 132, 133
- Мстислав Ростиславич (ум. 1178), кн. новгородский, трепольский, ростовский, 653, 654
- Мстислав Юрьевич (ум. после 1161 г.), кн. переяславский, новгородский 502, 633
- Муратори Л.А. (1672–1750), итальянский историк, эрудит 600, 657
- Мурзанова М.Н.* 218, 851, 852
- Мусин-Пушкин И.А. (ум. после 1728), граф с 1710 г., военный и политический деятель 172, 173, 216
- Мусин-Пушкин П.И. (1698 — ум. после 1742), граф, государственный деятель 547
- Мухаммед-Амин (вторая пол. XV в.), казанский хан 667
- Мыльников А.С.* 30, 718, 851, 852
- Мыцык Ю.А.* 132
- Мюллер Й.Б., этнограф 251, 261
- Мюллер Л.* 768, 769, 771, 866
- Мюллер Ф.Г. аугсбургский медальер 218
- Мюнстер С. (1489–1552), немецкий географ 73
- Назаренко А.В.* 75, 77, 581, 583, 788, 845, 852, 864
- Най О. (Дж.), английский кораблестроитель 208
- Нарский И.* 155, 852
- Нартов А.К. (1693–1756), механик, изобретатель, начальник Инструментальной мастерской Академии наук, член Комиссии

- по управлению Академией наук (1743) 180, 181, 385
- Нарышкин К.А., обер-комендант псковский и дерптский (1707–1710) 194, 286
- Нарышкин Л.К. (1668–1705), государственный деятель 239
- Нарышкина Н.К. (1651–1694), жена с 1671 г. царя Алексея Михайловича 53, 190, 239
- Насонов А.Н.* 61, 581, 852
- Наталия Алексеевна (1673–1716), дочь царя Алексея Михайловича, родная сестра Петра I 173, 288, 592
- Невиль, см. Фуа де ла Невилль
- Неврод, легенд. 138
- Нептун, древнеримский бог моря 140, 384, 794
- Нестор (1050-е (?) — нач. XII в.), агиограф, летописец 87, 422, 473, 482, 487, 537, 556, 562, 565, 571, 597, 619, 630, 700, 701, 734, 735, 750, 751, 781, 813, 815, 818
- Никифор Фока (ум. 969), имп. византийский с 963 г. 614, 781
- Никифор I (ум. 1121), митрополит Киевский и всея Руси с 1104 г. 637
- Никлот (1125–1160), кн. бодричей 662
- Николаев С.И.* 179, 714, 852
- Николаева А.Т.* 442, 446, 475, 852
- Николаева М.В.* 446
- Николай I Павлович (1796–1855), имп. с 1825 г. 12
- Никольский Н.К. (1863–1936), историк, филолог, академик 178
- Никольский С.Л.* 768, 852
- Никон (1605–1681), патриарх Русской Церкви (1652–1667) 44, 458, 469
- Нинус, легенд. 83
- Новиков Н.И. (1744–1818), просветитель, литератор, издатель 11, 19, 317, 439, 461, 529
- Новлянская М.Г.* 264, 271, 330, 852
- Новосельцев А.П.* 583, 759, 852, 861
- Ной, библ. 62, 67, 74, 78, 82, 86, 102, 132, 138, 455, 477, 522, 628
- Нордберг Й.А. (1677–1744), шведский историк 690
- Носов Е.Н.* 63, 852
- Ньютон И. (1642–1727), английский физик, математик, астроном, философ 47, 292, 317, 390, 589
- Нэпир Д. (1550–1617), английский математик 47
- Овидий (43 до н. э. – 17/18 н. э.), древнеримский поэт 218, 219, 328, 347, 352
- Овсянников О.В.* 302–304, 307, 312, 852
- Овчинников Р.В.* 146, 852
- Одд (Одд Сноррасон, вторая половина XII в.), монах Тингейрарского монастыря на севере Исландии 658, 664
- Одерборн П. (ум. 1604), священник, историк 264, 399
- Один, древнескандинавский бог 402
- Одиссей, герой эпического произведения Гомера «Одиссея» 348
- Одоакр (ок. 431–493), из племени скиров, предводитель одного из германских отрядов, провозгласил себя правителем Италии в 476 г. 68, 84
- Олав Святой Харальдсон (ум. 1030), норвежский конунг (1014–1028) 36, 664
- Олав Трюггвасон (968/969–1000), норвежский конунг с 995 г. 404, 405, 658, 663, 664, 798
- Олав Шётконунг (ум. 1024), шведский конунг (ок. 995 — ок. 1020) 36
- Олаус Магнус (1490–1558), шведский историк, картограф 453

- Олеарий А. (ок. 1599–1671), немецкий ученый, путешественник 48–50, 264, 852
- Олег (ум. после 911 г.), кн. киевский 64, 89, 90, 206, 254, 259, 264, 419, 421, 422, 484, 504, 506, 510, 515, 527, 528, 612, 623, 629, 643, 676, 677, 686, 713, 726, 757, 758, 760, 761, 775, 778, 780, 783
- Олег Иванович (ум. 1402), кн. рязанский 133
- Олег Святославич (ум. ок. 977 г.), кн. древлянский 615, 629, 782–784
- Олег Святославич (ум. 1115), кн. черниговский 616
- Олешницкий З. (ум. 1455), политический деятель, канцлер Краковского университета 66, 67
- Олсуфьев А.В. (1721–1784), статс-секретарь Екатерины II 728
- Ольга, княгиня киевская, жена Игоря Рюриковича 15, 34, 35, 254, 259, 264, 404, 407, 413, 456, 485, 489, 530, 531, 566, 613, 617, 618, 620, 621, 623, 626, 629, 644, 701, 759, 776–779, 781, 788
- Ольгерд (ум. 1377), кн. литовский 1345 г. 38
- Ордин-Нащекин А.Л. (ум. 1680), политический деятель 49
- Орленко С.П. 46, 50, 853
- Орлов Г.Г. (1734–1783), граф, военный и государственный деятель 718, 723
- Орлов Ф.Г. (1741–1796), граф, офицер 723
- Осколд, см. Аскольд
- Ослябя (ум. 1380), монах Троицкого монастыря 641
- Оснельда, лит. 484
- Остерман А.И. (1686–1747), граф, государственный деятель, дипломат, 282, 289, 290, 292, 298, 323, 358, 365, 366, 368, 371, 378, 384, 597, 627, 725
- Острожский К.И. (ок. 1460/1463–1530), кн., литовский гетман 667
- Отон Сальвий (ум. 69 г. н. э.), римский имп. (69 г.) 83
- Оттон I (936–973), германский король, император Священной Римской империи с 962 г. 35, 788
- Оттон II (955–983), имп. Священной римской империи с 973 г. 788
- Оттон III (980–1002), имп. Священной римской империи с 995 г. 788
- Павел, апостол 612, 630
- Павел (1717 – 1717), сын Петра I и Екатерины Алексеевны, умер вскоре после рождения 198
- Павел I Петрович (1754–1801), имп. российский с 1796 г. 710–712, 739, 805
- Павел Дьякон (720–800), лангобардский хронист 600, 657
- Павленко Н.И. 124, 147, 149, 189, 190, 223, 236, 289, 322, 718, 720, 721, 853
- Павлов-Сильванский Н.П. (1869–1908), историк 235, 853
- Павлова Г.Е. 11, 853
- Паисий, патриарх Александрийский 55
- Палисси Б. (ок. 1510–1589/1590), французский керамист, живописец по стеклу и фаянсу 47
- Палли Х. 146, 853
- Пан, легенд. 68
- Панеях В.М. 149, 853
- Панченко А.М. 55, 58, 61, 112, 123, 155, 319, 853
- Панн Ф. 604, 605, 853
- Парацельс Т. (ок. 1493–1541), швейцарский алхимик, медик 47

- Паре А. (1517–1590), французский хирург 47
- Патрикий, легенд. 63
- Паулин Л. (XVII в.), немецкий историк 607, 658
- Паус (Паузе) И.В. (1670–1735), переводчик в Академии наук 416, 417
- Пашков А.Ф. (ум. 1664), енисейский воевода 415
- Пашуто В.Т.* 763, 853, 861
- Пекарский П.П. (1827–1872), историк, академик с 1864 г. 13, 178, 182, 200, 201, 215, 216, 219, 220, 298, 322, 324, 334, 336, 337, 348, 351, 360–363, 368–370, 372, 376–378, 387, 392, 395, 406, 408, 411–413, 417, 418, 441, 453, 455, 474, 534, 538, 541, 543, 544, 568, 575, 576, 587, 588, 688, 708, 712–714, 718, 723, 817, 820, 853
- Пенелопа, героиня эпического произведения Гомера «Одиссея» 348
- Пересвет (ум. 1380), монах Троицкого монастыря 641
- Перикл (ок. 495–429 до н. э.), афинский государственный деятель 328
- Перингшильд (Перингскильд) И. (1654–1720), шведский историк 478
- Перри Дж. (1670–1732), английский капитан, строитель кораблей, доков, каналов 246, 247, 249, 250, 253, 263, 271, 275, 590, 684, 690, 694, 826, 866
- Перун, языческий бог 88, 623, 791
- Петр, апостол 630
- Петр (ум. 1326), митрополит Киевский и всяя Руси 40
- Петр (ум. 969), болгарский царь с 927 г. 643, 644, 781
- Петр I Алексеевич Великий (1672–1725), сын царя Алексея Михайловича, царь с 1682 г., имп. с 1721 г. 10, 13–15, 18, 24, 26, 29, 33, 51, 52, 54, 55, 59, 107, 112, 115–128, 130, 131, 140–142, 145–147, 149–182, 185–223, 225–232, 234–236, 239–252, 254, 256, 261–264, 266–281, 283, 284, 287, 288, 290, 292, 293, 295, 296, 299, 305, 308, 309, 311–315, 322, 324–326, 338, 343, 344, 346, 347, 352, 353, 356, 357, 361, 364, 365, 367–370, 373, 375–378, 382, 383, 385, 390, 392, 400, 402, 406, 407, 411, 415, 416, 430, 432, 436–438, 440, 441, 450, 451, 453, 457, 458, 462, 463, 469, 474, 518, 530, 532, 537, 546–548, 550, 553, 586, 589–595, 598, 599, 671–676, 679–708, 712, 716–718, 720, 722, 733, 738, 742, 803, 805–807, 809–813, 824–832
- Петр II Алексеевич (1715–1730), имп. с 1727 г., сын царевича Алексея Петровича и принцессы Софии Шарлоты Вольфенбюттельской 195, 256, 282, 288–291, 295, 296, 298–300, 322, 324, 367, 396
- Петр III Федорович (1728–1762), имп. (1761–1762), сын голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха и цесаревны Анны Петровны, внук Петра I 296, 373, 383, 384, 546, 676, 677, 712, 716–721, 723, 732
- Петр Могила (1596–1647), митрополит Киевский с 1633 г., политический деятель 59
- Петр Мушат (XIV в.), молдавский господарь 649
- Петр Петрович (1715–1719), царевич, сын Петра I и Екатерины Алексеевны 195, 198, 355
- Петрей де Ерлезунда П. (1570–1622), шведский дипломат, историк 94,

- 243, 353, 354, 374, 399, 452, 453,
659, 854
- Петрухин В.Я.* 579, 580, 582–584,
850, 854
- Петрухинцев Н.Н.* 281, 301, 854
- Пештич С.Л.* 26, 27, 61, 90, 91, 96,
100, 101, 104, 106, 201, 205,
214–216, 218, 220, 221, 224, 226,
229–231, 233, 236, 241–243, 393,
409, 440, 441, 443–445, 447, 456,
473, 500, 502 534, 538, 541, 542,
549, 588, 680, 681, 708, 709, 711,
713, 854
- Пикишев М.Н., судья Куростровской
волости 305
- Пимен (вторая пол. XIV в.), архиман-
дрит горицкий, затем митропо-
лит, альтернативный митрополи-
там Киприану и Дионисию 635
- Пион, легенд. 63
- Писарькова Л.Ф.* 186, 282, 286, 854
- Пичета В.И. (1878–1947), историк,
академик с 1947 г. 94, 854
- Платон (428–348/347), древнегрече-
ский философ 94, 107, 108, 110,
116, 347, 389, 394
- Платонов С.Ф. (1860–1933), историк,
источниковед, археограф, акаде-
мик с 1920 г. 60, 95, 96, 841, 854
- Платонова Н.С. (1894–1942), исто-
рик 686, 854
- Плеве И.Р.* 45, 46, 840
- Плиний Старший Гай Секунд
(23/24–79), римский ученый,
государственный деятель 71, 72,
82, 131, 347, 665, 744
- Плохов А.В.* 852
- Плутарх (50–120 н. э.), древнегрече-
ский историк 138
- Погвизд (Похвист), языческий бог
792
- Пожарский Д.М. (1578–1642), кн.,
руководитель вместе с К.М. Ми-
ниным Вторым ополчением в
1611–1612 гг. против польской
интервенции 726
- Покровская В.Ф.* 852
- Покровский Н.Н.* 618, 834, 854
- Пол Я., голландский кораблестрой-
тель 208
- Полевой Н.А. (1796–1846), литера-
тор, историк, чл.-корр. Академии
наук 440, 764, 854
- Полемон (ок. 97–153 н. э.), древне-
римский ритор 86
- Полибий (ок. 200 — ок. 120 до н. э.),
древнегреческий историк 94, 108
- Поликарпов Ф.П. (ум. 1731), типо-
граф, переводчик, писатель 58,
174, 216, 217, 251, 315, 316
- Полиста, легенд. 88
- Полкан, легенд. 794
- Помней Гней Великий (106–48 до
н. э.), древнеримский военный и
политический деятель 227
- Помона, древнеримская богиня 793
- Понтопидан Э. (1698–1763), историк,
натуралист 605, 658, 663, 664,
669, 866
- Понырко Н.В.* 37, 854
- Понятовский С. (1732–1798), кор.
польский (1764–1795) 721
- Попов А.И.* 580, 582, 854
- Попов В., отставной прапорщик 333
- Попов Н.А. (1833–1891), историк,
архивист 441, 452, 456, 854
- Попов Н.И. (1720–1782), астроном,
переводчик, адъютант по астро-
номии в Академии наук с 1748 г.,
профессор (1751–1768) 385, 554,
566
- Попова Л.Д.* 302, 312, 854
- Попова Л.М.* 839
- Поппэ А.* 630, 801, 854
- Почекаев Р.Ю.* 804, 854
- Прасковья Федоровна (1664–1723),
жена с 1684 г. царя Ивана V
Алексеевича 450

- Пребрана, лит. 501
 Предслава, дочь кн. Владимира Святославича 645
 Предслава, дочь кн. Святополка Изяславича, жена венгерского герцога Альмоша 631
 Пресняков А.Е. (1870–1929), историк, источниковед, чл.-корр. Академии наук с 1920 г. 583, 763, 799, 855
 Преторий М. (1635–1707), прусский историк 399, 600, 605, 658, 664–666, 669, 866
 Прибислав (XII в.), князь вагров 585, 662
Привалова Е.П. 728, 855
Прийма Ф.Я. 683, 684, 702, 855
 Приселков М.Д. (1881–1941), историк, источниковед 637, 757, 763, 855
Прицак О. 581, 855, 866
 Прове, западнославянский языческий бог 662
 Прозоровский А., историк 112, 850, 855
 Прокопий Кесарийский (ок. 500 — после 562), византийский историк 78, 79, 240, 406, 481, 606, 657, 745, 751
 Прокопович Ф. (1681–1736), церковный и политический деятель, писатель, историк, вице-президент Синода с 1721 г., архиепископ Новгородский с 1724 г. 160, 169, 188, 189, 198, 205, 206–208, 210, 226–231, 245, 251, 254, 260, 418, 517, 525, 572, 855
 Прус, легенд. 63, 65, 90, 95, 97, 99, 105, 144, 205, 243, 354, 404, 618, 620, 643, 647, 649, 664, 665, 752, 755
 Птолемей (Птоломей), здесь легенд. 63, 82, 745
 Птолемей (Птолемей) К. (ок. 87–165), античный географ, астроном 69, 71–74, 217, 390, 656, 747
 Пульхерия (398–453), императрица с 450 г., дочь имп. Восточной Римской империи Аркадия 114, 115
Пумпян Г.З. 394, 855
 Пуфендорф С. (1632–1694), немецкий философ, юрист 155, 329, 347, 441, 466
Пушкарёв Л.Н. 46, 106, 855
 Пушкин А.С. (1799–1837), поэт, литератор 10, 11, 275, 704, 855
 Пюттер И.С. (1719–1805), правовед, историк права 727
 Пятухин Ф., житель Курострова 332, 340
 Радим, легенд. 68
 Радмир, лит. 484
 Разин С.Т. (ок. 1630–1671), донской казак, предводитель восстания казаков и крестьян в 1670–1671 гг. 244, 686, 804, 807
Разумовская Л.В. 840
 Разумовский А.Г. (1709–1771), граф (1744), государственный деятель, фаворит имп. Елизаветы Петровны 379, 551, 568
 Разумовский К.Г. (1728–1803), президент Петербургской Академии наук (1746–1765), брат А.Г. Разумовского 379, 388–392, 432, 435, 460, 462, 532, 533, 538, 539, 543, 545, 549, 552, 554, 572, 576, 587, 590, 676, 680, 692, 711, 714, 715, 718, 728
 Райзер В.С. (ум. 1755), советник, затем президент Берг-коллегии 339
 Райзер Г.У. (род. 1719), студент академического Университета 338–340, 342, 344, 350, 355
 Расин Ж. (1639–1699), французский драматург 49, 140, 681
 Редегаст, западнославянский языческий бог 585, 662

- Реенхельм Я. (1644–1691), шведский историк 605, 658
Резун Д.Я. 431, 834, 855
 Ремезов С.У. (1642 — после 1720), картограф, географ, историк Сибири 129, 263
 Рёгнвальд (первая половина XI в.), норвежский ярл 664
 Рикорд Р. (1510–1558), английский математик, врач 47
Римская-Корсакова С.В. 53, 851
Ринкон-Поса Э. 726, 838
 Рихман Г.В. (1711–1753), адъюнкт по физике в Академии наук с 1740 г., профессор с 1741 г. 11, 387, 602, 635
 Рогнеда (вторая половина X в.), княжна полоцкая, жена кн. Владимира Святославича 615, 622, 726, 782, 799
Рогов А.И. 49, 58, 81, 103, 581, 855
 Роман (XIV в.), молдавский господарь 649
 Роман I Лакапин (ум. 948), имп. византийский (919–944) 420, 623, 643
 Роман II (ум. 963), имп. византийский с 959 г. 614
 Роман Васильевич (вторая пол. XIV в.), кн. ярославский 536
 Роман Мстиславич (ум. 1205), кн. галицко-волинский 536, 654, 655
 Роман Ростиславич (ум. 1180), кн. смоленский 536
 Роман Юрьевич (ум. 1543), боярин, сын Юрия Захарьевича Кошкина (Захарьина) 536
Романов Б.А. 854, 855
 Романов Н.И. (ум. 1654), боярин 50, 191, 255
Романова А.А. 55, 112, 853
Ромодановская Е.К. 96, 856
 Ромодановский Ф.Ю. (ок. 1640–1717), кн., государственный деятель 127, 140, 141, 240
 Ромул, легенд. 83
 Рондо (ум. 1740), английский резидент в Петербурге 322
 Рос (Росс), см. Рус
Роспонд С. 581, 856
 Ростислав, лит. 484
 Ростислав Всеволодович (1070–1093), кн. переяславский 492
 Ростислав Мстиславич (ум. 1167), кн. смоленский, киевский (1154, 1159–1167) 495
 Ростислав Юрьевич (ум. 1151), кн. новгородский, переяславский 649
 Ростислав Ярославич (ум. после 1152), кн. рязанский, муромский 649
 Рохель, западнославянский князь 662
 Ртищев Ф.М. (1626–1673), государственный деятель 51, 93
Рубинштейн Н.Л. 22, 393, 409, 441, 856
 Румовский С.Я. (1734–1812), адъюнкт по астрономии в Академии наук с 1753 г., экстраординарный профессор с 1763 г., ординарный профессор (1767–1803), вице-президент (1800–1803) 728
 Рус, легенд. 68, 70, 75, 79, 82, 83, 85–88, 94, 243, 257, 477, 481, 522, 530, 531, 555, 556, 570, 574, 664, 665, 703, 749, 750
 Руссе де Мисси Ж., голландский историк, журналист 251, 252, 256, 260, 261, 263, 272, 684, 826, 866
 Руссов Б. (ок. 1540–1601), ливонский хронист 414
Рыбаков Б.А. 446, 447, 581, 792, 856
Рыбина Е.А. 38, 856
 Рыдзевская Е.А. (1890–1941), историк, скандинавист 641, 798, 856
Рысс Е.Б. 25, 604, 609, 619, 627, 640, 651, 656, 658–660, 666, 856, 859

- Рычков П.И. (1712–1777), историк, географ, экономист, чл.-корр. Академии наук с 1759 г. 21, 439
- Рюдбек О. (1630–1702), шведский медик, ботаник, историк 453, 477, 478, 557, 558, 560
- Рюйш Ф. (Рейс) (1638–1731), голландский анатом 288
- Рюрик (Рурек), кн., родоначальник династии Рюриковичей 18, 19, 64, 68, 77, 79, 84, 89–92, 96, 97, 99, 100, 103, 144, 206, 243, 254, 258, 259, 264, 265, 354, 374, 398, 399, 402, 404, 405, 407, 413, 452, 457, 459, 472, 480, 482–485, 488, 522, 523, 527–531, 533, 534, 536, 558, 559, 562, 563, 565, 570, 572, 598, 599, 611, 619–621, 626, 628, 629, 643, 647, 649, 670, 676, 677, 712, 729, 747–749, 752–758, 810
- Рюрик Ростиславич (ум. 1212), кн. новгородский, киевский, черниговский 648, 654
- Рязановский Н.В.* 147
- Сабельников С.Н., куростровский дьячок 314
- Сабурова Соломония, первая жена (до 1525 г.) вел. кн. Василия III Ивановича 631
- Савельева Е.А.* 32, 178, 264, 409, 605, 616, 814, 837, 848, 856, 859
- Саверкина И.В.* 175, 856
- Сазонова Л.И.* 57, 445, 855, 856
- Саксон Грамматик (ок. 1140–1206), датский хронист, священник в Роскильде 400, 557, 570, 577, 584, 605, 658, 662, 663
- Саллюстий Г.К. (86–34 до н. э.), древнеримский политик, историк 328
- Салтыков М.Г. (ум. ок. 1618), боярин, сторонник Лжедмитрия I, Лжедмитрия II, королевича Владислава 726
- Салтыков Ф.П. (XVII в.), отец царицы Прасковьи Федоровны 450
- Салтыков Ф.С. (ум. 1715), государственный деятель 235, 244
- Сальхов У.Х. (1722–1787), профессор химии в Академии наук (1755–1760) 603
- Самоковасов Д.Я. (1843–1911), историк, археолог 769, 856
- Самсон, ветхозаветный герой 328
- Санторок, профессор поэзии, логики, элоквиции в Марбургском университете 346
- Сафо (VII в. до н. э.), древнегреческая поэтесса 347
- Сафонович Ф. (XVII в.), украинский историк 243
- Сахаров А.М.* 27, 28, 106, 856
- Сахаров А.Н.* 763, 856
- Сбыслава, дочь кн. Святополка Изяславича, жена польского кн. Болеслава III Кривоустого 631
- Сведен Й. ван, нидерландский предприниматель 43
- Свенельд (X в.), киевский воевода 513, 622, 644, 782–784
- Свердлов М.Б.* 14, 32–35, 37, 63, 456, 458, 468, 473, 474, 496, 500, 503, 504, 581, 609, 610, 613, 614, 638, 735, 742, 757, 759, 760, 766–768, 771, 772, 775, 799–801, 803, 847, 855–857
- Светоний Г.Т. (ок. 70–ок. 126), историк 328
- Свирская В.Р.* 23, 532, 534, 538, 541, 549, 673, 699, 700, 708, 709, 711, 713, 835, 857
- Свифт Дж. (1667–1745), английский писатель 347
- Святовит, западославянский языческий бог 585, 662
- Святополк Изяславич (1050–1113), кн. полоцкий, новгородский, ту-

- ровский, киевский с 1093 г. 495, 631, 633
- Святополк Ярополкович Окаянный (ум. ок. 1019 г.), кн. туровский, киевский (1015–1016, 1018) 36, 204, 622, 623, 645, 664, 799
- Святослав Владимирович (ум. 1015), кн. древлянский 630, 799
- Святослав Всеволодович (ум. 1194) кн. киевский 493
- Святослав Игоревич (ум. 972), кн. киевский 35, 97, 254, 259, 399, 404, 407, 419, 513, 528, 613, 614, 620, 629, 643, 644, 649, 660, 726, 778–782, 787, 789, 790, 795, 797
- Святослав Ольгович (ум. 1164), кн. черниговский 493
- Святослав Юрьевич (ум. 1174), кн. 502
- Святослав Ярославич (1027–1076), кн. черниговский с 1054 г., кн. киевский с 1073 г. 490, 515, 616, 632, 645
- Святослав Ярославич (вторая пол. XIII в.), кн. тверской 639
- Седов В.В.* 34, 483, 577, 578, 581, 745, 857
- Седов П.В.* 49, 52, 53, 57, 858
- Селевцын И., дьяк 306
- Селлий А.Б. (Никодим) (1696–1746), учитель латинского языка, монах Троицкого Александро-Невского монастыря, историк 524–529, 858, 867
- Семаргл, языческий бог 792
- Семевский В.И. (1848–1916), историк 124, 236, 836
- Семен Иванович Гордый (1316–1353), кн. московский с 1340 г., вел. кн. владимирский с 1341 г. 631
- Семен Константинович, сын углицкого кн. Константина Дмитриевича 648
- Семенова Л.Н.* 124–126, 858
- Сен-Совёр, де (XVIII в.), французский посланник в Петербурге 590
- Сенека М.Э. (4–65), древнеримский философ 347
- Сенигов И.П. (род. 1859), историк, писатель 440, 475, 858
- Сергиевич В.И. (1832–1910) историк русского права 14
- Сергий Катилина (ок. 108–62 до н. э.), древнеримский политический деятель 227
- Сергий Радонежский (ок. 1321–1391), основатель и игумен Троицкого монастыря, церковный и политический деятель 641
- Сигал Н.А.* 802, 858
- Сигезбек И.Г. (1686–1755), естествоиспытатель, профессор ботаники и натуральной истории в Академии наук (1742–1747) 387
- Сигизмунд I Старый (1467–1548), кор. польский и вел. кн. литовский с 1506 г. 261
- Сигизмунд III Ваза (1566–1632), кор. польский (1587–1632) и шведский (1592–1604) 452, 705
- Сигурд (X в.), дядя Олава Трюггвасона 798
- Сильвестр (ум. 1123), епископ Переяславля Южного, летописец 619, 628, 637
- Сильвестр, см. Медведев С.
- Сим, библ. 63, 608, 628
- Симеон (864/865–927), болгарский князь с 893 г. и царь с 919 г. 488, 643, 644
- Симеон Логофет (Магистр, вторая пол. X в.), византийский хронист 400
- Симеон Полоцкий (Петровский-Ситианович С.Е., 1629–1680), белорусский и русский обще-

- ственный и церковный деятель, писатель 49, 50, 54, 55, 112, 144, 317
- Симон (ум. 1511), митрополит московский с 1496 г.
- Синеус (Синев, Синав, Синеи, Шиниев), легенд. 64, 68, 77, 79, 84, 90, 92, 243, 354, 374, 398, 484, 527, 533, 611, 628, 748, 756
- Синьорини С.* 29, 867
- Сиренов А.В.* 61, 91, 597, 618, 858
- Сиф, легенд. 713
- Скарга П. (1536–1612), польский писатель 131
- Скарин А. (1684–1771), шведский историк 561
- Скиф, легенд. 87, 132, 481
- Скрынников Р.Г.* 799
- Скьёльд, легенд. 402
- Слав (Славен, Словен, Славенск), легенд. 68, 86–89, 481, 522, 530, 531, 559, 570, 595, 749, 750
- Сменцовский М.Н. (род. в 1870 г.), историк 58, 858
- Смирницкая О.А.* 859
- Смирнов С.К. (1818–1889), историк 58, 327, 329, 331, 332, 858
- Смотрицкий М. (ок. 1578–1633), писатель, филолог, педагог, украинский и белорусский политический и церковный деятель 315–317, 327, 826
- Снорри Стурлусон (1179–1241), древнеисландский историк, писатель, политический деятель 400, 402, 605, 657, 664, 750
- Соболевский А.И. (1856–1929), филолог, палеограф, академик с 1872 г. 47, 858
- Соймонов Ф.И. (1682–1780), моряк, гидрограф, государственный деятель 363
- Соколов М.И. (1855–1906), славист 93
- Соколова Н.В.* 689, 693, 694, 812, 817, 820, 847
- Сократ (ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ 38
- Соловьев Е.А.* 147, 858
- Соловьев С.М. (1820–1879), историк, академик с 1872 г. 14, 16, 17, 22, 29, 30, 95, 124, 147, 243, 367, 408, 426, 442, 537, 734, 799, 858, 859
- Солодкин Я.Г.* 61, 858
- Соломон (ум. ок. 928 до н. э.), царь Израильско-Иудейского царства 113, 328, 494, 495, 712
- Солон (640/635 — ок. 559 до н. э.), древнегреческий политический деятель, реформатор экономического, социального и политического строя Афин 328
- Сомов В.А.* 175, 856
- София (Зоя) Палеолог (ум. 1503), племянница последнего византийского имп. Константина, жена вел. кн. Ивана III Васильевича с 1472 г. 40, 136, 209, 631
- София (1371–1453), дочь кн. литовского Витовта, жена вел. кн. московского Василия I Дмитриевича 48, 139, 209
- Софроненко К.А.* 164, 858
- Софья (София) Алексеевна (1657–1704), царевна, дочь царя Алексея Михайловича 49, 51, 53, 55, 57, 112–118, 135–137, 140, 144, 145, 190, 239, 240, 244–248, 263, 266, 268, 269, 279, 309, 436, 456, 554, 673, 689, 696, 697, 805–807, 825
- Спарвенфельд Ю.Г. (1655–1727), шведский ученый 243
- Спафарий Н.Г. (Милеску, 1636–1708), молдавский, русский дипломат, ученый 97, 106, 245
- Сперанский М.М. (1772–1839), государственный деятель 12

- Срезневский И.И. (1812–1880), филолог, академик с 1854 г. 128, 769, 777, 858
- Станг* X. 581, 858
- Старовольский С. (1588–1656), польский историк 130, 131
- Старчевский А.В. (1818–1901), историк, журналист 12, 812, 858
- Стеблин-Каменский М.И.* 657, 798, 858, 859
- Стендер-Петерсен А.* 581
- Степанов В.П.* 702, 859
- Стефан III Великий (ум. 1504), молдавский господарь с 1457 г. 631, 649, 668
- Стефан Калиновский (1700–1753), ректор Славяно-греко-латинской академии 330, 332
- Сторожев (Стороженко) В.Н. (1866–1924), историк, археограф 49, 859
- Страбон (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.), древнегреческий географ, историк 71, 72, 74, 79, 83, 138, 456, 656, 665
- Страленберг Ф.И. (1676–1747), шведский офицер, историк, географ 263–271, 273, 276, 453, 460, 478, 482, 483, 522, 523, 684, 690, 700, 705, 859, 867
- Стратемман В. (1629–1684), оснабрюкский еп., историк 329
- Стрешнев Н.И. (1706–1746), шурин А.И. Остермана 366
- Стрешнев Т.Н. (1644–1719), государственный деятель 239
- Стрибог, языческий бог 623, 792
- Стриттер И.Г. (1740–1801), историк 439, 762, 859
- Строев П.М. (1796–1876), историк, археограф, академик с 1849 г. 95, 434, 436, 734, 859
- Стрыйковский М. (1547 — ум. между 1587 — 1590), польский историк, жмудский каноник 12, 51, 80–85, 91, 92, 101–103, 130, 131, 133, 138, 257, 329, 399, 407, 452, 456, 478, 484, 487, 523, 556, 566, 725
- Суд Ж. де ля, секретарь иностранной коллегии 363
- Сулла, см. Корнелий Сулла
- Сумароков А.П. (1718–1777), поэт, драматург, литератор 385, 484, 545, 588, 724, 859
- Сумбек (Сюнбек, Сююнбека, середины XVI в.), царица казанская 726
- Сухман М.М.* 843
- Сухомлинов М.И. (1828–1900), историк литературы, академик с 1872 г. 340, 346, 347, 718, 859
- Сципион П.К. Африканский Старший (ум. 183 до н. э.), древнеримский полководец во Второй Пунической войне 328
- Табберт Филипп Иоганн, см. Страленберг
- Тамерлан (Тимур) (1336–1405), среднеазиатский полководец, эмир с 1370 г. 140, 141, 706
- Тарасевич А., художник 53
- Тарловская В.Р.* 280, 845
- Татищев А.Д. (1697–1760), генерал-аншеф, петербургский генерал-полицмейстер 209
- Татищев В.Н. (1686–1750), государственный деятель, историк 19, 29, 30, 263, 280, 297, 313, 332, 392, 393, 410, 422, 438–521, 536, 537, 545–548, 556, 560, 564, 577, 597–599, 603, 639, 651–657, 659, 676–679, 700, 725, 728, 729, 732, 733, 742, 743, 745, 748, 749, 753, 760–775, 778–780, 783, 786, 789–792, 796, 797, 801–803, 808, 809, 811, 813, 828–832
- Татищев И., коллежский асессор Московского архива Коллегии иностранных дел 290

- Татищев М.Ю. (1620–1701), архангельский воевода 450
- Тауберт И.И. (1717–1771), историк, библиотекарь, советник академической Канцелярии 27, 539, 603, 689, 714, 715, 723, 724, 728–730, 732, 812–817, 819–821
- Тацит П.К. (ок. 55–120), древнеримский политик, историк 51, 138, 217, 328, 398, 400, 745
- Тверитинов Д.Е. (ум. после 1723), лекарь, обвиненный в церковной ереси 175
- Творогов О.В. 442, 608, 637, 763, 767, 769, 771, 859
- Тевкелев А.И. (XVIII в.), переводчик Коллегии иностранных дел, полковник 330
- Тезей (Тесей), мифологический древнегреческий герой 328
- Темирязов И. (XVIII в.), член Коллегии экономики 378
- Теодорих (ок. 454–526), король остготов с 493 г. 68
- Теокрит, см. Феокрит
- Теплов Г.Н. (1717–1779), ботаник, литератор, ассессор академической Канцелярии, почетный член Петербургской Академии наук с 1747 г. 27, 388, 390, 391, 435, 462, 500, 543, 544, 552, 567, 568, 576, 587, 671, 676, 723, 724, 728
- Термин, древнеримский бог 794
- Тессинг (Тесинг) Я. (ум. 1701), голландский предприниматель, купец, типограф 122, 170, 208
- Тиберий Клавдий Нерон (42 до н. э. — 37 н. э.), имп. римский с 14 г. н. э. 116
- Тилеман (XVIII в.), профессор права в Марбургском университете 347
- Тиммерман Ф., голландец, учитель Петра I 191, 208
- Тимофей (V в. до н. э.), древнегреческий поэт и музыкант 328
- Титмар Мерзебургский (975–1018), немецкий хронист, еп. мерзебургский 400, 406
- Тихомиров М.Н. 22–24, 442, 445, 498, 834, 846, 859
- Тихонов Г., настоятель церкви св. апостола Андрея Первозванного 569
- Толбузин Б.Ф. (XVII в.), сибирский воевода 415
- Толочко А.П. 447–449, 473, 495, 502, 859
- Толочко П.П. 581, 8659
- Толстиков А.В. 453, 859
- Толстой Н.И. 794, 859
- Толстой П.А. (1645–1729), граф с 1724 г., государственный деятель, дипломат 282, 283
- Топоров В.Н. 746, 859
- Тор, древнескандинавский бог 791
- Торир Собака, скандинавский путешественник в Бьярмаланд в 1026 г. 750
- Торчин, убийца кн. Глеба Владимировича 623
- Торфеус Т. (ум. 1712), датский историк 605, 658
- Тотила (541–552), король остготов 73
- Тохтамыш (ум. 1406/1407), хан Синей Орды и Золотой Орды с 1381 г. 40, 625, 667
- Трахтенберг Л.А. 124, 125, 127, 860
- Тредиаковский В.К. (1703–1769), поэт, литератор, профессор элоквиции в Академии наук (1745–1759) 334, 335, 346, 352, 358, 382, 387, 533, 538, 539, 541, 543, 545, 552, 554, 566, 567, 574–576, 585, 713
- Третьяков В., студент академического Университета 429

- Третьяков П.Н.* 581, 860
Троцкий С.М. 165, 860
Трофимова Н.С. 175, 860
Трубачев О.Н. 578, 580–582, 860
Трубецкой И.Ю., кн., генерал 147
Трубецкой Н.Ю. (1700–1767), государственный деятель, генерал-прокурор Сената 386
Трувор (Тривур, Трубор), легенд. 64, 69, 77, 79, 84, 86, 90, 92, 243, 354, 374, 398, 483, 484, 527, 533, 611, 626, 628, 748, 756
Тубал, легенд., в Библии Фувал 79, 94
Туглий, лит. 501
Тункина И.В. 288, 336, 860
Турнаев В.И. 29, 369, 370, 860
Турок, легенд. 703
Тьеполо Ф. (1509–1580), венецианский посол 74
Тюлицев Д.В. 708, 860
Тюммиг Л.Ф. (1690–1728), немецкий физик, философ 387
- Уайт Х.* 7–9, 860, 867
Узбек (ум. 1342), хан Золотой Орды с 1313 г. 625, 634, 635
Украинцев Е.И. (1641–1708), государственный деятель, дипломат 245, 246
Умила, лит. 484
Унковский И., дипломат, посланник Петра Великого в Джунгарию в 1722–1724 гг. 416
Урсул Д.Т. 106, 860
Успенский Б.А. 334, 860
Устрялов Н.Г. (1805–1870), историк, академик с 1842 г. 54, 200, 203, 205, 213, 219, 860
Уткина Н.Ф. 169, 861
Ушаков А.И. (1672–1747), начальник Тайной розыскных дел канцелярии, граф с 1744 г. 322, 366
- Фабри И. (1478–1541), немецко-австрийский церковный деятель 71, 72, 75, 76
Фалес Милетский (ок. 624–548 до н. э.), древнегреческий философ, математик, астроном 292
Фальконе Э.М. (ум. 1791), французский скульптор 720
Фаркхарсон Г. (Фарварсон А.Д.), преподаватель школы математических и навигацких наук 122, 169, 175
Фасмер М.Р. 759, 794, 861
Фаэтон, миф. 141
Федор Александрович (ум. 1339), кн., сын кн. Александра Михайловича 635
Федор Алексеевич (1661–1682), царь с 1676 г., сын царя Алексея Михайловича 49, 51–53, 55, 57, 58, 104–108, 110, 112–114, 117, 122, 144, 145, 238, 248, 256, 266, 287, 310, 522, 554, 598, 599, 673, 680, 688, 689, 697, 805, 807, 824, 825
Федор Борисович Годунов (1589–1605), царь с 13.04 по 1.06.1605 г., сын царя Бориса Федоровича Годунова 238, 255
Федор Иванович (1557–1598), царь с 1584 г. 90, 91, 98, 238, 244, 255, 305, 732, 808
Федор Никитич Романов (1556/1557–1633), патриарх Филарет с 1619 г., отец царя Михаила Федоровича 99, 255, 309, 699
Федор Ольгович (ум. ок. 1427), кн. рязанский 636
Федор Ростиславич Черный (ум. 1298), кн. смоленский, ярославский 726
Федоровская Л.А. 406, 861
Федосеева М.В. 394, 855
Федосов И.А. 164, 861

- Фенелон Франсуа де Салиньяк, маркиз (1651–1715), французский писатель 348
- Феодосий (ок. 1036–1074), игумен Киево-Печерского монастыря, церковный и политический деятель 407, 412, 416, 417, 421, 616, 637
- Феодосий, архиепископ, вице-президент Синода 209
- Феодосий I Великий (ок. 406–395), имп. римский с 379 г., утвердил господство ортодоксального христианства, последний имп. западной и восточной частей Римской империи 108, 114
- Феодосий II (ок. 401–450), имп. византийский с 408 г. 114, 556
- Феофан (III в. до н. э.), греческий поэт 394
- Феофемпт (ум. 1040-е гг.), «митрополит России» с ок. 1035 г. 801
- Феофан Исповедник (ок. 760–818), византийский хронист 401, 600, 601, 605, 606, 656, 782
- Феофил (ум. 842), имп. византийский с 829 г. 402, 563
- Феофил (X в.), византийский синкел 513, 614
- Феофилакт (ум. до 1018 г.), «митрополит России» с 988 г. 801
- Фердинанд I (1503–1564), эрцгерцог австрийский, кор. Чехии и Венгрии, имп. Священной Римской империи 71, 75
- Фетида, мифол. 384
- Филарет, патриарх, см. Федор Никитич Романов
- Филарет (Дроздов, 1782–1867), архиепископ Тверской (1819), митрополит Московский и Коломенский (1821) 95
- Филипп (Колычев Ф.С.) (1507–1569), церковный деятель, митрополит с 1566 г. 136
- Филипп I (1052–1108), кор. французский с 1060 г. 36
- Филипп II (ок. 382–336 до н. э.), царь македонский с 359 г., отец Александра Македонского 102, 564
- Филофей (1-я пол. XVI в.), монах Псковского Елеазарова монастыря 64, 65
- Финч Э. (ум. 1771), английский дипломат 289, 290, 298, 357, 358, 362, 363, 365, 366, 368
- Фирсов Н.А. (конец XIX в.), историк 440, 861
- Фишер И.Э. (1697–1771), филолог, историк, адъютант по истории и древностям в Академии наук с 1732 г., профессор с 1747 г. 429, 435, 539, 540, 554, 736
- Флоря Б.Н. 48, 581, 855, 861
- Фовел (библ. Фувал) 93, 94
- Фоккеродт И.Г., секретарь прусского посольства в России 683, 698
- Фомин В.В. 30, 549, 580, 581, 861
- Фонкич Б.Л. 54, 55, 57, 861
- Фонтенель Б. ле Бовье (1657–1757), член с 1691 г. и непреходящий секретарь (1699–1741) Парижской Академии наук 180, 247–250, 263, 272, 273, 275–277, 294, 590, 865
- Фоскарино М., венецианский посол 70
- Фотий (ок. 810 или ок. 820 – между 891 и 897), патриарх константинопольский (858–867, 877–886) 401, 402, 701
- Франклин Б. (1706–1790), американский просветитель, государственный деятель, ученый 11
- Фредерик II (1534–1588), кор. датский с 1542 г. 48
- Фредерик IV (1671–1730), кор. датский с 1699 г. 146, 195

- Фредрик I (1676–1751), кор. шведский с 1720 г. 371
- Фридрих (ум. 1642), герцог курляндский 399
- Фридрих II (1712–1786), кор. прусский с 1740 г. 677, 681, 683, 717
- Фридрих III (1597–1659), герцог шлезвиг-голлштейн-готторпский с 1616 г. 48
- Фридрих Вильгельм (ум. 1711), герцог курляндский 160
- Фридрих Вильгельм I (1688–1740), кор. прусский с 1713 г. 340
- Фридрих И., профессор Лейпцигского университета 353
- Фролов Э.Д.* 395, 861
- Фротон I, легенд. 663
- Фротон III, легенд. 662
- Фроянов И.Я.* 799
- Фруменков Г.Г.* 27, 741, 861
- Фруменкова Т.Г.* 169, 861
- Фрутольф из Михельсберга (ум. 1103), немецкий хронист, приор монастыря 400
- Фуа де ла Невилль (ум. между 1695–1699), дипломат 245–247, 249, 250, 263, 272, 826, 865
- Фукидид (ок. 460–400 до н. э.), древнегреческий историк 108, 109, 328
- Фукс Л. (1501–1566), немецкий ботаник 47
- Хабургаев Г.А.* 580, 582, 861
- Хаклюйт Младший Р. (1553–1616), английский географ 47
- Хакон (Хокон) VI Магнуссон (ум. 1380), кор. норвежский с 1345 г., самостоятельно с 1355 г. 625
- Халох, легенд. 88
- Хам, библ. 63, 138, 608, 628
- Ханин П.И., секретарь академической Канцелярии 543
- Харальд Прекрасноволосый (ок. 852–928), конунг объединенной Норвегии с 885 г. 404
- Харальд Суровый Правитель (ум. 1066), норвежский конунг с 1046 г. 664
- Харидем (ум. 333), полководец-наемник 120
- Хаук (X в.), норвежец 404
- Херрман И.* 581, 861
- Хилков А.Я. (ум. 1718), кн., дипломат 242
- Хлодвиг (465–511), король франков с ок. 481 г. 397
- Ходкевич Я.И. (ум. 1579), польский государственный деятель 81
- Хорив (Хорев), легенд. 68, 243, 484, 748
- Хорошкевич А.Л.* 70, 861
- Хорс, языческий бог 623, 792
- Хотеев П.И.* 175, 860
- Христина (ум. 1122), дочь кор. шведского Инге Стейнкельсона, жена кн. Мстислава Владимировича 36
- Хронкевич, холмогорский иеродиакон 320
- Хрущов А.Ф. (1691–1790), капитан флота, горный инженер, советник Экипажной конторы 363, 460
- Хурелич Лаврентий, герольдмейстер имп. Леопольда I 97
- Хьюз Л.* 124
- Цветаев Д. (1852–1920), историк 46, 50, 861
- Цезарь Г.Ю. см. Юлий Цезарь, Гай
- Целларий Х. (Целлариус, Келлер, 1638–1707), немецкий филолог, историк 606, 658
- Церера, древнеримская богиня 793
- Цильх Г., член городской управы Марбурга, отец жены М.В. Ломоносова 349

- Цильх Е.-Х., мать Елизаветы Ломоносовой, жены М.В. Ломоносова 349
- Цицерон М.Т. (106–43 до н. э.), древнеримский оратор, государственный деятель, юрист, писатель 51, 108, 327, 328, 346, 347
- Чаадаев И.И. (ум. 1656/1657), думный дворянин, двинской воевода 308
- Чадов А. (род. 1715), студент академического Университета 333
- Ченслор (Ченслер) Р. (ум. 1556), английский мореплаватель, в 1553 г. достиг устья Северной Двины, способствовал началу регулярных торговых связей Англии с Россией 260, 310
- Черепнин Л.В.* 24–26, 90, 96, 201, 220, 223, 226, 236, 393, 409, 441, 447, 741, 767, 861, 862, 865
- Черкасов И.А. (1692–1752), кабинет-секретарь имп. Петра Великого и имп. Елизаветы Петровны 379, 453, 454
- Черкасов П.П.* 540, 590, 862
- Черкасский А.М. (1680–1742), кн., государственный деятель, великий канцлер с 1740 г. 298, 366, 376
- Черная Л.А.* 190, 862
- Чернобог, западнославянский языческий бог 662
- Чернов С.Н. (1887–1942), историк 20, 21, 719, 720, 862
- Чернышов П.Г. (1712–1773), граф, дипломат 392
- Чех, легенд. 68, 70, 75, 82, 83, 85, 477, 556, 664
- Чехов А.П. (1860–1904), писатель 30, 862
- Чечулин Н.Д. (1863–1927), историк, чл.-корр. Академии наук с 1924 г. 738, 862
- Чингисхан (ок. 1155–1227), основатель единого монгольского государства, полководец 706
- Чирнгаузен Э.В. фон (1651–1708), немецкий философ, математик, физик 390
- Чистякова Е.В.* 61, 62, 91, 96, 100, 106, 107, 112, 129, 135, 862
- Чичуров И.С.* 586, 862
- Чуди Т.Г. (1720–1769), барон, французский писатель, журналист 694
- Шакловитый Ф.Л. (ум. 1689), государственный деятель, дипломат 113
- Шаламон (Соломон) I (ум. ок. 1087), кор. венгерский (1063–1074) 36
- Шамрай Д.Д.* 709
- Шатино А.Л.* 28, 29, 96, 106, 129, 393, 542, 834, 862
- Шаскольский И.П.* 580, 581, 583, 862
- Шафиров П.П. (1669–1739), государственный деятель, дипломат 174, 200, 213, 215, 221–226, 228, 230, 231, 251, 436, 437, 688, 862
- Шахматов А.А. (1864–1920), филолог, источниковед, археограф, академик с 1894 г. 59, 442, 446, 447, 734, 757, 762, 763, 862
- Швандтнер И.Г. (1716–1791), австрийский историк 660
- Шекспир У. (Шакеспир, 1564–1616), английский драматург, поэт 49, 140, 484
- Шереметев Б.П. (1652–1719), военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал с 1701 г., граф с 1706 г. 120, 174
- Шереметев В.П., боярин 53
- Шеслер К.Ф. (XVIII в.), архитектор 294
- Шетарди Ж.И.Т. де ля (1705–1758), маркиз, дипломат, французский

- посол в России 298, 324, 361, 362, 368, 376–379, 543, 590
- Шёттген И.Х. (1687–1751), немецкий историк, филолог 531, 555, 560
- Шиллер Ф. (1759–1805), немецкий поэт, литератор 342
- Шлёцер А.Л. (1735–1809), историк, статистик, профессор с 1765 г. 15, 18, 20, 25, 27, 393, 426, 639, 710, 727–736, 738, 739, 747, 762, 766, 772, 773, 808, 815–817, 819, 820, 832, 833, 862, 867
- Шмурло Е.Ф. (1853–1934), историк, чл.-корр. Академии наук с 1911 г. 189, 201, 220, 221, 226, 272, 589, 682–688, 698–700, 862
- Шнайдерс В.* 341, 863
- Шокарев С.* 141, 846, 863
- Шольц Б.* 222, 394, 403, 527, 561, 863
- Шпилевская Н. (XIX в.), историк 371, 372, 863
- Шредер, профессор Марбургского университета 346, 347
- Шталь И.Х., немецкий философ, математик 295
- Штёкль Г.* 147
- Штелин Я.Я. (1709–1785), искусствовед и гравер, профессор элочки 11, 381, 382, 384, 539–541, 543, 549, 554, 680, 711, 714, 715
- Штеллер Г.В. (1709–1746), естествоиспытатель, путешественник, адъюнкт по естественной истории в Академии наук с 1737 г. 336, 429, 863
- Штриттер И.Г. (1740–1801), адъюнкт с 1779 г., почетный член Петербургской Академии наук с 1797 г. 851
- Штрубе де Пирмон (Пирмонт) Ф.Г. (1704–1775), правовед, профессор юриспруденции в Академии наук (1738–1741, 1746–1757), конференц-секретарь (1746–1749) 392, 533, 534, 538, 539, 541, 543, 554
- Шубин Ф.И. (1740–1805), скульптор 314
- Шубной И.А. (XVIII в.), двинской крестьянин 314, 321
- Шувалов А.И. (1710–1771), граф, руководитель Тайной канцелярии 379, 551
- Шувалов А.П. (1744–1789), граф, писатель 11, 352, 863
- Шувалов И.И. (1727–1797), государственный деятель 11, 21, 318, 379, 551–553, 587, 588, 595, 596, 601, 602, 607, 617, 676, 678, 680–682, 684, 687, 688, 692–695, 697, 699, 700, 708, 715, 716, 718, 724, 830
- Шувалов П.И. (1710–1762), граф, государственный деятель 11, 360, 379, 551
- Шуйский А.М. (ум. 1543), кн., боярин 634
- Шуйский В.И., см. Василий Иванович Шуйский
- Шуйский Д.И. (ум. 1613), кн., боярин, брат царя 627
- Шуйский И.И. (ум. 1638), кн., боярин, брат царя 627
- Шульгин В.С.* 164, 863
- Шумахер И.Д. (1690–1761), библиотекарь, советник академической Канцелярии 27, 178, 179, 181, 182, 186, 283, 284, 286, 290, 292, 294–296, 299, 337, 339, 344, 351, 355, 356, 369–371, 382–385, 387, 388, 390, 391, 395, 406, 411, 412, 432, 435, 456, 459–461, 496, 497, 499, 500, 542–544, 549, 551–555, 567, 671, 676, 714
- Шумилов Н.А.* 314, 321, 863
- Шушарин В.П.* 861
- Шхонебек А. (1661–1705), гравер 218

- Щавелева Н.И.* 67–69, 839, 845, 863
Щапов Я.Н. 624, 701, 801, 861, 863
Щеглова О.А. 610, 863
Щедрова И.В. 337, 851
 Щек, легенд. 68, 243, 748
 Щелкалов В.Я. (ум. 1610/1611), государственный деятель, дипломат 237
 Щербатов М.М. (1733–1790), кн., историк, государственный деятель, почетный член Петербургской Академии наук с 1776 г. 20, 229, 241, 461, 762, 764, 766, 863
Щукина Е.С. 218, 863
- Эйлер Л. (1707–1783), математик, механик, физик, адъютант по физиологии в Академии наук с 1726 г., профессор физики с 1731 г., высшей математики с 1733 по 1741 г., почетный член Петербургской Академии наук с 1742 г. 14, 187, 286, 288, 291, 293, 299, 334, 337, 363, 369, 391, 411, 587, 602
 Эймунд, сын норвежского конунга Хринга, в конце 10-х гг. XI в. находился на Руси 664
 Эйхлер И., секретарь имп. Анны Ивановны 363
 Экземплярский А.В. (1846–1900), историк 649, 863
 Эккехард из Ауры (ум. 1126), немецкий хронист, аббат 400
Элерт А.Х. 336, 409, 430, 431, 834, 863
 Эммануэль, португальский принц 294
 Эмин Ф.И. (1735–1770), историк, писатель, переводчик 439, 762, 764, 772, 863
 Эней, легендарный герой Троянской войны 140
 Эол, древнегреческий бог 792
 Эразм Роттердамский (1466/1469–1536), ученый-гуманист 347
- Эрнст-Людвиг, герцог саксен-менингский 160
Эскин Ю.М. 97, 863
- Юдифь (Июдифь), библ. 113
 Юлий Салин, античный историк 82
 Юлий Цезарь, Гай (100–44 до н. э.), древнеримский государственный деятель, оратор, историк 108, 140, 141, 210, 227, 228, 328, 346, 399
 Юлия (I в. до н. э.), сестра Юлия Цезаря 399
 Юнкер Г.Ф.В. (1703–1746), поэт, адъютант по иллюминациям в Академии наук с 1731 г., профессор по политике и морали с 1734 г., элоквенции (1734–1737), иностранный почетный член Петербургской Академии наук с 1737 г. 350, 351, 383, 384, 412
 Юпитер, древнеримский бог 88, 138, 139, 713, 791
 Юрий Владимирович Долгорукий (ум. 1157), кн. ростово-суздальский, переяславский, киевский (1149, 1151, 1155–1157) 495, 502, 624, 626, 633, 649, 654
 Юрий Всеволодович (1188–1238), вел. кн. владимирский (1212–1216, 1218–1238) 528
 Юрий Данилович (ум. 1325), кн. московский 625, 634
 Юрий Дмитриевич (1374–1434), кн. звенигородский и галицкий с 1389 г. 804
 Юрий Юрьевич Олелькович (XVI в.), кн. случкий 81
 Юрьев И., секретарь экспедиции Коллегии иностранных дел 230
 Юстиниан I (ок. 482/483–565), имп. византийский с 527 г. 108, 209, 217, 240
 Юсупов Б.Г. (1696–1759), кн., государственный деятель 366

- Юхт А.И.* 440, 441, 448, 452, 859, 863
Юшков С.В. (1888–1952), историк 843
- Яворский Стефан (Симеон) (1658–1722), русский и украинский церковный деятель, публицист 126, 316
- Ягайло (ок. 1350–1434), вел. кн. литовский (1377–1392, с перерывом), кор. польский под именем Владислав II Ягелло с 1386 г. 635, 641, 642
- Ягужинский П.И. (1683–1736), граф с 1731 г., государственный деятель, дипломат 163, 197, 298, 322
- Язон (Ясон), мифологический древнегреческий герой 140, 328
- Языков Д.И. (1773–1845), писатель, переводчик 766, 863
- Ян (Янь) Вышатич (ум. 1106), киевский тысяцкий 637
- Ян Святославич, сын древлянского кн. Святослава Владимировича 630
- Ян Собеский (1629–1696), польский полководец, кор. Ян III с 1674 г. 245
- Янин В.Л.* 63, 447, 801, 848, 864
- Янус, древнеримский бог 793
- Яромир (XII в.), князь прибалтийского славянского племени руян 585
- Ярополк Изяславич (ум. 1086), кн. волынский 624, 631, 645
- Ярополк Ростиславич (ум. после 1196), кн. киевский, новгородский 653
- Ярополк Святославич (ум. 978), кн. киевский с 972 г. 489, 528, 615, 622, 629, 644, 645, 652, 782–790, 797, 799
- Ярослав Владимирович Мудрый (ум. 1054), сын кн. Владимира Святославича, кн. новгородский, киевский (1016–1018, 1019–1054) 15, 36, 37, 224, 241, 254, 260, 489, 490, 515, 597, 612, 615, 621, 624, 630, 632, 637, 645, 650, 651, 664, 670, 786, 803, 819
- Ярослав Владимирович Осмомысл (ум. 1187), сын кн. Владимирко Володаревича, кн. галицкий
- Ярослав Всеволодович (1190–1249), кн. переяславский, новгородский, вел. кн. владимирский с 1238 г. 633, 646
- Ярослав Святополкович (ум. 1123), кн. владими́ро-во́лыньский 633
- Ярослав Ярославич (1230–1271), кн. тверской с 1247 г., вел. кн. владимирский с 1263 г. 639, 640
- Ясински М.Э.* 312, 852
- Яхонтов И. (ум. 1739), студент академического Университета 429
- Яцунский В.К.* 393, 864
- Antoniadis-Bibicou H.* 763, 864
- Bayer G.S., Th. S., см. Байер Т.З. (Г.З.)*
- Bercoff G. Brogi, см. Беркофф Дж.*
- Броджу*
- Besterman Th.* 590, 864
- Biernacki A.* 81, 864
- Black G.L.* 410, 864
- Blanc S.* 440, 864
- Boulainvilliers de, comte, см. Буленвилье А. де, граф де Сен-Сир
- Brutus L. Ju., см. Брут Л.Ю.*
- Cracraft J.* 278, 864
- Čerepnin L.V., см. Черепнин Л.В.*
- Černý V.* 702, 865
- Daniels R.* 440, 865
- Dubos J.B., см. Дюбо Ж.Б.
- Ekbo S.* 582, 865
- Falk K.O.* 582, 865
- Fontenelle de, см. Фонтенель Б. ле Бовье
- Foy de la Neville, см. Фуа де ла Невилль

Именной указатель

- Frötschner R.* 864
Geerds H.J. 865
Georgius Cedrenus, см. Георгий Кед-
рин
Giraud G., см. *Жиро́до Ж.*
Gouzevitch I., см. *Гу́зевич И.*
Hellmann M. 768, 769, 771, 865
Helmoldus, см. Гельмольд
Herberstain S., см. Герберштейн С.
Hoffman P., см. *Гофман П.*
Iggers G., см. *Иггерс Г.Г.*
Kämpfer F. 70, 865
Kirchner P. 348, 866
Kromer M., см. Кромер М.
Kulicka E. 82, 866
Kuttler W. 865
Lacombe J., см. Лакомб Ж.
Lortholary A. 589, 866
Magnan A., см. *Маньян А.*
Malingoudi J., см. *Малингу́ди Я.*
Mervaud M., см. *Мерво М.*
Mikucki S. 763, 866
Moiseeva T. 435, 866
Movillon Eleasar de, см. Мовийон
Элеазар де
Müller G.F., см. Миллер Г.Ф.
Müller L., см. *Мюллер Л.*
Nestesuranoi I, см. Руссе де Мисси Ж.
Obolensky D. 763, 866
Perry J., см. Перри Дж.
Pontoppidan E., см. Понтопидан Э.
Praetorius M., см. Преторий М.
Pritsak O., см. *Прицак О.*
Rakowiecki I. (1782–1839), польский
историк 771, 866
Rüsen J. 865
Schlözer A.L., см. Шлёцер А.Л.
Schulin T. 865
Sellius A., см. Селлий А.
Signorini S., см. *Синьорини С.*
Söderlind S. 581, 867
Sorlin I. 763, 867
Strahlenberg Ph.J., см. Стрален-
берг Ф.И.
Thulin A. 581, 867
Vernadsky G. 581, 867
Voltaire F.M., см. Вольтер Ф.М.
White H. см. *Уайт Х.*
Wiede A., см. Вид Антон
Wojtkowiak Z., см. *Войтковьяк З.*

Научное издание

Михаил Борисович Сverdлов

М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России

Корректор *И.Ю. Сумерина*

Оригинал-макет *Л.А. Философова*

Дизайн обложки *Е. В. Кудина*

Подписано в печать 03.10.2011. Формат 70×100 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 57,25

Тираж 1000 экз. Заказ № 1999

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7. Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.rossica.su

Отпечатано в типографии «Нестор-История»

198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21. Тел. (812)622-01-23